ИСТОРИЯ УКРАИНСКОЙ ССР

2

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛИЗМА. НАРАСТАНИЕ АНТИФЕОДАЛЬНОЙ И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ

/ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVII в. /

АКАДЕМИЯ НАУК
УКРАИНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ УКРАИНСКОЙ ССР

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю. Ю. КОНДУФОР (главный редактор),
И. И. АРТЕМЕНКО, Б. М. БАБИЙ, И. К. БЕЛОДЕД,
П. П. ГУДЗЕНКО, В. И. КЛОКОВ, Б. П. КОВАЛЕВСКИЙ,
С. В. КУЛЬЧИЦКИЙ (ответственный секретарь),
И. Ф. КУРАС, Н. Н. ЛЕЩЕНКО, А. В. ЛИХОЛАТ, И. И. ЛУКИНОВ,
И. Н. МЕЛЬНИКОВА, И. И. МИНЦ, А. Г. МИТЮКОВ,
А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, Б. А. РЫБАКОВ,
А. В. САНЦЕВИЧ (заместитель главного редактора),
В. Г. САРБЕЙ, Г. Я. СЕРГИЕНКО, Р. Г. СИМОНЕНКО,
И. С. СЛАБЕЕВ, П. С. СОХАНЬ (заместитель главного редактора),
Н. И. СУПРУНЕНКО, П. Т. ТРОНЬКО, И. С. ХМЕЛЬ,
В. П. ЧУГАЕВ, Ф. П. ШЕВЧЕНКО, А. Н. ШЛЕПАКОВ,
В. И. ЮРЧУК

«НАУКОВА ДУМКА»

ИСТОРИЯ УКРАИНСКОЙ ССР

ТОМ ВТОРОЙ

Развитие феодализма.
Нарастание антифеодальной
и освободительной борьбы
(Вторая половина XIII—
первая половина XVII в.)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. С. СЛАБЕЕВ (ответственный редактор),
В. А. ГОЛОБУЦКИЙ, А. А. ЗИМИН, Я. Д. ИСАЕВИЧ,
Н. Ф. КОТЛЯР (заместитель ответственного редактора),
Г. Я. СЕРГИЕНКО, Е. Ф. СИДОРЕНКО (ответственный секретарь),
Ф. П. ШЕВЧЕНКО

КИЕВ 1982

63.3.(2Ук)
И90

В книге освещается политическое и социально-экономическое положение Украины в период развитого феодализма, развертывание борьбы народных масс против социального и национального гнета, переросшей в конце XVI — первой половине XVII в. в крупные крестьянско-казацкие восстания. Исследуются процессы формирования украинской народности и укрепления связей между украинским, русским и белорусским народами, развития культуры украинского народа.

Редакция исторической литературы

И $\frac{0505040000\text{-}102}{M221(04)\text{-}82}$ подписное изд.

© Издательство «Наукова думка», 1982

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во втором томе «Истории Украинской ССР» освещается начальный период исторического развития украинского народа — период становления его как народности. Это период героической борьбы против иноземных поработителей, за воссоединение Украины с Россией. Хронологически книга охватывает вторую половину XIII — первую половину XVII в.— время от установления золотоордынского ига на Руси до освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг., положившей начало свержению иноземного владычества и приведшей к воссоединению Украины с Россией.

Книга начинается с изложения исторических событий, связанных с установлением тяжкого господства ордынских феодалов на восточнославянских землях. Зрелый этап развития феодальной формации, начавшийся на Руси на рубеже XII—XIII вв., характеризуется дальнейшим упрочением феодального способа производства и феодальных отношений, образованием крупной земельной собственности, нарастанием в народе объединительных тенденций, зарождением центров политической консолидации древнерусских земель и княжеств. Все эти прогрессивные процессы, знаменовавшие собой начало завершения периода феодальной раздробленности, на значительное время были прерваны вторжением на Русь кочевников, стоявших на более низком уровне общественного развития, чем древнерусская народность.

Верхним хронологическим рубежом тома являются 40-е годы XVII в. К этому времени завершилось формирование украинской народности, феодальная формация достигла высшей точки своего развития, полностью сложилось магнатское и шляхетское хозяйство нового типа, закрепощение крестьянства приобрело массовый характер. В эти годы социальный и национальный гнет на Украине достиг небывалых размеров. До предела обострились классовые противоречия, назревала всенародная освободительная война.

Отраженный в томе четырехсотлетний период был едва ли не самым тяжелым в истории братских восточнославянских народов — русского, украинского и белорусского, выросших из единого корня — древнерусской народности. Разрушительное монголо-татарское нашествие на Русь в 30—40-х годах XIII в. причинило огромный ущерб ее производительным силам и культуре, углубило феодальную раздробленность и затормозило начавшийся процесс политической консолидации русских земель.

Освещаемый период в истории украинского народа принадлежит к числу не только наиболее сложных, но и наименее изученных. Дореволюционные ученые основное внимание уделяли политической истории, меньше — экономической, оставляя, по существу, без внимания историю соци-

альную, этническую и культурную. Почти не были изучены классовая борьба и освободительные движения народных масс, а в немногих исследованиях по этой проблематике им дано одностороннее, а то и извращенное толкование. Немало вопросов, требующих глубокого изучения, остается еще и в советской историографии рассматриваемого в томе периода. В частности, недостаточно исследованы конкретные условия и процесс складывания украинской народности, не изучена ее культура на ранних этапах формирования. Не в полной мере разработаны и многие явления социально-экономической истории. Во многом это объясняется плохой сохранностью документальных источников, слабой изученностью материальной культуры рассматриваемого периода. Таким образом, перед авторским коллективом и редколлегией тома стояла весьма сложная задача.

Установившееся на Руси в XIII в. тяжкое иго Золотой Орды тормозило ликвидацию негативных последствий монголо-татарского нашествия. Золотоордынские ханы, стремившиеся удержать Русь под своим владычеством, пытались не допустить консолидации ее в единое и могущественное государство, проводили политику сохранения на русских землях феодальной раздробленности, разжигали феодальные усобицы, всячески препятствовали развитию политических, экономических и культурных связей между отдельными землями Руси. Они систематически грабили население, наложив на него огромную дань, вымогая уплаты многочисленных чрезвычайных платежей и выполнения повинностей, часто совершали набеги на отдельные русские земли, во время которых подвергали разрушению города и села, а население истребляли либо угоняли в рабство.

Борьбу за свержение золотоордынского ига возглавило Владимиро-Суздальское, затем Московское княжества — исторический центр формирования русской народности и складывания сильного Русского централизованного государства. В ходе героической освободительной борьбы, продолжавшейся 250 лет, русский народ нанес сокрушительный удар Золотой Орде и полностью сбросил с себя иноземное ярмо. Важное значение в свержении золотоордынского владычества имела победоносная Куликовская битва 1380 г. Активное участие в этой борьбе принимало и население украинских и белорусских земель.

Блестящая победа русского народа и образование могущественного Русского централизованного государства в конце XV — начале XVI в. имели огромное значение для исторических судеб не только русского, но и украинского и белорусского народов, для всех народов Восточной Европы. Единокровный русский народ, Русское государство стали притягательной силой для украинского народа, его верной опорой и союзником в длительной и тяжелой борьбе против иноземных поработителей.

Сильно ослабленная монголо-татарским нашествием, Юго-Западная Русь, как и другие русские земли, попала в зависимость от золотоордынских ханов. Тяжелым положением юго-западных русских земель не преминули воспользоваться соседние государства — Великое княжество Литовское, Польша, Венгрия и Молдавское княжество. После длительной борьбы им удалось сломить сопротивление местного населения и к концу XIV в. захватить украинские земли. Галичина и Западная Волынь стали добычей Польши, Восточная Волынь, Подолия, Киевщина и Черниговo-Северщина были включены в состав Великого княжества Литовского, Закарпатьем завладела Венгрия, Буковиной — Молдавия. В ходе ожесточенной борьбы между феодалами соседних государств за установление

своей власти на Украине снова и снова разрушались ее города и села, гибло мирное население, подрывалась экономика.

Борьба за украинские земли не закончилась их разделом в XIV в. Польские магнаты стремились прибрать к своим рукам и ту их часть, которая вошла в состав Великого княжества Литовского. Свои экспансионистские планы им удалось осуществить в 1569 г., когда в результате Люблинской унии оба государства объединились в одну державу — Речь Посполитую.

Господство иноземных поработителей, прежде всего польских феодалов, под властью которых оказалась большая часть украинских земель, отрицательно сказывалось на развитии производительных сил, культуры, тормозило формирование украинской народности. Польские, венгерские и другие феодалы видели в захваченных землях Украины лишь источник обогащения, а в украинском народе — даровые рабочие руки. Ко второй половине XVI в. на большей части территории Украины было установлено крепостное право, закрепощенные крестьяне лишены каких-либо прав, их судьба полностью зависела от магнатов и шляхты. По мере усиления феодально-крепостнического гнета происходило обнищание основной массы крестьянства. В очень тяжелом положении оказались мещане, прежде всего беднейшая их часть, составлявшая большинство городского населения. Они также страдали от усиления феодально-крепостнического гнета и произвола магнатов и городского патрициата. Вместе с иноземными угнетателями трудящееся население беспощадно эксплуатировали украинские феодалы. Вступив в классовый сговор с врагами, ставя превыше всего свои узкосословные интересы, они фактически предали свой народ. Значительная часть их довольно быстро полонизировалась и мадьяризировалась, сменила православную веру на католическую.

Стремясь закрепиться на захваченных украинских землях, навсегда утвердить здесь свое господство, иноземные поработители пытались уничтожить украинский народ как этническую общность, лишить его родного языка, культуры, обычаев, традиций, навязать ему католическую веру. Добиваясь поставленной цели, они делали все, чтобы сохранить и углубить разобщенность между отдельными украинскими землями, воспрепятствовать развитию экономических и культурных связей между ними. С этой же целью захватчики всячески мешали развитию разносторонних связей между Украиной и Россией, между украинским и русским народами. Верным союзником иноземных феодалов и активным проводником их политики, направленной против жизненных интересов украинского народа, выступала католическая церковь.

Тяжелое положение, в котором оказался украинский народ в результате порабощения соседними государствами, усугублялось турецко-татарской агрессией на украинские земли, объектом которой они стали с начала XV в. Алчные татарские феодалы, подстрекаемые султанской Турцией, вассалом которой являлось Крымское ханство, совершали все более частые и разрушительные вторжения на Украину, пользуясь тем, что ни литовское, ни польское правительства фактически не предпринимали эффективных мер для защиты южных границ своих государств. Крымские орды глубоко вторгались на украинские земли, неся смерть и разрушения. Они грабили и истребляли мирное население, угоняли в неволю десятки тысяч молодых, самых трудоспособных мужчин и женщин, юношей и девушек, а также подростков и детей, продавая их затем на невольничьих рынках

Крыма и Ближнего Востока. С начала XVII в. прямую агрессию на украинские земли начала и Османская империя.

Несмотря на крайне неблагоприятные условия, сложившиеся в результате иноземного порабощения и не прекращавшейся турецко-татарской агрессии, украинский народ, опираясь на помощь и поддержку братского русского народа, в длительной героической борьбе отстоял свое существование, сохранил свою самобытность. Упорным трудом народные массы не только залечили глубокие раны, нанесенные монголо-татарским нашествием и многочисленными войнами, которые Великое княжество Литовское, Польша и другие государства почти беспрерывно вели на территории Украины, преодолели тяжелые последствия систематических вторжений орд крымских феодалов, но и добились подъема производительных сил и культуры.

Развитие феодализма на Украине во второй половине XIV — первой половине XVII в. характеризуется важными качественными изменениями во всех сферах социально-экономической жизни. В сельском хозяйстве, составлявшем основу экономики Украины, совершенствовались земледельческие орудия, улучшалась техника обработки земли. Переход к трехпольной системе земледелия в основных сельскохозяйственных районах, все более широкое применение усовершенствованного плуга вместо сохи, начавшееся использование навоза для удобрения земли и другие нововведения привели к заметному увеличению урожайности, а следовательно, и к росту производства продукции, прежде всего хлеба. Повышение эффективности земледелия стимулировало как расширение посевных площадей в районах традиционного земледелия, так и распашку целины на окраинных юго-восточных и южных территориях, что также вело к увеличению валовых сборов зерна и другой земледельческой продукции. Возрастало значение животноводства, увеличивалось поголовье скота, все шире практиковалось разведение более продуктивных его пород. Развивались огородничество, садоводство, пчеловодство.

С повышением урожайности полей и увеличением в связи с этим продуктивности земледелия начался быстрый рост феодального земледелия, формировавшегося преимущественно путем насильственного обезземеливания крестьян, за счет щедрых великокняжеских и королевских пожалований, а также захвата и освоения «ничейных» земель. Господствующее положение во владениях феодалов заняла фольварочная система хозяйства, сложившаяся на протяжении второй половины XV—XVI в. Создание и развитие фольварков, где хозяйство основывалось на применении принудительного труда зависимого крестьянства, позволило феодалам неуклонно наращивать валовые сборы хлеба, все большая часть которого представляла собой товарную продукцию. Товаризация земледелия, прежде всего зерновой его отрасли, стимулировалась увеличением спроса на хлеб и другие продукты на внутреннем и особенно внешнем, западноевропейском, рынках. Прогрессирующее земледелие создавало прочную базу для подъема животноводства, также приобретавшего товарный характер, что обусловливалось ростом спроса на крупный рогатый скот, особенно волов, и продукцию животноводства как внутри страны, так и за рубежом, в Западной Европе.

Процесс товаризации производства и постоянное увеличение рыночного спроса способствовали возникновению и распространению в фольварках различных промыслов, главным образом на основе производимой в

них сельскохозяйственной продукции. Там, где позволяли условия, получили также развитие железорудный, поташный, селитроварный и другие промыслы. Важной статьей доходов феодалов стала рыба, разводившаяся в искусственных водоемах и вылавливаемая в озерах и реках.

Прогресс в сельском хозяйстве оказывал непосредственное и глубокое влияние на всю экономическую жизнь феодального общества. Крупный шаг вперед сделали ремесла, обеспечиваемые необходимым сырьем благодаря товаризации всех отраслей сельского хозяйства, развитию лесных, железоделательных и некоторых других промыслов в имениях феодалов. Возрождались и росли старые, возникали новые города, в которых концентрировалось ремесленное производство. Углубление и ускорение процесса отделения ремесла от сельского хозяйства и сосредоточение его в городах, представлявшее собой важнейшее явление в сфере материального производства, способствовало развитию ремесла как отдельной отрасли экономики. Возникали новые виды ремесла, внутри их происходила дифференциация, усиливалась профессиональная специализация производителей. В результате постоянно возрастал объем ремесленного производства, разнообразней и богаче становился ассортимент изделий, повышалось их качество. С развитием товарно-денежных отношений, вовлечением в их сферу все более широких масс населения. отделением ремесла от сельского хозяйства рос рыночный спрос на ремесленную продукцию. Это определило прогрессивпую тенденцию постепенного перерастания ремесла в мелкотоварпое производство. Производство на рынок начало превращаться в доминирующий фактор в развитии ремесла.

Одновременно с ремеслом развивались промыслы, увеличивались их количество и масштабы производства. Наибольшее распространение получили лесные, деревообрабатывающие, мельничный, железоделательный, литейный, селитроварный, стекольный, бумагоделательный, сукновальный, соляной, винокурный, пивоваренный промыслы. Их продукция сбывалась как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Особенно большим спросом за рубежом пользовалась продукция лесных (строительный лес, колоды. плахи, доски, клепка, поташ) и селитроварного промыслов. Наряду с феодалами в промыслах все более активную роль начинают играть купцы, мещане и зажиточные крестьяне. На рубеже XVI—XVII вв. складываются предпосылки возникновения мануфактурного производства.

Значительные сдвиги происходили в сфере торговли. В результате концентрации ремесленного производства в городах и уменьшения значения сельского хозяйства в их экономике все интенсивнее развивался товарообмен между городом и деревней. Продукция городских мастеров-профессионалов постепенно вытесняет в хозяйстве и быту изделия домашней промышленности и сельского ремесла. Узкие местные рынки постепенно утрачивают свою замкнутость, сливаясь в более крупные, расширяются и укрупняются торговые связи между отдельными землями Украины. Активизируются внешнеторговые связи, вывоз и ввоз товаров увеличивается, ассортимент их становится разнообразней. Расширяется география внешнеторговых связей Украины, непосредственные коммерческие отношения устанавливаются все с большим количеством стран Западной Европы, Средиземноморья, Востока. Особенно важное значение имело развитие торговли с Русским государством, способствовавшей сближению и укреплению всесторонних связей украинского и русского народов. Важное место занимала Украина и в транзитной торговле России с Западной

Европой и Ближним Востоком, а также Польши, стран Западной и Северной Европы — с Востоком.

С развитием торговли росло купеческое сословие. Несмотря на дискриминацию украинского православного населения городов, среди купцов, особенно средних и мелких, было немало лиц украинской национальности. Торговлей на внутреннем и внешнем рынках широко занимались многие феодалы. В торговле, особенно мелкой местной, важная роль принадлежала мещанам и крестьянам. Зажиточные мещане Киева и других украинских городов поддерживали активные торговые связи с Россией.

В неблагоприятных условиях чужеземного господства и наступления католицизма складывалась и развивалась украинская культура, прогрессировала общественная мысль. Несмотря на притеснения и гонения, во второй половине XVI — первой половине XVII в. значительные сдвиги произошли в развитии просвещения и распространении научных знаний. Важную роль в этом процессе сыграли Острожская и Львовская братские школы, Киевский коллегиум, ставший фактически первым высшим учебным заведением на Украине. Высокого для своего времени уровня развития достигли фольклор, литература, музыка, театр, изобразительное искусство, строительная техника, архитектура. Очень важную роль в развитии самосознания украинского народа, в борьбе против наступления католицизма на его культуру, язык и веру сыграла полемическая литература. Возникло и получило распространение книгопечатание, основоположником которого на Украине стал русский первопечатник Иван Федоров.

Знаменательным явлением в литературе и искусстве второй половины XVI — первой половины XVII в., положившим начало новому этапу их развития, было появление и усиление тенденции перехода от религиозных сюжетов и мотивов к светским, постепенный отказ от канонического, санкционированного церковью условного изображения образов, стремление к реалистической передаче индивидуального облика и духовного мира конкретных людей, к правдивому отображению окружающей действительности. Обостряющиеся классовые противоречия, растущее антифеодальное и освободительное движение стали ведущей темой в народном творчестве, прежде всего в фольклоре. Появились и получили широкое распространение новые его жанры — думы и исторические песни. В них воспевались патриотизм, беззаветная преданность народу, славились герои борьбы с классовыми врагами и иноземными захватчиками. Эти темы все глубже проникали также в литературу и творчество профессиональных художников.

В своей основе культура украинского народа близка к русской и белорусской, общие истоки их коренятся в культурных достижениях и традициях Древней Руси.

Укрепление и расширение культурных связей трех братских восточнославянских народов способствовало взаимообогащению их культур. В то же время украинская культура, как и русская и белорусская, творчески воспринимала все лучшее, прогрессивное, что было в культурах соседних народов, прежде всего славянских, достижения передовой западноевропейской культуры.

Украинская культура освещаемого периода, как и любая культура в антагонистическом обществе, имела классовый характер. По мере углубления социального неравенства и обострения классовых противоречий различия между самобытной материальной и духовной культурой широких

народных масс и культурой феодальных верхов становились все отчетливее. Культура господствующего класса, прежде всего магнатов и городского патрициата, стремившихся во всем подражать польским феодалам и богатым бюргерам, постепенно утрачивала многие национальные черты, а украинский язык уступал место польскому.

Исключительно важное значение для последующего развития украинского народа, его борьбы за освобождение от иноземного ига имело сплочение его в единую народность. К середине XVII в. процесс формирования украинской народности в основном завершился, определились границы ее этнической территории, сформировались единый язык, единая культура, сложилась общность характера, происходило укрепление экономических связей между отдельными землями Украины. По мере складывания украинской народности росло ее самосознание как этнической общности — один из важнейших факторов сплочения народных масс на борьбу за освобождение от иноземного порабощения. Формирование украинской народности происходило на этнической основе, сложившейся в период Древней Руси. На этой же единой основе и в тот же период сформировались русская и белорусская народности, что и определило особую близость трех восточнославянских народов как родственных этнических образований. В сознании русских, украинцев и белорусов всегда жили идеи общности происхождения и единства, ставшие мощным фактором в их стремлении к объединению в одном восточнославянском государстве.

В области социальных отношений также происходили глубокие изменения: разрушение общины, закрепощение и связанное с ним значительное усиление эксплуатации крестьян, полное лишение их юридических прав. Ухудшилось положение и трудящихся масс городов. Результатом этих социальных сдвигов явилось резкое обострение классовых противоречий и подъем антифеодального движения.

Одной из распространенных форм протеста трудящихся против возраставшего феодального гнета было массовое бегство угнетенных крестьян и беднейшего городского населения в окраинные южные и юго-восточные малозаселенные местности, где феодально-крепостнические отношения еще не получили развития. Побеги крестьян стали возрастать с конца XV в. и в дальнейшем приобрели массовый характер. Степные просторы, где оседали беглецы, входили ранее в состав Древнерусского государства, но во время монголо-татарского нашествия подверглись опустошению и почти обезлюдели. В последующее время эти богатые зверем и рыбой местности являлись местом сезонных отхожих промыслов охотников и рыбаков. Оседая на новых местах, беглецы осваивали пустующие земли, обзаводились хозяйством, занимались добычей зверя и рыбы, промышляли соль в лиманах северного побережья Черного моря. С развитием товарно-денежных отношений, экономических, прежде всего рыночных, связей между украинскими землями хозяйственное освоение края происходило ускоренными темпами, так как складывались все более благоприятные условия для сбыта производимой и добываемой здесь продукции, прежде всего скота, мехов, рыбы, меда, а также привозимой с юга соли не только на Среднем Поднепровье, но и за его пределами — на правобережных и западноукраинских землях, в Белоруссии, частично за границей.

В меру освоения и хозяйственного использования новых земель среди осевшего здесь населения происходила социальная дифференциация. Многие поселенцы уже в первой половине XVI в. превратились в зажиточных

хозяев, использовали наемный труд. Плодородные земли, осваиваемые беглыми, привлекали и феодалов, стремившихся завладеть ими с целью обогащения, закабалить свободное население, превратив его в бесплатную рабочую силу. Таким образом господствующий класс намеревался распространить здесь феодально-крепостнические порядки, сложившиеся в других районах Украины. Местное население, состоявшее в основном из беглых, решительно противодействовало хищническим поползновениям магнатов и шляхты.

Наступление феодалов, с одной стороны, и постоянная угроза разбойных нападений татарских орд — с другой, вынуждали поселенцев, численность которых быстро возрастала, защищать свою жизнь, свободу и имущество, с оружием в руках противостоять врагам, создать для этого эффективную военную организацию. Так на новоосваиваемых юго-восточных и южных землях во второй половине XV в. возникло казачество.

Усиливавшийся натиск феодалов вынуждал многих жителей уходить дальше на юг, за Днепровские пороги. Из осевших здесь людей в 30-х годах XVI в. образовалось запорожское казачество, возпикла Запорожская Сечь, сыгравшая важную роль в истории украинского народа.

Усиление феодально-крепостнического гнета и резкое ухудшение в связи с этим положения основной массы крестьянства и городского населения вынуждали угнетенных браться за оружие, открыто выступать против эксплуататоров. Особую остроту и размах классовая борьба приобрела с конца XVI в., когда она вступила в качественно новый этап. Конец XVI — первая половина XVII в. ознаменовались рядом мощных народных восстаний, охвативших значительную территорию и имевших исключительно упорный характер. По существу, это были крестьянско-казацкие войны, в которых принимали участие десятки тысяч обездоленных.

Одновременно с обострением классовой борьбы нарастало освободительное движение. Характерная особенность его заключалась в том, что оно тесно переплеталось с классовой борьбой. Движущей силой как антифеодальной, так и освободительной борьбы явилось крестьянство, составлявшее основную часть населения и находившееся в наиболее тяжелых условиях. По мере подъема освободительного движения росло и крепло стремление народных масс к сближению с братским русским народом, к воссоединению Украины с Россией. Выразителем народных чаяний выступали передовые общественные деятели и деятели культуры.

В антифеодальных выступлениях, прежде всего массовых народных восстаниях, и в освободительном движении активное участие принимало казачество. В отличие от казацкой старшины и зажиточного казачества казацкая беднота была последовательным и стойким борцом против эксплуататоров, за освобождение Украины от иноземного владычества. Отлично освоившее военное дело и хорошо вооруженное, рядовое казачество выступало в качестве организующей силы во время народных восстаний. Исключительно важная роль принадлежала казачеству, прежде всего запорожскому, в отражении турецко-татарской агрессии. В условиях, когда из-за бездеятельности польского правительства южные границы украинских земель были очень слабо защищены, казачество представляло собой фактически единственную реальную силу, эффективно противостоявшую захватчикам.

Экспансионистская политика польско-литовских и турецко-татарских феодалов, угрожавшая существованию украинского и белорусского паро-

дов, представляла также серьезную опасность для братского русского народа, для Русского государства. На протяжении XIV — первой половины XVII в. русскому народу приходилось неоднократно отражать агрессию Великого княжества Литовского, Польского королевства, а затем объединенной польско-литовской державы — Речи Посполитой, а также Швеции, султанской Турции и Крымского ханства, вынашивавших планы захвата русских земель, ослабления и даже ликвидации Русского государства. В борьбе против общих внешних врагов три родственных восточнославянских народа всегда действовали вместе, поскольку их коренные интересы совпадали. Народные массы Украины и Белоруссии оказывали активную поддержку и прямую помощь русской армии во время боевых действий ее против польско-литовских войск. Неоднократно запорожские и донские казаки совместно наносили чувствительные удары по Крымскому ханству и Турции, ослабляя тем самым турецко-татарскую агрессию на украинские и русские земли.

Трудящиеся массы России, Украины и Белоруссии были едины и в борьбе против феодального гнета. Многие выходцы из России и Белоруссии принимали участие в крестьянско-казацких восстаниях на Украине. В свою очередь, крестьяне и городская беднота Украины и Белоруссии присоединялись к русским крестьянам и мещанам, поднимавшимся на борьбу против угнетателей, как это имело место во время первой крестьянской войны в России в начале XVII в. под руководством И. И. Болотникова.

Антифеодальные восстания на Украине конца XVI — первой половины XVII в., являвшиеся одновременно и освободительными, были потоплены в море крови. Однако сломить волю народных масс, принудить их к рабской покорности, заставить отказаться от борьбы против социального и национального порабощения феодалам не удалось. Эти восстания, обогатившие народные массы опытом борьбы против угнетателей, были предвестником всенародной освободительной войны 1648—1654 гг., завершившейся историческим актом воссоединения Украины с Россией.

Авторами второго тома «Истории Украинской ССР» являются: В. А. Голобуцкий (§4 главы III, §3 главы V, § 2, 3, 5, 6, 7 главы VII); В. В. Грабовецкий (п. 3 § 1 главыVII); А. И. Дей (п. 1 § 2 главы IV, п. 1 § 3 главы VIII); Е. Н. Дзюба (п. 3, 4 § 3 главы III, § 1, п. 6, 8 § 6 главы VIII); Я. Д. Исаевич (п. 1 § 3 главы I, § 1 главы IV, § 8 главы VII, § 2 главы VIII); В. П. Колосова (п. 2, 3, 4, 5 § 3 главы VIII); Н. Ф. Котляр (§ 1, 4 главы I, § 1, 2, 3, 4 главы II, Заключение); Г. Н. Логвип (§ 4 главы IV); В. Л. Микитась (п. 2, 3, 4 § 2 главы IV); П. В. Михайлина (п. 2 § 3 главы I, § 2, 3 главы VI, п. 5 § 1 главы VII); Ю. А. Нельговский (§ 5 главы VIII); В. В. Панашенко (§ 4 главы V); Р. Я. Пилипчук (п. 2 § 3 главы IV, п. 2 § 4 главы VIII); В. М. Рычка (п. 1, 2, 3 § 6 главы VIII); Е. Ф. Сидоренко (§ 2 главы I, § 2 главы III, § 4 главы VI, п. 4, 5, 7 § 6 главы VIII); И. С. Слабеев (Предисловие); Б. А. Тимощук (п. 2 § 3 главы I); Б. М. Фильц (п. 1 § 3 главы IV, п. 1 § 4 главы VIII); Ф. П. Шевченко (п. 2 § 2 главы V, § 5 главы VI); И. М. Шекера (§ 1, п. 1, 2, 5, 6 § 3 главы III, § 1, п. 1 § 2 главы V, § 1, 3 главы VI, п. 1, 2, 4 § 1, 4 главы VII); И. Г. Шульга (п. 3 § 3 главы I).

Хронологический указатель составил В. И. Мезенцев, именной и географический указатели — Е. Н. Дзюба.

Цветные карты подготовили: Я. Д. Исаевич — «Украинские земли в конце XIV—XV в.»; Я. Д. Исаевич, И. М. Шекера — «Украинские земли в XVI — первой половине XVII в.». Схему торговых путей для карты «Украинские земли в XVI — первой половине XVII в.» составила Е. Ф. Сидоренко. Картосхемы крестьянско-казацких восстаний конца XVI — первой половины XVII в. составил И. М. Гапусенко. Научное редактирование карт осуществила Е. Е. Маркова.

Иллюстративный материал подобрали Е. П. Степанович, В. М. Рычка.

Научно-вспомогательную работу выполнили: Н. В. Борец, Е. Н. Дзюба, В. И. Мезенцев, В. М. Рычка, П. М. Сас, Н. В. Шевченко.

Авторский коллектив приносит искреннюю благодарность учреждениям и лицам, оказавшим ему помощь в создании этой книги.

Глава I

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЮЖНОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII— ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

История Украины является частью всемирно-исторического процесса. Ему свойственны общие закономерности экономической, социальной, политической и культурной жизни. Вместе с тем историческому развитию украинского народа присущ ряд специфических особенностей, которые раскрываются в ходе дальнейшего изложения.

«Батыев погром», как назвали современники кочевническое нашествие, принес неисчислимые бедствия народам Восточной Европы. На Руси надолго установилось тяжкое иноземное иго, затормозившее ее дальнейшее развитие. Ордынские завоеватели, систематически совершая опустошительные набеги на древнерусские земли, угнетали и грабили народные массы. Поэтому совершенно беспочвенны утверждения некоторых представителей реакционной буржуазной историографии о каком-то положительном влиянии господства отсталых кочевников на экономическое, политическое и культурное развитие Древней Руси. Ордынское иго было одной из причин того, что южнорусские земли в середине XIV в. оказались под властью польских, литовских и молдавских феодалов.

Владычество иноземных держав затруднило политическое, экономическое и культурное развитие находившейся в процессе формирования украинской народности. Оно усложнило ее контакты со складывавшимися русской и белорусской народностями, но не смогло воспрепятствовать им. Тесные взаимосвязи между одновременно формировавшимися тремя братскими народностями и взаимопомощь усиливались на протяжении всего рассматриваемого в этой главе периода и решающим образом повлияли на их исторические судьбы. Эти взаимосвязи и помощь способствовали развертыванию национально-освободительного движения на Украине, ставшего прологом освободительной войны 1648—1654 гг.

1. ЮГО-ЗАПАДНАЯ РУСЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV в.

Вторжение кочевников в Восточную Европу в 1237—1241 гг. сопровождалось разрушением производительных сил Руси. Опустошение территории и систематическое ограбление народа ордынскими правителями тяжело сказались на земледелии, ремеслах и торговле покоренных врагом земель. Экономика Руси, подорванная насилиями и постоянными поборами в пользу завоевателей, во второй половине XIII в. вступила в полосу глубокого упадка. Однако вражеское иго не смогло остановить процессы развития феодальных отношений на русских землях, хотя и затормозило их.

Завоевание Руси отсталыми в экономическом и социальном отношении кочевниками искусственно задержало эволюцию товарно-денежных отноше-

ний, на долгое время законсервировало натуральный способ ведения хозяйства. Этому способствовало и разрушение врагом центров ремесла и торговли — городов — носителей экономического прогресса. Множество южнорусских, как и других древнерусских городов было не только разрушено, но и опустошено: часть населения завоеватели перебили, многих ремесленников увели в плен. Набеги и грабительские поборы вражеских орд во второй половине XIII в. наносили большой вред сельскому хозяйству Юго-Западной Руси, а это препятствовало восстановлению экономических связей между городом и деревней.

Ордынское завоевание привело к усилению феодального гнета на Руси. Вынужденные отдавать ханам значительную часть феодальной ренты в виде дани, местные феодалы компенсировали потери, ужесточая эксплуатацию крестьянства.

Местные князья и крупные феодалы выступали проводниками ордынской политики. Их, в свою очередь, поддерживали ханы, помогая в подавлении антифеодальных выступлений, в условиях иноземного ига часто приобретавших антиордынскую направленность.

Отрицательное влияние иноземной «кормыги» (ига) сказывалось и в политическом плане. Нашествие завоевателей задержало начавшийся уже процесс консолидации древнерусских земель, углубило феодальную раздробленность. К. Маркс подчеркивал, что традиционная политика ордынских феодалов состояла в укрощении одного князя при помощи другого, в поддержке их свар, в приведении их сил в состояние равновесия, в том, чтобы не давать никому из них усиливаться [1].

Киевщина, Переяславщина и Черниговщина. Овладев в декабре 1240 г. Киевом, кочевники Батыя разорили город. В Суздальской летописи сказано: «Взяша Киев Татарове, и святую Софию разграбиша, и монастыри все ... а люди от мала и до велика вся убиша мечем» [1]. Но это сообщение северорусского летописца слишком уж категорично для того, чтобы полностью соответствовать истине. Киев не совсем обезлюдел. И на это указывает хотя бы тот факт, что в городе в 1241 г., вскоре после Батыева штурма, жил черниговский князь Михаил Всеволодович, а в 1245 г. Киев «обдержал» наместник суздальского князя. По-видимому, этого наместника видел в 1246 г. папский посол в Орду францисканец Иоанн де Плано Карпини. Из его рассказа известно, что Киев был значительным городом, с боярами и тысяцким. Карпини даже называет Киев столицей Руси. Сохранность многих сооружений Киева — Софийского собора, Михайловского, Выдубецкого и Печерского монастырей и других каменных строений — также свидетельствует о том, что враги не сравняли город с землей.

Безусловно, Киев и Киевская земля тяжело пострадали от войск Батыя. Часть населения была уничтожена врагом, многие, в особенности ремесленники, попали в плен. Но полного запустения Киева не произошло. Киевщина и в дальнейшем оставалась княжеством, а Киев — столицей Южной Руси. Современники и люди последующих поколений недаром считали Киев одним из главных политических, экономических и культурных центров восточнославянских земель второй половины XIII в. и последующего времени.

Накануне вражеского нашествия, в 1239 г., Киевом овладел Даниил Романович — князь Галицкий — и по-

[1] См.: *Marx K.* Secret diplomatic history of the eighteenth century. London, 1899, p. 80.

[1] Летопись по Лаврентиевскому списку. Спб., 1872, с. 447.

УКРАИНСКИЕ ЗЕМЛИ
в конце XIV–XV в.

МАСШТАБ 1:6 500 000

65 0 65 130 км

24° 28° 32° 36° 40° 52° 48° 44°

Пинск Туров Давид-Городок Мозырь Брагин Любеч Новгород-Северский Рыльск

Припять Днепр Десна Сейм

Камень-Каширский Дубровица Ковель Картарыйск Степань Олевск Овруч Чернобыль Чернигов Сосница Путивль

ЧЕРНИГОВО-СЕВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ

Бирин Хотень

Люблин Холм Любомль Красностав Грубешов Владимир Луцк Четвертня

ПОЛЬША ВОЛЫНЬ КИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ

Любачев Белз Ярослав Буск Олесько Львов Перемышль Городок Сянок Самбор Дрогобыч Стрый Галич Долина Коломыя Снятын Черновцы

Малин Вышгород Зелель Дубно Корец Острог Кременец Заслав Вишневец Збараж Коростышев Белгород (1363–1397 гг. и 1440–1471 гг.) с 1471 г. КИЕВСКОЕ ВОЕВОДСТВО) КИЕВСКОЕ КНЯЖЕСТВО Киев Васильков Триполье Житомир Чуднов Остер Прилуки Глинск Ромен Хотмыжск Сунеч Переяслав Лубны Полтава

ЗАПАДНАЯ ПОДОЛИЯ

Хмельник Сквира Канев Мошны Корсунь Черкассы Винница Брацлав Шаргород Ушица Каменец Колыстерин Смотрич Меджибож Летичев Ров Скала Теребовля Ушица Хотин Бакота Дашев

ВОСТОЧНАЯ ПОДОЛИЯ

Орель Самара Северский Донец Донецкое городище

ЗАКАРПАТЬЕ ВЕНГРИЯ Ужгород Мукачево Сигет Тиса

СЕВЕРНАЯ БУКОВИНА Сорокиты Сучава

МОЛДАВСКОЕ КНЯЖЕСТВО Днестр Прут Тигина Четатя Албэ Белгород Килия Дунай Хаджибей Очаков Днепр Тавань

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Молочная (в 1443 г.) Азов Ел

ДИКОЕ ПОЛЕ ХАНСТВО

РУССКОЕ (ЧЕРНОЕ) МОРЕ

Перекоп Сурожское (Азовское) море

КРЫМ

Керчь Солхат (Старый Крым) Феодосия Судак Каламита (Инкерман) Мангуп (Феодоро) Алушта (Сурож)

МОРЕ

32° 36° 40° 48°

Владения Великого княжества Литовского

Земли, присоединенные к Великому княжеству Литовскому
- при правлении Гедимина (на 1341 г.)
- при правлении Ольгерда (1345–1377 гг.)
- при правлении Витовта (1392–1430 гг.)

Земли Галицко-Волынского княжества, которые входили в состав Великого княжества Литовского в 1363–1402 гг. и в 1411–1430 гг.

Владения Королевства Польского

Земли Галицко-Волынского княжества, захваченные феодальной Польшей во второй половине XIV в.

Генуэзские колонии (до 1475 г.)

Княжество Феодоро (до 1475 г.)

I Земли, захваченные Османской империей в 1474–1475 гг.

Районы антифеодальных крестьянских восстаний

Границы государств (на 1465 г.)

Границы удельных княжеств, земель, воеводств

Киев Центры удельных княжеств, земель, воеводств

Лубны Другие населенные пункты

Главные торговые пути

Современные границы Украинской ССР

УКРАИНСКИЕ ЗЕМЛИ
в XVI—первой половине XVII в.

МАСШТАБ 1:6 500 000

65 0 65 130 км

24° в Берестье 28° 32° 36° 40° 45° 52°

ЧЕРНИГОВО-СЕВЕРЩИНА

СЛОБОЖАНЩИНА

ЗАПОРОЖЬЕ

ВОЛЫНСКОЕ ВОЕВОДСТВО

ПОДОЛЬСКОЕ ВОЕВОДСТВО

ПОДЛАВСКОЕ ВОЕВОДСТВО

ПОЛЕСЬЕ

ПОДЛЯШЬЕ

ПРИПЯТЬ

ЧЕРНОЕ МОРЕ

АЗОВСКОЕ МОРЕ

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО

Великое княжество Литовское до 1569 г.

Королевство Польское до 1569 г.

Украинские земли, захваченные феодальной Польшей в 1569 г.

Великое княжество Литовское после 1569 г.

Границы между Великим княжеством Литовским и Русским государством в 1503, 1508, 1537 гг

Границы между Велнким княжеством Литовским и Королевством Польским до 1569 г

Границы между Великим княжеством Литовским и Королевством Польским в составе Речи Посполитой

Изменение границ между Речью Посполитой и Русским государством по Деулинскому перемирию 1618 г.

Изменение границ между Речью Посполитой и Русским государством по Поляновскому договору 1634 г.

Границы государств

Границы воеводств

Торговые пути

Названия воеводств, одноименные с их центрами, не приводятся

Современные границы Украинской ССР

Киев — Центры воеводств

Винница (1541) — Места и годы важнейших антифеодальных выступлений

Немиров (1625) — Братства, даты образования

Цифрами на карте обозначены:

1 Торчин
2 Ровно
3 Староконстантинов
4 Летичев
5 Хмельник
6 Коростышев
7 Володарка
8 Белогородка
9 Боярка
10 Ракитное
11 Бровары
12 Триполье
13 Мошны
14 Монастырище

садил в городе своего наместника Дмитрия. Он так храбро сражался с врагом во время обороны города в декабре 1240 г., что Батый сохранил ему жизнь «мужьства ради его» [1]. После возвращения войск Батыя из похода в Силезию, Венгрию и Моравию в 1243 г. завоеватели поставили старшим князем на Руси Ярослава Всеволодовича Суздальского, который, по-видимому, в том же году посадил в Киеве своего наместника — боярина Дмитрия Ейковича.

После гибели Ярослава в Монголии в 1246 г. его сын Александр Невский получил от Батыя право «на Киев и всю Руськую землю»[2]. Однако так же, как и отец, Александр по возвращении из Орды не осел в Киеве, а уехал княжить в Новгород. Вместе с тем Густинская летопись, составленная в первой половине XVII в., называет под 1263 годом Александра Ярославича князем «московским и киевским». Точно так же именует этот источник преемника Александра на суздальском великокняжеском престоле Ярослава Ярославича (умер в 1272 г.). Но Киев и Киевская земля лишь номинально считались владениями суздальского князя; на самом деле ни Ярослав, ни Александр не сидели в городе, удовлетворяясь формальным признанием их власти киевским боярством.

После Ярослава Ярославича источники не упоминают ни об одном киевском князе последней четверти XIII в. Существует предположение, что Киевская земля не имела тогда княжеской власти, а разделялась на ряд отдельных сельских и городских общин, подчиненных непосредственно ордынским баскакам. В частности, в таком подчинении, по свидетельству Плано Карпини, находился Канев с округом. О тяжелом положении Киева и Киевщины под гнетом иноземных феодалов свидетельствует рассказ Суздальской летописи о том, что в 1300 г. «митрополит Максим, не терпя Татарського насилья, оставя митрополю и збежа ис Киева, и весь Киев разбежалъся» [1].

Ордынские правители облагали покоренное население южнорусских земель множеством налогов и повинностей. В грамотах ханов Золотой Орды второй половины XIII — начала XIV в. содержится перечень этих налогов и повинностей: дань, мыто, плужное (земельная подать от плуга), подводное и корм (перевозка и содержание ханских чиновников), война и ловчее (обязанность идти в поход или на охоту с татарами) и пр. Завоеватели собирали дань не только деньгами, но и натурой — продуктами земледелия, животноводства, охоты. Например, жителей Болоховской земли, смежной с Киевщиной, «оставили (помиловали.— *Ред.*) ...Татарове, да им орють пшеницю и проса» [2].

Кроме обычных поборов, взимавшихся ежегодно, захватчики время от времени собирали чрезвычайную дань, даже людьми, которая особенно тяжким бременем ложилась на плечи покоренного народа. Плано Карпини рассказывает, как на его глазах завоеватели забирали на Руси в рабство одного из трех сыновей, а также неженатых мужчин, одиноких женщин и стариков. Все прочие должны были дать по шкуре медведя, черного бобра, хоря и черной лисицы. Тот, кто не мог уплатить эту грабительскую дань, сам попадал в неволю.

Скудость письменных источников не позволяет подробно осветить внутриполитическое положение Киевской земли первой половины XIV в. По отрывочным и неопределенным све-

[1] Летопись по Ипатскому списку. Спб., 1871, с. 521, 523.
[2] Летопись по Лаврентиевскому списку, с. 448.

[1] Летопись по Лаврентиевскому списку, с. 461.
[2] Летопись по Ипатскому списку, с. 526.

дениям белорусско-литовских летописей, в первой половине XIV в. в Киеве вновь появились князья, но трудно установить не только последовательность их княжений, но и то, постоянно ли они сидели в Киеве. Нелегко определить даже точную дату присоединения Киевщины к Великому княжеству Литовскому. Возможно, какая-то часть киевских земель была захвачена литовскими феодалами еще при Гедимине (1316—1341). Это предположение подтверждается известием Новгородской летописи о том, что в начале 30-х годов XIV в. в Киеве сидел князь Федор — литовец по происхождению, поставленный, по мнению исследователей, литовским правительством. Нет сомнений и в том, что тогда же литовский князь на Киевщине делил власть с ордынскими феодалами: в 1331 г. в Киеве рядом с князем Федором видим баскака. В начале 60-х годов XIV в. усилившееся Великое княжество Литовское вступает в открытый вооруженный конфликт с Ордой и закрепляется на Поднепровье.

Подобно Киевской, Переяславская земля во второй половине XIII в. находилась в тяжкой зависимости от ордынских ханов. Источники дают основания считать, что на Переяславщине в упомянутое время не существовало княжеской власти. Об этом свидетельствует, в частности, эпизод, описанный галицким летописцем. Когда в 1245 г. Даниил Романович по пути в Орду проезжал Переяслав, то «сретоша (встретили. — *Ред.*) и [его] Татарове» [1], а не переяславский князь, как полагалось. Источник не упоминает князя скорее всего потому, что его в то время на Переяславщине вообще не было. Можно думать, однако, что время от времени в Переяславе все же сидели князья, на что указывает хронологически нечеткое известие Любецкого синодика о переяславском князе Иване Дмитриевиче, которое относят к рубежу XIII и XIV вв. Какого-то переяславского князя по имени Олег называет белорусско-литовская «Хроника Быховца» в эпизоде, относящемся к началу XIV в.

В 1239 г. войско Батыя штурмом взяло и сожгло Чернигов. Завоеватели овладели также Новгород-Северским, Глуховом и другими городами Черниговской земли. Еще до этого, напуганный известиями о приближении полчищ Батыя, черниговский князь Михаил Всеволодович вместе с сыном Ростиславом подался в Венгрию. Но венгерский король Бела IV отказал князьям в приюте, и они нашли его у своего давнего врага князя Даниила Галицкого. Перед лицом внешней опасности тот забыл оскорбления, нанесенные ему Михаилом, и дал Ростиславу «держать» Луцк, а Михаилу обещал поддержать его претензии на Киев («обеща ему Киев»). Когда же орды кочевников ворвались на Поднепровье, Михаил, убедившись в крахе своих надежд сделаться киевским князем, вместе с сыном ушел в Польшу.

После того как полки Батыя огнем и мечом прошли Юго-Западной Русью, Михаил вокняжился в Киеве, а Ростислав сделал попытку утвердиться в Чернигове. В 1241 г., воспользовавшись слабостью политической власти на южнорусских землях вообще и выступлением галицкого боярства против Даниила, Ростислав Михайлович вторгся в галицкое Понизье (Южную Подолию), но не смог взять Бакоту и отступил за Днестр. Народные массы Галицкого княжества не поддержали авантюриста и боярского приспешника Ростислава. Даниил Романович отомстил феодалам, и не только за сговор с Ростиславом, но и за позорную поддержку ими завоевателей. Об этом ярко рассказывает галицкий летописец: «Слышав же Даниил приход Ростиславль со князя Болоховъски-

[1] Летопись по Ипатскому списку, с. 535.

ми * на Бакоту, абъе устремися на не: грады их огневи предасть и гребля их раскопа... Данил же на не (болоховских князей.— *Ред.)* болшую вражьду держа, яко от татар болшую надежду [они] имеаху» [1].

В 1242 г. Ростислав Михайлович после неудачной попытки закрепиться в Галичине бежал в Венгрию, где в 1243 г. женился на дочери короля Белы. Тем временем Михаил Всеволодович правил в Чернигове. В 1245 г. он вновь появляется на политической арене, проведывает сына в Венгрии, но венгерский король и Ростислав «чести ему не створиста; он же разгневался на сына, возвратился Чернигову» [2].

С конца 1242 г. русские князья начинают ездить в Орду за «ярлыками» на княжение, враждуя друг с другом и стремясь захватить как можно большие владения. Мало кто из них при этом учитывал народные интересы. Так поступил и Михаил Всеволодович. Около 1245 г. он поехал в Орду, и не столько ради подтверждения своих прав на Чернигов, сколько для того, чтобы отнять у Ярослава Суздальского Киев. Но честолюбивым надеждам Михаила Всеволодовича не суждено было осуществиться. По приказу Батыя его убили. Летописец объясняет смерть черниговского князя отказом исполнить языческий обряд — пройти через огонь. Но настоящей причиной убийства было то, что в борьбе за первенство на Руси между суздальским князем Ярославом и черниговским Михаилом верный своей политике разобщения древнерусских земель Батый счел более выгодным поддержать первого.

В течение первой половины 40-х годов XIII в. Черниговская земля была окончательно покорена Батыем. Большинство населения черниговских уделов оказывало героическое сопротивление кочевникам, отголоском которого являются известия о казни в Орде ряда черниговских князей, возглавивших народно-освободительное движение. В 1241 г. там погиб Мстислав Святославич Рыльский, а в 1245 г., почти одновременно с Михаилом Всеволодовичем, ордынскими правителями был убит другой черниговский князь — Андрей Мстиславич.

В 1255 г. в Черниговской земле, так же, как и в других древнерусских землях, завоеватели провели перепись населения с целью обложения его данью. Непомерная сама по себе, эта дань взималась с необыкновенной жестокостью. Всей своей тяжестью она легла на плечи народных низов, эксплуатируемого местными феодалами бесправного крестьянства и мещанства. В 1283 г. ордынский баскак Ахмат разорил и рассеял жителей северной части Черниговской земли.

Под властью ордынских феодалов Черниговская земля дробится на множество уделов и приходит в упадок. В то время как на других русских землях к концу XIII в. уже заметны признаки консолидации, в Черниговской земле раздробленность усиливается. Власть великого князя становится номинальной, он превращается в обычного ордынского надсмотрщика над многочисленными удельными князьями. Лишь отдельные великие князья, опиравшиеся на освободительное движение народных масс, смогли сыграть заметную роль в политической истории Черниговской земли второй половины XIII в. Прежде всего — это Роман Старый, сын Михаила Всеволодовича.

Отстаивая Черниговщину от пытавшихся захватить ее литовских феодалов, Роман в 1263 г. разбил литовское войско за Днепром. В следую-

* Так летописец именует бояр Болоховской земли, располагавшейся на восточных рубежах Галицко-Волынского княжества, которые вместе с галицкими боярами выступили на стороне Ростислава против Даниила.

[1] Летопись по Ипатскому списку, с. 526—527.

[2] Там же, с. 528—529.

щем году он вновь нанес поражение литовским феодалам, «сам же ранен бысть... и показа мужьство свое» [1]. В конце 1275 г. Роман Михайлович помогал Льву Даниловичу Галицкому в войне против Литвы. Черниговский князь, будучи дальновидным политиком, стремился сдержать натиск литовских князей на Русь, ибо понимал, что усиление Литовского княжества создавало угрозу нового завоевания для южнорусских земель — на этот раз с запада.

Одновременно Роман Михайлович старался сохранить пусть и ограниченный суверенитет Черниговского княжества. В 1286 г. черниговское войско осуществило успешный поход против угрожавшего Черниговской земле Смоленского княжества «и посад пожже, и ко граду (Смоленску.— *Ред.*) приступа, и власти (волости.— *Ред.*) и села повоева, и отъиде восвояси»[2]. Роман Михайлович, стремившийся к независимости от Орды, пользовался авторитетом на Руси. Когда в 1275 г. ордынцы двинулись на Литву, Роман, вопреки их требованию, не пошел вместе с ними. Уклонялся он и от участия в других грабительских экспедициях вражеских войск. Подобная политика черниговского князя не могла не вызвать недовольства хана. На рубеже 80-х и 90-х годов XIII в. Роман умер. Согласно одному источнику, его убил «царь в Орде».

Однако даже индивидуально ярким личностям и видным политикам типа Романа Старого было не под силу остановить или хотя бы замедлить дальнейшее дробление Черниговской земли, ее политический кризис, приведший на переломе XIII и XIV вв. к значительным территориальным потерям.

Во второй половине XIII — в начале XIV в. на Черниговщине возникло множество мелких удельных княжеств: Белевское, Одоевское, Воротынское, Карачевское, Козельское, Мосальское, Звенигородское, Тарусское, Баратынское, Оболенское, Спашское, Млинецкое, Волоконское и др. Уменьшилась территория старых черниговских уделов: Курского, Рыльского, Путивльского. Пришли в упадок собственно Черниговское и Новгород-Северское княжества. Центр политической жизни Черниговской земли переместился в Брянское княжество. В Брянск была перенесена из Чернигова и епископская кафедра. Значительная часть раздробленной на слабосильные удельные княжества Черниговщины в середине XIV в. была захвачена литовскими феодалами.

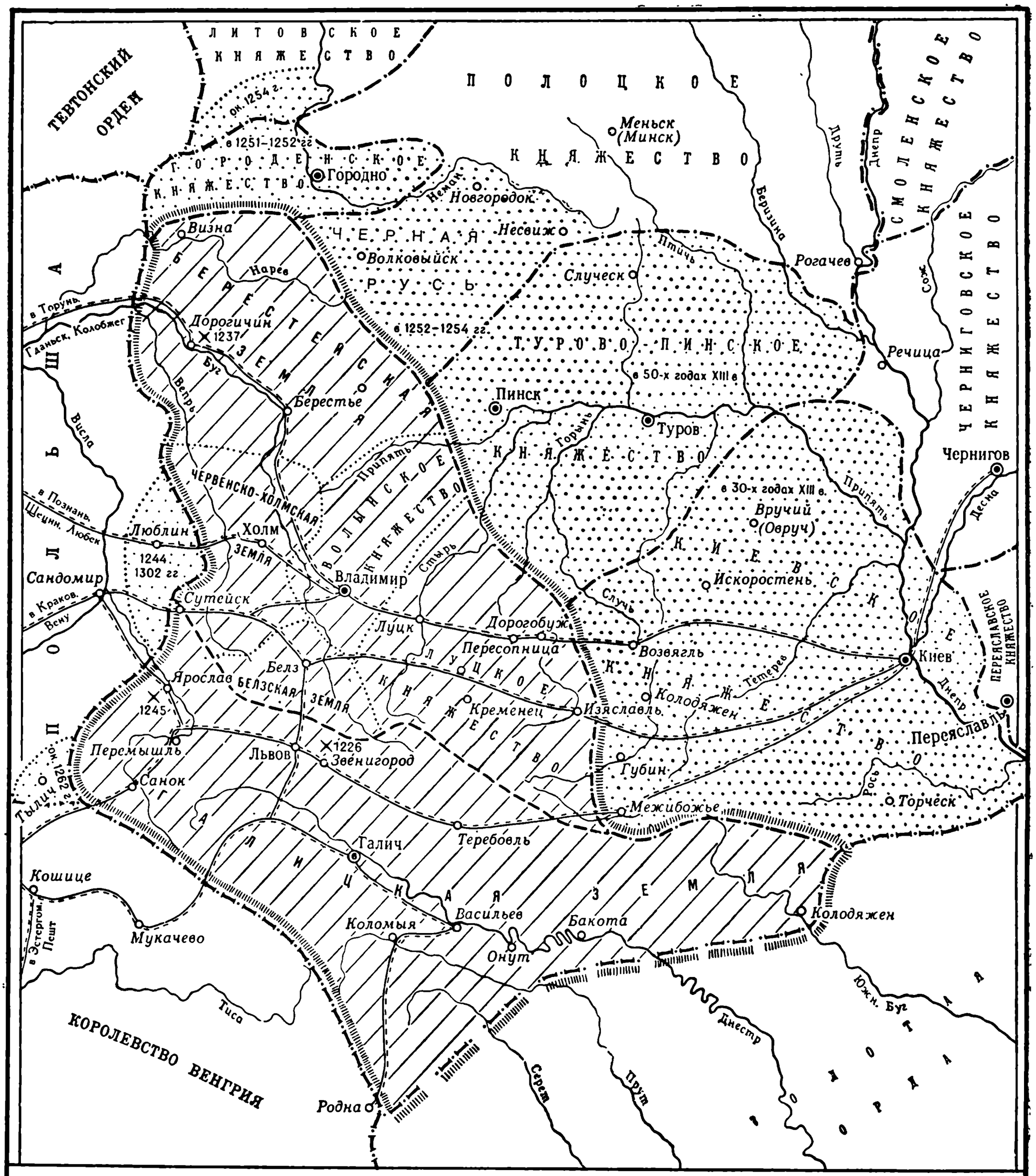
Возвышение Галичины и Волыни. Незадолго до нашествия орд Батыя Даниил Романович сломил боярскую оппозицию и в 1238 г. с триумфом вступил в Галич, где его радостно встретили горожане. Галицкие бояре были вынуждены просить прощения у Даниила за измену («яко согрешихом ти, иного князя держахом» [1]). Победа Даниила над мятежным и могущественным галицким боярством означала объединение Галицкой земли с Волынской. В борьбе против феодальной оппозиции княжеская власть опиралась на дружину, городские верхи и мелкое боярство. Народные массы, больше всего страдавшие от феодальных «котор» (свар), решительно поддерживали объединительную политику Даниила. Развивая военный успех, галицко-волынское войско продвинулось на восток и в 1239 г. овладело Киевом. Но этот успех был кратковременным.

Надвигалась гроза с Востока. Узнав о приближении орд Батыя, Да-

[1] Летопись по Ипатскому списку, с. 569.

[2] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Спб., 1885, с. 166.

[1] Летопись по Ипатскому списку, с. 518.



ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЕ КНЯЖЕСТВО В XIII в.

65 0 65

Территория Галицко-Волынского княжества в середине XIII в.

Территории временных владений Галицко-Волынского княжества (с указанием годов)

Стольные города и границы княжеств

Главные торговые пути

Границы составных частей Волынской земли

×1237 Места и годы важнейших сражений русских войск с внешними врагами

ниил Романович вместе с сыном Львом едет в Венгрию и стремится заключить оборонительный союз с Белой IV. Однако дипломатическая миссия Даниила окончилась неудачно. Бела IV не стал помогать ему, надеясь, что Венгрию кочевники обойдут стороной. Не найдя поддержки у венгерских феодалов, Даниил выехал в Польшу, так как на Волыни уже хозяйничали завоеватели.

Вскоре после того как орды Батыя, пройдя через южнорусские земли, вторглись в Польшу и Венгрию, Даниил Романович вернулся на Волынь. Смерть и разрушения встретили его на земле отцов. Страшную картину уничтожения варварами населения городов Волынского княжества нарисовал галицкий летописец: «Данилови же с братом (Васильком.— *Ред.*) пришедшю ко Берестью, и не возмогоста ити в поле, смрада ради множества избъеных; не (никто.— *Ред.*) бе бо на Володимере не остал живый, церкви святой Богородицы исполнена трупья, иные церкви наполнены быша трупия и телес мертвых»[1].

Вновь подняли головы мятежные галицкие и волынские бояре. Когда Даниил прибыл к Дорогичину, феодалы не впустили его в город. Галичина вновь вышла из-под руки великого князя: власть в Галиче захватил богач Доброслав, «судьич, попов внук», как пренебрежительно называет его галицкий летописец. В то же время давний враг Романовичей боярин Григорий Васильевич засел в Перемышле, «собе горную страну Перемышльскую мысляше одержати, и бысть мятеж велик в земле и грабеж от них (т. е. от бояр.— *Ред.*)» — с горечью пишет летописец [2].

Господство бояр и «неродовитых» людей в Галичине было неслыханным в то время нарушением феодальной иерархии. Но самое главное, они еще больше разоряли страну, и без того опустошенную завоевателями. Доброслав Судьич, как настоящий князь, раздавал волости, и не только галицким, но и черниговским боярам. Это вызывало возмущение народа.

Между тем не прекращалась борьба боярских группировок во главе с Григорием и Доброславом. Это, в конечном счете, заставило каждую из них искать поддержки у Даниила Романовича. Воспользовавшись благоприятным моментом, когда Григорий и Доброслав приехали к нему на третейский суд, он бросил обоих в тюрьму («повеле... изоимати»[1]). Так Даниил вернул себе Галич. Народ приветствовал возвращение князя в Галич, но феодалы не прекратили борьбы против центральной власти.

В 1243 г. ставленник боярской оппозиции Ростислав вновь ненадолго захватил Галич. Изгнанный Даниилом и Васильком, он получил поддержку и помощь у венгерского короля Белы IV и польского князя Болеслава Стыдливого. Но Даниил и Василько в союзе с мазовецким князем Конрадом организовали поход на Польшу. Волынские и галицкие полки действовали на широком фронте от Люблина до Вислы и Сана. Кампания окончилась тем, что Даниил молниеносным маршем на Люблин вывел польского короля из игры.

Дело постепенно шло к решительному столкновению Даниила Романовича с Ростиславом, которого поддерживала также часть галицкого и черниговского боярства. Зато на стороне Даниила были дружинники, мелкое боярство, городские верхи. Князя поддержал и трудовой народ Галичины и Волыни, страдавший от междоусобиц и произвола феодалов,

[1] Летопись по Ипатскому списку, с. 524.
[2] Там же, с. 525.

[1] Летопись по Ипатскому списку, с. 525—526

которые истребляли и разоряли своих подданных.

В 1244 г. Ростислав, выпросив у своего тестя Белы IV «угор много», двинулся на Перемышль, разбил небольшое войско, находившееся там, но при появлении главных сил Даниила был вынужден отступить в Венгрию. Через год Ростислав вновь вторгся в Галичину во главе венгерских, польских и русских (выставленных непокорными Даниилу боярами) полков. Его войско овладело Перемышлем и осадило город Ярослав, расположенный в Западной Галичине. Пока Ростислав вместе с венгерским воеводой (баном) Фильнием вел осаду Ярослава, на выручку городу поспешили Даниил и Василько Романович во главе «воев» своих, основную массу которых составляло народное ополчение.

17 августа 1245 г. под Ярославом произошла генеральная битва. Даниил Романович проявил себя как талантливый полководец. Обойдя врага с фланга, он ударил в тыл войску Ростислава и разгромил венгерский рыцарский полк Фильния. Венгры побежали, за ними пустились польские и другие отряды Ростислава. Победа галицко-волынских дружин была полной. В плен попали почти все вражеские военачальники, и лишь Ростиславу удалось бежать в Краков. Даниил приказал казнить жестокого угнетателя Галичины венгерского бана Фильния и многих боярских предводителей.

Битва под Ярославом подвела черту под сорокалетней борьбой галицко-волынских князей против боярской олигархии. Победа Даниила Романовича объясняется тем, что он опирался на мелкое служилое боярство, зажиточных купцов, ремесленников, а главное, его поддержали горожане и широкие слои сельского населения, недовольные боярским произволом.

Оппозиция государственной власти в Галицко-Волынском княжестве была побеждена, но не искоренена окончательно. Борьба с боярством продолжалась и в дальнейшем. Однако после битвы под Ярославом государство могло уже решительно и открыто подавлять боярские выступления, для чего раньше не хватало сил. Поддержка народных масс сделала возможным окончательное объединение Галичины и Волыни.

Теперь Даниилу кроме Галичины принадлежала и часть Волыни: земли Дорогичинская, Белзская и Холмская. Василько держал Владимир вместе с большей частью Волыни. Но этот раздел земель между Романовичами следует считать формальным, поскольку братья фактически были соправителями. Недаром летопись называет обоих «велиции князи». Правда, Даниил благодаря своим выдающимся государственным, дипломатическим и военным способностям был первым в слаженном дуэте Романовичей.

Усилиям правительства Галицко-Волынского княжества в деле объединения южнорусских земель, в его борьбе против мятежного боярства мешала неблагоприятная международная обстановка, прежде всего ордынское иго. Вскоре после Ярославской битвы, осенью 1245 г., хан обратился к Даниилу с требованием: «Дай Галич!», т. е. Галицкую землю. О Волыни пока что умалчивалось. Как рассказывает Галицкая летопись, Даниил, посоветовавшись с братом, сказал: «Не дам полуотчипы своей, но еду к Батыеви сам» [1].

26 октября 1245 г. Даниил Романович выехал в Орду. Его томили тяжелые предчувствия. Батый встретил галицко-волынского князя знаками высокого внимания, но Даниил и его свита хорошо понимали свое настоящее положение. С горечью повторяет летописец обращенные к Да-

[1] Летопись по Ипатскому списку, с. 535.

ниилу слова Батыя, потчевавшего его кумысом: «Ты уже наш же, татарин: пий наше питье». И далее в летописи читаем: «О злее зла честь татарьская! Данилови Романовичю, князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею... ныне седить на колену, и холопом называеться, и дани хотять» [1].

Ценой признания зависимости от Батыя Даниил сумел сохранить целостность Галицко-Волынского княжества («и поручена бысть земля его ему, иже беаху с ним»). Зависимость эта пока оставалась формальной, и Даниил Романович выиграл время для подготовки к борьбе против Орды, а также для упрочения своей власти в Южной Руси. Он решил основать в Галиче митрополию и назначил митрополитом своего сподвижника — «печатника» (канцлера) Кирилла.

Успешное завершение поездки Даниила к Батыю повысило авторитет князя в Европе. Венгерский король Бела IV, накануне нашествия кочевников не пожелавший помочь Даниилу, уже в 1246 г. обратился к нему с предложением о союзе, который должен был быть скреплен браком Льва, сына Даниила, с Констанцией, дочерью короля. Галицкий летописец объясняет дипломатический шаг короля страхом перед Даниилом: «Бояшебося его, яко был бе в Татарех, победою победи Ростислава и Угры его» [2]. Сам Бела IV в письме к папе Иннокентию IV мотивировал брак своей дочери со Львом Даниловичем необходимостью совместных действий против Орды.

У Белы IV была и другая причина искать союза с Даниилом. Весной 1246 г. венгерский король начал войну с Австрией и нуждался в сильном союзнике. Поэтому Бела IV оставил намерение посадить в Галичине своего зятя Ростислава, сделав его наместником вначале Славонии, а затем и Мачвы — земли, расположенной между реками Дунаем, Дриной, Савой и Моравой. Так сошел с русской политической арены давний враг Романовичей, представитель черниговской династии и лидер феодальной оппозиции в Галичине.

Даниил настороженно отнесся к предложению венгерского короля. Но стратегические соображения понуждали галицко-волынского князя к примирению с Венгрией, ибо он вынашивал мечту создать единый фронт европейских держав против Орды. Переговоры с Белой IV окончились заключением союза и женитьбой Льва Даниловича на венгерской королевне. В лице венгерского короля Даниил приобрел пусть и ненадежного, но все же союзника в неминуемой борьбе против поработителей.

Когда Даниил Романович сделался «мирником» Батыя (в подобную деликатную форму облекает галицкий летописец его зависимость от Орды) и заключил союзный договор с Венгрией, его репутация в Европе значительно повысилась. На Галичину и Волынь обратила внимание римская курия, надеясь распространить в этих землях католичество.

Папскому легату (послу) к Батыю, опытному дипломату Плано Карпини римская курия поручила начать переговоры с галицко-волынскими князьями. В начале 1246 г. Карпини побывал во Владимире, где ознакомил Василька с содержанием папской буллы от 25 марта 1245 г., призывавшей укреплять обороноспособность государств на случай нового ордынского нашествия. Даниил тогда находился у Батыя. По пути в Орду, между Днепром и Доном, Карпини встретился с Даниилом и рассказал ему о желании Рима вступить с ним в переговоры. Даниил ответил согласием.

Вступая в контакты с курией, Даниил Романович исходил из обеща-

[1] Летопись по Ипатскому списку, с. 536.
[2] Там же, с. 537.

ния папы Иннокентия IV поддержать его в борьбе против завоевателей. Но в ходе переговоров постепенно выяснилось, что папа печется не столько о помощи галицко-волынским князьям против Орды, сколько о насаждении католичества на Руси. В 1246 г. папа назначил своим легатом на Руси прусского архиепископа Альберта «для искоренения греческих обычаев и обрядов», как откровенно заявил глава всех католиков в одной из обращенных к Даниилу булл. Понятно, что ни Даниил с Васильком, ни его окружение не желали принять католическую веру. Даниил не пустил папского легата в княжество и послал в Рим письмо с решительным протестом.

Дальнейшие переговоры Даниила с папой обнаружили значительные различия в намерениях сторон. Галицко-волынские дипломаты твердо настаивали на организации Иннокентием IV антиордынской коалиции в европейском масштабе, т. е. требовали объявления крестового похода, папа же, уклоняясь от прямого ответа, в булле середины 1248 г. пообещал на случай нападения Орды на Галицко-Волынское княжество... подумать, какую можно будет оказать помощь. Даниилу стало ясно, что нет надежды на реальную помощь римской курии в борьбе против завоевателей, поэтому в 1248 г. он прервал переговоры с папой.

Отношения с курией возобновились лишь в 1252 г. и вновь по инициативе папского престола, действовавшего при посредничестве венгерского короля Белы IV. Даниил был вынужден пойти на переговоры в связи с усложнением политической ситуации: к восточным рубежам Галицко-Волынского княжества приближалась орда Куремсы. Сам Даниил вмешался в борьбу за австрийское наследство и рассчитывал на поддержку курии. В 1252 г. Даниил Романович женил своего сына Романа на Гертруде, племяннице австрийского герцога Фридриха II. Таким образом Роман Даниилович формально сделался австрийским герцогом. Но в Австрии Роман потерпел неудачу в борьбе с другим претендентом на наследство Фридриха II — чешским королем Пшемыслом II и в конце 1253 г. вынужден был вернуться в Галичину.

При возобновлении переговоров Иннокентий IV предложил Даниилу королевскую корону, но тот отказался от нее, ответив, что ему нужна не корона, а реальная помощь против поработителей. В 1253 г. папа объявил крестовый поход против Орды, призвав к участию в нем христиан Польши, Чехии, Моравии, Сербии и Померании. Декларированный Иннокентием IV поход не мог, однако, состояться по многим причинам. Государства, к которым обратился папа, переживали политические затруднения, часть их увязла в борьбе за австрийское наследство, и они были неспособны победить столь грозного врага, каким было в 50-е годы XIII в. неисчислимое войско ордынских феодалов.

Надеясь все же при помощи папы создать европейскую антиордынскую коалицию и как-то разрубить австрийский узел, Даниил Романович согласился принять корону. Коронация Даниила состоялась во второй половине 1253 г. во время похода на ятвягов в небольшом городе Дорогичине вблизи западной границы княжества. Даниил решился дать бой поработителям и поэтому короновался, не считаясь с мнением Орды.

Тем временем международная обстановка, и без того сложная из-за австрийских дел, все больше накалялась по мере приближения ордынских войск к рубежам Галицко-Волынского княжества. Венгерский король со дня на день ожидал их нашествия и посылал папе отчаянные просьбы о помощи. Опасность втор-

жения нависла над Западной Русью, а получение королевской короны Даниилом не могло улучшить политического положения Галицко-Волынского княжества. Король Даниил имел так же мало шансов получить поддержку от Запада, как и его «предшественник» князь Даниил. Поэтому он решительно отказался от любых уступок Риму в религиозных и культурно-просветительных делах. В ответ на позицию Даниила новый папа Александр IV буллой 1255 г. разрешил литовскому князю Мендовгу грабить Галицкую и Волынскую земли. В 1257 г. папа обратился к Даниилу, укоряя его за непослушание римской церкви и угрожая «оружием верных» — крестовым походом на Галицко-Волынскую Русь. На этом прекратились отношения Даниила с Римом. На память князю остался лишь мифический королевский титул, но с тех пор галицкие летописцы называют его королем.

Скупые свидетельства источников середины XIII в. приоткрывают одну из важных страниц взаимоотношений Юго-Западной и Северо-Восточной Руси. Они дают основания считать, что Даниил Романович в борьбе против ордынских поработителей по-настоящему рассчитывал не на крестовый поход с Запада, а на помощь Северо-Восточной Руси. Одним из главных союзников Даниила стал владимиро-суздальский князь Андрей. В 1250 г. для подписания союзного договора в Суздальскую землю приехал один из сподвижников Даниила галицкий митрополит Кирилл, и «тое же зимы оженися князь Ярославичь Андрей Даниловною Романовича» [1]. Этим династическим браком дочери Даниила с владимиро-суздальским князем был, вероятно, скреплен союз, направленный против иноземного господства на Руси.

Орда предприняла решительные меры против опасного для ее господства на древнерусских землях объединения сил Галицко-Волынской и Владимиро-Суздальской земель. В 1252 г. огромная ордынская армия, «Неврюева рать», опустошила Владимиро-Суздальское княжество. Андрей был вынужден бежать в Скандинавию («Свийскую землю»), где и погиб. Так развеялись надежды Даниила Романовича сбросить вражеское иго при помощи северорусских братьев.

В начале 50-х годов обострились отношения Даниила с Куремсой, «самым младшим среди других татарских вождей», как называет его Карпини. В 1252 г. Куремса на короткое время захватил Попизье, в 1254 г. вторгся на Волынь, однако не имел военного успеха и отошел в Болоховскую землю. Куремса не чувствовал себя настолько сильным, чтобы собственными силами справиться с Даниилом, поэтому опирался на помощь его соперника — смоленского князя Изяслава Мстиславича. В 1254 г. Изяслав «не послуша» ордынцев, овладел Галичем, хотя Куремса предупреждал его: «Како идеши в Галич, а Данило князь лют есть, оже отъимет ти живот (здесь: лишит свободы.— *Ред.*) то кто тя избавить?». Предсказание Куремсы не замедлило исполниться. Сын Даниила Роман во главе отцовской дружины выбил захватчиков из Галича и пленил Изяслава.

В конце 1254 г., когда главные силы Орды находились в Азии (где воевал великий хан Менгке) и Куремса не мог рассчитывать на их поддержку, галицко-волынское войско выступило против него. Но оно воевало не только с ордынцами, а и с теми русскими князьями и боярами, которые вопреки воле народа поддерживали завоевателей,— с

[1] Летопись по Лаврентиевскому списку, с. 449.

[1] Летопись по Ипатскому списку, с. 550.

«людьми татарьскими», как пренебрежительно называет их летописец. Выступление против Куремсы было хорошо организовано. Полки Льва Даниловича овладели Побужьем, а войска Даниила и Василька вступили в Болоховскую землю. Были разрушены «все городы, седящие за татары», а большинство местных феодалов, дабы сохранить свое привилегированное положение и земли, пошли на службу Даниилу.

Даниил Романович вынашивал планы овладения Киевской землей и объединения таким образом большей части Юго-Западной Руси для борьбы против захватчиков. С этой целью он обратился за помощью к великому князю литовскому Мендовгу, и тот пообещал ее (пусть Даниил смело идет «ко Возвяглю, оттуда и к Кыеву»). Но коварный Мендовг и не думал выполнить свое обещание. В 1255 г. галицкий князь подошел к Возвяглю и взял его штурмом, так и не дождавшись прибытия литовских полков. Это привело к конфликту с Мендовгом, и поход Даниила на Киев не состоялся. Надежды Даниила Романовича объединить южнорусские земли для решительного отпора завоевателям не оправдались.

Литовцы, желая отомстить за Возвягль, учинили набег на Луцк, а Куремса воспользовался благоприятными обстоятельствами и тоже напал на Луцк и Владимир. Однако галицко-волынские войска отогнали ордынских и литовских захватчиков. Куремса не прекратил борьбы, но все его попытки одолеть галицко-волынского князя не имели успеха. Рассказав об этом, галицкий летописец с гордостью заявляет: «Данило же держаше рать с Куремсою и николи же не бояся Куремьсе» [1].

Положение решительно изменилось в 1258 г., когда «приде Буранда безбожный, злый, со множеством полков Татарськых, в силе тяжьце, и ста на местах Куремьсенех». Ордынские правители прислали Бурундая с огромной армией, чтобы раз и навсегда покончить с независимостью Романовичей. Дабы усыпить бдительность Даниила и Василька, Бурундай пригласил их принять участие в походе на Литву и пошел туда вместе с Васильком, а затем вторгся в Польшу. Воспользовавшись победоносными кампаниями его войск в Польше и Литве, Бурундай вызвал к себе галицко-волынских князей и предъявил им ультиматум — уничтожить укрепления всех городов: «Оже есте мои мирници, розмечете же городы свое все» [1].

Не имея сил, чтобы самостоятельно противостоять неисчислимым войскам Бурундая, разуверившись в помощи Запада, Даниил и Василько с болью должны были уничтожить то, что возводили многие годы. Правда, сам Даниил не принимал в этом непосредственного участия, а отправился в Польшу, затем в Венгрию, безуспешно пытаясь создать антиордынскую коалицию. Были разрушены стены, башни и прочие фортификационные сооружения городов Стожеска, Львова, Кременца, Луцка, Владимира и др. Укрепления Владимира были столь мощными, что нельзя было «розметать» их быстро. Тогда Василько вынужден был приказать зажечь их, «и тако черес ночь изгоре весь» Владимир. Лишь гарнизон хорошо укрепленного Холма, любимого города Даниила, отказался уничтожить крепость. Расправившись с Галицко-Волынской Русью, ордынские феодалы снова двинулись на Польшу, заставив идти с ними и русских князей.

Нашествие орд Бурундая было страшным ударом для Даниила. Погибла идея зрелой поры его жизни — организация отпора иноземной агрес-

[1] Летопись по Ипатскому списку, с. 560.

[1] Летопись по Ипатскому списку, с. 562.

сии. Собственными руками пришлось разрушить укрепленные города и крепости и вновь надеть на шею вражеское ярмо.

Борьба против ордынского ига была главной, но не единственной линией внешнеполитической деятельности Галицко-Волынского княжества, находившегося в водовороте европейской политики, принимавшего участие в польских делах и борьбе за австрийское наследство. Вместе с тем Даниил был вынужден уделять постоянное внимание своим северо-западным соседям — литовцам и ятвягам.

Даниил продолжал традиционную политику укрепления западных рубежей княжества, фундамент которой был заложен его отцом Романом Мстиславичем. Непрерывные набеги литовских феодалов на галицкие и волынские земли, их склонность к союзам с врагами Руси, прежде всего с католическим Западом, вынуждали Даниила быть всегда готовым к отпору. Плано Карпини, проезжая Волынью, опасался литовских отрядов, которые, по его словам, часто и неожиданно вторгались в русские земли.

В 30-х годах XIII в. Мендовг объединил ранее разрозненные литовские племена в первое Литовское государство. Вначале он поддерживал Романовичей, опираясь на них в объединении Литвы. Когда Даниил во время войны с Ростиславом Михайловичем готовился к генеральной битве, Мендовг послал ему подмогу. Но в конце 40-х годов отношения Галицко-Волынского и Литовского княжеств обостряются. Между ними началась длительная война. В 1254 г. к Галицко-Волынскому княжеству была присоединена Черная Русь (вначале она досталась сыну Даниила Роману). К тому времени Даниил завоевал почти всю Ятвяжскую землю. Это продвинуло галицко-волынские рубежи на северо-запад и поставило в зависимость от Даниила Турово-Пинскую землю, с двух сторон охваченную его новыми владениями.

В 1255 г. вновь начались военные действия между Галицко-Волынским княжеством и Литвой, продолжавшиеся вплоть до смерти Мендовга (1263). Даниилу удалось обеспечить безопасность своих земель. Это был последний большой успех его внешней политики. В 1264 г. Даниил Романович умер в Холме. Летописец откликнулся на смерть одного из наиболее выдающихся государственных деятелей Руси XIII в. такими словами: «Се же король Данило — князь добрый, хоробрый и мудрый, иже созда городы многи... бяшет бо братолюбьем светяся, с братом своим Василком» [1].

Безусловно, Галицкая летопись идеализировала Даниила, но сквозь эту идеализацию нельзя не увидеть в его личности патриота Русской земли, мудрого и дальновидного государственного деятеля, тонкого политика и талантливого полководца. Опираясь на поддержку служилого боярства, дружины, городских верхов, Даниил Романович сумел преодолеть оппозицию со стороны могущественных галицких и волынских бояр, объединить Галичину с Волынью, с достоинством держаться перед западным миром и защитить культуру родного народа от посягательств римской курии. Внутренняя и внешняя политика Даниила объективно отвечала чаяниям народа, заинтересованного в объединенном, сильном и независимом государстве.

Князь Даниил Галицкий был поборником великой идеи — организации антиордынской коалиции. Не его вина, что он не достиг успеха. Феодальная Русь, раздробленная на небольшие княжества, большинство властителей которых постоянно враждовали между собой, не была еще

[1] Летопись по Ипатскому списку, с. 570.

готова к организованному отпору завоевателям. Слишком велики были силы Золотой Орды при жизни Даниила, и совсем безразлично отнеслись к его героическим усилиям западные соседи.

Галицкая и Волынская земли в последней трети XIII в. После смерти Даниила Романовича Галицко-Волынское княжество было раздроблено на четыре удела. Его брат Василько Романович держал часть Волыни с центром во Владимире и номинально, как старший в роде, считался «отцем и господином». На самом же деле великого князя не стало, хотя и Василько, и его племянники претендовали на первенство в когда-то монолитном Галицко-Волынском княжестве. Галичина была разделена между сыновьями Даниила: Шварно получил ее восточную часть со столом в Галиче, Черную Русь и Забужье; Лев сел в Западной Галичине, владея Перемышлем и Львовом; Мстиславу досталась Восточная Волынь с главным городом Луцком.

В 1269 г. во Владимире умер младший брат Даниила Василько, почти одновременно с ним закончил жизненный путь Шварно Данииловнч, и земли его отошли ко Льву. Мстислав не играл заметной роли в политической жизни. Власть сына и наследника Василька Владимира ограничивалась лишь частью Волыни. Казалось бы, мог повториться дуумвират галицко-волынских князей, существовавший при Данииле и Васильке. Но Лев и Владимир постоянно пребывали в напряженных отношениях, поэтому не могло быть и речи о былом единстве Галицко-Волынской Руси.

Главной целью внешней политики галицких и волынских князей после кончины Даниила стало решение литовской проблемы. После смерти Мендовга в Литовском княжестве началась междоусобная борьба, в которой его сын Войшелк опирался на Василька и Шварна. При помощи Шварна Войшелк победил соперников и в 1267 г., уходя в монастырь, передал свое княжество Шварну. Разгневанный тем, что Войшелк предпочел его брата, Лев Даниилович убил Войшелка. Этот жестокий поступок Льва надолго ухудшил отношения между Галицко-Волынской Русью и Литвой.

Великим князем в Литве стал Тройден, который сразу же занял откровенно враждебную позицию в отношении галицких и волынских князей, прежде всего Владимира Васильковича, поскольку три его брата погибли в войнах с отцом этого князя. В борьбе против Тройдена галицкие и волынские князья пробовали использовать ордынских феодалов. Так, в 1275 и 1277 гг. русские войска вместе с ордынцами дважды ходили на Литву. Одновременно галицкие и волынские дружины успешно воевали с ятвягами.

Мирные отношения с польскими феодалами, установившиеся в конце жизни Даниила, прекратились вскоре после его смерти. Романовичи постоянно вмешивались в польские междоусобные войны, и вторая половина 60-х—70-е годы прошли в частых русско-польских конфликтах. Положение еще более обострилось после того, как в 1280 г. краковским князем стал Лешек Черный. До самой смерти этого князя в 1288 г. продолжалась беспрерывная борьба между ним и Львом Даниловичем. В этой борьбе Льву помогали орды Ногая и Телебуги. После кончины Лешка Лев Даниилович принялся отвоевывать у Польши земли, которые считал собственными. В 1288 г. он послал сына Юрия в Польшу с войском. Этот поход окончился неудачно, однако из польских источников известно, что вскоре Лев, хотя и не надолго, овладел Люблинщиной. Ему одно время принадлежала также часть Закарпатья с г. Мукачевом.

В своей внешней политике Лев Даниилович опирался вначале на союз с Венгрией, а с 1278 г., когда чешским королем стал Вацлав,— и на союз с Чехией. Лев поддерживал дружественные связи с северорусскими княжествами, в частности с Тверским, о чем свидетельствует брак его сына Юрия с дочерью тверского князя Ярослава Ярославича. Но, поглощенный отношениями с западными соседями, Лев меньше, чем его отец, уделял внимания организации антиордынской коалиции на Руси.

Лев Даниилович выделялся среди государственных деятелей своего времени. Хотя ему и не хватало рассудительности, предусмотрительности и целенаправленности отца, он все же был заметной фигурой в истории второй половины XIII в. Волынский летописец, вообще-то не очень симпатизировавший князю, отдал ему должное, записав: «Бысть Лев князь думен (в Хлебниковском и Погодинском списках Волынской летописи — «мудрый»), и хоробер, и крепок на рати, не мало бо показа мужьство свое во многих ратех» [1].

На фоне бурной внешнеполитической деятельности Льва Данииловича спокойным выглядит княжение во Владимире его двоюродного брата Владимира Васильковича. Вступление Владимира на волынский престол летописец описывает так: «Нача княжити во него (Василька.— *Ред.)* место сын его Володимер, правдолюбьем светяся ко всей своей братьи, и к боляром, и ко простым людем» [2]. Подобная характеристика выглядит необычной, ибо справедливость в отношении простых людей не входила в понятия феодального кодекса чести. Есть основания считать ее недалекой от истины.

Если Лев Даниилович отдался внешней политике, то Владимир Василькович, наоборот, сосредоточил усилия на внутренних делах своего небольшого княжества. В его княжение строились города и крепости, развивались ремесла и торговля, искусство и литература, книгописание. Владимир собственноручно переписывал книги, чем в те времена вряд ли мог похвастаться любой другой европейский властелин.

Внешнеполитическая деятельность Владимира Васильковича была весьма сдержанной. Он отразил натиск литовских князей и овладел Турийском, однако крупных войн с Литвой не вел. Минимальным было участие Владимира в войнах с Польшей. В этом отношении обращают на себя внимание слова волынского летописца под 1280 г. Описывая совместный поход ордынских, галицких и волынских войск на Польшу, он замечает: «Лев рад пойде с татары», а Владимир, наоборот,— «неволею Татарскою» [1].

Владимир Василькович умер в 1288 г. По свидетельству летописца, о нем горевало население Владимира-Волынского, жалели о нем также новгородцы, немцы и сурожцы. Из этого перечня видно, что Владимир был торговым центром международного значения. Сурожцами тогда называли не только обитателей Сурожа (Судака) — итальянской фактории в Крыму, но и вообще итальянских торговых людей, а новгородцы и немцы представляли торговые интересы Запада и русского Севера. О важной роли Владимира в европейской торговле XIII в. говорят также многочисленные польские, западноевропейские и восточные источники.

Отношения Галицко-Волынской Руси с ордынскими феодалами после смерти Даниила еще более осложнились. Его преемникам пришлось иметь дело не только с Ордой, но и с эмиром Ногаем, кочевавшим в Северном При-

[1] Летопись по Ипатскому списку, с. 615.
[2] Там же, с. 574.

[1] Летопись по Ипатскому списку, с. 581.

черноморье. Галичина и Волынь признавали себя зависимыми от Орды. Они, например, обязывались ходить вместе с ордынскими феодалами в походы. А когда орды поработителей по пути в Польшу или Литву проходили Галицко-Волынской землей, князья обязаны были взимать с населения в пользу Орды специальную подать — «татарщину».

Но как в Галицко-Волынской летописи, где подробно описано внутреннее и внешнее положение Галичины и Волыни, так и в других источниках нет известий об уплате ежегодной дани ордынским ханам. Это дало основание многим историкам сделать вывод, что Галичина и Волынь во второй половине XIII в. платили дань Золотой Орде лишь спорадически, в виде чрезвычайных контрибуций. Следовательно, Галицко-Волынская земля находилась в лучшем положении, чем другие русские земли, обремененные регулярной данью Орде. Подобный статус Галичины и Волыни объясняется не только их удаленностью от Орды, но и умелой внешней политикой их князей, прежде всего Даниила.

Безусловно, захватчики бесцеремонно вмешивались во все стороны жизни Галичины и Волыни, в том числе во внешнюю политику князей. Ордынские правители, например, нарушали едва налаженные отношения с Польшей, Литвой или Венгрией. Но преемники Даниила начинают не только сдерживать, но и использовать ордынских феодалов в собственных целях. Так, Лев Даниилович опирался на них в походах на Литву в 1275 и 1277 гг., а также на Польшу в 1280 г. Успеху подобной политики князей благоприятствовали серьезные изменения в Золотой Орде.

Во второй половине XIII в. в Орде начали обостряться внутренние противоречия. Крупные феодалы неоднократно восставали против великого хана. В 70-х годах XIII в., когда на политической арене Орды появился могущественный эмир Ногай, власть великого хана начала постепенно приходить в упадок. Создались объективные условия для более успешной, чем при Данииле, борьбы Руси против поработителей. Но разобщенная на отдельные княжества, лишенная центральной власти, Русь еще не была готова к решительной борьбе с захватчиками.

В конце XIII — начале XIV в. период смут в Золотой Орде завершился. На престол сел хан Токтогу, и хотя он был занят главным образом делами Московского и Тверского княжеств, консолидация сил ордынских феодалов отрицательно сказалась на положении Юго-Западной Руси. Укрепление Орды затормозило нарастание освободительного движения на южнорусских землях, которое начало было разворачиваться в конце XIII в.

Галицко-Волынское княжество в начале XIV в. Перед своей смертью волынский князь Владимир Василькович завещал Волынь своему двоюродному брату Мстиславу Даниловичу — политику ограниченных способностей и слабого характера. В его княжение на Волыни усилилось влияние боярства, углубилась феодальная раздробленность, ухудшилось положение народных масс.

После кончины Льва Даниловича (около 1301 г.) и ненадолго пережившего его Мстислава Галичину и Волынь объединил сын Льва Юрий, сделавший своим стольным градом Владимир. Сохранилась его печать с титулом «русский король, принцепс Владимирщины». Таким образом возродилось Галицко-Волынское княжество. Но возобновленному княжеству было далеко до сильной державы деда Юрия — Даниила Романовича.

Опираясь на мелкое служилое боярство, пользуясь поддержкой городских верхов, Юрий Львович стремил-

Печать галицко-волынского князя Юрия Львовича. XIV в.

ся проводить активную внешнюю политику. Он заключил союз с польским князем Владиславом Локетком (будущим королем Польши), на сестре которого Евфимии был женат. Согласно сообщению польской хроники, в 1302 г. Владислав в борьбе за польскую корону с тогдашним королем Вацлавом II в союзе с Юрием пошел на Сандомирщину. Кроме русинов в войске Локетка были и ордынцы. Вероятно, их привел князь Юрий, который, как и его отец, во внешней политике использовал силы Орды. Польская кампания окончилась для галицко-волынского князя неудачно. Русско-ордынские войска были вынуждены отступить, и Юрий потерял Люблинскую землю, добытую его отцом незадолго до смерти. Однако и в дальнейшем Юрий оставался союзником Локетка.

После кончины Юрия в 1308 г. его сыновья Андрей и Лев поддерживали союз с Владиславом Локетком и также использовали в военных действиях ордынские силы. Андрей и Лев совместно княжили в Галицко-Волынской Руси. В одной из их грамот 1316 г., которой подтверждался союз с Прусским рыцарским орденом, они называют себя князьями Русской земли, Галичины и Владимирщины. Однако сообща они выступали главным образом во внешнеполитических делах, а во внутренних каждый держался отцовского наследства. Старший, Андрей, правил на Волыни, младший, Лев,— в Галичине.

С начала XIV в. усиливается конфликт Галичины и Волыни с Литвой. С 1316 г., когда великим князем стал Гедимин, Литва начала открыто покушаться на галицкие и волынские земли. В этой ситуации Андрей и Лев стремились использовать Прусский орден для борьбы против экспансии литовских князей. Галицкий и волынский правители вмешивались и в междоусобную борьбу венгерских феодалов.

Упомянутая выше грамота Андрея и Льва 1316 г. проливает свет на их отношения с ордынскими ханами: князья обещали прусским рыцарям защищать их от кочевников. Это свидетельствует о том, что галицко-волынские князья, хотя и продолжали формально признавать власть Орды, фактически проводили независимую внешнюю политику. Недаром после смерти Андрея и Льва Локетек с сожалением вспоминал о них как о защитниках Запада, в частности Польши, от ордынцев.

В источниках сохранилось мало сведений о последних годах жизни Андрея и Льва. В начале 20-х годов XIV в. оба они погибли в борьбе с Гедимином, в 1321 г. напавшим на Волынь и в следующем году овладевшим Луцком. В результате этой кампании Литва захватила Берестейскую и Дорогичинскую земли. Со смертью Андрея и Льва прекратилась династия Романовичей. К власти вновь пришли бояре — потомки тех могущественных галицких и волынских олигархов, к укрощению которых

приложили так много усилий Роман Мстиславич и его сын Даниил.

На богатое галицкое наследие завистливо поглядывали соседи. Недавний союзник Андрея и Льва польский король Владислав Локетек предпринял попытку захватить Галичину и Волынь. Не полагаясь на собственные силы, он летом 1325 г. добился от папы провозглашения крестового похода на «схизматиков» (так называли на католическом Западе православных), т. е. на Галицко-Волынскую Русь. Однако поход Локетка не состоялся. Утвердиться в державе Романовичей стремились также силезские князья Генрих и Ян, которые уже заранее называли себя в грамотах князьями Галицкой и Волынской земель.

В этих условиях боярская олигархия решила выбрать угодного ей князя. Выбор пал на мазовецкого княжича Болеслава — сына Тройдена, женатого на сестре последних Романовичей Марии. Следовательно, этот претендент был племянником Андрея и Льва. Католик Болеслав перешел в православие, принял имя Юрий и стал в 1325 г. галицко-волынским князем. Своей столицей он избрал Владимир. В историю князь вошел под именем Юрия-Болеслава II. Согласно сведениям источников, Юрий-Болеслав поддерживал мирные отношения с ханами, ездил в Орду за ярлыком на княжение. Он был в согласии с прусскими рыцарями, зато вел продолжительные войны с Польшей. В 1337 г. в союзе с ордынцами Юрий-Болеслав осадил Люблин, но овладеть Люблинской землей ему не удалось. В конце 30-х годов отношения Галицко-Волынского княжества с Польским королевством еще более обострились. В отношениях с Литвой Юрий-Болеслав утратил бдительность, характерную для политики Романовичей, и вступил в дружественный союз с литовским князем Гедимином, женившись в 1331 г. на его дочери Офке. В свою очередь, литовский князь Любарт Гедиминович вступил в брак с девушкой из семьи галицко-волынских князей, скорее всего с дочерью самого Юрия-Болеслава от первой жены. У Юрия-Болеслава не было сыновей, поэтому заслуживает доверия сообщение литовско-русского хрониста о том, что в 30-х годах «Люборта принял Володимерьский князь к дотце в Володимер и в Луческ и во всю землю Волынскую» [1], следовательно, сделал литовского князя своим наследником.

Сближение между Галицко-Волынским княжеством и Литвой обеспокоило давних претендентов на украинские земли — польских и венгерских феодалов. В 1339 г. в Вышеграде польский король Казимир III заключил направленный против Галичины и Волыни договор со своим зятем — венгерским королем Карлом-Робертом. Договор предусматривал: если у Казимира не будет сыновей, то после его смерти польская корона перейдет к венгерскому королевичу Людовику — сыну Карла-Роберта и сестры Казимира Елизаветы.

К этому времени Казимир III попал в трудное положение. За согласие чешского короля отречься от прав на польские земли он уплатил очень дорого, отдав в 1336 г. Чехии Силезию. Одновременно польский король вынужден был уступить Поморье Тевтонскому ордену. В этих условиях Казимир III решил компенсировать свои территориальные потери за счет Галицко-Волынского княжества. За право унаследования польской короны венгерский король пообещал Казимиру поддержать его претензии на Галичину и Волынь. Однако в действительности венгерские феодалы не собирались отказываться от намерений самим завладеть этой богатой землей.

[1] Летопись великих князей литовских.— Ученые записки Второго отделения имп. Академии наук, 1854, кн. 1. отд. 3, с. 27.

Таким образом, к середине XIV в. Юго-Западная Русь, обессиленная господством Орды, была разорвана на десятки больших и малых княжеств и земель. Попытки выдающихся политиков типа Романа Черниговского и Даниила Галицкого консолидировать усилия народных масс для освобождения от иноземного ига и объединения южнорусских земель не дали результатов. Раздробленная и ослабленная Юго-Западная Русь стала добычей новых феодальных поработителей.

Присоединение Волыни к Великому княжеству Литовскому. Захват феодальной Польшей Галичины. Из отрывочных сообщений источников о последних годах правления Юрия-Болеслава II известно, что между боярством и князем не утихала борьба за первенство в Галицко-Волынском княжестве. Крупные феодалы стремились ограничить власть Юрия-Болеслава, надзирали за каждым его шагом. Князь должен был, например, подписывать государственные грамоты только вместе со своими боярами. Попытки Юрия-Болеслава вырваться из-под боярской опеки и централизовать княжество окончились для него трагически.

В начале 1340 г. конфликт между князем и боярством привел к заговору против Юрия-Болеслава. Его возглавил могущественный галицкий феодал Дмитрий Дядька (Детько). 7 апреля 1340 г. Юрия-Болеслава II отравили во Владимире-Волынском. Большинство авторов средневековых хроник, скупо объясняя причины столкновения Юрия-Болеслава с боярами, сходится на том, что князь окружил себя католиками, стремился изменить «закон и веру» Руси. Европейские хронисты рассказывают, что Юрий-Болеслав наводнил княжество иностранными колонистами, прежде всего немцами, пропагандировал католичество. Несомненно, прозападная ориентация князя, поляка по рождению и католика по воспитанию, вызвала возмущение широких слоев украинского населения Галицкой и Волынской земель, чем сумели воспользоваться бояре.

Смерть Юрия-Болеслава и наступившая вслед за ней феодальная анархия в Галицко-Волынском княжестве позволили польскому королю Казимиру III в конце апреля 1340 г. совершить разбойничий набег на Галицкую Русь. Польские войска овладели несколькими замками, в том числе Львовским, ограбили местное население. Одновременно, наверное по договоренности с Казимиром III, в Галичину направил войско венгерский король. Но это нападение было отражено на границе галицкими сторожевыми отрядами.

В планы боярской олигархии, только что избавившейся от непокорного князя, не входило вновь идти под руку самостоятельного и независимого властелина, каким был Казимир III. Поэтому бояре воспользовались гневом народа против польских феодалов, вылившимся в восстание, и присоединились к нему. Стремясь возглавить всенародное движение против угрозы завоевания Галичины и Волыни Польским королевством, боярство поставило во главе этого движения одного из своих лидеров — Дмитрия Дядьку. В июне 1340 г. галицко-волынское войско вместе с призванными на помощь ордынцами вступило в Польшу и дошло до Вислы. Хотя полного успеха этот поход не имел, именно благодаря ему Галичина вплоть до 1349 г. сохранила независимость от Польши. Казимир III был вынужден подписать с Дмитрием Дядькой договор о взаимном соблюдении нейтралитета.

Тем временем боярская верхушка в поисках подходящего князя для Волыни остановилась на кандидатуре Любарта, которого Юрий-Болеслав считал своим наследником. Бо-

Крымчаки гонят пленных, захваченных в Юго-Западной Руси. Миниатюра из венгерской хроники. 1488 г.

яре думали, что Любарт, как представитель литовского княжеского рода, не имеющий опоры на Волыни, должен превратиться в их марионетку. Итак, Волынь отошла к Литве.

С 1340 г. история Галичины отделяется от истории Волыни. Единство Галицко-Волынского княжества, непосредственно перед тем во многом эфемерное, перестало существовать. Галичина лишь номинально признавала своим князем Любарта Волынского, фактически же ею правило галицкое боярство во главе с Дмитрием Дядькой. В 40-х годах XIV в. Дядька самостоятельно, без участия Любарта, ведет военные операции и дипломатические переговоры с польским и венгерским королями. Итак, Галицко-Волынское княжество распалось на две части: боярскую олигархическую республику Галичину во главе с Дмитрием Дядькой и Волынь, где княжил боярский ставленник Любарт. Так продолжалось до конца 40-х годов XIV в.

В борьбе против Польши и Венгрии и Дядька и Любарт опирались на могущественного ордынского хана Узбека и его преемников. Польские феодалы не оставили намерений захватить Галичину. В 1343 г. Казимир III добился от папы материальной помощи для борьбы с «русинами» и в течение 1344—1345 гг. оторг от Галичины Саноцкую землю, предварительно заручившись нейтралитетом Любарта.

Осенью 1349 г., договорившись о ненападении с Ордой, польские феодалы осуществили новый поход на Галичину и Волынь. Преодолевая сопротивление гарнизонов пограничных замков, польские войска захватили Львов, Белз, Берестье, Владимир. Захваченный врасплох, Любарт с трудом отсиделся в осажденном врагами Луцке. Правда, в следую-

Герб г. Львова. XIV в.

щем году он сумел вернуть под свою власть Волынь, но Галичина уже не только номинально вышла из-под его влияния, но и была присоединена к Польскому королевству.

Шаткое положение в Галичине, где разгоралось народно-освободительное движение против захватчиков, и разногласия с Литвой вынудили польское правительство вновь искать поддержки в Венгрии. В 1350 г. Казимир III подписал союзный договор с венгерским королем Людовиком. Последний и его брат Стефан пообещали Казимиру III не претендовать на «Русское королевство» (Галицкую Русь), но поставили такие условия: если у польского короля не будет сына, то вместе с Польшей Галичина достанется Людовику; если же Казимир III будет иметь наследника, то венгерский король и его преемники смогут выкупить Галицкую землю у сына Казимира за 100 тыс. флоринов.

Следствием этого соглашения было оказание Венгрией помощи Польше в войне против Литвы в 1351—1352 гг. В ходе военных действий, проходивших с переменным успехом, в венгерском плену побывали и Любарт и даже великий князь литовский Кейстут. В борьбе против польско-венгерской коалиции литовские князья успешно использовали ордынских ханов и военачальников. Ордынские войска весной 1352 г. опустошили Люблинщину. По польско-литовскому перемирию, заключенному осенью 1352 г., Галичина осталась за Казимиром III, а литовские князья закрепились на Волыни и в Берестейской земле. Кременецкая волость считалась нейтральной. Польские феодалы обязались не поддерживать венгерского короля в его притязаниях на Галичину, а литовские — не принимать участия в набегах ордынцев на западнорусские земли.

На этом борьба между польскими и литовскими феодалами за Галичину и Волынь не прекратилась. В 1353 г. войско Любарта вторглось в Галичину, овладело Львовом и Галичем и с богатой добычей вернулось восвояси. Однако постепенно чаша весов военных успехов склонилась на сторону Казимира III. Маневрируя между Востоком и Западом, польский король сумел получить помощь не только в Риме, но и у Золотой Орды, и в 1366 г. нанес Литве решающий удар. В результате победы Польское королевство закрепило за собой Галичину и захватило большую часть Волыни. За Любартом осталась лишь Луцкая волость. Согласно условиям договора между Казимиром и великим князем литовским Ольгердом, Любарт должен был жить в мире с Польшей.

В 1370 г. умер Казимир III, и Кейстут с Любартом, воспользовавшись замешательством в Польше, захватили Волынь вместе с городом Владимиром. Новый польский король Людовик, занимавший и венгерский трон, в ходе длительной войны отобрал у Литвы Холмскую и Белзскую земли. Все же Любарт сохранил большую часть Волыни.

Литовские феодалы и в дальнейшем не оставляли попыток овладеть Галичиной. Последняя вспышка польско-литовской борьбы за Галицкую землю приходится на 1382 г.,

когда умер Людовик, и Любарт, воспользовавшись бескоролевьем, пытался завладеть галицкими землями. Но его военные успехи не пошли далее овладения пограничными замками.

Галичина с 1370 г. фактически находилась под властью Венгрии, и лишь в 1387 г. ее окончательно захватило Польское королевство. Таким образом, сорокалетняя борьба польских и литовских феодалов за Галицкую и Волынскую земли окончилась тем, что Галичина оказалась под властью Польши.

О политическом положении Волыни после утверждения Любарта сохранилось мало сведений. Известно, впрочем, что Любарт княжил на Волыни как суверенный властелин, а это не могло не раздражать великих литовских князей. После смерти Любарта (1385 гг.) великий князь Ягайло отнял у его сына Федора Луцкую землю и в 1397 г. отдал ее Витовту — сыну великого князя Кейстута. В начале 90-х годов XIV в. Федор потерял и Владимирщину. На захваченных украинских землях правители Великого княжества Литовского проводили политику лишения местных князей уделов и замены их наместниками великого князя. Литовские феодалы угнетали украинское население, вели наступление на его культуру.

Захват литовскими феодалами Киевщины, Черниговщины и Подолии. Сорокалетняя экспансия литовских феодалов на украинские земли пришлась на времена политического и экономического подъема Великого княжества Литовского и расширения его территории на востоке. После смерти Гедимина (1341) и завершения борьбы между его родственниками за власть престол в Вильнюсе занял его брат Кейстут. Как рассказывает белорусско-литовская летопись, Кейстут и его брат Ольгерд разделили между собой владения и договорились в будущем делить поровну завоеванные земли. Этот своеобразный дуумвират определил сферы своего влияния: Кейстут сосредоточил силы на борьбе с немецкими рыцарями и тем обеспечил тыл Ольгерду, который начал энергично продвигаться на восточные украинские земли.

Выбор восточного направления агрессии литовскими правителями был не случаен. Украинские земли в середине XIV в. переживали тяжелые времена феодальной раздробленности: не существовало ни центральной власти, ни более или менее сильных отдельных княжеств. Лишенное политического единства, окруженное со всех сторон врагами, угнетенное ордынскими феодалами, население Киевщины, Черниговщины и Подолии не смогло дать отпор литовским захватчикам.

Момент для вторжения на Поднепровье литовские феодалы выбрали с учетом положения в Золотой Орде. После смерти хана Бирдибека в 1359 г. ханы менялись с калейдоскопической быстротой: до вступления на престол Тохтамыша в 1381 г. в Орде сменилось более 25 ханов. Сильной центральной власти в Орде 60-х годов не существовало: когда-то грозная держава фактически распалась на несколько частей. Предводители ордынских войск, находившихся на Украине, были лишены возможности опереться на поддержку центральной власти. Следовательно, Ольгерд имел возможность померяться силами с западными ордами, не оглядываясь на верховного хана.

В Густынской летописи рассказывается, что в 1362 г. в Киеве княжил князь Федор, затем Ольгерд разбил на Синей Воде «трех царков татарских... И оттоли от Подоля изгна власть татарскую. Сей Олгерд и инныя рускія державы во свою власть пріят, и Кіев под Федором князем

взят, и посади в нем Володымера сына своего» [1].

Победа над Ордой в подольском урочище Синяя Вода позволила литовским феодалам овладеть не только Киевщиной, но и Переяславщиной и Подолией. Белорусско-литовская летопись сообщает, что Ольгерд отдал Подольскую землю сыновьям своего брата Кориата — Юрию, Александру, Константину и Федору. Братья Кориатовичи, осев на Подолии, перестали платить дань ордынским баскакам. Кориатовичи, принимая меры для защиты края от них, начали возводить здесь оборонные замки, в частности твердыни в Смотриче, Бакоте и Каменце.

Ольгерд отбросил ордынцев на восток, но власть их не была ликвидирована окончательно. Сын Ольгерда Владимир, княживший в Киеве до 1394 г., еще долгое время находился в зависимости от Орды, о чем свидетельствуют письменные источники и один из типов монет этого князя с ордынским гербом. По-видимому, так было в 70-х годах XIV в., когда крымскому эмиру Мамаю удалось на некоторое время объединить ордынские силы.

Братьям Кориатовичам также не удалось полностью избавиться от иноземной зависимости. В грамотах подольских князей, сначала самих Кориатовичей, затем Свидригайла, имеются упоминания о выплате дани Орде. Попытка великого князя Витовта окончательно освободить южные и восточные земли княжества от ордынской зависимости окончилась разгромом его войска на Ворскле 12 августа 1399 г.

Таким образом, захват литовскими князьями украинских земель не освободил их население от ордынского порабощения. Более того, на плечи трудового народа легло ярмо дополнительного феодального гнета. Только упадок Орды в первые десятилетия XV в. привел к ликвидации ее ига на Украине.

Утвердившись на украинских землях, Кориатовичи постепенно вышли из-под руки великих литовских князей. Вначале они ориентировались на Польшу, затем на Венгрию и Молдавию. В 1393 г. Витовту пришлось силой выбивать младшего Кориатовича — Федора из Подолии (его братьев уже не было в живых). Федор вынужден был уйти в Закарпатье. Его земли Витовт присоединил к Великому княжеству Литовскому.

Под 1356 годом в северорусской Никоновской летописи содержится известие о том, что Ольгерд «воевал Брянеск и Смоленск», однако без успеха. Брянск остался за князем Василием, получившим в Орде ярлык на княжение. Вскоре Василий умер, «и бисть в Брянске мятеж от лихих людей, и замятна веліа, и опустение града, и потом нача обладати Брянском князь велики Литовски» [1]. Из летописного рассказа не ясно, когда именно Ольгерд утвердился в Брянске, видно лишь, что после похода 1356 г. прошло какое-то время. Поэтому неубедительным представляется мнение некоторых буржуазных историков, будто бы во второй половине 50-х годов XIV в., вслед за овладением Брянском, Ольгерд подчинил себе Черниговскую землю. Присоединение Черниговщины к Литве можно связать с победой Ольгерда над Ордой и утверждением литовских князей на Киевщине и Подолии в 1362 г. Возможно, литовские феодалы захватили черниговские земли не сразу, а в течение 60—70-х годов. Известно, например, что Трубчевск и Стародуб Ольгерд завоевал между 1368 и 1372 гг., а Чернигов — около 1372 г.

В борьбе за Черниговскую землю Ольгерд и его преемники столкну-

[1] ПСРЛ. Спб., 1843, т. 2, с. 350.

[1] ПСРЛ, т. 10, с. 228.

лись с русскими феодалами. В 1379 г. великий князь Дмитрий послал войско на Черниговщину, овладел Трубчевском и Стародубом, но не удержал их. Соперничество из-за Черниговской земли между литовскими и московскими князьями продолжалось и в XV в. Русские феодалы в собственных классовых целях использовали стремление местного населения к воссоединению края с Русским государством.

Итак, в 40—70-х годах XIV в. основная часть украинских земель подпала под власть иноземных феодалов, войдя в состав Польского королевства, Великого княжества Литовского и Молдавского княжества.

2. УКРАИНСКИЕ ЗЕМЛИ ПОД ВЛАСТЬЮ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIV — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI в.)

Украинские земли в составе Великого княжества Литовского во второй половине XIV в. Кревская уния. В первые десятилетия после завоевания украинских земель Великим княжеством Литовским центральная власть практически не предпринимала шагов, направленных на изменение сложившегося на Украине социально-политического строя. Украинские земли считались, как и собственно Литва, владениями великокняжеского Гедиминова рода и как таковые раздавались его членам в уделы. Таким образом, новый князь-литовец лишь занимал место прежнего, русского князя, который либо сходил со сцены, либо низводился до подчиненного власти завоевателей положения. Нередко, правда, местный князь оставался на своем месте, но при этом ставился в зависимость от литовского удельного князя или непосредственно от великокняжеской власти.

Нормы вассальной зависимости удельных князей украинских земель фиксировались договорами и присяжными грамотами. Удельный князь был обязан «служить верно, без всякой хитрости и во всем быть послушным» своему сюзерену — «господарю», т. е. великому князю, платить ежегодную дань — «поддан-щину» и в случае необходимости выступать на помощь великому князю со своим войском. Удельные князья участвовали в великокняжеской раде, созывавшейся для разрешения вопросов государственной важности.

Будучи верховным земельным собственником и верховным воеводой Великого княжества Литовского, сосредоточив в своих руках руководство внешней политикой государства, великий князь почти не вмешивался во внутреннюю жизнь удельных княжеств. Вся полнота власти на их территории принадлежала удельным князьям, раздававшим земли княжества местным феодалам на основе вассальной зависимости. Подобно великому князю, удельные князья собирали совет, состоявший из влиятельных местных феодалов, представителей церкви и местного боярства для разрешения вопросов внутренней жизни удельного княжества.

Таким образом, до ликвидации удельных княжеств на Украине в 90-х годах XIV в. верховная литовская власть здесь была ограниченной и не вызывала коренных изменений в административном устройстве и политическом строе украинских земель. Эти земли представляли собой конгломерат феодальных княжеств и владений под верховной властью великого князя литовского, связанных между собой главным образом единством внешнеполитической жизни. Однако политическая обстановка в украинских удельных княжествах

медленно, но неуклонно обострялась вследствие постепенного укрепления великокняжеской власти.

Взаимоотношения между центральной властью и украинскими удельными князьями определялись великокняжеской политикой, направленной на более полное подчинение удельных княжеств Литве. Этой цели служило, в частности, стремление подорвать роль и значение древнерусской княжеской династии. Однако в этом отношении великий князь добился незначительного успеха: часть князей рода Гедиминовичей, сменивших на украинских землях после их присоединения к Великому княжеству Литовскому русских князей, очень скоро обрусела, прониклась удельными сепаратистскими настроениями и противопоставила себя центральной власти, используя для осуществления этих своих целей всякое проявление народного недовольства властью литовских завоевателей.

Укрепление власти литовских феодалов на Украине достигалось расширением здесь литовского феодального землевладения. Как и удельные княжества, более мелкие земельные пожалования на Украине раздавались литовцам — родственникам и приближенным великого князя.

С той же целью великокняжеская власть предпринимала меры по созданию на Украине послушного ее воле военно-служилого сословия—боярства. Постоянно нуждаясь в военной силе, литовские князья не только использовали в своих целях русское боярство, но и способствовали его численному росту. В военно-служилое сословие переводились представители разных общественных слоев, мещане и зажиточные крестьяне. Князья наделяли их землей и освобождали от феодальных повинностей с условием отбывания военной службы. Значительно возросшее украинское и белорусское боярство стало главной военной силой Литовского государства. Оно дало свое имя всему военно-служилому сословию Великого княжества Литовского. Таким образом, укреплялась иерархическая система господства феодалов во главе с великим князем литовским (удельные князья и их подданные — более мелкие князья, а также подчиненное им крупное, среднее и мелкое боярство) над массой эксплуатируемого ими народа. «Иерархическая структура землевладения и связанная с ней система вооруженных дружин,— отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс,— давали дворянству власть над крепостными. Эта феодальная структура... была ассоциацией, направленной против порабощенного, производящего класса...» [1].

Укрепление власти литовских феодалов на Украине, все более оттеснявших феодалов местного происхождения, привело к столкновению их интересов: и те и другие претендовали на решающие политические права и привилегии, на основную часть феодальной ренты. Стремление к дальнейшему утверждению своего господства на огромной территории захваченных Великим княжеством Литовским украинских и белорусских земель было одной из важнейших причин, побудивших правящую литовскую верхушку пойти на тяжкие для Литвы условия польско-литовского государственного союза — унии, которая предполагала, главным образом, осуществление политических целей польских феодалов: уния должна была обеспечить условия для осуществления захватнических устремлений Польши в отношении земель Великого княжества Литовского, в том числе и захваченных им украинских и белорусских. Благодаря унии для Польши отпадала угроза со стороны Литвы, которая претендовала на Западную Волынь и Галичину и часто нападала на эти территории. Уния должна была также укрепить

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 23.

силы Польши в борьбе с Тевтонским орденом.

Большие надежды возлагала на унию и католическая церковь, стремившаяся расширить сферу своего влияния на литовский и восточнославянский мир.

Акт унии был подписан в Крево 14 августа 1385 г. с литовской стороны великим князем литовским Ягайлом и его братьями Скиргайлом, Корибутом, Витовтом и Лугвеном. Они обязались принять католичество и крестить все литовское население, обратить литовскую казну на нужды Польского королевства, помочь Польше вернуть земли, когда-либо и кем-либо у нее захваченные, и, главное, «навсегда присоединить к Польскому королевству свои литовские и русские земли» [1]. Таким образом, согласно Кревской унии, Великое княжество Литовское должно было лишиться своей государственной самостоятельности, а украинские земли должны были перейти под власть Польши.

В феврале 1386 г. великий князь литовский Ягайло прибыл в Краков, где принял католичество и женился на польской королеве Ядвиге. Став польским королем, он немедленно приступил к реализации условий Кревской унии. Наиболее существенным ее пунктом была инкорпорация, т. е. включение литовских, украинских и белорусских земель в состав Польского королевства. В связи с этим Ягайло потребовал от удельных князей присяжных грамот на верность «королю, королеве и короне польской», что по нормам феодального права означало переход этих князей вместе с подвластными им землями в подданство к польскому королю.

В 1386 г. вместе с князьями литовских и белорусских земель присяжные грамоты подписали киевский князь Владимир, волынский князь Федор Данилович и новгород-северский князь Дмитрий-Корибут. Причем известный своими симпатиями к Московскому княжеству и независимой политикой в отношении великокняжеской власти, вплоть до попыток отложиться от Великого княжества Литовского, Дмитрий-Корибут подписывал присяжные грамоты трижды. В 1390 г. Дмитрий-Корибут обязался помогать Ягайлу в борьбе против его врагов (исключая своих братьев!). Примечательно, что новгород-северские князья и бояре, в свою очередь, поручились за своего князя, обещая не поддерживать его в случае, если он вознамерится выйти из-под власти Королевства Польского. Федор Данилович и другие волынские князья в 1388 г. поручились за волынского князя Олехна.

Подобные примеры взаимных поручительств князей и их подданных на верность королю убедительно свидетельствуют о наличии в среде феодалов украинских княжеств недовольства условиями Кревской унии. Это недовольство еще более возросло, когда уния стала претворяться в жизнь. Открытое возмущение православных феодалов вызвало принудительное обращение в католичество населения Литвы.

Чтобы склонить феодалов к переходу в католичество, король 20 февраля 1387 г. дал привилей литовским боярам, принявшим католичество, «на права и вольности», которыми пользовалась польская шляхта. Этот привилей даровал литовским боярам-католикам право неотъемлемого владения и распоряжения своими наследственными имениями. Крестьяне этих имений освобождались от большинства государственных повинностей, кроме строительства и ремонта замков. Почти одновременно был издан другой привилей, который разрешал всем литовцам принять като-

[1] Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. Cracoviae, 1876, t. 2, p. 4.

личество, запрещал браки между литовцами-католиками и православными, а православных, состоящих в браке с католиками, под страхом телесного наказания принуждал к принятию католичества. Имения католической церкви освобождались от всех государственных повинностей, а само духовенство — от юрисдикции светского суда.

Таким образом, католичество и католики были поставлены в привилегированное положение по сравнению с православием и православными. Христианство по католическому обряду стало государственной религией Великого княжества Литовского.

Экспансия католицизма на украинские земли встречала решительное сопротивление народных масс, так как она означала наступление на их национальную культуру. Против католичества выступали и украинские феодалы. Православные в абсолютном своем большинстве, они по сравнению с католиками оказались в неравноправном положении не только в религиозном, но и в сословно-правовом отношении. Это явилось причиной их постоянного недовольства польско-литовской унией и поддерживавшей ее королевской и великокняжеской властью.

Глубоким недовольством народных масс и православных феодалов Великого княжества Литовского условиями унии искусно воспользовался литовский князь Витовт Кейстутович, стремившийся к захвату великокняжеской власти. При поддержке литовской знати, враждебно относившейся к унии и католицизму, он выступил против польских феодалов и Ягайла за восстановление государственного суверенитета Великого княжества Литовского. Борьба закончилась компромиссом: 4 августа 1392 г. в Острове между враждующими сторонами было заключено соглашение, по которому Витовт признавался пожизненным правителем Великого княжества Литовского в ранге наместника на основе вассальной зависимости от Польши.

Украинские земли, включенные в состав Великого княжества Литовского, как и остальная его территория, на сей раз не были инкорпорированы Польшей, что предусматривалось условиями Кревской унии. Однако польские феодалы не отказались от своих планов захвата всех украинских земель и порабощения их населения.

Ликвидация удельных княжеств на украинских землях. Истинные, захватнические цели польских феодалов в отношении украинских земель выявились сразу же после заключения Кревской унии. Подписание присяжных грамот украинскими удельными князьями, юридически подчинявших украинские земли королевской власти, сопровождалось мерами, направленными на фактическое их включение в состав Польши. Королевское правительство воспользовалось унией как поводом для активизации экспансии на украинские земли. Уже в 1386 г. из-под власти волынского князя Федора Любартовича изымается и ставится в непосредственную зависимость от Польши крупнейшее из подчиненных ему княжеств—Острожское. Новый князь этой земли Федор Данилович получил подтверждение на острожскую отчину от Ягайла — польского короля. Кроме того, Федор Любартович утратил и Луцкую землю, которую Ягайло также передал Федору Даниловичу Острожскому.

В следующем, 1387 г. Луцкая земля передается во владение «до королевской воли», т. е. во временное владение, Витовту. Причем соправителем его — старостой Луцка — назначается сандомирский каштелян Креслав из Курозвенков. В 1390 г. Федор Любартович по воле короля теряет последнюю волость своего Во-

лынского княжества — Владимир с округой. Так волынские земли перешли в непосредственную зависимость от Польского королевства.

Подобную политику в отношении украинских земель с конца XIV в. проводят с одобрения и при дипломатической и даже военной поддержке королевской власти также литовские феодалы.

Островское соглашение 1392 г. прекратило продолжительную борьбу внутри правящей литовской верхушки за великокняжескую власть. Она сплотилась вокруг Витовта, что позволило ей предпринять меры к политическому объединению Великого княжества Литовского и укреплению центральной государственной власти. Для украинских удельных княжеств это означало развернутое наступление на их удельное существование и феодальные политические свободы.

Политика ликвидации удельных княжеств на Волыни, начатая со времени заключения Кревской унии, после Островского соглашения распространилась и на земли Украины, входившие в состав Великого княжества Литовского. Лишился своих владений восставший еще против Кейстута, а затем против Витовта новгород-северский князь Дмитрий-Корибут Ольгердович. Весной 1393 г. он потерпел поражение от войск Витовта и Скиргайла под Докудовом. Наместником в Новгород-Северское княжество был назначен утративший свою волынскую отчину Федор Любартович.

Весной 1393 г. Витовт, поддержанный польским королевским войском, предпринял поход на Подолию, где овладел замками Брацлава, Каменца, Смотрича, Скалы и Чернева. Подольский князь Федор Кориатович бежал в Закарпатье, а Витовт получил Брацлавщину от короля в вассальное владение. Западная Подолия с центром в Каменце перешла в более тесную зависимость от Польши, издавна претендовавшей на эти земли. В 1395 г. грамоту короля Ягайла на владение Западной Подолией «на полном княжеском праве» получил краковский воевода Спытко Мельштинский.

Киевское княжество послужило разменной монетой в борьбе за верховную власть в Великом княжестве Литовском между Витовтом и Скиргайлом Ольгердовичем. Еще в 1392 г. эти князья заключили перемирие, согласно которому Скиргайло должен был получить Киев взамен утраченных им великокняжеских уделов. Но Киев еще предстояло отнять у Владимира, посаженного на киевский стол Ольгердом после присоединения Киевщины к Великому княжеству Литовскому.

Первый военный поход на Киевщину был предпринят Витовтом весной 1393 г. Тогда он овладел Овручем и Житомиром. Но эту кампанию прервали события на Подолии. Следующий поход литовских войск во главе с Витовтом и Скиргайлом на Киевское княжество состоялся осенью 1393 г. С помощью королевских дипломатов Витовт «вывел» киевского князя Владимира Ольгердовича из Киева. Взамен утраченного удела князь Владимир получил небольшую территорию по р. Случи с центром в замке Копыл. Власть великокняжеского ставленника Скиргайла в Киеве носила ограниченный характер.

Как и другие государства Европы, Польское королевство и Великое княжество Литовское в конце XIV в. переживали процесс государственной централизации. Ликвидация удельных княжеств на Украине в 90-е годы XIV в. была одним из элементов этого процесса. В то же время она являлась выражением совместной польско-литовской политики подчинения украинских земель, порабощения их населения. При этом основной целью польской стороны было

подчинение украинских земель непосредственно королевской власти.

Главным орудием осуществления государственной централизации на Украине были литовские феодалы во главе с князем Витовтом. Королевская власть не только санкционировала их централизаторские мероприятия, но и активно им содействовала. Со своей стороны великокняжеская администрация старалась не допустить прекращения государственного существования Великого княжества Литовского, стремилась создать могучее, независимое от Польши государство. Ликвидация удельных княжеств на украинских землях, укрепившая великокняжескую власть и упрочившая политическую централизацию Великого княжества Литовского, в значительной мере этому содействовала. Бывшие удельные княжества были превращены в области («земли») Великого княжества Литовского. Вместо почти независимых, постоянно бунтовавших и претендовавших на великое княжение удельных князей ими стали управлять назначаемые великим князем и послушные его воле наместники. Благодаря централизации власти значительно возросла экономическая и политическая сила великого князя, в его казну начали поступать доходы с огромных территорий бывших удельных княжеств.

Однако процесс централизации Великого княжества Литовского лишь начался. Наряду с «землями», возникшими на месте ликвидированных удельных княжеств, продолжали существовать мелкие удельные княжества, особенно многочисленные на Чернигово-Северщине, и даже возрождались некоторые крупные, например Киевское и Волынское. На территории бывших удельных княжеств еще долгое время сохранялись живые следы прежней автономии. В частности, сохранились особенности управления этими землями, кое-нями уходившие в княжескую традицию: каждая из украинских земель Великого княжества Литовского получала особые уставные грамоты или великокняжеские земские привилеи, которые фиксировали нормы местной жизни в соответствии со своей, удельной в сущности, «стариной».

Особенностью государственной централизации Великого княжества Литовского было то, что она осуществлялась сравнительно слабой великокняжеской властью. Кроме того, социально-экономические условия для окончательной ликвидации удельного строя украинских княжеств созрели позже, лишь ко второй половине XV в. Тем не менее даже ограниченная форма централизации Великого княжества Литовского, в том числе украинских земель в его составе, в конце XIV в. содействовала экономическому развитию и укреплению внешнеполитического положения государства. Для украинских земель последнее было особенно важно в связи с постоянной ордынской угрозой.

Ликвидация удельных княжеств на Украине сопровождалась ростом зависимости местного населения от литовских феодалов, ухудшением положения трудящихся масс. Они оказались под непрерывно усиливавшимся гнетом не только местных феодалов, но и великокняжеской власти. По словам современников, простые люди постоянно жаловались, что при Витовте они были доведены до нищеты.

После ликвидации удельных княжеств в Великом княжестве Литовском значительно возросла политическая роль активно способствовавшего этому крупного литовского боярства из числа католиков. Им были пожалованы обширные земли на территории бывших удельных княжеств. Из их среды назначались наместники в украинские земли, они заняли в великокняжеской раде место удельных князей. Литовское боярство постепенно превращалось в правящую

верхушку государства. В то же время украинские православные феодалы были отстранены от участия в решении вопросов государственной важности. Возвышение крупного литовского боярства и упрочение его господствующего положения на Украине вызвало недовольство украинских феодалов, что вело к обострению противоречий между ними, перераставших в открытые столкновения.

Борьба народов Великого княжества Литовского против золотоордынских феодалов в конце XIV в. После присоединения украинских земель к Великому княжеству Литовскому, став собственниками обширных земельных владений на Украине, литовские феодалы вынуждены были позаботиться об их обороне от золотоордынских захватчиков. Украинский народ после включения его земель в состав Великого княжества Литовского получил определенную помощь и поддержку в борьбе с их нападениями. Ф. Энгельс в связи с этим заметил, что Украина и Белоруссия «нашли себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к так называемому Литовскому княжеству» [1].

Зависимость от литовских феодалов полностью не ликвидировала, однако, для украинского народа ордынского ига. После завоевания украинских земель Великим княжеством Литовским ордынцы по-прежнему требовали уплаты дани с этих земель и продолжали ее получать. Соседство с их государством таило в себе для украинских земель постоянную угрозу, особенно возраставшую во время феодальных усобиц и более крупных политических катаклизмов в Золотой Орде. Так, в 1395 г., в ходе борьбы среднеазиатского завоевателя Тамерлана с ханом Золотой Орды Тохтамышем, войска Тамерлана опустошили Поднепровье, куда бежал Тохтамыш, надеясь получить помощь в Великом княжестве Литовском. Поэтому украинский народ, тяжко страдавший от ига ордынских феодалов, активно поддерживал борьбу великокняжеской власти против них.

В середине XIV в. литовские феодалы столкнулись с ордынцами в ходе завоевания Украины. К концу XIV в. великий литовский князь заявил претензии на объединение под своей властью всех русских земель *, и противоборство с Золотой Ордой он попытался использовать для покорения всего восточнославянского мира. В междоусобной борьбе, разгоревшейся в Золотой Орде в конце XIV в., Витовт поддержал Тохтамыша. Летописи и ханские ярлыки свидетельствуют, что Витовт и Тохтамыш заключили соглашение, согласно которому Витовт с помощью Тохтамыша должен был овладеть всей русской землей, включая и Московское княжество, а Тохтамыш при содействии Витовта — вернуть себе власть над всей Ордынской державой.

В ходе подготовки к большой войне с Золотой Ордой 1397 г. войска Витовта, в состав которых входило и украинское боярство со своими формированиями, совершили успешный поход против Орды к Дону, а осенью того же года разбили крымцев. Годом позже литовско-русская армия, включавшая отряды украинцев, белорусов и русских, овладела землями в низовьях Днепра. Здесь была построена каменная крепость св. Иоанна (Таванъ), ставшая форпостом литовской власти в Северном Причерноморье. Несколько тысяч ордынцев были выведены из этих мест и поселены на Киевщине и Волыни. На пограничных реках юга Украины в срочном порядке воздвигались замки. К Киеву, центру сосредоточения литовско-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 19.

* Русскими в Великом княжестве Литовском назывались все восточнославянские земли.

русской армии, подтягивались все новые отряды воинов. Сюда прибыли полки полоцкого князя Андрея Ольгердовича, брянского—Дмитрия Ольгердовича, киевского — Ивана Борисовича, гольшанского — Ивана Ольгимунтовича, рыльского — Федора Патрикеевича, смоленского — Глеба Святославича, князей волынских и многие другие. Как сообщает русский летописец, в «великой зело» армии Витовта находилось до 50 князей со своими воинами. Кроме литовско-русских полков к Киеву подошли отряды Тохтамыша, около сотни крестоносцев, а также 400 воинов из Польши.

Происходила военно-политическая подготовка к войне и в лагере реальных правителей Золотой Орды — ставленника Тамерлана хана Тимур-Кутлука и его верного мурзы Едигея. Собранная со всей Орды армия весной 1399 г. была подтянута к рубежам Великого княжества Литовского. Опираясь на эти вооруженные силы, Тимур-Кутлук направил своих послов с требованием выдачи Тохтамыша. Но Витовт понимал, что ярлык на русские земли он мог получить только от Тохтамыша, и категорически отклонил требование Тимур-Кутлука.

В конце июля 1399 г. обе враждебные армии сошлись на берегах Ворсклы. Ожидая подхода крымских орд во главе с опытным военачальником Едигеем и стремясь оттянуть время сражения. Тимур-Кутлук вступил в переговоры с Витовтом. Состоялся обмен послами. Как только подошли отряды Едигея, эти бесперспективные переговоры были прерваны.

12 августа армия Витовта начала сражение Под натиском литовско-русских воинов ордынцы стали отступать. Но в это время Едигей зашел в тыл армии Витовта, разгромил отряды Тохтамыша и захватил лагерь Витовта. Битва закончилась страшным поражением литовско-русской армии. Она почти полностью полегла на поле брани. Погибли многие русские князья, боровшиеся за освобождение всех русских земель от ордынской власти еще под знаменами Дмитрия Донского и поддерживавшие Витовта в его политике создания независимого от Польши литовско-русского государства. Сам Витовт с небольшой дружиной едва спасся.

Разгром литовско-русского войска на Ворскле тяжело отразился на судьбах населения украинских земель. Поднепровье оказалось беззащитным. Киевщина и Волынь сразу же стали жертвой ордынского разбоя. «И царь Темер-Тиклуи тогды прииде к Киеву, и взя из города окуп 3000 рублев литовьских, и силу свою всю роспусти по Литовьскои земли, и воевали... до Великаго Луцка» [1],— сообщает о тех страшных событиях летописец.

Победа войск Тимур-Кутлука и Едигея над литовско-русскими войсками на Ворскле имела далеко идущие политические последствия: она укрепила влияние Золотой Орды в Восточной Европе и заставила Витовта надолго отказаться от планов создания независимого от Польши литовско-русского государства.

Городельский привилей. Уравнение православных русских феодалов в правах с католиками. Предпринимая меры, направленные на укрепление и централизацию Великого княжества Литовского, литовские феодалы стремились не допустить инкорпорации Великого княжества Литовского Польшей. Однако, несмотря на рост могущества Великого княжества Литовского, Витовт не шел на решительный разрыв с Польшей. В серьезных внешнеполитических и внутригосударственных делах, в частности в подавлении сопротивления населения завоеванных Литвой восточнославян-

[1] ПСРЛ. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М., 1980, с. 73.

Грюнвальдская битва. Гравюра из сочинения Яна Длугоша. XV в.

ских земель, он опирался на Польшу. Польские же феодалы, преследовавшие захватнические цели, использовали любую возможность для возобновления унии в той форме, которая предполагала поглощение земель Великого княжества Польшей.

Поражение на Ворскле ухудшило международное положение Великого княжества Литовского. Пошатнулись позиции великокняжеской власти и внутри государства. Особенно сильное недовольство политикой Витовта проявляли украинские и белорусские феодалы, удельные князья и бояре. Резко ухудшилось положение трудящихся масс Великого княжества Литовского, и прежде всего разоренных завоевателями украинских земель. Эти причины вынудили Витовта пойти на сближение с Польшей, в результате которого 18 января 1401 г. в Вильно был провозглашен новый акт польско-литовской унии. Витовт, литовские князья и бояре снова признавали вассальную зависимость Великого княжества Литовского от Польши. После смерти Витовта все литовские, белорусские и украинские земли должны были перейти под непосредственную власть польского короля.

Однако несколько лет спустя политическая обстановка изменилась. 15 июля 1410 г. произошла Грюнвальдская битва, ставшая важной вехой в истории многовековой борьбы славянских народов с немецкой феодальной агрессией. В разгроме рыцарей Тевтонского ордена под Грюнвальдом важную роль сыграли силы восточнославянских народов: в битве участвовали полки из Смоленска, Брянска, Стародуба, Полоцка, Витебска, Киева, Владимира, Луцка, из захваченных Польшей Галичины и Западной Подолии.

После Грюнвальдской битвы международное положение Великого княжества Литовского укрепилось. Опасаясь разрыва польско-литовской унии, польские феодалы пошли на некоторые уступки литовской стороне. Они касались, в частности, украинских земель. По акту унии, подписанному в 1413 г. в Городле на Западном Буге, украинские земли после смерти Витовта не переходили под власть польского короля, как предусматривалось Виленской унией, а оставались в составе Великого княжества Литовского, которое в виде отдельного государства во главе с великим князем должно было существовать и далее под суверенитетом польского короля.

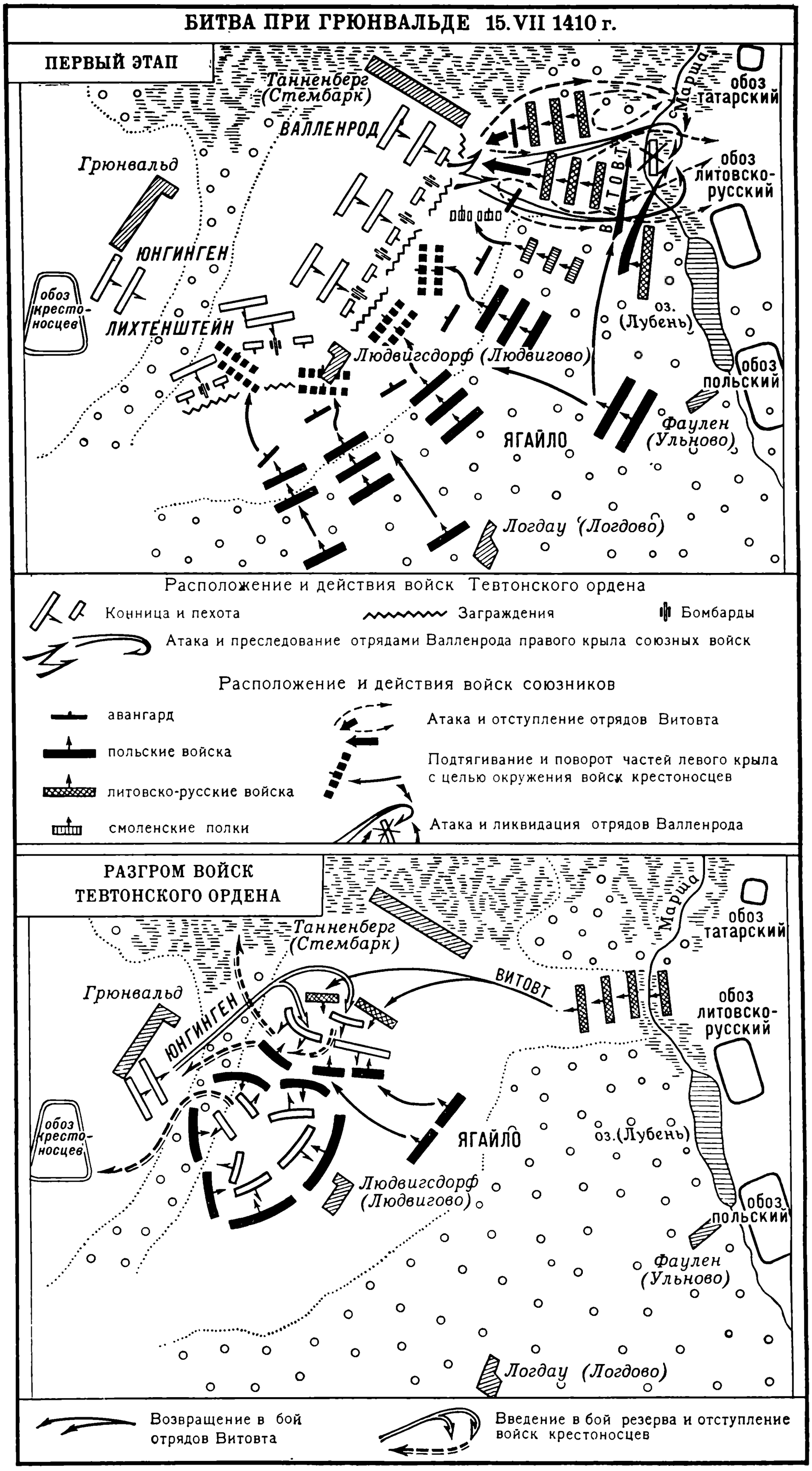
Таким образом, в новом акте унии Польша как бы отказалась от поглощения Великого княжества Литовского. Тем не менее Городельская уния знаменовала собой начало нового этапа распространения польского влияния в Великом княжестве Литовском изнутри — через широкие круги литовского католического боярства. Ему были дарованы такие же права, какими пользовалась польская шляхта. Государственные повинности бояр, как и раньше, ограничивались несением военной службы, но землевладение теряло прежде обычный для боярства условный характер. Бояре получили полное право распоряжаться своими имениями. Привилей положил начало слиянию литовского боярства с польской шляхтой в одну социальную группу.

Названные привилегии даровались исключительно католикам, «не схизматикам (т. е. не православным.— *Ред.)* или другим неверным». Принадлежность к лону католической церкви являлась также обязательным условием занятия государственных должностей. В соответствии с этим воеводы, старосты и другие представители государственной администрации на Украине впредь должны были назначаться только из числа католиков. Православные феодалы отстранялись от участия в государственном управлении.

Закрепив за литовскими феодалами-католиками положение правящей в государстве социальной группы, Городельская уния упрочила литовскую власть на Украине. Вместе с тем католический дух этой унии, привилегии, полученные литовскими феодалами, еще более углубили противоречия между ними и украинскими, а также белорусскими и русскими феодалами, которые в основном были православными, между массами украинского народа, исповедовавшего православие, и все более окатоличивавшейся правящей верхушкой Великого княжества Литовского. На трудящихся украинских земель тяжким бременем лег не только все усиливавшийся социальный, но и национально-религиозный гнет.

Чтобы разорвать имевшие важное политическое значение церковные связи украинских и белорусских земель с Московским княжеством и таким образом еще более укрепить здесь власть литовских феодалов, великокняжеская администрация предпринимала меры к отделению местной православной церкви от московской митрополии. Подобная попытка имела место еще при князе Ольгерде.

Витовт в своей церковной политике


БИТВА ПРИ ГРЮНВАЛЬДЕ 15. VII 1410 г.
ПЕРВЫЙ ЭТАП
Танненберг (Стембарк)
ВАЛЛЕНРОД
Грюнвальд
ЮНГИНГЕН
обоз крестоносцев
ЛИХТЕНШТЕЙН
Людвигсдорф (Людвигово)
Логдау (Логдово)
ЯГАЙЛО
Фаулен (Ульново)
Марша
обоз татарский
ВИТОВТ
обоз литовско-русский
оз. (Лубень)
обоз ПОЛЬСКИЙ
Расположение и действия войск Тевтонского ордена
Конница и пехота
Заграждения
Бомбарды
Атака и преследование отрядами Валленрода правого крыла союзных войск
Расположение и действия войск союзников
авангард
польские войска
литовско-русские войска
смоленские полки
Атака и отступление отрядов Витовта
Подтягивание и поворот частей левого крыла с целью окружения войск крестоносцев
Атака и ликвидация отрядов Валленрода
РАЗГРОМ ВОЙСК ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА
Возвращение в бой отрядов Витовта
Введение в бой резерва и отступление войск крестоносцев

пошел еще дальше, намереваясь переместить центр православия восточнославянских земель на территорию Великого княжества Литовского: в 1407 г. он добивался в Константинополе посвящения в митрополиты всея Руси своего ставленника полоцкого владыки Феодосия. Однако константинопольский патриарх по согласованию с московским князем Василием Дмитриевичем поставил митрополитом всея Руси грека Фотия, который стал активно сотрудничать с князем Василием.

После Городельской унии литовские феодалы вновь попытались создать в Великом княжестве Литовском автономную православную церковь. На занятие киевской митрополии была выдвинута кандидатура иерарха болгарского происхождения Григория Цамблака. Однако митрополит Фотий воспротивился этому. Не дал на то своего благословения и константинопольский патриарх, поскольку за спиной Цамблака стояли склонный к церковной унии Витовт и рьяный католик Ягайло. Тем не менее осенью 1415 г. на церковном соборе в Новгородке-Литовском (Новогрудке) по требованию Витовта православные епископы Великого княжества Литовского и Польши провозгласили Цамблака киевским митрополитом. При этом предполагалось, что сфера влияния новой митрополии не ограничится пределами Великого княжества Литовского. Витовт рассчитывал привести к послушанию новому митрополиту москвичей, новгородцев, псковичей, словом, население всех русских земель, а польский король прямо называл Цамблака «митрополитом всея Руси».

Государственная власть предполагала также использовать вновь созданную митрополию для оформления унии православной церкви с католической с целью, как выразился Ягайло, «окончания схизмы». В 1418 г. Цамблак был отправлен на Констанцский церковный собор для переговоров об унии. Переговоры окончились безрезультатно. Объясняется это исключительной непопулярностью в Юго-Западной Руси идеи заключения церковной унии. Униатская миссия Цамблака окончательно скомпрометировала киевскую митрополию в глазах православного населения Великого княжества Литовского. Отдельная киевская митрополия в 1420 г. прекратила свое существование.

К княжению Витовта относится начало открытой экспансии католической церкви на украинские земли. Она рассматривалась великокняжеской властью как действенное средство подчинения украинских земель. В Киеве, Каменце-Подольском и Луцке были открыты католические епископские кафедры.

Наступление литовских феодалов на украинские земли в княжение Витовта стало главной причиной освободительного движения, развернувшегося здесь после его смерти. Это движение совпало с феодальной войной за великокняжеский стол, на который претендовал известный противник польско-литовской унии южнорусский князь Свидригайло Ольгердович. Став в 1430 г. великим князем, Свидригайло опирался в своей деятельности главным образом на украинских князей и бояр, враждебно настроенных как против польских, так и против литовских господствующих слоев. Крупное литовское боярство организовало против Свидригайла заговор, и в 1432 г. великим князем стал брат Витовта Сигизмунд Кейстутович. Однако белорусские, а также украинские земли (Киевская, Северская, Волынь и Восточная Подолия) остались под властью Свидригайла. Об этих событиях литовско-русская летопись пишет: «Князи руськыи и бояре посадиша князя Швитригайла на великое княжение

на Руское» [1]. Великое княжество Литовское фактически распалось на две части: на украинских и белорусских его землях образовалось отдельное Русское княжество.

Чтобы ослабить освободительное движение на украинских и белорусских землях и вернуть их в состав Великого княжества Литовского, правящие круги Литвы и Польши пошли на некоторые уступки русским феодалам. При вступлении Сигизмунда на великокняжеский престол 15 октября 1432 г. был издан привилей, в котором речь шла о правах русских феодалов. Он как бы толковал старые акты, даровавшие князьям, шляхте и боярам Великого княжества Литовского права и привилегии, подобные тем, какими пользовались польские феодалы, в том смысле, что они должны распространяться и на русских князей и бояр.

Те же политические цели преследовал и королевский привилей Луцкой земле от 30 октября 1432 г. Луцкая земля должна была входить в состав Великого княжества Литовского, что подтверждалось и последним актом польско-литовской унии 1432 г. Однако польское правительство издавна претендовало на эту землю и, участвуя в борьбе за великокняжеский стол, вспыхнувшей в Великом княжестве Литовском после смерти Витовта, стремилось ее захватить. Этим привилеем местные князья, бояре, духовенство, иноземные колонисты, независимо от их вероисповедания, уравнивались в правах и вольностях с соответствующими категориями населения Польского королевства. Привилей содержал также обещание не принуждать православное население Луцкой земли к переходу в католичество, не разрушать православных церквей.

6 мая 1434 г. великий князь Сигизмунд подтвердил права и привилегии православных феодалов, о которых шла речь в привилее от 15 октября 1432 г. Были подтверждены их имущественные права, для своих крестьян они получили освобождение от ряда государственных повинностей и податей. Великий князь обещал не карать никого из феодалов по доносу без суда. Они могли быть наказаны только после предварительного следствия.

Привилеи 1432 и 1434 гг., в отличие от предыдущих, распространялись не только на шляхту, но и на князей. После ликвидации удельных княжеств и особенно после Городельского привилея, лишившего православных феодалов права занятия государственных должностей, крупные украинские князья стали все более оттесняться на второстепенные экономические и политические позиции не только в общегосударственном масштабе, но зачастую и в собственных владениях. Руководящую роль в жизни Великого княжества Литовского захватила литовско-католическая боярская знать, и богатые украинские князья активно выступали против нее, стремясь восстановить свое прежнее положение. Привилеи 1432 и 1434 гг. были встречены ими с недовольством — ведь о главном, что их волновало,— о праве занятия государственных должностей — эти привилеи умалчивали. Однако большую часть мелких и средних князей расширение их прав и вольностей привилеями 1432 и 1434 гг. удовлетворило. Поэтому так же, как рядовые бояре и шляхта, они стали постепенно отходить от освободительного движения. В 1438 г. Киевщина, Черниговo-Северщина, Брацлавщина и Волынь снова признали власть великого князя литовского.

Восстановление украинских удельных княжеств и окончательная их ликвидация. В марте 1440 г. великий князь литовский Сигизмунд Кейстутович

[1] ПСРЛ, т. 35, с. 57.

пал жертвой заговора. Правление Сигизмунда вызывало широкое недовольство. Не угоден он был крупным феодалам Великого княжества Литовского, стремившимся к укреплению господства над украинскими землями, так как согласился на превращение Западной Подолии в польскую провинцию. Но особенно активно против Сигизмунда выступали украинские князья и бояре: в его княжение в 1439 г. была предпринята новая попытка унии православной церкви с католической. Уния не состоялась из-за противодействия московского правительства, а также сопротивления украинских и белорусских феодалов Великого княжества Литовского.

Православным феодалам уния принесла бы новое ущемление их прав в сравнении с католиками или униатами. Для украинского и белорусского народов она означала дальнейшее наступление католицизма, усиление социального и национального гнета.

Кандидатом в великие князья от украинских и белорусских феодалов снова был выдвинут Свидригайло. Однако под давлением крупных литовских феодалов-панов, вопреки условиям унии 1432 г., без согласия польской стороны великим князем литовским был избран тринадцатилетний сын Ягайла Казимир. Король Владислав III не признал Казимира великим князем, а видел в нем лишь наместника королевской власти в Великом княжестве. Польско-литовская уния фактически была разорвана. Украинские земли продолжали оставаться в составе Великого княжества Литовского.

В начале княжения Казимира его власть была непрочна. Даже в собственно литовских землях ее приходилось утверждать, преодолевая значительное сопротивление недовольных его вокняжением феодалов. На Украине же возобновилась феодальная раздробленность. От Литвы отложилась часть Киевской земли. Власть здесь на непродолжительное, правда, время захватил один из претендентов на великокняжеский престол — Михаил, сын убитого великого князя литовского Сигизмунда. На Волыни снова появился Свидригайло, завязавший сношения с галицкой правящей верхушкой. Оживились захватнические устремления польских феодалов в отношении украинских земель. Малопольское панство стремилось к разделу украинских земель и включению их в состав Польши по частям, а не к инкорпорации их в Польшу в составе Великого княжества Литовского.

В это напряженное время целостность Великого княжества Литовского, на первых порах вообще эфемерную, великокняжеская власть сохранила лишь благодаря значительным уступкам сепаратистски настроенным украинским феодалам.

Статус удельного княжества в конце 1440 г. получила Киевская земля. Князем здесь стал Олелько (Александр) Владимирович — сын Владимира Ольгердовича, «выведенного» из Киева великим князем Витовтом. В состав Киевского княжества вошла также Переяславщина и южные волости Чернигово-Севершины — Остерская и Путивльская.

Волынь вместе с Брацлавщиной была признана пожизненно за Свидригайлом на правах удельного княжества. К возрожденному Волынскому княжеству были присоединены также Гомель и Туров. В результате в конце 1445 — начале 1446 г. Свидригайло признал Казимира великим князем литовским, продолжая, правда, так титуловать и себя.

Таким образом, возрождение Киевского и Волынского княжеств и признание Олелька и Свидригайла удельными князьями должно было восстановить пошатнувшиеся государственные устои Великого княже-

ства Литовского и обеспечить господство литовских феодалов на украинских землях.

После того как в битве с турками под Варной в 1444 г. без вести пропал польский король Владислав, польские феодалы, стремившиеся восстановить польско-литовскую унию, предложили корону Казимиру. Последовали продолжительные переговоры по поводу характера польско-литовской унии. Польские послы на переговорах настаивали на восстановлении законной силы Кревского акта, предусматривавшего инкорпорацию всех земель Великого княжества Литовского Польшей. Литовские же феодалы, нуждавшиеся в поддержке Польши для укрепления своего господствующего положения в Великом княжестве Литовском, в частности на украинских землях, и потому также заинтересованные в унии, предлагали понимать ее как свободный союз равноправных государств. Литовские феодалы потребовали также от Казимира присяжную запись, гарантировавшую пребывание Волыни и Подолии в составе Великого княжества Литовского.

В 1447 г. Казимир стал польским королем, одновременно оставаясь великим князем литовским. Вопрос об унии не был решен, но фактически Великое княжество Литовское и Польша оказались связанными персональной унией. Стремясь удержать за собой Великое княжество Литовское после столь трудного утверждения там своей власти, склонив на свою сторону феодалов Великого княжества Литовского, в том числе украинских земель, перед отъездом из Литвы на коронацию Казимир даровал феодалам всех земель Великого княжества Литовского привилей, расширявший их сословные права и свободы. Привилей распространялся и на православных феодалов украинских земель и сыграл известную роль в укреплении здесь литовской власти.

Привилей освободил подданных феодалов и мещан от ряда государственных повинностей. Великий князь обязался не принимать в свои имения принадлежавших феодалам крестьян и потребовал того же от них относительно великокняжеских крестьян. За феодалами закреплялось право вотчинного суда. Великий князь обязался также не раздавать земель и административных должностей в Великом княжестве «чужеземцам», т. е. польским феодалам. Наконец, Казимир обязался не допускать уменьшения территории Великого княжества Литовского. Волынь и Восточная Подолия, на которую претендовали польские феодалы, таким образом, должны были оставаться в составе Великого княжества Литовского.

Привилей 1447 г. сыграл заметную роль в социально-политической истории Великого княжества Литовского. Он способствовал закрепощению крестьянских масс и положил начало законодательному закреплению этого процесса; значительно расширив права и привилегии феодалов, он тем самым ослабил великокняжескую власть. Освободив шляхетских подданных и мещан от поставки подвод, от подвоза материалов для строительства замков и, главное, от выплаты в казну постоянной денежной подати — серебщины, привилей значительно сократил доходы великого князя и увеличил доходы феодалов, особенно крупных. Это вело к возрождению политической роли феодальной знати и ее влияния на великокняжескую власть. Расширение прав и привилегий феодалов Великого княжества Литовского способствовало сглаживанию различий в социальном строе княжества и Польского королевства и сближало их политически значительно сильнее, чем подписание каких бы то ни было актов унии.

В интересах феодалов в 1468 г. был издан новый судебник. Особое внимание в нем обращалось на защиту феодальной частной собственности.

Поддержка великокняжеской властью стремления украинских феодалов к упрочению своего классового господства над трудящимися массами, расширение их прав и привилегий вело к отходу украинских феодалов от освободительного движения, способствовало укреплению великокняжеской власти на Украине, подготовило политические условия для окончательной ликвидации удельных княжеств на украинской земле.

Когда в сентябре 1451 г. распространилась весть о тяжелой болезни Свидригайла, польский сенат потребовал от Казимира, чтобы он предпринял меры к включению Волыни и Восточной Подолии в состав Польши. В противном случае сенаторы угрожали создать конфедерацию польской шляхты для захвата этих территорий.

Давнишние претензии польских феодалов на Волынь и Восточную Подолию особенно усилились с восшествием на польский престол Казимира. Именно в это время они захватили часть Восточной Подолии с Меджибожем и Хмельником. В течение всего великого княжения Казимира они настойчиво добивались захвата Волыни и Восточной Подолии, а также инкорпорации в Польшу вообще всех земель Великого княжества Литовского. Они рассчитывали, что, будучи одновременно великим князем литовским, Казимир поможет им осуществить эти их планы. Однако, опасаясь разрыва с Литвой, Казимир уклонился от поддержки захватнических устремлений польских феодалов.

Литовское же правительство во главе с бывшим регентом при Казимире на великокняжеском престоле Яном Гаштовтом, выражая интересы литовских феодалов, стремившихся к безраздельному господству на захваченных ими украинских землях, не только защищало их от посягательств со стороны Польши, но и требовало возврата ранее завоеванных Польшей украинских земель, прежде всего Подолии, а также пограничных волынских территорий и даже земли Белзской. В конце 1451 г., еще при жизни Свидригайла, на Волынь вступили литовские войска во главе с паном Радзивиллом, пинским князем Юрием и воеводой Юршей. К моменту смерти Свидригайла в феврале 1452 г. Волынь была занята ими полностью. Это вызвало возмущение в среде польских феодалов. Вопрос обсуждался на нескольких сеймах. Было принято решение о создании шляхетской конфедерации для захвата Волыни. Однако конфликт между Польшей и Литвой был улажен путем взаимных уступок. Литовская сторона перестала настаивать на возвращении Западной Подолии; Волынь осталась в составе Великого княжества Литовского и была превращена в его провинцию, управляемую великокняжеским наместником. Восточная же Подолия была присоединена к Киевскому княжеству.

На Киевском столе после смерти Олелька Владимировича с 1455 г. сидел его сын Семен Олелькович. В годы правления Казимира, поглощенного польскими делами и почти постоянно пребывавшего в Кракове, литовские паны неоднократно ставили вопрос об избрании для Великого княжества Литовского отдельного великого князя. Семен Олелькович выдвигался ими в качестве одного из кандидатов. Однако решение этого вопроса постоянно откладывалось королевской властью, не заинтересованной в нарушении персональной государственной польско-литовской унии и в продлении литовско-русской княжеской традиции.

Семен Олелькович умер в 1470 г. Его правление стало последней стра-

ницей истории крупных украинских удельных княжеств. Киевская земля была превращена в провинцию Великого княжества Литовского. Воеводой в Киев назначили литовского пана Мартина Гаштовта, силой оружия заставившего киевлян признать свою власть. «И оттоле на Киеве князи переста быти, а вместо князей воеводы наста» [1].

Восточная Подолия была отделена от Киевщины и перешла под управление великокняжеских наместников, назначавшихся главным образом из числа волынских князей — Острожских, Чарторыйских, Збаражских и др.

После ликвидации Волынского и Киевского княжеств местные феодалы получили великокняжеские привилеи, подтверждавшие их права и привилегии. Эта мера должна была стать средством укрепления позиций центральной власти Великого княжества Литовского на украинских землях. Однако она лишь отчасти достигла цели. Украинские князья, терявшие свои уделы вследствие централизаторских мероприятий великокняжеской власти, проявляли недовольство. Господство литовских панов ущемляло и классовые интересы украинского боярства.

В связи с государственным сращением Литвы и Польши украинский народ превращался в объект все более интенсивного ополячивания и окатоличивания. В конце XV — начале XVI в. литовское правительство возобновило попытки осуществления унии православной церкви с католической. Киевская митрополия в это время окончательно отделилась от московской. Недовольство укрепившимся господством литовских феодалов и наступлением католицизма охватывало все более широкие слои украинского народа.

[1] ПСРЛ, т. 2. с. 358.

Административное устройство. Изменения в структуре феодального общества. Ликвидация удельных княжеств повлекла за собой введение нового административно - территориального деления и создание новой администрации. Эти мероприятия должны были служить укреплению центральной великокняжеской власти — власти литовских феодалов.

После ликвидации удельных княжеств основными административно-территориальными единицами на Украине стали земли (воеводства). Из-за недостаточного развития внутригосударственных связей каждая из них сохраняла в значительной мере феодальную автономию и получала от великих князей земские привилеи, подтверждавшие обычаи ее внутренней жизни.

Земли делились на поветы с центрами в городах. Деление это, однако, не было постоянным: с течением времени количество поветов уменьшалось или увеличивалось, изменялись и их границы.

Киевщина делилась на Киевский, Чернобыльский, Житомирский, Овручский, Черкасский, Каневский и другие поветы. В состав ее входила и Переяславщина.

Чернигово-Северщина делилась на Черниговский, Новгород-Северский, Остерский, Стародубский и другие поветы. Здесь сохранялось также значительное количество мелких удельных княжеств. Центром всего Поднепровья оставался Киев — резиденция удельных князей, великокняжеских наместников и киевских воевод.

Волынь с центром в Луцке делилась на Луцкий, Владимирский и Кременецкий поветы.

Входившая в состав Великого княжества Литовского Восточная Подолия (Брацлавщина) делилась на Брацлавский и Винницкий поветы.

Административно-судебная и военная власть на землях Украины, бывших прежде удельными княже-

ствами, и в поветах принадлежала великокняжеским наместникам — воеводам и старостам. Должности эти нередко давались как награда за службу и имели характер обыкновенных кормлений. Довольно часто одно и то же лицо получало несколько административных должностей в разных поветах и даже разных землях. По своему правовому положению воеводы и старосты были не столько государственными административными лицами, сколько вассалами великого князя. Так же, как некогда с удельных князей, с них брали присяжные грамоты на верность великому князю. От старого удельного времени наместническое правление в значительной степени унаследовало независимость от центральной власти.

Воеводам и старостам подчинялись хорунжие, маршалки и каштеляны, руководившие шляхетскими войсками, а также городничие и мостовничие, ответственные за строительство и ремонт оборонительных сооружений, крепостей, замков, мостов. Заместителями воевод в судебных делах были подстаросты.

Своеобразными административно-территориальными единицами на украинских землях являлись владения князей, сохранявшие в значительной мере феодальный иммунитет. В поветовую систему не входили также «державы», раздававшиеся феодалам во временное пользование из великокняжеского земельного фонда. Очень распространены были держания на так называемом заставном праве, получаемые феодалами в качестве залога за предоставленную великому князю денежную ссуду. Державец при этом получал почти неограниченные права в заложенной великокняжеской волости на все доходы, которые шли, как считалось, на погашение процентов за ссуду, и полную власть над населением. Он распоряжался «державой» вплоть до передачи ее другому лицу.

На должности воевод и старост на Украине назначались, в основном, крупные литовские феодалы. Однако местная знать тоже играла значительную роль в административном управлении украинскими землями. Это соответствовало изменениям в общественно-политическом строе украинских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского, которые происходили в течение XV—первой половины XVI в. Боярство и князья образовали единое привилегированное феодальное сословие — шляхетство. Проведенная в 1528 г. перепись зафиксировала наличный состав шляхетства Великого княжества Литовского. Во время ревизии замков и староств в украинских землях в 1545 и 1552 гг. также проверялась принадлежность к шляхетству. Выделению шляхетского сословия способствовала и волочная помера 1557 г., которой подлежали все земли, кроме шляхетских. Чтобы земли не попали в померу, их собственники должны были документально доказать права на них, а также свое шляхетство.

Одновременно происходило законодательное закрепление шляхетских прав. В 1529 г. был утвержден кодекс прав Литовского государства, так называемый первый Литовский статут, подтверждавший старые права, дарованные шляхте предыдущими великокняжескими привилеями, и новые, которыми она стала фактически пользоваться в последнее время,

Верхушку шляхетства составляли всесильные магнаты (от лат. magnus—великий)—крупнейшие земельные собственники, захватившие ключевые позиции в политической жизни страны. Неравенство между основной массой шляхты, с одной стороны, и верхушкой шляхетства — магнатами — с другой, узаконивалось и статутом: законодательство в нем делилось на два вида — общешляхетское и «по сословиям», т. е. отдельно для

магнатов и остальной шляхты. Магнаты все более сосредоточивали в своих руках высшие государственные должности. Нередко они передавали их по наследству. Магнаты располагали собственными вооруженными силами, которые они выводили не под общей хоругвью своего округа, а отдельно, под фамильными хоругвями, почему и назывались «князьями и панами хоругловными».

Под давлением литовских магнатов в подтвердительные земские привилеи 1529, 1547 и 1551 гг. была внесена не упраздненная привилеями 1447, 1492, 1506 гг. статья Городельского акта, лишавшая феодалов православного вероисповедания права на занятие государственных административных должностей. Однако крупнейшие украинские магнаты, православные по вероисповеданию, не только управляли украинскими землями, но нередко становились влиятельнейшими вельможами Великого княжества Литовского. Например, волынский князь Константин Иванович Острожский, выдвинувшийся в войнах конца XV — начала XVI в., особенно в борьбе с крымской агрессией, как талантливый военачальник, несмотря на протесты литовского панства, занимал ряд ответственных государственных постов. Он был старостой брацлавским, звенигородским и луцким, маршалком Волынской земли, а также литовским гетманом, виленским каштеляном и трокским воеводой. Покровительствуя православной церкви, К. И. Острожский стремился использовать ее для укрепления своих позиций в противовес литовским магнатам, опиравшимся, в основном, на католическую церковь.

Из магнатов (панов) преимущественно состояла великокняжеская рада. Со второй половины XV в. наметилась тенденция превращения ее в главный политический орган государства. В привилеях великого князя Александра от 6 августа 1492 г. и великого князя Сигизмунда от 7 декабря 1506 г. подтверждались сословные привилегии шляхетства и прямо указывалось, что великий князь имеет право издавать законы не иначе, как после обсуждения с панами — радой и с их согласия. Таким образом, рада должна была превратиться в самостоятельный орган государственной власти, ограничивающий власть великого князя. Этому способствовало и продолжительное отсутствие в Литве великих князей, которые, начиная с Казимира, были одновременно и польскими королями. Однако во второй половине XV в. и особенно в первой половине XVI в. рада выявила полное бессилие как высшая административная инстанция. В этих условиях возрастало политическое влияние магнатов на местах, в частности на Украине.

Со второй половины XV в. начинают собираться шляхетские сеймы (съезды). Состав их и компетенция в XV в. еще четко не определились, они не являлись регулярно действующими органами. Созывались не только сеймы отдельных земель с участием местной администрации, магнатов, духовенства и шляхты, но и общие — «вальные», на которых присутствовали князья, паны и крупные бояре всего княжества.

Рядовая шляхта в XV в. участия в сеймах не принимала. В это время сеймы созывались преимущественно для избрания великого князя и заключения унии с Польшей. Позже они стали решать и разные вопросы местной и общегосударственной жизни. Поэтому после 1512 г. оформилось шляхетское представительство на сейме: от каждого повета избирались два шляхетских делегата.

В течение первой половины XVI в. компетенция сейма все более расширялась, и он превратился в постоянно действующий верховный орган, отодвинувший на задний план раду. В

частности, сейм имел законодательные функции, решал вопрос о принятии статутов.

Выступая на сеймах, литовская и украинская шляхта пыталась добиться уравнения в правах с магнатами. Одним из главных ее требований было учреждение выборных земских судов, юрисдикции которых подлежало бы все шляхетство, в том числе и магнаты. Несмотря на сопротивление магнатов и великокняжеской власти, решением Бельского сейма 1564 г. выборные земские суды были учреждены. К компетенции этих судов относились гражданские дела всей шляхты.

Уголовными делами ведал замковый (гродский) суд. Его возглавлял судебный староста, которым являлся наместник замка или крупнейшего в повете поместья. Межевые и поземельные дела решал подкоморский суд.

Шляхта литовских земель требовала также учреждения по польскому образцу поветовых шляхетских сеймиков, в которых принимали бы участие все феодалы повета — магнаты и шляхта. Эти сеймики были учреждены Виленским привилеем 1565 г. На них выбирали земские суды, предварительно обсуждали вопросы, выносившиеся на рассмотрение ближайших сеймов, выбирали делегатов (послов) на вальный сейм.

В 1565 г. литовско-русская шляхта добилась проведения административной и военной реформ, в результате которых она стала играть более значительную роль в административном аппарате и была уравнена в военных правах с магнатами. Каждая земля представляла с этого времени отдельный административный и военный округ — воеводство. На украинских землях Великого княжества Литовского было образовано три воеводства: Киевское, Волынское и Брацлавское. Военачальникам-воеводам подчинялись поветовые командиры: в важнейших поветах воеводств — каштеляны, в остальных — маршалки. Под команду каштелянов и маршалков собирались со своими отрядами как шляхта, так и князья и паны хоругвные. При этом шляхта собиралась под команду каштелянов и маршалков во главе с хорунжими (по одному на судебный повет). Новые воеводы и каштеляны, которыми могли назначаться и крупнейшие шляхтичи, получали места в великокняжеской раде.

Названные реформы повысили политическую роль шляхты и содействовали установлению в стране шляхетской «демократии», органом которой был вальный сейм. Второй Литовский статут 1566 г. узаконил политическое значение вального сейма: он лишал великого князя права без участия сейма издавать государственные законы. Литовское государство (и Украина в его составе), как и Польша, превращалось в шляхетскую республику. Но, несмотря на уравнение в правах с магнатами и на расширение общешляхетских прав, шляхта была недовольна своим положением, так как реальная власть в государстве сосредоточилась в руках магнатской верхушки как в государственном центре — Литве, так и в отдельных землях, в том числе и на Украине.

Главной чертой общественно-административной жизни украинских земель после ликвидации удельных княжеств было постепенное утверждение всевластия крупнейших феодалов — магнатов, которые занимали вершину общественной пирамиды и стремились подчинить себе всю социальную, экономическую, политическую и культурную жизнь. В неограниченную зависимость от них попадали массы крестьянства и городских низов Украины, а также мелкая шляхта и средние слои мещанства. Меры по централизации государственного управления, проводимые великокня-

жеской властью, пытавшейся упрочить свое положение на украинских землях, встречали противодействие укреплявшейся здесь магнатской верхушки. В этом заключалось одно из противоречий общественно-политической жизни на Украине в XV — первой половине XVI в. Политической децентрализации способствовала также шляхетская демократия, развившаяся в литовско-русском государстве, в частности на украинских землях, к середине XVI в.

Таким образом, для политической истории украинских земель, находившихся под властью Великого княжества Литовского, второй половины XIV— первой половины XVI в. прежде всего характерно значительное укрепление власти литовских феодалов. Еще до ликвидации удельных княжеств в конце XIV в. великокняжеское правительство предпринимало меры к подрыву роли и значения древнерусской княжеской династии, расширению литовского феодального землевладения и созданию послушного ему военно-служилого сословия — боярства.

Стремление польских и литовских феодалов к утверждению на огромной территории захваченных Великим княжеством Литовским украинских и белорусских земель было одной из главных причин польско-литовской унии 1385 г., положившей начало польско-католической экспансии на Украину, направленной на порабощение украинского народа польскими феодалами и захват его земель. Этой цели служила и начавшаяся непосредственно после Кревской унии ликвидация украинских удельных княжеств, результаты которой великокняжеская власть сумела использовать для политической консолидации Великого княжества Литовского и укрепления господства литовских феодалов на Украине.

Проникновение католицизма на украинские земли, неравноправное положение православных украинских феодалов по сравнению с католиками не только в религиозном, но и в сословно-правовом отношении, закрепленное Городельским актом 1413 г., стало почвой для распространения в среде украинских феодалов недовольства унией и поддерживающей ее великокняжеской и королевской властью. Частичное удовлетворение классовых интересов местных феодалов ослабляло, но не могло погасить развертывавшегося на украинских землях освободительного движения. Результатом его стало воссоединение в начале XVI в. Чернигово-Северщины с Россией.

3. ГАЛИЧИНА, БУКОВИНА И ЗАКАРПАТЬЕ ПОД ВЛАСТЬЮ ИНОЗЕМНЫХ ГОСУДАРСТВ

Галичина. В первые десятилетия после захвата Галичины Польшей в 1349 г. ее государственно-правовое положение претерпело коренные изменения. Это было связано с борьбой, которую польским королям приходилось вести с отдельными группами феодалов, и новым соотношением сил различных группировок феодалов Польши, Венгрии и Литвы во второй половине XIV в. Новый статус Галицкой земли нашел отражение в терминологии актов того времени. В официальных государственных документах, в частности королевских грамотах 1350—1358 гг., скрепленных подписью Казимира III, Галичина именовалась «Королевство Русь», а себя король титуловал королем Польши и «государем и наследственным владетелем Руси», «дедичем земли Русской». Выпускал он для Галичины и особую монету. Таким образом, имела место персональная уния Польского

королевства с «Русским королевством», а не включение Галичины в состав Польши на положении обычной провинции. Такая политика Казимира III по отношению к Галичине объясняется тем, что король считал более выгодным для себя персональную унию: в «Русском королевстве» он видел опору в борьбе за укрепление королевской власти и ослабление магнатской оппозиции.

Однако Казимир III всячески нарушал установленный им статус «Русского королевства», ущемлял интересы украинского населения. Ведя борьбу с непокорным магнатством Великопольши, он искал поддержку в лице «можновладцев» Малой (Южной) Польши. В интересах последних он вынужден был отказаться от установленного им статуса Галичины и стал на путь осуществления инкорпорации, т. е. включения ее в состав Польского королевства. Этим создавались наиболее благоприятные условия для экспансии польских феодалов на украинские земли. Наступление на Галичину, дальнейшее ущемление и ликвидация отличительных особенностей ее политико-административного устройства и правовых институтов еще более активно развернулись при преемниках Казимира III. Это наступление завершилось в 1434 г. введением «польского права», т. е. ликвидацией местного своеобразия во всех сферах политического устройства и превращением Галичины в обычную провинцию Польши.

Наместником польского короля в Галичине являлся генеральный «русский» (львовский) староста, которому были подчинены воеводы, издревле возглавлявшие администрацию городов и волостей. Таким же административный аппарат оставался и в те годы, когда «Королевство Русь» было подвластно венгерскому королю Людовику Анжуйскому (1370—1372, 1379—1385), и тогда, когда правителем этого королевства являлся вассал Венгрии князь Владислав Опольский (1372—1379, 1385—1387). После похода в 1377 г. Людовика на холмско-белзского князя Юрия Наримунтовича в состав «Русского королевства» была включена также Холмская земля.

После окончательного захвата в 1387 г. Галичины Польшей, как и ранее, во главе волостей остались воеводы. Кроме львовского старосты появились не зависевшие от него старосты в центрах отдельных земель — Галиче, Теребовле, Перемышле, Саноке, Самборе, Холме. Белзская земля в 1388—1462 гг. не входила в состав Польского королевства, а оставалась на положении княжества, принадлежавшего мазовецким князьям—вассалам Польши. Жидачевская волость в 1421—1430 гг. была владением князя Федора Любартовича.

Чтобы ослабить сопротивление населения захваченных земель, польские короли неоднократно давали обещания уважать права и обычаи коренных жителей. Однако о подлинной цели таких обещаний можно судить по тому, что уже в 1340—1341 гг. король Казимир III просил папу разрешить ему не выполнять данную ранее присягу соблюдать «обряды, права и обычаи» православных подданных. В апреле 1341 г. папа Бенедикт XII поручил краковскому епископу дать королю такое освобождение от присяги.

Положение украинского населения Галичины непрерывно ухудшалось. Польские послы информировали римского папу, что король Польши Ягайло (1387—1434) и великий князь литовский Витовт (1392—1430) «держат русинов в железных оковах». Польское правительство всячески способствовало экспансии на восток католических феодалов и городского патрициата. Иноземная феодальная и патрицианская колонизация на украинских землях сыграла такую же отрицательную роль, как и немецкая

колонизация в Польше. Это была одна из форм католической агрессии, приводившей к возникновению и быстрому усилению в составе господствующего класса Галичины прослоек, не заинтересованных в самобытном развитии края. Колонисты стали верной опорой польских королей в проведении ими политики порабощения украинского народа.

Польские короли раздавали села вместе с их населением польским, немецким, венгерским, чешским феодалам, чаще всего обедневшим рыцарям, стремившимся к легкому и быстрому обогащению. Земли, захваченные ими в Галичине, стали основой формирования многих магнатских латифундий. Уже в конце XIV в. наиболее влиятельным среди магнатов Галичины стал Спытко Мельштинский. Он захватил Самборскую волость, а Западную Подолию с Каменцем, Смотричем и другими замками получил «на полном княжьем праве» как вассал польского короля. Прежних собственников часто изгоняли из их владений. В то же время польские короли подтверждали права на землевладение тех галицких бояр, которые верно служили захватчикам. Так, многочисленными имениями в Галичине и Польше владел Дмитро Петрович из Горая — один из наиболее влиятельных среди приближенных к Казимиру III магнатов. В 1434—1439 гг. львовским каштеляном и холмским старостой был Грицко Кирдей из Поморян, холмским каштеляном в 1434—1470 гг.— Ванько Кирдей из Квасилова. А многие бояре, принимавшие участие в борьбе против агрессии польских феодалов, вынуждены были уйти в Литовское княжество, некоторые — в Молдавию. Из оставшихся часть была уравнена в правах со шляхтой, часть — низведена до уровня неполноправных мелких бояр или даже крестьян. В то же время в число шляхты проникла часть бывших княжеских слуг.

Все больше украинских феодалов переходило в католичество, стремясь получить такие же привилегии, какими пользовалась польская шляхта. Однако значительная часть украинских средних феодалов и большинство мелких бояр оставались верными православию.

Поскольку подавляющее большинство населения Галичины было православным, национально-религиозное угнетение ее коренных жителей приобрело форму ограничения прав православной церкви и насильственного насаждения католичества. Католическая церковь стала одним из основных орудий укрепления господства иностранных феодалов на захваченных ими украинских землях. При этом проникновение католичества в Галичину было особенно сильным. Начиная с 1350 г. польское правительство неоднократно обращалось к римским папам с просьбой основать в Галичине католическую митрополию. Дело затянулось лишь в связи с протестами епископов из г. Лебус в Бранденбурге, получивших ранее право управлять католическими приходами в Галичине. В 1375 г. была подписана папская булла о прекращении юрисдикции лебусских епископов на Востоке и о создании отдельной галицкой митрополии (архиепископства). В начале XV в. центром галицкой митрополии стал Львов, где к тому времени осело наибольшее количество немецких колонистов-католиков. Львовской архиепископии были подчинены Перемышльское, Холмское, Владимиро-Луцкое, Каменецкое и Молдавское епископства. Опорными пунктами католицизма стали также доминиканские и францисканские монастыри. В частности, доминиканцы обосновались в городах, являвшихся ранее политическими и культурными центрами Галицко-Волынского княжества,— Львове, Перемышле, Белзе, Буске, а также в Олеске и Подкамене вблизи древ-

Олеский замок. Современный вид.

него Плеснеска. Польские короли предоставляли католическим епископиям, костелам и монастырям разные привилегии, передали им значительные земельные владения. Очень быстро католическая церковь стала крупнейшим феодалом, верным союзником светских феодалов в жестокой эксплуатации трудящихся.

Католическая церковь проповедовала ненависть и презрение к некатоликам, в частности к православному населению — «схизматикам». Православных украинцев даже не признавали христианами, и в официальных актах XV в. можно встретить противопоставление: «это христианин, а не русин». Переманивая отдельных православных в католичество, их крестили вторично, как и язычников. В то же время, чтобы не допустить церковного единства населения Галичины с православным населением Великого княжества Литовского и Русского государства, польский король в 1370 г. добился согласия константинопольского патриарха на восстановление отдельной галицкой православной митрополии. Однако положение православных митрополитов в условиях наступления католицизма было чрезвычайно тяжелым, и уже в начале XV в. галицкая митрополия прекратила существование. Сохранились лишь издавна существовавшие перемышльское и холмско-белзское православные епископства, но их компетенция была резко ограничена. Обычным явлением стало грубое насилие феодалов-католиков и представителей власти в отношении православного духовенства и мирян. В этих условиях местное православное население, в частности горожане, средняя и мелкая шляхта, пытались использовать церковные учреждения для сплочения всех недовольных иноземным владычеством.

Действуя в интересах католических феодалов, правительство все же было вынуждено на первых порах считаться с правовыми нормами, установившимися еще в период Киевской Руси и Галицко-Волынского княжества. Официальные документы составлялись не только на латинском, но и на украинском языке.

Однако в связи с ростом засилия шляхты расширялась сфера применения польского права, ведущая роль в насаждении которого принадлежала королевским старостам. Значение должностных лиц (воевод волостей, общинных тиунов, сотских, десятских), определенное нормами древнерусского права, постепенно уменьшалось. Все же старостинский суд, которому подчинялись основные категории населения, по всей компетенции напоминал бывшие княжеские и воеводские суды. В старостинских и воеводских судах широко применя-

лись положения Русской правды и основанные на нем нормы писаного и обычного права. Особенно стойко древнерусское право сохранялось в администрации и судопроизводстве бывших княжеских доменов, превращенных в королевские имения.

В Польше эпохи развитого феодализма господствующей была аллодиальная (безусловная) форма землевладения феодалов. В Галичине польское правительство, опираясь на существовавшие там ранее формы условно-феодального землевладения, стало насаждать различные формы условной земельной собственности, основанной на обязательстве нести военную службу и жить в полученных имениях. В отличие от Польши, в Галичине практиковалась и ленная зависимость второй степени. Так, в 1432 г. Спытко Ярославский продал за 330 гривен с. Моравско Марцишу Моравскому, обязав его отбывать военную службу с этого имения и пообещав в то же время покровительство. В 1445 г. Ян Ярославский за 300 гривен освободил сыновей Марциша от службы и феодальной зависимости, передав их тем самым под непосредственную королевскую власть.

Шляхта Галичины, а также Западной Подолии, захваченной Польшей в начале 30-х годов XV в., стремилась получить такие же права на землю, какими пользовалась шляхта Польши, а также добыть себе все привилегии, которые король предоставил польским шляхтичам, чтобы ослабить позиции магнатов и ограничить их власть. Украинские средние и мелкие феодалы, исходя из своих классовых интересов, поддержали крупных феодалов Галичины, выступавших за уравнение в правах с польской шляхтой, и отказались от защиты самобытности политического строя галицких земель. Стремясь укрепить свои сословные привилегии, они присоединились к требованию о введении в Галичине польского права, не понимая, что в конечном итоге это приведет к ослаблению позиций местных феодалов, их роли в управлении краем.

Польским королям до некоторой степени были выгодны особые черты политического строя Галичины, облегчавшие централизацию управления через представителей королевской власти. Однако главной опорой господства Польского королевства на захваченных украинских землях были католическая шляхта и ее прислужники из числа местных феодалов, поэтому король не мог не пойти навстречу их требованиям об уравнении в правах шляхтичей Галичины с польскими. В нескольких привилеях для шляхты (брестский 1425 г., едльненский 1430 г., краковский 1433 г.) король Ягайло обещал предоставить польским шляхтичам, владевшим имениями в Галичине, Холмщине и Западной Подолии, а также местным феодалам такие же права, какими пользовалась шляхта польских коронных земель.

В 1434 г. новый польский король Владислав III издал специальный привилей о предоставлении «землям Руси» таких же прав, какими пользовались другие владения польских королей. При этом имелось в виду не все их население, а только шляхта. Уравнение в правах галицких шляхтичей с польскими означало установление системы представлявших шляхту «земских» должностных лиц, превращение старостинских судов в гродские шляхетские суды, введение в гродских и земских судах норм польского права. Таким образом было завершено безоговорочное включение Галичины (с Холмщиной) и Западной Подолии в число польских коронных владений.

На основе привилеев 1433—1434 гг. Львовская, Перемышльская, Саноцкая и Галицкая земли образовали Русское (Руське) воеводство; позже к нему была присоединена также Холмская земля. Западная Подолия

с центром в Каменце составила Подольское воеводство, с 1462 г. воеводством стало и бывшее Белзское княжество. Границы воеводств и земель в основном совпадали с границами бывших древнерусских удельных княжеств (кроме Саноцкой земли, до 1341 г. входившей в Перемышльское княжество).

Для решения законодательных, судебных и административных дел шляхтичи воеводств и земель собирались на съезды, впоследствии получившие название сеймиков. Главный («генеральный») сеймик всего Русского воеводства и отдельные сеймики каждой из земель издали ряд нормативных актов, направленных на ликвидацию отличий политического устройства Галичины от других владений Польши. Право участия в сеймиках предоставлялось всем шляхтичам-землевладельцам, но на практике в них принимала участие лишь часть шляхтичей, иногда — незначительное меньшинство. Кроме сеймиков, в каждой из земель периодически собирались вечевые суды, куда входили магнаты и те шляхтичи, которые занимали земские должности.

Наиболее почетной из земских должностей («урядов») считалась должность воеводы. Кроме названия, новые воеводы имели мало общего с воеводами периода действия древнерусского права. Воевода входил в сенат королевства, а в своем воеводстве возглавлял посполитое рушенье (ополчение шляхты), мог созывать сеймики, председательствовал на них. Каштелян также являлся представителем воеводства в сенате, но никаких административных функций в воеводстве не выполнял. Фактически должности каштеляна, подкомория, чашника, стольника и другие были почетными титулами. В Польше, где воеводства возникли на месте бывших удельных княжеств, каждое воеводство имело по одному из этих должностных лиц. В Русском воеводстве, объединившем пять земель — бывших древнерусских удельных княжеств, каждая из земель имела своих должностных лиц. Должность конюшего имелась только в Перемышльской земле. Из числа средней шляхты назначались члены земских судов — земский судья, подсудок и писарь.

К компетенции гродских судов, возглавляемых старостами, были отнесены уголовные дела. Со временем значение гродских судов возросло за счет перехода к ним части дел, ранее подсудных земским судам.

Старостам передавалось управление обширными королевскими имениями (королевщинами) и право пользования частью прибылей от них. Старостами именовали также лиц, которым передавались во временное держание комплексы королевских имений без предоставления судебно-административных функций. Старостива, не связанные с судебно-административной властью над шляхтичами, назывались негродовыми. Впрочем, на Украине различие между негродовыми и гродовыми староствами не было столь значительным, как на собственно польских землях. Это объясняется тем, что негродовые старосты из числа магнатов самовольно расширяли свою компетенцию, в частности, в той или иной мере подчиняли себе магистраты королевских городов. Все чаще короли стали отдавать гродовые и негродовые старосты в наследственное владение магнатам в качестве залога под денежные ссуды, предоставленные ими королю. Это давало возможность богатым феодалам прибирать к рукам по нескольку старост в.

Таким образом, управление староствами стало одним из средств укрепления позиций магнатов. Наиболее влиятельным среди старост в 30—40-е годы XV в. был Петр Одровонж, являвшийся одновременно русским и подольским воеводой, львовским, га-

лицким и самборским старостой. Его брат Ян был львовским католическим архиепископом, а сын Анджей позже также стал русским и подольским воеводой, львовским старостой. На востоке Галичины и в Западной Подолии наиболее богатыми и влиятельными магнатами являлись Абданки-Бучацкие. Встревоженные огромной властью Одровонжей, шляхтичи Львовской земли и горожане Львова в 1464—1465 гг. при поддержке короля вынудили наследников Анджея Одровонжа продать Жидачевское и Львовское староства. Однако на места магнатов, влияние которых падало, выдвигались новые магнатские семейства.

Проявлением внутренних противоречий в господствующем классе была «куриная война» 1537 г. Шляхтичи со всей Польши, собранные в окрестностях Львова для похода в Молдавию, выдвинули требования, направленные против попыток усиления власти короля Сигизмунда и королевы Боны. Дело кончилось компромиссом: король обещал, что без согласия шляхты и ее депутатов «ничего нового не будет установлено». Ироническое название «куриная война» это событие получило в связи с тем, что шляхетское воинство так и не пошло воевать, зато занялось грабежом кур и другой живности в окрестных селах.

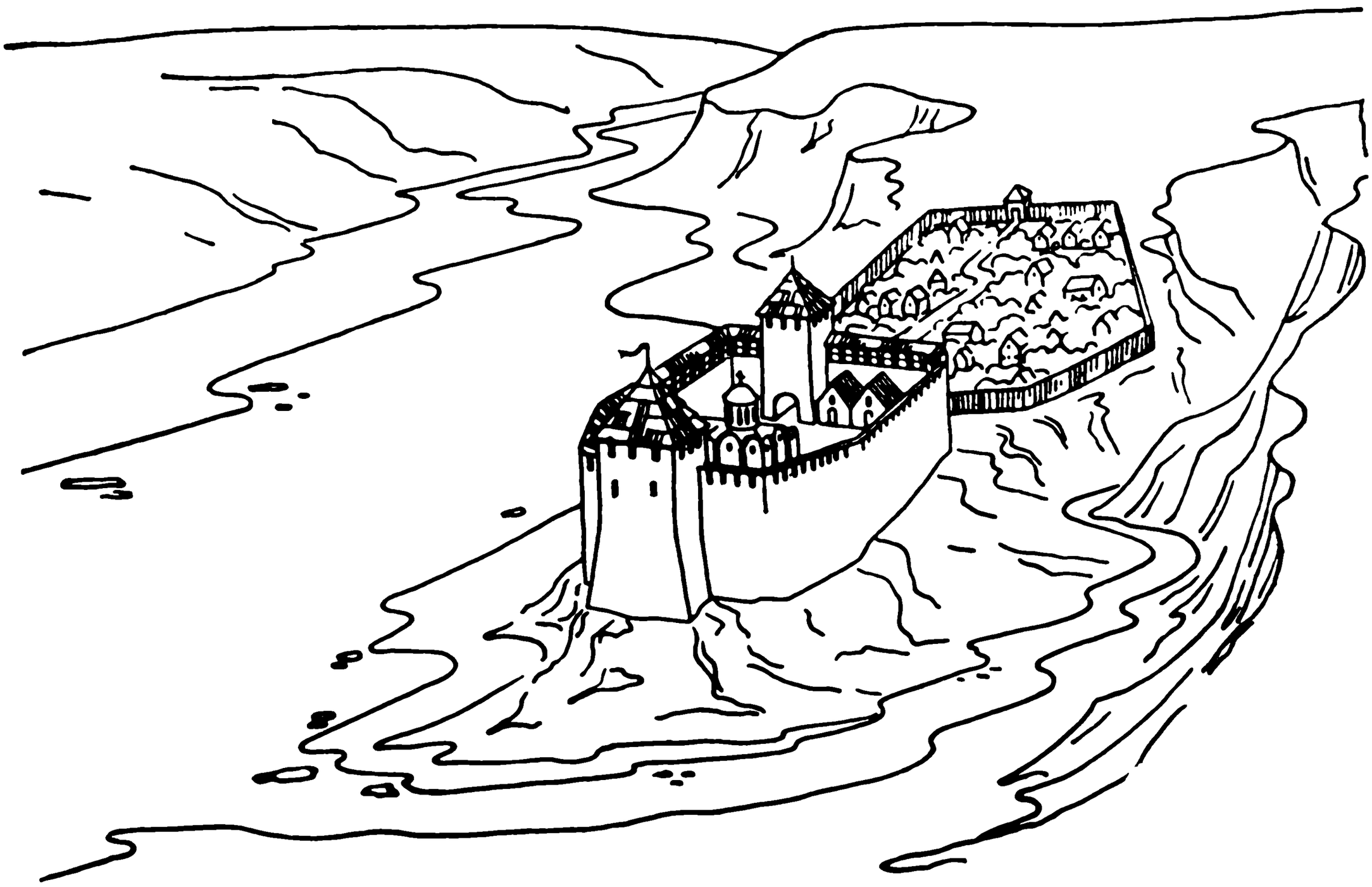
Несмотря на формальное уравнение в правах всех шляхтичей, в административном аппарате, как и раньше, преобладающее влияние имели магнатские семейства Мнишеков, Сенявских и др. Постепенно ограничивались права православных феодалов. Одним из проявлений этого было данное в 1509 г. королем распоряжение, чтобы наместники галицкой православной епархии впредь назначались львовскими католическими архиепископами. Те, кто не хотел подчиниться иерархам-католикам, подвергались неприкрытым насилиям и оскорблениям. Только в 1538 г. горожанам и православным шляхтичам удалось добиться учреждения во Львове православного епископства и тем самым оградить себя от непосредственного вмешательства католического архиепископа в церковные дела украинского православного населения.

После введения польского права документация гродских и земских судов велась только на латинском языке, а с XVI в.— также и на польском. Лишь в некоторых селах Галичины в XVI в. акты общинного самоуправления составлялись на украинском языке. После официальной отмены действия древнерусского права его нормы также продолжали применяться в административной и судебной практике крестьянских общин («громад»), в судах православных епископий.

Традиции правовых норм, сложившиеся в период Киевской Руси и Галицко-Волынского княжества, в определенной степени использовались населением западноукраинских земель в его борьбе против введения правовых институтов, служивших укреплению иноземного владычества.

Буковина. Земли Буковины находились в составе Галицко-Волынского княжества до середины XIV в. Об этом убедительно свидетельствуют материалы раскопок остатков крепости галицких князей второй половины XIII — первой половины XIV в. на среднем Днестре, у с. Перебыковцы Хотинского района. Материальная культура и конструкция оборонительных сооружений этого укрепленного поселения типичны для Галицкой Руси. В это время были построены первые каменные укрепления и в Хотинской крепости.

В 1349 г. польские феодалы, действовавшие совместно с венгерскими, захватили Галичину и часть Волыни. Территория Галичины, позже полу-



Хотинский замок и посад. Вторая половина XIII — первая половина XIV в.
Реконструкция Ю. Г. Логвина

чившая название Буковина, попала под власть венгерских феодалов. В 1359 г., когда образовалось Молдавское государство, оно включило в свой состав и Буковину. Но на эти земли претендовала и Польша. Как только молдавские феодалы выступили против венгерского короля и потребовали признания Молдавии независимым княжеством, Польша сделала попытку захватить земли Буковины. В документах, связанных с этим событием, территория Буковины впервые названа Шипинской землей. Так она называлась во второй половине XIV — второй половине XV в. (от названия ее административного центра Шипинцы — теперь село Кицманского района Черновицкой области).

Поход 1359 г. в Шипинскую землю для польских войск закончился неудачно, и она попала в зависимость от молдавских господарей (в 1387 г. молдавский господарь, в свою очередь, становится вассалом польского короля).

Шипинская земля занимала сравнительно большую территорию. Грамоты 1412 и 1433 гг. так определяют ее границы: на западе она граничила с подвластными Польше украинскими землями по р. Колочин (эта река сейчас разделяет Черновицкую и Ивано-Франковскую области), на севере простиралась до Днестра, а на юге — до р. Сирет. Как свидетельствуют археологические данные, на востоке Шипинская земля доходила до р. Каютин, служившей прежде границей Галицко-Волынского княжества с Берладской землей.

В составе Молдавии Шипинская земля сохраняла автономию. Так, в грамоте 1433 г. польского короля Владислава III, которой он подтверждал право своего вассала — господаря «землю волоськую всю держати», о Шипинской земле сказано: «...горо-

ды Цєцунь, а Хмєловь, со тыми волостми и сєлы, которьими жъ к нимъ прислушають... лежать межи нашею рускою и волоською» землями. Следовательно, Шипинская земля не была частью Волошской земли (Молдавии).

Шипинская земля сохраняла автономию почти целое столетие. По мере того как административные должности на этой территории переходили к молдавским боярам, автономия ее все более урезывалась. К середине XV в. Шипинская земля как автономная административная единица была ликвидирована, и это название исчезает со страниц письменных источников. Были образованы новые административные единицы — Черновицкая и Хотинская волости. Постепенно за этой украинской территорией, которая была покрыта буковыми лесами, закрепилось название Буковина. Оно употреблялось и раньше, но только в понятии «буковый лес». Начиная со второй половины XV в. в документах слово «Буковина» обозначает уже отдельную историко-географическую область. Повествуя, например, о битве 1497 г. в Козьминском лесу (вблизи Черновиц) молдавского и польского войск, русский летописец говорит: «И догони его (польского короля Ольбрахта.— *Ред.)* Стефан на Буковине и поби его» [1].

В первой половине XVI в. Буковина вместе с Молдавией попала под власть султанской Турции.

Закарпатье. Монголо-татарское нашествие ослабило могущество юго-западных русских княжеств. Венгерские феодалы, поддерживаемые папской курией и германскими императорами, воспользовались этим и во второй половине XIII в. утвердились на значительной части территории Закарпатья. На захваченных землях сохранились ранее существовавшие местные территориальные образования — жупы, получившие позднее название комитаты. В Закарпатье их было четыре: Берегский, Мараморошский, Ужанский и Угочанский.

Во главе комитатов стояли крупные венгерские феодалы — жупаны. К ним на службу переходила местная знать — средние и мелкие землевладельцы, высшее духовенство. Короли, укрепляя свои позиции на захваченных территориях, раздавали земли магнатам, церкви. Например, Андрей (Андраш) III в 1290 г. подарил г. Ужгород надворному палатину (сановнику) В. Амадею. Крупными землевладельцами стали в Закарпатье Уйгели, Разгони, Петровай, Довгай и др. Среди них были и выходцы из русской знати.

После смерти последнего короля из династии Арпадов (1301) началась борьба за венгерский престол. Жупаны закарпатских комитатов принимали активное участие в междоусобных войнах. Русское население поддерживало жупана П. Петуню (Петра Петровича), освободившего его от уплаты десятины и начавшего переговоры с галицко-волынским князем об избрании Юрия Львовича венгерским королем. Феодальная анархия привела к разорению многих сел и городов Закарпатья, или Русской Крайны.

После утверждения на престоле король Карл-Роберт отобрал в 1317 г. имения Петра Петуни, и вся Ужанская жупа вместе с Ужгородом и Невицким замком перешла во владения графов Другетов. За счет общинных земель и королевских пожалований значительно увеличили свои домены бароны Перены, Уйгели, Довгаи, Петроваи. Братья Перены в Берегской жупе получили 32 села, а в Угочанской — город Севлюш, замки в Ньялаби (ныне с. Королево Виноградского района) и других городах.

[1] ПСРЛ. Т. 6. Продолжение Софийской первой летописи. Софийская вторая летопись. Спб., 1853, с. 642.

Магнаты уже в первой половине XIV в. присвоили себе право юрисдикции в своих имениях. В 1351 г. сейм утвердил новый свод законов, установивший наследственное право феодального землевладения, полное и бесконтрольное господство землевладельцев над крепостными, запретил переходы крестьян от одного феодала к другому.

Венгерский король Сигизмунд передал в конце XIV в. мукачевские владения в долине р. Латорицы своему дальнему родственнику подольскому князю Федору Кориатовичу и назначил его правителем Берегского и Сатмарского комитатов. Вместе с князем на Закарпатье прибыл его двор, состоявший из украинцев — жителей Подолии. Они расселились вокруг Мукачева и совместно с местным населением вели борьбу против мадьяризации и наступления католической церкви. Построенный Федором Кориатовичем на Черной горе близ Мукачева монастырь стал резиденцией первых на Закарпатье православных епископов. Он играл также заметную роль в развитии украинской культуры.

После смерти Федора Кориатовича из-за отсутствия у него наследника и в результате феодальных усобиц его доминия перешла к новым владельцам — сначала к Матвею Палочи, потом к Стефану Лазаревичу и др.

Феодальная аристократия, защищая свои привилегии, нередко выступала против короля. В Венгрии усиливалось влияние дворянства (мелких и средних феодалов — вассалов короля). Дальнейшее развитие получили местные органы дворян — комитатские собрания. Король Сигизмунд грамотой 1433 г., выданной Ужанскому комитату, подтвердил право комитатского собрания взимать дань с крестьян, принадлежавших крупным землевладельцам, в пользу дворянства, которое занимало руководящие административные и судейские должности в комитатах. Дворяне получили право избирать своих представителей в сейм.

Наряду с усилением феодального гнета в XIV—XV вв. в Закарпатье развернулось наступление католицизма. Укреплялись позиции католической церкви и ее орденов, поддерживаемых королевской властью, расширялись землевладения православных и католических монастырей, мукачевской епископской кафедры. Церковь собирала с крестьян подать — десятину.

Все группы феодалов противостояли крестьянству и тогда немногочисленной городской бедноте в непрекращавшейся классовой борьбе. Королевская власть окончательно санкционировала право землевладельцев на жестокую эксплуатацию крестьянства. Феодал в своих владениях был полноправным властелином. Ему разрешалось вмешиваться в личную жизнь крепостных, судить их своим судом. Крупные венгерские магнаты в Закарпатье приглашали к себе на службу представителей местной украинской знати, из Венгрии переселяли зависимых крестьян, а коренное население вытеснялось в горные необжитые районы. В горных районах Мараморощины, Ужанского и Берегского комитатов начали возникать украинские села. Вскоре они стали надежным укрытием для беглых крестьян из Галичины, Буковины и Молдавии.

После поражения армии Лайоша II в битве с турками при Мохаче в 1526 г. начался распад Венгерского королевства, ускоренный турецкой экспансией. Воспользовавшись этим, Трансильвания и Австрия разделили Закарпатье. Границы между насильно разобщенными землями не были постоянными, часто изменялись, борьба за эти земли не только между феодалами, но и государствами не утихала. Частые войны с турками, нападения татар, междоусобная борь-

ба тяжело отражались на положении народных масс.

Несмотря на постоянное изменение границ, венгерским феодалам удалось не только удержать, но и еще более укрепить свою власть и остаться полными и неограниченными хозяевами в Закарпатье. Так, владельцы г. Ужгорода и его окрестностей графы Другеты сначала поддерживали правителя Трансильвании Яноша Запольяи, а после его смерти в 1540 г. перешли на сторону Габсбургов. Вскоре в северо-западную часть Закарпатья были введены австрийские войска. Против Габсбургов выступила вдова Я. Запольяи Изабелла. Ее отряды освободили от австрийцев Ужгородский замок и другие укрепления в Северной Венгрии, однако вскоре были отброшены к Мукачеву.

Междоусобицы дополнялись борьбой, происходившей повсеместно в городах и селах Закарпатья между православными, католиками и протестантами. В условиях усиливавшегося закрепощения крестьян нараставшая классовая борьба нередко облачалась в религиозную оболочку. Крестьяне и городская беднота, принимая кальвинизм, стремились освободиться от ига официальной церкви, от выполнения в ее пользу чрезмерных повинностей. В Закарпатье кальвинизм с XVI в. получил наибольшее распространение среди венгерского населения в районе Ужгорода, Мукачева, Берегова и Виноградова. Феодалы намеревались воспользоваться реформацией для упрочения влияния на православную церковь, пытаясь подчинить ее католической церковной организации, а затем искоренить. Они стремились полностью поработить крестьян и мещан Закарпатья. Однако украинское население в неравной борьбе отстаивало свой язык, обычаи отцов и дедов и веру, которая в те времена являлась главной формой идеологии.

4. КРЫМ И СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Славяне в Крыму. Долгие столетия в Крыму и в степях Северного Причерноморья обитали, оставив памятники материальной культуры, разные народы: греки, тавры, скифы, сарматы, готы, гунны, хазары, славяне, печенеги, половцы, итальянцы, татары и др. Крымское население поддерживало оживленные экономические и культурные отношения с античной Грецией и Римом, а позднее — со средневековыми Русью, Византией, Персией, Египтом, городами Италии. Крым и Северное Причерноморье постоянно пребывали в центре политической истории Юго-Восточной Европы феодальной эпохи.

В истории Украины Крымский полуостров и Северное Причерноморье занимают важное место. Население Крыма и территории будущей Украины было связано общими экономическими, политическими и культурными процессами. Распространение власти киевских князей на значительную часть Крыма и Причерноморья тесно и надолго сблизило эти земли с Древнерусским государством. Через Крым Киевская Русь вступала в контакты с Византией, Египтом, Персией и другими странами.

Огромным бедствием для населения Крымского полуострова и северного побережья Черного моря обернулось завоевание этих территорий татарскими феодалами в XIII в. Оно привело к порабощению жителей, упадку хозяйства, захирению и разрушению когда-то цветущих городов. Образование в середине XV в. разбойничьего Крымского ханства еще более затормозило экономическое и культурное развитие народов Крымского полуострова и Северного При-

Генуэзская крепость. Судак. Современный вид

черноморья, затруднило их связь с восточнославянскими землями.

Хотя в историю Крымский полуостров вошел задолго до начала нашей эры, само название Крым возникло значительно позднее. В далекие времена полуостров называли Таврикой (этот термин зафиксирован византийским историком VI в. Прокопием Кессарийским). Древнерусская летопись «Повесть временных лет» сообщает несколько иную форму этого наименования—Тавриания. В XIII в. татары, появившиеся на полуострове, назвали Крымом город Солхат (ныне Старый Крым) — центр их владений. Постепенно, в XIV—XV вв., это название распространилось на весь полуостров.

Во все времена население Крыма было этнически пестрым. И тогда, когда полуостровом владели татары, они не составляли преобладающего большинства его населения. В XIII—XV вв. основными этническими группами жителей были армяне, греки, татары, русы, болгары, итальянцы и аланы.

Славяне появились в Крыму еще в первые столетия нашей эры. Отдельные историки связывают их появление на полуострове с так называемым великим переселением народов в III—VII вв. н. э. Наиболее выразительные следы славянской культуры, выявленные археологами, относятся ко временам Киевской Руси. Например, при раскопках на холме Тепсень (возле нынешнего поселка городского типа Планерского) обнаружено, что там долгое время существовали славянские поселения, возникшие в XII—XIII вв. Открытый на холме храм по своему плану близок к храмам Киевской Руси, а раскопанная в одном из жилищ печь напоминает древнерусские. То же можно сказать и о найденной при раскоп-

ках керамике. Остатки древнерусской церкви выявлены также в крымских горах, на территории государственного заповедника (участок Камышевые чаиры). Фресковые росписи и штукатурка, судя по фрагментам, найденным в этих руинах, близки к подобному материалу киевских соборов XI—XII вв.

Письменные источники свидетельствуют, что Крым еще в начале IX в. надолго попал в сферу влияния древнерусских князей. Например, житие Стефана Сурожского рассказывает, что в первой четверти IX в. русский князь Бравлин напал на Крым, овладел Херсоном, Керчью и Судаком, а житие Георгия Амастридского упоминает о нападении Руси около 842 г. на северное побережье Малой Азии. В середине того же IX в. древние русы оседают в Приазовье, овладевают греческим городом Таматархой, позднейшей Тмутараканью — столицей будущего древнерусского княжества. Источники дают основания полагать, что к середине X в. власть киевских князей распространялась на северо-западную часть Крыма, на район Херсона (античного Херсонеса), а также на Керченский полуостров.

В 944 г. киевский князь Игорь посадил своего наместника в Крыму, вблизи Керченского пролива, вытеснив оттуда хазар. Ему тогда принадлежала значительная часть полуострова. Об этом свидетельствует текст договора, заключенного Игорем с Византией после неудачного похода на Константинополь в 945 г.: «А о Корсуньстей стране: елико же есть городов на той части, да не имуть власти князи Руския... и та страна не покаряется вам» [1], т. е. киевскому князю. Ясно, что Корсунь (Херсон) с окружающими его землями ранее принадлежал Руси. Этим договором киевский князь обязался защищать Корсунскую землю от черных болгар, что было возможно лишь при условии сохранения за Игорем определенной территории в восточной части Крыма или на Тамани, где в то время складывалось будущее Тмутараканское княжество.

Сын Игоря Святослав сумел укрепить власть киевских князей в Крыму. В 962—971 гг. значительная часть полуострова находилась под русским протекторатом. Лишь неудачный поход Святослава в Болгарию вынудил его пообещать византийскому императору не претендовать «ни на власт Корсуньскую, и елико есть городов их, ни на страну Болгарьску» [1].

Но это было временное отступление Руси в Крыму. Сын Святослава Владимир осуществил в 989 г. поход на Корсунь и овладел городом. Византии пришлось подписать с киевским князем договор, которым признавались его владения в Крыму и Приазовье. Благодаря этому договору Киевская Русь получила выход к Черному морю и укрепила зависимое от нее Тмутараканское княжество. После корсунского похода к этому княжеству был присоединен город Боспор с округом, получивший русское название Корчев (от слова «корча» — кузница, нынешняя Керчь).

В течение всего XI в. Тмутараканское княжество, в том числе его земли на Крымском полуострове, принадлежало Древней Руси. В конце XI в. упоминания о Тмутаракани из летописи исчезают, но есть основания считать, что до середины XII в. Керченский полуостров и Тамань были русскими. Арабский географ Идриси в своем дорожнике 1154 г. засвидетельствовал в Тмутаракани сильную и независимую от Византии княжескую династию Олуабас, в которой современные исследователи видят потомков последнего известного по летописи тмутаракан-

[1] ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись, вып. 1. Л., 1926, стлб. 50—51.

[1] ПСРЛ, т. 1, вып. 1, стлб. 73.

ского князя Олега Святославича (1083—1094) — Ольговичей. Во второй половине XII в. Тмутараканское княжество пало под ударами половцев, кочевавших в Северном Причерноморье.

Идриси называл Керченский пролив «устьем Русской реки» и знал в этом регионе даже город с названием «Россия» *. На средневековых европейских и азиатских картах Крыма сохранилось немало названий городов, свидетельствующих о давнем и длительном пребывании на полуострове русов: «Косаль ди Россиа», «Россиа», «Россофар», «Россо», «Россика» (вблизи Евпатории) и др.

Половецкое нашествие надолго отрезало Крым от Киевской Руси, однако русы сумели удержаться на полуострове. Одним из их опорных пунктов в Крыму был Судак (русское название — Сурож). Согласно сообщению арабского писателя Ибн аль-Асира, в конце XII — начале XIII в. в Крыму и Северном Причерноморье жило немало русских купцов. Арабский хронист Ибн аль-Биби в рассказе о нападении турецкого флота на Крым в 1221—1222 гг. приводит следующий факт: когда турки появились вблизи Судака, на помощь городу пришло русское войско. Из этого же источника узнаем, что турки-сельджуки торговали в то время через Крым с Русью и что Судак был одним из важных перевалочных пунктов этой торговли. В Судаке и в другом крупном городе Крыма — Херсоне существовали русские колонии, упоминаемые в источниках XII — середины XIII в.

Вторжение восточных завоевателей в Крым. Накануне монголо-татарского нашествия на Восточную Европу Крым находился под властью половцев, так же, как и все Северное Причерноморье — от устья Дуная до Дона. Половецкие ханы почти не вмешивались во внутренние дела богатых крымских городов. Получая немалые выгоды, половецкая верхушка даже поддерживала их торговлю. Основной район половецких кочевий располагался в причерноморских степях, вдалеке от населенных районов Крымского полуострова, а зимовали половцы в Приазовье.

Экономически развитые города южного побережья Крыма привлекли внимание монголо-татарских феодалов. Готовясь после завоевания Средней Азии (1219—1221) к вторжению в Восточную Европу, они не обошли и Крым. В 1223 г. большая орда Джэбэ и Субедэя вторглась в степи Северного Причерноморья, разбила половцев и, преследуя их, вступила в Крым. Опустошив Судак, татары двинулись на Русь, где в том же году произошла знаменитая битва на Калке.

Нападения монголо-татарских войск на Крым следовали одно за другим — в 1238, 1248 и 1249 гг. Около середины XIII в. ордынские феодалы завоевали Восточный Крым. В городе Солхате они основали отдельное наместничество. В 1263 г. в Судаке и Солхате побывало посольство египетского султана Бейбарса. Из рассказа секретаря султана Ибн Абдез-Захира об этом посольстве узнаем, что население Солхата тогда состояло в основном из русских, половцев и аланов. Имеются и другие свидетельства того, что русское население Крыма пережило монголо-татарское нашествие.

В конце XIII в. полчища воинственного темника (полководца) Ногая завладели Западным Крымом. В 1299 г. был разрушен и опустошен Херсон, после чего он окончательно пришел в упадок. Тогда же вражеские орды разорили Судак и другой

* Можно думать, что это древнерусский Корчев, который, по сообщению византийского источника 1169 г., определенное время назывался «Россия».

важный торговый порт Восточного Крыма — Кафу (Феодосию) — опорный пункт генуэзской торговли на Черном море. Население Крыма татары обложили данью.

Итальянские торговые фактории в Крыму. Монголо-татарское завоевание Крымского полуострова изменило этнический состав его населения. Наряду с греками, русскими, аланами, половцами на полуострове в середине XIII в. появляются татары, в XV в.— турки. В XIII в. начинается массовое переселение армян в многочисленные крымские города, ремесленные и торговые центры. Почти одновременно с армянами в Крым проникают итальянцы.

Начиная с XI в. Венеция и Генуя, признанные лидеры мировой торговли, основывают свои фактории во многих странах Европы и Ближнего Востока. Главным районом международной торговли этого времени становится Средиземное море. Итальянские города вели торговлю между Востоком и Западом в значительных масштабах, снабжая пряностями, жемчугом, шелками и иными товарами восточного происхождения Англию, Францию, Северную Германию, Фландрию и другие страны Западной, Центральной и Северной Европы.

В торговлю с Востоком все шире вовлекаются и страны Восточной Европы. Завоевание этой территории ордами Батыя не только изменило ее политическую карту, но и решительным образом повлияло на направление главных торговых путей, в частности тех, которые вели к рынкам Юга и Востока. Известно, что ордынские ханы и эмиры поощряли торговлю, получая от нее большие прибыли. В то же время завоеватели превратили в опасную для купеческих караванов пустыню громадные пространства Азии и Восточной Европы. Поэтому со второй половины XIII в. прокладываются новые торговые пути, проходящие по заселенным местностям. Уменьшилось значение старого, традиционного пути из Руси в Византию по Днепру. Возникли новые тракты из русских земель к Константинополю и другим рынкам Востока. Важная роль в прокладывании их принадлежала как русскому, так и итальянскому купечеству. Вначале купцы Венеции, использовав внешнеполитические затруднения греческого правительства, добились от него в 1082 г. права широкого участия в торговле на территории самой Византии. Их исключительные права в византийской торговле были подтверждены хрисовулами (грамотами) императоров Иоанна в 1126 г. и Мануила в 1148 г. Купцы других итальянских городов, в частности Пизы и Генуи, почти двести лет уступали венецианцам в торговле в Византии.

Положение изменилось во второй половине XIII в. Идя навстречу стремлению Михаила Палеолога вернуть захваченный в 1204 г. крестоносцами Константинополь и возобновить Византийскую империю, богатое генуэзское купечество пообещало императору корабли для перевозки войск и выполнило свое обещание. Это дало возможность генуэзцам решительным образом потеснить венецианских конкурентов, господствовавших до того на греческом рынке. В тексте заключенного между Византией и Генуей Нимфейского договора (1261) содержится исключительно важный для последней пункт относительно «Mare maius» — Великого, или Черного, моря. Согласно договору, генуэзцы получили право беспошлинной торговли во всех портах Черного моря. Они добились от императора запрета заходить в это море судам всех прочих итальянских купцов, кроме дружественных им пизанцев.

Опираясь на Нимфейский договор, предприимчивые генуэзские купцы сумели завладеть всей черноморской торговлей и создать систему торговых

факторий в Северном Причерноморье. Они основали на месте древней Феодосии порт Кафу. К. Маркс отмечал, что «генуэзцы, под покровительством греческих императоров, почти монополизировали торговлю Константинополя и Черного моря» [1]. Правда, венецианцы в 1265 г. также получили от Византии право свободной торговли на Черном море и попытались конкурировать с генуэзцами в Крыму, однако не достигли в этом успеха. Влияние генуэзцев постепенно распространилось на все южное побережье Крыма.

Крымские торговые фактории использовались итальянскими купцами не только как порты в крупной транзитной торговле между Востоком и Западом, но и для вывоза в метрополию сельскохозяйственных продуктов и сырья из самого Крыма, Северного Причерноморья и южнорусских земель. Уже в конце XIII в. из Кафы в Геную и другие порты Средиземноморья доставляли рыбу, соль, хлеб, мед, воск, кожи, русские меха. Начиная с XIV в. генуэзские купцы в больших количествах вывозят из Кафы на невольничьи рынки Генуи и Александрии рабов, закупаемых у татар. А со второй половины XIV в. Кафа превращается в один из центров украинско-крымской торговли.

Отношения генуэзской верхушки Кафы с крымскими феодалами долгое время после основания этой фактории оставались напряженными. Не раз ханские орды грабили и разрушали город, но каждый раз он быстро отстраивался. В XIV в. Кафа была обнесена мощными стенами с башнями. В 1384—1386 гг. укрепили и предместья Кафы. К середине XV в. этот город превратился в один из крупнейших торговых центров мира. Современники сравнивали его даже с Константинополем. Во второй половине XV в. население Кафы достигло 70 тыс. человек, в ней насчитывалось около 8 тыс. домов.

Кафа была многонациональным городом. В ней жили армяне, греки, русичи, поляки, волохи. Сами генуэзцы составляли лишь 1—2% городского населения. Наряду с торговлей жители города занимались различными ремеслами, прежде всего связанными со строительством морских судов. Источники XIV—XV вв. называют среди кафинских ремесленников также кожевников, портных, пекарей, каменщиков и др.

Вместе с эксплуататорской верхушкой различных национальностей генуэзцы составляли привилегированное меньшинство населения Кафы, против засилья которого боролась городская беднота. В 1454 г. в Кафе вспыхнуло восстание «маленьких людей» — социальных низов под лозунгом «Да здравствует народ, смерть знатным!» выступивших против генуэзцев и городского патрициата других национальностей. Восстание было жестоко подавлено генуэзскими наемниками.

Волнения среди угнетенного богачами населения Кафы происходили также в 1446, 1463, 1471 и 1472 гг. А вспышка классовой борьбы в осажденном турками городе в 1475 г. привела к быстрой капитуляции перед захватчиками напуганной народным восстанием городской верхушки.

Классовая борьба в XIV—XV вв. происходила и в других итальянских колониях Северного Причерноморья: Тане, Судаке, Чембало (Балаклаве). А в 1455 г. вспыхнуло восстание городской бедноты в Монкастро (Белгороде-Днестровском), окончившееся изгнанием ненавистных народу богачей-генуэзцев.

Около 1318 г. генуэзцы утвердились в Херсоне (официально они получили город на основании договора с Византией 1350 г.). По соглашению с ханами генуэзская верхушка завладела в 1365 г. Судаком с округой. Благодаря договорам с крымскими

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 12, с. 88.

Кафа. Гравюра XVII в.

ханами 1380, 1381 и 1387 гг. генуэзцы распространили свою власть на все южное побережье Крыма — от Чембало до Кафы.

Постоянная угроза татарских и турецких нападений, с одной стороны, страх генуэзских купцов и феодалов перед угнетенными ими народными низами—с другой, вынуждали генуэзскую правящую верхушку строить мощные крепости в зависимых от них крымских городах. В 1371—1414 гг. была сооружена почти неприступная крепость в Судаке, хорошо сохранившаяся до нашего времени. Над ней возвышалась цитадель с замком генуэзского консула. Крепость с цитаделью была возведена генуэзскими феодалами и в Чембало. Строительство ее продолжалось с 1357 по 1433 г. Этой крепости генуэзцы придавали особое значение, поскольку она противостояла греческому феодальному княжеству Феодоро, расположенному в Юго-Западном Крыму.

Княжество Феодоро. Феодальное княжество Феодоро образовалось в конце XII в. В начале XIII в. оно попало в вассальную зависимость от Трапезундской (греческой) империи Комнинов и платило ей ежегодную дань. В княжестве правили князья из трапезундского рода Комнинов, вышедшего из Армении. Вначале их власть простиралась лишь на горный земледельческий район Крыма, затем распространилась до моря. Столицей княжества стал город Феодоро в юго-западной части горного Крыма. На восточнославянских землях он был известен под названием Мангуп. Город

упоминается в греческих источниках с VIII в. н. э.

В середине XIII в. византийские владения в Крыму и вместе с ними княжество Феодоро попали под власть татарских завоевателей. Греческие феодалы сумели завязать мирные отношения с крымскими ханами и удержаться на полуострове, в частности в Феодоро. Постепенно развивалась экономика княжества, расцветали земледелие, ремесла и торговля.

Со второй половины XIV в. в городе Феодоро развернулось большое строительство: возводились укрепления верхнего замка, княжеский дворец, церкви. Расцвет княжества приходится на время княжения Алексея (1420—1456). В период его правления княжество насчитывало около 200 тыс. жителей — цифра, весьма значительная для Крыма того времени. Руками феодально зависимых крестьян и горожан Алексей строил крепости и норты, закладывал новые и расстраивал старые города. В 1427 г. была вновь перестроена крепость столицы.

Признавая формально зависимость от крымских ханов, Алексей не только поддерживал с ними добрые отношения, но и вмешивался в борьбу за ханский престол, поддерживая того или иного претендента. Татарские правители Крыма протежировали торговле, рассчитывая также нажиться на конкуренции между генуэзцами и купцами Феодоро. В свою очередь, Алексей решил воспользоваться татарской поддержкой и заполучить собственный порт на крымском побережье.

Когда в конце XIV в. генуэзцы овладели почти всем южным побережьем Крыма, они монополизировали черноморскую торговлю и отрезали княжество Феодоро от моря. Стремясь выйти на побережье, властелин Феодоро захватил небольшую полоску берега в районе возникшего позднее Инкермана и основал порт Каламиту, а чтобы защитить его от генуэзцев и татар, построил там в 1427 г. крепость. Войска Феодоро, выйдя из Каламитской крепости, в 1433 г. овладели Чембало, но не смогли его удержать — в следующем году их выбили оттуда генуэзцы.

Каламита сделалась опасным соперником Чембало, Судака и даже самой Кафы в морской торговле с Левантом. В Каламиту направлялось множество судов из Византии и стран Средиземноморья. Генуэзское купечество стремилось избавиться от конкуренции, и в 1434 г. посланное из Кафы войско сожгло Каламиту. Однако правительство Феодоро быстро ее отстроило. Этот порт оставался морскими воротами княжества вплоть до конца его существования.

Преемники Алексея жили в мире с генуэзскими негоциантами. В 1471 г., накануне турецкого вторжения на полуостров, сын Алексея Исаак заключил союзническое соглашение с генуэзцами в Кафе. Одну из дочерей Исаак выдал замуж за молдавского господаря Стефана, что укрепило политическое положение княжества.

В XIII—XV вв. поддерживались разнообразные экономические и политические связи между Феодоро и восточнославянскими землями, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки вещей восточнославянского происхождения на территории княжества, в частности крест-энколпион киевской работы, замки, подвески и др. Правители княжества Гаврасы были в родственных отношениях с русским боярским родом Головиных. Все это, по-видимому, побудило Исаака сватать дочь за сына самого Ивана III. Русский великий князь согласился на предложенный Исааком династический брак и поручил дело послу Старкову, но пока тот добирался в Крым, турки

овладели южным побережьем полуострова.

Пять раз турецкие войска предпринимали штурм крепости Феодоро, но не смогли взять ее. Они овладели городом лишь в декабре 1475 г., после длившейся несколько месяцев осады, когда гарнизон из местных жителей и присланных Стефаном молдаван был почти полностью истреблен, а его остатки умирали от голода.

Захватив горный Крым, турецкие феодалы образовали там Мангупскую провинцию с центром в городе Феодоро, включив в ее состав не только территорию бывшего княжества, но и часть генуэзских владений в юго-западном Крыму, в частности Чембало, переименованный в Балаклаву. Провинция подчинялась непосредственно Оттоманской империи. Турецкие захватчики в конце XV—XVI в. продолжали укреплять город Феодоро ввиду его важного стратегического значения. К концу XVI в. город как ремесленный и торговый центр пришел в упадок, но сохранил значение как крепость.

Образование Крымского ханства. Феодально-кочевническое государственное образование, вошедшее в историю под названием Золотой Орды, в течение XIII—XV вв. пережило стадии формирования, начального развития, кратковременного расцвета, медленного упадка и гибели. Когда Монгольская империя к середине XIII в. полностью сложилась, ее территория простиралась от берегов Японского моря до Северного Причерноморья. Западная часть империи — улус Джучи *, которую назвали Золотой Ордой, во второй половине XIII в. превратилась в большое и могущественное государство.

Но уже в середине XIV в. начался распад Золотой Орды. После смерти хана Джанибека (1357), в конце недолгого правления его сына Бирдибека (до 1359), в Орде вспыхнули свары — «замятня», по образному выражению русских летописцев.

Ослабление центральной власти в Золотой Орде неминуемо вело к обособлению отдельных ее частей. Ордынские наместники в Крыму во второй половине XIV в. чувствовали себя там полновластными владетелями. В частности, могущественный эмир Мамай, войско которого было разгромлено ратью Дмитрия Донского в Куликовской битве в 1380 г., считался на Востоке суверенным правителем Крыма. Подобное положение занимали на Крымском полуострове и в прилегающем к нему районе Северного Причерноморья и наместники золотоордынских ханов Кутлубуга: в 80-х годах XIV в.— Бек-Пулад и в 90-х — Таш-Тимур.

В первые десятилетия XV в. Крым часто переходил от одного правителя к другому. В 20-х годах полуостровом владели Девлет-Берди и Улуг-Мухаммед. К началу 30-х годов XV в. в борьбе за власть в Крыму побеждает Хаджи-Гирей. В 1449 г. он был провозглашен крымским ханом.

Образование независимого Крымского ханства было следствием углубления процессов феодальной раздробленности в Золотой Орде, некоторых сдвигов производительных сил самого Крыма и Северного Причерноморья. Благоприятствовала образованию ханства и поддержка Хаджи-Гирея правящими кругами Великого княжества Литовского, видевшими в нем союзника в борьбе с Северо-Восточной Русью. Основание Крымского ханства было с удовлетворением встречено и Турцией, правительство которой рассчитывало при его помощи вытеснить с Крымского побережья опасных конкурентов в черноморской и средиземноморской торговле — генуэзцев. Претензии Хаджи-Гирея на крымский трон недальновидно поддерживали и сами гену-

* Домен старшего (от главной жены) сына Чингисхана — Джучи.

эзские правители, заинтересованные в хороших отношениях с татарской верхушкой, необходимых для их крымской торговли.

Новообразованное Крымское ханство не было сильным государственным организмом. С одной стороны, централизаторские тенденции в политике ханов всегда встречали отпор крымской знати, причем в этой борьбе и хан и знать искали помощи у соседей. С другой стороны, и это главное, экономика Крымского ханства основывалась на экстенсивных формах хозяйствования — на кочевом скотоводстве и примитивном земледелии, не обеспечивавших потребностей населения. Вместо того чтобы развивать собственные производительные силы, крымские феодалы занимались разбойничьими набегами на соседние земли, прежде всего на Украину. На грабеже своих соседей экономическая жизнь Крымского ханства базировалась в течение всего периода его существования. Грабежом же определялась и его внешняя политика.

Татарское население Крыма и Северного Причерноморья вело кочевой образ жизни. Согласно наблюдениям австрийского посла в Москве в 1517 и 1526 гг. Сигизмунда Герберштейна, побывавшего в Крымском ханстве, татары «долго не остаются на одном месте». Использовав пастбища в одном районе, они перемещались в другой.

Экономическая жизнь у татар развивалась чрезвычайно медленно. Застойность сельского хозяйства и ремесла поражала европейских путешественников и была отличительной чертой Крымского ханства. Даже в 30-е годы XVI в. крымские татары еще не знали оседлого земледелия. Михаил Литвин, живший в Крыму в качестве литовского посла при хане в 1537—1539 гг., с удивлением отмечал, что «землю, хотя и самую плодородную, они не обрабатывают, довольствуясь тем, что она сама им приносит, т. е. траву для кормления скота» [1].

Примитивное, экстенсивное скотоводческое хозяйство не могло прокормить население Крымского ханства. Татары начали постепенно дополнять его кочевым земледелием. Они распахивали в степи участки земли там, где обычно обитали зимой, весной шли в районы летних кочевий, а осенью возвращались и собирали урожай. Столь убогое земледелие не удовлетворяло потребностей государства в хлебе, и Крымское ханство захватывало необходимое ему зерно и другие продукты земледелия в России, на Украине, в Польше, Молдавии, Турции.

Одну из основных своих задач Хаджи-Гирей видел в подчинении генуэзцев, которые за право свободно торговать с Востоком, Украиной, Россией, Польшей и другими странами ранее платили татарам дань. Он обратился за помощью к правительству Османской империи. В 1454 г. во время встречи ханского посла и турецкого адмирала Дмир Кяхья было подписано соглашение, по которому Крымское ханство, а также Кафа, Судак, Чембало и другие генуэзские фактории, признали верховенство турецкого султана. Преемник Хаджи-Гирея на ханском престоле Менгли-Гирей продолжал опираться на помощь Турции в борьбе против крымских колоний генуэзцев.

В 1475 г. турки высадились в Крыму. Заняв Кафу, Судак и другие генуэзские колонии на южном побережье Крымского полуострова, турки покончили с экономическим господством итальянцев на Черном море и превратили Крымское ханство в вассала Турецкой империи.

[1] *Литвин Михалон.* О нравах татар, литовцев и москвитян.— В кн.: Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1854, кн. 2, 2-я половина, с. 13—15.

К началу XVI в. под властью крымских ханов находились не только степной и предгорный Крым (южное побережье принадлежало туркам), но и громадные степные пространства между Днепром и Кубанью. В самом Крыму жили так называемые перекопские татары, а причерноморские степи занимали орды ногайцев, признававших верховную власть крымского хана.

Переход Крымского ханства в вассальную зависимость от Турции привел к объединению их усилий в натиске на Восточную Европу. Это хорошо понимали современники. Уже в 1502 г. придворный врач молдавского господаря Стефана Мурмани с тревогой отмечал усиление угрозы со стороны крымского хана не только из-за его орды в сто тысяч всадников, но и благодаря «тесному союзу с Турцией».

Смертельная угроза турецкого порабощения нависает над Украиной.

Начало вторжений крымских феодалов в украинские земли. Со времени образования Крымского ханства стали более частыми нападения татар на украинские земли. Хотя основатель государства в Крыму Хаджи-Гирей был одно время союзником великого литовского князя и поэтому редко предпринимал набеги на входившую в состав Литвы территорию Украины, его соперники в борьбе за крымский престол постоянно грабили Подолию, Галичину и Волынь. Густынская летопись сохранила известия о целом ряде татарских вторжений на украинские земли: в 1447 г. «татаре многие пакости на Подолю сотвориша»; то же отмечено под 1452 годом. В 1453 г. татарская орда снова вторглась на Волынь, однако захватчики «поражены быша». В 1462 г. «Литву и Волынь татаре попленишa», а в 1469 г. Подолию и Волынь опустошили заволжские татары [1].

С начала 80-х годов набеги крымских орд на Украину приобретают систематический характер. Сын и преемник Хаджи-Гирея Менгли-Гирей порвал союзнические отношения с Литвой и открыто начал грабить Подолию, Киевщину и Волынь. В конце лета 1482 г. Менгли-Гирей с огромной ордой ворвался в Киевскую землю. Татары осадили Киев, штурмом взяли его замок, ограбили и сожгли город, увели в неволю множество жителей.

В 1489 г. крымские феодалы несколько раз вторгались на Подолию. Она была опустошена ими и в 1494 г. В Каменце, например, как видно из описания подольских замков, все его укрепления и строения были разрушены, запасы оружия и продовольствия уничтожены. В 1498 г. татарское войско вместе с турецким разорило Галичину и Подолию, захватив в плен около 100 тыс. людей. В 1499 г. крымская орда вновь разграбила Подолию.

В первой половине XVI в., как и раньше, Крымское ханство было неспособно само обеспечить себя продовольствием. Правящая верхушка абсолютно не заботилась о развитии экономики ханства, видя источник существования государства и своего обогащения в грабеже других народов, в войнах. Поэтому феодалы систематически устраивали набеги на соседние земли, грабя их и захватывая население, которое они превращали в рабов. Когда турецкий султан однажды запретил крымскому хану Мухаммеду-Гирею (1515—1523) нападать на дружественные ему тогда государства, тот цинично спросил сюзерена: «Нє велишь поити на московского и волошского [князей], чем быть [тогда] сыту и одету?».

Разбойничьи нападения крымской и ногайской орд на русские, украин-

[1] ПСРЛ, т. 2, с. 356—358.

ские, белорусские, молдавские и другие земли учинялись систематически: года не проходило без того, чтобы татары не вторгались в соседние страны, неся смерть и порабощение трудовому люду. Особенно страдали от наездов хищных кочевников украинские земли, непосредственно граничившие с Крымским ханством.

Население южных местностей Украины жило в постоянном напряжении. Но и жители более глубинных земель не могли чувствовать себя в безопасности. И западные, и даже северные земли Украины подвергались опустошительным вторжениям татар. Даже по далеко не полным, отрывочным сведениям источников можно воссоздать ужасающую картину набегов крымских феодалов на отдаленные территории Украины.

В 1500 г. крымская орда разграбила не только Киевщину, но и Волынь и даже Холмскую и Белзскую земли, дойдя до Вислы. В 1502, 1508 и 1509 гг. захватчики опустошили Подолию и Галичину, а в 1508, 1512 и 1517 гг.— Волынь. В 1524 г. кочевники разорили Львовскую и Подольскую земли, а в 1534 и 1549 гг. вновь вторглись на Волынь. Они грабили и жгли города и села, убивали и уводили в плен тысячи людей. В это же время Южная Киевщина и Переяславщина подвергались набегам татар почти ежегодно.

Литовские и польские феодалы, под властью которых в те времена находились украинские земли, мало заботились об их защите. Замки были в запущенном состоянии, гарнизоны их слабы, пограничные войска немногочисленны, плохо вооружены и малоподвижны, а поэтому непригодны для борьбы с легкой крымской конницей. Населению украинских земель в борьбе против нападений кочевников приходилось полагаться только на себя. Дело защиты родного края от крымских и турецких агрессоров взяло на себя славное украинское казачество, возникшее во второй половине XV в.

В 1502 г. киевские казаки спустились на челнах по Днепру и разгромили возле Тягинского перевоза татарский отряд, а в 1524 г. совершили нападение на Крым. С каждым годом отпор татарской агрессии становился все более решительным. В 1545 г. крымский хан жаловался великому литовскому князю на неоднократные вторжения казаков в его владения. В частности, когда в том же году Эмин-Гирей, сын хана, попытался переправиться через Днепр, направляясь в Белгород-Днестровский для соединения с турецким войском, его отряд был рассеян казаками.

Храброе украинское казачество в своей борьбе против агрессии с юга опиралось на поддержку всего народа. Поэтому, несмотря на численный перевес орд крымских феодалов, казачество не раз одерживало над ними победы. Однако минуло еще более двух веков, пока был положен конец татарско-турецким набегам на Украину.

Установление владычества монгольских феодалов в XIII в. отрицательно сказалось на политическом статусе Руси, в том числе и Юго-Западной. Ордынские властители жестоко подавляли освободительное движение народных масс, разжигали междоусобицы в среде феодалов. Господство ордынцев препятствовало естественному развитию процессов объединения древнерусских земель и княжеств, нарастанию связей между ними, замедляя тем самым процесс формирования трех братских народностей.

Народ нашел силы выстоять и победить. Формировавшаяся великорусская народность в течение XIV — начала XVI в. создала свое государство. Украинская народность, складывание которой особенно активно про-

текало в XIV—XV вв., также пошла бы по этому пути, если бы не агрессия польских, литовских, молдавских и венгерских феодалов. Во второй половине XIV в. бóльшая часть украинских земель оказалась под властью Польского королевства и Великого княжества Литовского.

В условиях тяжкого иноземного ига, выражавшегося в экономическом, политическом и культурно-национальном угнетении народных масс, на Украине нарастало сопротивление захватчикам, расширялись и укреплялись связи с находившимися в процессе образования братскими русской и белорусской народностями. Усиливались связи между украинскими землями, находившимися в составе различных иностранных государств,— Северной Буковиной, Закарпатьем, Галичиной, Волынью, Подолией, Киевщиной, Черниговщиной, Переяславщиной. Это способствовало дальнейшему развитию украинской народности, консолидации ее сил.

Глава II

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УКРАИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

Вторая половина XIII — первая половина XVI в. в истории Украины — это время зрелого этапа феодальной формации. Для него характерны завершение процесса становления феодального строя в базисе и надстройке. На его начальной стадии формируются крупная феодальная земельная собственность и вотчинная система. Феодальная формация в это время постепенно реализует заложенные в ней возможности прогресса. Развиваются производительные силы, складываются соответствующие им производственные отношения. Определенные сдвиги наблюдаются в сельском хозяйстве. Распространение трехполья, новой техники обработки и удобрения земли привело к заметному увеличению урожаев. Этого требовало и дальнейшее углубление общественного разделения труда, рост городского населения, появление и возрастание спроса на хлеб на внутреннем и внешнем рынках. Возникают крупные хозяйства, производящие товарный хлеб. Следствием этих процессов явилось усиление феодальной эксплуатации крестьян, их личной зависимости от господ. К середине XVI в. значительная часть крестьянства оказалась прикрепленной к земле.

Интенсивно развиваются города — носители общественного прогресса в рамках феодального способа производства. Растет экономический обмен между городом и деревней. Высокого для своего времени уровня достигают ремесла и промыслы, расцветает внутренняя и внешняя торговля. Углубляется имущественное и общественное неравенство среди горожан. В борьбе против произвола феодалов городское население становится временным союзником государственной власти, заинтересованной в централизации Польского королевства и Великого княжества Литовского.

Уровень общественно-экономического развития украинских земель второй половины XIII — первой половины XVI в. мог бы быть значительно выше, если бы не тяжкое иноземное господство. Польские и литовские магнаты и шляхта, вступив в классовый сговор с украинскими феодалами, беспощадно угнетали и грабили трудовой народ Украины. Народные массы украинских земель настойчиво боролись против феодального и культурно-национального угнетения, за единение с братским русским народом. Особенно острый характер эта борьба приобрела во второй половине XVI—XVII в.

1. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО УСИЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ КРЕСТЬЯНСТВА

Развитие феодальных отношений. Основой феодального способа производства было крупное землевладение. В эпоху феодализма собственность на землю постепенно приобретает иерархический характер, а монопольные

собственники выступают как ассоциация, направленная против порабощенного продуктивного класса.

Закрепление и охрана монопольной собственности феодального класса на землю и осуществление внеэкономического принуждения зависимого крестьянства обусловливали феодально-иерархическую структуру землевладения. Все землевладельцы были связаны между собой военно-служебными обязательствами, так называемым вассалитетом.

Вассалитет представлял собой систему организации господствующего класса и базировался на личной зависимости одного феодала от другого. Основой правовых отношений между феодалами были земельные отношения. Глава феодального государства, король или великий князь, был верховным сеньором (сюзереном) для всех подданных феодалов. Крупные сеньоры, удельные князья или бояре, будучи вассалами верховного сеньора, получали от него земли и служили ему. В свою очередь, они являлись сюзеренами для более мелких феодалов, предоставляли им земельные владения с условием несения военной службы. Так создавалась феодальная иерархия — своеобразная лестница, на верхней ступеньке которой стоял глава государства, на нижней — мелкий феодал-землевладелец.

Нашествие орд Батыя не подорвало основ феодального строя на Руси, но углубило раздробленность, в частности, пошатнуло иерархическую лестницу. Не только удельные князья, но и бояре стремились выйти из-под руки великого князя, авторитет которого был принижен, а военная мощь подорвана завоевателями.

Феодальная иерархия всей своей тяжестью лежала на плечах трудового народа — зависимых крестьян и бесправных, неимущих горожан. Господствующий класс держал в руках все население государства, хотя формы этой власти были разными, а тяжесть феодальных повинностей — не одинаковой для разных общественных слоев. Система феодального вассалитета основывалась на эксплуатации народных масс. Она была государственным механизмом, при помощи которого верховная власть и крупные землевладельцы держали народ в повиновении.

Вражеское нашествие причинило большой урон сельскому хозяйству южнорусских земель. Заросли лесом и травой когда-то плодородные нивы. Русский летописец, современник нашествия, со скорбью писал, что «села от того нечестивого Батыева пленения запустеша» [1]. Значительная часть земельных угодий Юго-Западной Руси перестала обрабатываться вследствие гибели или бегства крестьян. Пришла в упадок техника обработки земли, примитивизировались формы эксплуатации крестьян феодалами, которые от денежной и отработочной ренты вернулись к собиранию даней натурой. Систематическое ограбление населения завоевателями еще более усиливало обнищание крестьянства.

С населения городов и сел Руси в пользу ордынских феодалов собирали поплужное (плуг был единицей обложения податями), корм (содержание ханской администрации), тамгу (торговую пошлину). Оно вынуждено было отбывать извозную повинность (ям), посылать вооруженных воинов для участия в грабительских походах ордынских феодалов. Кроме того, население систематически облагалось дополнительными поборами. Все это отрицательно сказывалось на экономической жизни, в частности на состоянии сельского хозяйства.

Однако трудящиеся массы нашли в себе силы восстановить города, отстроить старые и основать новые селения. Раньше всего сельское хозяй-

[1] ПСРЛ. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. Спб., 1863, с. 386.

ство на южнорусских землях начало возрождаться и развиваться в Галичине и Волыни — в местностях, которые в сравнении с Киевщиной, Черниговщиной и Переяславщиной меньше пострадали от завоевателей.

Земледельческая техника и сельскохозяйственные культуры. Животноводство. Сельское хозяйство было наиболее консервативным звеном в системе феодального способа производства. Столетиями применялись одни и те же орудия и методы обработки почвы. Поэтому нелегко проследить прогресс, временами внешне незаметный, которым ознаменовалось начало зрелого этапа феодальной формации. Установлено, что со второй половины XIII в. все большее распространение приобретает плуг с железным лемехом, в который впрягали волов, иногда по нескольку пар. Его применяли для возделывания тяжелого чернозема в степных и лесостепных зонах Южной Киевщины, Переяславщины, Подолии, Галичины. В это время начинают шире применять более продуктивный колесный плуг. Но в Полесье, на Волыни, на севере Киевщины и Чернигово-Северщине, где преобладали легкие, преимущественно серые и суглинистые почвы, главным орудием обработки земли оставалась соха с железным сошником на конной тяге.

Пастух. Миниатюра из Киевской псалтыри. 1397 г.

Постепенное развитие техники сельского хозяйства сказалось прежде всего на системах земледелия. Примитивная подсечная система приходит в упадок даже в Полесье. В более заселенных районах Галичины, Волыни и Подолии распространяется трехполье. Однако в восточной части южнорусских земель еще долго сохраняется двуполье и перелог.

Важным новшеством в земледелии как на украинских, так и на русских землях XIV — первой половины XVI в. было использование удобрений — навоза. Все это улучшало плодородие почвы, способствовало заметному подъему земледелия, повышало урожаи и, следовательно, вело к увеличению производства зерна и других продуктов питания, а также технических культур. Паровая система выращивания зерна при трехпольном севообороте позволяла увеличивать производительность участка земли в сравнении с подсечной системой в несколько раз. Наиболее распространенными среди зерновых культур были рожь (в источниках часто встречаются записи типа: «А пашня есть жито»), просо, овес, пшеница, ячмень, горох, а среди технических — лен и конопля.

Важное место в земледелии занимали огородничество и садоводство. Во время археологических раскопок в культурных слоях второй половины XIII—XV в. находят семена огурцов, тыквы, дыни. В источниках попадаются упоминания о «капустниках», т. е. огородниках, выращивавших капусту, а также о таких садовых деревьях, как яблоня и вишня.

Увеличение производства зерна стимулировало развитие скотоводства, основой которого является подъем земледелия. В свою очередь, земледелие невозможно без тяглового скота — быков и лошадей. На украинских землях интенсивно развивалось коневодство, а также птицеводство, бортничество и рыболовство.

Положение крестьянской общины. С древнерусских времен крестьянство сохраняло общинную организацию. Вначале крестьянская община была родовой, в ее состав входили прежде всего близкие родственники, происходившие от одного отца — братья. Среди родственников-общинников источники упоминают также дядей и племянников. Вообще же к родовой общине могли принадлежать и далекие родственники различных линий.

Письменные памятники с территории Украины второй половины XIII—XIV в. и в еще большей степени XV — первой половины XVI в. почти не знают родовой общины в чистом виде. Возрастание феодальных повинностей, с одной стороны, расширение общинной запашки и интенсификация земледелия — с другой, требовали увеличения количества рабочих рук в общине. Естественного прироста ее членов уже не хватало, приходилось принимать в общину и посторонних людей. Они выполняли часть общих феодальных повинностей, лежавших на общине, и пользовались за это выгодами совместного ведения хозяйства. В документах эти посторонние члены некогда семейной общины именуются потужниками, поплечниками, товарищами, сябрами. Такая община называется соседской.

Все названные выше категории крестьян были полноправными членами общины, но существовали в ней и неравноправные члены: дольники (издольщики), половники, подсоседки, вынужденные работать в качестве батраков на состоятельных общинников.

Соседская община, вырастая из родовой, долгое время сохраняла пережитки родовых отношений. Однако с ростом феодального землевладения когда-то свободная община постепенно попадает во власть феодалов, и свободные члены общины становятся их подданными. Как заметил академик Б. Д. Греков, этот процесс начался еще во времена Русской правды (т. е. в XI—XII вв.) и проявился в том, что часть общин и сельского населения уже подчинялась власти князя или боярина, другая часть была еще свободной. В XIV — первой половине XVI в. свободных общин оставалось уже мало — большинство находилось под властью феодала или государства.

Члены общины сообща пользовались земельными угодьями: лугами, пастбищами, лесами, озерами, реками; однако в большинстве случаев пахотная земля обрабатывалась отдельными семьями. Община состояла из дворищ, в свою очередь объединявших по нескольку дымов, т. е. крестьянских хозяйств, принадлежавших отдельным семьям. Дворище представляло собой общественный хозяйственный комплекс, в состав которого входили пахотные земли, леса, луга, охотничьи и рыболовные угодья. Например, в акте середины XIV в. записано, что дворище на Волыни имело «рольную землю», сеножати и

«озера рыбная» [1]. Дворище возглавлял старейшина, представлявший его перед общиной.

Все повинности община распределяла между дворищами, а те — среди своих дымов. Дворища отвечали за исполнение повинностей перед общиной, а община — перед феодалами или государством (круговая порука). Общинами управляли атаманы, избиравшиеся представителями дворищ. Западнорусская летопись сообщает, что в середине XIV в. атаманы собирали дань с крестьян для татарской верхушки. Затем, когда украинские земли попали под власть польских и литовских феодалов, атаманы обеспечивали выполнение крестьянских повинностей в пользу новых хозяев. Община избирала также собственный, так называемый копный суд, который рассматривал мелкие дела (более важные находились в юрисдикции феодалов).

Внутри общины не было равенства. Ее богатые члены сосредоточивали в своих руках лучшие земли и власть в общине, пользовались наемным трудом и разоряли бедноту. Отсутствие равенства делало крестьянскую общину уязвимой для посягательств правящего класса.

Феодалы разрушали крестьянскую общину, назначая на ранее выборные должности своих людей, а с XV в. на Украине во главе волостей становятся назначенные землевладельцами старосты и наместники — державцы. Сначала феодалы поставили под свой контроль общинный суд, а затем заменили его вотчинным. Постепенно общинные земли переходят под власть феодалов, становятся их вотчинами: они могли передавать эти земли по наследству, продавать и пр.

Рост феодального землевладения. В течение второй половины XIII — первой половины XVI в. в Юго-Западной Руси входило в силу крупное феодальное землевладение, и не только княжеское, но и боярское. Его источниками были захват феодалами общинных земель, покупка имений у других собственников, а также княжеские пожалования. Неуклонно возрастал натиск феодалов на крестьянскую общину. К середине XVI в. на Украине оставалось мало свободных общинных земель — почти все они перешли во владение отдельных феодалов и государства. Подобное положение было тогда и в России, а в соседней с Украиной Молдавии в течение XV в. процесс поглощения общинного землевладения феодалами уже завершился.

Специфика феодального землевладения состояла в том, что никто, кроме верховного сюзерена, не мог распоряжаться землей. Любая феодальная собственность считалась полученной от господина, в конечном счете — от короля или великого князя. Это означало, что наряду с феодалом, непосредственным собственником земли, на тот же участок земли имел права его прямой господин и, кроме того, носитель верховной власти.

Присвоение общинных земель украинскими, польскими и литовскими феодалами сочеталось с освоением новых — так называемых пустошей, лежавших за пределами общинных владений. Оно производилось руками трудового, зависимого от феодалов крестьянства. Например, в 1383 г. великий князь литовский Витовт разрешил своему слуге Василию основать на Подолии село Княжую Луку «на сыром корени», т. е. на «пустоши» [1].

Кроме того, представители господствующего класса получали от польского короля и великого князя литовского имения в награду за несение военной службы или при условии выполнения ее. Полученными

[1] Грамоты XIV ст. Киев, 1974, с. 27.

[1] Грамоты XIV ст., с. 62.

землями вассалы владели в двух формах: а) временной и условной — до тех пор, пока исполнялась служба в пользу сюзерена, и б) постоянной — когда земля считалась собственностью, не подлежавшей отчуждению.

Раздача князьями земель своим вассалам началась еще в древнерусский период. Из Галицкой летописи 1241 г. известно, что Даниил Романович и Василько давали «державы» своим дружинникам в Коломыйской волости как компенсацию за службу («велиции князи держать сию Коломию на роздавание оружьникам») [1]. Но особенно значительных размеров земельные пожалования князей и бояр на украинских землях приобрели во второй половине XV — первой половине XVI в.

Очень часто князья и крупные феодалы давали землю вассалам в пользование, «на поживенье», или «в хлебокормленье», т. е. на содержание. Такие пожалования на Украине назывались «даниной» или «держаньем», в России — «поместьем» или «жалованьем». При этом в документах обязательно обусловливалось исполнение подданным военной службы вместе с определенным количеством воинов, вооруженных на его собственный счет. В 1378 г. галицкий наместник Владислав Опольский пожаловал имение одному из своих слуг, отметив в грамоте: «А с того иметь князю служити трими стрелци» [2].

Вначале, в XIII, XIV и в течение большей части XV в., имения жаловались «до воли и ласки господарской», иначе говоря, на усмотрение сюзерена, без определенных сроков. Однако уже в конце XV — начале XVI в. в источниках все чаще встречаются пожалования земельных владений «до живота» (до смерти вассала), «до двух животов» (до смерти вассала и его сына) и даже «до трех животов».

Вассалы стремились превратить временное владение в наследственное, уравнять его в правовом отношении с вотчиной. Во многих случаях это отвечало и желанию сюзеренов, заинтересованных в том, чтобы в их распоряжение непрерывно и в определенных количествах поступали воины для несения службы, что было возможно лишь тогда, когда в том или ином имении сидели семьи, традиционно связанные с сюзеренами не только земельными отношениями, но и давними семейными обязательствами. В грамотах великих князей литовских, которыми временные владения превращались в наследственные, не раз прямо указывалось, что это делается, «абы не гинула служба князя великого».

Вассалы были обязаны отбывать службу в пользу сюзерена не только с «держаний», но и с собственных имений — вотчин. Ведь в феодальном государстве верховным владельцем земли считался его глава. Правда, служба с вотчин была более легкой, чем с временных владений. Во многих случаях она превращалась в формальность, как это имело место на украинских землях под властью Польши и Литвы. В обоих государствах слабая центральная власть была способна разве что кое-как обеспечить несение службы с «держав» и «данин».

Архивы XIV—XVI вв. сохранили тысячи жалованных грамот польских королей и великих князей литовских вассалам на украинские села и отдельные земельные угодья. Это был один из путей формирования феодального землевладения на Украине.

Крупнейшими землевладельцами на зависимых от Польши и Литвы украинских землях были соответственно король и великий князь. В своих владениях они вели собственное хозяйство. На Волыни, Киевщине, Подолии, в Галичине существовало значительное количество государственных, королевских и великокняже-

[1] Летопись по Ипатскому списку, с. 525.
[2] Грамоты XIV ст., с. 59.

ских имений — земель и «дворов» с жилищами для челяди, хозяйственными постройками: конюшнями, хлевами, амбарами и пр. В каждом королевском или великокняжеском имении были пахотные поля и другие угодья, которые обрабатывали зависимые от господаря крестьяне.

Феодальные повинности крестьян. Крестьянство, составлявшее основную массу населения украинских земель, находилось на разных ступенях феодальной зависимости. Оно давало дани, платило подати и отбывало повинности в пользу государства (олицетворенного королем и великим князем) и отдельных феодалов.

Одним из главных общегосударственных податных сборов описываемого времени была ежегодная денежная дань. На Киевщине ее называли «подымщиной». Само название этой дани указывает на способ ее взимания — с «дыма». Подымщина — древняя подать, ее появление относится еще ко временам складывания Древнерусского государства. «Повесть временных лет» под 859 годом свидетельствует, что поляне и северяне платили хазарам дань «по белей верипе от дыма» [1]. В Галичине (в Саноцкой и Львовской землях) в конце XIV в. денежную дань в пользу короля также называли подымщиной.

Разновидностью «подымщины» была «поголовщина», которую администрация Великого княжества Литовского собирала в XV в. на Черниговщине. Очевидно, поголовщину также собирали с дыма. На Волыни эту подать называли «воловщиной». Например, в 1407 г. Витовт подарил своему слуге Илье Вячковичу несколько сел во Владимирском и Луцком поветах, позволив крестьянам не платить упомянутую подать в великокняжеский «скарб»: «Отпустили есмо воловщину» [1]. Название «воловщина» происходит от того, что единицей обложения был участок земли, возделанный за определенное время плугом, в который запрягали волов. В Восточной Волыни денежная дань называлась «болкуновщиной». В документе 1471 г. о с. Романово (вблизи Житомира) сказано: «А вси тые люди болькуновщину дають с вола по три гроши» [2].

Все эти местные названия общегосударственной денежной подати объединялись в XV в. в Литве и Польше общим термином «серебщина», поскольку ее платили серебряной монетой. Бывало, что подымщину вносили в государственный скарб натурой. По-видимому, сказывались традиции древнерусских времен, когда господствовала натуральная рента. Например, в Галичине в конце XIV — начале XV в. «брали... ис подимья по колоде вовса» [3]. В 1447 г. польский король и великий князь литовский Казимир официально отменил серебщину. Но на украинских и белорусских землях под властью Польши и Литвы ее продолжали собирать вплоть до середины XVI в.

Другим общим для всех крестьян южнорусских земель второй половины XIII — начала XV в. государственным денежным податным сбором была «татарщина». В 80-е годы XIII в. эту подать собирали на Волыни по поручению ханской администрации местные князья. В тех местностях Украины, которые в 60-е годы XIV в. вышли из-под власти ордынских ханов, «татарщину» продолжали платить в литовскую казну. В грамоте Свидригайла Смотричскому доминиканскому монастырю от 1405 г., например, среди перечисленных повин-

[1] Летопись по Лаврентиевскому списку, с. 18.

[1] Українські грамоти XV ст. К., 1975, с. 35.

[2] Архив Юго-Западной Руси (далее — Архив ЮЗР). Киев, 1890, ч. 7, т. 2, с. 5.

[3] Грамоты XIV ст., с. 72.

ностей населения Подолии упоминается и ордынская дань.

Наряду с серебщиной и «татарщиной» крестьяне отбывали многочисленные повинности в пользу государства: строили и ремонтировали замки и «дворы» польского короля и литовского великого князя, возводили мосты и гати, прокладывали дороги, ходили работать на господаря «з косою, серпом и топором», иначе говоря, отбывали барщину, «гонили звира» во время королевских и великокняжеских «ловов» (охоты), давали «подводы» и «стацию», т. е. обеспечивали всем необходимым короля, великого князя и их свиту при проезде. В совокупности все эти государственные повинности были обременительны для крестьян. Кроме того, на плечах крестьянства лежала не меньшая тяжесть податей и повинностей в пользу местных феодалов — магнатов, бояр и шляхты.

Значительное количество земли и феодально зависимых крестьян находилось в руках церкви, в пользу которой, наряду с выполнением целого ряда повинностей, все крестьяне обязаны были платить еще и десятину, т. е. отдавать десятую часть своих доходов.

Одной из главнейших феодальных повинностей крестьян Украины второй половины XIII — первой половины XVI в. была дань натурой. Эта повинность связана с тем, что собственное хозяйство основной массы феодалов в то время было еще небольшим, поэтому сами они, их слуги и челядь жили главным образом за счет полученных с крестьян натуральных даней.

На севере Киевщины, на Черниговщине и в северо-восточной части Волыни натуральная рента взималась прежде всего медом, воском, ценными мехами. Так, во второй половине XIV в. киевский князь Владимир Ольгердович подарил Никольской церкви «жеребей» земли на Киевщине и определил, что «идеть с того жеребья полколоды меду, а полведра, а полбобьра, а полтора вьска»[1]. В связи с истреблением бобров, куниц и других ценных зверей феодалы постепенно заменяли меховую дань медовой. Однако на многих полесских землях Украины ренту медом, воском и мехами взимали вплоть до середины XVI в. Собирание даней этими ценными продуктами было удобно для феодалов: их можно было легко транспортировать, сохранять, накапливать и продавать на внутреннем и внешнем рынках.

Составной частью натуральной ренты во второй половине XIII—XVI в. были также зерно и сено. Подобная дань называлась «дяклом». «Устава дворам» 1529 г. прямо переводит термин «дякло» как дань: «Жита наши данные и овсы, то есть дякла»[2]. Они взимались рожью (житные), пшеницей, овсом, сеном. Кроме того, крестьяне отбывали так называемую мезлеву — дань крупным рогатым скотом, свиньями, овцами, курами.

В XIV — первой половине XVI в. часть феодальной дани украинское крестьянство выплачивало деньгами. Вначале денежная часть дани была небольшой. Постепенно, с развитием городов, расширением внутреннего и внешнего рынка, увеличением производительности сельского хозяйства у феодалов растет потребность в деньгах, и они понемногу начинают заменять натуральные повинности денежными.

К середине XIV в. денежная рента получила распространение в Галицкой земле: крестьянин отдавал землевладельцу «плат рочный». Светские и духовные феодалы Киевской земли также заставляли крестьян вносить денежную ренту. Например,

[1] Грамоты XIV ст., с. 37.

[2] Акты, относящиеся к истории Западной России (далее — АЗР). Спб., 1848, т. 2, с. 196.

Печерский монастырь в 1398 г. получал с жителей принадлежавшего ему «маетку» копу денег. А в 1407 г. польский князь Владислав Ягайло подарил своему слуге Федору село в Подольской земле с пахотными землями, различными угодьями и «чиншами», т. е. с денежными данями, что свидетельствует о распространенности этого вида феодальной ренты и на Подолии. В Полесье в последней трети XV в. феодалы также постепенно заменяют натуральную ренту денежной.

Таким образом, к концу XV в. сельское зависимое население украинских земель находилось уже в основном на оброке, т. е. платило денежную дань.

Начиная с середины XV в., как видно из грамоты Казимира IV 1447 г., на украинских землях под властью Польши и Литвы все налоги и штрафы взимались деньгами. Это свидетельствует о постепенном втягивании феодального хозяйства (господского и крестьянского) в товарно-денежные отношения и об изменении характера ренты.

Вначале развитие товарно-денежных отношений способствовало подъему производительных сил крестьянского хозяйства. Крестьянин получил возможность более свободно вести свое хозяйство, интенсифицировать производство, что выразилось в переходе к трехполью, начавшемся в значительных размерах в XV в., в применении удобрений, выращивании скота на продажу. Правда, это касалось главным образом сравнительно незначительной прослойки состоятельных крестьян. По мере того как феодалы втягивались в торговлю, преимущественно хлебную, положение массы крестьян стало стремительно ухудшаться, поскольку все более усиливалась феодальная эксплуатация, от которой прежде всего страдало неимущее крестьянство.

Возникновение фольварочного хозяйства. Введение барщины. Расширение внутреннего рынка, обусловленное развитием городов, имело серьезные последствия для феодального хозяйства. В XV в. магнаты и шляхта начали увеличивать свои пахотные земли, для того чтобы производить больше продуктов, прежде всего хлеба, для продажи. Это привело к увеличению отработочной ренты.

Важным фактором расширения феодального хозяйства стало развитие внешних экономических связей, вызванных потребностью западноевропейского рынка в товарном хлебе.

Во второй половине XIII — середине XV в. на внутреннем рынке Украины почти не существовало спроса на хлеб. Очень слабым был спрос на него и на международном рынке. Основное население городов — ремесленники занимались также земледелием и животноводством, внося, подобно крестьянам, в пользу государства продуктовую и денежную дани. Даже во второй половине XV в., когда углубилось разделение труда и города стали постепенно утрачивать аграрный характер, многие горожане продолжали заниматься сельским хозяйством. В 70-х годах XV в. в городе Чуднове на Киевщине имелось «тых людей, которые землю пашуть, 32 человеки, а дають плату по 20 грошей с человека»; в волынском городе Житомире было «сееное пашни досыть» [1], мещане платили подымщину и отбывали барщину, как и крестьяне. Однако постепенно сельское хозяйство в городах отодвигается на второй план. Города превращаются в рынки сбыта сельскохозяйственной продукции — продуктов питания и сырья.

Развитие производительных сил, совершенствование техники и рост продуктивности сельского хозяйства и ремесла вели к увеличению объема

[1] Архив ЮЗР, ч. 7, т. 2, с. 4, 5.

производства продуктов питания и ремесленных изделий. Ремесло все больше отделялось от сельского хозяйства. Возник спрос на хлеб в городах. В то же время заметное увеличение урожайности зерновых благодаря переходу к трехполью, применению более совершенной техники и удобрений привело к появлению на украинских землях в XV в., в особенности во второй его половине, значительного количества товарного хлеба, который вывозили на рынки городов. Аналогичный процесс происходил тогда в России и Белоруссии, а также в Польше, Литве и некоторых странах Центральной и Западной Европы.

Особенно большой спрос на хлеб возник в западноевропейских странах, сельскохозяйственное производство которых из-за нехватки земли не могло полностью удовлетворить быстро возраставший спрос городского населения на хлеб. В XVI в. украинские земли становятся поставщиком хлеба Западу. Наступает время международной хлебной торговли.

В течение XV — первой половины XVI в. спрос на хлеб на внутреннем и внешнем рынках неуклонно возрастал. Это побуждало землевладельцев расширять посевные площади в своих имениях, а также захватывать земли, которыми пользовались крестьяне, принуждая их обрабатывать все больше земли.

Кроме того, магнаты и шляхта увеличивали свои владения, получая земли от великого князя литовского и польского короля. Наконец, они покупали землю у крестьян. В Великом княжестве Литовском вплоть до XVI в., т. е. до возникновения спроса на хлеб на рынке, крестьяне в определенной степени сохраняли право купли-продажи земли, даже в тех случаях, когда юридически они считались уже крепостными. В дальнейшем государственная власть постепенно ограничивала права крестьян на землю, а в начале XVI в. великокняжеская администрация перестала признавать за ними право отчуждения земельных наделов. Так началось прикрепление крестьян к земле.

Создается так называемая фольварочная система ведения сельского хозяйства, когда земля в господском имении обрабатывается руками зависимых от господ крестьян. Магнаты и шляхта использовали различные способы экономического и внеэкономического принуждения, чтобы удовлетворить потребность своих хозяйств в рабочей силе. Вместе с развитием фольварочной системы возрастала отработочная рента. Создание фольварков принесло массе трудового крестьянства закрепощение, на него было надето ярмо подневольной барщины.

К работе на великого князя население Юго-Западной Руси привлекалось еще в древнерусское время. То же происходило и вскоре после Батыева нашествия. Во вписанном в Волынскую летопись под 1288 годом завещании владимирского князя Владимира Васильковича читаем: «А людье, како то на мя страдале, тако на княгиню мою по моем животе; аже будеть князю город рубити» [1]. Следовательно, население Волынской земли, в основном крестьяне, в конце XIII в. работало («страдале») на князя, и не только обрабатывало землю, но и возводило замки.

В Великом княжестве Литовском крестьян заставляли трудиться на государственных землях, принадлежавших самому великому князю, еще в 20-х годах XIV в.— при Гедимине. Аналогичное положение существовало тогда и в Польше. Однако в значительных размерах отработочная рента получила распространение в XV в. и особенно в начале XVI в.

Работа крестьян в фольварке, т. е. собственном хозяйстве феодала, на-

[1] Летопись по Ипатскому списку, с. 595.

зывалась «тягловой службой» или просто «службой». Отбывать «тягловую службу» значило пахать, бороновать, жать на поле феодала, косить сено, «ходить с топором и косою», «сыпать» пруды. Существовало и другое название барщины — «ходить на толоку». «А мещане вси на толоку ходять жита жати и сена косити»,— сказано в люстрации (описании) Киевской земли 1471 г. [1] Крестьянин отбывал барщину, используя собственные средства производства.

Нормы барщины увеличивались по мере развития фольварочного хозяйства. Уже в 1424 г. шляхта и панство Саноцкой земли (Галичина) установили барщину в размере 14 дней в течение года с каждого крестьянского хозяйства. На Киевщине барщину начали повсеместно вводить во второй половине XV в. В люстрации 1471 г. неоднократно подчеркивается недавний характер введения барщины: «А князь Семен увел был на них (зависимых крестьян.— *Ред.*) новину — сено косити, на толоку ходити, став сыпати, а того, дей, им ис старины не бывало, то новина на них» [2].

К концу XV в. на многих украинских землях установилась норма барщины — один день в неделю. Так, в 1477 г. однодневную барщину ввела шляхта Холмской земли в Галичине. В течение первой половины XVI в. на большинстве украинских земель установилась барщина в два дня в неделю. Наряду с барщиной зависимые крестьяне должны были давать натуральную дань и платить денежную подать (чинш).

Возрастающее бремя феодальных повинностей и втягивание крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения углубляли имущественное неравенство среди крестьян. Постепенно из крестьянской массы выделяется состоятельная прослойка. К ней принадлежали крестьяне, получавшие от господ добавочные наделы и таким образом расширявшие свое хозяйство. Многие из них скупали для перепродажи у других крестьян сельскохозяйственные продукты, а также лошадей и крупный рогатый скот. Таким образом они становились обладателями довольно значительных средств. В то же время возрастало число бедняков, разоренных повинностями и уже не способных вести самостоятельное хозяйство. Часто они утрачивали свои избы и наделы, переходя в дворы состоятельных односельчан, чтобы работать на них, сохраняя иногда и свое небольшое вспомогательное хозяйство. Они назывались подсоседками.

Появилась и категория крестьян, вообще лишенная имущества,— «гультяи». Их можно было эксплуатировать за небольшую плату или предоставляя на время средства производства. Но часто это бывало невыгодно феодалам, имевшим возможность использовать даровой труд. Поэтому гультяи, не найдя работы у феодала, нанимались к местным богатым крестьянам либо искали ее на стороне.

Таким образом, во второй половине XV— начале XVI в. на большинстве украинских земель вводится регулярная барщина, ставшая с тех пор основой ведения фольварочного хозяйства. Усиливается феодальная эксплуатация крестьянства. Одновременно увеличивается имущественное неравенство и углубляются социальные противоречия в крестьянской среде.

Формы феодальной зависимости крестьян. Феодальная собственность на землю была основой эксплуатации крестьянства. Захват крестьянских земель феодалами, образование крупной феодальной собственности и связанное с этим закабаление ранее сво-

[1] Архив ЮЗР, ч. 7, т. 2, с. 4.
[2] Там же, с. 1. Аналогичные записи см.: с. 2, 3.

бодных членов общины создали условия, которые определяли характер взимания и размеры феодальной ренты при определенном уровне производительных сил. Внеэкономическое принуждение являлось способом получения земельными собственниками дохода от экономически самостоятельного мелкого хозяина. Основу внеэкономического принуждения составляли личная неволя непосредственного производителя или различные формы его зависимости от феодала.

На украинских землях XIV — первой половины XVI в. крестьяне в огромном большинстве относились к феодально зависимому населению. Но степень зависимости крестьян была разной. В наиболее бесправном положении оказалась «челядь невольная», которая состояла из холопов, закупов и других подобных категорий крестьян, фактически находившихся в положении рабов.

Во второй половине XIV и большей части XV в. «челядь невольная» работала в основном в имениях («дворах») польского короля и великого князя литовского. Она была главной рабочей силой в княжеских дворах еще в древнерусские времена. Но при феодальном способе производства рабский труд был экономически невыгоден, поэтому в процессе развития феодализма челядь сажали на землю, превращая в крепостных. Постепенно роль челяди в хозяйстве феодалов свелась к минимуму. Так, люстрация 1471 г. свидетельствует об отмирании холопского труда в дворах великого князя литовского: на описанной там части Киевской земли насчитывалось лишь 25 человек «челяди невольной». Еще раньше отказываются от труда холопов в земледелии церковь, бояре, паны и шляхта.

Основную массу феодально зависимых крестьян на украинских землях составляли данники и тяглые люди. В конце XV в., например, великий князь литовский Александр пожаловал удельному князю Василию Вережскому город Любеч с землями и угодьями, «и з людьми тяглыми, и з данники, и з их даньми грошовыми и медовыми» [1].

Стремление феодалов внедрить отработочную ренту в связи с переходом к фольварочному хозяйству привело к стиранию граней между данниками и тяглыми. Данники также вынуждены были ходить на толоку, отбывать замковую службу, гатить запруды, прокладывать дороги и пр.

Высшую категорию феодально зависимого сельского населения на Украине в XIV — первой половине XVI в. составляли слуги — «путные», «панцирные» и др. Их чаще всего поселяли вблизи границы, в частности в замках, где они отбывали военную службу, одновременно занимаясь сельским хозяйством. Много слуг жило на Киевщине и Подолии. Сравнительно с данниками и тяглыми людьми слуги находились в привилегированном положении. Часть их вообще была освобождена от исполнения феодальных повинностей, кроме военной службы, другая — платила денежную дань, но только тогда, когда не принимала участия в военных действиях: «А коли на войну ходять, тогды подимьщины не дають» [2]. Незначительное количество слуг жило в городах.

Вначале слуги были лично свободными людьми, но в течение XV в. великие князья литовские раздали значительную их часть своим вассалам вместе с другими категориями феодально зависимого крестьянства. Так, в жалованной грамоте великого князя Александра 1496 г. князю Семену Ивановичу говорится: «А дали есмо ему Чернигов с слугами путными и с людьми данными и тяглыми» [3].

[1] Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI вв. Л., 1936, с. 25.

[2] Архив ЮЗР, ч. 7, т. 2, с. 1.

[3] АЗР. Спб., 1846, т. 1, с. 163.

Феодальная зависимость крестьян заключалась не только в отбывании повинностей в пользу господина, но и в ограничении их личной свободы. По своему юридическому статусу крестьянство в XIV— первой половине XVI в. делилось на две основные группы: «непохожих», или «отчичей», и «похожих», или «вольных». «Непохожие» крестьяне были уже закрепощены, «похожие», составлявшие основную массу крестьянства на украинских землях,— еще пользовались ограниченным правом перехода от одного господина к другому.

Иноземное проникновение на западноукраинские земли. Поселения на немецком и волошском праве. И без того тяжелое экономическое и социальное положение крестьянства на Украине под властью польских и литовских феодалов ухудшалось из-за притока иноземных колонистов, множество которых со второй половины XIV в. селилось на ее западных землях, в особенности в Галичине. Стремясь увеличить доходы казны и закрепиться на новых территориях, а также поработить коренное население захваченных украинских земель, польское правительство в 60—70-х годах XIVв. начало в широких масштабах приглашать на эти земли немецких колонистов и поощрять переселение состоятельных крестьян из Польши. Им давали возможность основывать новые поселения и переводить на немецкое право уже существующие, освобождая их из-под юрисдикции местного русского права.

Внеся в казну или феодалу определенную сумму денег, переселенец из-за границы получал привилей на организацию поселения на немецком праве, а сам становился войтом или солтысом новообразованного села с правом передачи этой должности по наследству. Войт зазывал крестьян на место нового поселения, обещая им разные льготы, прежде всего освобождение в течение ряда лет от выполнения феодальных повинностей. Он сосредоточивал в своих руках административную и судебную власть, имел вдвое больший, чем остальные колонисты, земельный надел, который к тому же освобождался от денежной подати. Войт получал также немалую часть чинша, выплачиваемого крестьянами землевладельцу, строил мельницу или корчму, доходы от которых шли в его пользу.

Поселенцы в колонии на немецком праве с полученных от феодала или государства наделов платили денежную ренту, но не отбывали барщины. Лишь в XVI в. их начали заставлять работать на феодала. Переселенец имел право выхода, т. е. мог оставить свой надел, но при условии, что находил на свое место преемника, который был бы не беднее его самого. На практике это было очень нелегким делом.

Поскольку в поселениях, основанных на немецком праве, не было общин, распространение таких поселений означало наступление господствующей верхушки на крестьянскую общину с ее древними традициями самоуправления, знаменовало расширение прав феодала, используемых прежде всего для бесконтрольного увеличения крестьянских повинностей. В то же время перевод на денежную подать создавал состоятельной верхушке крестьянства благоприятные условия для занятий ремеслами и промыслами.

В XIV в. в Галичине появились, а в XV в. получили распространение сельские поселения на волошском (молдавском) праве. Лишь некоторые из них были основаны и населены выходцами из волошских (молдавских) земель. С целью увеличения доходов феодалы начали переводить на волошское право сугубо украинские села, лишая их местного русского права.

Поселения на волошском праве обычно основывались в горах или

предгорьях, в местностях, мало пригодных для земледелия. Так же, как и жители колоний на немецком праве, крестьяне «волошских» поселений не отбывали барщины, но вместо чинша вносили феодалу-землевладельцу дань скотом, дичью, продуктами животноводства.

Во главе поселения на волошском праве стоял его основатель, которого называли «князем». Властью и экономическим положением он походил на войта немецких колоний. В поселениях на волошском праве сохранялась община, что делало их более привлекательными для украинских крестьян, с древнерусских времен привыкших к общинному землепользованию и самоуправлению. Возможность выхóда крестьян в поселениях на волошском праве принципиально не отличалась от условий, существовавших в селениях на обычном русском праве.

Заселение украинских земель иностранными колонистами и изменения в юридическом положении украинского крестьянства во второй половине XIV— середине XVI в., осуществленные правительствами Польши и Литвы, свидетельствуют о развертывании наступления феодального класса на крестьянство с целью дальнейшего закрепощения его и увеличения своих прибылей.

Закрепощение крестьянства. Во второй половине XIII, XIV и в первые десятилетия XV в. крестьяне великокняжеских и королевских владений на территории Украины могли сравнительно свободно менять местожительство: дань взимали не с отдельного человека, а с дыма, дворища, общины. Время от времени образовывался излишек рабочих рук в общине, и крестьяне, без которых она могла обойтись, уходили искать лучшей доли. В частных имениях феодалов крестьянин в указанное время также мог уйти от господина, выплатив ему отступное натурой и деньгами. Такие крестьяне назывались свободными или «похожими».

Развитие фольварочно-барщинной системы ведения сельского хозяйства, возникшей, главным образом, вследствие вовлечения феодального имения в хлебную торговлю, постепенно изменило положение основной массы крестьянства. Магнаты и шляхта, а вслед за ними великий князь литовский и польский король начали создавать обширные фольварки. С этого времени крестьянские земли понадобились для расширения господских полей, а крестьянские руки — для их обработки. Эта система вначале ограничила, а затем прекратила выходы из семей-дворищ отдельных их членов. Численность «непохожих» крестьян неуклонно возрастала.

Феодальная верхушка приступила к ограничению крестьянских выходов уже в первые десятилетия XV в. В 1435 г. галицкая шляхта приняла постановление, по которому крестьянин имел право уйти от господина лишь на рождество, уплатив ему копу денег, большую меру пшеницы, две колоды овса, четыре русских сыра, воз сена и воз дров. Однако на практике феодалы не разрешали даже таких ограниченных переходов крестьян. Верхушка общины с XV в. также начала препятствовать крестьянским выходам, так как в связи с усилением феодальной эксплуатации возрастало бремя повинностей, приходившихся на отдельных общинников.

Судебные книги украинских земель XV — середины XVI в. полны жалоб крестьян на землевладельцев, не отпускавших их даже при условии уплаты положенной дани и соблюдения сроков выхода. Естественно, крестьяне начали убегать от господ. Это использовали те феодалы, которые, расширяя фольварочное хозяйство, ощущали острый недостаток рабочих рук.

Феодалы зазывали крестьян в свои

имения, обещая им различные льготы. Новым поселенцам на 5, 10 и больше лет предоставлялась «воля», т. е. освобождение от феодальных повинностей. Так, в документе начала 70-х годов XV в., относящемся к г. Чуднову, сказано: «А тых досыть людей, которые еще воли не выседели; а коли выседять, и они тако ж будуть платити плат» [1] (денежную ренту). По истечении льготного срока крестьяне, перешедшие к новому хозяину, превращались в «непохожих». Средняя и в особенности мелкая шляхта боролась с практикой переманивания крестьян. В 1444 г. шляхетский сеймик в Галичине запретил панству под угрозой крупного штрафа принимать беглых крестьян, но эта мера не принесла ощутимых результатов.

Основная масса крестьян на Украине, так же, как в России, Белоруссии, Польше, Литве и других странах Европы, не могла воспользоваться даже предусмотренными законом возможностями ухода от владельца, так как у феодала было немало средств не отпустить крестьянина — он порабощал его экономически, давил на него всей мощью государственного аппарата.

В случае жалобы со стороны крестьян землевладелец стремился доказать, что они сидят в его вотчине с давних времен, т. е. ссылался на «старину», на традицию. Сохранилось характерное судебное постановление великого князя литовского Александра (1496) по делу крестьян, которые протестовали против того, что господин считал их «непохожими» людьми. Но покорные феодалу свидетели показали, что отцы и дети жалобщиков, так же, как и они сами, служили своим господам как «люди отчинные, тяглые, неотхожие», и великий князь решил спор в пользу господина.

Крестьяне, издавна сидевшие на земле феодала, «отчичи», называвшиеся также «людьми звечными», одними из первых утратили право выхода. Эта категория зависимого крестьянства была закреплена за землевладельцами грамотой польского короля и великого князя литовского Казимира в 1447 г.

Привилей 1447 г. был важным, но не последним шагом в направлении закрепощения крестьян. Он привязал их пока еще к феодальным владениям вообще, но не к земельным наделам. Крестьянин мог передать надел другому и переселиться в иную волость, а то и в город. Иначе говоря, он до определенного времени оставался полусвободным. Лишь в XVI в., когда крестьянина прикрепили к земельному наделу с обязательным отбыванием барщины, он превратился в крепостного.

Польский король, великий князь литовский, бояре, магнаты, шляхта, церковные феодалы свободно покупали, продавали, дарили, завещали друг другу крестьян. Составленный в Галичие в конце XIV в. документ зафиксировал акт дарения каким-то Лукьяном Шубой Лаврашевскому монастырю «человека на имя Кречю и дети его и землею и со всими уходы, а дали есмо вечно» [1].

Великокняжеская грамота 1493 г. скрепила покупку людей паном Николаем Радивиловичем («покупил люди и з землями... человека отчинного з землею... два человека отчинных з землями» [2]). Еще больше подобных документов относится к первой половине XVI в.

Усиление феодальной эксплуатации и закрепощение крестьянства привело к резкому увеличению случаев побегов. Крестьян побуждали к этому и насилия со стороны помещиков. Под 1471 годом во Львовских судеб-

[1] Архив ЮЗР, ч. 7, т. 2, с. 4.

[1] Грамоты XIV ст., с. 149.

[2] Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI вв., с. 19.

ных книгах записано, что от господина, не выдержав его надругательств, убежали все крестьяне. Не случайно поэтому при купле-продаже шляхетских имений нередко встречаются условия не доводить крестьян до бегства притеснениями. Побеги крестьян от господ представляли большую опасность для феодального государства, и оно реагировало на них законодательными актами. Судебник Казимира Ягеллончика 1468 г., например, предусматривал смертную кару для тех, кто подбивал крестьян убегать или насильно уводил их от господ.

Постепенно крестьяне от побегов стали переходить к более организованным и решительным формам протеста против феодально-крепостнического гнета — к вооруженным выступлениям.

2. ГОРОДА. СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

Восстановление разрушенных «Батыевым погромом» городов. Возникновение новых городских центров. Нашествие орд Батыя, принесшее неисчислимые бедствия населению русских земель, нанесло страшный удар городским и сельским поселениям. Всюду, где проходили войска Батыя, вместо богатых и цветущих городов и сел оставались руины и пожарища. Не успевших бежать жителей жестокие завоеватели обычно убивали. Только часть наиболее искусных ремесленников они брали в плен. Галицко-Волынская летопись, сообщая о разрушении множества южнорусских городов захватчиками, заканчивает рассказ словами: «И приде [Батый] к Володимерю [Волынскому] и взя копьем и изби и не щадя, также и град Галич, иные грады многы, им же несть числа» [1]. Когда князь Даниил Романович пришел к главному городу Волынского княжества, он застал там жуткую картину смерти и разорения.

Археологи воссоздали обстоятельства гибели многих городов Восточной Европы, в частности южнорусских, во время завоевания их полчищами кочевников. Обнаружено огромное количество скелетов убитых горожан, остатков сожженных и разрушенных завоевателями жилищ, развалин укреплений и пр.

Среди крупных южнорусских городов наряду с Владимиром особенно пострадал от захватчиков Чернигов. Раскопками установлено, что на большей части территории старого города после культурного слоя XII — первой половины XIII в. со следами пожарищ и разрушений сразу шел слой XVIII—XIX вв. Это свидетельствует о запустении части города после нашествия Батыя в течение нескольких веков. Своих былых размеров Чернигов вновь достиг лишь в XVIII в. Почти полностью был разрушен и Переяслав. Сильно пострадали Киев, Галич, Изяслав и многие другие южнорусские города.

В то же время не выдерживает научной критики распространенная в буржуазной историографии XIX—начала XX в. мысль о полном запустении Юго-Западной Руси и ее городов вследствие «Батыева погрома». Как свидетельствуют данные археологии и письменных источников, в преобладающем большинстве южнорусских городов жизнь продолжалась и после нашествия кочевников. В частности, Киев, несмотря на сильные разрушения, в значительной мере сохранил роль одного из крупнейших восточноевропеских экономических и культурных центров.

[1] Летопись по Ипатскому списку, с. 523.

Белгородская крепость в устье Днестра. Современный вид

В течение второй половины XIII—первой половины XVI в. города на Украине продолжали развиваться как торгово-ремесленные центры. Они были носителями общественно-экономического прогресса. Ф. Энгельс писал, что «городские бюргеры стали классом, который олицетворял собой дальнейшее развитие производства и торговых сношений, образования, социальных и политических учреждений» [1]. Рост производительных сил, прогрессирующее разделение труда обусловливали развитие старых и возникновение новых городов. Заинтересованное в преодолении феодальных усобиц, городское население объективно превратилось в союзника государственной власти в борьбе за централизацию княжеств и королевств в Европе, в том числе и на южнорусских землях.

Средневековые города представляли собой сложные оборонные комплексы, укрывавшие от врагов не только собственное население, но и население окрестных сел. Под защитой городских укреплений создавались благоприятные условия для развития экономики. «За этими стенами и рвами,— отмечал Ф. Энгельс,— развилось средневековое ремесло,— правда, достаточно пропитанное бюргерски-цеховым духом и ограниченностью,— накоплялись первые капиталы, возникла потребность в торговых сношениях городов друг с другом и с остальным миром, а вместе с потребностью в торговых сношениях постепенно создавались также и средства для их защиты» [1]. Крупные городские центры были резиденциями носителей феодальной власти. Создавая систему укрепленных городов и замков, феодалы обеспечивали свое господство в стране.

Возрождение разрушенных и полуразрушенных завоевателями городов, интенсивное строительство новых городских центров раньше всего началось в Галицко-Волынской Руси, которая в сравнении с другими южнорусскими землями несколько меньше пострадала от нашествия орд Батыя.

При Данииле Романовиче были восстановлены разоренные захватчиками Галич, Владимир и Луцк, основаны Львов и Холм. По словам летописца, «король Данило... созда городы многи» [2]. Брат Даниила волынский князь Василько также заботился о строи-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 407.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 406.
[2] Летопись по Ипатскому списку, с. 570.

тельстве городских центров. Немало их было создано под руководством архитектора Алексея. Он работал и при сыне Василька Владимире, в частности, «сруби город Каменец» и, вероятно, другие «городы». Владимира Васильковича, как и его отца, современники называли основателем многочисленных городов на Волыни.

В течение XIV в. на украинских землях возникло немало городов, крепостей и пограничных оборонных замков. В 50—70-х годах XIV в. были построены мощные крепости в Смотриче, Бакоте, Каменце и других городах.

В 60-х годах XIV в. орды кочевников были вытеснены с большей части украинских земель. Но они продолжали кочевать в юго-восточных степях, закрепились в Крыму и постоянно нападали на соседние Переяславщину, Подолию, Южную Киевщину. Для защиты от татар на южном пограничье возводится система оборонительных замков. Строились они обыкновенно по инициативе и на средства местного населения.

Для замка стремились избрать место с благоприятными для обороны условиями: на горе, в изгибах реки или окруженное болотом. Замковые стены и башни строились главным образом из дерева, часто на земляных валах. Между двух рядов сосновых или дубовых бревен засыпали землю или песок с глиной, сверху делали настил и парапет с бойницами для стрельбы сверху вниз. Стены обмазывали глиной, окружали глубокими рвами, наполнявшимися водой. В замки въезжали через ворота, к которым вели переброшенные через рвы подъемные мосты. С XV в. в башнях устанавливались пушки. На замковых подворьях находились жилые и хозяйственные помещения.

Внутри замков возводились дома его начальника (воеводы или старосты) и богатых людей округи, а также казармы гарнизона. Там же строили конюшни, склады, амбары, риги, выкапывали колодец, чтобы обеспечить водой гарнизон и тех, кто укрывался в замке от врага во время длительной осады.

В замковом строительстве второй половины XIV — первой половины XVI в. выразительно прослеживается древнерусская строительная традиция. Она обнаруживается в конструкции стен и башен, в размещении построек замка, в самом выборе места для его строительства.

В конце XIV— начале XV в. на Подолии возводятся новые замки: Жванец, Ров, Ялтушков, Летичев, Дашев, Винница, Каравул. В устье Днестра, против Белгорода, в 1419 г. была построена крепость Черный город, а несколько ранее — Хаджибей (вблизи современной Одессы). Как старые, так и новые замки, за исключением Каменца, не имели мощных укреплений, которые могли бы выдержать осаду. Все же они давали приют жителям окрестных местечек и деревень во времена быстротечных набегов татарских феодалов. Жители города, где находился замок, охраняли и ремонтировали укрепления, выходили против врага «конно и оружно», принимали участие в преследовании татарских грабителей, уходивших с добычей.

В Киевской земле в XIV—XV вв. подобные оборонные замки существовали в Овруче, Житомире, Белгороде, Вышгороде, Каневе, Чернобыле, Черкассах. Их главной функцией была защита населения от татарских нападений.

На западноукраинских землях замки строились особенно интенсивно во второй половине XIII—XIV в. в связи с агрессией со стороны польских, литовских, немецких, венгерских и других иноземных захватчиков. В системе замковых оборонительных сооружений создавались укрепления нового типа: высокие и мощные каменные башни (донжоны), обыкно-

венно располагавшиеся внутри городских стен. Эти башни обеспечивали круговой обстрел врага из луков и самострелов и были достаточно мощными, чтобы выдержать удары камнеметательных машин. Подобные башни сохранились в Каменце (Волынском), Столпье и Белавине (две последние крепости расположены вблизи Холма).

Укрепления различного рода (валы со стенами и башнями, рвы) имели все сколько-нибудь значительные украинские города XV— первой половины XVI в. За небольшими исключениями, городские стены были деревянными. Даже замок Киева в XV в. был выстроен из дерева, о чем сообщает венецианец Контарини, побывавший в этом крупнейшем украинском городе в 1474 г. Каменные стены имели замки Каменца, Хотина, Меджибожа и Смотрича на Подолии, а также Луцка на Волыни.

Со второй половины XV в., несмотря на непрекращающиеся татарские вторжения, постепенно начинается освоение степных земель Украины. Возрастание спроса на хлеб вследствие усиливавшегося отделения ремесла от сельского хозяйства и увеличения городского населения, активизация международной торговли делали освоение новых плодородных земель неизбежным.

Опорными пунктами освоения степей становятся южные замки, строительство которых значительно оживляется в первой половине XVI в. Вокруг них группировалось земледельческое население. Правительства Польши и Литвы не брали на себя расходы, связанные со строительством замков,— они ложились на плечи местного населения. Так, на строительство Каневского замка согнали более полутора тысяч человек со всей округи. Они должны были привезти с собой несколько тысяч бревен, иметь собственное продовольствие и пр.

Построенные преимущественно из дерева и земли, замки постоянно требовали ремонта для поддержания их в боевой готовности. Однако польская и литовская администрация мало заботилась об их сохранности. Люстрации южноукраинских замков середины XVI в. единодушно отмечают их запущенность, а большая часть этих сооружений вообще оказалась разрушенной как временем, так и набегами крымских феодалов. В описи Каневского замка 1552 г. отмечено, например, что в нем «погнило и поопадало будованья много, трудна на нем не только оборона, але и сторожа, бо не льза вже ходити по бланъках: што не поопадало, ино и то ледви от витру колышеться» [1]. Поэтому населению порубежных украинских земель приходилось больше рассчитывать на собственные силы, чем на защиту замковых стен.

Документальные и археологические данные позволяют реконструировать внешний вид украинского города XIV — первой половины XVI в. Он имел много общего с тогдашними русскими и белорусскими городами, поскольку все они восходят к древнерусским городам IX—XIII вв.

Строители стремились поставить город на реке, а если была возможность — то при слиянии двух рек. Это диктовалось потребностями обороны и в значительной мере определяло планировку городских центров. Наиболее выгодную для обороны, обычно возвышенную часть территории города занимал детинец (кремль). В нем находились резиденция князя, старосты, епископа. По конструктивным особенностям детинец подобен описанному выше замку. Вне детинца был расположен городской торг. Вместе с детинцем торг образовывал ядро города, к которому со всех сторон сходились улицы. Городская территория за стенами кремля называ-

[1] Архив ЮЗР, ч. 7, т. 1, с. 91—92.

лась посадом. Центральную часть города занимали дома феодалов и купеческо-ремесленной верхушки, на его окраинах теснились хижины бедняков.

Средневековый город застраивался хаотически, никаких планов застройки не придерживались. И бедные и богатые усадьбы располагались таким образом, чтобы на улицу выходили ограда и стены хозяйственных построек (амбаров, хлевов), а жилище находилось в глубине подворья. Усадьбы состоятельных горожан выделялись из общей массы бóльшей площадью, многочисленностью и размерами хозяйственных построек, величиной жилого дома. Абсолютное большинство строений в городе было деревянным. Исключение составляли отдельные церкви, дворец князя, дома наместника, епископа. С XVI в. каменные дома начинают возводить крупные феодалы и богатые купцы.

Магдебургское право. Зависимость от феодального государства и отдельных феодалов отрицательно сказывалась на развитии городов и положении широких масс горожан. Королевская и великокняжеская администрация в лице старост и подстарост, так же, как и частные владельцы городов, постоянно вмешивалась в общественную и экономическую жизнь горожан, облагала их различными поборами за право заниматься ремеслом и торговать, а то и просто грабила их. Особенно страдали от феодального своеволия городские низы, ремесленная беднота. Горожане украинских земель стремились избавиться от притеснений со стороны государства и магнатов, по крайней мере ослабить зависимость от них. Как и в других странах, они боролись за предоставление им самоуправления. Уже в XIV в. королевская и великокняжеская власть начала за определенное вознаграждение выдавать отдельным украинским городам грамоты на «вольности», т. е. переводить их на магдебургское право. Своим названием оно обязано немецкому городу Магдебургу, хартия которого на самоуправление была образцом для привилегий подобного рода *. Переведенные на магдебургское право города получали возможность самоуправления, хотя и ограниченного, а также другие привилегии.

Правители Польши и Литвы стремились опереться на население городов в борьбе против феодальной оппозиции. Как отметил Ф. Энгельс, опора на городских жителей была типичной для борьбы европейских властителей против своеволия феодалов, за централизацию государственной власти. Говоря о беспорядках, которые вносили в жизнь феодальных государств противоречия внутри господствующего класса, Ф. Энгельс пишет: «Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть была прогрессивным элементом,—это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке... в противовес раздробленности на мятежные вассальные государства... Союз королевской власти и бюргерства ведет свое начало с X века; нередко он нарушался в результате конфликтов... и вновь возобновлялся, становясь все крепче, все могущественнее...» [1].

В течение XIV—XV вв. магдебургское право получили Львов (1356), Каменец-Подольский (1374), Санок (1389), Луцк (1432), Кременец (1438), Житомир (1444). Киев добился этого права в 1494—1497 гг.

* Древнейшей среди известных привилегий на самоуправление самому Магдебургу является грамота архиепископа Вихмана 1188 г. Первыми письменными памятниками распространения магдебургского права следует считать грамоты, которые совет Магдебурга посылал городам, желавшим жить по его образцу (древнейшая датируется 1211 г. и дана силезскому городу Гольдбергу).

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 411—412.

При получении магдебургского права часть натуральных повинностей, взимавшихся с городского населения, заменялась денежными сборами с торговли и промыслов. Одновременно город формально выходил из-под юрисдикции королевских или великокняжеских наместников. Их компетенция переходила к назначенному правительством войту, который возглавлял магистрат — орган городского самоуправления. В ряде городов магистрат имел две коллегии: лаву (суд по уголовным делам) и раду (административный орган и суд по гражданским делам).

Власть в городах, получивших магдебургское право, как и ранее, находилась в руках городской верхушки— богатых купцов и руководителей цехов. Члены магистрата избирались или назначались (войт, бурмистры) из среды богатого мещанства. Основная масса городского населения была отстранена от участия в самоуправлении и боролась за право иметь своих представителей в его органах.

Магдебургское право несколько ослабляло зависимость горожан от феодального государства и отдельных феодалов (постепенно и частные владельцы городов начали переводить их на самоуправление) и, таким образом, в ряде случаев объективно способствовало развитию городов. Но самоуправление городов, пользовавшихся магдебургским правом, на Украине носило ограниченный характер. В ряде западноукраинских городов польское правительство разрешало в полном объеме пользоваться магдебургским правом лишь мещанам католической веры. Православное украинское население, составлявшее основную массу городских жителей, ограничивалось в правах на торговлю, занятиях ремеслами, часто лишалось возможности участия в органах самоуправления и т. д. Поэтому оно вело борьбу за ликвидацию ограничений в пользовании магдебургским правом, против политики национально-религиозной дискриминации со стороны польских и литовских магнатов и их союзников — украинских феодалов.

Во многих городах мещане, справедливо усматривая в магдебургском праве средство политического, экономического и культурно-идеологического порабощения в руках Польского и Литовского феодальных государств, стремились сохранить свое традиционное самоуправление. Так, в Каменце на Подолии, получившем магдебургское право в 1374 г., в течение XV—XVII вв. сохранялась отдельная украинская городская община со своим автономным строем и судом. Отголоском борьбы против магдебургского права был ответ польского короля Казимира IV в конце 80-х годов XV в. на жалобу луцких горожан, в которой шла речь о притеснении со стороны властей. Король лицемерно заявил украинскому населению Луцка: «Нехай то будет по тому, как здавна бывало... бо мы старины не рухаем, а новины не уводим» [1]. На самом деле магдебургское право и в дальнейшем насильственно насаждалось на украинских землях под властью польских и литовских феодалов.

Магдебургское право не спасало население городов Украины от эксплуатации и насилий светских и церковных феодалов и самой центральной власти Польши и Литвы, в состав которых в XIV— первой половине XVI в. входили украинские земли. Еще менее огражденными от своевольства и грабежей господствующих классов были жители непривилегированных городов. Сопротивлением народных масс введению магдебургского права объясняется то, что традиционный самобытный строй городской жизни сохранялся во многих городах Правобережной Украины до конца XVI в., а Левобережья — еще и в XVII в.

[1] АЗР, т. 1, с. 110.

Украинский народ в течение XIV, XV и последующих столетий упорно отстаивал свое обычное, самобытное русское право — общее наследие трех братских восточнославянских народов со времен Киевской Руси. Советская наука не приемлет преувеличения буржуазной историографией значения магдебургского права для развития украинских и белорусских городов. «Пресловутое магдебургское право развивалось в Литовском великом княжестве не на пустом месте, а на почве, подготовленной более ранними поколениями. Развитие городской жизни X—XIII вв. не прошло бесследно и оставило глубокий след в истории трех братских народов — русского, украинского и белорусского» [1].

Социальные группы и национальный состав городского населения. В XIV — первой половине XVI в. продолжало углубляться имущественное неравенство, возрастало классовое расслоение городского населения. По социальному положению жители украинских городов разделялись тогда на три основные категории. К первой принадлежали городские богачи — крупные купцы, ростовщики, ремесленная верхушка. Им принадлежала вся власть в городе, и только из их среды выдвигались руководители городской администрации. Ф. Энгельс писал в «Крестьянской войне в Германии»: «Верхушку городского общества составляли *патрицианские роды*, так называемые *«благородные»*. Это были наиболее богатые семьи. Они одни заседали в городском совете и занимали все городские должности, ...они всеми способами эксплуатировали как городскую общину, так и подвластных городу крестьян»[2]. Эта группа населения, как правило, была весьма немногочисленной. Например, в многолюдном Львове XV — начала XVI в. к ней принадлежали лишь 40—50 богатейших семей.

Вторую, более многочисленную группу городского населения составляли горожане — полноправные граждане городов: мелкое купечество и мастера — бюргерство, согласно терминологии Ф. Энгельса. Наконец, третью, самую многолюдную категорию составляли низы, плебеи: подмастерья и ученики, слуги, внецеховые ремесленники, а также обнищавшие, лишенные средств к существованию люди — бедная и бесправная масса.

Захват украинских земель польскими и литовскими феодалами, насильственное заселение их иноземными колонистами и окатоличивание коренного населения, введение магдебургского права постепенно привели к изменению этнического и социального состава населения многих, прежде всего западных, городов.

Еще в домонгольский период в южнорусских городах жили выходцы из иностранных государств, существовали колонии греческих, немецких, польских и других иностранных купцов. Однако это отрицательно не влияло на политическую жизнь и экономическое развитие городов, не вело к ограничению прав русского населения. Положение кардинально изменилось, когда украинские земли подпали под власть Польского королевства и Великого княжества Литовского.

Феодалы как Польши, так и Литвы интенсивно заселяли украинские города иностранцами с целью создания опоры в осуществлении политического, экономического и культурно-национального порабощения местного населения. Уже во второй половине XIV в. на захваченных ими землях Украины появляются иноземные колонисты: поляки, немцы, силезцы.

[1] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956, с. 437—438.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 352—353.

Колонизация приобрела значительные масштабы. Так, правитель Галичины в 1372—1378 гг. Владислав Опольский раздал колонистам более ста сел. Колонисты, оседавшие в сельской местности, были преимущественно выходцами из обедневшей польской шляхты и немецких состоятельных крестьян. В городах же основным колонизационным элементом были немецкие бюргеры. Изменения в национальном составе западноукраинских городов наглядно прослеживаются на примере Львова второй половины XIV—XV в. Привилегированные польские и немецкие поселенцы быстро заставили богатое львовское купечество и ремесленную верхушку украинского происхождения, распоряжавшихся в городе до захвата Галичины Польшей, уступить им свои позиции в управлении и экономической жизни.

Засилие иностранных колонистов во многих украинских городах изменило не только этническую, но и социальную структуру городского населения. Украинцы, даже состоятельные, утратили политические права, а городские низы вообще лишились права участия во всех сферах городской жизни. Уже само перечисление национальностей, представители которых населяли Львов в момент получения городом магдебургского права (1356), убеждает в полном бесправии украинского населения: в королевской грамоте оно упоминается среди «национальных меньшинств» — татар, армян и сарацинов! Коренные жители Львова, Самбора и некоторых других западноукраинских городов лишились возможности заниматься торговлей (кроме розничной), им был закрыт или ограничен доступ в ремесленные корпорации. Православным украинцам в этих городах разрешалось иметь дома лишь в одном отведенном им квартале центральной части города и в предместьях. Отдельные кварталы отводились также для еврейского населения, а в некоторых городах — и для армян.

Положительно влияли на развитие украинских городов переселенцы с русских и белорусских земель, с которыми Украину связывали разнообразные экономические, политические и культурные отношения.

Экономическая деятельность городов эпохи зрелого феодализма благоприятствовала развитию хозяйственной жизни вообще, подъему ремесленного производства и торговли, стимулировала сельское хозяйство. Население городов принимало активное участие в политической жизни. Его демократические слои выступали против произвола магнатов и шляхты и поэтому стали союзником центральной власти в ее борьбе против феодальной оппозиции, за централизацию государства. Однако, использовав широкие массы населения украинских городов для укрощения феодалов, правительства Польши и Литвы обманули их. Королевская и великокняжеская администрация превратила основную массу жителей городов, преимущественно украинцев, в объект жесточайшего социального и культурно-национального угнетения.

Экономическое и политическое порабощение городской бедноты, произвол и грабеж со стороны государства и феодалов дополнялись религиозными притеснениями народных масс, одним из наиболее важных инструментов которых была католическая церковь. Поэтому не удивительно, что в течение XIV— первой половины XVI в. в украинских городах почти беспрерывно происходили волнения, выступления бедноты против политического, экономического и культурного гнета, которые не раз перерастали в массовые народные восстания.

3. РЕМЕСЛА И ПРОМЫСЛЫ

Ремесла. Производительные силы эпохи развитого феодализма находились на относительно низком уровне развития. Повсеместно господствовал натуральный способ ведения хозяйства, при котором производство удовлетворяло почти исключительно потребности феодала, державшего в зависимости самого работника с семьей. Тогда ремесленное производство носило характер домашних промыслов, обычно ограничиваясь рамками семьи ремесленника. С ростом производительных сил углублялось общественное разделение труда, и на определенном этапе развития феодального общества (в Древней Руси — это X—XI вв.) ремесло в значительной мере отделилось от сельского хозяйства.

Эпоха развитого феодализма, начавшаяся приблизительно на рубеже XII и XIII вв., ознаменовалась новыми сдвигами в экономической сфере, в частности в области ремесленного производства. Во второй половине XIII— первой половине XVI в. общественное разделение труда продолжало углубляться. Производительные силы феодального общества на восточнославянских землях возрастали, хотя и довольно медленными темпами. Этот рост мог бы быть значительно более интенсивным, если бы не ущерб, нанесенный древнерусской экономике нашествием орд Батыя, а затем захватом украинских и белорусских земель польскими, литовскими и молдавскими феодалами.

Нашествие войск Батыя привело к глубокому упадку ремесла в Древней Руси, в частности на южнорусских землях. Ряд ремесленных отраслей вовсе исчез: прекратилось производство сердоликовых и бронзовых бусин, шиферных пряслиц, стеклянных браслетов, знаменитых киевских амфор — корчаг. Навсегда был утрачен способ изготовления перегородчатой эмали. Упростилась и огрубела сложная техника многих отраслей древнерусского ремесла.

Вражеское нашествие и установившееся затем на Руси ордынское иго нанесли громадный ущерб городам — центрам ремесленного производства. Захватчики не только разрушали города, но и уводили в плен ремесленников. В результате пашествия кочевников товарное производство было надолго подорвано в своей основе.

Однако «Батыев погром» не мог уничтожить древнерусского ремесла, он лишь на некоторое время затормозил его развитие. Несмотря на общее снижение уровня техники производства, ремесла продолжали существовать и развиваться. Возрастали связи между городом и селом: среди крестьян все шире распространялись изделия, сработанные городскими ремесленниками; постепенно разрушалась местная экономическая замкнутость.

Общественный прогресс в период феодализма в значительной степени зависел от развития городов. Чем дальше углублялось общественное разделение труда, тем сильнее отделялся город от села. В течение рассматриваемого периода ремесленное производство сосредоточивалось в городах. Однако сохранялось и прогрессировало также сельское ремесло.

На землях, менее других пострадавших от завоевателей, ремесло начало возрождаться сразу же после вражеского нашествия. Такими землями на Юго-Западной Руси были Галичина и Волынь. Рассказывая о строительстве при Данииле Галицком в 50-х годах XIII в. города Холма, летописец отмечает, что князь «нача призывати [ремесленников]. Прихожаа немце и Русь, иноязычники и ляхы день и во день... мастера всяции бежаху из Татар, седелници и лучници, и тулници, и кузнеци железу и меди и сребру», и далее: «колоколы при-

Колокол работы мастера Якова Скоры. Львов. 1341 г.

несе [Даниил] ис Кыева, другие ту солье»[1].

В Галичине и на Волыни во второй половине XIII—XIV в. работали ремесленники разных специальностей: кузнецы, оружейники, сапожники, скорняки, кожевники, шорники и многие другие. Здесь отливали колокола, медные и оловянные плиты для украшения домов, изготовляли посуду и ювелирные украшения. Высокого уровня достигли художественные ремесла. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что польский король Казимир III после завоевания Львова (1349) пригласил оттуда украинских художников для росписи и отделки королевского дворца в Кракове.

Ведущей отраслью ремесленного производства на украинских землях второй половины XIII— первой половины XVI в. была обработка железа. В хозяйстве и быту всех слоев населения железные изделия были широко распространены. Орудия производства земледельцев и ремесленников, оружие воинов, строительные инструменты изготовлялись из железа.

Слесарное и кузнечное ремесла принадлежат к числу древнейших. В документах различных украинских городов конца XIV—XV в. упоминается много ремесленников этих специальностей. А в XVI в., например, цех кузнецов и слесарей Львова объединял уже ремесленников родственных профессий: игольников, ножевников, мечников, платнеров (мастеров, изготовлявших рыцарские латы) и даже часовщиков. Углублялась специализация каждого вида железообрабатывающего ремесла. Например, одна часть слесарей изготовляла замки, другая — сундуки, третья — стремена и остроги и т. п.

Особую группу работавших по металлу мастеров составляли литейщики, изготовлявшие методом литья колокола, пушки, различную посуду. Летопись рассказывает, что во второй половине XIII в. колокола отливали в Киеве, а также в Холме и других городах Галицко-Волынского княжества. До нашего времени сохранился прекрасный образец искусства львовских умельцев: отлитый в 1341 г. украинцем Яковом Скорой колокол церкви св. Юра во Львове. В XV в. магистраты крупных городов имели своих литейщиков, которые делали пушки и изготовляли порох.

Широкого развития на украинских землях XIII—XVI вв. достигли деревообрабатывающие ремесла. Городские стены и башни, жилища и общественные здания, мостовые и водопроводы, лодки и сани, мебель и по-

[1] Летопись по Ипатскому списку, с. 558—559.

суда — все это делалось из дерева. Наиболее употребительными видами древесины были сосна, дуб, клен, липа (из последней изготовляли преимущественно посуду и мебель).

Работавшие по дереву ремесленники применяли разнообразный набор инструментов: топоры, тесла, пилы, скобели, долота, сверла, наструги (инструмент наподобие рубанка), стамески, ручные и токарные резцы, ножи и др. Их часто находят археологи в слоях XIII—XVI вв.

Специализацию деревообрабатывающих ремесел можно проследить на примере бондарного производства. Среди многих бондарных изделий (они встречаются в большом количестве на тех археологических объектах, где вследствие благоприятных условий сохраняется древесина) известны бочки, бочонки, кадки, ведра, жбаны, жбанчики, ушаты, лохани. Все эти сосуды поражают разнообразием форм и видов, каждый тип представлен изделиями различных размеров. Так, емкость жбанчиков составляет от 0,5 до 3 л, ушатов — от 2 до 10 л.

Первые упоминания о бондарях на украинских землях относятся к концу XIV в. Расцвет же этого ремесла приходится на XV—XVI вв., когда бондарство было одним из наиболее распространенных ремесел в Киеве, Чернигове, Каменце-Подольском, Львове и других городах. Вместе с бондарями в ремесленные объединения входили и другие работавшие по дереву мастера: токари, столяры, тележники.

Одними из важнейших отраслей ремесленного производства являлись прядение и ткачество. Отделение одного ремесла от другого произошло еще в домонгольский период. Переселившись в город, ткач сделался ремесленником, тогда как прядение долго оставалось домашним занятием женщин. Существовало, впрочем, и домашнее ткачество, сохранившееся в течение рассматриваемого времени в деревнях. Оно отличалось от городского главным образом способом изготовления шерстяных тканей. В городских документах упоминания о ткачах становятся частыми с начала XV в. Ткачество на Украине базировалось на местном сырье: повсеместно сеяли много льна и конопли, разводили овец.

На украинских землях XIII — первой половины XVI в., так же, как на русских и белорусских, изготовлялись в основном шерстяные и льняные ткани. Сначала при помощи веретена и прялки делали нить. Затем на специальных станках изготовляли ткани. Изучение тканей XIV—XVI вв. свидетельствует о высоком уровне производства, применении различных систем выделки, хорошем качестве продукции. Сукна и полотна местных мастеров успешно конкурировали с привозными.

Значительное развитие получили выделка кож и шитье кожаных изделий, на которые был постоянный и большой спрос. Из кожи делали обувь, в которой ходили зажиточные и среднего достатка горожане. Кожа нужна была для изготовления седел, колчанов, щитов, защитных лат, ремней, упряжи, бытовых предметов. Уже в XII в. кожевники и сапожники представляли две самостоятельные профессии. Развитие кожевенного ремесла привело к выделению в XIV—XV вв. нескольких узких специальностей: скорняков, шорников, сумочников, седельников.

О мастерах — производителях кожаных изделий часто идет речь в актах крупных украинских городов XIV — первой половины XVI в. В течение всего этого времени продолжала углубляться их специализация. Так, чинбари (обрабатывавшие шкуры животных и изготовлявшие из них кожи) делились на белокожников (они только выделывали кожи, но не красили их), краснокожников (выра-

батывали кожи красного, желтого, зеленого и других цветов), кордыбанников (изготовляли специальные кожи черного цвета), замшевиков и др.

Ювелирное искусство в результате монголо-татарского нашествия понесло наибольший урон. И все же в течение второй половины XIII в. оно возродилось и снова начало развиваться. Искусство украинских ювелиров-золотарей XIV — первой половины XVI в. представлено значительным количеством изделий, хранящихся в музейных собраниях.

Свидетельством быстрого восстановления ювелирного ремесла может быть запись Волынской летописи 80-х годов XIII в., повествующая о том, что князь Владимир Василькович для разных церквей «сосуды служебные серебряные скова». Оклады для икон и кресты по его повелению делали в разнообразной технике из золота и серебра, украшая их драгоценными камнями, жемчугом и эмалями.

В конце XIV—XV в. золотарство на украинских землях получило дальнейшее развитие. Во львовской городской книге под 1387 годом упоминаются ювелиры-украинцы Яць и Вячеслав. Подъем этого искусства приходится на первую половину XVI в. Украинские ювелиры сохраняли и развивали традиции, полученные в наследство от древних мастеров.

Ювелирное дело XIV — первой половины XVI в. в техническом отношении мало отличалось от предшествующего (XI—XIII вв.). При изготовлении изделий золотари применяли различные операции и технику: чеканку, ковку, литье, гравировку, штамповку, скань, чернение, золочение, инкрустацию и др. При этом использовался разнообразный набор сложных инструментов.

Изделия украинских золотарей пользовались заслуженной славой как на родине, так и за ее пределами. Продукция киевских и львовских ювелиров расходилась по многим странам Центральной и Западной Европы и Востока.

Подъем городского ремесла привел к отмиранию некоторых профессий сельских ремесленников (например, золотарей). Зато другие виды сельского ремесла продолжали развиваться, все более отделяясь от сельского хозяйства. В самом деревенском ремесле происходило размежевание специальностей. Из ремесленных профессий, существовавших ранее, выделяются новые, более узкие, т. е. наблюдается дальнейшая специализация ремесла. Со временем ряд ремесел окончательно перекочевал в город, в том числе ювелирное, оружейное, слесарное, тогда как другие остались привилегией сельских мастеров: ткачество и прядение, гончарство, сапожничество. Характерной особенностью сельского ремесла было то, что сами ремесленники обычно не порывали с земледелием.

Один из аспектов общественного разделения труда состоял в отделении городского ремесла от сельского. Бывший земледелец, сделавшийся ремесленником, вначале работал с целью удовлетворения потребностей ближайшего сельского населения. Затем наиболее активным из числа этих ремесленников становилось тесно в своем селе, и они стремились переселиться в город, где существовал более широкий и устойчивый рынок сбыта для их изделий. Оставшиеся же дома сельские ремесленники обменивали свои изделия на продукты сельского хозяйства или продавали их на местном рынке, куда приезжали люди из соседних деревень. Но в основном сельский ремесленник работал на заказчика, изготовляя изделия из предоставленного им сырья. Лишь с течением времени он все большую часть своих изделий начинает производить непосредственно на рынок. В XIV—XV вв. на Украине подобные изменения в ремесленном производ-

стве наблюдались повсеместно. Села, в которых интенсивно развивались ремесла, при благоприятных условиях перерастали в местечки, а в ряде случаев — в города.

В течение XV — первой половины XVI в. ремесла на украинских землях продолжали развиваться. Как и раньше, основными центрами ремесленного производства были города. Их роль постепенно возрастала. Интенсивно шел процесс дифференциации ремесленного производства, его более узкой специализации. В конце XV — начале XVI в. в Киеве, например, трудились ремесленники следующих профессий: портные, скорняки, сапожники, чеботари, постригачи шерсти, золотари, лучники, седельники, стрельники, кузнецы, жестянщики, плотники, винники, хлебники, рыбаки, цирюльники и др. Среди ремесленников особенно славились ювелиры-золотари, высокохудожественные изделия которых пользовались заслуженным спросом на всех восточнославянских землях, а также стрельники — мастера, изготовлявшие знаменитые стрелы для луков с железным наконечником и орлиным оперением. Такие стрелы в первой половине XVI в. приобретали, в частности, крымские татары, отдавая за 10 киевских стрел воз соли.

Во Львове, как это видно из старейшей гродской книги (1382—1389), работали ремесленники 23 профессий, но есть основания считать этот список неполным. Кроме ремесленников тех специальностей, которые имелись в Киеве, львовская гродская книга называет маляров, воскобойников, мельников, мечников, чашников, суконщиков, литейщиков колоколов и посуды, гончаров, кожевников, мясников, каменщиков, бондарей, поясников и др. Если к этим ремесленным профессиям прибавить перечисленные в счетных книгах Львова 1404—1426 гг. (солодовники, перчаточники, тележники, котляры, полотенечники, токари, граверы, аптекари), то количество ремесленных специальностей достигнет 36. Подобное углубление специализации ремесленного производства наблюдалось и в других крупных городах.

Печать кузнечного цеха г. Львова. 1425 г.

В течение XV в. ремесло на украинских землях развивалось довольно быстрыми темпами. К концу столетия во Львове, например, насчитывалось около 800 цеховых мастеров и, вероятно, гораздо больше было внецеховых ремесленников. В гродских книгах Львова середины XVI в. названы ремесленники узких профессий: шапочники, колесники, столяры, оружейники. Увеличение количества ремесленных специальностей отражает высокий уровень развития ремесла, его прогрессировавшую специализацию. Важными ремесленными центрами на украинских землях XIV — середины XVI в. были также Луцк, Владимир, Каменец-Подольский, Кременец, Холм, Красностав, Буск, Ковель.

Значительная часть продукции украинских ремесленников в XIV и в особенности в XV — первой половине XVI в. шла на экспорт, что свидетельствует о ее высоком качестве. В источниках многих стран Европы и

Азии, итальянских факторий в Крыму встречаются многочисленные упоминания о промышленных товарах с Украины киевского, львовского, луцкого, владимирского и другого происхождения. На внешний рынок вывозились полотно, пояса, шапки, ногавицы, мечи, ножи, серпы, плужное железо, ювелирные украшения. Рост вывоза и расширение номенклатуры вывозимых изделий были естественным следствием количественного роста и качественного совершенствования ремесла.

Ремесленники во многих городах и некоторых местечках были объединены в профессиональные корпорации — цехи, деятельность которых регламентировалась специальными уставами. Во главе цехов стояли старшины, избиравшиеся из числа наиболее влиятельных и, как правило, зажиточных мастеров. Полноправными членами цеховых объединений были только мастера — владельцы мастерских, имевшие по нескольку подмастерьев и учеников. Сделаться мастером было нелегко. Кандидат в мастера должен был иметь не только высокую профессиональную квалификацию и средства для организации мастерской, но и значительную сумму денег для взноса в цеховую кассу, на торжественное угощение членов цеха и т. п. В цехах существовало общественное и имущественное неравенство. Среди ремесленников выделялась небольшая прослойка богатых мастеров, в руках которых находилась вся полнота власти в цехах и цеховая касса («скрыня»). Средний цеховой слой составляли многочисленные небогатые мастера, работавшие чаще всего с одним-двумя подмастерьями, а то и самостоятельно. Нижнюю социальную прослойку в цехах составляли подмастерья и ученики — эксплуатируемые мастерами неимущие люди, лишенные права участвовать в решении цеховых дел.

Дореволюционная буржуазная историография считала, что цеховые корпорации были перенесены на украинские земли в готовом виде с Запада вместе с магдебургским правом. Однако исторические источники опровергают это. На украинских землях (так же, как и на русских и белорусских) они развились из древнерусских ремесленных объединений. Самобытность развития древнерусских городов и складывания в них ремесленных союзов доказана советской наукой. Установлено, что на древнерусских землях в X—XIII вв. существовали зачаточные формы ремесленных объединений, имела место тенденция регламентации производства и рыночной продажи. Стремление к профессиональному объединению получило развитие в последующее время. Известия о деятельности цехов (в буквальном значении этого термина) в украинских городах появляются в источниках с конца XIV в. Сохранилась грамота 1386 г., которой староста Андрей от имени венгерского наместника в Галичине Владислава Опольского даровал сапожникам Перемышля права, принадлежавшие объединению сапожников Львова. Следовательно, во Львове в то время уже существовал сапожный цех. Ученые пришли к выводу, что в XIV в. во Львове имелись по крайней мере четыре цеха: пекарей, мясников, портных и сапожников.

В 1425 г. во Львове было уже девять ремесленных цехов: названные выше, а также кузнецов, шорников, седельников, пивоваров, кожевников и скорняков (пекари почему-то не упоминаются в этом источнике). К концу XV в. количество львовских цехов увеличилось до 14. Новые цехи продолжали возникать во Львове и в первой половине XVI в. Так, в 1530 г. образовался цех ювелиров (в который входили также литейщики и художники), а в 1539 г.— цех то-

карей. К середине XVI в. в городе насчитывалось уже около 20 цехов.

В течение XV в. цеховая организация ремесленного производства распространяется во многих галицких и волынских городах, а в документах начала XVI в. зафиксировано наличие цехов и в Киеве. Первая половина XVI в. ознаменовалась созданием цеховых организаций в большинстве значительных городов Украины.

Кроме цехового, в украинских городах существовало и внецеховое ремесло. Значительная (во многих городах преобладающая) часть ремесленников не имела материальной возможности вступить в цех; к тому же в ряде городов на захваченных польскими феодалами украинских землях в цехи принимали лишь католиков. Не объединенные в цехи ремесленники (так называемые партачи) находились в более тяжелых условиях, чем члены объединений. Они ютились, как правило, в жалких лачугах на окраинах, вне городских стен. Именно они, а также цеховая беднота принимали наиболее активное участие в антифеодальном и освободительном движении на Украине в XIV — первой половине XVI в.

Промыслы. Наряду с ремеслами на украинских землях второй половины XIII — первой половины XVI в. развивались различные промыслы: охота, рыболовство в естественных водоемах и разведение рыбы в прудах, бортничество и пчеловодство, солеварение, добывание и переработка руды, мельничное дело, выжигание древесного угля и пепла (поташа) и пр. В отличие от ремесла, которое сосредоточивалось главным образом в городах, промыслы преимущественно были принадлежностью феодального и крестьянского хозяйства.

В рассматриваемый период начинается хозяйственное освоение южных земель, распространяется уходничество с целью рыболовства, охоты, а также распашки целины. Уходничество стало одним из источников образования казачества.

Большинство промыслов на южнорусских землях уходит корнями в XI, X вв. и даже более отдаленные времена. Во второй половине XIII — первой половине XVI в. наблюдается дальнейшее развитие промыслов на территории Украины. Известны промысловики многих специальностей: бортники, ловчие (псари, сокольники, кречетники, ястребники, ловцы заячьи, лебединые, гоголиные и др.), бобровники, рыбаки, мельники, боровники (лесничие, ухаживавшие за лесными угодьями и охранявшие их), солепики, рудники и многие другие. Со временем выделялись все новые, более узкие специальности.

Промыслы приносили феодалам крупные прибыли, поэтому польские короли и великие литовские князья часто награждали своих вассалов ценными промысловыми угодьями. Например, в середине XIV в. польский король Казимир III подарил своему слуге Ивану имение в Галичине, особо отметив в дарственной грамоте, что «придал есм ему озера рыбная за Днестром, куды мои неводы ходили», а в 1361 г. подтвердил право другого своего вассала, Ходка Бибельского, на владение селом «ис гаями, ис дубравами, ис лесом, ис бортами и пчолами,... ис реками, ис ловищи... со всеми ужитки (промыслами. — *Ред.*)» [1].

В XV — первой половине XVI в. дальнейшее развитие получила система сельских промыслов на Украине. Например, волынский князь Свидригайло в жалованной грамоте князю Михаилу Васильевичу (1451) на имение в Луцком уезде отметил, что оно дается вместе «з бортными землями, и с пасеками, и з ловы, и з ловищи... и с рудами... и со млины... и з озеры, и ставы, и ставищи, и з бобровыми

[1] Грамоты XIV ст., с. 27, 36.

гоны, як то здавна окружено и ограничено» [1]. О традиционном характере промыслового дела на украинских землях свидетельствует и другая грамота XV в., которой литовский князь Юрий Лингвениевич отписал село на Волыни своему боярину Воронцу: «со всими уходы и приходы (промысловыми угодьями. — *Ред.*), што к тым селам истарадавна слушало и тягло» [2].

Одним из наиболее распространенных промыслов на украинских землях было бортничество. В источниках часто встречаются термины и понятия, связанные с этим промыслом: «борть», «земля бортная», «пни дубовые бортные», говорится о меде, пчелах, упоминаются медовары. Во второй половине XIII — первой половине XVI в. собирали главным образом дикий мед на бортных деревьях: дубе, липе, сосне. Но с XV в. уже существовало пасечное пчеловодство. В одном из иностранных источников начала XVI в. отмечено, что на русских землях «поселяне... держат домашних пчел близ своих жилищ и передают [пасеки] в виде наследства из рода в род».

Особенно изобиловали бортными угодьями и пасеками богатые медоносами Киевская, Черниговская и Галицкая земли. Польский историк Длугош (XV в.) говорит о Подолии как о земле, богатой медом.

Бортничество давало мед, заменявший сахар и служивший сырьем для изготовления напитков: «белого», «сыченого», «пресного». Другой основной продукт бортничества и пчеловодства — воск шел главным образом на изготовление свечей. Его использовали также для пластырей и мазей, вощения ниток, а в соединении со смолой воск служил замазкой для посуды, лодок и др. Миниатюры XV—XVI вв. изображают воск в виде желтых кругов.

Качество воска находилось под контролем государства и магистратов крупных городов (Киева, Львова, Луцка и др.). В таких городах существовали воскобойни, перетапливавшие продукт в слитки (капы), на которые ставилась городская печать. Служащие воскобоен следили за тем, чтобы в воске не было примесей. Весь предназначенный для продажи воск, как перетопленный, так и в натуральном виде, обязательно представлялся для проверки его качества в государственную или городскую воскобойню. Воск играл важную роль во внутренней и внешней торговле Украины.

Бортничеством занималась особая категория промысловиков: «бортники» и «древолазы». Существовали даже целые «бортные» деревни, основным занятием населения которых являлся этот промысел. По своей социальной принадлежности бортники были в основном холопами и феодально зависимыми крестьянами.

Бортные угодья («борти») составляли важную статью доходов государства и отдельных феодалов. Например, подати с бортничества в Полесье были существенной частью поступлений в казну Великого княжества Литовского. В феодальных имениях XIV — первой половины XVI в. обычно имелись борти, наличие которых обязательно оговаривалось в документах (завещаниях, купчих, закладных, дарственных и др.). Поэтому богатые пчелами леса были собственностью господствующего класса, а на долю простого народа оставались борти в труднодоступных местах.

Среди других промыслов наиболее развитой была охота на различных зверей. Например, в 1493 г. великий литовский князь Александр даровал киевскому ключнику Сеньку Полозовичу жалованную грамоту на име-

[1] Акты из Метрики Литовской с 1374—1529. Спб., 1895, с. 227.
[2] Там же, с. 232—233.

ние Хабное «со всими землями с пашными и з бортными, и з ловы... и с озеры, и с бобровыми гоны... и с побережными куницами». Украинские земли были богаты зубрами, турами, лосями, оленями, косулями, кабанами, дикими козами, медведями, рысями, лисицами, волками, зайцами, ценным пушным зверьем: белками, бобрами, соболями (в том числе черными, мех которых ценился особенно дорого), куницами, горностаями и выдрами.

Отлов бобров, куниц, белок производился сельским населением прежде всего для уплаты натуральных даней феодалам и государству, а также для продажи. Меха высоко ценились на рынке, поэтому урочища с бобровыми гнездами были обязательной принадлежностью владений крупных землевладельцев. Их охраняли и эксплуатировали специальные промысловики — бобровники, имевшие необходимое для охоты снаряжение, в частности сетки и специальных собак.

На государственных землях добыча бобров и других ценных пушных зверей была исключительным правом короля или великого князя, а местное население лишь обязывалось принимать участие в «гонах» бобров и звериных ловах. Хищническая порубка лесов в связи с ростом спроса на древесину и продукцию из нее в соединении с чрезмерным отловом бобров, куниц, белок и других зверей привела к оскудению природы и сокращению охоты на пушного зверя. В первой половине XVI в. на значительной территории Украины «зверь выплошал», поэтому дань «шерстью» постепенно заменяется денежной. На украинские земли меха все больше привозили из России.

Занимались также на Украине охотой на птиц, в частности на тетеревов и «другую птицу съестную». Объектами промысла были лебеди, рябчики, кулики, перепела, даже журавли.

До нашего времени сохранилось немного сведений о способах охоты во второй половине XIII — первой половине XVI в. Как правило, в документах просто говорится о битье «зверя», «ловах», «утехе», реже называются объекты охоты: лоси, зайцы, косули. Весьма распространена была охота с ловчими птицами: соколами, ястребами, кречетами на лебедей, гусей, уток, зайцев. О добыче лебедей и гусей кречетами и соколами упоминает в поэтической форме «Задонщина». А древнерусские миниатюры содержат сцены соколиной охоты. В охотничьем промысле широко использовали собак — «выжлей». Ими травили медведей и зайцев, их использовали при охоте на пушного зверя и птицу.

Изобиловали зверем и птицей богатые лесами полесские, северные и западные земли Украины: Черниго-во-Северщина, Северная Киевщина, Волынь и Галичина. Но охотничий промысел был распространен и на остальной территории украинских земель, играя немаловажную роль в хозяйствах феодалов и крестьян. Охота давала мех, шкуры, перо, пух, мясо и сало. Орудиями охоты служили луки со стрелами с железными и костяными наконечниками, рогатины и дубины, а также различные сети, силки, ловушки.

Охотничьи угодья, подобно бортным, были собственностью государства и отдельных феодалов. Охотой («ловами») ведали специальные слуги: ловчие, псари, сокольничие, кречетники. Вместе с тем феодалы принуждали крестьян участвовать в качестве загонщиков при охоте на медведей, волков, лосей. А ловля бобров была одной из наиболее распространенных крестьянских повинностей на украинских землях XIV — первой половины XVI в.

Распространенным промыслом было рыболовство. В реках и озерах Украины в изобилии водились лосось, осетр, белуга, севрюга, стерлядь, судак, язь, лещ, щука, линь, налим, сом, окунь, карась, плотва и другая рыба. Так, литовский дипломат Михаил Литвин в середине XVI в. записал, что реки на Украине переполнены крупной рыбой, в частности осетрами. С середины XIV в. правительства Польши и Литвы берут на учет самые богатые рыбные угодья. Владения ими добивались также магнаты, шляхта и церковь.

В хозяйстве крупного замка, великокняжеского или магнатского фольварка обычно было по нескольку рыбных озер и прудов. Но крестьянам и мещанам запрещалось ловить в них рыбу для собственных нужд. Зато правительство и частные владельцы обязывали зависимых крестьян вылавливать рыбу для них: «кгвалтом волочити тони», «бити езы» и т. п. Кроме того, крестьян заставляли насыпать плотины и запруды, чистить и наполнять водой пруды, плести неводы, сети и пр.

В течение XV — середины XVI в. насыпались все новые плотины, строились пруды. Хороший пруд должен был иметь постоянный приток воды, не заиливаться, легко осушиваться. Поэтому чаще всего запруды устраивали на реках или на притоках, возводя «гать». Зарыбленный пруд два года не эксплуатировали, а на третий воду спускали и выбирали рыбу. Лучшую чаще всего солили, реже вялили и сушили, а худшую сразу же распродавали.

Ловля рыбы велась различными способами: сетями, неводами, мережей, вершею, бреднем, сачком, удочкой. Часто прибегали к ловле посредством «еза» — частокола, забиваемого поперек реки, к ловле «с лучом», т. е. к добыче рыбы острогой в ночное время и с помощью огня на лодке. Археологи часто находят поплавки из коры и древесины для сетей и удочек, каменные и глиняные грузила, разнообразные крючки и блесны. Рыбу ловили как в теплое, так и в холодное время года. Документы упоминают о «тонях зимних», «поледной ловле», «зимнем езе».

Рыбной ловлей повсеместно занимались крестьяне и горожане, а также специалисты: «рыболовы», «рыбники», «тонники» («тоня» — рыболовный участок), «неводщики», большинство которых принадлежало к числу феодально зависимых людей. Государство и феодалы извлекали большие доходы из рыболовства, монополизируя этот промысел в наиболее добычливых местах и включая рыбную ловлю в число повинностей крестьян. Во многих землях существовал натуральный оброк, взимавшийся с крестьян в виде десятой, пятой и даже третьей пойманной рыбы.

Высокого уровня развития на украинских землях достигло мельничное дело. Водяные мельницы получили распространение на Руси уже во второй половине XIII в. В течение второй половины XIV—XV в. украинские, литовские и польские феодалы сооружали мельницы, захватывая для этого лучшие места на общинных землях вдоль рек и заставляя строить их зависимых крестьян. Следующий шаг в развитии мельничного дела был сделан в XVI в. в связи с распространением фольварочного хозяйства. Водяные мельницы стали обязательной принадлежностью каждого феодального имения. Крупным магнатам принадлежали десятки, а иногда и сотни мельниц, приносивших значительную прибыль, так как население было обязано молоть зерно только на господских мельницах и платить за это натурой — «мирчук» (обычно десятую меру). В первой половине XVI в. водяные мельницы существовали уже почти на всех реках.

Вместе с тем мельничное дело долго не могло вытеснить из домашнего

обихода ручной размол зерна. В слоях XIII—XV вв. найдено немалое количество небольших ручных жерновов. Даже в вотчинных хозяйствах водяная мельница полностью заменила жернов только в XV в.

Распространенным промыслом на украинских землях XIV — первой половины XVI в. являлась добыча и переработка руды. Упоминания о «рудах» и «руднях» нередко встречаются в документах того времени. Железные руды, пригодные для выработки металла в примитивных печах («домницах»), были повсеместно известны в Восточной Европе. Значительные запасы этих руд, преимущественно бурых железняков, имелись на украинских землях, особенно в Полесье.

Металлурги того времени использовали главным образом болотную или луговую руду. Ее перерабатывали сыродутным способом. В качестве топлива применялся древесный уголь. Обилие сырья и топлива на богатой лесами территории Украины создавало благоприятные условия для развития железоделательного производства. Дрова пережигали в уголь непосредственно в лесу, в угольных ямах.

Выплавкой железа занимались обычно сельские жители, обитавшие вблизи залежей болотных или луговых руд и лесов, пригодных для пережога в уголь. Обработка основной массы сваренного в домницах железа происходила в городских специализированных кузницах. На долю же деревенских кузнецов приходилось изготовление и ремонт железного сельскохозяйственного и бытового инвентаря.

К числу важных промыслов относилось и солеварение. Одним из главных районов добычи соли было Прикарпатье, районы Коломыи и Перемышля. Вскоре после монголо-татарского нашествия Даниил Галицкий потребовал у одного из вожаков боярской оппозиции вернуть незаконно захваченные им соляные промыслы: «А коломыйскую соль отлучите на мя»[1]. Русские купцы привозили соль из Крыма. Французский дипломат Рубрук в 1252 г. видел там большие соляные озера, соль из которых развозилась по восточнославянским землям. Соль добывали также в лиманах северного побережья Черного моря.

Извлечение соли было сложным и трудоемким процессом. В средневековье в основном пользовались двумя способами добычи: выпариванием воды в соляных озерах или морской воды в лиманах на отгороженных мелководных участках и выварки соли из рассола, добываемого из-под земли. Первый способ применялся в Крыму и Северном Причерноморье, второй — в Галичине.

Не просто было найти «рассольное место», поставить своеобразную буровую вышку («сохи») высотой до 18 м. В ее основании выкапывали колодец до почвенных вод, далее пробивали скважину, опуская в нее деревянные просмоленные трубы. Рассол из трубы черпали узкой и длинной бадьей. Сооружение соляной шахты занимало от нескольких месяцев до 3—4 лет, так как глубина скважин доходила до 160 м. Сам процесс выварки соли из рассола был довольно сложен и трудоемок, требовал от мастера большого искусства. Соль получали как россыпью, так и в небольших слитках.

Самым простым способом соледобычи была ломка каменной соли близ Солотвина на Закарпатье, однако качество ее значительно уступало выпарной и выварной.

Необходимая в питании каждого человека, соль была одним из наиболее важных предметов внешней и внутренней торговли. Вначале солью наряду с другими товарами торгова-

[1] Летопись по Ипатскому списку, с. 525.

ли обычные купцы. Когда же с конца XV в. участились нападения татарских феодалов на украинские земли, вывозка соли с побережья Черного моря и Крыма (откуда поступала большая часть ее) стала опасным делом. Ею начали заниматься специальные солепромышленники, сколачивавшие вооруженные ватаги, способные дать отпор татарским отрядам.

Первое упоминание о таких солепромышленниках на Крымском полуострове содержится в письме хана Менгли-Гирея от 1499 г. русскому великому князю Ивану III. Хан сообщал, что люди из Великого княжества Литовского «соль силно емлют, а пошлин не дают» [1]. С 20-х годов XVI в. эти промышленники выступают в источниках под именем «солеников». Соленики промышляли соль в лиманах Причерноморья. Примерно в то же время появляются известия о солеторговцах «коломыйцах», привозивших на Поднепровье соль из Галичины. В XVII в. людей, доставлявших соль из Крыма, стали называть на Украине чумаками.

Промыслы играли важную роль в экономике. От того, какой промысел был наиболее распространен в той или иной местности (охота, рыболовство, бортничество), зависел и вид взимаемой дани.

Подобно ремеслам, промыслы на украинских землях в течение второй половины XIII — первой половины XVI в. все более приобретали товарный характер. Увеличивался объем и удельный вес продукции, предназначенной на продажу. Для украинских земель того времени характерна высокоразвитая и продуктивная система ремесел и промыслов, основывавшаяся на неуклонном возрастании производительных сил и требовавшая гибкой и разветвленной системы внутренней и внешней торговли. В свою очередь, торговля питалась продукцией ремесел и промыслов.

Невзирая на огромный ущерб, нанесенный промыслам и торговле на восточнославянских землях Батыевым завоеванием, с середины XIV в. возрождаются многие ремесла, совершенствуется их техника. Начинает использоваться энергия падающей воды. Развивается не только городское, но и сельское ремесло, а также промыслы, распространенные вне города. Растет число ремесленников, окончательно порвавших с земледелием. В городах происходит массовый выход ремесленников на посад — в особые районы, населенные почти исключительно трудовым людом.

Ремесленники объединяются в цехи и играют все более активную роль в общественной жизни. Городские низы, состоявшие в основном из ремесленной бедноты, являлись движущей силой городских восстаний XIV—XVI вв., имевших классовую и освободительную направленность.

4. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Условия ведения торговли и ее организация. Батыево завоевание нанесло большой вред внутренней и внешней торговле Юго-Западной Руси. Но южнорусская торговля не пришла в упадок. Как и в прежние времена, развивался внутренний рынок, а купечество Киева, Чернигова, Владимира, Галича и других экономических центров Юго-Западной Руси во второй половине XIII в. продолжало поддерживать оживленные связи с рынками Северо-Восточной Руси, Крыма, Ближнего Востока и Запада.

Дипломатический агент папы Иннокентия IV Плано Карпини, совершивший в 1245—1247 гг. путешест-

[1] Сборник Русского исторического общества. Спб., 1892, т. 35, с. 290.

вие в Монголию, побывал на Руси и сообщил, что через оккупированные ордынцами земли в Киев приезжали из Константинополя и Аккры купцы итальянских городов Генуи, Венеции и Пизы. Карпини видел в Киеве также многочисленных купцов из Польши, Австрии, Силезии. Через десять лет французский дипломат Гильйом Рубрук посетил Крым и рассказал в своем отчете, что встретил в Суроже (Судаке) русских купцов, привезших для продажи меха белок, горностаев и других зверей. Он сообщил, что русские купцы вывозили из Крыма соль. Для длительного путешествия по степи Рубруку в Суроже посоветовали купить крытые повозки, в которых русские купцы обыкновенно перевозили меха. Во второй половине XIII в. интенсивно использовался и старый водный путь на юг из Киева по Днепру. Далее с Днепровского понизовья купцы плыли морем к Константинополю или направлялись степью через Перекоп в Крым, в Сурож и Херсон.

Во второй половине XIII в. продолжались торговые отношения Юго-Западной Руси с Западом. В Польшу, Литву и Пруссию, на далекие североморские рынки из Львова, Владимира, Галича и других южнорусских городов гнали гурты волов и овец, везли хлеб, кожи, мед, воск, а также предметы ремесленного производства. В Волынской летописи находим характерное сообщение, что в 1279 г. князь Владимир Василькович по просьбе ятвягов, страдавших от постигшего их сильного голода, послал им из Берестья караван речных судов с хлебом.

Во многих городах Юго-Западной Руси существовали колонии иностранных купцов, что было свидетельством ее оживленной международной торговли. Например, из сообщения волынского летописца под 1288 годом можно сделать вывод, что во Владимире имелись кварталы северорусских, итальянских и немецких купцов. Рассказ Карпини дает основания полагать, что и в Киеве середины XIII в. существовали колонии итальянских, польских и, возможно, греческих купцов.

Следует решительно отвергнуть безосновательные утверждения представителей реакционной польской буржуазной историографии XIX в. о якобы полном упадке торговли Юго-Западной Руси вследствие нашествия орд Батыя, а также и то, что подъем этой торговли во второй половине XIV в. будто бы связан с присоединением украинских земель к Польше и Литве. На самом деле оживление украинской торговли в XIV—XV вв. было обусловлено исключительно внутренними причинами: развитием производительных сил, углублением общественного разделения труда, ростом товарной продукции сельского хозяйства и ремесла.

Средневековая торговля велась в условиях суровых регламентаций. Главными среди них были складское право, дорожное принуждение и таможенная система. Эти регламентации тормозили торговые отношения: искусственно ограничивали внутреннюю и внешнюю торговлю, мешали местным и иностранным купцам ездить удобными для них дорогами, заставляли сбывать товары оптом и по недостаточно выгодным ценам, платить многочисленные пошлины. Особенно тяжело отражались торговые регламентации на положении средних и мелких купцов, которые часто не выдерживали их и разорялись. Вместе с тем подобные ограничения благоприятствовали экономическому подъему отдельных крупных городов, купеческая верхушка которых использовала их в борьбе против конкурентов. К таким городам принадлежали Киев, Львов, Луцк, Каменец-Подольский и др.

Согласно нормам складского права приезжие купцы обязаны были останавливаться в городах, которые пользовались этим правом, и продавать в них свои товары на установленных местным купечеством условиях. Недаром киевские и луцкие состоятельные купцы, так же, как и купеческая верхушка других крупных украинских городов, не жалели средств на подкуп польского короля и великого князя литовского, лишь бы закрепить за собой право склада, приносившее громадные прибыли купцам складских городов. Отвечая на письмо великого князя московского Ивана III по поводу торговых ограничений, с которыми встретились русские купцы на захваченных литовскими феодалами украинских землях, великий князь литовский Александр заметил: «А там, в нашей земли, в Киеве и Луцку, склады издавна бывали всяким купцам заморским (иностранным. — *Ред.*)».

Складское право было направлено главным образом против иностранных купцов. Но временами его применяли и в отношении купечества городов-конкурентов того же государства. Существовали абсолютная и относительная формы действия складского права. Абсолютная вынуждала купца продавать свои товары в складском городе, а с остатком возвращаться домой, ибо далее этого города ему проезд был запрещен. На Украине таким правом в отдельные годы XIV—XV вв. пользовались Киев и Львов. В 1488 г. литовские послы говорили Ивану III: «А иные гости заморские николи не бывали в нашей земле далей Киева; до Киева приезжали с товары и, попродавши товары в Киеве, опять за ся с Киева ворочалися: бо здавна бывало и за отца нашего всим гостем заморским склад бывал в Киеве» [1].

Преобладающее большинство складских городов на Украине владело этим правом в относительной форме: после истечения определенного срока пребывания в городе купец получал возможность двигаться с непроданными товарами дальше. Складским правом в относительной форме пользовались, например, Луцк, Владимир-Волынский, Каменец-Подольский.

В прямой связи со складским правом находилась такая форма ограничения торговли, как дорожное принуждение. Купцы под угрозой конфискации товара и транспортных средств обязаны были ездить лишь указанными правительством дорогами, приводившими их в складские города и к таможням. Кроме того, государственная власть не гарантировала безопасности купцов, осмеливавшихся пользоваться самовольно избранными путями. В упомянутом письме Александра Ивану III содержится требование, чтобы купцы «мыт не объезжали, и где здавна склады — гостем бывали». Обе стороны, русская и литовская, договорились, «что гостем нашим добровольно ездити на обе стороны по нашим землям старыми обычными дорогами... а новыми дорогами мыт не объезжати» [1].

Особенно обременительной была и для иностранных и для местных купцов таможенная система. Таможни принадлежали государству и частным лицам (на дорогах, проходивших по землям крупных феодалов). В погоне за прибылями правительства Польши и Литвы, не говоря уже об отдельных феодалах-собственниках, устраивали все новые и новые таможни. В 1488 г. Иван III с укором писал великому князю литовскому Казимиру: «А мыты и пошлины новые уставили в твоей земле на нашех гостех,

[1] Цит. по кн.: *Клепатский П. Г.* Очерки по истории Киевской земли. Одесса, 1912, т. 1, с. 336.

[1] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Спб., 1882, т. 1, с. 245.

чего наперед того из старины не бывало»[1].

Невзирая на отрицательное влияние торговых регламентаций, внутренняя и внешняя торговля на украинских землях в течение XIV — первой половины XVI в. продолжала развиваться. Это было бы невозможно без достаточно высокого для своего времени уровня развития производительных сил, без экономического подъема городов. Внутренняя и внешняя торговля были тесно связаны между собой. Абсолютное большинство товаров, предназначенных для реализации за рубежом, поступало и на внутренний рынок Украины.

Внутренняя торговля. Углубление общественного разделения труда, прогрессирующее отделение ремесла от сельского хозяйства, рост городского населения создавали постоянный, все возрастающий спрос на продукты питания и ремесленные изделия. Различие в хозяйственной специализации и природных условиях отдельных украинских земель активизировало торговый обмен: из Лесостепи в степные районы везли зерно, а оттуда — рыбу, соль и другие товары.

В течение второй половины XIII — первой половины XVI в. внутренняя торговля на Украине набирала все больший размах. Производилась она главным образом на торгах и базарах. Вначале торги собирались раз в неделю, преимущественно в праздничные дни. Затем в значительных городах начали торговать два, гри и более раз в неделю. В крупнейших центрах функционировало по нескольку торгов. Так, в Киеве накануне монголо-татарского нашествия насчитывалось восемь торгов.

Постепенно, в XV — первой половине XVI в. рыночная торговля в Киеве, Луцке, Львове, Каменце-Подольском, Кременце и других крупных городах перерастает в ежедневную. Эта торговля удовлетворяла потребности городского, прежде всего ремесленного населения в продуктах питания и сырье. Сельское население приобретало на городском рынке ремесленные изделия.

На торгах и рынках размещались многочисленные лавки, палатки, склады, прилавки и другие места продажи и хранения товаров. В больших городах строили специальные торговые ряды. Например, во Львове вся городская торговля производилась на рыночной площади, где размещались лавки и склады, принадлежавшие городу и сдававшиеся в аренду состоятельным людям. Кроме того, на рыночной площади возле ратуши находились собственные лавки торговцев и тех ремесленников, которые сами продавали изготовленные ими товары. Богатые купцы обыкновенно устраивали лавки в своих домах. Там же находились склады товаров. Приезжие торговые люди обязаны были останавливаться в гостиных дворах и здесь же хранить товары.

Государство, магистраты и купеческая верхушка крупных городов получали значительные прибыли от торгов и рынков. Наряду с пошлинами и другими торговыми поборами большие выгоды приносил весовой сбор. Никто из торговавших на рынке не имел права пользоваться собственными весами, а должен был обращаться к услугам весовой, принадлежавшей магистрату или правительству. Для продавцов и покупателей были обязательны местные меры длины (локоть), напитков и сыпучих тел (кварта, ведро, колода, бочка и др.). Существовали торговые надсмотрщики, следившие за тем, чтобы никто из купцов не нарушал правил торговли и не лишил город или государство законных прибылей.

[1] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, т. 1, с. 9.

На оживленных торгах и рынках велась специализированная торговля: для определенных групп товаров или даже для какого-нибудь одного особенно важного товара выделялось несколько лавок, а то и отдельный ряд. Так, в Луцке, Львове, Каменце-Подольском существовали специальные ряды суконников, державших в своих руках торговлю сукном — как местным, так и доставленным из-за границы. В Киеве выделялись своим изобилием большие хлебные и рыбные ряды.

Купцы, торговавшие однотипными товарами, создавали объединения по образцу ремесленных цехов. Они появились в крупных городах уже в XV в. Главы таких объединений контролировали торговлю, закрывая доступ на рынок торговцам, не входившим в них. Купеческие цехи устанавливали цены на товары, исходя из рыночной конъюнктуры.

Основными объектами купли-продажи на рынках и торгах были товары первой необходимости, прежде всего продукты питания: хлеб, мясо, рыба, птица, яйца и пр. Одно из первых мест занимала торговля хлебом и зерном. Увеличение ремесленного населения в городах, постепенный отказ значительной части населения крупных городских центров от занятия сельским хозяйством приводили не только к росту спроса, но и к повышению цен на хлеб и хлебопродукты.

Главным центром хлебной торговли являлся, как и прежде, Киев, не намного уступали ему Луцк, Владимир, Канев и Черкассы. В крупных городах постоянно торговали печеным хлебом. В документе 1506 г. упоминаются киевские хлебницы, выпекавшие хлеб и калачи. А городские пекари Владимира-Волынского в первой половине XVI в. не раз жаловались властям на пришлых людей, конкурировавших с ними в производстве хлеба и калачей и торговле этими продуктами.

Другими распространенными во внутренней торговле товарами были скот и мясо. Вначале мясо продавали в ятках (палатках), а затем в специальных лавках. Так же, как и пекари, мясники и торговцы мясом объединялись в цехи. С XV в. подобные цехи существовали во Львове, Владимире и Кременце. Особенно значительные размеры приобрела торговля скотом, прежде всего волами. На рынки даже небольших городов в XIV, XV и особенно в первой половине XVI в. во время ярмарок пригоняли на продажу одновременно по нескольку тысяч голов скота.

Одним из важных товаров внутренней торговли была рыба. В Киеве, Перемышле и других городах существовали оптовые рыбные склады. В продажу, производившуюся в рыбных рядах, шла рыба свежая, вяленая, сушеная и соленая — щука, линь, карп, плотва, осетр и белуга. В Луцке и Львове, кроме того, велась оживленная торговля привозной сельдью.

На торги и рынки поступала рыба как от промысловиков-рыбаков, т. е. речная, так и разводившаяся в прудах. Например, в Киев систематически привозили рыбу и икру с низовья Днепра на речных судах. Спрос на нее был настолько велик, что купечество не удовлетворялось продажей речной рыбы и устраивало собственные или арендовало пруды. Эксплуатация прудов на Киевщине, Подолии, в Галичине и на Волыни приобрела в XV — первой половине XVI в. широкий размах.

Население городских окраин и близлежащих сел выносило на рынки птицу, яйца, масло, сыр, мед и др. Продажей этих товаров завладели мелкие торговцы — перекупни, перекупки, рядовницы, сидевшие в рядах в соответствии с разновидностью товара. В города из сел привозили также такие необходимые горожанам

товары, как сено, солому, дрова, древесный уголь, строительный лес и пр.

Но торговля на рынках не ограничивалась продуктами питания, фуражом, топливом и строительными материалами. Городское и сельское население приобретало на рынках ремесленные изделия, в частности ткани: дешевые и дорогие сукна, полотно, бархат, шелка, скарлат, камку, парчу и др. Торговцы тканями были объединены в цехи по специальностям: суконники, шелковники и т. п. Важное место в торговле занимали железные и скобяные изделия: косы, серпы, топоры, сошники, гвозди, замки и другие необходимые в каждом хозяйстве вещи. Этим товарам на торгах также отводились специальные места.

Вначале торги собирались в городах и местечках. Затем, с развитием внутренней торговли, в XV — начале XVI в. их начали устраивать и в больших селах. Обычными стали торги вблизи монастырей, которые вели значительные торговые операции и стремились, кроме того, увеличить доходы путем весового и других торговых сборов.

Крупные и оживленные рынки и торги дополнялись другим видом внутренней торговли — ярмарками. Они известны на восточнославянских землях с древнерусских времен. В отличие от торгов и базаров, на ярмарках прежде всего производилась оптовая торговля, покупались и продавались большие партии товаров. Ярмарки составляли важное звено во внутренней и внешней торговле. Правящие круги Польши и Литвы поощряли ярмарочную торговлю, освобождая на время ярмарок местных и иностранных купцов от уплаты пошлин и большинства торговых сборов. Это способствовало интенсификации торговли в целом, что приносило большие выгоды государству, а также городам, в которых происходили ярмарки.

Верхушка городов, богатое купечество добивались от правительств привилегий на устройство ярмарок. В большинстве украинских городов в XIV — первой половине XVI в. происходили одна-две ярмарки в год. Лишь в крупнейших торговых центрах, таких, как Львов и Луцк, собиралось по три ярмарки. Чтобы ярмарочная торговля постоянно поддерживала пульс экономической жизни, ярмарки в городах происходили в разное время года, так что купцы имели возможность, закончив торговлю на одной ярмарке, ехать на следующую в другой, как правило, расположенный поблизости город.

Ярмарки прежде всего служили местом торговли скотом: волами, коровами, лошадьми, овцами, а также кожами и мехами рысей, куниц, белок, лисиц, волков, бобров и пр. Товары переходили из рук в руки крупными партиями. Например, на ярмарках галицкого города Ярослава (крупный торговый центр, где собиралось по три ярмарки в год) была сосредоточена оптовая купля-продажа волов. Многотысячные партии волов гнали оттуда на запад: в Силезию, Саксонию, Германию. Известно, что из западноукраинского города Городка лишь в июне 1584 г. перегнали по пути в Силезию около 12 тыс. волов. В Киев в XV — первой половине XVI в. сгоняли огромные гурты волов со всего Приднепровья, с Побужья и даже с Волощины (Молдавии).

Ярмарки Киева, Луцка, Каменца-Подольского и ряда других крупных городов Украины XIV—XVI вв. имели международное значение — на них съезжались как местные, так и иноземные купцы. Это благоприятствовало развитию и внутренней и внешней торговли.

На ярмарках покупали и продавали также хлеб, зерно, фураж, соль,

продукты лесных промыслов, ремесленные изделия. Там местное население запасалось одеждой (епанчами, сермягами, кожухами, рубашками, платками), обувью, домашней утварью (горшками и другой посудой). Наряду с крупной, оптовой торговлей на ярмарках велась и мелкая. Крестьяне вывозили на продажу зерно, муку, лук, соленую рыбу, мед, воск, пряжу и пр., а ремесленники выносили собственные изделия.

Главную роль на ярмарках, так же, как и на торгах и рынках, играли богатые купцы, имевшие добротные собственные дома с лавками и складами или арендовавшие лучшие торговые помещения на рыночной площади. Их было немного, даже в крупных городах — несколько десятков семейств. Купеческая верхушка играла важную роль в городской жизни, а в крупных торговых центрах — Луцке, Львове, Каменце — вообще распоряжалась всеми делами, занимая важнейшие должности в магистрате и передавая их по наследству. Богатое купечество держало в своих руках и внешнюю торговлю.

Более многочисленным был средний слой купечества, который составляли так называемые крамари (торговцы). Их лавки были намного скромнее, чем у богатых купцов, а товарооборот — значительно меньше. Как и купеческая верхушка, крамари в ряде городов имели цеховые объединения. Наконец, самой многочисленной прослойкой купечества были мелкие торговцы, перекупщики и разносчики, занимавшиеся мелочной розничной торговлей. В цехи их не принимали, и они во всем зависели от купеческой верхушки.

Экономические связи между украинскими землями второй половины XIII — первой половины XVI в. тормозились системой жестких торговых регламентаций. Кроме того, этим связям мешали злоупотребления державцев, взимавших пошлины, которые значительно превышали установленные, а то и прямо грабивших купцов. Например, в середине XVI в. слуги киевского каштеляна Сапеги по его приказу напали на купеческий караван, следовавший из Каменца через Киев в Россию, и ограбили его, хотя ранее купцам был разрешен проезд через Киевщину.

Трудности в развитии торговли создавал разнобой местных мер: в каждом значительном городе существовали собственные меры, которые отличались от мер тех же названий, употреблявшихся в других городах. Например, меры сыпучих тел и жидкостей — колоды, ведра, кварты и пр.— в Киеве, Черкассах и других городах имели разную величину.

Абсолютное большинство купеческих трактов, не говоря уже о проселках, находилось в неудовлетворительном состоянии. Весной и осенью, вообще в ненастную погоду дороги становились непроезжими. Купеческие телеги увязали в грязи, ломались, волы и лошади быстро истощались и гибли. На большаках и тем более на проселках почти не было заезжих дворов, где бы путники могли отдохнуть.

И все же, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, внутренняя торговля на Украине продолжала развиваться. Могущественный фактор экономического развития оказался сильнее всех отрицательных факторов, он стимулировал торговые связи между отдельными украинскими землями, способствовал их усилению и постепенному превращению в регулярные, хотя до образования всеукраинского рынка было еще далеко.

Развитая внутренняя и внешняя торговля требовала значительного количества денег — серебряной и золотой монеты. На смену монетным гривнам — слиткам серебра стандартных форм и веса (160—200 г) — и товароденьгам (шиферным прясли-

цам, бусинам и пр.) в начале XIV в. приходит чеканная монета: пражские гроши чешской чеканки. Крупные для своего времени (средний размер — 3 см, вес — 3,7 г), изготовленные из серебра высокой пробы, они выгодно отличались от других европейских монет. Поэтому пражские гроши быстро наводнили страны Центральной и Восточной Европы. На украинских землях XIV—XV вв. они были наиболее ходовыми деньгами. Вслед за пражскими грошами на рынок Украины в конце XIV в. попадают польские, литовские, венгерские и германские монеты.

Показателем высокого уровня развития украинской экономики и торговли была чеканка местной монеты в Киеве и во Львове. Киевские серебряные денарии выпускались от имени князя Владимира Ольгердовича в течение значительного времени его правления в Киеве. Однако распространение они получили лишь на территории Поднепровья. Галицкие серебряные полугроши и медные денарии чеканились на Львовском монетном дворе с начала 50-х годов XIV в. до 1414 г. В отличие от киевских денариев галицкие полугроши были распространены в обширном регионе: в Галичине, на Волыни, Подолии, Киевщине, а также в Польше, Литве и Молдавии. Это объясняется широкими торговыми связями львовского и вообще западноукраинского купечества.

В течение XV в. постепенно исчерпывается масса пражских грошей в денежном обращении на Украине, так как с началом Гуситских войн чеканка этих монет надолго прекратилась. С конца XV в. основными монетами денежного обращения на Украине стали польские и литовские гроши, полугроши и солиды. Благодаря оживленной международной торговле на украинских землях использовались русские серебряные деньги и полушки, итальянские и венгерские золотые дукаты и флорины.

Развитие внешней торговли со второй половины XIV в. Письменные источники второй половины XIV—XV в. содержат убедительные свидетельства высокого уровня развития внешней торговли на украинских землях. Подъем торговли во второй половине XIV в. обусловлен всем ходом экономического и социального развития южнорусских земель. Это было время общеевропейского экономического оживления, базировавшегося на интенсивном развитии производительных сил, совершенствовании техники ремесла и сельского хозяйства. В этот период утверждались производственные отношения, присущие эпохе развитого феодализма.

Подъему торговли на Украине в XIV в. способствовал также быстрый рост экономических связей между Восточной, Южной и Северной Европой, изменение направлений торговых путей вследствие монгольского завоевания, итальянская колонизация Крыма и Северного Причерноморья.

Уже в первой половине XIV в. состоятельное украинское купечество поддерживало широкие международные связи. В 1320 г. волынский князь Андрей дал поощрительную грамоту купцам прусского города Торуня, подтвердив привилегии, дарованные им еще его отцом Юрием. В 40-х годах XIV в. прусское купечество систематически посещало волынские города Дорогичин, Берестье и Луцк. Галицкие и волынские торговые люди ездили на далекие европейские рынки. Так, двое купцов из Владимира с большим транспортом товара сумели побывать даже в далекой Фландрии.

В одном из распоряжений 1346 г. могущественной купеческой корпорации Ганзейского союза, державшей

в своих руках торговлю Северной Европы, предписано, чтобы молодые люди купеческого звания изучали русский язык. Ганза была заинтересована в торговле с Русью, в частности Юго-Западной. Из списков товаров, привозимых купцами ганзейских городов с востока, видно, что часть их (дерево и продукты лесных промыслов) поступала с Украины.

Оживленные торговые контакты существовали между украинскими, с одной стороны, и силезскими, чешскими, моравскими землями — с другой. В таможенном тарифе Вроцлава 1327 г. перечисляются предметы украинского, в частности галицкого и волынского, экспорта: мехá, мед, воск, волы, кожи и др. В середине XIV в. в центре Вроцлава существовали Русская улица и специальный заезжий двор для русских и украинских купцов.

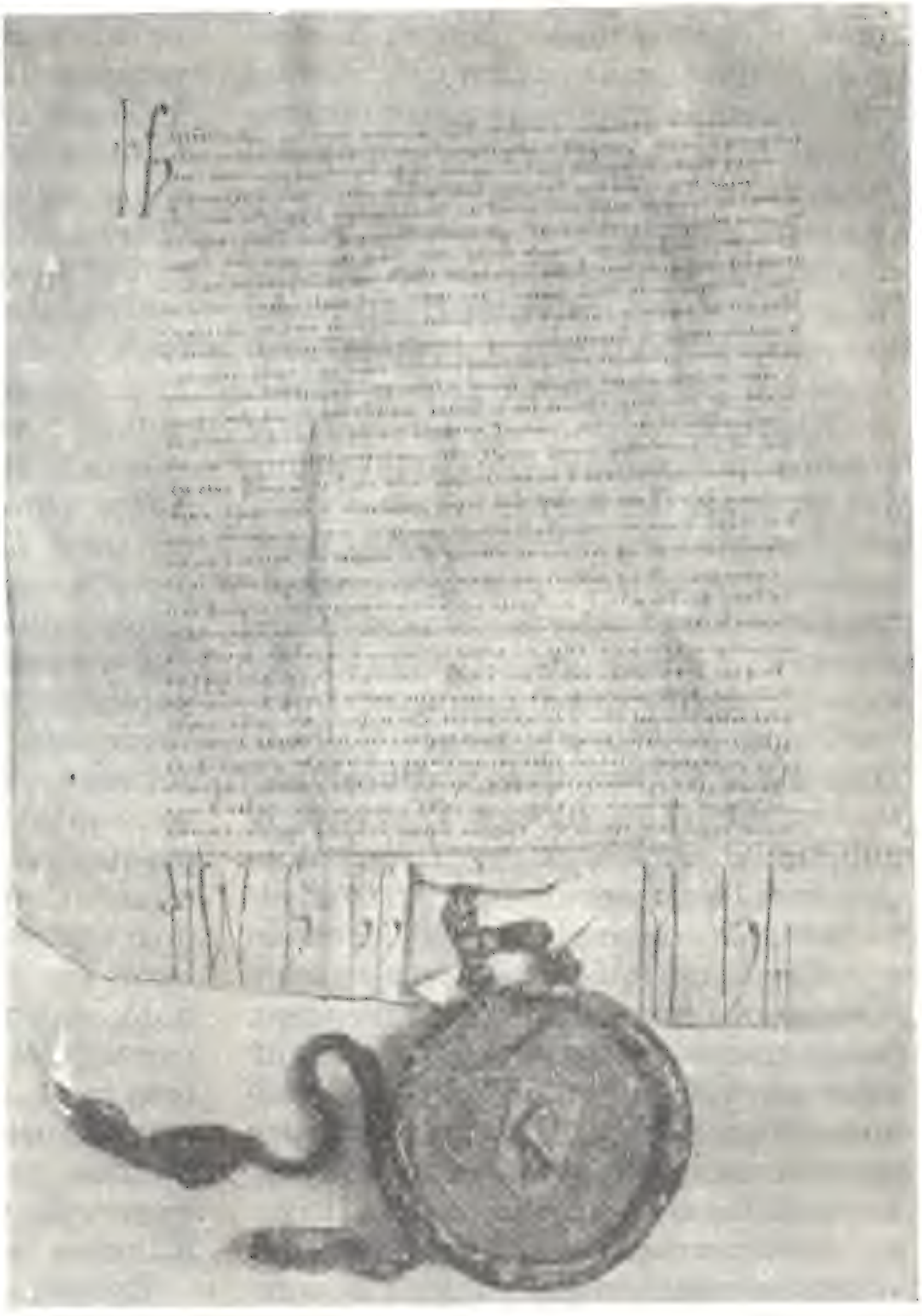
Украинско-русская торговля. Исключительно важное место во внешней торговле украинских земель в XIII—XVI вв. занимала Северо-Восточная Русь, затем Россия. Несмотря на феодальную раздробленность, нашествие Батыя и захват польскими и литовскими феодалами украинских земель, торговые связи с русскими землями не только не прерывались, но с течением времени все более укреплялись. Сказывались этническое и культурное родство, извечное тяготение к единению русского и украинского народов.

Вскоре после присоединения украинских земель к Литве великий князь Ольгерд заключил мирный договор с московским князем Дмитрием Ивановичем (1371). Один из пунктов этого договора предусматривал свободу торговли для литовских купцов на территории Московского, Тверского и Смóленского княжеств, а для русских — в Литве. По существу, в этом договоре речь шла об украинско-русской торговле вообще, поскольку не только московское, тверское или смоленское, но и новгородское, рязанское, псковское, владимирское и иное русское купечество покупало в Киеве, Чернигове, Луцке, Новгороде-Северском и других городах различные товары местного и иноземного происхождения, а украинские купцы бывали частыми гостями русских городов. Так, договор тверского князя с Витовтом 1427 г. гарантировал русским купцам возможность свободной торговли в Киеве. Из слов договора: «Пошлины имати... по давному, а нового не примышлять» [1],— следует, что киевско-тверская торговля опиралась на давние традиции.

Оживленная украинско-русская торговля XIII—XVI вв. отразилась также в памятниках материальной культуры. Данные археологии подтверждают, что предметы русского экспорта, в частности бытовая утварь, одежда, оружие, широко использовались на Украине, а товары украинского происхождения — в России. Украинско-русские торговые связи засвидетельствованы также находками кладов с русскими монетами на Киевщине, Черниговщине, Подолии.

В XV— первой половине XVI в. в Киев, Львов, Луцк и другие украинские города купцы из России привозили разнообразные меха — соболей, лисиц, бобров, куниц, песцов, горностаев, белок, меховые и кожаные изделия. Из Киевской, Черниговской, Подольской, Галицкой и Волынской земель в Россию поступали зерно, мед, воск, соль, соленая рыба, деревянные изделия. Кроме того, украинские города привлекали русских торговых людей как центры торговли восточными и западноевропейскими товарами. Но русское купечество часто не удовлетворялось покупкой этих товаров на рынках Львова, Галича, Владимира или Луцка, а направля-

[1] АЗР, т. 1, с. 47.



Грамота валашского воеводы и трансильванского господаря Влада II о предоставлении купцам русских, польских и волошских земель привилея на свободную торговлю в его землях. 1439 г.

лось далее Молдавской дорогой к Сучаве и другим молдавским торговым центрам.

Из России в Молдавию и на Балканы через Галичину и Волынь везли главным образом меха, а обратно купцы возвращались с шелками, парчой и другими тканями восточного производства, пряностями, вином, драгоценными камнями, жемчугом.

Русские купцы вообще часто посещали Украину. В актовых книгах Львова под 1405, 1438, 1445 и другими годами названы гости из Новгорода. Систематически упоминают купцов из Москвы луцкие документы XV— первой половины XVI в. В свою очередь, купцы Луцка постоянно бывали в Москве. Например, в 1497 г. там задержали обоз луцких купцов, за которых перед Иваном III просил сам великий князь литовский Александр. Источник 40-х годов XVI в. свидетельствует о посещении столицы Русского государства торговыми людьми из волынского города Берестья.

Через Киев московские, смоленские, тверские; новгородские и другие русские гости ездили в Кафу и иные крымские торговые города. Венецианский посол в Персии Конта-

рини, посетивший Киев весной 1474 г., писал: «Город стоит у границ с Татарией; в нем собирается некоторое количество купцов с пушниной, вывезенной из Верхней России (Северо-Восточной Руси. — *Ред.*); объединившись в караваны, они идут в Кафу». Приехав в Москву, Контарини отметил, что «в город в течение всей зимы собирается множество купцов... из Польши» [1], т. е. прежде всего с украинских земель, находившихся под властью Польши.

Торговля с Россией имела огромное значение для хозяйственного развития украинских земель. Исторические источники единодушно отмечают ее важную роль в украинской экономике. Когда в первой четверти XVII в. ухудшение политических отношений между Россией и Речью Посполитой привело к нарушению торговли между ними, волынские купцы в обращенной к правительству записке вспоминали, что большинство купцов Литовского княжества, украинских и белорусских земель жили торговлей с Российской державой, которая ныне прекратилась. Но, невзирая на все препятствия, чинимые польско-шляхетским правительством, украинско-русские торговые связи продолжали успешно развиваться.

Торговля со странами Юга и Востока. Одним из важнейших направлений внешней торговли украинских земель XIV— первой половины XVI в. было южное. Крупное купечество Киева, Львова, Владимира, Галича, Луцка, Каменца поддерживало постоянные связи с контрагентами из Константинополя, молдавских городов и итальянских факторий Крыма. Существовало два центра южной торговли: в Среднем Поднепровье, где ее главным пунктом был Киев, и на западноукраинских землях, где среди городов, оживленно торговавших с Югом, выделялся Львов.

Согласно свидетельству Рубрука (50-е годы XIII в.), купеческие караваны шли тогда из Юго-Западной Руси в Крым, на Перекоп и далее до Сурожа. Этот путь действовал и в течение последующих столетий. Михаил Литвин в середине XVI в. отмечал обилие на рынках Киева восточных товаров, поступавших по древней, хорошо известной дороге из Кафы через «ворота Таврики» (Перекоп) на Таванский перевоз на Днепре, вблизи современного Херсона, а затем степью в Киев. Часто купеческие караваны шли по степи лишь до Черкасс или Канева, где товары перегружались на суда. Определенное значение сохранял и традиционный водный путь из Киева вниз по Днепру, одним из важных транзитных пунктов на котором был город Олешье, расположенный в устье реки. Этот город ввиду его исключительного торгового значения в 30—40-х годах XIV в. держали в своих руках генуэзцы. Для черниговских купцов существовала и другая возможность попасть в Крым: безлюдным и опасным степным Муравским трактом, шедшим через Путивль на Перекоп.

Продолжалась и традиционная торговля Киева с Константинополем. Их соединяла сухопутно-морская дорога, направление и основные пункты которой в XV в. известны благодаря мемуарам русского паломника игумена Зосимы, который в 1419—1422 гг. осуществил далекое путешествие к «святым местам». Присоединившись к купеческому каравану, Зосима двинулся из Киева на Подолию. Вблизи Брацлава караван перешел на молдавскую территорию, после чего через три дня добрался до Белгорода. Из этого порта в устье Днестра Зосима и купцы морем поплыли к Константинополю. О важности упомянутого пути свидетельствует тот факт, что в начале XV в.

[1] Барбаро и Контарини о России. Л., 1971, с. 211, 229.

на Буге, в месте пересечения его трактом, были построены каменный мост и таможня.

Об оживленных и постоянных отношениях между украинским и константинопольским купечеством свидетельствует факт давнего существования в византийской столице большой русской колонии, среди членов которой было немало выходцев из Юго-Западной Руси.

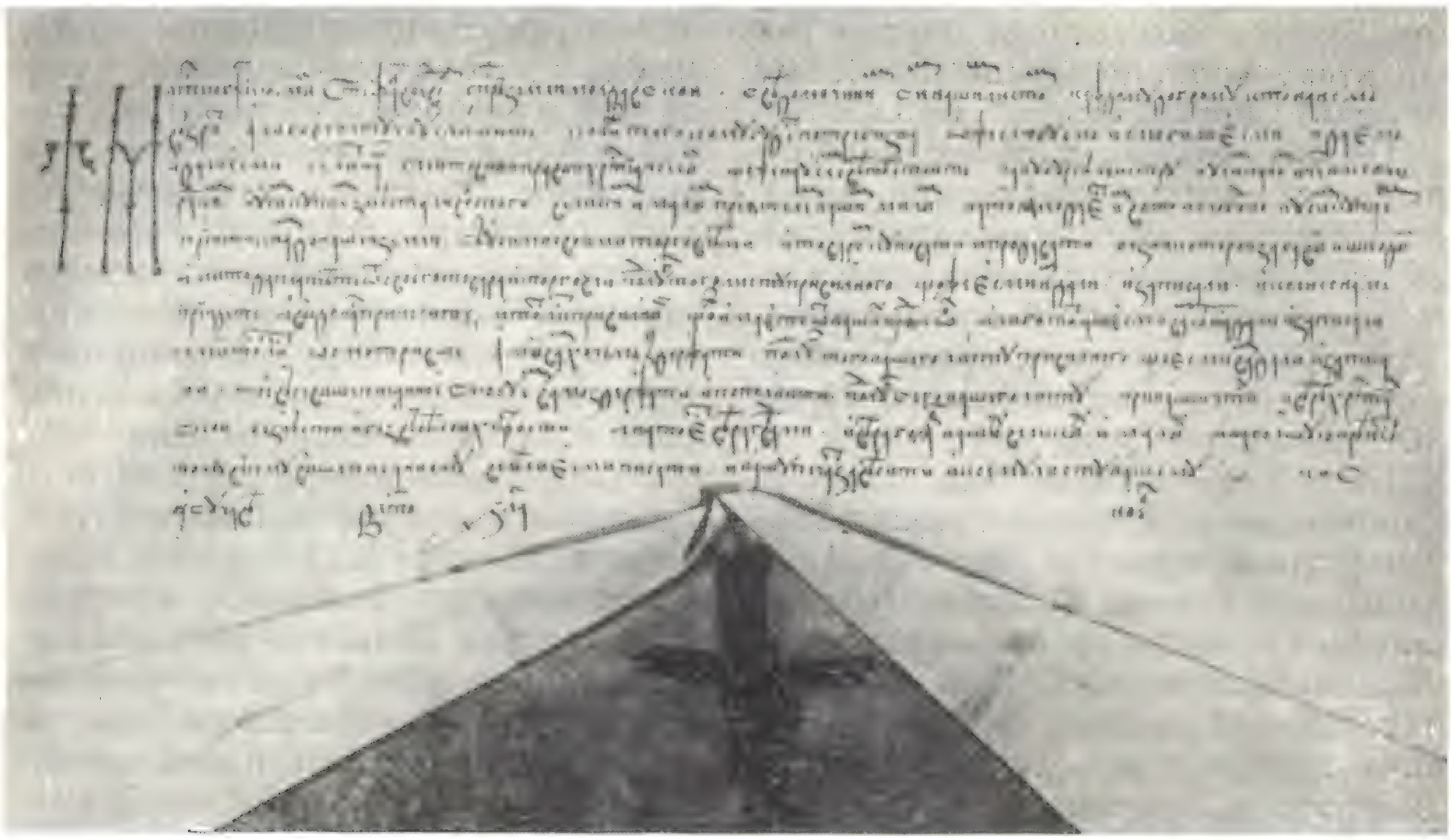
Киев XIV—XVI вв. был одним из важнейших транзитных пунктов международной торговли Восточной Европы со странами Востока. В городе имелись колонии русских, греческих, польских, литовских, армянских, татарских и итальянских купцов. Большую активность развили генуэзские негоцианты, торговый двор которых был одним из богатейших. Лишь после взятия турками Кафы и других крымских колоний генуэзцев в 1475 г. последние свернули торговлю в Киеве.

В Киев привозили товары из Персии, Индии и других стран Азии, а также из Аравии, Сирии и многих стран Ближнего Востока. Восточные и южные товары шли через Киев на север, в Россию: в Москву, Новгород, Псков, а также в Швецию и Данию. С крымских и азиатских рынков в Киев и другие города Поднепровья привозили пряности, прежде всего перец, шелковые и парчовые ткани, бархат, жемчуг. Письменные источники называют среди тканей восточного происхождения бархат на золоте, камку бурскую и александрийскую, тафту различных сортов, большой ассортимент шелковых тканей. С восточных рынков на Поднепровье гнали также табуны верховых лошадей, доставляли конскую сбрую, разнообразные кожаные изделия (сафьян, чамлот, тижмы, тебенки) и оружие.

Из Киева в Крым и Византию вывозили прежде всего продукцию сельского хозяйства: зерно, мед, воск, а также ремесленные изделия: шапки, пояса, полотно, серпы, ножи, мечи, знаменитые киевские стрелы для луков, украшения работы киевских ювелиров. Почти все названные товары благодаря широким торговым связям Киева расходились по многим странам Европы и Азии. В частности, в XV в. пшеницу с Киевщины и Подолии везли по Днестру до Белгорода и далее по морю на Кипр.

Важную роль в торговле с Югом и Востоком во второй половине XIII—первой половине XVI в. играло купечество галицких, волынских и подольских городов. До конца XIII в. ведущее место в этой торговле занимал Владимир, где, в частности, существовала колония итальянских купцов из Крыма. С началом XIV в. у Владимира появляется опасный торговый конкурент — основанный Даниилом Галицким в 50-х годах XIII в. Львов. Подобно Киеву, Львов, Луцк, Владимир и другие западноукраинские города были не только посредниками в крупной транзитной торговле между Востоком и Западом, но и ее непосредственными участниками. Купечество этих городов держало в своих руках монополию на продажу товаров южного и восточного происхождения на рынках многих стран Европы.

Львов, Владимир и Луцк были связаны с рынками Востока и Юга важными торговыми путями. Старейший из них — Татарский — существовал, вероятно, еще в XIII в. В первой половине XIV в. он был известен в Европе. Этой дорогой ехал в 1343 г. генуэзский посол к крымскому хану Джанибеку. О направлении и основных пунктах Татарского тракта говорят документы конца XIV в. Он вел из Львова к важнейшему центру Подолии Каменцу, далее степями Северного Причерноморья в Крым, к Кафе. Но существенным недостатком Татарского тракта было то, что значительная часть его приходилась на безлюдную степь, где купцов поджи-



Охранная грамота молдавского господаря и воеводы Стефана V купцам Львова на право свободного въезда и торговли в Молдавии. 1522 г.

дали разбойники-татары. Записки фламандского рыцаря Гильбера де Ланнуа, осуществившего в 1421 г. путешествие из Львова в Кафу и воспользовавшегося Татарской дорогой, рисуют опасности, ожидавшие смельчаков, которые избирали этот путь. Торговым людям, ездившим по Татарской дороге, приходилось собираться в большие караваны и нанимать сильную охрану.

Поэтому с конца XIV в. одновременно с Татарской приобретает значение другая дорога на юг — в бассейне Днестра, которую источники называют Молдавской. Она шла обжитыми местностями: из Львова через Галич, Коломыю, Снятин, Черновцы и Серет к Сучаве. Одно из ответвлений Молдавской дороги проходило через Каменец и Хотин, а оттуда через Яссы и Лопушно к Черному морю, в Белгород. С Крымом, прежде всего с Кафой, Белгород был связан сравнительно безопасным морским путем. Кроме того, из Белгорода, как уже упоминалось, по морю купцы добирались до Константинополя, который с давнего времени играл немаловажную роль не только в киевской, но и в галицкой и волынской торговле.

Западноукраинские купцы в XIV—первой половине XVI в. везли с молдавских, крымских и византийских рынков товары восточного происхождения, а также рыбу, соль, серебро в слитках, пригоняли волов и лошадей. На юг вывозили сукна различных сортов (поступавшие из Польши, Германии, Чехии, Фландрии и Англии), полотно, одежду, металлические изделия и разнообразное оружие. В потоке товаров, двигавшихся на восточные и южные рынки, выделялись сельскохозяйственные продукты и ремесленные изделия галицкого и волынского производства. Из грамот молдавских господарей украинским купцам, прежде всего львовским, узнаем, какие товары привозились на молдавские рынки непосредственно из Галичины и Волыни. Сопоставление названий товаров с известными

ремесленными профессиями населения Львова, Владимира, Луцка убеждает в западноукраинском происхождении многих из этих товаров: шапок, поясов, ноговиц, веревок, мечей, мисок, плужного железа и др.

В течение первой половины XVI в. особенно активизировались экономические связи Львова и других украинских городов с их молдавскими контрагентами. Возрос объем торговли, более разнообразным стал ассортимент товаров. Рост населения и неуклонное развитие ремесленного производства в галицких, волынских и подольских городах обусловили повышение спроса на продукты сельского хозяйства, промыслов и сырье. В связи с этим еще большее значение, чем прежде, приобрели крупные молдавские рынки — центры торговли скотом и продуктами земледелия.

Купечество Львова, Снятина, Ярослава, Каменца-Подольского, Коломыи и других украинских городов вело дела с купцами молдавских городов Сучавы, Ясс, Бирлада, Лопушны, Серета. В XVI в. основным предметом молдавского экспорта в Западную Украину был скот. И хотя на украинских землях, главным образом на Подолии, выращивалось много скота, спрос на него не удовлетворялся местным производством, так как увеличивались потребности и внутреннего и западноевропейского рынков.

Скот гнали из Молдавии на Украину в двух направлениях: на Львов и на Каменец-Подольский. Обыкновенно молдавский скот, в основном волов, закупали купцы-оптовики. Например, в 1522 г. купец из Винницы приобрел в Молдавии 2080 волов, купец из Острога — 1500. В 1536 г. один из волынских купцов скупил на молдавских рынках несколько тысяч волов и перегнал их в Польшу. Одним из главных экспортеров скота на Украину был сам молдавский господарь. Так, в 1549 г. он продал только львовским купцам 12 тыс. волов. Значительная часть купленного в Молдавии украинскими купцами скота предназначалась для перепродажи в западноевропейских странах. Например, его систематически продавали во Вроцлаве и Гданьске.

Среди других сельскохозяйственных товаров, которые вывозились из Молдавии на Украину, заметное место занимало волошское вино, имевшее постоянный сбыт во Львове, Каменце и других городах. Много привозилось в галицкие, волынские и подольские города меда и воска. Так же, как скот и вино, значительная часть их предназначалась для сбыта на рынках Западной Европы.

Несмотря на оживление ремесленного производства в начале XVI в., Молдавия из-за слабого его развития в целом нуждалась в значительном импорте ремесленных изделий, спрос на которые на ее внутреннем рынке неуклонно увеличивался. Поэтому все возрастал экспорт из Львова, Каменца и других украинских городов орудий труда, в частности кос, ножей, гвоздей. Одну из главных статей вывоза в Молдавию из западноукраинских земель составляли ткани, как простые, дешевые, преимущественно полотно, так и дорогие, предназначавшиеся для удовлетворения потребностей господствующего класса,— тонкие сукна и шелка. Много ввозилось с Украины в Молдавию одежды и шапок. Львовские купцы экспортировали в молдавские города и меха, главным образом соболей, купленных у русских купцов.

Торговля с Молдавией сыграла важную роль в экономическом развитии украинских земель XIV— первой половины XVI в.

Экономические связи Украины со странами Центральной, Северной и Западной Европы. Значительные масштабы приобрела в XIV — первой половине XVI в. торговля украинских земель со странами Цент-

ральной, Северной и Западной Европы, прежде всего с Пруссией и Польшей, а также с Литвой. Существовало два направления торговли украинского купечества с европейским: северо-западное—на Торунь, бывший тогда торговым центром Тевтонского ордена, и западное — на Краков и далее на Познань. Торговые связи в направлении Владимир — Торунь и Львов — Торунь с середины XIV в. были весьма оживленными.

Из торговых книг Тевтонского ордена известно, что из Торуня во Львов поступали янтарь и сукна, а на львовском рынке прусские купцы покупали шелка, бархат, пряности и меха. Торговые люди Владимира приобретали в Германии и Фландрии большие партии сукна. Галицкие и волынские города торговали также с Ганзейским купеческим союзом.

Пути из западноукраинских городов к рынкам Пруссии, Фландрии и Германии проходили по польским землям. Естественно, что польские купцы принимали активное участие в украинско-прусской, украинско-германской и украинско-фландрской торговле. Однако этим не ограничивались торговые контакты между украинским и польским купечеством. Польские купцы сами вели оживленную торговлю с западноукраинскими контрагентами.

Постоянные торговые связи между Краковом и галицкими и волынскими городами завязались еще в конце XIII в. Из грамоты волынского князя Андрея 1320 г., которой он пригласил во Владимир краковских купцов, видно, что краковско-владимирская торговля велась уже давно (в частности, новые пошлины устанавливались в значительно меньших размерах). С 1348 г. краковяне начали конкурентную борьбу с купцами Вроцлава, отстаивая свой приоритет в торговле с галицкими и волынскими городами, прежде всего с Владимиром и Львовом. Главным предметом краковского экспорта на Украину в XIV— первой половине XVI в. были сукна, и не только польского производства, но и силезского, германского, фландрского, английского. Взамен из Львова в Краков и другие польские города поступали восточные товары (пряности, шелка, бархат, вино, жемчуг), а также продукты сельского хозяйства, ремесла и промыслов западноукраинских земель: рыба, зерно, мед, воск, меха, одежда, скот. Размеры украинско-польской торговли возрастали.

К концу XV в. в Западной, Северной и Центральной Европе резко повысился спрос на зерно, что было связано с прогрессировавшим отделением ремесла от сельского хозяйства, увеличением городского населения, частичной утратой аграрного характера крупными городами. В связи с этим начиная с первой половины XVI в. постепенно увеличивался экспорт хлеба с украинских земель на Запад. Развитие фольварочного хозяйства сделало возможным удовлетворение растущих потребностей внешней торговли Украины в товарном зерне. Главным рынком, куда направлялись транспорты хлеба с украинских земель, стал польский город Гданьск на Балтийском море, превратившийся затем в один из крупнейших центров торговли хлебом. Из Гданська украинское зерно отправлялось в Западную и Северную Европу, в частности во Фландрию, Голландию, Норвегию, Швецию.

Другим важным предметом экспорта с Украины, особенно западной ее части, в Центральную, Северную и Западную Европу была рыба. Речная и прудовая засоленная рыба из Львова, Луцка, Киева и других городов шла в Краков, Гданьск, Торунь и далее на север и запад Европы. Крупное купечество, занимавшееся рыбной торговлей, принимало меры к поддержанию международного авторитета своего товара. На бочках с ры-

бой ставилась городская печать, подтверждавшая ее высокое качество.

С начала XVI в. заметно увеличился вывоз с Украины продуктов лесных промыслов. В Гданьск и другие города на Балтийском побережье экспортировали дубовые плахи для строительства кораблей, мачтовое дерево, клепки для бочек, строительный лес, а также пепел, смолу и деготь. Хищническая эксплуатация феодалами лесных массивов вела к их уничтожению. Уже к середине XVI в. значительно сократилась площадь когда-то непроходимых боров и дубрав Волыни и Галичины.

На фоне развитых контактов с Центральной, Западной и Северной Европой скромно выглядит торговля Украины с Литвой, хотя она и началась давно, по крайней мере не позже второй половины XIII в. А в 1432 г. литовский князь Сигизмунд, подтверждая гражданам Вильнюса право свободной торговли в Великом княжестве, отметил, что они пользовались этим правом с давних времен. Среди городов, с которыми купцы Вильнюса торговали раньше, грамота Сигизмунда называет Киев и Луцк. Через Вильнюс шел кратчайший путь из Поднепровья к берегам Балтийского моря. Издавна использовалась дорога Вильнюс — Новогрудок — Туров — Киев, а с середины XIV в. начал действовать путь из Киева в Литву через волынский город Дорогичин.

Интенсивная внутренняя и внешняя торговля на украинских землях второй половины XIII— первой половины XVI в. была следствием высокого для своего времени уровня развития экономики. В этом отношении Украина не уступала экономически развитым странам Европы и Востока.

Зрелый этап феодальной формации на украинских землях ознаменовался дальнейшим развитием производительных сил и производственных отношений. В сельском хозяйстве все большее значение приобретало трехполье, внедрялась новая техника обработки земли, начали применяться удобрения. Развивались города — носители социального и технического прогресса.

Усиление общественного разделения труда, рост численности населения городов вызывали к жизни постоянный и все возрастающий спрос на хлеб и другие продукты питания, а также на сельскохозяйственное сырье как внутри страны, так и за границей. Это обусловило рост внутренней и внешней торговли.

Вторая половина XIII— первая половина XVI в.— период формирования крупной феодальной земельной собственности, обезземеливания основной массы крестьянства, организации вотчинной системы, укрепления феодальной иерархии. Конец этого периода ознаменовался зарождением и быстрым, интенсивным развитием фольварочного способа ведения феодального хозяйства. Все это вело к обнищанию и закрепощению основной массы крестьянства, к усилению его имущественного неравенства.

Светские и духовные феодалы вели активное наступление на крестьян и горожан, стремясь лишить их личной свободы и собственного имущества. В этом натиске на широкие трудящиеся массы украинского народа иноземные феодалы действовали заодно с местными угнетателями, проявляя классовое единство.

Украинские земли во второй половине XIII— первой половине XVI в. достигли высокого для своего времени уровня социально-экономического развития. Его не могло остановить даже господство иноземных феодалов, проявлявшееся буквально во всех сферах экономики и общественной жизни.

Глава III

АНТИФЕОДАЛЬНАЯ И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НА УКРАИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

В то время как феодально раздробленная и ослабленная ордынским игом Юго-Западная Русь попала под власть литовских и польских феодалов, в северо-восточной части русских земель начался процесс образования Русского государства на единой этнической основе. Образование Русского централизованного государства, завершившееся в начале XVI в., способствовало подъему освободительной борьбы, которую вел против иноземного господства украинский народ, сохранивший этническую, языковую и культурную общность с населением западных и северо-восточных русских земель.

Освободительная борьба украинского народа прошла в своем развитии несколько этапов и принимала разные формы, вплоть до вооруженных восстаний. Основной движущей силой антифеодальной и освободительной борьбы было крестьянство — самое многочисленное и угнетенное сословие того времени. Крестьян активно поддерживали жители городов, а с начала XVI в. и казачество. Борьба за национальное освобождение органически сливалось с классовой борьбой широких трудящихся масс. Крупнейшим антифеодальным выступлением на Украине в рассматриваемый период было крестьянское восстание под руководством Мухи. Во второй половине XV в. на исторической арене появляется казачество, сыгравшее видную роль в антифеодальной и освободительной борьбе украинского народа.

1. ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ. БОРЬБА С ЗОЛОТОЙ ОРДОЙ. ВОССОЕДИНЕНИЕ ЧЕРНИГОВО-СЕВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ С РОССИЕЙ

Предпосылки образования Русского централизованного государства. Образование Русского централизованного государства — закономерное явление в историческом развитии русского народа. Оно имело огромное значение для исторических судеб не только русского, но и украинского, белорусского и других народов нашей Родины. Образование Русского централизованного государства — сложный и длительный исторический процесс. В Северо-Восточной Руси еще в конце XII — начале XIII в. начали складываться социально-экономические и политические предпосылки ликвидации феодальной раздробленности и объединения удельных княжеств. Однако этот закономерный и прогрессивный исторический процесс был временно прерван разрушительным нашествием орд Батыя и установлением тяжкого иноземного ига.

В XIV в. уже в новых, более сложных исторических условиях, когда над Русью тяготел жесточайший гнет ордынских феодалов, а удельные

князья продолжали нескончаемые усобицы, вновь создаются предпосылки объединения княжеств и земель Северо-Восточной Руси. Основными условиями этого процесса были экономический подъем на этой территории и усиление борьбы русского народа против ордынских захватчиков.

В Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. происходило восстановление хозяйства на разоренных землях, а также освоение новых территорий. Улучшалась агротехника, благодаря чему повышалась урожайность, а следовательно, увеличивалось производство сельскохозяйственных продуктов. Довольно быстро росло феодальное землевладение, в том числе церковное (монастырское), непосредственно связанное с развитием товарно-денежных отношений.

Из руин поднимались разрушенные завоевателями древние города, основывались новые. Восстанавливались и дальше развивались ремесла, промыслы, торговля. Ремесленное производство, а также внутренняя и внешняя торговля концентрировались в таких крупнейших русских городах, как Москва, Великий Новгород, Тверь, Смоленск, Псков, Рязань, Владимир, Нижний Новгород. Все это создавало материальные предпосылки объединения всех русских земель в едином централизованном государстве.

Большинство средних и мелких феодалов-землевладельцев — основная опора великокняжеской власти — стремилось закрепить за собой земельные владения, узаконить право на них, защитить их от посягательств других, более крупных феодалов. Поэтому они были заинтересованы в укреплении великокняжеской власти и создании сильного централизованного государства.

В XIV—XV вв. в связи с безудержным наступлением землевладельцев-феодалов на права крестьянства усилилось его сопротивление, обострилась классовая борьба. Феодалы-землевладельцы были заинтересованы в создании сильного государственного аппарата, который стоял бы на страже их классовых интересов. Такой аппарат могло создать, постоянно содержать и укреплять лишь правительство единого централизованного государства.

За создание Русского централизованного государства во главе с сильной великокняжеской властью, которая могла бы противостоять произволу удельных князей-феодалов и объединить все силы русского народа на борьбу за полное освобождение от ига Золотой Орды, активно выступали зависимые от господ крестьяне и городские низы, более всего страдавшие от феодальной раздробленности, произвола и междоусобиц феодалов.

Объединение всех русских земель в единое государство неразрывно связано с образованием русской (великорусской) народности. Оно способствовало этому прогрессивному историческому процессу и ускоряло его. В свою очередь, образование русской (великорусской) народности в значительной степени ускоряло образование Русского централизованного государства. Таким образом, трудящиеся массы городов и сел, заинтересованные в создании единого и сильного государства, активно выступали за объединение всех русских земель.

Образование Русского централизованного государства происходило вокруг национального центра русского народа — Москвы, сыгравшей важнейшую роль в объединении всех русских земель.

С самого начала процесс создания Русского централизованного государства возглавляли великие князья московские, решительно и неуклонно проводившие политику собирания русских земель вокруг Москвы. Они стремились объединить не только северо-восточные земли Руси, но

и все восточнославянские (русские, украинские и белорусские) земли в едином государстве. На это указывал Ф. Энгельс: «Первое и главное притязание России — объединение всех русских племен под властью царя, который называет себя самодержцем всея Руси... в том числе Белоруссии и Малороссии» [1].

Несмотря на длительную феодальную разобщенность отдельных русских земель и княжеств, в сознании населения всей территории бывшего единого Древнерусского государства жила идея единства Русской земли, общности всего русского народа.

Все три восточнославянские народности, сохранившие древнерусскую основу в языке, характере, быту, обычаях, жилище, формируя и развивая свои национальные черты, наряду с новыми этническими названиями (русские, украинцы, белорусы), а также областными (москвичи, рязанцы, владимирцы, полищуки, галичане, подоляне, северяне, кияне, волыняне, минчане, полочане и пр.) продолжали называть себя общим именем — русские. Сознание исторической общности обусловило взаимное стремление населения всех восточнославянских земель к объединению в едином Русском государстве.

Народные массы, особенно страдавшие от иноземных захватчиков и произвола феодалов, активно поддерживали идею объединения всех русских земель в едином централизованном государстве. У них стало созревать понимание, что объединение в сильной державе намного облегчит им борьбу против иноземных поработителей, а также против феодального гнета.

По мере складывания единого централизованного Русского государства оно приобретало многонациональный характер. На протяжении XIV—XV вв. в его состав вошли также неславянские народы — коми, мари, югра, мордва, печора, карелы.

Образование и расширение границ Русского централизованного государства происходило в сложнейших внешнеполитических условиях. Сохранялось тяжелое и унизительное иго Золотой Орды, существовала постоянная опасность разрушительных нападений ордынцев на русские земли. На западных рубежах Руси проводило захватническую политику Великое княжество Литовское, на северо-западе — Ливонский орден и Швеция. Западная и Юго-Западная Русь (т. е. белорусские и украинские земли) и частично западные великорусские земли (Смоленщина, Брянщина, Верховские княжества) были захвачены иноземными феодалами и безусловно нуждались в постоянной помощи со стороны Северо-Восточной Руси.

Прогрессивный характер внешней политики Руси в период образования единого централизованного государства отвечал интересам всего населения страны, способствовал быстрейшему формированию русской народности. Внешняя политика непосредственно была связана с внутренней и в целом способствовала развитию государства. По поводу неразрывной связи внешней политики с внутренней В. И. Ленин писал: «Выделять «внешнюю политику» из политики вообще или тем более противополагать внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, немарксистская, ненаучная мысль» [1].

Постоянная внешняя опасность, угрожавшая русскому народу, усиливала стремление не только господствующего феодального класса и московского великокняжеского правительства, но и всего трудового населения Северо-Восточной Руси ускорить объединение всех русских зе-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 166.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.

мель в едином национальном государстве, а также укрепить великокняжескую власть.

Начало образования Русского централизованного государства. В исторических судьбах восточнославянских и других народов нашей Родины, прежде всего великого русского народа, особо выдающаяся роль принадлежит ее столице Москве — сердцу России.

Москва начала приобретать все более важное значение с конца XIII в. при московском князе Даниле Александровиче. Выгодное географическое положение города способствовало превращению его в экономический и политический центр Руси. Находясь в самом центре Северо-Восточной Руси, Москва была защищена от нападений извне окружающими ее удельными русскими княжествами. В то же время она располагалась на перекрестке важнейших торговых путей, связывавших все русские земли в единое целое. Здесь сходились и многие торговые пути, охватывавшие всю Восточную Европу. Таким образом, город оказался пунктом, где сосредоточились торговые связи между разными землями огромного по размерам района. Москва была расположена в центре той части Руси, где происходил основной процесс формирования русской народности.

В возвышении Москвы большую роль сыграло и то обстоятельство, что она была центром православной митрополии. Во времена средневековья церковные феодалы, в том числе высшее русское православное духовенство, играли далеко не последнюю роль во внутренней и внешней политике государства.

Первым собирателем земли русской стал московский князь Иван Данилович Калита (1325—1340). Проводя умелую политику в отношении золотоордынских ханов, а также удельных князей Северо-Восточной Руси, он значительно укрепил Московское княжество и расширил его территорию.

Политику объединения русских земель особенно успешно проводил великий князь московский Дмитрий Иванович Донской (1359—1389). Ему пришлось вести длительную и тяжелую борьбу против мелких местных удельных, а также против соседних — тверского, суздальско-нижегородского и рязанского князей. К тому же во второй половине XIV в. обострилась международная обстановка: Московскому великому княжеству, всей Северо-Восточной Руси, находившейся под игом Золотой Орды, на западных рубежах стало угрожать Великое княжество Литовское.

В трудном положении оказались и остальные части Русской земли — Западная и Юго-Западная Русь, где тоже происходили важные политические события, отразившиеся на всей последующей истории восточного славянства. Воспользовавшись ослаблением Руси в результате нашествия орд Батыя, соседние феодальные государства начали захватывать ее земли. Во второй половине XIII в. венгерские феодалы утвердили свое господство в Закарпатье, татарские — в Северном Причерноморье и Приазовье. В XIV в. польские феодалы захватили Галичину и Западную Волынь, литовские — Западную Русь (Белоруссию), Чернигово-Северскую, Киевскую, Волынскую и Подольскую земли, молдавские — Северную Буковину, турецкие в XV в.— Подунавье и утвердились в Северном Причерноморье. Таким образом, юго-западные и западные русские земли, захваченные иноземными феодалами, были оторваны от остальной Руси. Это значительно затрудняло связи между ними.

Вхождение литовских, белорусских и большей части украинских земель в состав одного государства — Великого княжества Литовского — в ос-

ределенной степени, но только на первом этапе способствовало объединению народных сил Украины, Белоруссии и Литвы для борьбы против агрессии крымских феодалов.

В то же время господство Великого княжества Литовского прервало объединительный процесс на западных и юго-западных русских землях. Более того, литовские феодалы, проводя экспансионистскую политику в отношении Северо-Восточной Руси, тормозили процесс образования Русского централизованного государства. Русский народ вынужден был приложить огромные усилия для того, чтобы отразить наступление Литовского феодального государства, отстоять национальную независимость и возвратить те русские земли, которые захватили литовские феодалы.

Феодалы Великого княжества Литовского в 60—70-х годах XIV в., проводя захватническую политику в отношении восточнославянских земель, стремились покорить и Северо-Восточную Русь. Великий князь литовский Ольгерд трижды воевал против Московского великого княжества. Однажды литовским войскам удалось дойти даже до Москвы. Однако русский народ разгромил войска захватчиков и отстоял свою национальную независимость.

Победы над литовскими захватчиками, а также над отдельными удельными русскими князьями, одержанные московской ратью, упрочили роль Москвы как русского общенационального центра.

Усиление Москвы, Московского великого княжества, всей Северо-Восточной Руси позволило русскому народу открыто выступить на борьбу против золотоордынского ига. Победа в Куликовской битве 8 сентября 1380 г. положила начало освобождению Руси от иноземного господства.

Объединение русских земель продолжалось на рубеже XIV и XV вв., в годы правления великого князя московского Василия I Дмитриевича (1389—1425). Московское великое княжество значительно расширило свои владения на восточных рубежах, когда к Москве было присоединено Нижегородское княжество.

Укрепление Московского великого княжества и великокняжеской власти, которую поддерживало подавляющее большинство населения страны, вызвало ожесточенное сопротивление феодальной реакции, выступившей против централизаторской политики. С конца XIV в. усилились сепаратистские тенденции со стороны крупных феодалов — удельных князей, великих бояр. Играя на противоречиях между Московским великим княжеством и Великим княжеством Литовским и используя их в своих целях, они все чаще занимали враждебную Москве позицию. Это создавало благоприятные условия для осуществления захватнических планов феодалов Великого княжества Литовского.

Литовские феодалы продолжали проводить политику экспансии в отношении русских земель. В начале XV в. они захватили Смоленск, а в 1406 г. начали новую войну против Москвы. Лишь благодаря помощи Московского великого княжества отстоял свою независимость Псков. В середине XV в., особенно в годы правления Василия II Темного (1425—1462), резко обострилась междоусобная борьба в самом Московском великом княжестве. Против централизаторской политики великого князя выступили удельные князья. В исключительно ожесточенной и тяжелой войне победила великокняжеская власть, укрепившая свои позиции.

Великого князя активно поддерживали не только мелкие и средние феодалы (светские и духовные), но и все слои городского и сельского населения, выступавшие против феодальной раздробленности и усобиц-

В результате в Московском великом княжестве были ликвидированы почти все удельные княжества, и оно превратилось в единое государство, находившееся под непосредственной властью и управлением великого князя.

Василий II Темный добился также установления большей зависимости Великого Новгорода и Новгородской земли от московского великого князя. В результате успешного военного похода московской рати во главе с Василием II в 1456 г. на Великий Новгород и заключения договора с новгородскими боярами расширились судебные права московского великого князя в Новгороде. Великий Новгород договорно и фактически признал вассальную зависимость от великого князя московского. Феодальная междоусобная война в Северо-Восточной Руси, приведшая к образованию сильного Московского государства, способствовала укреплению русско-украинских связей.

В образовании, укреплении и расширении единого национального Русского государства далеко не последнюю роль сыграла русская православная церковь. Сила и авторитет церкви, несмотря на ее реакционную сущность, в средние века были особенно велики. Ведь в то время церковь выступала «в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя» [1]. Москва, как центр русского и восточнославянского православия, особенно после падения Константинополя, в условиях наступления иноземных захватчиков на Украину и Белоруссию стала играть ведущую роль в борьбе против наступления католицизма. С Москвой связывалась борьба не только за веру, но и за национальную независимость всех русских земель.

В росте национального самосознания и международного авторитета Русского централизованного государства определенную роль сыграл отказ русской церковной и светской власти признать законность Флорентийской унии 1439 г.— договора об объединении католической и православной церкви под эгидой римской папской курии. Греческое духовенство и византийский император, присутствовавший на Флорентийском соборе, согласились на унию с римской церковью, надеясь на помощь папы римского и стран Западной Европы в борьбе против турецкой агрессии. Находившийся там же русский митрополит Исидор — грек по национальности,— не согласовав свою позицию с московским великокняжеским правительством и высшим русским православным духовенством, также подписал акт об унии. Русское православное духовенство не признало унию, а митрополит Исидор был низложен. В 1448 г. на церковном соборе русского православного духовенства с согласия великого князя московского Василия II митрополитом был избран Иона — русский по национальности. Избрание русского митрополита было совершено без согласования с константинопольским патриархом. С этого времени русская православная церковь превратилась в независимую, автокефальную. Русь избавилась также от притязаний римских пап, претендовавших на роль всемирного главы христианской церкви.

Но ни Флорентийская уния, ни обещания помощи в борьбе против турецких завоевателей со стороны римской курии и правителей западноевропейских государств — ничто не помогло Византии. Нашествие турецких агрессоров продолжалось. В 1453 г. пал Константинополь, Византийская империя перестала существовать. Турецкие захватчики устремились на Балканы, порабощая южнославянские, греческий, албанский, венгерский, валашский и молдавский

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 361.

народы, на Кавказ и в Северное Причерноморье. С конца XV в. турецкая опасность нависла непосредственно над украинскими и русскими землями. Ф. Энгельс, характеризуя агрессию турецких феодалов в XV—XVI вв., писал, что как «во время нашествия монголов, так и теперь опасность опять угрожала всему европейскому развитию»[1]. Борясь против турецких феодалов, против иноземного порабощения, восточнославянские, южнославянские и другие народы все чаще обращались за помощью к Москве, к укрепляющемуся Русскому централизованному государству.

Московское княжество, объединив большую часть русских земель, стало сильной державой. Его внутреннее положение, авторитет в других северо-восточных русских княжествах, на всех русских землях и в Западной Европе значительно возрос. Были созданы необходимые предпосылки для успешного завершения борьбы за объединение русских земель в едином централизованном государстве и освобождения Руси от ненавистного золотоордынского ига.

Куликовская битва и ее историческое значение. Русский народ вел длительную и тяжелую борьбу против ига ордынских феодалов, установившегося после их разрушительного нашествия на Русь в 30—40-х годах XIII в.

Рост могущества Московского великого княжества и независимая политика великого князя Дмитрия Ивановича сильно обеспокоили Золотую Орду. Темник (военачальник) Мамай, сосредоточивший власть в своих руках, решил нанести Руси сокрушительный удар. В 1378 г. огромное ордынское войско двинулось на Русь. На берегу р. Вожи, притока Оки, оно было встречено русскими и разгромлено. По поводу этой победы К. Маркс отмечал, что это было *«первое правильное сражение с монголами, выигранное русскими»*[1]. Эта битва означала также начало открытой войны между Золотой Ордой и Северо-Восточной Русью.

После поражения ордынцев на р. Воже и их бегства Мамай возглавил опустошительный набег на Рязанское княжество. Рязань была взята и разрушена, территория правобережья Оки подвергалась жестокому разорению. Однако перейти на левый берег ордынцы не решились.

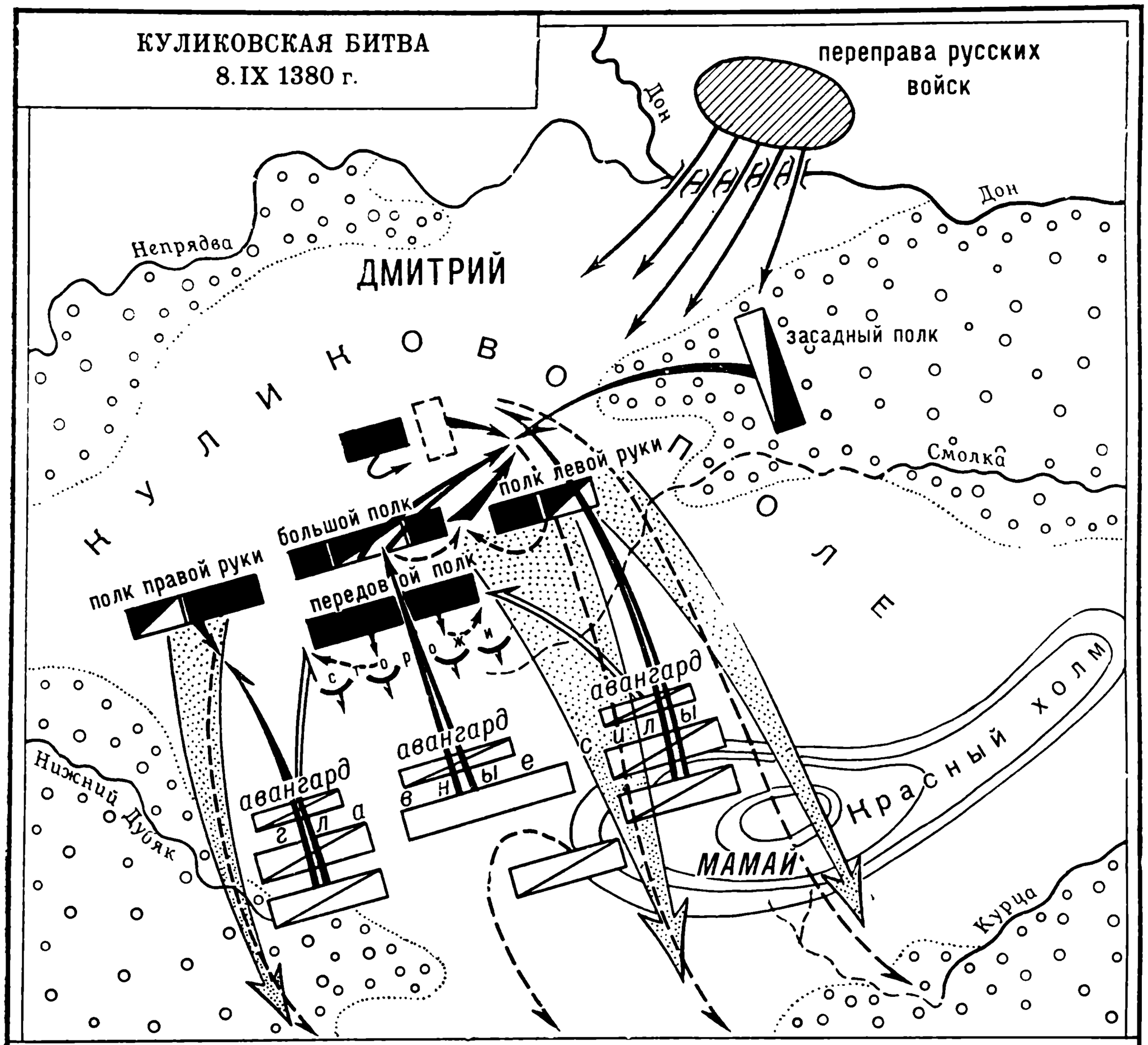
Орда начала спешно готовить новый большой поход с целью порабощения Великого княжества Московского, фактически освободившегося в 1378 г. от зависимости от Орды. Мамай заключил союз с великим князем литовским Ягайлом, стремившимся расширить свои владения за счет Северо-Восточной Руси.

Готовилась к решительной битве и Русь. В 1380 г. великий князь московский Дмитрий Иванович собрал большие силы. Под его знамена стали ратные люди, а также ремесленники и крестьяне Московского великого княжества и других русских земель. Весь русский народ поднялся на героическую борьбу за национальную независимость, за свое существование. По свидетельству летописца, «от началу миру такова не бывала сила русских князей и воевод». В их числе был и известный воин—воевода Дмитрий Боброк, родом с Волыни. Имя и деяния его были хорошо известны на Руси, «его же знаху вси и бояхуся мужества его ради»[2]. Он прибыл к Дмитрию Ивановичу во главе отряда ратных людей.

Собравшиеся в Москве полки во главе с великим князем Дмитрием Ивановичем выступили на Коломну, где был назначен сбор всем русским

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 6, с. 180.

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. 8, с. 151.
[2] ПСРЛ, т. 11, с. 56.



силам. Сюда шли воины, крестьяне и ремесленники со всех уголков Русской земли. Тут под знамена Дмитрия стали владимирцы, суздальцы, ростовцы, белозерцы, ярославцы, переяславцы, муромцы, дмитровцы, костромичи, звенигородцы, можайцы, серпуховцы. Всего собралось пеших и конных, по некоторым данным, до 150 тыс. человек [1].

Мамай, узнав о сборе большого русского войска, направил в Коломну к Дмитрию свое посольство, предложив мир при условии возобновления уплаты русскими дани в размерах, установленных еще при первых ордынских ханах. Дмитрий решительно отказался принять унизительные условия врага. Решительная битва за свободу и независимость Руси стала неизбежной.

Собрав все русские полки и отряды, князь Дмитрий 26 августа приказал им переправиться через р. Оку. Поль-

[1] См.: Архив Маркса и Энгельса, т. 8, с. 151.

Куликовская битва 8 сентября 1380 г. Миниатюра из летописного лицевого свода. XVI в.

зуясь советами купцов-проводников—«сурожан», торговавших с Крымом и хорошо знавших степные пути, русское войско углубилось в степь. 6 сентября оно вышло на берег Дона. Сюда же прибыли и присоединились к Дмитрию со своими брянскими и полоцкими полками племянники великого князя литовского Ягайла, сыновья Ольгерда — Андрей Полоцкий и Дмитрий. Таким образом, в решающую минуту на помощь русскому народу пришли украинские, белорусские и литовские вооруженные отряды.

На военном совете, созванном великим князем Дмитрием для определения дальнейших действий русского войска, голоса разделились. Более решительные предлагали переправиться через Дон, чтобы отрезать себе путь к отступлению. Другие же не советовали переходить Дон, поскольку на соединение с ордынцами двигалась часть литовского войска Ягайла, а также часть рязанцев во главе с их князем Олегом.

Князь Дмитрий принял смелое и единственно правильное решение: немедленно начать переправу через Дон и дать сражение Мамаю до подхода войск Ягайла и Олега. В ночь с 7 на 8 сентября русское войско переправилось через Дон и заняло выгодную позицию на холмах, господствующих над широкой равниной, которая называлась Куликово поле.

На поле боя Мамай привел огромное, еще невиданное на Руси войско, насчитывавшее около 150 тыс. человек.

Куликовская битва, ставшая важнейшим событием в истории борьбы русского народа против ордынских поработителей, произошла 8 сентября 1380 г.

Князь Дмитрий Иванович накануне сражения обратился с речью к русскому войску. Он призвал воинов не щадить жизни в борьбе за святое дело — избавление Руси от вражеского ига. Выражая думы и желания русских людей, брянский богатырь Пересвет в ответ на призыв Дмитрия воскликнул: «Лучше нам быть убитыми, чем плененными от татар».

Русское войско расположилось в таком порядке: впереди находился «передовой полк», в центре — великокняжеский, или «большой», полк вместе с резервом, а на флангах — полки «левой руки» и «правой руки». Слева от полка «левой руки» в засаде был поставлен большой отряд из числа лучших русских воинов — «засадный полк». Во главе его стояли двоюродный брат великого князя серпуховский князь Владимир Андреевич и воевода Дмитрий Боброк-Волынский.

Над «большим полком» реяло великокняжеское черное знамя. Возле него стоял воин, одетый в доспехи великого князя Дмитрия Ивановича. Это был боярин Михаил Андреевич Брянко, героически сражавшийся и погибший в битве. Великий князь Дмитрий Иванович, утвердив план сражения, надел кольчугу и шлем

простого ратника и участвовал в битве как рядовой воин.

Противника, устремившегося на Куликово поле, стойко встретила русская рать. Первыми сошлись русский богатырь Пересвет и ордынский — Челубей. Их поединком перед войсками и началась Куликовская битва. В конце ожесточенного поединка всадники, сразив друг друга копьями, пали наземь мертвыми.

Вслед за поединком богатырей началась жестокая кровопролитная битва. Потери с обеих сторон были огромны. Долгое время ни одна из них не имела перевеса. Затем ордынцы стали теснить левый фланг русских. В критический момент, когда враги уже приближались к великокняжескому знамени, в тыл золотоордынцам ударили воины полка, находившегося в засаде. Ввод в сражение свежих русских сил вызвал в стане врага замешательство. В это время в наступление перешли и основные силы русских. Не выдержав натиска, ордынцы обратились в беспорядочное бегство. Овладев вражеским лагерем, русские воины преследовали противника на протяжении 50 км, до реки Красная Меча.

В Куликовской битве полегло множество русских ратников. Еще большие потери понесли ордынцы. Великого князя Дмитрия нашли после битвы едва живым, кольчуга его во многих местах была пробита. За блистательную победу на Куликовом поле князя Дмитрия прозвали Донским.

Литовский князь Ягайло, двигавшийся с запада на соединение со своим союзником Мамаем, в день битвы находился в 30—40 км от Куликова поля. Узнав о разгроме армии Мамая, он повернул в Литву. Нерешительность Ягайла накануне и во время Куликовой битвы объясняется тем, что основную часть его войска составляли украинцы и белорусы. Они с симпатией и сочувствием относились к братскому русскому народу, поднявшемуся на борьбу за свою независимость против ордынских захватчиков — исконных врагов всего восточного славянства.

На Куликовом поле русские одержали историческую победу над угнетателями. Несмотря на огромные жертвы, радости русских людей по поводу разгрома захватчиков не было границ. Куликовская победа была одержана благодаря сплоченности всего русского народа, благодаря героизму и мужеству простых русских людей — «сынов крестьянских», составлявших основную силу русской рати.

Великая победа имела огромное значение для всех русских земель, для всего народа. На Куликовом поле русский народ проявил не только исключительную храбрость и мужество, но и непреклонное стремление к освобождению от ига ордынцев. Победа над врагом укрепила авторитет и власть московского великого князя и подорвала позиции удельных князей.

Успехи в национально-освободительной борьбе русского народа, особенно победоносная Куликовская битва, в значительной степени способствовали образованию, укреплению и расширению Русского централизованного государства, а также формированию русской (великорусской) народности, ускорили государственную и национальную консолидацию русского народа.

Ведущая роль в защите отечества принадлежала Москве — признанному центру всей Руси. В минуты, когда над русским народом нависала опасность иноземного вторжения, Москва выступала той силой, вокруг которой объединялась и сплачивалась вся Русская земля. Куликовская битва еще более укрепила значение Москвы как центра национального и политического объединения всех русских земель в едином Русском централизованном государстве.

Блестящая победа русского народа на Куликовом поле имела огромное значение и для судеб украинского и белорусского народов. Ослабление ордынских сил давало возможность народным массам Украины и Белоруссии активизировать борьбу против татарских феодалов. Куликовская победа, возвышение Русского государства усилили стремление украинского и белорусского народов к воссоединению украинских и белорусских земель с Россией.

Русский народ одержал победу в тот период, когда многие братские славянские народы, несмотря на мужественное сопротивление, не смогли сдержать иноземного нашествия. Украина и Белоруссия были захвачены польскими и литовскими, а Сербия и Болгария — турецкими феодалами. Все славянские народы с надеждой смотрели на Русь, на ее стольный град Москву, поддерживали борьбу Русского государства. Они ожидали, а в дальнейшем постоянно получали от России действенную помощь в борьбе за свободу и независимость.

Весть о Куликовской битве быстро разнеслась далеко за рубежами Русской земли. О блестящей победе русских воинов говорили в Литве и Польше, в генуэзских колониях Крыма и на Закавказье, в Византии и Италии, в Болгарии и Сербии.

Русский народ нанес мощный удар владычеству золотоордынских феодалов. Миф о непобедимости Орды был развеян. Самоотверженная борьба русского народа и победа над захватчиками подорвала силы Золотой Орды и в значительной степени способствовала ее распаду, начавшемуся с конца XIV в.

Ослабление сил золотоордынских феодалов имело важное международное значение. Русь, выстояв один на один в тяжелой и длительной борьбе против захватчиков, оградила страны Западной Европы от возможности новой агрессии.

Таким образом, Куликовская битва имела всемирно-историческое значение. Она стала поворотным моментом в борьбе русского и других народов Европы и Азии против жестокого ордынского ига.

Окончательное освобождение Руси от золотоордынского ига. После Куликовской битвы золотоордынские феодалы попытались взять реванш за поражение. В 1382 г. хан Тохтамыш, устранивший от власти Мамая, собрал значительные силы и при поддержке рязанского князя Олега Ивановича внезапно напал на Русь. Опустошая все на своем пути, захватчики дошли до Москвы и сожгли ее. Получив сведения о том, что русские собирают силы для отпора, Тохтамыш увел свои войска в степь.

В результате похода 1382 г. временно была восстановлена формальная зависимость русских земель от Золотой Орды. Возобновилась уплата дани. Однако междоусобная борьба в Орде, разгром хана Тохтамыша в 1395 г. Тимуром и продолжавшееся усиление Московского великого княжества вскоре привели к ликвидации даннической зависимости Руси от Орды. Вместе с тем неуклонный рост могущества Русского централизованного государства, успехи объединительной политики великих князей московских, решительные победы русского народа над ордынскими войсками подготовили полное и окончательное свержение ига золотоордынских феодалов.

В 1480 г., ровно через 100 лет после Куликовской битвы, в истории Руси произошло важное событие. Русский народ, выдержав последний натиск Золотой Орды, окончательно сбросил ее иго.

Летом 1480 г., собрав огромное войско, золотоордынский хан Ахмет (Ахмат) выступил в поход на Москву. Накануне похода Ахмет заключил союз с великим князем литов-

ским и королем польским Казимиром IV. Это в значительной степени осложнило положение Русского государства. Открыто враждебную позицию в отношении Руси заняли также Ливонский орден и Швеция, обеспокоенные быстрым ростом могущества Московской державы.

Хан Ахмет и золотоордынские феодалы намеревались заставить Русь снова платить дань, восстановить свою власть в прежнем виде. Московский великий князь Иван III, зная силы своего государства и опираясь на поддержку русского народа в борьбе за объединение Руси и национальную независимость, решительно отказался платить дань, которую уже за несколько лет перед этим прекратил посылать золотоордынским ханам.

В сложившейся опасной для России ситуации Иван III проявил незаурядный дипломатический талант. Он срочно заключил союз с крымским ханом Менгли-Гиреем, ярым противником Ахмета, тем самым предотвратив на некоторое время нападение крымцев на Русь.

Тем временем огромное золотоордынское войско, возглавляемое ханом Ахметом, медленно двигалось к Москве, оставляя на своем пути руины, пожарища и трупы убитых. Ахмет подошел к р. Оке, но русские опередили ордынское войско и заняли все переправы через Оку. Надеясь соединиться с польско-литовским войском во главе с Казимиром IV, Ахмет двинулся к верховьям р. Оки и вышел на правый берег р. Угры — левого притока Оки. Увидев на противоположном берегу сильную московскую рать, враг не решился переправляться через Угру. Оба войска стали друг против друга лагерем. Между тем приближалась зима. В ордынском войске начались болезни и голод. Расчеты хана Ахмета на помощь Казимира IV рухнули. 11 ноября 1480 г. Ахмет начал отвод своих сил на юг. Поспешный отход его войска был похож на бегство. Так окончилось историческое «стояние на Угре» 1480 г.

На поредевшее золотоордынское войско в низовьях Волги напали ногайцы и сибирские татары. Ахмет был убит. А в 1502 г. крымский хан Менгли-Гирей, опираясь на поддержку Османской империи, окончательно разгромил уже ослабевшую Золотую Орду.

Набеги татарских феодалов на русские и украинские земли продолжались и после 1480 г., в конце XV и в XVI вв., но они, как отмечал К. Маркс, *«завоевывать... больше уже не могли, но производили опустошения»* [1].

Таким образом, Русская земля в 1480 г. полностью и навсегда освободилась от ордынской зависимости. Более чем двухсотлетняя борьба русского народа против ненавистного ига завершилась его полной победой. Это важнейшее историческое событие было подготовлено всем предшествующим ходом развития Руси. Оно имело огромное значение для дальнейшего укрепления и расширения Русского централизованного государства и ускорения процесса формирования русской народности.

Полное и окончательное свержение ига ордынских феодалов Русским государством имело большое значение для дальнейших судеб украинского и белорусского народов. Русский народ мог теперь оказать действенную помощь украинскому, белорусскому и другим народам Восточной Европы в их борьбе против турецких и татарских захватчиков. Это обстоятельство в значительной степени усиливало стремление украинского и белорусского народов к объединению с русским народом в едином Русском централизованном государстве.

Окончательная победа русского народа ускорила падение Золотой Орды, что имело огромное международ-

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. 8, с. 163.

Государственная печать Ивана III.

ное значение. Навсегда исчезла угроза нового нашествия с ее стороны на страны Западной Европы.

Завершение объединения русских земель в едином централизованном государстве. В конце XV — начале XVI в., в годы правления московского великого князя Ивана III Васильевича, сложный процесс образования Русского централизованного государства и политического объединения русских земель вокруг Москвы завершился. Великий князь Иван III Васильевич (1462—1505) был крупнейшим государственным деятелем и полководцем своей эпохи, тонким и осторожным дипломатом. Главной своей задачей с первых дней правления Иван III считал завершение объединения всех русских земель в едином Русском централизованном государстве.

Первый удар Иван III направил против Новгорода Великого, в котором сильны были феодально-сепаратистские тенденции. Новгородское боярство, боясь лишиться своих политических привилегий и земельной собственности, пошло на прямую измену общерусским национальным интересам: в 1470 г. Новгород Великий признал себя вассалом короля польского и великого князя литовского Казимира IV. В ответ на это Иван III в 1471 г. выступил походом на Новгород. В битве на берегу р. Шелони московское войско разгромило новгородские полки. Согласно заключенному вслед за этим договору Новгород Великий вновь признал себя вассалом великого князя московского и отказался от проведения самостоятельной внешней политики.

Основная часть ремесленного и сельского населения Великого Новгорода и Новгородской земли всегда находилась на стороне Москвы, выступала за объединение русских земель вокруг нее, поддерживала объединительную политику великих князей московских. На эту часть населения и опиралось правительство великого князя московского в своей новгородской политике.

После заключения нового договора борьба между сторонниками и противниками Москвы в Новгороде Великом не прекратилась. В середине 70-х годов XV в. она особенно обострилась. В сентябре 1477 г. Иван III вынужден был предпринять новый поход на Новгород. На этот раз подчинение его Москве было полным и окончательным. Великий Новгород навсегда вошел в состав единого Русского централизованного государства. Иван III решительно ликвидировал остатки самостоятельности новгородской боярско-феодальной республики. Новгородская земля, как и сама Москва, стала отчиной великого князя московского.

После присоединения Новгородской земли к Москве Тверское княжество оказалось окруженным со всех сторон землями Московского великого княжества. В 1485 г. Иван III со значительным войском выступил на Тверь. Тверской князь Михаил Борисович, оставленный своими боярами, бежал в Литву. Самостоятельное Тверское княжество было ликвидировано, а его земли присоединены к Москве. После присоединения к Московскому великому княжеству Новгородской земли и Тверского княже-

ства Иван III стал титуловаться «государем всея Руси».

Рост могущества и расширение границ Русского государства, окончательное освобождение от ига Золотой Орды позволили правительству Ивана III предпринять шаги, направленные на укрепление восточных границ. С этой целью Иван III начал наступление на Казанское ханство. В результате успешного военного похода 1487 г. Ивана III Казанское ханство признало вассальную зависимость от Москвы. Превращение ханства в вассала Московского великого княжества было крупной победой России. Восточные рубежи Русского государства были избавлены от татарских набегов.

Иван III умело сдерживал крымского хана Менгли-Гирея, разными путями ограничивал разбойничьи вторжения крымских орд в пределы Русского государства.

На рубеже XIV и XV вв. началось расширение Русского государства в Северное Прикамье и Приуралье, а также постепенное освоение этих земель русскими поселенцами. В конце XV в. к Русскому государству была присоединена Пермь, населенная зырянами (коми) и пермяками. Через верховья р. Печоры русские проникли за Уральский хребет, дошли до р. Оби. Власть Московского великого княжества распространилась и на Северное Поморье и Югорскую землю, где обитали ненцы, ханты и манси. Они стали данниками московского князя.

Укрепление и расширение Русского централизованного государства проходило в условиях почти непрерывного противодействия соседних государств, которые не желали роста его могущества, проводя по отношению к нему враждебную политику.

Русскому государству пришлось вести борьбу с Великим княжеством Литовским за возвращение России западных русских земель и освобождение русских, белорусских и украинских земель, захваченных литовскими и польскими феодалами.

Таким образом, к концу XV в. Русское государство, последовательно проводя политику объединения всех русских земель, превратилось в крупнейшее государство Европы. Возникли условия объединения всех восточнославянских земель в едином Русском централизованном государстве.

Воссоединение с Россией Черниговo-Северской земли. В 80—90-х годах XV в. рубежи Русского государства в результате присоединения к России отдельных мелких княжеств (так называемых верховских, расположенных в верховьях рек Оки и Вязьмы) приблизились непосредственно к украинским (черниговo-северским) землям. Это вызвало усиление освободительного движения среди населения украинских земель, направленного против господства литовских феодалов, за воссоединение с Россией.

Выражая всеобщее стремление народных масс к воссоединению Украины с Россией и недовольство политикой великокняжеского литовского правительства, в начале 1500 г. вышли из состава Великого княжества Литовского и перешли в Русское государство вместе с «отчинами» и «волостями» князья Семен Бельский, Семен Иванович Стародубский, Василий Иванович Шемячич Новгород-Северский.

Русско-литовские отношения достигли предельного напряжения. Обе стороны активно готовились к войне, которая началась сразу же после перехода названных князей в русское подданство. Русские войска вступили на территорию Черниговo-Северщины и Смоленщины, где их радостно встречало и активно поддерживало как своих освободителей местное население. Летом 1500 г. на р. Ведроши у Дорогобужа русская армия наголову разгромила литовские войска, за-

хватив в плен их командующего великого гетмана князя К. И. Острожского. Осенью 1501 г. русская армия, поддержанная местным населением, нанесла новый удар по литовскому войску под Мстиславлем.

Неудачный для литовской феодальной верхушки ход военных действий вынудил ее искать мира с Россией. В 1503 г. между Великим княжеством Литовским и Русским государством было заключено перемирие на 6 лет. От Литвы к России отошла значительная по размерам территория: Чернигово-Стародубское княжество с городами Черниговом, Стародубом, Трубчевском, Новгород-Северское княжество с Новгородом-Северским, Путивлем, Рыльском, а также много других городов и волостей. Всего Россия получила по договору 319 городов и 70 волостей.

Благодаря победам русского войска в русско-литовских войнах 1487—1494 и 1500—1503 гг. в состав Русского государства вошла обширная территория от верхней Оки и верховьев Днепра на севере до среднего течения Десны и Самары на юге. Немаловажное значение имело возвращение России древнего города Любеча на Днепре — русская граница вышла непосредственно на эту важную водную магистраль.

Воссоединение Чернигово-Северщины с Россией имело большое значение для дальнейшего расширения и укрепления русско-украинских связей. Выдвижение границ Русского государства к Днепру (в низовья р. Десны) и к среднему течению Северского Донца открыло перед украинскими и русскими переселенцами возможность осваивать малозаселенные земли на юге и востоке. Было положено начало освоению Слободской Украины. Все это способствовало развитию украинско-русских экономических (в первую очередь торговых) и культурных связей.

В 1507 г. началась новая война между Русским государством и Великим княжеством Литовским. С вступлением русских войск на подвластные Литовскому государству украинские и белорусские земли, а также на Смоленщину с новой силой развернулось освободительное движение на Украине и в Белоруссии. Этим решили воспользоваться князья Глинские и другие украинско-белорусские феодалы, имевшие крупные землевладения на Украине и в Белоруссии. Они выступили против литовского господства. Однако их выступление не вышло за рамки узкого феодального заговора. Лишенное поддержки широких народных масс, оно потерпело поражение, хотя в определенной степени ускорило завершение войны и заключение в 1508 г. между Великим княжеством Литовским и Русским государством «вечного мира».

Новый мир не удовлетворил ни Русское, ни Литовское государство, и через четыре года, в 1512 г., война вспыхнула снова. Она длилась почти десять лет. Русские войска в 1514 г. при активной поддержке местного (особенно городского) русского населения освободили древний русский город Смоленск. Литовские войска так и не сумели переломить ход войны в свою пользу. Население подвластных Литве русских, украинских и белорусских земель активно поддерживало русские войска. Опираясь на помощь местного населения, русские войска смогли добиться значительных военных успехов. В 1517 г. начались длительные переговоры о перемирии, во время которых военные действия продолжались. Согласно новому перемирию, заключенному в 1522 г., Смоленск остался в составе России.

Таким образом, в результате длительных русско-литовских войн конца XV—начала XVI в., всей своей тяжестью ложившихся на плечи широких народных масс, Русское госу-

дарство освободило значительную часть русских земель, ранее захваченных Великим княжеством Литовским. Западные рубежи его были отодвинуты далеко от сердца России — Москвы.

Продвижение границ на запад, восток и юг еще более усилило Русское государство. Укрепление его южных рубежей способствовало усилению безопасности не только южных русских земель, но и Северской Украины, экономическому развитию и культурному прогрессу обширных районов страны.

Рост международного авторитета России в первой четверти XVI в. В начале XVI в. Русское централизованное государство, несмотря на тяжелую и упорную борьбу с внешними врагами, продолжало укрепляться. В годы правления Ивана III и Василия III (1505—1533) Россия превратилась в одно из наиболее влиятельных государств Европы. В русскую столицу Москву приезжали многочисленные посольства, путешественники и купцы почти изо всех стран Европы, Ближнего и Среднего Востока. В свою очередь, русские послы, купцы и путешественники также посещали многие страны на западе, юге и востоке.

С ростом международного авторитета Русского государства в первой четверти XVI в. оно стало вступать в договорные отношения со многими странами. Так, в 1514 г. был заключен договор с Германской империей, направленный против Польского королевства и Великого княжества Литовского. В 1524 г. русские дипломаты установили связи с Англией, в 1527 г.— с Нидерландами, в 1528 г.— с Испанией. В 1532 г. в Москву прибыло первое большое посольство из далекой Индии, из империи Великого Могола. На рубеже XV и XVI вв. для укрепления своих позиций на Балтийском море Русское государство установило союзнические отношения с Данией.

Россия поддерживала также связи с Литвой, Польшей, Венгрией, Венецией, Ганзой, Неаполем, Римом, прибалтийскими и скандинавскими странами, Турцией, Ираном, кавказскими и среднеазиатскими государствами. Несмотря на довольно частые обострения отношений и даже военный конфликт в конце XV в. (1496—1498), Россия и Швеция поддерживали между собой тесные отношения.

Укреплялись и русско-молдавские связи. Молдавский господарь Богдан III (1504—1517) в 1513 г. направил в Москву посольство с просьбой о помощи в борьбе против агрессии турецких и крымских феодалов. Установление дружественных русско-молдавских связей оказало влияние на внешнюю политику Польши, Литвы и других государств в отношении России и Молдавии. Так, в результате дипломатического нажима России на правительства Польского королевства и Великого княжества Литовского в 1537 г. прекратилась польско-молдавская война. Это положительно сказалось на развитии не только молдавских, но и украинских земель. Пограничные районы Молдавии и Украины были избавлены от разорения. Через Украину из России в Молдавию и обратно ездили русские и молдавские посольства, государственные и церковные деятели, что способствовало укреплению экономических и культурных связей трех братских народов.

В первой четверти XVI в. при великом князе московском Василии III завершилось складывание территории единого Русского централизованного государства. В 1501 г. была ликвидирована независимость Пскова. В результате побед русского оружия в русско-литовской войне 1512—1522 гг. был освобожден и возвращен Русскому государству Смоленск.

И наконец, в 1521 г. в состав Русского государства вошло Рязанское княжество.

С возвращением Смоленска и подчинением Москве Пскова и Рязани в основном было завершено объединение русских земель. К. Маркс, характеризуя процесс становления могущественного Русского централизованного государства в конце XV—начале XVI в., писал, что изумленная Европа в начале княжения Ивана III едва ли замечавшая существование Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на ее восточных рубежах [1].

После присоединения Рязанского княжества к Великому княжеству Московскому началось более активное заселение Рязанского края выходцами из других русских земель. Тогда же происходил вывод оттуда местных жителей для поселения на юге. Это способствовало заселению более ускоренными темпами Слобожанщины и укреплению обороноспособности южных рубежей Русского государства, отодвинутым непосредственно к южнорусским степям.

Выдвижение далеко на юг русских рубежей имело большое значение для населения Украины, особенно Слободской и Левобережной, а также для Дона. Русское правительство предпринимало все более действенные меры, направленные на отражение агрессивных набегов крымско-татарских феодалов.

К концу первой четверти XVI в. Русское централизованное государство превратилось в самую крупную державу Европы. Территория государства составляла почти 3 млн. кв. км, а население достигало 9 млн. человек. Владения России простирались от Баренцова и Белого морей и Северного Урала на севере до Нижнего Дона на юге и от предгорий Среднего Урала на востоке до рубежей Норвегии, Швеции, Ливонского ордена и Великого княжества Литовского на западе.

С конца XV в. наряду с названиями Русь, Русская земля, Русское государство, Московское государство и Московия все больше входит в употребление названия Россия, что свидетельствует о превращении Русского государства в могучую державу.

Историческое значение образования Русского централизованного государства. Образование сильного Русского централизованного государства имело всемирно-историческое значение. Двухсотлетняя героическая борьба великого русского народа за свое государственное единство и национальную независимость завершилась в начале XVI в. объединением русских земель вокруг Москвы и образованием Русского централизованного государства.

Весь русский народ был кровно заинтересован в образовании и укреплении своего государства. После ликвидации внутренних границ-перегородок и частичного прекращения междоусобных феодальных войн, от которых больше всего страдало трудящееся население, сложились более благоприятные условия для развития экономики страны.

С образованием Русского централизованного государства значительно окрепла власть великих князей московских, постепенно превращавшаяся в самодержавную. Полноправным главой государства был великий князь московский и государь всея Руси, а с 1547 г.— царь. Формально и фактически он обладал всей полнотой высшей законодательной, исполнительной, судебной и военной власти. В некоторой степени власть великого князя ограничивала боярская дума — сословно-представительский

[1] См.: *Marx K.* Secret diplomatic history of the eighteenth century, p. 81.

орган аристократической верхушки феодального класса.

Централизация государственной власти получила идеологическое обоснование. Уже в конце XV в. в русских летописях утверждается идея «божественного происхождения» верховной власти великих князей московских. С ней тесно связывалась идея национального единства Русского централизованного государства. Одновременно возникает и развивается теория «Москва — третий Рим» о будто бы законном праве великих князей московских на римское и византийское наследие.

Однако отдельные крупные феодалы и феодальные группировки, опираясь на огромные богатства, которыми они обладали, подрывали единство страны. В. И. Ленин, говоря о том времени, отмечал, что «о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранившие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.» [1].

Образование, укрепление и развитие Русского централизованного государства способствовало ускорению развития всех отраслей экономики страны — сельского хозяйства, ремесла, промыслов, торговли, путей сообщения, а также культурному прогрессу.

После образования Русского централизованного государства, с развитием феодальных отношений положение крестьянства, составлявшего абсолютное большинство населения страны, продолжало ухудшаться. По мере усиления феодально-крепостнического гнета антифеодальная борьба крестьянства приобретала все более острые формы. Образование централизованного государства, несмотря на усиление аппарата насилия, принуждения и подавления народных масс, вело к расширению контактов и единению между трудящимися массами, что объективно способствовало развертыванию антифеодальной борьбы в России.

В рамках Русского централизованного государства было объединено все русское население Северо-Восточной Руси. Это ускоряло процесс формирования русской народности, ее консолидацию и более быстрое развитие. Ф. Энгельс подчеркивал, что «тенденция к созданию национальных государств, выступающая все яснее и сознательнее, является одним из важнейших рычагов прогресса в средние века» [1].

Этническую основу Русского централизованного государства составляли русские (великороссы). В его пределах проживали также чуваши, мордва, карелы, лопари, ханты, манси, коми, пермяки, удмурты, татары, мари и другие народности. Южные окраины России (Черниго-Северщина и частично Слобожанщина) были населены украинским населением. На южные окраины направлялся постоянный поток переселенцев и беглых крестьян с украинских земель, находившихся под иноземным владычеством, а также из России. Это способствовало укреплению связей и дружбы двух братских народов. Вхождение нерусских народов в состав Русского централизованного государства определяло превращение его из национального в многонациональное.

Несмотря на жестокую эксплуатацию, насильственную христианизацию и русификацию, проводимую господствующим классом русских феодалов, вхождение нерусских народов в единое Русское централизованное

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 153.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 410.

государство имело прогрессивное значение для их дальнейшего социально-экономического и культурного развития, совместных классовых выступлений трудящихся разных национальностей против угнетателей и защиты от внешних захватчиков. В борьбе против феодального гнета и внешних врагов закалялось и укреплялось братское единство всех народов России.

Образование Русского централизованного государства, объединение русского и других народов в его пределах имело историческое значение для их дальнейших судеб. Все народы, вошедшие в состав России, развивались намного быстрее в социально-экономическом отношении, приобщались к более высокой русской национальной культуре. В то же время отдельные элементы культуры нерусских народов Российского государства обогащали и русскую национальную культуру.

В объединении всех русских земель и образовании единого Русского централизованного государства особо важная роль принадлежала Москве — историческому, экономическому, политическому и культурному национальному центру всех русских земель. Москва стала подлинным центром тяготения для всех народов Восточной Европы, в том числе украинского и белорусского.

Становление Русского централизованного государства оказало огромное влияние на исторические судьбы народов Восточной Европы. «Русское централизованное государство сыграло огромнейшую роль в исторических судьбах русского, украинского, белорусского и других народов нашей страны. С самого начала своего возникновения оно явилось притягательным центром и опорой для братских народов, боровшихся против иноземных поработителей» [1].

Это важнейшее историческое событие непосредственно способствовало усилению освободительной борьбы украинского народа, томившегося под гнетом иноземных феодалов-захватчиков. Ведя героическую борьбу против поработителей, он постоянно опирался на поддержку могучего Русского централизованного государства, братского русского народа.

Образование Русского централизованного государства происходило одновременно с образованием русской (великорусской), а также украинской и белорусской народностей. Оно способствовало консолидации восточнославянских народностей, усиливая у них стремление к объединению в одном государстве.

Украинский и белорусский народы, порабощенные соседними феодальными державами, борясь за свое освобождение и воссоединение своих земель с братской Россией, после образования могущественного Русского централизованного государства обрели в нем реальную силу, которая могла помочь осуществлению их чаяний и надежд.

Итак, образование Русского централизованного государства имело огромное историческое значение. С этого момента начался новый этап в истории нашей Родины. На историческую арену вышла огромная могущественная держава. Ее существование, ее политика оказывали влияние на весь последующий ход всемирной истории.

[1] Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.). Одобрены Центральным Комитетом Коммунистической партии Советского Союза. М., 1954, с. 6.

2. БОРЬБА УКРАИНСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ГОСПОДСТВА ЛИТОВСКИХ И ПОЛЬСКИХ ФЕОДАЛОВ

Освободительное движение на украинских землях в конце XIV в. С началом объединения русских земель вокруг Москвы и с усилением наступления литовских феодалов на украинские и белорусские земли, население которых было связано с русским народом общностью исторических судеб, а также родством материальной и духовной культуры, все более возрастало тяготение украинского народа к русскому. Союз Ягайла с Мамаем накануне Куликовской битвы способствовал дискредитации власти великого князя на Украине и в Белоруссии. Одновременно победа объединенных русских войск в Куликовской битве подняла авторитет Московского княжества как ведущей силы объединения русских земель. Русское государство стало воплощением извечного стремления восточных славян к единству, притягательной силой для украинского и белорусского народов. Именно поэтому в ходе освободительной борьбы против литовских завоевателей к Московскому княжеству за поддержкой и помощью обращались представители всех социальных слоев украинского народа.

В этих условиях все более частыми становятся переселения с украинских земель в пределы России. Как форма сопротивления гнету иноземных феодалов переселения известны с начала XIV в. Еще в 1300 г. митрополит киевский Максим, «не терпя насилия от татар в Киеве, поиде из Киева» в Северо-Восточную Русь «со всем житием своим» [1]. Тогда же «некто из славных боляр черниговских именем Федор... переселишася в град Москву» [2]. В Россию с Украины уходили крестьяне, ремесленники, торговцы, бояре, духовенство.

Несколько позже, при Иване Калите, когда Киевское княжество попало в сферу политического влияния Великого княжества Литовского, переселения приобрели еще больший размах. В Москву, например, переселился «некто от киевских благоплеменных вельмож служити, Радион Нестерович... и с ним же княжата и дети боярския и двора его до тысячи и до семисот людей» [1]. Известно, что названный Радион принимал участие в войнах Московского княжества с Тверью и стал одним из видных воевод московского князя.

В конце XIV в. освободительное движение на Украине возглавляли удельные князья. Как отмечалось, в завоеванной Литвой Юго-Западной Руси ими были обрусевшие представители великокняжеского Гедиминова рода. Они стремились утвердиться в своих удельных правах вплоть до обретения полной самостоятельности и с этой целью поддерживали недовольство литовскими феодалами в широких слоях украинского народа. Курс великокняжеского и королевского правительства на укрепление государственной власти и ликвидацию удельных княжеств на Украине после Кревской унии встретил ожесточенное сопротивление удельных князей.

Подобная политическая ситуация сложилась также на белорусских землях Великого княжества Литовского. Осенью 1386 г. против политики великокняжеской власти выступил полоцкий князь Андрей Ольгердович в союзе со смоленским князем. После подавления этого выступления в белорусских и литовских городах были размещены польские гарнизоны. Но

[1] ПСРЛ, т. 10, с. 172.

[2] Цит. по кн.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Спб., 1812, т. 4, прим. 367.

[1] Там же.

Русский доспех бахтерец. Середина XVI в.

эта мера не привела к прекращению движения. В 1392 г. в Витебске во главе местных феодалов на борьбу с королевской властью поднялся Свидригайло Ольгердович. Поводом для выступления стал тот факт, что отчину Свидригайла после смерти его матери, Ольгердовой жены и витебской княжны, великий князь Ягайло передал своему сокольничему. Такое попрание права удельного князя на свою отчину местным феодалам представлялось тем более опасным, что оно было проявлением общей польско-литовской политики, направленной на максимальное ограничение автономии удельных княжеств и всемерное укрепление центральной государственной власти.

Войска Витовта и Скиргайла подступили под стены Витебска и осадили его. Отчаянно оборонявшийся город был взят, а Свидригайло в кандалах отослан в Краков к Ягайлу. Таково было начало бурной политической карьеры Свидригайла, князя, который в течение более полусотни лет возглавлял движение против великокняжеской и королевской власти на украинских землях.

Примечательно, что против централизаторских мероприятий великокняжеской и королевской администрации в конце XIV в. выступили и князья, прежде верно ей служившие. Среди них был новгород-северский князь Дмитрий-Корибут Ольгердович. Несмотря на военный союз с Ягайлом и недавние военные заслуги перед королевской властью, выступление Дмитрия-Корибута, пытавшегося отстоять свое княжество, было беспощадно подавлено. Войска Дмитрия-Корибута и Витовта сошлись весной 1393 г. под Докудовом. Наголову разбитый, Дмитрий-Корибут отступил к Новгородку. После падения Новгородка Дмитрий-Корибут вместе с семьей был захвачен в плен Витовтом. В том же году его взял на поруки тесть, рязанский князь Олег.

Дмитрий-Корибут был первым из удельных князей на украинских землях, который, используя недовольство населения своего княжества литовскими завоевателями, выступил против великокняжеской власти, в столкновении с ней потерпел поражение и в результате лишился своего удела.

Еще более упорное сопротивление наступлению великокняжеской власти оказал подольский князь Федор Кориатович. Сознавая неизбежность военного столкновения с Витовтом, подавившим освободительное движение в Витебском и Новогород-Северском княжествах и развернувшим наступление на Киевщину, Федор Кориатович стал спешно собирать войска и даже заручился международ-

ной поддержкой против Польши и Литвы, заключив союз с молдавским господарем Петром и венгерским королем Сигизмундом Люксембургским.

В этих условиях Витовт прекратил наступление на Киевщину, где ему уже удалось захватить Овруч и Житомир, и двинул войска на Подолию. Преодолевая упорное сопротивление местных жителей и крепостных гарнизонов, великокняжеские войска заняли подольские замки. Военные силы Федора Кориатовича потерпели поражение под Брацлавом и вынуждены были отступить в Закарпатье. Вместе с ними ушла часть населения Подолии.

Вооруженное сопротивление оказало наступавшим великокняжеским войскам и население Киевщины. Сразу после ликвидации Киевского удельного княжества против литовского ставленника на киевское княжение Скиргайла поднялись с оружием в руках жители Черкасс и Звенигородки, которые Скиргайло должен был занять по договору с Ягайлом и по распоряжению Витовта.

Овладев с помощью великокняжеских войск территорией Среднего Поднепровья, Скиргайло вскоре стал искать политической поддержки у местных феодалов, враждебно настроенных против центральной великокняжеской власти. Это обеспокоило правящую верхушку Великого княжества Литовского, и в 1396 г. Скиргайло Ольгердович был отравлен на пиру в имении киевского митрополита.

Проводя наступление на удельные княжества, польское правительство стремилось к укреплению королевской власти на украинских землях, то есть к упрочению здесь позиций польских феодалов. Основной же целью Витовта — великого князя литовского — было упрочение власти Литвы на Украине, укрепление Литовского государства и своей власти в нем. Поэтому, захватив Подолию, Витовт попытался все земли ликвидированного удельного княжества подчинить непосредственно Литве. Однако королевская власть решительно этому воспротивилась. Конфликт разрешился тем, что Польша получила Западную Подолию с центром в Каменце. Восточная же Подолия (Брацлавщина) осталась за Литвой.

Наступление на украинские княжества осуществлялось главным образом литовскими силами во главе с Витовтом. Однако согласно Кревской унии 1386 г. Украина должна была перейти под королевскую власть, в связи с чем недовольство ее населения обращалось и против Польши. Опасаясь его выступлений, Ягайло после восшествия на польский престол по нескольку раз принуждал украинских удельных князей, в частности новгород-северского князя Дмитрия-Корибута Ольгердовича и киевского князя Владимира Ольгердовича, подписывать присяжные грамоты на верность королю. Однако польской администрации было ясно, что даже и это едва ли заставит украинских князей подчиниться польской власти, поэтому она решила прибегнуть к крайнему средству — ликвидировать удельные княжества.

В условиях все более активного наступления Польши и Литвы на украинские земли удельные князья под влиянием настроений и воли народа обращались к Московскому княжеству. Там побывал Дмитрий-Корибут, лишенный своего удела. Москву просил о помощи, бежав туда, изгнанный из своего киевского княжества Владимир Ольгердович.

Восстания против власти литовских и польских феодалов в первой четверти XV в. Ликвидация удельных княжеств в завоеванных Литвой землях Руси не только встретила упорное сопротивление удельных князей, но и вызвала серьезное недовольство значительной части прочих феодалов. Они опасались, что укрепление здесь

власти польских и литовских феодалов приведет к ограничению их собственных прав и феодальных привилегий.

Ликвидация удельно-княжеской власти в крупнейших феодальных центрах украинских земель повлекла за собой усиление эксплуатации и ограбления крестьянских масс вследствие раздачи обширных имений литовским и местным землевладельцам. Польскому и немецкому бюргерству в ряде украинских и белорусских городов были пожалованы значительные экономические привилегии. Все это расширяло социальную основу выступлений против великокняжеской власти.

Новый подъем борьбы против литовских и польских феодалов вызвала Виленская уния 1401 г., по которой после смерти Витовта украинские земли, как и все Великое княжество Литовское, должны были перейти под непосредственную власть польского короля. Главным очагом этой борьбы стала Подолия.

Западная часть Подолии, отошедшая после ликвидации Подольского удельного княжества к Польше, была передана королем в ленное владение одному из крупнейших польских феодалов Спытку Мельштинскому. Брацлавщина же в 1398 г. досталась Свидригайлу Ольгердовичу. После того как в битве на Ворскле в 1399 г. Спытко Мельштинский пропал без вести, Западная Подолия была оставлена жене Спытка до возможного возвращения ее мужа. Фактическим правителем Западной Подолии стал ставленник польского короля Грицко Кердеевич.

Будучи подольским князем, Свидригайло в 1401 г. предъявил претензии на всю Подолию, выступив против польской оккупации Западной Подолии. Началось повсеместное восстание против польской власти. Свидригайло, провозглашенный князем всей Подолии, установил связь с восставшим против Литвы Смоленском. Стремясь укрепить свои позиции в борьбе с польско-литовской властью, он пошел даже на заключение договора с крестоносцами.

В течение трех лет продолжалось восстание на Подолии. Польско-литовское правительство вынуждено было пойти на значительные территориальные уступки Тевтонскому ордену, в 1401 г. начавшему военные действия против Литвы. Летом 1401 г. Польша подписала с орденом соответствующее соглашение. Это заставило Свидригайла смириться. Однако восстание на Подолии продолжалось еще значительное время. Польский историк Ян Длугош свидетельствует, что особенно упорно, до сентября 1404 г., сопротивлялось королевским войскам население Каменца-Подольского. Восставшие сложили оружие лишь после падения Смоленска (26 июня 1404 г.). Доходы от Подолии король отдал Свидригайлу, но последний остался номинальным господином Подолии: управление этой землей перешло к королевскому старосте.

Мир с крестоносцами и подавление восстаний в Смоленске и на Подолии позволили литовской власти расправиться также с восстаниями, вновь вспыхнувшими в 1405 г. в пограничных с Россией княжествах, в том числе в Северщине. Их возглавляли предводитель недавнего восстания в Смоленске князь Юрий, возвратившийся из Москвы, куда он бежал после насильственного отторжения Смоленска Литвой, стародубский князь Александр Патрикеевич и князь Александр Иванович Гольшанский. С помощью Русского государства восставшие надеялись добиться независимости от Литвы, но потерпели поражение. Гольшанский с группой бояр перешел на службу к московскому князю.

В Москве решил искать помощи в борьбе против польско-литовской вла-

сти и Свидригайло. Он установил сношения с московским князем, и слухи об этом дошли до Витовта. Стремясь предупредить очередной бунт, Витовт отправил к Свидригайлу своих бояр. Но было уже поздно: в июле 1408 г. Свидригайло сжег порученные ему Витовтом замки, заковал послов в кандалы и вместе со своими сподвижниками ушел в Москву. Среди них были брянский владыка, ряд черниговско-северских князей и бояр (черниговские, брянские, стародубские и др.)

Переход Свидригайла в Москву отражал настроения русского, украинского и белорусского населения Великого княжества Литовского, его тяготение к Русскому государству. Он был хорошо организован и предварительно согласован в Москве. Князь и его сообщники были приняты подчеркнуто хорошо. Свидригайлу были переданы в княжение Владимир-на-Клязьме, Переяславль, Юрьев-Польский, Волоколамск, Ржев и половина Коломны.

Свидригайло рассчитывал получить в Московском государстве поддержку и помощь в борьбе с королевской, а также великокняжеской властью. Кроме того, он стремился поднять свой политический престиж во всех русских землях, прежде всего в украинских землях Великого княжества Литовского, население которых было его главной опорой. Русское же правительство, передавая в распоряжение Свидригайла почти половину великого княжения Московского, рассчитывало не только удержать его в сфере своего влияния, но и побудить других князей Великого княжества Литовского последовать его примеру и таким образом ускорить процесс собирания русских земель.

Свидригайло пробыл в Московском государстве около года. В 1409 г. он снова появился в Великом княжестве Литовском, был прощен королем и Витовтом, но тем не менее сразу же приступил к организации нового заговора против Витовта. Узнав об этом, взбешенный Витовт с согласия короля заключил Свидригайла в тюрьму. Лишь через восемь с половиной лет, весной 1418 г., Свидригайло был освобожден из заточения в Кременецкой крепости группой заговорщиков во главе с украинскими князьями Дашком Острожским и Александром Носом.

Сразу же после этих событий феодалы Подолии, совсем недавно на протяжении нескольких лет пылавшей в огне освободительного восстания, по указанию короля были приведены к присяге Витовту.

После побега Свидригайло собрал отряд, насчитывавший до 500 всадников. Волынские бояре прислали ему еще около полутора сотен воинов. С этими небольшими силами Свидригайло взял Луцк, однако не смог в нем удержаться. Литовские правительственные войска подавили восстание, не допустив его распространения. Свидригайло с Дашком Острожским бежали в Молдавию и далее в Венгрию, на сей раз напрасно надеясь опереться в своей борьбе на международную поддержку.

Вскоре после этого, несмотря на возражения Витовта, Свидригайло был вновь прощен королем, как уже неоднократно случалось и прежде. Подобная политика королевской власти по отношению к бунтарской личности, самое имя которой вызывало подъем не только антилитовского, но и антипольского движения на Украине, в Белоруссии и даже в литовских землях, объясняется стремлением польского правительства противопоставить Свидригайла Витовту, который укрепил к этому времени Великое княжество Литовское и великокняжескую власть в нем и пытался упрочить независимость Литовского государства от Польши, а также удержать под литовским господством завоеванные Литвой украинские и белорусские земли.

Год спустя, в 1420 г., при посредничестве короля состоялось примирение Свидригайла с Витовтом. Свидригайло получил в княжение Чернигов, Новгород-Северский, Трубчевск и Брянск.

Между тем недовольство литовской властью на Украине не только не утихало, но все более нарастало. Сознание, что актом Городельской унии феодалам-католикам были дарованы большие сословные привилегии, бередило умы православных украинских феодалов. Отстраненные от участия в государственном управлении, они были готовы вести борьбу за равные с католиками политические права, стремясь гарантировать свои социальные привилегии — феодальные права на земельную собственность и эксплуатацию крестьянства. Православное украинское население выражало недовольство усиливавшимся национально-религиозным гнетом. И, наконец, главное: расширилась социальная база освободительного движения. Этому способствовала значительно возросшая эксплуатация широких народных масс, прежде всего крестьянства.

Освободительное движение в 30-е годы XV в. После смерти Витовта в 1430 г. на Украине поднялась новая волна освободительного движения против литовского и польского владычества. На ее гребне украинские, белорусские и русские феодалы Великого княжества Литовского выдвинули на великое княжение давнишнего вождя этого движения князя Свидригайла Ольгердовича. Немедленно выявились антипольские настроения нового великого князя: уже на церемонии инвеституры Свидригайло заявил Ягайлу и представителям польского правительства, что польско-литовская уния вредна для княжества и что он не является польским ленником, а великокняжеский стол принадлежит ему по праву наследования. Затем, опираясь на поддержку украинских, белорусских и частично русских феодалов, Свидригайло заменил размещенные в литовских городах польские гарнизоны верными ему войсками.

Перед лицом реальной угрозы разрыва польско-литовской унии польские феодалы перешли к решительным действиям. Их войска вторглись в Западную Подолию, выбили из Каменца гарнизон литовского старосты Довгерта и заняли Каменецкий замок. В ответ на оккупацию Западной Подолии польскими войсками литовские отряды заняли Городло, Збараж, Кременец и Олеско — крепости на Волыни, которыми владело Польское королевство.

Летом 1431 г. начался захватнический поход большой польской армии на принадлежавшую Великому княжеству Литовскому Восточную Волынь. Коронное войско продвигалось, преодолевая упорное сопротивление литовско-русских гарнизонов и населения. После продолжительной обороны местные жители покинули и сожгли Городло, Владимир и Збараж. Они уходили в окрестные леса, чтобы продолжать борьбу. Оккупанты беспощадно расправлялись с населением, оставляя после себя трупы и пепелища. Но, несмотря на террор, население Волыни и Подолии продолжало борьбу. Разрасталось партизанское движение. Один из наиболее крупных отрядов напал на шляхетское карательное подразделение, чинившее расправы над местными жителями под Брацлавом.

Подавление партизанского движения осуществляли крупные силы польско-шляхетского войска, в частности, на борьбу с ним было брошено шеститысячное войско во главе с мазовецким князем Яном Менжиком.

С течением времени освободительное движение против польско-шляхетского гнета все шире охватывало

Кольчуга, изготовленная на Украине. XV в.

и украинские земли, захваченные Польшей. Особенно активной была борьба в Западной Волыни, через которую проследовала на восток королевская армия летом 1431 г. Князья украинского происхождения примыкали к освободительному движению. Жители королевских крепостей на этих украинских землях помогали литовско-русским войскам овладевать замками. При их содействии, например, перешел под контроль повстанцев находившийся в тылу польских войск королевский замок Ратно. Ширилось партизанское движение. Один из повстанческих отрядов, действовавший в Белзской и Холмской землях, насчитывал более 340 человек.

Освободительное движение охватило также Галичину. Опорным пунктом борьбы против польско-шляхетских захватчиков стал Олеско. Отсюда отряды, возглавляемые местным старостой Иваном Преслужичем, нападали на польские гарнизоны в окрестных городах. Укрепившись в замке Буска, восставшие крестьяне и горожане создали угрозу коммуникациям королевского войска. Поднявшееся на борьбу с оккупантами население разрушало католические храмы.

К концу июля оккупанты заняли все крепости Белзской земли, кроме все еще оборонявшегося Олеско. 31 июля польское войско подошло к Луцку. Защищавшие Луцк литовско-русские войска под командованием Свидригайла отступили, оставив в крепости около 4 тыс. ратников во главе с воеводой Юршей. Началась осада замка. Несколько раз королевское войско, используя метательные орудия, предпринимало штурм. Стены крепости были проломлены, но ее защитники не сдавались. Более того, они совершали неожиданные дерзкие вылазки. В стане врагов находились сочувствующие осажденным. Они передавали в крепость еду и боеприпасы.

Мужественная оборона Луцка и партизанское движение местного населения остановили захватчиков. В этих условиях польская сторона стала добиваться перемирия. Оно было заключено 26 августа 1431 г. сроком на два года. Западная Подолия

закреплялась за Польшей, Волынь — за Великим княжеством Литовским. Однако Великое княжество Литовское не было намерено идти на территориальные уступки Польше. Свидригайло решительно готовился к продолжению войны, собираясь вернуть Литве Западную Подолию.

Освободительное движение на Украине в этот период слилось с феодальной по своему характеру войной за великокняжеский стол. Удельный князь Свидригайло, считавший, что он имеет на него наследственное право, стремился использовать подъем освободительной борьбы на Украине для осуществления своих честолюбивых замыслов. Придя к власти, он опять воспользовался подъемом освободительного движения на Украине для восстановления независимости Великого княжества Литовского, а также для отвоевания у Польши принадлежавших прежде Литве украинских земель. Литовские феодалы также поддерживали Свидригайла, так как были заинтересованы в сохранении и упрочении своего господства на Украине и в Белоруссии. Все это сделало королевскую власть активной пособницей политического противника Свидригайла в борьбе за великокняжеский стол — Сигизмунда Кейстутовича, который стал великим князем 1 сентября 1432 г. в результате переворота. Уже 15 сентября, подписывая новый акт польско-литовской унии, Сигизмунд «отблагодарил» королевскую власть за политическую и военную поддержку украинскими землями: он официально признал передачу Польше Западной Подолии и спорных пограничных волынских земель с замками Олеско, Ратно, Ветлы и Лопатино.

После переворота, приведшего к власти Сигизмунда Кейстутовича, Свидригайло и его сторонники обратили свои усилия на борьбу против войск нового великого князя. Основные события этой борьбы развернулись на территории Литвы. Тем не менее освободительное движение на Волыни и Подолии, где пытались утвердиться польские феодалы, еще некоторое время продолжалось. На Подолии его возглавлял брацлавский наместник князь Федько, а на Волыни — луцкий наместник князь Александр Нос. В борьбе против центральной польско-литовской власти, в частности в боевых действиях на Подолии, участвовали и киевские войска во главе с киевским воеводой князем Владимиром. Постоянным союзником и помощником Свидригайла оставался тверской князь. Дружественные отношения руководители освободительного движения на Украине поддерживали и с Московским княжеством. Благодаря этому в военных походах Свидригайла участвовали московские и тверские войска во главе с князем Ярославом.

Несмотря на внешнюю помощь, военные силы Свидригайла, а также повстанческие ополчения Волыни и Подолии стали терпеть поражения. Из Польши прибывали все новые правительственные войска. Волынь и Подолия были опустошены. В конце 1432 г. объединенным силам краковских, мазовецких, дубровицких и других шляхетских отрядов удалось, наконец, захватить Олеско. По приказанию короля шляхетские войска двинулись в Восточную Подолию и вскоре заняли местные замки. Последний из них, Брацлав, вместе с посадом был сожжен повстанцами, не имевшими достаточно сил для успешной защиты. Однако борьба продолжалась. 30 ноября 1432 г. отряд повстанцев атаковал правительственные войска, возвращавшиеся в Польшу. Ожесточенный бой шел с переменным успехом. Повстанцы, руководимые опытным воином князем Федько, напали на врагов во время их переправы через р. Мурафу. В захваченном врасплох шляхетском войске началась паника. Успех уже

склонялся на сторону повстанцев. Бросив обоз, шляхтичи обратились в паническое бегство. Но в это время к переправе неожиданно подошел крупный отряд правительственных войск. Повстанцы вынуждены были спешно отступить.

8 декабря 1432 г. под Ошмяной в битве с великокняжескими войсками во главе с Сигизмундом потерпел поражение Свидригайло. Однако силы, выступавшие против польско-шляхетского нашествия на Украину и центральной великокняжеской власти, еще не были исчерпаны. Не прекращалась партизанская война против оккупационных польских правительственных войск на Волыни и Подолии. Ряды защитников Волыни пополнялись. В мае 1433 г. волынские войска под руководством Носа разбили значительный шляхетский отряд, захватив около 500 пленных. Федько вновь восстановил контроль над Брацлавщиной и вел непрекращающуюся партизанскую войну против правительственных войск на всей территории Подолии. К успехам этого времени относится дерзкое нападение повстанцев на гарнизон Каменца-Подольского, в результате которого попал в плен командир гарнизона каменецкий староста Теодор Бучацкий.

Силы повстанцев настолько возросли, что это позволило им, объединившись, совершить поход к Берестью. Они осадили замок, в котором укрылся отряд шляхетских войск и правительственный гарнизон. Это создало угрозу польско-шляхетскому господству не только в Полесье, но и в соседней Черной Руси, где оживились антипольские настроения. По указу короля было объявлено посполитое рушение — всеобщая мобилизация. С подходом крупных сил противника повстанцы сняли осаду Берестья и отступили. Вскоре отряды Носа в битве под Грубешевом в Холмской земле потерпели поражение от правительственных войск, руководимых Грицко Кердеевичем. Однако это не отразилось на общей обстановке на Волыни и Подолии.

Положение изменилось позже, к 1434 г. Пытаясь усилить свои позиции, заручившись поддержкой в католическом мире, в частности, укрепив свои отношения с Тевтонским орденом и Германской империей, Свидригайло обещал папе помощь в заключении унии православной церкви с католической. Это вызвало недовольство православного населения Великого княжества Литовского. Свидригайло неоднократно привлекал к участию в своих военных операциях татар, смерчем проносившихся по украинской земле. И это тоже значительно сужало круг его приверженцев.

Решающим образом повлияло на судьбы освободительного движения на Украине расширение великокняжескими и королевскими привилеями 1432 и 1434 гг. прав и свобод православных феодалов. Уравнение православных феодалов в основных правах с феодалами-католиками удовлетворяло их классовые интересы, и они стали постепенно отходить от освободительного движения. В 1435 г. в Смоленске в среде православных феодалов против Свидригайла был составлен заговор. Дикая расправа, учиненная по приказу Свидригайла над одним из организаторов этого заговора — митрополитом Герасимом, которого сожгли заживо, еще более поколебала авторитет князя среди его православных сторонников и умножила число противников. Наконец, на освободительном движении на украинских землях отрицательно сказалась продолжительная борьба Свидригайла за великокняжеский стол. Она отвлекала с Украины значительные военные силы, что вело к ослаблению сопротивления польским захватчикам на Волыни и Подолии. Такой была обстановка, когда 1 сен-

тября 1435 г. близ Вилькомира на р. Свенте произошла решающая битва между польско-литовскими правительственными войсками и войсками Свидригайла. Армия Свидригайла была разгромлена. Погибли 13 украинских и белорусских князей, 42 попали в плен. Свидригайло с единственным оставшимся при нем князем и тремя десятками воинов спасся бегством и укрылся в Полоцке.

Некоторое время под властью Свидригайла все еще оставалась Чернигово-Северщина, Киевщина, Восточная Подолия, Луцкая и Кременецкая земли Волыни. Стремясь упрочить здесь свое положение, Свидригайло обратился к польскому правительству с предложением принять его вместе со всеми украинскими землями в вассальную зависимость. Однако польская сторона не решилась на этот шаг, чтобы не нарушить польско-литовского государственного союза, укрепившегося в борьбе против освободительного движения украинского народа. Вскоре украинские земли перешли под власть Сигизмунда. Свидригайло удержал только Луцк, подписав в июне 1440 г. документ, ставивший его в вассальную зависимость от короля. Дальнейшие события показали, что эта зависимость была формальной, и польским феодалам в то время не удалось подчинить Луцкую землю своей власти.

Западная Подолия окончательно перешла под власть Польши и была превращена в отдельную провинцию. Привилеем короля Владислава III от 1434 г. на Подолии вводилось польское право, а подольская шляхта уравнивалась в правах со шляхтой коронных земель. Несмотря на это, польская шляхта заняла здесь господствующее политическое и экономическое положение, оттеснив местных феодалов на второстепенные позиции. Одновременно ширилось наступление католицизма.

«Заговор князей» 1480—1481 гг. В период существования восстановленных Киевского и Волынского княжеств (40—60-е годы XV в.) местные украинские феодалы, возглавляемые удельными князьями, прежде всего киевскими, старались ослабить зависимость украинских земель от центральной великокняжеской власти. Более того, они стремились к объединению украинских, белорусских и русских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского, в независимое от Литвы Русское княжество. Киевские князья стали выразителями интересов тех кругов украинских, белорусских и части литовских феодалов, которые выступали против унии с Польшей, за политическое сближение с Московским великим княжеством. В это время в пределах Киевского княжества и Чернигово-Северской земли находили убежище вынужденные эмигрировать видные польские сторонники московского князя Василия II, а также его татарские союзники.

Ко второй половине XV в. созрели социально-экономические предпосылки для окончательной ликвидации удельных княжеств в Великом княжестве Литовском. Проводя изменения в политико-административном устройстве Украины, великокняжеская администрация стремилась укрепить здесь власть литовских феодалов. В этих условиях начался новый этап освободительного движения. Он характеризуется усилением ориентации украинского, белорусского и русского населения Великого княжества Литовского на Русское государство. Со стороны московского правительства стремление к объединению в составе Московского княжества украинских, белорусских и русских земель, находившихся под властью Великого княжества Литовского, проявлялось в поддержке феодалов этих

земель, участвовавших в освободительном движении.

В 1471 г., после смерти киевского князя Семена Олельковича, для укрепления на территории Киевщины литовской власти Киевское княжество было ликвидировано, воеводой в Киев был назначен литовский пан Мартин Янович Гаштовт. Однако киевляне отказались подчиниться католику-литвину и не допустили его в город. Они просили короля назначить воеводой в Киев Михаила Олельковича, брата умершего князя, или другого православного князя. Обстановка обострилась настолько, что литовской власти пришлось утверждаться здесь силой: литовские войска овладели городом штурмом.

Лишение Михаила Олельковича права занять киевский стол (и даже стать здесь наместником) явилось королевской местью князю за его промосковскую ориентацию во время борьбы между Великим княжеством Литовским и Московским княжеством за влияние в Новгороде. По поводу причины лишения Олельковичей киевского княжения в литовской столице говорили: «Дед их, князь Владимир, бегал на Москву и тем пробегал отчину свою Киев» [1]. После возвращения на Киевщину Михаил Олелькович и служивший с ним в Новгороде Иван Ольшанский, опираясь на широкие слои местного населения, стремившегося противостоять натиску польско-литовских феодалов и католической церкви, продолжали ориентироваться на Московское княжество.

Михаил Олелькович стал одним из организаторов так называемого «заговора князей» 1480—1481 гг., целью которого было свержение литовского господства на Украине. В Софийской летописи об этом заговоре сказано: «Того же лета бысть мятежь в Литовской земле: восхотеша вотчичи, Ольшанской, да Оленкович, да князь Федор Белской, по Березыню реку отсести на великого князя (московского.— *Ред.*)» [1]. Есть сведения, однако, что заговорщики имели намерение включить в состав Русского государства значительно большую, чем указано в летописи, территорию украинских, белорусских и русских земель, находившихся под властью Литвы.

Несмотря на родственные связи между Олельковичами и Иваном III, заговор не носил династического характера. Он был следствием широкого народного движения на Поднепровье, направленного против господства литовских феодалов, и исторически обусловленного тяготения украинского народа к объединению с русским в составе единого государства.

Заговор готовился втайне. Исторические источники конца 70-х годов содержат свидетельства того, что по поводу предстоящего присоединения украинских земель к Московскому княжеству происходили активные переговоры между князьями — организаторами заговора и Иваном III и к этому событию велась деятельная дипломатическая подготовка.

Однако «заговор князей» был раскрыт. Узнав об этом, Федор Бельский с некоторыми из своих сподвижников бежал в Москву. Михаил Олелькович и Иван Ольшанский были схвачены и казнены в августе 1481 г. План воссоединения юго-западных и западных русских (украинских и белорусских) земель с северо-восточными в составе Русского государства на этот раз не осуществился.

Угроза господству литовских феодалов на Украине была настолько реальной и серьезной, что нарушила все внешнеполитические планы королевского правительства на 1481 г.

[1] Цит по кн.: *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. М., 1939, т. 2, с. 151.

[1] ПСРЛ, т. 6, с. 233.

Король, располагавший информацией о настроениях на Поднепровье, вынужден был отказаться от предполагавшегося ранее совместного с Крымским ханством выступления против Русского государства, опасаясь потерять в ходе войны украинские земли.

Таким образом, освободительное движение на украинских землях против власти литовских и польских феодалов, причиной которого был все усиливающийся социальный и национально-религиозный гнет, прошло в своем развитии несколько этапов.

Вплоть до середины XVI в. освободительным движением руководили и использовали его в своих классовых интересах украинские феодалы. В конце XIV в. это были удельные князья, сопротивлявшиеся королевской и великокняжеской политике ликвидации удельных княжеств в юго-западных русских землях. Последней попыткой князей реставрировать удельно-княжеский строй на украинских землях явилось восстание Глинского в 1508 г.

Однако, несмотря на то что местные феодалы использовали освободительное движение в своих узкоклассовых целях — для достижения безраздельного господства на украинских землях, оно опиралось на достаточно широкую социальную основу. Именно поэтому народное восстание на Подолии 1401—1404 гг., ставшее наиболее яркой страницей освободительной борьбы против литовских и польских феодалов начала XV в., не могло быть подавлено в течение более чем трех лет.

В 30-е годы XV в. освободительное движение на Украине переживало новый подъем. В это время оно было направлено главным образом против польских феодалов, оккупировавших летом 1431 г. Волынь. Районами всенародного восстания против захватчиков стали Волынь и Подолия. Восстание было подавлено лишь в 1434 г.

Освободительное движение народных масс украинских земель против иностранного господства во второй половине XIV — первой половине XVI в. основывалось на сохраненном ими со времен Древнерусского государства сознании их этнического родства с населением русских и белорусских земель и тяготении широких народных масс Украины к создавшему Русское государство русскому народу. Оно проявлялось в массовых переселениях в пределы России, а также в том, что руководители освободительного движения, выражая стремления народа, всякий раз обращались за помощью к России. Уже в этот ранний период освободительное движение характеризуется стремлением украинского народа к воссоединению с русским в едином государстве. Ярким проявлением этого стремления стал так называемый «заговор князей» 1480—1481 гг. Освободительная борьба на рубеже XV и XVI вв. увенчалась воссоединением Чернигово-Северских земель с Россией.

Движущей силой освободительной борьбы конца XIV — первой половины XVI в. было украинское крестьянство, больше других слоев населения страдавшее от усиливавшегося национального и социального гнета. В своей освободительной борьбе русское, украинское и белорусское население, находившееся под властью Великого княжества Литовского, выступало против польско-литовской власти, за воссоединение с Россией единым фронтом.

3. АНТИФЕОДАЛЬНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ НАРОДНЫХ МАСС

Жалобы крестьян и отказ от выполнения феодальных повинностей. С усилением феодально-крепостнического гнета росло антифеодальное движение народных масс. Острая классовая борьба между феодально зависимыми крестьянами и феодалами-крепостниками была характерной чертой феодального общества. Крестьяне боролись за то, чтобы сбросить с себя ярмо крепостничества, ликвидировать феодальную зависимость в любых ее формах и проявлениях и стать свободными. Указывая на закономерность гражданских войн, т. е. войн угнетенных против угнетателей, В. И. Ленин подчеркивал «прогрессивность и необходимость... войн угнетенного класса против угнетающего... крепостных крестьян против помещиков» [1].

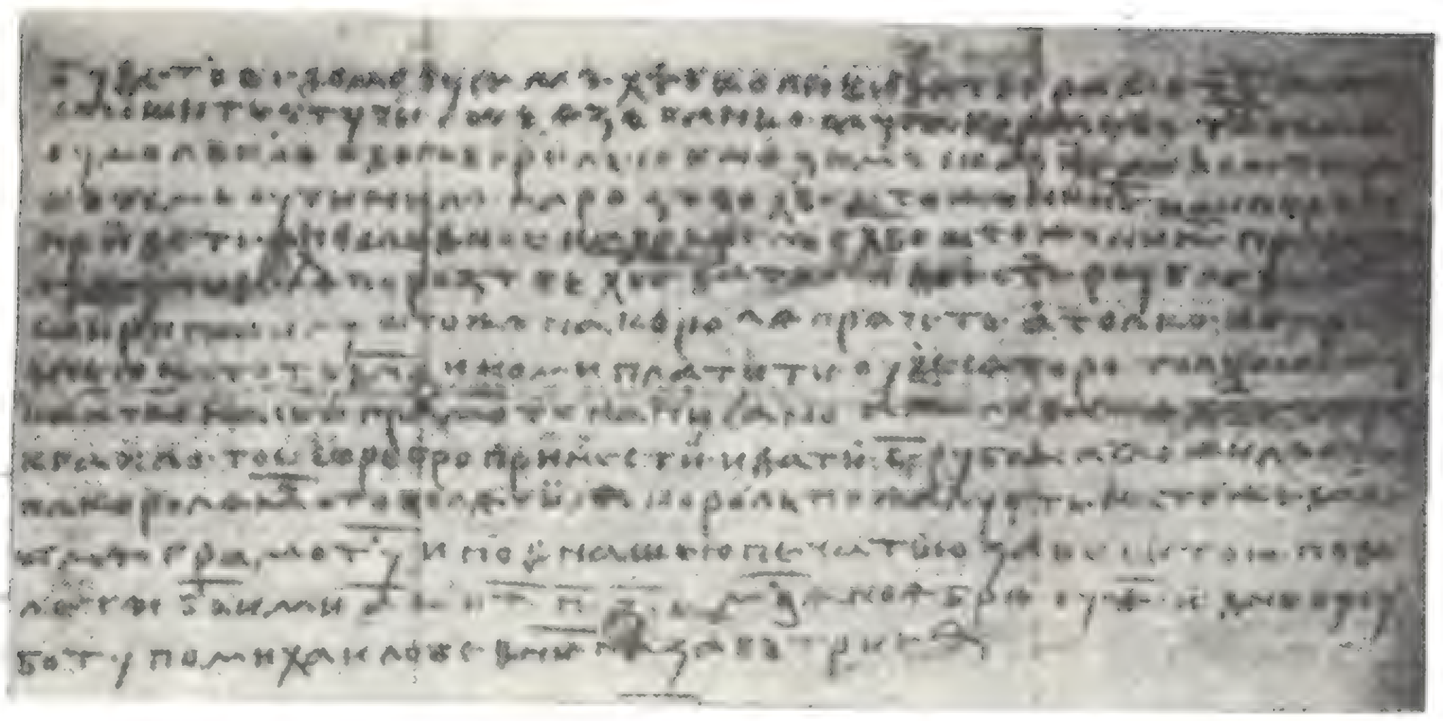
Классовая борьба крестьянства проявлялась в самых разнообразных формах: подаче жалоб, побегах, потравах посевов и порубках лесов, захватах и поджогах панского имущества, нападениях на отдельных феодалов, а также их слуг, вооруженных выступлениях в одном или нескольких пунктах и, наконец, массовых выступлениях.

В XIV—XVI вв. одной из наиболее распространенных форм антифеодального протеста явилась подача крестьянами жалоб в местные и высшие государственные органы. Крестьяне жаловались на произвол феодалов, управляющих имениями, на арендаторов, которые незаконно увеличивали бремя феодальных повинностей, забирали имущество, жестоко издевались над подданными. Они жаловались также на чиновников различных рангов, обвиняя их в несправедливости при рассмотрении дел в судах, в том, что они защищают интересы магнатов и шляхты. До нас дошло немало подобных документов, где подробно говорится о тяжелом положении зависимых крестьян, произволе и издевательствах магнатов и шляхты. Однако, как правило, жалобы оставались без последствий или же власти выносили решения в пользу тех, на кого крестьяне жаловались.

Поток крестьянских жалоб, особенно в Галичине, на Волыни и Подолии, непрерывно нарастал В начале XVI в. он достиг таких размеров, что в 1518 г. польский король и великий князь литовский Сигизмунд I Старый издал специальное распоряжение о запрещении крестьянам жаловаться на панов.

Убеждаясь на собственном опыте, что жаловаться властям бесполезно, поскольку они защищают интересы эксплуататоров, крестьяне стали все чаще прибегать к более решительным действиям. Прежде всего участились случаи отказа от выполнения различных феодальных повинностей, особенно нововводимых или увеличенных. Так, уже в середине XIV в. на Закарпатье крестьяне в массовом порядке отказывались отбывать повинности в пользу феодалов, в связи с чем венгерский король Людовик в 1351 г. вынужден был произвести «унификацию» повинностей, несколько упорядочив их. В 1457 г. на Закарпатье прокатилась повая волна крестьянских волнений, в частности в Шаришском и Земплинском комитатах. Крестьяне отказывались выполнять барщину и другие повинности, вносить разного рода платежи, произвольно установленные феодалами налоги. Вооруженные крестьяне прогоняли сборщиков налогов и панских слуг. Они единодушно требовали «взимать дани по справедливости»,

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 311.



Грамота о сборе податей в Перемышльской земле. Конец XIV в.

не препятствовать свободному отходу «по старому обычаю». В некоторых селах протест крестьян вылился в стихийные вооруженные выступления. Одновременно народные массы выступали и против усиления католической экспансии. Массовый отказ от выполнения феодальных повинностей имел место в конце XV — начале XVI в., во время русско-литовских войн, на Черниго-во-Северщине. Местное украинское население резко выступило против администрации Великого княжества Литовского и литовских войск, активно поддерживало русскую армию. Во время выступления в 1508 г. группы украинско-белорусских феодалов, возглавляемых М. Глинским, против великого князя литовского, за воссоединение с Русским государством сельское и городское население украинских и белорусских земель, особенно Поднепровья, отказывалось от выполнения феодальных повинностей и проявляло неповиновение местной администрации.

Крестьянские побеги. Одной из наиболее распространенных форм классовой борьбы на Украине в XV — первой половине XVI в. являлись побеги крестьян от угнетателей. Чаще всего крестьяне бежали из западных районов — Волыни, Галичины, Западной Подолии, где феодально-крепостнический гнет был намного сильнее, чем на южных и восточных землях Украины. Крестьянские побеги, особенно усилившиеся в первые десятилетия XVI в., вели к потере феодалами даровой рабочей силы зависимых крестьян, а это сказывалось на их хозяйствах.

Феодалы восточных и южных земель, заинтересованные в притоке рабочей силы, стремились привлечь в свои имения беглых крестьян обещаниями различных льгот. Так поступали не только отдельные феодалы, но и управляющие имениями и замками великого князя литовского, которому принадлежали огромные земельные владения на Украине, особенно в малозаселенных районах. Более того, остро нуждаясь в дополнительных рабочих руках, феодалы Восточной и Южной Украины посылали в западные местности своих агентов, которые уговаривали крестьян переселяться к новым панам на льготных условиях. Это вызывало недовольство феодалов, из имений которых бежали крестьяне. Часто они обращались с жалобами к королю польскому и великому князю литовскому и настоятельно требовали, чтобы он запретил принимать беглых крестьян. В 1457 г. великий князь литовский издал грамоту, в которой обязался не принимать в свои владения беглых крестьян. Кроме того, в судебник Казимира IV (1468) была внесена специальная статья, предусматривающая максимальное наказание лицам, сманивавшим крестьян:

«А который будеть люди выводити, а любо (особенно.— *Ред.*) челядь невольную, а хватить съ челядью того на шибеницю» [1].

Но никакие законы и угрозы не могли удержать крестьян, которые не желали примириться с ухудшением своего положения и ограничением прав. Все больше крестьян бежало из панских имений. Бывали случаи, когда они применяли силу, иногда даже убивали своих господ. В связи с этим великий князь литовский Александр в 1501 г. издал специальный привилей феодалам-землевладельцам Волынской земли, приказав вешать тех крестьян, которые перед побегом убивали ненавистных панов.

В первой половине XVI в., с развитием фольварочного хозяйства и дальнейшим усилением эксплуатации крестьянства, побеги в восточные и южные районы Украины стали приобретать массовый характер. Это вынуждены были отметить даже королевские чиновники, составлявшие в 1545 г. люстрацию (описание) Винницкого замка. Чиновники требовали, чтобы брацлавские паны «жодних людей будь отчичей или неотчичей от волынцев и подолян не принимали», а бежавших обязательно выдавали под угрозой потери имений.

Крестьяне и частично городские жители бежали преимущественно в малозаселенные юго-восточные и южные районы Украины. На рубеже XV и XVI вв. основная масса беглецов-переселенцев оседала в южной части Киевского и Брацлавского воеводств, а также на Левобережье, где феодальный гнет был значительно слабее по сравнению с другими землями. Именно в это время началось интенсивное заселение, в основном беглыми крестьянами, Переяславщины. Здесь было вновь основано и возобновлено много поселений. Увеличивалось население и в старых поселениях.

[1] АЗР, т. 1, с. 83.

В малозаселенные местности Украины бежали не только украинские крестьяне, но и белорусские и литовские, даже из окрестностей Вильнюса.

Многие беглецы направлялись в пределы Русского государства. Вместе с русскими крестьянами они осваивали земли Слобожанщины и Дона. Русские и украинские поселенцы также вместе боролись против татарских агрессоров, вместе выступали против феодалов. В одной из грамот путивльского воеводы за 1546 г. сообщалось великому князю московскому: «Ныне, государь, казаков на Поле много: и черкасцов, и киян, и твоих государевых, вышли, государь, на Поле из всех украин» [1].

Переселение в пределы Русского государства вызывали и частые русско-литовские войны, тяжким бременем ложившиеся на плечи крестьян и горожан. Так, во время русско-литовской войны 1533—1537 гг. свыше 300 семейств бежало из Великого княжества Литовского и поселилось в пределах Русского государства. Совместное освоение новых земель, борьба против внешних и классовых врагов способствовали сближению и развитию дружбы трудящихся масс трех братских народов — русского, украинского и белорусского.

В XIV—XV вв. происходили массовые переселения украинцев в горные местности Буковины, особенно в район между Прутом и Сиретом, издревле принадлежавшие восточным славянам. Проникали сюда и молдаване.

Население тех районов, куда прибывали беглые, встречало их радушно, нередко укрывало от преследователей. Так, в 1547 г. жители местечка Янушполь Киевского воеводства напали на управляющего, посланного вернуть своему господину

[1] Историческое описание земли Войска Донского. 2-е изд. 1903, т. 1, с. 3.

беглых крестьян, которым янушпольцы дали пристанище.

Беглые крестьяне составляли наиболее свободолюбивую и непокорную часть местного населения. Поселяясь на новых землях, беглецы обычно считали себя вольными людьми или казаками и решительно отказывались от выполнения каких-либо феодальных повинностей. Пополняя ряды местного населения — крестьян, казаков, горожан, недовольных наступлением феодалов, беглые организовывали вооруженные отряды, нападали на панские имения, на их владельцев и чиновников. Феодалы Винничины жаловались, что под влиянием беглых крестьян подданные крестьяне отказываются работать на своих панов и местные шляхтичи живут в постоянном страхе, ожидая от них всяких бед.

Оседая на новых землях, беглые крестьяне основывали свое хозяйство и вели его так же, как и на прежних местах жительства. Стимулом для развития крестьянского хозяйства на местах нового поселения было то, что крестьяне освобождались, хотя и на время, от гнета и произвола феодалов.

Некоторые крестьяне, в основном сельские ремесленники, бежали в города, главным образом в великокняжеские и королевские, особенно в те, которые пользовались магдебургским правом. Согласно Первому Литовскому статуту 1529 г., беглый крестьянин мог стать свободным, лишь прожив в городе не меньше десяти лет. Большинство беглых в городах попадало в положение бедных и бесправных людей, батраков и внецеховых ремесленников. Литовское великокняжеское и польское королевское правительства, ограничивавшие рост и развитие украинских городов, запрещали городским властям принимать беглых крестьян. Чаще всего они жили в городских пригородах. В конце XV в. великий князь литовский и король польский Александр приказал киевскому воеводе Д. Путятичу сообщать о прибывших в город казаках и крестьянах. За оказание помощи беглым киевские мещане должны были платить значительный штраф, но все же они продолжали оказывать им помощь. Никакие запреты и репрессии не могли прекратить крестьянские побеги. Они становились все более массовыми.

Вооруженные выступления крестьян. Установление иноземного господства на украинских землях, рост закрепощения крестьян и в результате этого резкое ухудшение их положения вызывали все более мощный стихийный протест народных масс. Главный производительный класс феодального общества — крестьянство не прекращало борьбы против усиления феодальной эксплуатации. «Вся эпоха крепостного права...,— отмечал В. И. Ленин,— полна постоянных восстаний крестьян» [1].

Доведенные до отчаяния непосильным гнетом, нищетой, крестьяне брались за оружие. Они нападали на дворы феодалов, забирали хлеб, скот, сжигали постройки, убивали землевладельцев. В документах того времени зафиксированы такие формы антифеодальной борьбы крестьян, как «кгвалты», «наезды», грабежи, поджоги, убийства. Феодальное законодательство стремилось защитить права землевладельцев. Согласно Литовскому статуту 1529 г., смертной казни предавался каждый, кто «на чий дом умыслене наехал, хотячи его забыти, або кгвалтом, а моцью, а в том бы дому кого-колвек ранил або забыл, або хотя и не ранил никого, толко нашел кгвалтом тот шию тратить» [2]. Но ни угроза смертной казни, ни жестокие расправы феода-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 77.

[2] Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Минск, 1960, с. 84.

лов над крестьянами не могли приостановить антифеодальные выступления.

Характерной особенностью антифеодальной борьбы на украинских землях было соединение ее с освободительной. Захват украинских земель феодалами Польши, Венгрии, Молдавии, насильственное насаждение католицизма еще более обостряли классовые противоречия. Постоянная борьба народных масс против феодалов не прекращалась в Галичине и Подолии. В первой четверти XIV в. мощным крестьянским движением было охвачено Закарпатье. Его использовали некоторые феодалы, находящиеся в оппозиции к королю. Один из них — Петр Петрович (Петуня) возглавил восстание. Крестьянские отряды под его руководством совершали нападения на имения венгерских и украинских феодалов, разрушали их замки, убивали ненавистных эксплуататоров. Восстание продолжалось несколько лет и только в 1322 г. совместными усилиями венгерских и украинских феодалов было подавлено, а оплот повстанцев — Невицкий замок — захвачен и разрушен.

На Подолии значительный размах приобрело восстание крестьян, вызванное вторжением польских войск, опустошавших край и совершавших насилия над населением. Восстание началось в Бакотской области в 1431 г. Крестьяне отказались выполнять феодальные повинности и объявили себя свободными. Их борьба продолжалась до 1434 г. Подобные выступления имели место и в районе Летичева.

Самое крупное восстание, вызванное усилением феодального и национально-религиозного гнета, вспыхнуло в Белзской земле. В конце XIV в. эта территория попала под власть мазовецких князей. На рубеже XIV и XV вв. сюда устремилась польская шляхта, а вместе с ней и служители католической церкви, насильственно насаждавшие католицизм, превращая православные церкви в костелы. В их руки перешли значительные земельные владения, отобранные у крестьян. Шляхта закрепощала крестьян, в результате чего быстро увеличивалось число «невольных людей», полностью зависевших от владельцев земли. Недовольство крестьян всеми этими действиями вылилось в значительное по размаху восстание. В июне 1431 г. повстанцы, использовав благоприятную ситуацию — отсутствие королевских войск, участвовавших в это время на Волыни в борьбе против Свидригайла, заняли несколько городов, много сел, нападали на имения польской шляхты. Размах восстания вынудил польского короля обратиться к шляхте Русского воеводства с призывом оказать ему помощь. Вскоре шеститысячный отряд хорошо вооруженной шляхты разгромил разрозненные и плохо вооруженные крестьянские отряды. С Белзской земли восстание перебросилось на Холмщину, но не приобрело здесь большого размаха и вскоре также было подавлено.

В XV в. в Прикарпатье действовали небольшие крестьянские вооруженные отряды, укрывавшиеся в горах. Они нападали на имения феодалов и шляхты, забирая их имущество. Нередко такие отряды переходили в Закарпатье, находившееся под властью Венгрии, и там при поддержке местного населения продолжали борьбу против феодалов.

Значительное антифеодальное выступление крестьян, вызванное насильственным захватом польскими феодалами крестьянских земель, произошло в Галицкой земле в 1469 г. Крестьяне вынуждены были покидать обжитые места, уходить в трудные для хозяйственного освоения районы Прикарпатья.

Вооруженные отряды крестьян, возглавляемые Львом, действовали в

1457 г. на Буковине. Для подавления этого восстания объединили свои усилия молдавские и польские феодалы, договорившиеся казнить руководителя восстания и его участников.

Крестьянское восстание под руководством Мухи. Высшим проявлением классовой борьбы в эпоху феодализма были крестьянские восстания и войны. Эти массовые движения, охватывавшие значительную территорию, потрясали основы феодального общества. Доведенные до отчаяния жестоким социальным гнетом, крестьяне брались за оружие, надеясь с его помощью улучшить свое положение, добиться свободы. В конце XV в. широкий размах приобрело крестьянское восстание под руководством Мухи. Оно началось на территории Северной Буковины, входившей в состав Молдавского княжества, и распространилось на Покутье и некоторые районы Галичины. На этих землях в конце XV в. происходило обезземеливание крестьян, увеличивалось количество повинностей и их размеры, все шире вводилась отработочная рента. Крестьянские хозяйства разрушались во время татарских набегов. Тяжелым бременем на плечи народных масс ложилась борьба между Молдавским княжеством и Польшей за владение пограничными украинскими землями. На усиление феодального гнета крестьяне ответили массовым восстанием, начавшимся в 1490 г. Современник событий перемышльский епископ Ян из Торговиска писал в своей хронике, что «какой-то Муха из Молдавии за короткое время собрал войско в 9 тысяч человек из крестьян и вторгся на Русь возле Снятина, занял его, покорил много городов и сел вплоть до Галича» [1].

[1] Цит. по кн.: *Грабовецький В. В.* Селянське повстання на Прикарпатті під проводом Мухи 1490—1492 років. Львів, 1979. Додатки, с. 112.

Восстание носило ярко выраженный антифеодальный характер. Крестьяне расправлялись с угнетателями, жгли их замки, поместья, забирали имущество. Участник позднейшего похода Тевтонского ордена к границам Молдавии (1497) Наккер записал в своем дневнике, что «паны потеряли все свое имущество и, не имея ничего, вынуждены были просить милостыню». Восстание приобрело такой размах, что польский король призвал шляхту к посполитому рушению — всеобщему выступлению против восставших. Не надеясь на свои силы, он обратился за помощью к Тевтонскому ордену.

Крестьянские отряды, освободив Покутье, перешли Днестр возле Рогатина. Здесь польско-шляхетское войско во главе с львовским каштеляном Н. Ходецким нанесло поражение восставшим. Большая часть повстанцев погибла в бою, многие утонули в Днестре. Мухе, как пишет Ян из Торговиска, удалось спастись. Выступление крестьян продолжалось и в следующем 1491 г.

В хронике Яна из Торговиска есть сведения о том, что в 1491 г. в Галичине действовал отряд повстанцев под руководством Андрея Борули. Он выдавал себя за родственника польского короля Казимира IV, который якобы незаконно лишил его наследства. В молдавских источниках имеются сведения, что отряд Борули был разбит, а сам он схвачен и казнен в Хотине. Возможно, Андрей Боруля был одним из соратников Мухи. Существует также предположение, что Андрей Боруля и Муха — одно и то же лицо. Характерно, что польский хронист М. Кромер не упоминает имени Андрея Борули, а пишет, что восстание под руководством Мухи, начавшееся в 1490 г. при польском короле Казимире IV, продолжалось и при его наследнике Яне Ольбрахте, ставшем королем в 1492 г. В этом году Муха начал собирать

новые силы, но польская шляхта выследила и разгромила его отряд. Муха был схвачен и отправлен в Краков, где вскоре умер.

Выступление крестьян под руководством Мухи по времени совпало с возникновением казачества, формировавшегося в основном из беглых крестьян. Историки и мемуаристы XVI—XVII вв. называли Муху казаком и считали восстание под его руководством крестьянско-казацким.

Восстание 1490—1492 гг. в истории украинского народа было первым массовым антифеодальным движением, охватившим значительную территорию. В нем наряду с украинскими крестьянами принимали участие молдавские «хлопы и лотры из Волощины и Руси». Как социальный состав повстанцев, так и методы их борьбы — нападения на феодалов, поджоги, разорение поместий — свидетельствуют об антифеодальной направленности этого крестьянского восстания. Для него, как и для всех классовых битв эпохи феодализма, характерны стихийность, локальность, разобщенность действий. В борьбе против общих врагов украинские и молдавские крестьяне объединяли свои усилия, что является ярким примером классовой солидарности трудящихся масс разных национальностей.

Крестьянская война 1514 г. в Венгрии и участие в ней населения Закарпатья. В конце XV — начале XVI в. в Венгрии резко возрос феодально-крепостнический гнет: увеличились феодальные повинности, особенно оброк, усилилось закрепощение крестьян, издевательства над ними и произвол помещиков.

К. Маркс дал всестороннюю характеристику Венгерскому королевству кануна крестьянской войны 1514 г. Он подчеркивал, что «при Владиславе в Венгрии *господствовали магнаты*,... магнаты были богаты, король беден; страной управляли *помещики*, дворяне (имевшие в своих руках *судебную власть*) и прелаты; из податей, взимаемых с сословий, лишь немного попадало в *государственную казну;* прелаты и бароны взапуски грабили ее, обогащая свои семьи и т. д.; [происходила] *легкомысленная раздача государственных имуществ*, постоянные внутренние усобицы между магнатами, баронами и прелатами» [1].

В очень тяжелом положении находились трудящиеся массы Словакии и Закарпатья, входивших в состав Венгерского королевства. Тяжелый социальный гнет дополнялся здесь национальным. Все это крайне обострило классовые противоречия в стране, которые неизбежно должны были привести к взрыву народного негодования. Поводом к выступлению крестьян послужила булла папы римского Льва X об организации крестового похода против Турецкой империи. Феодалы поддержали призыв к походу, рассчитывая, с одной стороны, ликвидировать внешнюю — турецкую — опасность, а с другой — избавиться от части антифеодально настроенных крестьян, отправив их в поход. В апреле 1514 г. начался сбор вооруженных крестьян, горожан, а также мелкого дворянства в ополчение для предстоящего крестового похода. Большинство венгерских феодалов, несмотря на опасность нового турецкого вторжения в страну, запрещало своим зависимым крестьянам вступать в народное ополчение. Они часто возвращали их, а иногда даже казнили за самовольный уход из имений.

В ответ на притеснения феодалов вооруженные крестьяне поднимали восстания, которые очень скоро охватили почти все земли Венгерского королевства. Разрозненные крестьян-

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. 7, с. 209—210.

ские выступления вскоре переросли в крестьянскую войну. Ф. Энгельс писал, что весной 1514 г. «вспыхнула всеобщая крестьянская война в *Венгрии*» [1]. Крестьянские войны, охватывавшие широкие слои сельского и городского населения, были высшей формой вооруженной борьбы народных масс против феодального гнета.

Во главе одного из многочисленных вооруженных крестьянских отрядов, готовившихся к походу против турецких агрессоров, стоял Дьердь (Георг) Дожа — венгерский воин-рыцарь, который личной храбростью и военным талантом прославился в борьбе против турецких захватчиков. Он возглавил всеобщее крестьянское восстание, направленное против феодалов. Главной целью восставших было уничтожение крепостничества и установление социального равенства.

Крестьянское восстание помимо Венгрии охватило также Словакию, Закарпатскую Украину и Северную Молдавию. На огромной территории действовали многочисленные вооруженные крестьянские отряды, правда, очень слабо связанные между собой.

В Венгрию, где развернули военные действия крупные объединенные повстанческие силы во главе с Д. Дожей, прибывали отряды украинских крестьян из Закарпатской Украины, словацких — из Словакии, молдавских — из Северной Молдавии. Они вливались в крестьянское войско.

С самого начала крестьянской войны восставшие избрали тактику активной борьбы против войск венгерского короля и феодалов. Д. Дожа разделил повстанцев на несколько крупных отрядов, действовавших на территории всего королевства. Два отряда он послал в Закарпатье. Главные силы восставших, руководимые Д. Дожей, совершили победоносный поход через всю Дунайскую низменность.

Летом 1514 г. народное восстание достигло наивысшего размаха. Восставшие, вооруженные косами, цепами, дубинками, копьями, луками и только частично огнестрельным оружием, заняли значительную территорию, освободили от власти феодалов многие села и города. В Закарпатье повстанцы несколько недель фактически контролировали всю территорию края. Особенно активно действовали крестьяне Мараморощины. Вместе с присоединившимися к ним ремесленниками и городской беднотой они овладели Хустским и Невицким замками и расправились с ненавистными феодалами. Закарпатские города Ужгород, Мукачево, Берегово, Хуст сразу же после подавления крестьянской войны венгерское королевское правительство объявило «бунтарскими».

Несмотря на усилия Д. Дожи и других руководителей крестьянской войны, объединить разрозненные и плохо организованные крестьянские отряды в единую повстанческую армию не удалось. 15 июля 1514 г. под Темешваром повстанческое войско было разгромлено королевской армией, сам Д. Дожа попал в плен. Феодалы предали народного героя мученической казни. Д. Дожа был «заживо зажарен на раскаленном троне и съеден своими собственными людьми, которым лишь при этом условии была дарована жизнь» [1].

После поражения основных сил крестьянские восстания во всех районах Венгерского королевства пошли на спад. Однако борьба отдельных повстанческих отрядов продолжалась до глубокой осени 1514 г.

Разгромив основные силы восставших в Венгрии, правительство бросило войска на подавление повстан-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 388.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 390.

ческого движения в национальных окраинах королевства — Словакии, Закарпатье и Северной Молдавии. В Закарпатье прибыло большое дворянское войско, которым командовали закарпатские магнаты-феодалы С. Вербеци и Т. Переньи. Однако повстанцы Закарпатской Украины не сдались на милость феодалам — большинство их ушло в Карпатские горы, где с оружием в руках они продолжали борьбу против угнетателей.

Королевское правительство и феодалы повсеместно расправлялись с восставшими крестьянами. Ф. Энгельс, отмечая жестокость феодалов-победителей, писал: «...все, кто попал в руки врага, были посажены на кол или повешены. Трупы крестьян тысячами висели вдоль улиц и у околиц сожженных деревень. Говорят, что в боях и во время резни было убито до 60 000 человек» [1].

Беспощадно расправились феодалы с восставшими и в Закарпатье. Местное население они принудили дополнительно к тяжелым феодальным повинностям: два года платить еще и контрибуцию.

После подавления народного восстания сейм Венгерского королевства принял ряд законов, направленных против крестьян. «Дворянство постаралось,— отмечал Ф. Энгельс,— чтобы на ближайшем сейме порабощение крестьян было снова признано законом страны» [2]. Кодекс (Трипартитум), утвержденный сеймом, обеспечивал феодалам главенствующую роль во всех сферах экономической и политической жизни государства. Крестьянство закрепощалось окончательно. По своему положению оно фактически приравнивалось к рабам. Говоря о решении сейма, К. Маркс отметил: *«17 октября 1514 сейм в Офене вынес следующее постановле-*

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 390.
[2] Там же.

Замок в с. Невицком Закарпатской области. Современный вид

ние: «Крестьяне, которые до сих пор были свободными, превращаются в крепостных и теряют право свободного перехода; кроме прежних налогов, они будут платить *новые; под страхом потери правой руки* им запрещается *носить оружие; впредь никто из крестьянского сословия* не может *достигнуть высших духовных должностей»»* [1]. По новому законодательству крестьяне даже не входили в понятие «народ»: к нему причислялись лишь бароны, магнаты, дворянство и высшее духовенство. Один из принятых законов устанавливал, что каждый дворянин вправе убить любого участника восстания 1514 г. За предоставление убежища восставшим уничтожалось население целых поселений.

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. 7, с. 210.

После поражения крестьянской войны значительная часть крестьян, скрываясь от репрессий феодалов, вынуждена была переселиться в другие места. С этого времени начался постоянный приток закарпатских украинцев в предстепные и степные районы Украины. Многие из них пополняли ряды растущего казачества. Часть крестьян вынуждена была из плодородных закарпатских долин переселиться в горы, в мало пригодные для земледелия места.

Крестьянская война 1514 г. в Венгрии, несмотря на поражение, имела историческое значение. Это была одна из первых крупных битв крестьянства с феодалами в Европе в XVI в. Восставшие требовали уничтожения крепостничества, национального и религиозного угнетения, т. е. наряду с социально-экономическими задачами ставили и политические. «В обществе, основанном на делении классов,— подчеркивал В. И. Ленин,— борьба между враждебными классами неизбежно становится, на известной ступени ее развития, политической борьбой» [1]. Вместе с тем в действиях восставших была характерная для крестьянско-плебейской ереси революционная идея равенства.

В борьбе против феодалов-угнетателей зарождалась дружба украинского, венгерского, словацкого и молдавского народов. Крестьянская война 1514 г. в Венгрии под руководством Д. Дожи положила начало широкому антифеодальному движению, в том числе опришковскому, не только в Закарпатье, но и в Прикарпатье. Она имела общеевропейский резонанс, а также оказала заметное влияние на освободительное движение украинского народа в XVI в.

Борьба городского населения. Трудящееся население украинских городов, как и крестьянство, не мирилось со своим тяжелым положением и бесправием, с усилением феодального гнета. Чаще всего происходили совместные выступления сельского и городского населения.

Борьба городских низов проявлялась в различных формах. Одной из наиболее распространенных из них были жалобы, в которых горожане выражали протест против притеснений со стороны городской, поветовой и воеводской администрации, а также гарнизонов польских и литовских войск. Жаловались горожане и на произвол феодалов и правительственных чиновников, управлявших городами. В отдельных случаях борьба против угнетателей перерастала в восстания. Так, в 1431—1434 гг. в Бакотской волости на Подолии произошло крупное антифеодальное восстание. Центром его стал древний город Бакота. Вместе с крестьянами активное участие в восстании приняло городское население. В первой половине XVI в. произошли вооруженные выступления горожан, крестьян и казаков на Поднепровье. Среди них выделяется восстание 1536 г. городского и сельского населения в Черкассах и Каневе.

Еще с конца XV в. Черкассы стали одним из центров, где собирались беглые крестьяне и горожане. Чаще всего они называли себя казаками. Тесно с Черкассами был связан Канев — оба города в административном отношении подчинялись одному старосте. Вооруженное восстание черкасцев и каневцев вначале было направлено против старосты черкасского и каневского крупного феодала Ф. Тышкевича. Этот украинский магнат, верно служа литовскому великокняжескому правительству и преследуя корыстные цели, постоянно притеснял горожан, казаков и крестьян. Не выдержав притеснений, жители Черкасс с оружием в руках выступили против ненавистного старосты и его слуг и

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 137.

изгнали их из города. Почти одновременно с черкасцами выступили каневцы. Восставших жителей Черкасс и Канева активно поддерживали крестьяне и казаки Черкасского и Каневского староств. Великий князь литовский направил против восставших вооруженный отряд из Киева. Однако население Черкасс оказало ему решительный отпор, и он вынужден был возвратиться в Киев за артиллерией. Усиленный артиллерией, отряд правительственных войск по пути из Киева на Черкассы ночью внезапно напал на Канев, но встретил решительное сопротивление. Потеряв в ходе вооруженного столкновения нескольких воинов-шляхтичей убитыми и ранеными, отряд поспешно покинул Канев.

В конечном итоге восстание удалось подавить, но великий князь литовский все же вынужден был убрать Тышкевича и поставить нового старосту — Яна Пенько. Однако и новая великокняжеская администрация, опираясь на правительственные войска и выполняя требования местных феодалов-землевладельцев, установила на подвластной территории еще более суровый режим. Это резко ограничивало возможность прихода сюда казаков из Запорожья и приток беглых крестьян из других районов Украины.

Крупное восстание горожан, крестьян и казаков, живших в Брацлаве, Виннице и в близлежащих селах, произошло в 1541 г. Восставшие изгнали местную администрацию, захватили замки, разгромили дома шляхтичей и богатых горожан в городах и окружающих селах. К повстанцам примкнули местные земяне, или земляне, т. е. мелкая шляхта и служилое боярство. Восставшие организовали оборону городов. Правительственные войска сумели овладеть Винницей и Брацлавом, прибегнув к обману: восставшим пообещали удовлетворить все их требования. Однако, как это бывало в большинстве случаев, обещания феодалов оказались ложью. Руководители и организаторы восстания были казнены. Вместе с тем, опасаясь нового выступления народных масс, литовское великокняжеское правительство вынуждено было заменить своих урядников в этих городах.

Таким образом, уже в первой половине XVI в. начались совместные выступления горожан, крестьян и казаков против феодалов. Однако городские восстания, хотя в них принимали участие все слои угнетенного украинского населения, были еще очень слабо организованы. Ограниченный характер носили требования восставших. Как правило, они выступали локально, не поддерживали связи с населением других городов, поветов и воеводств.

На протяжении XIV—XV вв. и особенно в первой половине XVI в. антифеодальная борьба народных масс, вызванная нарастанием феодального и национально-религиозного гнета, приобретала все больший размах. Эта борьба происходила в различных формах, начиная с подачи жалоб, отказа выполнять феодальные повинности, побегов и кончая восстаниями и крестьянскими войнами. Народные массы боролись за землю, ликвидацию крепостной зависимости, против национально-религиозного гнета.

4. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА. ОБРАЗОВАНИЕ ЗАПОРОЖСКОЙ СЕЧИ

Зарождение казачества. Новые процессы в социально-экономической жизни Украины, прежде всего зарождение и развитие фольварочной системы, имели серьезные последствия: чем дальше, тем больше усили-

вался феодально-крепостнический гнет, дополняемый многочисленными ограничениями национальных прав украинского народа. Наступление феодалов на крестьянство вызвало различные формы антифеодальной борьбы, самой распространенной из которых стало бегство крестьян. Оно приобрело характер массовых переселений, в особенности из Галичины, Западной Подолии и Волыни, т. е. местностей, где раньше начало развиваться фольварочное хозяйство. Переселенцы устремлялись на малозаселенные, а часто и пустынные восточные и юго-восточные окраины Подолии и Киевщины. Бегство усиливалось с каждым десятилетием и на протяжении XVI ст. приобрело угрожающий для магнатов и шляхты характер. Польский поэт шляхтич П. Збылитовский такими словами выразил страх за будущее панского хозяйства:

Что ждет нас впереди, если мы села
свои будем разорять
И собственных своих хлопов по-прежнему разгонять?
. . . . . .
Нива моя отцовская брошенной лежит,
Ибо и последний хлоп от неволи бежит...

Порвав с феодальной зависимостью и оседая на новых землях, беглые называли себя казаками — вольными людьми. В середине XVII в. польский историк Самуил Гондский так писал о появлении казачества: «Те из русского (украинского.— *Ред.*) рода, которые... не хотели терпеть ярмо и власть местных панов, уходили в далекие края, к тому времени еще не заселенные, и присваивали себе право на свободу... основывали новые колонии и, чтобы отличаться от подданных, принадлежащих русским (украинским.— *Ред.*) панам, стали именовать себя казаками».

Во второй половине XV и начале XVI в. в верховьях Южного Буга, у Соби и Синюхи, Роси и Тясмина, а также на левом берегу Днепра — вдоль Трубежа, Сулы, Псла и в других местах возникло немало новых слобод и хуторов. Население их считало себя казаками. Вскоре казацкие поселения заняли значительную полосу вдоль южного украинского пограничья — от Днепровского левобережья до Днестра. Шляхта сетовала на то, что движение сельского населения на окраины причиняет неисчислимый вред хозяйству помещиков центральных районов страны.

Аналогичный в основном процесс происходил и в России. Во второй половине XV—XVI в. в результате усиления феодально-крепостнического гнета усилилось бегство крестьян в малозаселенные и пустынные северные, восточные и юго-восточные окраины России. На Дону, Яике, Тереке появились казачьи поселения и образовались казацкие области.

Казачество сыграло важную историческую роль: оно содействовало хозяйственному освоению новых земель, охраняло южные и юго-восточные рубежи государства, принимало активное участие в антифеодальных выступлениях.

Первые известия об украинских казаках восходят к концу XV в. О казаках на Подолии, например, имеются известия, относящиеся к 80-м годам XV в. Описывая поход 1489 г. Яна Альбрехта (сына короля Казимира IV) против татар в Восточную Подолию, польский хронист М. Бельский отмечает: польское войско могло успешно продвигаться в подольских степях лишь благодаря тому, что проводниками его были местные казаки, хорошо знавшие свой край. Наиболее ранние данные о казаках на Киевщине относятся к 1492 и 1499 гг. В грамоте великого князя литовского Александра от 1499 г. о взимании пошлин киевским воеводой читаем: «Которыи козаки з верху Днепра и с инших сторон ходят водою на низ, до Черкас и далѣй, а што

там здобудут, с того со всего воеводе десятое мают давати» [1].

Хотя документальные сведения о казаках относятся лишь к концу XV в., возникновение казачества следует отнести к более раннему времени.

Малолюдные и безлюдные степи, заселяемые казаками, были плодородны и богаты природными дарами. О Поднепровье, например, Михаил Литвин (середина XVI в.) писал: почва там до такой степени плодородна и удобна для обработки, что, раз вспаханная парою волов, дает богатый урожай. Литвин упоминает о множестве птиц, о реках, изобилующих рыбой, и др.

С таким же восхищением богатства украинских степей описывал и другой современник — француз Блез де Виженер. О Подолии, в частности, он писал: почва в этом крае так хороша и плодородна, что если оставить в поле плуг, то за два или три дня он так зарастет травой, что его трудно найти. В крае много меда и воска, а травы его могли бы прокормить множество овец. Но и Подолия и Галичина, замечает Блез де Виженер, были бы еще более богаты, если бы не частые набеги татар.

Однако природа не легко отдавала свои богатства. Ценою тяжелого труда казаки возродили земледелие в тех местах, где оно было давно забыто, и положили начало ему там, где его никогда не знали, продвинув культуру земледелия далеко на восток и юг. Казаки занимались также скотоводством и промыслами: рыболовством, охотой, селитроварением, степным пчеловодством. Позднее, в XVII в., Боплан, французский инженер, служивший в Польше, так писал о результатах казацкой колонизации украинских степей: «Местное народонаселение (казаки.— *Ред.*)... так далеко отодвинуло его (государства.— *Ред.)* границы и приложило столько усилий к обработке пустынных земель... что в настоящее время их необыкновенное плодородие составляет главный источник дохода... государства» [1].

Одним из важных результатов хозяйственного возрождения юго-восточных окраин было расширение экономических связей между ними и центральными районами Украины. Черкасские и каневские казаки, например, возили в Киев на продажу мед, воск, шкуры зверей, солод. Немалое место в торговле занимала рыба — свежая, вяленая, соленая.

Казацкие слободы и хутора были богаче убогих селений панских подданных, так как свободные люди, гораздо более заинтересованные в результатах своего труда, чем крепостные, получали бóльшие доходы. Это усиливало стремление крепостных крестьян стать казаками. Между тем сбросить с себя панское ярмо становилось все труднее, а чем труднее было это сделать, тем привлекательней выглядела казацкая жизнь. В одном из произведений народной поэзии находим такое противопоставление крепостнических порядков «казацкой вольности»:

Зараз тая серед рая слобода засіла,
Там тишúна, вся старшина (шляхта.—*Ред.*)
Не має к їм діла,
Там сипуга, війт-п'янюга вже не докучає,
І в підводу там ізроду ніхто не хапає.
Всі подубли, що їх скубли, сільські хали,
Подеречі, колотнечі всі уже пропали,
Утік кураж, здирства нема ж, пропали всі драчі,
Щезло лихо, живуть тихо, не дають подачі.

В действительности казацкая жизнь была далека от той, какой представлял ее себе крепостной крестьянин. Во-первых, казачество никогда не было однородным социаль-

[1] АЗР, т, 1. с. 194.

[1] Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1896, вып. 2, с. 295.

ным слоем. Экономическое неравенство в среде казачества возникло вместе с его появлением, так как казаками становились разные по своему имущественному положению слои населения. В этом смысле казачество в момент его возникновения отражало ту степень имущественной дифференциации, какой достигло к тому времени украинское село. В массе крестьян (и ремесленников), которые могли на новых местах сразу же основать небольшое хозяйство, т. е. мелких собственников, были и зажиточные и богатые люди. О последних С. Грондский писал: «Наиболее состоятельные из крестьян, даже отцы семейств, накопив известное имущество, забирали его и, не спрося разрешения у своих панов, устремлялись в казаки, откуда их было невозможно вернуть». Богатые хозяева часто бежали вместе со своими батраками. Среди беглецов-переселенцев было немало таких бедняков, которые совмещали труд в своем хозяйстве с работой у состоятельных людей.

На новых местах процесс социальной дифференциации протекал значительно быстрее, чем на прежнем месте жительства. Не каждый переселенец мог основать самостоятельное хозяйство. Чтобы вспахать, например, целину, нужно было иметь не одну пару волов. Таким образом, бедный человек был вынужден либо «спрягаться» с другим хозяином, либо наниматься к богатому соседу или идти к нему в «подсуседки». Богатому же казаку наличие свободной земли и отсутствие ограничений, связанных с феодальной зависимостью, открывали широкий простор для эксплуатации казацкой бедноты. Уже в первой половине XVI в. документы упоминают наемных людей у казаков. Так, в грамоте Сигизмунда I от 14 августа 1544 г. говорится, что черкасский староста взимает пошлину с казаков и их наймитов.

Свободные поселенцы создали на новых местах свою общественную организацию — казацкую общину (громаду). Каждый прибывший на казацкие земли беглец считался свободным человеком, получал формально равное со всеми другими право пользоваться хозяйственными угодьями и принимать участие в самоуправлении, в частности в выборах старшины — атаманов, судей, писарей. В то же время каждый должен был с оружием в руках охранять селение, выступать в поход и пр. Понятно, что как в пользовании земельными угодьями, так и в других случаях все преимущества были на стороне богатых хозяев, в том числе при выборах старшины. Богатые казаки с самого начала захватили старшинские должности и пользовались общинным самоуправлением в своих интересах. Но несмотря на преимущества богатых казаков в хозяйственной жизни, на беспощадную эксплуатацию ими бедноты, на засилие их в самоуправлении, казацкая община сохраняла известные черты крестьянского демократизма—патриархальности.

Общественная организация, где не признавалось крепостничество, сразу же противопоставила себя феодальному государству и превратилась в притягательную силу для угнетенного крестьянства — она будила в нем стремление к свободе.

Казачество в Среднем Поднепровье. Заселение казаками Среднего Поднепровья происходило в упорной борьбе с литовскими, польскими и украинскими панами, с одной стороны, и татарскими ордами — с другой. Паны стремились любыми средствами ликвидировать казачество как социальную силу, вернуть казаков в прежнее ярмо и вместе с тем захватить освоенные ими земли. Стремление магнатов и шляхты к приобретению новых, уже заселенных и осво-

енных пространств, росло по мере развития фольварочного хозяйства в центральных районах страны. К концу XV — началу XVI в. магнаты захватили часть казацких земель на Подолии и Киевщине. Пытаясь превратить их в наследственную собственность, они добивались у польских королей и великих князей литовских подтвердительных грамот на эти земли. В разное время такие грамоты получили князья Язловецкие, Острожские, Вишневецкие, а также Струси, Претвичи и др. Точных границ пожалований грамоты не определяли — право установить их предоставлялось самим магнатам.

Казаки мужественно защищали свою свободу и право на землю, но сдержать натиск панов не могли. Часть казачества была вынуждена отступить дальше на юг. В первые десятилетия XVI в. начало увеличиваться казацкое население в юго-восточном пограничье Украины, преимущественно в районе Канева и Черкасс. Чтобы преградить татарам дорогу в Литву, в Каневе и Черкассах, тогда еще небольших местечках, были сооружены деревянные замки, служившие также местом пребывания администрации староств.

Каневский замок представлял собой небольшой прямоугольник (длиной около 80 м, шириной 40 м). Его стены были сложены из 26 городен — заполненных землей срубов. На стенах, обмазанных для защиты от огня глиной, и на шести башнях стояли пушки, бочки со смолой и водой. Замок опоясывал ров, через который был переброшен подъемный мост. Но все это сооружение, как писали в 1552 г. правительственные ревизоры, обветшало, даже при малейшем ветре шаталось и скрипело, угрожая рухнуть и похоронить под собой людей. Гарнизон замка не превышал нескольких десятков бояр (мелких служилых людей). Черкасский замок был немного больше Каневского, и в 1552 г. при нем кроме бояр-конников была рота жолнеров и 60 служебников. Жалкое состояние пограничных крепостей объясняется нерадивостью литовского правительства, которому всегда не хватало средств и желания для того, чтобы позаботиться об охране южной пограничной полосы.

В южные районы, несмотря на опасность со стороны кочевников, чаще всего переселялись те, кому наступление панов угрожало неизбежным закрепощением. Район Канева и Черкасс украинские современники считали основным местом сосредоточения казачества, а в России с XVI в. само название «черкасы» стало нарицательным для украинских казаков (позднее «черкасами» в России называли вообще всех украинцев.) Местное казачество было почти единственной силой, противостоявшей татарским захватчикам.

Вскоре, однако, магнатско-шляхетское колонизационное движение, начавшееся вслед за народной колонизацией, достигло и этой местности. Уже в первой половине XVI в. на южном пограничье осели крупные феодалы, занявшие вместе с землями должности старост и подстарост. За магнатами тянулись мелкие панки. Они оседали в Каневе и Черкассах в качестве служилых людей, получали от великого князя земельные пожалования или попросту захватывали земли. Уже в начале XVI в. в Каневском старостве было 21 панское село, а также уходы — речные и другие промыслы. Став владельцами земель, феодалы принуждали население платить денежную и натуральную дань: от дыма — 7 грошей, за пасеку — 12, за пользование бобровыми гонами — половину добычи, из рыбного улова — треть.

Не менее тяжелыми были повинности, которые отбывало население местечек, в частности Канева и Черкасс, а также разные платежи. Ме-

щане ремонтировали замки, нанимали за свой счет стражу для охраны замковых ворот (на это брали с дыма по грошу и четверти ржи), выставляли сторожу «в поле» и посылали отряд «конно» и «збройно» в погоню за неприятелем. Кроме того, мещане предоставляли содержание и подводы великокняжеским чиновникам, платили старосте по шесть грошей на рождество (колядки), три дня в году ходили в пользу его «на ловы» и т. д.

Формально старосты были лишь наместниками великого князя, в действительности же — всевластными господами в староствах. Черкасский староста Евстафий Дашкевич (1514—1535), как отмечалось в грамоте Сигизмунда I В. Тышкевичу, преемнику Дашкевича, заставлял жителей «работать на себя каждый день, возить дрова, косить сено, тянуть сеть». Кроме перечисленных, Дашкевич «замышлял и иншие роботизны, чего они пред тем с продков (предков) своих не повинни були робити». Дашкевич отбирал у рыбаков и охотников половину добычи, назначал выгодные для себя цены на казацкие товары, наконец, захватил у казаков уходы на первых пяти днепровских порогах («то дей все пан Остафій себе привлащил» [1]).

Принуждая казаков отбывать повинности и платить налоги, старосты, чтобы создать видимость законности такого рода действий, называли их «мещанами». И хотя казаки, считая себя свободным населением, выступали против такого произвола, их продолжали все более угнетать.

Наступая на казаков, старосты использовали противоречия, существовавшие в их среде. Опираясь в своих действиях на богатых казаков, они предоставляли им право откупаться от повинностей и посылать для отбывания военной службы вместо себя наемных людей. Со временем эти казаки из «потужников», обязанных отбывать повинности наравне с остальным казачеством, превратились в «старостинских поплечников». Об этих богатых черкасцах говорили в 30-х годах XVI в., что они взяты Дашкевичем «под свою моц» (защиту) и освобождены от всех общих городских повинностей.

Вместе с приезжими служилыми людьми — мелкой шляхтой, боярами и др.— богатые казаки начали входить в окружение старост, становиться старостинскими «служебниками». Из таких казаков в середине XVI в. составлялись целые отряды. Принятым на службу казакам нередко давали в условное владение землю. Подобно старосте и служилым людям, они захватывали, в частности, казацкие уходы, всячески угнетали местное население.

В ответ на разные притеснения и «здирства», в том числе и со стороны казацкой верхушки, в 1536 г. на территории Каневского и Черкасского старостств вспыхнуло восстание. Староста В. Тышкевич был изгнан из Черкасс вместе со своими служебниками. Когда же из Киева прибыл отряд карателей, черкасцы не впустили его в город, а каневцы впустили часть его и тотчас истребили. Вскоре, однако, восстание было подавлено с помощью прибывшей из Киева артиллерии.

После расправы с «великим бунтованием оных черкассцев и каневцев» Ян Пенько, назначенный старостой, начал мстить населению. Спасаясь от репрессий, много казаков бежало: одни за Днепровские пороги, другие в Россию. Режим в Каневском и Черкасском староствах стал еще более суровым.

Казацкая колонизация Запорожья. В хозяйственной жизни казачества, особенно на среднем Днепре, чем дальше, тем большую роль стала иг-

[1] Архив ЮЗР, ч. 7, т. 2, с. 367.

Чигирин. Рисунок XVII в.

рать местность за Днепровскими порогами. Одним из главных богатств этого края с его многочисленными реками и речками была рыба. В плавнях водились бобры, выдры, дикие свиньи, куницы, водяная птица, в балках и байраках — лисицы, волки, медведи. В степях паслись табуны диких лошадей, много было туров, лосей, а из птиц — дроф, куропаток и др.

Уже в начале XVI в. (а возможно, и раньше) население ближайших к порогам местностей начало осваивать этот край. В 1527 г. крымский хан Сагиб-Гирей жаловался литовскому правительству на каневских и черкасских казаков, которые селились вдоль Днепра возле самых татарских кочевий. Тут появилось много уходов: казаки ловили рыбу, охотились на зверя. Так, люстрация Каневского замка 1552 г. кроме промыслов перед порогами называет уходы за порогами — близ Томаковки, Базавлука, Аргачина и даже Тавани, где татары в 1492 г. построили крепость Ислам-Кермен (Аслан-городок). Для каждого промысла был свой сезон. Когда он кончался, казаки с соответствующей добычей (рыбой, мехами, медом) возвращались на место постоянного жительства. Что касается сапетов (рыбных промыслов) и пасек, то там люди оставались и на зиму. Запорожье никогда не было безлюдным. Этот факт ревизоры Каневского замка засвидетельствовали такими словами: казаки «уставичне (постоянно живут на уходах.— *Ред.)* на мясе, на рыбе, на меду з пасек, з сапетов и сытят там себе мед, яко дома»[1]. Наконец, наличие прекрасных пастбищ обусловило раннее появление в этом крае скотоводства и основание зимовников (хуторов), где кроме хат имелись загоны для скота и запасы сена.

Чем дальше на юг Украины, тем все большее значение в хозяйстве приобретали промыслы. До массового заселения юго-восточной части Киевщины и Левобережья уходниками были крестьяне владельческих и великокняжеских имений Северо-Западной Киевщины и смежных с ней мест, а также те из горожан, которые занимались промыслами. В этих районах, где фольварочного хозяйства во второй половине XV и в начале XVI в. не было, либо оно только на-

[1] Архив ЮЗР. Киев, 1886, ч. 7, т. 1, с. 103.

чинало развиваться, важным способом эксплуатации уходников была продуктовая рента, источником которой являлся промысел. По мере усиления эксплуатации рента росла, что побуждало оброчников — крестьян и мещан — осваивать новые промысловые угодья. Вместе с тем развивалось и промысловое предпринимательство. Богатые мещане нанимали (за долю добычи или цену доли) ватаги из так пазываемых гультяев и направлялись на поиски угодий все далее и далее в степи.

Уходники разведывали и осваивали новые места, способствуя тем самым колонизации юго-восточных степей беглыми крестьянами. Порывая связи с феодалами и феодальными властями, уходники входили в состав основываемых беглыми крестьянами казацких общин. Уходники сыграли, таким образом, известную роль в образовании казачества, особенно за Днепровскими порогами, где земледелие стало развиваться в основном лишь с XVIII в.

Владельцами промыслов и крупных зимовников были богатые казаки. Так, средства производства на рыбном промысле, по словам австрийского дипломата Э. Ляссоты (конец XVI в.), принадлежали «владельцам челнов». Такие казаки нанимали ватагу — группу работников. Первое время рабочей силы на Запорожье не хватало, поэтому владельцы промыслов, нередко проживавшие вне пределов Запорожья, нанимали ватагу на «волости» (на государственной территории).

Осенью, по окончании сезона, обработанную рыбу, жир и прочие продукты лова на лодках и сухим путем вывозили в Черкассы, Канев, Киев и другие города. За привезенные товары с казаков взимали налог. В уставной грамоте 1499 г. Киеву читаем: «А коли рыб привозят з верху або з низу, просолныи и вялыи до мѣста Киевского, тогда мает осминик воеводин... взяти от бочки рыбы по шести грошей» [1].

Из-за порогов в Киев везли также мясо, сало, шкуры, меха. В люстрации Черкасского замка 1552 г. засвидетельствовано: «А кгды з уходов за ся уверх идут, ино з добычи их берет староста от них вить (пошлину.— *Ред.)* осьмую часть: з рыб, з сала, з мяса, з кож и со всего». Тут же говорится: «А бывает (в Черкассах.— *Ред.)* уходников немало, яко близко прошлого лета было их по всим уходам о триста человеков» [2]. Скорее всего тут речь идет только о промышленниках-хозяевах.

На вырученные деньги промышленники закупали на «волости» для продажи запорожскому населению хлеб, снасти, топоры, кожи, одежду. За пороги везли также свои товары купцы из украинских городов, за что им там платили, как замечает современник — польский историк Б. Папроцкий, лошадьми, волами, а также деньгами. Таким образом, уже в первой половине XVI в. в Запорожье наблюдался определенный хозяйственный прогресс.

Основание Запорожской Сечи. Успехи казацкой колонизации Запорожья усиливали у феодалов стремление к захвату новых земель. Кроме угрозы, исходившей от литовских, украинских и польских панов, казаков постоянно подстерегала другая страшная опасность — нападения татар и турок. С ними на юго-восточном пограничье никогда не прекращались вооруженные столкновения. Такое положение принуждало казаков прежде всего заботиться об обороне. В районе уходов появились, как гласит тогдашний официальный документ, «городцы», т. е. деревянные укрепления, или сечи. Такие городки строились казаками как в местах, ко-

[1] АЗР, т. 1, с. 194.
[2] Архив ЮЗР, ч. 7, т. 1, с. 85.

торые литовские власти считали государственной территорией, так и вне ее, за порогами. В начале 40-х годов XVI в. черкасцы жаловались великому князю на его наместника князя Андрея Пронского, который запретил строить «городцы» в уходах на р. Орели, левом притоке Днепра, и двух Тясминах.

Возникает вопрос, в каком месте и когда появились городки-сечи за порогами и сколько их было. Первые прямые упоминания о существовании у казаков укреплений за Днепровскими порогами оставил нам Мартин Бельский. В своей хронике (1551) он посвятил раздел казакам. «Эти люди,— пишет М. Бельский,— постоянно заняты ловлей рыбы на Низу (на Днепре и его притоках.— *Ред.*), там же сушат ее на солнце без соли». Пробыв тут лето, казаки, продолжает Бельский, «расходятся на зиму по ближайшим городам, как например, Киев, Черкассы и др., оставив на острове, в безопасном месте, на Днепре, лодки и несколько сот человек на коше, как они говорят, при стрельбе, так как имеют у себя и пушки, взятые в турецких крепостях и отбитые у татар».

Свидетельство М. Бельского о том, что казаки расходятся на зиму по городам, т. е. возвращаются на территорию староств, заслуживает особого внимания. Дело в том, что так могло происходить лишь до восстания в 1536 г. в Черкассах и Каневе. После восстания репрессии в Черкасском и Каневском староствах, а также во всей местности, граничившей с Запорожьем, настолько усилились, что казаки, ушедшие за пороги, уже не могли свободно, без риска для себя, показываться на «волости». Это соображение дает основание предполагать, что кош за порогами появился до 1536 г., очевидно, в первой половине 30-х годов XVI в. Во всяком случае, за порогами уже до упомянутого восстания существовала казацкая организация, представленная кошем, а казаки, остававшиеся, как говорит М. Бельский, «на коше» и располагавшие пушками и лодками, составляли его гарнизон.

Рост числа казаков за порогами и создание ими своей военной организации стали грозным предостережением для правительства Литвы и феодалов. Всем этим больше всего был обеспокоен черкасский староста Е. Дашкевич, лучше других осведомленный о положении за порогами. На Пиотрковском сейме 1533 г., вероятно под впечатлением возникновения Сечи, он подал проект немедленного сооружения крепостей на днепровских островах ниже порогов. Дашкевич предлагал расположить в крепостях гарнизоны общей численностью до 2 тыс. человек. В состав гарнизонов должны были войти речная флотилия и конные команды (на последних возлагалась обязанность снабжать гарнизоны продовольствием). «Этот совет,— замечает Бельский,—всем очень понравился, но из него ничего не вышло», так как литовское правительство в это время испытывало острую нужду в средствах. Проект Дашкевича служит дополнительным доводом в пользу предположения об основании Запорожской Сечи в первой половине 30-х годов XVI в.

Казацкая организация за порогами — это не что иное, как Запорожская Сечь, возникшая в результате объединения под влиянием усиливавшейся извне опасности отдельных, разрозненных до тех пор сечей. Только сплочение в одну общину — «товариство» с Кошем, центральным органом управления, могло обеспечить казакам необходимые условия для существования за Днепровскими порогами, превратить их в грозную для врагов силу.

Бельский не только сообщил о существовании Коша за порогами, но и указал место, где он находился.

«К югу от острова Хортица,— говорит он,— расположен другой остров, называемый Томаковкой, на котором чаще всего живут низовые казаки и который служит им, по существу, сильнейшей крепостью на Днепре». Остров Томаковка (у современного г. Марганца Днепропетровской области) господствовал над окрестностями и представлял собой прекрасное природное укрепление. Боплан, побывавший в этих местах в 1637 г., писал: «Томаковка... остров около одной трети мили в диаметре, почти круглый и возвышенный в виде полушария, весь покрытый лесом; с вершины его видно все течение Днепра от Хортицы до Тавани».

Существование Запорожской Сечи не давало покоя панам. Прежде всего это относилось к панству ближайших к порогам староств — Черкасского и Каневского. После Яна Пенька в конце 30-годов XVI в. старостой сюда был назначен князь Михаил Вишневецкий. В это время наступление феодалов на Запорожье усилилось. Сам Вишневецкий, в частности, несколько раз вторгался в Сечь с отрядами шляхты и казаков-служебников. Запорожцы, однако, успешно отражали такие нападения. Тогда Вишневецкий в 1540 г. обратился к ним с королевской грамотой. Сигизмунд I призывал казаков, «которые нижей замков наших Черкас и Канева на Днепре суть», добровольно возвратиться в староство. Тех, кто подчинится этому призыву, король обещал освободить от наказания, предусмотренного для бежавших в «Московскую землю». Но казаков не так легко было обмануть. Они хорошо понимали цели правительства и его администрации. Грамота Сигизмунда I отражала стремление крепостнического правительства устранить угрозу, исходившую от запорожских казаков. Вместе с тем она свидетельствовала о бессилии правительства и неспособности его ликвидировать эту угрозу. А потому инициативу в наступлении на запорожское казачест-

Казацкая «чайка». Макет

во и захвата его земель взяли в свои руки отдельные феодалы.

Летом 1556 г. за порогами с отрядом служебников появился черкасский и каневский староста князь Дмитрий Вишневецкий — один из крупнейших украинских магнатов. Он построил замок на о. Малая Хортица. Однако немедленно начать борьбу против запорожцев Вишневецкий не решился. Он обратился к королю Сигизмунду II Августу с просьбой прислать ему войско и пушки. Король положительно отнесся к возведению замка на Хортице. Крепость в таком месте могла сыграть свою роль как в борьбе против Крыма, так и в первую очередь против Запорожской Сечи.

Из ответа Сигизмунда II Августа видно, что замок на Хортице был построен Вишневецким для борьбы с запорожскими казаками. Об этом король спешил уведомить и крымского хана. 2 мая 1557 г. он писал ему: «И потому, брат наш, познаете, же оный (Хортицкий.— *Ред.*) замок ку нашей руце есть, кгды Вишневецкий престрогу и службу свою вам оказывати будет, и козаком, которые при нем (под словами «казаков, которые при нем» не следует понимать только служебников, всегда находившихся при Вишневецком. Король старался убедить хана, что власть Вишневецкого распространяется на всех казаков, живших на юго-восточном пограничье и Запорожье) шкод вашим людем чинити не допустит» [1]. То же Сигизмунд II Август повторил и в своих следующих письмах к хану в том же году. Он уведомлял его, что замок Вишневецкого должен служить опорным пунктом на тот случай, «кгды каковый выступ от лихих людей злодейским обычаем станется» [2].

[1] Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. М., 1843, т. 1, с. 135—136.

[2] Там же, с. 140.

Пушка с казацкой «чайки». XVI в.

Задача Вишневецкого на Запорожье, по словам Сигизмунда II Августа, заключалась исключительно в том, чтобы он «козаков гамовал, а шкодити не допустил» [1].

Кроме того, Вишневецкий должен был следить, чтобы через Запорожье на Крым не проходили русские и не строили замков на Днепре.

Одобрительно отзываясь о сооружении замка на Хортице, король в то же время отклонил просьбу Вишневецкого о присылке пушек и людей. Это объяснялось как недостатком средств в государственной казне, так и главным образом тем, что король усматривал в действиях Вишневецкого стремление приобрести новые владения.

Тогда Вишневецкий решил укрепить Хортицкий замок за счет татар. 1 октября 1556 г. он со своими служебниками напал на Ислам-Кермен, где стоял в то время небольшой гарнизон. Взяв крепость, Вишневецкий вывез оттуда несколько пушек. В ответ на это зимой 1557 г. хан Девлет-Гирей пришел на Хортицу с войском и осадил замок. Несмотря на 24-дневную осаду, овладеть им татарам не удалось. Между тем положение Виш-

[1] Книга посольская.., с. 140.

невецкого было очень тяжелым — его служебники стали расходиться. А тем временем летом 1557 г. хан с войском снова появился на Хортице. Вишневецкому не оставалось ничего другого, как вернуться в Черкассы. Татары разрушили замок.

Казачеству за Днепровскими порогами, как и казачеству на Дону, удалось объединиться в сильную общественно-политическую и военную организацию и сдерживать наступление феодалов, тогда как разобщенные казачьи общины на Среднем Днепре и в Восточной Подолии стали их жертвой.

Запорожская Сечь возникла в процессе упорной борьбы народных масс Украины с феодально-крепостническими порядками и национально-религиозным гнетом. Она расположилась в соседстве с татарскими ордами, поддерживаемыми Турцией. Хозяйственную основу ее составляли промыслы, среди которых долгое время первенствующая роль принадлежала рыболовству, а также скотоводству.

Все хозяйственные угодья в Запорожской Сечи считались собственностью войска, и все казаки формально имели равное право на пользование ими. Однако осуществить это право громадное большинство казаков, бывших беглых крестьян, не могло. Господствующий слой Сечи состоял из владельцев разных промыслов и богатых скотоводов, которым противостояло трудовое казачество, в первую очередь голота (голытьба), не имевшая средств для существования и нанимавшаяся на работу к богатым казакам.

Высшим органом власти в Сечи была войсковая рада, в которой имели право участвовать все казаки. Рада избирала правящую верхушку — старшину во главе с кошевым атаманом. Выборы происходили в обстановке острой классовой борьбы голоты против угнетателей — богатых казаков. Пользуясь своей экономической мощью, применяя подкуп и насилие, богатые казаки проводили на старшинские должности своих кандидатов. В руках старшины, представлявшей, таким образом, интересы имущего казачества, прямо или косвенно сосредоточивалась военная, административная, судебная и другая власть, что давало ей возможность сдерживать выступления голоты и совершать разные злоупотребления.

Образование Запорожской Сечи имело большое историческое значение. В Запорожской Сечи, где не было места крепостничеству, находили убежище и помощь те, кто выступал против социального и национального гнета. Запорожское казачество с самого начала своего существования играло выдающуюся роль в борьбе против феодально-крепостнического и иноземного гнета. Его героическая борьба оказывала большое влияние на народные массы Украины, поддерживая в них дух протеста против угнетателей и вдохновляя на дальнейшую борьбу с ними.

Все усиливающийся феодальный гнет, наступление на культуру и национальные права украинского народа со стороны иноземных светских и духовных феодалов, предательство народных интересов частью украинских магнатов и шляхты делали жизнь народных масс Украины невыносимой, и они все чаще поднимались на борьбу против социального и национального гнета. Главной движущей силой этой борьбы было беспощадно эксплуатируемое, в значительной массе закрепощенное крестьянство, составлявшее абсолютное большинство населения украинских земель. В союзе с ним выступали широкие слои казачества и горожан.

Одной из особенностей народной борьбы на украинских землях было тесное переплетение антифеодальных выступлений с национально-освободи-

тельными. Зачастую восстания против социальных и национальных притеснений проходили под религиозной оболочкой. Это объясняется господством в средние века религиозной идеологии.

В рассматриваемый период угнетенные крестьяне и горожане постепенно переходят от зачаточных форм борьбы против угнетателей к более высоким — к организованным крупным выступлениям. Таким было восстание под руководством Мухи в конце XV в. и крестьянская война в Венгрии 1514 г., в которой активное участие приняло население Закарпатья.

Выход на историческую арену казачества в значительной степени оживил антифеодальную и национально-освободительную борьбу украинского народа. Украинское казачество, явившееся плотью от плоти своего народа, вписало в эту борьбу много славных страниц.

Рядовое казачество было непременным участником всех народных восстаний против феодального гнета и владычества литовских и польских панов на протяжении ряда столетий. Одновременно казаки вели неутомимую борьбу с нападениями татарских орд и турецких войск на украинскую землю. Выдающуюся роль в многовековой героической борьбе украинского народа за свободу играла Запорожская Сечь. Отмечая это, Н. В. Гоголь писал: «Так вот она, Сечь! Вот это гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! Вот откуда разливается воля и казачество на всю Украину» [1].

[1] *Гоголь Н. В.* Соч. М., 1951, т. 2, с. 70.

Глава IV

КУЛЬТУРА НА УКРАИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

Нашествие орд Батыя, нанесшее огромный ущерб Юго-Западной Руси, тяжело отразилось на ее культурной жизни. Многие культурные центры были разрушены захватчиками, в огне пожарищ безвозвратно погибли ценнейшие памятники литературы и искусства. Наибольшему опустошению подверглись Переяславщина и Киевщина, особенно ее южная часть, значительная часть территории Черниговщины. В руинах лежал Киев — крупнейший центр культуры Древней Руси. Враг истреблял жителей городов и сел, угонял их в рабство. Произошло вынужденное переселение значительной части населения в северные и западные, сравнительно безопасные местности.

Возрождение культуры Юго-Западной Руси происходило в неблагоприятных условиях. Тяжкое золотоордынское иго, господство литовских, польских феодалов и других иноземных поработителей тормозили процесс возрождения и дальнейшего развития культурной жизни юго-западных русских (украинских) земель. Несмотря на это, народные массы во второй половине XIII — первой половине XVI в. сумели не только преодолеть разрушительные последствия нашествия Батыевых орд в области культуры, но и добиться крупных успехов в ее развитии. Этому способствовали восстановление и дальнейший подъем производительных сил, формирование украинской народности, стимулировавшее рост национального самосознания, укрепление и углубление благотворных украинско-русских связей.

1. ПРОСВЕЩЕНИЕ. РАСПРОСТРАНЕНИЕ РУКОПИСНОЙ И ПЕЧАТНОЙ КНИГИ

Состояние просвещения во второй половине XIII—XIV в. Книгописание. Золотоордынцы нанесли тяжелый удар городам Юго-Западной Руси, особенно крупнейшим из них, однако они продолжали оставаться важнейшими центрами культуры. Особенно значительной была роль Киева, где, в частности в Киево-Печерском монастыре, сохранялись и развивались богатые культурные традиции Древней Руси.

В рассматриваемый период письменность не была монополией духовенства. Буквенные клейма на глиняной посуде и свинцовых пломбах, надписи на сравнительно недорогих вещах (пряслицах, костяных рукоятях ножей) свидетельствуют, что грамотные люди имелись и в среде ремесленников и рядовых дружинников. В ряде городов найдены бронзовые стилюсы (писала) для писания на восковых табличках, применявшихся при обучении грамоте. О существовании школ на Волыни можно сделать вывод из жития иконописца, впоследствии митрополита Петра, волынца родом. Семи лет он «вдан бывает от родителей книгам учитися». В житии отмечено, что учитель был добросовестным, а мальчик сначала

занимался плохо и лишь впоследствии превзошел своих сверстников. Заботу родителей об обучении детей характеризует также надпись писца Иева на пергаментной рукописи поучений Ефрема Сирина 1288 года. Из нее узнаем, что у тиуна владимир-волынского князя Владимира Васильковича Петра был «сын именем Лаврентѣй, его ж уда учити с[вя]тым книгам» [1]. Несомненно, «учение святым книгам» — не просто обучение грамоте, а более высокая ступень образования, включавшая элементы риторики, философии, юридических знаний.

Высокообразованные люди, знатоки иностранных языков работали в княжеских и епископских канцеляриях Галицко-Волынского княжества. Они готовили тексты грамот, вели дипломатическую переписку. В Галицко-Волынской летописи кроме ряда упоминаний о грамотах приведен текст двух грамот Владимира Васильковича и одной Мстислава Даниловича. Сохранились сведения также о грамоте Льва Даниловича. Известны в оригиналах грамоты галицко-волынских князей Андрея Юрьевича и Льва Юрьевича, Юрия Тройденовича, боярина-правителя Дмитрия Дедьки, предназначавшиеся зарубежным адресатам. Они написаны на хорошем латинском языке, согласно общепринятым в то время правилам составления дипломатических документов. Язык и стиль галицко-волынских грамот оказали влияние на дипломатическую форму писавшихся на украинском языке грамот Великого княжества Литовского и Молдавии (вторая половина XIV—первая половина XVII в.).

Из рукописных книг, созданных или имевших распространение во второй половине XIII—XIV в., до нас дошла лишь ничтожная часть их. Ряд древних памятников (Христинопольский апостол XII в., Бучацкое евангелие XII—XIII вв. и др.) сохранился в монастыре южноволынского села Городище — одного из культурных центров XIII—XIV вв. В конце XIV в. в Киеве дьяк Спиридоний переписал Киевскую псалтырь. В Холме при Льве Даниловиче переписаны Холмское евангелие XIII в., Галицкое евангелие Григория пресвитера и Евангелие 1283 г. Филологический анализ холмских рукописей обнаруживает некоторые украинские языковые черты, все более пробивавшиеся сквозь церковнославянскую основу текста литургических книг.

О широком распространении рукописных книг на Волыни свидетельствует летописный рассказ о владимирском князе Владимире Васильковиче, который «бысть философ велик» [1]. В связи со смертью князя летописец перечисляет его пожертвования церквам своего княжества во Владимире, Берестье, Бельске, Каменце, Любомле и епископским кафедрам других княжеств — Луцкой, Перемышльской, Черниговской. Из числа подаренных в летописи названы и частично описаны 36 книг. Но это не все книги, пожертвованные Владимиром. Так, вне перечня остались книги, переданные церкви в Бельске,— о них упомянуто без указания названий и количества. Одной лишь церкви в Любомле князь передал 12 томов. Очевидно, из книг, отправленных в другие города, летопись называет только самые ценные. Во многих случаях указано, откуда князь получил их: два соборника достались по наследству от отца, молитвенник купил у попадьи в Любомле, ряд книг списан по его указанию, а две — сам списал.

Среди названных в летописи книг есть не только молитвенники и литургические тексты (евангелие-апракос,

[1] *Срезневский И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Спб., 1867, вып. 7, с. 36—39.

[1] ПСРЛ, т. 2, с. 221.

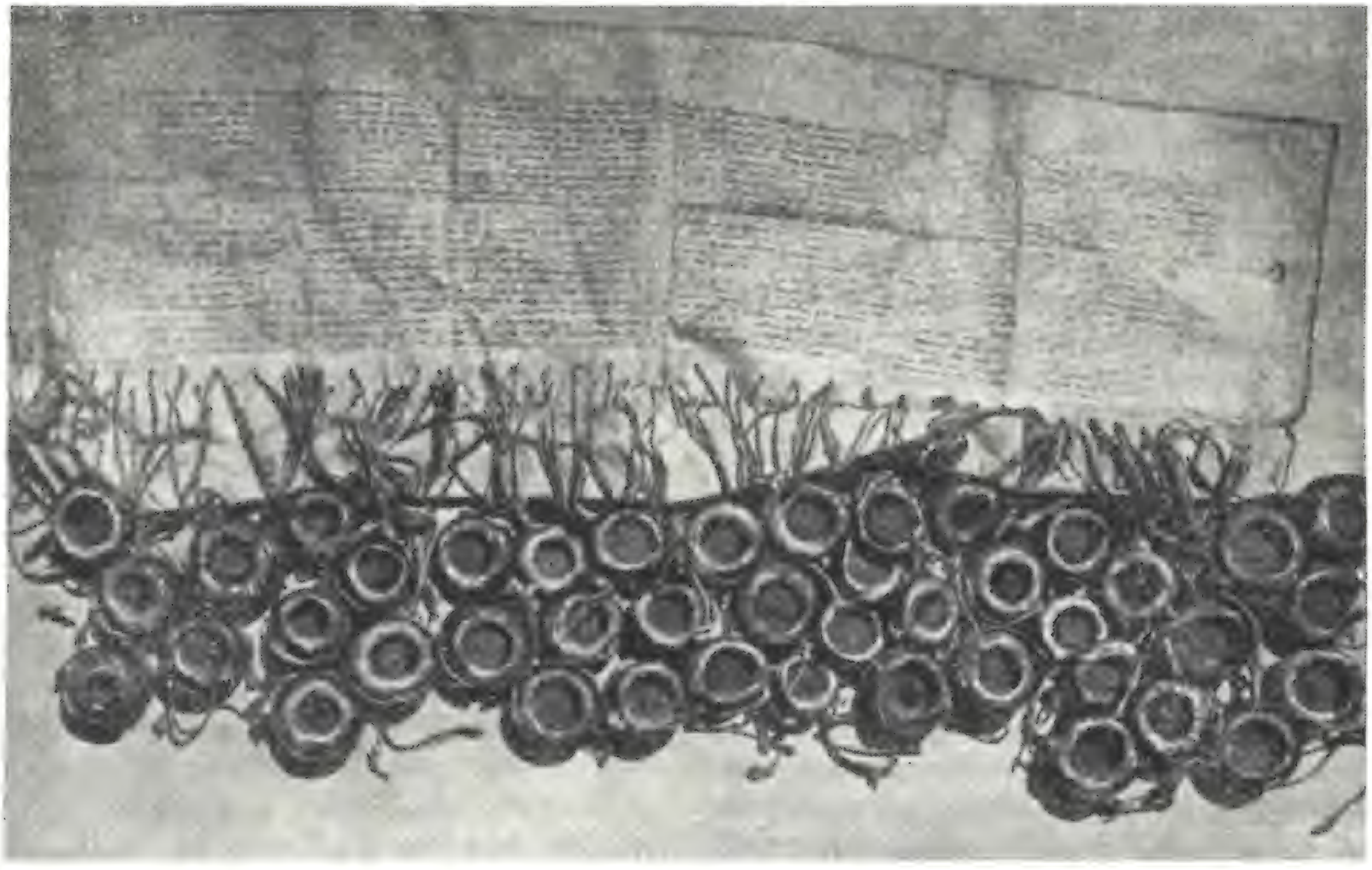
апостол, служебник, триодь, октоих, паремья, 12 миней, ирмологион), но и предназначавшиеся для светского чтения: пролог двенадцати месяцев, «соборник» и «соборник великый» (вероятно, сборники морально-дидактических текстов, аналогичные Изборнику 1076 г.). Обращает внимание разнообразие книг при дворе Владимира. Кроме перечисленных в списке пожертвованных книг, в его библиотеке имелись и другие. Об этом свидетельствует упоминание в летописи о гадании князя на «книгах пророческих».

Высокого уровня достигло во Владимирском княжестве искусство оформления книги, переплета. Среди книг Владимира Васильковича многие были окованы серебром. А посланное в черниговскую епископию «золотом писано» Евангелие-апракос было «окованно сребром с женчюгом и среди его Спас с финиптом»[1]. Особенно подробно описан переплет двух евангелий, заказанных для любомльской церкви. Одно из них оковано «все золотом и каменіем дорогым с женчюгом, и деисус на нем скован от злата, цяты великы с финиптом»[2]. Таким образом, кожаные переплеты самых дорогих книг украшались золототканными материями (оловиром), металлическими накладками с изображениями, выполненными финифтью (эмалями). Все эти богатые переплеты изготовлялись местными ремесленниками. Некоторые книги украшались прекрасными миниатюрами. Следовательно, во Владимире работала большая группа переписчиков и специалистов по художественному оформлению книг. Есть основания полагать, что книгописные мастерские существовали также при епископских кафедрах и в крупных монастырях.

Миниатюра из Киевской псалтыри. 1397 г.

Нашествие Золотой Орды не прервало культурных связей между землями, ранее входившими в Древнерусское государство. Значительный вклад в дело культурного общения юго-западных и северо-восточных древнерусских земель внесли выдающиеся деятели культуры того времени. Так, поставленный Даниилом Галицким на киевскую митрополию Кирилл (ранее княжий «печатник» и один из руководителей придворного летописания) после 1250 г. на долгие годы поселился в Северо-Западной Руси. Считают, что житие Александра Невского, во многом напоминающее по форме и стилю летописное жизнеописание Даниила Галицкого, создано Кириллом или одним

[1] ПСРЛ, т. 2, с. 223.
[2] Там же.



Пергаментная грамота с печатями феодалов. Вторая половина XV в.

из галицких книжников, прибывших вместе с ним на Северо-Западную Русь. При участии Кирилла была составлена первая восточнославянская редакция Кормчей книги (свода канонического права), ставшая основой как для юго-западных, так и для северо-русских обработок.

Существенный вклад в дело культурных связей древнерусских земель внес иконописец Петр, именуемый Ратенским (он начинал свою деятельность в монастыре, расположенном у р. Раты — на пограничье Галичины и Волыни). Благодаря покровительству галицко-волынского князя Юрия Львовича Петр в 1305 г. стал митрополитом, сначала галицким, а затем и киево-суздальским. Переехав в Северо-Восточную Русь, он способствовал фактическому перенесению центра митрополии в Москву и стал ближайшим сподвижником московского князя Ивана Калиты. Петр умер в Москве и был похоронен в основанном им Успенском соборе московского Кремля. В последние годы жизни его деятельность была направлена на политическое возвышение Москвы и укрепление ее связей с другими древнерусскими землями.

Галицко-волынские земли посещал преемник Петра на митрополичьей кафедре Феогност, также тесно связанный с московским князем Иваном Калитой. В 1331 г. для переговоров с Феогностом на Волынь прибыла группа новгородских бояр и новгородский архиепископ Василий Калика — выразитель интересов торгово-ремесленных кругов и сторонник московского князя. Благодаря позиции Феогноста не удалась попытка Гедимина и других литовских князей отделить Псков в церковном и политическом отношении от Новгорода. Отстаивая политическое единение древнерусских земель, Феогност своей деятельностью способствовал сохранению и укреплению культурного общения между ними.

Во второй половине XIV в. в Севе-

ро-Восточную Русь переселился с Волыни князь Дмитрий Михайлович (Кориатович) Боброк-Волынский, родной брат известного в истории Закарпатья Федора Кориатовича. Он стал видным политическим деятелем, принимал участие в Куликовской битве. Вместе с ним прибыли многие его сторонники, среди которых находились высокообразованные люди, принесшие с собой рукописные книги и способствовавшие популяризации в Москве фольклорных и письменных памятников Волыни. Как считает академик Б. А. Рыбаков, в их числе могли быть и былины о Романе Мстиславиче [1].

Как и ранее, памятники письменности, созданные в какой-либо одной русской земле, распространялись во всех других. Характерно, что именно в Северной Руси сохранился ряд древнейших рукописных книг галицко-волынского происхождения: Выголексинский сборник, список поучений Ефрема Сирина, Холмское и Луцкое евангелия XIII в., Архивный хронограф, древнейший список Галицко-Волынской летописи и некоторые другие письменные памятники.

Просвещение в XV — первой половине XVI в. Захват во второй половине XIV в. большинства украинских земель польскими и литовскими феодалами затруднил процесс развития украинской культуры. В условиях иноземного владычества для украинского народа исключительно важное значение имело образование Русского централизованного государства. Русская государственность оказала благоприятное влияние на развитие культуры русского народа. В свою очередь, подъем русской культуры способствовал расширению и укреплению русско-украинских культурных связей, что положительно сказалось на развитии украинской культуры.

Украинская культура развивалась в значительно менее благоприятных условиях, чем русская. Национально-религиозное угнетение коренного украинского населения католическими феодалами и городской верхушкой крайне отрицательно сказалось на состоянии просвещения и культуры вообще. Выступления против окатоличивания означали в то же время борьбу за самобытность украинской культуры, за сохранение ее восточнославянского характера, обусловленного общим культурным наследием трех восточнославянских народов и культурными связями между ними.

В XV — начале XVI в. главными очагами украинской культуры были города, где при монастырях, епископских кафедрах существовали школы, переписывались и собирались книги. В частности, важную роль в распространении письменности сыграл Киево-Печерский монастырь. Через него осуществлялись также культурные связи Украины с Россией и южными славянами.

Издревле в монастырях велось обучение грамоте, однако монастырское образование было очень ограниченным и не имело единой системы. Школы существовали и при некоторых приходах. Так, в документах 1550—1551 гг. упомянуты школы при церквах в Красноставе и Саноке Русского воеводства. Завещанием волынского шляхтича В. Загоровского назначалась постоянная оплата дьяку, обучавшему детей, а в свободное время переписывавшему книги. Завещание не устанавливало ничего нового в форме обучения грамоте, но свидетельствовало о сохранении давней традиции. Кроме православных школ в некоторых городах Галичины и Закарпатья действовали школы при католических храмах. Самой старой из них была школа при львовской ла-

[1] См.: *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с 152.

тинской кафедре, однако вплоть до середины XVI в. обучение в ней носило схоластический характер.

Уже в XV — первой половине XVI в. немало выходцев с Украины училось в Краковском, Пражском, Падуанском, Парижском университетах, а также в некоторых университетах Германии. В 1549 г. С. Ожеховский писал, что Прикарпатье «наслаждается латинскими и греческими науками» благодаря связям украинского населения с греками и поездкам на учение в Италию. Только в Краковском университете в XV — первой половине XVI в. обучалось не менее 1200 выходцев с Украины. Из них заслуживает упоминания математик и астроном (основатель кафедры астрономии Краковского университета) Мартин Король из Журавицы — небольшого села в западной части Русского воеводства. Примечательно, что среди студентов-«русинов» значительную часть составляли горожане. В частности, из небогатой городской семьи происходил Юрий Котермак из Дрогобыча — первый отечественный автор печатной книги. Он учился в Краковском и Болонском университетах, в 1478—1482 гг. преподавал астрономию в Болонском университете свободных наук, а на 1481—1482 гг. избирался ректором этого университета — одного из центров гуманистического естествознания и философии. В 1487—1494 гг. Юрий Котермак-Дрогобыч был профессором астрономии и медицины в Краковском университете, где в те же годы изучали эти предметы Николай Коперник и немецкий латиноязычный поэт-гуманист Конрад Цельтис. В 1482 г. в римской типографии Эухариуса Зильбера вышел трактат Юрия Котермака-Дрогобыча «Прогностическая оценка текущего 1481 года», содержащий первую попытку определения географической долготы Москвы, Львова, Дрогобыча, Кафы. Работы Юрия Котермака-Дрогобыча, соответствовавшие уровню европейской науки того времени, получили распространение и в рукописных копиях (одна из них сделана рукой знаменитого гуманиста Гартмана Шеделя, автора «Всемирной хроники»).

В 1451—1477 гг. львовским католическим архиепископом был Григорий из Санока. Он с гуманистических позиций выступал за ослабление подчиненности литературы и науки богословию. Украину посетили видные итальянские гуманисты Ф. Каллимах Буонаккорси, Помпонио Лето. Здесь жил связанный с флорентийскими гуманистами арендатор прикарпатских солеварен А. Тедальди. Пребывание их на Украине, несомненно, способствовало распространению гуманистических идей. Наконец, к первой половине XVI в. относится литературная деятельность поэта Павла Процелера из Кросно и публициста Станислава Ожеховского, творчество которых проникнуто идеями итальянского Возрождения. Их произведения, написанные с гуманистических позиций, явились вкладом в освобождение от церковного влияния культуры (секуляризацию), без чего немыслимо было дальнейшее развитие образования и науки.

Павел Процелер из Кросно происходил из немецких колонистов, называл себя русином. Он комментировал краковским студентам произведения древнегреческих поэтов, хорошо знал новолатинскую гуманистическую поэзию. С. Ожеховский с гордостью подчеркивал, что он украинец. Станислав Ожеховский вошел в историю польской и украинской культуры как блистательный публицист, автор политических трактатов, в которых призывал выступить на борьбу с турецким владычеством на югославянских землях, проповедовал веротерпимость. Хотя Павел Русин и С. Ожеховский писали на латинском языке и их труды распространялись преиму-

щественно среди городской верхушки и феодалов, все же они способствовали дальнейшему развитию украинской культуры.

В трудных для развития культуры условиях, сложившихся на Украине, огромное значение имело богатое наследие отечественной культуры, поддержанию и развитию которого служили прочные культурные связи с Россией и южными славянами. В России, Белоруссии и на Украине по-прежнему пользовались .популярностью памятники литературы, написанные или переведенные еще во времена Киевской Руси, создавались и новые произведения в русле той же традиции. Углублялся интерес к научной литературе.

В конце XV в. в Киеве был осуществлен перевод философских трактатов Моисея Маймонида и Аль-Газали (XII в.). Рукописи этих сочинений распространялись также в России. Некоторые рационалистические идеи, содержавшиеся в них, использовали новгородские вольнодумцы. Пользовался известностью сборник естественно-научных рассказов под названием «Люцидариус», составленный в XIII в. в Германии.

Захват земель Юго-Западной Руси польскими и литовскими феодалами затормозил развитие книгописания, но не мог его приостановить. Книжное дело на Украине, равно как и в России и Белоруссии, развивалось на прочном фундаменте достижений книгописания Киевской Руси в период ее существования как единого государства и во времена феодальной раздробленности.

На протяжении XV—XVI вв. рукописные книги создавались не только в Киеве и других крупных городах, но и во многих местечках, а нередко и в селах. Переписчиками их были и духовные лица и светские люди. Если в селах рукописи переписывались по заказу феодалов, то города превратились в центры книгописания, рассчитанного на сбыт. На Украине не возникли столь крупные книгописные мастерские, как в Московской Руси, однако центры книгописания существовали во всех украинских землях. Так, в Закарпатье, где сложились особенно неблагоприятные условия культурной жизни, все же был создан такой выдающийся памятник, как Королевское евангелие 1401 г. Из северобуковинских рукописных книг заслуживает внимания Минея, оконченная в 1504 г. попом Игнатием из Кицмани.

Начиная с XV в. книги переписывались преимущественно на бумаге. На протяжении XV — первой половины XVI в. господствующим орнаментом в оформлении книг на Украине был плетенчатый. Со второй половины XVI в. на первое место выступают растительные узоры, однако как плетенка, так и тератологический орнамент дожили до конца существования рукописной книги. Подъем украинского книгописания наметился в XVI в., особенно во второй его половине. Более разнообразной становится тематика книг, их оформление.

На Украине получили распространение также рукописные книги из Белоруссии, южнославянских и восточнороманских стран. Южнославянские книги оказали значительное влияние на правописание и оформление восточнославянских рукописей, в том числе и украинских. Высоко ценились на Украине памятники московского книгописания. В XV—XVI вв. переводились и переписывались книги, созданные или переведенные в России. Нередко они служили образцом для украинских книжников.

Распространение первых печатных книг. Из упоминаний в документах XV—XVI вв. видно, что уже в это время книжные собрания имели и представители духовенства и светские люди. Так, в 1528 г. в совете

г. Львова шла тяжба о книгах, привезенных из Молдавии Могильницким для горожанина Макария. Домой к последнему приходил Васько Волынец специально, чтобы читать эти книги.

Если среди рукописных книг преобладали литургические произведения и патристика (религиозные и философские труды «отцов церкви»), то в печатном виде получила распространение также и светская литература.

Печатные книги вскоре после их появления начали проникать в восточноевропейские страны, в том числе на Украину. У многих горожан имелись книги, издававшиеся в Польше (преимущественно в Кракове) и городах Западной Европы (Базеле, Франкфурте, Нюрнберге, Страсбурге, Париже, Венеции). Они приобретались главным образом при посредничестве книготорговцев Кракова, Познани, Гданьска, связанных с отдельными издателями и с торговыми фирмами Франкфурта, Лейпцига и других городов. Так, в 1477 г. во Львове торговал познанский книготорговец Петр из Любека, а в самом конце XV в. М. Шмид — представитель знаменитой нюрнбергской фирмы Кобергеров. На львовскую январскую ярмарку приезжали также книготорговцы и типографы из Кракова (И. Виетор, М. Шарфенберг, М. Зибенайхер, М. Пренжина, Э. Кэснер, А. Пиотрковчик), Познани (И. Патруус), Гданьска (Гануш). Книжная торговля велась также на ярмарках других городов.

Наибольшим спросом пользовалась античная литература, филологические труды западноевропейских гуманистов, книги по медицине и юриспруденции. Однако зарубежные издания на латинском и других иностранных языках мало содействовали приобщению широких народных масс к культурной жизни. Более того, наплыв зарубежных католических, а впоследствии и протестантских печатных книг ставил перед православными культурными кругами задачу противопоставления этой литературе произведений, которые служили бы интересам самобытного развития украинской культуры, возможного лишь при сохранении культурного единения с братскими русским и белорусским народами. Поэтому особое значение для развития культуры имело издание первых книг кириллическим шрифтом на церковнославянском (старославянском) языке, продолжавшем служить важным средством межславянского культурного общения.

Зарождение славянского кириллического книгопечатания связано с потребностями культурной жизни и идеологической борьбы на украинских и белорусских землях, находившихся под властью Великого княжества Литовского и Польши. Однако первая типография, призванная обслуживать православное население Украины, Белоруссии и других славянских стран, возникла не в одной из них, а в столице и крупнейшем экономическом центре Польского королевства Кракове.

Избрание Кракова для первой кириллической типографии объясняется не только наличием в этом крупном городе материальной и технической базы, но и тем, что национально-религиозное угнетение здесь подчас проявлялось менее остро. Для части католического духовенства и феодалов собственно польских земель вопрос борьбы с православием был менее актуален, чем для католической верхушки, стремившейся утвердиться на украинских и белорусских землях. То, что в Кракове наряду с поляками проживали немцы, итальянцы, венгры, чехи, белорусы, украинцы и представители других народностей, содействовало превращению города в важный центр международных культурных связей. Одним из проявлений

Франциск Скорина. Гравюра из «Библии» Ф. Скорины.

этих связей был выход в Кракове в конце XV в. первых четырех книг, напечатанных кириллицей на церковнославянском языке. В двух из них («Часослове» и «Октоихе») есть выходные сведения: они напечатаны в 1491 г. в Кракове горожанином из Франконии немцем Швайпольтом Фиолем. Тем же шрифтом напечатаны «Триодь постная» и «Триодь цветная». Для печатания книг в качестве оригиналов использовались рукописи восточнославянского происхождения. Послесловиям к книгам присущи четко выраженные украинские языковые черты.

Издания Фиоля, распространявшиеся на Украине и в Белоруссии, очень скоро стали известны в России: наиболее ранние датированные записи великорусского происхождения в них относятся к 1517 и 1536 гг. Особенно много экземпляров изданий Фиоля попало в Россию через Украину и Белоруссию в XVII—XVIII вв. в связи с дальнейшей интенсификацией русско-белорусско-украинских культурных связей. Более того, они стали одним из факторов дальнейшего укрепления этих связей.

Появление книг, напечатанных кириллицей, создавало предпосылки для дальнейшего распространения грамотности, для оживления литературного процесса. И. Я. Франко считал это событие «переломным фактом» в истории украинской письменности.

В конце XV в. действовала кириллическая типография в Черногории, в начале XVI в.— в Валахии. Значительные центры кириллического славянского книгопечатания возникли также в Венеции и Трансильвании. Однако книги из этих стран проникали на Украину спорадически. Значительно большее значение для Украины имело зарождение в первой четверти XVI в. белорусского книгопечатания, сразу же достигшего высокого уровня и ставшего мощным фактором подъема культуры на восточнославянских землях.

Основателем книгопечатания в Великом княжестве Литовском стал Франциск Скорина — выходец из Полоцка. Мировоззрение его формировалось под воздействием опыта и знаний, полученных на родине, а также в результате знакомства с культурой западноевропейского Ренессанса. Скорина стал предшественником белорусско-литовской реформации. Он сознательно ставил перед собой задачу: способствовать просвещению «людей посполитых».

На протяжении 1517—1519 гг. в Праге Скорина выпустил в свет «Псалтырь» и еще 22 ветхозаветные книги (в 19 выпусках) «Библии русской». Свою издательскую деятельность он продолжил в Вильнюсе. Здесь около 1522 г. были напечатаны малоформатная «Псалтырь», «Часо-

слов», 17 акафистов и канонов, «Шестодневец» со службами по дням недели, святцы с пасхалией, а в 1525 г.— «Апостол». Предисловия и послесловия Скорины к книгам и их разделам написаны зачастую с просветительских позиций. Так, в общем предисловии к «Библии» он говорит о необходимости использовать имеющиеся в отдельных богослужебных книгах элементы реальных знаний для изучения «вызволенных наук», т. е. грамматики, риторики, диалектики, арифметики, геометрии, астрономии, музыки.

В часть изданных книг Скорина ввел столько грамматических и лексических элементов белорусского языка, что эти тексты стали промежуточным звеном в переходе от церковнославянского к белорусскому литературному языку. Желание сделать свои издания понятными для «людей посполитых» — одна из ярких черт гуманизма Скорины. Широко распространены были издания Скорины на Украине, а из сохранившихся рукописных копий скорининских изданий большинство создано на украинских землях.

Продолжателями дела Скорины были Симон Будный, издавший в 1562 г. в Несвиже две книги на белорусском языке, и Василий Тяпинский. Неизвестно, где работала «убогая друкарня» Тяпинского — в родном Тяпино в Белоруссии или в другом месте (в 70-годах XVI в. он имел дом в Луцке). Единственное ее известное издание — «Евангелие» вышло, вероятно, в начале 70-х годов XVI в. Текст его печатался параллельно на церковнославянском языке и в переводе на «простую мову».

Деятельность Скорины, Будного, Тяпинского была одним из проявлений оживления общественно-политической и культурной жизни, создававшего предпосылки для дальнейшего подъема культуры.

2. ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА

Народная словесность. Во второй половине XIII — первой половине XVI в. зародилось и получило широкое развитие устнопоэтическое творчество украинского народа. Оно основывалось на традициях и художественных достижениях древнерусского фольклора и развивалось в условиях борьбы трудящихся масс против феодально-крепостнического гнета и чужеземных захватчиков. В то же время у русских, украинцев и белоруссов возникали и распространялись новые формы народнопоэтического творчества, порожденные своеобразием исторических, социальных, культурных и других условий жизни каждого народа.

Определенные изменения претерпела в описываемое время календарно-обрядовая и семейно-обрядовая песенность, пополнились новыми темами и мотивами прозаические жанры, живой народный язык обогатился новыми пословицами, поговорками, загадками, крылатыми выражениями и т. п.

Сопровождая труд и быт народа, обрядовая поэзия на этом этапе уже в значительной мере теряет магическую и культовую направленность, становится выражением идеалов человека труда, формируемых в виде поэтических пожеланий во время общественных и семейных праздников (встречи нового года, весны, жатвы, свадьбы и пр.). В самих же обрядовых действах еще сохраняются отзвуки первобытных магических ритуалов, связанных с земледелием и крестьянским бытом (драматизованные ряженья-игры хозяйственно-символического значения с плугом, туром, козой, культ хлеба в календарных и

семейных обрядах). Особенно жизнерадостными были новогодние обряды с ряженьем и песнями, отражавшими радость, вызванную приближением весны и полевых работ.

С середины XIV в. на Украине под влиянием христианской религии древнее мартовское летосчисление начинает сменяться январским. Вместе с ним передвигаются на зимний период и новогодние обряды, однако их содержание и поэтика, как и раньше, ориентированы на весенний хозяйственный период. Главные мотивы народных колядок и щедровок этого периода — величально-трудовые и героико-ратные. Стиль их возвышенно-монументальный. Зато обрядовые игры и ряженья наполнены юмором, традиционным для бродячих профессионалов-скоморохов, известных в Древней Руси глумцов, игрецов, плясунов.

Православная церковь подвергала гонению и запрету народные обряды, песни и увеселения, так как они противоречили религиозным догмам аскетизма, слепого подчинения «божьей воле». Сохранившиеся в церковных документах описания народных обрядов (например, описания праздника Купала в послании игумена Памфила 1505 г., в сборнике церковных законов «Стоглав» 1551 г. и др.) характеризуют их как «сатанинские», «растленные» игрища, подлежащие искоренению. Но несмотря на преследование со стороны церкви и духовенства «бесовских игрищ» и «бесовских песен», традиционные календарные и семейные обряды и сопровождавшая их песенность прочно сохранялись в народном быту. И церковь вынуждена была приспосабливать свои праздники к народным обрядам и обычаям.

Встреча весны плясками, пением веснянок и гаивок, играми в определенной степени отражала дохристианское обожествление природы, стремление заручиться ее содействием на время тяжелых земледельческих работ. Бодрые, преисполненные светлых надежд на будущее, весенние песни и пляски созвучны пробуждению природы. Главная тематика веснянок, как видно из позднейших записей,— семейно-бытовая, с выражением народных взглядов на любовь, семейные отношения и т. п. В них слышны также языческо-мифологические, магически-обрядовые и древнерусские исторические отзвуки. В веснянках до XIX в. сохранились воспоминания о медовой дани, охране замков и городских ворот, образы князя Романа и Журила, очевидно, родственного былинному Чуриле. Средневековая атмосфера чувствуется в таких дошедших до нашего времени в записях XIX в. игровых веснянках, как «Мосты», «Вратарь», «Король», «Городок», «Коструб», «Жельман».

Близки к веспянкам по своему характеру и семейно-бытовой тематике русальные, петровочные и купальские обряды и песни. Особенно широко и бурно отмечался полный жизнерадостности и похвалы плодородию праздник Купалы. Его сопровождали костры и игры возле рек и водоемов, отражавшие поверья языческой старины.

Обрядовая песенность второй половины XIII— первой половины XVI в. вобрала в себя темы, образы и идейные тенденции рассматриваемого периода. Влияние современности в той или иной мере проявилось во всех циклах песен, сопровождавших сезонные (зимние, весенние и летне-осенние) календарные обряды и праздники: в колядках и щедровках, веснянках, купальских, петровочных и жатвенных песнях. Таким образом, основной фонд обрядовой поэзии, созданной еще в первобытнообщинную эпоху, задолго до возникновения Древнерусского государства, обогащался новыми элементами. В народной песенности начинают появлять-

ся социальные мотивы, отражавшие антифеодальные настроения народных масс. Эти мотивы особенно характерны для цикла жатвенных песен:

Бодай пану на дворі страшно,
Як нам в полі сонце зашло.
Сонце зашло — ми ще жнемо,
При місяці снопи носимо,
При зіроньках копи кладемо,
Опівночі додому йдемо,
На світанні вечеряємо,
У день білий знову йдемо...
Бодай пана громи вбили,
Як ми ручки потомили.

Протест против захвата части украинских земель Великим княжеством Литовским отразился в свадебной песне, в которой к тому же заметны следы древнего родового обычая умыкания жен:

Не наступай, Литва,
Буде меж нами битва.
Будемо бити да воєвати,
Мар'єчки не давати.

Борьба против турецко-татарских захватчиков также пополняла обрядовую поэзию новыми темами и образами. В некоторых колядках, дошедших до нас в записях XIX в., юноша изображается именно как защитник украинской земли от врагов:

— Пане Іване, чи спиш, чи не спиш?
Ой, коли ж ти спиш, господь з тобою!
А коли не спиш, промов зо мною.
Що в наші города турки вступили,
Турки вступили пополам з татарами,
Пополам з татарами, з кіньми з сто парами.
— А я ж тих турків да й не боюся,
Ой, я з ними в пил переб'юся!
Ой, дайте мені коня воронця,
Коня воронця й гострого меча!

Данные летописей и других письменных источников XIV—XVI вв. (в том числе свидетельства польских писателей), а также содержание отдельных фольклорных произведений дают представление о широком бытовании в те времена прозаических жанров фольклора — сказок, легенд, преданий и притч. Главными их героями были богатыри и витязи, в подвигах которых воспевалась борьба народа против внешних завоевателей. Эта борьба требовала громадного напряжения сил народа, и поэтому сила стала важнейшей чертой народного героя. Антиподом богатыря в сказках, легендах и преданиях обычно выступает воплощение враждебных, злых сил — змей, силач из враждебного лагеря. Победа положительного героя над ними в жестоком поединке выражала оптимизм народа и веру в свои силы. Фольклорные произведения с подобным содержанием выполняли важную общественную функцию — воспитывали патриотизм. Один из ярких образов богатырей создан в легенде о киевском «лыцаре» Михайлике. В ответ на предательство городской верхушки, согласившейся выдать богатыря врагам, Михайлик взял на ратище Золотые ворота и увез их в Царьград. Вообще сказочные богатыри зачастую уходят в Турцию и за море, где вступают в бой с фантастическими чудовищами и многоголовыми змеями, не допуская их на родную землю. Возможно, легенда о Михайлике — это пересказ сюжета какой-то эпической песни или былины времен Киевской Руси.

Популярностью в этот период пользовались также прозаические предания и легенды о монголо-татарском нашествии. Одним из персонажей этих произведений был шелудивый Боняка, ассоциировавшийся в народном сознании с ханом Батыем. Ненависть и презрение к завоевателям нашли выражение в чертах Боняки. Он — отвратительный, кровожадный людоед с висящей за спиной печенью и уродливой громадной головой, с тяжелыми веками, которые поднимаются специальными вилами при помощи слуг.

Одна из легенд сохранила имя Батыя, представляя его как «омонголив-

шегося» русского богатыря, использовавшего орду для мести киевским монастырям, жестоко угнетавшим закрепощенных крестьян. Создатели этой легенды перевели нашествие Батыя в плоскость социальной борьбы с внутренними врагами трудового народа. Вообще отражение антифеодальной борьбы становится одной из характерных особенностей фольклорных произведений рассматриваемого периода.

Эпоха Возрождения, оказавшая влияние на весь средневековый мир, на Украине также вызвала усиление интереса к живой действительности. Стремление народа к созданию героико-эпических произведений, прежде проявлявшееся в фантастических и богатырских сказках, легендах и преданиях, а также в былинных сюжетах, возрастало и вызывало к жизни новые жанры, более тесно связанные с реальной жизнью. С конца XV в. начинает активно развиваться историческая поэзия украинского народа — лиро-эпические песни и эпические думы. Под 1506 годом «Хроника» польского писателя С. Сарницкого уже вспоминает элегическую песню о героической гибели братьев Струсов на поле брани, которую пели сельские жители в сопровождении сопилок. Известно также, что в 1546 г. украинский певец (кобзарь или лирник) пел думы при дворе Сигизмунда II Августа, за что получил денежное вознаграждение.

Украинская эпическая песенность этого периода была представлена преимущественно историческими песнями и балладами. Впрочем, как писал И. Франко, эпика их не выступала в чистом виде, как в болгарско-сербских юнацких песнях или русских былинах, а всегда сопровождалась лирическими мотивами. Исторические песни отражали борьбу и страдания народа, постоянно подвергавшегося турецко-татарским набегам. До наших дней донесли эти произведения глубоко правдивые и волнующие картины жизни народа в этот тяжелый для него период истории:

За річкою вогні горять,
Там татари полон ділять.
Село наше запалили
І багатство розграбили.
Стару неньку зарубали,
А миленьку в полон взяли.
А в долині бубни гудуть,
Бо на заріз людей ведуть:
Коло шиї аркан в'ється,
І по ногах ланцюг б'ється.

Опустошительные набеги турецко-татарских захватчиков на украинские земли сопровождались уничтожением сел и городов, разбоем и угоном тысяч мирных людей в плен и отправкой их на невольничьи рынки. Все это правдиво зафиксировали народные песни, которые и до сих пор благодаря своему почти документальному отражению действительности являются ценным историко-познавательным источником. Картины грабежа и опустошения татарами украинских земель зафиксированы и летописцами. Например, Никоновская летопись, описывая поход Менгли-Гирея в 1482 г. на Киевскую землю, сообщала, что татары полностью ее опустошили, город Киев сожгли, бесчисленное количество людей захватили в плен.

Драматические события исторического и социально-бытового характера находили отражение в народных балладах. Среди них выделяется историческая баллада о Стефане-воеводе, дошедшая до нас в записи чешского ученого Яна Благослава, включившего ее в свою грамматику где-то перед 1571 годом. Песня сложена на закарпатском диалекте украинского языка. Исследователи связывают ее содержание с событиями 70-х годов XV в., когда молдавский господарь Стефан III Великий боролся против султанской Турции и одержал ряд значительных побед. Украинский народ, принимавший участие в отраже-

нии турецкой экспансии, откликнулся на один из эпизодов этой борьбы песней «Дунаю, Дунаю, чему смутен течеш?». Ее начало — типичная батальная народно-песенная картина, изображенная приемом трихтомии:

Дунаю, Дунаю, чему смутен течеш?..
На версі Дунаю три роти ту стою:
Перша рота турецка,
Друга рота татарска,
Трета рота волоска.
В турецькім роті шаблями щермую,
В татарськім роті стрілками стріляю,
[У] волоскім роті Штефан-воєвода.

По песне «Дунаю, Дунаю, чему смутен течеш?» можно судить о характере народной песенности XV в. Начало песни свидетельствует о значительном развитии приемов народного творчества, имевшего в своем арсенале готовые поэтические структуры для изображения батальных сцен, драматических жизненных эпизодов и т. п. Именно такой структурой является трихтомия, которая позже будет встречаться во многих народнопоэтических произведениях, отражающих военные действия. Песня «Дунаю, Дунаю...» подтверждает существование в XV— первой половине XVI в. на украинских землях лирической и семейно-бытовой внеобрядовой песенности.

На основе существовавшей песенной культуры украинского народа, прежде всего ее лиро-эпических форм, а также под влиянием древнерусской эпической традиции и эпоса южных славян в XV— начале XVI в. возник украинский народный эпос — думы. Появлению их способствовало формирование казачества, сыгравшего важную роль в защите родной земли от турецко-татарских завоевателей. Создателями и носителями дум были талантливые народные музыканты и певцы — кобзари, зачастую происходившие из казацкой среды, участники освободительной борьбы народа против чужеземных захватчиков и социальной борьбы против феодального гнета. Исполняемые кобзарями на ярмарках, базарах, народных празднествах думы адресовались широкому кругу слушателей: казакам-воинам, трудящемуся люду.

Характерной особенностью дум, отличающей их от более давних эпосов, является отсутствие фантастики, близость изображаемого к реальной действительности. Это во многом обусловлено общественным назначением дум — воспитывать массы в патриотическом духе, вызывать в них чувство ненависти к внешним врагам и феодально-крепостническому гнету, возвышать и прославлять героев освободительной борьбы народа, их мужественные дела, отстаивать принципы здоровой народной морали. Благодаря этим качествам думы в течение столетий были неотъемлемой и ведущей частью кобзарского репертуара.

Самый давний пласт народных дум посвящен темам борьбы против нашествия крымских орд и султанских войск. На обобщенно-историческом фоне эпохи, который просматривается в думах сквозь отдельные характерные и в то же время сильно типизированные черты, развертываются картины общественных и семейных конфликтов: невыносимая турецко-татарская неволя — муки в темном тюремном подземелье и каторжный труд на галерах, издевательства над пленниками, эпические картины поединка казака Голоты, атамана Матяша Старого и других с иноземными поработителями.

К думам XV— первой половины XVI в. относятся такие, как «Побег трех братьев из города Азова, из турецкой неволи», «Плач невольников», «Маруся Богуславка», «Сокол и соколенок», «Иван Богуславец». Характерно, что в них не вспоминается ни казацкое товарищество, ни Запорожская Сечь, к которой должны были бы обращаться надежды и взоры неволь-

ников. Очевидно, во время появления этих дум Сечи как определенного общественного явления еще не существовало (Запорожская Сечь основана в 30-х годах XVI в.). Во всех вариантах думы о побеге братьев из Азова они стремятся на родную землю, к отцу и матери, а не под защиту казаков.

Тревожная жизнь под постоянной угрозой турецко-татарских нападений стала основным сюжетом наиболее давних дум. Они объединены ведущей патриотической идеей и положительными персонажами — храбрыми защитниками родной земли. Она видится невольникам прекрасной: в ней «тихие воды», «ясные зори», «край веселый», «мир крещеный». Противопоставление ужасам турецкой неволи прелести родного края усиливало патриотически-воспитательную направленность дум.

Отдельные думы этого периода пропагандировали идею свободолюбия, освобождения от крепостной зависимости. Особенно рельефно она воплощена в аллегорической думе «Сокол и соколенок»:

Ей, соколя мое, бездольне, безродне!
Лучче ми будем по полю літати
Та собі живності доставати,
Аніж у тяжкій неволі
У панів проживати.

Функцию обобщения и передачи трудового опыта и социальных воззрений народа выполняли малые жанры фольклора — пословицы и поговорки, а также приметы, связанные с ведением хозяйства. О существовании афористических произведений пословичного типа в живом украинском языке свидетельствует писатель XVI в. Максим Грек, отдельные образцы их встречаем в документе того периода — «Речи Ивана Мелешка».

Рассматривая устную народную словесность второй половины XIII—первой половины XVI в., нельзя не коснуться религиозной поэзии, которую постоянно навязывала массам христианская церковь. Однако религиозные произведения, в частности духовные псалмы, народ воспринимал по-своему, смешивая их содержание со своими чисто житейскими представлениями и взглядами, переделывая сюжеты из церковной (зачастую апокрифической) литературы — о сотворении мира, о смерти, о правде и неправде, о Христе, Соломоне и др.— на свой лад.

Таким образом, во второй половине XIII— первой половине XVI в. в условиях золотоордынского ига, а затем господства на украинских землях польских и литовских феодалов первостепенную для масс культурную функцию выполняло народнопоэтическое творчество. Оно играло важную роль в процессе формирования и развития украинской народности.

Летописание. После нашествия Батыя и ослабления роли Киева как культурного центра русских земель культурные и литературные традиции Древней Руси нашли свое продолжение в Юго-Западной, Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, где при княжьих дворах и монастырях группировались местные и бежавшие от ордынского нашествия из других земель «книжные мудрецы».

На Галицко-Волынской земле во второй половине XIII в. была создана знаменитая Галицко-Волынская летопись. Она состоит из двух частей: Галицкой, охватывающей 1201—1261 гг., и Волынской, относящейся к 1262—1292 гг. Авторы Галицко-Волынской летописи, как и киевские летописцы XI—XII вв. и творец «Слова о полку Игореве», описывают историю родной земли, руководствуясь чувствами патриотизма, осуждают феодальные распри и призывают русских князей к политическому единению.

Особенную историко-литературную ценность представляет Галицкая

часть летописи, написанная личностью, очень близкой к окружению князя Даниила. Анонимный автор — большой знаток литературы Киевской Руси и фольклора. Для создания летописи он использовал Киевский летописный свод, документы княжеского архива и канцелярии, в том числе материалы дипломатических сношений, придворные летописные записи, рассказы-отчеты бояр о военных походах. Кроме того, автор использовал отрывки из византийских хроник Малалы и Амартола, «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия, светскую повесть «Александрия». Первая часть летописи создавалась под наблюдением близких к Даниилу Галицкому «печатника» Кирилла и холмского епископа Ивана.

Главный герой Галицкой летописи — князь Даниил Романович. Автор подробно излагает историю его жизни с детства до самой смерти. Он ярко описывает борьбу Даниила с «боярской крамолой» и походы против внешних врагов — немецких рыцарей-крестоносцев, венгерских и польских феодалов, подчеркивает дипломатические способности князя.

Человек светский, автор летописи почти не интересуется религиозными вопросами. Рассказывая о постройке прекрасных архитектурных сооружений культового назначения, он видит в них не проявление силы божьей, а результат деятельности человека, его разум и руки. Ярко описал автор строительство города Холма, в котором принимал участие «хитрец» Авдий.

Читателей и поныне очаровывает поэтический рассказ о евшан-траве, позаимствованный из устного половецкого эпоса. Половецкий хан Отрок после разгрома его орды Владимиром Мономахом бежит на Кавказ и остается там жить. Брат Отрока Сирчан посылает к нему певца Орю, чтобы тот половецкими песнями напомнил ему о родине и заставил вернуться домой. Однако песни не оказали на Отрока желаемого воздействия. Тогда Оря дает ему понюхать евшан-траву (полынь) из родных земель. Отрок заплакал и сказал: «Да луче есть на своей землѣ костью лечи, не(ж)ли на чюже славну быти».

В Волынской летописи отражены главным образом события, связанные с княжением на Волыни Владимира Васильковича. Можно предположить, что эту часть летописи написал человек из духовного сословия. Автор основное внимание уделяет описанию строительства храмов, татарское нашествие считает «божьей карой». Сама «похвала» князю Владимиру Васильковичу очень напоминает «похвалу» Владимиру Святославичу в «Слове о законе и благодати» выдающегося древнерусского проповедника Илариона (XI в.). Автор Волынской летописи придерживается главным образом традиций киевского летописания XI—XII вв. Личность Владимира Васильковича идеализируется. Летописец видит в князе умного правителя, храброго воина, смелого охотника, книголюба и философа. О галицком же князе написано очень мало и в плане, далеком от преклонения. Такая позиция обусловлена политическими и идеологическими взглядами автора и последующих редакторов рукописи.

Галицко-Волынская летопись как выдающееся историческое и литературное произведение оказала определенное воздействие на более поздние летописи — так называемую Краткую киевскую летопись XIV—XV вв. и литовско-белорусские летописи (летописи Великого княжества Литовского). Поскольку украинские земли входили тогда в состав Великого княжества Литовского, в литовско-белорусском летописании значительное место отведено рассказу о событиях на украинских землях. Наиболее ценные данные по истории укра-

инских земель содержит Супрасльский список. Первая его часть представляет собой компиляцию из общерусских летописей, вторая, посвященная исключительно истории Великого княжества Литовского,— оригинальная.

Характерной особенностью литовско-белорусских летописей является наличие в них «повестей»-вставок, отличающихся по форме и стилю от летописного изложения. Они приобрели черты художественных произведений. Так, «Похвала о великом князи Витовте», помещенная в летописи (Супрасльский список) между 1431 и 1432 годами, превозносит могущество князя Витовта, которому «покорялись не только вся русская земля, но и все с запада и востока ему поклонялись», ибо, как пишет летописец, он «царь над всей землей». Выделяется среди других своей политической направленностью повесть «О Подольской земли», которой оканчивается Супрасльский список. Летописец рассказывает о князьях Кориатовичах, стремясь обосновать право Литвы на Подолию, за которую шла борьба между Литвой и Польшей.

Наиболее полной летописью является так называемая хроника Быховца (XVI в.), впервые изданная по рукописи в 1846 г. польским историком Т. Нарбутом. Она считается первой попыткой написания истории Великого княжества Литовского. Летописец, характеризуя литовских князей, идеализирует Гедимина, Ольгерда, Кейстута, которые расширяли владения Литовского княжества, стремились усилить его политическую значимость.

В изложении древней истории литовского народа в хронике Быховца много выдуманного. Нереален, в частности, рассказ о происхождении литовцев от древних римлян. Наиболее ценные сведения содержатся в изложении событий начала XVI в.

Церковно-литературные произведения. Культурные традиции Киевской Руси продолжались не только в летописании, но и в других видах письменности, в частности в ораторской, житийной и паломнической прозе. Выдающимся представителем ораторской прозы второй половины XIII в. был архимандрит Киево-Печерского монастыря, а потом владимирский епископ Серапион (умер в 1275 г.). Его пять «Слов», дошедших до нас, несмотря на религиозную окраску, отображают реальную жизнь народа во времена монголо-татарского нашествия.

Как и все современные ему проповедники, Серапион считал монголо-татарское иго божьей карой за грехи, за соблюдение языческих обычаев, за ненасытность князей и бояр и их междоусобицы, за издевательства над бедными и сиротами. Он рисует страшную картину лихолетья: «...кровь и отець и братия нашея, аки вода многа, землю напои; князии наших воевод крѣпость ищезе; храбрии наша страха напольншеся, бѣжаша; мьножайша же братия и чада наша в плѣн ведени быша; села наша лядиною (молодым лесом.— *Ред.*) поростоша, и величьство наша смѣрися; красота наша погыбе; богатство наше онѣмь и користь бысть; труд наш погании наслѣдоваша; земля наша иноплеменикомь в достояние бысть; в поношение быхом живущими въскраи земля нашея; в посмѣх быхом врагом нашим...» [1]. Отдельные фрагменты речей Серапиона по силе звучания напоминают строки «Слова о погибели Рускыя земли», написанного неизвестным автором в Северо-Восточной Руси в 20—30-х годах XIII в.

Отзвуки образного стиля «Слова о полку Игореве», ораторских произве-

[1] *Гудзий Н. К.* Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. М., 1952, с. 162.

дений Кирилла Туровского и названных выше произведений слышны в анонимном «Слове о Лазареве воскресении», созданном на рубеже XIII—XIV вв. И. Франко высказал предположение, что автором «Слова о Лазареве воскресении» мог быть дружинник, который не только отображал настроения своих современников, но и выражал хотя бы «слабенькую ноту надежды тогдашнего русина на лучшее будущее».

Много посланий, «слов», грамот, житий, похвал, речей написали в киевский период своей деятельности Киприан и Григорий Цамблаки. Обоим болгарским писателям-проповедникам присущ риторический стиль, в котором нашли место сложные художественные приемы, утонченный словесный рисунок, патетическая экспрессия, драматизированные описания природы и т. д. В то же время в «Слове о почивших» Григорий Цамблак с явной иронией пишет о богаче, которому алчность не дает покоя ни днем ни ночью.

Выдающимся литературным памятником является «Киево-Печерский патерик». В первой его редакции (начало XIII в.) содержатся рассказы о строительстве Печерской Успенской церкви и первых печерских черноризцах. Со временем «Патерик» превратился в сборник житий монахов и рассказов о разных «чудесах» в монастыре, но в нем сохранилось много фактов, характеризующих социальную и политическую историю Руси, а также быт мопастырей, ставших крупными землевладельцами.

С литературной точки зрения вызывают интерес Арсеньевская (1406) и две поздние Касьяповские (вторая половина XV в.) редакции «Патерика». По языку и художественным особенностям их можно отнести к переходному этапу от литературы Киевской Руси к литературным памятникам второй половины XV в.

Влияние живого украинского языка ощущается в новой редакции сборника житий «Четьи-минеи» (1489), оригинал которого был создан, очевидно, в западноукраинских землях, а затем переписан в Белоруссии. Поэтому в этой редакции сочетаются элементы украинского и белорусского языков. Следует отметить, что переписчики обрабатывали жития святых и «слова» в соответствии со своими вкусами и назначением книги.

Светская литература. Наряду с церковно-морализаторскими произведениями времен Киевской Руси в XIV—XV вв. появляются в украинской редакции такие интересные литературные сборники, как «Измарагд», переводные «духовные повести» о трех королях-волхвах, о Тавдале-рыцаре, новые версии светской повести «Александрия», «Троянской истории» итальянского поэта XIII в. Гвидо де Колумны, «Сказание об индийском царстве».

В сборнике «Измарагд» помещено около ста разных «слов», в большинстве своем на морально-бытовые темы: «О книжной мудрости», «Книжное почитание», об уважении к учителям, «Ключи давших разума книжнаго», о добродетелях и грехах, «о женах добрых и злых», «о наказаніи чад», о богатых и бедных и т. д. В «Слове о желаніи богатства» осуждается страсть к обогащению, высмеиваются скупцы-златолюбцы. Другие «Слова» предостерегают убогих не водить дружбы с богатыми, не судиться с ними, ибо победит тот, у кого есть золото. В то же время в «Слове» содержатся обращения к богачам с призывом прекратить «граблѣнія убогых», хорошо обращаться с челядью, а домочадцам — быть покорными главам семейств. Таким образом, перед читателем предстала программа официальной морали феодального общества.

В XV в. появился белорусско-украинский перевод ирландской по про-

исхождению повести о Таудале-рыцаре. Вот краткое содержание. Когда после очередной пьяной оргии Таудал лежал три дня без памяти, ангел взял его душу и показал ей потусторонний мир. Очнувшись, Таудал рассказывает, что видела его душа: роскошную жизнь на том свете праведников и адские муки грешников. Повесть приобрела популярность не столько благодаря своему морализаторству, сколько в силу авантюрного характера сюжета. Вообще этот литературный памятник приближается к светским повестям и средневековым рыцарским романам с их любовными интригами, рыцарской галантностью, культом «чести» и «дамы», всевозможными приключениями. Именно в таком плане в XIV—XV вв. перерабатывались повести «Александрия» и «Притча о кралех» (о Троянской войне), известные еще со времен Киевской Руси. Обе были переведены и переработаны в южнославянских землях, в частности в Сербии. «Александрия» в новой редакции приобрела значительную популярность и известна во многих украинско-белорусских списках XV—XIX вв., дополненных разными подробностями, заимствованными из литературных источников, вымыслами переписчиков и редакторов. В этих списках непобедимый завоеватель Александр Македонский предстает перед читателем уже как христианизированная фигура. Исторический фон отступает перед сказочными и фольклорными элементами, в частности, в рассказе о войне с индийским царем Пором, о «нечистых народах» и разных чудесах, с которыми пришлось сталкиваться Александру во время его военных походов. Если в первых переводах времен Киевской Руси завоевательская политика Александра осуждалась, то в списках XV—XVII вв. заметно восхищение соавторов героическими подвигами, мужеством и храбростью героя произведения.

В XV в. значительную переработку в переводах претерпели рассказы о Троянской войне, известные в Киевской Руси по хронике Иоанна Малалы, а потом и в славянском переводе хроники, осуществленном Манасием, где помещена «Притча о кралех». Тогда же появляется белорусско-украинский список с латинского оригинала «Истории Троянской войны» итальянского поэта XIII в. Гвидо де Колумны. В украинско-белорусские переводы-редакции внесены некоторые черты местного колорита.

Литература второй половины XIII — первой половины XVI в. в значительной мере воссоздавала реальную действительность того времени, отражала взгляды разных слоев общества на социально-политические явления и события, их быт, обычаи и эстетические вкусы. Литература была важным элементом русской, украинской и белорусской культур.

3. МУЗЫКА. ТЕАТР

Музыка. Во второй половине XIII — первой половине XVI в. музыка и театр находились в тесной связи с народным бытом и обычаями, с деятельностью скоморохов, искусство которых объединяло пение, танец, театрализованное представление. Певцы, музыканты, как и ранее, группировались при монастырях и епископских кафедрах. Некоторые певцы сочиняли специальные «песни-славы» (восхваления) в честь боевых подвигов князей и дружинников. Они занимали в обществе довольно независимое положение, и с ними вынуждены были считаться в феодальных кругах. Так, упомянутый в Галицко-Волынской летописи «славутный» певец

Скоморохи с медведем. Старинная гравюра.

Митуса осмелился даже отказаться служить князю. В Киевской Руси была ратная (военная) музыка, в которой использовались трубы, сурмы и бубны. В древнерусских летописях и литературных произведениях ярко описано грозное звучание боевой музыки перед битвой или штурмом вражеской крепости. По сообщению летописи, в войске князя Юрия Владимировича было 60 труб и бубнов, а у Ярослава их насчитывалось 40.

Профессиональная музыка второй половины XIII — первой половины XIV в. оставалась (за небольшим исключением) церковной. Еще в конце XI в. сформировался самобытный мелодический стиль знáменного пения, или знáменного распева, развивавшийся в церковной музыке на протяжении многих веков. Запись церковных песнопений осуществлялась с помощью специальных знаков, именуемых крюками, или знáменами. Отсюда и произошло название киевского знáменного распева. Каждый знак обозначал один тон определенной длительности или же группу тонов определенного ступенного соотношения и служил для запоминания напевов, передававшихся от одного поколения певцов к другому. Основой знáменного распева являются восемь групп мелодических «гласовых» попевок, которые свободно использовались в качестве канонизированного мелодического материала. Запись церковного пения осуществлялась также с помощью кондакарной нотации. Эта безлинейная система отличалась большой сложностью. Сохранившиеся образцы мелодий кондаков (коротких хвалебных песнопений в честь отдельных святых) до сих пор не расшифрованы, поскольку утрачен ключ к их прочтению.

Музыкальную культуру постоянно обогащало народное творчество. На протяжении XIII—XVI вв. продолжали развиваться народнопесенные жанры, связанные с самобытными традициями восточных славян языческих времен, в частности песни (игровые, трудовые, обрядовые и величальные), которыми сопровождались восточнославянские народные праздники земледельческого круга. Зимний цикл песен состоял из колядок и щедривок, весенний — из вес-

Русалии. Миниатюра из Радзивилловской летописи. XV в.

нянок, гаивок, русальских песен, весенних танцев и игр, отображавших различные трудовые процессы. Например, сев проса представлен в хороводной игре «А мы просо сеяли», мака — в веснянке «Мак». Летне-осенний цикл включал купальские песни и игры, а также жатвенные песни, в которых возвеличивался труд и урожай как результат этого труда. По содержанию и музыкально-выразительным приемам украинские песни близки, а иногда и тождественны русским и белорусским календарным песням (например, «Просо», «Мак»), что объясняется общностью основы, культуры трех братских народов, историческими связями между ними.

Наряду с календарными развивались различные жанры семейно-обрядовых и бытовых песен: свадебные, причитания, плачи, колыбельные и др. В них, как и в песнях земледельческого календарного цикла, возникали и развивались черты, свойственные украинской музыке. Кроме того, появились новые жанры, отображавшие жизнь и быт украинского народа, в частности казаков. Это в первую очередь думы и исторические песни, которые являются памятниками литературы и музыкального искусства, запечатлевшими героическую освободительную и антифеодальную борьбу украинских народных масс.

Стиль исполнения дум отличался разнообразием, эмоциональной насыщенностью, экспрессивностью. Импровизационная мелодекламация сопровождалась игрой на кобзе-бандуре либо лире. Характерной для поэтического текста дум является неравнослоговая строка, свободное метроритмическое строение мелодического напева, речитативный склад. В основе свободной композиционной формы дум лежат своеобразные различные по размеру периоды или тирады (по-народному — «уступы»). Они образуются в связи со смысловым членением текста. Для многих драматических дум характерны напевные и богато орнаментированные запевы — «заплачки», начинающиеся обычно с возгласа «Гей» или «Ой».

Кобзари, бандуристы и другие музыканты пользовались большим ува-

жением и почетом не только среди трудового народа. Их приглашали в господские усадьбы и во дворцы крупных феодалов. Популяризировали они украинскую музыку и за пределами Украины. Так, в конце XIV—XVI в. много украинских музыкантов находилось при дворе польских королей в Кракове (лирник, несколько гусляров, бандуристы Тарашко, Чурыло, тимпанист Билява, лютнисты Ходько, Подолян, Стечко, Андрейко, Лукьян и др.).

Формирование исторической песни относится к XV—XVI вв., но нам известны более поздние варианты этого вида песен. Исторические песни по своему содержанию и идейной направленности имеют много общего с думами. Однако формы художественного выражения здесь несколько иные — они имеют строфичное строение с мелодией, зачастую напевной, протяжной, повторяющейся с незначительными вариантными изменениями во всех куплетах.

Подавляющее большинство песенных жанров относится к хоровой музыке, в которой веками складывались и развивались традиции многоголосного народного пения. Ему свойственно свободное ведение голосов, изменение их количества, слияние в определенные моменты в единый звук (унисон) с последующим расхождением и т. п.

Шуточные, юмористические и шуточно-танцевальные песни своими корнями связаны с творчеством скоморохов. Они свидетельствуют о здоровом, оптимистическом восприятии мира трудовым народом Украины. В то же время в них отразилось социальное неравенство и несправедливость, высмеиваются представители господствующего класса, духовенства, светские власти. Шуточные песни, зачастую исполнявшиеся с приплясыванием, отличаются четкостью ритма и структуры. Их мелодии просты и подвижны, характеризуются вариантным изменением основных мотивов напева, особенно при вокально-инструментальном исполнении.

С искусством скоморохов связано развитие различных видов инструментальной музыки. Особенно распространенными в то время были гудок (трехструнный смычковый инструмент), гусли, лютни, свирели, бубны со звоночками, волынка. В казацкой среде преимущество отдавалось таким музыкальным инструментам, как сурмы, бубны, литавры (тулумбасы), лиры, бандуры, кобзы, цымбалы.

Широкое распространение в народном быту получили танцевальные жанры инструментальной музыки. Наибольшей популярностью из них пользовались гопак и казачок. Они стали известны многим народам, их мелодии были включены в целый ряд западноевропейских сборников органной и лютневой музыки того времени, например в органную табулатуру Яна из Люблина (1540), итальянскую лютневую табулатуру Сантино Гарси да Парма и др. Есть сведения о том, что эти танцы исполнялись даже на свадьбе польского короля Сигизмунда I с миланской герцогиней Боной Сфорца. Можно назвать и другие факты, подтверждающие тесные контакты и взаимосвязи украинской и польской музыкальных культур. Так, выдающийся теоретик и композитор XV— начала XVI в. Себастиан из Фельштина (вблизи Перемышля), считающийся отцом польской музыки,— по происхождению украинец. Он постоянно называл себя «роксолянус».

Под влиянием украинской думы в ранней польской литературе появился термин «дума» как определение лирической поэзии на исторической основе.

Разнообразие жанров музыкального фольклора и самобытный стиль народного исполнительства послужили основой для возникновения и усовершенствования профессионального музыкального творчества.

Истоки театра. Народные игры, известные на Руси еще с древних времен, на протяжении XIII — первой половины XVI в. обогащались новыми средствами сценической выразительности и постепенно приобрели более развитые формы театрального зрелища. Если в обрядах (свадьба, похороны, праздник Ивана Купала и т. п.) имелись только зачатки театральности, то в народных играх, в частности в трудовых песнях, хороводах, веснянках, гаивках, уже более заметны элементы народной драмы, пантомимы, балета. Это содействовало превращению игр в драматические бытовые сценки, в фарс или комедию. Наиболее распространенными были игры «Мак», «Лен», «Зайчик», «Перепелка», «Соболь», «Мельница», «Поп и смерть», «Коза», «Кострубонько», «Ворон», «Мать и дочь», «Смех», «Гуси», «Просо», имевшие конкретный сюжет, реквизит, элементы декорационного оформления, традиционных персонажей, специально подготовленных исполнителей.

В народных играх широко имитировались трудовые процессы (пахота, сев, собирание урожая) и поведение животных, зверей, птиц. При этом использовались такие экспрессивные сценические средства, как слово, движение, мимика. Применялись также маски, примитивный грим: краска для лица, усы и бороды из пакли и шерсти. Передавались понятия и условными знаками, образами: красочно одетая девушка символизировала весну, седой дед — мороз, мужчина в белой маске, в женской белой рубашке, с косой в руке — смерть.

Драматическое действие народных игр в соединении с диалогом, пением, пластическими движениями, танцем, жестами, мимикой, ряжением несло в себе элементы театра, которые, однако, не развились в самостоятельное сценическое искусство, как это имело место, например, в Древней Греции.

Представление о народных играх второй половины XIII—первой половины XVI в. дают те образцы, которые сохранялись в народном быту вплоть до недавнего времени и были описаны в XIX— начале XX в.

Во второй половине XIII— первой половине XVI в. получило дальнейшее развитие такое явление в истории театра восточных славян, как представления скоморохов — народных лицедеев, певцов, музыкантов, танцоров, клоунов, фокусников, акробатов, борцов, дрессировщиков. Скоморошество возникло и развилось вместе с народными праздничными играми и некоторыми обрядами задолго до объединения восточнославянских племен в Древнерусское государство. Древнерусские писатели и летописцы определяли народных лицедеев словами игрец, гудец, свирец, сопельник, плясец, глумец, глумотворец, смехотворец, прелестник и др. Со второй половины XIII в. в письменных памятниках древнерусских авторов для их обозначения употребляется слово скоморох. Этимология этого слова до сих пор не установлена, хотя существует множество научных гипотез.

О бытовании в Древней Руси скоморошества свидетельствуют упоминания о нем в былинах киевского цикла, изображения на фресках Софийского собора в Киеве (XI в.), на пластинчатых браслетах из Киева и других городов, на серебряной чаше из Чернигова (XII в.), на миниатюрах Радзивилловской летописи (XV в.).

Скоморохи разделялись на оседлых и бродячих. Оседлые выступали главным образом на игрищах во время праздников, на свадьбах и т. п. Бродячие объединялись в ватаги и переходили с места на место, посещая даже далекие страны. Например, великий итальянский поэт Л. Ариосто в своей поэме «Неистовый Орландо» (песня XI, строфа 49), которую он

писал в течение 1507—1532 гг., упоминает о том, что «русские и литвины» (т. е. русские, украинцы и белорусы) водили медведей по ярмаркам.

Комические сцены, иногда импровизированные, скоморохи разыгрывали под открытым небом, на площадях, посреди улиц, на ярмарках, обходясь обычными ширмами, за которыми они переодевались и гримировались.

Источником искусства скоморохов было устное народное творчество. Они являлись не только исполнителями, но и создателями устной поэзии, музыкального и танцевального фольклора. Народ любил скоморохов за то, что получал эстетическое наслаждение от их развлекательных выступлений, за демократическое содержание их искусства.

Нередко в острой, сатирической форме скоморохи высмеивали церковников и светскую знать. Это да и сам внешний вид скоморохов, их коротконолая одежда (что считалось тогда грехом), маски во время выступлений (церковь боролась против «москолудства» уже с XI в.), «бесовское» поведение вызывали неудовольствие духовных и светских феодалов.

К концу XVII в. вследствие общественных и бытовых перемен, происшедших в городах и селах Украины, скоморохи утратили прежнее значение, и как явление культуры скоморошество исчезает. Однако традиции синкретического искусства скоморохов дожили в России, на Украине и в Белоруссии до начала XX в.

С принятием христианства Русь переняла и элементы так называемого церковного театра. Из немногих образцов религиозной драмы, имеющихся в византийском православном культе, в Киевской Руси, а позднее и на Украине был известен до самого начала XX в. один — «омовение ног». Содержание этого действа основывалось на евангельском рассказе о тайной вечере, во время которой Христос будто бы омыл ноги своим ученикам. Разыгрывалась эта сцена в страстный четверг праздника пасхи посреди церкви. Роль Христа исполнял архиерей, роли апостолов — двенадцать священников.

Этот образец церковного действа является одиночным свидетельством не проявившейся до конца в православном богослужении тенденции обращения к массовым зрелищам. Православный культ, отличаясь консерватизмом, не допускал перенасыщенности зрелищными элементами, характерными для католической обрядности, и достаточно свободной интерпретации религиозных сюжетов, присущей протестантской церкви.

Таким образом, на Украине на протяжении второй половины XIII—первой половины XVI в. существовали различные начальные формы театральных зрелищ, вошедшие составными элементами в театральное искусство последующего периода.

4. АРХИТЕКТУРА И ЖИВОПИСЬ

Архитектура второй половины XIII—первой половины XIV в. Развитие архитектуры и живописи на землях Юго-Западной Руси после монголо-татарского нашествия свидетельствует, что народ своим неутомимым трудом успешно преодолевал его тяжелые последствия. На протяжении второй половины XIII—XIV в. увеличилось число городов и замков-крепостей. Если в домонгольскую эпоху на территории княжеств, где формировалась украинская народность, известно 87 городов, то уже в конце XIV в.— 143. Вместе с ростом городского населения усиливалось экономическое и политическое значение городов. В европейской истории

XV—XVI века ознаменовались важнейшими явлениями — зарождением в недрах феодальной формации новых общественных отношений, а вместе с ними возникновением ростков гуманизма и связанного с ними искусства Предвозрождения, складыванием национальных культур. Подобные тенденции наблюдаются во всех странах, где для этого имелись соответствующие исторические условия, хотя в различных странах этот процесс проходил неодинаково и не в одно время. Новые стилистические черты в архитектуре и изобразительном искусстве явились непосредственным отражением эстетических вкусов широких масс народа — ремесленно-купеческих слоев городов и крестьянства.

Восстановление нормальной жизни страны сопровождалось возведением огромного количества строений — жилых, хозяйственных, производственных и оборонительных.

Никогда не затухавшее сознание общности восточнославянских народов обусловило живое общение украинской культуры с русской и белорусской культурами, продолжались культурные связи с Арменией, Италией и ее колониями в Крыму, Балканскими странами, Польшей, Чехией, Венгрией и Германией. В градостроительных приемах определяющими оставались древнерусские (X—XII вв.) традиции нерегулярной планировки и застройки. К концу XIV в. начинают применяться также приемы западноевропейской регулярной планировки.

На архитектуру оборонительных сооружений решающее влияние оказали изменения в стратегии и тактике ведения войны, развитие военной техники. В предыдущую эпоху важную роль играла тактика длительной осады города или замка. После монголо-татарского нашествия преобладает тактика захвата их путем решительного штурма с широким применением различных орудий для разрушения стен. Поэтому в системе укреплений увеличивается количество башен. Это, в свою очередь, существенно отразилось не только на конструкции укреплений, но и на их внешнем архитектурно-художественном облике, на их стиле.

Для более эффективного противодействия врагу при штурме, а также на случай захвата им части укреплений с середины XIII в. в строительстве вырабатываются соответствующие типы фортификационных сооружений, главными опорными узлами которых становятся башни-донжоны. Появление их в южнорусской фортификационной архитектуре (замки в Остроге, Чарторыйске и Каменце возле Бреста) свидетельствует о знакомстве как заказчиков, так и строителей с достижениями европейской военно-инженерной мысли. Подобного рода сооружений не было в архитектуре Древней Руси XI—XII вв. Башни, как правило, возводились внутри укреплений возле оборонительных стен, в наиболее уязвимых местах. Обводные стены укреплений, сооружавшиеся зачастую из дерева, с внешней стороны обмазывались глиной и белились. По виду они ничем не отличались от каменных.

Но со временем выявились существенные недостатки таких укреплений — они не обеспечивали достаточной фланговой обороны. Поэтому перед строителями остро встала задача так расположить башни и создать такую конфигурацию укреплений, которые позволили бы надежно прикрывать подступы к крепости с флангов. Примером фортификационных сооружений нового типа являются замки в Луцке, Кременце, Каменце-Подольском, строительство которых относится к XIII в.

Новые приемы ведения войны настоятельно требовали сооружения укреплений, не только усиленных каменными башнями, но и полностью построенных из камня или кирпича.

В этот период сложились две архитектурно-строительные школы: галицкая и волынская. Для галицкой характерна каменная кладка на известковом растворе с примесью толченого камня-известняка и древесного угля, а изредка и кирпича, слегка стрельчатые, готической формы обрамления бойниц, оконных и дверных проемов, въездных арок с простым декором. Таковы каменные крепости в Белавино, Столпье, Чернееве, Угруске, Хотине, Невицком, Кременце, Каменце-Подольском, Белгороде-Днестровском. Главнейшим их признаком является наличие мощных каменных стен и нескольких башен. Наиболее типичен замок в Кременце (около 1290—1340), сооруженный на высокой горе. Он имел внутренние и внешние укрепления с тремя башнями, расположенными так, что они обеспечивали не только оборону наиболее уязвимых участков крепости, но и фланговый обстрел подступов к ним. На изломе стен в плане, там, где затруднялся фланговый обстрел, сооружали специальные выступы — фонарики (подсябитья-машикули), из которых был возможен обстрел подступов к крепостным стенам. Такие фортификационные компоненты сохранились в замках Белгорода-Днестровского, Олеско и Луцка.

Замок в Хотине до перестроек в XIV—XV вв. имел две башни, из которых северная, очевидно, играла роль донжона. Укреплениям детинца в Белгороде-Днестровском, возведенным на ровном плато, зодчий придал регулярную форму: расположил по углам четыре круглые башни. Замок в Невицком, занимающий верхушку отрога горы, имеет только две башни, а замок в Олеско — одну. Нерегулярная планировка стен, типы бойниц с сужающимися кнаружи щелями, въездные ворота, подъемные мосты, сводчатые перекрытия — все это позволяет связать названные сооружения с традициями древнерусского оборонного зодчества.

Церковь в с. Горяны Закарпатской области. XIII—XIV вв.

Суровый вид оборонительных сооружений, их монументальные объемы и величественные силуэты наиболее полно воплощали вкусы и эстетические воззрения эпохи. Художественные образы замков выражали прогрессивные патриотические идеи защиты родины, вызывали чувство гордости и веру в силы народа.

В оборонительных сооружениях волынской архитектурно-строительной традиции — башнях в Луцке, Дрогобыче, Высокого замка во Львове — большеформатный тонкий кирпич (плинфа) был заменен брусчатым, получили распространение приемы и формы романо-готической архитектуры. Все кирпичные башни волынской школы (исключая Дрогобыч и Луцк) — в плане круглые, имеют вид мощных цилиндров. В системе укреп-

Васильевская церковь во Владимире-Волынском. Конец XIII — начало XIV в.

лений они играли роль донжонов в западноевропейском зодчестве. Большие плоскости стен башен декорированы нишами, карнизы — поребриком, а проемы — готическими профилями. Такие конструкции и оформление имела башня в Каменце возле Бреста. В других подобных сооружениях декор дополнялся орнаментальной кладкой из кирпича с поливой на тычках в сочетании с белокаменной резьбой порталов, применялись крестовые и купольные своды, расширялся арсенал средств архитектурной выразительности.

В культовом строительстве также появились новые тенденции: наряду с сооружениями старого типа возводились храмы подчеркнуто торжественного вида. Например, в Холме были сооружены башнеобразные церкви Иоанна Предтечи, Козьмы и Демьяна, «величеством и красотою не менее сущих древних». К этому же направлению относятся храмы Иоанна Богослова и Дмитрия в Луцке (конец XIII в.). Кроме крестовокупольных храмов возводились небольшие ротонды с одной апсидой — конхой (Перемышль, XIII в.), с шестью (Горяны Закарпатской обл.; Галич, XIII в.) и восемью апсидами или с опорными столбами (церкви Василия и ротонда на территории Михайловского монастыря во Владимире-Волынском, конец XIII — начало XIV в.). Оригинальна архитектура крестовой церкви Николая во Львове (XIII в.).

Итак, за сто лет после нашествия орд Батыя архитектура сделала большой шаг вперед. Политические задачи времени — укрепление княжеской власти, способной положить конец феодальной анархии и своеволию боярства,— нашли выражение в архитектуре, в которой все громче звучала нота торжественности.

Изобразительное искусство (вторая половина XIII — первая половина XIV в.). Изобразительное искусство второй половины XIII — первой половины XIV в. сохраняло характерные черты, сложившиеся в нем в предыдущий период: монументальность, утонченный колорит, гармоничные пропорции, уверенный рисунок и высокое профессиональное мастерство. Одновременно развивалось и направление, в котором проявлялся реалистический взгляд на жизнь, вера в человека, стремление к жизнерадостности образного строя, тяга к узорочью и красочности, обусловленные народно-эстетическими идеалами. Религиозные образы постепенно теряют былую неподвижность, а лики святых приобретают черты простых людей. Виртуозное владение композицией и так называемой «обратной перспективой» позволяло художникам придавать пространству определенную глубину, а образы наделять яркими чертами, величием и человеческим достоинством.

Из памятников киевской живописи этого времени сохранилась икона богоматери Печерской-Свенской (око-

ло 1288 г.). Прототипом для нее послужило изображение богоматери Кипрской на троне, но фигуры ангелов киевский мастер заменил образами отечественных святых, основателей Киево-Печерского монастыря — Антония и Феодосия. Их изображения привлекают искренностью и непосредственностью. Сочные, насыщенные цвета, изысканная гамма оттенков как нельзя лучше гармонируют с мягким блеском золотого фона.

Киевской школе принадлежит также икона «Николай с житием» (конец XIII— начало XIV в.) из церкви в урочище Киевец в Москве. Образ Николая в значительной степени лишен аскетизма. Мягкий овал охристого лика Николая оттенен нежным колоритом розово-голубой ризы, светящейся на золотом фоне. Нежно-розовые и бледно-голубые складки одежды придают фигуре легкость и воздушность.

К числу киевских памятников принадлежат также выдающиеся произведения конца XIII в.— иконы «Игоревская богоматерь» и «Максимовская богоматерь». Последняя, вероятно, исполнена по заказу митрополита Максима. Лик богоматери написан мягко, без условности и геометризации или стилизации формы. С большим мастерством выписана одежда, складки на ней. Много внимания уделено цветовым переходам. Названные произведения живописи свидетельствуют о высоком уровне художественной культуры Киева в период после монголо-татарского нашествия.

В Галицко-Волынском княжестве искусство развивалось под влиянием Киева, откуда, как указывают летописи, были «принесены» многочисленные иконы, послужившие образцами для многих поколений художников. Икона «Покрова» (XIII в.) из Галичины — произведение народного мастера, не получившего специальной профессиональной выучки, но зато

«Волынская богоматерь». Икона конца XIII — начала XIV в.

хорошо чувствовавшего декоративные возможности цвета. Теплый зеленый цвет тонко гармонирует с багряным фоном, лазурные тона — с коричнево-черными и вишнево-красными, на фоне которых изредка пламенеет киноварь.

Ярчайшим произведением конца XIII— начала XIV в. является икона «Волынская богоматерь». Величественный силуэт богоматери в темно-красном мафории очерчен уверенной рукой. Гордая посадка головы, слегка склоненной к младенцу, огромные скорбные глаза, смотрящие с укором, будто требуют от зрителя готовности к самопожертвованию. Утонченная живопись и морально-этический пафос иконы оставляют неизгладимое впечатление и ставят ее в ряд самых выдающихся произведений украинской средневековой живописи.

Высоким профессиональным уровнем и утонченной живописью отличаются миниатюры «Галицкого евангелия» (конец XIII в.). Не исключено, что оно было исполнено по заказу князя Льва Даниловича и предназначалось для его личного пользования. Об этом говорят небольшие размеры рукописи ($^1/_{32}$ листа). На помещенных в ней миниатюрах изображены евангелисты в непринужденных позах, одежды их естественно облегают стан. Округло ниспадающие складки создают выразительный ритм, подчеркивают реальную весомость одежды, усиливают впечатление движения. Поражают изысканность композиций и утонченный колористический лад. С темно-синим, как на фресках, фоном прекрасно гармонируют нежно-розовые, голубые, сиреневые и зеленые цвета одежды евангелистов и красная киноварь велюмов. Созвучны им лица нежно-охристого и розового цвета.

Архитектура конца XIV — первой половины XVI в. Архитектура и живопись конца XIV — первой половины XVI в. развивались в условиях нарастания борьбы народных масс против социального и национального угнетения. Феодалы возводили в своих резиденциях — опорных пунктах господства над зависимым населением — замки и укрепления. Вместе с тем строительство их вызывалось необходимостью защиты от участившихся опустошительных набегов татарских орд, а со временем и вторжений турецких захватчиков. Оборонное строительство заняло ведущее место и поглощало огромные материальные и людские ресурсы. Важную роль в возведении замков играли местные строители и инженеры, о чем свидетельствуют особенности стиля архитектуры оборонительных сооружений этого периода, планировка, устройство, конструкция и декор башен, ворот и других частей замка.

Главным строительным материалом оставалось дерево, хотя удельный вес камня и кирпича в строительстве возрастал. Из дерева возводилось преобладающее большинство сооружений — от простых жилых, хозяйственных и производственных зданий до больших замков и роскошных дворцов. В деревянном строительстве благодаря его массовости накоплялся инженерно-строительный и архитектурно-художественный опыт, кристаллизовались новые нормы народной архитектурной эстетики, оказавшие воздействие на развитие архитектуры в целом.

Прежде всего изменения проявились в архитектуре оборонительных сооружений. Стены и башни старых замков надстраивались и усиливались утолщениями — прикладками. Во вновь возводимых замках башни стремились располагать почти равномерно по периметру двора. В стенах устраивали бойницы нижнего (подошвенного) и среднего боя (Бучач Тернопольской обл., конец XIV в.; Клевань Ровенской обл., 1495). Иногда замки усиливались новым рядом стен, вынесенных вперед (Невицкое, XIV—XV вв.), либо укреплениями, охватывавшими детинец (Луцк, Острог, Белгород-Днестровский). Как новые замки, так и городские укрепления часто имели нерегулярный план, определяемый условиями местности. Этими особенностями украинское оборонное зодчество близко русскому.

Примером модернизации старых фортификационных сооружений может служить замок в Луцке. Его трехъярусные башни и стены, завершавшиеся зубцами-мерлонами с узкими щелевидными бойницами для стрельбы из луков и арбалетов, были переделаны: зубцы-мерлоны заложили и надстроили сверху, устроив новые бойницы в два, а в некоторых местах и в три яруса такой формы, которая могла обеспечить обстрел из

Хотинский замок. Современный вид

огнестрельного оружия как дальних, так и ближних подступов к замку. На башнях в Луцке возвели по дополнительному ярусу, благодаря чему его силуэт стал выразительнее, чем еще более подчеркивалась его военно-оборонительная мощь. Перестройка коснулась почти всех давнишних каменных укреплений XII—XIV вв., в том числе в Каменце-Подольском, Белгороде-Днестровском, Кременце, Хотине, Невицком, Мукачеве.

Особенно хорошо видны изменения не только в фортификации в связи с применением огнестрельного оружия, но и в нормах архитектурной эстетики в облике Хотинского замка. Его старые стены и башни времени Даниила Галицкого перестроили до неузнаваемости: башни и стены были обложены прикладками и оказались внутри новых стен и улучшили фланговую оборону. Объемы башен и стены воспринимаются слитно, усиливая впечатление огромного массива. Они объединены декоративным орнаментом в виде узора украинской плахты или вышивки, образованным кладкой красного кирпича на фоне белокаменных стен.

Смягчение суровости военно-оборонительных сооружений свидетельствует о неуклонном развитии и изменении норм архитектурной эстетики под сильным воздействием народных вкусов. В облике Хотинского замка причудливо сочетаются традиции оборонной архитектуры, элементы готики, мотивы украинского и молдавского народного искусства. Суровость и народная красочность представлены здесь в нерасторжимом единстве.

Изменения заметны и в типе укреплений боярских усадеб, постепенно превращающихся в магнатские замки. Об этом напоминает ар-

хитектура замков в Олеско, Клевани, Остроге. Острожский замок схемой укреплений близок замку в Чарторыйске или Каменце возле Бреста. В Остроге ближе к восточной стороне деревянных оборонительных стен соорудили так называемую Башню, или Дом мурованный, по образцу западноевропейских и волынских башен-донжонов. Стены были окружены рвом, через который перебросили подъемный мост, благодаря чему замок мог выдержать длительную осаду.

Особенно большое влияние на структуру замков оказало появление огнестрельного оружия. В XV в. башни сооружались так, чтобы они выступали за поле стены и имели квадратную либо неправильную пятиугольную форму, острым углом к фронту, что значительно усиливало их устойчивость к артиллерийскому огню. Кроме того, это создавало благоприятные условия для ведения флангового обстрела. Увеличение в стенах и башнях количества бойниц позволило повысить плотность огневой обороны подступов к замку. Например, в хорошо сохранившемся замке в Клевани (1495) бойницы устроены в три яруса, имеют большие боевые камеры для артиллерии и прислуги. Впечатление особой мощи замка в Клевани достигается тем, что стены башен имеют уклон внутрь.

Историческая ситуация потребовала приспособить к обороне не только монастыри, но и другие культовые сооружения. Такие древние укрепленные комплексы, как Киево-Печерская лавра, монастыри Михайловский Златоверхий, Кирилловский в Киеве, Елецкий в Чернигове, Спасский в Новгороде-Северском, обносились мощными оборонительными стенами. Архитектурой монастыри-крепости почти ничем не отличались от других видов укреплений. Только набор сооружений, внутренняя планировка и размещение главного монастырского храма создавали определенные отличия от обыкновенного замка. Если главный храм не приспосабливался к обороне по первоначальному замыслу, то его сооружали посреди двора, как в Троицком монастыре в Межириче возле Острога (XV в.) или Дермани Ровенской обл. (XV в.). Иногда и приспособленную к обороне церковь возводили посреди двора, как в Уневе Львовской обл. (XV в.), и тогда она выполняла роль донжона. Но часто храмы включались в систему оборонительных сооружений, как, например, Успенская церковь в Зимно Волынской обл. (1495), церковь Богоявления в Остроге (XV в.).

В культовой архитектуре начиная с последней четверти XIV в. наблюдаются интенсивные поиски новых форм, способных полнее воплотить народные вкусы и художественные идеалы. Храмы этого периода несут печать архитектуры суровой переходной эпохи. Их творцы еще не решались окончательно порвать с традициями XII—XIII вв., отказаться от трехнефных с опорными столбами храмов, не отваживались применить в каменном зодчестве планово-пространственную структуру и конструктивные приемы, выработанные в деревянном народном строительстве, истолковать применительно к камню приобретенный народными мастерами богатый опыт, воплотить его в каменных сооружениях.

В торжественной архитектуре крестовокупольных храмов, таких, как в Дермани, Межириче или Остроге, мастера сумели тонко воплотить представления людей XV в. о возвышенно-прекрасном, воскрешая в иной интерпретации прерванную и забытую линию древнерусских времен, начатую на рубеже XII—XIII вв. Петром Милонегом постройкой храма Пятницы в Чернигове. Их планово-пространственная композиция имеет аналогию в русской архитектуре храмов московского Кремля (XV в.).

Острожский замок. Современный вид

Иные зодчие пытались на трехнефном в плане храме поставить три купола по продольной оси, как в церкви Рождества в Галиче (XIV в.), а строители храма Рождества богородицы в Рогатине (XV в.) стали на путь преодоления традиционной крестовокупольной системы.

Опорные столбы в подобных храмах использовались не для водружения купола, а для перекрытия нефа готическими нервюрными сводами. Над бабинцем возводилась оборонительная башня.

Появляются новые типы храмов, структура которых формировалась под воздействием приемов и форм деревянной архитектуры — трехчастные в плане (неф, алтарь, бабинец) церкви Пятницы во Львове (XIV в.) и Успения в Лужанах Черновицкой обл. (1453). У них бабинец одной ширины с нефом, а перекрытие сводчатое. В некоторых храмах устраивали оборонную башню над бабинцем (церковь Онуфрия в посаде Рыботицкой, конец XIV — начало XV в.), или один световой верх пирамидальной формы, как в церкви Николая в с. Збручанское Тернопольской обл. (XIV в.), либо три купола, как в церкви Михаила в с. Чесники Ивано-Франковской обл. (XV в.).

Культурно-художественными связями с зодчеством Балканских стран — южнославянским, молдавским — обусловлена архитектура храмов, соединяющих традиционные украинские трехчастные купольные формы с конховыми, как в церкви Онуфрия в Лаврове Львовской обл. (конец XV в.) или без куполов, как в церкви

Замок в Меджибоже Хмельницкой области. Современный вид

Петра и Павла в Каменце-Подольском (XV в.), но с оборонной башней над бабинцем или без нее, как в Замковой часовне в Хотинском замке (XV в.). К наиболее совершенным храмам оборонного типа относится храм Покрова в с. Сутковцы Хмельницкой обл. (1476). Центральное квадратное в плане помещение перекрыто на первом этаже системой сводов, опирающихся на стены и один столб. К этому помещению с четырех сторон примыкают двухэтажные полукруглые башни, перекрытые на первом этаже звездчатыми нервюрными сводами, а на втором — плоскими деревянными потолками. Венчание зданий поясом машикулей, бойницы в двух ярусах, лаконичные объемы придавали небольшому строению вид мощной, неприступной крепости. Безвестные зодчие воплотили в храме эстетические вкусы и представления народа о неодолимости и мощи, о мужестве в борьбе за справедливое дело, за национальное самосохранение.

В XV — начале XVI в. в архитектуре небольших храмов появляются черты, непосредственно связанные с народным пониманием прекрасного. В этом плане представляет интерес маленькая церковь Троицы в с. Зимно Волынской обл. (1465), ибо в этом миниатюрном храме, имеющем только неф и апсиду, впервые в каменной архитектуре применен новый архитектурно-конструктивный прием — купола, перекрывающие неф и апсиду, опираются не на подпружные арки и паруса, а на сомкнутый, как бы срезанный на трети высоты свод. Иными словами, неизвестный мастер впервые применил конструк-

цию залома, хорошо и давно известную в деревянной архитектуре. Купол-верх (баня) с заломом полюбились, вероятно, потому, что эта конструкция открывала широкие возможности для создания торжественных храмов с высотно раскрытым внутренним пространством.

Каменное строительство на Поднепровье и Чернигово-Северских землях ограничивалось восстановлением сооружений XI—XIII вв. Были отстроены храмы Софийского, Михайловского Златоверхого и Печерского монастырей в Киеве, Спаса, Успенский, Елецкий и Пятницкий — в Чернигове, Спасский монастырь — в Новгороде-Северском. Возле прославленных древних храмов строили небольшие часовни-усыпальницы.

Дошедшие до нас памятники деревянной архитектуры свидетельствуют о их высоком совершенстве. Однако большинство из них не сохранилось. Храм Николая в с. Среднее Водяное Закарпатской обл. (1428) — трехчастный в плане, неф и бабинец у него одной ширины, как и в Ильинской церкви в Чернигове (XII в.), но перекрыт он не куполом-баней, а срубным сводом. Над бабинцем возвышается колокольня оборонных форм с машикулями-«подсябитьем» в завершении. Увенчана церковь высокой шатровой кровлей. Примечательны окошки готической формы в бабинце.

Храм Николая в с. Колодное Закарпатской области (1470) конструктивно близок к Средневодянскому, но более совершенен. Крыльцо на колонках, круглые и крещатые окошки в алтаре, имеющие аналогии в изображениях храмов на иконах XIII—XIV вв., придают его облику особую задушевность. Над бабинцем также возведена башня-колокольня с «подсябитьем», но увенчана она не шатровым, а позднейшим барочным верхом (конец XVII в.). Подобные храмы с башнями над бабинцем хранят

Церковь-крепость в с. Сутковцы Хмельницкой области. 1476 г.

в себе черты древнерусской и романо-готической архитектуры, появившиеся еще в XII—XIII вв. Благодаря тому что в таких храмах объемы нарастают уступами от самого низкого алтаря со скатной кровлей превышающего его нефа к высокой башне над бабинцем, их силуэты динамичны, а весь облик героичен и величествен.

Другое направление, тесно связанное с местными традициями, представляют трехсрубные храмы, у которых бабинец и алтарь у́же нефа. Они перекрыты банями-верхами, поэтому их массы гармонично уравновешены и в случае, когда они имеют один верх, как первоначально в храме св. Духа в с. Потелич Львовской обл. (1502, 1520, реконструкция 1620), так и тогда, когда их три, как в церкви св. Дмитрия в Гишине на

«Распятие». Деталь фрески церкви в с. Горяны Закарпатской области.

Волыни (1567). Особенность этих сооружений заключается в том, что над бабинцем возвышается верх-колокольня таких же форм, как и верх над нефом. Пропорции масс, их уравновешенная композиция и архитектурные детали — карнизы на фигурных кронштейнах — дополняют высокохудожественную архитектуру здания. Интерьер, несмотря на скромные размеры, отличается торжественностью благодаря высотно раскрытому пространству бани-верха с заломом над нефом, с которым пространство бабинца объединено при помощи фигурной арки-выреза изысканной формы.

К сожалению, памятников деревянной архитектуры рассматриваемого времени на Поднепровье и Черниговo-Северских землях не сохранилось. О них можно составить представление только из позднейших источников — описаний XVII в. Ретроспективно можно судить о богатстве и разнообразии пространственных композиций замков, дворцов, монастырей-крепостей, храмов, жилищ, хозяйственных и производственных зданий, отличающихся сочетанием объемов, силуэтами и пропорциональным строем.

Деревянное народное строительство сохраняло вековой опыт, создавая непрерывную цепь традиций, не позволяло бесследно исчезнуть удачно найденным инженерно-конструктивным решениям и художественно совершенным формам. В них материализовались представления людей о прекрасном, они были неисчерпаемым источником творчества для последующих поколений.

Изобразительное искусство (конец XIV — первая половина XVI в.). Изобразительное искусство с конца XIV в. развивалось при интенсивном проникновении в него народной струи. Угнетенному иноземными захватчиками украинскому народу нужно было единство, способное укрепить его и сплотить для отпора врагу. Эта идея единства нашла яркое воплощение во фресках церкви Онуфрия в Лаврове (конец XV в.), в сценах на тему «Вселенский собор» и «Акафист богоматери».

Украинских художников приглашали для росписей католических костелов, ценя их высокое живописное мастерство. Ими выполнены, например, фрески в костеле Вислицкой коллегиаты (конец XIV в.). В стиле росписей соединены традиции древнерусского искусства XII—XIII вв. с характерными чертами готики. Такое соединение прослеживается в изображении архитектурных кулис, а также в ликах персонажей евангельской легенды, где энергичная моделировка объемов широкой кистью придает особую конструктивность формам. Эту тенденцию углубили ук-

Фрагменты иконы из Воздвиженской церкви в Дрогобыче. XVI в.

раинские мастера во главе с волынским художником Андреем, расписавшие часовню св. Троицы в Люблинском замке (1418). В росписях ощущается углубленный интерес к внутреннему миру изображаемых персонажей. В стиле фресок нерасторжимо соединились элементы древнерусского, готического и проторенессансного искусства. Еще большей экспрессией отличаются фрески в часовне св. Креста на Вавеле в Кракове (1470). Персонажи росписей, наделенные лицами людей из народа, написаны энергично и уверенно, исполнены внутреннего драматизма.

Наряду с фресковой живописью с XV в. все большее распространение получает иконопись. В ней сохраняются традиции древнерусского искусства XII—XIII вв., много общего с иконописью Новгорода и Пскова. С XV в. в церквах вместо невысокой предалтарной преграды устанавливают иконостасы, в которых все иконы размещаются в определенном порядке.

Для украинской иконописи характерны сочный колорит, лапидарный силуэт и энергичный рисунок, выверенная композиция. Особенно популярны были образы воинов-победителей. Образ такого воина воплощен в иконе «Юрий Змееборец» из с. Станыля Львовской обл. (конец XIV в.). Воин, пронзающий копьем чудовище, изображен в рыцарских доспехах на вороном коне, который топчет змея. Красный плащ героя победно развевается на ветру. Необычайно динамичный силуэт и яркий колорит — характерные черты этого выдающегося произведения украинского изобразительного искусства. С

подъемом освободительной борьбы и образованием Запорожской Сечи в душе народа крепла надежда на освобождение, что незамедлительно отразилось в искусстве. В иконе «Чудо Георгия о змие» (середина XVI в.) киевской школы образ Георгия по сравнению со станыльским более приподнят и мажорен. Ослепительно белый конь, алый плащ Георгия и золотой фон создают торжественную цветовую симфонию.

Усиление влияния церкви, стремившейся внушить народным массам чувство страха перед муками загробной жизни, нашло проявление в иконах на тему «Страшный суд». Но под воздействием значительного числа заказчиков из народа — крестьян и мещан-ремесленников — эти иконы вскоре приобрели не только сатирическую, но и антифеодальную и антикатолическую окраску. На многих из них изображены в характерных одеждах римские папы, короли, вельможные паны, таможенники, пьяницы и блудницы с остриженными головами и обрезанными подолами. Всех их ждут адские муки. Под влиянием народного художественно-поэтического творчества слабеет аскетическая струя в изображении святых, облики их приобретают особую теплоту, а палитра становится яркой. Более изысканными становятся не только композиции, но и силуэты фигур, архитектурные фоны, изображение одежды и различных аксессуаров.

Народные вкусы нашли отражение и в подборе святых. Все чаще на иконах изображаются Юрий — воин и защитник, Николай — покровитель мореплавателей, путешественников и плотников, Параскева Пятница — покровительница торговли и женского ремесла, врачи-бессребреники Козьма и Демьян и конечно же богоматерь с младенцем — заступница пленных и обездоленных. Икона «Богоматерь» из с. Красов Львовской обл. (XV в.) — свидетельство появления в живописи эмоционального образа женщины-матери.

Меняются и живописные средства. Лицо у богоматери не темное, а светло-розовое, с длинными дугообразными черными бровями, маленьким ртом, немного грустными и задумчивыми глазами. Особенно популярны были житийные иконы, «праздники» и «страсти», которые давали простор творческой фантазии художников. Люди, рассматривая их, будто читали краткие притчи-новеллы. В этих иконах изображена конкретная обстановка, много бытовых подробностей — мебель, одежда, ткани. Это был прогрессивный процесс обмирщения искусства, в котором, однако, будничное, обыденное возвышалось и поэтизировалось.

Многих художников рассматривае-

Батальная сцена. Миниатюра из Киевской псалтыри. 1397 г.

Изразец XV в. из Киева

мого периода волновало таинство бытия и смерти. Иконы «Оплакивания Христа», «Страсти» из с. Трушевичи Львовской обл. (XV в.) — это реквием в красках. Горе и страдания переданы резким звонким колоритом, патетическими жестами и ритмом фигур. Нередко на иконах, в частности в таких, как «Воздвижение» и «Покрова», рядом со святыми изображались заказчики, местные деятели или ктиторы храма.

Высокого уровня в XIV—XV вв. достигло искусство иллюстрирования рукописей. Оно не только сохраняло традиции, но и приумножало их. Широкое распространение получили тератологические орнаменты и геометрическое плетение, а в начале XVI в. и растительные орнаменты готико-ренессансного стиля. Особенно обильно украшались миниатюрами евангелия и псалтыри. Подлинным шедевром является Киевская псалтырь, переписанная в 1397 г. в Киеве Спиридонием и украшенная многочисленными миниатюрами. На белом пергамене выделяется красочная россыпь изящных миниатюр, выполненных синим, ярко-красным, вишнево-багровым, зеленым, золотисто-охристым цветами, обильно покрытых тончайшей сеткой золотых штрихов-ассистов, благодаря чему они искрятся и переливаются, производя необыкновенное впечатление. В миниатюрах много жанровых сцен: строительство башни, расписывание посуды гончарами, поджаривание мяса на кострах. Изображаются также воины при осаде города, всадники в бою. Утонченный колорит, выразительные жесты, исполненные с каллиграфической отточенностью, грациозные фигурки — свидетельства высокого мастерства художников. Обилие золотых штрихов-ассистов вызывает в памяти колористическое богатство киевских мозаик XI—XII вв.

Новое направление в оформлении рукописей открыл мастер Евангелия (конец XV — начало XVI в.), вслед за которым началась стилистическая эволюция миниатюры. Он, возможно, первый решился полностью окружить заставку из геометрического плетения и страницу текста растительным готико-ренессансным орнаментом. Ими же он окружал и миниатюры евангелистов, включив в композицию листа миниатюру (либо заставку), инициал и бордюр.

Напрестольный крест. Деталь. Середина XVI в.

В произведениях скульптуры мастера наряду с традиционными приемами плоскостной резьбы (богоматерь-Оранта из Киево-Печерского монастыря, XIV в.) начинают применять элементы более объемной, мягкой моделировки. Под воздействием готики работает автор рельефа «Уверение Фомы» (первая половина XVI в.) из армянской церкви апостола Якова во Львове.

Высоким художественным уровнем отличалась керамика, например изразцы из Каменца-Подольского с всадниками (XV—XVI вв.). Особое место в декоративно-прикладном искусстве занимают произведения ювелирного и золотошвейного мастерства. Образцом высокохудожественных изделий украинских ювелиров является напрестольный крест с готическими деталями (середина XVI в.), хранящийся в Киевском государственном историческом музее. Подлинный шедевр «живописи иглой» — золочевская фелонь (конец XIII—начало XIV в.), поражающая изяществом фигурок, изысканностью их поз, тонкостью колорита и артистизмом рисунка. Стилем «золочевская фелонь» близка миниатюрам Галицкого евангелия и Киевской псалтыри. В эпическом духе трактуются изображения плащаницы (1545), хранящейся в Киевском музее украинского искусства.

Как видим, во всех жанрах художественного творчества украинский народ в конце XIV — начале XVI в. достиг больших успехов. Торжество народных идеалов прекрасного, их высокоодухотворенное выражение обусловили чарующую прелесть, красоту и непреходящую ценность памятников архитектуры и всех видов изобразительного искусства, созданных в этот период. Они являются достойным вкладом в сокровищницу мирового искусства.

Таким образом, несмотря на тяжелые последствия нашествия орд Батыя, сложность и противоречивость условий исторического развития украинских земель, в XIII — первой половине XVI в. начался процесс становления культуры украинского народа. Важное значение для формирования характера культуры имело культурное наследие Древней Руси, общее для русского, украинского и белорусского народов. Влияние древнерусских культурно-просветительных традиций сказывалось на уровне

и характере просвещения, в литературе, живописи, архитектуре. На украинских землях, как и на русских и белорусских, переписывались литературные памятники, созданные в Древней Руси (летописи, ораторско-проповеднические сочинения), бытовала переводная литература.

В искусстве и литературе наряду с традиционными элементами находят место и новые, связанные с так называемым предвозрождением. В живописи заметно стремление к утверждению реалистического взгляда на природу, на место человека в ней. Устанавливаются эстетические принципы, способствующие обмирщению культуры. В живописи углубляется интерес к духовному миру человека. Значительно совершенствуются архитектурные приемы.

В XV — первой половине XVI в. на украинские земли проникают идеи гуманизма. Носителями этих идей стали впоследствии известные всему миру поэты, публицисты, ученые — выходцы с Украины.

Огромное значение для дальнейшего развития культуры на Украине имело книгопечатание, начатое на восточнославянских землях белорусским просветителем Франциском Скориной.

Отличительные черты культуры украинского народа наиболее четко проявились в устном народном творчестве. Под влиянием освободительной борьбы против иноземного господства, против турецко-татарских вторжений народ создает исполненные высокого патриотизма, любви к своей родине фольклорные произведения — думы, исторические песни. На народной основе развивались музыка и театр.

Важное значение для развития культуры украинского народа имели контакты и взаимосвязи с культурами братских русского и белорусского народов, а также западных и южных славян.

Св. Дмитрий. Каменная иконка. XIII—XIV вв.

Василий Великий. Золочевская фелонь. Конец XIII — начало XIV в.

Глава V

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ ПОД ВЛАСТЬЮ ИНОЗЕМНЫХ ЗАХВАТЧИКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Столетие, охватывающее вторую половину XVI— первую половину XVII в., было временем тяжелых испытаний для украинского народа. В начале рассматриваемого периода резко усилилась экспансия на Украину шляхетской Польши, направленная на захват той части ее земель, которая находилась под властью Великого княжества Литовского. В результате политического и военного ослабления княжества польским правящим кругам удалось добиться поставленной цели. Актом об унии, принятым в 1569 г. на совместном польско-литовском сейме в Люблине, Польское королевство и Великое княжество Литовское объединились в едином государстве — Речи Посполитой. Главенствующую роль в нем захватили польские магнаты. Волынь, Киевщина и Брацлавщина перешли под их непосредственную власть. Хлынувшие на эти земли крупные и мелкие, светские и духовные польские феодалы захватывали земли, принадлежавшие крестьянам и казакам. Разграбление земельных богатств Украины сопровождалось усилением социального и национального гнета, религиозными преследованиями, произволом захватчиков.

Одновременно с польско-шляхетской экспансией усиливалась агрессия на украинские земли со стороны султанской Турции и ее вассала — Крымского ханства. Инспирируемые турецкими правящими кругами разбойничьи нападения татарских орд на города и села Украины участились и приобрели еще более разрушительный характер. Производительные силы Украины подрывались, десятки тысяч мирных жителей погибали от рук жестокого и безжалостного врага или угонялись в неволю.

Свободолюбивый украинский народ, над которым нависла реальная угроза не только потери национальной самобытности, но и полного физического истребления, не склонил головы перед захватчиками. Крестьяне, казаки и мещане вели самоотверженную борьбу против врагов. В ходе этой борьбы народные массы Украины все отчетливей сознавали, что отстоять свое национальное существование, сбросить тяжкое иноземное ярмо они смогут лишь в союзе с братским русским народом, опираясь на возросшую силу Русского государства. Освободительная борьба украинского народа с каждым десятилетием приобретала все более широкий размах.

1. УСИЛЕНИЕ ЭКСПАНСИИ ПОЛЬСКИХ ФЕОДАЛОВ. ЛЮБЛИНСКАЯ УНИЯ 1569 г.

Борьба России за выход к Балтийскому морю. Усиление экспансии польских феодалов на восточнославянские земли. Образование и укрепление Русского централизованного государства оказало благотворное влияние на производительные силы страны: ускорилось развитие сельского хозяй-

ства, ремесла, промыслов и торговли, совершенствовались агротехника и орудия труда, начали складываться предпосылки формирования единого всероссийского рынка.

Свидетельством значительного социально-экономического прогресса Русского государства являлся подъем хозяйственной и культурной жизни многочисленных городов, среди которых особенно выделялась Москва — политический, экономический и культурный центр Русского государства.

К числу важнейших русских городов принадлежали также Великий Новгород, Псков, Тверь, Рязань, Владимир, Нижний Новгород и др. Быстрый рост русских городов поражал иностранцев. Польский историк М. Меховский, например, еще в 20-х годах XVI в. писал, что Москва в два раза больше Флоренции и Праги, а Новгород Великий даже больше Рима.

Английский мореплаватель Ричард Ченслер в 50-х годах XVI в. отмечал, что Москва по размерам не уступает Лондону. Псков некоторые иностранцы сравнивали с Парижем.

Для дальнейшего экономического и культурного развития Русскому государству крайне необходим был прямой выход к Балтийскому морю.

Только беспрепятственно владея им, Россия могла завязать непосредственные и многосторонние контакты с западноевропейскими странами и занять подобающее ей место на международном рынке, который тогда начал складываться. К. Маркс, указывая на последовательность и энергию, проявленные русским царем Иваном Грозным в борьбе за решение этой жизненно важной для Русского государства проблемы, писал, что Иван Грозный «был настойчив в своих попытках против Ливонии, *их сознательной целью было дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой*»[1].

В то время Русское государство могло получить выход на побережье Балтийского моря, только преодолев сопротивление Ливонии, которую поддерживали Великое княжество Литовское и Польское королевство. Ливония — феодальное государство немецких рыцарей на захваченных ими латвийских и эстонских землях — владела южной частью Финского и Рижским заливами Балтийского моря. Опасаясь дальнейшего усиления Русского государства, правительства Польши и Литвы всячески стремились не допустить его к Балтике и тем самым изолировать от Западной Европы. Подстрекаемая Польшей и Литвой, Ливония не пропускала через свои границы даже специалистов, которых в то время русское правительство приглашало на службу из западноевропейских стран. Лишенное возможности иметь собственные порты и флот на Балтийском море, Русское государство неизбежно обрекалось на отставание в развитии.

В 1553 г. истек срок перемирия, заключенного между Ливонией и Россией в 1503 г. Основными условиями продления перемирия русское правительство считало выплату Ливонией дани за все время (50 лет) владения Юрьевской областью (ранее принадлежавшей Русскому государству); соблюдение нейтралитета в случае войны России с Великим княжеством Литовским и Польшей и свободу транзита. Чтобы оказать давление на Ливонию и удержать ее от принятия этих условий продления русско-ливонского перемирия 1503 г., король польский и великий князь литовский Сигизмунд II Август сосредоточил на ливонской границе свои войска. Под его нажимом Ливония в сентябре 1557 г. заключила военный союз с Великим княжеством Литов-

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. 7, с. 165.

ским и начала активно готовиться к войне с Россией.

В сложившейся обстановке война России с Ливонией стала неизбежной. В январе 1558 г. русская армия начала военные действия. Через несколько месяцев она овладела крупным портом в Финском заливе — Нарвой и заняла много других городов, в том числе Тарту (Юрьев). Активную помощь русским войскам оказывало местное эстонское и латышское население, порабощенное немецкими рыцарями-феодалами. Особенно ощутимой была поддержка крестьян. Повсеместно вспыхивали восстания, направленные против немецких феодалов. В 1561 г. Ливонское государство распалось и перестало существовать.

Неспокойно было также на украинско-русском пограничье, хотя крупных военных действий между литовскими и русскими войсками в этом районе не было. Украинское население открыто проявляло недовольство литовским господством, высказывалось за поддержку русских войск, ожидая их быстрейшего прихода.

Жители украинских городов и сел Чернигово-Северщины совместно с русскими воинами отражали попытки литовско-польского командования начать вторжение в пределы Русского государства в этом районе. В то же время, спасаясь от репрессий польско-литовских феодалов и налогового гнета, особенно усилившегося в годы Ливонской войны, украинские крестьяне, казаки и городские жители все чаще бежали на территорию Русского государства.

Успехи России в войне против Ливонии встревожили не только Великое княжество Литовское и Польшу, но и Швецию, Данию, Габсбургскую империю, Рим. В борьбу за «ливонское наследство» кроме Литвы и Польши вступили Дания и Швеция.

В 1561 г. начался второй период Ливонской войны, продолжавшийся до 1570 г. Военные действия в это время происходили в основном на территории Великого княжества Литовского — на захваченных им землях Белоруссии. Несмотря на ряд неудач, русские войска при самой активной поддержке белорусского населения, особенно полоцких мещан, освободили древний русский город Полоцк. Это открывало прямой путь к столице Великого княжества Литовского городу Вильно (Вильнюсу), а также одному из самых крупных портов Прибалтики — Риге. Великое княжество Литовское оказалось на грани военной катастрофы.

В сложившихся внешнеполитических условиях правящая феодальная верхушка Великого княжества Литовского пошла на сговор с польскими феодалами, рассчитывая опереться на военную мощь Польши в борьбе с Россией и восстановить с ее помощью пошатнувшееся положение своего государства. В свою очередь, польские феодалы стремились воспользоваться тяжелым положением княжества, чтобы осуществить давно вынашиваемые планы присоединения его к Польше и прежде всего захватить украинские земли, подвластные Литве. Более того, польские феодалы рассчитывали, что инкорпорация Великого княжества Литовского откроет им путь к дальнейшей экспансии на восток и поможет захватить русские земли, о чем они также давно помышляли.

Разность целей правящей верхушки Великого княжества Литовского и Польского королевства со всей очевидностью обнаружилась на совместном польско-литовском сейме, состоявшемся в начале 1569 г. в Люблине. Сейм выявил также отсутствие единства в среде литовских феодалов, что и обусловило слабость их позиции во время переговоров в Люблине.

Подготовка Люблинского сейма. Объединения Польского королевства с Великим княжеством Литовским в одном государстве польские и часть литовских феодалов добивались еще со времен заключения Кревской унии 1385 г. Окончательное объединение Польского королевства с Великим княжеством Литовским было ускорено Ливонской войной, проведением польскими, литовскими, украинскими и белорусскими феодалами внешней политики, противоречившей коренным интересам широких масс украинского и белорусского народов, стремившихся к теснейшему сближению с русским народом, а также литовского и польского.

Ливонская война была непопулярна не только среди трудящихся масс, но и среди мелкой и даже средней шляхты Великого княжества Литовского. Поражения литовских войск и ослабление в результате этого Великого княжества Литовского позволило укрепить позиции той части литовских, украинских и белорусских феодалов, которые стремились к полному подчинению Великого княжества Литовского Польскому королевству. Мелкая и средняя шляхта Литвы, Белоруссии и Украины, стремясь добиться для себя таких же прав, какими пользовались польские феодалы-шляхтичи, также поддерживала идею вечной государственной унии Польши и Литвы.

Крупные литовские феодалы-землевладельцы — магнаты, не желая лишиться полного и безраздельного господства в Великом княжестве Литовском, а также стремясь получить в новосозданном объединенном польско-литовском государстве максимум привилегий, всячески тормозили заключение унии, выторговывая для себя более выгодные условия.

В новой польско-литовской унии более других была заинтересована польская феодальная верхушка — могущественные магнаты, которые рассчитывали расширить свои земельные владения путем захвата богатых украинских земель. Их активно поддерживало католическое духовенство, а также мелкая и средняя шляхта всего Польского королевства. Уния дала бы им право владения имениями на территории всего Великого княжества Литовского. С заключением унии польские паны сязывали свои планы захвата украинских земель — Волыни, Подляшья, Подолии и Киевщины, входивших в состав литовских владений.

Литовско-украинско - белорусская средняя и мелкая шляхта шла на заключение польско-литовской унии, надеясь укрепить свои позиции в борьбе с всесильными магнатами Великого княжества Литовского, а также добиться для себя такого же правового положения в будущей польско-литовской державе, что и польская шляхта в Польше.

Были также и более глубокие причины, понуждавшие феодалов обоих государств пойти на заключение унии. Сложное внешнеполитическое положение Великого княжества Литовского — почти постоянные поражения литовских войск в Ливонской войне, свидетельствовавшие об экономической, политической и культурной отсталости Литовского государства, разрушительные и грабительские набеги турок и крымских татар на южные, преимущественно украинские земли Великого княжества, обострение политических разногласий между отдельными группами господствующего класса, постоянный рост антифеодального и освободительного движения широких народных масс Украины и Белоруссии, усиление стремления украинского и белорусского народов к воссоединению Украины и Белоруссии с братской Россией — все это толкало господствующий класс Великого княжества Литовского на объединение княжества с Польшей в одном государстве.

Стремление феодального класса Украины к объединению Великого княжества Литовского с Польским королевством в едином государстве связано также с тем, что украинские феодалы, прежде всего западноукраинские, в силу сложившихся хозяйственных отношений в первой половине XVI в. уже были довольно тесно связаны с Польшей, со складывавшимся там национальным рынком. Поэтому значительная часть украинских феодалов была заинтересована в дальнейшем укреплении экономических и политических связей с Польшей, поскольку получала от них прямую выгоду. Таким образом, украинские феодалы, вопреки воле и желанию украинского народа, стремившегося к воссоединению Украины с Россией, руководствуясь узкоклассовыми соображениями, пошли на сговор с польскими феодалами, изменив национальным интересам своего народа.

Немаловажную роль в заключении унии сыграло и то, что господствующий феодальный класс Великого княжества Литовского, особенно мелкая и средняя шляхта, в результате длительной и неудачной войны оказался в тяжелейшем экономическом положении. Кроме того, в условиях, когда все шире развертывалась антифеодальная и освободительная борьба, феодалы боялись оставаться один на один с народными массами.

Инициатива осуществления новой польско-литовской унии на сей раз исходила от литовской, украинской и белорусской средней и мелкой шляхты. Этот вопрос она и прежде ставила перед королями польскими и великими князьями литовскими. Зимой 1567 г. на сейме в Лебедове литовские паны вместе с польскими решили созвать в 1568 г. совместный польско-литовский сейм для решения вопроса о путях объединения Великого княжества Литовского и Польского королевства. Это решение весной 1568 г. подтвердил и Гродненский сейм.

Таким образом, господствующие классы Великого княжества Литовского и Польского королевства непосредственно подошли к Люблинскому сейму, хотя побудительные мотивы осуществления унии у них были разными.

Подготовка созыва совместного польско-литовского Люблинского сейма происходила в самых неблагоприятных для Великого княжества Литовского условиях. Напряженная обстановка внутри государства усугублялась международными осложнениями. Несмотря на временное русско-литовское перемирие, отношения с Русским государством оставались настолько напряженными, что уже в декабре 1568 г. могли возобновиться военные действия.

Начало работы Люблинского польско-литовского сейма. Разногласия между литовскими и польскими феодалами. Совместный польско-литовский сейм был созван в Люблине 23 декабря 1568 г., однако работу он начал только 10 января 1569 г. в связи с тем, что многие послы (депутаты) сейма вовремя не прибыли.

На сейме польские послы сразу же решительно потребовали от польского короля и великого князя литовского Сигизмунда II Августа, а также от литовских послов немедленного заключения польско-литовской унии. Они предложили литовским послам не откладывая провести совместное заседание сейма и на нем принять решение об унии. Это требование шло вразрез со старинным обычаем проведения сеймов, согласно которому польские и литовские послы совместно никогда не заседали. Проведение совместного заседания польских и литовских послов фактически означало бы объединение Великого княжества Литовского и Польского королевства. Литовские, украинские и белорусские

послы категорически отказались от проведения общего заседания сейма. Они заявили, что хотят сначала решить свои внутренние дела вместе с королем польским и великим князем литовским Сигизмундом II Августом. Послы сейма Великого княжества Литовского начали проводить совещания и заседания отдельно от польских послов.

В Люблине польские послы заявили, что уния Польского королевства и Великого княжества Литовского заключена уже давно — еще при польском короле Ягайле и великом князе литовском Витовте (они имели в виду Кревскую унию 1385 г.). Теперь же нужно лишь подтвердить унию общим польско-литовским сеймом и привести ее в исполнение.

Между польскими и литовскими послами начались длительные и безрезультатные переговоры. Каждая сторона выдвигала свои, при этом совершенно отличные от другой стороны предложения об унии. Однако ни одна из сторон не желала принимать предложения другой. Польские феодалы оказывали нажим на короля, чтобы тот приказал литовско-белорусско-украинским послам собраться на совместное заседание сейма для обсуждения и принятия польского проекта унии. Уступая требованиям польских панов, польский король и великий князь литовский Сигизмунд II Август предложил литовско-украинско-белорусским послам прибыть 28 февраля 1569 г. на совместное заседание сейма для обсуждения проекта новой польско-литовской унии. В ответ на это требование послы Великого княжества Литовского покинули Люблин и разъехались по домам. В Люблине осталось лишь несколько литовских послов для решения своих личных дел и для наблюдения за деятельностью польских послов. После этого король и великий князь Сигизмунд II Август, выполняя требования польских послов, решил привлечь к участию в заседаниях сейма хотя бы тех литовских послов, которые еще оставались в Люблине. Но 1 марта 1569 г. и они оставили город. Таким образом, на первом этапе переговоры о польско-литовской унии фактически провалились.

Среди феодалов Великого княжества Литовского не было единства в отношении характера намечавшейся унии, что и определяло слабость их позиции на дальнейших переговорах. Вельможи опасались лишиться своих привилегий в случае полного объединения княжества с Польшей, а поэтому настаивали на том, чтобы Литва имела свой отдельный сейм и отдельный сенат. Средние и мелкие литовские, украинские и белорусские феодалы рассчитывали добиться привилегий, которыми давно уже пользовалась шляхта в Польше, сравняться с ней во всех сословных правах. Они были недовольны также произволом магнатов и относительной слабостью государственной власти в княжестве, особенно опасными для них в условиях нарастания классовой борьбы масс. Поэтому они являлись сторонниками более тесной унии.

Польские феодалы пытались воспользоваться разногласиями в среде феодалов Великого княжества Литовского с целью осуществления своего плана унии, но намеревались провести его в жизнь постепенно. Прежде всего они решили распространить свою власть на украинские земли, о захвате которых давно мечтали, и ослабить тем самым позиции литовских и украинских магнатов.

Захват польскими феодалами Волыни, Подляшья, Брацлавщины и Киевщины. Заручившись поддержкой средней и мелкой шляхты Волынского и Подляшского воеводств, Сигизмунд II Август 12 марта 1569 г. специальным королевским универсалом объявил о присоединении этих вое-

водств к Польскому королевству. Этим же универсалом волынская и подляшская шляхта уравнивалась в правах с польским шляхетством. Одновременно король приказал панам Волынского и Подляшского воеводств немедленно прибыть в Люблин для принятия присяги на верность польской короне.

Отторжение Волыни и Подляшья было грубым нарушением суверенных прав Великого княжества Литовского, актом, совершенным королем в одностороннем порядке. Утрата этих воеводств, принадлежавших к числу наиболее развитых в экономическом отношении, серьезно ослабляла Великое княжество, подрывала позиции литовских, украинских и белорусских феодалов, прежде всего магнатов. На территории Волыни и Подляшья находились владения многих крупных феодалов. Они были не только крупнейшими землевладельцами, но и занимали на захваченных Польшей землях должности воевод, старост и т. п., что помимо доходов обеспечивало им большое политическое влияние и власть. Захват Волыни и Подляшья Польшей грозил им потерей не только должностей, но и земельных владений в случае неявки по требованию короля на сейм в Люблин.

Чрезвычайно обеспокоенные королевским универсалом, магнаты Литовского государства в ответ на него предлагали различные контрмеры, вплоть до войны с Польшей. Но в условиях, когда казна была опустошена, а силы Великого княжества Литовского подорваны, подобный шаг мог привести к роковым для княжества последствиям. Дело кончилось тем, что магнаты направили для переговоров с королем и польскими послами сейма посольство в составе Яна Ходкевича, Евстафия Воловича, Доминика Паца, Криштофа-Николая Радзивилла и Николая Кишки. Посольство прибыло в Люблин 5 апреля 1569 г., однако оно не требовало и не угрожало, как это делали раньше литовские послы, а лишь умоляло не отрывать «отдельные члены от Литовского государства», отменить королевский указ от 12 марта и созвать новый сейм для продолжения переговоров об унии.

Однако в условиях, когда мелкая и большая часть средней шляхты Волыни и Подляшья стали на польскую сторону, подобные просьбы не могли иметь успеха. Польские послы приняли решение возобновить переговоры об унии. Король обязал всех послов прибыть в Люблин через шесть недель для участия в работе совместного сейма. Чтобы нейтрализовать возможное противодействие со стороны послов — крупных феодалов Великого княжества Литовского, 23 апреля король объявил созыв посполитого рушения со всех земель Польского королевства. Одновременно польская шляхта предложила отобрать имения и государственные должности у тех волынских и подляшских панов, которые не прибудут в Люблин для принятия присяги на верность польской короне. Были назначены даже специальные комиссары, которые должны были взять подписку о согласии на унию у всех волынских и подляшских послов, отказывавшихся прибыть в Люблин на сейм под предлогом болезни.

Однако и после этого волынские и подляшские послы не захотели прибыть на заседания сейма. Тогда польский сейм принял решение отобрать у них за непослушание должности и имения. Последний срок явки послов был назначен на 23 мая 1569 г. Решительные меры, принятые польским сеймом, возымели действие. Волынские и подляшские послы стали съезжаться в Люблин. Среди пих были крупнейшие феодалы — князья А. Чарторыйский, К. Острожский, В. Корецкий, К. Вишневецкий и многие другие. 23 мая и в последующие

дни они приняли присягу на верность польской короне.

Добившись осуществления первой части своего плана захвата украинских земель, польские феодалы решили без промедления реализовать его полностью. Теперь их поддерживали не только киевские и брацлавские средние и мелкие шляхтичи, но и магнаты Волыни и Подляшья, владевшие землями и занимавшие должности на Брацлавщине и Киевщине. На Люблинском сейме продолжалась ожесточенная борьба польских послов за обладание Киевщиной и Брацлавщиной. «Киев,— заявляли польские послы на заседании 5 мая,— есть ворота Волыни и Подолии». Они утверждали, якобы Киев еще с древних времен принадлежал Польскому королевству. Польские феодалы, поддерживаемые католической церковью, рассчитывали, что с присоединением Киевской земли к Польскому королевству его владения будут граничить с Русским государством. Это позволило бы им создать плацдарм для агрессии Польши и римской курии на восток. Выполняя волю польских феодалов, 5 июня 1569 г. польский король Сигизмунд II Август издал универсал о присоединении к Польскому королевству Киевского и Брацлавского воеводств. На шляхту Киевщины и Брацлавщины были распространены те же привилегии, что и на шляхту Волыни и Подляшья.

С присоединением Киевского и Брацлавского воеводств завершился захват Польшей украинских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского, к чему издавна стремились польские феодалы. Таким образом, большая часть украинских земель оказалась в составе Польши.

Принятие Люблинской унии. После отторжения от Великого княжества Литовского украинских земель, составлявших более половины его территории, и включения их в состав Польского королевства крупные феодалы Литовского государства прекратили сопротивление. 1 июля 1569 г. послы Великого княжества Литовского приняли присягу на верность польско-литовской унии и подписали унитарный акт, продиктованный им, по существу, польскими магнатами. 11 августа акт унии утвердил король Сигизмунд II Август. Так сравнительно легко литовские, украинские и белорусские феодалы покорились воле короля и правящей феодальной верхушке Польши. Личные, узкоклассовые интересы оказались для них выше интересов государственных и национальных. В. И. Ленин подчеркивал, что борьба господствующих классов всегда была «борьбой *исключительно* из-за меры и формы *уступок*» [1].

Украинские народные массы прекрасно поняли изменническую роль украинских феодалов. Об этом говорится и в народной песне:

Ой, ляхи б не прийшли,
Щоб пани їх не знали;
Ой, пани щоб пропали,
Що ляхам нас запродали.

Согласно акту Люблинской унии Польское королевство и Великое княжество Литовское объединялись в единое государство — Речь Посполитую (республику) с выборным королем во главе, единым сеймом и сенатом. Отныне заключение договоров с иноземными государствами и дипломатические отношения с ними осуществлялись от имени Речи Посполитой, на всей ее территории вводилась единая денежная система, ликвидировались таможенные границы между Польшей и Литвой. Польская шляхта получила право владеть имениями в Великом княжестве Литовском, а литовская — в Польском королевстве. Вместе с тем Литва сохраняла определенную автономию: свое право и

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 174.

суд, администрацию, войско, казну, официальный «русский», т. е. белорусско-украинский, язык.

Основной целью польских феодалов был захват украинских земель путем заключения унии. В. И. Ленин писал, что «*Польша* по Люблинскому союзу (Union) — 1569 г.— имела... Малоросию с Киевом, Полтавой..., Подолию, Волынь etc. ...» [1].

Захват Волыни, Киевщины и Брацлавщины Польшей резко усилил экспансию на эти украинские земли польских светских и духовных феодалов, которых активно поддерживали также украинские магнаты и шляхтичи. Захват крестьянских и казацких земель сопровождался усилением социального гнета и наступлением на национальные права, культуру и веру украинского народа. Все это обусловило дальнейшее обострение классовых и национальных противоречий, усиление антифеодальной и освободительной борьбы народных масс Украины.

В результате Люблинской унии Великое княжество Литовское лишилось не только большей части своей территории, но и утратило политическую независимость. Фактически новосозданная Речь Посполитая как «объединенное» государство служила лишь прикрытием приоритета в ней польских феодалов.

В результате Люблинской унии Польша значительно расширила свою территорию и намного увеличила материальные ресурсы. Вместе с тем в унии были заложены предпосылки распада феодальной Польши в будущем. Захват Польшей Восточной Украины имел своим последствием образование огромных феодальных латифундий и укрепление экономического могущества и политических позиций польских и украинских магнатов, так называемых королевят, ставших фактически независимыми от центральной власти.

Пользуясь своей силой и влиянием, наиболее реакционная магнатская верхушка стремилась всячески ограничить власть королей. Постепенно она превратила сейм — «шляхетский парламент» — в свое послушное орудие. Сеймовые послы, по крайней мере с Украины и из Литвы, часто были просто ставленниками своих патронов-магнатов, послушными исполнителями их воли. По этому поводу известный деятель католической церкви П. Скарга писал: сеймовые послы хотя и действовали «будто в соответствии с наказом своей братии (шляхетства.— *Ред.*), в действительности корольки (магнаты.— *Ред.*) действуют и творят от имени братии то, о чем она никогда и не помышляла; братия (в данном случае шляхетские послы сейма.— *Ред.*) безумным криком на все соглашается».

Борьба магнатских группировок с королевской властью препятствовала процессу политической централизации страны. Внутренними распрями в Польше воспользовались соседние государства, прежде всего империя Габсбургов и Ватикан. Стремясь подчинить внутреннюю и внешнюю политику Польши своим интересам, они, в частности, толкали польские правящие круги на агрессию против России. Ватикан смотрел на Польшу как на форпост католицизма на востоке Европы, а окатоличивание украинского населения считал предпосылкой своего проникновения в Россию. Это открыто признал папа Григорий XIII (1572—1585), заявив: «С вами, мои украинцы, надеюсь привлечь [весь] Восток».

Таким образом, Люблинская уния с самого начала превратилась в орудие агрессивной политики Речи Посполитой и стоявших за ней сил против России. Она задержала закономерный исторический процесс объединения трех братских восточносла-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 28, с. 589.

вянских народов — русского, украинского и белорусского — в едином государстве.

Политические последствия Люблинской унии. Продолжение Ливонской войны. Правящие феодальные круги вновь созданной Речи Посполитой сразу же развернули подготовку захватнической по своей сути войны против Русского государства. Антирусская внешняя политика феодальной верхушки, противоречившая интересам всех народов, входивших в состав Речи Посполитой, вызывала недовольство широких масс. Особенно оно проявлялось на украинских и белорусских землях. Усиливалось тяготение украинских и белорусских народных масс к России. Симпатии к ней выявляла и часть шляхетства.

1569 год для Русского государства был очень тяжелым. На западных рубежах польско-литовская армия активно готовилась к наступательным действиям. На севере обострились отношения со Швецией. На юге огромная турецкая армия без объявления войны предприняла поход на Астрахань. Султанское правительство даже задумало прорыть канал между Доном и Волгой, чтобы перебросить свой флот на Волгу для действий против России и на Каспий — против народов Кавказа, Средней Азии и Персии.

В следующем году возобновились военные действия в Ливонии. Шведам удалось нанести ряд ощутимых поражений русским войскам. Польско-литовские феодалы, готовясь к широкому вторжению в пределы Русского государства, решили заручиться поддержкой Турции. В 1571 г. 120-тысячная орда крымского хана Девлет-Гирея осуществила опустошительный набег на Русское государство. Татары глубоко вторглись на русские земли: была сожжена большая часть Москвы, разграблены или сожжены многие города и села, лежавшие на пути татарских орд, угнаны в неволю многие тысячи мирных жителей. В 1572 г. татары совершили повторный набег, но были разгромлены русскими войсками при Молодях (на р. Рожач в 50 км южнее Москвы). Против татарских феодалов-захватчиков плечом к плечу с русскими людьми стояли насмерть украинские казаки («черкасы») и украинцы-переселенцы, совместно охранявшие южные рубежи Русского государства.

Опустошительные набеги на русские земли татарских феодалов отвлекали значительные силы русской армии из Ливонии, где в них ощущалась острая необходимость в связи с развернувшимися там широкими военными действиями. Несмотря на неблагоприятную международную обстановку и напряженное положение внутри страны, русские войска, укомплектованные и довооруженные, в 70-х годах одержали ряд побед. В 1573 г. был взят Вейсинштейн (Пайду) — важный опорный пункт шведских войск в Прибалтике, в 1575 г.— крепость Пернов (Пярну), в 1576 г.— ряд укрепленных пунктов на Балтийском побережье, в 1577 г.— Венден (Цесис) и осажден Ревель (Таллин). Русские войска активно поддерживало местное эстонское и латышское население, угнетенное немецкими светскими и духовными феодалами.

Украинское и белорусское население также сочувственно относилось к России, всячески помогало русским войскам. Несмотря на запрет, украинские купцы продолжали торговать с Россией. Литовские правители обвинили ряд киевских купцов в измене за то, что они поддерживали связи с русскими купцами. Все больше жителей белорусских и украинских городов и сел, особенно из пограничных земель и районов военных действий, переселялось в пределы Русского государства.

В разгар Ливонской войны (1572) умер, не оставив завещания, бездетный польский король и великий князь литовский Сигизмунд II Август. В Речи Посполитой началась элекция — выборы сеймом нового короля. В господствующем классе возникли две враждующие группировки. Значительная часть феодалов Польши и Литвы на освободившийся престол выдвигала кандидатуры русского царя Ивана IV и его сына Федора Ивановича; наиболее могущественные магнаты высказывались за западноевропейских претендентов. Шляхта, особенно мелкая и значительная часть средней, недовольная произволом и всевластием магнатов, с большой надеждой смотрела на Россию, где интересы средних и мелких феодалов защищала в то время уже сильная царская власть. Тогда же польские и литовские послы заявили Ивану IV, что отныне все, «желаючи, чтоб им государя себе избрати от словенского рода по воле, а не в неволю, и прихиляютца тебе великому государю и твоему потомству».

В 1575 г. накануне выборов сеймом нового короля Речи Посполитой приверженцы русского царя Ивана IV и его сына Федора Ивановича поставили перед зданием сейма крест с такой надписью: «Кто цесаря (императора Максимилиана II.— *Ред.*) назовет, тот смерть себе найдет. Согласился бы Федор [Иванович] быть, как Ягайло, вот тогда б нам с ним хорошо было». Слова надписи как нельзя лучше отражали настроения мелкой шляхты и простого народа всей Речи Посполитой.

Западные государства и особенно Ватикан очень беспокоила возможность объединения Русского государства с Речью Посполитой в случае избрания русского царя на польский престол. Это укрепило бы не только Россию, но и Речь Посполитую. Между тем папа римский и западные соседи Польши были заинтересованы в ослаблении, а не в усилении Русского государства, а также в сохранении слабой государственной власти в Речи Посполитой.

На королевский престол благодаря активной поддержке католической церкви сейм избрал французского принца Генриха Валуа (1573—1574). После «бегства» Генриха во Францию королем был избран семиградский князь Стефан Баторий (1576—1586) — довольно энергичный и способный государственный деятель.

В усиливающемся Русском централизованном государстве магнатская олигархия, которую возглавил Стефан Баторий, видела своего главного противника. Она развернула открытую и скрытую борьбу против России. Однако враждебная России внешняя политика Речи Посполитой не пользовалась поддержкой ни народных масс, ни мелкой, ни даже значительной части средней шляхты. Это стало очевидным, в частности, в 1579 г., когда Речь Посполитая предприняла активные наступательные действия против русских войск. Народные массы, особенно Белоруссии и Украины, выступили против военной акции правящей верхушки. Многие шляхтичи, и не только украинские и белорусские, но и литовские и польские, отказывались воевать против России и переходили на ее сторону. Все же польско-литовской армии удалось овладеть важными центрами на северо-западе Русского государства — городами Полоцк и Великие Луки.

В 1581 г. польско-литовская армия, возглавляемая Стефаном Баторием, окружила Псков, намереваясь после захвата его двигаться на Великий Новгород и Москву. Однако эти далеко идущие агрессивные планы были сорваны героическими защитниками Пскова. В обороне города активное участие принимал отряд украинских казаков, возглавляемый Миколой Черкасским (Черкашиным), который

здесь и погиб. В том же году шведские войска захватили Нарву и Корелу, тем самым отрезав Россию от Балтийского моря.

Таким образом, ход Ливонской войны на ее заключительном этапе сложился не в пользу Русского государства. Несмотря на отдельные разногласия, все его западные соседи были едины в стремлении не допустить Россию к Балтийскому морю.

Между тем стойкая оборона Пскова, защитникам которого помогали горожане и крестьяне окружающих сел, вынудила правительство Речи Посполитой пойти на мирные переговоры. Этому в значительной мере способствовало и то, что население Белоруссии и Украины, а также оккупированных русских земель заняло резко враждебную позицию в отношении польско-литовских феодалов, всячески противодействовало их войскам. Имея слабые тылы, они не решились продолжать наступление в глубь русской территории.

В 1582 г. в г. Ям-Запольский начались мирные переговоры. В первые дни переговоров послы Речи Посполитой получали письма от старост пограничных городов, в которых с тревогой сообщалось, что «люди все с замков украйных поднялись прочь пойти» [1]. Это вынудило поляков поспешить с заключением перемирия, согласно которому Иван IV Грозный отказался от Ливонии в пользу Речи Посполитой, а Стефан Баторий обязывался возвратить России ее пограничные земли, занятые польско-литовскими войсками.

В следующем году было подписано перемирие между Русским государством и Швецией, по которому Россия вынуждена была уступить Швеции территорию с городами Ям, Копорье, Иван-город.

В результате Ливонской войны Русское государство надолго, вплоть до начала XVIII в., лишилось выхода к Балтийскому морю, хотя в его руках остался небольшой участок морского побережья в устье Невы. Здесь в XVI— начале XVII в. проходил важнейший торговый путь из Великого Новгорода к Балтийскому морю.

Обессиленная войной против Русского государства, Речь Посполитая утратила свои западные, исконно славянские земли — Силезию и Западное Поморье, которые были захвачены немецкими феодалами. Усложнилось также ее внутреннее положение. Политика Стефана Батория, направленная на усиление королевской власти, вызвала недовольство магнатов и части шляхты, и в 1586 г. они организовали выступление против короля. Однако с помощью верных шляхтичей Стефан Баторий подавил мятеж. Война обострила социальные противоречия в Речи Посполитой. На украинских землях усилилось антифеодальное и освободительное движение.

2. РУССКО-УКРАИНСКИЕ СВЯЗИ

Русско-украинские связи во второй половине XVI в. Во второй половине XVI в. русско-украинские связи продолжали развиваться и крепнуть. Они охватывали все сферы общественной жизни — политическую, экономическую и культурную. В этот период значительно возросло тяготение украинского народа к русскому, усилилось стремление к объединению с ним в одном государстве. Народные массы Украины все отчетливее осознавали, что с братскими русским и белорусским народами их объединяет не только общность происхождения, но и общность исторических судеб.

Украинский народ во второй половине XVI в. переживал очень тяжелое время. Экспансия польских фео-

[1] Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, т. 1, с. 223.

далов на украинские земли после Люблинской унии 1569 г., в результате которой была создана польско-литовская держава Речь Посполитая, приобрела особенно широкий размах. Резко усилились социальный и национально-культурный гнет, религиозные притеснения. Одновременно активизировались агрессивные действия со стороны султанской Турции и ее вассала Крымского ханства. Разбойничьи вторжения турецко-татарских орд на Украину значительно участились, стали еще более разрушительными. Возникла реальная угроза самому существованию украинского народа как этнической общности.

Понимание возникшей смертельной опасности все глубже проникало в сознание народных масс, оказывавших героическое сопротивление иноземным захватчикам.

Вместе с тем длительный опыт борьбы с внешними врагами убеждал, что отстоять свою независимость, свое существование от посягательств со стороны могущественных соседних держав, каковыми в то время являлись Речь Посполитая и Османская империя, только собственными силами украинский народ не сможет. Поэтому он возлагал все бóльшие надежды на помощь русского народа, Русского государства. Стремление к объединению с русским народом в одном государстве нарастало и среди широких масс белорусского народа, находившегося в таком же тяжелом положении, как и украинский. Все-общее стремление украинского и белорусского народов к воссоединению их земель с Россией находило понимание и поддержку среди всех слоев русского населения.

Агрессивная политика, которую проводили в Восточной Европе Речь Посполитая, султанская Турция и Крымское ханство, была направлена также и против русского народа. Усилилась угроза России со стороны Швеции, переживавшей во второй половине XVI в. подъем своего могущества. Все они вынашивали далеко идущие планы захвата обширных исконно русских земель, ослабления и в конечном счете подчинения Русского государства.

Таким образом, все три восточнославянских народа — русский, украинский и белорусский — были кровно заинтересованы в объединении своих сил для отпора жестоким захватчикам.

Объективно интересам трех братских народов отвечала политика царского правительства, внешнеполитическая деятельность которого была направлена на объединение всех восточнославянских земель в едином Русском централизованном государстве, хотя определялась эта политика прежде всего узкоклассовыми интересами.

Правительство Ивана Грозного, прекрасно осведомленное о настроениях украинцев и белорусов, о братских чувствах к ним русского народа, неуклонно проводило курс на объединение всех восточнославянских земель в составе единого Русского государства. Еще в 1554 г. во время переговоров в Люблине с литовскими дипломатами русские послы В. Юрьев, Ф. Сукин, И. Бухарин решительно потребовали, чтобы великий князь литовский «уступил государю нашему государя нашего вотчину извечную Киев и Волынь и Полтеск и Витебск и иные города русские» [1]. В последующих переговорах с послами короля польского и великого князя литовского Сигизмунда II Августа в сентябре 1563 г. Иван IV решительно потребовал, чтобы Великое княжество Литовское возвратило все земли, прежде входившие в состав Древнерусского государства. В декабре того же года русские дипломаты по-

[1] Сборник Русского исторического общества. Спб., 1887, т. 59, с. 427.

вторили это требование. Однако для осуществления объединения всех восточнославянских земель в то время условия еще не сложились.

После смерти короля польского и великого князя литовского Сигизмунда II Августа и выдвижения на польский престол кандидатуры русского царя Иван Грозный на переговорах в 1573 г. потребовал отказа Речи Посполитой от Ливонии и Киева. Во время дальнейших переговоров в том же году русский царь потребовал прежде всего возвратить России Киев.

Предложенный русскими послами проект титула Ивана Грозного звучал так: «Божьей милостью государь, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, киевский, владимирский, московский, король польский и великий князь литовский».

Наиболее характерной чертой укреплявшихся украинско-русских связей являлось активное участие местных жителей в боевых действиях русской армии против польско-литовских и турецко-татарских войск, оказание ей всемерной поддержки и помощи во время военных операций на территории Украины. Крепнущее боевое братство нашло отражение в известной украинской народной песне «Гомін, гомін по діброві», относящейся к рубежу XVI—XVII вв. В ней говорится о дружеских связях украинского и русского народов, о переселениях украинцев в пределы Русского государства, о совместной борьбе против турецко-татарской агрессии.

Многочисленные исторические факты подтверждают слова этой песни, свидетельствуют о многогранном характере содружества русских и украинцев в борьбе с внешней опасностью. Так, в годы Ливонской войны в составе русской армии активно действовало «вольное казачество», состоявшее из донских и черкасских (т. е. украинских) казаков. В 1564 г. русские ратные люди с помощью местного населения отразили наступление польско-литовских войск на Чернигов «и знамя Сапегино взяли». За эту победу от Ивана Грозного был «послан к ним з золотыми и с речью Яков Щетнев» [1].

Папский агент А. Поссевин вынужден был признать, что население Украины повсеместно поддерживало Россию во время Ливонской войны. В начале 80-х годов он сообщал: «На Руси (Галичине.— *Ред.*), в Подолии, Волыни... жители упорно держатся греческого исповедания... найдено, что жители этих областей по приверженности к своим единоверцам, москвичам, публично молятся о даровании им победы над поляками».

В укреплении украинско-русских связей важную роль играли взаимные переселения населения. На Украину все больше бежали крестьяне и выходцы из других низших сословий и прослоек населения России, которые не желали мириться с усиливавшимся феодальным гнетом. Оседали они преимущественно на юго-восточных и южных окраинах, где феодальные отношения были еще слабо развиты.

Беглецы из России вместе с украинским населением развивали производительные силы края, совместно обеспечивали оборону его от турецко-татарских захватчиков. Участвовали они и в антифеодальном и освободительном движении на Украине.

Одновременно увеличивался поток переселенцев с Украины в пределы Русского государства. Среди них преобладали крестьяне, бежавшие от возраставшего феодально-крепостнического и национально-религиозного гнета, а также участники антифеодальных выступлений, которым угрожала расправа со стороны магнатов и шляхты. Основная масса переселен-

[1] Цит. по кн.: Очерки русской культуры XVI в. М., 1975, с. 312.

цев с Украины оседала на Слобожанщине, куда выходцы из центральной России и Украины начали переселяться еще в первой половине XVI в. Переселения жителей Левобережной и Правобережной Украины значительно участились в последние десятилетия XVI в. Так, большая группа выходцев с Украины появилась на Слобожанщине в 1579—1580 гг. В составе одной только группы во главе с атаманом Матвеем Федоровым, осевшей в бассейне Северского Донца в 1589 г., насчитывалось свыше 700 человек. Переселения приобрели столь широкий размах, что вызвали беспокойство правительства Речи Посполитой. Оно не раз ставило этот вопрос в 1590—1591 гг. в Москве во время переговоров о заключении перемирия между двумя государствами. Еще более интенсивным стал поток переселенцев после подавления крстьянско-казацких восстаний под руководством К. Косинского и С. Наливайко. На Слобожанщину бежали также жители Белоруссии.

Русское правительство, заинтересованное в быстрейшем освоении богатых земель южного пограничья, в усилении обороны рубежей государства от турецко-татарских вторжений, всячески содействовало переселенцам с Украины в устройстве на новых местах: наделяло их землей, выдавало ссуды, выделяло скот и сельскохозяйственный инвентарь, предоставляло различные льготы.

Украинские, русские и белорусские переселенцы общими усилиями осваивали плодородные земли на юге, возводили здесь города, основывали села — слободы (отсюда и название Слободская Украина или Слобожанщина), совместно защищали край от турецко-татарских захватчиков. Ратные люди и переселенцы построили много крепостей и ряд оборонительных линий, ставших серьезным препятствием для осуществления татарами глубоких вторжений в пределы России. Так, в конце XVI в. слободское население возвело систему укрепленных городков на Северском Донце и создало две засечные линии, протянувшиеся от Рыльска и Путивля на юго-восток.

Переселенцы с Украины поселялись и в других местностях России, в том числе в городах, расположенных вблизи Москвы. Так, в конце XVI в. в Коломне «черкасы» жили в 54 дворах, в Туле существовала «слобода черкасов».

Значительная часть переселенцев-украинцев поступала на военную службу к русскому правительству. Многие из них зачислялись в разряд казаков и в другие виды войска. По свидетельству англичанина Флетчера, побывавшего в России в 1588 г., из 4300 наемных пехотинцев русской армии 4000 были украинцами. Подобные сведения для начала XVII в. приводит и француз Маржерет, находившийся в то время на русской военной службе.

Особенно много казаков-переселенцев и крестьян, объявивших себя казаками, находилось на русской службе в пределах южного пограничья, в частности на Слобожанщине. Известно, что в гарнизонах городов Слобожанщины — Путивля, Валуек, Царева-Борисова и др.— служили также украинские казаки. Совместно с русскими ратными людьми они обеспечивали сторожевую службу, вместе с ними первыми вступали в бой с ханскими ордами, вторгавшимися в пределы России.

В исторических документах сохранилось много сведений о совместной борьбе русского и украинского народов против турецко-татарской агрессии. Так, в 1558 г. украинские казаки принимали участие в обороне Тулы во время вторжения 100-тысячной орды Махмет-Гирея. В следующем году они вместе с русскими ратными людьми снова обороняли Тулу, а также Рязань и Каширу от нового

нападения орды, участвовали в преследовании ее при отступлении. Осенью 1576 г. украинские казаки, стрельцы, «судовая рать» и донские казаки стояли на Оке, прикрывая переправы через реку от татар при очередном нападении их на русские земли. В том же году Иван Грозный прислал украинским казакам «жалованье» и обещал оказать им военную помощь, а также прислать селитру и другие припасы, с тем чтобы весной 1577 г. они осуществили поход на Козлов (Евпаторию) и крымские улусы. В ответ казаки пообещали «государю крепко служить и очень обрадовались государской милости» [1].

Украинские казаки принимали участие в походах русских войск на Казань и Астрахань. Они входили в состав русских гарнизонов в городах Поволжья и Сибири.

В числе украинских казаков, служивших русскому правительству, были и запорожцы. В царской грамоте 1589 г. путивльскому воеводе И. С. Вахромееву говорилось, что «выехали из Запорог на наше имя черкасы атаман Федор Гороховский да товарищи его». Было дано указание вновь прибывшим служить вместе «с прежними черкасами, которые живут в Путивле» [2].

Запорожское казачество, как и донское, являясь форпостом русского и украинского народов на юге, играло важную роль в борьбе против турецко-татарской агрессии. Запорожцы и донцы нередко совместно совершали смелые походы в пределы Крымского ханства и на турецкое побережье, вынуждая в ряде случаев татарских и турецких феодалов отменять намеченные вторжения в пределы Украины и России. Царское правительство высоко ценило военную силу казачества и постоянно его поддерживало. Так, цари Федор Иванович и Борис Годунов направляли в Запорожье («в Запорож») своих служилых людей с «государевым жалованье з денежным» [1].

В условиях наступления польских феодалов на украинские земли продолжали развиваться и укрепляться экономические связи между украинскими и русскими землями. Украинское население, противостоя польско-шляхетской экспансии, стремилось к расширению экономических связей с населением Русского государства. Это стремление было обоюдным. Русское правительство также способствовало этим взаимосвязям, что объективно отвечало интересам не только русского, но и украинского народов.

Первостепенное значение в укреплении экономических связей принадлежало торговле. Мещане Украины, особенно Поднепровья, в том числе Киева, поддерживали тесные связи с русскими торговцами даже в годы Ливонской войны, несмотря на строжайший запрет польско-литовского правительства. Украинское население, рискуя подвергнуться репрессиям, укрывало русских купцов с их товарами и всячески им помогало. Отдельные киевляне, преследовавшиеся в годы Ливонской войны за связи с Россией и поддержку ее, бежали в города Русского государства, где нашли приют и помощь.

В украинско-русских экономических отношениях с каждым десятилетием все бóльшую роль играли производственные взаимосвязи: переход русских ремесленников на Украину, а украинских в Россию, взаимная передача профессионального опыта и знаний и т. д.

Во второй половине XVI в. продолжали развиваться и укрепляться ук-

[1] Цит. по кн.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960, кн. 2, т. 7, с. 368.

[2] Цит. по кн.: Очерки русской культуры XVI в., с. 352.

[1] Цит. по кн.: Визвольна війна українського народу 1648—1654 рр. К., 1954, с. 32.

раинско-русские взаимосвязи в области культуры. Со временем они становились все более тесными и разнообразными. Из Москвы на Украину привозились книги, приезжали русские образованные люди. В России, в частности в Москве, всегда находили убежище деятели украинской культуры, спасавшиеся от преследований феодальной Речи Посполитой. Русский первопечатник Иван Федоров, положивший начало книгопечатанию в России, стал его зачинателем и на Украине.

Наступление католицизма (а с 1569 г. еще и его ударного отряда — иезуитов) на украинский народ во всех сферах жизни, которому всячески способствовали польские, а также окатоличенные украинские феодалы и правительство Речи Посполитой, вызывало решительное противодействие широких народных масс. В этих условиях возрастала роль русской православной церкви, которая активно поддерживала политику русского правительства, направленную на объединение всех восточных славян. Усиливалось также значение украинско-русских церковных связей, посещений Украины русскими и другими православными церковными деятелями.

В Москву неоднократно приезжали представители украинского православного духовенства, информировавшие русское правительство о положении на Украине, о растущем стремлении народных масс к единению с русским народом. Русское правительство и высшее православное духовенство постоянно и всячески поддерживали православную церковь на Украине, оказывали материальную помощь деятелям, выступавшим против польско-шляхетского порабощения, гонений на украинскую культуру и денационализации украинского народа. Многие деятели культуры Украины вынуждены были покидать свою родину и переселяться в Россию, где они встречали теплый прием и всяческое содействие со стороны правительства и русского народа.

Передовые деятели культуры России активно выступали в поддержку освободительного движения украинского и белорусского народов, всячески способствовали развитию культуры Украины и Белоруссии. Среди них прежде всего можно назвать Ивана Федорова, а также Феодосия Косого, Игнатия, Вассиана, Фому и др.

Во второй половине XVI в. феодально-крепостнические отношения вступили в этап своего высшего развития. Одновременно завершалось образование трех братских восточнославянских народностей: русской, украинской и белорусской. Каждая из них уже осознала себя как этническую общность, поняла жизненную необходимость объединения всех трех народностей в едином Русском централизованном государстве.

Таким образом, политические, экономические и культурные украинско-русские связи развивались под прямым влиянием укрепления Русского централизованного государства, роста антифеодальной и освободительной борьбы народных масс Украины, в свою очередь усиливавшейся с укреплением связей между братскими народами. Эти взаимосвязи отражали всеобщее стремление украинского народа к воссоединению Украины с Россией, осуществление которого стало непосредственной задачей уже во время крупнейших крестьянско-казацких восстаний конца XVI в.

Основные направления и тенденции русско-украинских связей в первой половине XVII в. В первой половине XVII в., как и в предшествующее время, русско-украинские взаимоотношения развивались в своеобразных и сложных условиях. В России и на украинских землях еще господствовали феодальные отношения, не от-

крывавшие широких возможностей для осуществления связей между двумя братскими народами. Кроме того, если Россия была уже самостоятельным централизованным государством, то территория Украины оставалась расчлененной и находилась в составе разных государств, что также неблагоприятно сказывалось на укреплении русско-украинских связей. Однако в них существовала жизненная необходимость, поэтому различного рода объективные препятствия, стоявшие на пути развития этих связей, успешно преодолевались.

Русско-украинские связи не были изолированным явлением в международных отношениях того времени. В первой половине XVII в. в Восточной Европе, как и прежде, главенствующую роль играли три крупных государства: царская Россия, Речь Посполитая и султанская Турция. Между ними существовали противоречия, нередко приводившие к военным столкновениям, которые затрагивали Украину, находившуюся на стыке этих трех государств.

Население Украины по-разному относилось к упомянутым государствам. Султанская Турция и ее вассал Крымское ханство на протяжении длительного времени нападали на Украину, разоряли ее, уничтожали население, угоняли в неволю многие тысячи людей. Горе и несчастье, приносимые турецко-татарскими нападениями, вызывали справедливый гнев украинского народа, и он давал решительный отпор коварному врагу. Борьба украинского народа сливалась в одно русло с борьбой русского народа против турецко-татарских агрессоров. Ярким проявлением их боевого содружества в первой половине XVII в. были совместные действия донских и запорожских казаков. Если учесть, что казачество как сословие формировалось и пополнялось главным образом за счет крестьянства, составлявшего в то время основную массу населения, то ясно, что борьба против турецко-татарских захватчиков приобрела народный характер.

Связи и взаимодействия донского и запорожского казачества в первой половине XVII в. приобретают еще более постоянный и действенный характер. В это время многие донцы находились в Запорожской Сечи, а украинские казаки на Дону. Запорожцы и донцы, как говорилось в документах, «всегда бывали в дружбе и в сылке (связях.— *Ред.*)» [1].

Донские и запорожские казаки в первой половине XVII в. много раз совершали совместные сухопутные и морские походы против Крыма и Турции, вызвавшие одобрение и восхищение народов Европы. Благодаря силе, мужеству и решительным действиям Войска Запорожского (в составе его находились и донцы) в сентябре 1621 г. в битве под Хотином была достигнута победа над огромной турецкой армией, перед которой ставилась задача захватить украинские земли. В июне 1637 г. донские казаки совместно с запорожцами овладели важным опорным пунктом Турции в устье Дона — крепостью Азов. До мая 1642 г. продолжалось так называемое Азовское сиденье, во время которого донские казаки и запорожцы сообща отражали неоднократные штурмы многотысячных войск врага, пытавшегося возвратить крепость.

К. Маркс отмечал, что с середины XVII в. Турецкая империя вступила в период упадка и разложения, начала утрачивать свою военную мощь [2]. Несомненно, одной из причин упадка была успешная совместная борьба русского и украинского народов против турецко-татарских захватчиков.

[1] Воссоединение Украины с Россией, т. 2, с. 409.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 10, с. 262.

Но при всем том еще не исчезла угроза поглощения Украины султанской Турцией. И события как первой половины XVII в., так и последующего времени свидетельствуют, что избежать закабаления Украины султанской Турцией удалось прежде всего благодаря совместным действиям русского и украинского народов.

На восточноукраинских землях, граничивших с Россией, в первой половине XVII в. усиливался феодально-крепостнический гнет. В то же время польские власти проводили политику, направленную на осуществление экспансионистских планов против Русского государства. В начале XVII в. они начали широкую интервенцию в Россию, продолжавшуюся несколько лет. По Деулинскому соглашению 1618 г. в состав Польши была включена Чернигово-Северская земля, превращенная в Черниговское воеводство Речи Посполитой.

Русский народ дал решительный отпор польским захватчикам, изгнав их из страны. Но потребовались годы, чтобы ликвидировать тяжелые последствия иностранной интервенции. Со второй четверти XVII в. Русское государство снова начало играть важную роль в Восточной Европе. Это повлияло на характер событий, происходивших в то время на Украине, и ее связи с Россией.

В ответ на усиление феодально-крепостнического гнета, наступление католицизма и ограничение прав украинского населения ширится освободительная борьба, поднимаясь на более высокий уровень и приобретая многообразные формы. В ходе этой борьбы все более явственно выступают значение и авторитет Русского государства и стремление населения Украины к единению с Россией.

Выражая настроения казаков, гетман Войска Запорожского Петр Сагайдачный в начале 1620 г. писал царю Михаилу Федоровичу, что они «служити готовы против всяких его царского величества неприятелей» [1]. В последующие годы стремление широких слоев населения находиться в составе России еще более усилилось. Оно получило идейное обоснование в полемической литературе, в которой важное место заняли вопросы общности исторических традиций русского, украинского и белорусского народов, ведущей роли Русского государства в борьбе с иноземными захватчиками. Митрополит киевский Иов Борецкий в письме царю от 24 августа 1624 г. просил оказывать поддержку украинскому и белорусскому населению в борьбе против унии и католицизма.

С особой силой стремление украинцев и белорусов к единению с русским народом проявлялось во время крестьянско-казацких восстаний. Так, участники восстания 1625 г. заявляли, что они от врагов «городы литовские станут очищать в твое государево имя» [2]. Стремления к объединению с Россией отчетливо проявились также во время крестьянско-казацких восстаний 1630, 1635, 1637 и 1638 гг. В условиях тяжелого социального и национального гнета идея единения не только не угасала, но приобретала все более четкое выражение.

Освободительная борьба украинского народа отвлекала силы польских правящих кругов, тем самым нарушая их агрессивные планы, направленные на восток, против России. Таким образом, борьба украинского народа против иноземного гнета совпадала с направлением борьбы Русского государства против экспансионистских устремлений Речи Посполитой.

Русско-украинские экономические связи в первой половине XVII в. продолжали развиваться. Хотя реша-

[1] Воссоединение Украины с Россией, т. 1, с. 15.
[2] Там же, с. 62.

ющие позиции в экономике принадлежали эксплуататорам, объективный ход исторического развития создавал предпосылки и условия для включения в русско-украинские экономические связи и широких слоев населения. Непосредственное соседство, традиционность и постоянство экономических связей Украины с Россией содействовали этому.

На развитие русско-украинских экономических связей, в том числе торговых, в рассматриваемое время влияли новые важные явления в сфере экономики. В. И. Ленин отмечал, что «новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это... вызывалось... растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок» [1].

Начало процесса складывания общероссийского рынка, укрепление и расширение экономических связей внутри государства объективно создавали благоприятные условия для развития торговых отношений с другими странами. Во времени это совпало с возникновением ряда отраслей промышленности, приобретавших характер простой капиталистической кооперации и начальных форм мануфактуры. Заметно увеличивалось производство товаров на рынок. Аналогичные процессы, хотя и в специфических условиях, происходили на украинских землях.

Новые тенденции в экономике стимулировали русско-украинские экономические связи, прежде всего торговые. Они заметно расширялись, приобретая все более интенсивный и разнообразный характер, значение их возрастало.

Торговые связи — сложное и многогранное явление. Кроме купцов и других лиц — владельцев товара — в них участвовало много людей, выполнявших различные функции, связанные с торговыми операциями: возчики, приказчики, сторожа, погонщики скота и др. С ростом объема украинско-русской торговли возрастало и количество производителей товаров и круг их потребителей. Таким образом, непрерывно расширялся круг людей, прямо или косвенно связанных с торговлей, росла заинтересованность в ней широких слоев населения. Русско-украинские торговые связи должным образом удовлетворяли обе заинтересованные стороны. Они влияли и на другие сферы взаимоотношений между Россией и Украиной.

Одной из форм экономических связей, в которых непосредственное участие принимали широкие слои населения, было массовое переселение с Украины в пределы Русского государства крестьян («людей пашенных»), казаков и мещан, главным образом городских ремесленников и «работных людей», наймитов, которые «кормились работой». Переселенческий поток с Украины усилился в первой половине XVII в., особенно после поражения крестьянско-казацких восстаний 30-х годов. Многие тысячи переселенцев осваивали южное пограничье Русского государства и принимали активное участие в защите его от нападений татар. Благодаря содействию и материальной помощи переселенцам со стороны русского правительства на Слобожанщине возникли города, многочисленные села и хутора. Тем самым украинские поселенцы вносили весомый вклад в экономическую жизнь России. Одновременно расширялась этническая территория, заселенная украинцами, что также сыграло важную роль в истории Украины.

В числе переселенцев с Украины было много мастеров разных профес-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 153—154.

сий. Известностью в России пользовались те, которым было «селитренное варенье за обычай», т. е. мастера по изготовлению селитры, используемой для производства пороха, а также поташники («будники») — специалисты по выработке поташа. Часто украинские мастера привлекались к строительству прудов и водяных мельниц. В разных местностях России работали украинские слесари, токари, кузнецы, тележники, бондари и другие ремесленники.

Таким образом, украинцы, переселившиеся в Россию, нашли здесь благоприятные условия для жизни и хозяйственной деятельности. Сведения об этом доходили на Украину. И это тоже убеждало ее население в том, что спасение от иноземного гнета оно может найти только в единении Украины с Россией.

Переселенческое движение шло и в обратном направлении: из России на Украину. Многие русские, главным образом крестьяне и горожане, в первой половине XVII в., как и в предшествующее время, переходили на Украину и проживали вместе с украинцами в городах и селах. Русские переселенцы принимали активное участие в общественной жизни Украины, в том числе в борьбе украинского народа против угнетателей.

Массовые переселения с Украины в Россию и из России на Украину способствовали ослаблению замкнутости, изолированности этих регионов, содействовали дальнейшему сближению и единению русского и украинского народов.

В первой половине XVII в. активно развивались русско-украинские культурные связи. Как и прежде, важную роль в укреплении их играли такие факторы, как культурные традиции, языковое родство, территориальная близость. При этом культурные связи осуществлялись не обособленно, а во взаимосвязи с экономическими, политическими, религиозными и другими формами русско-украинских отношений, существовавших в то время.

Развитию русско-украинских культурных связей способствовала возросшая активность братств на Украине, создание Киевского коллегиума, который по своему характеру являлся высшим учебным заведением, а также оказываемая им русским правительством материальная помощь, расширение издательской деятельности типографий в России и на Украине. Культурные связи приобретали все более широкий и последовательный характер, обогащалось их содержание, что свидетельствовало об усилении и плодотворности русско-украинских контактов в этой области.

Связи между русским и украинским народами развивались и крепли в совместных классовых боях трудящихся против эксплуататоров. Как в России, так и на Украине классовая борьба имела свои особенности, но ей были присущи также общие формы и содержание.

Одной из общих форм сопротивления усиливавшемуся феодальному гнету были переходы и побеги крестьян, в первой половине XVII в. получившие весьма широкое распространение. Бежали в одиночку, семьями, целыми деревнями и селами, как правило, в отдаленные местности — на окраины, в Дикое поле, где феодальный гнет был весьма слабым или вовсе отсутствовал. Здесь собирались и объединялись самые смелые и боевые люди. Эта своеобразная форма борьбы вела к количественному росту донского и запорожского казачества и, как следствие, к повышению его роли в антифеодальной борьбе. Казачество, представляя собой в военном отношении довольно четко организованную силу, могло эффективно противостоять иноземным захватчикам, а также принимать активное участие в антифеодальной борьбе. В России и на Украине оно

играло важную роль в объединении крестьянских повстанческих сил, в деле создания из них крестьянского войска во время крестьянско-казацких восстаний и крестьянских войн.

Совместные действия русских и украинских крестьян и казаков против феодального гнета особенно ярко проявились во время первой крестьянской войны в России начала XVII в., которую возглавил Иван Болотников. О близости русских и украинцев свидетельствует также участие донского казачества в восстаниях, происходивших на Украине в 30-е годы XVII в., когда борьба против социального гнета сливалась с национально-освободительной. Совместная классовая борьба трудящихся являлась важным вкладом в русско-украинские связи. Классовая борьба крестьянства расшатывала основы феодального строя, открывая тем самым новые перспективы в развитии связей Украины с Россией.

Русско-украинские взаимосвязи первой половины XVII в. стали основанием для дальнейшего, еще более широкого и разностороннего развития взаимосвязей в новых условиях, сложившихся в ходе освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. и воссоединения Украины с Россией.

3. РЕЕСТРОВОЕ КАЗАЦКОЕ ВОЙСКО И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ

Учреждение реестра. Правящие круги Литвы и Польши, встревоженные ростом антифеодального движения на Украине, попытались расколоть казачество. Они решили взять на государственную службу часть зажиточных казаков и использовать их против народных выступлений, в том числе против «самовольных» казаков, а также для охраны юго-восточных окраин государства, для борьбы с агрессией Турции и Крымского ханства. Еще в 1524 г. король Сигизмунд I Старый поручил киевскому наместнику Сеньку Полозовичу и чернобыльскому державцу Криштофу Кмитичу навербовать отряд (малый почет) казаков численностью в 1—2 тыс. человек. Эти казаки должны были нести службу на Днепре, главным образом на перевозах, «для осторожности и обороны». Однако этот проект не был осуществлен из-за недостатка средств в государственной казне. Вернулись к нему лишь после Люблинской унии 1569 г. Универсалом от 5 июня 1572 г. король Сигизмунд II Август поручил русскому воеводе Юрию Язловецкому сформировать отряд из низовых казаков. Теперь, исходя из реальных возможностей, было решено ограничиться меньшим числом казаков — 300 человек. Такой отряд и был сформирован.

Принятые на государственную службу казаки вносились в реестр — список, откуда и получили название реестровых. Начальником, иначе старшим, реестра король назначил шляхтича Яна Бадовского. Ему же была предоставлена и судебная власть в этом новосформированном войске, точнее говоря, отряде.

С учреждением реестра казаком мог называться лишь тот, кто попадал в этот список. Все же остальные казаки, т. е. громадное большинство их, оказались в положении непризнанной законом массы «самовольного» казачества, находившегося под постоянной угрозой закрепощения.

Реестровое казачество, однако, не могло выполнять роли, порученной ему правительством, хотя бы из-за своей малочисленности. Между тем в стране все шире развертывалось антифеодальное движение, усиливалось бегство крестьян в низовья Днепра,

увеличивалась численность запорожского казачества. В связи с этим осенью 1578 г. был объявлен универсал короля Стефана Батория, в котором говорилось, что реестр увеличивается за счет «лучших казаков», проживающих в королевских имениях. Старшим реестра назначался черкасский и каневский староста князь Михаил Вишневецкий.

Вступая в реестр, казаки получали ряд важных привилегий. Они выходили из-под юрисдикции местных магистратов, а также владельцев, если были их подданными, и старост, если жили в королевских имениях, и переходили под юрисдикцию реестрового войска, которому предоставлялось право иметь свой суд. Казаки освобождались от податей и повинностей, кроме обязанности нести военную службу за свой счет, получали право собственности на землю и свободу заниматься промыслами и торговлей.

Герб запорожского реестрового войска. Гравюра из книги К. Саковича «Вѣршѣ на жалосный погреб...». 1622 г.

За службу реестровцы, кроме этих привилегий, получали из королевской казны, хотя и нерегулярно, денежное жалованье, а также время от времени сукно, порох, свинец.

В первые десятилетия XVII в. внутреннее устройство реестрового войска, по словам современника — королевского комиссара реестра Якова Собеского, выглядело так: во главе реестра стоял старший, которого называли гетманом, знаком власти его была булава. Гетман, как и вся другая старшина, избирался на казацкой раде. Если казакам подходил кандидат на старшинскую должность, они приветствовали его одобрительными возгласами и бросали вверх шапки. Гетман при решении ряда вопросов пользовался неограниченной властью, в частности он мог вынести смертный приговор любому из казаков. Второе место после гетмана принадлежало четырем есаулам и заместителю гетмана — наказному гетману (его избирали во время войны). Из другой старшины в этот период известны обозный (начальник артиллерии), писарь, на которого возлагалась обязанность вести официальную переписку, полковники и сотники. Польское правительство, нужно заметить, постоянно вмешивалось в выборы старшины, стремясь поставить на влиятельные должности своих кандидатов. То и дело не соблюдались и все другие привилегии реестрового казачества.

Учреждая реестровое казачье войско, польское правительство намеревалось при его помощи прежде всего подавлять «своеволие» на Украине. Реестровцы обязаны были, согласно универсалу Стефана Батория от 1578 г., «всех непокорных усмирять, ловить и уничтожать как врагов короны». Казаки должны были принести присягу на верность королю и Речи Посполитой. За службу универсал обещал реестровцам считаться с ними как «с заслуженными людь-

ми». Реестру передавался во владение г. Трахтемиров (на правом берегу Днепра, недалеко от Канева) со старинным Зарубским монастырем. В городе должен был разместиться арсенал реестра, а в монастыре — госпиталь для раненых и престарелых казаков. Наконец, реестру дали несколько пушек, королевское знамя и литавры. Таким образом, реестровое войско, поделенное на сотни и десятки, было расширено и размещено на определенной территории. Как видно из списка реестровцев 1581 г., большинство их происходило с Киевщины и Волыни.

Реестровое войско, обязанное нести службу в южных районах Поднепровья, стало официально называться то Низовым, то Запорожским. Название Запорожское войско окончательно закрепилось за реестровцами приблизительно с конца XVI в., когда они по распоряжению польского правительства отбывали сторожевую службу за Днепровскими порогами и держали там постоянный гарнизон. Вольное же казачество за порогами стали со временем называть Запорожским войском низовым.

Реестр в Речи Посполитой был войском и одновременно своеобразным сословием, с определенными, только ему присущими чертами. Кроме того, реестровое войско занимало отдельную территорию и пользовалось самоуправлением, т. е. имело ограниченную автономию.

Социальный состав реестра. По своему социальному положению часть казаков до вступления в реестр принадлежала к числу старостинских и магнатских служебников. Вступали в реестр и шляхтичи. Яков Собеский, например, такими словами характеризовал национальный и социальный состав реестра: «Почти все они выводят свое начало из Руси... Все они исповедуют православную веру, употребляют один русский (украинский.— *Ред.*) язык; они отреклись от прежних фамилий и приняли простонародные прозвища, хотя некоторые и принадлежали раньше к знатным родам». В реестр входили разные как по сословной принадлежности (шляхтичи и нешляхтичи), так и по имущественному положению казаки; верхушка реестра состояла из старшины и богатого рядового казачества. Старшина, происходившая по преимуществу из среды мелкой украинской шляхты, и богатые рядовые казаки, в числе которых также были шляхтичи, владела слободами, хуторами, разными промыслами, водяными мельницами, корчмами.

Печать на гетманском универсале 1595 г. Реконструкция

Типичным представителем богатого рядового казачества реестрового войска можно считать чигиринского мещанина Тишка Волевача. В 1600 г. он составил завещание, из которого видно, что в урочище Чути, близ Чигирина, ему принадлежала пасека и 12 «байрачков» с пахотной землей и сенокосами, хутора с «быдлом (крупным рогатым скотом) и овцами», а также два табуна лошадей. В Мотронине у Волевича тоже были пасека, сенокосы и пахотное поле, купленное еще его дедом, а в урочище

Казацкая старшина. Рисунок на полях карты Украины Г. Боплана. XVII в.

Березовце — хутор, крупный рогатый скот, овцы и два табуна лошадей. Кроме того, Волевач имел при р. Цыбульнике 8 «байрачков» с пахотным полем и сенокосами и, наконец, в урочище Калантаевом еще одно пахотное поле и сенокосы.

Такое хозяйство давало Волевачу крупный доход. Он оставил сыновьям 2 тыс. коп грошей (в XVII в. копа, или 60 литовских грошей, равнялась 75 польским грошам или 50 русским копейкам) наличными, а жене велел взыскать 1062 копы долга (к завещанию приложен список должников). В доме и амбарах Волевача было полно всякого добра. В завещании упоминается 50 бочек меда, 6 «янчарок» (ружей) под серебром, 15 простых ружей, женская одежда из дорогой дамасской ткани, «позлоцистые пояса», серебряные чарки и другое имущество.

Волевач, таким образом, занимался хлебопашеством, скотоводством, коневодством, пчеловодством. Сбывая продукцию своего хозяйства на рынке, он накопил значительные денежные средства, которые отдавал в рост. Подобные хозяйства не могли существовать без применения чужого труда. Как видно из письма казака Максима Михайло́вича Ивану Волевачу, сыну Тишка, большое угодье при р. Цыбульнике было куплено Волевачами «с поселением людей», т. е. с сельцом зависимых людей, которые, вероятно, жили на этой земле на льготных условиях, исполняя в пользу землевладельца разные повинности.

Старшина и богатое рядовое казачество эксплуатировали труд феодально зависимых крестьян. Однако рабочей силы не хватало. В Южном Поднепровье, заселенном реестровым войском, магнатско-шляхетское землевладение не было так развито, как в центре страны. Крестьяне жили тут либо в королевщинах, прежде всего в Каневском, Черкасском и Чигиринском староствах, либо в слободах на временных льготных условиях, преимущественно в старшинских и казацких хозяйствах — «займанщинах». Типичной «займанщиной» нужно считать хутор, а позднее небольшое село Суботов, основанное Михаилом Хмельницким где-то в конце XVI в. В этом крае, близком к Запорожью и очень опасном для жизни из-за беспрерывных нападений татар, где население всегда держало в руках оружие, условия не способствовали развитию крепостничества. Поэтому здесь, кроме крестьян, пользовавшихся временными льготами, богатое казачество эксплуатировало также труд наемных людей.

Известное представление о том, насколько наемный труд пропик в хозяйство старшины и богатого казачества, дают данные середины XVII в. Весной 1652 г., во время освободительной войны, на Слободскую Украину переселился Черниговский казацкий полк во главе с полковником И. Дзиковским. В этом полку было 19 старшинских хозяйств, 845 казацких и 20, принадлежавших «пашенным мужикам». Русские пограничные власти, составлявшие списки переселенцев, выделили, в частности, наемных работников («челядников»), а также их хозяев («у кого прислуживают»). Из 19 старшинских хозяйств наемный труд применяло 12 (63%), а из 845 казацких — 75 (9%). Челядники (вместе с семьями) распределялись так: восемь старшинских хозяйств имело по одному, два хозяйства — по три, одно — четырех и одно (Дзиковского) — 13 человек. 65 казацких хозяйств имели по одному, восемь — по два, одно — трех и одно — четырех человек.

Таким образом, богатые казацкие хозяйства по степени обеспеченности их наемными работниками принципиально не отличались от старшинских. Эти данные относятся к периоду хозяйственной разрухи, вызванной войной. Кроме того, в полку Дзиковского было много новых казаков, до войны не входивших в реестр. Можно думать, что в 20—40-х годах XVII в. в Южном Поднепровье наемный труд применялся шире, чем у казаков названного полка во время войны.

Для богатого казачества, прежде всего для старшины, использование наемного труда было обычным явлением, в особенности на промыслах. Так, в 1650 г. белгородский воевода Репнин сообщал, что на р. Мерле есть селитряная варница, «а варит на варнице гетманский крамор (эконом.— *Ред.*) Миско Миргородский, а работников на варнице сто человек литвы (украинцев.— *Ред.*)» [1]. О наймитах в хозяйстве Б. Хмельницкого и других старшин есть упоминания и в иных источниках.

Социальное положение основной массы реестрового казачества, состоявшей из зажиточных хозяев, все время осложнялось. Обязанность отбывать за собственный счет не ограниченную никаким сроком военную службу — выступать в поход с конем, оружием, одеждой, снаряжением, служить за Днепровскими порогами и т. д.— означала, что казак должен был производить денежные затраты, в частности на приобретение оружия, седла и другого снаряжения, иногда коня, соответствующей одежды. Кроме того, казак из-за частых походов

[1] Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. Сношения России с Польшей, 1650, д. 1а, л. 656.

Казак и казачка. Рисунок на полях карты Украины Г. Боплана. XVII в.

должен был перекладывать работу в хозяйстве на другие руки. Все это подрывало экономическое положение казаков.

Существовали и другие обстоятельства, отрицательно сказывавшиеся не только на экономическом, но и правовом положении казаков. На землях вдоль Днепра, которые занимало реестровое войско (они начинались приблизительно выше Трахтемирова и кончались ниже Чигирина), казацкие слободы и хутора находились в непосредственном соседстве с королевскими, магнатскими и шляхетскими имениями, что с самого начала создало напряженные отношения между владельцами имений и массой реестровцев. Право реестровых казаков владеть землей, заниматься промыслами и торговлей, освобождение их от податей и повинностей, выход из-под панской и старостинской юрисдикции, привилегия избирать старшину — все это было притягательной силой для частновладельческих и королевских крестьян. Они отказывались повиноваться своим владельцам и стремились вступить в реестровое войско или стать под его юрисдикцию. Не добившись этого, крестьяне самовольно объявляли себя казаками и таким образом выходили из-под власти своих панов, пополняя массу не признанного правительством казачества. Магнаты, шляхта, старосты, подавляя протест крестьянства, в то же время пытались ликвидировать реестровое казачество, в котором усматривали источник опасности для себя. Они беспрерывно нападали на реестровцев, грабили их, принуждали платить разные подати, отбывать повинности, в том числе барщину. Тщетно польские короли, исходя из своих интересов, пытались «заступиться» за казаков. Так, в письме от 9 апреля 1582 г. Стефан Баторий упрекал «украинных» воевод и старост за то, что те, не считаясь ни с правительством, ни со старшим реестрового войска, бросают казаков в тюрьмы, а после их смерти, даже когда у них остаются наследники, забирают имущество, принуждают казаков платить подати. Король приказывал не притеснять тех казаков, которые получают жалованье от правительства, не вмешиваться в их жизнь, за исключением таких случаев, когда дело идет об убийствах и «гвалтах» (насилии). Однако в Польше — стране со слабой центральной властью — не было силы, которая могла бы сдерживать магнатский произвол. Отношения между казаками, с одной стороны, магнатами и старостинской администрацией — с другой, все более обострялись.

Отрицательно сказывалась на положении основной массы реестрового казачества непоследовательная политика правительства в отношении численности реестра. Во время войн оно призывало вступать в казацкое войско всех желающих, в том числе крестьян частновладельческих и королевских имений, а когда нужда в таких казаках проходила, подавляю-

щую часть их правительство не только исключало из казацких рядов, но и настаивало на возвращении к прежним владельцам. Подобные «выписчики» всегда представляли собой бурлящую массу недовольных.

В то же время и казацкая старшина не упускала случая воспользоваться своей властью над казаками: принуждала к тяжелым работам, присваивала их жалованье, отбирала добычу и т. д. Произвол старшины особенно возрос после поражения крестьянско-казацкого восстания 1637—1638 гг. и принял такие формы, что даже летописец Самовидец — представитель старшинских кругов — считал положение простых казаков нетерпимым.

Все это приводило к упадку хозяйства части казаков. Обедневший казак пытался поправить свое положение путем займа у богачей, в результате чего попадал в долговую кабалу. По мере увеличения численности реестра (в конце XVI в. он насчитывал 1 тыс., а в начале XVII в.— 3 тыс. казаков) возрастало и число реестровцев, которых старшины и правительственные власти пренебрежительно называли «чернью». Казацкие низы часто выступали против реестровой верхушки, стараясь провести на старшинские должности своих кандидатов. Однако удавалось это очень редко, да и то на короткий срок. Когда, например, после смерти (1622) реестрового гетмана Петра Конашевича Сагайдачного казацкая рада избрала на его место, вопреки воле правительства, Олифера Голуба, король писал киевскому бискупу: «Победила, как видим, сильная чернь, не согласившаяся ни с нашей волей, ни с намерениями Речи Посполитой...». Казацкую чернь в ряде вопросов поддерживала значительная часть реестра.

В среде реестровцев происходил процесс дифференциации: меньшая часть богатела и сливалась с реестровой верхушкой, большая — беднела и пополняла ряды черни.

Социальное положение отдельных слоев казачества определяло и позицию, которую каждый из них занимал в конкретной политической ситуации. Казацкая середина, т. е. те казаки, которые занимали место между реестровой верхушкой и чернью, поддерживала то одну, то другую сторону или делила свои симпатии между противоположными лагерями.

Важным фактором, определявшим настроения реестровцев, было то, что над ними всегда висела угроза роспуска или сокращения реестра и, следовательно, закрепощения. Наконец, реестровое казачество, как и народные массы Украины, испытывало на себе всю тяжесть национально-религиозного гнета, резко усилившегося с конца XVI в.

Всем этим и объясняется тот факт, что во время народных восстаний конца XVI — первой половины XVII в. не только казацкие низы, но и среднее казачество переходило на сторону борцов против крепостничества и иноземных угнетателей.

Иную позицию занимала реестровая верхушка — она стояла за сохранение феодальных порядков, выступала против антифеодального движения в стране и вместе с тем стремилась обеспечить себе привилегии, пополнить реестр имущими элементами, расширить его территорию и права, а также ослабить национально-религиозный гнет. Это, однако, была легальная оппозиция польскому правительству, которая всегда (за исключением отдельных ее представителей) шла на соглашение с ним. В то же время известная часть старшины принимала участие в народных восстаниях, но рассматривала их лишь как средство давления на правительство с целью расширения своих привилегий и ослабления национально-религиозного гнета. Когда же народное движение принимало грозный для

феодалов характер, старшина шла на компромисс с правительством, удовлетворяясь небольшими уступками.

Участие казачества в народных выступлениях. Усиление в конце XVI в. феодального и национально-религиозного гнета вызвало подъем народного движения. Участились выступления крестьян и горожан, к которым присоединялись «самовольные» и реестровые казаки. В 1585 г. казаки утопили королевского посланца шляхтича Глубоцкого. 16 марта следующего года отряд в составе нескольких сотен казаков и «хлопов порстых», которые «з сел се зобрали», с атаманом Лукьяном Чернинским во главе напал на местечко Кодню и соседние польские имения. Участились нападения на имения подольской и белорусской шляхты. В 1590 г. отряды повстанцев под руководством Якова Осовского, Андрея Рогачевского и Федора Поло напали на имение магната Ходкевича в Быховской волости. Начались выступления в городах. Самое крупное из них произошло в 1589—1590 гг. в Белой Церкви против князя Острожского.

Стремясь подавить движение крестьян, казаков и горожан, польский сейм принял в 1590 г. специальное постановление: «Порядок в отношении казаков и Украины». Как название этого постановления, так и его содержание свидетельствуют о том, что активное участие в антифеодальном движении принимали также запорожские казаки. Коронному гетману и его заместителю предписывалось в ближайшее время выступить с коронным войском на Запорожье, изгнать оттуда «самовольных» казаков и поставить гарнизон из реестровцев. Вместе с тем он с помощью двух назначенных сеймом комиссаров (дозорцев) обязан был строго следить за реестровцами и «самовольными» казаками.

Считая, очевидно, это постановление малодейственным, коронный гетман решил под присягой обязать урядников, в том числе сельских атаманов и войтов, прилагать все усилия к тому, чтобы никто не уходил не только на Запорожье, но даже в степь без письменного разрешения от своего сотника. Тех же, кто прибыл бы из Запорожья для покупки продовольствия или других запасов, а также для продажи чего-либо, велено было немедленно хватать и казнить. Более того, подлежали казни даже те урядники, которые в чем-либо потакали казакам. Для полного разрыва связей населения с Запорожьем универсалом от 25 июля 1590 г. было приказано построить в урочище Кременчуг, недалеко от порогов, крепость и поставить там гарнизон.

Одновременно был реорганизован реестр. С одной стороны, увеличивалась численность реестровцев, с другой — усиливалось давление государства на реестр и ограничивалось его самоуправление. Вводились новые должности — верховного начальника реестра и комиссара. Начальником стал князь Николай Язловецкий, комиссаром — другой магнат — Яков Претвич. Полковниками и сотниками в реестре отныне могли быть лишь шляхтичи. Некоторые старшины получили имения.

В борьбе с «украинским своеволием» король Сигизмунд III возлагал большие надежды на реорганизованное реестровое войско. Однако усиление феодально-крепостнического и национального гнета, социальные противоречия в разнородном по своему составу реестровом войске, рост численности «самовольного» казачества, а также домогательства роспуска реестра со стороны магнатов и шляхты привели к тому, что реестровое казачество не стало послушным орудием политики польского правительства. Во время народных восстаний основная масса реестровцев переходила на сторону восставших.

4. КРЫМСКОЕ ХАНСТВО. УСИЛЕНИЕ АГРЕССИИ ТУРЕЦКО-ТАТАРСКИХ ФЕОДАЛОВ НА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ

Развитие феодальных отношений в Крыму. Во второй половине XVI—первой половине XVII в. в общественно-политическом и социально-экономическом развитии Крымского ханства происходили значительные изменения, связанные с завершением в нем процесса феодализации. В Крыму этот процесс имел свои особенности, но суть его была та же, что и в других государствах.

Феодальная верхушка Крымского ханства основным источником своего обогащения считала войны, а вернее грабительские набеги на соседние страны, прежде всего на украинские и русские земли. Доминиканец Э. Дортелли, длительное время проживавший в Крыму, писал, что «властители Татарии имели обыкновение идти воевать дважды в год или по крайней мере хоть один раз, но подобные предприятия следовало бы скорее называть разбоем, чем войной». Грабежи, захват и продажа невольников умножали богатства татарских феодалов. «Они до того обогатились добычею от частых набегов,— писал Мартин Броневский, посланник польского короля Стефана Батария к крымскому хану в 1578 г.,— что знатнейшие из них не уступают даже [богатым] туркам».

В процессе постепенного развития Крымского ханства в нем окончательно сложился феодальный общественно-политический строй, сформировалась социальная структура общества.

Феодальная верхушка Крымского ханства состояла из нескольких наиболее именитых родов. Первое место среди них принадлежало роду Гиреев, обладавшему правом на ханский престол. Согласно древнему мусульманскому праву (так называемое чингисово торэ), в Крыму до начала XVII в. сохранялся обычай, по которому наследником хана назначался не его сын или ближайший родственник по генеалогической линии, а старший в роду Гиреев. Но этот принцип часто нарушался из-за открытой борьбы за власть между Гиреями. В 1607 г. хан Гази-Гирей с целью упрочения ханской власти установил новый порядок престолонаследия — от отца к сыну.

Вторым по значению человеком после хана был калга-султан, которому принадлежало право наследования. Калга имел свой двор с администрацией в Акмечети. Третьей фигурой среди высшей феодальной знати Крыма являлся нуреддин-султан (также из династии Гиреев), выполнявший обязанности телохранителя и личного посланца хана. Четвертое место в иерархической лестнице ханства принадлежало ор-бею — наместнику Перекопской брамы, т. е. начальнику перекопских укреплений, являвшихся важнейшим в стратегическом отношении пунктом ханства. Следующими по значению в придворной иерархии считались мать хана, жены и дочери. За ними следовали сераскиры, ведавшие управлением подвластными ханству ногайцами. Далее по придворному рангу шли сыновья хана. Официальными распорядителями и исполнителями воли хана были чиновники ханского двора — аги (более 150 человек), каждый из которых выполнял определенные обязанности.

Экономической основой социально-политической власти феодалов Крымского ханства была уже собственность на землю, закрепившаяся за ними в процессе перехода к оседлости татарского населения. Верховным собственником, владетелем всех земель считался хан. Это нашло отражение

даже в поговорке: «Куда ступит копыто ханского коня, то и принадлежит хану». Вместе с тем существовало и личное ханское землевладение. Оно включало соляные озера вместе с улусами, занимавшими прилегающую территорию, леса по течению рек Альма, Кача и Салгир, а также пустующие земли.

Калга владел земельным уделом под названием калгалык. Бывшая родоплеменная знать — беи — сохранила за собой родовые владения — бейлики. Земля в бейликах принадлежала членам бейского рода — мурзам. Кроме того, мурзинское землевладение постоянно расширялось в связи с образованием служилого сословия. В качестве вознаграждения за службу широко практиковались пожалования земель. Со временем эти земли превращались в наследственное владение. Хан раздавал мурзам земли, как правило, со сложившейся уже в основном хозяйственной структурой — с колодцами, пашнями, сенокосами, садами, мельницами, зимовьями и летними пастбищами. Мурзам вменялось в обязанность продолжать заселение полученных земель.

Особой формой собственности на землю в Крымском ханстве было вакуфное (заповедное) землевладение, известное в двух видах: духовного и частного. К вакуфу духовному относились землевладения мечетей, монастырей, училищ, богаделен. Фонд духовных вакуфов был довольно значительным, так как почти каждый хан оставлял после себя вакуф в пользу одного из духовных учреждений. Вакуф частный охранял интересы феодалов. Для сохранения своих земель в целости и передачи их наследнику крымский феодал объявлял их вакуфом, т. е. превращал в неприкосновенные.

Крымские феодалы, предпочитавшие получать легкую наживу в набегах на восточнославянские и другие земли, не проявляли заинтересованности в организации значительного по размерам земледелия. Главной их заботой оставалось скотоводство, особенно разведение лошадей для войска.

Формально хан считался единовластным владыкой в государстве. В действительности Крымское ханство находилось в вассальной зависимости от султанской Турции. Султаны постоянно вмешивались во внутренние дела вассального ханства, нередко по собственному усмотрению назначали и смещали ханов, не нарушая, однако, права династии Гиреев на ханский престол.

Среди вассалов султанской Турции Крымское ханство, обеспечивавшее ей владычество на Черном море, находилось в наиболее привилегированном положении. Непрерывно ведя захватнические войны и постоянно используя как военную силу татарские полчища, турецкое правительство оказывало всестороннюю поддержку Крымскому ханству. Выступление против ханства какой-либо страны рассматривалось султаном как покушение на его собственные интересы. Поэтому военные действия против Крыма неминуемо вели к войне с Турцией — тогда могущественной империей. О привилегированном положении Крымского ханства свидетельствовало и то, что оно имело право на чеканку собственной монеты.

На внутреннюю и внешнюю политику Крымского ханства непосредственное влияние оказывали карачи — постоянные советники хана, представители влиятельнейших родов Ширинных, Бариных, Аргиных, Сиджиутов, Мансуров, Кипчакских и Яшлавских (Сулешевых). Карачи входили в состав ханского дивана, ведавшего финансами, судом и внешней политикой страны. Без согласия дивана хан не имел права принимать решения по вопросам государственной политики.

Крупные феодалы — беи и мурзы — играли видную политическую роль в

ханстве и в значительной мере ограничивали власть хана. Часто, недовольные верховным владыкой, они создавали оппозицию и обращались к турецкому султану с просьбой назначить по собственному выбору другого хана или утвердить вместо него выдвинутого ими кандидата. Султан и его окружение использовали противоречия между ханами и феодальной верхушкой в своих интересах, свергали одного хана и сажали на его место другого представителя рода Гиреев.

Крымские ханы всячески стремились избавиться от зависимости от беев и мурз. С этой целью в конце XVI в. в противовес феодальной знати в качестве нового служилого дворянства была создана личная охрана хана — ханская гвардия (капыкулу). Дополнительные расходы на содержание гвардии покрывались введением особого ежегодного налога натурой — 12 тыс. баранов для ханской кухни. В дальнейшем этот налог частично взимали деньгами. Тогда же была установлена новая должность при ханском дворе — капы-агасы, приравнивавшаяся к должности великого визиря в Турции. Характерно, что занимавшие эту должность вознаграждались не земельными пожалованьями, а деньгами.

Крымское ханство не имело регулярного войска. При необходимости привлекалось к участию в походах почти все свободное мужское население страны. Войско собиралось по требованию султана, по приказанию хана и помимо него по воле беев и мурз. Зависимое татарское население к участию в военных походах привлекалось лишь с согласия беев и мурз. Верховным военачальником считался хан. Главнокомандующим всем войском являлся один из беев рода Шириных. Беи и мурзы, стремясь нажиться путем грабежа соседних народов, подымали в поход мужчин, проживавших на их землях, подрывая тем самым и без того слабую экономику ханства. Некоторые мурзы выставляли отряды по 500—600 человек, а Ширинские беи — по 20—30 тыс.

На протяжении второй половины XVI — первой половины XVII в. татарские феодалы систематически совершали грабительские набеги на восточнославянские земли. Как правило, ханы не препятствовали этим набегам, так как феодалы обязаны были отдавать хану сауч — пятую часть захваченной добычи.

Основу татарского войска составляла легкая конница. С ранних лет мальчиков обучали верховой езде, умению владеть луком, саблей, ножом и другим оружием. А кочевая жизнь приучала их к лишениям, невзыскательности в пище, вырабатывала выносливость. Выступая в поход, каждый татарин имел при себе 2—3 коней, а на вооружении саблю, лук, колчан с несколькими десятками стрел, нож, а также кремень, шило и 5—6 сажен кожаных ремней для связывания невольников. В верховой езде татары отличались ловкостью: на полном скаку могли пересаживаться с одного коня на другого. Как правило, татарское войско двигалось без обозов, что обеспечивало ему высокую маневренность. Основной пищей служила конина, частично вареное зерно проса или гречихи.

Татарское войско постоянно ощущало недостаток огнестрельного оружия, особенно пушек. Зачастую в открытых сражениях с регулярными войсками, имевшими на вооружении огнестрельное оружие и одетыми в кольчуги, татары терпели поражения. Поэтому они обычно избегали столкновений с русскими войсками, а, как правило, неожиданно нападали на недостаточно защищенные населенные пункты.

Внешняя политика. Внешняя политика Крымского ханства носила агрес-

сивный характер и была направлена на обогащение путем грабежа, захвата и продажи невольников, а также постоянного вымогательства огромных платежей с соседних государств, заинтересованных в предотвращении татарских набегов на их земли. Феодальная верхушка Крыма использовала дипломатические отношения с другими государствами как источник личного обогащения, постоянно требуя от правительства той или иной страны дани — так называемой казны, или поминок (платежей деньгами, дорогими мехами и пр.). Стремясь предотвратить опустошительные татарские набеги, правительства соседних стран старались поддерживать мирные дипломатические отношения с Крымским ханством, обязательно сопровождавшиеся подношением поминок хану, членам его семьи и приближенным. Внимательно следя за отношениями между другими странами, в частности между Русским государством и шляхетской Польшей, крымские феодалы неоднократно устраивали в ханском дворе своеобразные «аукционы»: кто даст больше поминок — московский князь или польский король, тот и будет иметь своим временным сторонником хана, на некоторое время оградит свою страну от татарских набегов. Так, в годы Ливонской войны, после взятия Полоцка, русское правительство сочло необходимым наладить мирные отношения с Крымским ханством. Но накануне отправки посла в Крым стало известно, что польский король согласился впредь присылать хану поминки в двойном размере и сверх того уплатить поминки, обещанные русским правительством. Такой ценой Польше удалось возобновить союз с Крымом.

Напряженные отношения и войны между Русским государством и Польшей не благоприятствовали объединению сил этих стран против общих врагов — Крымского ханства и султанской Турции. Рост могущества Русского государства, в частности освобождение Поволжья от татарского ига, обеспокоил польского короля. Пытаясь ограничить влияние Русского государства в Европе, королевское правительство стремилось к военно-политическому союзу с Крымом. С этой целью оно систематически отсылало в Бахчисарай большие поминки и подарки, не реагировало на бесконечные нарушения ханом мирных соглашений с Польшей, не принимало мер для защиты порубежных земель, прежде всего украинских, от татарских набегов. Неоднократные попытки со стороны Русского государства заключить союз с Польшей против Крымского ханства (переговоры русских послов с польским королем в 1556, 1558 гг. и с литовским послом в Москве в декабре 1558— марте 1559 г.) оказывались безрезультатными. Опустошительные турецко-татарские набеги предпринимались в первую очередь на незащищенные украинские земли и не затрагивали основной территории шляхетской Польши и Великого княжества Литовского. Поэтому королевское правительство считало убытки населения Украины от татарских набегов недостаточным основанием для войны против Крымского ханства и султанской Турции.

Система задабривания алчных крымских феодалов не приносила желаемых результатов. Дипломатические переговоры ханский двор вел под знаком своекорыстия и требовал все больших поминок. Переговоры сопровождались унижением и оскорблением послов, нередко издевательством над ними. Крымские правители, принимая дорогие подарки и постоянно требуя их увеличения, продолжали опустошительные набеги на земли соседних стран. «Удивительное и жалости достойное дело, как татары, будучи столь малочисленны и дурно вооружены, заставляют тер-

петь от себя все соседние народы да силою вымогают от многих государей годовое жалованье, откупы и дани... Платят им жалованье или подарки цезарь немецкий, король польский, семиградские венгры, валахи, молдаване... и горские черкесы»,— с возмущением писал Юрий Крижанич, общественно-политический деятель XVII в.

В отношениях с соседними странами Крымское ханство руководствовалось и определенными политическими соображениями. Наиболее сильным противником ханский двор считал Русское государство и поэтому неоднократно вступал в военный союз с Польшей против России. Но по мере усиления Русского государства и под влиянием международной обстановки крымские ханы вынуждены были возобновлять с ним мирные отношения. Дипломатические переговоры между Крымским ханством и Русским государством часто завершались шертными грамотами (от арабского слова «шерт» — соглашение, договор), т. е. подтверждением обещаний, данных ханом русскому царю. Это были односторонние обязательства со стороны ханов, дававшие Русскому государству лишь кратковременную передышку, а хану — богатые подарки деньгами и мехами.

На внешнюю политику Крымского ханства непосредственное влияние оказывали беи, придерживавшиеся различной ориентации. В частности, заметную роль в отношениях между Крымским ханством и Русским государством играл род Сулешовых. На протяжении XVI—XVII вв. его представители часто выступали посредниками в отношениях между этими государствами: давали «шерт» от имени хана и Крымского ханства, принимали участие в посольствах и выполняли функции послов, вели дипломатические переговоры.

Несмотря на то что Крымское ханство постоянно нарушало шертные грамоты и возобновлять их приходилось ценой больших поминок и дорогих подарков, русское правительство принимало эти грамоты, видя в них хоть временное избавление от татарских набегов.

Начало перехода к оседлости. Экономика. Во второй половине XVI— первой половине XVII в. в экономической жизни Крымского ханства произошли значительные изменения, обусловленные переходом большой части его населения к оседлому образу жизни и частичным развитием земледелия. Во второй половине XVI в. кочевой образ жизни населения стал существенным тормозом процесса завершения феодализации Крымского ханства. Кочевание улусов (поселений) являлось значительным препятствием в мобильном сборе татарского войска для грабительских набегов на соседние народы. Кроме того, из-за частых засух и неурожая трав ограничивались возможности развития скотоводства. Поэтому беднейшая часть населения вынуждена была уделять все больше внимания земледелию.

Феодальная верхушка, заинтересованная в рабочих руках, а также в наличии на постоянных местах жительства достаточного количества мужского населения, привлекаемого для участия в военных походах, всячески поощряла переход татар к оседлому образу жизни. Известны случаи, когда крымские ханы пытались административными мерами прекратить кочевание татар и превратить их в оседлых жителей. В частности, хан Сагиб-Гирей (1532—1553) наделял кочевников, желавших перейти к оседлой жизни, землями на Крымском полуострове. Он в принудительном порядке удерживал татар от постоянного передвижения, приказав рубить телеги кочевников. Чтобы воспрепятствовать выходу их за пределы полуострова, он распорядился восста-

новить и углубить ров через перешеек, соединяющий Крым с материком.

Переход к оседлости позволял феодалам расширять хозяйственную деятельность в своих владениях, прежде всего развивать скотоводство. Помимо татарской бедноты феодалы все шире использовали подневольный труд рабов.

Наряду со скотоводством, оставшимся ведущей отраслью хозяйства, постепенно все большее место в экономике Крымского ханства стало занимать земледелие. Однако оно носило примитивный характер и сопутствовало скотоводству, являясь лишь вспомогательной отраслью хозяйства. Еще при кочевом образе жизни татарское население постепенно осваивало прилегавшие к зимовьям земли под сенокосы и пашни. Летом, когда основная часть кочевников выпасала скот на летних пастбищах, часто за пределами Крыма, некоторые из них оставались в зимовьях, где вели полевые работы — косили сено, сеяли и убирали хлеб. Осенью, когда скот пригоняли к зимовьям, его выпасали на убранных лугах, полях и близлежащей целине. Постепенно прежние кочевые пастушеско-родовые общины оседали в зимовьях на постоянное жительство, создавая таким образом целые поселения. Родовое устройство общества, существовавшее в Крымском ханстве при преобладании скотоводства, начало уступать место оседлой общине.

К началу XVII в. в Крыму окончательно утвердилась как самостоятельная общественно-экономическая единица сельская территориальная община — джеамат — с коллективным землепользованием, общественными сенокосами и колодцами. Однако процесс перехода татар к оседлости затянулся на многие десятилетия и в рассматриваемое время находился только в начальной стадии.

Переход к оседлому земледелию сравнительно быстро происходил в долинах или вдоль рек, начиная от Кафы до Старого Крыма и верховьев р. Карасу. В степной части Крымского полуострова переход к оседлости совершался значительно медленнее. Скотоводство и кочевое земледелие преобладали также в Северном Причерноморье, куда в середине XVI в. перекочевала Малая Ногайская орда.

Определенное место в экономике Крымского ханства занимали ремесло и торговля. Ремесло в ту пору базировалось на обработке продуктов скотоводства — шерсти, кож и пр. Сосредоточивалось оно на базарах, передвигавшихся вместе с купцами. Лишь в XVII в. ремесленники постепенно стали оседать в городах, превращавшихся в торгово-ремесленные центры. Среди городов Крымского ханства наиболее крупными были Бахчисарай — столица ханства, Карасубазар и Гезлев.

Главным торговым центром Крыма была Кафа, экономическая жизнь которой после некоторого упадка, вызванного захватом города турецкими войсками (1475), в XVI в. снова вошла в силу. В Кафе сосредоточивалась почти вся транзитная торговля Крымского полуострова, осуществлявшаяся турецкими и западноевропейскими купцами. Из Крыма через Кафу вывозили в Константинополь значительное количество продовольствия: хлеб, особенно пшеницу, мед, соленую рыбу и др. Лишь для Венеции в Кафе ежегодно заготавливалось 200 бочек осетровой рыбы. В город ежедневно прибывало 500—600, временами до 900 и даже 1000 груженых телег, а к вечеру ни на одной из них не оставалось товара.

Кафа являлась также крупным рынком торговли живым товаром — невольниками, захваченными во время татарских набегов на восточнославянские земли, прежде всего украинские. По образному выражению М. Литвина, Кафа была «ненасытной

и мерзкой пучиною, поглощающею нашу кровь».

В целом экономика Крымского ханства находилась на низком уровне развития. Малопродуктивное скотоводство, слабо развитое земледелие и в основном транзитная торговля не составляли экономической основы существования ханства. На протяжении второй половины XVI— первой половины XVII в. Крым слыл страной «несильной кормом» и не мог прокормить своего населения. Частые засухи, результатом которых был массовый падеж скота, вызывали голод среди местного населения и сопровождались вынужденным перемещением улусов в поисках пропитания.

Положение трудящихся масс. Рабы. Основная масса татарского населения — скотоводы и земледельцы — полностью зависела от феодалов, которым она платила оброк — десятую часть хлеба, двадцатую часть скота, «саугу» — налог с «дыма» и ряд других платежей. Ханскими ярлыками от 1551 и 1557 гг. беям предоставлялось право на поборы в свою пользу с оседлых татар: оброк с пашен, садов, мельниц, колодцев, соляных озер, ясак с арыков и пр. Наиболее тяжелой для мужчин была обязанность участвовать в военных походах, во время которых многие из них погибали. Известно, что в 1587 г. татары «неохотой» и «неволей» принимали участие в набеге на русские земли, а беднейшие из них даже отказывались выступать в поход ввиду предстоящей уборки урожая. Зачастую с такой же неохотой они исполняли свои обязанности в ходе военных действий. Так, в Литовской метрике при описании осады Брацлавского замка турками в 1552 г. записано: «Добывали замку все турци, припуживано и татаров, бьючи их палицами»[1].

[1] Цит. по кн.: *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. Спб., 1887, с. 410.

Татарские феодалы, являясь инициаторами и организаторами опустошительных набегов на восточнославянские земли, присваивали бóльшую часть награбленной добычи. Принудительное привлечение к участию в походах подвластного им татарского населения вело к глубокому застою в экономике Крымского ханства, тормозило развитие его производительных сил.

Наиболее угнетенной и бесправной частью населения Крымского ханства были рабы. Количество их росло главным образом за счет невольников, захваченных во время набегов на соседние страны. Основную массу невольников составляли мирные жители, уведенные с украинских, русских, белорусских, польских и других земель. Татарские феодалы платили невольниками дань турецкому султану (около пятой части захваченного ясыря), делали подарки визирям, хану и другим турецким и татарским вельможам. Часть невольников продавали в рабство в другие страны, часть — оставляли в крымских улусах с целью получения выкупа или для использования в своих хозяйствах. Как свидетельствует М. Броневский, «знатные... имеют свои поля, обрабатываемые плененными венграми, русскими, валахами или молдаванами, которых у них очень много и с которыми они обращаются, как со скотом». Невольники пасли скот, обрабатывали поля и сады, добывали соль, выполняли тяжелые земляные работы, копали колодцы. Женщины-рабыни пряли шерсть и лен, смотрели за домашней птицей, ухаживали за детьми. Самые молодые и красивые пленницы попадали в гаремы ханов, беев, мурз. Рабский труд в хозяйствах феодалов заменял барщину, которая для татарского населения не превышала 8—9 дней в году.

Плети были постоянным уделом невольников. Чтобы они не убежали, на них надевали кандалы, запирали

на ночь в сараи, помещали в ямы, подрезали подошвы ног и посыпали рубленым конским волосом, вырезали часть голени и вставляли тонкую палочку и пр.

О жестоком обращении с невольниками подробно рассказывает Сигизмунд Герберштейн — немецкий дипломат и путешественник. По его словам, хан Мехмет-Гирей, захватив на Украине многие тысячи невольников, «частью продал туркам в Кафе, частью умертвил. Ибо старцы и немощные, за которых нельзя много выручить и которые негодны для работы, отдаются у татар,— все равно как зайцы молодым собакам,— юношам, которые учатся на них военному делу и побивают их камнями, или бросают в море, или убивают их каким-либо другим образом». Крым в XVI—XVII вв. был полит потом и кровью славян-пленников.

Невольники, пока они не были проданы за море, могли быть освобождены посредством выкупа или обмена на пленных татар. За состоятельных пленников выкуп платили родственники или купцы, которые затем отвозили их в родные края, где получали соответствующее вознаграждение. Много невольников выкупало русское правительство. Так, в Москве на Стоглавом соборе 1650 г. обсуждался вопрос о выкупе невольников из Крыма. За простых людей платили по 14—15 руб., а за знатных феодалов даже по нескольку тысяч рублей. Выкупные суммы, выплачиваемые за невольников, значительно превышали размеры поминок, посылаемых ежегодно в Крым. На обмен пленными беи и мурзы шли неохотно, не находя в нем для себя выгоды.

Часть невольников после определенного срока (6—7 лет) получала свободу, но не имела права покинуть Крым. Некоторые из них обзаводились семьями, имуществом, увеличивая численность населения Крыма.

Усиление агрессии турецко-татарских феодалов на украинские и русские земли. С середины XVI в. набеги турецко-татарских феодалов на украинские и русские земли значительно участились — они производились почти ежегодно, а иногда и по нескольку раз в году. В 1552—1560 гг. татарские полчища неоднократно опустошали Брацлавщину, Подолию, Киевщину, Волынь и Чернигово-Северщину. Так, Белгородская и Очаковская орды в 1554 г. под Брацлавом и Винницей «не малую шкоду учинили, людей побрали, села попалили, кровопролитие поделали». В 1555 г., продвигаясь к Киеву и Черкассам, татары «многих людей с маетностью их побрали в полон, а иных постреляли». Крымские мурзы со своими отрядами в 1556 г. вторглись в Подолию и «шкоду великую огнем и разлитьем крови в людех и их добрах учинили и в полон многих людей побрали». Особенно тяжелым был 1556 год, когда Крымская и Ногайская орды неоднократно подступали к Белой Церкви, Каневу, Черкассам, Виннице, Брацлаву. Они многих «постынали, а иных с собою повели и маетности их побрали, а чого забрати не могли, то огнем пожгли и великие шкоды починили» [1].

Как правило, от главных сил, продвигавшихся по тракту, отделялись небольшие отряды, которые углублялись на 40—50 верст в сторону для нападения на поселения. Ограбив и разорив их, они снова присоединялись к главным силам.

Русское государство постоянно принимало меры для охраны порубежных земель. Неоднократно русские войска наносили татарским захватчикам крупные поражения. Так, летом 1555 г. русское войско во главе с В. И. Шереметевым разгромило та-

[1] Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, т. 1, с. 62, 83, 100, 116, 137, 142, 163, 169, 173, 200, 203, 215, 218.

тарскую орду на Судьбищах — в 150 верстах от Тулы. Для пресечения татарских вторжений предпринимались походы в степь. В 1556 г. отряд русских и украинских казаков под командованием дьяка М. Ржевского совершил поход к турецко-татарским крепостям на Днепре и к Очакову. Одновременно на Дону действовал другой отряд во главе с Д. Чулковым. Русское правительство активно поддерживало украинских казаков в их борьбе против Крымского ханства. В 1558 г. Д. Вишневецкий принял русское подданство и по поручению царского правительства в том же году возглавил действия казацких отрядов в низовьях Днепра, а в следующем — на Дону.

Иначе относилась к защите порубежных земель Речь Посполитая. Правительство ее, как и до этого правительство Великого княжества Литовского, не уделяло внимания оборо-не южных границ государства, не выделяло необходимых средств для создания и ремонта системы оборонительных укреплений. Большинство построенных на Украине замков постепенно пришло в упадок. К середине XVI в. полностью обветшали замки Полесско-Северской линии (Овруч, Мозырь, Любеч), проходившей вдоль Припяти через Днепр к Десне. Замки следующей линии (Житомир, Киев, Остер), пролегавшей от верховьев Роси и Тетерева через Днепр к нижней Десне, также разрушились. Сохраняли свое значение оборони-тельных пунктов лишь замки Канева и Черкасс на Днепре, Винницы и Брацлава на Южном Буге, Хмельника и Бара. Несколько позже важное оборонное значение приобрела Белая Церковь на Роси.

Жажда легкой наживы толкала крымских феодалов на все новые грабительские набеги на украинские и русские земли. В годы Ливонской войны (1558—1583), когда Русское государство вело борьбу за выход к Балтийскому морю, а с 1581 г. против Речи Посполитой, Швеции и Дании, агрессивные действия Крымского ханства, поощряемого Польшей и Литвой, направлялись главным образом на русские земли. За годы Ливонской войны татарские набеги на русские земли не предпринимались лишь в 1556, 1575 и 1579 гг.

Не прекращались опустошительные набеги и на украинские земли, находившиеся под властью Литвы и Польши. Так, в 1561 г. староста луцкий, брацлавский и винницкий Н. Корецкий жаловался королю, что Белгородская орда напала на его владения и причинила большие убытки населению Брацлава и Винницы. В том же году Белгородская орда предприняла повторный набег на Брацлав, Винницу и Белую Церковь. В 1564, 1565, 1567 гг. татарские отряды вторгались на Подолию и Волынь, опустошив при этом много сел и местечек. В сентябре 1575 г. татарские полчища переправились через Днестр и, расположившись у Сенявы, грабили и сжигали близлежащие города и села. Тогда татарские захватчики увели в неволю 55 тыс. человек, угнали 100 тыс. лошадей, 100 тыс. голов рогатого скота, 200 тыс. овец. Весной 1577 г. татары вторглись на Волынь, осенью того же года и в следующем 1578 г. опустошили Подолию.

После окончания Ливонской войны русское правительство прилагало много усилий для возобновления мирных отношений с Крымским ханством. Благодаря этому набеги татар на русские земли стали совершаться реже. В 1594 г. был заключен мир между Россией и Крымским ханством. Воспользовавшись временным прекращением татарской агрессии, русское правительство к концу XVI в. значительно укрепило южную границу. Новая оборонительная линия, сооруженная при сыне Ивана Грозного Федоре Ивановиче, была выдвинута далеко на юг. Она проходила

от верховьев Оки до Быстрой Сосницы и далее в глубь степей до устья Воронежа и верховьев Донца. Главные силы русской армии располагались в Мценске, Новосиле и Орле. Для усиления обороны южных окраин государства были построены новые крепости Ливны и Воронеж (1586), Курск (1587), Елец (1592), Кромы (1595), Белгород (1598), Оскол (1598), Валуйки (1599), Царев-Борисов (1600).

Годы, в которые не зафиксированы татарские набеги в пределы Русского государства, были наиболее тяжелыми для населения украинских земель, находившихся под властью шляхетской Польши. Именно в эти годы крымские феодалы совершали наиболее разрушительные нападения на Подолию, Волынь и Галичину.

Вместе с татарскими ордами разбойничали и турецкие янычары. Так, в 1589 г. они совместно напали на галицкие земли. Став лагерем у Збаража, турецкие и татарские захватчики грабили и разрушали окружающие города и села вплоть до Львова. В 1594 г. турецкие и татарские полчища вторглись в Покутье и, продвигаясь вдоль Днестра к Самбору, все опустошали на своем пути: сожгли Снятин, Тлумач, Тисменицу, Галич, Калуш и многие другие города.

В войне султанской Турции против Венгрии (1593—1606) непосредственное участие принимало и Крымское ханство. Татарские войска неоднократно проходили через украинские земли, подвергая их население массовым грабежам и насилию.

В годы шляхетско-польской интервенции в Русское государство в начале XVII в. Крымское ханство возобновило мирные отношения с Польшей (1607). В течение десятилетия (1607—1617) Русское государство подвергалось опустошительным набегам со стороны Крымского ханства и Большой Ногайской орды. После 1612 г. обострились отношения между Турцией и Польшей, что вызвало усиление агрессии турецких и татарских феодалов на украинские и польские земли. Во время их многочисленных набегов были опустошены земли Галицкого, Коломыйского, Теребовльского, Львовского, Перемышльского, Самборского, Дрогобычского, Стрыйского, Жидачевского, Белзского, Бузского, Городецкого и Грабовецкого поветов. Из 29 лет (1605—1633) лишь 12 (1606, 1608—1611, 1614, 1619, 1625, 1627, 1628, 1630, 1631) были относительно спокойными. В остальные 17 лет этот край пережил 25 опустошительных набегов. Агрессоры сожгли около половины городов и местечек, свыше половины сел. Крымские феодалы, принимая участие в военных действиях Турции против Польши, умножали свои богатства за счет беспощадного ограбления мирного населения.

Усиление турецко-татарской агрессии в пределы Польши привело к временному затишью на границах Русского государства. С 1618 по 1630 г. татарские набеги на русские земли были эпизодичными и, как правило, носили характер пограничных стычек отдельных отрядов татар с русскими ратными людьми. Однако в 1622, 1623 и 1627 гг. татарские феодалы нападали на земли Русского государства более крупными силами.

В годы польско-русской войны (1632—1634) Крымское ханство включилось в военные действия против Русского государства и в 1632—1633 гг. осуществило набеги на его земли, захватив в неволю более 8 тыс. человек. В апреле 1634 г. из Польши в Крым в качестве платы за участие в «московской войне» прибыла казна на 20 телегах: на 15 телегах были сукна, на 5 — деньги (всего 16 тыс. ефимков). Кроме того, в июне 1634 г. русские посланники привезли в Крым поминки за 1632 и 1633 гг. в размере свыше 20 тыс. руб. В результате за годы войны против Русского государ-

ства крымские феодалы еще более обогатились.

Крупные набеги на Русское государство татарские феодалы предпринимали в 1634—1636 и 1643—1645 гг. Во время набега в 1644 г. татары захватили около 10 тыс. пленников, в то время как численность их войска составляла 30 тыс. человек.

Многочисленные турецко-татарские набеги на украинские и русские земли привели к значительным потерям населения на этих землях. По подсчетам исследователей, лишь в первой половине XVII в. такие потери в Речи Посполитой, преимущественно на территории Украины, составили около 300 тыс., а в Русском государстве — 150—200 тыс. человек.

Таким образом, отсталое в экономическом и политическом отношении Крымское ханство имело паразитический характер. Оно причиняло огромные беды русскому, украинскому и другим соседним народам, вынужденным вести длительную и тяжелую борьбу против турецко-татарской агрессии, подрывавшей их экономику, наносившей урон культуре, истощавшей людские ресурсы.

В результате Люблинской унии 1569 г. большинство украинских земель оказалось под властью польских феодалов. Их господство распространилось на всю Правобережную Украину, входившую до этого в состав Великого княжества Литовского. Утвердив свою власть на восточноукраинских землях, польские магнаты и шляхта развернули широкое наступление на народные массы, прежде всего на крестьянство. На вновь захваченных украинских землях они начали создавать имения, присваивая земли, на которых крестьяне издавна вели свое хозяйство. Формирование магнатско-шляхетского землевладения сопровождалось закабалением крестьян. Происходило их закрепощение. Союзником и активным помощником польских феодалов в проведении захватнической политики на украинских землях выступала католическая церковь, стремившаяся навязать народным массам чуждую веру, сделать их послушным орудием в руках поработителей.

Захватив восточноукраинские земли, польские правящие круги при поддержке Ватикана пытались осуществить давние планы захвата всех восточнославянских земель. Они намеревались поработить также русский народ, ликвидировать Русское государство. С этой целью Речь Посполитая — объединенная польско-литовская держава, в которой главенствующие позиции занимали польские магнаты,— предприняла в начале XVII в. интервенцию на русские земли. Однако закончилась она полным провалом.

В обстановке, когда возникла реальная угроза существованию украинского народа как этнической общности, народные массы Украины развернули решительную борьбу против господства польских феодалов и католической церкви, против возросшего социального и национально-религиозного гнета, в защиту своей самобытности и веры. Эта борьба проявлялась в различных формах, вплоть до вооруженных выступлений, все чаще приобретавших характер мощных крестьянско-казацких восстаний. Идеологическое обоснование освободительная борьба получила в широко развернувшемся общественно-политическом движении, острие которого было направлено против польско-шляхетских поработителей и католической реакции.

Отстаивая свою свободу, культуру и язык, украинский народ всемерно поддерживал русский народ в его борьбе против польско-шляхетской агрессии, решительно добивался освобождения от иноземного ига и воссоединения украинских земель в со-

ставе единого Русского государства. Несмотря на чинимые захватчиками препятствия, развивались и крепли украинско-русские политические, экономические и культурные связи. Народные массы Украины принимали активное участие в борьбе русского народа против экспансии Речи Посполитой. Русские и украинцы совместно отражали турецко-татарскую агрессию, в одинаковой степени угрожавшую обоим народам.

В борьбе против внешней опасности важная роль принадлежала украинскому казачеству. Попытки правящих кругов Польши использовать созданное ими украинское казачье реестровое войско как орудие в осуществлении своей авантюристической внешней политики, направленной против Русского государства, окончились неудачей.

Казачество, прежде всего рядовое, стало той силой, которая вместе со всем украинским народом решительно выступала против иноземного порабощения, была активным участником борьбы народных масс Украины против феодального гнета.

События, развернувшиеся на Украине во второй половине XVI — первой половине XVII в., подготовили почву для освободительной войны 1648—1654 гг.

Глава VI

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УКРАИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Социально-экономическое развитие украинских земель, разорванных на части соседними государствами, во второй половине XVI — первой половине XVII в. происходило в неблагоприятных и сложных условиях. Продолжалось наступление украинских, польских и других феодалов на народные массы. Наряду с феодально-крепостническим резко возрос и национально-религиозный гнет. После Люблинской унии 1569 г. усилился захват феодалами земель, быстрыми темпами расширялись магнатские латифундии. Рост магнатского и шляхетского землевладения сопровождался дальнейшим сокращением крестьянских наделов, увеличением количества малоземельных и безземельных крестьян, ухудшением положения крестьянства и основной массы жителей городов.

Процесс общественного разделения труда стимулировал развитие и углубление товарно-денежных отношений, способствовал прогрессу в области сельского хозяйства, ремесла, промыслов, торговли, росту старых и возникновению новых городов. Феодалы, хозяйства которых все теснее вовлекались в рыночные отношения, расширяли существовавшие и создавали новые фольварки, стремились увеличить производство товарной продукции и тем самым поднять свои прибыли. Для этого они усиливали эксплуатацию зависимого крестьянства, увеличивая отработочную ренту в виде барщины.

Несмотря на иноземное господство, являвшееся серьезным тормозом подъема производительных сил, экономика Украины в рассматриваемый период в целом продолжала развиваться. Особенно интенсивное развитие происходило на восточных и юго-восточных землях, где феодально-крепостнические отношения были менее развиты, чем на остальной территории Украины. На Поднепровье, особенно на левобережной его части, а также на Слобожанщине довольно быстро увеличивалось население, развивались ремесла и промыслы, росли города. Укреплялись, становились все более интенсивными и регулярными экономические связи, прежде всего торговые, между украинскими землями, увеличивался объем и наименование товаров во внешней торговле. Особенно заметно активизировался товарообмен с Россией.

1. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. УСИЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОГО ГНЕТА

Рост феодального землевладения. Во второй половине XVI — первой половине XVII в. на украинских землях в связи с дальнейшим ростом городов, ремесла, промыслов и сельского хозяйства продолжал развиваться внутренний рынок. В Западной Европе ряд стран вступил в период развития капиталистических отношений, в результате чего на внут-

реннем и внешнем рынках увеличивался спрос на хлеб и другие продукты и сырье. Это побуждало феодалов расширять свои фольварки, увеличивать производство продукции для сбыта на рынке.

На Украине в это время неуклонно продолжался рост крупного феодального землевладения. По данным «Описания земли Волынской 1528 года», почти все земельные богатства воеводства принадлежали 430 магнатским и шляхетским семействам. В результате укрупнения имений к 1629 г. в Волынском воеводстве осталось 37 магнатов-землевладельцев, владевших 79 584 дымами, или $^3/_4$ всех крестьянских хозяйств воеводства.

Концентрация земельных богатств в руках магнатов происходила путем наследования, купли, заключения браков, захвата земли, в том числе крестьянской, в результате пожалований великих князей литовских и королей польских.

Великокняжеские и королевские грамоты подтверждали права магнатов на прежние и новые, приобретенные различными способами земельные владения. Так, за крупнейшими на Украине магнатами князьями Острожскими еще в 1507 г. был закреплен г. Чуднов, в 1508 — Туров, в 1517 — Дорогобуж и Красилов, в 1519 г.— Звягель. Князьям Острожским во второй половине XVI в. принадлежала третья часть (32,7%) территории Волынского воеводства, в том числе 34% Луцкого и 38% Кременецкого поветов. Кроме того, они имели крупные земельные владения в Литве, Белоруссии, Малой Польше, Галичине, на Киевщине и Подолии. Земельные владения князя К. Острожского (1526—1608) значительно увеличились после женитьбы его на Софье Тарнавской, дочери краковского каштеляна, унаследовавшей отцовские владения. В конце XVI в. Острожским принадлежало 80 городов и местечек, 2760 сел, 2 млн. моргов (морг — приблизительно 0,7 га) пахотной земли, а также свыше 15 тыс. феодально зависимых крепостных и крестьян-чиншевиков. Папский нунций в Польше Г. Спанокки (80-е годы XVI в.) имел полное основание писать, что князь К. Острожский считается богатейшим феодалом во всем королевстве и стал бы одним из возможных претендентов на польский престол, если бы не был «схизматиком», т. е. православным.

Большую часть земельных богатств Украины в конце XVI — первой половине XVII в. фактически поделили между собой наиболее могущественные магнаты: Волынь принадлежала Острожским и Заславским, Киевщина — Вишневецким и Збаражским.

В большинстве случаев великокняжеские и королевские грамоты выдавались на уже захваченные феодалами у крестьян земли. Такие грамоты в 1533 г. получил князь Ф. Пронский, завладевший селами Чернеч-Городок, Козиничи, Бруховичи, Колки, Рудники Луцкого повета, а также Т. Хоткевич, который присвоил волынские села Борки, Жилицы, Костевичи, Турию, Бортники, Кобовлю, Самки со всеми крестьянами и их имуществом.

Феодалы-землевладельцы чаще всего добивались от правительства получения земли в наследственное владение. В королевских грамотах обычно детально перечислялись пожалования «на вечность». Вот один из типичных актов: в 1520 г. великий князь литовский дал князю Ф. Корецкому привилей на имение Торговицы в Луцком повете Волынского воеводства. В привилее говорилось: «Дали им двор наш в Луцком повете на имя Торговицу и села до того двора Лихачовку, Вольниче, Гублив, Белобоки, Белый Берег, Губливец з пашнями дворными, з бояры путными, и людми тяглыми и подворищны-

ми. и подсуседками, и з их платы, и з даньми медовыми, грошовыми, купичными, чиншовыми, овсяными и роботами, з всякими повинностями и пожитками, з ставы, ставищами, з млины и з их вимелками, з реками, с озерами и з их пожитками, з бобровыми гони, з лови звеpинными и пташими, з лиси, гаи, и з бори, и з хворощами, зарослями, польми оранними, неоранними, с проробками, сеножатьми, з болотами и с пожитки рибними, с торгом и митом, если будет, там здавна торг и мито бивало и з всими плати и пожитки» [1].

О массовом характере захвата земель и порабощении крестьян феодалами во второй половине XVI в. свидетельствует множество фактов. Например, в Ковельском старостве в 1556 г. шляхте принадлежало одно село, а в 1590 г.— уже 19.

Особенно быстро росло феодальное землевладение после Люблинской унии 1569 г., когда Польша захватила Волынь, Киевщину и Брацлавщину. Этими украинскими землями овладели магнаты Замойские, Струси, Жолкевские, Калиновские, Конецпольские, Потоцкие, Вишневецкие, средняя и мелкая шляхта. Не отставало от них и католическое духовенство. Захват украинских земель еще более активизировался после сеймового постановления 1590 г. о раздаче «пустынь, которые лежат за Белою Церковью». «Пустынями» это постановление лицемерно называло территорию, уже давно освоенную и заселенную украинскими крестьянами и казаками.

Польское и украинское панство силой оружия присваивало себе крестьянские и казацкие земли. Таким путем магнат Струсь стал собственником земель почти всего бассейна р. Тикич. Там же, на Правобережье, на Тясмине, громаднейшие пространства богатых земель «приобрел» Конецпольский. На Левобережье паны Жолкевские завладели Баришпольской (Бориспольской) волостью, «пустыней Горошин» и землями в бассейне р. Слепород. Потоцкие прибрали к рукам Кременчуг и Нежинщину и т. д. В 1620 г. польский король Сигизмунд III отдал князю К. Вишневецкому Черкасское староство вместе с Боровицей, Голтвой, Крапивной и многими другими городами, местечками, селами и хуторами. Я. Замойский получил от короля Переяславское староство вместе с местечками Яготином. На Левобережье среди магнатских владений особо выделялись своими размерами владения Вишневецких — «Вишневеччина» — с центром в Лубнах.

Огромные земельные пространства захватили польские и украинские магнаты на Брацлавщине. В 1629 г. в Брацлавском воеводстве 18 магнатам принадлежало почти 80% всех крестьянских и мещанских дворов.

Продолжало увеличиваться и церковное землевладение. В XVI — первой половине XVII в. одним из крупнейших землевладельцев был Киево-Печерский православный монастырь. Ему принадлежало множество имений в разных районах Украины и даже в Белоруссии. Он владел селами, местечками, хуторами с пахотными землями, лесами, «пустовщизнами», лугами, сенокосами, садами, бортями, прудами, озерами, реками, а также мельницами и другими промышленными заведениями. Луцкой и острожской православной епископии принадлежали в Волынском воеводстве один город, два местечка, 38 сел; Владимирской епископии — 16 сел, местечко Квасовое, Купичевская волость (11 сел, замок, рыболовные тони, леса, борти, луга и т. д.).

Особенно много земель захватила на Украине и в Белоруссии католи-

[1] Центральный государственный исторический архив УССР в Киеве (далее — ЦГИА УССР в Киеве), ф. 26, оп. 1, д. 1, л. 466—467.

ческая церковь в первой половине XVII в. На рубеже XVI—XVII вв. только в Волынском воеводстве ей принадлежало 2094 дыма. После Брестской церковной унии 1596 г. начался рост землевладения униатской церкви.

Таким образом, во второй половине XVI — первой половине XVII в. феодальное землевладение на Украине продолжало неуклонно расти. Польские и украинские феодалы к середине XVII в. фактически прибрали к своим рукам большую часть земельных богатств.

Сельское хозяйство. В результате расширения фольварочного хозяйства, с одной стороны, и интенсивного освоения окраинных земель — с другой, намного выросла площадь обрабатываемых земель. Посевные площади в рассматриваемый период особенно расширялись в Восточной Подолии, южной части Киевщины, на Левобережье и Слобожанщине.

Однако развитие сельского хозяйства в разных районах Украины происходило неравномерно. Наиболее развито земледелие было в Белзском воеводстве, Западной Волыни, равнинной части Галичины, Западной Подолии и других наиболее густо заселенных местностях с большим количеством городов.

На западных землях господствовало трехполье. Расширялось применение удобрений (навоза и золы), главным образом в крупных и средних имениях. Унавоженные почвы, как видно из Литовского статута 1529 г., стоили в два раза дороже, чем неунавоженные. В южных, степных и частично в предстепных районах, наоборот, еще долгое время сохранялся перелог. В Полесье, в том числе и на Левобережье, кое-где встречалось еще подсечное земледелие.

Основным орудием обработки почвы оставался деревянный плуг с железным лемехом. В зависимости от качества и состояния обрабатываемой почвы в него впрягали от двух до шести пар волов. Такие плуги применялись как в феодальных имениях, так и в крестьянских хозяйствах. В небольшом имении Владимирской епископии на Волыни, например, в 1588 г. имелось три плуга. В начале XVII в. из 13 сел Звягельской волости Житомирского повета Киевского воеводства (209 дворов) князя Острожского крестьяне выходили для обработки господской земли с 69 шестиволовыми тяжелыми плугами.

Легкие серые, песчаные и супесчаные почвы (в основном на Полесье) крестьяне продолжали пахать сохой. В нее запрягали лошадь или одного вола (бовкуна). В Полесье и частично в Прикарпатье употреблялось также однозубое и двузубое рало.

Набор сельскохозяйственных культур оставался таким же, как и раньше, а сорта их — низкоурожайными. Основной злаковой культурой была рожь, но возрастала роль пшеницы, которая выращивалась главным образом в крупных феодальных хозяйствах и предназначалась преимущественно для продажи. Цена на пшеницу, особенно на внешнем рынке, постоянно росла, и это стимулировало расширение ее производства. В связи с развитием пивоварения увеличивались также посевы ячменя. Все больше земель отводилось под посевы овса для обеспечения кормами растущего коневодства. Значительные площади занимали также посевы проса, гречихи и гороха. Пшено и гречневая крупа находили постоянный сбыт на внутреннем и внешнем рынках.

Урожайность в крестьянских хозяйствах даже при благоприятных погодных условиях была низка: ржи собирали сам-три, редко сам-пять, пшеницы — не намного больше. Частые неурожаи в результате засух и других стихийных бедствий (саранча, ливни и т. п.) отрицательно ска-

зывались на крестьянском хозяйстве. В фольварках, особенно крупных, урожайность была выше, чем в крестьянских хозяйствах. Ревизоры Житомирского староства в 1622 г. зафиксировали следующую урожайность в фольварках: рожь — сам-четыре, пшеница — сам-пять, ячмень — сам-семь, овес — сам-три, горох — сам-семь с половиной.

Главными техническими культурами, как и прежде, были лен и конопля, но возрастало экономическое значение хмеля и винограда. В отдельных местах, в основном в Подольском, северной части Брацлавского и Волынском воеводствах, частично на Киевщине и в Галичине, закладывались новые хмельники и расширялись уже существовавшие. Виноград выращивали во многих местностях Украины, особенно на Киевщине. Известно, например, что киевский Никольский монастырь в 1507 г. захватил виноградники ряда мещан. Продолжали расширяться старые и создавались новые виноградники в Закарпатье.

Значительное развитие получило садоводство. На Подолии фруктовые деревья росли даже на обочинах дорог. В конце XVI в. крупные сады были заложены в селах Кременецкого повета и в окрестностях Владимира-Волынского.

Возрастало значение огородничества. Огороды имелись не только в селах, но и в городах. Так, в Киеве в 1571 г. насчитывалось 180 огородов. На крестьянских огородах и в фольфарках в конце XVI — первой половине XVII в. выращивали капусту, лук, чеснок, свеклу, морковь, репу, редьку, бобы, фасоль, огурцы, хрен, салат, сельдерей, пастернак, петрушку, лебеду, тыкву, укроп, мяту, а в некоторых местах также дыни и «сладкий индийский корень». И в панских имениях, и возле крестьянских и мещанских домов высаживались цветы. Эту черту быта украинцев неоднократно отмечали иностранные путешественники.

Заметные изменения произошли в животноводстве, преимущественно на Киевщине, Волыни, Брацлавщине, Подолии и Чернигово-Северщине. Здесь разводили главным образом крупный рогатый скот и свиней. В горных районах Галичины, Буковины и Закарпатья основной отраслью животноводства было овцеводство. В предстепных и степных районах Левобережья и Правобережья, в том числе на Слобожанщине, значительное развитие получило табунное коневодство. За Днепровскими порогами, особенно в первой половине XVII в., увеличивалось количество казацких зимовников, представлявших собой преимущественно скотоводческие хозяйства, основанные на наемном труде батраков — наймитов и казацкой голоты.

В фольварках развивалось мясное животноводство: на откорм ставилось все больше волов, предназначавшихся для сбыта на внутреннем и внешнем рынках. В пригородных имениях получило распространение молочное животноводство. Во многих фольварках разводили породистых лошадей и овец.

Менее развитым было птицеводство. Но уже в первой половине XVII в. в фольварках встречаются специальные птичники для кур, уток, гусей и индюков. Продукты птицеводства, особенно куры, каплуны и яйца, были не только неотъемлемой частью натуральной ренты, но и находили все больший спрос на внутреннем рынке в связи с ростом городского населения, повышением цен и спроса на сельскохозяйственные продукты.

В отличие от фольварков большинство крестьянских хозяйств не имело достаточного количества скота, что отрицательно сказывалось на их состоянии. Ведь, подчеркивал В. И. Ленин, «в зависимости от количества и качества скота находится также уход

за землей, в частности удобрение ее» [1].

Во многих районах Украины в XVI — первой половине XVII в. значительное развитие получило высокоприбыльное прудовое и озерное рыбоводство, особенно в фольварках. Так, князь Ю. Збаражский в 1508 г. с каждого из четырех принадлежавших ему прудов получал по 1 тыс. коп грошей прибыли. Больше всего рыбных прудов было на Подолии, в Галичине, на Волыни, юге Киевщины и на Черниго-Северщине. О развитии рыбного хозяйства свидетельствует существование профессии наемных землекопов-грабарей, специально занимавшихся рытьем рыбных прудов.

Наряду с традиционным бортничеством, которое довольно широко было распространено в Полесье и частично в Карпатах, развивалось пасечное пчеловодство, особенно в лесостепных районах Левобережной и Правобережной Украины, а также в равнинных районах Галичины и Закарпатья. В Полесье, на севере Киевщины, на Черниго-Северщине и Волыни значительную часть натуральной ренты составляли мед и воск. Продукты пчеловодства занимали также важное место в экспорте.

В XVI — первой половине XVII в. еще не утратили своего экономического значения охотничьи промыслы, распространенные в полесских, горных и степных районах Украины. Пушниной, особенно бобровыми и куньими мехами, крестьяне платили феодалам натуральную ренту. Пушнина составляла важную статью экспорта в западноевропейские страны, Молдавию, Турцию, Крым и Закавказье.

Сельское хозяйство на Украине во второй половине XVI — первой половине XVII в. в значительной степени сохраняло еще натуральный характер, хотя на его состоянии уже заметно сказалось развитие внутреннего и внешнего рынка.

«Устава на волоки» 1557 г. Развитие фольварочного хозяйства к середине XVI в. привело к серьезным изменениям в положении значительной части крестьянства. В результате усиления эксплуатации крестьян и захвата их земель феодалами неуклонно росло количество обедневших, не способных вести самостоятельное хозяйство сельских жителей. В то же время повышение товарности фольварков вызывало растущую потребность в рабочей силе. Господствующий класс стремился увеличить прибыли со своих имений прежде всего путем усиления эксплуатации феодально зависимых крестьян.

В 1557 г. великий князь литовский и король польский Сигизмунд II Август начал проводить аграрную реформу, известную под названием «Устава на волоки». Основная цель реформы заключалась в создании фольварков. «Фольварки хочемь мети, абы везде становены, яко наболщи быти могуть, при кажъдых замъкох и дворехъ наших»[1].

Реформа проводилась в великокняжеских владениях на территории Литвы, Западной Белоруссии и частично на Украине — в Кременецком повете, Ратненском и Ковельском староствах на Волыни (завершилась она около 1570 г).

Специально назначенные ревизоры должны были перемерять все земли — как великокняжеские, так и крестьянские. Вся земля делилась на волоки — участки в среднем площадью 30 моргов (18—24 га). Лучшие земли отводились фольваркам, так, чтобы они составляли один большой удобный для земледелия массив. Кре-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 102.

[1] Русская историческая библиотека. Юрьев, 1914, т. 30, с. 555.

стьянам отводились худшие земли на окраинах имений, куда их принуждали переносить свои хозяйства. Каждому крестьянскому двору выделялась, как правило, одна волока, которая делилась на три поля, каждое размером приблизительно 10—12 моргов. Обычно поля находились в разных местах. За пользование землей крестьяне обязаны были выполнять определенные повинности. Если экономически слабые хозяйства не могли обрабатывать волоку и отбывать установленные с волоки повинности, им предоставлялась только половина волоки. Отводимые крестьянам пахотные земли и луга измерялись и записывались в инвентарь-реестр. Самовольно увеличивать свой надел крестьяне не имели права.

Крестьянин мог принять выделенную ему волоку (или ее часть) или отказаться от нее. Не приняв волоки, он имел право перейти в другое великокняжеское имение, поселиться во владении другого феодала или уйти в город. Приняв волоку, крестьянин прикреплялся к ней как к наделу. Если же он убегал, то «тая земля зо всим домовством» (хозяйством) передавалась другому лицу. Беглеца администрация имения (войт и урядник) обязана была разыскать и возвратить.

Волока составляла основную хозяйственную единицу, с которой крестьянский двор отбывал все повинности. Для отработки одной волоки в имении привлекались крестьяне с семи волок. При этом крестьянский двор обязан был отбывать двухдневную барщину с волоки в неделю со своим тяглым скотом. Иначе говоря, на обработку одной волоки в фольварке уходило 14 барщинных дней в неделю. Там, где барщины еще не было, крестьяне платили 30 грошей в год. Кроме того, все крестьяне вносили годовой чинш — в среднем 12 грошей с волоки, платили дань продуктами стоимостью 18 грошей. И наконец, они отбывали дополнительную барщину: толоки и гвалты — внеочередные срочные работы, не связанные в первое время после проведения реформы с работой в поле, оцененные в 22 гроша. Таким образом, из 82 грошей, вносимых ежегодно с волоки, зависимый крестьянин отдавал феодалу в форме барщины 52 гроша (63%), дани — 18 грошей (22%) и чинша — 12 грошей (15%)*. Следовательно, отработочная рента — барщина — превращалась в главную форму эксплуатации феодально зависимого крестьянства. С развитием фольварочного хозяйства размеры барщины непрерывно увеличивались, а количество крестьянских волок, приходившихся на одну господскую, сокращалось. При этом барщину, прежде всего толоки и гвалты, заставляли отбывать всех работоспособных членов крестьянских семей, не ограничивая ее ни определенным временем, ни видом работ. Увеличивалась и денежная рента, которая все в большей степени заменяла натуральную.

«Устава на волоки» определяла, что крестьяне должны отбывать барщинную повинность в течение всего светового дня: «А становится ку работе поданным, як слонце всходить, а зийтти, як заходить...»[1]. Барщинные повинности на неделю вперед определял войт, который и следил за их неукоснительным выполнением. За невыход на барщину предусматривались штрафы и телесные наказания: «И который человек не выйдетъ на работу, ино за певный день огурного заплатить грошъ, а за другой

* Подсчеты произведены Ю. М. Юргинисом и касаются собственно литовских земель, но поскольку в положении крестьян Литвы, Белоруссии и Украины было много общего, они дают представление о соотношении различных форм ренты и на Украине.

[1] Русская историческая библиотека, т. 30, с. 554—555.

день барана, а коли и на третій разъ огурить ся..., ино бичомъ на лавъце скарати, а дни повинъные заробити» [1]. Согласно «Уставе на волоки», от выполнения барщины нельзя было откупиться, не разрешалось также заменять ее другими повинностями. Среди повинностей барщина по своему значению, следовательно, ставилась на первое место.

Вместе с тем «Устава на волоки» узаконивала старые повинности крестьян: мостовую, подводную и сторожевую. На украинских и белорусских землях сохранялась и серебщина — ее размеры оставались такими же, как и прежде: «А з Рускихъ волостей серебъщина по сътарому и там, где померы нетъ» [2].

Реформа ограничивала права крестьян в пользовании лесами. Им разрешалось только собирать хворост, грибы и ягоды. Ограничения вводились и на пользование невспаханными землями для выпаса скота: пасти скот «на пустовщизне» разрешалось только за специальную плату.

Аграрная реформа 1557 г. прикрепила крестьян к наделу, т. е. к великокняжеской собственности, полностью лишила их права владения землей и запретила ее приобретение. Ранее купленная крестьянами земля переходила в собственность великого князя: «А где помера пойдеть, маютъ мерыты всякій кгрунтъ, купленный в заставълый, кгды жъ кметь и вся его местность наша есть» [3].

Реформа, проводившаяся в интересах эксплуататорского класса феодалов, предусматривала целый ряд мер, направленных на повышение эффективности фольварочного хозяйства, на увеличение его доходности. Одной из них было развитие животноводства путем покупки скота, прежде всего коров, за деньги, вырученные от продажи зерна. Намечалось также дополнительное строительство рыбных прудов и «сажавок». Рыба предназначалась для реализации на внутреннем (в основном местном) рынке. Урядникам своих имений великий князь предписывал также строить мельницы. Большое внимание уделялось лесному хозяйству. Все леса были обмеряны, на большинство из них составлены карты, введена специальная охранная служба во главе с лесничими. И наконец, закон об аграрной реформе предписывал администрации великокняжеских имений принимать меры к расширению сельскохозяйственных угодий и с этой целью заселять пустующие волоки крестьянами, постепенно прикрепляя их к земле.

По примеру великого князя «волочную померу» начали проводить в своих имениях и другие феодалы, что в конечном итоге привело к расширению их хозяйств. На своих землях феодалы, как светские, так и духовные, создавали фольварочные хозяйства, увеличивали посевные площади, организовывали различные промыслы.

Развитие фольварочного хозяйства особенно интенсивно происходило в конце XVI — начале XVII в. Оно сопровождалось дальнейшим усилением эксплуатации зависимого крестьянства, его закрепощением.

В результате проведения аграрной реформы хозяйственная инициатива крестьянина, его право распоряжаться полученным доходом были постепенно сведены к минимуму, поскольку все большую часть своего рабочего времени он вынужден был тратить на выполнение возраставших барщинных работ и других феодальных повинностей.

Реформа нанесла удар общинной организации крестьян: отныне не коллектив (община), а отдельная

[1] Русская историческая библиотека, с. 554.
[2] Там же, т. 30, с. 552.
[3] Там же, с. 570.

крестьянская семья противостояла феодалу и назначаемой им администрации.

Аграрная реформа 1557 г. имела реакционный характер. Реформа проводилась насильно. Крестьянские массы не только Литвы и Белоруссии, но и Украины враждебно относились к ней, так как понимали, что она существенно ущемляет их интересы. Например, крестьяне Ковельского староства Волынского воеводства даже в 1590 г. отказывались принять ее. Реформа способствовала усилению наступления феодалов на крестьянство, его окончательному закрепощению и обнищанию. Вместе с тем она позволила феодалам реорганизовать свои хозяйства, приспособить их к потребностям развивающегося рынка. Реформа ускорила также втягивание хозяйств феодалов в товарно-денежные отношения. Вызванная к жизни развитием фольварочного хозяйства, она, в свою очередь, дала толчок к дальнейшему его росту.

Фольварочное хозяйство. Различные новые явления в сфере социальных и политических отношений Речи Посполитой второй половины XVI—первой половины XVII в. объясняются тем, что господствующий класс все больше охватывало тяготение к роскоши. Он стремился приобрести побольше разнообразных и дорогих изделий, перестраивал свой личный и общественный быт. Потребности магнатов и шляхты возрастали по мере того, как на рынке появлялись все новые предметы роскоши. «Боже мой, какая роскошь проникла в это государство! — писал известный политический деятель Петр Скарга (1536—1612).— Все, от великого до малого, отбросили святую воздержанность... редко какой пан не в шелках, без шестерки лошадей, без ливреи [на слугах]». А чтобы получить деньги для удовлетворения своих возрастающих запросов, магнаты и шляхтичи все больше внимания стали уделять развитию своего хозяйства. Этому способствовали и изменения в общественном положении основной массы феодалов: шляхтичи освобождались от обязанности выполнять военную службу (место «рыцарства» заняли наемные войска) и становились сельскими хозяевами. Польский публицист С. Старосельский (1588—1656) не без иронии писал: «В старые времена считалось обязанностью крестьян обрабатывать землю, а купца — заниматься городскими делами. Шляхтич же отдавался рыцарскому делу и беспрерывно воевал. Теперь у нас нет воинов... зато есть [среди феодалов] корчмари, торгаши и посредники... Самым большим подвигом у нас считается знать дорогу, которой гонят волов из имения в Гданьск, ибо все зажиточные торгуют быками, лошадьми, вином, медом... рыбой... всяким хлебом... Все, что подданные имеют у себя для продажи, они приказывают сносить на панский двор, скупают по самым низким ценам и отправляют в город... Туда же они посылают и свои продукты». Паны отправляли на рынок и продукты, получаемые от феодально зависимых крестьян в виде натуральной ренты. Однако главное внимание владельцы крупных и средних фольварков обращали на увеличение производства товарной продукции в собственных хозяйствах.

Количество хлеба, производимого в фольварках, расположенных в районах с наиболее развитым землевладением, увеличивалось. Так, в 1582 г. на панский двор Вороницкого фольварка во Владимирском повете крестьяне привезли: ржи — 200 коп, пшеницы — 60, овса — 120, гречихи — 80 коп и 15 коп других яровых, а также один стог гороха, т. е. 2375 пудов хлеба и 20 пудов гороха (считая в копе 5, а в стоге — 20 пудов). В имении С. Жолкевского в с. Турипцы

Львовского староства, которое было дано ему в держание, в 1570 г. урожай разного хлеба (озимой ржи, пшеницы, ячменя, овса) составил около 1200 коп, т. е. около 6 тыс. пудов. Это — фольварки среднего размера. А вот данные о более крупных хозяйствах. В Большовском фольварке Галицкого староства урожай в 1555 г. составил: ржи — 700 коп, пшеницы — 600, ячменя — 400, овса — 700, гречки — 200, проса — 40 коп и гороха 1 стог — в целом 132 тыс. пудов. В Котельницком владении князя Ружинского (очевидно, состоявшем из нескольких фольварков) во время разбойничьего наезда другого феодала было уничтожено 10 тыс. коп, или около 50 тыс. пудов зерновых. В 1608 г. в его же имении Вчерайшем на Киевщине во время «наезда» разграблено 11 тыс. коп, или 55 тыс. пудов различных зерновых. В 1615 г. только в двух ключах * — Константиновском и Степанском, принадлежавших наследникам магната Острожского, собрали 300 тыс. пудов хлеба.

Владельцы таких фольварков со своим двором и челядью могли потребить лишь сравнительно небольшую часть собранного урожая, основная же его часть шла на рынок в натуральном или переработанном виде. От реализации сельскохозяйственной продукции отдельные владельцы выручали значительные суммы денег. Так, в 1637 г. киевский староста Харлепский по контракту на поставку в Гданьск 150 лаштов ржи (один лашт — примерно 2 тонны) должен был получить 5 тыс. злотых. Княжна К. Радзивилл за отправленный в 1642 г. из своих украинских фольварков в Гданьск и Торунь транспорт (81 лашт пшеницы, 121 лашт гречихи и 21 камень воска) должна была получить 13 058 злотых.

Мясное и молочное товарное животноводство развивалось во многих, особенно крупных, фольварках Русского воеводства, на Подолии, Волыни и Киевщине. Наряду с крупным рогатым скотом во многих фольварках имелись табуны лошадей, овцы, свиньи. Большое внимание уделялось улучшению породности скота. О размерах животноводства в хозяйствах феодалов свидетельствуют следующие данные. В 1565 г. во время «наезда» на Богородичанский фольварк в Луцком повете было угнано 270 кобылиц, 27 жеребцов, 43 третьяка, 34 жеребенка, 130 почтовых и выездных лошадей итальянской породы, а также более 500 голов крупного рогатого скота. По неполным данным за 1600 г., в имении князя Ружинского в с. Вчерайшее содержалось не менее 100 дойных коров, 60 яловок, 40 волов, 300 овец, 250 свиней, для откорма которых использовались отходы производства княжеских винниц и мельниц.

Лошадей продавали в основном для нужд войска, а крупный рогатый скот предназначался для сбыта на внутреннем, а также на внешнем рынках. Так, в 1630 г. киевский воевода Я. Тышкевич отправил для продажи в г. Ярослав 230 волов, в 1640 г. туда же отогнал 200 волов шляхтич Суходольский. Тогда же из фольварка Ойзринского (Киевщина) в Ярослав было отправлено 120 волов, а из Фастовского и Бобоцкого имений киевского католического епископа — 304 вола и 235 яловок. Значительная часть продукции свиноводства (жир, сало, соленое и копченое мясо) также предназначалась для реализации на внутреннем рынке и за границей.

Часть продукции фольварочного хозяйства перерабатывалась на месте. В Волынском воеводстве, например, только за 14 лет (1570—1583) количество мельничных кругов (камней) увеличилось с 578 до 844. В 1569 г. в шести старостваx Русского воеводства (Сапоцком, Львовском, Пере-

* Ключ — феодальное владение, состоящее из нескольких сел.

мышльском, Галичском, Холмском и Белзском) насчитывалось свыше 2 тыс. мельниц. На Левобережье в 1640 г. одному Иеремие Вишневецкому принадлежало 476 мельниц: 40 — в Лубнах, 34 — в Лохвице, 38— в Пирятине и т. д. Мельницы, крупорушки, винокурни, пивоварни, кожевни, валюшни приобретали все большее экономическое значение.

Прибыльной была и такая отрасль фольварочного хозяйства, как пчеловодство. В 1609 г., например, в имении князя Ружинского в с. Вчерайшем на пасеке насчитывалось 500 ульев. Киево-Печерский монастырь за часть меда со своих пасек, проданного в 1600 г., получил 150 злотых, столько же — в 1601 г., а в 1602 г. за 26 бочек меда и «пневщины» — 100 злотых. Мед отправлялся на рынок как в натуральном виде, так и в виде напитка, произведенного в монастырских медоварнях. Крупные доходы магнаты и богатая шляхта получали также от руден, поташен, селитровых варниц и других промыслов.

Таким образом, во второй половине XVI — первой половине XVII в. товарно-денежные отношения на Украине все больше и больше проникали в хозяйства феодалов. Магнаты и шляхтичи с каждым десятилетием увеличивали производство товарной сельскохозяйственной продукции.

Рост малоземелья крестьян и усиление их эксплуатации. Развитие фольварочного хозяйства сопровождалось сокращением крестьянских наделов и увеличением количества малоземельных и безземельных крестьян. Одни из них пользовались половиной надела, другие — четвертью, третьи — восьмой частью. Огородники (загородники) чаще всего имели только огороды (загороды), а каморники, да и то не все — только скот. Как правило, они не имели собственного жилья и жили в «коморах» зажиточных крестьян. Безземельными были также халупники, владевшие только убогими халупами, а иногда и небольшими огородами. Количество безземельных крестьян особенно быстро росло после проведения волочной реформы 1557 г. Разорившиеся крестьяне, не имевшие не только своей земли и хозяйства, но и жилья и вынужденные жить в чужих дворах, «у соседей», назывались подсоседками.

На западноукраинских землях крестьянское малоземелье росло быстрее, чем в других районах. Если в XV — первой половине XVI в. кметы (еще не закрепощенные оброчные крестьяне, пользовавшиеся правом выхода), составлявшие подавляющее большинство крестьянства, пользовались наделами в размере лана (20—25 га), не считая пастбищ, лугов и т. д., то во второй половине XVI в. большинство из них имело уже лишь полулановый надел.

Однако процесс обезземеливания происходил неравномерно даже в пределах одного воеводства. Так, в Снятинском старостве Русского воеводства, как это видно из люстрации 1565 г., в 10 селах (а всего их было 14) 63,9% кметов пользовались лановым наделом, а 36,1% — полулановым. В Снятинском старостве (в то время экономически относительно отсталом) имелся лишь один небольшой фольварк. Огородников здесь насчитывалось менее 3%. В Городокском старостве, находившемся в центральной части Русского воеводства, недалеко от Львова, было пять фольварков, и все кметы в них имели лишь полулановые наделы. Огородников там насчитывалось уже 19,6% В Лежайском старостве, где существовало три фольварка, в 1565 г. 75% кметов имели фактически только полулановые наделы, а загородники и коморники составляли 22%.

Таким образом, чем больше фольварков было в том или ином районе,

тем быстрее сокращалась площадь крестьянских наделов.

В Холмской земле и Белзском воеводстве, где фольварки получили наибольшее развитие, крестьяне, пользовавшиеся четвертью и меньшей частью надела, составляли соответственно 31,8 и 21,8% всех крестьян. В то же время в Галицкой земле, где фольварочное хозяйство было развито в XVI в. еще относительно слабо, малоземельных насчитывалось только 8,5%, во Львовской, Перемышльской и Саноцкой землях — соответственно 15,3, 15,2, 16,3%.

В то же время росло число подсоседков. Ревизор Озиминской волости Русского воеводства в 1566 г. дал такую характеристику этой категории крестьянства: это люди, «которых кметы принимают к себе на свою пашню и на свои плецы (усадьбы.— *Ред.*); они тоже имеют небольшую площадь земли, кроме размеренных четвертей... или такие, что только одну хату с огородом [имеют]». Согласно инвентарю 1568 г., в Дрогобычском старостве Русского воеводства, кроме огородников, составлявших 11,6% всех крестьян, было 24,5% подсоседков.

Захват феодалами крестьянских земель привел к тому, что в первой половине XVII в. на украинских землях, еще до 1569 г. находившихся под властью Польши (Галичина, Западная Подолия), лишь около 15% кметов имело надел свыше полулана, около 33% — половину лана, до 20% — меньше четверти лана. Остальные (примерно треть всех крестьян) имели еще меньше земли или были безземельными. Следовательно, огородники, халупники, коморники и подсоседки, принадлежавшие к беднейшей части сельского населения, составляли здесь уже около половины всех крестьян.

На украинских землях, после Люблинской унии 1569 г. перешедших под власть польских феодалов, процесс обезземеливания крестьян продолжался. Так, только за 1570—1583 гг. в трех поветах Волынского воеводства (Кременецком, Владимирском и Луцком) количество крестьянских наделов сократилось на 13%.

Наряду с сокращением крестьянского землепользования неуклонно росла эксплуатация крестьян. В зависимости от отрасли хозяйства, преобладавшей в той или иной местности, изменялось и соотношение разных форм феодальной ренты. При этом часто даже в пределах одного села картина крестьянских повинностей была пестрой. Их характер во многом зависел от уровня развития и направления сельскохозяйственного производства. Так, в первой половине XVII в. в Сокальском старостве Русского воеводства, в районе развитого земледелия, крестьяне отбывали трехдневную барщину в неделю с четверти лана, выплачивали чинш по злотому и натуральную дань по два корца (свыше 50 кг) овса с лана. Огородники работали в панском имении по два-три дня, а иногда (в пору напряженных полевых работ) по четыре, пять и даже шесть дней в неделю и, кроме того, платили чинш. Здесь барщина являлась основным видом феодальной ренты. Примерно так же распределялись повинности в Волынском и Подольском воеводствах. А в южных районах Русского воеводства, где не было или было очень мало фольварков, первое место среди них занимала натуральная рента.

В относительно малозаселенном Брацлавском воеводстве (особенно в восточной и южной его частях), где преобладали животноводство и промыслы, фольварки лишь начинали возникать, а значительная часть крестьян еще сидела на «слободах», главной формой ренты были «поволовщина» (дань волами), «вепрщина» (дань кабанами), а также дань баранами и медом. Только в тех селах и слободах, где уже истекли льготные годы (вре-

менное освобождение переселенцев от повинностей), крестьян принуждали выполнять «толоку» по нескольку дней в году.

Очень разнообразными были повинности на Киевщине — крае, огромном по размерам и неодинаковом по географическим условиям. В то время этот край переживал интенсивную народную колонизацию, сопровождавшуюся, в свою очередь, наступлением феодалов. Здесь панство захватило почти $^2/_3$ лучших земель, создало много фольварков и начало вводить барщину. Однако земледелие в крае еще не получило достаточного развития и главной формой ренты являлась натуральная дань, частично чинш.

На Слобожанщине, входившей в состав Русского государства, помещичьи хозяйства еще не возникли. Крестьяне и казаки, количество которых постепенно увеличивалось, занимались преимущественно скотоводством и лишь начинали осваивать тучные черноземы.

Левобережная Украина делилась на две части — северную (Черниговo-Северщину) и южную (позднейшую Полтавщину), каждая из которых имела свои хозяйственные особенности.

Чернигово-Северщина, входившая в состав Русского государства и в начале XVII в. (1618) захваченная Речью Посполитой, представляла собой край лесов с богатой фауной; здесь преобладали серые и песчаные почвы, наиболее пригодные для выращивания льна и конопли. В многочисленных болотах имелись запасы болотных руд.

Значительную роль в Чернигово-Северщине играли промыслы: пчеловодство, охота, выплавка железа, производство поташа, обработка дерева, льна, пеньки. Крестьяне отбывали повинность главным образом в виде дани натурой и частично чинша.

На юге Левобережья, особенно в степной его части, освоение которой народными массами неуклонно продолжалось, земледелие еще не успело достичь такого уровня развития, как в других частях Украины. Здесь относительно мало было и фольварков, основанных на принудительном барщинном труде. В хозяйстве ведущую роль играли животноводство и промыслы, в частности охота и селитроварение. Зависимые крестьяне платили главным образом натуральную дань и частично чинш.

Таким образом, барщина преобладала в районах с более развитым земледелием и распространенным фольварочным хозяйством.

Землевладельцы стремились увеличить доходы со своих имений, прежде всего путем усиления эксплуатации зависимых крестьян. Вместе с тем производительность подневольного труда зависимого крестьянина, никак не заинтересованного в нем лично, оставалась крайне низкой. Это ставило феодалов Речи Посполитой в невыгодные условия на западноевропейских рынках.

Для того чтобы компенсировать значительные расходы на доставку сельскохозяйственных продуктов на рынки, паны усиливали эксплуатацию крестьян, тем самым все больше разоряя их хозяйства. Описывая Кременецкое староство в 1616 г., королевские ревизоры отмечали, что крестьяне с. Мицовцы (оно же Городище) раньше платили только чинш, давали дань овсом, яйцами, медовой десятиной, двадцатиной от баранов и кабанов, вносили каждый третий год «поволовщину», а нынче пришли в такое «убозство» (т. е. обнищали), что с них нечего взять, и они могут лишь выполнять работы в фольварке. Так начала проявлять себя обратная сторона чрезмерной эксплуатации крестьян феодалами.

Среди феодально зависимых крестьян постепенно увеличивалась про-

слойка неимущих, так называемых гультяев, не владевших никаким имуществом. Эксплуатировать их можно было только при условии выплаты им хотя бы незначительного вознаграждения. Уже с середины XVI в. в некоторых фольварках наблюдается спорадическое использование наемного труда. Даже «Устава на волоки» 1557 г. предусматривала наем девушек и юношей (пастухов) для работы в великокняжеских и панских имениях. Иногда феодалы обращали дворовую челядь в батраков. Работая за плату, они в определенной степени связывались с рынком.

Крестьянское хозяйство в своей основе продолжало оставаться натуральным. Большинство крестьян, особенно отдаленных от городов местностей (Полесье, горные районы Галичины, Закарпатья и Буковины), очень мало продавали и мало покупали. Однако и в их хозяйствах, хотя и очень медленно, рос удельный вес продукции, предназначенный для продажи. Это обусловливалось необходимостью иметь деньги для выплаты пану чинша и налогов государству, для покупки необходимых ремесленных изделий, а иногда и крупного рогатого скота (волов), лошадей. Нередко крестьянин вынужден был продавать и часть необходимого ему продукта.

По мере проникновения товарно-денежных отношений в крестьянское хозяйство и усиления феодальной эксплуатации углублялось имущественное неравенство среди крестьян. Это, например, видно из документа 1582 г. В то время как имущество тяглого крестьянина в с. Скуринцы на Волыни оценивалось в пределах 20—100 коп литовских грошей, у некоторых крестьян стоимость его намного превышала эту сумму. Так, два крестьянина имели имущества на 300 коп, один — на 500, а один даже на 700 коп.

Имущественное неравенство проявлялось также в количестве скота в хозяйстве и заготовляемого для него сена. Три крестьянина с. Крылово Луцкого повета в 1565 г. накосили 121 воз сена, а четыре крестьянина из с. Черницкое Корецкой волости заготовили 323 копы сена для собственного скота. Заготавливать сено в таких больших количествах можно было только с помощью чужого труда, используя рабочую силу подсоседков, халупников и других неимущих. Действительно, в зажиточных крестьянских хозяйствах батраки были уже в XVI в. Так, 7 июля 1563 г. шляхтянка А. Сенютина в жалобе луцкому подстаросте заявила, что ее подданные, в частности «Васечко з наймитом.., Прыс с сынми и з наймитами» сожгли ее усадьбу. Сведения об использовании наемных рабочих рук в хозяйствах зажиточных и особенно богатых крестьян в дальнейшем встречаются все чаще. Из жалобы шляхтянки Е. Курчевич от 18 августа 1631 г. узнаем, что арендатор ее имения принуждал выходить крестьян на барщину вместе со своими наймитами. Батраков держали также богатые казаки. Зажиточные крестьяне постепенно накопляли значительные по тому времени суммы денег. Из жалобы от 8 апреля 1640 г. крестьян с. Перечинское (Волынь) на теребовльского старосту Г. Балабана видно, что кроме различного имущества староста отобрал у троих крестьян по 140—150 злотых, у двоих — по 160—200, а еще у двоих — по 400 злотых. Такие разбогатевшие крестьяне иногда выкупались на свободу.

Усиление закрепощения крестьян. На протяжении всего периода феодализма, особенно начиная с XV в., неуклонно расширялись права феодалов на землю и крестьян, причем быстрее в той части Украины, которая находилась под властью Польского и Венгерского королевств: в Галичине и Закарпатье уже в начале XVI в. никто из крестьян не имел права перейти в

другое место без разрешения своего пана.

Закрепощение крестьян усиливалось по мере увеличения барщины. Указывая на непосредственную связь между барщиной и крепостничеством, В. И. Ленин подчеркивал: «Основной признак крепостного права тот, что крестьянство (а тогда крестьяне представляли большинство, городское население было крайне слабо развито) считалось прикрепленным к земле,— отсюда произошло и самое понятие — крепостное право. Крестьянин мог работать определенное число дней на себя на том участке, который давал ему помещик; другую часть дней крепостной крестьянин работал на барина» [1].

На протяжении XVI в. в Великом княжестве Литовском были приняты три Литовских статута (1529, 1566 и 1588). Их законодательные нормы были направлены на охрану феодальной собственности, прежде всего земельной, и определяли сословные права господствующего класса. Все три статута, особенно наиболее подробный последний, зафиксировали правовые основы эксплуатации зависимого крестьянства. Крестьяне в законодательном порядке были лишены права владения землей. Уже Первый статут установил, что землей распоряжается лишь феодал. Второй статут предоставил магнатам и шляхте право свободно распоряжаться своими землями и подданными крестьянами. Согласно Третьему статуту, действовавшему в Литве, Белоруссии и на Украине, за крестьянами сохранялось только право владения движимым имуществом, необходимым для выполнения повинностей с земельных наделов, находившихся в их пользовании. Наиболее важным в Третьем Литовском статуте явилось юридическое оформление крепостничества в Литве и Белоруссии, а также на украинских землях, входивших в состав Речи Посполитой.

Шляхта настойчиво стремилась ограничить выход тех «похожих» крестьян, которые «сидели» на слободах на льготных условиях. «Засидев волю», т. е. прожив на слободе определенный соглашением срок, крестьянин обязан был отработать пану за пользование землей и предоставленные ему льготы (также за «запоможенье» — хлеб, скот и т. п.) или уплатить по 6 грошей за каждую неделю «засидения воли». Если же крестьянин бежал, не выполнив условий соглашения, то, возвращенный пану, превращался в «отчича» — крепостного. Если же беглого принимал к себе другой пан, то он должен был уплатить предыдущему за «засидение воли» принятого им беглеца. В том случае, если такой «человек волный» снова убегал к третьему пану, то последний обязан был уплатить предыдущему за беглеца «головщизну», как за «отчича»,— 10 коп грошей и по 6 грошей за каждую неделю. проведенную крестьянином-беглецом на воле.

Крестьяне совершали побеги, надеясь облегчить свое положение, однако и у нового пана они вынуждены были принять на себя то же бремя, что и на прежнем месте, и с такой же плачевной перспективой превратиться в случае возврата к прежнему пану в крепостного.

Безрадостным было будущее и у тех «похожих» крестьян, которые оставались в имении полностью отрабатывать «засидение воли». Согласно Литовскому статуту 1588 г., «человек похожий вольный», осевший на земле феодала и не взявший у него «запоможенье», но проживший на новом месте 10 лет мог, если бы захотел, уйти, откупившись 10 копами грошей. Такую большую сумму редко кто мог собрать. При неуплате ее «вольный человек» превращался в

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 75—76.

Третий Литовский статут. Титульная страница. 1588 г.

в «отчича» на основе так называемой 10-летней давности, а если он вносил указанную сумму и переходил в имение другого пана, то через 10 лет опять должен был откупаться.

Литовский статут 1588 г. распространил артикул об обязательном возвращении и на тех «вольных похожих», которые не причинили своему владельцу никакого вреда.

Срок розыска и возвращения беглых все время увеличивался. Если Статут 1529 г. установил 10-летний срок возвращения, то следующий Статут 1566 г. оставлял его в силе только в том случае, если беглеца обнаруживали недалеко от имения, откуда он бежал; в случае, если крестьянин бежал на расстояние «в колькодесять миль», то пан мог его разыскивать неограниченное время. Статут 1588 г. увеличил срок розыска бежавших недалеко до 20 лет.

Закон предусматривал строгие наказания для тех, кто помогал крестьянину бежать. Уличенный в этом «маеть быти каран яко злодей», а бежавшая «челядь маеть быти вернена тому, чия была», с уплатой владельцу за каждую неделю отсутствия по 6 грошей. Каждый имел право ловить беглеца и передавать его местным властям.

Примерно с 60-х годов XVI в. бегство в города в Великом княжестве Литовском в отличие от многих западноевропейских городов не делало крестянина свободным: статуты 1566 и 1588 гг. обязывали городские органы власти возвращать беглых владельцам-феодалам.

Одновременно с закрепощением разных групп крестьян изживало себя рабство. Это обусловливалось тем, что труд крепостного был несравненно производительнее труда раба. Если Статут 1529 г. называет четыре источника рабства: происхождение от невольников, плен, замена рабством смертной казни за преступление, брак с невольником, то Статут 1588 г. предусматривал только один источник — плен.

Сокращался срок закупничества за долги, а размер годового отработка увеличивался. Согласно Статуту 1529 г., закупной мужчина должен был отработать полученную от кредитора сумму (если при вступлении в закупничество не было иных условий) из расчета «пятнадцать грошей за лето», а женщина — 10; по Статуту 1566 г.— соответственно 50 и 30, а по Статуту 1588 г.— 100 и 60 грошей.

Вместе с тем все статуты считали свободной ту челядь, которую владелец имения выгнал во время голода. Такое же положение в отношении

дворовых людей определялось феодальным правом в Русском государстве.

К середине XVII в. непрерывный процесс закрепощения привел к тому, что свободных крестьян осталось очень мало. Почти стерлись отличия в правовом положении разных групп крестьянства, основные гражданские права которых все более урезались. Изменялось и название крестьян на «люди», «мужи», «селяне» и т. п. Им запрещалось выступать свидетелями в судебных тяжбах шляхтичей. Пан имел над крестьянином «вечное право»: он мог передать его по наследству, подарить или продать. Владелец получил право судить и карать своего крестьянина, вплоть до лишения жизни.

За убийство крестьянина закон устанавливал лишь уплату владельцу убитого «головщизны», которая равнялась стоимости выполняемых крестьянином повинностей.

Хотя шляхетское право и предполагало наказание для шляхтича за издевательство над крестьянином, но сопровождало подачу иска такими условиями и формальностями, что добиться его удовлетворения было практически невозможно. Так, крестьянин мог привлечь к ответу шляхтича только тогда, когда тот был уличен в преступлении и потерпевший вместе с шестью свидетелями «віри годными и неподойзренными» принимал присягу. В числе свидетелей обязательно должны были быть два шляхтича. Фактически крестьянина лишили возможности не только добиться наказания пана, но даже жаловаться на него. В конце концов крестьянам вовсе было запрещено жаловаться на своих притеспителей.

Рассказывая о бесправии и чрезвычайно тяжелых бытовых условиях крестьян в Польше, папский нунций Руджиери в своем «Описании Польши» (середина XVI в.), предназначенном для Ватикана, отмечал, что паны «имеют над ними (крестьянами.— *Ред.*) право жизни и смерти... часто приказывают их ни за что беспощадно мучить, иногда даже вешают их, и хотя без какой-либо причины убивают... свободны от всякого наказания». «Во время самой тяжелой зимы,— пишет Руджиери,— можно видеть женщин босых и плохо одетых, идущих по снегу». Руджиери делает вывод: «Во всем мире нет раба более несчастного, чем польский кмет». Подобные свидетельства оставили и другие современники, а польский писатель Криштоф Опалинский (1609—1655) писал: «Бог ни за что другое не будет так наказывать Польшу, как за угнетение крепостных».

На феодально зависимых крестьян украинских земель, входивших в состав Русского государства (Черниго-во-Северщина и Слобожанщина), распространялось русское право. Его законы были направлены на временное, а затем и бессрочное запрещение выхода крестьян из имений своих господ. Судебник 1497 г. резко ограничил выход крестьян. В 80—90-х годах XVI в. крестьянские выходы были полностью запрещены. Указ 1597 г. утвердил это запрещение и установил пятилетний срок розыска беглых крепостных («урочные лета»). Однако большинство крестьян Слобожанщины, куда устремлялся поток беглых с Украины и из России, жили на «слободах». Слобожане были лично свободными и выполняли сравнительно незначительные повинности, в основном сторожевую и частично ямскую. Русское правительство, заинтересованное в быстрейшем заселении и освоении Слобожанщины, проводило здесь менее жесткую политику закрепощения крестьян.

На Чернигово-Северщине после захвата ее в 1618 г. польскими феодалами, как и на остальных украинских землях, входивших в состав Польского королевства, также был установлен

жесточайший феодально-крепостнический гнет.

На большинство феодально зависимых крестьян Северной Буковины, а также некоторых горных районов Галичины, Закарпатья и частично Западной Подолии, как и на многочисленных беглых крестьян из Молдавии и Валахии распространялось волошское (молдавское) право. Согласно этому праву, крестьяне, оставаясь лишь временно лично свободными, выполняли в основном натуральные феодальные повинности, которые постоянно увеличивались. В первой половине XVII в., особенно во второй его четверти, феодалы использовали волошское право для полного закрепощения феодально зависимых крестьян. «Уложением Василия Лупу» 1646 г. в Молдавском княжестве, в том числе и в Северной Буковине, крепостное право было оформлено законодательно.

Большинство крестьян Закарпатья, входившего в состав Венгерского королевства, было закрепощено еще после крестьянской войны 1514 г. Однако ряд позднейших законов (1530, 1536, 1547, 1550, 1556, 1596) давал некоторые возможности для перехода крестьян. Закон 1608 г., передав решение вопроса о выходе крестьян на усмотрение комитатских собраний феодалов, фактически узаконил их власть над феодально зависимыми крестьянами. Крестьяне всего Венгерского королевства, в том числе Закарпатья, были превращены в бесправных крепостных, вынужденных отбывать барщину и другие феодальные повинности.

Таким образом, к середине XVII в. подавляющее большинство крестьян Украины, начиная с Закарпатья и кончая Чернигово-Северщиной, было превращено в крепостных. Бесправное, закрепощенное крестьянство не могло и не желало мириться со своим тяжелым положением и решительно боролось против угнетателей. В антифеодальных и освободительных движениях крестьянство составляло основную массу борцов, именно оно являлось движущей силой этой борьбы.

2. ГОРОДА. ПОЛОЖЕНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Рост городов. Углубление общественного разделения труда во второй половине XVI—первой половине XVII в. способствовало появлению на Украине новых городов. В это время в восточной ее части возникли города Конотоп, Фастов, Лысянка, Шаргород, Кременчуг, Гадяч, Миргород, Яготин, Староконстантинов, Умань, Гайсин, Ирклеев, Борисполь, Кролевец, Борзна, а также десятки других городов и сотни местечек. Так, в Волынском воеводстве в середине XVI в. насчитывалось 68, а в 1629 г.— уже 114 городов. Государство и отдельные феодалы получали с городов значительные доходы (сборы с ремесленников и торговцев, плата за проезд через город, за место на рынке и т. п.). Как видно из описей XVII в., даже некоторые местечки стали приносить их собственникам в пять—десять раз больше доходов, чем села, на месте которых они возникли. В городах и местечках сбывались сельскохозяйственные продукты, привозимые из окрестных сел, а это повышало доходы и от сел, расположенных вблизи городов.

Одновременно с новыми росли старые города и местечки. Например, в Каневе за 1552—1622 гг. количество домов увеличилось почти в 7 раз (с 226 до 1644), в Черкассах — в 4,5 раза (с 257 до 1120), в Киеве — в 3,6 раза (с 487 до 1750). В 30—40-х го-

дах XVII в. особенно интенсивно разрастались местечки на Киевщине. Так, лишь за десятилетие (1630—1640) местечко Котельня выросло более чем в 9 раз (с 70 до 633 домов), Васильков — более чем в 8 раз (с 60 до 500), Лубны — более чем в 6 раз (с 153 до 882). Усиленное развитие городов и местечек Поднепровья и Левобережья Украины объясняется тем, что здесь колониальный режим шляхетской Польши проявлялся в меньшей степени, чем на других землях, особенно западноукраинских. Поэтому сюда направлялся основной поток переселенцев из числа беглых крестьян и выходцев из городских низов тех районов Украины, где феодально-крепостнический гнет и национально-религиозные притеснения населения были сильнее.

В 40-х годах XVII в. на Украине насчитывалось уже около тысячи городов и местечек. Население некоторых из них — Каменца-Подольского, Умани, Белой Церкви, Острога и др.— Составляло около 10 тыс. человек, а Киева и Львова — свыше 20 тыс.

Категории городов. Юридики. Принадлежавшие государству города (королевские) являлись административными центрами и чаще всего управлялись на основе магдебургского права. Однако большинство городов принадлежало феодалам, в том числе и церкви (как католической, так и православной). Например, в первой половине XVII в. в Киевском воеводстве из 206 городов королевских было 46, частновладельческих — 150, церковных — 10; в Браславском воеводстве из 117 городов королевских было 6, частновладельческих — 111; в Подольском воеводстве из 37 городов королевских насчитывалось 7, панских — 28, церковных — 2. В общей сложности на Украине свыше 80% городов составляли частную собственность, некоторые из них также пользовались магдебургским правом. Отдельные магнаты владели многими городами. Конецпольскому, например, лишь на Брацлавщине принадлежало 170 городов и местечек, Острожскому — 80 и т. д.

Развитие городов, однако, тормозилось всей социально-экономической и политической системой шляхетской Польши. В частности, мешали их развитию так называемые юридики — земельные владения светских и духовных феодалов на территории королевских городов, которые не подчинялись городским судам и администрации. В юридики иногда входили целые кварталы с ремесленным и торговым населением. Возникали они на основе привилеев, выданных феодалам королем. Собственники юридик взимали с живущих там ремесленников и мелких торговцев различные сборы, принуждали их отбывать повинности. Кое-где юридики достигали значительных размеров и давали огромные доходы. Так, в 1629 г. в Кременце в пользу магистрата шла $^1/_3$ подымного налога с 1224 жилых домов, а десятерым собственникам юридик— $^2/_3$. Во Львове в первой половине XVII в. на шляхетских и церковных юридиках находилось около 600 домов с населением свыше 4,5 тыс. человек. Юридики существовали также в Луцке, Виннице, Самборе, Рогатине и других городах.

Хозяйственная деятельность в пределах юридик, не подлежавших компетенции городских властей, подрывала экономику городов. Существование их представляло собой прямое вмешательство феодалов в жизнь королевских городов.

Ремесло и торговля. Одним из показателей уровня развития промышленности в средневековом городе было количество ремесленников в нем и их специализация. Численность ремесленников во многих городах Украины достигала нескольких сотен. По дале-

ко не полным данным, в Киеве в 1571 г. только цеховых ремесленников насчитывалось более 70, во Львове в начале XVII в. их было более 500. С развитием ремесленного производства количество ремесленников в городах увеличивалось, составляя в некоторых из них до трети населения.

Рост городского населения вызвал увеличение числа ремесленников таких профессий, как пекари, мясники, скотобои (резники), пивовары, медовары, винокуры, солодовники, маслобойщики, мельники и др. В то же время отдельные отрасли ремесленного производства делились на ряд самостоятельных ремесел, т. е. среди ремесленников происходила узкая производственная специализация. Так, в результате дифференциации и специализации в кожевенном производстве возникли такие специальности: кожевенники (белокожники, краснокожники), кордыбанники (чернокожники, выделывавшие козьи шкуры), шорники, ременники, скорняки, меховщики, нагаечники, поясники, хомутники, рукавичники, сапожники (простые и сафьянники), шапочники, седельники, пуговичники, ольстерники (изготовляли футляры для пистолетов) и др.

Специализация ремесленного производства обусловила повышение качества изделий, появление мастеров высокой квалификации, в совершенстве владевших своей профессией.

В целом в первой половине XVII в. в украинских городах известны ремесленники до 300 различных специальностей. Во Львове, например, работали ремесленники 133 специальностей, в Перемышле — 84, Ярославе — 74, Самборе — 56, Галиче — 31, Бережанах — 26, Теребовле — 25, Коломые — 20, Сатанове — 15, Снятине — 15 специальностей.

С развитием ремесла увеличивалось количество цехов. Так, во Львове в 1579 г. было 20 цехов, а к середине XVII в. их стало более 30. Однако количество цеховых ремесленников было ограничено. В середине XVII в. в цехи Львова входило от 4 человек

Львов. *Гравюра Ф. Гогенберга по рисунку А. Пассаротти.* 1618 г.

Замковая гора со стороны Подола (Киев). *Фрагмент рисунка А. ван Вестерфельда.* 1651 г.

(цехи часовщиков и жестянщиков) до 50 (ткацкий и портняжный цехи), в Белой Церкви — от 9 (рыбацкий цех) до 63 (сапожный цех). Значительная, а иногда и большая часть ремесленников оставались вне цеховой организации. Количество таких ремесленников («партачей») постоянно увеличивалось в связи с притоком в города сельского населения.

Развитие ремесленного и сельскохозяйственного производства способствовало росту торговли, увеличению числа торговцев разных категорий и их капиталов. В 40-х годах XVII в. купцы г. Броды И. Машицкий, П. Коцельский, С. Семевич, А. Эмирович продавали, например, пшеницу целыми баржами, анис — сотнями пудов, вели торговые операции на десятки тысяч злотых. В 1642 г. бродский купец Аслан закупил только у одного из краковских купцов товаров на 18 300 злотых. Купец Н. Седмирецкий из Львова (первая половина XVII в.) вел торговлю драгоценностями. Его торговые операции в течение года достигали, по некоторым данным, миллиона злотых. Луцкий купец С. Солтан (первая четверть XVII в.) также владел солидным торговым капиталом, имел собственные торговые помещения, где хранилось много товаров, в том числе серебряные и золотые вещи. Львовский купец М. Гайдер специализировался на купле и продаже сукна, поддерживал тесные связи с купцами многих городов. Богатые купцы имели специальных торговых агентов — факторов и других помощников, выполнявших различные поручения.

В городах и местечках Украины сложилась разветвленная сеть ярмарок и торгов. Последние, как правило, были однодневными и проводились один-два раза в неделю в определенные дни, ярмарки — несколько раз в году и длились одну, зачастую две и больше недель. К примеру, во

Львове, Чернигове, Житомире, Бродах ярмарки продолжались две, Ярославе — четыре, Жолкве — шесть недель.

С развитием ремесла и торговли сельское хозяйство в городах начало терять свое прежнее значение. Лишь в небольших городах и местечках ремесленники еще не порвали с ним. В налоговых реестрах за 1570 г. указано, что в Ковеле собран налог с 77,5 ланов, в Теребовле — с 22, в Снятине — с 13, в Коцюбинцах — с 11 ланов и т. д. Ремесленникам, проживавшим в местечках и занимавшимся сельским хозяйством, барщина заменялась чиншем либо денежным налогом согласно статусу города.

Социальный и национальный состав городского населения. Развитие ремесла, промыслов и торговли вело к углублению социальной дифференциации городского населения. Жители городов, как и прежде, делились на городскую аристократию — патрициат, бюргерство — цеховых мастеров и торговцев средней категории (в нее входили все зажиточные горожане, не принадлежавшие к городской аристократии) и эксплуатируемую и бесправную городскую бедноту — плебс.

Патрициат, к которому относились семьи польских и украинских богачей, а также разбогатевшие семьи немецкой, армянской и других национальностей, заправлял всей городской жизнью. Так, в 1576 г. ремесленники львовских цехов, сетуя на произвол городской аристократии, писали в своей жалобе королю: «Одна... семья управляет городом... Бурмистром является Вольф Шольц, один сын его держит верховную власть войтовства, другие сыновья... являются лавниками (членами лавы.— *Ред.*), зятья — райцами (членами рады. — *Ред.*)». Стремясь упрочить свое привилегированное положение, патрициат поддерживал режим, установленный шляхетской Польшей.

В оппозиции к патрициату находилось бюргерство. Городская аристократия стремилась не допускать представителей бюргерства к должностям в магистрате и ограничивала в своих корыстных целях его хозяйственную деятельность. Бюргерство, недовольное засилием патрициата, требовало

Знаки львовских цехов. XVI — начало XVII в.

ограничения сферы его влияния и расширения своих прав. Однако эта умеренная прослойка горожан выступала лишь против тех крайностей феодального режима, которые затрагивали ее интересы.

С развитием городов численно возрастал плебс — обедневшие цеховые мастера, подмастерья, ученики мастеров, «партачи» и другие эксплуатируемые и ограниченные в правах (либо совсем бесправные) категории городского населения, составлявшие его основную массу. Городская беднота была той радикальной силой, которая решительно выступала против социального угнетения, боролась как против хозяев-мастеров, так и против притеснений со стороны патрициата.

Колокол из г. Ровно. XVI в.

Значительную часть городского населения составляли казаки и личный состав гарнизонов, особенно на Поднепровье и Брацлавщине, где городские поселения являлись не только ремесленно-торговым и административными центрами, но и оборонительными пунктами. Согласно люстрации 1616 г., в Каневе, Черкассах, Чигирине, Корсуни, Белой Церкви, Переяславе, Богуславе, Ирклееве, Стеблеве, Голтве, Крапивне, Данилове, Боровице число «непослушных» (казацких) дворов составляло от 50 до 80%. Количество «непослушных» дворов постоянно увеличивалось. Так, из материалов ревизии Киевского и Брацлавского воеводств 1632 г. видно, что в Черкассах, Ирклееве, Яготине, Крылове, Крапивне, Боровице такие дворы составляли уже около 82,3% их общего числа. Количество казаков-горожан особенно заметно увеличивалось во время крестьянско-казацких восстаний конца XVI — первой половины XVII в.

Городовые казаки, занимаясь ремеслом, промыслами и торговлей, являлись крупной производительной силой в городах. Они играли важную роль и в общественно-политической жизни городов. В некоторых «городах и местечках, — указывалось в королевской инструкции для сеймиков 1625 г.,—все управление, вся власть— у казаков, они присваивают юрисдикцию, устанавливают законы».

Зажиточной казацкой верхушке противостояла масса казаков — мелких ремесленников, земледельцев, а также казацкой бедноты, прежде всего батраков.

Привилегированное положение в городах Украины занимали шляхта и духовенство, составлявшие довольно значительную часть их населения. Большинство шляхты проживало в королевских городах. Например, в начале XVII в. лишь в Галицком предместье Львова шляхте принадлежало 73 дома, что составляло 7,7% общего количества имевшихся там домов; в центральной части Перемышля в 1629 г. шляхта занимала 39 домов, что составляло 14,5% общего количества домов; в Белой Церкви она владела 29 из 268 домов горожан (без казаков), или более 10%. Шляхта в городах занималась торговлей и другими видами предпринимательства.

Печать с изображением купца. Стрый. XVII в.

Духовенство всячески поддерживалось королевской и городской администрацией. Оно пользовалось значительным влиянием. Так, во Львове было три епископства: католическое, православное и армянское. В середине XVII в. здесь имелось 19 монастырей (13 мужских и 6 женских), 30 костелов, 15 православных и 3 армянских храма, 3 синагоги. В каждом монастыре было от 12 до 50 монахов или монахинь. Во Львове только в упомянутом Галицком предместье в 1636 г. духовенству принадлежал 81 жилой дом, что составляло 8,4% их общего количества. Примерно в это же время (1633) в Перемышле духовенство занимало 78 домов, или 10,4% имевшихся в городе. Духовенство, как и шляхта, занималось торговлей, ростовщичеством и т. п.

Городское духовенство всех вероисповеданий, будучи защитником идеологии феодального общества, играло реакционную роль. Основная масса духовенства, за исключением низшего православного, поддерживала режим, установленный на украинских землях шляхетской Польшей.

Пеструю картину представляло городское население и по национальному составу. Кроме украинцев, составлявших большинство населения, в городах проживали также русские, белорусы, поляки, молдаване, литовцы, армяне, немцы, евреи, болгары, венгры, сербы, греки, турки, татары и др. Зажиточные горожане из числа некоренного населения занимались торговлей, арендовали промыслы, усадьбы, сбор пошлин. Низшие слои некоренного населения занимались ремеслом, работали на промыслах, своим трудом способствовали развитию экономики украинских городов. В условиях польской феодальной экспансии на украинские земли, особенно усилившейся после Люблинской унии 1569 г., неукраинское городское население возрастало особенно быстро.

В западноукраинских городах в первой половине XVII в. некоренное население составляло уже около 30% горожан, а во Львове и Самборе даже больше. Польская, немецкая и ополяченная украинская городская верхушка была той прослойкой, на которую опиралась Речь Посполитая в своей политике разжигания национальной вражды среди городского населения. В целом роль иностранной верхушки в украинских городах можно с определенной оговоркой сравнить с ролью, которую сыграло в свое время немецкое бюргерство в польских городах. По этому поводу Ф. Энгельс писал: «...немцы помешали созданию... польских городов с польской буржуазией. Своим особым языком, своей отчужденностью от польского населения, тысячей своих различных привилегий и городовых положений они затруднили осуществление централизации, этого могущественнейшего политического средства быстрого развития всякой страны. Почти у каждого города было свое особое право; больше того, в городах со смешанным населением существовало... различное право для немцев, для поляков и для евреев»[1].

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 5, с. 338.

Таким образом, увеличение удельного веса неукраинского, прежде всего польского и немецкого, элемента в городах Украины, особенно крупных, явилось прямым результатом политики всемерного ущемления интересов коренного, украинского населения, в первую очередь православного, политики, проводившейся шляхетской Польшей на захваченных украинских землях. При прямой поддержке королевских властей и польских феодалов пришлое население захватывало господствующие позиции в экономике и управлении украинских городов, вытесняя украинцев на второстепенные роли во всех сферах жизни.

Печать цеха купцов г. Львова. XVI в.

Усиление феодального гнета в городах. В первой половине XVII в., как и прежде, те из горожан, которые занимались земледелием, платили чинш, причем размер его все время увеличивался. Если, например, в Калуше в 1549 г. собирали по 20 грошей с дыма, то в 1616 г. — уже по 30. В местечке Подгородье на протяжении первой половины XVII в. денежная рента с лана возросла с 24 до 68 грошей, т. е. увеличилась почти в 3 раза. С горожан взимались самые разнообразные налоги. Люстрация Житомирского староства 1622 г. свидетельствует, что население Житомира по своему хозяйственному положению делилось на три категории: горожане первой категории платили чинш по 2 злотых с хозяйства, второй — по 1 злотому и 12 грошей, третьей — по 1 злотому. Размер денежного чинша зависел также от профессии или рода занятий. Во второй половине XVI в., например, в Коломые портные платили в год по 7 грошей, бондари, скорняки, шорники, слесари, кузнецы, печники — по 8, гончары — по 15; в Староконстантинове ремесленники — по 4 гроша, перекупщики — по 7; в Золочеве ремесленники платили по 8—10 грошей; в Рогатине пекари — по 33 гроша. В Чернигове во второй четверти XVII в. лица, занимавшиеся винокурением, вносили по 1,5 злотых «капщизны» от каждого вида напитков, в Нежине — по 2,5, а население Белой Церкви в 1646 г. внесло «капщизны» в сумме 1000 злотых. Значительными были денежные пошлины — торговая и ярмарочная. Такие поборы, как колядки и свадебная куница, стали также взиматься деньгами.

Помимо платежей деньгами горожане отбывали значительные натуральные повинности. Например, население Межирова (конец XVI в.) ежегодно давало старосте от каждого хозяйства три меры хлеба, пчелиную и свиную десятину и от общины 10 волов. Население Коломыи и Яблунова (первая половина XVII в.) давало своему господину поволовщину, пчелиную десятину, свиную и овечью двадцатину. К этому прибавлялась «хлебная мера» — плата за принудительное пользование господскими мельницами, пивоварнями и солодовнями. В Галичине эта дань часто превышала все натуральные повинности. Сохранялась и стация — натуральная повинность, взимаемая с населения для содержания королевского войска.

Население частновладельческих городов и особенно местечек зачастую отбывало барщину в поле, чистило пруды, сооружало запруды и т. п. Так, жители Будзанова отбывали в начале XVII в. двухдневную барщину с тягловой силой с лана и двухдневную пешую барщину с полулана. Многочисленны были и другие повинности — отработки в форме разных сезонных работ. Например, население Тернополя в середине XVI в. один день в году жало хлеба, один день косило сено; жители Слободища в конце XVI в. день пахали, день жали, день косили; население Каменки-Струмиловой в первой половине XVII в. два дня выходило на ловлю рыбы сетями; в Овруче — один день косило или жало; в Литвине — два дня пахало, два — косило, два — жало. Количество отработочных дней постоянно увеличивалось. Если население Хмельника в 1576 г. отработало два дня барщины, то в 1618 г. — уже шесть.

Тяжелым бременем на плечи горожан ложились повинности и работы, связанные с сооружением и ремонтом замков, их охраной, содержанием гарнизонов и т. п. Например, население Житомира в 1616 г. жаловалось люстраторам на тяготы, которые оно терпит от замковой администрации. Житомирян, в частности, принуждали возить дрова, являться в замок «на работы... с топорами ежедневно», хотя согласно привилеям они должны были работать всего шесть дней в году, да и то только летом.

Исключительно тяжелой была и повинность отдавать в войско «выбранцев» с соответствующим снаряжением. В первой половине XVII в. г. Степань, например, должен был выставить в пехоту 40 человек, Дубно и Чуднов — по 20, Острог, Янушполь, Вольск, Краснополь и Базалия — по 10.

В пользу духовенства с горожан взималась церковная десятина деньгами и различные дани. Так, в конце XVI в. население Николаева (Галичина) отдавало священнику со двора по полмерки ржи и овса и, кроме того, на пасху — по грошу со двора (коморники — полгроша).

Владельцы городов и местечек зачастую отдавали их в аренду и залог, что практически означало — на разграбление и разорение арендаторам и заимодателям.

Большие беды городам, в том числе и тем, которые пользовались магдебургским правом, приносили произвол королевской администрации, бесчинства размещенных в городах солдат, феодальные междоусобицы. Польский писатель и публицист Ш. Старовольский произвол королевской администрации считал «первым большим злом» для Речи Посполитой XVI—XVII вв. Аналогичного мнения придерживался прогрессивный польский историк и общественный деятель XIX в. И. Лелевель. Даже буржуазный историк А. Яблоновский, один из апологетов пресловутой «цивилизаторской миссии» польской шляхты на Украине, вынужден был признать, что украинские города и их население терпели притеснения со стороны старост и других должностных лиц королевской администрации, неограниченная власть которых довлела над городами. О произволе представителей королевской власти на Украине в первой половине XVII в. в летописи Самовидца говорится: «...вимисли надуманные повинности и различные унижения велікие были от старостов» [1].

Киевские ремесленники жаловались на злоупотребления воеводы и других урядников (конец XVI в.): «Повинности и пошлины незвыклые на них вытягуют, до везенья (в тюрьму.— *Ред.*) безвинне сажают и трудности задают» [2]. Власть имущие при-

[1] Літопис Самовидця. К., 1971, с. 46.
[2] Архив ЮЗР. Киев, 1907, ч. 8, т. 5, с. 216.

нуждали ремесленников даром отдавать им свои изделия, выполнять различные тяжелые работы. Картину злоупотреблений королевских и городских урядников по отношению к купцам и торговле вообще раскрывает жалоба населения Львова (июнь 1647 г.): огромные пошлины и «вымогательство... вымышленных повинностей, проволочки и унижение купцов так велико, что они из-за таких притеснений объезжают город за несколько миль, как зачумленный, выставляя свои товары в окрестных шляхетских местечках, а во Львове вся торговля... совершенно упала».

Много бед причиняли городам магнатские междоусобицы, неизменным спутником которых были грабежи населения. Паны «спешили на грабежи, как [осы] на мед». Так, в сентябре 1584 г. шляхтич М. Немирич совершил нападение на местечко Топорище, принадлежавшее шляхтичу Т. Бутовичу, «з многими слугами и помочниками... з гаковницами и з ручницами, и з иншею многою стрелбою и оружем... конно и збройно... кгвалтом... все побрал, попалил», а слуги Немирича в местечке «яко... татары побурили» [1].

О разбое жолнеров Ш. Старовольский с негодованием писал: «Мало того, что из дома бедного горожанина... все жолнер заберет, не оставит и скобы, но еще и издевается над бедным человеком, вкручивая пальцы в курок ружья, сажая босыми ногами на угли... что глаза на лоб лезут, чего над несчастными людьми ни татарин, ни турок во время нападения не делал». Польский буржуазный историк Т. Чарновский (середина XIX в.), рисуя ужасающую картину произвола шляхетских войск на Украине, подчеркивал, что «грабежи, насилие и разбои переходили границы правдоподобного».

[1] Архив ЮЗР. Киев, 1876, ч. 6, с. 1, с. 143—144.

Все эти непосильные налоги, повинности, унижения, грабежи ставили украинские города и их население в очень тяжелые условия.

Национально-религиозное угнетение населения украинских городов. Тяжелый социальный гнет в городах усугублялся национальным. Всяческие притеснения и ограничения городского населения украинской национальности особенно усилились после Брестской церковной унии 1596 г. Национальный гнет тесно переплетался с религиозным. Так, украинским православным горожанам Львова, Дрогобыча, Самбора разрешалось жить только в специально отведенных кварталах, запрещалось покупать и строить дома. Ограничивалась ремесленная деятельность украинского населения городов. Например, в уставе скорняцкого цеха г. Олеско (вторая половина XVI в.) было зафиксировано, что «цехмистром может быть избран [мастер] только римской религии». В ремесленные цехи г. Бережаны брали учениками лишь католиков. Особенно притеснялись украинские православные ремесленники во Львове. В шапочный, шорный, кожевенный, мыловаренный и другие цехи запрещалось принимать на обучение учеников некатоликов. Уставы золотарского, токарного, пекарского цехов и цеха мясников категорически запрещали принимать в них православных ремесленников-украинцев. Им чинились препятствия при вступлении даже в те цехи, в которых украинцы были с давних времен. Подобные ограничения имели место в Городке, Ярославе, Перемышле, Старой Соли. В своих жалобах украинское население Львова не раз заявляло, что во многих цехах уже «перевелся русский (украинский.— *Ред.*) народ». Власти Перемышля в 1625 г. запретили членам цехов даже говорить на украинском языке.

Королевская администрация и городские власти Львова и других западноукраинских городов не допускали или ограничивали украинцев в занятии торговлей, их облагали многими дополнительными налогами, взимали большие штрафы, закрывали лавки.

Повсеместно украинское православное население городов отстранялось от участия в городском самоуправлении или всячески ограничивалась его роль в этом органе. С украинского населения Киева, Львова, Чернигова, Теребовли, Острога, Заслава и других городов взимали различные сборы в пользу городской администрации, католического и униатского духовенства.

Украинцы, жившие во Львове, в 1609 г. жаловались сейму на национальное угнетение: «Утяжени естесмо мы, народ русский (украинцы.— *Ред.*), от народа полского (польско-шляхетской верхушки.— *Ред.*) ярмом над египскую неволю, же наслеч без меча, але горей неж мечем с потомств выгубляют заборонивши нам пожиток и ремесл обходов вшеляких, чим бы толко человек жив быти могл, того не волен русин на прирожоной земли своей руской уживати в том то руском Львове» [1]. О дискриминации украинского населения Львова свидетельствует и документ 1630 г., в котором сказано: «Кто придерживается греческой веры и не перешел в унию, тот не может проживать в городе, мерять локтем и квартой и быть принятым в цех». Аналогичная ситуация сложилась и в других городах Украины.

Дискриминации по национально-религиозному признаку подвергалось население, прежде всего трудовое, и других национальностей, проживавших в украинских городах. Так, во Львове, Теребовле, Бродах, Тернополе армяне и евреи могли жить только на специально отведенных участках. Армянские, еврейские, болгарские ремесленники в цехи не принимались. Только после длительной борьбы в 1600 г. несколько армянских ремесленников Львова получили право вступить в цехи. Они могли стать и мастерами, но не более двух — в сапожном, портняжном и скорняцком цехах, одного — в художественном. Кроме того, армянским мастерам категорически запрещалось брать в обучение некатоликов. Армяне, евреи, молдаване, болгары и другие купцы-некатолики ограничивались в занятиях торговлей. Как и украинское православное население, горожане-некатолики других национальностей не допускались к участию в городском самоуправлении (за исключением армян Каменца-Подольского, Снятина и Язловца, где они имели свои магистраты), облагались дополнительными повинностями.

Национально-религиозный гнет тяжелым бременем ложился на трудовое население украинских городов.

Таким образом, углубление общественного разделения труда и развитие экономики на украинских землях во второй половине XVI — первой половине XVII в. способствовали появлению новых и росту старых городов и местечек — центров ремесла и торговли. С дальнейшим развитием экономики усиливалась социальная дифференциация городского населения, возрастал социальный и национальный гнет низших слоев городского населения, составлявших его основную массу. Большим препятствием на пути экономического и политического развития украинских городов и местечек был социальный и общественно-политический строй шляхетской Польши, в особенно уродливых формах проявлявшийся на захваченных украинских землях.

[1] Історія України в документах і матеріалах. К., 1941, т. 3, с. 54.

3. РЕМЕСЛО И ПРОМЫСЛЫ

Городские ремесла и промыслы. Во второй половине XVI — первой половине XVII в. значительно быстрее, чем в предыдущий период, происходил процесс отделения ремесла от сельского хозяйства и сосредоточения его в городах.

В городском ремесле начали намечаться новые явления, в первую очередь непрерывный и все более интенсивный рост количества внецеховых ремесленников — «партачей», в большинстве своем выходцев из села. Во Львове в первой половине XVII в. они составляли уже свыше 40% ремесленников.

В украинских городах возникали все новые ремесленные цехи. О причинах образования цехов К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Необходимость объединения против объединенного разбойничьего дворянства, потребность в общих рыночных помещениях в период, когда промышленник был одновременно и купцом, рост конкуренции со стороны беглых крепостных, которые стекались в расцветавшие тогда города, феодальная структура всей страны — все это породило *цехи*...» [1].

Цеховые ремесленники, сосредоточив в своих руках не только производство, но и сбыт готовых изделий, усматривали в «партачах» опасных конкурентов и не допускали их в свои организации. Они всячески препятствовали деятельности «партачей»: нападали на их мастерские, захватывали произведенную ими продукцию, изгоняли из городов и т. п.

Подвергаясь постоянным преследованиям, внецеховые ремесленники вынуждены были обращаться к посредничеству скупщиков-купцов, хорошо знакомых с рынком и его нуждами. Скупщики постепенно отдаляли ремесленников-«партачей» от рынка готовых изделий, а затем и от рынка необходимого им сырья и таким образом подчиняли их себе.

Однако противодействие цехов «партачам» не имело того успеха, на который они рассчитывали, так как последних поддерживала, исходя из своих интересов, шляхта, а иногда и представители городских властей. Например, из жалобы львовского цеха золотарей (март 1598 г.) известно, что некоторые шляхтичи давали пристанище в своих домах «бродячим ремесленникам-золотарям». В другом случае (май 1610 г.) львовский городской чиновник в связи с жалобой пекарского и резницкого цехов признал, что ремесленники-«партачи» «занимаются пекарством и резничеством на шляхетских дворах» во вред львовским цехам. Даже королевские старосты пользовались услугами «партачей». Так, в 1599 г. львовский староста вместо двух ремесленников, которых ему разрешалось иметь на юридике, держал их свыше 100, а в 1638 г. вместо разрешенных шести — 150. В своих интересах действовали и многие представители зажиточной цеховой верхушки. Нередки были случаи, когда богатые мастера, игнорируя цеховые уставы, произвольно увеличивали в своих мастерских количество подмастерьев и учеников. Так, львовский портной Я. Соколовский (первая половина XVII в.), имевший право держать троих подмастерьев и одного ученика, пользовался трудом десяти подмастерьев и нескольких учеников.

С ростом количества ремесленников-«партачей» цехи вынуждены были все больше считаться с ними. Так, портняжный цех г. Тернополя во второй четверти XVII в. разрешил портным-«партачам» заниматься ремеслом при условии уплаты ими в цеховую кассу 8 злотых с каждого мастера ежегодно. А внецеховые луцкие портные и кожевенники в середине

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 23.

XVI в. по соглашению с портняжным цехом должны были платить городской администрации пять коп литовских грошей ежегодно с «партача».

С ростом численности городского населения, особенно той его части, которая порвала с сельским хозяйством, увеличивалось количество ремесленных специальностей и ремесленников, удовлетворявших всевозраставший спрос на хлеб, мясо, рыбу и другие продукты. Особенно быстро возрастало число ремесленников, занятых производством хлебных изделий («перепечайники»), мясных и рыбных продуктов, а также алкогольных напитков (винники, пивовары, гуральники, ситники, медовары). Сведения только о цеховых мастерах свидетельствуют, что в Рогатине в 1589 г. было 50 пекарей, Каменце-Подольском в 1570 г.— 63, Коломые в 1572 г.— 96, в Галиче и Теребовле в 1570 г. работало по 10 мясников, в Яворе в 1627 г.— 16 резников, в Перемышле в 1635 г.— 13 мясников и 11 пекарей, в Белой Церкви в 1641 г.— 22 мясника и 15 пекарей. Увеличение количества городских ремесленников, обрабатывавших продукты сельского хозяйства, свидетельствовало не только о значительном росте городского населения за счет пришлого элемента, в первую очередь беглых крестьян, но и о росте удельного веса городских жителей, порвавших с сельским хозяйством. Согласно грамоте короля Яна Казимира 1560 г., мещане города Киева, занимавшиеся ремеслами, освобождались от лановой и дорожной («шоссовой») податей, поскольку они «никаких земель и хлебопашества и хуторов не имели».

Частые войны, постоянные татаро-турецкие нападения вызывали необ-

Ключи XIV—XVI вв.

ходимость увеличения производства оружия и боеприпасов. В XVI — первой половине XVII в. получил распространение ряд ремесленных специальностей, связанных с производством огнестрельного оружия: пушкари, или гармаши, оружейники, лучники и пр. Возрастало и изготовление пороха. «Зеленые дворы» — предприятия по его производству — имелись, в частности, в Чернигове, Новгороде-Северском и Путивле. Производство его заметно увеличилось во время Ливонской войны, когда в русской армии резко возросла потребность в порохе. Вместе с русскими пороховых дел мастерами («зелейниками») порох для русской армии производили и украинские мастера.

Наряду с цеховым и внецеховым ремеслом в городах и предместьях развивались промыслы, принадлежавшие шляхте, монастырям, государству, отдельным богатым горожанам. В частности, в предместьях и сельских окрестностях в первой половине XVII в. действовало около 30 мельниц. В начале XVII в. во Львове работало до десяти предприятий по производству кирпича. Только на одном из них за шесть месяцев (за рабочий сезон) было выжжено 173,2 тыс. кирпичей. Несколько кирпичных предприятий действовало и в Киеве. Особенно увеличилось производство кирпича в городе с 30-х годов XVII в., когда началось восстановление знаменитых памятников архитектуры (Софийский и Успенский соборы, Кирилловская церковь, Спас на Берестове и др.).

Городские промыслы в первой половине XVII в. претерпели определенные изменения: в них происходила производственная специализация, т. е. возникало мануфактурное производство. Так, на крупных кирпичных предприятиях одни работники заготовляли сырье (глинокопы) и топливо, другие — месили глину,

Замок дверной с ключами. XVI в.

третьи — формовали, четвертые — выжигали кирпич и т. д.

На отдельных предприятиях все чаще применялись простейшие машины. «Мануфактурный период, — писал К. Маркс, — ...спорадически развивает также употребление машин, особенно при некоторых простых подготовительных процессах, требующих большого количества людей и большой затраты силы. Так, например, в бумажной мануфактуре скоро стали сооружать особые мельницы для перемалывания тряпок, а в металлургии — толчеи для дробления руды» [1]. Так, водяные колеса в конце XVI — первой половине XVII в. применялись в бумагоделательном производстве в с. Брюховичи под Львовом, в суконном — в Слободище, Бердичеве, Кодне, Черткове, Белой Церкви и других местах. На таких предприятиях вначале могло и не существовать разделения труда, но оно обязательно появлялось при увеличении объема производства и количества работающих. Так, на литейных предприятиях, где производились пушки и крупные колокола (Киев, Львов, Черкассы, Остер, Белая Церковь, Чернигов, Новгород-Северский, Ужг-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 360—361.

город и др.) уже существовало четкое разделение труда. При этом большинство мастеров составляли наемные люди.

Появление мануфактуры привело к значительному повышению производительности труда. Однако удельный вес новых мануфактурных производств в экономике страны, скованной феодальным укладом, был еще незначительным. Средневековые формы производства продолжали господствовать.

С развитием торговли все интенсивнее развивался извозный промысел на суше и речные перевозки. В Киеве, который был не только крупнейшим ремесленным, но и торговым центром, где сходились многие сухопутные и водные пути, местные ремесленники строили большие для того времени речные торговые суда — «комяги», а также более мелкие — «човни великі». В 70-х годах XVI в. торговая флотилия в Киеве насчитывала 20 комяг и 9 больших лодок. В 1645 г. перевозки по Днепру в Белоруссию и обратно киевляне осуществляли на 117 байдаках.

В западноукраинские и правобережные города в XVI в., особенно после Люблинской унии, при активной поддержке польского королевского правительства хлынул поток иноземных ремесленников, купцов, ростовщиков и мелких торгашей. Это, как правило, были наиболее реакционные элементы, бежавшие из своих стран во время реформации и стремившиеся разбогатеть на колонизируемых ими восточнославянских землях. Иноземцы безжалостно эксплуатировали коренное трудящееся население. Иностранные мастера вытесняли местных ремесленников. В Луцке, например, иноземцы-ювелиры вынудили местных мастеров свернуть производство: в 1570 г. из семи местных ювелиров остался только один. Подобное происходило и во Владимире-Волынском, Остроге, Кременце, Каменце-Подольском и ряде других городов Правобережья.

На восточных землях Украины (Поднепровье, Левобережье, Слобожанщине), где феодальный гнет был слабее, чем на западных землях, развитие городов, ремесла, промыслов и торговли происходило относительно быстрее. В конце XVI — начале XVII в. в эти районы усилился поток беглых крестьян, здесь собирались наиболее свободолюбивые элементы.

Изразец XVI в.

В ремесленном производстве и на промыслах восточных земель Украины, особенно Поднепровья и Левобережья, работало много русских и белорусов. Например, Киевский замок, согласно описанию 1552 г., строили и ремонтировали белорусские мастера-мозырцы. Русские и белорусские мастера, особенно по обработке дерева, были очень популярны на Украине. Они вносили много своих национальных элементов в украинское зодчество. Ряды пришлых ремесленников постоянно пополнялись русскими беглыми крестьянами и горожанами. Русские и белорусские ремесленники, в отличие от иностранцев в западных и правобережных районах Украины, совместно с украинским

трудовым населением составляли ту силу, которая наиболее активно выступала против феодальной эксплуатации.

В XVI в. и особенно в первой половине XVII в. контакты в различных сферах производства, в первую очередь в ремесле и промыслах, между русскими, украинскими и белорусскими землями все больше развивались. Многие мастера из России и Белоруссии переселялись на Украину, передавали свой опыт местным мастерам. В свою очередь, ремесленники с Украины переезжали в Россию и Белоруссию. Взаимное обогащение производственным опытом, знаниями, навыками способствовало развитию ремесла и промыслов.

Углубление общественного разделения труда во второй половине XVI — первой половине XVII в. обусловило дальнейшее развитие украинских городов как центров сосредоточения ремесла и торговли. На Украине в это время возникло много новых городов и местечек, особенно в восточных и южных, предстепных и степных районах, где довольно интенсивно развернулся процесс народной колонизации. Своим экономическим развитием выделялись Киев, Львов, Каменец-Подольский, Луцк, Чернигов, Черкассы, Миргород и другие города, имевшие не только местное или областное значение, но и общенациональное. Довольно быстро росли города Слобожанщины, входившей в состав Русского государства. Крупным административным и ремесленным центром его южного пограничья стал город Путивль. Важное значение имели Сумы, где развивалось оружейное дело.

Вместе с тем развитие городов, прежде всего на западноукраинских и правобережных землях, тормозилось привилегиями и произволом феодалов: наличием юридик, отдачей городов в аренду и залог, злоупотреблениями администрации, магнатски-

Стулья деревянные. XVI в.

ми раздорами, турецко-татарскими грабежами. К отрицательным последствиям приводил и жестокий национальный и религиозный гнет коренного украинского населения иноземными поработителями, в том числе ограничение украинских мещан в праве вступать в цехи, заниматься торговлей, принимать участие в городском самоуправлении и т. д.

Население украинских городов активно боролось против наступления на их права. Но если зажиточные слои украинского мещанства стремились ликвидировать крайности феодального строя, то городская беднота добивалась полного уничтожения феодально-крепостнического, национального и религиозного гнета. Городские низы не только поддерживали антифеодальные выступления крестьян и казаков, но и были их активными участниками.

Сосуд из с. Потелич Львовской области. XVII в.

Сельские ремесла и промыслы. В рассматриваемый период ремесленное производство еще не полностью отделилось от сельского хозяйства. Как указывал В. И. Ленин, в средние века «патриархальное (натуральное) земледелие соединяется с домашними промыслами (т. е. с обработкой сырья для своего потребления) и с барщинной работой на землевладельца» [1]. В крестьянских хозяйствах, особенно в селах, отдаленных от городов и местечек, продолжалось изготовление изделий, необходимых в хозяйстве и быту. Им занимались прежде всего бедные, экономически слабые крестьяне, лишенные возможности покупать необходимые в хозяйстве предметы, изготовленные городскими или сельскими ремесленниками. К тому же городское ремесло не всегда могло удовлетворить сельский спрос. В первую очередь крестьяне обеспечивали себя одеждой, для изготовления которой у них было сырье (лен, конопля, шерсть). Выделывались полотно, сукно, ряднина, полотенца (рушники), платки, запаски, ковры и т. п. Многие крестьяне вырабатывали для своих нужд гончарные изделия, прежде всего посуду. Сельские жители широко занимались также обработкой дерева, особенно в северных, лесистых местностях. Изготовляли телеги, сани, кадки, корыта, деревянную посуду, сундуки для одежды, столы, лавки и др. Как правило, крестьяне занимались домашними промыслами в зимнее время, когда были свободны от сельскохозяйственных работ.

По мере роста спроса на ремесленные изделия наряду с домашними промыслами в селах одновременно развивалось и сельское ремесло, главным образом те его виды, которые обслуживали повседневные потребности сельского населения: кузнечное, гончарное, кожевенное, сапожное и др. Наиболее характерным признаком средневекового ремесла, прежде всего сельского, было изготовление изделий по заказу потребителей. «В этой форме промышленности, — отмечал В. И. Ленин, — нет еще товарного производства; здесь появляется лишь товарное обращение в том случае, когда ремесленник получает плату деньгами или продает полученную за работу долю продукта, покупая себе сырые материалы и орудия производства» [1].

Однако уже в то время для части сельских жителей ремесла и промыслы стали основным, а не дополнительным к земледелию занятием, и чем дальше, тем больше сельские ремесленники отрывались от сельского хозяйства, превращаясь в мелких товаропроизводителей. Свои изделия они все чаще сбывали не только на

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 378.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 330—331.

сельских торгах, но и на городских рынках.

Происходила также специализация сельского ремесленного производства. На Украине в рассматриваемое время уже встречались села, где насчитывалось по нескольку десятков ремесленников определенной специальности. Так, в с. Дубечное на Волыни в 1565 г. работало 24 гончара, в с. Высокое в Галичине в 30-х годах XVII в. было 35 ткачей.

Среди сельских ремесел ведущее место занимали ткачество, гончарство, обработка дерева. Большое распространение получило кузнечное дело — почти в каждом селе имелись кузницы. Сельские кузнецы ремонтировали и изготовляли сельскохозяйственный инвентарь (в основном железный), а также металлическую домашнюю утварь и различные изделия для хозяйства.

В средние века инструменты и инвентарь не только в сельских, но и в городских кузницах, гончарных, сапожных, скорняжных, кожевенных мастерских и на других мелких предприятиях, как правило, десятилетиями, а то и столетиями оставались почти неизменными. В. И. Ленин подчеркивал, что в то время господствовало «рутинное, отличавшееся вековой неподвижностью и застоем, раздробленное, мелкое, ручное производство» [1].

Сельские ремесла и промыслы на территории Украины, как и в других странах Восточной Европы, в XVI — первой половине XVII в. были распространены очень неравномерно. Наибольшее развитие сельские ремесла получили в Галичине, где плотность населения, а следовательно, и спрос были выше. Так, в середине XVI в. в Галицкой земле насчитывалось, по официальным данным, 239 сельских ремесленников, в Саноцкой — 279, Перемышльской — 980. Значительное количество ремесленников было в селах Волыни. В 1570 г. в Луцком повете работали 134 сельских ремесленника, во Владимирском — 98, Кременецком — 76 и т. д.

Правительству Речи Посполитой, так же, как и феодалам-землевладельцам, был выгоден рост сельского ремесла. В 1557 г. король польский и великий князь литовский Сигизмунд II Август рекомендовал феодалам и управляющим их имений отдавать в обучение ремеслу детей крестьян, особенно многодетных. Это делалось с целью более интенсивной эксплуатации феодально зависимого населения и обеспечения фольварков ремесленными изделиями собственного производства.

Сельских ремесленников, хотя и в меньшей степени, чем феодально зависимых крестьян, эксплуатировало государство, а также светские и духовные феодалы, стремясь превратить их в феодально зависимых людей. Так, сельские ремесленники Волынского воеводства в 1570 г. плати-

Жбан из г. Львова. XVII в.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 549.

ли феодалам оброк (чинш), а государству — налог в размере от 2 до 6 литовских грошей.

Наряду с ремеслами дальнейший шаг в своем развитии сделали сельские промыслы, которые превратились в неотъемлемую часть хозяйства феодальных имений. В фольварках прежде всего развивались промыслы, связанные с переработкой сельскохозяйственной продукции. С ростом производства товарного зерна увеличивалось количество водяных, а в некоторых местах и ветряных мельниц, винокурен, пивоварен, воскобоен и маслобоен. Почти каждое шляхетское имение имело винокурню на один — три котла, пивоварню и медоварню. В первой половине XVII в. уже встречаются винокурни на шесть и более котлов, которые обслуживало до 10 человек. Часть мастеров работала по найму.

Развитие товарно-денежных отношений и постоянный рост спроса способствовали развитию многих видов промыслов. Магнаты и шляхта, стремясь увеличить свои прибыли, основывали промыслы, которые непосредственно не были связаны с сельским хозяйством, в том числе по производству железа (рудни), поташа (буды), селитры (селитроварни), стекла (гуты), выварке соли (солеварни или жупы), выжиганию древесного угля. Основание тех или иных промыслов обусловливалось как природными факторами — наличием сырья, так и сугубо экономическими — возможностями сбыта производимой продукции. Рудни получили распространение в Северной Киевщине, на Черниго-Северщине, Волыни и в некоторых районах Русского воеводства и Подолии. Так, только согласно данным реестра жалоб шляхты в Люблинский трибунал за 1590—1625 гг. в Киевском и Брацлавском воеводствах в это время действовало более 20 руден. В поборных (налоговых) реестрах за 1569 г. зафиксированы десятки руден в Русском воеводстве, в частности в Перемышльской земле — 12, Львовской — 13.

В железоделательном производстве существовало два типа предприятий. Одни основывались на применении только ручного труда, другие были частично механизированы с помощью водяного колеса. На этих рудниях было определенное техническое разделение труда. Они, как правило, имели три отдела: дымарку, где варилось железо, большой молот для обработки крицы и, наконец, кузницу, где изготовлялись железные изделия. Водяное колесо приводило в движение молот и кузнечные меха. Непосредственно на рудне работали наемные работники, которые получали за свой труд натуральную и денежную оплату. Вспомогательные работы (копка руды, выжигание угля, их транспортировка и т. д.) выполнялись зависимыми людьми, отбывавшими феодальную повинность.

Распространенным, часто связанным с фольварками промыслом было производство поташа. Его интенсивное развитие объясняется широким спросом на поташ на внутреннем и особенно на внешнем, западноевропейском рынке. Поташные производства создавались в лесных местностях Украины. В конце XVI — первой четверти XVII в. в Киевском и Брацлавском воеводствах действовало свыше 50 поташных буд. Крупные буды имелись на Уманщине. Производство поташа приносило большую прибыль. Так, один из собственников уманских буд магнат Мартин Калиновский в 1634 г. по контракту с львовским купцом за поставку 100 бочек поташа получил 29 тыс. злотых, четыре года спустя по контракту с гданьским купцом за 100 лаштов поташа — 108 тыс. злотых.

На буде средних размеров работало несколько десятков человек. Среди наемных мастеров были корытники, поташники, бондари, паковаль-

щики, пильщики, фурманы. Они получали денежную плату: поташник за 10 недель работы — 7,5 злотых, бондарь за изготовление бочки — 7,5 грошей и т. д.; выполнявшим вспомогательную работу иногда платили натурой — хлебом, сукном, полотном и др. На варницах работали также и феодально зависимые крестьяне. Стремясь увеличить доходность своих имений, польская, литовская и украинская шляхта расширяла поташное производство.

Удовлетворяя растущий спрос на лес и изделия из него, особенно в Западной Европе, феодалы увеличивали рубку леса и расширяли древодельные промыслы — распиловку колод, изготовление досок, клепки, дранки. Хищническое уничтожение лесов вело к сокращению занятой ими площади и отрицательно сказывалось на сельском хозяйстве, вело к обеднению фауны и флоры.

Значительных размеров достигло производство селитры, которая шла главным образом на изготовление пороха. Одним из крупнейших центров этого важного промысла являлась Левобережная Украина, особенно Миргородщина. В связи с увеличением спроса на селитру на внутреннем и внешнем рынках правительство Речи Посполитой монополизировало ее производство. В августе 1621 г. польский король Сигизмунд III назначил управляющим селитряными варницами «во всей Киевской земле и по всей Украине и в диких полях Белгородских, Очаковских, Путивльских» шляхтича Б. Обалковского. Несмотря на запрещение частным лицам производить селитру, некоторые магнаты и шляхтичи продолжали варить ее на собственных варницах.

С конца XVI в. селитроварение начинает занимать важное место и в экономике Слобожанщины, входившей в состав Русского государства. Селитроварный промысел получил развитие на Запорожье. Известно, что запорожские казаки производили отличный порох. Селитроварни на Запорожье принадлежали казацкой старшине и основывались на применении наемного труда батраков и казацкой голоты.

Одним из важнейших промыслов был соляной. На Украине во второй половине XVI — первой половине XVII в., как и в предыдущие времена, соль добывалась в Прикарпатье, главным образом в районе Коломыи, Дрогобыча, а также в окрестностях Галича и в Закарпатье. Прикарпатская соль удовлетворяла спрос населения не только значительной части Украины, но и вывозилась в Белоруссию, Польшу, Литву.

Государственные соляные промыслы и соляные варницы отдельных феодалов были для своего времени крупными предприятиями. На дрогобычских варницах — жупах, например, работало более 700 человек. Соляные промыслы давали значительные прибыли. Так, согласно ревизии 1565 г., доход государства от варниц Русского воеводства (без Долинской варницы) составлял 31 445 злотых.

На крупных варницах, особенно государственных, существовало разделение труда, широко использовалась наемная квалифицированная рабочая сила («зварычи», лопатники, бондари, кузнецы и др.). Вспомогательные операции выполняли зависимые крестьяне.

В конце XVI в. началась разработка соляных залежей на юге Слободской Украины. Первые соляные промыслы возникли здесь у р. Бахмутки, где позже вырос г. Бахмут. На Слобожанщине, в отличие от западноукраинских земель, соляные и другие промыслы возникали и развивались почти без применения принудительного труда феодально зависимого крестьянства.

Определенного развития в феодальных имениях достигло производство

Сосуд из г. Переяслава. XVI в.

стекла и стеклянных изделий, строительных материалов (кирпича, извести и т. д.).

Рудни, поташни, буды, селитроварни, крупные соляные промыслы, где наблюдалось некоторое разделение труда, использовались квалифицированные наемные рабочие и феодально зависимые крестьяне, имели характерные черты ранней формы мануфактуры, возникавшей в условиях господства феодального способа производства.

Наряду с промыслами в имениях феодалов получили развитие и крестьянские промыслы. Уже в XVI в. некоторые богатые крестьяне и казаки, а казацкая старшина почти поголовно, основывали в своих хозяйствах винокурни, продукция которых сбывалась на местных рынках. Появляются и рудни, принадлежащие казацкой старшине, богатым казакам и крестьянам. Такие предприятия известны на Левобережье, Слобожанщине и Запорожье. Они, как правило, базировались на вольнонаемном труде. Казацко-крестьянская верхушка владела также соляными варницами, будами, селитроварнями и другими предприятиями, приносившими им немалые прибыли. Так, в середине XVI в. в Галицком старостве было 20 крестьянских соляных вышек («веж»), в районе Дрогобыча — 38. В с. Ясеничи насчитывалось 32 соляных пода («череня»), в с. Колыча — 11 и т. д. На промыслах, принадлежавших богатым крестьянам, использовался наемный труд. Объем работ был настолько велик, что даже на мелких соляных промыслах многодетному крестьянину часто было не под силу обойтись без наемного труда: вываривание соли только на одном черене постоянно требовало трех работников: варщика, рубщика и лопатника.

Во многих местностях Украины, в частности в казацких слободах, расположенных в степных и предстепных районах, важную роль играли такие промыслы, как пчеловодство, охота и рыболовство. Эти промыслы, как правило, сосредоточивались в руках сельской и слободской верхушки, беспощадно эксплуатировавшей труд местной бедноты, в том числе и в форме найма.

Довольно развит был пушной промысел, особенно в северных районах Украины. Добывался в первую очередь ценный бобровый зверь.

На Поднепровье (район Киева, Чернигова, Канева, Черкасс, Ржищева и др.) одним из важнейших промыслов было рыболовство и обработка рыбы, которая сбывалась на рынке, в частности в Киеве. Уже в XVI в. появились промысловики, специализировавшиеся только на добыче рыбы и ее обработке. В Киеве в 1571 г. было 17 рыбаков, объединен-

ных в три группы, не считая многочисленных отдельных рыбаков.

Развитие сельских ремесел и промыслов, особенно на Поднепровье, Левобережье и Слобожанщине, в свою очередь, стимулировало рост городского ремесла, обеспечивая его всевозможными заготовками и полуфабрикатами.

Таким образом, развитие ремесла и промыслов в городской и сельской местности во второй половине XVI—первой половине XVII в. достигло значительного уровня. Однако на пути их стояли не только вся феодально-крепостническая система, но и гнет иноземных феодалов, тяготевший над украинскими землями.

Упорное сопротивление населения Поднепровья и Левобережья наступлению польских и украинских феодалов, постоянный приток беглых, отсутствие реакционного иностранного элемента способствовали более быстрому развитию ремесла и промыслов в этом районе Украины. Развитие их во второй половине XVI— первой половине XVII в. было одним из важнейших факторов, обусловивших возможность украинскому народу выдержать длительную и тяжелую освободительную войну 1648—1654 гг. Огромная для того времени народная армия и многочисленные повстанческие отряды обеспечивались оружием, боеприпасами, спаряжением и продовольствием, которые производились в основном ремесленниками и крестьянами Поднепровья и Левобережья.

4. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Организация торговли. Как и в предыдущий период, торговля на Украине во второй половине XVI— первой половине XVII в. велась в условиях действия многочисленных торговых регламентаций. Важнейшие из них были связаны со складским правом, таможенной системой и дорожным принуждением.

Основной целью возникшего еще в период раннего феодализма складского права было стремление феодальных государств сосредоточить международную торговлю на пограничных территориях. В такой торговле были заинтересованы и купцы, избавлявшиеся от необходимости поездок с товарами в глубь чужих земель. Со временем достаточно сложное право склада было дополнено многочисленными торговыми регламентациями и стало средством обогащения верхушки владевших этим правом городов.

Во второй половине XVI— первой половине XVII в. к числу украинских городов, владевших складским правом, прибавились новые. Так, право на склад волошских вин и меда в 1635 г. получили шесть подольских городов (Бар, Шаргород, Борщев и др.), а право склада венгерских вин— восемь городов Русского воеводства (Добромиль, Бубла, Рудки, Берчи и др.). Коломыя получила право склада соли, Красностав — соли, меда, а также товаров, вывозившихся с Волыни и Подолии в Люблин и Казимир. Однако значение этого права для большей части украинских земель начало падать в связи с повышением в хозяйстве Украины роли внутренней торговли по сравнению с внешней.

В отличие от права склада дорожное принуждение во второй половине XVI— первой половине XVII в. получило дальнейшее развитие, широко распространилось по всей территории Украины, еще более прочно связалось с таможенной и налоговой системами. И для государства и для отдель-

ных феодалов оно в это время стало главным средством установления контроля над торговлей в фискальных целях.

Государственные торговые пошлины взимались не только на границах, но и внутри украинских земель, например в Киеве. Ведали сбором этих пошлин специальные таможенные учреждения — пошлинные «коморы» и подчиненные им «прикоморки», располагавшиеся на наиболее значительных торговых путях и в торговых центрах. Так, на Волыни существовали две пошлинные коморы — в Луцке и Владимире и несколько прикоморков при них: в Ковеле, Дубно, Берестечке, Кременце, Корце, Дубровице и других городах и местечках.

Как правило, сбор пошлин отдавался на откуп государственным чиновникам или частным лицам. Прежде чем вступить в свои права, откупщики вносили в государственный скарб бóльшую часть предполагавшейся суммы сбора авансом. Подобная практика порождала злоупотребления при взимании пошлин, так как сборщики их стремились любой ценой собрать не только оговоренную договором сумму, но и сверх этого получить максимальную прибыль.

В определении размера торговых пошлин долгое время, вплоть до середины XVI в., исходили из традиционно сложившихся в отдельных украинских землях норм. При этом пошлина взималась по-разному: и с транспортных единиц, и с количества товара, и с его стоимости — в размере определенного и тоже неодинакового, иногда даже на соседних территориях, процента. В XVI в., особенно с середины его, появляется тенденция к увеличению торговых пошлин. Определением размеров таможенных сборов с этого времени начинает руководить государство. Средством их повышения становится введение все новых и новых таможенных тарифов.

В сложившихся условиях распространенным явлением в торговле становится контрабанда. Если таможенникам удавалось задержать контрабандистов, они конфисковывали их товары. Половина шла в пользу казны, реже — в пользу местной администрации или феодала, на землях которого был задержан нарушитель, другую половину получали таможенники. Товары, принадлежавшие лицам, заподозренным в контрабанде, просматривались в таможнях в присутствии понятых и задерживались до суда. Все торговые пути находились под постоянным надзором служащих таможен, а над судоходными реками для этой цели натягивались цепи.

Государственные таможенные пошлины на Украине во второй половине XVI — первой половине XVII в. были далеко не единственным их видом. От периода феодальной раздробленности Великое княжество Литовское и шляхетская Речь Посполитая унаследовали традицию сбора частных торговых пошлин. Общественный строй входивших в состав названных государств украинских земель, шляхетская анархия и произвол магнатов благоприятствовали интенсивному развитию и закреплению здесь этой пагубной для торговли традиции. Литовский статут 1566 г., подробно регулировавший внутренние торговые пошлины, признал за великим князем литовским и королем польским право разрешать феодалам сбор пошлин в свою пользу, если они выдвинут достаточные к тому основания.

Во второй половине XVI — первой половине XVII в. права на сбор пошлин в пределах своих владений даровались феодалам особенно часто. Как правило, это были пожизненные пожалования — «до живота». Однако повсеместным стало превращение их в вечные, наследственные, особенно, если это касалось крупных

феодалов. Так, по королевским и великокняжеским привилеям правом сбора пошлин на всей территории своих огромных владений всегда пользовались крупнейшие волынские магнаты князья Острожские. Нередко в пользу частных лиц собирались и государственные пошлины. Например, государственного значения «мыто великое головное», взимаемое в г. Городке на р. Горыни, шло в пользу королевы Боны. Характер материального пожалования носили привилеи на сбор торговых пошлин, дарованные отдельным служебным лицам. Так, с 1566 г. в Луцке собиралось мостовое на содержание волынского маршалка. В свою пользу взимали обычно государственные пошлины и представители королевской власти на украинских землях — старосты.

Часто разрешение на сбор таможенных пошлин и прочих торговых сборов в качестве материального пожалования получали церкви и монастыри. Например, луцкий костел собирал пограничную соляную пошлину в своем имении Торчине на содержание капитульного казначея.

В условиях господства феодальной системы сбора пошлин, а также злоупотреблений феодалов торговые пошлины отличались на Украине чрезвычайным разнообразием и многочисленностью. Это были прежде всего проездные пошлины: перевозная, гребельная, мостовая (не только при переезде через мост, но и при проходе лодки под ним) и т. п. Повсеместным подушным, иногда транспортным налогом была «обвестка», взимавшаяся с купца при оповещении им местных властей о своем прибытии.

Значительную часть торговых пошлин в пользу отдельных феодалов современники относили к «нововымышленным». Об их характере и размерах можно судить на основании следующих сведений. «В Четвертне князей Четвертинских мита берут от комяги по три гроши, а от товару, который знизу везут, берут тридцятое, от судины меду по грошу, а назад едучи чотири риби, в Чорторийску князей старостичов луцких от комяги берут по осми грошей а по горшку, по калачу, по шестдесят головажень соли, а коли назад едут, по трое риб, а от помочничого шоста по три гроши» [1]. В Чернобыле с товаров брали «пропойный грош», «калачи» и «присадное». При этом размер пошлин бывал разным для приезжих торговцев и местных жителей, учитывалось и количество предполагавшегося к продаже товара: «От прасолов от телеги по сту и двадцати головажен соли... от мещан от возка по сороку головажен соли» [2]. Иногда местные жители вообще освобождались от уплаты пошлин: «одно з гостей мыто берут» [3].

Среди собственно торговых пошлин можно назвать плату за пользование торговыми помещениями и складами, за торговое место на рынке, за пользование услугами весовой, плату с проданного товара.

Таким образом, не только государственные, но и частные и прочие торговые сборы на Украине во второй половине XVI — первой половине XVII в. постоянно возрастали. Однако часть торговых людей была освобождена от них. Освобождение от торговых пошлин связано с практикой дарования прав на их сбор. Корни этих явлений следует, по-видимому, искать в системе привилегий феодального класса, в частности в феодальном иммунитете. Не удивительно поэтому, что в условиях господствовавшей в Речи Посполитой «шляхет-

[1] Памятники, изданные временною комиссией для разбора древних актов при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе (далее — Памятники). Киев, 1859, т. 4, отд. 2, с. 130.
[2] Там же, с. 173.
[3] Архив ЮЗР, ч. 7, т. 1, с. 624.

ской вольности» эти феодальные в своей сущности привилегии стали явлением обычным. Более того, шляхта добивалась сословного освобождения от торговых пошлин. И если освобождение отдельных купцов из Киева, Луцка, Владимира, Брацлава, Винницы, Канева, Белой Церкви и ряда других городов от некоторых видов пошлин практически не оказало положительного влияния на развитие торговли, то освобождение от пошлин магнатов и шляхты имело отрицательные последствия не только для торговли, но и для всего экономического развития Украины.

На землях Польского королевства, в том числе и украинских, еще в XV в. шляхта была освобождена от всяких торговых пошлин на импортные товары, которые она покупала для «домашнего употребления», и на экспортные товары, произведенные в ее собственном хозяйстве. Шляхта украинских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского, в первой половине XVI в. еще платила пошлины на общих основаниях и освобождалась от них только в отдельных случаях — при наличии «безмытных листов». В середине XVI в. она развернула борьбу за полное освобождение от торговых пошлин. Наиболее энергично выступала волынская шляхта. На сейме 1551 г. она поставила вопрос о полной отмене пошлин «з речей власных князских, и панских, и земянских». Эта попытка, однако, оказалась неудачной. Безрезультатной была и просьба о разрешении беспошлинного вывоза на внешний рынок зерна и продуктов лесных промыслов, с которой волынская шляхта обратилась к сейму в 1554 г.

Наконец, в 1559 г. решением сейма шляхта была освобождена от торговых пошлин на предназначенные к вывозу продукты ее собственного хозяйства. Единственным и достаточным основанием для установления происхождения и назначения товара считалась присяга шляхтича или его доверенного лица. После Люблинской унии 1569 г. шляхта украинских земель, входивших прежде в состав Великого княжества Литовского, как и польская, получила право на беспошлинный ввоз товаров из-за границы. Благодаря этим льготам она стала все больше втягиваться в торговлю, прежде всего внешнюю, приносившую особенно высокие прибыли.

Кроме купеческих организаций по профессиональному признаку, возникших ранее, в торговле на Украине во второй половине XVI— первой половине XVII в. действовали своеобразные купеческие фирмы. В качестве примера можно назвать специализировавшиеся на крупной международной торговле львовские фирмы Шольца — Боима и Гайдера. Их торговые операции отличались особенным размахом. Примечательным явлением этого времени было стремление крупного купечества к нобилитации — переходу в дворянство, обеспечивавшему в условиях феодальной Речи Посполитой главенствующее положение в торговле и в жизни городов. Крупнейшие купцы принадлежали к сердцевине городского патрициата.

Следствием дальнейшего развития товарно-денежных отношений на Украине второй половины XVI— первой половины XVII в. была интенсификация денежного обращения. Как и прежде, в обороте находилась иностранная монета, в основном польского происхождения. В отдельных случаях практиковался и простой то-

Деньги, находившиеся в обращении на Украине. XIII—XVII вв.

1 — монетный слиток — гривна, *2* — пражский грош, *3* — киевский денарий, *4* — джучидский (татарский) дирхем, *5* — львовский полугрош, *6* — денга Ивана III, *7* — литовский грош, *8* — денга Ивана IV, *9* — шестигрошевик Стефана Батория, *10* — полторак Сигизмунда III, *11* — талер из Испанских нидерландов *2*—*11*—увеличено, *1* — уменьшено

2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

варообмен, а в международной торговле — частичный расчет деньгами, а частичный — товарами. Широкое распространение получила торговля в кредит. О дальнейшем развитии оптовой торговли свидетельствует договорная, контрактовая форма торговых сделок, ставшая в это время обычным явлением, особенно в международной торговле при реализации крупных партий товара. При этом в договорах обусловливалось количество, качество, цена, мера, время и место доставки товара и т. п. Из-за транспортных трудностей в условиях возраставшего товарооборота контрактовые сделки были особенно распространены в торговле продуктами сельского хозяйства и лесных промыслов. Практиковались они также на крупных ярмарках с оборотами больших товарных масс. Актовые книги пестрят записями о подобных кредитных торговых сделках и торговых контрактах, заключавшихся между местными, а также местными и иностранными купцами.

Значительная часть экспортируемых с Украины товаров перевозилась феодально зависимыми крестьянами, отбывавшими подводную повинность в пользу своих господ. Распространена была и своеобразная аренда крестьянского транспорта, в которой с одной стороны участвовал феодал, а с другой — арендатор транспортных средств.

С ростом объема внутренней и внешней торговли все большую роль в экономических связях Украины играл извозный промысел, которым занимались в основном мещане, особенно левобережные. Известны факты заключения договоров на перевозку товаров между житомирскими купцами и извозчиками Переяслава.

Не изжила себя и караванная система транспортировки товаров, особенно в международной торговле. Купеческие караваны, обычно насчитывавшие по нескольку десятков возов, в каждый из которых запрягалось по шесть — восемь волов или лошадей, шли из Киева в Крым, через Львов и Каменец-Подольский в Молдавию и Константинополь, в Польшу, Белоруссию и Россию.

Внутренняя торговля. Несмотря на иноземное господство, неблагоприятно отражавшееся на экономическом развитии Украины, и усиление сковывавшего товарообмен феодально-крепостнического гнета, торговля во второй половине XVI— первой половине XVII в. сделала значительный шаг вперед. Это было естественным следствием дальнейшего развития производительных сил и углубления общественного и территориального разделения труда. Росли старые и возникали новые города, являвшиеся торговыми центрами. В каждом из них 1—2 раза в год собирались ярмарки, функционировали еженедельные торги, расширялась постоянная торговля.

Ярмарки в это время становились все более многолюдными и продолжительными — некоторые длились по нескольку недель, росло их количество, увеличивался объем торговли. Уже в середине XVI в. в Луцкой земле собирались ярмарки в Остроге, Красилове, Полонном, Клевани, Колодном, Дорогобуже, Дубно, Ровно, Почаеве, Торчине, Ковеле, Кременце и других городах и даже крупных селах. Посетивший Украину в начале 50-х годов XVII в. арабский путешественник и писатель Павел Алеппский отметил, что на Украине ярмарки собираются непрерывно в течение года и в каждый праздник происходят в том или ином городе.

Движение товаров между ярмарками, становившееся все более интенсивным, охватывало практически всю территорию Украины. Оно было проявлением продолжавшегося разрушения свойственной периоду феодализма хозяйственной замкнутости от-

дельных земель, образования между ними постоянных, все более прочных экономических связей. Крупные ярмарки сыграли важную роль не только в широком внутреннем, но и во внешнеторговом товарообмене. Ярмарки Киева, Львова, Луцка, Каменца-Подольского занимали особенно важное место во внешней торговле, способствовали распространению по всей Украине товаров иностранного происхождения. Мелкие ярмарки, которых было большинство, удовлетворяли в основном местные потребности.

Ассортимент товаров, продававшихся на ярмарках, обычно был очень широк. Здесь сбывались ремесленные изделия и продукция промыслов, а также сельскохозяйственные продукты, производившиеся в окрестном районе, экономически тяготевшем к ярмарочному центру. При этом территория, обслуживаемая каждой ярмаркой, а также район, из которого на нее поступали товары, постепенно расширялись. Крупнейшим торговым центром Поднепровья во второй половине XVI— первой половине XVII в. был Киев, Подолии — Каменец-Подольский, Галичины — Львов и Снятин, Волыни — Луцк, Северной Буковины — Хотин. Однако на любой из ярмарок можно было купить товары, привезенные не только из соседних, но иногда и из весьма отдаленных районов Украины.

О крепнущих экономических связях между украинскими землями свидетельствует наметившаяся товарная специализация крупнейших ярмарок, отражавшая географию сельского хозяйства и специфику ремесла и промыслов отдельных земель Украины. На киевских ярмарках, например, в больших количествах продавались разнообразные продукты уходничества. На Волыни и Подолии сбывался товарный хлеб. «Каждый из нас хлеб покупает, ездя на Волынь и Подолию»,— отмечено в описании Житомирского замка 1552 г. Рыба, разводившаяся в водоемах Подолии и Галичины, сбывалась во Львове. Ярмарки Львова привлекали покупателей также местными ремесленными изделиями, славившимися высоким качеством.

Торги в городах и крупных селах Украины во второй половине XVI— первой половине XVII в. собирались несколько чаще, чем прежде,— в среднем два раза в неделю. На них осуществлялся товарообмен между городом и селом: крестьяне продавали продукты сельского хозяйства, а горожане — ремесленные изделия. В крупнейших городах функционировало по нескольку торгов. Все более частым явлением в больших городах становились ежедневные базары, удовлетворявшие спрос горожан на продукты питания. На базарах продавались также во все возраставших количествах и ассортименте изделия ремесла и промыслов. С течением времени торговля на торгах и базарах все более тесно связывалась с ярмарочной.

С торгов и базаров на ярмарки поступало все больше продуктов питания и сельскохозяйственного сырья, а в обратном направлении — с ярмарок к торгам и базарам — возрастал поток изделий ремесла, а также импортных товаров.

Важнейшим из товаров сельскохозяйственного производства во второй половине XVI — первой половине XVII в. был хлеб (зерно и мука). В крупных городах он продавался в значительных количествах. Так, по далеко не полным данным описания Киева 1570 г., на киевских торгах в год сбывалось около 150 возов хлеба. Кроме того, часть хлеба поступала в Киев с Волыни и Подолии.

Торговый налог (померное) с хлеба — одного из основных рыночных товаров — составлял важную статью городских доходов. Продажа хлеба облагалась и другими налогами, на-

пример с транспортной единицы. Любопытно, что в некоторых городах этот налог шел на содержание местного палача: «Доход мастера, палача киевского, как и в других городах,— обычный, то есть по два пенязя с каждого воза с зерном, привезенного на общий торг из окрестных городов и местечек».

Значительное количество зерна и муки закупали на торгах городские пекари, продававшие населению печеный хлеб.

Обеспечение горожан мясом осуществляли в основном резницкие цехи. Скот обычно поступал на рынок живым. Его покупали резницкие цехи, совмещавшие функции скотобоен и торговых заведений. Так же, как торговля прочими товарами повседневного спроса, торговля мясом детально регламентировалась общегородскими и специальными привилеями и производилась по строго установленным правилам. Во время люстрации Барского староства в 1615—1616 гг. резники г. Бара представили привилей, дарованный им киевским воеводой и утвержденный в 1615 г. королем Сигизмундом. Характерно в этом привилее указание о том, что резницкие палатки могут быть поставлены только в польской части города, а главой резницкого цеха не может стать православный, т. е. украинец. Подобным образом ограничивалось участие украинцев и в других наиболее доходных отраслях городской торговли.

Несмотря на то что монополия барского резницкого цеха на торговлю мясом тщательно охранялась, в ней принимала участие еврейская община. Она отдавала за это цеху ежегодно от каждого резника камень жира, что представляло собой обычную для феодальной экономики Украины, в частности для торговли, форму арендной платы.

Разнообразны были торговые пошлины с резников. Кроме обычного налога в казну — камня жира (или соответствующих его цене 15 грошей), каждый из резников платил отдельный налог в зависимости от количества проданного товара, чаще всего в виде лопатки (или ее стоимости) от проданной туши. В Кременце торговый налог платили в зависимости от длины прилавка в мясных палатках— от локтя по 2 пенязя.

Из окрестных сел в города поступало и мясо, продажа которого была разрешена только во время торга. На юго-западе Украины, в старостваx Снятинском, Коломыйском, Галичском, Каменец-Подольском, такая торговля мясом называлась сохачками, потому что туши выставлялись на продажу на подпорах — «сохах». Торговое право требовало, чтобы крестьяне привозили на сохачки вместе с мясом и шкуру забитого животного. Уличенному в продаже мяса больных или дохлых животных грозила смертная казнь.

Широким спросом пользовалась на внутреннем рынке Украины рыба. Рыбными богатствами славился прежде всего Днепр. Торговля днепровской рыбой велась в Киеве, Каневе, Черкассах и других городах Поднепровья. В Киеве рыбу, вылавливаемую местными рыбаками и уходниками в Днепре и Припяти, скупали более 20 перекупщиков, сбывавших ее в свежем и засоленном виде на киевских рынках и на торгах окрестных сел, а также в других городах.

Много рыбы, выращиваемой в прудах, продавалось во Львове. Здесь была распространена аренда рыболовных угодий, сочетавшая торговлю с промыслом. Львовские купцы арендовали рыбные пруды не только в окрестностях Львова, но и далеко за его пределами. На львовский рынок поступала рыба из обширного района Галичины и Подолии. Часть ее реализовалась на внешнем рынке.

Из напитков на внутреннем рынке наибольшим спросом пользовались

мед и пиво. Сырье для медоварения, развитого с древнерусских времен, давало пчеловодство. Один из его продуктов — воск — отправлялся в основном на внешний рынок, мед же широко использовался для удовлетворения внутренних нужд. Постоянный спрос на медовый напиток поддерживал традиционную на Украине феодальную повинность медом. Даже слобожане, освобождавшиеся на некоторое время от всяких повинностей, должны были платить медовую дань «по старому обычаю».

Большое количество меда добывали уходники. Однако свободный сбыт меда встречал серьезные препятствия: крупные феодалы стремились установить монополию на его скупку. Уходники зачастую вынуждены были продавать мед по ценам, значительно ниже рыночных, житомирским, каневским и черкасским старостам. Монополию на скупку меда можно рассматривать как своеобразное развитие феодального права пропинации *, так как купленный у уходников мед-сырец шел на производство напитков, продававшихся в принадлежавших старостам кабаках — «шинках».

Продажа напитков приносила большие доходы местным властям, феодалам и государству. В пользу казны за продажу «питей» взимался налог— «капщизна» («корчемный плат»).

В торговле напитками также была распространена аренда. В крупных городах, где всевластие феодалов было менее ощутимо, корчмы и шинки на правах аренды держали горожане. Магдебургские привилеи предусматривали право горожан на «вольные» корчмы, что означало право торговать («шинковать») напитками с уплатой за это «капщизны» или за выполнение определенных повинностей. В Житомире, например, местные жители «подводы и стации давали, а... за то держали вольные корчмы».

С XVI в. на Украине быстро растет торговля водкой. Это явление во многом объясняется товаризацией зернового хозяйства. В условиях, когда сбыт зерна на отдельных рынках наталкивался на серьезные трудности, прежде всего транспортные, водочный промысел приносил феодалам, пользовавшимся правом пропинации, верную и высокую прибыль и оказался не менее выгодным, чем продажа зерна на внешнем рынке. Сначала производство водки получило развитие в западной части Украины — районах наиболее развитого фольварочного зернового хозяйства, но вскоре оно распространилось на все украинские земли. За счет продажи водки в начале XVII в. стали быстро расти суммы «капщизны», поступавшей в казну,— она составляла более половины доходов с государственных земель — староств.

Росли доходы богатых мещан от продажи водки в городских шинках. В 1570 г. они составили в Киеве около 1 тыс. коп литовских грошей. Соответственно возрастали суммы государственных налогов, взимавшихся с продажи водки в шинках. В 1622 г., например, только «капщизны» воеводы получил с киевских шинкарей 2 тыс. червоных золотых. Недаром за монопольное право содержать городские шинки киевский магистрат вел ожесточенную борьбу с претендовавшей на это церковью.

О торговле солью письменные источники содержат скупые сведения. Высокосортная белая соль выварилась на промыслах в районах городов Соли, Дрогобыча и Долины в Галичине и по всему Подгорью от Санока до Покутья — у Снятина, Косова, Коломыи. Она продавалась в сыпучем виде и небольшими головками, так называемыми ступками, или «головажнями».

* Пропинация — монопольное право феодала на производство и сбыт напитков.

Большая часть соли, продававшейся на Украине, однако, добывалась в черноморских лиманах вблизи современной Одессы, а также покупалась в Крыму, в районе Перекопа, где находятся соляные озера. Польский дипломат и писатель Мартин Броневский в своих записках о поездке в Крым в 1578 г. сообщает, что к лиманам «стекается всегда большое множество казаков» и здесь часто происходят стычки между ними и татарской стражей из-за соли, которую они берут без уплаты установленной ханской администрацией пошлины.

Люди, привозившие соль, обычно сбывали ее оптом местным торговцам, а те продавали населению вразбробь. Торговцы, развозившие добываемую в Галичине соль по всей территории Украины через Луцк, Полонное, Кременец, Владимир, назывались коломыйцами. Причерноморской солью торговали соленики, получившие, очевидно, уже в первой половине XVII в. название чумаки. И те и другие не принадлежали к купеческому сословию, а происходили из казаков, крестьян и мещан. Полная трудностей и опасностей торговля солью составляла особый торговый промысел. Вторая половина XVI— первая половина XVII в.— период его быстрого развития. Часть соли транспортировалась также по Днепру, выше порогов, на речных судах — комягах.

Кроме разнообразных продуктов питания на городских торгах и ярмарках продавались хворост, дрова, сено, солома, строительный лес и многое другое, необходимое в городском и сельском хозяйстве и быту, а также сырье для ремесла: кожи, пряжа, продукты лесных промыслов и пр. Городское и сельское население приобретало на рынке ремесленные изделия (ткани, одежду, обувь, топоры, серпы, косы и другие товары), производившиеся местными мастерами, а также поступавшие из других районов Украины и из-за границы.

Основной объем внутренних торговых операций осуществляло купечество. Участвовали в этой торговле и феодалы, продававшие сельскохозяйственные продукты, продукцию промыслов, обычно винокуренного, и изделия сельского ремесла и покупавшие ярмарочные товары. Вместе с тем мелкой торговлей занимались и непосредственные производители — крестьяне и ремесленники. Для них она была связана с большими трудностями. Актовые книги содержат множество записей о притеснениях и грабежах, жертвами которых становились «торговые люди» — крестьяне, мещане и казаки.

Во второй половине XVI— первой половине XVII в., в условиях расширения внутреннего рынка, особое значение приобретала деятельность среднего и мелкого купечества. Оно, в частности, осуществляло товарообмен между крупными и мелкими ярмарками, а также между ярмарками и торгами. Как и прежде, и крупное купечество и мелкие торговцы объединялись в цеховые организации. В отдельные цехи обычно объединялись и перекупщики. По данным 1571 г., в Киеве насчитывалось 49 перекупщиков, плативших в зависимости от специализации торговый налог разного размера — от 8 до 12 грошей. Они продавали хлеб и другие «съестные припасы», а также ремесленные изделия. Кроме упомянутых, в городе торговало еще более 20 перекупщиков рыбы. Иногда перекупщики объединялись с ремесленниками в один цех. Так, объединенный цех перекупщиков и пекарей существовал во второй половине XVI— первой половине XVII в. во Владимире.

Значительную часть перекупщиков составляли жители юридик. При поддержке феодалов-покровителей они обычно накануне городских торгов скупали сельскохозяйственную продукцию, привозимую крестьянами для продажи. Затем перекупщики

Клад серебряных монет, найденный у с. Вербовцы Заставновского района Черновицкой области. XVI—XVII вв.

перепродавали ее вразнобой со значительным барышом на городских торгах. От этой торговли страдали прежде всего беднейшие слои городского населения, вынужденные покупать товары в малом количестве. Феодалы, поддерживавшие перекупщиков, получали от них часть доходов. Органы городского самоуправления, заинтересованные в повышении городских доходов от торговли, боролись против перекупщиков из числа жителей юридик и покровительствовали перекупщикам, платившим торговый сбор в кассу города.

Во второй половине XVI— первой половине XVII в. в городах Украины продолжала развиваться постоянная торговля ремесленными и продовольственными товарами, разнообразились ее формы. Постоянной торговлей занималась часть скупщиков.

В условиях роста производства и повышения спроса на изделия ремесла, прежде всего городского, все более частым явлением внутренней торговли Украины становится скупка ремесленных изделий. Посредником между городскими ремесленниками и потребителями становился купец-скупщик. Луцкие купцы, например, снабжали городских ремесленников сукном, кожей и другими материалами, а получали от них готовую одежду и обувь и сбывали их на городских и сельских торгах и ярмарках. Каменец-подольские купцы таким же образом организовывали ремесленное производство и сбыт сукна.

Особенно быстро купеческий капитал подчинял себе «партачей». Так, львовские купцы эксплуатировали городских внецеховых меховщиков, оружейников, слесарей, ювелиров. Предпринимательская деятельность отдельных купцов приобрела в это время значительный размах. В начале XVII в. львовский купец Аведикович заключал контракты на обеспечение сырьем и скупку готовой продукции с «партачами» Острога, Гологор и других городов.

В роли эксплуататоров труда ремесленников-«партачей» и скупщиков готовой продукции зачастую выступали цеховые мастера. И это является особенно убедительным свидетельством кризиса, который пережи-

вала в рассматриваемый период цеховая организация ремесла.

Универсальную торговлю на внутреннем рынке, преимущественно городском, а также в селах вели крамари. Число крамарей, обеспечивавших горожан и приезжее сельское население разнообразными ремесленными товарами, как правило, закупленными на ярмарках, с середины XVI в. неуклонно росло. Так, в Каменце-Подольском в 1564 г. было официально зарегистрировано 29 крамарей, в 1570 г.— 31, в 1583 г.— 37.

Среди крамарей были крупные и мелкие торговцы. Имущественное положение крамарей определяло содержание и размеры их торговли. В источнике начала XVII в. указывается, что богатые крамари «занимаются товарами дорогими, вещами богатыми и дорогостоящими, как китайки, адамашки, атласы, полугранаты и всякие другие ткани... шелка, полотна немецкие, голландские, турецкие вещи: ковры, разные коренья». Мелкие же крамари («крамарчики»), торговавшие в городах либо постоянно, либо только во время торгов, промышляли «серой, галунами, простыми русскими лентами, жестяными и латунными бляхами, клеем, часами, которые тикают, щипцами для свечей, иногда замками, бумагой, немного шпильками, лентами, иголками, свистками, наперстками, гребнями, латунными перстнями и другими дешевыми мелочами, которых за шеляг или квартник можно купить и продать три штуки».

Известны также крамари-коробчари. Как и русские коробейники, они занимались бродячим торговым промыслом. Коробчари платили значительно меньшие торговые налоги, чем прочие крамари,— всего полгроша, однако обязаны были это делать всякий раз, когда появлялись на торге или ярмарке.

Крамари, особенно богатые, торговали в специально приспособленных собственных или наемных помещениях — «коморах крамных», или «крамах», расположенных на городской торговой площади, т. е. там же, где продавали свои товары прочие городские купцы и цеховые ремесленники.

Внешняя торговля. Внешняя торговля Украины во второй половине XVI — первой половине XVII в. в известной степени продолжала традиции торговли предыдущего периода. Часть международной торговли, прежде всего транзитную, как и прежде, удерживали в своих руках иностранные купцы — колонисты. Но именно в XVI в. международной торговлей все более активно стало заниматься купечество местного происхождения, практически осуществлявшего внутреннюю ее часть. Прежде всего это были скупщики, собиравшие продукты на украинских землях для последующего сбыта их за границу. Они, как правило, специализировались на определенном виде товаров: волах, кожах, хлебе, рыбе, продуктах промыслов или изделиях ремесла. Большие запасы зерна сосредоточивались, например, на киевских хлебных складах. Киевские купцы не только сбывали хлеб польским купцам, но и сами вывозили его через Польшу на европейские рынки, где продавали «дорогою ценою».

Внешней торговле отчасти служили и так называемые прасолы. В городских окрестностях («не далее 10 миль») они продавали различные товары, купленные в городе, и скупали сельскохозяйственную продукцию, часть которой шла на внешний рынок. Скупщики и прасолы обслуживали нижнее звено внешней торговли, смыкавшееся с торговлей внутренней.

Рост числа прасолов и скупщиков в условиях широкого развития внутренней торговли, которая чем дальше, тем более щедро питала торговлю внешнюю, вызывал тревогу в купеческой верхушке, стремившейся к

укреплению своего безраздельного господства на рынке. Скупку товаров для вывоза за границу и продажу импортных товаров она старалась организовать через своих агентов. Собственники значительных торговых капиталов зачастую использовали целую сеть подобных агентов. В далекие и опасные заграничные поездки с товарами отправлялись их доверенные лица — шафари, преодолевавшие опасности дороги и трудности торговли в чужой стране.

Во внешней торговле Украины во второй половине XVI — первой половине XVII в. особое место принадлежало экспорту. С началом развития капитализма в ряде стран Западной Европы на европейском рынке повысился спрос на сельскохозяйственные продукты и сырье для развивавшейся там промышленности. Значительная часть этих товаров уже с конца XV в. шла из Польского королевства и захваченных им украинских земель. После Люблинской унии 1569 г., в результате которой к польско-шляхетскому государству были присоединены украинские земли, принадлежавшие прежде Великому княжеству Литовскому, во внешнюю торговлю со странами Западной Европы все более широко стали втягиваться Волынь, Подолия и Поднепровье.

Важное место в экспорте Украины на рынки Западной Европы принадлежало лесопромысловым материалам. Вывоз их с Украины через Гданьск пачался еще в конце XV в. Экспортировалась разнообразная древесина, прежде всего наиболее ценных пород, например тис, шедший на изготовление оружия, а также менее ценных пород, использовавшихся как строительный материал. В общем объеме вывоза преобладали «ванчос» — плахи, нарезанные из крупных дубовых стволов и употреблявшиеся в основном для строительства кораблей, и более тонкие клепки, использовавшиеся в деревообрабатывающих ремеслах. Кроме того, в большом количестве вывозились мачтовый лес, поташ, смола и деготь.

По мере интенсивной вырубки некогда обширных дремучих лесов Волыни, Галичины, а также Буковины лесное торговое предпринимательство распространялось на восток Украины. Этому способствовало быстрое повышение цен на лесные товары на международном рынке. Так, если в 1562 г. лашт пепла продавался в Гданьске за 34 злотых, то в 1620—1622 гг. далеко от Гданьска, в Овручском старостве, где производилась закупка, за лашт пепла скупщики платили 576 злотых. Рост цен на лес и лесопродукты стимулировал вывоз их из пляхетских имений, так как торговля лесом давала освобожденной от пошлин шляхте еще более высокие прибыли, чем купечеству. В первой половине XVII в. лесоразработки охватили Левобережную Украину. Велись они даже в лесостепных районах. При этом широко применялась аренда лесов. Сжигание деревьев для производства поташа, например, считалось обычной формой эксплуатации арендуемого леса. В торговле продуктами лесных промыслов принимали участие не только местная шляхта и купечество, но и иностранные купцы.

Большую часть зерпа, вывозившегося на внешний рынок, составляла рожь. В первой половине XVII в. начал расти вывоз пшеницы, ценившейся на международном рынке значительно выше ржи. Кроме того, из зерновых экспортировались овес, просо, а также горох.

Хлеб свозился обычно в Устилуг — пристань на Западном Буге, а оттуда сплавлялся на судах в Гданьск. В Устилуге богатые купцы имели специальные склады — «шопы», в которых хлеб, прибывавший обычно зимой, хранился до высокой воды на Буге. Часть складов в Устилуге принадлежала участвовавшим во внешней торговле феодалам. Большая часть

зерна, вывозившегося с Украины, производилась в магнатских имениях. Среди известных в 40-х годах XVII в. поставщиков хлеба можно назвать киевского чашника Фелициана Тышкевича. Активную торговлю хлебом вела шляхта. Причем на внешний рынок она отправляла зерно, произведенное не только в ее собственных имениях, но и скупленное на рынке.

Известным препятствием в торговле зерном было господствовавшее, как и прежде, разнообразие мер, становившееся зачастую причиной нарушения торговых контрактов.

Экспорт хлеба был несколько меньше экспорта продуктов лесных промыслов. Однако значение и влияние хлебной торговли на экономику Украины трудно переоценить. Возможность выгодного сбыта продуктов феодального хозяйства стала стимулом дальнейшей его товаризации. Торговля влекла за собой рост фольварочного хозяйства, увеличение барщины, закрепощение крестьянства. Экспорт хлеба во второй половине XVI — первой половине XVII в. охватил главным образом Галичину и Волынь — районы наиболее развитого фольварочного хозяйства. Однако фольварки для производства товарного зерна создавались и на других украинских землях. Значительная часть их продукции шла на удовлетворение потребностей внутреннего рынка. Но некоторые из таких хозяйств в конечном счете также были связаны с экспортом: зерном, производившимся в них, откармливался для продажи за рубежом скот, прежде всего волы.

Экспорт волов с украинских земель был достаточно развит еще в конце XV — начале XVI в. Тогда значительное количество их перегонялось через Львов в Силезию, во Вроцлав и далее на запад. С середины XVI в. продажа скота быстро росла. Известный мемуарист Шимон Старовольский писал, что в первой половине XVII в. на ярославских ярмарках ежегодно продавалось до 40 тыс. пригнанных главным образом с Украины волов.

Значительную часть экспорта волов контролировали львовские купцы. Через Львов гнали гурты волов из Галичины, Волыни, Подолии. Часть их перегонялась транзитом из Молдавии на северо-запад через Каменец-Подольский и Львов. Важную роль в экспорте волов с украинских земель на запад играли луцкие ярмарки, куда сгоняли скот не только с Волыни, но и с Подолии и Поднепровья.

Как и в других отраслях торговли, при экспорте волов шляхта пользовалась сословными привилегиями. Право склада в торговле волами выразилось в принудительной продаже их иностранным купцам на пограничных ярмарках, так как местным купцам оно запрещало перегон скота через границу, а иностранным — покупку его на внутренних землях Украины. Волы же, выращенные в шляхетских имениях или купленные феодалами, но «откормленные их зерном», а также собранные как поволовщина, могли продаваться на месте, в шляхетских имениях, иностранным купцам или перегоняться куда бы то ни было по территории государства и за границу, минуя ярмарки, без всяких ограничений.

Хлеб и волы являлись важнейшими предметами сельскохозяйственного экспорта с Украины. Из продукции промыслов, кроме лесных, вывозилась также соль, в небольшом количестве железо, селитра. Постепенно увеличивался объем и ассортимент экспортируемых ремесленных изделий. Вывозились одежда, сыромятные кожи, юфть и сафьян, ювелирные изделия, изделия металлообрабатывающих и деревообрабатывающих ремесел и др.

На Украину из Польши, Чехии, Австрии, Германии, Англии, Голландии и других стран Европы ввози-

лись металлы и металлические изделия (косы, серпы, гвозди, иголки, медные котлы, ружья и другое оружие), сера, краски, а также в значительных количествах сукно, полотно, готовая одежда, галантерея, бумага и пр. Через Турцию и Молдавию поступали традиционные «восточные» товары: пряности (перец, шафран, имбирь, гвоздика, цинамон, лавровый лист, мускатный орех), фрукты (лимоны, апельсины, финики, фиги), рис, оливковое масло, греческие и итальянские вина, лекарства, а также ремесленные изделия: разнообразные ткани, в частности шелковые, платки, пояса, готовая одежда, обувь, ковры, оружие, ювелирные изделия и пр. Часть этих товаров шла транзитом через украинские земли в Белоруссию, Литву, Россию и Польшу.

Характерной чертой внешней торговли Украины в юго-восточном направлении в этот период стало преобладание в импорте сельскохозяйственных и промысловых изделий молдавского производства. В значительных количествах на украинские земли ввозилось, например, «волошское» вино. Продажа его была обычным явлением не только во Львове или Каменце-Подольском, но и в других украинских городах. Как свидетельствуют таможенные документы и актовые книги украинских городов, на Украину из Молдавии ввозились также воск, мед, изюм, анис, табак и пр. Значительная часть сельскохозяйственной продукции, экспортировавшейся Молдавией, прежде всего волы, шла через украинские земли транзитом в страны Европы. Крупнейшие скотные ярмарки, на которых сбывались волы из Молдавии, собирались в Хотине и Черновцах. Отсюда скот перегонялся к Каменцу-Подольскому, Снятину, Язловцу, Львову, Ярославу и далее в Силезию, Саксонию и другие земли.

Значительную долю импорта составляли предметы роскоши, удовлетворявшие потребности магнатов и шляхетства. Пользуясь правом беспошлинной торговли, феодалы зачастую ввозили также ремесленные изделия для нужд собственного хозяйства. Это отрицательно сказывалось на развитии местного ремесла, сужало его рынок, тормозило обмен между городом и деревней.

Несмотря на значительный объем товаров, ввозимых на украинские земли из стран Европы, с Востока, а также из России, Белоруссии и Литвы, преобладание во внешней торговле Украины вывоза было очевидным. Особенно заметным оно сделалось после Люблинской унии 1569 г. Природные богатства захваченных Польшей украинских земель стали объектом хищнической феодальной эксплуатации: магнаты и шляхта, пользовавшиеся широкими сословными привилегиями в торговле и стремившиеся получить от нее как можно более высокие прибыли, расширяли вывоз с Украины на европейский рынок сельскохозяйственных продуктов и лесопромысловых материалов, на которые там в это время повысился спрос. Вместе с тем продолжалось развитие традиционных экономических связей украинского народа с братскими русским и белорусским. Отделение украинских земель от белорусских таможенной границей после Люблинской унии затруднило, но не смогло сдержать их экономические связи. Главными центрами украинско-белорусской торговли на Украине, как и прежде, были Киев и Луцк. Через Белоруссию давнишние торговые пути вели в Литву. Но особенно многообразными и прочными были связи Украины с Россией.

Исторические источники второй половины XVI — первой половины XVII в. убедительно свидетельствуют о неуклонном расширении и углублении украинско-русской торговли. Примечательной ее чертой стал значительно более широкий, чем в пре-

дыдущее время, ассортимент товаров местного производства. Торговля между Украиной и Россией охватывала в этот период различные отрасли хозяйства.

С Украины в Россию везли рыбу, хмель, воск, шубы-тулупы, смушки и многое другое. Даже с «заповедными», т. е. запрещенными для торговли, товарами — водкой и табаком — украинские купцы проникали до самой Москвы. В значительных количествах на русском рынке продавались волы, особенно с 40-х годов XVII в. Широкую торговлю волами в это время в Москве вели, например, купцы с Украины Иван, Дмитрий и Мануйло Юрьевы. Вывозившаяся из России на внешний рынок юфть вырабатывалась русскими мастерами из сырых кож, привозимых с Украины, главным образом с Поднепровья и Подолии. Очень выгодной для украинских купцов была торговля селитрой — сырьем для изготовления пороха. Польское правительство запрещало вывоз селитры в Россию. Однако активная торговля ею продолжалась, о чем свидетельствуют, в частности, запретительные королевские универсалы 40-х годов XVII в. На рынках России продавалась также высококачественная белая прикарпатская соль.

Все более тесно экономически связывались между собой пограничные районы Украины и России. Обмен сельскохозяйственными продуктами и изделиями местного ремесла и промыслов здесь велся постоянно. В этой торговле участвовали не только купцы и торговые люди, но и крестьяне и ремесленники. Воеводы пограничных городов России информировали царя о том, что русские крестьяне торгуют с украинскими «беспрестанно».

Царское правительство стремилось в фискальных целях сконцентрировать русско-украинскую торговлю в пограничных городах, где имелись таможни. Одновременно оно способствовало развитию этой торговли. В порубежных с Украиной городах строились специальные дворы для приезжих украинских купцов и торговых людей. В 1635 г. такой двор на государственные средства был построен в Севске. В том же году брянский воевода обратился к правительству с просьбой разрешить построить в Брянске для украинских купцов новый торговый двор взамен обветшалого. В 1638 г. белгородский воевода ходатайствовал о постройке гостиного двора в Белгороде для часто приезжавших украинских торговых людей.

Как и прежде, через украинские земли Русское государство вело широкую международную торговлю со странами Южной и Западной Европы и Востока. Продолжал функционировать древний международный торговый путь вдоль Днепра. Обычным видом перевозки товаров здесь был караванный. Об объеме караванной торговли сохранилось свидетельство Михаила Литвина. Пользовавшиеся днепровским путем купцы, пишет он, «составляют отряды, иногда в тысячу человек, называемые караванами, и сопровождают обозы, состоявшие из многочисленных нагруженных возов и навьюченных верблюдов» [1]. Из Турции, Персии, Индии, Аравии и Сирии через Украину на север, в Россию, в частности в Псков и Новгород, направлялись восточные товары: драгоценные камни, шелк, благовония, в том числе ладан, шафран, перец и другие пряности. Крытые повозки с мехами, юфтью, воском, медом, конской сбруей, стальными клинками, кольчугами и прочими товарами, веками пользовавшимися неизменно высоким спросом на рынках Западной Европы, Балканского полуострова, Ближнего Востока,

[1] Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1890, вып. 1, с. 51.

следовали туда из России через Киев, Львов, Каменец-Подольский.

Значительная часть товаров, направлявшихся из России на международный рынок, продавалась на Украине. Это были прежде всего меха и «московские» шубы. Так, в 1640 г. русский купец Иван Кадашевец привез в Ярослав соболей на сумму до 45 тыс. злотых. Сотнями штук на украинских ярмарках продавалась «московская» юфть. Украинские крамари торговали «московскими вещами — подпругами, путлищами, тебеньками, калитами». Среди разнообразных кожаных изделий, продававшихся на Украине, источники второй половины XVI — первой половины XVII в. называют также «московские» хомуты, пояса, рукавицы, обувь и пр.

Украинские купцы принимали активное участие в международной торговле, которую вела Россия. Торговля привезенными из России мехами соболей, куниц, лисиц, бобров, белок, рысей, песцов, горностаев (по терминологии актов того времени «косматым» или «мякотным» товаром) велась с таким размахом, что, например, во Львове существовал специальный цех купцов-меховщиков, сосредоточивший ее в своих руках. Львовские меховщики вывозили в страны Центральной, Западной и Южной Европы и Востока значительную часть привезенных из России мехов.

На украинских землях в изобилии продавались и направлявшиеся в Русское государство разнообразные товары европейского и восточного происхождения. «Мне самому случалось видеть шелк, обходившийся дешевле, нежели в Вильне лен, и перец дешевле соли»,— сообщает о торговле восточными товарами на рынках Киева Михаил Литвин. Значительную часть товаров, проданных на Украине европейскими и восточными купцами, везли далее, в Россию, украинские купцы, включавшиеся в транзитный товарооборот между странами Европы и Востока с Русским государством. В этой торговле живейшее участие принимало население украинских городов. Михаил Литвин заметил, что значительные доходы из нее извлекали, например, киевские жители: мытники, менялы, лодочники, трактирщики, шинкари и др.

Торговля между Украиной и Россией во второй половине XVI — первой половине XVII в. продолжала развиваться, несмотря на неблагоприятные политические условия, в частности войны, которые вела Речь Посполитая против Русского государства. Так, в разгар Ливонской войны, в 1570 г. с польским послом Яном из Кротошина в Москву ездили 643 купца, среди которых было немало украинских. А в начале XVII в. торговлю в России вели, в частности, член Львовского братства Иван Красовский, львовские ремесленники золотарь Николай Семиградский, аптекарь Станислав Колачкович, портной Коронка и др.

Особенно оживленной стала русско-украинская торговля с 20-х годов XVII в. В 1621 г. путивльские воеводы В. Туренин и С. Собакин сообщали царю, что многие русские торговые люди ездят с товарами на Украину, а украинские купцы постоянно торгуют в России. Укрепились в это время экономические связи Украины и с Донскими землями. В 1646 г. царь Алексей Михайлович грамотой путивльскому воеводе Юрию Долгорукову велел беспрепятственно пропускать на Дон украинских торговых людей с хлебом, порохом и другими товарами. Неуклонное расширение украинско-русской торговли накануне освободительной войны украинского народа, крепнущие экономические контакты России и Украины свидетельствовали о взаимном тяготении братских народов, были проявлением их разнообразных многовековых связей, служили их дальнейшему сближению.

В общем торговля на Украине во второй половине XVI — первой половине XVII в. развивалась в весьма неблагоприятных политических и социальных условиях. Среди факторов, отрицательно влиявших на нее, кроме строгой регламентации и обременительных таможенных и других поборов, следует назвать господствовавшую в стране шляхетскую анархию, беспрерывные взаимные «наезды» и разбой феодалов, а также турецко-татарские нападения, пагубные последствия которых сказывались не только на Подолии и Браславщине, но и на Киевщине и Волыни. Несмотря на это, торговля все же сделала значительный шаг вперед в сравнении с предыдущим периодом. Крепли экономические связи между городом и деревней, расширялся и более интенсивным становился товарообмен между отдельными украинскими землями. Рос внешнеторговый товарооборот. Во все возрастающих количествах на внешний рынок вывозились продукты отечественного производства. Причем в экспорте преобладали сельскохозяйственные товары и продукты лесоразработок. Интенсификация товарообмена способствовала дальнейшему развитию ремесла и промыслов, в первую очередь городских, а также товаризации сельского, прежде всего помещичьего хозяйства.

Особое место в экспортной торговле, в частности вывозе за рубеж главных товаров — хлеба, волов и продуктов лесных промыслов, принадлежало магнатам и шляхте, широко пользовавшимся сословной привилегией на беспошлинную продажу на внешнем рынке товаров, произведенных в их собственном хозяйстве. Они оттесняли от внешней торговли купечество. При этом торговые прибыли обычно обращались феодалами на непроизводительные расходы, связанные с усилением тяготения господствующего класса к роскоши. В производство же капиталовложения, как правило, не делались. Товарность, а следовательно, прибыльность хозяйства повышалась путем обезземеливания крестьян, расширения барской запашки и повышения норм отработочной и натуральной ренты. Расширение шляхетской торговли истощало хозяйственные ресурсы страны, так как значительная часть торговой прибыли уплывала за границу в качестве платы за «речи шляхетские» — предметы роскоши и не участвовала в развитии отечественной экономики.

Несмотря на неблагоприятные политические условия, в частности войны Речи Посполитой против Русского государства, а также стремление господствовавших на Украине польских магнатов и шляхты в погоне за прибылями интенсифицировать торговлю со странами Европы, продолжали развиваться экономические связи и расширяться торговые контакты Украины с братскими Россией и Белоруссией. Во второй половине XVI — первой половине XVII в. в этой торговле принимали участие не только купцы, но и крестьяне и ремесленники. Более широким, чем в предыдущий период, стал ассортимент товаров. В наиболее тесно экономически связанных пограничных землях России и Украины торговля происходила различными продуктами местного сельскохозяйственного, ремесленного и промыслового производства.

5. ФОРМИРОВАНИЕ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОСТИ

Этапы формирования украинской народности. В процессе разложения первобытнообщинного строя и становления феодальных отношений у восточных славян сложились условия для возникновения единой народно-

сти. Такими условиями были общность происхождения и территориальное соседство, языковое и культурное родство, единство социально-экономических процессов. Важным фактором формирования древнерусской народности явилось пребывание восточных славян в составе единого раннефеодального государства — Киевской Руси.

С развитием феодальных отношений Киевская Русь в середине XII в. вступила в новый, исторически закономерный этап своего развития — период феодальной раздробленности. В это время в условиях наступившей политической разобщенности русских земель началось формирование предпосылок создания русской, украинской и белорусской народностей. Основой этого процесса явилась древнерусская народность, образование которой в предшествующее время полностью не завершилось, и она еще не превратилась в стойкую этническую общность. Формировавшиеся на единой этнической основе и примерно в одинаковых социально-экономических условиях русская, украинская и белорусская народности в процессе своего исторического развития сохранили важнейшие черты этнического и языкового родства, сложившегося в процессе образования древнерусской народности. Идея единства Руси, общности происхождения трех восточнославянских народов сыграла чрезвычайно важную роль в их становлении, обусловила их взаимное тяготение и тесные политические, экономические и культурные связи.

В процессе своего формирования украинская народность прошла ряд этапов.

Первый этап охватывает вторую половину XII—XIII в.— период феодальной раздробленности. Для этого времени характерны тенденции, с одной стороны, к политической обособленности отдельных территорий, а с другой — в силу общественного разделения труда — к их объединению и усилению экономических связей между ними. На этом этапе появляются новые экономические, политические и культурные центры, создаются соответствующие предпосылки и условия для формирования трех восточнославянских народностей — русской, украинской и белорусской.

В период феодальной раздробленности Киевская Русь сохраняла относительное политическое единство, но борьба удельных княжеств, а также их коалиций между собой и с великим князем киевским привела к ослаблению ее силы и возможности отпора внешним врагам. Монголо-татарское нашествие усилило обособление Северо-Восточной, Юго-Западной и Западной Руси. Ослабленные разрушительными набегами Западная и Юго-Западная Русь к XIV в. были захвачены польскими, литовскими и венгерскими феодалами, что усложнило процесс их социально-экономического и культурного развития.

Второй этап формирования украинской народности охватывает время с XIV до середины XVI в., когда, с одной стороны, в значительной степени была преодолена феодальная раздробленность в экономической сфере, а с другой — украинские земли находились в составе Польши, Литвы, Венгрии и Молдавии. Иноземное господство и государственные границы, искусственно разделявшие украинские земли, задерживали развитие экономических связей между ними, а установленный захватчиками тяжелейший феодальный гнет и религиозное угнетение отрицательно сказывались на развитии культуры украинской народности, ее языка. Но и в этих крайне неблагоприятных условиях росли города, углублялись товарно-денежные отношения, расширялись рыночные связи, развивалась национальная культура. С ростом городов как центров экономической и культурной жизни усиливалась бо-

рьба торгового и ремесленного населения против социального и национального угнетения. Усиление феодального гнета обостряло классовые противоречия в деревне, которые выливались в массовые антифеодальные выступления (восстание под руководством Мухи 1490—1492 гг. и др.).

Во второй половине XV в. на юго-восточных окраинах украинских земель в процессе их освоения, главным образом беглыми крестьянами, возникло украинское казачество, которое несколько позднее образовало Запорожскую Сечь, ставшую опорой народных масс Украины в их борьбе против феодально-крепостнического гнета и иноземных захватчиков.

Рост экономических связей между украинскими землями, усиление борьбы народных масс против феодального и иноземного гнета способствовали сплочению населения определенных территорий и украинских земель в целом, содействовали развитию национального самосознания, национального языка и культуры в ее разнообразных проявлениях. Все это были элементы процесса формирования украинской народности.

Третий этап формирования украинской народности охватывает период со второй половины XVI — приблизительно до середины XVII в. Для этого времени характерно дальнейшее развитие ремесла и торговли, усиление роли городов как экономических центров, расширение товарно-денежных отношений, охватывавших и сельское хозяйство. Все это создало условия для возникновения единого внутреннего, т. е. национального рынка на основной территории Украины.

Рост производительных сил сопровождался усилением эксплуатации трудящихся масс, проявившейся в закрепощении крестьянства, а также в ухудшении положения городских низов. Одновременно с социальным усилился и национально-религиозный гнет. Особенно он проявился после Люблинской унии 1569 г. и Брестской церковной унии 1596 г., когда большая часть территории, на которой формировалась украинская народность, оказалась в составе шляхетской Польши. Резкое ухудшение положения крестьянства и городского плебса обусловило подъем антифеодальной и освободительной борьбы народных масс, вылившейся в крупные крестьянско-казацкие восстания конца XVI—первой половины XVII в. Борьба масс способствовала росту национального самосознания украинской народности. Этот процесс нашел отражение во всех сферах культурной жизни, а также в психическом складе украинской народности.

Формирование русской, украинской и белорусской народностей происходило одновременно, хотя и в специфических для каждой из них условиях. Однако и в это время продолжали действовать исторические традиции единства восточных славян, проявившиеся в развитии взаимных политических, экономических и культурных связей. Исторически сложившиеся традиции не являлись чем-то застывшим, неизменным. В ходе исторического развития трех братских народностей они обогащались новым содержанием, приобретали еще более разнообразные формы.

На рубеже XV—XVI вв. образовалось Русское централизованное государство, столицей которого стала Москва. Образование единого и сильного Русского государства оказало заметное влияние на процесс формирования украинской и белорусской народностей, стимулировало дальнейшее развитие разносторонних связей трех братских народов, способствовало росту освободительной борьбы угнетенных иноземными поработителями украинского и белорусского народов, усилило их стремление к единению с русским народом в составе Русского государства.

На всех этапах формирования украинской народности постепенно складывались ее основные черты: определенная территория, единый язык, экономическая общность, общность культуры и психического склада. Эти признаки взаимообусловлены. В ходе формирования украинской народности, как и всякой другой, общее в этом процессе слагалось из частного. В то же время усиливавшееся общее, единое национальное все более воздействовало на частное, ускоряя процесс формирования признаков, присущих единой народности. Рассмотрим, как формировались отдельные черты украинской народности.

Территория. Ф. Энгельс отмечал неразрывную связь между территорией и этнической общностью[1]. Территория, как одна из черт народности,— понятие конкретное, исторически обусловленное. Народность могла формироваться только в результате постоянного и долговременного общения людей на протяжении многих поколений, а это возможно лишь на единой территории. Общность территории народности определяется заселением ее единым этническим образованием.

Процесс формирования украинской народности происходил в основном на землях Юго-Западной Руси, с древнейших времен заселенной восточными славянами и их предками.

В письменных источниках нет сведений о каких-либо коренных изменениях в этническом составе населения на землях Юго-Западной Руси со времени заселения их восточными славянами. О постоянном проживании здесь этого этнически однородного населения свидетельствуют данные антропологических и археологических исследований. В частности, антропологические материалы подтверждают генетическую связь украинцев с древлянами, волынянами, угличами, тиверцами, полянами, белыми хорватами, частично северянами, из которых, как и из других восточнославянских племен и племенных союзов, в процессе развития сформировалась древнерусская народность.

В письменных источниках сохранились сведения о том, что в истории юго-западного региона происходило миграционное движение местного населения, а также ассимиляция им иноплеменных групп. Как во времена существования древнерусского государства — Киевской Руси, так и в период феодальной раздробленности в состав автохтонного населения Юго-Западной Руси вливались выходцы из других славянских земель. Так, летопись сообщает о том, что князь киевский Владимир строил укрепления на берегах Десны, Трубежа, Сулы, Стугны и поселял там словен, кривичей и вятичей. В 1031 г. князь Ярослав, создавая оборонительную линию на р. Рось, поселил на этой территории взятых в плен «ляхов». В пограничных местностях с разрешения князей возникали селения печенегов, торков и половцев, известных под названием черных клобуков. Во времена усилившегося натиска кочевников происходили передвижения славянского населения с юга на север и с востока на запад. Когда же натиск кочевников ослабевал, славянское население возвращалось на прежние местожительства.

Но упомянутые перемещения, как и ассимиляционные процессы, не приводили к существенным изменениям в этническом составе славянского населения Юго-Западной Руси, где проходило формирование украинской народности. Письменные источники убедительно свидетельствуют о том, что даже после опустошительного монголо-татарского нашествия и установления золотоордынского ига население Юго-Западной Руси, как

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 330.

Карта Украины Г. Боплана. XVII в.

и Северо-Восточной, численно увеличивалось главным образом за счет естественного прироста оседлого славянского населения.

Формирование украинской народности, так же, как русской и белорусской, берет свое начало в периоде феодальной раздробленности, и происходило оно на весьма обширной территории. Украинская народность формировалась на землях, входивших в состав Киевского, Переяславского, Чернигово-Северского, Волынского и Галицкого княжеств, Буковины и Закарпатья. Границы княжеств и территорий, которые занимали ранее племенные объединения, не совпадали. Так, в состав Киевского княжества входили земли бывших полян и древлян, Галицкого — белых хорватов и частично уличей и тиверцев.

На востоке граница территории, на которой происходило формирование украинской народности, совпадала с границей Переяславского княжества. Она начиналась в верховьях рек Псла и Сейма, шла на юг и проходила с некоторыми отклонениями вдоль р. Ворсклы до ее впадения в Днепр. На Правобережье этническая территория определялась южной границей Киевского княжества, которая в середине XII в. проходила в междуречье Роси и Тясмина. Граница Галицко-Волынского княжества во времена его наивысшего могущества на юге доходила до устьев Днестра и Дуная и северного побережья Черного моря. Очевидно, южная граница этого княжества не совпадала с этнически русской линией, позже проходившей вдоль Днестра до Сорок, а на

р. Прут — до середины Сучавской и Ясской волостей. Западная граница Галицко-Волынского княжества с Польшей проходила по рекам Вислок и Сан, около Замостья, западнее Холма и по р. Вепрь, восточнее Люблина. Украинское население за Карпатами оказалось в составе Венгерского государства. Здесь граница его расселения проходила приблизительно по Тиссе, а дальше немного севернее городов Пряшев и Бардиев. На севере и на северо-востоке, где соседями украинцев являются белорусы и русские, не существовало четкой этнической границы. В период формирования трех братских народностей здесь была переходная полоса говоров и общих этнических признаков.

Очерченная выше территория являлась основным массивом, на котором формировалась украинская народность. Кроме того, существовали отдельные не компактные и не всегда постоянные древнерусские поселения в южных степных местностях за пределами очерченной территории. К проживавшему там русскому населению следует отнести упоминаемых в летописи (XII—XIII вв.) бродников, которые хотя и жили в специфических условиях, но не прерывали связей с Русью и постоянно пополнялись выходцами с ее земель.

В XV—XVI вв. территория, на которой формировалась украинская народность, расширяется вследствие заселения прилегавших к ней юго-восточных земель (главным образом беглыми крестьянами), возникновения на этих землях казачества и основания Запорожской Сечи, а также в результате освоения переселенцами с Украины в XVI—XVII вв. Слобожанщины.

Существовавшие в феодальную эпоху разные классы-сословия неодинаково относились к этнической территории. Господствующий класс феодалов, считая себя ее единственным и полновластным владельцем и распорядителем, заботясь прежде всего о собственном обогащении, в решении территориальных вопросов руководствовался не национальными, а узкоклассовыми интересами. История Украины знает немало примеров, когда феодалы своими действиями не только не способствовали сохранению этнической территории в неприкосновенности, но и легко шли на территориальные уступки соседним государствам. Совершенно иную позицию занимали трудящиеся массы. Именно они вносили решающий вклад в развитие производительных сил, подъем культуры. В деятельности народных масс, в их мировоззрении всегда проявлялся глубокий патриотизм, любовь к родной земле. На их плечи всегда ложилась основная тяжесть борьбы с иноземными захватчиками.

В формировании территории народности государственность играла определенную роль. Образование централизованного Русского государства, в котором объединились ранее разобщенные земли, безусловно сыграло положительную роль в формировании русской этнической территории.

В XIII—XIV вв. земли, на которых сформировались украинская и белорусская народности, были захвачены иноземными поработителями. Украинские земли были расчленены. Несовпадение государственных и этнических границ — характерное явление эпохи феодализма. Ф. Энгельс писал, что «ни одна государственная граница не совпадает с естественными границами национальности, то есть с границами языка» [1].

В формировании народностей ведущую роль играли определенные центры. Для русской (великорусской) народности таким центром стала Ростово-Суздальская земля. В Юго-Западной Руси XII — начала XIII в. основным территориальным ядром

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 16, с. 160.

формирования украинской народности было Среднее Поднепровье (Киевщина, Переяславщина и южная часть Чернигово-Северщины), хотя ведущую роль в государственно-политическом отношении занимало Галицко-Волынское княжество. Объясняется это не только значением Киевской земли в прошлом, но и тем, что, несмотря на феодальную раздробленность, Киевская земля и город Киев продолжали играть важную роль в политической, экономической, культурной и религиозной жизни. К тому же Киевская земля, граничившая с Переяславской, Чернигово-Северской, Волынской и Галицкой землями, находилась в центре Юго-Западной Руси.

В летописях и других источниках периода феодальной раздробленности под названием Русская земля, а с XIV в. также Русь подразумеваются все восточнославянские земли. Вместе с тем это название имело и более узкое значение — им определялись Киевское, Переяславское, Черниговское и Галицко-Волынское княжества, а название Верхняя земля употреблялось применительно к Северо-Восточной Руси. Такое расхождение в названиях было одним из свидетельств уже начавшегося процесса складывания этнической территории украинской и великорусской народностей.

В конце XII в. в письменных источниках впервые появилось название Украина. В Ипатьевской летописи под 1185 годом в связи со смертью в Переяславе князя Владимира Глебовича сказано: «И плакашася по нем вси переяславци... бо князь добр и крепок на рати... и о нем же на Украине много постона»[1]. Под упомянутой Украиной подразумевались соседние Киевское и Черниговское княжества. Позже название Украина начало употребляться как для обозначения отдельных земель, так и в более широком значении этого слова. Так, Галицко-Волынская летопись сохранила сведения о том, что князь Даниил Романович «прия Берестин и Угровеск, и Верещин, и Стилое Комов и всю Украину» [1].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что названия Украина, Вкраина как в упомянутых, так и других случаях употребляются в Ипатьевском списке летописи, созданном в Киеве. Судя по смыслу летописных записей, в Юго-Западной Руси названия Украина, Вкраина употреблялись прежде всего в значении край, краина (земля, страна), а не окраина.

В таком же значении названия Украина, Вкраина употребляются в устном народном творчестве, в думах и песнях, относящихся к XVI—XVII вв. («вся Вкраїночка», «славна Україна»). В XVI в. название Украина употребляется также в официальных актовых материалах как общее понятие по отношению к административно-территориальным единицам, существовавшим на Украине. Так, в постановлении польского сейма 1580 г. говорится о наказании «своевольников» «на Украине русской (т. е. в Галичине.— *Ред.*), киевской, волынской, подольской, брацлавской», которые своими действиями будут нарушать договоры Польши с Турцией.

Название Украина в значении страна распространилось и в западноевропейских государствах. Например, французский инженер Гийом Левасер де Боплан, который в 1630—1647 гг. находился на Украине и написал о ней книгу, дал ей такое название: «Описание Украины, или областей королевства Польского, которые находятся между границами Московии и Трансильвании». Эта книга была издана на французском, латинском, английском и немецком язы-

[1] Летопись по Ипатскому списку, с. 439.

[1] Летопись по Ипатскому списку, с. 490.

ках и безусловно содействовала распространению и закреплению в Западной Европе названия Украина.

В XIV в. начало употребляться название Великая Русь, а с конца XV в.— Россия. Тогда же появилось название Белая Русь, относящееся к землям, на которых формировалась белорусская народность. Одновременно, главным образом в официальных документах, а также в литературных произведениях, в отношении земель, на которых формировалась украинская народность, употреблялось название Малая Русь, от которого пошло производное — Малороссия. В народных массах эти два названия не получили широкого распространения.

Вместе с тем в рассматриваемое время продолжало бытовать общее название для всех восточнославянских земель — Русь, Русская земля. Так, в полемической книге «Палинодия» Захарии Копыстенского (начало XVII в.) о Русской земле говорится: «Так той, которая до Московского, як той, которая до Литовского князства, также и той, которая до королевства Полского належит» [1]. Следовательно, Русь, Русская земля — это русские, а также белорусские и украинские земли, находившиеся в составе разных государств. Но названием Русь подчеркивалась общность происхождения этих земель.

Таким образом, общность территории в процессе формирования украинской народности прошла через определенные этапы своего становления, связанные также со становлением других черт народности.

Язык. В. И. Ленин писал, что «язык есть важнейшее средство человеческого общения» [2]. Единый язык — это одна из черт, характеризующих народность. Формирование языка неразрывно связано с формированием народности. Язык является одним из важнейших источников познания прошлого. Он дает возможность показать то, что роднит или сближает народности, и в то же время раскрывает их особенности как этнические общности.

Древнерусскую народность характеризовала определенная языковая общность. В ходе формирования русской, украинской и белорусской народностей на фоне прежней языковой общности все выразительнее проявляются специфические языковые особенности каждой из этих народностей. В языке формирующейся народности проявляется диалектическая связь между общим для всех трех языков и свойственным только данному языку.

Язык возникает и существует на определенной территории. Украинский язык формировался на землях Юго-Западной Руси, где сохранились диалекты (говоры) бывших местных племенных союзов. Об этом свидетельствует тот факт, что территория распространения современных диалектов украинского языка в основном совпадает с территорией определенных племенных союзов. Так, территория расселения бывших северян совпадает с районом, где теперь существуют восточнополесские (черниговские) говоры; местности, которую занимали древляне, отвечают современные среднеполесские (северокиевские) говоры, а с бывшим местонахождением дулебов (волынян) совпадают западнополесские говоры. Упомянутые говоры составляют северную диалектную группу современного украинского языка. Юго-западная диалектная группа охватывает территорию, которую когда-то населяли главным образом белые хорваты и частично уличи и тиверцы. Юго-восточная диалектная группа распространена в Среднем Поднепровье. Родственные южнорусские диалекты активно взаи-

[1] Русская историческая библиотека. Спб., 1878, т. 17, с. 1032.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 258.

модействовали, скрещивались между собой. Так, языковые данные убедительно свидетельствуют о фонетической и лексической общности среднеполесских говоров с далекими от них закарпатскими. Несмотря на определенные отличия и специфические черты в южнорусских говорах, в них достаточно выразительно выступает и единство диалектного развития.

В период формирования восточнославянских народностей наряду с устным народным существовал и литературный, книжный язык, общий для восточных и южных славян. Возник он на основе древнеславянского языка. Книжным языком были написаны религиозные и литературные произведения, составлялись деловые документы. Он обслуживал главным образом привилегированные слои феодального общества. В литературном языке проявлялись две тенденции: одна выражалась в сближении его с разговорным языком, другая — в сохранении без особых изменений существующих норм. Первую тенденцию подтверждает наличие элементов будущего украинского языка в древнерусских литературных памятниках, созданных в Юго-Западной Руси до XIV в.

Приблизительно с XII в., как свидетельствуют восточнославянские письменные памятники, созданные в разных местностях, наметились определенные изменения в звуковом и морфологическом строе древнерусского языка, появились некоторые специфические черты будущих русского, украинского и белорусского языков. Например, в письменных памятниках, возникновение которых связано с южнорусскими землями, уже в конце XI—XII в. начинает употребляться буква «ѣ» вместо «Е». Она произносилась как «І» в словах «камѣнь», «шѣсть», «пѣчь» (камінь, шість, піч). Происходит замена буквы «И» на твердую «Ы» — «просыти», «совѣтныk» и т. д.

Черты формирующихся украинского, русского и белорусского языков выразительно выступают в письменных памятниках, прежде всего в актовом материале, начиная с XIV в. Актовый материал, в определенной степени отражающий живой разговорный язык, донес до нашего времени элементы народного языка, бытовавшего на разных землях Руси.

С XIV в. большая часть украинских и белорусских земель находилась в составе Литовского княжества. Здесь на древнерусской языковой основе начал формироваться общий литературный украинско-белорусский (белорусско-украинский) язык. В его возникновении важную роль играли разносторонние связи, существовавшие между двумя народностями, их непосредственное соседство, общность многих черт живого народного языка и пребывание в составе одного государства.

Специфические черты украинского и белорусского языков проявлялись в письменных документах. Они отображали языковые особенности той территории, где были написаны. Увеличение количества украинизмов в письменном языке начиная с XIV в. связано со все более широким проникновением в него живой языковой речи. Этот процесс происходил на всех украинских землях, несмотря на вхождение их в состав различных государств. Формирование украинского языка было одним из свидетельств формирования украинской народности.

Украинско-белорусский (белорусско-украинский) литературный язык сыграл важную роль в разных областях общественной и культурной жизни. Украинско-белорусский литературный язык не утратил своего значения и после Люблинской унии 1569 г., когда украинские земли были включены в состав Польши. Документы, составленные на этом языке и поступавшие с Украины в Россию,

в русских учреждениях даже в XVII в. называли «белорусскими». Их переводили на русский язык с пометой «перевод с белорусского». Вместе с тем разговорный русский, украинский и белорусский языки были близки друг другу: устные переговоры на этих языках тогда велись без переводчиков.

Определенную роль в общественной жизни XVI—XVII вв. играл церковнославянский литературный язык, общий для трех восточнославянских народностей, а также употреблявшийся в южнославянских странах. Грамматические нормы его были изложены в известной «Грамматике» Мелетия Смотрицкого (1619). Церковнославянский литературный язык был средством общения в культурных связях Украины, России, Белоруссии и южнославянских стран.

Украинско-белорусский литературный язык оказал определенное влияние на формирование русского книжного языка. Объясняется это, в частности, тем, что в Москве в XVII в. переводчиками на тогдашний литературный русский язык с греческого, латинского и польского часто были выходцы с Украины и Белоруссии, в том числе такие известные литераторы и ученые, как Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский, Симеон Полоцкий и др. В свою очередь, русские книги распространялись на Украине и в Белоруссии, что способствовало укреплению языковых и культурных связей между восточнославянскими народами.

Прогрессивные деятели тех времен понимали, что различия между украинским литературным и разговорным языком препятствуют развитию культуры, и поэтому стремились преодолеть их. В XVI—XVII вв. было сделано немало довольно удачных переводов с церковнославянского на народный язык. Известный полемист и литературный деятель конца XVI— начала XVII в. Иван Вишенский, обращаясь к духовенству, призывал его церковную службу «для разумения людского попросту» толковать.

О разговорном языке времени формирования украинской народности можно составить представление на основе фольклорных песен, рассказов, а также по вставкам в литературных произведениях. Воссоздать язык тех давних времен помогают также бытовые и обрядовые песни, в значительной степени сохранившие его особенности. Богатый материал о разговорном языке содержит, в частности, записанная во второй половине XVI в. песня «Дунаю, Дунаю, чему смутен течеш?», возникновение которой относится к середине XV в., песня о казаке и девушке Кулине, записанная в первой четверти XVII в., и др.

Хотя большая часть украинских земель длительное время находилась в составе Польши, правящие круги которой проводили политику насильственной полонизации местного населения, народ сохранял и развивал свой язык. Так, шведский посол Готрад Веллинг, описывая свое путешествие по Украине в середине XVII в., отмечал, что язык украинцев «отличается от польского, но несмотря на это, они могут один другого хорошо понимать». Немецкий путешественник Вердум, побывавший на Украине, обратил внимание на особенности «руського» (т. е. украинского) языка, в частности на то, что акцент в нем «не столь твердый, как в польском». Итальянец Божо в XVII в. писал, что украинский язык «отличен от польского как по произношению, так и лексически, но происходит он от того же материнского славянского языка». Турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби писал, что украинский язык богат и похож на русский.

Таким образом, как литературные, так и фольклорные памятники, а

также высказывания современников свидетельствуют о том, что в процессе формирования украинской народности сложился близкий к русскому и белорусскому украинский язык — один из основных признаков народности.

Общность экономической жизни. Возникновение и развитие народностей происходило в определенных социально-экономических условиях, когда «каждый народ сплачивается воедино материальными отношениями и интересами» [1]. Общность экономической жизни народности определяется социально-экономическими, политическими и географическими факторами, которые теснейшим образом и непосредственно связаны с человеческой деятельностью.

Украинская народность, как и другие восточнославянские народности, формировалась в эпоху феодализма. В это время (XII—середина XVII в.) наряду с развитием феодальных отношений углубляется общественное разделение труда. Оно проявляется в отделении ремесла от сельского хозяйства, росте городов, играющих все более важную роль торгово-ремесленных центров. Усиление с XIV в. развития городов вызвало в феодальном обществе значительные изменения экономического характера.

С ростом ремесленного населения в городах увеличивалась потребность в продукции сельского хозяйства. В то же время сельское население с расширением сбыта продукции своего хозяйства увеличивало закупки городских ремесленных изделий. Ф. Энгельс подчеркивал, что неизбежным результатом отделения ремесла от сельского хозяйства является «производство все возрастающей части продуктов труда непосредственно для обмена, тем самым превращение обмена между отдельными производителями в жизненную необходимость...» [1].

Экономические связи между городом и деревней на Украине непрерывно укреплялись и расширялись. Сельская территория, тяготевшая к городам, все более увеличивалась. В развитии связей между городом и деревней важное место принадлежало ярмаркам, собиравшимся в городах. На них приезжали купцы из разных мест, часто весьма отдаленных друг от друга. Возрастание экономической роли характерно для многих украинских городов, но особенно отчетливо оно прослеживается на крупнейших из них — Киеве, Чернигове, Новгороде-Северском, Владимире-Волынском, Галиче, Львове, Луцке, Каменце-Подольском.

В результате расширения экономических связей города с окружающей местностью происходило постепенное слияние мелких местных рынков в более крупные, а последних — в единый внутренний рынок. Существенную роль в этом процессе сыграло возникновение и углубление территориального разделения труда. Подчеркивая значение этого фактора, В. И. Ленин писал: «В непосредственной связи с разделением труда вообще стоит... территориальное разделение труда, специализация отдельных районов на производстве одного продукта...» [2].

Условия для возникновения единого внутреннего рынка на основной территории Украины складывались главным образом во второй половине XVI—XVII в. Довольно выразительно этот процесс проявлялся в развитии торговли между отдельными украинскими землями, в том числе и вновь осваиваемыми территориями.

Таким образом, отделение ремесла от сельского хозяйства, укрепление

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 146.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 165.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 431.

и углубление экономических связей между городом и деревней в конечном счете вели к постепенному слиянию узких внутренних рынков, образованию единого внутреннего рынка и хозяйственной специализации отдельных районов. Все это имело важнейшее значение для образования экономической общности — одного из основных факторов формирования украинской народности. Препятствием на пути образования экономической общности стали иноземное господство и государственные границы, искусственно разделявшие украинские земли. Однако и эти негативные факторы не могли приостановить указанный процесс, а тем более прервать его.

В период формирования украинской народности происходила активная колонизация новых земель. Несмотря на разорительные набеги золотоордынцев, с XIV в. довольно интенсивно осваивались вначале лесостепные, а со временем и степные районы на востоке и юге Украины. Это были земли, в разное время целиком или частично оставленные восточнославянским населением под натиском кочевников. Вначале здесь развивались главным образом промыслы (уходы), позже — скотоводство и земледелие. Продукция, производимая на этих землях, находила сбыт в других местностях Украины и за ее пределами. Таким образом, экономическая жизнь украинской народности расширялась и в территориальном отношении.

Хозяйственное освоение новых земель продолжалось длительное время. Сюда постепенно переселялись многие тысячи людей из разных местностей Украины, а также выходцы из соседних белорусских и русских земель. На вновь осваиваемых южных территориях возникло казачество, которое в условиях феодального строя вносило своеобразные черты в социально-экономические отношения, а также в процесс формирования украинской народности.

Одновременно усиливались, становились все более разнообразными экономические связи Украины с русскими и белорусскими землями. Создавались предпосылки включения Украины в складывавшийся начиная с XVII в. общероссийский рынок. В экономических связях украинских городов с русскими и белорусскими с XV в. ведущее место принадлежало Киеву.

Украинская народность, как и другие народности, формировалась в эпоху феодализма, когда существовали антагонистические классы-сословия, состоявшие из различных социальных прослоек. Ф. Энгельс отмечал, что феодальные сословия «составляли чрезвычайно хаотическую массу с весьма разнообразными, во всех направлениях взаимно перекрещивающимися потребностями. Каждое сословие стояло поперек дороги другому и находилось в непрерывной, то скрытой, то открытой борьбе со всеми остальными» [1].

Общность экономической жизни — это разнообразные и регулярные связи не только между отдельными землями, но и между различными социальными группами населения. Развитие этих связей играло прогрессивную роль в общественной жизни.

Процесс формирования украинской народности сопровождался обострением социальных противоречий, усилением классовой борьбы, являвшейся движущей силой исторического развития.

Все классы-сословия в разной степени принимали участие в формировании украинской народности. Общность экономической жизни решающим образом зависела от роли в ней производителей материальных благ—

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 357—358.

народных масс, эксплуатируемых господствующим классом.

Таким образом, экономический фактор, как ведущий в жизни общества, сыграл важнейшую роль в формировании украинской народности. Вместе с тем общность экономической жизни украинской народности составляла единое целое с такими признаками народности, как общность территории, языка и психического склада.

Общность психического склада, культуры и быта. Одним из признаков народности является общность психического склада. Она не обособлена от других признаков, а тесно с ними связана. На формирование психического склада оказывают влияние территория с ее географическими и производственными условиями, язык как один из способов общения людей, экономическая общность. В свою очередь, психический склад влияет на другие признаки народности, придает им определенный колорит. Общественный психический склад проявляется в своеобразии духовной культуры, быта, обычаев, в характере и этническом самосознании.

В. И. Ленин обращал внимание на необходимость учитывать особенности языка, «психологии, условий быта» [1]. Наиболее выразительно особенности быта проявляются в характере жилища, одежды и питания. Поскольку эти явления освещаются в специальном параграфе, остановимся лишь на некоторых их аспектах.

Жилище является одним из важных элементов материальной культуры народа. Несмотря на существование общих закономерностей в жилищном строительстве восточных славян, на Украине проявлялось своеобразие как в планировке поселений, так и в конструкции строений.

Известно, что улицы являются общей чертой поселений восточных славян. Но в связи с географическими и социальными особенностями на территории Украины с древних времен существовали поселения не только уличные, но и радиальные, бессистемные, круговые и смешанного типа. Такие же системы планировки применялись и в городах Украины.

Украинские жилища принадлежат к восточнославянскому типу, для которого характерна постройка в виде сруба. На большей части территории формирования украинской народности издавна применялась обмазка сруба глиной как внутри, так и снаружи. Самобытна архитектура украинского жилья и хозяйственных строений. Их конструкция, вообще традиционная для восточных славян, зависела также от материальных возможностей тех, кому они принадлежали.

Основным типом жилища на Украине была однокамерная или разделенная на две части изба (хата). Зажиточные слои населения строили жилища из четырех — шести комнат, магнаты и крупные купцы возводили дворцы. Иногда жилища ставились на подруб. Крестьянские хаты часто украшались росписью и резьбой.

В дошедших до нас памятниках материальной культуры, в их описаниях и народной словесности сохранились сведения о давних, специфических для украинской народности чертах меблировки жилища, своеобразии посуды, в частности наиболее распространенной керамической, а также других предметов быта. Однако даже однотипные изделия изготавливались по-разному, в зависимости от материальных возможностей их потребителей и от естественно-географического фактора.

В одежде украинцев наряду с общими чертами, сближавшими их с соседними народностями, существовали и свои особенности. Одежда ук-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 68.

раинской народности характеризуется определенной общностью, но в разных местностях — горных, лесных и степных — она имела и свои специфические черты. Кроме того, ее особенности связаны с социальным положением определенных групп населения. На это обратил внимание упомянутый выше немецкий путешественник Вердум. Он писал, что у крестьянок сорочки из грубого полотна, у горожанок и богатых девушек из вышитой китайки. Носят они также кольца на руках, большие серьги из кристалла, стекла, меди и бронзы, в соответствии с фантазией и достатком. Он обратил внимание не столько на формы одежды, сколько на резкое отличие в качестве жупанов и кожухов, которые носили крестьяне, казаки, мещане и шляхта.

Особенности быта в значительной степени проявляются в характере питания и способе приготовления пищи. Питание на Украине, как и в других странах, зависело от хозяйственной деятельности, социальных, естественных и других условий. Оно определялось ассортиментом продуктов, а также временем употребления их — в будни и праздники. До наших дней дошел набор украинских народных блюд, многие из которых берут начало еще со времен формирования народности.

В быту также выразительно проявлялось социальное положение различных слоев населения. Быт разных категорий тогдашнего украинского общества ярко описал Иван Вишенский в своей «Книжке»: «Тые хлопи простые в своих кучках и домках сѣдят, а мы пред ся на столах епископских лежимо; тые хлопи з одное мисочки поливку албо борщик хлепчют, а мы пред ся поколко десят полмисков, размаитыми смаками уфарбованых, пожираем; тые хлопи бѣтцким албо муравским кгермачком ся покрывают, а мы пред ся в гатласѣ, ядамашку и соболѣх шубах ходимо; тые хлопи сами и панове и слуги собѣ суть, а мы пред ся предстоящих барвяноходцев поколко десят маемо» [1].

Психический склад находил проявление в обычаях и обрядах, особенностях семейных, производственных и гражданских отношений. Самобытными у украинцев были, например, обряды, связанные с производственными процессами, временами года, рождением ребенка, свадьбой, похоронами, а также с проведением разных праздников.

Характерные черты психического склада украинской народности довольно четко отражались в песнях, в их содержании и мелодике, а также танцах. В народных украинских песнях, как писал Н. В. Гоголь, историк может «узнать верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне; история народа разоблачится перед ним в ясном величии» [2].

О своеобразных чертах быта украинцев в XVI—XVII вв. писали, в частности, иностранцы, побывавшие на Украине. Так, Павел Алеппский, сопровождавший антиохийского патриарха Макария в его поездке с Ближнего Востока через Молдавию и Украину в Москву, в своих интересных записках детально рассказал о жизни и быте украинцев. Он обратил внимание также на отличия в быту молдаван, украинцев и русских. Интересные сведения о быте украинцев содержат записки турецкого путешественника Эвлии Челеби и др.

В процессе формирования украинской народности ее культура и быт

[1] *Вишенский И.* Сочинения. М.; Л., 1955, с. 73.

[2] *Гоголь Н. В.* Собр. соч., М., 1950, т. 6, с. 68.

приобретали самобытный характер. Однако этот процесс происходил не изолированно, а в разнообразных культурных взаимосвязях и взаимоотношениях с непосредственными соседями — русскими, белорусами, поляками, молдаванами, венграми и словаками. Разные социальные слои украинского общества воспринимали у соседних народов только то, что отвечало их интересам, вкусам и возможностям. Значительная часть эксплуататорской верхушки Украины стремилась сблизиться с господствующими кругами тех стран, куда входили украинские земли, перенимала их культуру, быт, язык, чтобы таким путем сохранить и укрепить свои классовые позиции.

В культуре, отражающей психический склад народности, нашли проявление идеи и взгляды разных социальных групп, составлявших в целом украинскую народность. Однако в период формирования украинской народности господствующей стала идеология феодалов. Но господство феодальной идеологии не исключало существования других идей и взглядов, носителями которых были социальные группы населения, противостоявшие феодалам.

Известно, что в средневековье «всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму» [1]. Православная вера, общая для русской, украинской и белорусской народностей, в те времена играла заметную роль в укреплении связей между восточнославянскими народностями. Значительная заслуга в укреплении не только религиозных, но и культурных и политических связей между соседними народностями принадлежала братствам, возникшим в городах Украины и Белоруссии во второй половине XVI в. Своей просветительской деятельностью они внесли весомый вклад в утверждение этнического самосознания украинского и белорусского народов.

Сознание принадлежности к определенной этнической общности, единства ее исторических судеб развивается в процессе формирования народности. Уже в XV—XVI вв. на Украине наряду с такими названиями, как Русь в значении страна, народ, а также «люди руської веры» и «люди руського обряда», получает распространение новое название — «руський народ», что было равнозначно возникшему позднее понятию украинский народ.

С XVI в., особенно после Люблинской унии 1569 г., когда усилилось наступление польских правящих кругов и католицизма на украинские земли, все чаще высказывается мысль о необходимости защитить права «руського народа». Эта мысль обосновывается во многих литературных произведениях, особенно полемических.

Сознание принадлежности к украинской народности ширилось и крепло в ходе крестьянско-казацких восстаний конца XVI — первой половины XVII в. и особенно во время освободительной войны 1648—1654 гг., движущей силой которых были народные массы, выступавшие одновременно и против иноземного и против феодального гнета.

Таким образом, народность — своеобразная этническая общность, которая в силу объективных условий исторического развития складывается из различных классов-сословий. Но формируется она прежде всего из народных масс, которые «составляют цвет страны, ее силу, ее будущность» [1]. Ф. Энгельс обращал внимание на то, что «современные национальности также являются продуктом угнетенных классов» [2].

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 314.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 104.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 409.

Эксплуататорские классы систематически пренебрегали национальными интересами и даже предавали их ради сохранения своих привилегий. В знаменитом произведении Милетия Смотрицкого «Тренос» («Плач») говорится о «выродившихся сынах», о магнатах и шляхтичах, которые отступили от православия и тем самым от своей народности.

В. И. Ленин отмечал, что «отечество, т. е. данная политическая, культурная и социальная среда, является самым могущественным фактором в классовой борьбе пролетариата...» [1]. Каждая эпоха вкладывает свое содержание в понятия «отечество», «родина», «патриотизм». Патриотизм стал одним из важнейших факторов в борьбе украинского народа против иноземных захватчиков. В патриотизме также проявляются национальное самосознание и психический склад народности.

Социальное положение и уровень национального самосознания определяли отношение разных классов-сословий к отечеству — Украине. Для народных масс это была родная земля, которую они горячо любили, прославляли в думах и песнях, за которую отдавали свою жизнь, самоотверженно отстаивая ее от посягательств захватчиков. Иначе относились к Родине — Украине представители господствующих классов — магнаты, шляхта, высшее духовенство. Так, в 1641 г. игумен киевского Братского монастыря Игнатий Старушич в речи на похоронах князя Ильи Четвертинского восхвалял его «доблести», проявленные в борьбе против крестьянско-казацких восстаний. Старушич называл князя сыном «милой отчизны Короны Польской». В годы освободительной войны 1648—1654 гг. украинский народ воспевал героические подвиги своих отважных сынов в борьбе против шляхетской Польши. В то же время украинский православный магнат Адам Кисель в письмах и речах скорбел по поводу тех поражений, которые потерпело «его отечество Речь Посполитая». Народ презирал Киселя, у которого «руські кістки лядським мясом обросли».

Большое значение для освободительной борьбы на Украине, а тем самым и для формирования украинской народности имели ее связи с братскими русской и белорусской народностями. Централизованное Русское государство неоднократно выступало в защиту порабощенных Польшей и Литвой украинского и белорусского народов.

Возникновение и развитие украинской народности свидетельствует о создании консолидированной этнической общности. Украинской народности были присущи все черты, характеризующие народность вообще. В дальнейшем, с изменением исторических условий, она приобретала новые качества. В период разложения феодального строя и зарождения новых, капиталистических отношений начался процесс превращения украинской народности в буржуазную нацию.

Во второй половине XVI— первой половине XVII в. экономика Украины продолжала развиваться. Препятствовали ее прогрессу политическая разобщенность украинских земель, находившихся под властью Речи Посполитой, Венгрии и Молдавии, усиление феодально-крепостнического гнета, национального угнетения и религиозной дискриминации, почти непрерывные опустошительные набеги орд крымских феодалов. Развивалось сельское хозяйство — увеличивались площади обрабатываемых земель, в земледелии и животноводстве возрастали валовая и особенно товарная продукция. Продолжался процесс раз-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 190.

вития фольварочного хозяйства в Галичине, на Волыни, Подолии, Северной Киевщине. Фольварки возникали и на других украинских землях, в частности на Поднепровье. По мере развития магнатского и шляхетского хозяйства усиливалось наступление феодалов на крестьянство: они захватывали все больше крестьянских земель, включая их в свои владения. В пользование крестьянам предоставлялись наделы, как правило, худшего качества.

Постепенное ограничение крестьянского землевладения, лишение крестьян права владения землей сопровождались ростом их эксплуатации и закрепощением. Все шире вводилась отработочная рента, прежде всего в местностях, где фольварочная система хозяйства получила наибольшее развитие. Во многих имениях Галичины, Волыни и Подолии отработочная рента превратилась в основную форму эксплуатации крестьян. Закрепощаемое крестьянство лишалось юридических прав. Феодалы присвоили себе право распоряжаться не только землей, находившейся в пользовании крестьян, но и их имуществом и даже личностью. Закабаление крестьян феодалами получило законодательное оформление в ряде государственных актов, прежде всего в Литовских статутах.

Наряду с сельским хозяйством развивались городские и сельские ремесла, а также промыслы, особенно на востоке и юго-востоке Украины — в районах, где в рассматриваемое время феодально-крепостнические отношения были менее развиты. Происходил абсолютный рост ремесленного производства благодаря увеличению количества ремесленников, как цеховых, так и особенно внецеховых. Имели место и качественные изменения в ремесле: углублялась профессиональная специализация ремесленников, возникали новые виды ремесла, совершенствовалась техника производства, повышалось качество изделий, расширялась их номенклатура. В ремесле, прежде всего городском, все более четко проявлялась тенденция превращения его в мелкотоварное производство. Аналогичные процессы происходили и в промыслах. В конце XVI— начале XVII в. появились первые предприятия раннемануфактурного типа, пока еще крепостные, в ремесленном производстве и особенно в промыслах все шире использовался наемный труд.

Заметно быстрее, чем в предыдущий период, развивались города, значение которых как центров ремесла и торговли, общественно-политической и культурной жизни непрерывно возрастало. Особенно много новых городов возникло на Поднепровье, Левобережье и Слобожанщине. Рост городов на востоке и юго-востоке Украины происходил гораздо быстрее, чем в западных ее районах, где значительно сильнее сказывалось сковывающее воздействие застойных феодальных отношений, а также ущемление господствующей иноземной верхушкой украинского населения городов в экономической, политической, культурной и религиозной сферах.

Дальнейшее отделение ремесла от сельского хозяйства, увеличение их продукции, рост городов способствовали развитию внутренней и внешней торговли. Крепли хозяйственные связи между городом и деревней, возрастало экономическое значение локальных местных рынков, все более широкими становились территориальные связи каждого из них. Одновременно расширялся, становился более интенсивным и приобретал все более устойчивый характер товарообмен между отдельными украинскими землями, что вело к постепенному слиянию локальных местных рынков в более крупные, упрочению связей между ними. Быстро расширялись и укреплялись внешнеэкономические

контакты, в частности торговля между украинскими землями и Русским государством. Этому в значительной степени способствовало интенсивное освоение украинским населением земель Левобережья, Южной Киевщины и Запорожья, а также совместное заселение русскими и украинцами Слобожанщины.

Наиболее тесными были экономические связи между Левобережной Украиной и пограничными землями Русского государства, хотя и Правобережье, и Волынь, и Галичина тоже участвовали в украинско-русской торговле. Особое значение украинско-русские экономические связи приобрели с конца XYI в. в условиях расширения антифеодальной и освободительной борьбы украинского народа.

Развитие экономических связей между отдельными украинскими землями, тенденция к слиянию местных рынков в единый общеукраинский рынок способствовали укреплению территориальной, языковой, культурной и психической общности украинского народа, росту его национального самосознания. В свою очередь, консолидация украинского народа в единую народность оказала положительное влияние на развитие производительных сил, культуры, общественного сознания и дальнейший подъем освободительной борьбы.

Глава VII

УСИЛЕНИЕ АНТИФЕОДАЛЬНОЙ И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ НА УКРАИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Дальнейшее усиление феодального гнета, закрепощение крестьянства, ухудшение положения основной массы городского населения, насильственное насаждение католичества и церковной унии, дискриминация горожан-украинцев, ограничение украинского языка и ущемление украинской культуры во второй половине XVI— первой половине XVII в. вызвали резкое обострение классовой борьбы и рост освободительного движения на всех украинских землях. Движущей силой антифеодального и освободительного движения было крестьянство, составлявшее основную и наиболее жестоко эксплуатируемую часть населения. Одновременно и все чаще вместе с крестьянством на борьбу поднимались городские низы. Против эксплуататоров активно выступало также рядовое казачество. Его четкая военная организация, богатый боевой опыт играли важную роль в сплочении восставших крестьян и мещан, в овладении ими навыками вооруженной борьбы против правительственных и магнатских войск.

Как и прежде, борьба народных масс проявлялась в самых разнообразных формах: в подаче жалоб, побегах, поджогах панского имущества, убийстве угнетателей, локальных вооруженных выступлениях в одном или нескольких населенных пунктах и, наконец, массовых антифеодальных восстаниях. С последней четверти XVI в. широкие народные восстания стали основной формой антифеодальной и освободительной борьбы, развернувшейся на Украине. Таковыми массовыми народными выступлениями явились восстания 90-х годов XVI в. под руководством Криштофа Косинского и Северина Наливайко и особенно крестьянско-казацкие восстания 20—30-х годов XVII в., ставшие грозным предвестником взрыва освободительной войны 1648—1654 гг.

Основным районом народных восстаний было Среднее Поднепровье, население которого в значительной степени состояло из беглых крестьян. Крестьяне, казаки и мещане решительно противились попыткам магнатов установить в этом районе те же феодальные порядки, что и на других украинских землях, где крестьянство уже было закрепощено и подвергалось жесточайшей эксплуатации.

В рассматриваемый период обострение классовой борьбы имело место также в России и Белоруссии. Нередко русские, украинские и белорусские крестьяне вместе боролись против усиливавшегося феодального гнета. Ярким примером совместной борьбы трудящихся масс является первая крестьянская война в России в начале XVII в., в которой вместе с русскими активное участие принимали украинские и белорусские крестьяне, мещане, работные люди и казаки.

Классовая борьба тесно переплеталась с освободительной. Выступая против феодальной эксплуатации, народные массы одновременно боролись и за освобождение своей земли от иноземных поработителей, против католической реакции, за сохранение

родного языка и культуры, за свою самобытность.

Со второй половины XVI в. украинский народ резко усилил отпор турецко-татарской агрессии. Во все усиливавшейся борьбе против захватчиков важная роль принадлежала запорожскому казачеству, превратившемуся в крупную и эффективную военную силу.

1. ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ. АНТИФЕОДАЛЬНАЯ БОРЬБА НАРОДНЫХ МАСС (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI в.)

Побеги и переселения крестьян. Усиление народной колонизации свободных земель. Одним из важнейших социальных явлений во второй половине XVI в. были массовые побеги крестьян. Основной причиной побегов послужило усиление феодально-крепостнического гнета. Беглые крестьяне направлялись преимущественно в южные районы Подольского, Брацлавского и Киевского воеводств, а также на Левобережную Украину и в южные окраины Русского государства (южные районы Чернигово-Северщины и Слобожанщину) — в места, еще не захваченные феодалами или где феодальный гнет был значительно слабее. Многие беглые пополняли ряды казачества на Поднепровье, что отмечал и К. Маркс [1].

В эти же места переселялись многие крестьяне, еще не попавшие в крепостную зависимость, но которым она угрожала, а также выходцы из городских низов. Все они рассчитывали на новом месте избавиться от возраставшего феодального гнета. Среди переселенцев встречались и заможные хозяева, рассчитывавшие на вновь осваиваемых землях еще шире развернуть предпринимательскую деятельность.

На свободные земли бежали и переселялись тысячи и тысячи крестьян и мещан с семьями, причем поток их все возрастал. Многим беглецам удавалось захватить с собой кое-какое движимое имущество, в том числе скот. Беглые сыграли решающую роль в хозяйственном освоении вновь заселяемых земель. Новопоселенцы основывали города и села, распахивали и засевали целинные земли, разводили скот, устраивали пасеки, закладывали сады, занимались охотой, рыболовством и другими промыслами. Экономическому развитию осваиваемых земель способствовали благоприятные природные условия.

Факты полностью опровергают утверждения старой польской шляхетской и буржуазной историографии о якобы цивилизаторской миссии польских магнатов и шляхты в освоении так называемого Дикого Поля, его заселении, создании городов и сел, развитии хозяйства. В действительности жадные к наживе польские феодалы устремлялись на вновь осваиваемые земли тогда, когда производительные силы здесь уже были приведены в действие беглыми. При этом они наталкивались на решительное сопротивление трудящихся масс, не желавших вновь надеть на себя феодальное ярмо. К тому же употребляемый в шляхетской и буржуазной историографии термин «Дикое Поле» (его некритически восприняли и некоторые советские исследователи), т. е. неосвоенная, пустынная степь, не соответствует действительности. Территория, которую народные массы усиленно колонизировали во второй половине XVI—первой половине XVII в., никогда не была пустынной. Тут постоянно промышляли многочислен-

[1] См.: Архив Маркса и Энгельса, т. 8, с. 154.

ные уходники — жители Киевщины и Чернигово-Северщины, Подолии и Брацлавщины. Некоторые данные дают основание считать, что на этих землях в то время имелось и постоянное, правда немногочисленное, население, которое строило зимовники и занималось скотоводством, земледелием, пчеловодством и другими промыслами.

Освоение новых земель происходило в исключительно трудных условиях и было сопряжено с огромным риском. Турецко-татарские захватчики почти непрерывно предпринимали набеги на украинские и южные русские земли. От них страдало прежде всего население южных и юго-восточных пограничных земель. Враги уничтожали или захватывали людей и плоды их тяжелого труда.

Крестьяне западноукраинских земель бежали также в Карпаты, где они, как и значительная часть местного населения, вплоть до 1647 г. пользовались волошским правом и не отбывали барщины. Кроме того, в Карпатах сходились границы Польши, Венгрии и Молдавии, часто враждовавших между собой, что в определенной степени задерживало в этом обширном районе насаждение крепостничества. Благоприятствовала беглецам и труднодоступная горная местность, где они могли довольно легко укрыться и на «сыром корене», т. е. на свободном месте, создавать свои хозяйства. Особенно интенсивное освоение Карпат новопоселенцами происходило начиная с рубежа XVI—XVII вв., когда поток беглецов сюда значительно возрос. Отражая попытки феодалов поработить поселенцев Карпат, многие из них вступали в ряды опришков.

Характерной особенностью переселенческого процесса было то, что в нем принимали участие все слои трудящегося украинского населения. На Поднепровье, Левобережье, Слобожанщину, Запорожье и в Карпаты кроме крестьян бежали выходцы из других социальных групп с Киевщины, Чернигово-Северщины, Брацлавщины, Волыни, из Восточной и Западной Подолии, Галичины, Буковины и Закарпатья. Определенную часть поселенцев составляли русские, белорусы и лица других национальностей. На вновь осваиваемых землях оседали беглые крестьяне и частично выходцы из других сословий Польши и Литвы, Словакии и Венгрии. Здесь селились также молдавские и валашские крестьяне, спасавшиеся от феодального гнета и турецкого порабощения. Украинские, русские, белорусские и другие переселенцы часто селились вместе, в одних селах, совместно организовывали защиту от турецко-татарских завоевателей и вместе боролись против феодалов Речи Посполитой, пытавшихся прибрать к рукам плоды их труда, а самих их поработить.

Часть беглецов пополняла запорожское казачество, в рядах которого принимала активное участие в борьбе против усиливавшегося феодального гнета и наступления на украинскую культуру, против религиозных преследований.

Побеги и переселения приобрели столь внушительные размеры, что вызвали ряд контрмер со стороны правительства Речи Посполитой. По требованию феодалов законодательно было ограничено право перехода крестьян от одного пана к другому и переселение их на свободные земли. Уже закон 1543 г. запретил крестьянам выкупаться на волю и предоставил феодалам право продавать, закладывать и передавать в наследство своих подданных с землей или без земли, семьями или в одиночку.

На Виленском сейме 1554 г. специально рассматривался вопрос о новых мерах против крестьянских побегов. Мелкие и средние шляхтичи просили польского короля и великого князя литовского Сигизмунда II Ав-

густа запретить панам принимать беглых крестьян. Король удовлетворил их просьбу. Принятое на сейме постановление строго запрещало землевладельцам под угрозой штрафа принимать беглых. Одновременно король приказал выдавать беглецов, чтобы «люди отчизные и непохожие, которые [в]имѣниях панов мѣшкают, з имѣний их поутекавши, абы были за доводом их выданы».

В постановлениях последующих сеймов (1578, 1581, 1611, 1613 гг. и др.) провозглашалась беспощадная борьба с побегами. Помимо решений, имевших общегосударственное значение, феодальное правительство издавало и отдельные приказы, направленные против беглых из того или иного воеводства и даже имения. В феврале 1569 г., во время работы Люблинского сейма, Сигизмунд II Август приказал киевскому и брацлавскому воеводам задерживать и выдавать феодалам бежавших от них людей: «О таковыхъ людях своевольныхъ достаточную вѣдомость давати и ничем их не утаивати не смели и к пойманню таковых людей вольныхъ, и не оселых» принимать меры. Король подчеркнул при этом, что такие люди очень опасны для Польско-Литовской державы [1].

Обеспокоенная убылью рабочих рук в своих имениях из-за массового бегства крестьян, шляхта Русского воеводства в 1597 г. настойчиво добивалась от сейма принятия эффективных мер для возвращения владельцам крепостных крестьян, бежавших от них в Киевское, Брацлавское и Волынское воеводства. Одновременно населению категорически запрещалось принимать беглых крестьян и предоставлять им убежище. Во время королевской ревизии 1563 г. в Кременецком повете местным жителям было приказано не держать у себя более трех дней неоседлых крестьян («людей неоселых, прихожих»), а об их приходе и уходе сообщать местным властям. Феодалы не без оснований боялись опасного для них влияния беглых на местных крестьян, «ибо от таких великие шкоды и злодейства в селах делаются» [1].

Распространенным явлением были так называемые местные побеги. Крестьяне, не выдержав непосильного гнета и издевательств «своих» панов, часто бежали к соседним феодалам (как правило, более сильным и богатым), которые, стремясь переманить крестьян в свои имения, устанавливали для них сначала меньшие повинности, предоставляли некоторые временные льготы («слободы»). Таким образом беглые крестьяне, хотя и на короткое время, облегчали свое положение. Со временем побеги крестьян приобретали все более массовый характер. Они все чаще бежали группами и даже целыми селами. Так, жители сел Килия, Печибоды, Пиддубцы, Богдановщина, Косенин, принадлежавших разным шляхтичам, в 1552 г., очевидно, заранее сговорившись, вместе с семьями, захватив скот и имущество, бежали в имения князя Острожского в том же Житомирском повете. В 1592 г. крестьяне с. Ростоцкое бежали в соседнее с. Киндиное того же Кременецкого повета. Подобные побеги наиболее характерны для Волыни, Галичины, Подолии и частично Западной Киевщины.

Часть беглых крестьян направлялась в города. В эпоху средневековья, отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, беглые крепостные «стекались в расцветавшие тогда города» [2]. В городах Украины, особенно на Поднепровье, бывшие крепостные крестьяне составляли значительную часть населения. В городах Поднепровья жили

[1] ЦГАДА СССР, ф. 389, д. 531, л. 177—178.

[1] Архив ЮЗР, ч. 7, т. 2, с. 114—115.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 23.

в основном выходцы из разных украинских земель. Вместе с тем там оседали русские и белорусы, главным образом из числа беглых крестьян.

В результате массового бегства украинских крестьян в города, особенно Поднепровья и Левобережья, в них быстро росло число «непослушных» жителей, т. е. тех, которые отказывались отбывать феодальные повинности. Как видно из люстрации, проведенной в 1616 г., во многих городах Поднепровья «непослушных» дворов было больше, чем «послушных». В Белой Церкви на 300 «непослушных» приходилось 300 «послушных», в Корсуни «непослушных» и «послушных» дворов было соответственно 1300 и 200, в Чигирине — 4500 и 50, в Каневе — 1500 и 150, в Черкассах — 800 и 150.

Несмотря на жестокие феодальные законы, направленные против беглых крепостных, побеги не только не прекращались, но и продолжали расти. С одной стороны, крестьяне не могли примириться с усилением феодальной эксплуатации и своим бесправным положением, а с другой — владельцы крупных латифундий, заинтересованные в рабочих руках, не желали пожертвовать своими личными выгодами ради интересов средней и мелкой шляхты и продолжали не только принимать, но и переманивать чужих крестьян, предоставляя им временные льготы. Так, когда в 1561 г. из имения Моковичи Владимирского повета Волынского воеводства в соседние села Киселино и Твердыня бежало пять «отчинных» крестьянских семейств, то управитель имения, куда входили эти села, категорически отказался возвратить беглых их владельцу. Точно так же поступили и в Любечском замке на Киевщине в 1562 г., куда бежали крестьяне из Радошинского имения.

В XVI в. в Русском государстве беглые («гулящие люди») составляли столь значительную часть населения, что считались легальной категорией. С их существованием вынуждено было примириться даже правительство. «Гулящих людей» особенно много было на Чернигово-Северщине. В 1606—1607 гг. они составляли значительную часть основного ядра повстанческой армии Ивана Болотникова.

К побегу крепостные готовились заранее и тщательно. Даже буржуазные историки вынуждены были признать, что побеги крестьян не носили характера бездомного бродяжничества, как это утверждали феодалы, а представляли собой целенаправленное переселение на новые места.

Бегство крестьян, а также выходцев из других угнетенных слоев населения особенно усилилось с конца XVI в. Оно приобрело массовый характер и охватило все земли Украины. По далеко не полным данным, за 1595—1602 гг. только в Брацлавском и Киевском воеводствах крестьяне бежали из 425 сел, в том числе в 1600 г. из 159 сел Киевского воеводства.

Отказ от выполнения феодальных повинностей. Выступления крестьян против феодалов. Борьба крестьянства против эксплуататоров значительно усилилась со второй половины XVI в., что, как отмечалось, было обусловлено значительным ростом феодального гнета.

Одной из наиболее распространенных форм антифеодального протеста были жалобы крестьян на притеснение их феодалами. Жалобы крестьяне направляли во все инстанции, начиная от волостных и поветовых судов и кончая королем. Жалуясь на панов, управителей имений, арендаторов, королевскую администрацию, крестьяне приводили бесчисленные факты произвольного увеличения феодальных повинностей и изощренных издевательств над ними и их семьями. Поток жалоб из года в год увели-

чивался, хотя обычно они не давали результатов.

Все более частыми становились случаи отказа от выполнения феодальных повинностей. При этом крестьяне действовали целыми группами или даже селами. Как правило, крестьяне отказывались отбывать увеличивавшуюся барщину — наиболее обременительную для них отработочную ренту. Так, в 1579 г. крестьяне с. Оздова Волынского воеводства решительно отказались выполнять барщину. Подобные факты в те же годы имели место не только на Волыни, но и в Галичине, на Подолии, Западной Киевщине, где отработочная рента была наиболее обременительной.

Протестовали крестьяне и против увеличения других повинностей. Так, в местечках Любеч и Лоев, расположенных на Днепре, они заявили об отказе платить налоги, несмотря на то, что еще до Люблинской унии литовское великокняжеское правительство приняло «уставу» (закон, распоряжение) о наказании крестьян, уклонявшихся от уплаты денежного налога. Деньги с таких крестьян правительственные чиновники взимали «грабежом», т. е. силой.

Массовое неповиновение крестьян во всей Речи Посполитой, как свидетельствуют современники, имело место в 1587 г., что вызвало тревогу в среде феодалов.

Крестьяне выступали также против «волочной померы» и составления реестров, которые влекли за собой не только уменьшение крестьянских наделов, но и увеличение различных феодальных повинностей. Решительно возражали против «волочной померы» жители сел Старые и Новые Слободища Житомирского повета Киевского воеводства в 1593 г. Крестьяне заявили, что раздела земли на волоки не допустят, а если он будет произведен, перестанут выполнять повинности и уйдут в другие места.

Нередко крестьяне отказывались выполнять феодальные повинности в пользу церкви — церковную десятину. Так, крестьяне ряда сел Владимирского повета Волынского воеводства в 1568 г. отказались выполнять повинности в пользу Владимирской замковой церкви и священника, которого за издевательства над ними они называли убийцей. Крестьяне заявили также об отказе отбывать повинности в пользу замка.

Жители с. Горожаны Львовского повета Русского воеводства на протяжении трех лет (1568—1570) не выполняли феодальных повинностей. В конфликт вмешался сам король Сигизмунд II Август и принудил крестьян к повиновению. Крестьяне с. Батятичи (возле Каменки-Струмиловой в Галичине), не выдержав гнета и издевательств арендаторов, дважды подавали на них жалобы польскому королю (1544, 1593). Однако арендаторы продолжали жестоко эксплуатировать крестьян. В ответ на это жители села неоднократно отказывались выполнять феодальные повинности и с оружием в руках выступали против угнетателей.

Своеобразной формой антифеодальной борьбы являлись потравы посевов и сенокосов на землях светских и духовных феодалов, захват принадлежавшего им хлеба и сена. Так, в 1562 г. жители сел Романов, Воротков и Дорогостав Луцкого повета сжали и взяли себе рожь на церковных землях в соседнем с. Хорлупа, а также совершили потраву сенокоса.

Постоянную борьбу с феодалами крестьяне вели за право пользования сенокосами, лугами и пастбищами. Чаще всего, не имея возможности возвратить отобранные у них феодалами угодья даже через суд, они косили сено и выпасали скот на лугах, которые справедливо считали своими. Так, в 1563 г. жители с. Борисовичи Луцкого повета скосили и забрали сено на сенокосе помещицы Клевец-

кой, которым они прежде пользовались. Подобный случай имел место в 1565 г. в с. Выгуричи того же повета. Часто крестьяне захватывали панский скот и лошадей. Так, в с. Острыи Луцкого повета в 1561 г. они увели лошадей, принадлежавших местному попу. Подобным образом поступили крестьяне шляхтича Козинского с. Туличев Владимирского повета, забрав часть лошадей из его табуна.

Феодалы-землевладельцы присваивали и общинные леса. Крестьяне не могли с этим примириться и продолжали использовать лес для своих нужд. Так, жители с. Суск Луцкого повета в 1561 г. совершили порубку в лесу князя Соколинского, которым они ранее свободно пользовались.

Бывали случаи нападения крестьян на обозы, принадлежавшие феодалам. Например, в 1562 г. крестьяне сел Горохов, Рачин и Белое Поле Луцкого повета, Завидов, Защипов и Конюхи Владимирского повета напали на обоз князя Порицкого и разобрали панское имущество.

Участились нападения крестьян на феодалов и их слуг. В 1558 г. через с. Ботын, восточнее Луцка, проезжал слуга князя Радзивилла, который вез с собой «невольника» (беглого крестьянина). Ботынские крестьяне отбили «невольника», забрали у слуги воз, лошадь и оружие. В 1561 г. крестьяне с. Рачин Владимирского повета напали на владимирского подстаросту князя Сангушко. В 1571 г. крестьянка Улита в с. Добрын Луцкого повета пыталась отравить шляхтича Добрынского и его жену, жестоко обращавшихся с ней. В с. Вишни возле Луцка в 1596 г. крестьяне убили некоего Табакшия, служившего пану Кандыбе и издевавшегося над ними. В 1586 г. крестьяне с. Колпитов Владимирского повета убили управляющего имением, а другого служилого шляхтича ранили.

Долго судился с крестьянами священник с. Сальная Львовского повета Русского воеводства, в конце концов добившийся, чтобы крестьяне платили ему церковную десятину. Возмущенные этим несправедливым решением суда, крестьяне убили попа.

В 1551 г. в Закарпатье, на Мараморощине, произошло первое стихийное выступление солекопов, большинство из которых принадлежало к числу феодально зависимых крестьян. Солекопов, протестовавших против каторжных условий труда, поддержали местные крестьяне.

Во второй половине XVI в. распространение получила и такая форма борьбы крестьян, как поджоги усадеб феодалов, их хозяйственных строений, урожая, сопровождавшиеся иногда убийством панов и их слуг. Документы этого времени содержат многочисленные данные о поджогах имущества магнатов и шляхты. Так, в 1561 г. крестьяне попытались поджечь хозяйственные постройки в имении княжны Б. Острожской на Волыни. В 1563 г. в с. Плоская Луцкого повета в результате поджога сгорели все строения и хлеб в имении шляхтича Ф. Хмары. В 1570 г. местные жители сожгли Межиричский замок князя Б. Корецкого в Луцком повете. В августе 1588 г. жители с. Борки (Волынское воеводство), принадлежавшего Барановскому, слуге князя Курбского, обложили панский дом соломой и сожгли его вместе с владельцем. На суде крестьяне заявили, что Барановский жестоко издевался над ними, «даже в неволю брал и незносные нам кривды чинил». Как и в других подобных случаях, власти жестоко расправились с крестьянами: шесть организаторов выступления были повешены.

Отдельные выступления крестьян, особенно поджоги, нападения на феодалов и их слуг, часто предшествовали открытым вооруженным антифеодальным выступлениям крестьянства — восстаниям.

Феодалы, обладая всей полнотой власти, жестоко подавляли даже малейшее сопротивление крестьян. В. И. Ленин отмечал, что диктатура «помещиков в средние века... была насильственным подавлением сопротивления громадного большинства населения, именно трудящихся» [1].

Борьба опришков. В Прикарпатье, в условиях гористо-лесистой местности, широкое распространение получило движение опришков — своеобразная форма вооруженной борьбы западноукраинского крестьянства, основанная на тактике партизанских действий. Это было одно из самых стойких и длительных выступлений крестьянства в истории его борьбы против эксплуататоров. Возникнув в первой половине XVI в. (наиболее раннее упоминание об опришках относится к 1529 г.), движение не прекращалось до второй половины XIX в., т. е. продолжалось более 300 лет.

О происхождении названия «опришек» точных данных нет. Скорее всего оно произошло от латинского слова «opressor» — нарушитель. Это и производные от него слова часто употреблялись в документах, написанных латынью. В трансформированное из латинского слово «опришек» народные массы вкладывали иной, положительный смысл — мститель, борец за интересы угнетенных и бесправных.

Самоотверженная борьба народных мстителей воспета во многих фольклорных произведениях — легендах, преданиях, сказках и песнях, возникших в тяжелое время крепостнической неволи.

В ряды опришков становились самые обездоленные, вконец разоренные и обнищавшие крестьяне — наймиты и дворовые люди, коморники и огородники, выходцы из других слоев населения, находившихся на самой последней ступени социальной иерархии. В опришки шли бедняки со всех западноукраинских земель, а также из Польши, Словакии, Венгрии и Молдавии, что стало ярким свидетельством классовой солидарности крестьянства разных национальностей. Одновременно с движением опришков аналогичное движение возникло в Польше. Отряды польских повстанцев — збуйников — действовали в Краковском и западной части Русского воеводства. Опришки и збуйники поддерживали между собой связь и в некоторых случаях наносили удары по угнетателям совместно.

Иван Франко, глубоко исследовавший и прекрасно знавший историю западноукраинского крестьянства, высоко оценивал движение опришков, указывал, что оно было формой активного социального протеста: «Угнетенный, битый и обижаемый поддан-ный, не имея возможности нигде найти пристанища, справедливости, бежал в леса, присоединялся к таким же отчаянным, как и сам, и, хотя каждую минуту чувствовал над собой угрозу смерти, все же рад был хотя бы под этой угрозой прожить свободно, более того, еще отомстить своим обидчикам» [1].

Опришки, пользуясь полной поддержкой местного населения, получали от него большую помощь. Именно это определяло силу и жизненность движения, эффективность ударов по эксплуататорам. В свою очередь, опришки помогали беднейшим крестьянам, раздавая им имущество и скот, отобранные у шляхты, арендаторов и других богачей. Повстанцам в их борьбе благоприятствовали и природные условия — труднодоступные горы и густые леса Карпат, где укрывались их отряды.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 499.

[1] См.: *Франко І.* Творп. К., 1956, т. 19, с. 594.

Народные мстители были хорошо вооружены, действовали преимущественно небольшими отрядами, нападали внезапно. Совершив акт справедливого возмездия над угнетателями, они быстро исчезали. Тактика борьбы мелкими группами диктовалась конкретными местными условиями. На южных границах Речи Посполитой, т. е. там, где действовали опришки, имелось много укреплений и постоянно находилось значительное количество войск. Поэтому мелким отрядам было легче просачиваться через позиции, занятые вооруженными силами. Кроме того, в условиях гористо-лесистой местности базирование и передвижение крупных отрядов представляло значительные трудности. Однако в отдельных случаях перед проведением более значительных боевых операций опришки объединялись в крупные отряды.

Со второй половины XVI в. движение опришков приобрело широкий размах. Оно охватило Русское воеводство, главным образом его южную часть, Закарпатье и Буковину, распространилось на Подолию. Основными районами, где развернулась борьба, стали Покутье (Коломыйский повет), Саноцкая и Перемышльская земли. Опорными пунктами повстанцев в восточной части Карпат была Черногора и ее окрестности, в западной — Бескиды. На Подолии опришки базировались главным образом в районе горы Медоборы, в непосредственной близости от Каменца-Подольского, и в окрестностях Язловца, Жидачева и Галича на Надднестрянском взгорье.

Из документов второй половины XVI в. известны имена многих опришков — руководителей и активных участников борьбы и места их деятельности. Так, согласно материалам Саноцкого городского суда за 1556 г., в Саноцкой земле и на Лемковщине действовали опришки под руководством Криштофа. В 1567 г. в районе Санока и Самбора вели борьбу повстанцы под руководством Госкова. В те же годы между Яцимиром и Саном громили эксплуататоров опришки, во главе которых стояли братья Гриць и Иванча. Опришковские отряды нападали на имения феодалов даже в окрестностях Каменца, где располагался крупный гарнизон.

Особенно активно отряды опришков действовали в районе, прилегавшем к польско-молдавской границе. В случае опасности они уходили за польскую границу, а по миновании ее возвращались. Отдельные отряды вели борьбу по обе стороны границы. Так, в конце XVI в. на Прикарпатье, в Венгрии и Словакии громил шляхту отряд под руководством «гетмана» Марко Гатала. Галицкие и буковинские опришки нередко взаимодействовали, помогали друг другу. Чтобы успешней отражать их удары, польские короли и молдавские господари заключили соглашение о совместных действиях. Специально созданная польско-молдавская комиссия получила задание беспощадно наказывать захваченных повстанцев.

Напуганная ростом опришковского движения, распространением его на новые территории, шляхта предпринимала различные меры, в том числе законодательные и военные, с целью его подавления. По требованию шляхты в 1567 г. сейм утвердил для Подольской земли «сокращенный процесс» суда над опришками, предоставив старосте право чинить суд и расправу над ними по своему усмотрению. Но это не помогло. В 80-х годах местная шляхта вынуждена была приступить к созданию специальных сил для борьбы с повстанцами. Кроме того, в 1586 г. на Кременецком сеймике шляхта приняла специальное постановление из 12 статей, ужесточавшее карательные меры против участников движения.

Подобные шаги предпринимались и в Русском воеводстве. В частности, в

1589 г. сеймик утвердил постановление об усилении борьбы против опришков, действовавших на его территории. На подавление опришковского движения были направлены также решения сеймика Русского воеводства в 1592 и 1593 гг.

Однако никакие репрессии не могли остановить подымавшейся волны антифеодального движения, прежде всего вооруженных выступлений. Быстро нарастая, охватывая все более широкие угнетенные массы, борьба крестьянства Украины вылилась в ряд мощных народных восстаний, начавшихся в 90-х годах XVI в.

Крестьянские восстания. Высшей формой антифеодального движения являются восстания. Во второй половине XVI в. крестьянские восстания на Украине стали довольно частым явлением. Однако большинство из них имело локальный характер — они охватывали, как правило, одно село, реже несколько. Восставшие крестьяне слабо были связаны с мещанами ближайших городов и казачеством. Несмотря на это, крестьянские восстания вынуждали феодалов не усиливать, а местами даже несколько ослаблять феодальный гнет из-за боязни вспышки широких вооруженных выступлений народных масс.

Обострение классовой борьбы в Русском государстве, в частности крупнейшее восстание посадских, или черных, людей 1547 г. в Москве и волна народных восстаний 1547—1549 гг. в других русских городах, оказавших влияние на всю Россию, в том числе на Северскую Украину, которая входила в состав Русского государства, способствовало расширению антифеодальной борьбы крестьянства и городских низов Украины, особенно Поднепровья. Сюда, спасаясь от репрессий феодалов, бежали многие русские люди — участники народных восстаний. Имея большой опыт борьбы, они принимали самое активное участие в антифеодальном и освободительном движении украинского народа.

Во второй половине XVI в. число крестьянских восстаний по сравнению с предшествующим временем заметно увеличилось. Так, в мае 1562 г., не выдержав жестокой эксплуатации и издевательств управителя имения, восстали крестьяне с. Иваница Луцкого повета. Вооружившись луками и ружьями, восставшие напали на фольварк и забрали у владельца имущество, нажитое их потом и трудом. В 1563 г. восстали жители Ляховецкого ключа Кременецкого повета. Совместно с пришлыми и местными наймитами сел Войнеговское, Кашинцы, Вариводинцы и Ляховцы они напали на усадьбу Матвея Сенюты, убили владельца и разгромили его имение. После этого восставшие убежали из своих сел. Крестьяне с. Семенов Теребовлянского повета в 1587 г. с оружием в руках выступили против своего владельца, который жестоко угнетал их и издевался над ними. В Волынском Полесье, в районе местечка Чернечгородок, крестьяне и мещане, возмущенные введением дополнительной тяжелой подводной повинности, в 1567 г. расправились с ненавистным управителем имения и другими слугами феодала, а заодно и с местным священником. Крестьяне соседних сел Колки и Рудники под влиянием чернечгородских событий также выступили с оружием в руках против феодалов.

Довольно крупное крестьянское восстание вспыхнуло в 1573 г. в с. Луковая Русского воеводства. Восставших активно поддержали жители соседних сел Замок, Рожанцы и Обща. В 1567 г. крестьяне с. Секунь Владимирского повета восстали против своего пана, непомерно увеличившего феодальные повинности. Вооруженные косами и кольями, крестьяне сумели обратить в бегство шляхетский

вооруженный отряд, прибывший в село для расправы с восставшими.

Все чаще крестьянские выступления приобретали форму партизанского восстания. Восставшие создавали вооруженные отряды, которые совершали внезапные нападения на имения феодалов. Документы 1579 г. называют руководителей крестьянских повстанческих отрядов Качора, Краздва и Ракошика, действовавших на Подолии и Брацлавщине. В жалобе местных феодалов о них говорится как о «найславнейших злодѣях, которых имена славны по всей Подоли» [1].

В районе города Луцка в Волынском воеводстве в 60-х годах XVI в. действовал небольшой, но хорошо вооруженный отряд народных мстителей. Во главе отряда стоял радомышльский крестьянин Лонец. Повстанцы, пользуясь постоянной и активной поддержкой местных крестьян, нападали на феодалов и их слуг, на панские обозы на дорогах, которые вели в Луцк, а также на шляхетские имения в близлежащих селах.

Однако крестьянские восстания, имевшие разрозненный и локальный характер, сравнительно легко подавлялись правящим классом.

Таким образом, антифеодальные выступления крестьянских масс во второй половине XVI в. проявлялись в самых разнообразных формах. По сравнению с предшествующим временем протест крестьянства против феодального гнета заметно усилился. Все чаще его недовольство и возмущения выливались в открытые выступления против угнетателей. Крестьяне нападали на феодалов, громили их имения. Антифеодальная борьба начала приобретать характер восстаний и действий повстанческих отрядов.

Фактов антифеодальных выступлений крестьян, выражавшихся в побегах, подаче жалоб, отказе от выполнения феодальных повинностей, потравах посевов и сенокосов, захватах имущества, поджогах усадеб и хозяйственных дворов и, наконец, убийствах феодалов и их слуг, в документах зафиксировано множество. Все это свидетельствует о том, что начиная со второй половины XVI в. классовая борьба приобрела особую остроту.

Антифеодальное движение второй половины XVI в. подготовило почву для крестьянско-казацких восстаний конца XVI — первой половины XVII в.— первых крупных классовых битв украинского народа, являвшихся одновременно выступлениями за освобождение от иноземного господства, за воссоединение Украины с Россией.

Классовая борьба в городах. С ростом и развитием городов усиливалось имущественное неравенство городского населения, в результате которого углублялись и социальные противоречия в его среде, обострялась классовая борьба. От социального, а также национально-религиозного гнета особенно страдало беднейшее мещанство, составлявшее основную массу городского населения. Поэтому оно наиболее решительно выступало против городской верхушки и королевских властей, все активнее поддерживало антифеодальную борьбу крестьянства. Участились случаи совместных выступлений крестьян и городского плебса.

Классовая борьба мещанства, как и крестьянства, проявлялась в разнообразных формах. Прежде всего возрос поток жалоб горожан на усиление налогового бремени, увеличение повинностей, произвол богачей, злоупотребления и издевательства со стороны городской верхушки и администрации. Не выдержав притеснений, жители Львова в 1576 г. подали жалобу королю. Неоднократно они обращались и в различные правительственные инстанции. Жалобы поступали также от мещан Острога, Янова, Житомира, Остра и других городов. Од-

[1] Архив ЮЗР, ч. 3, т. 1, с. 8.

нако обращения к властям почти никогда не давали результатов, и городские жители вынуждены были прибегать к иным средствам защиты своих жизненных интересов.

В Галичине, на Волыни и Западной Подолии одной из распространенных форм протеста против ухудшения положения были побеги, число которых росло с каждым десятилетием. После подавления крестьянско-казацких восстаний 90-х годов XVI в. побеги приобрели массовый характер. Бежали главным образом горожане, принадлежавшие к неимущим и зависимым от феодалов и городской верхушки слоям населения, положение которых было особенно тяжелым. Сохранились сведения о количестве бежавших мещан. Так, из Теребовли (Галичина) в 1596 г. «ушло» 70 горожан вместе с семьями, а из Долины на рубеже XVI—XVII вв.— треть населения.

Значительная часть мещан бежала на Поднепровье и Левобережье, где уже во второй половине XVI в. возникло много новых поселений, в том числе немало местечек и городов. Местные феодалы, заинтересованные в быстрейшем освоении захваченных ими земель с целью увеличения прибылей, привлекали беглых в свои имения, предоставляя им различные льготы. Осевшим во вновь возникших и заселяемых местечках барщина заменялась менее обременительным оброком, жителям их предоставлялось ограниченное самоуправление. Часть беглых городских жителей поселялась в королевских городах и местечках, а также в казацких слободах. Многие беглые горожане уходили в пределы Русского государства.

Беднейшие слои населения городов и местечек усиливали борьбу против городского патрициата, представителей королевской власти и местной администрации. Мещане все чаще и решительнее отказывались платить налоги, особенно новые, выполнять все более обременительные феодальные повинности, многие из которых устанавливались феодалами — собственниками городов, королевскими старостами или магистратами по своему усмотрению и в свою пользу.

Наряду с отказом платить налоги и отбывать повинности, признавать администрацию и выполнять ее распоряжения мещане нередко прибегали к расправе с владельцами имений, арендаторами, представителями администрации. Так, в 1572 г. городские низы Ковеля, принадлежавшего князю Курбскому, доведенные до отчаяния издевательствами управляющего, убили его. В 1582 г. беднейшие мещане Рожища (Волынь), возмущенные жестокостью арендатора Хорьковского, сожгли его усадьбу. В 1594 г. выступило против арендатора население местечка Букачевец (Галичина). Несколько человек из числа служебников получили ранения.

Выступления мещан в различных формах имели место в городах Ковеле (1571), Владимире (1571), Дрогобыче (1578), Теребовле (1597), Остроге и Галиче (конец XVI в.), а также в других городах и местечках.

Усиление социального и национального гнета в городах неоднократно приводило к восстаниям. Крупнейшим из них было восстание в Белой Церкви, находившейся под непосредственной властью Киевского воеводы К. Острожского. Восстание началось в 1589 г., вскоре после того, как король Сигизмунд III после длительных и настойчивых ходатайств горожан выдал городу привилей на магдебургское право. Мещане пытались воспользоваться предоставленными им льготами, но сразу же натолкнулись на противодействие со стороны поставленной Острожским администрации и местного шляхетства. Пытаясь преодолеть его, они, как указывалось в королевском декрете, «бунты и кгвалты починили и, змоцнившыся сами, з моци (владения.—*Ред.*)

пана воеводы киевского выняли млыны, корчмы, пересуды и вси иные пожитки, ему належачие» [1]. Одновременно мещане распространили на шляхту юрисдикцию созданного ими на основании магдебургского права магистрата. Кроме того, белоцерковцы «шкоды немалые пану воеводе, шляхте и аряндарови тамошнему починили» [2].

Понимая, что сами они не смогут устоять против такого могущественного противника, как Острожский и местная шляхта, белоцерковцы, по словам короля, «бунтуючися далей», обратились «о помочь себе до инших мест (городов.— Ред.) украинных». Они захватили Белоцерковский замок и завладели хранившимися там оружием и боеприпасами, арестовали наместника, а военного слугу воеводы шляхтича Т. Шашковича и других слуг-шляхтичей «з места выгнали, а потом... погонивши их у чотырох милях, побили, поранили» [3]. Восставших белоцерковцев поддержали крестьяне близлежащих сел.

Король направил в Белую Церковь своего представителя с приказом мещанам снова стать под юрисдикцию Острожского и возвратить захваченные «пожитки». Восставшие, однако, не только отказались выполнить королевский приказ, но и самого посланца «мало о горло не приправили». Тогда король отменил данный городу привилей на магдебургское право и повторно потребовал от мещан подчиниться воеводе.

Однако повстанцы продолжали оказывать решительный отпор всем попыткам восстановить в городе власть воеводы: собрав несколько тысяч человек, они не пустили в город и замок ни воеводских слуг, ни королевских комиссаров. Более того, повстанцы оказали вооруженное сопротивление, убили несколько десятков воеводских слуг, других схватили и посадили в тюрьму. Отказались белоцерковцы и выдать суду «зачинщиков». Судебный приговор им был вынесен заочно: горожан, «которые поводом и причиною тых речей (событий.— *Ред.*) были» [1], приговорили публично казнить. В конце концов, собрав силы почти со всего воеводства, шляхта жестоко подавила восстание.

Восстание в Белой Церкви показало, с одной стороны, образец стойкости и решительности широких масс мещанства в борьбе с угнетателями, а с другой — всесилие феодалов, в данном случае магната К. Острожского, фактически не признавшего королевского привилея, предоставленного горожанам, и, наконец, слабость королевской власти, непоследовательность Сигизмунда III, который не только не принял мер для реализации выданного мещанам Белой Церкви привилея, а наоборот, под давлением воеводы поспешил отменить его.

В борьбе против феодального гнета мещанство выступало вместе с крестьянством и рядовым казачеством. Особенно это проявилось во время широких народных восстаний конца XVI — первой половины XVII в. Из среды мещан вышло немало талантливых руководителей народных восстаний. Сыном мещанина был Северин Наливайко, из мещан происходил Матвей Шаула и другие известные вожаки повстанческого движения.

[1] Архив ЮЗР, ч. 8, т. 5, с. 243.
[2] Там же, с. 246.
[3] Там же

[1] Архив ЮЗР, ч. 8, т. 5, с. 253.

2. КРЕСТЬЯНСКО-КАЗАЦКИЕ ВОССТАНИЯ КОНЦА XVI в.

Восстание под предводительством Криштофа Косинского. Первый период. Отдельные, разрозненные выступления угнетенного люда против шляхетства и королевской администрации переросли в грозное восстание. 19 декабря 1591 г. отряд реестровых и низовых (запорожских) казаков напал на Белоцерковский замок. Возглавил повстанцев Криштоф Косинский, недавно избранный казаками гетманом реестрового войска.

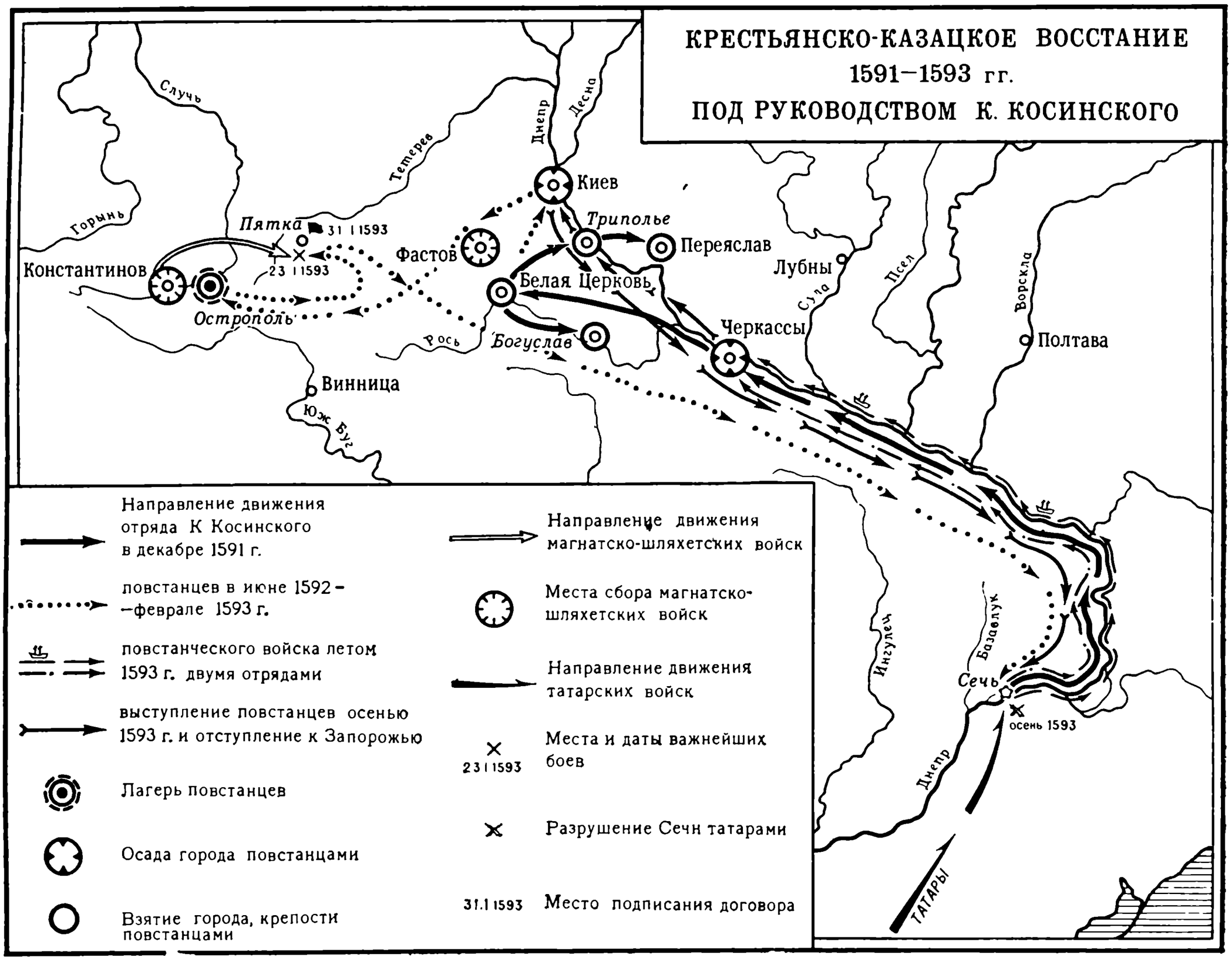
Выдвинутый в глубь степей, Белоцерковский замок был одним из важнейших опорных пунктов Речи Посполитой в Восточной Украине; он должен был держать в повиновении окружающее население, препятствовать бегству крестьян на Запорожье и прегражддать дорогу татарам. Одновременно Белая Церковь была административным центром старостваа, отданного королем Янушу Острожскому — сыну киевского воеводы и сенатора князя Константина.

Со времени подавления вооруженного выступления белоцерковских мещан против нестерпимых притеснений со стороны воеводы и старостинской администрации прошел только один год. Положение в Белой Церкви оставалось крайне напряженным: привилей на магдебургское право, предоставленный городу в 1589 г. Сигизмундом III по требованию мещан, был отменен, самым активным участникам восстания 1589—1590 гг. суд заочно вынес смертный приговор, старостинская администрация жестоко карала мещан за малейшее проявление недовольства. Когда повстанцы во главе с Косинским подошли к Белой Церкви, мещане поддержали их. Белоцерковский замок был взят. Восставшие захватили артиллерию, боеприпасы, разное имущество.

Падение Белой Церкви всколыхнуло местное население. Крестьяне изгоняли из имений владельцев, делили их землю и имущество, вооружались и вводили казацкие порядки: на сельских радах избирали атаманов, судей и сами решали все важнейшие местные дела. Отдельные отряды объявивших себя казаками крестьян присоединились к повстанцам Косинского. Вслед за Белой Церковью восставшие заняли Триполье, а немного позднее — Переяслав (на левом берегу Днепра).

Напуганный размахом народного движения, Сигизмунд III уже в январе 1592 г. назначил комиссию для расследования «своевольства» и наказания «виновных» Королевские «следователи» — теребовльский староста Яков Претвич, черкасский — Александр Вишневецкий, брацлавский — Яков Струсь, барский Станислав Гульский и другие вместе с верховным начальником реестра князем Язловецким во главе своих команд и шляхетских отрядов двинулись на Триполье. Карателн, однако не отважились сразу начать военные действия. Было решено сначала отколоть реестровцев от основной массы восставших и тогда уже покончить со «своеволием». Остановившись под Фастовом, каратели от имени Язловецкого послали письмо в Триполье. В нарочито учтивых выражениях, называя реестровцев «панами молодцами запорожскими», комиссары предлагали немедленно выдать Косинского («так как из-за одного лотра (разбойника.— *Ред.)* вы не захотите подвергаться наказанию») и сложить оружие. Иначе они угрожали кровавой расправой.

Руководители восставших приняли письмо и начали переговоры Вступать в бой с превосходящими силами карателей в момент, когда восстание находилось еще в начальной стадии, было опасно. Переговорами они на-



деялись выиграть время и добиться, если удастся, роспуска панского войска. Заверяя комиссаров, что Косинский уже лишен гетманства, руководители восставших обещали признать гетманом того, кого назначат власти, и вообще полностью повиноваться им. На этих условиях и был заключен договор, после чего комиссары покинули позиции под Фастовом и разъехались по своим старостам.

После ухода панского войска восстание стало быстро шириться. В июне 1592 г. повстанцы, поддерживаемые мещанами, приступили к осаде Киевского замка. Низовые казаки, по словам киевского воеводы князя К. Острожского, неоднократно подступали к городу и замку, захватывая пушки, другое оружие и порох.

В течение 1592 и зимы 1593 г. восстание распространилось на Волынское и Брацлавское воеводства. Шляхта Луцкого повета, обращаясь 11 января 1593 г. за помощью к панам соседних поветов, извещала их, что повстанцы, вторгшись в Киевское и Волынское воеводства, захватывают королевские и шляхетские замки и города. Шляхетство охватила тревога. В резолюции владимирского сеймика говорилось об опасности, грозящей панству от повстанцев, которые заняли «немало замков и сел украинных... братии нашей, шляхтичов оных краев». Далее извещалось, что теперь повстанцы «з немалым войском, з арматою, способом неприятельским, юж до Волынского воеводства притегнули, умысливши, далей панства короля его милости пустошити» [1].

Движение принимало все более грозный характер. По словам Александра Вишневецкого, повстанцы

[1] Архив ЮЗР, ч. 3, т. 1. с. 49—50.

стремились «перевернуть до основания все пограничье и нас (шляхту.— *Ред.*) всех истребить». Крестьяне не только изгоняли владельцев из имений и расправлялись с ними, но и вводили казацкие порядки в охваченных восстанием местностях. Уже вскоре после начала восстания шляхта Волынского воеводства, собравшись на «роки земские и рочки кгродские», жаловалась на «людей своевольных», казаков, которые «до присег на послушенство свое примушают»[1] местное население, т. е. устанавливают свою власть.

На сентябрьском сейме 1592 г. украинские магнаты во главе с князем К. Острожским требовали немедленно отправить на подавление восстания коронное войско. Магнатов поддерживали депутаты с Украины — их креатура. Это требование, однако, встретило сопротивление со стороны депутатов центральных польских провинций, шляхта которых боялась остаться один на один со своими крепостными в случае ухода коронного войска на Украину. В действиях шляхты проявлялись, с одной стороны, страх перед возможным выступлением закрепощенного крестьянства Центральной Польши, а с другой — оппозиционные настроения в отношении магнатов. Поддерживая королевскую власть в ее политике обуздания магнатов, шляхта не спешила теперь спасать их. Король, как представитель всего класса феодалов, стремился, естественно, как можно скорее покончить с восстанием. Он рассчитывал с помощью небольших уступок в пользу реестровцев отколоть их от «своевольников» — крестьян и получить возможность опираться на реестр как в борьбе против антифеодального движения на Украине, так и против своих противников — «кресовых корольков» — восточно-украинских магнатов.

Под давлением шляхты сейм отклонил требование магнатов об отправке на Украину коронного войска. Отклонено было и предложение магнатов распустить реестр и конфисковать казацкие земли. Единственной «уступкой» Сигизмунда III и канцлера Яна Замойского в пользу магнатов было согласие издать универсал, обязывающий шляхту Киевского, Волынского и Брацлавского воеводств собраться в посполитое рушение и под командованием князя К. Острожского отправиться на подавление восстания. Но это была пустая формальность, так как шляхта названных воеводств в подавляющем большинстве находилась в полной зависимости от местных магнатов, которые могли и без королевского универсала в любое время созвать ее для участия в походе.

К. Острожский назначил сборным пунктом войска Константинов, куда и начали сходиться отряды шляхты и надворные команды магнатов Вишневецкого, Претвича, Гульского и др. Януш Острожский собирал шляхту в Галичине и вербовал жолнеров в Венгрии. Собранное К. Острожским войско состояло главным образом из шляхетской конницы и наемной немецкой пехоты. Оно было хорошо вооружено и обеспечено всем необходимым для ведения войны. Выступая в поход, Острожский надеялся на скорую победу.

Плохо вооруженные и так же плохо снаряженные повстанцы, в большинстве своем не знакомые с военным делом крестьяне, казалось, были не в силах устоять перед шляхетским войском, к тому же стояли морозы, и пехота, составлявшая основную силу крестьянско-казацких отрядов, не могла окопаться в промерзлой земле. Положение повстанцев было очень тяжелым. Из-за сильных морозов и недостатка продовольствия многие из них разошлись по домам.

[1] Архив ЮЗР, ч. 3, т, 1, с. 39.

Битва под Пяткой. Второй период восстания. Под давлением превосходящих сил врага Косинский стал отводить повстанцев на более выгодные позиции. 23 января 1593 г. под местечком Пятка вблизи г. Чуднова на Житомирщине началось сражение, продолжавшееся целую неделю. Повстанцы, несмотря на большие потери, держались мужественно и стойко. Именно это лишило Острожского надежды на полную победу и заставило вступить в переговоры с восставшими.

31 января 1593 г. К. Острожский от имени панского войска и гетман К. Косинский с войсковым писарем от имени реестра подписали соглашение. Реестровцы должны были немедленно лишить Косинского гетманской булавы, держать на Запорожье постоянный гарнизон, вернуть в замки все захваченное там оружие. Наконец, и этот пункт паны считали главным, реестровцы обязывались не проживать и не причинять никакого ущерба («кривд жадных») «в державах княжат (Острожских)... и маетностях приятель их... княжати Александра Вишневецкого... и державах слуг их милости», т. е. в магнатских и шляхетских владениях. Кроме того, реестровцы обещали исключить из войска всех, кто вступил в него во время восстания.

Подписывая соглашение, паны понимали, что им недостает сил, чтобы покончить с восстанием. Более того, они вынуждены были вести переговоры с Косинским, головы которого добивались еще в прошлом году, и подписать с ним договор.

Повстанцы, со своей стороны, пошли на соглашение из-за очень тяжелых условий, в которые они попали. Косинский надеялся после прекращения военных действий уйти с основными силами на Запорожье и подготовиться там к новому выступлению.

Прибыв на Запорожье и начав подготовку к новому походу, Косинский вступил в связь с русским правительством. Вероятно, он просил помощи и одновременно обязывался защищать от татар юго-восточное русское пограничье. Намек на это находим в грамоте царя Федора Ивановича донским казакам от 20 марта 1593 г. Царь извещал донцов, что он велел «черкасом запорожским гетману Хриштопу Косицкому и всем атаманом и черкасом быть на Донце на шляхех и за царем итти (преследовать татарского хана.— *Ред.*)». Одновременно царь приказал донцам: «...и вы б промышляли с ними (украинскими казаками.— *Ред.*) ...сопча заодин» [1].

Слухи о тесных связях Косинского с Россией вызвали тревогу в правящих кругах Польши. Именно страхом перед тем, что украинские повстанцы будут искать защиты у России и что русское правительство окажет им помощь, было продиктовано письмо черкасского старосты Александра Вишневецкого канцлеру Яну Замойскому от 13 мая 1593 г. Вишневецкий писал, что Косинский присягнул великому князю московскому со всем своим войском и подчинил ему все пограничье более чем на 100 миль. Вишневецкий добавлял, что царь послал на Запорожье сукна и деньги.

Тем временем, летом 1593 г., закончив приготовление к походу, двухтысячное повстанческое войско во главе с Косинским выступило из Сечи и направилось вверх по Днепру. Разделившись на два отряда, из которых один плыл на лодках, повстанцы вскоре подступили к Черкассам и окружили замок. Староста Александр Вишневецкий вместе со своей командой и сбежавшейся из окрестностей шляхтой оказался в осаде.

Появление повстанцев под Черкассами произвело сильное впечатление на местное население, и крестьяне опять начали браться за оружие. В

[1] Історія України в документах і матеріалах, т. 3, с. 25.

сложившихся условиях у Вишневецкого не было надежды выбраться из Черкасс, в связи с чем он предложил Косинскому вступить в переговоры. Косинский принял предложение и в сопровождении отряда из 150 казаков прибыл в Черкассы. Здесь во время переговоров он был предательски убит. Польский хронист Иоахим Бельский (сын Мартина Бельского), хорошо осведомленный в тогдашних делах, прямо говорит, что убийцы Косинского — «слуги князя Александра Вишневецкого». Согласно народным преданиям, паны, схватив Косинского, замуровали его в столб в одном из католических монастырей.

Смерть талантливого руководителя была большой утратой для повстанцев, однако они не сняли осады. Вишневецкий, не дождавшись подхода коронного войска, вынужден был пойти на переговоры. По договору, заключенному в августе 1593 г., реестровцам предоставлялось право свободного выхода на Запорожье и оттуда «на волость» (территорию Речи Посполитой.— *Ред.*). Староста обязывался вернуть казакам отнятые у них лодки, лошадей и другое имущество. Оставшееся после смерти казаков имущество должно было поступать в пользу их родственников, а не старост, как было раньше. Казаки получили право жаловаться киевскому воеводе на притеснения со стороны старостинской администрации.

Самой важной уступкой в пользу реестровцев было право свободных связей с Сечью. Однако паны, как всегда, не думали придерживаться условий договора. Об этом весьма ясно высказался киевский бискуп Юзеф Верещинский. В письме от 19 августа 1593 г. канцлеру Замойскому он заметил: «Соглашение с ними было вынуждено обстоятельствами» — и тут же добавил: «Лучше, конечно, чтобы их (казаков.— *Ред.*) вовсе не было на Украине, но теперь не время говорить об этом, к тому же и сил (у польского правительства.— *Ред.*) для этого нет».

Действительно, притеснения крестьян продолжались. Не избежали этого и реестровцы. Киевский воевода Острожский, например, схватил казацких посланцев, пытавшихся подать жалобу на черкасского старосту А. Вишневецкого, бросил их в тюрьму и подверг пыткам, от которых один из них умер.

В ответ на усиление гнета осенью того же 1593 г. Поднепровье вновь охватило пламя восстания. С низовьев Днепра на Киев «доходити справедливости на провинника» двинулось повстанческое войско. По дороге к нему присоединялись крестьяне и мещане, и уже вскоре оно насчитывало до 4 тыс. человек. Восставшие были охвачены неугасимой ненавистью к угнетателям. Коронный гетман С. Конецпольский писал: «Повстанцы объяты таким упорством и своеволием, что не смотрят уже ни на бога, ни на короля, ни на что другое, и как бы это не повлекло за собой самых ужасных последствий: лучше, думаю, [было бы] каким-либо разумным способом избежать этого».

Получив известие о приближении к Киеву крестьянско-казацких отрядов, шляхта, съехавшаяся на очередную судебную сессию («на рочки»), сейчас же отправила к ним депутатов — бискупа Ю. Верещинского и князя К. Ружинского. В полутора милях от Киева депутаты встретили повстанцев на марше, однако те отклонили предложение начать переговоры и, не останавливаясь, продолжали движение прямо к городу. Шляхта в панике бросилась бежать из Киева, «не желая,— как иронизировал Ю. Верещинский,— испить с киевскими властями того пива, которого она наварила».

Началась осада Киева. Продолжалась она, однако, недолго, так как пришло тревожное известие: на Запорожье напали татары. Это был, ве-

роятно, результат интриг польских дипломатов, не раз подстрекавших хана к такому нападению. Хан и сам ожидал удобного случая для нападения и теперь, воспользовавшись отсутствием главных казацких сил, вторгся с войском на Запорожье и подступил к Сечи. Небольшой казацкий гарнизон оказал мужественное сопротивление. Но недостаток продовольствия принудил запорожцев покинуть Сечь (они ночью ушли на лодках вверх по Днепру). Ворвавшись в Сечь, татары уничтожили все ее укрепления. Это принудило повстанцев, среди которых было немало запорожских казаков, снять осаду Киева. Запорожцы поспешили в низовья Днепра.

Однако восстание в Поднепровье и на Брацлавщине продолжалось. Оно было таким грозным, что коронный гетман С. Конецпольский просил у канцлера Замойского «покровительства, совета и спасения, так как из-за упорства и возмущения хлопов,— писал он,— не могу выполнять своих обязанностей по восстановлению святой справедливости».

Жестокими мерами польским властям и местному панству удалось подавить крестьянско-казацкое восстание. Но победа эта была очень кратковременной.

Положение на Украине накануне восстания 1594—1596 гг. Новое, еще более грозное восстание на Украине вспыхнуло в условиях, усложненных событиями международного характера. В 1590 г. закончилась длительная война Турции с ее восточной соперницей — Персией. Развязав себе руки на востоке, султан Мурад III (1574—1595) начал готовиться к войне с империей Габсбургов. Правда, Османская империя была уже не такой могущественной, как когда-то. Двадцать лет тому назад, в 1571 г. Испания и Венеция, боровшиеся против господства Порты на Средиземном море, разгромили при Лепанто огромный турецкий флот. Вера в непобедимость Турции была поколеблена. Однако она оставалась еще сильной державой. Отразить турецкое нашествие можно было лишь общими силами европейских государств. Между тем попытка императора Рудольфа II (1576—1612) и папы Климента VIII (1592—1605) организовать антитурецкую лигу с участием, кроме западных государств, Польши* и России встретилась с большими трудностями. А тем временем Турция в 1593 г. начала военные действия. Рудольф II решил обратиться за помощью к запорожским казакам. Поручение установить контакт с Сечью и предложить казакам выступить против Турции было возложено на опытного дипломата Эриха Ляссоту.

Летом 1594 г. Ляссота прибыл в Сечь и вступил в переговоры со старшиной. На Запорожье в это время усилились противоречия между массой бедных казаков — серомой (после поражения восстания Косинского сюда бежало много его участников) и казацкой верхушкой. Поэтому старшина готова была пойти навстречу австрийскому правительству в надежде сплавить в поход серому и получить за это вознаграждение от императора. 10 июня 1594 г. на казацкой раде (совете) была оглашена императорская грамота. Рудольф II предлагал казакам двинуться через Молдавию на Дунай, переправиться на его правый берег и вторгнуться в турецкие владения. Вместе с тем император не брал на себя никаких обязательств, думая, очевидно, обойтись подаркамп старшине. Предложение императора

* Позицию Польши по отношению к Турции старый враг Габсбургов канцлер Я. Замойский в письме к великому гетману литовскому Криштофу Николаю Радзивиллу от 21 июля 1590 г. определил такими словами: «Начинать сами [войну] не хотим, хотим защищаться [если выступят против нас[до конца».

вызвало разную реакцию. Старшина, заинтересованная в том, чтобы избавиться от серомы, изо всех сил старалась убедить ее принять императорское предложение. Кошевой атаман дважды прочел грамоту Рудольфа II. Но казаки молчали. Тогда старшина отделилась от казаков, и на площади, по словам Ляссоты, образовалось два круга (кола): один состоял из старшины, другой — из простого народа, «называемого у них чернью». Казацкое коло отклонило предложение о походе. Более того, казаки угрожали «бросить в воду и утопить всякого, кто будет против [их] мнения». Старшина притворно согласилась с решением казацкой рады, «не смея,— как объяснял Ляссота,— противоречить черни, такой многочисленной и сильной, когда она приходит в ярость».

Тем временем на Брацлавщине создалась напряженная обстановка. Еще ранней весной 1594 г. стало известно, что на Подолию (по некоторым данным, и дальше — па Волынь и Галичину) собирается напасть татарская орда, отправленная по приказанию султана в Молдавию на помощь турецкому войску. Это вызвало тревогу не только среди народных масс, но и в магнатско-шляхетских кругах. На пограничье не было войска, и быстро собрать его, казалось, было невозможно. Тогда сотник надворной команды князя Константипа Острожского Северин Наливайко предложил набрать в казацкое войско добровольцев и выступить против турок.

Острожский согласился с этим планом, и Наливайко немедленно приступил к делу. Набор войска шел быстро. Коронный гетман Ст. Жолкевский 9 марта 1594 г. писал канцлеру Я. Замойскому: «В поднепровских местечках и селах казаки поспешно вооружаются, готовят себе коней». У Жолкевского, как и у Острожского, не было сомнения в том, что единственная цель Наливайко — поход на татар и турок.

В конце весны 1594 г. на Брацлавщине уже было собрано казацкое войско в несколько тысяч человек. Наливайко расположил его в шляхетских имениях. Шляхта, разумеется, выражала недовольство этим обстоятельством, однако угроза нападения татар заставляла ее мириться с таким положением. В конце лета на Подолию вторглись татары, но, встретившись с отрядами Наливайко, повернули в Молдавию. Преследуя их, казаки также вступили в Молдавию. Во время похода они взяли у татар немало трофеев, в том числе около 4 тыс. лошадей. Появление казаков вызвало подъем освободительного движения в Молдавии и Валахии. В Бухаресте и Яссах вспыхнули антитурецкие восстания. Под натиском местных повстанцев, войск валашского господаря Михаила Храброго и поддерживавших их казаков (осенью 1594 г. казаки снова вступили в Молдавию) турки потерпели ряд поражений.

Походы Наливайко в Молдавию были непродолжительными. Он готовился к выступлению против панов. Еще летом 1594 г. Наливайко отправил посланцев в Сечь. От имени своего руководителя и казачества они обратились к запорожцам с призывом восстать против феодалов и господства Польши на Украине. Посланцы привели с собой 1,5 тыс. лошадей (из отбитых у татар табунов) в подарок сечевикам. Масса рядового казачества с большим сочувствием отнеслась к предложению Наливайко. Но старшина считала восстание несвоевременным и, чтобы отклонить предложение, ссылалась на компрометирующие Наливайко слухи о том, что он в битве под Пяткой (во время восстания Косинского) был на стороне панов. Опровергая эти обвинения, посланцы Наливайко заявили, что их руководитель сам явится к запорожцам, положит перед ними свою саблю и даст все необходимые объяснения,

и если все же сечевики признают его виновным, то пусть отрубят ему голову его же собственной саблей.

Несмотря на сопротивление старшины, запорожцы постановили немедленно выступить на соединение с Наливайко. Их поддержала и значительная часть реестровцев, находившихся за порогами. Тогда старшина, стремясь сохранить свое влияние среди казаков, изменила тактику: согласилась с решением казачества и поставила во главе отряда, направлявшегося к Наливайко, реестрового старшину Григория Лободу. Его можно считать типичным представителем казацкой реестровой верхушки. Лободе принадлежало с. Сошники в Киевском Полесье. Свои ценности он хранил в киевских монастырях.

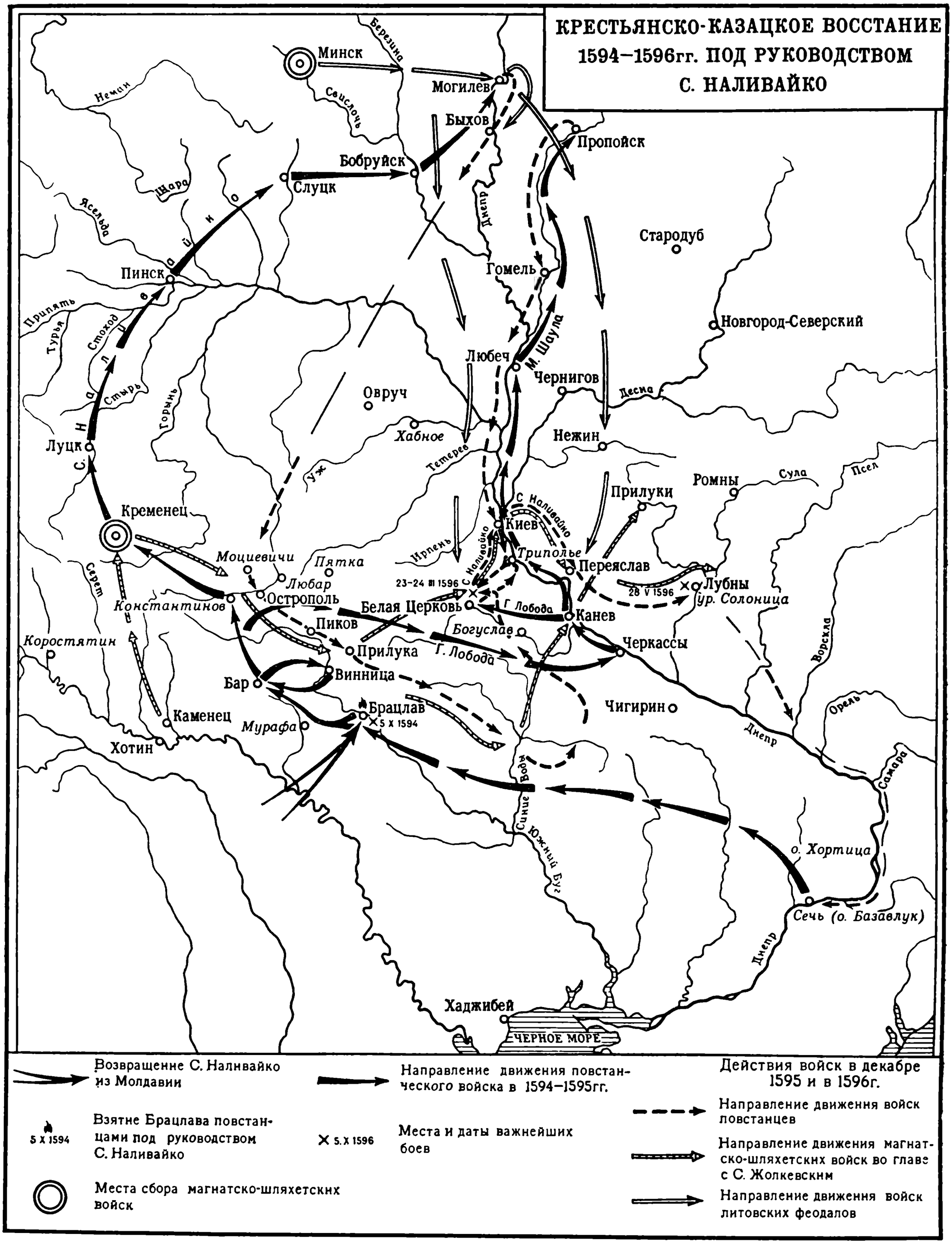
Восстание под руководством Северина Наливайко. Пока велись переговоры на Запорожье, на Брацлавщине произошли серьезные события. 5 октября казаки Северина Наливайко вместе с брацлавскими мещанами напали на шляхту, съехавшуюся в Брацлав на «судовые рочки», и разгромили ее. Это было началом восстания. Вскоре прибыли запорожцы из Сечи. Народное движение быстро разрасталось. Через месяц, в ноябре 1594 г., как докладывал кременецкий каштелян (он же теребовльский староста) Я. Претвич, повстанцы взяли г. Бар — центр старостваа. Повстанческая рада в Баре постановила призвать украинский народ на борьбу против панов. Народные массы сразу откликнулись на призыв: вскоре восстание распространилось на все Барское староство, а также на Винницу с окрестностями. 15 ноября 1594 г. Я. Претвич писал Я. Замойскому из Шаравцев: «Какой там [в Виннице] ужас, как люди (шляхта.— *Ред.*) убегают из домов своих, того и описать не могу». Претвич просил у канцлера разрешения покинуть Теребовлю.

Народное восстание на Украине вспыхнуло и стало разгораться как раз в момент, когда внимание польских магнатов было приковано к войне в Молдавии, где их интересы столкнулись с претензиями венгерских феодалов и Турции. Воспользовавшись тем, что валашский господарь Михаил Храбрый воевал с Турцией, магнаты решили посадить на валашский трон своего ставленника — молдавского боярина Иеремию Могилу * и стали собирать войско. В феврале 1595 г. Острожский обратился с письмом к Лободе, предлагая ему присоединиться к походу польского войска в Молдавию. Лобода принял предложение, но выполнить его не смог из-за сопротивления казаков. В августе 1595 г. польское войско, состоявшее из частей, подчиненных магнатам Потоцким, Зебжидовскому, Тарло и др., а также шляхетских отрядов и коронного войска во главе с коронным гетманом канцлером Я. Замойским и польным гетманом Ст. Жолкевским, переправилось через Днестр и вступило в Молдавию.

На Волыни повстанческое войско еще весной 1595 г. разделилось на две части. Одна во главе с Наливайко двинулась на запад, на Луцк, а потом повернула на северо-восток, на Могилев на Днепре — в Белоруссию; другая, во главе с Лободой,— на юго-восток, в направлении Черкасс.

В Белоруссии началось восстание. В течение лета 1595 г. повстанцы, всюду поддерживаемые местными жителями, овладели Слуцком, Бобруйском и, наконец, Могилевом. Па-

* Род Могил был тесно связан с польскими и украинскими магнатами. Одна дочь Иеремии стала женой князя М. Вишневецкого, другая — князя Корецкого, третья — Ст. Жолкевского, польного, а позднее великого коронного гетмана. В начале XVII в. Могилы переселились в Польшу. Ст. Жолкевский был опекуном племянника Иеремии — Петра Могилы, впоследствии киевского митрополита.



дение этого крупнейшего белорусского города и сильной крепости с большим гарнизоном вызвало подъем народного движения в Белоруссии. Шляхта бежала в Минск, под защиту гетмана Радзивилла.

Почти в то же время, в конце 1595 г., начались крестьянские восстания и в самой Польше, в частности в Мазовии. По словам магната Л. Сапеги, местные крестьянские отряды насчитывали по нескольку ты-

сяч человек. Они нападали на панов и угрожали «низом», т. е. заявляли, что будут поступать так, как «низовцы» (запорожцы). Вероятно, это был намек на действия казацкой серомы, не знавшей компромиссов в борьбе с шляхетством. Страх панов возрастал под влиянием слухов, что украинские и белорусские повстанцы собираются объединиться с польскими крестьянами и двинуться на старую польскую столицу. В позднейшей реляции королю Ст. Жолкевский так характеризовал настроение повстанцев: они «думали о Кракове... о подчинении шляхетского сословия».

Иначе развивались события в Поднепровье. Лобода действовал очень вяло. Впоследствии князь Острожский говорил, что его владения мало пострадали от повстанцев, так как «пан Лобода их щадил». Бездеятельность Лободы отражала настроения той части реестровой старшины, которая стремилась к соглашению с панами.

Из войска Лободы выделился отряд повстанцев, во главе которого стал атаман Матвей Шаула, и направился (с запорожскими пушками) вверх по Днепру на соединение с Наливайко. Но Шаула дошел только до Пропойска (на р. Сож), где и остался зимовать.

Тем временем магнатское войско разбило под Яссами Розвана — ставленника семиградского воеводы (турецкого вассала) Сигизмунда Батория и посадило на молдавский трон Иеремию Могилу. Такой конец молдавской кампании сразу же усложнил положение украинских повстанцев, так как теперь польское правительство могло все силы бросить на Украину. На подавление восстания из Молдавии двинулись магнатские команды и часть коронного войска.

Узнав об этом, Наливайко, находившийся в Могилеве, велел сжечь замок и во главе войска с 20 пушками пошел навстречу карателям. Но силы его были уже значительно слабее, чем летом и осенью: часть повстанцев из-за недостатка продовольствия и наступления холодов разошлась по домам.

Марш Наливайко из Белоруссии в Восточную Украину. Поход Наливайко летом 1595 г. в Белоруссию был составной частью его общего плана. Совместно с белорусскими повстанцами он хотел до возвращения польского войска из Молдавии разгромить литовских феодалов. С этим замыслом, очевидно, было связано поручение, возложенное на Лободу: освободить от панской власти Южное Поднепровье, затем двинуться вдоль Днепра на Киев, а оттуда в Белоруссию для соединения с Наливайко. Если бы этот план удался, то повстанцы заняли бы огромную территорию Восточной Украины между Днепром и Днестром и Белоруссию. Однако медлительность и бездеятельность Лободы поставили под угрозу осуществление этого плана.

Положение повстанцев ухудшилось, когда литовские паны, опомнившись после ударов повстанцев, начали под руководством Радзивилла стягивать силы. При таких неблагоприятных обстоятельствах Наливайко пошел на Подолию, навстречу коронному гетману. 15 февраля 1596 г. Ст. Жолкевский писал Замойскому, что Наливайко уже приближается к Константинову.

Повстанческое войско насчитывало теперь не более 1,3 тыс. человек. К тому же оно было изнурено тяжелым переходом и не имело необходимых припасов, тогда как в распоряжении Жолкевского находилось свыше 3 тыс. человек отборного войска и сильная артиллерия. Наливайко решил не вступать в бой с коронным гетманом и повел войско на восток, на Поднепровье, где предполагал соединиться с Лободой. Чтобы затруднить врагу преследование, он избрал

самый тяжелый, но наиболее короткий путь — через так называемое Дикое Поле. Повстанцы двигались через Острополь на Пиков. Жолкевский с конницей бросился за ними и догнал под Прилукой. Но здесь Наливайко задержал его артиллерийским огнем и вскоре, перейдя Синие Воды, вступил со своими отрядами в Дикое Поле. Жолкевский не решился преследовать повстанцев. Вместо этого он стал «усмирять» край: озверелое панство мстило населению. Одновременно коронный гетман просил у канцлера денег для жолнеров и разрешения на созыв посполитого рушения. Однако, не ожидая ответа, сам издал соответствующий универсал.

В марте 1596 г. отряды Наливайко, испытав голод и холод во время перехода через Дикое Поле, двинулись по направлению к Белой Церкви, возле которой стоял Лобода с довольно большим войском — свыше 3 тыс. человек.

Между тем Жолкевский с большими силами уже приближался к Белой Церкви, отправив к Лободе посланца с предложением отступиться от восставших. Лобода, несмотря на протесты казаков, принял посланца и взял его под свою защиту. Вопреки требованиям повстанцев он не отдавал также приказа штурмовать Белую Церковь, хотя это был важнейший опорный пункт Польши в Восточной Украине. Все это свидетельствовало, по меньшей мере, о его нерешительности.

Получив известие о подходе Наливайко, Лобода, как донес Жолкевскому агент, снял войско с позиций под Белой Церковью и быстро повел его к Триполью. В это время туда уже подходил Шаула (он шел из Белоруссии на соединение с Наливайко). После соединения с Шаулой повстанцы, недовольные действиями Лободы, отстранили его от руководства войском и избрали гетманом Шаулу. Новый гетман немедленно двинулся к Белой Церкви, чтобы успеть соединиться с Наливайко до подхода туда Жолкевского.

Жолкевский, со своей стороны, стремился не допустить объединения повстанцев и еще из Пикова, где собирались его силы, направил в Белую Церковь большой отряд во главе с князем Ружинским. Отряд вступил в Белоцерковский замок как раз перед появлением войска Наливайко, вслед за ним к городу подошел и Шаула. Таким образом, повстанцы успели соединиться. Однако к Белой Церкви уже приближался коронный гетман с войском, намного превышавшим силы повстанцев.

Наливайко и Шаула решили отступить к Днепру, где власть еще находилась в руках повстанцев. Но 23 марта, едва они успели приблизиться к урочищу Острый Камень, их настиг Жолкевский. Повстанцы быстро заняли оборону, окружив свой лагерь возами, поставленными в пять рядов. Польское войско упорно атаковало, пытаясь ворваться в повстанческий лагерь. Бой прекратился только поздней ночью. По словам хрониста Иоахима Бельского, каратели потеряли убитыми и ранеными свыше 300 жолнеров и 60 шляхтичей. На другой день, 24 марта, Жолкевский писал Замойскому: «Было много шансов разорвать их (повстанцев.— *Ред.*) лагерь, но бог не смилостивился». Серьезные потери понесли и повстанцы. Среди других погиб атаман Сасько, Шауле ядром оторвало руку, был ранен и Наливайко. Той же ночью повстанцы оставили позиции и двинулись к Триполью, а оттуда на Киев. Гетманом вместо тяжело раненого Шаулы был избран Наливайко.

Ослабленные боем, войска Жолкевского не могли сразу же начать преследование повстанцев. Они отошли в Белую Церковь, где стали накапливать силы. В письме канцлеру Замойскому коронный гетман просил

прислать подкрепление и напомнить шляхте, в это время съезжавшейся на сейм в Варшаву, чего она может ожидать для себя, если восстание на Украине не будет подавлено. Жолкевский просил не медлить с оказанием помощи, ибо, как подчеркивал он, «вся Украина показачилась», и, кроме того, повстанцы, по слухам, намереваются в случае неудачи «переехать в Москву».

Получив подкрепление, Жолкевский двинулся за повстанцами. По дороге, узнав, что они уже в Киеве и отправляют свои семьи в Переяслав, он приказал преградить им путь в Россию. Тем временем восставшие покинули Киев и двинулись к Переяславу.

Повстанцев, когда они достигли Переяслава, насчитывалось приблизительно 10—12 тыс. человек. Однако боеспособных среди них было не более 3 тыс. Подавляющее большинство составляли раненые, старики, женщины, дети. Все были утомлены и испытывали нехватку продовольствия. Постоянно созывались рады, на которых обсуждалось создавшееся положение, но единодушия не было. Меньшинство выражало готовность сражаться, большинство же предлагало перейти в Россию. В конце концов все повстанцы с семьями и имуществом двинулись на Лубны, откуда до русской границы оставалось около 100 верст. Чтобы перехватить повстанцев, Жолкевский отправил к Лубнам конницу с приказом занять переправу через р. Сулу. Повстанцы успели перейти на левый берег реки, но вслед за ними переправилось и польское войско. Кроме того, отступавшие столкнулись с отрядом Ю. Струся, которому Жолкевский приказал перерезать дорогу в Россию. Повстанцы очутились между двух огней. В таком положении им оставался один выход: сражаться до конца.

Повстанческий лагерь на Солонице. Повстанцы стали лагерем в полумиле от Лубен в урочище Солоница, господствовавшем над окрестностями. С трех сторон они укрепили лагерь возами, поставленными в четыре-пять рядов, обнесли его рвом и высоким валом. С четвертой стороны к лагерю прилегало непроходимое болото. В нескольких местах лагеря были сооружены срубы, наполненные землей, на которых было поставлено около 30 пушек.

Жолкевский, имевший 5 тыс. одних только жолнеров, не считая шляхетских отрядов и магнатских команд, не сразу, однако, решился на штурм. Ему приходилось, по его собственным словам, иметь дело с людьми отважными, принявшими «в своем положении» решение сражаться насмерть. Враг беспрерывными атаками истощал силы повстанцев, но они мужественно защищались, отбрасывая жолнеров, и предпринимали смелые вылазки.

Наступила знойная пора. В переполненном людьми и животными лагере не хватало продовольствия, воды и кормов. Начался массовый падеж лошадей и скота; разлагавшиеся трупы животных заражали воздух; в лагере вспыхнули болезни. Тяжелым положением повстанцев воспользовалась часть казацкой старшины, группировавшаяся вокруг Лободы и искавшая примирения с панами. Лобода и его сторонники стали склонять казаков к прекращению сопротивления. Тайно от Наливайко и повстанцев Лобода вступил в переговоры с Жолкевским. Впоследствии, злорадствуя, коронный гетман писал: «Наконец-то созрели семена вражды... посеянные [мною] между Лободой, с одной стороны, и Наливайко с его сторонниками — с другой». Узнав о предательстве Лободы, повстанцы казнили его.

Наступил последний акт драмы. Повстанцы отражали приступы и са-

ми нападали на врага, не теряя надежды на подход новых повстанческих отрядов. Действительно, в тылу Жолкевского действовали запорожцы во главе с Подвысоцким. Они даже предприняли попытку пробиться в Лубны на лодках. Когда это не удалось, запорожцы стали разорять шляхетские имения, пытаясь отвлечь хотя бы часть сил Жолкевского от Солоницы. Польские войска, однако, уже готовились к решающему штурму. Из Киева везли пушки, подходили новые шляхетские отряды, сооружались турусы (большие цилиндрические корзины с землей, поставленные на колеса). 25 мая начался обстрел повстанческого лагеря. За два дня погибло 200 повстанцев и еще больше было ранено. Осажденные не могли выходить из лагеря за водой и дровами, а вынуждены были копать колодцы на месте и употреблять непригодную для питья воду. Тут же, в страшной скученности, хоронили мертвых.

В эту тяжелую годину снова подняли голову предатели. В ночь на 28 мая они тайно схватили Наливайко и его ближайших помощников, в том числе Шаулу и Шостака, и выдали их Жолкевскому. В расчете на «милость» панов предатели хотели передать врагам также знамена и пушки, по поводу чего вступили с ними в переговоры. В это время в лагерь внезапно ворвалось шляхетское войско. Повстанцы не успели даже взяться за оружие. Началась страшная резня. Паны и жолнеры убивали всех, кто попадал под руку. И. Бельский писал, что «на протяжении мили или больше труп лежал на трупе, ибо всего в лагере с чернью и с женами их было до десяти тысяч». Только небольшой части повстанцев во главе с полковником Кремпским удалось пробиться и уйти на Запорожье, «где,— как замечает И. Бельский,— их оставалось на Коше... около пятисот человек».

Созванный вскоре сейм объявил Жолкевскому благодарность за то, что он «панства наши украинные волние и безпечние од них (повстанцев.— *Ред.)* учинил и успокоил». В награду за подавление восстания сейм постановил пожаловать Жолкевскому ради «его великих зацных и преважных заслуг» урочища Боришполь, Горошин, Слепород на Суле, а также все земли «при самой граници татарской и при рубежу московском лежачие» [1]. Одновременно сейм вынес постановление о конфискации земель у всех казаков и предоставлении коронному гетману неограниченных прав «для искоренения до конца тех своевольников». 22 августа 1596 г. был издан королевский универсал. Шляхте и урядникам Киевского, Волынского и Брацлавского воеводств повелевалось истреблять тех казаков, которые еще и теперь «при замках, местах и маетностях... господарских и шляхетских гуляют се... и погрозки пущают». Универсал призывал также шляхту запретить своим подданным собираться в группы даже по 5—6 человек. Кроме того, она должна была принять меры, чтобы разорвать всякие связи населения с Запорожьем, а при появлении запорожцев «на волости» встречать их как врагов государства — «конно и оружно». Таким образом, все шляхтичи и урядники в любое время и в любом месте могли схватить и покарать каждого, кого они считали «своевольником», хотя бы это был и реестровый казак. В Восточной Украине устанавливался режим террора.

Наливайко привезли в Варшаву и бросили в тюрьму. Целых десять месяцев его подвергали пыткам, но сила духа героя преодолела все. 11 апреля 1597 г. предводителя повстанцев вывели на казнь. Площадь ста-

[1] Записки Наукового товариства ім. Шевченка у Львові, 1899, ч. 31, с. 22.

рой Варшавы заполнили толпы людей. Когда на эшафоте появилась могучая фигура украинского народного героя, все взоры устремились на него. «Был он человеком прекрасной наружности и незаурядных способностей, к тому же знаменитый артиллерист»,— писал И. Бельский. Отрубив Наливайко голову, палач четвертовал его и выставил на эшафоте части тела.

Предания о смерти Наливайко передавались из поколения в поколение. Рассказывали, например, что палач, издеваясь над народным героем, надел ему на голову раскаленный железный венец и посадил на такого же коня. Согласно другому преданию, Наливайка сожгли в медном быке. Эту легенду, в частности, заимствовал автор «Истории русов».

Имя Наливайко стало на Украине символом борьбы против крепостничества и национального гнета. «Наливайковцами» паны называли также участников позднейших крестьянско-казацких восстаний. Слава Наливайко распространилась и за пределы Украины. Через десять лет, во время восстания Ивана Болотникова, предводитель одного из повстанческих отрядов называл себя Наливайко. Через два столетия, в мрачную эпоху господства крепостнической реакции, революционер - декабрист К. Рылеев обратился к образу украинского героя в своей знаменитой поэме «Наливайко».

Крестьянско-казацкие восстания конца XVI в. были ответом народных масс на усиление эксплуатации и закрепощение крестьян, на экспансию польских феодалов и католической церкви. Если восстание 1591—1593 гг. под руководством К. Косинского ограничивалось территорией Киевщины, Запорожья, частью Брацлавщины и Волыни, то восстание 1594—1596 гг. под предводительством С. Наливайко охватило также Подолию, Волынь, значительную часть Белоруссии и нашло отклик в Польше. Оба восстания потерпели поражение, но они нанесли чувствительные удары польским, литовским, украинским и белорусским феодалам. В этих массовых народных выступлениях проявились как слабые стороны, свойственные всем крестьянским восстаниям эпохи феодализма (стихийность, неорганизованность, локальность), так и особенности, характерные для крестьянско-казацких восстаний на Украине. Эти особенности заключались в противодействии части реестровой старшины, присоединявшейся к восстанию, расширению антифеодального движения и постоянной склонности ее идти на компромисс с панами.

3. БОРЬБА ПРОТИВ АГРЕССИИ ТУРЦИИ И КРЫМСКОГО ХАНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI — НАЧАЛЕ XVII в.

Начало борьбы против агрессии. Нападения на Украину татарских орд особенно усилились с образованием в XV в. Крымского ханства, вскоре ставшего вассалом Турции. Первой жертвой нападений всегда становилось население юго-восточных украинских степей, главным образом казачество. Поэтому, естественно, казачество оказалось в первых рядах тех, кто с оружием в руках давал отпор захватчикам.

Казаки громили врага в близких и далеких походах. В 1490 г. «черкасцы киевские» предприняли поход на Очаков, а в 1502—1503 гг. они же, спустившись на лодках по Днепру, напали вблизи Тягинского перевоза (порога) на татарский отряд и разгромили его. Нередко предводителя-

ми в таких походах становились представители пограничной администрации. Жестоко угнетая население, прежде всего казачество, они вместе с тем играли важную роль в обороне края от татарских орд, поддерживаемых Турцией. Поэтому историческая оценка подобных личностей должна быть конкретно-исторической и классовой.

Одним из таких смелых и предприимчивых предводителей был черкасский и каневский староста Евстафий Дашкевич. С его именем связан ряд успешных походов на татар и турок в 20—30-х годах XVI в. В одном из документов, повествующих о походе Дашкевича на Очаков *, говорится, что он счастливый воитель, ставший настоящей грозой для врагов.

Борясь против татар, Дашкевич не раз оказывал услуги русскому правительству, передавая ему важные военные сведения. В связи с этим хан Сагиб-Гирей писал: «Черкасские и каневские властители пускают казаков... вместе с казаками путивльскими по Днепру под наши улусы и что только в нашем панстве узнают, дают весть в Москву».

С возникновением Запорожской Сечи борьба с турецко-татарской опасностью усилилась. Весной 1538 г. казаки напали на Очаков, теперь уже турецкую крепость, и произвели значительные разрушения. Через три года, в 1541 г., казаки повторили свой поход. Они захватили и убили санджака (начальника) Очаковской крепости, двух его помощников, много стражников, разрушили часть замка и порта. 19 сентября 1545 г. казаки на 32 лодках вновь явились под Очаков, где уничтожили и захватили в плен множество турок.

Походы 50—60-х годов. Дмитрий Вишневецкий. Татарские орды беспрерывно совершали нападения и на южные пределы Русского государства. Только в первой половине XVI в. татары предприняли более 40 походов. Со своей стороны, русское правительство для отражения нападений татарских орд посылало в Крым, под Очаков и в другие места военные отряды. Вместе с донскими и украинскими казаками они наносили ощутимые удары противнику. В марте 1556 г., например, на территории Черкасского староства появился русский отряд под начальством дьяка Ржевского. Этот отряд, состоявший преимущественно из путивльских казаков, спустился по Пслу (левый приток Днепра) в Днепр и проследовал в направлении Запорожья. Ржевский, выполняя поручения русского правительства, должен был произвести глубокую разведку, чтобы собрать сведения о татарах.

На Днепре к Ржевскому присоединился отряд украинских казаков, посланный черкасским и каневским старостой Дмитрием Вишневецким. Об этом в Москву сообщалось, что к Ржевскому на Днепре «пристали Литовские люди, атаманы Черкасские, Млынским зовут да Михайло Ескович, а с ним триста казаков, каневских черкас» [1].

Ржевский успешно выполнил поручение. Отбив у татар под Ислам-Керменом табуны лошадей, он двинулся к Очакову и взял его штурмом. Причинив значительный ущерб врагу и захватив пленных, Ржевский вернулся к Ислам-Кермену. Но тут его уже ждал большой татарский отряд («царевич Калга Крымский, а с ним,— как показалось дьяку,— весь Крым, князи и мырзы»). Ржевскому пришлось остановиться на одном из днеп-

* Очаков или Кара-Кермен, т. е. Черный город, построен в 1492 г. при хане Менгли-Гирее. Позднее Очаков стал опорным пунктом турецкой экспансии на северном побережье Черного моря.

[1] ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршиею или Никоновскою летописью. Спб., 1904, с. 271.

ровских островов и шесть дней отбиваться «ис пищалей» от многочисленного татарского войска. Ночью люди из отряда Ржевского захватили у противника лошадей, перегнали их к себе на остров, а затем, двигаясь вдоль Днепра, благополучно достигли границ Русского государства. Украинские казаки вернулись в Черкассы.

Вскоре после разрушения татарами замка на Хортице Дмитрий Вишневецкий перешел на службу к русскому царю Ивану Грозному. Ловкий политический авантюрист, он преследовал при этом собственные цели. Царь пожаловал Вишневецкого «великим своим жалованьем»: дал ему г. Белев, многие села под Москвой и, кроме того, 10 тыс. рублей «на приезд», не считая дорогого платья. В январе 1558 г. русское правительство поручило Вишневецкому отправиться с крупным отрядом русских войск в Крым. В шести верстах от Перекопа он разбил небольшой татарский сторожевой отряд и затем двинулся «на Тованский перевоз ниже Ислам-Кермена за 25 верст, и на перевозах стоял три дня» [1].

Вишневецкий, как видно, не встретил сколько-нибудь значительного сопротивления со стороны татар. Он объяснял это тем, что польский король предупредил хана об опасности, и поэтому «царь Крымской улусы все забил за Перекоп, а сам в осаде был» [2]. Таким образом, подойдя к самому Перекопу, Вишневецкий счел свое задание выполненным. Между тем уже началась Ливонская война, и Иван Грозный в апреле 1558 г. велел Вишневецкому «к себе ехать». Отправив большую часть войска в Москву, он, однако, остался на Поднепровье, чтобы продолжать военные действия против татар.

Когда в конце 1558 г. на Поднепровье (на Монастырском острове) оставался лишь один Вишневецкий со сравнительно небольшими силами, на территорию Русского государства вторглось 100-тысячное татарское войско. Татары двигались тремя отрядами — на Рязань, Тулу и Каширу. Узнав, что основная масса русских войск еще не отправилась в Ливонию (на что татары очень рассчитывали, ибо это было в самом начале Ливонской войны), татары, дойдя до р. Мечь, повернули назад.

В ответ на вторжение татар в начале 1559 г. в Крым было отправлено 8-тысячное войско под начальством окольничего Данилы Адашева. Князь Вишневецкий получил приказ отправиться на Дон с 5-тысячным отрядом. Адашев, внезапно появившись в устье Днепра, захватил два турецких корабля, затем вместе с украинскими казаками высадился в Крыму и, причинив татарам большой урон, освободил много невольников.

Напуганный успехами русских, крымский хан Девлет-Гирей обратился к Турции за помощью. Падишах пообещал ему прислать эскадру, «чтобы защитить мусульманские страны от русских».

Тем временем Вишневецкий, в войске которого, по сведениям татар, находились русские (т. е. русские ратные люди, а также украинские и донские казаки) и черкесы, разбил отряд крымцев, двигавшийся в пределы бывшего Казанского ханства. Затем войско Вишневецкого предприняло штурм Азова. Хотя он был отбит, нападение на Азов, совершенное впервые, произвело в Турции огромное впечатление. Утрата или даже блокада этого города-крепости, являвшейся также важным портом, через который из прилегающего сельскохозяйственного района доставлялись в Стамбул продовольствие и строевой лес, представляла серьезную угрозу турецким интересам. Позднее, в том же году, Вишневецкий еще дважды пытался овладеть Азовом. Он причинил крепости большой ущерб, но на

[1] ПСРЛ, т. 13, первая половина, с. 296.
[2] Там же.

помощь гарнизону крепости в устье Дона был направлен турецкий флот во главе с адмиралом Али Реисом. Турецкий флот помешал Вишневецкому соединиться с другим отрядом в 4000 человек, прибывшим ему на помощь.

После безуспешных попыток взять Азов Вишневецкий прекратил его осаду и стал готовиться к походу на Крым, намеченному на весну 1560 г. В войске Вишневецкого в это время не упоминаются московские стрельцы — теперь с ним оставались украинские и донские казаки, поляки, литовцы, черкесы и даже ногайцы и татары. Приготовления Вишневецкого к походу на Крым вызвали новую волну тревоги в турецких правящих кругах. В Стамбул со всех сторон поступали донесения о том, что у Вишневецкого огромная армия. Бей Кафы, например, доносил, что Вишневецкий к северу от Азова концентрирует армию в 70 тыс. человек.

Еще в 1552 г. адыгейско-кабардинское (черкесское) посольство обратилось к Ивану Грозному с просьбой принять черкесов с их землями в русское подданство и защитить от крымского хана. В 1557 г. кабардинские послы приняли присягу на подданство России.

Как сообщают русские источники, в том же 1560 г. Вишневецкий получил от царя указание вместе с черкесскими князьями Сиболом и Машуком, подданными царя, «промышлять над Крымским ханом».

Присоединение черкесов к войску Вишневецкого вызвало тревогу в Литве и Стамбуле. Сигизмунд II Август предупреждал крымского хана Девлет-Гирея: «...поразумети можешь, якими причинами и на черкесы пятигорские [московский царь] заходить, хотечи их собе пригорнути и спровинновати, абы их противно тобе, брату нашему, обернул...» [1]. Французский посол в Стамбуле в начале 1561 г. сообщил, что войско Вишневецкого вместе с черкесами, спустившись по Дону мимо Азова, захватило несколько крепостей и достигло Кафы. Встревоженный султан приказал 12 санджакам района Трапезунда выступить против «капитана Дмитрашки [Вишневецкого]» — предводителя черкесов.

В донесениях от февраля и марта 1561 г. французский посол говорит о приготовлении турками к отправке 20 галер для защиты Кафы и Азова и об ожидаемом походе Вишневецкого с участием черкес в направлении Мегрелии. Все это свидетельствовало о широких масштабах военных действий войска Вишневецкого.

Однако политическая обстановка в это время резко изменилась. Вишневецкий без помощи России, занятой войной в Ливонии и опасавшейся усложнять отношения с Турцией и Крымом, не мог развернуть военные действия в прежних масштабах. С другой стороны, он не мог рассчитывать на поддержку Сигизмунда II Августа, готовившегося к войне с Россией и тоже не желавшего обострять отношения с Портой и ханом. В таких условиях Вишневецкий решил прекратить борьбу и вернуться на Поднепровье. Уже 5 сентября 1561 г. в ответ на его просьбу Сигизмунд II Август издал охранную грамоту, разрешавшую Вишневецкому прибыть в Черкассы. Вишневецкий явился в Черкассы, где старостой был его двоюродный брат Михаил Вишневецкий. Заигрывая с польским правительством, Вишневецкий не отказывается от продолжения борьбы с Турцией и обращается к молдавским делам.

Молдавия, непосредственно граничившая с владениями Польши и Литвы, играла важную роль во взаимоотношениях Польско-Литовского государства с Турецкой империей, являлась своеобразным буфером между этими государствами. Каждое из них

[1] Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, т. 1, с. 183.

стремилось посадить на молдавский трон своего сторонника. Хотя Турция со времени превращения Молдавии в ее вассала ставила на господарский стол своих клевретов из среды молдавских бояр, в Польше и Литве всегда имелись силы, стремившиеся заменить их своими ставленниками. В это время в Молдавии шла ожесточенная борьба за трон между Томшей и Гераклидом.

Вишневецкий с отрядом вступил в Молдавию. Вначале он оказывал поддержку Гераклиду, а затем его противнику Томше (Тимше), который обещал помочь Вишневецкому самому занять молдавский трон. Но в ходе борьбы, преданный Томшей, он был схвачен и под усиленной охраной отправлен в Стамбул.

15 октября 1563 г. французский посол в Стамбуле, живо интересовавшийся положением в Молдавии, сообщил своему правительству: «Сегодня или завтра утром ожидается приезд сюда Дмитрашки со своими товарищами». Вскоре после этого Вишневецкий и его соратник Пясецкий были казнены. «Вишневецкий и Пясецкий,— пишет польский хронист Мартин Бельский,— были брошены с башни на крюки, вделанные в стены у морского залива по дороге от Константинополя в Галату. Пясецкий немедленно скончался, а Вишневецкий, зацепившись ребрами за крюк, жил в таком положении три дня, пока турки не убили его из луков за то, что он порицал их веру». Всех остальных лиц, бывших с Вишневецким, в большинстве своем казаков, отправили в качестве невольников на галеры. Так окончил жизнь безусловно талантливый военачальник, заботившийся, однако, больше о личных, чем о народных интересах.

Походы казаков в Молдавию в 70-х годах. Иван Подкова. Борьба против турецкого владычества в Молдавии в 70-х годах приобрела для Порты значительную опасность. Молдавский господарь Ивоня (Иван) Лютый, стремившийся к самостоятельности во внутренней и внешней политике, решил выступить против Турции. В поисках союзников он обратился к польскому королю. Последний, однако, не желая осложнять отношения с Портой, отказал господарю в поддержке.

На помощь Ивоне пришли украинские казаки. Польский современник событий Л. Горецкий так говорит об этом: во главе войска стоял гетман Сверчевский, имевший отряд в 200 человек конницы, «сверх того 200 человек брацлавян и столько же барян». Основу отряда составляли украинские казаки, но была в нем и украинская, а также польская шляхта, о чем свидетельствуют такие фамилии, как Янчик, Земковский, Либишовский, Цишовский, Богшицкий и др. 20 марта 1574 г. отряд, насчитывавший уже 1200 человек, прибыл в Сучаву, где его торжественно встретил сам господарь. Вскоре начались военные действия. Отряды Ивони Лютого с помощью воинов Сверчевского вблизи Фокшан разбили турецко-валашско-венгерское войско и заняли Бухарест. Отдельные молдавские и казацкие отряды нанесли удары по турецким крепостям Бендеры (Тягиня) и Белгород. При взятии Бендер отличился отряд казаков Сверчевского. «Казацкая конница,— замечает Л. Горецкий,— сражалась в первом ряду и решила битву рукопашною схваткой». После взятия Бендер казацкий отряд в 600 человек овладел Белгородом, где ему достались большие трофеи.

Однако развитию успеха помешало обострение социально-политических противоречий в молдавском лагере. Молдавская аристократия была недовольна централизаторской политикой Ивони Лютого и его союзом с казаками. Она боялась объединения молдавских крестьян с казаками и развертывания антифеодальной борьбы.

Вскоре Ивоня Лютый во время решающей битвы с турецко-татарскими войсками потерпел поражение, попал в плен и был казнен. Молдавский престол перешел к турецкому ставленнику Петру Хромому (1574—1607).

Со смертью Ивони Лютого борьба не закончилась. Весной 1577 г. в Молдавии началось еще более мощное по своему размаху антитурецкое движение, связанное с именем Ивана Подковы. «Иван Подкова,— писал Иоахим Бельский,— находился в среде запорожских казаков и был братом (как некоторые думали) покойного Ивони — воеводы молдавского. Он ломал подковы, и поэтому его называли Подковой». Сторонники Ивони Лютого призвали Подкову в Молдавию, чтобы изгнать турецкого ставленника Петра Хромого и занять трон. Иван Подкова с отрядом казаков, насчитывавшим 330 человек, «над которым гетманом был Шах», отправился в Молдавию. Однако этого войска для достижения намеченной цели оказалось недостаточно. Подкова вернулся на Украину и остановился в Немирове.

Стефан Баторий очень опасался, что поход Подковы в Молдавию вызовет враждебную акцию со стороны Турции. Она была бы тем опаснее, что Речь Посполитая в это время вела тяжелую войну с Россией. Король приказал арестовать Подкову. Но польский гетман Сенявский не смог выполнить королевского приказа как из-за сочувствия местной шляхты походу Подковы в Молдавию для борьбы с турками, так и потому, что войско его быстро росло. Важную роль в пополнении казацкого войска сыграл Шах, ходивший для сбора казаков в низовья Днепра. Он привел Подкове 600 казаков, кроме того, 400 казаков должны были подойти позже.

Подкова с новым войском опять вступил в пределы Молдавии. Когда он прибыл в Сороки, пишет Иоахим Бельский, «чернь признала его своим господином». О поддержке Подковы народными массами Молдавии есть свидетельства и других современников.

Из Сорок Подкова двинулся на Яссы, разгромил турецкий отряд, посланный против него господарем Петром Хромым, и 20 ноября с триумфом вступил в молдавскую столицу. Петр Хромой бежал в Валахию, надеясь на поддержку султана и тамошних феодалов. Господарем Молдавии был провозглашен Иван Подкова. Автор «Кронички козацкой» об этом говорит так: Шах «по желанию Молдавцов возвел им на господство славного козака своего Подкову» [1].

В качестве господаря Иван Подкова вынужден был лавировать между простым народом и молдавскими боярами, что делало положение его крайне неустойчивым. Неудачной была и внешняя политика Подковы. Он тщетно обращался за поддержкой к польскому королю. Посол, отправленный к султану просить об утверждении Подковы на господарский престол, также получил отказ. Не имели успеха и попытки установить дружеские отношения с другими соседними государствами.

Между тем над головой Подковы сгущались тучи. В Турции собирались против него большие силы. Первым вступил в борьбу с Подковой Петр Хромой, который собрал большое войско и двинулся к Яссам. Подкова выступил ему навстречу. Противники сошлись неподалеку от столицы. Казацкие отряды выстроились в голове войска Подковы, выслав вперед дозор. Противник, стремясь смять казацкую пехоту, пустил на нее быков и лошадей. Подпустив испуганных животных поближе, казаки осыпали их градом пуль. Испуганное стадо повернуло назад и

[1] *Белозерский Н.* Южнорусские летописи. Киев, 1856, с. 130.

стало топтать войско Петра Хромого. В это время Подкова, стоявший на правом фланге, и Шах, занимавший левый фланг, воспользовавшись замешательством в рядах неприятеля, дружно ударили с обеих сторон и обратили противника в бегство. Сам Петр Хромой едва спасся.

Несмотря на этот успех, положение Подковы все более ухудшалось. В Валахии сосредоточивались турецкие войска и дружины отступивших туда верных Петру Хромому бояр. На помощь Петру Хромому двигалось войско семиградского воеводы — племянника польского короля Стефана Батория. Подкова, располагая значительно меньшими по сравнению с противниками силами, вынужден был покинуть Молдавию. 31 декабря 1577 г., оставив Яссы, Подкова двинулся на Сороки, а затем вернулся в Немиров. Он не переставал надеяться на возможность договориться со Стефаном Баторием о совместном выступлении против Турции.

Из Немирова Иван Подкова по совету брацлавского старосты отправился в Варшаву, но по дороге был арестован. Стефан Баторий, занятый в это время приготовлением к сейму, где должны были обсуждаться вопросы, связанные с продолжением войны против России, приказал бросить Подкову в тюрьму. Король не сразу решился покончить с Подковой ввиду крайнего возбуждения, царившего среди народа, который сочувствовал антитурецкой позиции Подковы. Однако Стефан Баторий вынужден был выполнить волю султана, приславшего чауша (дипломатического агента) с требованием выдать Подкову Турции или казнить его. Такая позиция османских политиков вызвала возмущение даже у шляхты, которая, по словам Иоахима Бельского, «очень жалела этого Подкову, ибо был он муж добрый». Кроме того, высокомерное требование султана задевало политический престиж Польши как суверенного государства. Тем не менее король, обвиняемый султаном в потворстве Подкове и казакам в походе на Молдавию, не решился отклонить требование падишаха в ответственное для Польши время подготовки нового выступления против России.

Свидетель переговоров польского правительства с турецким посланцем ксендз Ян Пиотровский сообщал: «На днях приехал турецкий чауш и на завтра же имел аудиенцию, бранится, грозит; падишах пишет, чтобы мы прислали в Константинополь или Подкову с Константином (молдавский сподвижник Подковы.— *Ред.*) живьем, или их головы; поэтому тут Подкове уже конец». В другом письме Ян Пиотровский, выражавший, видимо, настроение шляхетства, писал: «Бедняга Подкова должен быть казнен и, наверное, или еще в бытность чауша, или тотчас после отъезда будет ему отрублена голова». Казнь Подковы произошла во Львове на Рыночной площади 18 июня 1578 г.— через пять месяцев после заточения его в тюрьму.

Польское правительство, опасаясь возможных попыток со стороны шляхты и простого народа освободить Подкову, предприняло соответствующие предупредительные меры, однако на Рыночной площади во Львове собралась огромная толпа. Обратившись к ней, Подкова сказал, что он всю свою жизнь боролся против турок и действовал всегда на благо страны, а казнят его потому, что «турок... так приказал Вашему королю, как своему подданному». «Польша,— продолжал он,— еще испытает много несчастий от такой услуги султану». Многие в толпе плакали, особенно «воины, которые прибыли сюда ради него, но не могли ему помочь из-за больших приготовлений, проведенных правительством».

Казнь Подковы произвела сильное впечатление на народ. По этому по-

воду Ян Пиотровский писал: «Удивительное дело, как вся здешняя чернь сожалеет о нем: печатают о нем книги, песни. Живописцы нарисовали его обезглавленное тело».

Еще в то время, когда Подкова находился в заключении, в Молдавии произошли важные события, известия о которых находим в письме султана польскому королю от марта 1578 г. В нем говорится, что некий человек (как потом стало известно, Александр, выдававший себя за брата Ивони Лютого и Подковы.— *Ред.)* во главе более 2 тыс. пеших и конных казаков из-под Киева, Канева, Черкасс и Брацлава, вооруженных огнестрельным оружием, ворвался в Молдавию, наполнил край пожаром и войной и, наконец, расположившись в прилегающей к Яссам местности, опоясал город цепью отрядов и подверг его тесной блокаде. Петру Хромому, вновь занявшему молдавский трон, удалось бежать из Ясс. Александр вступил в столицу Молдавии. Через месяц, однако, войско Александра потерпело поражение, а сам он попал в плен. Турки посадили его на кол, а захваченных казаков отправили в Константинополь.

Деятельность Подковы сохранилась в памяти украинского народа. В сознании последующих поколений он выступает как мужественный предводитель украинского казачества в борьбе против турецкой агрессии. Н. В. Гоголь писал, что память «про молодецкие дела Подковы» жива в народе. Т. Г. Шевченко одно из лучших своих произведений, посвященных борьбе украинских казаков против турок, назвал «Иван Подкова», а И. Франко видел в совместной борьбе казаков и молдаван «свидетельство прошлого братства по оружию».

Борьба с турецко-татарской агрессией в конце XVI— начале XVII в. С конца XVI в. начался социально-политический и экономический упадок Турции. Замедлилось развитие городов, ремесел, торговли, усилился феодальный гнет. Произвол бейлербеев (правителей провинций) при раздаче ленов, дробление их и другие причины приводили к распаду военно-ленной системы — основы, на которой зиждется сила феодального турецкого государства. Повсеместно вспыхивали крестьянские восстания, происходили волнения городской бедноты. Покоренные Турцией народы развернули борьбу против жестокого национального гнета. Ширилось освободительное движение в Южной Черногории, Герцеговине, Морее, Далмации, Албании и других подвластных Турции землях. С начала XVII в. заметно уменьшается военная мощь Турции. После неудачной войны с Австрией (1593—1606) значительно ослабевают ее позиции на Балканах. Наблюдается и упадок власти султана.

Ухудшение внутреннего и международного положения Турции привело к усилению борьбы феодальных группировок внутри страны. Янычары, ранее являвшиеся верной опорой турецкого султана, стали превращаться в руках феодальных клик в орудие дворцовых переворотов. Они сажали на престол угодных им кандидатов.

Тем не менее Турция еще оставалась сильной в военном отношении державой и продолжала политику захвата чужих земель. На протяжении первых двух десятилетий XVII в. она дважды (1602—1612 и 1616—1618) воевала со своим соседом на востоке Ираном за Армению, Грузию, Нахичевань, Азербайджан и представляла собой постоянную угрозу для стран Западной и Восточной Европы. Ее вассал — крымский хан иногда по нескольку раз в год вторгался на территорию Речи Посполитой. Наибольшие страдания от этого выпадали на долю украинского народа. В 1616 г.

крымская орда совершила набег на Подолию, «умывая,— как выразился очевидец,— по локоть руки в нашей крови и опустошая все огнем и мечом». После этого набега хан обратился с издевательским письмом к королю, похваляясь, что его орда уничтожила на сей раз «200 сел и местечек и что каждый татарин захватил по семи и больше невольников, а о числе скота угнанного никто не знает». «Воевать государства,— писал крымский хан,— это наш удел, унаследованный нами от отцов, а вам где взяться за войну? Это не ваше дело».

Основная тяжесть обороны юго-восточных границ Речи Посполитой ложилась на плечи населения, в первую очередь казаков. На пограничье почти не было государственных крепостей и гарнизонов. Обороняя родную землю от захватчиков, казаки, в массе своей оказачившиеся крестьяне и мещане, объединялись с реестровыми, запорожскими и донскими казаками и совершали походы на Крым и Турцию, разрушая вражеские крепости, опустошая владения турецких и татарских феодалов, освобождая пленных, помогая угнетенным народам Османской Порты бороться со своими поработителями. У казаков существовали дружеские связи, например, с Грузией. В начале XVII в. грузинские князья, как писал современник — английский дипломат Т. Рой, «сносились постоянно с казаками запорожскими, дарили и жаловали их, а те, в свою очередь, защищали и буксировали торговые суда грузинские, плававшие в Черном море».

Борьба казаков против Турции и Крыма приобретала еще больший размах. Бывали времена, когда казаки по нескольку раз в течение года предпринимали смелые походы в турецкие владения. Венецианский посол Л. Бернардо сообщал о ряде нападений казаков только в течение лета 1587 г.: 12 июня о штурме Варны, через несколько дней о взятии крепости Усианы, 5 июля о боях под Бендерами. Действия казаков вызывали беспокойство в польских правящих кругах, так как Речь Посполитая находилась в мирных отношениях с Турцией. В королевской инструкции сеймикам от 13 декабря 1589 г. приводятся любопытные факты. Так, во время пребывания польского посла Фредро в Стамбуле султан узнал, что казаки на чайках напали на несколько турецких кораблей и сожгли их. Султан, однако, не придал этому особого значения и не предъявил в связи с этим претензий польскому послу. Когда же посол выехал на родину и был уже в Добрудже, в Стамбул поступила новая весть: казаки совершили нападение на Козлов (Евпаторию) и захватили склады с турецкими товарами. На сей раз взбешенный султан двинул против Речи Посполитой турецкое войско, повелев присоединиться к нему крымскому хану.

Турки принимали различные меры, чтобы положить конец походам казаков. Почти не было случая, чтобы Порта после нападения казаков не требовала от Польши истребить или сурово наказать их. Султан Мурад III (конец XVI в.) отчитывал польских послов в Константинополе за то, что их правительство не может удержать запорожцев от походов на турецкие владения: «В своем ли уме вы? Кто когда мог мне противиться?.. Боится меня Персия, дрожат венецианцы, просят пощады испанцы, немцы должны дать то, что я им приказываю... весь мир дрожит передо мною». Султан требовал от польского правительства суровой кары для виновных. Однако в ответ польские представители заявили, что их правительство не может справиться с казаками и предоставляет право покарать их самому султану.

Крупное выступление против Турции и Крыма имело место в середине

Взятие Кафы запорожцами. Гравюра. 1622 г.

90-х годов XVI в.— во время народного восстания на Украине под руководством С. Наливайко.

Большое впечатление на современников произвело взятие в 1606 г. казаками Варны — крупнейшей турецкой крепости на западном побережье Черного моря, до того считавшейся неприступной.

Борьба против турецко-татарской агрессии усиливалась. В 1608 г. казаки «удивительной хитростью» взяли и сожгли Перекоп. В 1609 г. они напали на придунайские турецкие крепости Измаил и Килию, а также на Белгород. В 1614 г. казаки появились даже перед Трапезундом, куда, как говорили современники, еще не проникал никто из противников с того времени, как турки овладели Малой Азией. В этом же году они захватили Синоп и сожгли корабли, находившиеся в гавани.

Вероятно, самой большой экспедицией был морской поход на Кафу в 1616 г., когда казацкий флот под предводительством гетмана Петра Сагайдачного захватил и сжег эту турецкую твердыню — символ господства Османской империи на северном побережье Черного моря, освободив при этом несколько тысяч невольников.

В известном произведении «Вършъ на жалосный погребъ» гетмана Петра Сагайдачного читаем:

За своего гетманства
Взял в Турцех мѣсто Кафу,
Аж и сам цесар турскій
был в великом страху,
бо му чотырнадцать тисяч
там люду збил;

каторги єдини палил,
другіе потопил;
много тогды з неволѣ
христіан свободил...

Характерно, что в годы польской интервенции в России в польских официальных кругах вновь обсуждался вопрос о необходимости ликвидации казачества, в особенности в связи с постоянными жалобами турок и татар на их нападения. В связи с этим появилась книжка польского публициста К. Пальчевского «О казаках — уничтожить их или нет?». Выступив в защиту казаков, автор развивал такие тезисы: 1. Уничтожить казачество — значит сломать стену, которая защищает Речь Посполитую от турок и татар; 2. Казаков невозможно уничтожить из-за их силы. А если кто скажет: «Немецких же рыцарей уничтожили!»,— то на это следует ответить: «С немецким орденом Польша боролась 200 лет, пока его уничтожили. Кто будет советовать начать двухсотлетнюю борьбу с казаками для их уничтожения, того надобно подвергнуть остракизму».

Бесстрашие и военное искусство украинских казаков, их важную роль в борьбе с агрессией Турции и Крымского ханства признавали и многие иностранцы. Петр делла Валле (1586—1652) — известный итальянский путешественник, ученый и писатель — оставил интересные заметки о войнах казаков с турками. Делла Валле был очень высокого мнения о силе и военном искусстве казаков. Он даже допускал, что казаки способны разрушить Османскую империю. Находясь в Персии в 1618—1620 гг., делла Валле убеждал шаха в необходимости установления союза Персии с казаками. Он рассказывал, что во время его пребывания в Персии к шаху явился казак Степан из Сечи. Шах принял его, после чего, обратившись к сановникам, сказал: «Вы не цените этих людей, их храбрости и не знаете, как к ним относиться. Они из тех, кто господствует на Черном море... Они могут нам быть очень полезны...». Шах, по словам делла Валле, проявил интерес к возможности использовать казаков в борьбе с Турцией.

Другой современник — польский бискуп Павел Пясецкий отмечал: «Можно было бы без конца перечислять преимущества... [казацкой] милиции, которая подрывает силу турок и намного превосходит любое из европейских войск. По словам самих турок, никого они не страшатся больше казаков». Действительно, турецкий хронист Наима писал о морских походах казаков: «Можно уверенно сказать, что не найти во всем мире людей более отважных, которые бы меньше думали о жизни или меньше боялись бы смерти. Как рассказывают люди, сведущие в военном деле, эта голь своим умением и храбростью в морских битвах превосходит все другие народы».

Заслуги казаков в борьбе с агрессорами польский современник событий Б. Папроцкий охарактеризовал следующим образом. «Не имея от вас никакой помощи,— писал он, обращаясь к шляхетству,— они [казаки] доставляют вам такое спокойствие, как откармливаемым волам, а вы, считая себя выше их, выпрашиваете себе в этих [украинских] областях имения». Когда султанская Турция открывает, подобно зверю, свою пасть, то казаки без страха кладут туда свою руку. Они кидаются в бездну войны, пренебрегая любой опасностью, «и когда совершат что-нибудь полезное,— пишет Папроцкий в заключение,— всем вам прибывает от того славы».

Героическая борьба казачества против агрессии султанской Турции и ханского Крыма не только помогала защитить Украину и Польшу, но и поддерживала освободительное движение покоренных Турцией народов.

4. ЛОКАЛЬНЫЕ АНТИФЕОДАЛЬНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ НАРОДНЫХ МАСС В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Подача жалоб. Антифеодальная и освободительная борьба народных масс Украины в первой половине XVII в. достигла небывалых размеров. Как и в предшествующий период, она проявлялась в самых разнообразных формах — от подачи жалоб до вооруженных выступлений против угнетателей. Мощные крестьянско-казацкие восстания 20—30-х годов, ставшие высшим выражением социального и национального протеста народных масс, заметно ослабили феодально-крепостническую систему, подорвали польско-шляхетское господство па Украине.

Подъем антифеодального и освободительного движения, вылившегося в массовые народные восстания, был вызван усилением феодально-крепостнической эксплуатации, безудержным ростом магнатского произвола и резким обострением в связи с этим классовых противоречий, дальнейшим наступлением польских феодалов в союзе с католической церковью на культуру, язык и веру украинского народа, еще большим ограничением и ущемлением его прав. В сложившихся условиях, когда возникла реальная угроза существованию украинского народа как этнической общности, антифеодальная борьба еще теснее переплелась с освободительной. Ведя решительную борьбу против непомерной эксплуатации, народные массы одновременно выступали против тяжкого иноземного и религиозного гнета, за освобождение украинских земель от иноземных захватчиков и засилия католицизма, за их воссоединение с братской Россией. Соединение в едином русле классовой и освободительной борьбы в значительной мере определяло масштабность и исключительную стойкость вооруженных выступлений народных масс Украины. Ведущей силой в антифеодальной и освободительной борьбе было крестьянство — самое многочисленное и наиболее угнетенное сословие. Активное участие в ней принимало казачество и городской плебс, также подвергавшиеся жестокому социальному угнетению и дискриминации в правовом, культурном и религиозном отношениях.

Распространенной формой антифеодального протеста народных масс, борьбы их в защиту своих прав в культурной и религиозной сферах оставались жалобы, хотя все больший размах приобретали более решительные и действенные формы борьбы. Многочисленные жалобы крестьян, горожан, в том числе и зажиточных, на феодалов, королевскую администрацию и городскую верхушку поступали во все правительственные инстанции. Дошедшие до наших дней документы такого рода содержат богатейший материал для выяснения социально-экономического положения и правового статуса различных слоев и прослоек населения — крестьян, казаков и мещан.

Несмотря на королевские запреты подавать жалобы, поток их был нескончаем. Основной причиной, вызывавшей жалобы, являлась жестокая эксплуатация, грабежи, произвол и издевательства феодалов над крестьянами и мещанами.

Чаще всего крестьяне и городские жители, подав жалобу, этим не ограничивались и продолжали борьбу в других формах. Так, крестьяне сел Гелярово, Дембино, Сажин Лежайского староства в Галичине в 1604 г. подали жалобу на старосту Опалинского и добились письменного королевского указания старосте об ограничении произвола со стороны администрации. Однако указания короля

игнорировались. Подстароста Грабинский приказал жестоко избить крестьян—авторов жалобы королю. После наказания их бросили в Лежайскую тюрьму. Крестьяне указанных сел продолжали подавать жалобы, но издевательства старосты и подстаросты не прекратились. Убедившись в безвыходности своего положения, крестьяне с. Гелярово бежали в лес, а жители с. Дембино отказались от выполнения повинностей и, вооружившись ружьями, копьями, саблями, топорами, стали на путь вооруженного сопротивления. В 1612 г. жители г. Берегово (Закарпатье) после ограбления их графом Эстергези пожаловались на феодала самому королю. Узнав об этом, граф послал в Берегово солдат, что вынудило горожан бежать в горы.

Крестьяне сел Горожаны и Ричихов в Галичине еще с 1572 г. вели длительную и упорную борьбу за свои права. Но их многочисленные жалобы оставались без результата — чаще всего они не получали даже ответа. В 1625 г. крестьяне поклялись, что не отступят в борьбе и если понадобится, уйдут к казакам на Украину, а панам не будут подчиняться.

Жители г. Янов Русского воеводства и близлежащих сел в 1644 г. подали жалобы королю в связи с ухудшением своего и без того тяжелого положения. Как и в большинстве других случаев, они оказались безрезультатными. После этого крестьяне и мещане отказались выполнять феодальные повинности.

Подданные крестьяне пригородных сел Львова на протяжении почти всей первой половины XVII в. жаловались на городской магистрат, установивший непосильные налоги и тяжелые отработочные повинности.

В антифеодальной и освободительной борьбе украинского народа все более активное участие принимало казачество. Противоречия между украинским казачеством и польскими феодалами особенно обострились после подавления крестьянско-казацких восстаний 30-х годов XVII в.— накануне освободительной войны. Так, в 1639 г. казаки жаловались, что шляхта захватывает их хутора, земли и сеножати. В июне 1647 г. Войско Запорожское жаловалось польскому королю на урядников (чиновников) чигиринского старосты А. Конецпольского, от которых казаки терпели немало «кривд» и притеснений. Поступали жалобы от рядовых казаков и на казацкую старшину. Так, в 1643 г. казаки Чигиринского полка подали жалобу на полковника Закревского «за великие кривды».

Иногда на польских магнатов и шляхтичей жаловалась и украинская казацкая старшина, которую притесняли польские феодалы. Притеснения с их стороны испытал на себе и Богдан Хмельницкий, у которого один из польских шляхтичей пытался отобрать отчий хутор Суботов возле Чигирина.

Бояре северных районов Украины, находившиеся в полупривилегированном положении и владевшие небольшими участками земли, полученными за военную службу, в первой половине XVII в. все чаще подвергались притеснениям со стороны магнатов и средней шляхты. Бояре постоянно жаловались на администрацию, магнатов и шляхтичей, захватывавших их земли и имущество, принуждавших выполнять различные повинности. Так, бояре Любеча (Черниговщина) жаловались в 1640 г., что с них взяли 18 волов поволовщины, кроме того, их принуждают отбывать подводную повинность, доставлять почту, а их самих бьют и бросают в тюрьмы. В 1647 г. любечские бояре вновь подали жалобу на черниговского воеводу Калиновского, совершавшего «наезды» на их владения и причинившего другие «обиды», но администрация Киевского замка не приняла ее. В результате неудержимого наступле-

ния феодалов большинство бояр Украины к середине XVII в. превратилось в феодально зависимых людей.

От произвола крупных феодалов и администрации страдала и мелкая украинская шляхта, неоднократно жаловавшаяся королю на притеснения. Так, шляхтичи Житомирщины в начале XVII в. жаловались на житомирского старосту, принуждавшего их выполнять разнообразные повинности, в частности ремонтировать мосты, а также вносить десятину.

Украинская мелкая шляхта не ограничивалась подачей жалоб. Она настойчиво добивалась ограждения своих классовых интересов на воеводских сеймиках и вальном сейме, тем самым невольно включаясь в освободительную борьбу народных масс против господства Речи Посполитой. Так, представители волынской шляхты на сеймике в Луцке в 1646 г. заявили, что православное население в Речи Посполитой подвергается насилию, какого даже греки-христиане не терпят от турок. Кроме того, шляхта протестовала против захвата православных храмов и монастырей католической церковью и запрещения выполнять православные церковные обряды. А шляхта Брацлавского воеводства, собравшаяся на сеймик в 1647 г., требовала закрыть иезуитские школы.

Увеличение потока жалоб со стороны крестьян, мещан, а также мелкой украинской шляхты и казацкой старшины свидетельствовало о дальнейшем обострении классовых противоречий, нарастании всеобщего недовольства населения Украины усилением феодального гнета и национально-религиозных преследований. Наиболее активно против наступления феодалов, городского патрициата и королевской администрации протестовало крестьянство. Однако, как правило, правительственные учреждения, стоявшие на страже интересов господствующего класса феодалов, оставляли жалобы без последствий. Убеждаясь в бесполезности обращения к королю и его администрации, народные массы, прежде всего крестьянство, прибегали к другим формам борьбы, чтобы защитить свои интересы.

Отказ от выполнения феодальных повинностей. Захват земель и имущества магнатов и шляхты. Распространенными формами борьбы крестьянства стали отказ от выполнения феодальных повинностей, потравы, порубка лесов, самовольный сбор хлеба и сена с панской земли, захват и уничтожение панского скота и другого имущества и т. п. Нередко эти формы борьбы против угнетателей сочетались с вооруженным противодействием властям и феодалам.

Массовый отказ крестьян от повиновения феодалам и выполнения феодальных повинностей имел место в 1600—1607 гг. в Галичине. Это событие совпало с активизацией антифеодального и освободительного движения на Поднепровье и Левобережье под влиянием крестьянской войны в России в начале XVII в. Например, крестьяне с. Воля Тарновская решительно отказались подчиняться пану Яновскому. Крестьянин этого села Лука Барович заявил, что у пана ложный привилей, а не королевский универсал на право принуждать крестьян выполнять повинности и подчиняться ему. Такой же мнимый привилей, по его словам, можно купить всего за несколько злотых.

Выступления продолжались и в последующие годы. Крестьяне с. Витушинцы на Львовщине во главе с односельчанином Герасимом Витушинским отказались отбывать барщину. А когда в село прибыл отряд карателей, крестьяне вооружились и засели в церкви. Только с помощью оружия жолнеры смогли подавить выступление. Крестьяне королевского села Ясень в Саноцкой земле на протяже-

нии шести лет (конец 30-х — начало 40-х годов XVII в.) отказывались выполнять отработочные повинности и не платили натуральный и денежный чинш на содержание войска. В октябре 1642 г. крестьяне получили письменное предписание самого короля Владислава IV явиться в суд. В нем говорилось: «Мы требуем, чтобы вы лично предстали перед судом и выслушали декрет (постановление.— *Ред.*) о принуждении вас к повинностям и чиншам». Жители местечка Янов (под Львовом) в 1644 г. в ответ на усиление гнета и произвол помещицы Стадышской (она захватила их земли, забрала хлеб, запретила пользоваться лесом, ловить рыбу в прудах и торговать) отказались повиноваться ей.

Чтобы заставить крестьян с. Ляшковичи Перемышльской земли, прекративших выполнять феодальные повинности, подчиняться пану, потребовалось вмешательство короля. В августе 1646 г. он издал специальный универсал, в котором обязал крестьян беспрекословно выполнять волю владельца.

Крестьяне с. Старый Еськов (Галичина) вначале отказывались отбывать повинности в пользу королевского старосты, затем их протест перерос в открытое выступление. Феодальный суд обвинил крестьян в бунте и обязал их уплатить контрибуцию, наложенную решением суда за отказ выполнять феодальные повинности, и продолжать выполнение повинностей. Крестьяне галицких сел Беновка, Сосновка и других отказались платить контрибуцию. Тогда в эти села прибыли вооруженные отряды польских шляхтичей, чтобы силой заставить крестьян отбывать повинности и уплатить контрибуцию. Крестьяне оказали решительное сопротивление карателям, отобрали у них оружие и тридцать лошадей.

Очень частыми были выступления крестьян против арендаторов, эксплуатировавших их еще более беспощадно, чем паны. Особенно широкое и массовое выступление против арендаторов произошло на Поднепровье и Левобережье в 1637 г.

В первой половине XVII в., особенно в 30—40-х годах, во время массовых крестьянско-казацких восстаний и после их подавления, в годы так называемого «золотого покоя», участились случаи захвата крестьянами, казаками и горожанами панских земель: пашен, лугов, сеножатей, лесов, а также потравы, самовольный сбор хлеба и сена с панской земли, порубки леса.

В начале 40-х годов крестьяне королевских сел Могильница, Романовка и Хмелевка (Галичина) вели длительную борьбу против арендатора Якуба Понятовского. Воспользовавшись отъездом Понятовского в Люблин, крестьяне захватили его усадьбу и разделили между собой панское имущество. Только вооруженной силой шляхте удалось подавить выступление.

В августе 1647 г. шляхтич Ян Хлебовский подал жалобу в Луцкий городской суд на своих подданных крестьян с. Жолобов, обвинив их в захвате его пашни («кгрунта») и сеножати. В том же году крестьяне с. Печихвосты Луцкого повета начали рубить панский лес. Когда владелец леса шляхтич С. Охлоповский попытался помешать крестьянам, его едва не убили, и он вынужден был спасаться бегством.

Как свидетельствуют документы, антифеодальное движение в форме отказа от выполнения повинностей, захвата панских земель и имущества получило наиболее широкое распространение в годы, предшествовавшие освободительной войне. Это движение происходило под влиянием крупнейших народных восстаний на Поднепровье в 20—30-е годы XVII в.

Побеги. В течение первой половины XVII в. крестьянские побеги, достигшие значительных размеров в конце XVI в., продолжали неуклонно нарастать. Побеги были ответом на дальнейшее усиление феодально-крепостнического гнета, магнатско-шляхетского произвола и беззакония. Как и в предшествующее время, часть крестьян бежала во владения соседних феодалов, рассчитывая получить там хотя бы временные льготы, т. е. освободиться на определенный срок полностью или частично от феодальных повинностей. Многие крестьяне оседали в городах, прежде всего крупных, пополняя ряды городского плебса. Основной же поток крестьян-беглецов устремился на юго-восточные и южные пограничные земли, где феодально-крепостнические отношения были развиты относительно слабо и социальный гнет в силу этого был менее тяжелым. Большое количество беглецов покидало территорию Речи Посполитой и уходило дальше, в пределы Русского государства, особенно на Слобожанщину, где и оседало.

Побеги крестьян резко возросли во время крупных крестьянско-казацких восстаний 20—30-х годов, но особенно широкий размах они приобрели в 40-е годы XVII в., когда господствующий класс после подавления народных восстаний еще более усилил феодальный гнет и гонения на украинскую культуру, язык и обычаи, установил на Украине режим жесточайшего кровавого террора.

Как уже отмечалось, частым явлением были побеги в соседние или сравнительно недалеко расположенные имения других феодалов. Особенно это было характерно для крестьян, обремененных семьями, которые бежали «з жоною, з детьми, з конми, з быдлом и зо всеею маетностю своею» [1]. Так, в мае 1606 г. восемь крестьян бежали с семьями из с. Цминь Пинского повета в с. Воля Березница Степанской волости Волынского воеводства, принадлежавшее князю К. Острожскому.

Массовые побеги крестьян имели место и из монастырских имений, где они подвергались такой же жестокой эксплуатации, как и крестьяне владений светских феодалов. Фактов побегов крестьян из имения в имение в документах первой половины XVII в. зафиксировано очень много.

Наряду с крестьянами часто уходили в другие места беднейшие жители городов и местечек, прежде всего небольших, находившихся во владении магнатов и шляхты, особенно сдаваемых ими в аренду. Как и крестьяне, городские низы испытывали на себе все более усиливавшийся феодальный гнет и магнатско-шляхетский произвол. Так, жители местечка Калюс на Подолии, не выдержав эксплуатации и издевательств со стороны арендатора (он забирал у них скот и другое имущество, избивал и сажал в тюрьму), в 1641 г. единодушно заявили властям, что оставляют местечко. Группой в 40 человек, вместе с семьями и имуществом, они перешли Днестр и поселились в Молдавии. Спустя некоторое время часть их, создав вооруженный отряд, возвратилась в Калюс и вывела оттуда еще 30 человек. Только в 1643 г. из местечка Торчицы Житомирского повета Киевского воеводства, принадлежавшего князю Вишневецкому, бежало около 200 человек.

Часть беглых крестьян устремлялась в близлежащие города. Крестьяне с. Загайцы и местечка Шумбар Кременецкого повета в 1600 г. убежали в г. Володарку. Тогда же крестьяне из района Заслава и Белогородска Волынского воеводства бежали в г. Котельну Киевского воеводства. В 30-х годах XVII в. князь Заславский превратил с. Деражня Луцкого повета в город и назвал его Сла-

[1] Україна перед визвольною війною 1648—1654 рр. Збірник документів (1639—1648 рр.). К., 1946, с. 5.

вута. Сразу же сюда из соседних сел Могиляны, Княжнин, Уездец, Белобережье, Зарудье ушло 20 крестьян. Вскоре в Славуту бежали многие крестьяне из дальних сел. Но в первой половине XVII в. города Галичины, Волыни, Подолии, Закарпатья и Буковины еще не были достаточно развиты, чтобы вобрать в себя всех беглецов и обеспечить их безопасность. К тому же иноземные завоеватели— феодалы и другие пришельцы, осевшие в западноукраинских и многих правобережных городах, опираясь на местных украинских феодалов, всячески тормозили их развитие. Иное положение сложилось на восточноукраинских землях, где для развития городов существовали объективно лучшие условия. Поэтому большая часть беглецов оседала в городах Поднепровья и Левобережья. Сюда бежали крестьяне Волыни, Подолии, Галичины и других местностей. Довольно быстрый рост городов и населения в них, особенно «непослушного», в первой половине XVII в. объясняется прежде всего притоком беглых крестьян.

В то время как население Поднепровья и Левобережной Украины быстро увеличивалось, на Волыни, Подолии и в Галичине происходил обратный процесс. Об усилении оттока населения из этих местностей за счет беглецов свидетельствуют данные о количестве жалоб в судебные органы в связи с бегством крестьян. Так, если в 1600 г., по далеко не полным данным, поступило 66 жалоб, в 1609 г.— 98, в 1613 г.— 173, то в 1618 г.— уже 229. В дальнейшем, особенно в 30—40-х годах, побеги крестьян приобрели очень широкий размах. Только в Галичский гродский суд за 9 месяцев 1643 г. поступило 60 жалоб о бегстве 401 крестьянской семьи. Вследствие массового бегства крестьян феодалы стали испытывать нехватку рабочих рук, сокращалась получаемая ими прибыль. Например, в 1643 г. шляхтянка Анна Ходкевич заявила в Луцком гродском суде, что она не в состоянии уплатить очередной налог, так как ее подданные в количестве 70 человек разбежались «по разных волях».

Польские короли, идя навстречу феодалам, неоднократно строжайше запрещали крепостным крестьянам убегать из королевских и панских имений, обязывали их неукоснительно выполнять все феодальные повинности. Так, 14 июля 1644 г. польский король Владислав IV повелел крестьянам с. Висенки Городокского староства прекратить побеги и беспрекословно выполнять феодальные повинности в пользу местного старосты В. Мишковского. Однако королевские запреты помогали мало.

Крестьян, бежавших от своих феодалов, как правило, активно защищали крестьяне и мещане — жители тех городов и сел, где они оседали. Так, слобожане, т. е. крестьяне, пользовавшиеся временно свободой, с. Осницкое на Волыни в феврале 1648 г. избили шляхтича Хмелевского, приехавшего забрать крестьян, бежавших из его имения. Каменецкий магистрат отказал в 1641 г. ректору каменецкой иезуитской коллегии в просьбе возвратить крестьянина Данка Неланчука, бежавшего из с. Тишеливец на Подолии и поселившегося в Каменце. В 1641 г. шляхтич Хотоцкий жаловался на мещан Летичева (Подолия), которые не желали выдавать его подданных, бежавших в этот город. Жители местечка Чернодуб на Волыни избили панских слуг, которые разыскивали беглых крестьян, поселившихся в местечке («на слободі будучих»).

В развертывании антифеодальной борьбы на Украине и южных окраинах России, в укреплении украинско-русских связей важную роль играли побеги и переселения на Украину, в основном на Поднепровье и Левобережье, русских крестьян, а также бегство и массовые переселения украин-

ского населения в пределы Русского государства, прежде всего на Слобожанщину и другие пограничные земли. Так, во время сильнейшего голода 1601—1603 гг. имело место массовое бегство крестьян, особенно холопов и слуг, из центра России на Чернигово-Северщину, Поднепровье, Слобожанщину и Дон. В конце XVI— начале XVII в. усилилось бегство крестьян также с Чернигово-Северщины. Крестьяне, отмечают документы, «мечуть свои домишки и бредут розно» [1].

Жители украинских сел и городов, не желая мириться с усиливавшейся феодальной эксплуатацией и национально-религиозным гнетом, все чаще и во все возрастающем количестве переселялись в пределы Русского государства. Большинство переселившихся были выходцами из сел и городов Поднепровья и Левобережья. Немаловажную роль при этом играло то обстоятельство, что на Украине было хорошо известно о теплом приеме украинских переселенцев в братской России. Там они получали личную свободу, не выполняли барщинных работ, а несли только сторожевую службу. Согласно законам Русского государства, они не платили также пошлины и налоги.

Украинцам-переселенцам русское правительство создавало благоприятные условия для обзаведения хозяйством. В одной правительственной грамоте подчеркивалось, что «которы были в отдаче за рекою, и вышли из тех городов на государское имя, и до них ни в крестьянстве, ни в холопстве никому дела нет и о том дать грамоты» [2].

О массовых переселениях с Украины в Россию, теснейшим образом связанных с расширением антифеодальной и освободительной борьбы на Украине и свидетельствовавших об усилении украинско-русских связей, сохранилось множество сведений. Вот некоторые из них. В 1619 г. на московскую службу, не желая принимать участия в польско-шляхетской авантюре против Русского государства, перешел целый казацкий полк во главе с Жданом Коншиным.

После жестокого подавления крестьянско-казацких восстаний на Украине в 30-х годах массовое бегство и переселение в пределы Русского государства, прежде всего на Слобожанщину и Дон, резко возросло. Участники народных восстаний, а также многие крестьяне, мещане и казаки, спасаясь от панского террора, нашли себе надежное убежище в пределах России. Массовое бегство и переселение на Слобожанщину и Дон продолжалось вплоть до начала освободительной войны.

На Слобожанщину в 1639 г. переселились группы беглецов, насчитывавшие сотни человек. В 1646 г. многие выходцы из Поднепровья (Богуслава, Корсуня, Черкасс) бежали на Дон, где они влились в ряды донского казачества. Украинские переселенцы — крестьяне, мещане и казаки, как правило, поселялись на порубежной территории Русского государства.

В канун освободительной войны бегство крестьян с Украины на территорию Русского государства стало настолько массовым, что польский посол Адам Кисель во время переговоров в Москве в августе — сентябре 1647 г. поднял этот вопрос официально. От имени королевского правительства он настойчиво требовал от русского правительства выдачи беглых, мотивируя это тем, что они являются крепостными, принадлежащими магнатам Вишневецкому и Конецпольскому. Однако русское правительство и на сей раз, как и прежде, решительно отклонило требование польского правительства.

[1] Крестьянская война в Московском государстве начала XVII в. Л., 1935, с. 11.

[2] Акты Московского государства. Спб., 1890, т. 2, с. 235.

Как отмечалось, основной поток беглых крестьян и городских жителей из других районов Украины направлялся на Поднепровье и Левобережную Украину. Здесь беглые объявляли себя казаками. Польский король Сигизмунд III Ваза (1587—1632) в своем обращении к сейму 1615 г. вынужден был признать факт массового бегства крестьян на Поднепровье, где они пополняли ряды казачества. Он говорил, что «пошла к ним (казакам.— *Ред.*) голота, пошли осужденные, бежала челядь, покинув панов». В эти места бежали также многие русские и белорусские крестьяне, выходцы из Литвы, Молдавии, Польши, даже из Валахии, Венгрии и Словакии.

О нарастании притока переселенцев-беглецов на Поднепровье, прежде всего в южную часть Киевского воеводства, дают представление следующие данные. Только за десятилетие (с 1630 по 1640 г.) количество дворищ в Киевском воеводстве увеличилось с 30 899 до 70 235, т. е. более чем в 2 раза.

Население Поднепровья и Левобережья сыграло важнейшую роль в антифеодальной и освободительной борьбе украинского народа первой половины XVII в. В дальнейшем бегство крестьян на Поднепровье и Левобережье еще больше усилилось. Один из крупнейших феодалов-землевладельцев Речи Посполитой коронный гетман Николай Потоцкий в 1637 г. с беспокойством констатировал, что в новых слободах Поднепровья и Левобережья оседают многие тысячи беглых, непокорных в своей массе, готовых в любой момент подняться на восстание. Эта местность стала рассадником восстаний, а поэтому, по его мнению, селения, где оседают беглецы, необходимо уничтожить. Н. Потоцкий в 1646 г. приказал сжечь основные центры Поднепровья — города Черкассы, Корсунь, Стеблев. Но это варварское распоряжение шляхтичи не смогли выполнить из-за активного сопротивления местного населения.

В результате массовых побегов, особенно в 30—40-х годах XVII в., в Поднепровье и на Левобережье сосредоточилось большое количество неимущего населения, существовавшего, как правило, за счет продажи своего труда. В документах эта категория людей фигурирует под разными наименованиями: «голота», «гультяи», «наймиты», «бесхатники», «вольни люди», «люзни люди». Значительная часть их присоединялась к запорожским и донским казакам. Так, когда в 1643 г. в устье Днепра зашли донские казаки, то к ним, как донесли шляхетские разведчики, «сила гультяйства начала присоединяться».

Это неимущее население принимало самое активное участие в антифеодальном и освободительном движении, прежде всего в мелких и крупных восстаниях на Поднепровье. Позже оно стало наиболее активным элементом в освободительной войне украинского народа середины XVII в.

Массовые побеги свидетельствуют о широком размахе антифеодальной борьбы на Украине. Никакие судебные постановления, жестокие репрессии феодалов не могли прекратить их или даже ослабить. Поднепровье и Левобережье стали тем почти неиссякаемым источником людских резервов, из которого пополнялись повстанческая армия и многочисленные повстанческие отряды во время освободительной войны.

Локальные вооруженные выступления. Одной из распространенных форм классовой борьбы в рассматриваемый период стали вооруженные нападения крестьян и городских жителей на отдельных представителей класса феодалов. Эта форма борьбы народных масс против своих угнетателей теснейшим образом связана со

всеобщим подъемом классовой борьбы на Украине и стала одним из его проявлений. Особенно участились нападения на феодалов и их слуг в годы крестьянской войны в России начала XVII в., крупных крестьянско-казацких восстаний и накануне освободительной войны. Буквально каждое локальное выступление, нападение на феодала или его убийство являлось стихийным выражением глубокой ненависти трудящихся к эксплуататорам.

На магнатов и шляхтичей, а также на их слуг совершали нападения как местные жители — крестьяне, мещане и казаки, так и вооруженные отряды, действовавшие на Украине. Так, жители г. Коломыя, возмущенные жестокостью местной шляхты, в 1613 г. убили троих угнетателей. Это послужило поводом для общего выступления окрестных мещан и крестьян, в котором приняло участие до 500 человек. В июне 1617 г. в лесу между Заславлем и Острогом (на Волыни) на проезжавшего шляхтича Я. Рудзенского напал отряд, состоявший из семи человек. Подобное нападение на пана Я. Гуляницкого совершили народные мстители под Житомиром в январе 1618 г.

В 1639 г. вооруженный отряд крестьян сел Венгловка и Кросно (Галичина), возглавляемый местными крестьянами Громко, Хомой и другими, осуществил вооруженное нападение на пана Стефана Тчинского из с. Близное. Крестьяне другого галицкого села Петрив напали на отряд жолнеров поручика М. Собицкого и выгнали их из села. Столкновение с отрядом вооруженных шляхтичей произошло в 1642 г. в г. Калуш. Шляхтичи разогнали происходившую здесь ярмарку, ранив при этом несколько горожан. Возмущенные жители выступили против шляхтичей, схватили их и передали галицкому уряднику, но тот оправдал их.

Пан Древицкий жаловался, что мещане г. Котельня (Житомирщина) избили его. Жители с. Денисов (Галичина), говорилось в панской жалобе, направленной в Теребовльский городской суд, убили управляющего имением. Крестьяне сел Ельцовка и Любовичи на Киевщине в апреле 1644 г. учинили расправу над слугами украинского магната А. Киселя.

Нападения на феодалов происходили систематически. В июне 1646 г. крестьяне с. Видерна Житомирского повета совершили нападение на шляхтичей М. Омецинского и Б. Отвановского, проезжавших через их село. Крестьяне панов «киями, обухами быть почали... з колясы збыли и немилосердне киями побили» [1]. Шляхтичи едва убежали, бросив лошадей, коляску и свою челядь. Жители сел Печихвосты и Милятин (Волынь) в августе 1647 г. перехватили на дороге шляхтича А. Клишевского и подвергли его заслуженному наказанию, избив киями. Подобный случай имел место в местечке Андресов (Луцкий повет) в мае 1647 г. и в Берестечке в начале 1648 г. и т. д.

Наказанию подвергались также верные панские слуги, арендаторы, управляющие, корчмари, ростовщики и прочие прислужники феодалов. Например, в январе 1648 г. крестьяне из с. Прокошев убили в лесу панского надзирателя, запрещавшего им брать дрова. Иногда во время нападений крестьян на имения феодалов народные мстители уничтожали и их владельцев. Так, крестьяне с. Плоское Волынского воеводства в ноябре 1647 г. убили шляхтича М. Должкевича.

В результате углубления расслоения среди казачества участились выступления беднейшего казачества и наймитов-голоты против казацкой старшины, «дуков». В украинской народной песне «Наступала та чорна

[1] Україна перед визвольною війною., с. 98—99.

хмара», относящейся в концу XVI—первой половине XVII в., в образной форме рассказывается о выступлении голоты против богачей-дуков:

А взяли дуку
За чуб, за руку,
Третій в шию б'в.

Украинский народ вел самую решительную борьбу не только против феодалов, их слуг и королевской администрации, но и против католических и униатских церковников, которые силой насаждали католицизм и униатство, преследовали украинскую культуру, язык, быт, православную церковь. Это массовое движение, охватившее почти все украинские земли, сливалось с антифеодальной и освободительной борьбой, дополняя ее. Народные массы решительно выступили против попытки униатского епископа Терлецкого овладеть православными церквами в Белзе в 1641 г. Мужчины и женщины, вооруженные киями и копьями, не допустили отряд епископа к церкви, а затем напали на дома местной шляхты и в январе 1646 г. освободили церкви, захваченные ранее униатами у православного населения, а униатских священников и панов избили.

Бывали случаи убийства ненавистных церковников, несмотря на то что за это грозила смертная казнь. Так, в 1641 г. Снятинский гродский суд приговорил язловецкого мещанина Л. Кравца к четвертованию за убийство ксендза Симона Сиверского. Антикатолическую и антиуниатскую направленность имела борьба киевских мещан в 1610—1612 и 1629—1630 гг. Их активно поддержало Запорожское войско.

Отдельные локальные вооруженные выступления, избиения и даже убийства феодалов и их слуг были одним из проявлений острой классовой борьбы, происходившей на Украине в первой половине XVII в. Крестьяне и мещане группами и в одиночку, часто рискуя свободой и даже жизнью, все чаще совершали акты возмездия над угнетателями.

Восстания. Высшим проявлением антифеодальной борьбы являлись восстания. Кроме крупных выступлений во время первой крестьянской войны в России и крестьянско-казацких восстаний 20—30-х годов на Украине в первой половине XVII в. произошло немало отдельных вооруженных выступлений и восстаний сельских и городских жителей, которых часто поддерживало рядовое казачество. Восстания эти были стихийными, разрозненными, локальными, но происходили они довольно часто и на всей территории Украины — от Закарпатья до Левобережья. Этим и определяется их важное значение.

Наряду с отдельными восстаниями в городах и селах активизировалось также повстанческое движение, охватывавшее локальные территории и длившееся иногда продолжительное время. Отдельные вооруженные отряды, формировавшиеся в основном из местных жителей, действовали в разных местах. Их активно поддерживало население ближайших городов, местечек и сел.

В начале XVII в., во время крестьянской войны, в России особенно в 1606—1607 гг., когда под руководством Ивана Болотникова она приобрела наибольший размах, во многих местах Украины произошли антифеодальные восстания. Одновременно развернули борьбу и отдельные повстанческие отряды. Так, в 1605 г. наймит («парубок») М. Мартынович во Владимирском повете организовал крестьянский отряд «своевольных, гултяйских до колконадцать человеков зобрал» [1]. Повстанцы совершали нападения на панские имения.

Вооруженный повстанческий отряд, состоявший из беглых крестьян во

[1] Архив ЮЗР, ч. 3, т. 1, с. 145—147.

главе с Ячком Ручкой, в 1607 г. напал на имение Росинского в Саноцком повете. Усадьба шляхтича была разгромлена, а ее владелец убит. Правительственным войскам удалось выследить повстанцев. Попавшие в их руки участники нападения на имение были осуждены на смертную казнь.

Крупное восстание жителей Корсуня, поддержанное крестьянами близлежащих сел, произошло в 1605 г. Мещане отказались признавать над собой власть королевского старосты, не выдавали сами и не позволяли старосте выдавать бежавших в город крепостных крестьян.

Первая крестьянская война в России, в которой активное участие принимали и украинские крестьяне, горожане, казаки и работные люди Чернигово-Северщины и частично Слобожанщины, оказала сильное влияние на классовую борьбу на Украине в последующие годы.

Характерной особенностью антифеодальной и освободительной борьбы на Украине является то, что она заметно активизировалась в годы, когда феодальная верхушка Речи Посполитой вела агрессивные войны против Русского государства. Так, значительный подъем антифеодальной борьбы и освободительного движения на Украине наблюдался в 1618 г., когда польско-шляхетские войска предприняли поход на Россию.

В это время на Правобережье и Поднепровье вело борьбу несколько вооруженных повстанческих отрядов. Один из них, действовавший на Житомирщине под руководством Яроша Сумы, неоднократно совершал «наезды кгвалтовные на маетности и дома шляхецкие»[1], в частности на имения пана Лозки. Крестьянско-казацкий отряд, руководимый Фастовцем и Дубиной, насчитывавший до 2 тыс. вооруженных повстанцев («до двух тысячей войска»), действовал на значительной территории Северной Киевщины и Житомирщины. Громил имения феодалов также повстанческий отряд Александра Кушки, состоявший из «казаков и разных гультяев, также подданных...».

Мещане городов и местечек Фастова, Кодни, Лещина, Котельни, Паволочи, Брусилова, Коростышева, Корнина, Радомышля, Ходоркова Киевского воеводства, а также крестьяне близлежащих сел в 1618 г. подняли восстание против господства феодалов. «Собрав большое количество своевольных людей», они систематически совершали нападения на имения местной шляхты.

Ответом на усиление крепостнического и национально-религиозного гнета со стороны венгерских феодалов на Закарпатье на рубеже XVI — XVII вв. было выступление гайдуков и крестьян Угочанского комитата в 1611 г., носившее антифеодальный и освободительный характер. Феодалы, напуганные размахом народного восстания, бежали.

В конце XVI — начале XVII в. некоторые крупные церковные деятели из числа высшего православного духовенства Закарпатья, в том числе епископ мукачевской православной епископии, перешли в католичество и стали предпринимать шаги, направленные на введение в крае унии. Их намерения поддержали местные феодалы. Около 1614 г. владетель гуменской доминии в Земплинском комитате магнат Гомоний решил насильно насадить унию. Среди крестьян быстро распространились слухи, что вслед за этим будет увеличена барщина и другие феодальные повинности. Движение против наступления католицизма и введения унии имело также антифеодальную направленность. Крепостные, вооружившись вилами, косами, топорами, стали собираться вместе и готовиться к походу на Краснобродский монастырь — один из центров католицизма в За-

[1] Архив ЮЗР, ч. 3, т. 1, с. 259—262.

карпатье. Крестьянское выступление было подавлено, однако от введения унии в Земплинском комитате церковникам и магнатам временно пришлось отказаться.

В 20—30-х годах под влиянием крупных крестьянско-казацких восстаний на Поднепровье активизировалось повстанческое движение в других районах Украины. Произошел целый ряд небольших локальных вооруженных восстаний, в которых вместе с крестьянами принимали участие казаки и мещане. Так, в 1623 г. волна крестьянских восстаний поднялась в Полесье. В следующем году усилилась борьба на Правобережье. Здесь особенно активно действовали крестьянско-казацкие повстанческие отряды Жилинского и Декуринского, совершавшие вооруженные нападения на имения феодалов. В районе г. Мирополь (вблизи Полонного) в 1630 г. действовал хорошо вооруженный повстанческий отряд.

Б 1623—1628 гг. крупное крестьянско-гайдуцкое выступление произошло на Буковине, а в 1631 г. возникло стихийное крестьянское движение в районе Токая (Венгрия), охватившее частично и Закарпатье. Вместе с венгерскими крестьянами активное участие в нем приняли крестьяне — украинцы и словаки. Новое крупное восстание крепостных и феодально зависимых крестьян Закарпатья вспыхнуло в 1632 г. Оно охватило почти всю его территорию: Бережанский, Ужгородский, Земплинский и Мараморошский комитаты. В Пеpечине отряд восставших крестьян возглавил Микола Пастеляк. Нанося удары по феодалам, отряд дошел до Гуменского (ныне город в Чехословакии). Повстанцев активно поддержало не только украинское, но и словацкое население.

В 1638—1648 гг., названных шляхетско-буржуазными историками годами «золотого покоя», антифеодальная борьба на Украине не утихала, не прекращались вооруженные выступления. Локальные восстания вспыхивали почти на всей ее территории, но основные классовые битвы в те годы происходили на Поднепровье и Левобережье. Сюда продолжали стекаться массы беглых крестьян и городских жителей со всех украинских земель. На этой территории проживала большая часть участников крестьянско-казацких восстаний 20—30-х годов, которые, несмотря на жесточайшие репрессии, продолжали активно бороться против феодального гнета и иноземного господства.

Крупное восстание горожан, преимущественно ремесленного населения, и крестьян близлежащих сел произошло в 1640 г. в г. Коростышев Киевского воеводства. Вооружившись косами, топорами и киями, по зову набата восставшие начали избивать шляхтичей и громить панские дома.

В марте 1643 г. значительное выступление произошло в Луцком повете на Волыни. Повстанцы совершали нападения на имения шляхты. Король Владислав IV специальным универсалом приказал местному панству принять необходимые меры для подавления движения. В августе того же года мещане г. Котельня во время ярмарки напали на шляхтичей и их челядь. Как свидетельствуют документы, жители города «окрик великий учинившы», панов «хто чем мел, киями, обухами, чеканами... били, мордовали, секли»[1]. В том же году повстанцы напали на имение Гавратинского в с. Старосельцы возле Коростышева. Несколько десятков вооруженных крестьян сел Ельцовка и Любовичи (Волынь) в марте 1644 г. разгромили панскую усадьбу, избив

[1] Україна перед визвольною війною.., с. 40.

при этом управителя вепрянских буд К. Гленского и шляхтича Я. Лозицкого.

Как и раньше, активное участие в борьбе против социального гнета принимало казачество. В апреле 1645 г. из Переяслава вышли «на волость» восставшие казаки Переяславского полка, возглавляемые полковником Адамом Душинским. При активной поддержке восставших крестьян и городских жителей они заняли ряд важных населенных пунктов, в том числе Носовку, Кобыжчу, Казак-город, разгромили ряд имений, принадлежавших украинскому магнату Адаму Киселю. Восставшие, говорилось в одном документе, феодалам «кривды, шкоды и збытки чинят»[1].

В конце 1645 — начале 1646 г. в Запорожской Сечи и среди украинского городового казачества имели место попытки организации нового крупного восстания против владычества Речи Посполитой на Украине.

Неспокойно было и в Галичине. В 1641 г. крестьянские волнения произошли в селах Лашки, Витушинцы, Хотинец, Грушев Перемышльской земли. В мае 1643 г. жители Калуша и крестьяне окрестных сел напали на Подгородецкое имение. В 1645 г. в Галиче произошло выступление мещан против местного старосты Яна Потоцкого. Их активно поддерживали жители близлежащих сел. Возмущенные решением городского суда, приговорившего крестьянина Лесика из с. Залужье к смертной казни, мещане и крестьяне, собравшись возле городской ратуши, потребовали его освобождения. Совместное выступление мещан и крестьян г. Снятин и окрестных сел имело место в 1646 г. Поводом к выступлению стали притеснения и усиление гнета со стороны снятинского старосты Петра Потоцкого. Многие мещане и крестьяне оставили свои жилища и стали лагерем у польско-молдавской границы. Позже они возвратились в свои дома, но решительно отказались выполнять феодальные повинности. 2 ноября повстанцы, возглавляемые молдаванином Василием Пинтой, штурмом овладели снятинской крепостью. Однако властям удалось схватить Пинту и подавить выступление.

В Галичине, на Буковине и в Закарпатье из местных беглых крестьян формировались повстанческие отряды «опришков», «бескидников», «списников», «буковинских ватаг», закарпатских «бетьяров». К повстанцам-украинцам присоединялись крестьяне других национальностей — молдаване, поляки, словаки, чехи, венгры. В западной части Галицкого Прикарпатья в 40—50-х годах XVII в. действовали довольно крупные отряды опришков, которые возглавляли Степан Солинка (1644—1649), Василь Чепец (1645—1657), Василь Баюс (1644—1654). Совместно с местными крестьянами опришки в 1642 г. захватили имение пана Моровского в с. Зубря. Шляхтич едва спасся бегством. В октябре 1644 г. около 300 опришков и вооруженных крестьян четырнадцати сел (Рокитовцы, Хабор, Негов, Миков, Великие Стружи, Малые Стружи, Горба и др.) захватили имение панов Гротковских в с. Загутин. Опришки и жители близлежащих сел уничтожили все документы о зависимости, повинностях крестьян, а также о феодальном землевладении. В 1645 г. опришки напали на с. Гумницы и также уничтожили все документы. Расправившись с местным феодалом, они распределили панское имущество среди повстанцев и местных крестьян.

Шляхта Русского воеводства, собравшись в 1647 г. в г. Вишня, решила провести карательные экспедиции против опришков. Паны высказывали особенно большое беспокойство в связи с тем, что опришки поддер-

[1] Архив ЮЗР, ч. 3, т. 1, с. 393.

живали тесные связи с венгерскими, молдавскими, словацкими и польскими повстанцами, а также с местными крестьянами.

Крупное вооруженное выступление крестьян Закарпатья произошло в 1643 г. Австрийский император Фердинанд III в связи с массовым крестьянским выступлением в Ужгородском комитате в июле 1643 г. издал декрет жупанам (местным правителям) и дворянам, в котором призывал их немедленно выступить против восставших крестьян.

Таким образом, антифеодальная и освободительная борьба народных масс Украины в первой половине XVII в. приобрела исключительно широкий размах. Она охватила все украинские земли и фактически не прекращалась даже па короткое время. Как и раньше, эта борьба приобретала различные формы, но основной стали вооруженные выступления. Произошли многочисленные локальные восстания в городах и селах, во время которых крестьяне и мещане, а также казаки выступали совместно. Во многих местах создавались повстанческие отряды. Если раньше они действовали преимущественно в Карпатах и на Подолии, то в первой половине XVII в. такая форма борьбы охватила все Правобережье. Высшим проявлением антифеодального и освободительного движения были массовые крестьянско-казацкие восстания 20—30-х годов, ставшие предвестником освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Несмотря на слабую организованность и относительно локальный характер, эти вооруженные восстания дали неоценимый опыт борьбы с угнетателями и в этом отношении сыграли важную роль в подготовке всенародного победоносного восстания народных масс Украины, которое возглавил славный сын украинского народа Богдан Хмельницкий.

5. НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА УКРАИНЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ И ПОЛЬСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Начало крестьянской войны. Конец XVI — начало XVII в. были отмечены важными явлениями в социальной и политической жизни Русского государства. После смерти в 1584 г. Ивана Грозного престол занял его слабоумный сын Федор. Государственная власть сосредоточилась в руках видного деятеля опричнины, опытного в государственных делах человека, шурина царя Бориса Федоровича Годунова.

Правительство Годунова добилось значительных успехов во внешней политике. Продлив перемирие с Польшей, оно вступило в войну со Швецией (1590—1595), в результате которой Россия вернула себе ряд городов (Ям, Орешек, Ивангород, Копорье и др.), ранее отошедших к Швеции, восстановила свои позиции на Балтике.

В 1600 г. прибывший в Москву литовский канцлер Лев Сапега предложил заключить унию между Польшей и Россией. Посредством унии Польша хотела добиться распространения политического влияния на Россию, усилить свои позиции в борьбе со Швецией и Турцией. Правительство Годунова отклонило этот план. В 1601 г. с Польшей было заключено новое перемирие на 20 лет.

Борис Годунов добился учреждения в Москве патриаршества (1589). Это должно было поднять авторитет православной церкви — идеологической опоры феодальной системы и способствовать расширению связей России с другими странами.

Во внутренней политике Годунов, опираясь на широкие слои служилого дворянства и посадские верхи, стремился продолжать политику укрепления самодержавия, проводившуюся Иваном Грозным, чем вызвал сопротивление княжеско-боярской оппозиции во главе с князьями Мстиславскими, Шуйскими, боярами Романовыми и др.

В правление Годунова в стране резко усилился крепостной гнет. Было продлено действие «заповедных лет» (запрещение крестьянского выхода в Юрьев день). В результате участились случаи бегства крестьян от феодалов. В связи в этим в 1597 г. вышел указ о пятилетнем сроке сыска беглых крестьян и указ о холопах, отменявший право кабальных людей выкупаться на свободу.

7 января 1598 г. умер, не оставив наследников, царь Федор Иванович: единственная дочь царя скончалась в раннем детстве, а младший брат Дмитрий, высланный вместе с матерью Марией Нагой в Углич, в 1591 г. погиб во время припадка эпилепсии. Однако распространились слухи, что его убили по приказу Годунова.

Между Борисом Годуновым и боярской оппозицией разгорелась борьба за престол. Победителем оказался Годунов: Земский собор, созванный 17 февраля 1598 г., на котором видное место принадлежало служилому дворянству, духовенству во главе с близким Годунову патриархом Иовом и верхушке посадских людей, избрал Бориса Годунова царем.

Вступив на престол, Годунов продолжал политику укрепления своей социальной базы: летом 1598 г. провел в Серпухове смотр дворянского войска, увеличил ему жалованье; продлил «посадское строение», предусматривающее возвращение в посад беглых тяглецов и приписку к посаду владельческих крестьян, занимавшихся торговлей и промыслами. В интересах казны была предпринята попытка замены прямых налогов косвенными. Кроме того, новый царь стремился распространить крепостнические порядки на те районы, где последние еще не были развиты, в частности на южные окраины государства.

Заняв трон, Годунов начал расправу с княжеско-боярской оппозицией, намеревавшейся после смерти царя Федора возвести на престол своего человека. Одним из первых попал в опалу воспитатель царевича Дмитрия Богдан Бельский. Его вызвали в Москву и после битья кнутом отправили в ссылку. В 1601 г. подверглись репрессиям Романовы. Старший брат Федор Никитич, наиболее влиятельный, был сослан в отдаленный монастырь и пострижен в монахи под именем Филарета. Гонения испытали и другие члены княжеско-боярской группировки — Шуйские, Мстиславские, Черкасские, Репнины, Шереметевы. При этом в качестве обвинительных материалов на противников служили доносы их холопов, что вызывало крайнее раздражение среди оппозиционной аристократии.

Новый царь, как утверждали современники, такие, в частности, как Авраамий Палицын, добился некоторых успехов в своей политике. Однако последующие события обнажили всю глубину социально-политических противоречий в Русском государстве. Обстоятельством, ускорившим кризис, стал неурожай 1601—1603 гг.

После сильных дождей летом 1601 г. наступили ранние морозы, посевы хлеба, не успевшего созреть, погибли. В стране начался голод. В следующем году хлеба вообще не взошли, а там, где и взошли, их уничтожили заморозки. Голод усилился и принял страшные размеры. Люди вынуждены были есть траву, кору деревьев, имели место случаи людоедства. Голод свирепствовал преимущественно в центральных областях стра-

ны. Не пострадали от неурожая только некоторые южные местности, например, район Курска. Частично голод ощущался также в Северской Украине. К довершению несчастья распространилось «моровое поветрие» — чума.

Тяжелым положением голодающих народных масс воспользовались помещики, купцы, зажиточные крестьяне, располагавшие хлебными запасами. Спекуляция хлебом приняла огромные размеры. Доведенные до отчаяния люди брали на себя кабалу, за бесценок продавали имущество. По стране бродили голодающие. Начались нападения на помещичьи усадьбы, на купцов. Особенную ненависть у народа вызывали хлеботорговцы и помещики, спекулировавшие хлебом. Голодающие на торговых трактах нападали на купеческие обозы, дороги становились опасными. Бегство голодных крестьян приняло массовый характер. Правительство посылало против них карательные отряды.

Годунов пытался смягчить недовольство, вызванное голодом, раздачей хлеба из царских житниц и денег из казны, а также привлекая голодающих к постройке колокольни Ивана Великого в Кремле и т. п. В 1601—1602 гг. были изданы указы, несколько ограничившие крепостное право. Крестьянам мелких и средних помещиков представлялась возможность выхода. На крестьян, закрепленных за крупными владениями (дворцовых, боярских, монастырских, церковных), это право не распространялось.

Хотя «своз» (переманивание помещиками друг у друга крестьян) был разрешен только мелким и средним помещикам и запрещен крупным, фактически им занимались, как обычно, крупные помещики, так как мелким и средним это было не под силу. Таким образом, царские указы, хотя и несколько ослабили крепостной гнет, фактически служили интересам лишь крупных помещиков. Бегство крестьян в южные пограничные районы страны еще более усилилось. Средние и мелкие помещики центральных областей, теряя из-за побегов крестьян рабочие руки, роптали на правительство и крупных землевладельцев, занимавшихся «свозом». Таким образом, обострились противоречия не только между крестьянами и феодалами в целом, но и внутри класса феодалов — между мелким служилым людом и крупными землевладельцами, к которым принадлежали преимущественно князья и бояре.

В конечном итоге политикой Бориса Годунова были недовольны все слои населения, хотя, само собой разумеется, по разным причинам и не в одинаковой мере.

Крестьянские волнения приобретали все более грозную форму: крестьяне и холопы брались за оружие. Их отряды появились даже в непосредственной близости от Москвы. Из среды крестьян выделился отважный предводитель по прозванию Хлопко. Объединенные им отряды повстанцев двинулись на Москву. Началась первая в истории России крестьянская война.

Наибольшую ненависть к феодалам, упорство и самоотверженность в борьбе проявляли холопы. Поэтому правительство Годунова попыталось внести раздор в среду повстанцев, отколоть холопов от крестьян. С этой целью Боярская дума 16 августа 1603 г. издала указ: холопы, прогнанные господами (это было обычным явлением во время голода) без отпускных, могли явиться в Москву, в приказ холопьего суда, и получить отпускные, т. е. свободу. Однако этот указ не мог сколько-нибудь улучшить положение холопов, так как в условиях жесточайшего голода мало кто принимал их к себе.

Холопы и крестьяне с прежним упорством продолжали борьбу. Пра-

вительство бросило против восставших большое войско под начальством окольничего И. Ф. Басманова. В сентябре 1603 г. вблизи Москвы произошло сражение. Восставшие проявили неустрашимость и стойкость, а Хлопко — незаурядные способности военного руководителя. Повстанцы нанесли правительственным войскам сильный удар. В бою погиб и окольничий И. Ф. Басманов. Все же хорошо вооруженным и опытным в военном деле царским войскам удалось разбить восставших. Часть их попала в плен, в том числе и раненый Хлопко. Победители учинили кровавую расправу над захваченными крестьянами и холопами. Подавив восстание, Борис Годунов не только не возобновил указов о крестьянском выходе, но отменил и указ от 16 августа 1603 г. о холопах.

Значительная часть повстанцев бежала на южные и юго-западные окраины. Беглецы, по словам современника, «уйдоша на Украйну», где вскорости начался новый подъем народного движения.

Южные окраины Русского государства, постоянно подвергавшиеся набегам татар, были защищены рядом линий укреплений — засечных черт. Они все время продвигались на юг. Этому содействовала народная колонизация. Крестьяне, бежавшие на южные окраины от все усиливающегося в центре страны крепостного гнета, переходили засечные черты. Смело углубляясь в лесные и степные пространства, они занимались там добычей зверя, бортничеством, рыболовством, скотоводством, земледелием. В конце XVI в. самая южная засечная черта тянулась от Алатыря на р. Суре, правом притоке Волги, через ряд оборонных пунктов, в частности через Шацк, Темников, до Ряжска. Продолжением ее от Ряжска на юго-запад служили линии разъездов сторожей, проходившие через Данков, Орел, Кромы, Рыльск до Путивля в Северской Украине и далее до Новгорода-Северского. Укрепления состояли из лесных завалов — засек, чередовавшихся с частоколами, надолбами, земляными валами (в безлесных местностях). Движение по дорогам контролировали многочисленные крепости, из которых наиболее важные в стратегическом отношении были каменными. За оборонную линию для разведки и охраны подходов высылались конные отряды (станицы) и выдвигались сторóжи (небольшие посты).

Таким образом, правый фланг оборонной линии проходил по Северской Украине, вошедшей в начале XVI в. в состав Русского государства. Города Северской Украины Новгород-Северский, Чернигов, Моравск и др. играли важную роль крепостей, обращенных к польской границе. Путивль, находившийся к востоку от них, входил в систему крепостей, служивших защитой от татар.

Население окраин по социальному составу отличалось пестротой. Кроме крестьян, тут были помещики, которые, двигаясь вслед за крестьянами, оседали здесь в качестве служилых людей. Они захватывали земли, уже освоенные крестьянами, и стремились закрепостить последних. В большинстве своем это были мелкие владельцы. В Путивльском уезде, например, в начале XVII в. на одного помещика приходилось в среднем не более одного крестьянского и бобыльского двора. Некоторые из мелких помещиков сами обрабатывали землю. Эти помещики, во многом отличавшиеся по своему положению от помещиков центральных областей, не говоря уже о столичном дворянстве, несли тяжелую пограничную службу.

Многочисленную группу составляли люди, набиравшиеся «по прибору» властями. К ним принадлежали стрельцы, служилые казаки, воротники, пушкари, сторожа и др., одновременно являвшиеся и служилыми людьми

и земледельцами. Среди служилых «по прибору» было много беглых крестьян, лиц, сосланных за выступления против помещиков и властей, и др. Они получали по 10—20 десятин земли и кроме военной службы были обязаны отбывать «государеву десятинную пашню» (т. е. отдавать урожай с этой пашни в пользу казны). Эти люди, значительная часть которых бежала в свое время от помещиков, на новых местах попадали в тяжелую зависимость от феодального государства. Поэтому они всегда готовы были выступить против существующих порядков.

На южных окраинах сосредоточилось немало крестьян и холопов, бежавших сюда во время голода 1601—1603 гг. Они всеми силами стремились сохранить с трудом добытую свободу от посягательств со стороны мелкого служилого дворянства.

Население городов, расположенных на укрепленной линии, по своему составу значительно отличалось от населения городов центральных областей, где преобладал ремесленный и торговый люд. Здесь большую часть населения составляли служилые люди разных категорий. Ремесленники и мелкие торговцы, как и всюду, несли бремя многочисленных повинностей и поборов в пользу города и государства. Особенно тяжелым было положение городских низов, эксплуатируемых богатыми горожанами.

Закрепощенное и закрепощаемое крестьянство Северской Украины находилось в таком же тяжелом положении, как и крестьянство соседних великорусских областей. В годы волнений и восстаний оно в братском союзе с русскими крестьянами и холопами поднималось на борьбу против феодального гнета. Уже в 1601—1602 гг. «в Чернигов на литовский рубеж чинить управу» были посланы «дворянин» стрелецкий голова Григорий Микулин и подьячий Посольского приказа Петр Палицын. В районе Чернигова сложилось столь напряженное положение, что правительство Годунова направило туда карательный отряд, в состав которого входили и московские стрельцы. Отправка в такое тревожное время далеко от столицы московских стрельцов — привилегированной части стрелецкого войска — свидетельствует о серьезности событий, происходивших на Черниговщине. Вероятно, приостановить волнение этому войску не удалось, поскольку в следующем году туда же был отправлен «в обыск», для расправы с восставшими, Н. С. Вельяминов.

Следовательно, уже в самом начале крестьянских волнений в Русском государстве, переросших вскоре в крестьянскую войну, антифеодальные выступления охватили также и Северскую Украину. На соседних украинских землях, захваченных Польшей, на Киевщине и позднейшей Полтавщине, непосредственно граничивших с Северской Украиной, где еще совсем недавно, в 1596 г., было самым жестоким образом подавлено крестьянско-казацкое восстание под руководством С. Наливайко, обстановка также отличалась крайней напряженностью, готовой разразиться новым восстанием. Не следует забывать, что между угнетенными массами Северской Украины и украинских земель, находившихся под владычеством польских феодалов, никогда не прерывались тесные связи. Угнетенное крестьянство обеих частей Украины объединяли стремление освободиться от феодального гнета, национальная и религиозная общность.

Таким образом, с одной стороны, настроения, царившие на южных и юго-западных окраинах Русского государства, оказывали влияние на народные массы украинских земель, подвластных Польше. С другой стороны, антифеодальные выступления

крестьян и горожан на этих землях всегда находили отклик в Северской Украине.

Народное движение в начале польской интервенции. Социально-политическое положение, сложившееся в России, прежде всего неспособность царя Бориса Годунова подавить политическую оппозицию, а также то потрясение, которое испытывало Русское государство в связи с охватившим его страшным голодом, привлекало пристальное внимание политических кругов Речи Посполитой.

В 1601 г. на Украине, находившейся под властью Польши, появилась загадочная личность. Через два года, согласно одной версии, этот человек, в то время слуга украинского магната Адама Вишневецкого, зятя сандомирского воеводы Юрия Мнишека, тайно, на исповеди, объявил себя царевичем Дмитрием, спасшимся якобы от рук убийц, подосланных Борисом Годуновым. На этом «признании» магнаты Адам и его брат Константин Вишневецкие при поддержке Юрия Мнишека сразу же стали строить далеко идущие политические планы. Собственно говоря, с этого и началась политическая карьера авантюриста, впоследствии получившего в исторической литературе имя Лжедмитрия I.

Магнаты познакомили самозванца с папским нунцием в Польше и ввели его в правящие сферы Речи Посполитой. План самозванца, поддержанный кроме Вишневецких и Мнишека краковским бискупом Мацейовским и др., заключался в том, чтобы начать войну против России, низложить царя Бориса Годунова и овладеть русским престолом. Однако план этот не встретил единодушной поддержки. Канцлер и великий коронный гетман Ян Замойский не считал возможным начать войну против России без разрешения сейма. Кроме того, Польша, по его мнению, не была готова к такой войне. Король Сигизмунд III предложил, в обход сейма, компромиссное решение: походу «царевича Димитрия» на Россию следует придать характер частного предприятия, за которое Речь Посполитая не может нести ответственности. Этот план был принят и стал осуществляться.

23 апреля 1604 г. самозванца принял король Сигизмунд III. Король «признал» его царевичем Дмитрием, обещал выдавать по 40 тыс. злотых в год и предоставил право набирать войско из шляхты. В то же время Сигизмунд III связал претендента на русский трон рядом важных обязательств: Лжедмитрий должен был по восшествии на престол передать Речи Посполитой Смоленскую и Северскую земли и содействовать заключению унии Речи Посполитой с Россией. Юрий Мнишек также заключил договор с самозванцем, по которому тот обязался после воцарения жениться на его дочери Марине, отдать ей во владение Новгород и Псков, а самому Юрию Мнишеку уплатить 1 млн. злотых. При посредничестве папского нунция Рангони самозванец установил связь с Ватиканом, тайно принял католичество и обязался не противодействовать пропаганде католичества в России.

Прошло двадцать лет со времени окончания Ливонской войны, в ходе которой Речь Посполитая стремилась утвердиться на берегах Балтики и продолжить экспансию против Русского государства. Поддерживавший ее агрессивные устремления Ватикан ставил своей целью насадить в России католичество. Ливонская война не принесла Польше ожидаемых результатов. Истощив свои силы в войне с Россией, она вынуждена была подписать в 1582 г. перемирие на 10 лет. Сразу же после этого Польша приступила к подготовке новой войны против России, и только ряд обстоятельств, в том числе смерть Стефана

Батория, помешал тогда возобновлению военных действий. Отправка Льва Сапеги в Москву в 1600 г. была попыткой разведать, можно ли убедить правительство Годунова стать на путь унии Польши с Россией. Решительный отказ Годунова от унии показал, что Россия не желает принять польский план с его далеко идущими экспансионистскими целями. Время мирных переговоров кончилось, и польские политические круги стали готовиться к новым военным акциям. Поэтому не удивительно, что авантюра с самозванцем, которого «открыли» украинские магнаты, стала так быстро развиваться.

Вернувшись из Кракова, где происходили переговоры с Сигизмундом III, в Самбор — резиденцию Юрия Мнишека, самозванец при самом деятельном участии последнего стал готовиться к вторжению в Россию. В Глинянах был назначен сбор войска. К самозванцу стекалась ищущая легкой наживы беспоместная шляхта, обычно составлявшая дворню у магнатов. Прибыл к Лжедмитрию и отряд московских дворян, ранее бежавших в Речь Посполитую и получивших здесь поместья. На Дон были направлены посланцы с призывом присоединиться к «царевичу Димитрию». С собранным войском, во главе которого номинально стал Юрий Мнишек, самозванец двинулся к Киеву. Недалеко от Днепра к нему присоединились, по некоторым данным, 2 тыс. запорожских казаков. Нужно думать, что это были не только запорожские казаки, но и оказачившиеся крестьяне. На Поднепровье, где еще так недавно пылали восстания К. Косинского и С. Наливайко, народные массы по-прежнему горели желанием уничтожить крепостничество и владычество Польши. На сейме в начале 1605 г. князь Януш Острожский утверждал, что запорожцы рассылают по Украине универсалы, призывающие население к восстанию и сбору денег для закупки оружия. Острожский настаивал, чтобы сейм обязал всех украинских старост объединиться и выступить против запорожских казаков. «Надо их сразу подавить,— говорил он,— так как они быстро берут верх». Острожский считал, что если казаков вовремя не усмирить, то к ним сейчас же присоединятся крестьяне.

В начале октября 1604 г. войска Лжедмитрия приблизились к Киеву. Здесь по Днепру проходила польско-русская граница. При попытке переправиться через реку самозванец натолкнулся на препятствие. Киевский воевода князь К. Острожский, не сочувствовавший авантюре самозванца, приказал убрать все паромы через Днепр. По-видимому, он стремился также воспрепятствовать переходу за московский рубеж украинских казаков, об опасности со стороны которых сын его Януш Острожский, как уже сказано, говорил на сейме в начале 1605 г.

С большой задержкой переправившись через Днепр у Вышгорода, войско самозванца вступило на территорию Московского государства — в Северскую Украину. Здесь самозванец обратился с грамотами к населению. Эти грамоты до нас не дошли, но о содержании их можно судить на основании его позднейших грамот. В грамоте, изданной в конце похода на Москву, Лжедмитрий писал: «Все православное христианство в тишине и покое и в благоденственном житии учинити хотем» [1]. В другой грамоте, о которой сообщает автор повести «Како восхитити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов», самозванец, обращаясь ко «всем людем, живущем во градех и во весех», обещал «великую свою милость и во всех винах, что противу его стояли,

[1] Цит. по кн.: *Маковский Д. П.* Первая крестьянская война в России. Смоленск, 1967, с. 282.

пощаду и милосердие, и от темниц освобождение, и ото уз разрешение». Далее он заявлял о своем намерении «воинскому чину поместья и вотчины изобиловати и златом и сребром удоволити, а гостем и торговым и всяким тяглым людем великую лготу давати» [1]. Следовательно, в грамоте шла речь об удовлетворении прежде всего требований служилого дворянства, затем городской верхушки. В то же время щедрые обещания «великих лгот» раздавались «всяким тяглым людям», под которыми разумелись низшие городские слои и крестьянство.

Население Северской Украины, как и соседних южных окраин Русского государства,— крестьяне, городские низы, мелкий служилый люд — было охвачено недовольством, обострившимся в последние годы правления царя Бориса Годунова, и жаждало перемен. Появление «царевича Димитрия», призывавшего к свержению Годунова, было тем толчком, который превратил существовавшее напряжение в восстание. Напомним, что вскоре после смерти в мае 1591 г. царевича Димитрия на южных окраинах, в том числе в Северской Украине, циркулировали слухи об убийстве царевича Дмитрия Годуновым. Правительство Годунова жестоко расправлялось с теми, кто их распространял. «Во всей Украине... множество людей с пыток помроша, а иных казняху и языки резаху, а инии по темницам умираху» [2]. Понятно, что так жестоко наказываемое за распространение слухов об убийстве Годуновым царевича Дмитрия население южных окраин с радостью восприняло весть о его «чудесном спасении» и появлении с войском в Северской Украине.

Первым городом на пути двигавшегося войска был Моравск. Жители Моравска, получившие перед этим грамоту от самозванца, связали противившихся сдаче города воевод и открыли ворота крепости. Из Моравска самозванец обратился с грамотами к местному населению. В Северской Украине в помощь Лжедмитрию собирались отряды, в которые входили также спасшиеся участники восстания Хлопка. После Моравска войско самозванца подступило к Чернигову. Тут произошло почти то же, что и в Моравске. Казаки, приблизившись к плохо укрепленному посаду, закричали: «Поддавайтесь царю и великому князю Дмитрию Ивановичу: Моравск уже сдался». Часть гарнизона по приказу воеводы Татева вначале оказала сопротивление, но когда казаки вместе с присоединившимися к ним горожанами пошли на штурм крепости, прекратила сопротивление. Воевода был связан и выдан самозванцу. Стремясь афишировать свое «великодушие» по отношению к воеводам Годунова и тем ослабить сопротивление противника, он простил Татева, который в ответ на это присягнул ему на верность. В Чернигове Лжедмитрию досталась значительная добыча.

Окрыленный первыми успехами, самозванец вскоре подошел к Новгороду-Северскому. Здесь, однако, его положение осложнилось. Воеводой в Новгороде-Северском был Петр Федорович Басманов — брат убитого в сражении с Хлопко Ивана Федоровича Басманова, энергичный и способный военачальник. В отличие от Чернигова и Моравска, в Новгороде-Северском почти не было посадского населения. Гарнизон состоял как из местных служилых людей, так и из присланных из других городов, в том числе московских стрельцов, приведенных Басмановым. Призывы сдать город ни к чему не привели, а все попытки овладеть им штурмом были отбиты. Самозванец оказался перед необходимостью длительной осады

[1] Русская историческая библиотека. Спб., 1891, т. 13, с. 158.

[2] *Зимин А. А.* Смерть царевича Дмитрия и Борис Годунов.— Вопросы истории, 1978, № 9, с. 110.

города, что не входило в его планы. Скоро, впрочем, положение Лжедмитрия значительно улучшилось. Вести о падении Моравска и Чернигова распространились по всей Северской Украине и за ее пределами. Одни за другими начали восставать против Годунова города и села. Как отмечается в одном источнике, в это время «бысть мятеж во всех северских странех и в городех» [1]. Меньше чем за месяц на сторону «царевича Димитрия» перешли Путивль, Рыльск, Севск, Курск, Кромы.

Тем временем к Новгороду-Северскому уже подходило посланное Годуновым войско во главе с князем Ф. И. Мстиславским. По мере приближения к противнику в правительственном войске все больше стали сказываться последствия агитации сторонников самозванца. К Новгороду-Северскому оно подошло почти небоеспособным. В сражении в середине декабря 1604 г. правительственное войско понесло большие потери (ранен был и сам Мстиславский) и стало отступать. Но и самозванец не мог развить успех. В его разношерстном войске начался разлад. Наиболее боеспособные части, навербованные в Польше, не желали двигаться дальше. С одной стороны, этим частям, в большинстве своем состоявшим из шляхтичей, не по пути было с восставшими украинскими и русскими крестьянами и горожанами, которые ставили перед собой чуждые им социальные цели, с другой стороны, наемники разочаровались в возможности захвата богатой добычи. А между тем вознаградить их самозванец не мог из-за отсутствия денег. После долгих споров по поводу жалованья большая часть шляхетского войска оставила самозванца. С ней ушел и Юрий Мнишек.

После ухода шляхетского войска к самозванцу прибыл отряд из 12 тыс. запорожцев. Получив крупное подкрепление, Лжедмитрий снял осаду Новгорода-Северского и направился к Севску — центру Комарицкой волости [1], через которую шел путь на Кромы и далее на Москву. За самозванцем по пятам следовало правительственное войско, успевшее оправиться после нанесенного ему под Новгород-Северским удара и насчитывавшее 60—70 тыс. человек. Одним из военачальников его был назначен противник Годунова В. И. Шуйский.

21 января 1605 г. у с. Добрыничи, недалеко от Севска, царское войско разгромило силы самозванца, уничтожив значительную их часть. Запорожцы не вступили в бой и затем повернули назад. Сам Лжедмитрий, едва избежав плена, с остатками своего войска бежал в Путивль.

Бойско Годунова тем временем учинило кровавую расправу над восставшим населением Комарицкой волости. Известный источник «Иное сказание» так изображает злодеяния царских карателей: «...царь же Борис гнева и ярости исполнился на жителей Комарицкие волости, и повелеся великим пленом пленити и до конца опустошити, что ростриге (Лжедмитрию I.—*Ред.)* предалися и служат, и всех православных християн посетчи от мала до велика, а иных всякими различными муками умучити, еже и бысть» [2].

[1] Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1847, № 9, с. 13—14.

[1] Комарицкая волость, смежная с Северской Украиной, принадлежала к числу дворцовых владений и в значительной мере была заселена беглыми крестьянами и другими людьми, сосланными сюда по распоряжению властей. С нее и с Северской Украины в пользу Годунова взимались огромные подати. Незадолго до прихода самозванца в Комарицкой волости произошло крестьянское восстание, жестоко подавленное правительством.

[2] Так называемое Иное сказание. Спб., 1907, с. 34.

Павший духом самозванец уже готов был бежать из Путивля в Польшу, но путивляне задержали его. Они убеждали Лжедмитрия остаться, опасаясь, что в противном случае им уготовлена участь населения Комарицкой волости. Жители Путивля требовали от «царевича» продолжать начатую борьбу, а в случае, если он откажется, угрожали выдать его Годунову и тем искупить свою вину. Оправдываясь, самозванец жаловался на то, что «войска ныне не имам; видите: все разбито, едва сам убег; а казна вся моя истощися». Свое намерение бежать в Польшу он объяснял также необходимостью набрать новое войско для продолжения похода. Путивляне пообещали собрать самозванцу денег и укомплектовать войско, что и исполнили. «И понесоша ему, елико кто имяше сребра: ин тысячу рублев, ин сто, ин боле, ин мене» [1]. Самозванец остался в Путивле, который превратился в центр формирования нового войска. В Путивле создавалась новая армия, основу которой теперь составляла уже не польская шляхта и другие наемники, а восставший служилый люд южных окраин, посадское население, донские и украинские казаки, поддерживаемые почти повсеместно крестьянством.

Правительственное войско, расправившись с восстанием в Комарицкой волости, повернуло к Кромам, уже перешедшим на сторону самозванца. Несмотря на свою многочисленность, оно надолго задержалось под стенами этой крепости, стоявшей на горе, окруженной болотами. Деморализованное, ослабленное стычками с повстанцами, войско Годунова продолжало разлагаться. Часть его разошлась по домам, часть перешла к «царевичу Димитрию». Однако оставались еще значительные силы, продолжавшие осаду крепости. Видную роль в обороне Кром сыграл отряд донских казаков во главе с атаманом Корелой, направленный сюда самозванцем. На глазах у правительственного войска донцы проникли в Кромы и не только усилили гарнизон, но и соорудили прочные земляные укрепления, заменившие разбитые неприятельскими ядрами и сожженные деревянные стены острога.

13 апреля 1605 г. в условиях развала правительственной власти умер царь Борис Годунов. На престол, лишенный реальной социальной базы, вступил 16-летний сын Бориса Федор. Судьба династии Годуновых была предрешена. Волнения охватили центральные районы страны. 7 мая 1605 г. правительственное войско перешло на сторону «царевича Димитрия». Служилые люди Рязани, Тулы, Каширы, а также представители столичного дворянства признали самозванца царевичем Дмитрием. На сторону его стали такие люди, как П. Ф. Басманов, Богдан Бельский, князья Голицыны и др. Начался последний этап похода самозванца на Москву. Фактически сопротивления теперь никто ему не оказал. Агенты самозванца, посланные в Москву, убили Федора Годунова. Путь к престолу был открыт. Простой народ в Москве, по словам современника-иностранца, «начал бунтовать, желать удачи приближающемуся к городу Димитрию».

Теперь, на последней стадии борьбы самозванца за власть, княжеско-боярской группировке представлялся исключительно благоприятный момент войти в формировавшийся вокруг самозванца правящий круг. Она направила навстречу самозванцу своих посланцев с изъявлением покорности. 20 июня 1605 г. Лжедмитрий I вступил в Москву и вскоре был возведен на престол.

Таким образом, самозванец пришел к власти на волне сложного по своему социальному составу движения. Главную роль в этом движении играли

[1] Так называемое Иное сказание, с. 35—36.

крестьяне, холопы, городские низы, казаки, боровшиеся против правительства Годунова как олицетворения крепостнических порядков. Однако основными плодами народного движения воспользовались широкие слои служилого дворянства.

Овладев троном русского феодального государства, Лжедмитрий I не мог вести внешнюю политику в интересах чужой державы. Поэтому он фактически отказался от обязательств, данных Сигизмунду III и Ватикану. Что касается внутренней политики самозванца, то она была более сложной. Это ясно проявилось в его отношениях с боярско-княжеской оппозицией.

Примкнув к самозванцу накануне вступления его в Москву, феодальная аристократия рассматривала союз с ним лишь как временное явление. Прикрываясь внешней лояльностью, она сразу же стала ткать сети заговора. Лжедмитрий прекрасно понимал это. Позднее, на допросе, его польские сторонники Бучинские сообщили о разговоре с ними самозванца, который уверял, что если не уничтожить боярскую группировку, то «мне самому быть от них убиту; а только деи побью бояр, и яз деи что хочу, то чиню» [1].

Поддерживая самозванца, народные массы надеялись, что он облегчит их положение, станет для них «добрым царем». Однако Лжедмитрий смотрел на восставшие народные массы лишь как на силу, помогавшую ему захватить русский трон. Он и не хотел и не мог стать «крестьянским царем». Придя к власти, Лжедмитрий I поспешил закрепить симпатии к себе помещиков южных окраин, поддерживавших его в критические моменты, и в то же время ослабить антифеодальное движение, особенно сильное на юге. Об этом свидетельствует приговор Боярской думы от 1 февраля 1606 г. о запрете разыскивать и возвращать крестьян, бежавших от своих господ в голодные годы. Так упомянутый закон, с одной стороны, легализовал положение беглых крестьян, а с другой — удовлетворял интересы помещиков южных окраин, остро нуждавшихся в рабочей силе и старавшихся привлечь крестьян на свои земли.

Лжедмитрий пытался также смягчить положение холопов. Приговор думы от 7 января 1606 г. ограничил возможность обращения бедняков в кабальных холопов. Согласно этому закону, волю получала значительная часть холопов. По некоторым данным, было освобождено около четверти всех кабальных людей. Таким образом, новый закон, с одной стороны, являлся уступкой холопам, принимавшим активное участие в восстании, а с другой — мерой, расширявшей контингент рабочих рук для помещиков, в особенности южных окраин. Кроме того, Лжедмитрий I в награду за помощь, оказанную ему, освободил население южных окраин государства от податей.

Сохранились также документы, свидетельствующие о том, что Лжедмитрий I составлял проект Сводного судебника, в котором предлагалось восстановить крестьянский выход. Хотя проект этот не осуществился, но слухи о нем, нужно думать, проникли в народ, что, несомненно, должно было укрепить веру крестьянства в Лжедмитрия I как в «доброго царя».

В целом как в своей политике по отношению к Польше и Ватикану, так и по отношению к русской феодальной аристократии Лжедмитрий I не добился успеха. Он вызвал недовольство польских правящих кругов, с одной стороны, и оказался неспособным предупредить выступления княжеско-боярской оппозиции — с другой.

[1] Памятники истории смутного времени. М., 1909, с. 24.

Еще в начале правления Лжедмитрия I был раскрыт заговор против него князя В. И. Шуйского. Полагая, вероятно, что суровый приговор (Шуйский был осужден на смертную казнь) вызовет сильное раздражение в кругах феодальной аристократии, Лжедмитрий I помиловал Шуйского, проявив тем самым в глазах оппозиции слабость.

Менее чем через год, во время торжеств по случаю женитьбы Лжедмитрия I на Марине Мнишек, создалась благоприятная обстановка для нового выступления Шуйского. 17 мая 1606 г. Лжедмитрий I был убит. Заранее подготовленные приверженцами В. И. Шуйского люди, собравшиеся на Красной площади, «выкрикнули» его царем.

В. И. Шуйский был представителем реакционного боярства, стремившегося к установлению власти феодальной аристократии и к усилению крепостного права. Это должно было с самого начала вызвать не только недовольство народных масс, но и оттолкнуть от него широкие слои помещиков, особенно южных окраин.

Участие населения Украины в восстании Болотникова. Еще при правлении Лжедмитрия I на южных окраинах Русского государства, в частности в Северской Украине, происходили народные волнения. Об этом свидетельствует «Иное сказание»: «Северяне (т. е. жители Северской Украины.— *Ред.)* и вси мятежницы, иже во время власти ростригины лакнуша крови христианския» [1]. Весть об убийстве Лжедмитрия и воцарении Василия Шуйского вызвала среди населения южных окраин государства, в том числе Северской Украины, сильное возбуждение. Стали распространяться слухи о том, что «царь Димитрий жив». Начался новый подъем народного движения. Об этом свидетельствуют многочисленные источники. Так, в грамоте патриархов Гермогена и Иова, относящейся к 1607 г., прямо сказано: «...собрались той же преждепогибшей Северской Украйны севрюки и других рязанских и украинских городов стрельцы и козаки, разбойники, воры, беглые холопы, прельстили преждеомраченную безумием Северскую Украйну, и от той Украйны многие и другие города прельстились и кровь православных христиан, как вода, проливается, называют мертвого злодея растригу живым...» [1].

Аналогичные сведения о событиях на южных окраинах содержат разрядные книги: «...После Разтриги сел на государство царь Василий, и в Полских (т. е. на украинских землях под властью Польши.— *Ред.)*, и в Украинных и в Северских городах люди смутились и заворовали, креста царю Василию не целовали, воевод почали и ратных людей побивать и животы их грабить» [2]. Современник-иностранец Геркман также утверждает, что воцарение Василия Шуйского «возбудило сильное неудовольствие в простом народе во многих городах, в особенности же в области Северской».

Борьба разгоралась. В новом восстании приняли участие не только крестьяне, холопы, городские низы, но и мелкий служилый люд. Центром движения вновь стал Путивль — главная крепость в Северской Украине. «Путивль — глава и зачинщик всех мятежных городов»,— писал современник голландец И. Масса. Сосланный сюда В. И. Шуйским в качестве воеводы князь Г. П. Шаховской собирал вокруг себя все оппозиционные элементы. Социальные слои, на этот раз выступавшие против Шуйского, были в основном те же, что и год на-

[1] Так называемое Иное сказание, с. 98.

[1] Цит. по кн.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960, кн. 4, т. 7/8, с. 474.

[2] Цит. по кн.: *Маковский Д. П.* Первая крестьянская война в России, с. 307.

зад, когда Лжедмитрий I из того же Путивля выступил на Москву. Первоначально руководство движением захватили представители господствующего класса, по тем или иным причинам недовольные Шуйским. К числу их принадлежал и Г. П. Шаховской. Однако, когда движение приняло ярко выраженный антифеодальный характер, руководителем его под именем «большого воеводы царя Дмитрия» становится И. И. Болотников. В лице Болотникова восставшие приобрели опытного и талантливого военачальника. Иван Исаевич Болотников был военным слугой князя А. А. Телятевского. Еще молодым он убежал к казакам и в одной из стычек с татарами попал в плен. Проданный в Турцию на галеры, Болотников, по некоторым данным, был освобожден немецкими моряками и попал в Венецию. Летом 1606 г. он возвращался из Западной Европы на родину через Северскую Украину. По свидетельству современников, И. И. Болотников пришел в Путивль во главе 10 тыс. запорожских и донских казаков.

В июле 1606 г. из Путивля восставшие двинулись на Москву. Крестьянская война вскоре достигла высшей точки своего развития. Крестьяне жгли боярские и помещичьи усадьбы и истребляли их владельцев. Городские низы расправлялись с богачами и представителями царских властей — воеводами, дьяками и т. д. Изгоняя угнетателей, крестьяне и горожане объявляли себя вольными казаками и вводили казацкие порядки. Подчеркивая размеры оказачивания населения во время восстания, один из современников писал: «Во всех городех паки казаков из холопей и крестьян намножилось и в каждом городе поделали своих атаманов» [1].

В войске И. Болотникова было много украинцев. С самого начала движения под руководством И. Болотникова и до его трагического конца (октябрь 1607 г.) плечом к плечу с русскими крестьянами, холопами, городской беднотой, казаками, в том числе донскими и терскими, боролись украинские крестьяне, мещане, казаки. Так, в летописи, составленной где-то в 30-х годах XVII в., отмечается, что вскоре после вступления на трон Василия Шуйского И. Болотников «собрався с воры з донскими козаки и северскими людми и учал северские городы заходить...» [1].

Через некоторое время, когда повстанцы уже вели бои с царскими войсками в центральной России, на помощь к ним двинулись новые отряды украинских крестьян и казаков. В «Пискаревском летописце» упоминается, что во время похода Болотникова на Москву «пошли ис Колуги (чтобы охватить столицу с юго-запада.— *Ред.*) атаман Солома, казак да Васька Шестаков, холоп Андрея Клешнина» [2]. В более поздних документах атаман Солома выступает как запорожец.

В начале декабря 1606 г. повстанческое войско потерпело поражение, и Болотников отступил к Калуге — важному стратегическому пункту, который обеспечивал связь с Северской Украиной, откуда должна была прийти помощь. И она действительно пришла. Как стало известно царским воеводам, «воры пан Кохановской да Юшко Беззубцов собрався с северскими со многими людми и с казаки, идут с Орла под Колугу на помочь к вору Ивашку Болотникову» [3].

Повстанцы с Украины принимали активное участие и в дальнейших во-

[1] Цит. по кн.: *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова, 1606—1607. М., 1951, с. 124.

[1] Цит. по кн.: *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1875, с. 262.

[2] Материалы по истории СССР. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955, ч. 2, с. 131.

[3] Там же.

енных действиях. «Новый летописец» отмечает приход «черкас» к войску Болотникова накануне битвы на реке Пчельне (начало мая 1607 г.), которая закончилась разгромом войска воевод царя Шуйского.

Таким образом, во время первой крестьянской войны в России народные массы Украины внесли значительный вклад в дело борьбы против феодально-крепостнических порядков.

Народное движение на Украине. Восстание Болотникова, несмотря на поражение, имело большое значение для народных масс не только России, но и Украины. Оно оживило надежду украинского народа, находившегося под пятой иноземных поработителей, на освобождение от социального и национального гнета. После событий 1606 г. на Украине наблюдался новый подъем народного движения. В 1607 г. оказачивание населения на Украине снова приняло широкие размеры. Жители сел и городов отказывались признавать власть панов и старост и отбывать повинности в их пользу, создавали органы управления и суда во главе с выборными атаманами, судьями и т. д. В этом же году, уведомляя сейм о положении на Украине, король писал о «своеволии брацлавских и корсунских мещан», которые «ни к комиссии, ни к декретам нашим королевским не питают никакого уважения». Так, в Корсуне, по словам старосты Я. Даниловича, имели место «бунты розмаитые, ростерки (раздоры.— *Ред.*) и рознення», вылившиеся в конце концов в довольно значительную «ребеллию» (восстание). Когда староста попытался разыскать среди корсунцев беглых крестьян, чтобы вернуть их панам, население взялось за оружие. Корсунцы заявили, что они будут сражаться до последнего, но беглых не выдадут. У тех мещан, которые не хотели признать себя казаками и принять участие в восстании, корсунцы отнимали имущество и изгоняли их из города.

Ссылаясь на то, что антифеодальный протест — оказачивание — охватил к 1607 г. значительную часть Восточной Украины, сейм утвердил новые репрессии. Было принято специальное постановление «О своеволии украин». Оно предписывало всем старостам покончить с неповиновением подданных, применив вооруженную силу. Гетманы коронного войска должны были помогать в этом старостам. Кроме того, сейм принял постановления, подтверждавшие все законы и распоряжения, направленные против недовольных.

Однако у панов не было ни времени, ни средств, чтобы осуществить эти постановления. В 1606 г. в Польше обострились противоречия между магнатами и королевской властью, результатом которых явился рокош — вооруженное выступление магнатов и зависимой от них шляхты против короля. Занятые рокошем, польские магнаты не могли возобновить интервенцию в Россию сразу же после смерти Лжедмитрия I. Рокош не прекращался вплоть до 1608 г. Но уже летом 1607 г., когда рокошане стали явно терпеть поражение, магнаты вновь организовали поход против России. Место Лжедмитрия I занял новый «претендент» — Лжедмитрий II, который появился летом 1607 г. в Северской Украине, в Стародубе. Намереваясь двинуть на Россию войско, более многочисленное, чем в 1604—1605 гг., магнаты спешно собирали зависимую от них шляхту, вербовали жолнеров. Они старались привлечь к походу и реестровых казаков. В самом начале 1608 г. к Лжедмитрию II прибыли с войсками князь А. Вишневецкий, С. Тышкевич, князь Ружинский, а затем А. Зборовский, А. Сапега и др. Командующим всем войском стал князь Ружинский.

Летом 1608 г. интервенты подступили к Москве и предприняли попыт-

ку взять ее штурмом. Отброшенные от города, они заложили под Москвой так называемый Тушинский лагерь. Осенью 1609 г. на территорию России вторглись новые польско-литовские войска во главе с королем Сигизмундом III. Летом 1610 г. интервентам удалось овладеть столицей России.

Захват Москвы всколыхнул всю страну. На борьбу за освобождение страны от интервентов стали подниматься широкие народные массы. Народное ополчение под руководством Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского в октябре 1612 г. изгнало интервентов из Москвы. Русский народ своей героической борьбой против польско-литовских и шведских захватчиков, стоившей ему громадных жертв, отстоял свою Родину, ее национальную независимость.

В годы борьбы Русского государства против польских интервентов вновь усилилось народное движение на Украине. Насколько значителен был его подъем, видно из того, что сейм, созванный в январе 1609 г., вынужден был принять новое постановление «О запорожских казаках». Согласно этому постановлению, сейм назначил комиссаров, которые должны были при помощи коронного войска и реестровцев разгромить запорожцев и подавить волнения на Украине. Но и на этот раз у правительства не оказалось средств для решительной борьбы с казаками.

Князь Януш Острожский в письме из Острога (август 1609 г.) писал Сигизмунду III, находившемуся на пути в Россию, что шляхта пришла в отчаяние: она непрерывно подвергается нападениям со стороны своих подданных. Острожский добавлял, что рад был бы «подавить казацкое своеволие, разлившееся по Украине», но силами, которые находятся в его распоряжении, ни он, ни кто-либо другой этого сделать не сможет.

Волнения на Украине не прекращались. Сейм 1611 г. снова отметил, что шляхта терпит «неспосные шкоды и кривды от своих подданных» и что «украинское своеволие все больше возрастает».

Восстания крестьян, мещан и казаков на Украине в годы интервенции польских и литовских панов в Россию содействовали успеху борьбы русского народа с захватчиками. Победы русского народа в борьбе с интервентами, в свою очередь, послужили мощным толчком к дальнейшему развитию антифеодального и освободительного движения на Украине. Восстания народных масс Украины против иноземного ига и местных угнетателей с каждым годом приобретали все большую силу и размах. Об этом, в частности, свидетельствуют события 1613 — начала 1614 г. Зимой 1613—1614 г. запорожские казаки, выйдя «на волость», достигли Брацлавщины и, поддерживаемые населением, стали громить имения феодалов. Учитывая массовый характер оказачивания сельского и городского населения Восточной Украины, сейм 1613 г. принял ряд новых решений, направленных против казаков. Сеймовое постановление гласило: «Так как эти люди (казаки.— *Ред.*) не признают нашей власти и самовольно вышли из-под юрисдикции своих панов, выбрав себе своих старших и судей, и не хотят подчиняться никаким судам, кроме своих атаманских, мы уничтожаем их юрисдикцию, как противную общему праву, и обязываем подчиняться властям по месту жительства». Предвидя, что постановление не возымеет должного действия, сейм решил послать в Восточную Украину части коронного войска, расположив их там (преимущественно на Поднепровье) гарнизонами. Командование этими войсками и выполнение сеймового постановления было поручено воеводе Ст. Жолкевскому (он занял должность киевского воеводы после смерти князя К. Острож-

ского в 1608 г.), князю Я. Острожскому, В. Калиновскому и др.

30 сентября 1614 г. эти магнаты прибыли с войском под Житомир и пригласили к себе реестровую старшину. Хотя явившиеся старшины, по словам самого Жолкевского, «от товарищества своего никаких полномочий не имели», тем не менее они были признаны официальными представителями казачества. Магнаты предъявили старшине ультиматум, требуя, во-первых, чтобы реестровцы находились в Запорожье в качестве гарнизона и не показывались «на волости»; во-вторых, чтобы семьи реестровцев признали над собой власть панов; в-третьих, чтобы реестровцы вместе с коронным войском препятствовали сбору казацких «скопищ» и т. д. Для выполнения этих требований предоставлялся пятинедельный срок. С целью поощрения реестровцев магнаты обещали им увеличить жалованье до 10 тыс. злотых и выдать 700 поставов сукна. После отъезда старшин магнаты двинулись с войском к Днепру и поставили гарнизоны, как говорил Жолкевский, «от Киева до самих Черкасс».

При помощи этих и других мер польским властям удалось на какое-то время вернуть часть крестьян под власть панов. Такое положение, однако, сохранялось очень недолго. К концу 1615 г. немало жолнеров было выведено с Украины, надо полагать, в связи с походом магнатов-князей Михаила Вишневецкого и Самуила Корецкого в Валахию. Магнаты стремились вернуть валашский трон своему ставленнику — воеводе Константину, прогнанному соперничавшим с ним Тимшей, которого поддерживала Турция. Кроме своих надворных частей и зависимой шляхты, магнаты, очевидно, увели с Украины и жолнеров, роптавших на правительство из-за невыплаты жалования. Поход в Валахию кончился неудачей. Вишневецкий умер, а Корецкий попал в плен и был отправлен в Константинополь. Вскоре после этого в Варшаву явился турецкий посол, угрожавший Польше войной, если она не перестанет вмешиваться в дела придунайских княжеств.

В это время, в конце 1615 — начале 1616 г., борьба народных масс снова усилилась. Оказачивание населения охватывало одно староство за другим и распространилось на значительную часть Восточной Украины. В королевской инструкции сеймикам от 10 января 1616 г. с тревогой говорилось о том, что «над Речью Посполитой снова нависла опасность от казацкого своеволия» и что не помогли никакие меры, принятые против казаков: ни сеймовые постановления, ни отправка войска. Число оказачившихся инструкция определяла в 40 тыс. человек. Король предлагал сеймикам обсудить способы подавления движения.

В сентябре 1616 г. па сейме было объявлено, что казаки не признают «ни магистратов в городах, ни старост, ни гетманов; они сами устанавливают себе право, сами выбирают урядников и предводителей и как бы создают в большой Речи Посполитой другую республику». На сейме говорилось также: «Одного еще не провозгласили пока казаки — цезаревского «Divide et impera!» (имеется в виду известное изречение Юлия Цезаря «Разделяй и властвуй!».— *Ред.*). Но вскоре дело дойдет и до этого, если не найдем способов вовремя остановить их». В качестве таковых предлагалось применять смертную казнь с конфискацией имущества по отношению ко всем, кто самовольно объявил себя казаком. Для приведения в действие этого закона предполагалось ввести при старостах специальные должности инстигаторов (на инстигаторах в Речи Посполитой лежала обязанность наблюдать за исполнением законов и наказывать «нарушителей» общественного порядка. Кроме двух

Портрет гетмана П. Конашевича-Сагайдачного. Гравюра. 1622 г.

главных инстигаторов — коронного и литовского — были еще инстигаторы при местных судах, называвшиеся иногда прокураторами). Они должны были вести розыск и наказывать казаков по всей строгости закона.

На сейме обсуждался и другой важный вопрос. Еще в июле этого года русское правительство отправило свои войска под Смоленск, захваченный польско-литовскими панами во время интервенции. Магнаты и слушать не хотели о возвращении Смоленска России и решили воспользоваться этим поводом для возобновления войны. Сейм постановил набрать большое войско и направить его во главе с королевичем Владиславом на Москву. Однако организация похода на Россию осложнялась тем, что часть коронного войска была отправлена на подавление народного движения в Восточной Украине.

К весне 1617 г. польско-шляхетское войско было уже собрано. В то время как основная его часть с королевичем Владиславом выступила против России, другая — во главе с Жолкевским — двинулась на Брацлавщину. По дороге Жолкевский вынужден был изменить свой маршрут. Получив известие, что к границам Подолии приближается Искандер-паша с турецкой армией, Жолкевский двинулся к Днестру. Однако он избегал столкновения с турками, сохраняя свои силы для борьбы против народного движения на Украине. В результате длительных переговоров с Искандер-пашой Жолкевскому удалось 13 сентября под Яругой заключить с ним договор. Сразу же после этого Жолкевский направил свои войска на Поднепровье, к Белой Церкви. По дороге к нему присоединились надворные части князей Януша Острожского, Юрия Збаражского и воеводы Даниловича. Шляхта Киевского воеводства собиралась под Паволочью и Трилесами (недалеко от Киева). Жолкевский спешил разгромить повстанцев до наступления зимы. «Буду стараться задушить своеволие, сколько станет сил,— писал он королю,— ибо оно страшно Речи Посполитой».

Паны не надеялись справиться с народным движением при помощи одного войска. Нужно было, как говорил Жолкевский, «полагаться более на разум, чем на силу». Зная, что восставшие сосредоточиваются преимущественно в районе Канева и Черкасс и что к ним примкнула значительная часть реестровцев, Жолкевский вступил в сношения с реестровской старшиной. Группу состоятельного («статечного») казачества, по словам Жолкевского, возглавлял гетман реестра Петр Конашевич-Сагайдачный. Противоречия между богатой казацкой верхушкой и основной массой казачества и стремился использовать Жолкевский. «Я,— похвалялся он королю,— уже посеял между ними семена раздора: старшие в несогласии с чернью, так как они с радостью завели бы другие порядки».

Дойдя с войском до Белой Церкви, Жолкевский затем стал продвигаться вдоль р. Рось. Казаки выступили навстречу ему. Но единства среди них не было. «Чернь,— писал Жолкевский,— стремилась вступить в бой с панским войском. Старшины же, напротив, сдерживали ее, заявляя, «что они не хотят воевать с коронным гетманом». Верх взяло богатое казачество. Сагайдачный, отстраненный перед тем повстанцами от руководства, был вновь избран гетманом. Он немедленно вступил в переговоры с Жолкевским. 18 октября 1617 г. в урочище Сухая Ольшанка, под Белой Церковью, Сагайдачный и реестровая старшина приняли все выдвинутые Жолкевским требования и подписали соответствующую декларацию. Они обязались разогнать тех повстанцев, которые объявили себя казаками, но не принадлежали к реестру. Эти люди должны были вернуться под власть своих панов и под страхом строжайших наказаний больше не называть себя казаками. На реестровцев по-прежнему возлагалась обязанность нести службу на Запорожье и следить за тем, чтобы к запорожским казакам не провозились припасы по суше и Днепру.

Все «своевольники», не подчинившиеся этим условиям, подлежали смертной казни. Старшина выговорила себе право обращаться в случае необходимости к сейму с просьбой об увеличении реестра.

Между тем войско, отправленное с королевичем Владиславом в Россию, терпело неудачи. Международная обстановка в связи с началом в Европе Тридцатилетней войны (1618—1648) вынудила правительство Сигизмунда III пойти на переговоры. 1 декабря 1618 г. в с. Деулино, под Москвой, между Россией и Речью Посполитой было заключено перемирие на четырнадцать с половиной лет. За Речью Посполитой остались захваченные ею Смоленская и Чернигово-Северская земли.

Народное движение на Украине во время интервенции Речи Посполитой в Россию отвлекало силы польских феодалов и тем облегчало русскому народу борьбу за национальную независимость.

6. УСИЛЕНИЕ БОРЬБЫ ПРОТИВ АГРЕССИИ ТУРЦИИ И КРЫМСКОГО ХАНСТВА В 20—40-е ГОДЫ XVII в. ХОТИНСКАЯ ВОЙНА 1621 г.

Выступление народных масс накануне Хотинской войны. Народное движение продолжалось. Как и раньше, «своевольников», пытавшихся вступлением в казаки освободиться от крепостничества, поддерживало рядовое реестровое казачество. Верхушка реестра, во главе которой стоял гетман Петр Конашевич-Сагайдачный, противилась массовому оказачиванию крестьянства. Вместе с тем она была недовольна нарушениями привилегий реестровых казаков, а также национально-религиозным гнетом и требовала от польского правительства уступок, в том числе расширения реестра.

Летом 1619 г. в районе Белой Церкви собралось свыше 10 тысяч «своевольных» казаков. В начале осени на подавление этого выступления двинулись Жолкевский с войском и назначенные королем комиссары со своими командами. Однако, встретившись на р. Узень с повстанцами, каратели не решились вступить в бой и предложили им начать переговоры. Повстанцы приняли предложение, но требовали вести переговоры на раде, открыто, паны же хотели иметь дело

только с представителями реестрового казачества. В конце концов в переговоры от имени реестра вступил Сагайдачный со старшиной.

В результате переговоров паны пошли лишь на некоторые уступки. Они согласились увеличить реестр, но вопреки требованию повстанцев только до 3 тыс. человек и с платой им 40 тыс. злотых в год, причем с оговоркой, что это соглашение войдет в силу лишь после утверждения сеймом. Решено было также, что реестровые казаки имеют право проживать только в королевских имениях. В таком же духе решался и главный вопрос — о положении повстанцев, которые не войдут в новый реестр: они должны были возвратиться в качестве подданных к своим прежним владельцам. Условия договора до такой степени противоречили требованиям повстанцев, что огласить их было опасно. Поэтому комиссары и старшина постановили: объявить, что все повстанцы получают казацкие права, а когда они разойдутся по домам, составить трехтысячный реестр.

Договор между панами и старшиной, подписанный 7 октября 1619 г. на р. Роставице, вызвал массовое недовольство. Повествуя о поведении старшины, которая ради личных выгод пренебрегла интересами народных масс, летописец замечает: «Конашевич (Сагайдачный) всегда в мире с панами жил, за что козакам (реестровым) и хорошо было, только посполъство очень терпело» [1]. Последствия обмана «своевольников» не заставили себя долго ждать. Когда в конце 1619 г. Сагайдачный с большей частью реестровых козаков отправился в поход на Крым, на Украине вспыхнуло восстание не включенных в реестр крестьян и мещан. Повстанцы объявили Сагайдачного лишенным должности и выбрали на его место Яцка Неродича Бородавку, «самого незнатного и наиболее мятежного из них», как выразился Жолкевский.

К повстанцам присоединились запорожские казаки и реестровый гарнизон, стоявший на Запорожье. Сторонники Сагайдачного удерживали Трахтемиров с округом, Бородавка — южную часть Восточной Украины с Запорожьем. Образовалось два враждующих казацких лагеря. Один, возглавленный верхушкой реестра и признанный польским правительством, стоял за Сагайдачного; другой, повстанческий, с которым, однако, правительство вынуждено было считаться в связи с опасностью войны с Турцией,— за Бородавку.

Тем временем закончился непродолжительный поход реестровцев в Крым. В начале 1620 г. Сагайдачный отправил в Москву посланцев во главе с атаманом Петром Одинцом. В Посольском приказе они заявили: «...прислали их все Запорожское Войско, гетман Саадачной с товарыщи, бити челом государю, объявляя свою службу, что оне все хотят ему, великому государю, служить головами своими по-прежнему, как оне служили прежним великим росийским государем, и в их государских повелениях были, и на недругов их ходили, и крымские улусы громили...» [1].

В Москве посланцев одарили деньгами, дорогими тканями, а войску послали «лехкое жалованье» — 300 руб. В грамоте П. Сагайдачному и войску от 21 апреля 1620 г. царь писал: «А вперед вас в нашем жалованье забвенных не учиним, смотря по вашей службе. И ты б, гетман Петр, и все Запорожское Войско наше жалованье приняли» [2]. Обращение Сагай-

[1] Цит. по: *Соловьев С.* Малороссийское казачество до Хмельницкого.— Русский вестник, 1859, т. 23, кн. 1, ноябрь, с. 183.

[1] Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. М., 1954, т. 1, с. 3.

[2] Там же, с. 7.

дачного к русскому правительству отражало растущее недовольство народных масс Украины гнетом Речи Посполитой и прежде всего стремление украинских земель к воссоединению с Россией. Одновременно Сагайдачный пытался оказать давление на польское правительство с целью добиться уступок в национально-религиозном вопросе и в интересах верхушки реестра.

Добиваясь уступок от польского правительства, Сагайдачный не мог не учитывать также сложного международного положения. В 1618 г. чешский народ поднял восстание против власти австрийских Габсбургов. Национально-освободительное восстание в Чехии положило начало Тридцатилетней войне (1618—1648), в которую постепенно втянулись почти все европейские государства. Чехам и их союзнику семиградскому князю Бетлену Габору угрожала опасность как со стороны Польши, так и со стороны ее ставленника молдавского господаря Грациани. Польша отправила на помощь Габсбургам, врагам чехов и семиградцев, банды лисовчиков, перед тем оперировавших в России во время интервенции польских и литовских феодалов. Чтобы нейтрализовать Грациани, Бетлер Габор обратился за помощью к своему сюзерену, турецкому султану. Турция, не желавшая усиления влияния Польши в Молдавии, стремилась заменить Грациани своим ставленником Радулом. Таким образом, события, вызванные Тридцатилетней войной, ускорили военный конфликт между Турцией и Речью Посполитой.

Последствия поражения польского войска под Цецорой. В связи с назреванием войны Турции с Польшей возрастала опасность и для Украины. Летом 1620 г. большое турецкое войско — янычары и конница — около 60 тыс. человек во главе с Искандером-пашой вступило в Молдавию. На соединение с турками пошел Кантемир-мурза с Белогородской (Буджакской) ордою в 20 тыс. человек. Получив известие об этом, Жолкевский с коронным войском и магнатскими командами быстро двинулся на помощь Грациани, войско которого при виде приближавшегося врага разбежалось. Когда коронный гетман перешел молдавскую границу и двигался в направлении Ясс, Грациани прибыл к нему с одним небольшим отрядом. В создавшемся положении Жолкевский решил перейти к обороне. Его войска заняли позиции над Прутом, вблизи с. Цецора, под Яссами. После битвы 10 сентября, в которой польское войско понесло значительные потери, он стал отступать. 27 сентября около Могилева на Днестре его армия была полностью разгромлена. При этом погиб и сам коронный гетман. Его отрубленная голова, надетая на копье, была выставлена перед шатром военачальника-победителя, а затем отправлена в Стамбул. Буджакская орда вторглась в Подолию, опустошая все на своем пути, захватывая в плен ее жителей. Татарские отряды, продвигавшиеся в глубь Украины, появлялись даже в окрестностях Львова.

В турецкой столице на основании событий под Цецорой и Могилевом сделали вывод, что настало время нанести Польше решающий удар. Начались приготовления к большому походу. Перед султанским дворцом был поставлен бунчук. Это означало, что войско поведет сам падишах Осман II.

В Варшаве весть о разгроме польского войска и гибели коронного гетмана вызвала сильную тревогу, так как для отражения неприятеля правительство не имело сил. В конце октября 1620 г. спешно был созван сейм. Обсуждение главного вопроса — об обороне страны от турецкого нашествия — сразу же приняло бурный характер. В военной катастрофе в

Молдавии сеймовые послы обвиняли правительство, в особенности коронного гетмана Станислава Жолкевского. Ослепленный спесью и ненавистью к казакам, говорили послы сейма, он не призвал их к походу в Молдавию и этим обрек на гибель польское войско. Не желая делить с казаками лавры будущей победы, Жолкевский, по их словам, говорил: «Не хочу я с Грицями воевать, пускай идут на пашню или свиней пасти».

Положение было очень тревожное, но шляхта не хотела идти ни на какие жертвы. Она с возмущением отвергла предложения о новых налогах, которые дали бы средства, необходимые для набора войска, и о созыве посполитого рушения. Вместо этого шляхетство устами своих послов предлагало сформировать «охочее» казацкое войско. Как известно, такое войско чаще всего набирали из числа магнатских подданных и населения королевских имений в Восточной Украине. Свои интересы шляхта Центральной Польши всегда старалась защищать чужими руками. «Охочих» казаков, говорили на сейме, можно набрать тысяч двадцать, а главное — имя их у турок и татар пользуется славой и уважением. Для набора войска предлагалось послать на Украину человека, внушающего казакам доверие,— сенатора, который от имени короля обещал бы казацкой старшине не имения, казакам-добровольцам — повышенную плату и разные льготы, а всем православным — уступки в религиозном вопросе. Кроме того, сенатор должен был уговорить авторитетного в глазах украинского населения человека — иерусалимского патриарха Феофана, возвращавшегося в это время из Москвы на родину и остановившегося в Киеве, содействовать набору казацкого войска (накануне, кстати сказать, польские власти собирались арестовать Феофана).

В связи с угрозой турецкого нашествия сейм и правительство Речи Посполитой снова обратились к обычному приему — обещаниям. Но если обещаниям, которые давались реестру, была придана конкретная форма (имения — старшине, увеличение платы — казакам), что в какой-то степени могло удовлетворить тех, к кому они были обращены, то обещания пойти на уступки в религиозном, а значит, и в национальном вопросе имели чисто абстрактный характер. Такие обещания и раньше щедро давало польское правительство, однако никогда их не выполняло, и поэтому им мало верили. Реестровая старшина во главе с Сагайдачным, независимо от этих обещаний, еще задолго до сейма приступила к восстановлению православной иерархии, ликвидированной на Украине после Брестской унии 1596 г.

Весной 1620 г. Сагайдачный с почетным казацким экскортом встретил иерусалимского патриарха Феофана и бдительно охранял его от польских властей. Осенью того же года Феофан посвятил в Киеве Иова Борецкого в сан киевского митрополита, а Исаию Копинского — в сан перемышльского епископа. Позднее были посвящены еще четыре епископа на украинские и белорусские епархии, среди них на луцкую — Исаакий Борискович. Примечательно, что как Иов Борецкий, так и Исаия Копинский и Исаакий Борискович были не только энергичными борцами против политики окатоличивания и полонизации, но и горячими поборниками идеи воссоединения Украины с Россией.

Посвящение православных иерархов являлось враждебным по отношению к польскому правительству актом, поэтому, когда патриарх Феофан в начале 1621 г. отправлялся на родину, Сагайдачный с тремя тысячами казаков сопровождал его до местечка Буши на польской границе.

Приблизительно в то же время произошло еще одно важное событие — вступление гетмана Сагайдачного

вместе со всем реестровым войском в Киевское братство.

Таким образом, реестровая старшина стремилась укрепить союз с православной церковью, поддерживаемой украинским шляхетством, и с зажиточным мещанством, представленным братством. Объединение названных кругов усиливало оппозицию польскому правительству, от которого они требовали уступок в национально-религиозном вопросе. Вместе с тем консолидация этих сил усиливала их в борьбе с грозным антифеодальным движением, во главе которого стоял гетман Бородавка.

Влияние Бородавки среди народных масс объясняется тем, что он требовал признания казацких прав за всем оказачившимся людом. Его поддерживали крестьяне и мещане, надеявшиеся освободиться от власти панов. Они забирали в шляхетских имениях лошадей, оружие, разные припасы и шли к Бородавке. По словам путивльских воевод, внимательно следивших за событиями на Украине, между Ржищевом и Белой Церковью собралось до 50 тыс. казаков (оказачившихся крестьян). Повстанцы, как писали 30 июня 1621 г. в Москву воеводы, хотели освободить Киев и другие украинские города, отошедшие к Польше после Люблинской унии, и затем просить царя о принятии Украины под власть России.

Однако опасность турецкого нашествия, угрожавшего прежде всего Украине, побудила Бородавку пойти на временное соглашение с имущей частью казачества, руководимой Сагайдачным. Объединение обоих казацких войск произошло весной 1621 г., когда передовые части турок подошли к устью Днепра. Вслед за ними двигались главные турецкие силы с султаном Османом II во главе.

5—7 июня оба казацких войска — одно с Сагайдачным, другое с Бородавкой во главе — сошлись на раду в урочище Сухая (или Черняхова) Дубрава, между Ржищевом и Белой Церковью. Тут собралось, по словам очевидца ксендза Оборницкого, около 40 тыс. человек. На раду прибыли также митрополит Иов Борецкий с многочисленным духовенством и королевские посланцы, которые объявили казакам постановление сейма, прибавив к нему разные обещания. В своем слове на раде гетман Бородавка напомнил казакам о том, что они представляют собой грозную силу. «Перед войском Запорожским,— сказал он,— дрожит земля польская, турецкая и целый мир». Масса вооруженных казаков и бурная обстановка, в которой происходила рада, производили сильное впечатление. «Нужно опасаться,— писал ксендз Оборницкий,— как бы дело не дошло до восстания, до крестьянской войны. Уж очень они разошлись тут, увидев себя в таком собрании и силе... Храни, боже, здешних католиков... им некуда будет бежать... Все живое поднялось в казачество».

Рада приняла предложение сейма о выступлении в поход против турок и отправила к королю своих представителей: Сагайдачного, владимирского епископа Курцевича и еще двух лиц. Казацкое войско во главе с Бородавкой двинулось в Молдавию, навстречу армии Османа II, а казацкие представители — в Варшаву, куда и прибыли в июле 1621 г. во время очередного сейма. Тогда же их несколько раз принял король, очевидно, для обсуждения плана военных действий и способа устранения от гетманства Бородавки, которого польское правительство считало предводителем казацких низов.

Хотинская война. Турецкий султан, целую зиму 1620/21 г. и весну готовившийся к походу на Польшу, собрал огромное войско. Были израсходованы громадные средства на вооружение и припасы. Часть военного имущества отправили караваном в

6 тыс. верблюдов, часть погрузили на суда для доставки к устью Днестра. Наконец приготовления были закончены, и в мае — начале июня султан с войском выступил из столицы. Опасаясь нападения казаков с моря, турецкие военачальники усилили охрану западного побережья Черного моря и Стамбула. Но это не помогло. Казацкая флотилия, неожиданно появившаяся на море, захватила корабли, шедшие в Белгород с осадными пушками, затем напала на один из стамбульских фортов, разрушила его и повернула назад. Турки выслали погоню, но смогли схватить лишь двух казаков и сейчас же отправили их в походную квартиру Османа II. Озверевший султан велел посадить пленных на кол. Между тем известия о нападении запорожцев на столицу и о том, что они жгут прибрежные города, вызвали тревогу в турецком войске. Военачальники советовали султану вернуться в Стамбул.

Нападения запорожцев продолжались. Когда турецкая армия перешла Дунай, они разделились на две части: одна напала на Трапезунд, другая — на белгородских татар, со стадами устремившихся к Измаилу, под защиту турок. Против казаков были отправлены галеры (они стояли в устье Дуная и стерегли там мост) во главе с Галилом-пашой. Но казаки потопили галеры, сняв с них 15 больших пушек.

В июле турецкая армия уже приближалась к Белгороду. Турецкие силы поражали современников своей численностью. По словам Ованеса Каменецкого, автора записок о Хотинской войне, они насчитывали 250 тыс. турок и 210 тыс. татар. Польские современники называют более правдоподобные цифры. Юрий Воротский, например, говорит о 162 тыс. воинов: 75 тыс. турок, 30 тыс. арабов, 47 тыс. балканских христиан и 10 тыс. янычар — султанской гвардии. Турки имели сильную артиллерию. Для устрашения «неверных» султан вел с собой четырех боевых слонов.

Неприятель уже приближался к границам Речи Посполитой, но польское войско собиралось очень медленно. Правительство обратилось за помощью в Рим и Вену. Однако папа ограничился сочувствием «благочестивому рвению» Сигизмунда III «в деле защиты христианства». Что касается императора, от которого, по словам бискупа Павла Пясецкого, польское правительство больше всего ожидало помощи, то он не разрешил даже вербовать в своей стране солдат в польское войско. Не лучше дело обстояло и в самой Польше. Жолнеры ни за что не хотели расставаться с обжитыми зимними квартирами. Начальники жаловались: если одних жолнеров не только королевскими универсалами, но и киями из дома не выгонишь, то другие разбегаются прямо из-под хоругвей. Хотя войско начали собирать еще зимою, но реальных сил не было и весной.

Коронный гетман Ходкевич, стоявший со своими отрядами во Львове, писал литовскому канцлеру Л. Сапеге, что враг близко, а войска не подходят, что касается артиллерии, то о ней не только ничего не слышно, но и неизвестно даже, к кому обращаться по этому поводу. «Если так идут дела вначале,— пессимистически заключал Ходкевич,— то что же будет далее?» Наконец войско собралось и выступило под Хотин. Оно насчитывало около 40 тыс. человек при 38 пушках. Характерно, что магнаты уклонились от участия в походе: к Ходкевичу прибыли лишь князь Д. Заславский с шестьюстами человек да белзский воевода Р. Лещинский со своей надворовой сотней.

Подойдя к Днестру, Ходкевич остановился на левом берегу вблизи с. Браги, против Хотина. Коронный гетман, хотя и располагал значительными силами, боялся переправиться

на правый берег, чтобы не очутиться один на один с турками, и ожидал подхода Бородавки с казаками. Но гетман Бородавка не хотел присоединяться к коронному гетману до тех пор, пока тот не перейдет на правый берег, в Молдавию. Наконец польское войско перешло по мосту на правый берег реки и заняло позиции под Хотином, который охранялся небольшим польским гарнизоном.

В это время турецкая армия была уже недалеко от Хотина. Однако турки еще не имели плана операций. Одни военачальники предлагали переправиться на левый берег Днестра и напасть на Ходкевича с тыла, пока с ним не соединились казаки. План этот казался привлекательным, но, как говорили другие, имел один существенный недостаток: казаки могли прибыть к польскому войску в очень опасный для турок момент, в таком случае последние оказались бы между двух огней. В конце концов было решено быстро двигаться к Хотину и найти способ разгромить поляков до их соединения с казаками.

Турки встретились с казаками во главе с Бородавкой раньше. 40-тысячное казацкое войско с 20 медными и 3 чугунными пушками переправилось через Днестр, разрушило крепость Сороки в Молдавии и двинулось навстречу туркам. Испуганный неожиданным появлением казаков, молдавский господарь Томша, турецкий ставленник, покинул Яссы и бежал к султану. Вскоре казаки вступили в соприкосновение с передовыми турецкими частями. Хотя турки и имели численное превосходство, казаки, как писал королевский комиссар при польском войске Яков Собеский, «счастливо и со славой боролись с турками». Это подтверждает Ованес Каменецкий. Встретившись с турками в Молдавии, казаки, говорит он, «8 дней вели крупные бои против них, пока не убили силистрийского пашу по имени Гусейн и многих других».

Польское войско заняло выгодные позиции. Лагерь Ходкевича был обращен фронтом на юго-восток, упираясь флангами в крутой берег Днестра. Хотинская крепость, таким образом, оставалась в его тылу. Стремясь увеличить численность боевого состава войска, Ходкевич хотел поставить под знамена обозную челядь, но спесивая шляхта запротестовала. Через несколько дней под Хотин прибыл с 16-тысячной армией королевич Владислав. В польском лагере с нетерпением ожидали казаков. Когда же, пишет Я. Собеский, пронесся слух, будто запорожцы совсем не придут, «отчаяние выразилось на лицах солдат и старшин; головы опустились; слышен был тихий ропот».

Вскоре в польский лагерь прямо из Варшавы прибыл Сагайдачный. Коронный гетман встретил его, щедро одарил и немедленно отправил к казацкому войску, чтобы ускорить соединение его с главными силами. Едва, однако, Сагайдачный выехал, как явился посланный Бородавкой полковник Дорошенко с известием, что казаки уже находятся вблизи Могилева (около 150 верст от Хотина).

Прибыв к казацкому войску, Сагайдачный сделал все, чтобы как можно скорее устранить Бородавку. На марше, когда казаки были уже недалеко от коронного войска, Сагайдачный при поддержке своих сторонников арестовал Бородавку. Я. Собеский пишет: «По его (Сагайдачного.— *Ред.*) приказу Бородавка, обвиненный во многих преступлениях, был закован в кандалы и вскоре после этого казнен под Хотином». Казацкие низы лишились предводителя.

22 августа казацкое войско (в одном официальном списке его численность определена в 41 520 человек), во главе которого теперь стоял Сагайдачный, заняло назначенные ему позиции на левом крыле польского лагеря, где находились также 200, а

по другим данным — 700 донских казаков.

На другой день к Хотину подошла турецкая армия и расположилась на горе на расстоянии мили от польского лагеря, татары — поблизости от нее. Над турецким лагерем возвышалась ставка Османа II. Она была так велика и роскошна, что, как говорит очевидец, напоминала скорее ряд дворцов, построенных несколькими монархами в мирное и цветущее время, нежели военное жилище одного султана. Вокруг лагеря, кстати сказать, не имевшего полевых укреплений, были поставлены пушки, которых одни современники насчитывали 200, другие — 500. Кроме полевых турки имели осадные пушки с ядрами весом до 55 кг.

Коронный гетман Ходкевич, всегда подвижный и энергичный, когда речь шла о подавлении народных восстаний, теперь неожиданно стал сторонником оборонительной тактики. Он решил, говорит Собеский, «во что бы то ни стало держаться в оборонительном положении и осторожно выжидать военного счастья». Большие надежды Ходкевич возлагал на свои шанцы, «из-за которых он рассчитывал безопасно обстреливать неприятеля,— замечает Собеский,— ...[и] выдерживать их (турок.— *Ред.)* приступы».

На следующий день после прихода под Хотин, не дав своему войску отдохнуть, султан повел его на штурм польского лагеря. Он самоуверенно заявил, что обедать будет только там. Всю силу своего удара турки направили на казаков с тем, чтобы разгромить сначала их, а потом уже покончить с коронным войском. Началось ожесточенное сражение. Войско султана встретило такой мощный отпор, что вынуждено было повернуть назад. Казаки преследовали врага.

После первой неудачи турки изменили тактику. Теперь основной удар направлялся на позиции, занятые польской шляхтой. На рассвете 26 августа, перегруппировав свое войско, султан напал на польский лагерь с нескольких сторон одновременно. Среди шляхты началось смятение. Дорогу врагу преградила челядь, т. е. те, кого паны всегда презирали. Челядь не только оттеснила турок, но, соединившись с казаками, стала преследовать их и ворвалась во вражеский лагерь. Казаки и челядь опрокидывали наметы, брали пленных, оружие, лошадей. «Запорожские казаки,— писал очевидец,— отбили несколько турецких пушек, но, не имея возможности увезти их, так как пушки были скованы цепями, подрубили под ними колеса».

Ходкевичу донесли, что кроме множества турецких воинов убиты трое и взяты в плен двое пашей, уничтожено 16 наметов и захвачено больше десяти пушек. Заслуга в отражении вражеского удара и на этот раз принадлежала не шляхетству, а рядовым воинам. Собеский говорит: «Толпа черни... а не оружие могущественного рыцарства поколебала грозную турецкую силу».

Вечером 30 августа неожиданно для врага казаки вместе с несколькими польскими отрядами ворвались в лагерь Османа. Опасаясь окружения, Осман с двумя обозами бежал из лагеря и остановился только через три мили. Для окончательного разгрома турок наступавшим необходима была поддержка. Однако коронный гетман под предлогом позднего времени приказал приостановить бой.

После неожиданного вторжения казаков и польских воинов в лагерь Османа турками, по словам Собеского, овладела паника: «Люди всех званий и сословий были в неописуемой тревоге; сам Осман, еще так недавно думавший, что нет никого в мире могущественнее его, теперь собственными глазами увидел всю шаткость своего положения». Султан заявил, что не будет ни есть, ни пить до тех пор, пока не покончит с казаками. В

бессильной ярости он проклинал своих военачальников, говоря, что те, кто клялись ему драться, как львы, бежали в страхе. За каждую доставленную ему казацкую голову Осман II обещал награду золотом. Молдавский летописец Мирон Костин (1633—1691) писал в этой связи: «И стали татары нападать на окрестные селения, на крестьян... привозили целые горы крестьянских голов к султанским наметам, выдавая их за казацкие».

Убедившись, что польские военачальники избегают наступательных действий, султан решил перейти к осаде польского лагеря. Тем временем отправленные на Украину татарские орды опустошали Подолию, Буковину, Брацлавщину, Волынь и дошли до Галичины. Захваченные там пленные стали появляться в татарском лагере под Хотином, откуда слышались их стоны. Злодеяния татар и бездеятельность польских военачальников вызывали возмущение у казаков. «Ропот и недовольство,— замечает Собеский,— с каждым днем возрастали среди казаков». Ежедневно приходили они с жалобами к Сагайдачному. Вскоре протест стал принимать открытый характер. Сагайдачный уведомил об этом Ходкевича и комиссаров (сейм 1621 г. назначил девять комиссаров, в их числе был и Я. Собеский), исполнявших при Ходкевиче обязанности советников, и просил заблаговременно помочь ему, чтобы предотвратить в войске бунт. Представители Ходкевича, отправленные к казакам, умоляли их и далее сражаться с врагом, обещая, что за всеми, кто сейчас находится в войске, будут признаны казацкие права.

После 30 августа в течение почти трех недель военные действия ограничивались небольшими стычками. Только по прибытии подкрепления — 25-тысячного войска Каракаша-паши — султан решился на штурм. 18 сентября с 11 часов утра до самого вечера грохотали турецкие пушки. На казацкие и польские позиции без перерыва двигались вражеские войска. Казаки нанесли наступающему неприятелю неожиданный удар в тыл. Ворваться в польский лагерь туркам так и не удалось.

Хотя все атаки врага были отбиты, положение в польском лагере ухудшалось. Недоставало продовольствия, свинца для пуль, ядер, доброкачественного пороха. Вспыхнула эпидемия дизентерии. Войско стало таять. Вскоре умер великий коронный гетман Карл Ходкевич, и его булава была передана польскому гетману Станиславу Любомирскому. А о посполитом рушении, которое король собирал в Польше, не было никаких известий. Только в конце лета король выехал из Варшавы во Львов, где начал собирать посполитое рушение. Однако к нему прибыла, как пишет бискуп Пясецкий, лишь шляхта четырех воеводств.

Все это заставило польских военачальников начать с турками переговоры. Любомирский отправил к ним своих представителей с предложением заключить мир. Турки, понесшие за время войны огромные потери, также стремились к миру. 29 сентября 1621 г. был заключен мирный договор. Первым и важнейшим пунктом, на котором особенно настаивал султан, было обязательство Польши запретить казакам нападать на турецкие владения, а в случае неповиновения карать их за это. Польский король должен был также платить крымскому хану «упоминки» (дань) и т. д. Султан, со своей стороны, обязывался сдерживать Крымскую, Белгородскую и другие орды от нападения на Польшу, а также назначать на молдавский престол лиц, дружественно относящихся к Польше.

В Хотинской войне Турция потерпела поражение: главная цель, поставленная ею,— захват польских и украинских земель — не была достигнута. Престиж Речи Посполитой на

международной арене значительно возрос. Порабощенные Турцией народы, а также те, которым угрожало порабощение, приветствовали победителей.

В Хотинской войне украинские казаки во главе с гетманом Петром Сагайдачным и польские воины своим мужеством и военным мастерством вписали славную страницу в историю совместной борьбы славянских и других народов против турецкой и татарской агрессии.

В войне участвовало также местное украинское и молдавское население. В окрестностях Каменца, например, крестьяне и мещане уничтожали татарские отряды. Они же группами в 100—200 человек с оружием и припасами пробивались к Хотину, подавая посильную помощь казакам и польским воинам.

Для Османской империи поражение в Хотинской войне имело серьезные последствия. Пошатнулось положение Турции как на международной арене, так и в подвластных ей странах. Признаки упадка Турецкой империи, проявлявшиеся еще в конце XVI в., стали более выразительны. В стране обострились социально-политические противоречия.

Вскоре после возвращения Османа II из похода в столице начались волнения. Янычары и сипахи (мелкие служилые люди) объявили, что причина поражения в войне — поведение Османа и его окружения. К янычарам присоединились городские низы, недовольные тяжелыми налогами. Восставшие осадили султанский дворец. Осман попытался подавить восстание, но было уже поздно. В мае 1622 г. янычары и горожане ворвались во дворец, убили великого визиря Делавера-пашу и многих других знатных лиц. Самого Османа II с веревкой на шее водили по улицам Стамбула, а затем убили. Враждебная Осману II группировка посадила на трон уже раз лишенного власти слабоумного Мустафу I. Волнения в столице нашли отклик в разных частях империи, усилилась борьба за независимость в Молдавии, Валахии и других странах. Сложным положением Турции воспользовалась Персия: нарушив перемирие, она в 1623 г. начала с ней войну.

Борьба с экспансией Турции и Крымского ханства после Хотинской войны. Мир Польши с Турцией не мог внести существенных изменений во взаимоотношения казачества с турками и татарами. Татарские орды при поддержке Турции продолжали опустошать украинские земли. Не могли поэтому прекратиться и ответные экспедиции казаков. Украинские казаки боролись с врагом плечом к плечу с русскими казаками.

С давних времен у запорожцев с донскими казаками существовали самые тесные связи, запорожские казаки часто переходили на жительство на Дон, а донские — на Запорожье. Запорожский старшина А. Шафран в документе, относящемся к 1626 г., сообщает, что он живет на Дону уже 18 лет, а другие запорожцы — по пять и более лет, а «всех де,— продолжал он,— их на Дону есть с 1000 человек. А в Запорогах де донских казаков так же много... живут переходя, они ходят на Дон, а з Дону казаки к ним, и живут сколько где хто хочет. А повелось де у них то з донскими казаками изстари, что меж себя сходятся и живут вместе в одних куренях» [1].

Естественным результатом братских связей было установление между запорожцами и донскими казаками боевого союза. Об этом в 1632 г. донцы так рассказывали стрелецкому пятидесятнику Василию Угрюмову: «А у нас де, у Донских казаков, с Запороскими черкасы приговор учинен таков: как приходу откуды чаят ка-

[1] Воссоединение Украины с Россией, т. 1, с. 70.

ких... людей многих на Дон или в Запороги, и Запороским черкасом на Дону нам, казаком, помогать, а нам, Донским казаком, помогать Запороским черкасом» [1]. Примечательно, что одним из известных донских атаманов во второй половине XVI в. был запорожец Михаил Черкашенин. Подчеркивая братские связи и военную доблесть русских и украинских казаков, Н. Г. Чернышевский писал, что донские казаки — «братья запорожцев действительно всегда были воинами в высшей степени отважными и благородными, точно так же, как и запорожцы» [2].

Объединенные флотилии, состоявшие из запорожских чаек и донских стругов, были грозой для Турции и Крыма. Готовясь к морскому походу, запорожцы, как пишет Боплан, уже с ранней весны начинали работу в Войсковой Скарбнице, вблизи Сечи. Одни рубили высокие вербы и липы, другие строгали доски и мачты, третьи строили корпуса чаек, четвертые курили смолу и конопатили лодки, пятые готовили паруса, пушки, припасы и т. д. Изготовлением каждой лодки было занято около 60 человек. Прежде всего корабельные мастера строили дно чайки (длина ее около 16 м), затем нашивали борта. Дно и борта делали из досок, каждый последующий ряд которых несколько захватывал предыдущий. Готовая лодка имела около 20 м в длину, около 4 м в ширину и столько же в высоту. Разделив лодку перегородками и поперечными скамьями, ее конопатили, потом ставили мачту и поднимали паруса. Нос и корма у чаек были одинаковой формы, лодка имела два руля — по одному в каждом конце, что обеспечивало ей высокую маневренность. К каждому борту лодки прикреплялись уключины для 10—15 весел. К бортам лодки при помощи бечевки (из коры липы или черешни) привязывались связки тростника, что обеспечивало ей высокую устойчивость.

Вооружение чаек состояло из 4—6 фальконетов (мелкокалиберных пушек). Чайка вмещала от 50 до 70 человек. Каждому из них положено было иметь по два ружья, саблю, пять—семь фунтов пороха, свинец и т. д. Перед походом в чайки грузили ядра, порох, бочки с пшеном, сухарями, сушеной рыбой и пресной водой.

Окончив приготовления, запорожцы на лодках спускались по Днепру. В передней лодке плыл атаман, остальные следовали за ним. В устье Днепра казаков обычно подстерегали турецкие галеры. Чтоб обойти их, казаки пускались на разные хитрости. Так, они незаметно протаскивали свои лодки до определенного места по суше и затем снова спускали их на воду. Когда турки узнают о появлении запорожцев на море, «тревога,— свидетельствует Боплан,— распространяется по всей стране до самого Константинополя». Гонцы скачут вдоль всего побережья, чтобы предупредить правителей областей и феодалов об опасности.

В хорошую погоду чайки шли под парусами, а в шторм или при встрече с врагом — на веслах. Черное море большую часть года неспокойно. Но запорожцы были отважными и опытными моряками. Людей, видевших борьбу запорожцев с бушующим морем, приводило в изумление их бесстрашие и искусство мореходов. «Настоящее чудо,— писал современник,— как можно противостоять на таком маленьком судне, оплетенном хворостом, разъяренному морю... ветер вздымает высоко пенистые волны, кажется вот-вот разнесет их (чайки.— *Ред.)*, но они удерживаются, охраняемые теми же связками [тростника]...

[1] Русская историческая библиотека. Спб., 1898, т. 18, с. 339.

[2] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. Спб., 1906, т. 1, с. 409.

Видел... собственными глазами, как буря и сильный ветер подняла и рассеяла их... Но тут же они вновь построились в ряды и продолжали двигаться в прежнем порядке».

Запорожские чайки были значительно быстроходнее и маневреннее неповоротливых турецких галер. Они легко скользили по волнам и, как говорит Боплан, за каких-нибудь двое суток достигали берегов Анатолии (от днепровского устья до анатолийского побережья около 600 км). Турецкий флот считался в то время одним из лучших в мире. Встретиться в открытом море с его кораблями было небезопасно. Они имели крепкий корпус, сильную артиллерию и многочисленный экипаж. Поэтому запорожцы избегали встреч з галерами днем. Но когда битва оказывалась неизбежной, казаки, пишет Боплан, становились непоколебимыми. Никто из них не двигался с места: одни заряжали ружья, другие стреляли из них по врагу, «так что пальба, весьма меткая, не прекращается ни на минуту». Галеры, в свою очередь, обстреливали чайки из пушек.

Обычно запорожцы, чайки которых возвышались над морем на какой-нибудь метр-два, обнаруживали неприятеля гораздо раньше, чем это мог сделать он. В таком случае казаки немедленно спускали паруса, брались за весла и, дождавшись ночи, отходили от турецкого корабля на такое расстояние, чтобы не потерять его из виду. К полуночи, приблизившись незаметно к врагу, половина казаков начинала грести изо всех сил, в то время как другая стояла наготове с заряженными ружьями. Бесшумно подплыв к галере, казаки брали ее на абордаж, уничтожали экипаж, забирали пушки и припасы, а корабль пускали ко дну.

Своими походами запорожские и донские казаки содействовали дальнейшему ослаблению султанской Турции. В 1622 г. 500 донцов и 70 запорожцев на 30 лодках появились у Трапезунда. Казаки, как видно из современного документа, «турского царя града Трапизона мало не взяли, а посады выжгли и высекли, и живота всякого, и корабли, и наряд (пушки — *Ред.)*, и гостей (купцов.— *Ред.)* турского царя поимали» [1].

Летом 1624 г. запорожцы и донцы появились у Константинополя. Казаки плыли, по словам современника, « на 150 длинных, быстро несущихся на парусах и веслах лодках, с 10 веслами на каждом борту, по два гребца на весло». В каждой лодке находилось по 50 воинов, вооруженных ружьями и саблями. Казали сожгли приморские укрепления в пригородах Константинополя. Навстречу приближающейся флотилии казаков из константинопольской гавани вышел огромный по численности флот. «Большая цепь, сохранявшаяся со времени взятия Константинополя... была отправлена к слесарям Босфора, чтобы заперли ею гавань». Десять тысяч вооруженных воинов охраняли берега Босфора. Несмотря на это, казаки высадились в гавани, сожгли маяк и другие сооружения. После этого они «вернулись к своим берегам с добычею и сознанием, что потревожили Оттоманское царство в самой его столице».

В том же 1624 г. казаки еще несколько раз тревожили турецкую столицу. Уже упоминавшийся Томас Рой в связи с этим писал, что казацкие походы на столицу Оттоманской Порты открыли ту «удивительную истину об этом великом государстве, что оно, казавшееся столь грозным, и могущественным, на деле слабо и беззащитно».

Казаки, даже оказавшись в плену, продолжали борьбу. В Палермо, на о. Сицилия, в часовне св. Розалии сохранилась надпись, повествующая

[1] Воссоединение Украины с Россией, т. 1, с. 42.

о подвиге казаков-невольников на турецкой галере, направлявшейся в составе турецкого флота в Александрию. Казаки во главе с Марком Сакмовским, долгое время находившиеся в неволе, задумали побег. Воспользовавшись тем, что галера, на которой невольники были гребцами, отстала от других, они бросились на стражу, связали ее и повернули корабль к берегам Сицилии. 7 декабря 1626 г. галера вошла в гавань Палермо. В честь этого события и была выбита надпись.

В письме к польскому королю от 9 июня 1628 г. господарь Молдавии Мирон Барновский (Могила) писал, что его послы, которые три дня назад вернулись из Константинополя, «принесли множество писем с жалобами турок, что казаки не слушают твоего приказа, не подчиняются воле договоров и беспрерывно нападают на турок в море и даже на земли турецкие, наносят им большие потери. Эти нападения казаков не прекращаются и сейчас».

Походы запорожцев и донцов на прибрежные турецкие и татарские крепости происходили почти ежегодно. В 1630 г. против «черкас и донских казаков, которые ходят по морю и корабли и каторги (тип корабля.— *Ред.)* громят» [1], турецкое правительство организовало крупную экспедицию: в море вышла эскадра из 15 галер, имевших на борту около 4500 янычар. Недалеко от Константинополя, у православного монастыря Сизебола, эскадра наткнулась на шесть чаек с тремя сотнями запорожских и донских казаков. Причалив к берегу, казаки с боем стали пробивать себе дорогу к монастырю, при этом 150 человек попало в плен, а остальные проникли через открытые монахами ворота в монастырь, где и засели. Янычары в течение 8 дней осаждали монастырь. Скоро, однако, в море появилось 80 казацких чаек. При виде их турки сняли осаду Сизебола и бросились к галерам. Но две из них казаки успели захватить. Остальные отошли с боем.

После этого случая султан категорически потребовал от польского короля уничтожить Запорожскую Сечь («черкас из Запорог свесть»). В противном случае он угрожал войной. Но польское правительство ответило, что оно не может ничего сделать с запорожцами и, кроме того, казаки пользуются сочувствием известной части населения Турции (имелось в виду угнетаемое турками христианское население).

Султанские угрозы, впрочем, не оказывали никакого влияния на казаков. 20 апреля 1635 г. 34 струга казаков во главе с запорожским полковником Сулимой и атаманом Алексеем Ломом «с Дону... пошли на Черное море». Навстречу им «погребло тридцать стругов (чаек.— *Ред.)* черкас, а еще де их из Запорог» шло 20. Все они должны были соединиться под Керчью, чтобы «с моря идучи назад, промышлять им над Азовом и лестницы на море делают, а срок положен [идти на приступ] Петров день» [1].

Крупным событием в истории борьбы казачества с турецко-татарской агрессией явилось взятие донцами и запорожцами Азова в 1637 г. Крепость Азов, запиравшая выход из Дона в Азовское море, была одновременно форпостом, откуда турки вели наступление на русские земли. Азов был также известным невольничьим рынком. После захвата Азова (1471) турки сильно укрепили его. Они окружили Азов тремя рядами каменных стен, образовавших правильный четырехугольник с 11 бастионами по углам. Опираясь на Азов, турецкие феодалы совместно с татарскими орда-

[1] Воссоединение Украины с Россией, т. 1, с 95.

[1] Историческое описание земли Войска Донского, т. 1, с. 164.

ми совершали частые набеги на русские земли. При этом они, читаем в современном документе, «невинную кровь проливали, большой полон за море продавали» [1]. Из Азова турки часто нападали на Дон. Жалуясь на это правительству, донцы отмечали, что турки приходят к ним «войною, отгоняют лошадей и казаков емлют» [2].

В 1630 г. возобновив войну с Персией, турецкое правительство намеревалось с помощью Азова сковать силы Русского государства, лишить его возможности оказать поддержку Персии и Грузии. К этому времени гарнизон Азова был увеличен до 4000 человек, а число пушек — до 200. Опираясь на Азов, турки вели наступление и на Дон, пытаясь покончить с казачеством. Донцы писали в 1637 г. в Москву, что турки на них из Азова «умышляли, крымскому царю (хану.— *Ред.)* писали для рати, чтоб нас... з Дону перевесть и Дон реку очистить» [3]. Учитывая возросшую опасность со стороны турок, донцы решили отбить у них Азов.

В январе 1637 г. по всему Дону были разосланы листы, призывавшие казаков сходиться в «низовые» городки. Сборы казаков шли успешно. К походу готовились также запорожцы, которых, по сохранившимся данным, вероятно преувеличенным, было в это время на Дону 4000. Донцы обратились за помощью в Москву. Русское правительство, незадолго перед тем заключившее перемирие с Турцией, не могло открыто помочь казакам. Тем не менее оно отправило на Дон 100 пудов пороха, 50 пудов селитры, 100 пудов свинца, 40 пудов серы, а также хлеб, су́кна и деньги.

21 апреля донцы и запорожцы внезапно появились под Азовом и приступили к его осаде. Ею руководил казацкий атаман Михаил Петров. Пссле 9-недельной осады, сделав подкопы (в этих работах особенно отличились запорожцы), казаки взорвали часть крепостной стены. Через образовавшуюся брешь они проникли в город, перебили его гарнизон и освободили около 2000 русских пленников. Наняв у местного населения лодки и снабдив бывших невольников продовольствием, казаки отправили их на родину. Казаки отпустили также 50 турецких воинов, которые дольше всех сопротивлялись в одной из крепостных башен. Взятие Азова казаками вызвало тревогу в турецких городах Причерноморья. Воспользовавшись замешательством и паникой, охватившими турок, оттуда стали в одиночку и группами бежать пленные.

Жизнь в Азове скоро вошла в нормальное русло. Сюда стали приезжать не только русские, но и персидские, греческие и даже турецкие купцы. На деньги, собранные между собой, казаки наняли мастеров, которые заделали пробоины в крепостных стенах. На башнях были расставлены пушки. Для охраны Азова со стороны степи высылались конные отряды, разъезжавшие верстах в 10 — 20 от города. В крепости начало действовать казачье самоуправление.

Турецкое правительство и думать не хотело о потере Азова. Оно приказало крымскому хану немедленно отправиться в поход и вернуть город. Ханские посланцы предложили казакам сдать Азов без боя, но те ответили: «Не токмо что города... [а] з городовой стены ни одного камня снять [не дадим]... нешто будет наши головы так же волятца станут... около города, как теперя ваши бусурманские... воляютца, тогды нешто ваш город Азов будет» [1]. Одновременно турки обратились с протестом к русскому правительству. Но оно ответило, что

[1] Цит. по кн., *Смирнов Н.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1946, т. 2, с. 49.
[2] Там же, с. 44.
[3] Там же, с. 47, 53.

[1] Русская историческая библиотека, т. 18, с. 769.

донские казаки взяли Азов без его ведома и позволения, по собственному почину, и что вообще они «вольные люди», и к тому же «воры», не желающие подчиняться властям.

Султан сделал вид, что этот ответ удовлетворил его, и сообщил в Москву, что к Азову против донцов им уже послано большое войско. Ссылаясь на то, что польский король разгромил запорожских казаков и «из Запорог их свел» (имеются в виду события, связанные с восстанием на Украине в 1637 г.), султан требовал от царя, чтобы то же самое было сделано и с донцами.

Мурад IV решил во что бы то ни стало вернуть Азов и поэтому спешил закончить войну с Персией. В декабре 1638 г. турки взяли Багдад. 17 мая 1639 г. с Персией был заключен мир. Во владение турок перешла вся Месопотамия с городами Багдадом и Басрой. Развязав себе руки, турецкое правительство стало спешно готовиться к походу на Азов. Но тут неожиданно (1 марта 1640 г.) умер Мурад IV. Последовавшая затем обычная борьба феодальных группировок за трон несколько отсрочила поход турок. Приготовления к походу, однако, продолжались.

Положение казаков в Азове было, между тем, нелегким. Не хватало пищи и боеприпасов. Казаки нуждались также в одежде и обуви. Уже осенью 1639 г. они сообщили в Москву, что им «есть и носить нечова. Всем скудны». Из-за голода многие казаки вынуждены были покинуть Азов. К началу 1641 г. в городе оставалось всего около 1000 человек. Столь небольшой гарнизон не мог отстоять крепость. Донцы обратились за помощью к русскому правительству, прося послать к ним ратных людей и припасы. «И ныне, государь,— писали казаки,— нам держать вашей царской отчины, города Азова не с кем. Все с наготы и з босоты и з голоду и с холоду разбрелися врозь. А бьем тебе челом... городом Азовом со всем градским строением» [1].

Летом 1641 г. огромное турецкое войско вместе с татарами морем и сушей двинулось на Азов. Узнав об этом, с Дона, Украины и Запорожья на помощь защитникам Азова направилось несколько тысяч казаков. «А ныне де в Азове,— рассказывал в Посольском приказе донской атаман Лукьянов,— с прибыльными людьми, которые пришли к ним из верховых (донских.— *Ред.)* городков атаманы и казаки, и которые пришли к ним же из Литвы, из Запорог черкасы... тысеч с пять или шесть» [2]. Царское правительство, несмотря на исключительное значение, которое имел Азов для страны, не прислало ни одного воина. Нежелание правительства оказать им помощь казаки объясняли ненавистью, которую питали феодалы к ним — людям, самовольно бежавшим «из холопства невольного от бояр и от дворян государевых», и поэтому, заключали они, помещики вообще были бы «рады... все концу нашему» [3].

7 июня турецкая армия подступила к стенам Азова. В ее состав входили «городоимцы, приступные и подкопные мудрые вымышленники многих государств». Одних только осадных пушек турки привезли с собой 129. Более 200 турецких кораблей стало на якорь недалеко от устья Дона. Силы турок под Азовом в десятки раз превышали силы казаков.

Вырыв под Азовом траншеи и установив пушки, турки 14 суток беспрерывно штурмовали крепость. Они забрасывали город каменными и разрывными ядрами. В каждом приступе участвовало более 10 тыс. человек. Наконец, было решено овладеть Азовом способом, примененным при взя-

[1] Цит. по кн.: *Смирнов Н.* Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. 2, с. 62.

[2] Воссоединение Украины с Россией, т. 1, с. 328—329.

[3] Цит. по кн.: *Смирнов Н.* Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. 2, с. 70.

тии Багдада: насыпать у стен города высокий земляной холм, с вершины которого обстреливать его из пушек. Но казаки помешали этому. Они сделали подкоп и взорвали холм.

На протяжении всей осады смелыми вылазками, подкопами и взрывом турецких укреплений казаки причиняли туркам огромный ущерб. Искусство, с которым казаки вели подземную войну, поражало врагов. Турецкий путешественник Эвлия Челеби, находившийся под Азовом, замечает, что казаки умели вести подрывные работы даже под рекой.

Утомленные осадой, турки перебрасывали в Азов на стрелах грамоты, предлагая его защитникам сдать город. За это они обещали свободу и деньги. Но казаки отклоняли эти предложения, отвечая, что не сдадут Азова, разве царь Михаил Федорович его у них отнимет «да вас, собак, им пожалует» [1].

После 14-недельной осады турки предприняли еще один генеральный штурм Азова, но и на этот раз были отбиты. Всего они потеряли под Азовом, по их собственным словам, 70 тыс. человек. Убедившись в невозможности взять крепость в ближайшее время и опасаясь приближения зимы, турецкие военачальники решили спять осаду города. В ночь на 27 сентября 1641 г. турки и татары (их было около 100 тыс.) ушли из-под Азова. Крепость осталась в руках казаков.

Казалось бы, теперь русское правительство должно было непременно отправить подкрепление в Азов. 3 января в Москве для решения вопроса об Азове открылся Земский собор. На соборе многие правильно указывали, что возвращением Азова туркам правительство не обеспечит прекращения турецких и татарских набегов на русские земли; наоборот, это будет расценено в Стамбуле как признак слабости Русского государства. Вместе с тем на соборе проявились острые противоречия между дворянством и боярством, с одной стороны, между классом феодалов в целом и купечеством — с другой. Хотя в конце концов собор высказался за принятие Азова царем, правительство не решилось вступить в войну с Турцией.

Весной 1642 г., при получении первых же известий о подготовке турками нового похода на Азов, царское правительство велело казакам покинуть город, угрожая, что в противном случае они навлекут на себя царский гнев. Несколько донцов, прибывших из Азова в Москву, были задержаны царскими властями в качестве заложников.

В таких условиях донцы весной 1642 г. вынуждены были оставить Азов. Они вывезли все пушки и оставшееся имущество к себе на Дон, а крепость разрушили до самого основания. Турки снова заняли Азов. Отказ царского правительства сохранить за Россией Азов более чем на полустолетие отодвинул решение вопроса о выходе России к Азовскому морю.

Борьба запорожских и донских казаков против турецко-татарских захватчиков продолжалась и в последующее время. Уже в октябре 1644 г. запорожцы на 30 чайках и донцы (неизвестно, в каком количестве) вновь ударили на Азов. Они держали город немалое время в осаде, «а окола города шкоту (урон.— *Ред.)* многою учинили, и городовые стены саженей з 12 из спаряду выбили». Части запорожцев удалось даже ворваться в крепость («а иные черкасы были и в городе») [1].

Не прекращались также нападения казаков на прибрежные турецкие и татарские города и крепости. Смелые

[1] Цит. по кн.: *Смирнов И.* Россия и Турция в XVI—XVIII вв., с. 70.

[1] Воссоединение Украины с Россией, т. 1, с. 403.

морские и сухопутные походы запорожцев и донцов в Турцию и Крым производили огромное впечатление на европейские страны. В Италии, Германии, Франции и Англии даже был напечатан ряд сочинений, посвященных военному искусству запорожцев и донцов. Эти повествования о блестящих военных походах казаков с увлечением читались современниками.

Морские и сухопутные походы запорожских и донских казаков, приводившие в трепет турецких феодалов, содействовали дальнейшему ослаблению Османской империи. Султан, по словам украинского летописца, сознавая свое бессилие, с гневом говорил: «Когда окрестные панства (государства.— *Ред.)* на мя возстают, я на обидви уши сплю, а о Козаках мушу единым ухом слухати» [1].

7. КРЕСТЬЯНСКО-КАЗАЦКИЕ ВОССТАНИЯ 20—30-х ГОДОВ XVII в.

Восстание 1625 г. Канун Хотинской войны, 20-е и 30-е годы XVII в. были периодом нового мощного подъема антифеодального и освободительного движения, вызванного дальнейшим усилением эксплуатации и бесправия народных масс, а также политикой национального и религиозного угнетения. Все больше недовольных казаков и крестьян бежало на Запорожье.

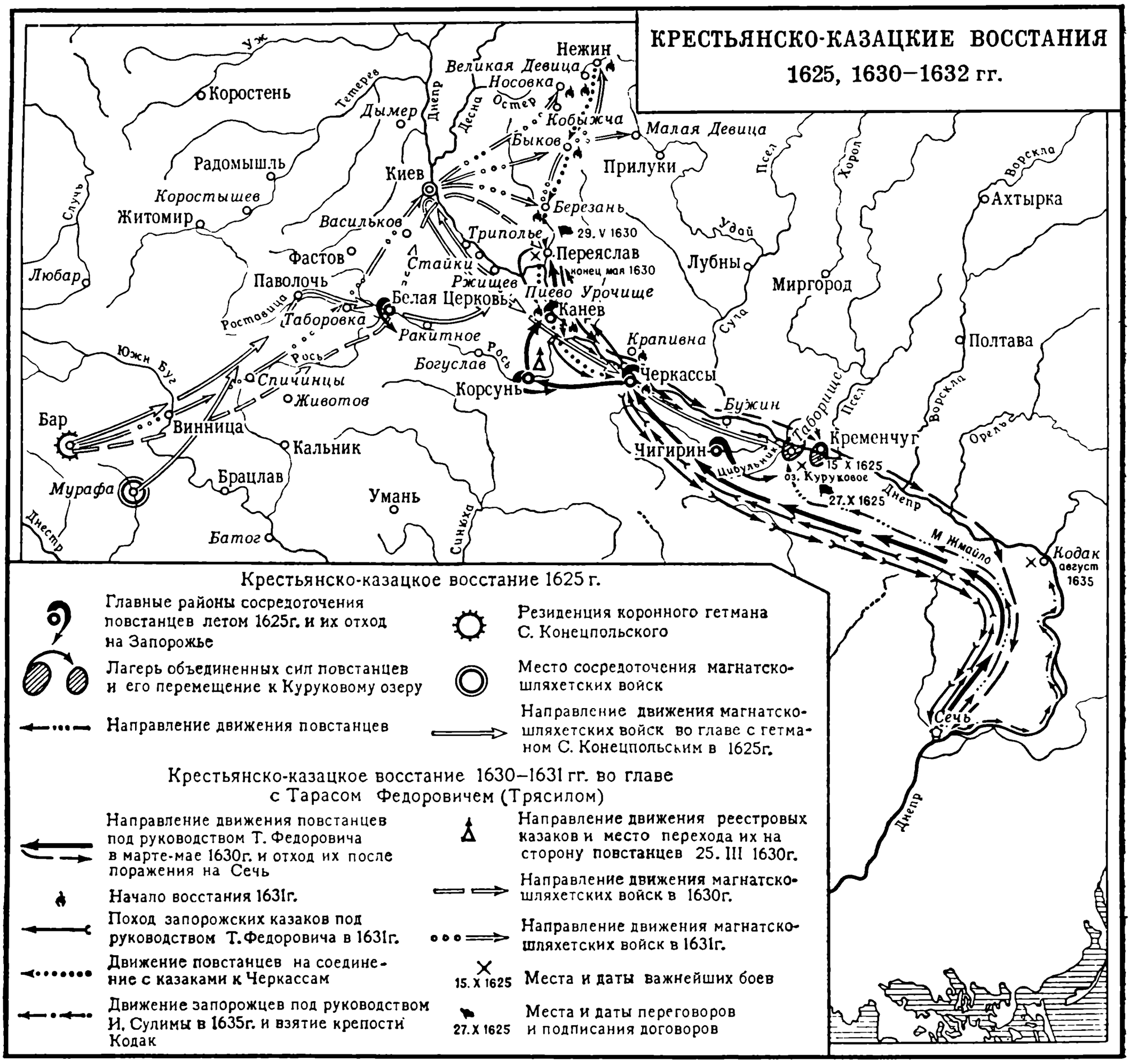
Народное движение после Хотинской войны 1621 г. принимало все более грозный для феодалов размах. Выступления крестьян и мещан поддерживались казачеством. Еще до возвращения из-под Хотина казаки, участвовавшие в войне, но не вписанные в реестр, т. е. в массе своей бывшие панские и королевские крестьяне, отправили к королю посланцев. Они требовали признания за ними казацких вольностей, права проживать не только в королевских, но и в частновладельческих имениях, права осваивать новые угодья, увеличения жалованья. Однако в октябре 1621 г. правительство приказало оставить в реестре лишь 3 тыс. человек, а всех остальных немедленно вернуть прежним владельцам и старостам. Одновременно было велено назначенным правительством комиссарам принять самые суровые меры, вплоть до смертной казни, чтобы положить конец связям населения с Запорожьем.

Но осуществить постановление о возвращении панам не вписанных в реестр казаков власти не могли. Значительная часть казаков после возвращения с войны расположилась в панских имениях Киевского воеводства. При этом казаки сохраняли военную организацию и отказывались исполнять приказы королевских чиновников. К «самовольному» казачеству стали присоединяться реестровцы.

Создавшееся положение усиливало антифеодальные настроения. Крестьяне частновладельческих и королевских имений отказывались выполнять феодальные повинности и объявляли себя казаками.

Между тем владельцы все более притесняли не только своих подданных, но и реестровых казаков. О последних Сагайдачный по возвращении из-под Хотина писал королю: когда войско двинулось под Хотин, администрация («старостки») магнатов Вишневецких, Конецпольских, Потоцких, Калиновских и других панов «зараз козачок бѣдних зачали на всякія роботизни, без жодного обзору и при-

[1] Летопись Григория Грабянки. Киев, 1854, с. 20.



зрѣнія, часто вигонити, бити и вязенями неслухаючих мордовати, що тяжко и жалосно казаками з служби вашей монаршей военной, з ранами еще неугоенными и червей полними, повернувшими, было от жен и матерей своих слышати, и слезы з очес их точащиеся видѣти» [1]. Гетман просил обуздать панов, «а казаков бѣдних от... насильств, напастей и тяжестей защитити и освободити». Вместе с тем он предупреждал, что недовольство народных масс на Украине легко может перерасти в крупное восстание: «Кгдыж они козаки не получат в том вашого найясніш. корол. вел-ва призрѣнія і респекту, то же бы що новое от них (яко уже и пошемруют) не уродилося, и огня гнѣвного (чого не дай боже) не запалило; в який час уже не на казаков, але сами на себе и на своих пьяниц старосток вельможни их милость панове польскиі и нерѣкати и жалкувати мусѣли би» [1].

Положение польского правительства в условиях нарастающего народного движения еще более усложнилось в связи со смертью 10 апреля 1622 г. гетмана Петра Сагайдачного Смерть его с тревогой была встрече-

[1] Цит. по кн.: *Максимович М. А.* Сочинения. Киев, 1876, т. 1, с. 373.

[1] Там же, с. 374.

на в польских правящих кругах. Юрий Збаражский, известный волынский магнат, писал королю: «Вчера получил известие — умер Сагайдачный, столь верный и преданный вашей королевской милости и Речи Посполитой гетман запорожский; легко понять, насколько легче было бы договориться с казаками при его власти. Бог знает, кого они теперь выберут себе за гетмана; весьма правдоподобно, что, по обыкновению своему, наиболее своевольного». Збаражский рекомендовал с большой осторожностью подойти к кандидатуре нового гетмана реестрового казацкого войска и советовал обсудить этот важный вопрос с преданной правительству старшиной. Однако, несмотря на все принятые правительством меры для обеспечения избрания угодного ему человека, гетманом реестра был избран Олифер Голуб. Он, хотя и принадлежал к богатому казачеству, сохранял связь с казацкими низами. «Победила, как видим,— писал король киевскому бискупу,— сильная чернь, не согласившаяся ни с волей нашей, ни с намерениями Речи Посполитой, основывавшимися на прежних постановлениях о казаках».

Народное движение, принимавшее форму массового оказачивания, развивалось с новой силой. Как объяснял позднее Ю. Збаражский королю, сила казаков заключалась прежде всего в том, что их «явно и тайно поддерживает чуть ли не вся Киевская земля и Белая Русь». Народное движение распространялось на новые районы Восточной Украины. В королевской инструкции, изданной в конце 1625 г., говорилось, что повстанцы на Украине «считают себя отдельной Речью Посполитой (республикой.— *Ред.*), посягают на жизнь и имущество невинных людей (шляхты.— *Ред.*). Вся Украина в их руках, шляхтич в своем доме не волен, в городах и местечках его королевской милости все управление, вся власть у казаков, они... устанавливают законы...». В подтверждение создания казаками «отдельной республики» в инструкции говорилось, что повстанцы «посольством и дарами сносились с Москвой» (речь идет о казацком полковнике Иване Гире, отправленном в Москву в феврале 1625 г.), объявляют и заключают мир по своему усмотрению.

Летом 1625 г. польское правительство собрало карательное войско. В сентябре оно выступило из Бара (Подолия) — из своей главной квартиры. Вскоре к войску прибыл новый коронный гетман Станислав Конецпольский. К коронному войску присоединились магнаты Заславский, Замойский, Потоцкий, Калиновский, Данилович, Вишневецкий, Тышкевич, Казановский со своими командами и посполитое рушение украинских воеводств, т. е. те паны, которые уклонились от участия в походе 1621 г. под Хотин. Общая численность войска составила около 30 тыс. человек. Таким образом, польское правительство двинуло на повстанцев приблизительно такие же силы, как четыре года назад против турецкой армии. Переправившись через Южный Буг, польское войско взяло направление на Белую Церковь.

Коронное войско появилось уже на р. Рось, а повстанцы между тем еще не были объединены. Часть казацкой старшины настаивала на прекращении борьбы. С особенной силой социальные противоречия проявились в реестровом гарнизоне на Запорожье. Тех, кто был за соглашение с панами, возглавлял реестровый полковник Михаил Дорошенко. Противников соглашения, т. е. основную массу повстанцев, представлял Марк Жмайло. В ходе борьбы менялись и гетманы. В 1625 г. гетманом реестрового казачества был избран Дорошенко, позднее, в том же году, ко времени появления на Поднепровье карательного войска,— Жмайло. На Запоро-

жье собралось 6 тыс. человек. Запорожцы призвали на помощь донских казаков. В случае неудачи повстанцы намеревались перейти в Россию.

С приближением коронного войска к Поднепровью повстанцы из Канева, Черкасс и других мест двинулись на юг, в направлении Запорожья, и в устье р. Цыбульник — правого притока Днепра — в с. Таборище встретились с запорожцами, шедшими на соединение с ними под предводительством Жмайла. Тут, около Таборища, в миле от местечка Крылов, объединенные отряды повстанцев стали лагерем. Всего их было около 20 тыс. человек.

14 октября 1625 г. коронное войско подошло к Крылову. Конецпольский сразу же отправил к повстанцам комиссаров с требованием признать постановление сейма 1623 г. о сокращении реестра до 5 тыс. человек и возвращении остальных под власть прежних панов. Вечером к нему прибыли казацкие посланцы с ответом, что казаки не желают выполнять ни одного пункта из предъявленных условий. «Вы вскоре испытаете силу наших сабель на своих головах за вашу непокорность и своеволие»,— заявил коронный гетман казацким посланцам.

На рассвете следующего дня коронное войско всей своей массой ринулось на штурм лагеря повстанцев. Одновременно артиллерия открыла сильный огонь. Повстанцы не только устояли, но и ответили ударом на удар. Их конница, сосредоточенная в балке, неожиданно атаковала правый фланг врага, причинив ему большой урон. Неоднократные попытки Конецпольского прорваться в повстанческий лагерь не имели успеха.

Бой кончился только поздно вечером. Конецпольский отвел свое войско на прежние позиции и стал готовиться к новому штурму. Узнав об этом, повстанцы той же ночью оставили лагерь и отошли на восток — к озеру Россоховатое. Переправившись через него, они остановились около Курукового озера. Конецпольский не дал им укрепиться. Перейдя вброд Россоховатое, польское войско с ходу бросилось в атаку, но под самым повстанческим лагерем попало в трясину. С большими потерями под губительным огнем карателей выбрались из болота. «От казацких самопалов,— писал бискуп Пясецкий,— легло немало конницы и особенно иностранной пехоты».

Тем временем сильно похолодало. Выпал первый снег. Перспектива застрять в Поднепровье на зиму после понесенных значительных потерь побудила Конецпольского начать переговоры. Положение повстанцев было также тяжелым, и не только от недостатка оружия и припасов. В их лагере снова вспыхнула борьба между сторонниками соглашения с панами и основной массой восставших. 26 октября это привело к перевороту. У Жмайла была отобрана булава (дальнейшая судьба его неизвестна) и опять передана Дорошенко. На следующий день новый гетман со всей старшиной прибыл к Конецпольскому и принял условия польской стороны. Заключенный ими Куруковский договор предусматривал увеличение казацкого реестра до 6 тыс., причем новый реестр должен был быть составлен в течение шести недель, и только после того, как повстанцы разойдутся по домам. Старшине увеличивалась плата, и она обязывалась исполнять все распоряжения польского правительства, противодействовать переходу населения в казаки и подавлять всякое «своеволие». Реестровцы, проживавшие в частновладельческих имениях, должны были покинуть их на протяжении 12 недель.

Куруковский договор, таким образом, предусматривал лишь незначительные уступки восставшим: увеличение реестра вдвое по сравнению с

его численностью до Хотинской войны. Вместе с тем польское правительство откровенно заявляло, что будет принимать в реестр только надежных и зажиточных людей.

Для обеспечения «порядка» и составления нового реестра Конецпольский оставил на Поднепровье 15-тысячное войско под началом магната Казановского. Оно должно было разместиться в Киеве, Василькове, Триполье, Ржищеве, Стайках и Фастове и стоять до тех пор, «покаместа козаки розберутца в 6000», как писали в своей реляции от 16 декабря 1625 г. в Москву путивльские воеводы.

Следовательно, основная масса повстанцев лишена была малейшей надежды вступить в реестр, но в то же время она не желала и возвращаться под власть панов. В таких тяжелых условиях повстанцы возлагали надежды лишь на помощь России. Посланец киевского митрополита Иова Борецкого священник Филипп, отправленный в конце 1625 г. в Москву, рассказывал царским воеводам: «А которых де... людей от козачества отставливают, и те козаки все мыслят посылати бить челом тебе, государю... чтоб ты, государь, пожаловал их, велел им помочь учинить своими государевыми людьми на поляков. И они де, козаки, станут служить тебе, государю, и городы литовские станут очищать в твое государево имя...» [1].

Реестр составили в назначенный срок и почти в то же самое время разделили его на шесть полков-округов: Киевский, Переяславский, Белоцерковский, Корсунский, Каневский и Черкасский. Центром полка являлся город (он и давал ему название), где находилась полковая старшина. Полки делились на сотни. Артиллерия реестра и войсковая «музыка» (трубачи, барабанщики и т. д.) размещались в Каневе. Над всеми полками стояла войсковая старшина во главе с гетманом. Местной старшине в пределах полков и сотен, а войсковой на всей территории реестра предоставлялась соответствующая компетенция. Подобная административно-территориальная система упорядочивала управление реестровым войском и одновременно повышала роль старшины.

После Куруковского договора магнаты и шляхта усилили наступление на народные массы, а в ответ на их сопротивление посылали карательные войска. Ограбленные и преследуемые панами, крестьяне и мещане бежали на Запорожье. В мае 1629 г. правительственный комиссар реестра Хмелецкий писал королю, что на Запорожье собралось казаков почти столько же, сколько их было под Хотином, а может быть и больше. К ним присоединялись и казаки из стоявшего за порогами реестрового гарнизона.

Восстание 1630—1631 гг. В конце 1629 — начале 1630 г. началось новое народное восстание. Его ускорило возвращение на Украину в конце 1629 г. польского войска, выведенного отсюда в 1626 г. в Прибалтику в связи с польско-шведской войной. Приход жолнеров сопровождался насилиями, вызвавшими сопротивления местного населения.

Одновременно обострилась борьба в среде казачества. В 1628 г. вместо умершего во время похода в Крым Михаила Дорошенко гетманом реестра стал Григорий Черный, начавший жестоко подавлять любое проявление «своеволия». Недовольная этим часть реестровых казаков присоединилась к запорожцам и в 1629 г. объявила Черного лишенным булавы. Гетман исключил этих казаков из реестра, принял, по некоторым данным, унию и поклялся искоренить «своевольное» казачество.

В ответ на это запорожские казаки вместе с частью присоединивших-

[1] Воссоединение Украины с Россией, т. 1, с. 62.

ся к ним реестровцев избрали гетманом энергичного и талантливого Тараса Федоро́вича (Трясила). Восставшие решили выступить «на волость», на помощь народным массам. И теперь, как и не раз раньше во времена подъема народного движения на Украине, Запорожье стало для восставших плацдармом, откуда они начали выступление.

В марте 1630 г. 10-тысячное пешее и конное повстанческое войско во главе с гетманом выступило из Сечи. В обращенном к народу универсале Тарас Федорович призывал восстать против угнетателей. К повстанцам, двигавшимся в направлении Черкасс, присоединялись крестьяне, мещане, казаки из разных мест. Севские воеводы писали в Москву: «А в которых... городкех запорожские козаки жили по дамом, и ныне... те все козаки ис тех городков идут в сход к гетману к Торасу и козаком в город в Черкасы»[1]. Двигаясь дальше, повстанцы подступили к Черкассам — резиденции реестрового гетмана. Посланные в город лазутчики схватили Черного. Окружавшие Черного старшины бежали в Корсунь под защиту жолнеров. Туда же стали прибывать из разных мест отряды реестровых казаков. Вскоре тут сосредоточилось около 3 тыс. реестровцев.

Когда 25 марта повстанцы подступили к Корсуню, в городе вспыхнуло восстание. Мещане стреляли в шляхту из окон и чердаков. Реестровые казаки оставили старшину и перешли на сторону повстанцев. Старшина и польские офицеры с частью жолнеров бежали в Бар — главную квартиру коронного гетмана. Однако Конецпольский не решился немедленно выступить в поход с теми силами, которые у него были. 28 марта он обратился с воззванием к магнатам и шляхте украинских воеводств: «Прошу вас, моих милостивых панов, к которым ближе всего этот пожар и которые уже раньше узнали, что такое хлопское своеволие, добровольно прибыть в войско его королевской милости, чтобы гасить этот огонь хлопской кровью». В Бар, к коронному гетману, потянулись отряды шляхты и жолнеров. По дороге каратели грозили населению: «гды ся вернемо, вшистких вас в пясти мети будемо (истолчем в ступе.— *Ред.)*».

Тем временем повстанцы вступили в Канев, а затем в Переяслав. Пламя восстания, таким образом, распространилось на Левобережье. Получив известие об этом, Конецпольский поспешил с выступлением в поход. Вперед он послал отряд во главе с известным своей жестокостью коронным стражником Самуилом Лащем. Банда Лаща убивала всех, «бы-лебы тилко Русин», писал львовский летописец. По дороге лащевцы вырезали население целых местечек, невзирая на пол и возраст. Так было, в частности, в Лисянке и Дымере. За Лащем шла кучка реестровцев со старшиной, а вслед за ними двинулся на Переяслав и коронный гетман Конецпольский.

По сведениям, собранным русскими воеводами, войско коронного гетмана насчитывало 12 тыс. человек. Конецпольский шел на Поднепровье с намерением, «аби, — как замечает львовский летописец, — впрод козаков, а затым в вшисткой (во всей) Украині Русь вистинали (истребили.— *Ред.)*, аж до Москвы»[1]. Переправившись под Киевом через Днепр, коронное войско подошло к Переяславу и заняло позиции под городом.

Войско Конецпольского превосходило повстанцев вооружением, имело более многочисленную конницу и сильную артиллерию, но коронный гетман не решился штурмовать Пе-

[1] Воссоединение Украины с Россией, т. 1, с. 110.

[1] Історія України в документах і матеріалах. т. 3, с. 86.

Печать Коша Войска Запорожского. XVII в.

реяслав, а стал ожидать подкрепления. А пока он намеревался блокировать город.

Под Переяславом то и дело происходили стычки. В мае, например, ночью небольшой отряд повстанцев незаметно проник в ту часть вражеского лагеря, где стоял штаб Конецпольского со сторожевой хоругвью — золотой ротой, в которой насчитывалось 150 шляхтичей из знатнейших семей. Застигнутая врасплох, золотая рота была уничтожена. От таких столкновений ряды коронного войска быстро редели. Кроме того, у него в тылу успешно действовали повстанческие отряды, громившие карателей под Борисполем, Буржанами, Копачевом, Дымером, Белгородкой.

В конце мая сосредоточенные в Переяславе повстанцы нанесли войску Конецпольского решающий удар. По словам Пясецкого, под Переяславом полегло жолнеров и шляхты намного больше, чем за всю последнюю Прусскую (польско-шведскую) войну. Только одной знати погибло около 300 человек. Всего же коронное войско потеряло приблизительно 10 тыс. человек. Жолнеры роптали на коронного гетмана за то, что «их так много погибло и гибнет». И хотя к коронному гетману вскоре прибыла помощь, он уже утратил надежду на успех и пошел на переговоры.

Под Переяславом победа склонилась на сторону повстанцев. Они, однако, не смогли закрепить ее. Причиной этого, как и в предшествующих восстаниях, были противоречия в повстанческом лагере. Старшина и часть реестровцев искали соглашения с панами. Им удалось отстранить Тараса Федоровича от гетманства и поставить на его место своего человека — Антона Конашевича-Бута. Тарас Федорович с 10 тыс. повстанцев, противников соглашения, ушел на Запорожье. 29 мая, уже без них, был составлен компромиссный договор. Казацкий реестр увеличивался до 8 тыс. человек. Не вписанные в него повстанцы должны были вернуться к своим владельцам; реестровцы обязывались держать на Запорожье гарнизон в 2 тыс. человек (раньше была только 1 тыс.), немедленно возвратить пушки, захваченные у коронного войска, а также выступить по первому приказу короля на защиту Речи Посполитой.

Порабощенные народные массы Украины с возмущением встретили Переяславский договор. К тому же Конецпольский нарушил его: возвратившись в Бар, он заявил, что казаки должны выполнять условия Куруковского договора и в начале 1631 г. отправил воинские части на постой в Киев, Нежин, Быков, Березань, Носовку, Девицу и другие города и местечки. Это вызвало новую волну недовольства. Так, нежинские мещане и окрестные крестьяне отказались впустить в город два полка жолнеров. А когда те попытались ворваться силой, население заставило их отступить. Выступления такого рода начались и на Правобережье — в Каневском и Черкасском старостах.

К повстанцам, как сообщали путивльские воеводы, обратился «из За-

порог гетман черкаской Тарас», призывая, чтобы они «против поляков стояли все, а на шесть тысяч не выписывались»[1]. Вслед за этим Тарас Федорович выступил с запорожцами на помощь восставшим.

Однако старшине удалось разными способами удержать основную массу реестровцев от участия в восстании. Тарас Федорович с запорожцами вынужден был вернуться в Сечь. Вместе с ним на Запорожье ушел также полковник Дацко Белоцерковец с частью реестровцев.

События 20—30-х годов убедительно показывают, что запорожское казачество играло выдающуюся роль в антифеодальной и освободительной борьбе украинского народа. Поэтому сейм, созванный в начале 1635 г. в Варшаве, подтвердил все предыдущие постановления, предусматривавшие полный разрыв связей украинского населения с Запорожьем. Особенно заинтересованы были в этом магнаты и шляхта Восточной Украины, откуда бегство крестьян приобрело внушительные масштабы.

Сейм признал также крайне необходимым построить крепость на Днепре и поставить там гарнизон из пехоты и конницы, обеспечив их необходимым снаряжением. Для этого из казны было выделено 100 тыс. злотых. Таким образом, магнатско-шляхетская Польша, утратив веру в реестровый гарнизон за Днепровскими порогами, решила поставить свой форпост около самого Запорожья.

Место для крепости было выбрано на высоком правом берегу Днепра около первого, Кодацкого порога, где река круто поворачивает на юго-запад. В июле 1635 г. работы по сооружению крепости были закончены. Кодак, представляя собой довольно сильное укрепление, грозно возвышался над Днепром.

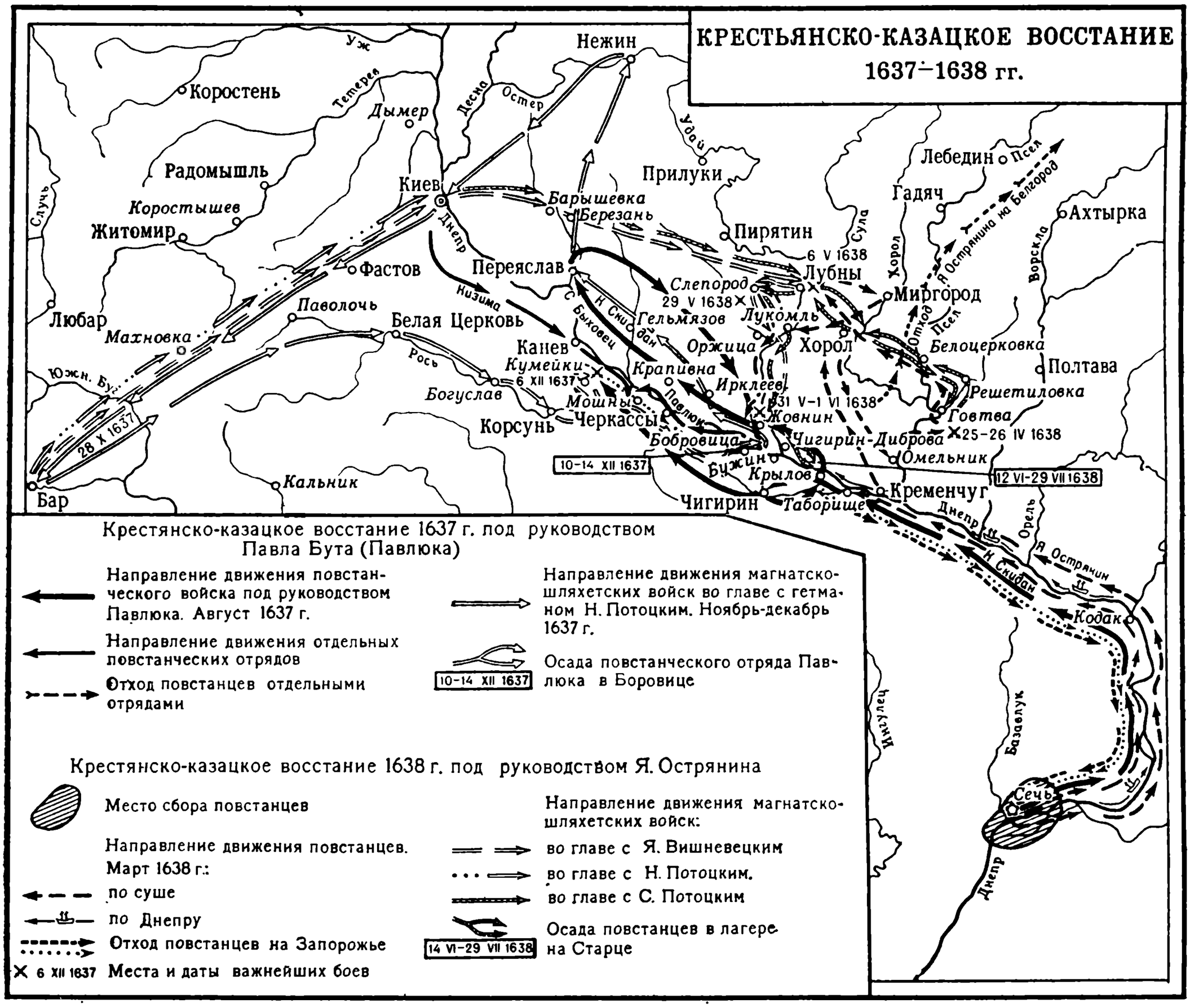
Запорожцы прекрасно понимали значение Кодака в планах польского правительства. Около середины августа 1635 г., т. е. сразу же по окончании строительства крепости, возле нее неожиданно появился отряд во главе с Иваном Сулимой и захватил ее.

Польские правительственные круги были очень встревожены, считая, что выступление Сулимы могло стать сигналом к восстанию, которое охватило бы, вероятно, всю Украину. К тому же коронное войско с Конецпольским с весны 1635 г. находилось в Инфлянтах (Лифляндии) в связи с тем, что предвиделась война со Швецией. Адам Кисель (он временно замещал коронного гетмана) быстро составил план действий против Сулимы, намереваясь задушить восстание в самом зародыше. Согласно этому плану, предполагалось захватить Кодак с помощью обмана. Киселю удалось, воспользовавшись доверчивостью повстанцев, заслать в крепость своих людей. Кроме того, он двинул к Кодаку отряд реестровых казаков, завербованных при помощи подкупа и обещаний.

Во время тяжелой для запорожцев осады предатели организовали заговор, схватили Сулиму и пятерых его помощников и отправили в Варшаву для казни. Сулима был четвертован. В конце 1635 г. Кодак снова был занят правительственным гарнизоном.

Начало восстания 1637—1638 гг. Подавляя народное движение на Украине, магнаты в то же время стремились ликвидировать реестровое войско. На сейме, созванном в начале 1636 г., они открыто добивались роспуска реестра. «Разные польские паны, — писал бискуп Пясецкий, — став в киевских землях, главном средоточии казачества, владельцами огромных имений... желая увеличить свои доходы, старались уговорить се-

[1] Воссоединение Украины с Россией, т. 1, с. 107.



нат и короля уничтожить остатки казацких прав, которые, как им казалось, препятствовали осуществлению их намерений».

Но король и правительство не хотели, с одной стороны, лишиться самого дешевого, по существу дарового войска, каким был реестр, а с другой — боялись дальнейшего усиления магнатов. Их требование было отклонено. Тогда магнаты стали по-своему приводить к повиновению не только крестьян, но и реестровцев. Я. Данилович, например, сын русского воеводы и родственник Жолкевских, прибыв с большим отрядом жолнеров и шляхты (700 человек) в отданные ему Корсунское и Чигиринское старосства, начал жестоко карать всех, кто оказывал даже наименьшее сопротивление его своеволию. На протесты реестровцев он отвечал циничной насмешкой. Такие действия панства лишь ускорили начало нового восстания. Весною 1637 г. часть реестровцев во главе с Павлом Михновичем Бутом (Павлюком) ушла на Запорожье. Павлюк принадлежал к богатому казачеству, но принял участие в походе Сулимы на Кодак и вместе с ним был схвачен и отправлен в Варшаву. Лишь счастливый случай спас его от казни.

Обеспокоенные положением в реестре, комиссар его Адам Кисель и польный гетман Николай Потоцкий в конце апреля 1637 г. созвали казацкую раду на р. Росава и провели там «чистку реестра». В нем остались только те, за кого поручились старосты и подстаросты. Там же казакам было роздано жалованье, которого они

давно уже не получали. Кисель с облегчением писал, что наконец-то войско очищено и сведено в реестр. Но едва только Кисель и Потоцкий уехали с рады, как пришла весть: «очищенное» реестровое казачество стремится сбросить старшину и уйти на Запорожье, а население продает рабочий скот и покупает оружие.

Павлюк обратился с универсалом к украинскому народу, призывая его к восстанию. В первых числах августа 1637 г. повстанческое войско появилось «на волости». План Павлюка состоял в том, чтобы возможно скорее разгромить верных польскому правительству реестровцев и расширить восстание в Восточной Украине до прихода туда коронного войска. Оставшись в Крюкове, Павлюк «с разрешения и по приказу войска» отправил на Левобережье полковников Карпа Скидана и Семена Быховца с двумя или тремя тысячами человек. Скидан и Быховец должны были арестовать реестровых старшин, находившихся в это время в Переяславе, объединить вокруг себя местные повстанческие отряды и прибыть с ними в Чигирин.

Появление Скидана и Быховца на Левобережье содействовало усилению там народного движения. С помощью местного населения они вступили в Переяслав, схватили тогдашнего старшего реестра Кононовича, войскового писаря Онушкевича и многих других старшин и вернулись в Чигирин. По постановлению повстанческой рады арестованные были казнены. Среди тех старшин, кому удалось бежать, был заклятый враг восставших Ильяш Караимович. Явившись в Бар, он сообщил коронному гетману о происходящих на Поднепровье событиях и добавил, что следует ожидать еще худшего, так как восставшие собираются соединиться с донскими казаками и татарами и признать власть московского царя.

Конецпольский сразу же предупредил представителей власти и шляхты о новом народном восстании и приказал мстить семьям тех, кто присоединился к «бунту». «Карать их жен и детей и дома их уничтожать, ибо,— заявил он,— лучше, чтобы на тех местах росла крапива, нежели размножались изменники е. к. м. и Речи Посполитой». Были приняты меры для немедленного сбора войска. Но жолнеры собирались неохотно. Как пишет очевидец событий С. Окольский (доминиканец, служил капелланом в коронном войске, автор известного дневника кампании 1637—1638 гг.), «они взирали на новый поход не вполне благосклонным оком». Только 28 октября 1637 г., т. е. приблизительно через два-три месяца, коронное войско выступило из Бара. Вместе с надворными магнатскими командами и шляхетскими отрядами оно насчитывало около 6 тыс. человек. Начальствование над ними Конецпольский поручил Николаю Потоцкому. Войско двигалось на северо-восток четырьмя колоннами, чтобы сойтись у Белой Церкви, вблизи района восстания. Первым для сбора реестровых казаков отправился Караимович.

Тем временем восстание охватило довольно большую территорию Восточной Украины. Особенно успешно оно развивалось на Левобережье, значительная часть которого принадлежала Вишневецкому. Шляхта бежала на запад. Встретив толпы ее на сельских дорогах, патер Окольский насмешливо заметил: беглецы руководствовались тем святым правилом, что лучше лыковая жизнь, чем шелковая смерть. Подчеркивая размах восстания, Н. Потоцкий в ноябре писал: «На Заднепровье все до последнего оказачились. Княжеские (Вишневецкого) города — Ромны и все другие дают огромные толпы своевольников; и мой Нежин присоединился к ним». Несколько позднее Потоцкий снова писал: «Гультяйство

сильно укрепляется на Левобережье; действительно, тут что ни холоп, то и казак».

В конце ноября Потоцкий с войском подошел к Белой Церкви, где его встретила жалкая кучка реестровцев (200 человек) с полковником Клишей. Между верхушкой реестра и «своевольниками» борьба шла повсеместно. Сложившееся положение корсунская старшина в письме Потоцкому охарактеризовала так: «Только бездельники... стремятся к своеволию, мы же, реестровые, помним свою присягу». Старшина просила Потоцкого ускорить военные действия против повстанцев.

Потоцкий и сам спешил не допустить соединения чигиринских повстанцев с левобережными (тут, согласно реляциям севских воевод, их было 8 тыс. человек), чтобы разбить их по частям. «Это правило,— замечает Окольский, близкий к штабу польного гетмана и хорошо осведомленный в военном деле,— особенно важно в борьбе с казацкими восстаниями, которые быстро развиваются и охватывают всю Украину и Заднепрянщину, ибо на войне вообще, а в особенности в войне с казаками, необходимо искусство и быстрота».

Однако выступить на Чигирин Потоцкий не смог. Жолнеры не хотели идти дальше и требовали уплаты жалования. Напрасно офицеры уговаривали их больше думать о бессмертной славе, нежели о бренном злате. Тщетно со слезами уговаривал их и Потоцкий. Преодолеть страх жолнеров перед повстанцами и заставить их выступить в поход удалось лишь тогда, когда к Потоцкому прибыло подкрепление — Лука Жолкевский и другие паны со своими командами, а также коронная артиллерия.

Но в то время как Потоцкий ожидал подкрепления, Скидан с войском выступил из Чигирина на северо-запад — на Мошны (на р. Ольшанка). Сюда должны были подойти повстанцы из Левобережья и запорожцы, а также отряды каневских, стеблиевских и корсунских повстанцев — крестьян и реестровых казаков. Выступив навстречу Потоцкому, Скидан, таким образом, взял инициативу в свои руки.

Потоцкий, получив сведения от лазутчиков о движении повстанческих сил, двинул свои войска на Мошны двумя колоннами. Одну, небольшую, под командованием Лаща он послал прямо на Мошны, а сам с другой, большей, направился на север, в обход Мошен, к Кумейкам. Лащ попытался было атаковать повстанцев до подхода Потоцкого, но получил отпор. Узнав, что на соединение со Скиданом идет Павлюк с артиллерией, он поспешил присоединиться к Потоцкому.

5 декабря Павлюк соединился со Скиданом, приведя с собой отряд запорожцев с 8 пушками. Теперь повстанческое войско насчитывало около 10 тыс. человек. На соединение с ним из Левобережья должен был прийти Яцко Острянин с 8 тыс. человек, а из-под Киева — атаман Кизима. Но они задержались. Русские пограничные воеводы, очень внимательно следившие за событиями на Украине, объяснили это тем, что Днепр только начинал замерзать и переправа была небезопасна. Но, кроме того, следует иметь в виду, что повстанцы-крестьяне всегда стремились держаться вблизи своих мест.

Основную массу повстанческого войска составляли крестьяне и мещане. Реестровцев вместе с запорожцами насчитывалось не более 4 тыс. Подавляющее большинство восставших было очень плохо вооружено. Окольский писал: «Не все имеют ружья, иные вооружены рогатинами, косами, секирами». Не хватало и продовольствия. На Поднепровье в течение нескольких лет была засуха, выгорели не только хлеба, но и травы. Однако в повстанческом лагере царил подъем.

Бой под Кумейками. На рассвете 6 декабря 1637 г. повстанческое войско выступило на Кумейки. Павлюк и Скидан решили первыми начать бой. Под Кумейками Потоцкий занял выгодные позиции. Польский лагерь, расположенный на возвышенности, прикрывался с одной стороны болотом и речкой, а с трех других — возами, поставленными в десять рядов. За возами стояли пешие полки и артиллерия, а за ними — конница. Войско Потоцкого насчитывало 15 тыс. человек.

Приблизившись к вражескому лагерю, повстанческое войско с ходу двинулось на ту его часть, которая прилегала к болоту. Окольский писал, что «наступление крестьян представляло весьма внушительное зрелище: они шли табором, построенным в шесть рядов, с четырьмя орудиями на челе, двумя по бокам и двумя при конях, а в середине между возами шло войско... правильно разделенное на полки и сотни». Над ним развевались знамена. Повстанцев, замечает Окольский, «нельзя было упрекнуть в отсутствии сообразительности и искусства». У самого польского лагеря путь им преградило болото. Со стороны горящих Кумеек дул сильный ветер, неся в глаза густой дым и горячий пепел. Прикрываясь огнем из пушек и самопалов, повстанцы начали отходить.

Потоцкий бросил на них конницу. Остановившись на ровном месте и наскоро окружив себя возами, повстанцы трижды отбили яростные атаки польской конницы, поддержанные пехотой и артиллерией. «Хлопство проявляло такое ожесточение и упорство,— писал Потоцкий,— что все как один отказывались от мира. Те, у которых не было оружия, били жолнеров оглоблями и дышлами». Только во время четвертой атаки, уже ночью, части польского войска во главе с Петром Потоцким, сыном польского гетмана, удалось ворваться в лагерь повстанцев. Но последние быстро закрыли прорыв, и П. Потоцкий со своим отрядом оказался в окружении. Николай Потоцкий, стремясь освободить попавших в окружение, бросал один полк за другим на повстанческий лагерь. Сражение становилось все более ожесточенным. Жолнеры П. Потоцкого подожгли в повстанческом лагере возы с сеном, взорвали бочки с порохом. Но и после этого повстанцы продолжали упорно сражаться. Однако потери их были очень тяжелы. Остро ощущалась нехватка пороха. Перевес был на стороне противника. Повстанцы, чтобы избежать полного поражения, решили отступать. Еще вечером Павлюк с отрядом оставил лагерь и пошел на Чигирин. С ним выступил и Скидан. Командование повстанческими силами принял Дмитрий Гуня. Под его руководством сражение продолжалось до поздней ночи. На рассвете и Гуня с основными силами стал отступать на Мошны. Таким образом, под Кумейками повстанцы потерпели поражение.

Некоторые военачальники советовали польному гетману преследовать повстанцев. Однако Н. Потоцкий в связи с большими потерями не решился на это. Лишь утром он выступил на Мошны, уже оставленные Гуней. 9 декабря польный гетман подошел к Черкассам, где получил известие, что полк Лаща окружил в местечке Боровице отряд Павлюка. На следующий день, 10 декабря, Потоцкий уже был под Боровицей. Местечко горело. Однако повстанцы защищались с такой отвагой, что польный гетман вынужден был вступить в переговоры. В польский лагерь прибыл Павлюк, Томиленко и еще трое старшин. Н. Потоцкий и А. Кисель обещали всем осажденным свободу, если они прекратят сопротивление. Старшина согласилась на капитуляцию. Но едва повстанцы вышли из местечка, как их окружило коронное войско. Павлюк и несколько старшин были схва-

чены и в оковах отправлены в Варшаву.

14 декабря повстанцам объявили условия Н. Потоцкого: реестровые казаки обязаны были отныне «оставаться в спокойствии и порядке» и по первому же требованию коронных гетманов выступить в поход, изгнать из Запорожья «чернь» и ликвидировать саму Сечь. Таким образом, условиями капитуляции польские власти в лице Н. Потоцкого и А. Киселя демонстративно подчеркивали, что признают только реестровцев, а «самовольных» казаков, т. е. основную массу повстанцев, полностью игнорируют. Тут же Потоцкий назначил новую реестровую старшину: старшим реестра — Ильяша Караимовича, войсковым писарем — Богдана Хмельницкого (участника этого и предыдущего восстания), судьями — Богдана и Кушу, есаулами — Федора Лютая и Левка Бубновского, а также шесть полковников. Новая старшина, за исключением Ильяша Караимовича и немногих других, состояла из тех, кто так или иначе принимал участие в восстании. Этими назначениями Потоцкий пытался побудить других повстанцев сложить оружие.

После подавления восстания Потоцкий начал расправу с населением Восточной Украины. Разделив коронное войско на несколько частей, он направил их в разные местности, а сам двинулся на Левобережье, где находились его владения. По дороге польный гетман сеял страх и смерть, «а по его примеру,— замечает Окольский,— и сами паны наказывали своих непокорных подданных то смертью, то лишением имущества». Вступив в Нежин, центр своего староства, Потоцкий приказал на всех дорогах, которые вели в город, расставить виселицы и колья с казненными. «Теперь удобная минута,— злорадствовал он,— чтобы лепить из них, как из воска, все, что угодно, дабы это зло не гнездилось больше в лоне Речи Посполитой». Украинское население, спасаясь от панской мести, массами бежало в Россию. Потоцкий настаивал на выдаче беглецов, но русские власти категорически отклоняли эти требования.

Пытки, казни и другие зверства не могли сломить волю народа к борьбе. Крестьяне и мещане продолжали бежать на Запорожье. Туда же отступали разбитые повстанческие отряды. В Запорожской Сечи собирались силы для новых выступлений. Уже в феврале 1638 г. на Запорожье под началом Скидана собралось 5—6 тыс. человек.

Конецпольский, надеясь подавить восстание в самом начале, решил послать за пороги реестровое войско, а чтобы оно снова не соединилось с повстанцами, провел новую «чистку» его.

Кисель и Караимович созвали в Трахтемирове реестровую раду и начали пересмотр реестра, сократив его фактически до 5 тыс. человек, причем казаков принуждали присягать каждого в отдельности, а не всем войском, как было раньше. Наконец реестровцам был отдан приказ выступить под началом Караимовича в поход на Запорожье.

Еще до этого ранней весной за пороги был послан отряд жолнеров численностью 500 человек во главе с ротмистром Мелецким. Задача его заключалась в том, чтобы путем обмана отвлечь запорожцев от участия в восстании, выманить их из Сечи обещанием вписать всех без исключения в реестр. Для этого Мелецкий, чтобы не вызвать сомнений в правдивости своих намерений, должен был составить фиктивный реестр. В том же случае, если казаки не поверят ему, разгромить Сечь с помощью отряда Караимовича.

Мелецкий прибыл на Запорожье, однако все его предложения были с негодованием отвергнуты, а попытка применить оружие кончилась для отряда жолнеров полным разгромом.

Сам Мелецкий едва спасся. Провал своей миссии он объяснял, в числе других причин, нежеланием реестровцев выступить против сечевиков, более того, переходом части их на сторону запорожцев. Докладывая коронному гетману о случившемся, Мелецкий с сокрушением писал: «Легче волком пахать, чем казаками против их же народа воевать».

Второй этап восстания. Узнав о результатах экспедиции на Запорожье, Конецпольский приказал немедленно поставить в Кременчуге и в Чигирине сильные гарнизоны, а часть коронного войска под началом Станислава Потоцкого — брата польного гетмана — выдвинуть еще дальше на юг, ближе к Запорожью. Однако запорожцы опередили коронного гетмана, выступив «на волость» в марте 1638 г. Начался второй этап восстания.

Еще в начале 1638 г. повстанцами в Сечи был избран новый гетман — Яцко Острянин, который в минувшем году возглавлял восстание на Левобережье. Одновременно из Сечи на Дон были отправлены посланцы с просьбой о помощи. В марте, накануне похода, Острянин обратился с универсалом к украинскому народу, объявляя, что он идет и «з войском на Украину для выдвигненья (освобождения.— *Ред.)* вас, народа нашего православного, от ярма порабощения и мучительства тиранского ляховского и для отмщения починеных обид, разорений и мучительских ругательств... всему поспольству рода Русского в Малой России, по обоим сторонам Днепра мешкаючого». Универсал Острянина рисовал потрясающую по своей обличительной силе картину издевательств панов над украинским народом. В нем говорилось, что войско запорожское, чутко прислушивающееся к страданиям народным, не в силах уже видеть «отцов и матерей своих всегда ругаемых и безчестимых, также братов, сестер и жен тиранско забиваемых, роскривавляемых и мордуемых, по ломках ледовых в тряскучие морози понуряемых и обливаемых, в плуг аки волов (чого под слонцем неслихано) запрягаемих... бичуемих и погоняемих... аби добре тягли... на едно посмевиско и ругание» [1]. Острянин призывал население присоединяться к повстанцам, как только они появятся на территории Речи Посполитой, а пока что тайно готовиться к войне и особенно остерегаться «отродков и отщепенцев наших», из-за личного благополучия предающих интересы народа (имеются в виду предатели из числа реестровой старшины).

Универсал распространялся по всей Украине. Его развозили и разносили старцы-бандуристы, подростки и, по словам Окольского, даже монахи. Призывы к восстанию находили горячий отклик в среде угнетенных масс. По свидетельству того же Окольского, украинский люд готовился к борьбе: одни шли на Запорожье, другие отправляли туда продовольствие, деньги, порох и пр.

Ранней весной повстанцы развернули боевые действия. Они разделились на три отряда. Первый во главе с Остряниным, двигаясь левым берегом Днепра, занял Кременчуг и повернул на Хорол и Омельник. Запорожская флотилия под началом Гуни поднялась по Днепру и заняла перевозы в Кременчуге, Максимовке, Бужине и Чигирин-Дубраве. Скидан с остальными силами двигался правым берегом Днепра и занял Чигирин. Задача, стоявшая перед повстанцами, заключалась, очевидно, в уничтожении коронного войска под командой С. Потоцкого на Левобережье. Разрешить ее должен был Острянин с основными силами. Задача, возложенная на Гуню, состоя-

[1] Летопись событий Юго-Западной России в XVII в. Киев, 1864, т. 3, с. 140.

ла в том, чтобы лишить С. Потоцкого возможности отступить на правый берег Днепра. Скидан должен был задерживать и разбивать те войска, которые могли идти на помощь С. Потоцкому.

Несмотря на всю осторожность, с которой двигался Острянин, С. Потоцкий получил необходимые сведения о его маршруте и поспешил навстречу. За ним шел Караимович с реестровцами. По свидетельству Окольского, силы Острянина были еще малы. Оказавшись перед превосходящими силами врага, он решил обороняться, заняв ближайший удобный для этого пункт — Голтву, где и стал ждать подкреплений. Голтва находилась на левом берегу одноименной реки, впадающей в Псел, в полукружии, образованном этими двумя реками. Город, обнесенный частоколом, имел замок, от которого до правого берега, где были болота и леса, тянулся узкий длинный мост. Повстанцы укрепили Голтву, насыпав вал, перегородивший открытую сторону полукружия, а находившийся перед валом курган превратили в редут, где поставили пушки.

В конце апреля С. Потоцкий уже занял позиции под Голтвой. Свой лагерь он также обнес валом, протянутым от одной реки к другой. 25 апреля Потоцкий отправил на правый берег Псла два полка иностранной пехоты и несколько тысяч реестровцев под началом Караимовича с заданием овладеть замком с противоположной стороны — от моста. Острянин разгадал этот план и послал в тыл Караимовичу отряд повстанцев. Караимович, перейдя реку, пытался по мосту подступить к замковым воротам, но был встречен сильным огнем. Потеряв много убитыми и ранеными (был ранен и сам Караимович), он хотел вернуться к переправе, чтобы перейти на левый берег. Однако повстанцы преградили ему путь к отступлению, сделав завалы из деревьев и открыв оттуда уничтожающий огонь. Враги должны были искать спасения в болоте, где и были полностью истреблены. По свидетельству русского современника, «тех де немец и листровых казаков запорозские черкасы побили всех наголову, только ушло немец в ляцской табур 18 человек» [1].

Штурм повстанческого лагеря, предпринятый на следующий день Потоцким, был также отбит с большими потерями для атаковавших. Более того, с тыла польскому войску нанесла удар повстанческая пехота, заблаговременно посланная в обход. Она отбросила и конницу Потоцкого, когда та попыталась преградить ей дорогу.

Потерпев поражение, С. Потоцкий 1 мая отвел свое войско к Лубнам — удобному для обороны пункту — и послал в Бар к коронному гетману послов с просьбой о помощи. Он ожидал также прихода своего брата Н. Потоцкого и Иеремии Вишневецкого. Тем временем Острянин продвигался вслед за Потоцким, намереваясь разбить противника до подхода к нему подкреплений. Повстанцы тоже надеялись на приход к ним свежих сил. И действительно, их войско вскоре увеличилось до 12 тыс. человек.

6 мая под Лубнами между повстанцами и польским войском С. Потоцкого, насчитывавшим около 6 тыс. человек, началось жестокое сражение. «Поле,— пишет Окольский,— уже обильно оросилось кровью, время перешло далеко за полдень, уже миновала вечерня, а битва все еще продолжается, оставаясь нерешенною». К вечеру повстанцы сильным ударом обратили врага в бегство. Войско Потоцкого бросилось на мост, ведущий в город, но он обрушился и похоро-

[1] Воссоединение Украины с Россией, т. 1, с. 220.

нил в реке немало жолнеров и реестровцев.

Битва под Лубнами ослабила обе стороны, не дав никому преимущества. Все же Потоцкий оказался в лучшем положении: он находился в Лубнах, а Острянин — в поле. Вот почему последний той же ночью стал отходить на северо-восток, а потом повернул к Миргороду. Перед тем как штурмовать Лубны, он стремился подкрепить свои ослабленные силы и пополнить запас продовольствия и пороха, значительное количество которого имелось в Миргороде. Но по прибытии в город Острянин узнал, что на помощь С. Потоцкому уже идут Н. Потоцкий и И. Вишневецкий. Тогда он покинул Миргород и, обойдя Лубны с юга, двинулся через Лукомль на Слепород. На дорогу, которая вела из Пирятина в Лубны, повстанческий гетман отправил полк атамана Сокирявого (1500 человек) с заданием ударить на Лубны в момент, когда к городу будут подступать основные силы повстанцев.

Но этому плану не суждено было осуществиться. 29 мая в Лубны прибыл И. Вишневецкий приблизительно с 2 тыс. пехотинцев и 12 пушками. Когда Острянин с повстанцами приблизился к Слепороду, на него всеми силами ударили С. Потоцкий и И. Вишневецкий. Сражение продолжалось целый день. Ночью Острянин отвел повстанческое войско к Лукомлю, а оттуда вдоль Сулы двинулся к Жовнину.

Позиции, занятые Острянином под Жовнином, вблизи впадения Сулы в Днепр, были невыгодны. 31 мая, дождавшись подхода других частей, С. Потоцкий превосходящими силами начал штурм повстанческого лагеря. Противнику удалось в нескольких местах прорвать оборону, захватить 8 пушек и много пороха. Считая дальнейшее сопротивление нецелесообразным, Острянин с небольшой частью войска переправился через Сулу, а затем перешел русскую границу. По дороге к нему присоединялись другие повстанцы с семьями, так что в Белгород прибыло более тысячи казаков.

После ухода Острянина оставшиеся повстанцы избрали гетманом Д. Гуню, и на следующий день сражение возобновилось с удвоенной силой. Обе стороны понесли большие потери.

Героическая оборона повстанцев у Старца. 10 июня повстанцы узнали, что в Переяслав с большим войском, в значительной части конным, прибыл Н. Потоцкий. Через несколько дней он мог появиться под Жовнином. Гуня решил занять более выгодные позиции и той же ночью (11 июня), перейдя с войском Сулу, направился к устью Старца (точное местоположение этого Старца, а их много на Днепре, неизвестно; вероятно, он находился в 15—20 км на юг от р. Сулы, вблизи Градижска). Здесь 12 июня его настигла конница Н. Потоцкого. Повстанцам пришлось укреплять лагерь уже под огнем противника. Ночью к Старцу подошли основные силы С. Потоцкого и И. Вишневецкого.

Началась длительная осада повстанческого лагеря. К польному гетману все время прибывали подкрепления. Злорадствуя, Окольский писал: «Мятежные крестьяне ежедневно наблюдали из окопа прибытие новых полков, между тем как сами они не получали никакого подкрепления». Зная стойкость повстанцев, Н. Потоцкий решил истощить их физические и моральные силы. Он разослал в разные места карательные отряды под начальством Лаща и ему подобных. Каратели, как цинично пишет Окольский, «очищали дороги от мятежных скопищ, водворяя в полях порядок, как бы в благоустроенном городе». Тщетно Гуня требовал от панов прекратить истребление

мирного населения. «Уж пусть бы,— писал он Потоцкому,— вы вели войну с нами, с войском Запорожским... лишь бы оставили в покое бедных и невинных и угнетенных людей, которых голоса и безвинно пролитая кровь взывают к богу об отмщении».

Повстанцы оказывали упорное сопротивление. 25 июня войско повел в атаку сам Гуня. Ядром был убит казак, несший бунчук над повстанческим гетманом. Гуня подхватил бунчук и бросился вперед. И хотя ни тогда, ни позднее повстанцам не удалось прорвать вражеское кольцо, паны все же не смогли сломить их сопротивление. 1 июля Потоцкий отправил к Гуне своих представителей с копиями сеймовых постановлений (сейм состоялся в марте—апреле 1638 г.), предусматривавших сохранение реестра в прежнем размере. Этим польный гетман рассчитывал вызвать раздор в повстанческом войске, отколов реестровцев от основной массы повстанцев. Но войско единодушно отвергло сеймовые постановления. Характеризуя настроение повстанцев, Окольский отметил, что они «выше всего ставили крестьянские претензии».

В конце июля Н. Потоцкий предпринял генеральный штурм повстанческого лагеря. У осажденных уже кончались запасы продовольствия и пороха. Попытка казацкого полковника Филоненко с двухтысячным отрядом прорваться к осажденным и доставить им продовольствие в целом не имела успеха: пробилось всего несколько сот человек лишь с двухдневным запасом продовольствия.

Кольцо осады еще больше сжалось. Осажденные теряли последнюю надежду на помощь. Этим и воспользовалась часть реестровых старшин, примкнувших к восстанию. Как это бывало и раньше в подобных случаях, сторонники соглашения с панами начали уговаривать повстанцев принять предложения Потоцкого и отправили к нему депутацию из трех старшин — Романа Пешты, Ивана Боярина и Василия Сакуна. Те же, кто не пошел на соглашение, во главе с Гуней и Филоненко той же ночью покинули лагерь у Старца и ушли на Запорожье.

Соглашение было заключено 29 июля 1638 г. Н. Потоцкий, по словам бискупа Пясецкого, лично заверял повстанцев (имелись в виду реестровые казаки, участвовавшие в восстании), что на ближайшем сейме им возвратят утраченные вольности. Как и всегда в таких случаях, повстанцев обещали не преследовать за участие в восстании. Но когда они начали небольшими группами расходиться по домам, их стали беспощадно уничтожать.

Усиление польско-шляхетского гнета. 30 августа 1638 г. Н. Потоцкий созвал в Киеве «общую раду» реестровых казаков, в которой, однако, кроме старшин, имели право принять участие лишь по нескольку рядовых казаков от каждого из шести полков. На раде была оглашена так называемая Ординация Войска Запорожского реестрового, принятая на весеннем сейме 1638 г. Она отменяла «на вечные времена все льготы, доходы, право на самосуд (казацкий суд.— *Ред.)* и на выбор старшин». Вместо гетмана реестра (или старшего) назначался комиссар, избранный сеймом по рекомендациям коронных гетманов и обязательно из шляхты. Комиссару, резиденцией которого должен был стать Трахтемиров, предоставлялась военная и судебная власть в реестре и поручалось решительно подавлять любое «своевольство казацкое». Реестр должен был состоять из шести полков по тысяче казаков в каждом. Войсковые есаулы и полковники также назначались польским правительством «из шляхтичей опытных в военном деле и известных непоколебимою верностью».

Реестровцы имели право селиться только в Черкасском, Каневском и Корсунском старостваx, а также в пограничных городах.

Все остальные пункты Ординации были направлены против Запорожской Сечи. Реестровый гарнизон за порогами должен был разгонять «своевольные скопища на островах и речках». Не только население, но и реестровцы не имели права под страхом смертной казни появляться за порогами без специального письменного разрешения.

Таким образом, Ординация 1638 г. лишала реестровцев всех полученных ранее прав, во всяком случае формально, и ставила их в полное подчинение назначенным сеймом и польским правительством начальникам.

24 ноября того же года в урочище Маслов Став состоялась «заключительная комиссия с козаками». В присутствии Н. Потоцкого и других панов было объявлено постановление, где говорилось, в частности, что казаки «покорно принимают заслуженное ярмо на свои шеи». Комиссаром реестра назначался шляхтич П. Комаровский, войсковыми есаулами — И. Караимович и Л. Бубновский. Полковых есаулов и сотников разрешалось избирать самим казакам. Среди избранных — два сотника — чигиринский Богдан Хмельницкий и переяславский Федор Лютай— будущие деятели освободительной войны 1648—1654 гг.

В подкрепление принятых постановлений, направленных против Запорожской Сечи, было решено немедленно отстроить крепость Кодак согласно правилам голландской фортификационной техники, расширить ее и втрое увеличить гарнизон.

После поражения восстания 1637—1638 гг. на Украине начался жесточайший террор. Паны истребляли «дух недовольства». Как сообщали белгородские воеводы, «их (казаков.— *Ред.)* крестьянскую веру разрушают и церкви божие разрушают, и их побивают и жен их и детей, забирая в хоромы, пожигают и пищальное зелье, насыпав им в пазуху, зажигают, и сосцы у жен их резали, и дворы их и всякое строение разоряли и пограбили» [1]. Среди шляхетских палачей, которые жестокостью и наглостью соревновались друг с другом, на пальму первенства претендовал уже известный нам коронный стражник Самуил Лащ, которому покровительствовал великий коронный гетман Конецпольский. С отрядами наемников он то и дело нападал на села и местечки. Эти проходимцы и бродяги из-за границы, драгуны на краденых кобылах, как выразился современник, известный польский публицист Старовольский, беспощадно грабили, мучили и убивали мирное население.

Усиливались притеснения реестровых казаков владельцами имений и старостами. Как пишет Самовидец, казаков заставляли отбывать барщину, чистить панских коней, исполнять разные работы в панских дворах. Тяжелым был и произвол старшин. Они присваивали плату, назначенную казакам от казны, принуждали их работать в своих хозяйствах, отбирали у казаков часть добычи от охоты, рыбной ловли и т. д. Из-за всего этого, пишет Самовидец, «до великого убозства козацтво прийшло» [2].

Польские власти бдительно следили за тем, чтобы «казацкими правами» ни в коем случае не пользовались даже сыновья казаков, не вписанные в шеститысячный реестр. «Хочай и сын козацкій,— замечает Самовидец,— тую же панщину мусіл роби-

[1] Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии, собр. и изд. Н. Второвым и К. Александровым-Дольником. 1851, кн. 1, с.. 101.

[2] Літопис Самовидця, с. 45—46.

ти и плату давати»[1]. Еще более страшную картину притеснений, которым подвергались реестровые казаки, нарисовал Богдан Хмельницкий в своем письме королю Владиславу IV летом 1648 г. Королевские старосты и владельцы «старинныя поля и выробленные нивы отчизны, гумна, мельницы и все козацкое, що есть в уподобаню, видирают, отбирают быдло; одесятствуют пчолы; конѣ послѣдніи, которыми в войску служили, отыймуют, а скаржитися (жаловаться.— *Ред.*) не годиться: прозьби за гордыню, жалобы и слезы за бунты имѣют. Полны козаков темницы. Иные явные терпят узы на тѣлѣ»[2].

В то же время усилился магнатский произвол. Феодальное своеволие, казалось, не знает пределов. Иеремия Вишневецкий, например, в 1643 г. захватил у городельского старосты А. Харлезского городища Гайворон с группой сел, присоединив их к своим огромным заднепровским владениям. В следующем году он отобрал у надворного маршала А. Казановского г. Ромны «с волостью», кроме того, в разное время занял над реками Оржицей и Хоролом «наймней 36 миль».

В борьбе за землю магнаты пренебрегали законами Речи Посполитой и добивались у короля подтвердительных грамот на захваченные владения. Под их давлением король давал и отменял, в зависимости от ситуации, такие грамоты, вконец запутывая взаимоотношения как между «корольками», так и между ними и собой.

От магнатского своеволия больше всего страдали народные массы. Но терпела от него и шляхта, в первую очередь мелкая. По словам современника, богатого украинского пана Ерлича, лащевцы, например, не только грабили шляхетские имения, но и подвергали насилию шляхетских жен и дочерей. За подобные деяния Лащ 236 раз был осужден на баннициюю (изгнание) и 37 раз на инфамию (лишение чести), но тем не менее до самой смерти Конецпольского он избегал наказания. Однажды, издеваясь над королевской юстицией, Лащ появился при дворе Владислава IV в одежде, обшитой осуждавшими его судебными приговорами.

Десятилетие 1638—1648 гг.— время магнатского террора — польские паны называли периодом «золотого покоя». Но это было затишье перед бурей. Несмотря на то что все предыдущие народные восстания жестоко подавлялись, надвигалась новая, еще более грозная социальная буря.

Значение народных восстаний. Одной из характерных черт народных восстаний было то, что восставшие крестьяне, мещане, запорожские и реестровые казаки искали поддержки и защиты у России, более того — стремились перейти под власть Русского государства. Тяготение народных масс к России обусловливалось глубокими причинами. Украинский народ, близкий русскому языком, бытом и культурой, был также связан с ним общностью происхождения и веры. Большое значение для укрепления дружеских связей между двумя народами имела первая в истории России крестьянская война начала XVII в., в которой плечом к плечу с русскими крестьянами, горожанами, казаками против помещиков, бояр и царских воевод выступали украинские крестьяне, мещане и казаки. Много русских крестьян и казаков принимало участие в освободительной борьбе украинского народа в XVI — первой половине XVII в. Украинские и русские казаки совместно боролись против турецкой и татарской агрессии. С XVI в., спасаясь от притеснений со стороны панов, украинское население переселялось в

[1] Літопис Самовидця. с. 26.

[2] Акты Западной России. Спб., 1853, т. 5, с. 84.

смежную с Украиной полосу Русской территории — Слобожанщину.

Массовый переход украинского населения на Слобожанщину начался в XVI в. Еще в 1546 г. путивльский воевода Троекуров писал в Москву: «Ныне, государь, казаков на поле много и черкасцев и киян, и твоих государевых людей» [1]. Поток переселенцев в Россию увеличился после поражения восстаний 20—30-х годов XVII в. Так, в челобитной старшины В. Иванкиева от 18 июля 1639 г. читаем: «Выехал я... из Запорог на твое государево имя на Путивль, а со мною выехало... черкас и всяких служилых людей 10 000» [2].

Тяготение народных масс к России поддерживалось политикой русского правительства и особенностями социально-политического строя Русского государства. Украинцы, переселявшиеся в Россию, получали всяческую поддержку. Русское правительство, заботясь о заселении юго-западной окраины государства и об охране границы от татарских нападений, поощряло переселенцев: наделяло землей, оказывало денежную помощь, освобождало от налогов, признавало за многими из них казацкие права. В Слободской Украине возникла казацкая организация, которая некоторыми чертами своего экономического и правового положения напоминала реестровое войско.

В отличие от Польши, где крепостное право окончательно оформилось уже во второй половине XVI в., в России крестьяне еще не были полностью закрепощены. Более того, там существовали целые области, прежде всего Дон и Яик, которые не знали в это время крепостничества (на Слобожанщине оно также было мало развито) и пользовались самоуправлением.

К России наряду с городскими низами тяготели и средние слои украинского мещанства. В борьбе против политики экономического и национально-религиозного гнета, которую проводило польское правительство, мещанство и его организации — братства встречали поддержку со стороны Русского государства. Укреплялись экономические связи, прежде всего торговые, украинских городов с Россией.

Жестокое гонение на православие ставило перед духовенством вопрос: либо принять унию и разорвать со своим народом, как это и сделала часть священников и монахов, либо бороться вместе с ним за сохранение православной веры. В последнем случае единственной опорой могла быть только Россия. В 1625 г., когда на Украине еще только назревало крестьянско-казацкое восстание, в Москву прибыл посланец киевского митрополита Иова Борецкого — луцкий епископ Исаакий Борискович. Он приехал, как видно из беседы с ним боярина Черкасского и дьяка Грамотина 14 января 1625 г., с представлением царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету о принятии Украины и запорожских казаков в покровительство.

Эта просьба, но в более выразительной форме, была повторена 9 августа 1630 г., во время восстания Тараса Федоровича. Новые посланцы Иова Борецкого, его сын Андрей и племянник Павел Князицкий, заявили: «Их (повстанцев.— *Ред.)* де мочи не будет против поляков стоять, и оне де хотят бить челом... государю царю... всеа Русии, чтобы... пожаловал их велел им быть в своем государеве повеленье» [1]. Следовательно, на сей раз митрополит ставил та-

[1] Цит. по кн.: *Слюсарский А. Г.* Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII—XVIII вв. Харьков, 1964, с. 29.

[2] Воссоединение Украины с Россией, т. 1, с. 279.

[1] Воссоединение Украины с Россией, т. 1, с. 87.

кой важный вопрос уже от имени всех повстанцев, от всех тех, кто боролся за освобождение Украины от польско-шляхетского ярма.

Поражение восстания 1637—1638 гг. и Ординация не ослабили, а укрепили стремление народных масс к освобождению и в то же время окончательно раскололи реестровую старшину и близкие к ней слои, в первую очередь мелкое украинское шляхетство, на две группировки. Одна все еще придерживалась соглашательской политики, другая считала, что национально-религиозный гнет и все связанные с ним притеснения и ограничения можно ликвидировать, лишь освободившись из-под власти панской Польши, а это возможно осуществить только при помощи России — государства, где сильная царская власть опиралась на среднее и мелкое дворянство, близкое по своей социальной природе к казацкой старшине и украинскому шляхетству. Наиболее последовательным и решительным представителем второй группировки был участник восстания 30-х годов чигиринский сотник Богдан Хмельницкий.

8. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Реформационные течения. В общественно-политической жизни большинства стран Западной и Центральной Европы в XVI в. огромную роль играла реформация. Это мощное антифеодальное движение, вызванное глубокими социальными противоречиями в обществе, зарождением в недрах феодального строя капиталистических отношений, сопровождалось появлением новых религиозных учений, противопоставлявших официальной феодализированной церкви идеалы раннехристианских общин. В реформации было много различных направлений, отражавших интересы, часто противоречивые, разных классов и социальных прослоек.

Представители радикальных течений, выражая интересы крестьян и городских низов, призывали к борьбе против основ феодального строя; более умеренные течения выражали устремления средних слоев и зажиточной верхушки городского населения и выступали против засилия феодалов, за подчинение церкви их интересам; наконец, наиболее правые течения отражали настроения части светских феодалов, также стремившихся подчинить церковь своему влиянию и обогатиться за счет ее земельных владений.

Реформационное движение на Украине развернулось в тот период, когда во всей Европе, в том числе и в Речи Посполитой, уже шло наступление католической контрреформации. Руководящая роль в реформационных течениях на Украине принадлежала представителям крупных и средних феодалов, которые стремились ограничить или даже упразднить политические и имущественные привилегии католического духовенства.

Реформация на Украине, как и повсюду, возникла на почве местных социально-экономических отношений. На ее идеологическом оформлении отразились и культурные связи Украины с Россией, Белоруссией, Польшей, странами Западной Европы. Сохранились известия о пребывании на Украине и в Белоруссии еще в XV в. чешских гуситов и русских еретиков. С представителями «новгородско-московской» ереси связываются некоторые переводы Библии и философских произведений с древнееврейского языка на славянский (с элементами народного), по-

явившиеся в Белоруссии и на Украине.

Порожденные реформацией догматические споры вызвали невиданный ранее интерес к публицистическим произведениям. В библиотеках львовских горожан в XVI—XVII вв. имелись книги не только лютеранских и кальвинистских авторов, но и представителей радикального течения антитринитариев. Представители различных течений использовали эти книги для распространения своих взглядов в народных массах.

В 70-х годах XVI в. на Волыни поселились деятели русского плебейско-крестьянского еретического движения Феодосий Косой и Игнатий. Они считали, что «не подобает повиноватися властем и попом», разоблачали церковь как защитницу интересов господствующих классов, отрицали церковные обряды и догмы. Их взгляды пользовались на Украине значительной популярностью.

Во второй половине XVI — начале XVII в. часть феодалов Украины стала принимать кальвинизм. Он распространялся главным образом через Венгрию, Южную Польшу, Великое княжество Литовское. Позиции кальвинистов окрепли, когда около 1553 г. к ним присоединился литовский канцлер Н. К. Радзивилл. К кальвинистам примкнули также представители многих семейств украинских и белорусских магнатов и шляхтичей— Воловичей, Огинских, Пузын, Сапег, Ходкевичей и др. В последней четверти XVI в. украинский феодал князь А. Пронский превратил в крупный центр кальвинизма г. Берестечко на Волыни. Брацлавский воевода Я. Потоцкий ввел кальвинистское вероучение в Панивцах (Подолия), Гвиздце (Галичина) и других своих имениях. Общины кальвинистов возникли и в других местностях, особенно в Перемышльской и Холмской землях Русского воеводства, Белзском и Подляшском воеводствах. Больше всего их появилось в Закарпатье. Кроме шляхтичей, в кальвинистские общины входили и горожане. Крестьяне, как правило, не воспринимали проповеди шляхтичей-кальвинистов, остававшихся для них такими же эксплуататорами, как и феодалы других вероисповеданий. Нередко паны, особенно в Закарпатье, принудительно переводили своих крепостных в «новую веру».

Реформация оказала определенное влияние и на тех, кто не оставил православной веры. Среди православных также распространялись осуществленные протестантами переводы библейских книг, опубликованные в г. Несвиже на белорусском языке, кальвинистский Катехизис Симона Будного, протестантские сборники проповедей. Идея перевода Библии на понятный народу язык, как и критического подхода к библейским текстам, нашла отзвук в среде просвещенной части православного духовенства. Протестантскими изданиями пользовались деятели культуры, переводившие на украинский язык «Пересопницкое евангелие» (1556—1661), «Креховский апостол» (60-е годы XVI в.). Ряд вопросов с кальвинистских позиций, не порывая с православием, освещал автор «Няговских поучений» — выдающегося памятника письменности Закарпатья второй половины XVI в.

В конце XVI — начале XVII в. большинство польских феодалов-кальвинистов вернулось в католичество, которое наиболее соответствовало их классовым интересам и было удобным орудием духовного порабощения украинского и белорусского народов. Упадок кальвинизма объясняется также наступлением контрреформации, усилением религиозных притеснений всех некатоликов.

Особенно тяжелым стало положение антитринитариев — наиболее радикального крыла реформационного движения, отрицавшего не только ос-

новной догмат христианства — тройственность бога, но и склонявшегося к отрицанию частной собственности и государства. Организационно антитринитарии отделились от кальвинистов в 60-х годах XVI в. и вскоре основали ряд своих общин на украинских землях. Антитринитарий Мотовило, в одном из своих произведений защищавший православную церковь от тенденциозных нападок католической публицистики, разделял взгляды о неминуемости тысячелетнего царства Христового, под которым еретики-хилиасты подразумевали общество без частной собственности и государственной власти.

Такой социальный радикализм первоначально был присущ значительной части антитринитариев (арианам), особенно выходцам из народа. Однако в начале XVII в. в движении антитринитариев взяли верх более умеренные социниане — последователи итальянского гуманиста и реформационного деятеля Фаусто Социни. Они, учитывая усиление религиозного гнета, декларировали временное примирение с феодальным государством, хотя и не отказывались от принципиального осуждения имущественного неравенства. Социниане с рационалистических позиций критиковали церковные догмы, выступали за свободу совести как предпосылку нравственного усовершенствования человека.

У деятелей левого крыла социниан проповедь нравственно-этических принципов не вела, как это было свойственно представителям правых течений реформации, к примирению с общественной несправедливостью. Популярен был в их среде и гуманистический взгляд на определение ценности человека не его верностью религиозным догмам, а тем, насколько он в жизни руководствуется нормами этики. Некоторые из антитринитариев симпатизировали эпикурейским доктринам, граничившим с атеизмом. В этом обвиняли, например, бывшего антитринитария Дмитрия Гулевича (впоследствии маршалка светской части Брестского православного собора).

Наибольшее распространение социнианство получило на Волыни и в западной части Киевщины в 20—30-х годах XVII в. Главными его центрами стали местечки Черняхов Житомирского, Киселин Владимирского, Гоща и Ляховцы Острожского поветов. После разгрома в 1638 г. Раковской социнианской академии (Польша) Киселин на некоторое время стал центром социниан всей Речи Посполитой. Наиболее влиятельными деятелями социнианского движения были представители украинских шляхетских родов Немиричей, Чапличей, Гойских, Сенют. Хотя инициаторами перехода в новую веру выступали преимущественно шляхтичи, активными участниками некоторых социнианских общин были горожане, изредка в них входили и крестьяне.

В 30—40-х годах XVII в. в Речи Посполитой усилились репрессии против социниан. Их молитвенные дома закрывали, наиболее активных деятелей осуждали на изгнание. В 1639 г. в г. Бельске (Подляшье) был казнен горожанин Иван Тышкевич, отказавшийся присягнуть во имя Троицы и отрицавший учение о тройственности бога. Все же, несмотря на преследования, отдельные социнианские общины продолжали существовать на Украине вплоть до 1658 г., когда по решению сейма социнианство было запрещено, а его сторонникам оставалось либо принять другую веру, либо эмигрировать.

Острая критика кальвинистами и антитринитариями учения и практики католицизма, привлечение ими светских людей к управлению церковными делами, переводы Библии на более понятный народу язык — все это способствовало активизации общественно-политической жизни. В

то же время протестанты недостаточно учитывали местные культурные традиции, нередко механически переносили на Украину идеологию, возникшую в иных социальных условиях. Неудивительно, что для большинства украинского населения их вероучение осталось чуждым.

Вместе с тем некоторое распространение реформации на Украине обусловливалось тем, что в ней отразились не только процессы, общие для значительной части Европы, но и факторы, связанные с особенностями общественно-политической жизни Украины. В большей мере реформационные тенденции отразились на самой православной церкви и прежде всего на деятельности братств.

Деятельность братств. Братства стали возникать в городах Украины начиная со второй половины 80-х годов XVI в. Их появление было вызвано необходимостью более тесного сплочения горожан-украинцев в условиях активизации антифеодальной и национально-освободительной борьбы. В ряде городов братства были образованы на базе существовавших ранее объединений горожан — опекунов церковного имущества, устраивавших в дни храмовых праздников «братчины» («братские пиры»). Поскольку упоминание о братчинах имеются уже в письменных памятниках периода Киевской Руси, некоторые историки относят к этому времени и возникновение братств. Однако лишь во второй половине XVI в. возникают братства с четкими организационными формами, закрепленными в уставах. Как и во многих цехах и религиозных братствах, существовавших в ряде европейских стран, уставы украинских братств предусматривали торжественную присягу принимаемых в братство, выборность старейшин и их отчетность, регулярное проведение собраний. В отличие от католических братств, являвшихся послушным орудием в руках духовенства, большинство украинских православных братств, хотя и были образованы по церковным приходам, являлись светскими объединениями, причем деятельность их нередко имела антиклерикальную направленность.

К концу 1585 г. украинское население центральной части Львова разработало устав своей организации — Успенского братства. Вскоре оно получило право ставропигии и перестало подчиняться местной церковной иерархии. Понимая значение культуры как мощного оружия в общественно-политической жизни, братство с самого начала считало одной из основных своих задач подъем образовательного уровня украинского населения.

Первыми руководителями Львовского братства, выдающимися организаторами всего братского движения были горожане Юрий и Иван Рогатинцы, Иван и Дмитрий Красовские, Лесько Малецкий, Лука Губа, Хома Бабич. Большинство их — представители гуманистической культуры, люди, преданные общенародным интересам. Наиболее авторитетный среди них Юрий Рогатинец был не только известным во всей Речи Посполитой и за рубежом ремесленником-седельщиком, но и «патриархом» и «доктором» для большинства украинских горожан, активным общественным деятелем, пламенным публицистом. Его помощник и единомышленник торговец Иван Красовский занимался устройством братской типографии, писал воззвания и вирши, возглавлял выступления против засилия католического патрициата. Из городской среды вышли и выдающиеся культурно-просветительные деятели, сотрудничавшие с братствами. Так, львовянином был основатель Киево-Печерской типографии Елисей Плетенецкий, из городка Потелича — центра гончарного промысла — про-

исходили известные литературно-научные деятели Стефан Куколь (Зизаний), его брат Лаврентий и Касиан Сакович.

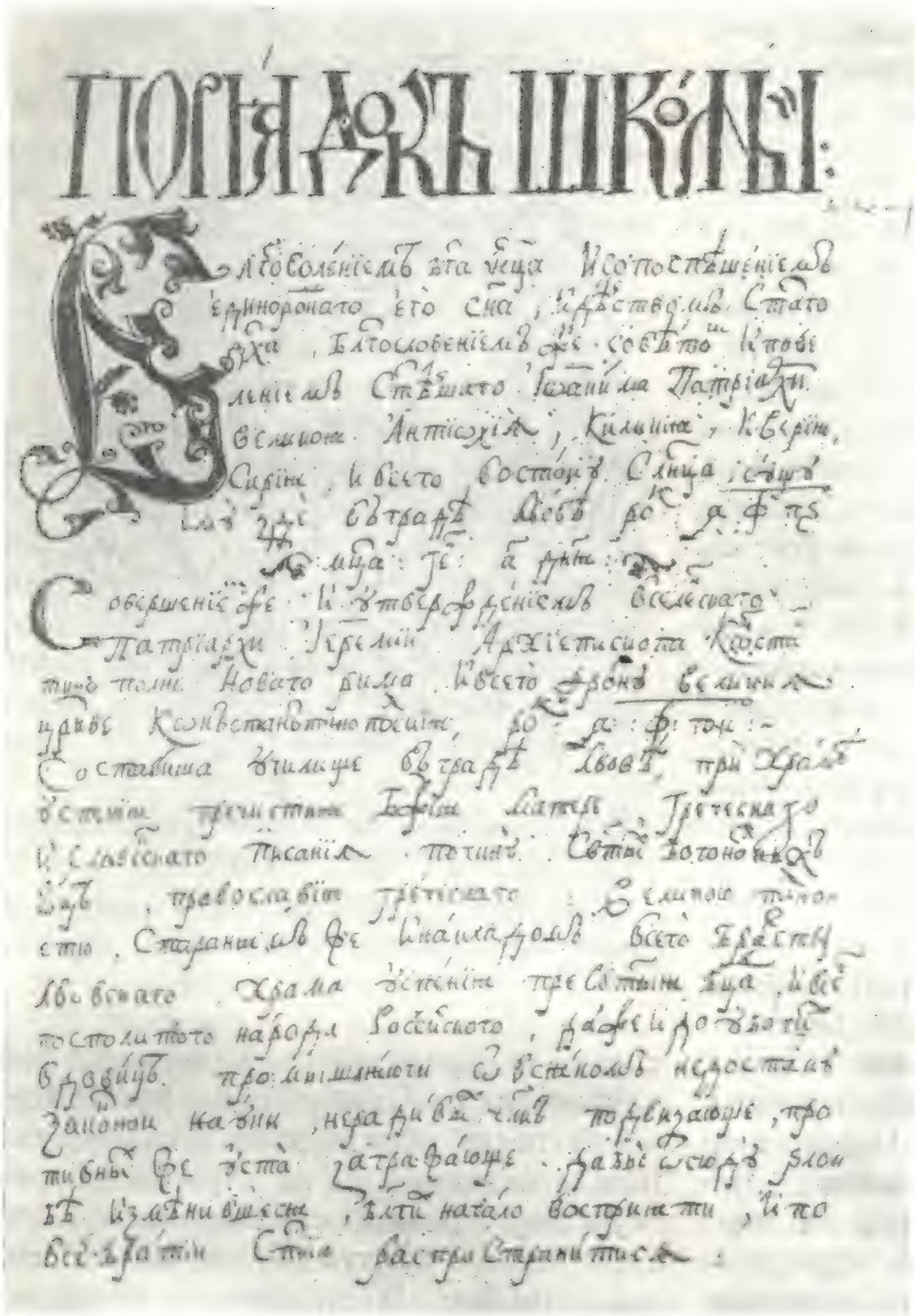
Авторитет Львовского Ставропигийского братства признали не только братства, действовавшие в предместьях Львова, но и аналогичные организации, возникавшие в других городах. В конце XVI — начале XVII в. братства были организованы в большинстве городов Галичины, Холмщины, Подляшья. Так, в 1589 г. организационно оформились братства в Рогатине и Красноставе, в 1591 г.— в Городке и Берестье, в 1592 г.— в Комарно. В 1594 г. братство возникло в Люблине, где существовала небольшая община украинцев. В начале XVII в. отличались активной деятельностью братства в Галиче, Дрогобыче, Перемышле, Холме, Замостье, Бережанах. В некоторых городах было по нескольку братств, возникли они и в отдельных селах. Около 1615 г. начало действовать Богоявленское братство в Киеве, около 1617 г.— Чеснокрестное (Воздвиженское) братство в Луцке. Появились братства и в некоторых городах Левобережной Украины, но там их деятельность коснулась лишь обрядно-бытовой сферы. Те функции, которые на Правобережье в значительной мере перешли к братствам (контроль над духовенством, содержание школ и «шпиталей» — богаделен), на Левобережье остались в ведении «громад» — общин горожан и крестьян.

Социальный состав разных братств был различным и с течением времени не оставался неизменным. Львовское Успенское братство возникло по инициативе средних слоев городского населения — цеховых ремесленников, торговцев. Лишь в 20—30-х годах XVII в. руководящие позиции в нем захватили украинские и греческие купцы, по своему богатству не уступавшие католическому патрициату. Но и в этот период основные за-

Печать Львовского братства с изображением колокольни Успенской церкви. XVII в.

слуги в культурно-просветительной деятельности Ставропигии принадлежали не ее официальным старейшинам, а состоявшим на службе в братских учреждениях среднезажиточным и бедным учителям, художникам, книгописцам. В отличие от нескольких крупнейших братств, существовавшие в малых городах и в предместьях больших городов братства были более демократичны по своему составу. Нередко членами их считались все взрослые мужчины православного вероисповедания, проживавшие в приходе.

Большинство братств не допускало в свои ряды духовных лиц. Исключение составляли Киевское и Луцкое братства, в которых самыми влиятельными членами являлись православные монахи и шляхтичи. В частности, Киевское братство смогло начать активную деятельность благодаря пожертвованию шляхтянкой Гальшкой Гулевичевной своего дво-



Страница устава школы Львовского братства. 1586 г.

ра на Подоле для устройства монастыря, школы и «странноприимницы» для паломников. Среди основателей Киевского братства были ученые монахи Захария Копыстенский, Тарас Земка, Иезекииль Курцевич. Одним из самых активных деятелей братства стал Иван Борецкий, который некоторое время руководил Львовской братской школой, затем прибыл в Киев и с 1610 г. служил священником Воскресенской церкви на Подоле. Он был всесторонне одаренным человеком и снискал большой авторитет как общественный деятель, переводчик, автор талантливых публицистических произведений.

На западноукраинских землях священники и монахи не могли быть членами братства. Как правило, братства избирали себе священника. В г. Городок братству пришлось выдержать упорную борьбу, чтобы не допустить наследственного замещения должности священника в приходе лицами из семейства Демко.

В начале XVII в. продолжался конфликт ряда братств Львовской епархии с епископом Гедеоном Балабаном, начавшийся еще в конце XVI в. Способствуя развитию просвещения, Балабан в то же время хотел, чтобы оно оставалось привилегией господствующих слоев, в первую

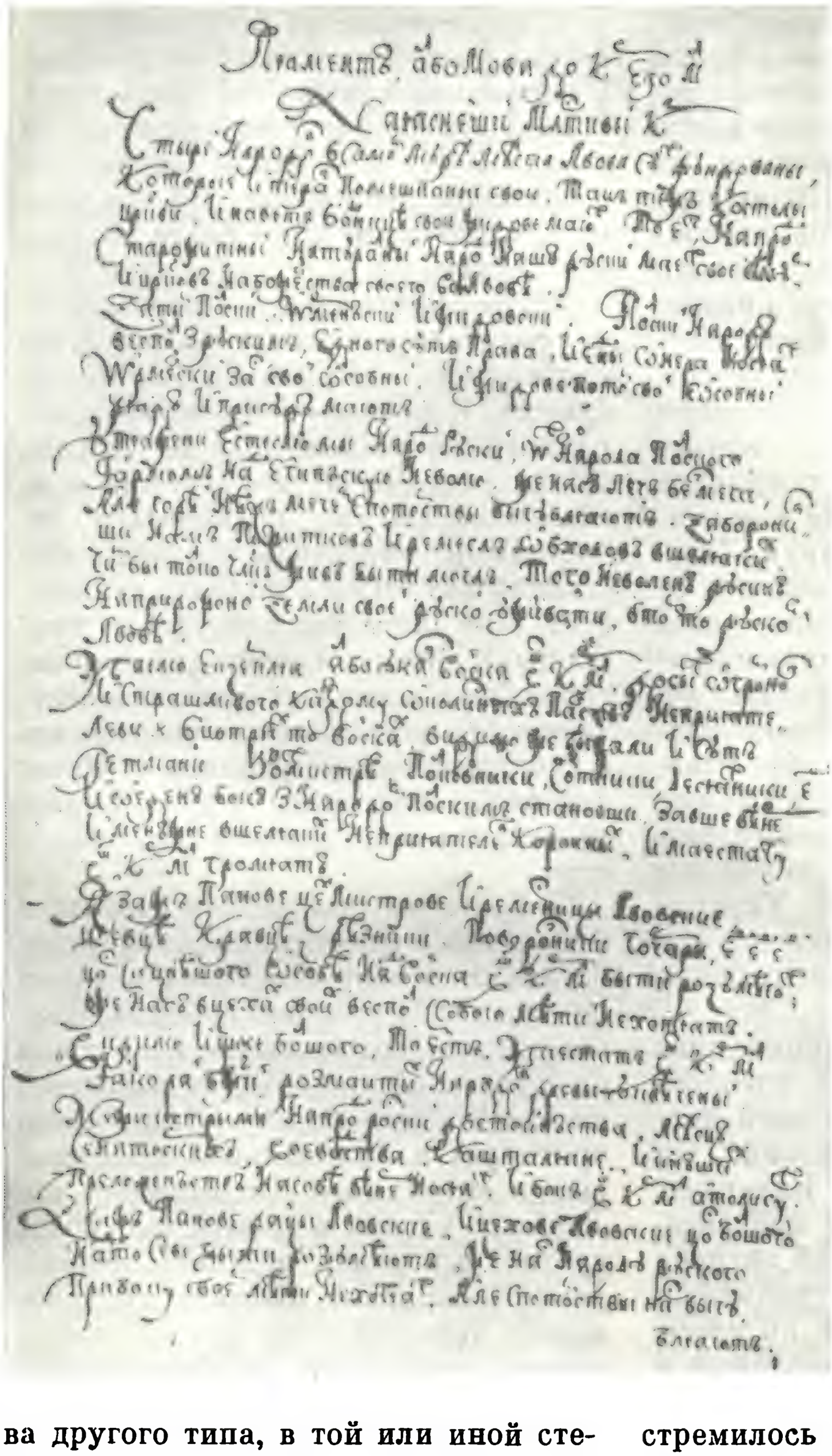
очередь духовенства. Распространение братствами просвещения в среде «простых людей», их стремление к самоуправлению епископ-феодал и его сторонники считали покушением на прерогативы церковников. Используя соперничество в лоне самой церковной иерархии, активные деятели братского движения иногда привлекали на свою сторону киевских митрополитов и восточных патриархов. Так, воспользовавшись пребыванием на Украине в конце 1585 — начале 1586 г. антиохийского патриарха Иоакима IV Доу, а в 1589 г.— константинопольского патриарха Иеремии Траноса, львовяне добились от них грамот, подтверждавших устав Львовского братства, за которым признавалось право контролировать деятельность епископов. Однако сотрудничество патриархов с братствами было вызвано лишь тактическими соображениями. Представители иерархии нередко возмущались, что члены самого влиятельного на Украине Львовского Успенского братства «не слушаются ни епископа, ни митрополита, ни патриарха».

Реформационные тенденции ярко проявились в деятельности идеолога радикального крыла братского движения Стефана Куколя-Зизания. Он был известен во Львове, Вильнюсе, Молдавии как учитель и проповедник. В то же время Зизаний активно участвовал в общественно-политическом движении, выражая интересы городских низов. Он принадлежал к сторонникам решительной борьбы против католицизма, но вместе с тем критиковал и некоторые положения православной догматики. Царство Антихриста означало для него не только католицизм, но и существовавшие тогда общественные отношения. Брат Стефана Зизания Лаврентий придерживался более умеренных взглядов, но и он выступал, хотя и не всегда последовательно, в защиту права светских наук на самостоятельное, независимое от богословия развитие. Близкие взгляды высказывал и анонимный автор «Перестороги» (памятник полемической литературы начала XVII в.), также связанный с братским движением, По его мнению, строить школы — более важно, чем церкви.

Ивана Вишенского — выдающегося писателя-полемиста — возмущала умеренность программы некоторых братств. В конфликте братчиков с иерархией он всецело был на стороне «хлопов простых», за которыми признавал право не подчиняться недостойным епископам. Вишенский отходил и от догмы о таинстве священства («не попы вас спасут или епископы»). В целом взгляды Вишенского были противоречивы. Его аскетические устремления проявлялись в проповеди самоустранения от общественной активности — своеобразного бойкота современного ему общества.

С братским движением связан и безымянный волынский вольнодумец, оставивший полемические замечания на полях «Острожской библии». Вместе взятые, его глоссы — настоящий полемический трактат, отражающий идеологическую борьбу. Автор резко критикует и официальное православие, и католицизм. Он отрицает поклонение иконам и мощам, выступает против исповеди, отрицает необходимость иерархии. Взгляды этого человека характеризуют его как выразителя идеологии плебейско-радикального течения в реформационном движении. Как отметил И. Я. Франко, анонимный вольнодумец высказывал реформационные взгляды, которые выкристаллизовывались в среде деятелей братств.

В противовес тем братствам, которые стремились как можно больше ограничить влияние церковной иерархии, духовенство при поддержке православных феодалов и части городской верхушки создавало братст-



Текст речи представителей Львовского братства об ущемлении прав украинского населения г. Львова

ва другого типа, в той или иной степени подчиненные клерикальным кругам. Появление таких братств объясняется также шаткостью экономического и политического положения украинских горожан и необходимостью создания широкого антикатолического фронта с участием в нем всех общественных прослоек.

Как только позиция православной церкви укреплялась, духовенство стремилось полностью освободиться от контроля со стороны «сапожников, портных, скорняков» (так презрительно назвал один из епископов членов братств). Неудивительно, что просветительская деятельность братств, подчинявшихся духовенству, была весьма ограниченной. Их место в общественной и культурной жизни занимали монастыри, епископские кафедры. Однако уровень культур-

ных запросов общества к этому времени был уже настолько высок, что даже представителям высшего духовенства приходилось считаться с передовыми, светскими традициями общественно-культурного движения.

Не случайно именно те братства, которые в борьбе против православной иерархии вовлекали в политическую деятельность широкие круги населения, сыграли главную роль в борьбе против национально-религиозного угнетения. Так, в первой половине XVII в. Львовское Ставропигийское братство возглавило выступления против ограничения экономических и политических прав украинских ремесленников и торговцев. Перемышльское Троицкое братство принимало меры для сплочения братств Прикарпатья, собирало средства для ведения в сеймовых судах тяжб с католическим патрициатом. Представители братств активно выступали против насильственного насаждения церковной унии, не допускали в церкви униатских священников и епископов.

Братства Украины действовали единым фронтом с белорусскими братствами, находившимися в сходных условиях. В интересах борьбы против экспансии католицизма братства активизировали политические и культурные связи с церковными и культурно-просветительными деятелями южнославянских народов и Греции. Львовское братство получало значительную материальную помощь от правительства Молдавии, с которой братчики также поддерживали интенсивные экономические и политические связи.

Особенно важное значение имела деятельность братств по налаживанию и развитию украинско-русских политических и культурных взаимосвязей. В 1592 г. Львовское Ставропигийское братство направило в Москву представителей, имевших при себе учредительные грамоты братства, письма к царю Федору Ивановичу и боярину А. Я. Щелкалову. Русское правительство предоставило братству значительную субсидию для строительства церкви и нужд ее причта.

Помощь из России получило и Киевское братство. В 1624 г. его представителям, прибывшим в Путивль, прислали из Москвы сорок соболей. В следующем году братство, посылая в Россию монаха Федора и послушника Ивана Матвеевича, просило царя о вспомоществовании для покрытия железом и украшения иконами новопостроенной пятиглавой церкви. Кроме письма царю, эти посланцы должны были передать письма патриарху Филарету и думному дьяку Ивану Граматину. Братчики просили последнего объяснить царю, чем занимается братство: «...аще восхощет великодержавный цар увѣдѣти, что есть братство, истлкуй его величеству ...посем ходатайствуй нам милости у царского величества».

Братчики объясняли, что их организация имеет целью сплочение православного населения для отпора католической экспансии: «Братство нарицается, егда христіане православныи, живуще посредѣ иповѣрных, посредѣ ляхов, унѣятов и проклятых еретиков и хотяще от них отлучатися и с ними ничтоже смѣсно имѣти, сами со собою любовию совокупляются, имена своя воедино списуют и братіами нарицаются, се же да твердѣе и скорѣе противовѣрных отразити возмогут» [1].

В январе 1626 г. Киевское братство направило еще одно послание на имя царя, на этот раз с лаврским монахом Афанасием Китайчичем. Подчеркивая, что славный в прошлом Киев ныне «всякоя же бѣды, гонения и укоризны от противных исполнен», братчики рассказывали об основании ими школы и еще раз просили пре-

[1] Архив ЮЗР, ч. 1, т. 6, с. 553—554.

доставить помощь для украшения их церкви иконами и прочей утварью [1].

Международные связи, и в первую очередь сношения с русским правительством, способствовали росту авторитета братских организаций. В первой половине XVII в. их деятельность оказала значительное влияние на развертывание освободительной борьбы украинского народа. Братства налаживали взаимопомощь своих членов, в случае необходимости предоставляли им ссуды, для нетрудоспособных открывали «шпитали». Все это помогало сплотить вокруг братств широкие круги украинского православного населения. Активных деятелей братского движения обвиняли в том, что в городах они «отказываются подчиняться власти магистратов, сами себе устраивают новые суды и [налагают] наказания, под страхом вечного проклятья не позволяют обращаться к магистратам. Ремесленников и подмастерьев, работающих у поляков (т. е. католиков.— *Ред.*), считают проклятыми... плюют на них».

Униатский епископат во главе с киевским униатским митрополитом Иосифом Вельямином Рутским возмущался тем, что противники унии «под тем предлогом, якобы это с благотворительной целью... во всех городах организовали братства, составили себе законы, установили должностных лиц, обложили себя всеобщей податью в соответствии с возможностями каждого». Самообложение позволяло братчикам собирать значительные средства, «хотя в братства входят люди гораздо более низкого сословия, чем шляхта».

Уставы многих братств предусматривали, что выборные братские старейшины должны улаживать конфликты между братчиками, причем им категорически запрещалось обращаться в суды шляхетского государства и отдельных феодалов. Таким образом наиболее активные братства стремились создавать местные органы самоуправления, которые противопоставлялись органам государственной власти шляхетской Польши.

Участие в братствах было школой политической деятельности для украинского населения, что впоследствии сыграло важную роль в освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг.

Возобновление высшей православной иерархии. На некоторых этапах к борьбе против наступления католицизма и Брестской церковной унии присоединялась часть украинских православных феодалов, стремившихся завладеть преимущественным правом на эксплуатацию украинских трудящихся. Позиция православных феодалов была при этом весьма непоследовательной, так как их объединяли с католическими феодалами мотивы классовой солидарности, страх перед нараставшим антифеодальным движением крестьян и городских низов Украины, Белоруссии, Литвы, Польши.

Стремление украинских феодалов любой ценой сохранить классовый союз с польскими феодалами особенно четко проявилось, в частности, в ходе политической борьбы, которая велась на общем (вальном) сейме Речи Посполитой и в провинциальных шляхетских сеймиках, созывавшихся по воеводствам и землям. Сеймики, посылая своих депутатов в вальный сейм, давали им инструкции, отражавшие политические взгляды разных прослоек феодального класса.

Ведущие братства принимали меры к тому, чтобы побудить шляхтичей к выступлениям против насаждения унии. С этой целью представители крупных братств выезжали на сеймики и сеймы, собирали средства на агитационные и организационные расходы православных депутатов. На сей-

[1] ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 2, т. 20, с. 989.

миках земель и воеводств Украины, в особенности Волынского и Киевского, удалось добиться принятия отдельных решений о необходимости прекратить преследования православной церкви, возвратить ей захваченные имения, ввести принцип свободного избрания православных шляхтичей на церковные должности. Необходимость принятия таких резолюций православная шляхта мотивировала интересами шляхетского государства. Православные шляхетские политики подчеркивали, что злоупотребления католических феодалов и церковников неминуемо приведут к усилению движения народных масс.

Больше всего опасаясь антифеодальных выступлений крестьян и городского «поспольства», украинские и белорусские шляхтичи доказывали, что польско-шляхетское правительство в своих собственных интересах должно действовать осмотрительнее. Однако на общих сеймах Речи Посполитой польско-шляхетское большинство из года в год отклоняло резолюции украинских и белорусских шляхтичей. Папские представители, в частности аккредитованный при королевском дворе ватиканский нунций, развернули бурную деятельность, убеждая правительство, магнатов и шляхетских вожаков отказываться от каких-либо уступок православным.

Только в 1607 г., стремясь отвлечь православных шляхтичей от участия в рокоше (бунте части шляхты против королевской власти), правительственные круги пошли на незначительные уступки. Сейм принял решение, провозглашавшее прекращение преследований и содержавшее обещание раздавать церковные должности шляхтичам «подлинной греческой веры». Однако это постановление не выполнялось. В частности, епископства король раздавал только униатам, утверждая, что якобы униатство и является «подлинной греческой верой». После смерти львовского епископа Гедеона Балабана избранному на его место шляхтичу Тисаровскому для получения королевского подтверждения пришлось притвориться, что он согласен стать униатом. Иеремия Тисаровский после того, как умер перемышльский епископ Михаил Копыстенский, остался единственным на Украине православным епископом. Отсутствие православного епископа очень затрудняло организацию противодействия униатам, и это очень хорошо понимали деятели антикатолического движения.

Учитывая активную позицию народных масс, старшина реестрового казачества и часть православных шляхтичей решили поддержать тех деятелей Киевского братства, которые намеревались вопреки позиции польского правительства возобновить православную иерархию, чтобы тем самым создать центр политической и идеологической борьбы против наступления католицизма и унии. В 1620 г. на Украину прибыл иерусалимский патриарх Феофан, возвращавшийся на родину после посещения России. Его встретили казаки во главе с П. Сагайдачным. Патриарха пригласили в Киев, где он остановился при братстве. Феофан подписал подтвердительные грамоты Киевскому братству и его школе, а также некоторым другим братствам.

Буржуазная историография без достаточных оснований изображала инициатором этих актов только патриарха. Факты свидетельствуют о противоположном. Феофан сначала боялся идти против соглашательски настроенной верхушки православной церкви. Поставить православных иерархов он сперва отказывался и пошел на это только под давлением более решительно настроенных общественно-политических деятелей. В братской церкви Феофан возвел в сан киевского митрополита Ивана Борецкого, в предыдущем году избранного игуменом киевского Михайловского

Златоверхого монастыря и принявшего монашеский постриг с именем Иов. Архиепископом полоцким и епископом витебско-мстиславским был поставлен известный общественный деятель Мелетий Смотрицкий, перемышльским—Исаия Копинский. Уже по дороге на родину Феофан, пребывая в Зарубском казацком монастыре в Трахтемирове, высвятил владимиро-брестским епископом Иезекииля Курцевича, трахтемировского игумена, воспитанника Падуанского университета. В Белой Церкви состоялось возведение в сан нового луцкого епископа Исаакия Борисковича, а в Животове на Брацлавщине — холмского епископа Паисия Ипполитовича. Все это делалось в условиях строжайшей конспирации, чтобы обеспечить безопасность Феофана и сопровождавших его лиц и дать им возможность успешно завершить начатое дело.

Возобновление православной иерархии — киевской митрополии, включавшей почти все украинские и белорусские земли, вызвало негодование польско-шляхетских властей. Феофана объявили турецким шпионом, было отдано распоряжение арестовать нелегальных, с точки зрения правительства, митрополита и епископов. Поэтому большинство епископов опасалось выезжать в свои епархии и оставалось в Киеве, за которым окончательно закрепилась роль политического и идеологического центра освободительной борьбы украинского народа.

Воссоздание православной иерархии имело серьезное значение для дальнейшего развертывания народно-освободительного движения. Ранее митрополит и епископы ставились только с согласия польского правительства. Назначение же православных иерархов не только без согласия правительственных кругов, но и вопреки их политике было открытым вызовом шляхетско-польскому государству и рассматривалось как попытка образования политического центра, не подчиняющегося Варшаве. Это был также удар по соглашательской политике украинских и белорусских феодалов.

Напуганная «нелегальностью» новой иерархии, часть православных шляхтичей прилагала все усилия, чтобы добиться признания ее польским правительством. При этом выдвигался аргумент, что только легализованная иерархия может быть превращена в орудие проправительственной политики. Некоторые же из шляхетских политиков использовали сеймовую трибуну для разоблачения реакционно настроенных украинских феодалов.

Однако и самые радикальные из православных шляхтичей, как правило, стремились оставаться в рамках легальности. На варшавском сейме 1620 г. известный шляхетский политик, способный оратор Лаврентий Древинский обратил внимание правительства и шляхты на то, что, угнетая украинское население, Польша не может рассчитывать на помощь с его стороны в войнах с другими государствами.

Общественно-политическое движение во второй четверти XVII в. Вопрос о статусе православной иерархии, требования ликвидировать унию и возвратить православной церкви ее имения из года в год ставились на сеймах земель и воеводств и на общем сейме Речи Посполитой. Однако надежда добиться каких-либо существенных уступок легальным путем была несбыточной. Правительственные круги и католическое большинство сейма всячески поддерживали римско-католических церковников, и даже униатским епископам не предоставили мест в сенате, обещанных, когда их переманивали из православия в унию.

Доведенные до крайности национально-религиозными притеснениями

жители белорусского города Витебска в конце 1623 г. убили униатского епископа Иосафата Кунцевича, отличавшегося особой жестокостью в насаждении униатства. Это выступление стало поводом для нового усиления репрессий по отношению к православному населению Украины и Белоруссии. В 1624 г. киевский войт Ходыка пытался распространять унию и в Киеве, что привело в начале следующего года к вооруженному выступлению горожан и казаков. Ходыка и один из священников-униатов были убиты.

Епископат во главе с Иовом Борецким составил «Протестацию» с обоснованием законности новой иерархии и призывом «твердо, без колебаний и страха» защищать справедливое дело. Напоминание в «Протестации» о древних героических традициях русского, украинского и белорусского народов имело целью поднять дух борцов против гнета польских властей и одновременно показать историческую обоснованность политических прав коренного населения. Эта же мысль проводилась и в заявлении, поданном в сенат православными депутатами сейма в 1623 г. и тогда же напечатанном отдельной брошюрой. В нем выражался протест против национально-религиозного угнетения украинского и белорусского народов: «Терпим суровые наказания без суда, терпим страшные притеснения, никто не хочет спасать нас у себя на родине. Насильственно отняли наши права, забрали свободы и вольности, велят нам служить себе душой и телом те, кто не имеет [по отношению] к нам никакого права, никакой власти, никакого доступа». На сейм прибыли тогда митрополит Иов Борецкий, архиепископ Мелетий Смотрицкий, представители реестровой старшины. Они потребовали легализовать православную церковь и выразили протест против национально-религиозных притеснений.

Однако стремление шляхетских политиков действовать в рамках легальности в корне подрывало шансы на успех. Сейм решил отложить решение конфликта между православными и униатами до следующей сессии, а до того времени провозгласить «религиозный мир», другими словами, запретить православным украинцам и белорусам бороться против несправедливостей и насилий со стороны католических светских и духовных феодалов и государственных властей.

В интересах более успешной борьбы против национально-религиозного угнетения не только народные массы, но и часть высшего духовенства выступила за активизацию политических и культурных связей с Россией. Летом 1624 г. митрополит Иов Борецкий направил к царю луцкого епископа Исаакия Борисковича, который передал ему просьбу о помощи в борьбе против унии и католицизма, а также о воссоединении Украины с Россией. Политические связи с Россией поддерживал и львовский епископ Иеремия Тисаровский. В его переписке с русским правительством затрагивались важнейшие вопросы политической ситуации на Украине. Последовательным поборником воссоединения Украины с Россией был и перемышльский епископ Исаия Копинский.

Однако в условиях нового усиления национально-религиозного гнета некоторые православные церковные деятели, утратив надежду добиться успеха легальным путем и в то же время не желая выходить за пределы легальности, стали склоняться к соглашению с католиками и униатами. Нестойкость политической ориентации украинских шляхтичей и казацкой старшины, солидаризировавшихся в классовом отношении с польской шляхтой, также способствовала усилению колебаний в среде православной церковной верхушки. К тому же высшее духовенство было недовольно

укреплением позиций светских членов религиозных общин, установлением их контроля над деятельностью церковников. Все это привело к тому, что в 1625—1627 гг. перешли в унию бывшие активные защитники православия Кассиан Сакович, Кирилл Транквиллион-Ставровецкий, Мелетий Смотрицкий. Они пытались оправдать свое предательство утверждением о возможности использовать униатскую церковь для защиты национальных прав украинского и белорусского народов. На самом деле весь ход общественно-политической борьбы в стране подтверждал, что правительство Речи Посполитой и широкие круги католических феодалов считали унию наиболее удобным средством для подготовки к введению римско-католического обряда и полной денационализации украинцев и белорусов.

Учитывая настроения широких народных масс, на соборе, созванном в Киеве в 1628 г., все епископы, даже Смотрицкий, подписали грамоту с торжественным заверением, что они «ни о каком отступничестве не помышляют». А когда после собора Смотрицкий все же принял унию, на этот раз окончательно, от него с презрением отвернулись бывшие друзья и единомышленники.

И все же часть православных феодалов и далее стремилась к компромиссу с униатской верхушкой. Поэтому они согласились с униатским планом провести в 1629 г. отдельные соборы православных и униатов, после чего созвать совместный собор для выработки условий компромисса. Однако православные шляхтичи, за незначительным исключением, не прибыли на собор в Киеве, а представители казачества оказывали давление на собравшееся духовенство, понуждая его отказаться от каких-либо уступок униатам. В результате православная иерархия не согласилась принять участие в совместном соборе во Львове, и он не состоялся.

Используя благоприятную политическую обстановку, в 1632 г. на сейме, созванном после смерти короля Сигизмунда III, православные шляхтичи развернули довольно активную политическую деятельность, угрожая сорвать сейм, если не будут учтены их требования. Шляхтичей поддержала и казацкая старшина, добивавшаяся права участия в выборах короля. Королевич Владислав, являвшийся единственным серьезным кандидатом на престол, вынашивал далеко идущие планы: он надеялся обосноваться на русском престоле, мечтал и об укреплении королевской власти в Польше. Опасаясь, как бы во время планируемой им войны с Россией казаки не перешли на ее сторону, королевич был склонен пойти на некоторые уступки православным феодалам.

В результате переговоров, проведенных во время выборного сейма, было выработано компромиссное соглашение, так называемые «Статьи для успокоения греческой религии». Польское правительство обязалось легализовать православную церковь и возвратить ей часть захваченных униатами владений. Митрополитов в будущем должно было быть два — православный и униатский, епископства распределялись поровну (за православными закреплялись львовское, перемышльское, луцкое и вновь созданное мстиславское, за униатами — полоцкое, владимирское, холмское и пинско-туровское). Это соглашение было включено в статьи, на верность которым принял присягу новоизбранный король Владислав IV.

Соглашение явилось последним существенным успехом сеймовой политики украинских и белорусских православных феодалов, которых становилось все меньше в связи с прогрессировавшим окатоличиванием магнатских и шляхетских семейств. При выполнении соглашения о возвращении

церквей, монастырей и другого имущества православным правительственные комиссары, как правило, содействовали униатам. Польское правительство не соглашалось признать митрополитом Исаию Копинского, избранного после смерти Борецкого, и других епископов, поставленных без согласия короля. Поэтому православные депутаты сейма избрали нового митрополита — влиятельного православного магната Петра Могилу, с 1627 г. являвшегося архимандритом Киево-Печерской лавры. Были избраны также новые епископы.

Позиция Могилы, занявшего митрополию вопреки Копинскому и его сторонникам, была противоречивой. Он заботился о развитии украинских школ, прилагал усилия для укрепления православной церкови, что способствовало более успешной борьбе против католицизма и унии. Этой же цели служила подготовка под его руководством первого свода основ православного вероучения («Православное исповедание веры»), публикация на его основе сокращенного «Катехизиса», а также издание «Требника» — наиболее полного сборника церковных служб и обрядов. Могилянское «Исповедание» было принято всеми православными церквами мира и не только стало орудием в борьбе против идеологического наступления католических богословов, но и способствовало значительному росту международного авторитета киевского научного кружка.

В то же время в деятельности Могилы было немало отрицательных черт. Он значительно энергичнее своих предшественников стремился подчинить всю культурно-просветительную и общественную жизнь влиянию церковников, сумел добиться фактического прекращения деятельности Киевского братства. Могила стоял на позициях лояльности к польскому правительству, некоторые из его близких сотрудников восхваляли православных феодалов, помогавших шляхетскому войску в военных действиях против казаков-«бунтовщиков».

Большинство украинских культурно-просветительных деятелей, даже те, которые ранее были на службе у братств, поддерживало Могилу. В это время, особенно после поражения крестьянско-казацких восстаний 1637—1638 гг., ухудшились условия деятельности радикальных течений в общественно-политическом и просветительном движении. Это способствовало укреплению позиций сторонников Петра Могилы, готовых остаться верными польскому правительству взамен на обещание свободы деятельности для православной церкви.

Используя такие настроения украинских феодалов и церковной верхушки, польские правительственные круги выдвинули план создания киевской патриархии, которая объединила бы православных и униатов под властью Петра Могилы. Это мероприятие было задумано как тактический маневр, имевший целью с помощью обмана втянуть православную иерархию в унию, разорвать ее связи с Россией и другими православными странами. Сам Могила был непрочь стать патриархом, не отходя, однако, от основных догм православия. Расхождения между отдельными группировками церковной верхушки и светских феодалов стали препятствием к осуществлению этого плана, отражавшего обусловленное классовыми интересами соглашательство украинских феодалов, их стремление любой ценой сохранить общий с иноземными феодалами фронт для подавления антифеодального движения народных масс.

Вопреки соглашательской политике и прямому предательству феодалов народные массы оставались непримиримыми ко всем планам католических светских и духовных феодалов, вели против них, как и против украинских феодалов, постоянную борьбу. Именно на поддержку народных масс

опирались представители радикальных течений общественно-политического движения.

Народным массам Украины удалось сорвать коварные планы организаторов наступления католицизма и унии, поскольку народные низы и деятели, отражавшие их интересы, последовательно выступали против иноземных феодалов и в то же время боролись против украинских панов, городской верхушки, казацкой старшины. Они сорвали попытки украинских господствующих классов достигнуть соглашения с королевским правительством, католическими духовными и светскими магнатами. Непримиримое отношение народных масс к таким попыткам не позволило украинским феодалам и соглашательским кругам казацкой старшины возродить в той или иной форме унию и распространить ее среди населения Украины. Мощное антифеодальное движение крестьянства и городских низов, их стремление к единению и сотрудничеству с русским народом стали решающими факторами, обеспечившими успешное развертывание борьбы против социального и национального угнетения народных масс.

Во второй половине XVI в. усилилось наступление польских феодалов на Украину. В результате Люблинской унии 1569 г. Польша захватила Волынь, Киевщину и Брацлавщину, распространила свою власть на Левобережную Украину. На Украине усилился феодально-крепостнический и национально-религиозный гнет. Антифеодальное и освободительное движение проявлялось в разнообразных формах: подаче жалоб, отказе от выполнения феодальных повинностей, побегах и переселениях крестьян и горожан на необжитые земли, в основном на Поднепровье и Левобережье, а также в пределы Русского государства. Это движение все чаще приобретало форму открытых вооруженных выступлений против угнетателей. Вооруженная борьба трудящихся с эксплуататорами постепенно принимала массовый характер, становилась все более упорной и продолжительной. Движение опришков, например, возникшее еще в первой половине XVI в., не угасало с тех пор вплоть до освободительной войны.

В результате обострения социальных и национальных противоречий с конца XVI в. на украинских землях одно за другим вспыхивают крупные народные восстания. В 1591—1593 гг. происходило восстание под руководством К. Косинского, в 1594—1596 гг.— С. Наливайко.

Главной движущей силой этих восстаний было закрепощенное крестьянство — самая многочисленная и наиболее угнетенная и бесправная часть населения. Активное участие в восстаниях приняло рядовое казачество. Казацкая же старшина, пытавшаяся использовать народные движения в своих узкосословных, классово ограниченных целях, проявляла склонность к компромиссам с панами.

После подавления первых крестьянско-казацких восстаний наступление феодальной Польши на народные массы Украины еще более усилилось. Расширился захват крестьянских земель, возрос крепостнический гнет. Значительно ухудшилось экономическое и правовое положение казачества. Все более тяжким становился национально-религиозный гнет. В 1596 г. в Бресте была провозглашена церковная уния. Униатская церковь в руках польских и ополяченных украинских феодалов стала орудием политики насильственного окатоличивания и полонизации народных масс Украины. Над украинским народом нависла страшная опасность денационализации.

Одновременно активизировалась турецко-татарская агрессия на русские и украинские земли, против которой

совместно вели самоотверженную борьбу украинский и русский народы. Большой вклад в героическую борьбу против захватнических устремлений султанской Турции и Крымского ханства внесло украинское и русское казачество, прежде всего запорожское и донское.

Беспощадная феодальная эксплуатация и жестокий национально-религиозный гнет вызвали новые могучие взрывы народного гнева. В первой половине XVII в. антифеодальная и освободительная борьба народных масс приобрела еще более широкий размах и более упорный характер. Значительное влияние на развертывание антифеодальной и освободительной борьбы на Украине оказали события первой крестьянской войны в России. Восстания 1625, 1630—1631, 1637—1638 гг., охватившие всю Восточную Украину, имели важные исторические последствия. Поднимаясь на борьбу против феодально-крепостнического и национального гнета, эксплуатируемые массы крестьянства, городской плебс обращали свои взоры к Русскому государству. Они искали у него помощи и поддержки в борьбе против польско-шляхетского порабощения, все настойчивей добивались воссоединения Украины с Россией. Украинский народ все отчетливее сознавал, что только в составе Русского государства он сможет сохранить свое национальное существование. Тяготение к России усилилось также среди большей части казацкой старшины, мелкого украинского шляхетства, зажиточного мещанства и православного духовенства. Народные восстания конца XVI — первой половины XVII в. стали предвестниками могучей освободительной войны 1648—1654 гг. под руководством Богдана Хмельницкого.

Глава VIII

КУЛЬТУРА НА УКРАИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Развитие культуры на Украине во второй половине XVI — первой половине XVII в. происходило в исключительно сложных условиях и определялось многими факторами. Прежде всего на процессы, происходившие в ней, непосредственное влияние оказывал подъем производительных сил, расширение внутреннего рынка и рост в связи с этим городов. Огромное значение для прогресса культуры имело образование украинской народности, формирование которой в рассматриваемый период завершилось.

Культурный процесс на Украине происходил также в условиях резкого усиления социального и национально-религиозного гнета и обострения в связи с этим классовой борьбы и нарастания освободительного движения, направленного против господства шляхетской Польши, политика правящих кругов которой и католической церкви преследовала цель полонизации и окатоличивания украинского народа, что угрожало существованию его как этнической общности. «Польские паны проводили политику насильственного ополячивания украинцев, предавали поруганию украинский язык, пытаясь духовно поработить украинский народ и разорвать его связи с русским народом» [1]. В этих условиях борьба за сохранение самобытного характера украинской культуры являлась важнейшей составной частью освободительного движения.

Культура украинского народа продолжала развиваться на основе богатых духовных традиций, общих для трех братских народов, во взаимосвязях и взаимовлияниях с культурами русского, белорусского народов, а также на основе творческого освоения культурных ценностей польского и других народов. Под влиянием гуманистических и реформационных идей в культурном процессе усиливается тенденция к становлению новой светской культуры. Это явление свидетельствует о кризисе средневекового мировоззрения, начале освобождения духовной жизни общества из-под влияния церкви. На дальнейшее развитие культуры все большее влияние оказывает городское население. «...Городские бюргеры,— как подчеркивал Ф. Энгельс,— стали классом, который олицетворял собой дальнейшее развитие производства и торговых сношений, образования, социальных и политических учреждений» [1].

Обмирщение культуры, начавшееся с конца XVI в., проявилось в возникновении новых жанров в литературе и живописи, где личность человека, его духовный мир постепенно занимают главенствующее место. На первый план выдвигаются такие человеческие качества, как преданность родине, верность обычаям и культуре своего народа, способность постоять за общенациональные интересы, образованность. Таким образом, культура, являясь основным компонентом национального самосознания, активно влияла на подъем его, способствовала активизации антифеодальной и освободительной борьбы.

[1] Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.), с. 6.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 407.

1. ПРОСВЕЩЕНИЕ. РАСПРОСТРАНЕНИЕ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Новые явления в школьном образовании. Деятельность Острожской школы. Во второй половине XVI — первой половине XVII в. на Украине продолжали действовать элементарные школы, существовавшие при церквах и монастырях. В них дьяки обучали детей чтению, письму, элементам счета. Но по мере развития производительных сил, углубления товарно-денежных отношений такие школы уже не соответствовали требованиям времени. В обществе росла потребность в образованных людях как для развивавшихся производства и торговли, так и способных вести активную идеологическую борьбу против усилившейся католической экспансии и насильственного насаждения униатства. В то же время церковь, в руках которой находилось просвещение, не была заинтересована в распространении знаний, образования среди широких масс населения, а поэтому не стремилась к усовершенствованию существовавших школ. Современники резко критиковали духовенство, которое, по словам автора «Перестороги» — острого полемического произведения начала XVII в., стало «ленивое и недоброе», вследствие чего «книгы тые, що еще их позостало, порохом припали». В сложившихся в конце XVI — начале XVII в. условиях па развитие школьного образования все большее влияние оказывали светские круги. Возникает новый тип школы — греко-славяно-латинская, в которой древнерусские культурно-просветительные традиции сочетались с позитивными достижениями западноевропейской школы и науки того времени. Этот тип школы стал определяющим в развитии просвещения на восточнославянских землях в течение длительного времени. Первым учебным заведением такого типа стала школа в Остроге.

Организация Острожской школы, сыгравшей большую роль в развитии культуры и просвещения на Украине, укреплении связей украинского, русского, белорусского народов, относится к 70-м годам XVI в. Первое письменное упоминание о ее деятельности встречается в предисловии Ивана Федорова к Острожскому букварю, изданному 18 июня 1578 г. Он писал, что К. Острожский повелел «устроити дом на дѣло книг печатных. К тому же еще дом и дѣтем к научению в своем градѣ Острозѣ... и избравши мужей в писаніи искусных в греческом языцѣ и в латинском паче же и в руском и приставі их к дѣтищному училищу» [1]. Вокруг школы и типографии образовался кружок ученых, писателей, куда входили Иван Федоров, Герасим Смотрицкий — ректор Острожской школы, Василий Суражский, Тимофей Михайлович, который упоминается также как дьяк Тимофей Анич, воспитанник Острожской школы, блистательный публицист Клирик Острожский, Демьян Наливайко — брат руководителя крестьянско-казацкого восстания Северина Наливайко и др. В литературе того времени Острожскую школу называли «триязичьим лицеем», «академией», «коллегией» «греческой» или «греко-славянской школой».

На основании высказываний современников можно сделать вывод, что в Остроге читался курс «семи свободных наук», состоявший из предметов тривиума — грамматики, риторики, диалектики и квадриума — арифметики, геометрии, астрономии, музыки. Здесь были, по свидетельству Захарии

[1] Фотокопия Острожского букваря напечатана в «Abhaudlungen der deutschen Akademie der Wissensehaften zu Berlin», 1969, № 2, табл. I.

М. Смотрицкий. Старинный рисунок

Копыстенского, известного церковного и культурного деятеля начала XVII в., ораторы, равные Демосфену и Софоклу, ученые в области греческого, славянского и латинского языков, видные математики и астрономы. В числе преподавателей греческого языка известны греки Кирилл Лукарис и Никифор — «доктора наук латинских и эллинских», получившие образование в Падуанском университете. Из Кракова в Острог переехал польский математик и философ Ян Лятос. Очевидно, он также был непосредственно связан со школой.

Острожская школа, как и вообще школы того времени, имела преимущественно гуманитарную направленность. Большое внимание уделялось изучению церковнославянского, греческого, латинского языков, в меньшей мере математике и астрономии. Церковнославянский и греческий языки занимали особое место в школьном образовании на восточнославянских землях, поскольку они являлись литературными и конфессиональными (вероисповедными) языками большого региона славянских народов — восточных и южных славян, а также Молдавии и Валахии, где православная церковь пользовалась церковнославянским языком.

Изучение церковнославянского и греческого языков являлось характерной особенностью школ на восточнославянских землях еще со времен Киевской Руси. Продолжая древние традиции, деятели Острожской школы вместе с тем стремились учитывать достижения западноевропейской школы и науки, строить обучение таким образом, чтобы образование выпускников Острожской школы было не ниже получаемого в католических и протестантских школах. В связи с этим в Остроге значительное внимание уделялось изучению латинского языка, который являлся языком западноевропейской школы, науки и литературы. К тому же в Речи Посполитой он являлся также официальным языком административных и судебных учреждений.

Очевидно, для нужд школы, где вводилось изучение философии, в кругу деятелей Острожского кружка был осуществлен перевод с латинского языка отрывка «Диалектики» Иоанна Спаненберга. Под диалектикой, входившей в курс «семи свободных наук», изучавшихся в школе, подразумевалось тогда прежде всего умение вести полемику, оперировать логическими понятиями, т. е. диалектику понимали тогда в первоначальном значении этого слова.

На высоком уровне в Острожской школе было поставлено изучение риторики как науки «красовито и удобно глаголити и писати» [1]. С Острогом, его школой и группировавшимися вокруг нее деятелями, связано станов-

[1] Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Шедрина. Отдел рукописей. Соловецкое собрание, 102, л. 146 об.

ление украинской книжной виршовой поэзии. Вирши Герасима Смотрицкого на герб князя К. Острожского, помещенные в Острожской библии (1581), были первым печатным стихотворным произведением не только острожского кружка, но и на Украине. Среди поэтов — воспитанников Острожской школы — необходимо назвать белоруса Андрея Рымшу — автора «Хронологии». Это небольшое поэтическое произведение, в котором изложены события библейской истории. Андрей Рымша также автор ряда виршей к гербам известных белорусских государственных деятелей. В Остроге работал Демьян Наливайко— переводчик, поэт, автор предисловий и послесловий, опубликованных в сборнике «Лѣкарство на оспалый умыслъ чоловѣчій» (1607). Поэт и переводчик Гавриил Дорофеевич совершенствовался здесь в греческом языке и, очевидно, обучался поэтическому мастерству.

З. Копыстенский. Старинный рисунок

Сохранились сведения о немногих учениках Острожской школы. Одним из ее воспитанников был Клирик Острожский, писатель-публицист, автор писем-ответов униату Ипатию Потию. Конкретное историческое лицо, скрывавшееся под эти псевдонимом, не установлено. Клирик Острожский принадлежал к числу высокообразованных людей своего времени, хорошо знал произведения западноевропейских гуманистов. В своих ответах Ипатию Потию он, в частности, цитировал антиватиканские произведения итальянского гуманиста Петрарки «Письма без адреса».

Образование в Острожской школе получил и сын Герасима Смотрицкого Максим (в монашестве Мелетий) Смотрицкий, автор многих полемических произведений, среди которых своей острой антикатолической направленностью особо выделялся «Тренос» (1610). В Остроге обучался и будущий гетман реестрового казачества П. Сагайдачный, о чем писал Кассиан Сакович в «Вѣршѣ на жалосный погреб ...Петра Конашевича-Сагайдачного»: «шол потом до Острога для наук уцтивых» [1]. Усовершенствовался здесь в науках Иов Княгиницкий, известный церковный деятель, выступавший против насаждения католицизма и униатства, дружественные отношения с которым поддерживал писатель-полемист Иван Вишенский.

С конца XVI в. Острожская школа постепенно приходит в упадок, причиной чему было, с одной стороны, усиление национально-религиозного гнета после провозглашения Брестской церковной унии, а с другой — смерть ее мецената К. Острожского (1608). Его наследники, приняв католичество, не были заинтересованы в продолжении деятельности школы, которая вела активную борьбу против католической экспансии. В 1624 г. в Остроге обосновались иезуиты, от-

[1] Українська поезія. Кінець XVI — початок XVII ст. К., 1978, с. 330.

Герб Захарии Копыстенского из киевского издания «Триоди постной». 1627 г.

крывшие свой коллегиум. Тогда же окончательно прекратилась деятельность Острожской школы.

Личность К. Острожского, его роль в организации школы и типографии в дореволюционной историографии идеализировалась, сам Острожский изображался защитником «народности и православия». В действительности поддержка богатейшим украинским магнатом культурно-просветительного движения объясняется его стремлением помешать утверждению экономического господства польских феодалов на украинских землях после Люблинской унии. Оппозиция Острожского не выходила за рамки разного рода протестаций, выступлений на сейме в защиту украинской культуры. В то же время в острожский кружок, состоявший в основном из представителей мелкой шляхты, мещан и низшего духовенства, входили деятели с несравненно более радикальными настроениями. Именно они, а не Острожский, идейно направляли деятельность Острожской школы и типографии, благодаря им школа и типография сыграли важную роль в обострившейся идеологической борьбе против католицизма и униатства, укреплении культурных связей украинского, русского и белорусского народов.

В Остроге плодотворно работал Иван Федоров. Книги, изданные им и другими печатниками здесь, распространялись на Украине, в Белоруссии, России, на землях южных славян, привлекали внимание западноевропейских ученых. Благодаря школе и типографии в последней трети XVI в. Острог стал крупным просветительным центром не только для Украины, но и для Белоруссии. В частности, в Остроге получали образование белорусы. Тесные связи установились между деятелями культуры Острога и Вильно — столицы Литовского княжества. Учебники, подготовленные в Остроге, издавались в Вильно. В свою очередь, виленские издания были хорошо известны деятелям Острожского кружка и использовались ими.

Братские школы. В развитии просвещения на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII в. замет-

Титульная страница острожской «Библии», напечатанной И. Федоровым. 1581 г.

Библїа сирѣ книгъ
ветхаго, и новаго завѣ
та по языку словенску
ѿ еврейска, въ еллиньскїи языкъ,
седми десятъ и двѣма, бгому
дрыми преводники. прежде воплоще
нїя гл҃ба и сп҃са нашего, іс҃ ха҃, т н҃
лѣта, нажелаемое повелѣнїе пт҃ ло
меа филадельфа цр҃я егупетска.
преведенаго зводу сътщанїемъ,
и прилѣжанїемъ елико мощно,
помощїю бж҃їею послѣдовася, и и
справися. влѣто, по воплощенїи
г҃а бг҃а и сп҃са нашего іс҃ ха҃.

҂аф па҃

ную роль сыграли братства — общественно-политические организации украинского и белорусского мещанства, созданные ими для защиты своих сословных и национально-религиозных интересов. В организуемых ими школах и типографиях члены братства видели важное средство борьбы за свои социальные и национальные права. Создание школ было одним из важнейших положений уставов братств. Так, устав Львовского братства предусматривал: «да устроится школа, еже нигдѣ же в нас до нынѣ обрѣтается» [1]. Первая братская школа была организована во Львове в конце 1585 г. Стефаном Зизанием, деятелями братства Ю. Рогатинцем, И. Красовским и др. В дальнейшем в деятельности школы большую роль сыграли такие известные ученые и писатели, как Лаврентий Зизаний, Кирилл Транквиллион-Ставровецкий и Иван Борецкий.

Братства ставили своей целью сделать школы доступными для всех желающих, в том числе и для детей «посполитых». За обучение в школе родители вносили определенную плату с учетом их достатков. Дети несостоятельных родителей, «вбоги», обучались бесплатно. Основные принципы и задачи деятельности Львовской братской школы изложены в уставе «Порядок школьный» (1586), который определял круг предметов, изучавшихся в школе, а также содержал педагогические идеи. Деятельность школы находилась под контролем братства, избравшего из числа своих членов двух человек — «искусные ради строения школьного, да соглядають науки и дѣл дидаскаловых» [2].

Обучение в братских школах начиналось с овладения славянской грамотой, чтения и письма. Наряду с церковнославянским языком большое внимание уделялось греческому. По уставу Луцкой братской школы, например, ученики должны были спрашивать друг друга «по-гречески», а отвечать «по-словенску» или на обычном разговорном языке. Греческий язык в Львовской школе в разные годы преподавали грек Арсений Элласонский, Лаврентий Зизаний, Гавриил Дорофеевич и Кирилл Транквиллион-Ставровецкий.

Львовское братство уделяло большое внимание изучению в школе латинского языка, знание которого позволяло знакомиться с достижениями западноевропейской науки и литературы. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в 1604 г. братство пригласило на должность ректора и учителя блестящего знатока латинского и греческого языков Ивана Борецкого.

Наряду с изучением языков в программах братских школ важное место занимали поэтика и риторика. В этих предметах учащиеся добивались значительных успехов. Так, в стенах Львовской братской школы было написано на славянском и греческом языках яркое поэтическое произведение «Просфонима» — приветствие митрополиту М. Рогозе, прочитанное учениками школы в 1591 г. В братской школе и типографии работали такие известные писатели конца XVI — начала XVII в. как Гавриил Дорофеевич, Кирилл Ставровецкий, Памво Берында, Иоанникий Волкович.

В уставе Львовской братской школы зафиксирована обязанность учителя учить детей «от разных философов, поэтов, историков». Очевидно, в связи с этим братство соответственно комплектовало свою библиотеку. В ней наряду с богословской и литургической литературой имелись сочинения Аристотеля на греческом и латинском языках, произведения Вергилия, Овидия, Лукиана, Валерия Максима, Цицерона и других авторов.

Среди предметов, изучавшихся в братских школах, значительное мес-

[1] Monumenta confraternitatis Stauropigionae Leopoliensis. Львов, 1895, т. 1, с. 139.
[2] Акты ЮЗР. Спб., 1865, т. 2, с. 181.

Титульная страница «Лексикона славенороcского» Памвы Берынды

ЛЕѮІКОНЪ
СЛАВЕНОРѠССКІЙ.
И ИМЕНЪ
ТЛЪКОВАНІЕ.
Пръвое Тупомъ Изображеніа.
В Кіновіи С҃Б҃: Чудотворныа Лавры
ПЕЧЕРСКІА КІЕВСКІА.
ПАМВЫ БЕРЫНДЫ Протосѵггела
Ѳронꙋ Іерусалимского.

то занимала музыка. С конца XVI в. широкое распространение получило многоголосое пение, которому в школах уделялось большое внимание. Так, в 1604 г. Львовское братство приняло на должность преподавателя славянского языка Федора Сидоровича, который был также «протопсалтом и гармонизатором напевов на 4 и больше голосов». В библиотеке Львовского и Луцкого братств имелись «ирмологионы нотовани», «партесы пяти, шести и осмиголосные».

В конце XVI — начале XVII в. братские школы действовали уже во многих городах Украины и Белоруссии, а также в столице Великого княжества Литовского Вильно. Кроме Львова и Луцка они были в Рогатине, Перемышле, Городке, Комарно, Бильске, Кременце, а также в некоторых городах Левобережья. Братские школы строились по принципу Львовской, которая посылала многим свой устав, снабжала учебными пособиями, а в ряде случаев и направляла учителей. Уровень преподавания не во всех школах был одинаков и определялся возможностями братств и наличием подготовленных учителей.

Тесные контакты существовали между Львовской и Виленской братскими школами. Виленское братство неоднократно просило Львовское прислать учебники славяно-греческой грамматики, учителей, знающих славянский и греческий языки. В Вильно из Львова переехали работать Лаврентий и Стефан Зизании, Кирилл Ставровецкий. Они преподавали гре-

Здание типографии Киево-Печерской лавры. Гравюра 1638 г.

ческий и славянский языки, были ректорами школы. Стефан Зизаний стал известным проповедником, активным борцом против католицизма и униатства. Эти и многие другие факты свидетельствуют о тесном культурном сотрудничестве украинского, белорусского и литовского народов, объединении их усилий для противодействия наступлению католической реакции.

Важную роль в распространении образования, развитии научных знаний, идеологической борьбе против католицизма, укреплении культурных связей между украинским, русским и белорусским народами сыграла Киевская братская школа. В начале XVII в. Киев становится ведущим культурным центром Украины. Этому способствовал рост экономического значения города, усиление влияния в нем запорожского казачества. В 1615 г. в Киеве было основано братство и школа «дѣтем так шляхетским яко и местским (мещанским.— *Ред.)*» [1]. Основали братство киевские мещане, ученые монахи Захария Копыстенский, Тарасий Земка и др.

Члены братства видели главную цель своей деятельности в противодействии наступлению католицизма и униатства посредством организации «училища отрочатом... языка славяноросскаго, еллиногреческого и прочиих даскалов... да не от чуждого источника пиюще, западния схизмы упившеся и ко римляном уклонятся» [1]. В Киевской братской школе, как и во Львовской, преподавался церковнославянский, книжный украинский, греческий и латинский языки, значительное внимание уделялось изучению риторики, поэтики, философии. Одним из активных организаторов школы и первым ее ректором стал Иван Борецкий (позднее митрополит Иов), переехавший из Львова. Должность ректора Киевской братской школы в разное время занимали Мелетий Смотрицкий, сын Герасима Смотрицкого (получив образование в Острожской школе, учился в Виленской академии, а затем продолжал образование за границей в немецких протестантских университетах), Фома Иевлевич, Кассиан Сакович (учился з Замостской академии, Краковском университете, прекрасно владел латинским и старославянским языками). В 20-х годах здесь работали учителями выходец из России Федор и белорус Савва Андреевич.

Непосредственное влияние на деятельность школы имели основатели

[1] Памятники, изданные Киевской комиссией... К., 1898, т. 1—2, с. 386.

[1] Воссоединение Украины с Россией, т. 1, с. 66.

братства Захария Копыстенский, Тарасий Земка, Памво Берында и другие деятели кружка ученых и литераторов, образовавшегося вокруг основанной в 1615 г. Елисеем Плетенецким типографии Киево-Печерской лавры.

Деятельность братских школ проходила в условиях усиления национально-религиозного гнета. Католическая, а позднее и униатская церковь всевозможными способами препятствовали нормальной деятельности школ. В конце 1592 г. львовские братчики жаловались городскому управлению на ректора католической школы, ученики которой по наущению своих учителей напали на учеников братской школы, ходивших по улицам и просивших «ялмужну» — то есть милостыню, добывая таким образом средства для существования. В 1627 г. студенты иезуитской коллегии напали на братскую школу в Луцке, избили учеников, уничтожили часть книг, пытались силой увести лучшего певчего Иванко, который был «коштом и старанем и працею братства Луцкого цвичоный (обученный.— *Ред.)*» [1], а также других певчих. Нападениям и разорениям подвергались братские школы в Бресте, Вильно, Полоцке и других городах Великого княжества Литовского. С целью воспрепятствовать деятельности братских школ униаты стали создавать собственные учебные заведения. В 1609 г. Ипатий Потий организовал униатскую школу во Владимире, такие же школы действовали в Баре, Шаргороде, Холме и ряде городов Белоруссии. Организацией этих школ занимался и униатский орден василиан. В униатских школах изучались латинский, греческий, церковнославянский и польский языки, но главной их целью было насаждение униатства. Королевский универсал (1613) приравнял их к католическим.

[1] Архив ЮЗР, ч. 1, т. 6, с. 593.

Иезуитские школы. В конце XVI — начале XVII в. на украинских и белорусских землях действовали иезуитские школы. Иезуиты появились в Речи Посполитой в 1564 г. Стремясь укрепить позиции католической церкви, подорванные реформационным движением, активизировать экспансию Ватикана на Восток, в первую очередь на восточнославянские земли, иезуиты преследовали цель подчинить себе такие важные средства идеологического влияния, как школы, книгопечатание. Первая иезуитская школа появилась в Вильно в 1579 г., через девять лет она получила статус академии — высшего учебного заведения. Иезуитские школы действовали преимущественно в больших городах и были рассчитаны на молодежь, как католиков, так и православных — выходцев из среды господствующего класса. На украинских землях первая иезуитская школа открылась в Ярославе (1575). В дальнейшем иезуиты основали подобные школы во Львове и Луцке (1608), Киеве (1615), Каменце-Подольском и Остроге (1624), Ужгороде (1646) и других городах.

Как правило, иезуитские школы (коллегии) состояли из пяти классов. В первых трех изучалась грамматика латинского, греческого, польского, а иногда и церковнославянского языков. Главенствующее место занимал латинский язык, на котором и велось преподавание. В последних двух классах изучали риторику и диалектику. Воспитанники иезуитских школ отличались умением вести догматические диспуты с протестантами и православными. Меньше всего уделялось внимания естественным наукам. В Виленской академии, как высшем учебном заведении, изучался курс философии и теологии. Философский курс базировался в основном на системе Аристотеля в ее христианской интерпретации. Несмотря на засилие схоластики, многие преподаватели Виленской академии, будучи

сторонниками гуманистического образования, способствовали распространению среди учащихся передовых естественнонаучных идей, в частности учения Коперника, хотя сами и не воспринимали его.

Система воспитания в иезуитских школах была направлена на формирование из молодых людей ревностных католиков, преданных Ватикану, который стремился превратить их в орудие насаждения католицизма и униатства. Православные, обучавшиеся в таких школах, как правило, принимали католицизм, с пренебрежением относились к родной культуре, языку, обычаям. Об этом с горечью писал автор «Перестороги». Магнаты и шляхта «в науки рымскіе своє дѣты дабати почали, которыє за науками и вѣры навыкли» [1]. Просветительская деятельность ордена иезуитов преследовала далеко идущие политические цели. Иезуиты рассчитывали, что господствующая прослойка, приняв католицизм, сможет затем силой навязать его своим подданным. Однако их расчеты не оправдались.

В своих произведениях иезуиты всячески превозносили заслуги католической церкви в распространении школьного образования на Украине и в Белоруссии. Идеолог униатства П. Скарга писал, что школа и наука на Руси пришли в упадок из-за отсутствия образованных людей среди духовенства, употребления в качестве языка школы и науки церковнославянского, который якобы не имеет ни правил, ни грамматики. П. Скарга утверждал, что не было еще и не будет ни одной коллегии, ни академии, где бы философию, теологию и другие науки могли изучать и воспринимать на другом, не латинском языке. Успешная деятельность как Острожской, так и братских школ опровергла подобные измышления.

[1] Цит. по кн.: *Возняк М.* Письменницька діяльність Івана Борецького на Волині і у Львові. Львів, 1954, с. 26.

Протестантские школы. На украинских землях в конце XVI — начале XVII в. действовали также протестантские школы — кальвинистские и социнианские. Распространяя идеи Реформации, протестантские деятели значительное внимание уделяли школам, возлагая на них задачи не только всестороннего образования молодежи, но и пропаганды своих идей. Это придавало протестантским школам конфессиональный (вероисповедный) характер. Как правило, крупные протестантские общины имели свои школы. Много их существовало в Литве и Белоруссии. На украинских землях такие школы известны на Волыни и Подолии. В них обучалась молодежь разных вероисповеданий.

В протестантских школах преподавались греческий, латинский, польский, церковнославянский языки, большое внимание уделялось диалектике, риторике, изучению основ христианской этики. Известностью пользовалась кальвинистская школа в Дубєцке (Русское воеводство). Школа в Панивцах на Подолии, основанная в 1590 г., имела характер высшей: здесь изучали философию и теологию. С усилением католической реакции школа в Панивцах в 1611 г. была закрыта.

Более широкое распространение на украинских землях получили социнианские школы. Они действовали в Хмельнике, Любаре (Брацлавское воеводство), Киселине, Гоще, Берестье (Волынское воеводство). Школа в Киселине имела богословское отделение, что свидетельствует о высоком уровне этого учебного заведения. После закрытия польской социнианской академии в Ракове (1638) часть преподавателей ее переехала в Киселин. Первым ректором школы стал шляхтич Евстафий Кисиль.

Протестантские школы преследовались католической церковью и правительством Речи Посполитой, что за-

трудняло их деятельность. Несмотря на это, протестантские школы, благодаря общедоступности и господствовавшей в них веротерпимости, сыграли заметную культурно-просветительную роль в конце XVI — начале XVII в. Они оказали определенное влияние на организацию и развитие школьного образования на Украине.

Образование и деятельность Киевского коллегиума. В развитии просвещения на восточнославянских землях важную роль сыграл Киевский коллегиум, образованный в 1632 г. путем слияния Киевской братской и Лаврской школ. Лаврская школа, организованная Петром Могилой в 1631 г., отличалась от братской тем, что здесь больше внимания уделялось латинскому языку, греческому же, который в братских школах, наряду с церковнославянским, занимал ведущее место, определяя их характер как греко-

Е. Плетенецкий. Старинный рисунок

славянских, отводилась второстепенная роль. Направленность преподавания в Лаврской школе отразилась в панегирике «Евхаристерион», поднесенном Петру Могиле учениками класса риторики в 1632 г. Панегирик прославляет «сободные науки» — грамматику, риторику, диалектику, арифметику, музыку, геометрию, астрономию, теологию, т. е. предметы, преподававшиеся в Лаврской школе, которая сравнивалась с Геликоном и Парнасом. Преподавателями сюда были приглашены из Львова Сильвестр Косов и Исаия Трофимович-Козловский, получившие образование в Замостской академии.

Открытие школы в Лавре вызвало недовольство среди членов братства, всех мещан и казачества, поскольку в деятельности школы под покровительством архимандрита Петра Могилы они справедливо видели отход от принципов, на которых базировалась братская школа. Братство не желало передавать школьное образование в руки честолюбивого архиман-

дрита Киево-Печерской лавры. Ссылаясь на завещание митрополита Иова Борецкого (1631), первого ректора Киевской братской школы, в котором содержалось требование иметь школы только при Киевском братстве, оно вынудило Петра Могилу согласиться на объединение Лаврской школы с братской. Братство, выдвигая условия объединения школ, сделало оговорки, что школа должна действовать на Подоле при братстве «на мѣсцѣ способнѣйшом до выхования учащимся». Оно согласилось, что ее опекуном будет Петр Могила, но не по сану и не единолично, а совместно с избранными для этого членами братства. Как видим, братство выступало против контроля над школой со стороны духовенства.

Киевский коллегиум при его создании имел семь классов (школ) — подготовительный (элементарный), три

«Великий требник» П. Могилы. 1648 г.

младших (низших) и три старших (высших). В подготовительном классе, называвшемся аналогия или фара, и низших классах — инфима, грамматика и синтаксима — изучались прежде всего церковнославянский, книжный украинский, а также польский, латинский и греческий языки. Позднее в программу начало входить изучение западноевропейских языков. В старших классах изучались поэтика, риторика, философия и частично богословие. Помимо этого в коллегиуме преподавались арифметика, геометрия, астрономия, музыка. Учащиеся получали также широкие и систематические знания и по другим предметам, в частности истории и географии. Ряд из них, в том числе курсы поэтики, риторики и философии, читался на латинском языке.

По уровню преподавания, обширности и глубине получаемых учащимися знаний коллегиум был близок к польским католическим и западноевропейским университетам и академиям. В нем преподавали лучшие педагогические силы, видные ученые и общественные деятели. Так, первыми преподавателями были: философии — Исаия Трофимович-Козловский, поэтики — Антоний Пациевский, риторики — Сильвестр Косов. Университетом называл коллегиум Боплан, многие годы находившийся на Украине и хорошо знавший ее жизнь. Не случайно католическое духовенство

жаловалось, что православные «академию... зачали»[1].

С момента создания Киевского коллегиума польское правительство, поддерживаемое католической церковью, всячески пыталось воспрепятствовать его деятельности, активно противилось превращению его в высшую школу, не признавало его таковой. Оно неоднократно запрещало преподавание наук, которые изучались только в высших учебных заведениях Польши и Западной Европы. Так, сейм 1635 г. предписывал ограничить изучение философии лишь начальными ее курсами — диалектикой и логикой. Не разрешалось и преподавание богословия. Был наложен запрет и на преподавание на латинском языке, на котором читались курсы наук в европейских университетах и академиях. Несмотря на королевские запреты и противодействие католической реакции, Киевский коллегиум развивался как высшее учебное заведение, в нем по-латыни читался ряд учебных курсов.

Таким образом, попытки королевского правительства и католической церкви нанести очередной удар по украинской культуре окончились провалом.

По структуре изучаемых предметов и объему получаемых учащимися знаний к Киевскому коллегиуму приближалась школа, созданная в 1634 г. в Виннице как его филиал и переведенная через пять лет в Гощу, где ранее существовала арианская школа. В 1639—1640 гг. ректором этой школы был Игнатий Старушич, в 1640—1641 гг.— Иннокентий Гизель. Уже названные имена свидетельствуют о высоком уровне преподавания в школе.

Деятельность Киевского коллегиума способствовала укреплению связей, прежде всего в области культуры, между украинским, русским и белорусским народами. Здесь получали образование выходцы из Белоруссии, России, южнославянских земель, Молдавии. Воспитанники и преподаватели Киевского коллегиума приглашались для организации школ, подобных киевской. Так, школу в Яссах по поручению молдавского господаря организовал воспитанник Киевской братской школы, впоследствии ректор коллегиума Софроний Почасский. В Москве выходцами из Киева Епифанием Славинецким, воспитанником братской школы, а позднее преподавателем коллегиума, и Арсением Сатановским была организована первая греко-латинская школа. Прибывшие из Киева ученые отличались глубокими знаниями греческого, церковнославянского, латинского языков. Наряду с педагогической деятельностью они занимались переводами с греческого и латинского. Так, Епифаний Славинецкий переводил сочинения Фукидида, Плиния Старшего, географические описания Европы, Азии, «Книгу врачевскую» Везалия. В 1676 г. он завещал часть своей большой библиотеки Киевскому братскому монастырю. Среди завещанных книг наряду с богословскими были также произведения Плутарха и Аристотеля, сочинения Ливия, Гиппократа на латинском языке, книги по диалектике, грамматике и географические описания многих стран.

Наряду с Киевским коллегиумом высшее образование, как упоминалось, выходцы из украинских земель получали в Виленской академии, Краковском и западноевропейских университетах. Уже Первый Литовский статут (1529) разрешил лицам, принадлежавшим к господствующему классу, выезжать за границу для получения образования: «абы княжата и панове хоругвные, шляхта и бояре пречоные мели волную моц выйти с тых земель наших Великого князьства и иных для набытья лепшего щастья

[1] ЦГИА СССР, ф. 823, оп. 1, д. 631, л. 1—2.

своего и навчення вчинков рыцерских до всяких земль чужих, кром неприятелей наших» [1]. В более расширенном виде эта статья повторяется в статутах 1566 и 1588 гг., где конкретизирована цель пребывания за границей: «Для наук у писмѣ и цвиченя учынков рыцарских и лѣпшого счастья своего» [2].

Литовские статуты, как законодательные кодексы феодального общества, защищали и отстаивали прерогативы и интересы господствующего класса. Привилегию получения образования он использовал довольно широко. Многие представители шляхетских родов выезжали за границу, где не только «в рицерском дѣлѣ травилесь» [3], как писал Памво Берында об украинских шляхтичах Копыстенских, но и приобретали обширные знания, изучали иностранные языки. Наряду с выходцами из класса феодалов для обучения за границу выезжали и выходцы из других сословий: в университетах Европы можно было встретить детей зажиточных мещан, а иногда и крестьян.

Крупным образовательным центром для славянских земель являлся Краковский университет. Во второй половине XVI в. популярностью пользовались также немецкие протестантские университеты — Вюртенбергский, Кенигсбергский и Лейпцигский. Так, в Германии завершал свое образование Мелетий Смотрицкий. Многие украинцы учились в университетах Италии — Болонском и Падуанском. В частности, в Падуе учился деятель острожского кружка ученых и писателей Киприан, старанием которого был осуществлен перевод с греческого богословского сочинения «Бесѣды Иоанна Златоуста на 14 посланий апостола Павла». Проректором Падуанского университета стал львовянин Павел Боим. Где-то в 40-х годах XVII в. в Сорбонне учился украинец Иван Ужевич, автор первой грамматики украинского языка, составленной на латинском языке.

В начале XVII в. выходцы из украинских земель обучались в Замостской академии, основанной в 1595 г. Петр Могила писал в посвящении к «Триодиону» (1631), что она «так много народови нашему пожитку и утѣхи принесла, иж немало з неи людей учоных расторпных и поважных вышло» [1]. Здесь получили образование преподаватели Киевской братской школы и коллегиума, известные деятели культуры и науки Кассиан Сакович, Исаия Трофимович-Козловский, Сильвестр Косов и др.

Педагогические взгляды. Педагогические воззрения на Украине во второй половине XVI — первой половине XVII в. развивались на почве народных традиций воспитания детей в семье — бережного и в то же время требовательного отношения к ним, привития детям высоких моральных качеств, трудолюбия. Все это нашло отражение в педагогической мысли и педагогической практике, в частности, братских школ. В то же время на педагогическую мысль большое влияние оказали гуманистические и реформационные идеи, с которыми была связана борьба за секуляризацию духовной жизни, т. е. освобождение ее из-под влияния церкви, вера в разум человека, возможность познания им мира. Передовые деятели того времени считали распространение знаний, просвещение одним из условий общественного развития. Школе отводилась важная роль в борьбе против национально-религиозного гнета, в подго-

[1] Статут Великого Княжества Литовского 1529. Минск, 1960, с. 49.

[2] Статут Великого княжества Литовского 1588. М., 1854, с. 58—59.

[3] *Тітов Хв.* Матеріали для історії книжної справи на Вкраїні в XVI—XVIII вв. Всезбірка передмов до українських стародруків. К., 1924, с. 84.

[1] *Тітов Хв.* Матеріали для історії книжної справи на Вкраїні, с. 243.

товке людей, способных постоять за национальные интересы.

Передовые для своего времени педагогические взгляды развивались в среде острожского литературно-научного кружка, в братских школах, среди писателей-полемистов, издателей. Для педагогической мысли этого периода характерно акцентирование внимания на роли образования и воспитания в жизни не только отдельных людей, но и всего общества. Анонимный автор уже упоминавшейся «Перестороги» считал, что для общества полезней строить «школы посполитые», нежели «церкви и монастыри». Недооценка значения школ, роли образования и знаний в обществе, писал составитель сборника «О воспитанiи чад» в стихотворном предисловии к нему, обрекает народ на гибель, ведет «ко всему злому». Поэтому во многих произведениях конца XVI — начала XVII в. отчетливо выражен призыв к развитию просвещения, организации и распространению школ. Культурно-просветительные деятели считали главным человеческим достоянием не богатство и знатное происхождение, а образование, моральные добродетели. Только «наука» (знание) делает человека человеком, утверждал автор сборника «О воспитанiи чад».

Таким образом, в основу критерия оценки достоинств человека брался уровень образованности и воспитанности. Так, Д. Наливайко — активный участник острожского кружка ученых и писателей, автор перевода на литературный украинский язык того времени памятника византийской литературы IX в. «Тестамент цезаря Василия сыну своему Льву» — писал в вирше-послесловии к переводу, помещенному в сборнике «Лѣкарство на оспалый умысл человѣчый», что о человеке необходимо судить не по происхождению, а по образованию. Такой критерий оценки личности зафиксирован и в уставе Львовской братской школы, где сказано, что на передних местах в классе должны садиться ученики «ведле науки; который болше умѣет, сидѣты будет выше, бы и барзо нищ был»[1].

Для педагогической мысли на Украине второй половины XVI — первой половины XVII в. характерен частичный отход от ортодоксально-христианских воззрений на воспитание и образование. Религия проповедовала пассивность человека перед жизненными обстоятельствами, познание путем веры, а не разума. Интересными с этой точки зрения являются мысли Герасима Смотрицкого, ректора Острожской школы, изложенные им в посвящении к полемическому произведению «Ключ царства небесного» (1587). Не отходя от установленного церковью постулата, что судьба человека «свыше спряженная колесница», т. е. предопределена богом, Герасим Смотрицкий видел в воспитании и образовании важнейший фактор, влияющий на жизнь людей. В жизни человека, утверждал он, многое зависит от того, как эта «колесница будет направлена с детских лет», поэтому воспитывать и обучать детей необходимо с раннего возраста, когда формируются как «духовные», так и «телесные силы» человека. В процессе обучения он делал упор на развитие элементов рационального мышления, призывал искать истину, не «озираючись на можность, зацность и телесную силу». Все это вполне созвучно гуманистическому пониманию роли образования и просвещения, творческих возможностей человека.

Педагогическая мысль конца XVI—начала XVII в. нашла наиболее полное воплощение в организации и деятельности братских школ, отразилась в уставе Львовской братской школы,

[1] Цит. по кн.: *Медынский Е. Н.* Братские школы Украины и Белоруссии в XVI—XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией. М., 1954, с. 128.

который лег в основу деятельности всех братских школ на Украине. Как отмечалось, братские школы основывались на демократических началах доступности для всех. Дети зажиточных родителей не имели в школе никаких преимуществ по сравнению с бедными, выделялись «только самою наукою, плотию же равно все».

Основная роль в воспитании детей отводилась учителю. Устав устанавливал моральные качества, которыми он должен обладать: благочестие, разум, трезвость, бескорыстие и т. д. Отношение учителя к ученику определялось усердием в учебе, знаниями последнего, а не положением родителей. Ограничивалось применение телесных наказаний и их суровость: учитель мог наказать ученика «за непослушание», но «не тирански, а учительски». В вопросах обучения и воспитания детей братские школы действовали в контакте с родителями, но вместе с тем родители не имели права влиять на деятельность школы.

На школу возлагалась обязанность определять склонность ученика к изучению тех или иных предметов. Так, в уставе Луцкой братской школы сказано, что ученик при поступлении в школу на протяжении нескольких дней должен иметь возможность присмотреться, избрать с помощью учителей предметы, в изучении которых он мог бы преуспеть. Такой испытательный срок был необходим, «жебы скваплив почавши, прудко не раскаялся и пред ся взятья не покинул. Гдыж не на чверт, а ни на рок, але аж поки ся научит, каждой до школы приходити мает» [1].

Учителя братских школ стремились к прочному и систематическому усвоению материала учениками. В уставе Львовской братской школы отмечено, что занятия должны проводиться ежедневно, начиная с девяти часов. На уроках сначала проверялось выполнение домашних заданий, затем уже излагался новый материал.

Таким образом, в педагогической мысли на Украине второй половины XVI — первой половины XVII в. четко определилась гуманистическая идея веры в разум человека, усовершенствования его путем просвещения и воспитания. Культурно-просветительные деятели ясно осознавали, что передать в наследство грядущим поколениям духовные ценности народа можно лишь тогда, когда молодежь будет воспитываться в духе любви к своему народу, его языку, культуре, традициям. Именно это и являлось основной целью в деятельности Острожской и братских школ, сыгравших важную роль в борьбе против окатоличивания и ополячивания украинского народа, за сохранение самобытности его культуры, языка и укрепление связей с братскими русским и белорусским народами, в подготовке преданных своему народу образованных людей.

Школьные учебники и учебные пособия. На протяжении длительного времени основным пособием для обучения чтению и письму служили псалтыри и часословы. Но они не могли дать знаний грамматического строя церковнославянского языка. С развитием школьного дела на Украине во второй половине XVI — первой половине XVII в. возникает необходимость создания учебников, в первую очередь специальных пособий для изучения церковнославянского языка, занимавшего главенствующее место среди школьных предметов.

Первым издателем учебной литературы стал Иван Федоров. В 1574 г. из его львовской типографии вышла небольшая по объему книга, в послесловии к которой Федоров писал, что она издана «ради скораго младенческаго наученія». В учебнике были

[1] Цит. по кн.: *Медынский Е. Н.* Братские школы Украины и Белоруссии, с. 134.

помещены кириллический алфавит, двухбуквенные и трехбуквенные слоги, излагались элементы грамматики, имелись тексты для чтения. Таким образом, книга представляла собой элементарный учебник — букварь. В послесловии Иван Федоров писал также о намерении «потрудитися и о иных писаніих». Эти слова свидетельствуют о намерении первопечатника продолжать издание учебной литературы, что и было осуществлено им в Остроге.

Из острожской типографии в 1578 г. вышло новое издание букваря, отличавшееся от львовского. На первых страницах помещен греческий алфавит и параллельные греко-славянские тексты, в остальном учебник идентичен львовскому букварю. В конце его напечатано произведение болгарского писателя IX в. черноризца Храбра «Сказаніе како состави Кирил философ азбуку по языку словеньску». Буквари Ивана Федорова служили целям обучения детей началам чтения и письма и предназначались для школ Украины и Белоруссии. Учебником для первоначального обучения грамоте была также книга Лаврентия Зизания «Наука ку читаню и разумепію письма словенского» (Вильно, 1596). Она включает алфавит, слоги, тексты для чтения, а поэтому также может быть отнесена к букварям.

Буквари использовались только на начальном этапе изучения церковнославянского языка. Дальнейшее овладение им происходило с помощью грамматики. Первые печатные грамматики появились в конце XVI — начале XVII в. В 1586 г. в Вильно из типографии Мамоничей вышла первая грамматика, подготовленная в Остроге деятелями местной школы и типографии. Она содержала традиционное для того времени изложение «восьми частей слова», объясняла правила склонения глаголов и имен существительных, временные формы. Изложение материала в ней очень усложнено, что ограничивало возможность использования книги в школьном обучении.

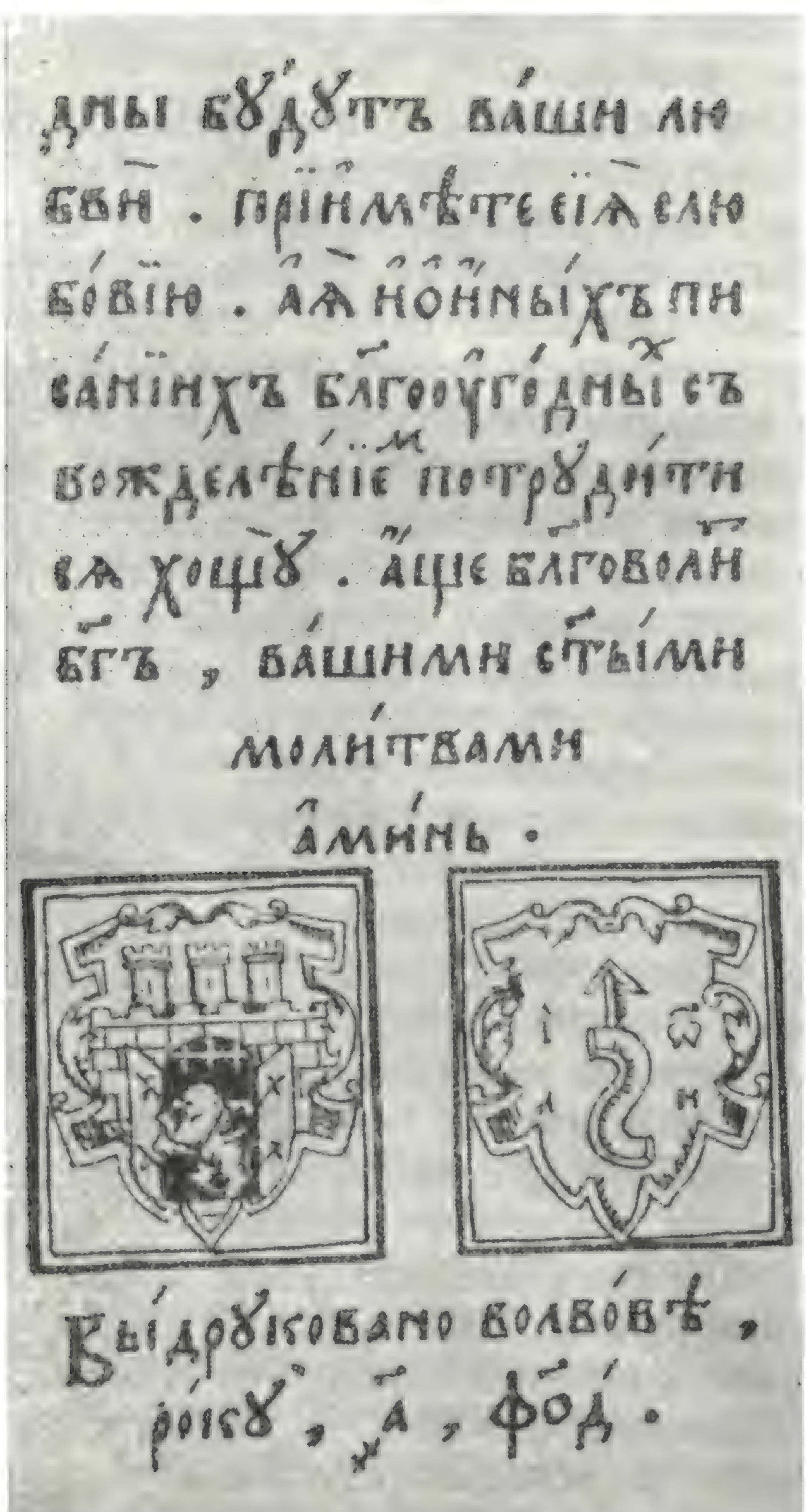
С возникновением и распространением братских школ необходимость издания популярных грамматических пособиї становилась все более настоятельноі. Некоторое время в братских школах Украины и Белоруссии учебником для изучения не только церковнославянского, но и греческого языков была «Грамматіка доброглаголиваго еллинославенскаго языка», подготовленная преподавателями и учениками Львовской братской школы (1591). По существу, эта книга представляла собой перевод греческой грамматики, переработанной применительно к нормам церковнославянского языка.

Определенная искусственность львовской грамматики, привязанность норм церковнославянского языка к греческому не соответствовала грамматическому строю того литературного языка, который складывался па Украине и в Белоруссии в XVI — первоі половине XVII в. Вследствие влияния украинского и белорусского разговорных языков на книжный церковнославянский сформировался литературный язык, называемый в источниках того времени славянорусским. Стремление учесть эти тенденции в развитии литературного языка нашло отражение в учебнике «Грамматіка словенска», составленной Лаврентием Зизанием и изданной в Вильно (1596).

Основным пособием в изучении церковнославянского языка на длительное время стала «Грамматіки славенскія правилное синтагма» Мелетия Смотрицкого, изданная в 1619 г. типографиеї Виленского братства в Евье. В предисловии к ней Смотрицкий писал, что цель грамматики научить «в реченіи розознаня розличности грамматічных... імен склоненія, а глаголов спряженія... порядку слов...». Он давал также и методи-

ческие наставления, в частности, рекомендовал начинать изучение языка с букваря з «тоиж грамматіки вычерпненый», далее — учить читать по псалтыри и часослову, и только затем приступать к изучению грамматики. В школе с целью лучшего овладения литературным языком ученикам строго предписывалось не употреблять разговорную речь. Подобные наставления содержит, в частности, устав Луцкой братской школы.

«Грамматика» Смотрицкого стала учебником церковнославянского языка во всех восточнославянских землях. С некоторыми изменениями она переиздавалась в Москве в 1648 г. и почти без изменений в 1721 г. Ею пользовались также южные славяне, известна она была в Молдавии и Валахии. Великий русский ученый М. В. Ломоносов называл «Грамматику» М. Смотрицкого «вратами своей учености», он руководствовался ею при составлении своей «Российской грамматики» (1755).



Последняя страница «Букваря», напечатанного И. Федоровым во Львове. 1574 г.

Наряду с букварями и грамматиками в школьном обучении использовались и словари — «лексиконы». Трудность понимания церковнославянского языка широкими массами вызвала необходимость создания словарей, где церковнославянские слова переводились разговорным языком. Первый такой словарь — «Лексис» — составил и издал в 1596 г. в Вильно Лаврентий Зизаний. Зизаний перевел свыше тысячи церковнославянских и иностранных слов. Его «Лексис» носит характер толкового и энциклопедического словаря. Для «пользы спудеям» в 1627 г. Памво Берында издал в Киеве «Лексікон славенороссkій». Его составитель преследовал цель объяснить «назвиска речій и имена власныи людей, гор, пагорков, лѣсов, рѣк и розных урочищ розмаитых діалектов и власного нашего славенского» [1].

Изучение латинского языка в братских школах и Киевском коллегиуме, растущий интерес к достижениям западноевропейской науки обусловливали необходимость создания славяно-латинских словарей. Киевский ученый Епифаний Славинецкий около середины XVII в. составил «Лексикон латинский». Совместно с Арсением Сатановским он подготовил «Лексикон славено-латинский». На протяжении XVII—XVIII вв. на Украине, в России и Белоруссии эти словари служили пособиями в изучении латинского и церковнославянского языков.

[1] Лексикон словенороський Памви Беринди. К., 1961, с. 3.

Наряду с печатными учебниками в большом количестве бытовали и рукописные, в частности записанные студентами курсы лекций по философии, риторике, поэтике.

Научные знания. Просвещение того времени носило преимущественно гуманитарный характер, что положительно отразилось на уровне филологической науки, литературы, философских и исторических знаний. Главным центром развития научных знаний стал Киевский коллегиум, вокруг которого сосредоточивались лучшие научные и литературные силы. Преподаватели коллегиума внесли значительный вклад в развитие философской и исторической мысли. Философы, преподававшие в коллегиуме, в трактовке некоторых вопросов вышли далеко за рамки теологического толкования происхождения мира. Идеалистически трактуя этот основополагающий вопрос, церковь в средние века опиралась на философскую систему Аристотеля, но заимствовала из нее только те положения, которые соответствовали религиозному мировоззрению. Преподаватели Киевского коллегиума воспринимали идеалистические взгляды Аристотеля, составлявшие основу их философских концепций. В своих попытках творчески осмыслить его наследие они часто обращались не к интерпретированным церковниками произведениям философа, а непосредственно к первоисточникам. В целом же философская мысль в коллегиуме не выходила за рамки идеалистического мировоззрения, ее основной целью было теоретическое обоснование догматов православной веры.

Вместе с тем во взглядах некоторых преподавателей коллегиума проявлялись элементы материалистического мировосприятия. Так, философию в 30—40-х годах XVII в. в коллегиуме преподавал Иосиф Кононович-Горбацкий. Курс философии был

ГРАММАТІКА
СЛОВЕНСКА.
Съставленна, Лаврентіемъ
Зізаніемъ.
ѠГРАММАТІЦѢ
Что єстъ Грамматіка;
Грамматіка єстъ, извѣстное вѣжство, єже благо глати и писати.
Толкованіе.
Грамматіка єстъ певное вѣдаєнє, жебы мы добре мовили и писали.
Сущее.
Колико єстъ частї грамматіки:
А

«Грамматіка словенска» Лаврентия Зизания. Львов. 1596 г.

трехгодичным и включал логику, физику и метафизику. Сохранилась рукопись курса «Логики» Кононовича-Горбацкого. Его философские воззрения базировались на стихийно-материалистическом восприятии мира. Он считал, что материя пребывает в постоянном движении и что именно движение является формой существования ее. Кононович-Горбацкий также утверждал, что мир познаваем и существует независимо от сознания человека. Эти материалистические и сенсуалистические идеи Кононовича-Горбацкого получили дальнейшее развитие в философских курсах, прочитанных в Киевском коллегиуме другими преподавателями. В 1645—

1647 гг. философию в коллегиуме преподавал Иннокентий Гизель. Прочитанный им курс психологии свидетельствует о частичном отходе автора от средневековой схоластики, стремлении объяснить возможность познания человеческого разума с позиций материалистического сенсуализма.

Ученые, преподававшие в Киевском коллегиуме, знали не только философскую систему Аристотеля, им были известны материалистические воззрения древнегреческих философов. Одним из источников ознакомления с ними была «Хропика» М. Стрыйковского, широко известпая на Украине. В предисловии к «Истории нашей Сарматской, Литовской, Русской, Словенской, Змоджской и немалой части Польской» Стрыйковский излагает взгляды древнегреческих философов на происхождение мира. Автор упомипает Фалеса, Гераклита и других философов, считавших, что мир возник из воды и огня. Он знаком со взглядами Эмпидекла, Эпикура, Диогена и других философов, которые «розный и розматый свѣта початки клалы». Он приводит мысли Цицерона, Ксенофонта, Аристотеля, считавших, что «свѣт быти вѣчный без початков и без доконапя»[1]. Однако автор разделяет точку зрения Платона, который утверждал, что первопричина всех вещей в идеальном, т. е. в боге.

В конце XVI — начале XVII в. наряду с философской мыслью развивалась и историческая. Основным видом исторических сочинений оставались летописи, продолжавшие традицию древнерусского летописания. Вместе с тем вопросы истории восточных славян рассматриваются в различного рода литературных произведениях. В частности, много места они занимают в полемической литературе, виршах. Такой повышенный интерес к историческому прошлому свидетельствует о росте национального самосознания украинского народа, что в свою очередь оказывало непосредственное влияние на подъем освободительной борьбы против господства шляхетской Польши.

В исторических произведениях, в частности в Густынской летописи и полемических трактатах, отчетливо выражены мысли о единстве происхождения, культурной близости украинского, русского и белорусского народов, идеи восточнославянского единения. В Густынской летописи отмечается, что в древности восточные славяне назывались по-разному — «поляне, древляне, сѣвери, кривичи, или якоже и нынѣ Москва, Бѣлая Русь, Волынь, Подоля, Украйна»[1]. Но главным для него является то, что «сіи всѣ единокровни и единорастлны, и нынѣ всѣ общеединым именем Русь нарицаются»[2]. Большую часть летописи занимает изложение древнерусской истории. Она начинается с истории основания Киева, «княжения Кия», создания великого «княжения Рускоro». Для писателей-полемистов было очень важно подчеркнуть высокий уровень развития культуры в древнерусском государстве, которая рассматривалась как основа дальнейшего развития культуры украинского, русского и белорусского народов. Так, автор «Перестороги» писал, что древнерусские князья «много великим коштом церквей и монастырей намуровали и маєтностями опатрили... книг великоє множество языком словенским нанесли». Причину распада древнерусского государства Захария Копыстенский в «Палинодии» и автор «Перестороги» видят в княжеских междоусобицах. Князья «и сами з собой почали валчити. А нѣкоторіи до кролей ляцкихъ прибѣгали о помочь. Пришло до того, же ся и сповинова-

[1] ЦГАДА, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 365, л. 1—2.

[1] ПСРЛ, т. 2, с. 236.
[2] Там же.

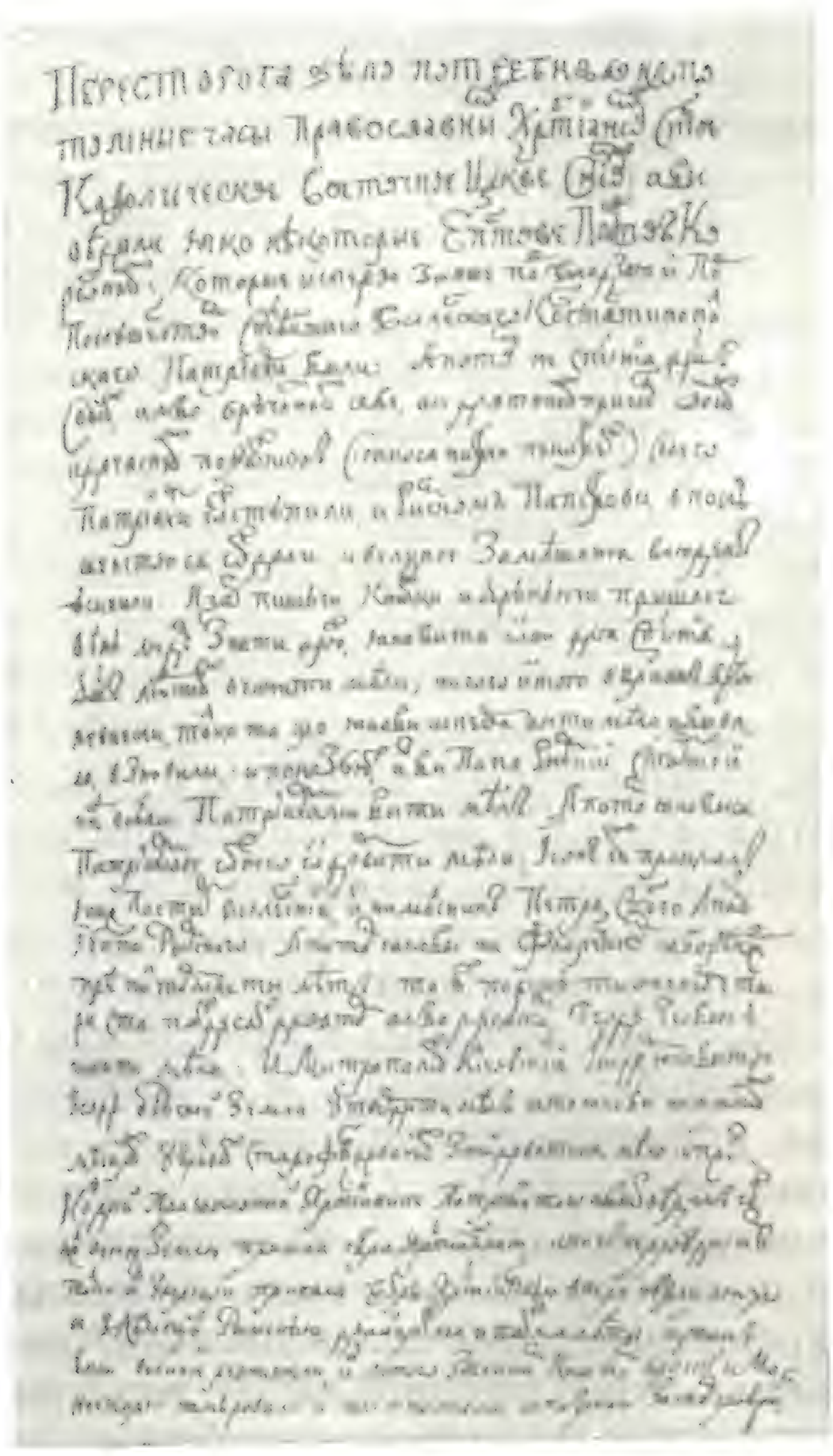
човали. И тым почали малѣти и ослабѣвати монархове и княжата Роскіи» [1]. Излагая основные события истории украинского народа в XIV—XVII вв., когда украинские земли были захвачены Литвой и Польшей, писатели-полемисты и автор Густынской летописи стремятся не упускать из вида важнейшие события в Северо-Восточной Руси. Они рассматривают историю «Великой, Малой и Белой Россіи» в неразрывной взаимосвязи.

Б исторических произведениях нашла отражение идея единства восточнославянских земель. Великая, Малая и Белая Русь — это единая русская земля, которая в силу исторических обстоятельств была разъединена. В то время как западные и юго-западные земли попали под власть Литвы и Польши, на северо-восточных землях росло и укреплялось Московское государство. Именно оно служило притягательной силой для украинского и белорусского народов. В «Протестации», составленной от имени православного духовенства в связи с возобновлением в 1620 г. православной иерархии, которая была поставлена вне закона после Брестской унии 1596 г., отмечалось, что для украинского и русского народов присущи «единая вера, род, язык и обычаи» [2].

Б исторической литературе много места уделялось казачеству. В конце XVI — начале XVII в. оно превратилось в важную общественно-политическую силу, активно выступавшую на борьбу за социальное и национальное освобождение украинского народа. Характерно, что причину появления казачества писатели-полемисты, в частности и автор «Протестации», видят в усилении социального и национального гнета.

Казачество играло важную роль в борьбе против турецко-татарской агрессии. Это единодушно отмечали в своих произведениях украинские и белорусские писатели-полемисты. Копыстенский писал, что казацкое войско спасло Речь Посполитую от разгрома во время Хотинской войны, где казаки «мужне, преважне и рицерски поступовали». Прославляется доблесть казачества и в стихах Кассиана Саковича — «Вѣршѣ на жалосный погреб... гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного».

В поле зрения летописцев и писателей не только прошлое и настоящее



Страница из антиуниатского сочинения «Пересторога». 1605—1606 гг.

[1] Русская историческая библиотека. Т. 4. Памятники полемической литературы. Спб., 1878, кн. 1, с. 1109.

[2] Протестация (текст на польском языке).— В кн.: Статьи по славяноведению. Спб., 1910, вып. 3, с. 143.

восточнославянских народов, но и всех славян. Автор Густынской летописи вводит в канву своего повествования важнейшие сведения из истории западных славян. Он указывает год основания Краковского университета, ставшего всеславянским образовательным центром, пишет о гуситском движении в Чехии, о сожжении Яна Гуса и его сподвижника Иеронима. Наряду с идеей общности происхождения и единства восточнославянских народов в исторических произведениях отчетливо выражена мысль о необходимости всеславянского единения перед угрозой турецко-татарской агрессии.

Летописи и полемические произведения создавались на основе широкого круга источников — древнерусских, украинских, литовско-белорусских, русских летописей, польских хроник. Так, автор Густынской летописи ссылается на «Повесть временных лет», Галицко-Волынскую летопись, русские летописи. Большой популярностью на Украине пользовались труды польских хронистов XV—XVI в. — Я. Длугоша, М. Кромера, А. Гваньини, М. Бельского, М. Меховского, М. Стрыйковского. Как автор Густынской летописи, так и писатели-полемисты в особенности широко использовали «Хронику» М. Стрыйковского, изданную в 1582 г. Их привлекала не только широта познаний историка, но также идея всеславянского единства, доминирующая в этом произведении. Им были известны труды античных и византийских историков: И. Флавия, М. Кассиодора, историков церкви Бария, И. Зонараса. В отдельных случаях заметен критический подход к источникам, в частности к сведениям польских хроник. Густынская летопись и «Хроника» Стрыйковского лежат в основе «Синопсиса» — первого учебника по истории восточных славян, изданного в Киеве в 1674 г. Автор его использовал также и «Палинодию» Захарии Копыстенского.

С конца XVI — начала XVII в. наиболее распространенным жанром исторического повествования становятся хронографы, составленные на основании византийских хроник, исторических повестей, известных со времен Древней Руси, а также польских хроник. Они представляли собой своеобразные энциклопедии, знакомившие читателя со всемирной историей от «создания мира», античной философией, литературой, историей церкви. Хронологическая часть предшествовала многим летописным сборникам — она как бы давала всемирно-исторический фон для изложения событий истории украинского, русского и белорусского народов, служила доказательством единства и преемственности исторического развития. Так, летописный сборник начала XVII в., названный «История наша Сарматская, Литовская, Русская...», автор начинает с библейской легенды о сотворении мира и человека, о потопе, разделении мира между сыновьями Ноя, о расселении народов. Дальше излагаются сведения по истории Древнего Востока — «первой вавилонской монархии», о древних греках, римлянах, славянах. Материал заимствован из многих летописей, хроник, исторических произведений. Автор упоминает Диодора, Ксенофонта, Плиния Старшего, «который описал весь мир», и ссылается на них. В хронографы так называемой южнорусской редакции, составленные на украинских и белорусских землях, включались отрывки из «Александрии», «Повести о разорении Еруса-лима», выписки из древнерусских, «литовских» (белорусско-литовских) летописей, польских хроник [1].

[1] Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей, ф. 299, ед. хр. 408.

Историческая литература являлась одним из важнейших средств воспитания чувства патриотизма, она призывала к борьбе против угнетателей, способствовала идеологической подготовке воссоединения Украины с Россией.

Меньше внимания в школах того времени уделялось математике, медицине, химии. Становление этих наук началось в эпоху Возрождения. В XVI—XVII вв. заметных успехов достигло естественнонаучное познание мира. В школьные программы входило преподавание географии и математики, поскольку знания в этих областях были необходимы в повседневной жизни. Об этом может свидетельствовать рукописный учебный сборник первой половины XVII в., где приведены примеры решения математических задач, содержание которых связано с осуществлением небольших торговых операций.

Источником знаний в различных областях — астрономии, ботанике, зоологии, анатомии, как и в предыдущие времена, продолжали оставаться «Шестоднев», «Физиолог» и «Христианская топография» Козьмы Индикоплова, переведенные с греческого языка еще во времена Древней Руси. На Украине, в Белоруссии и России рукописи этих произведений распространялись вплоть до XVIII в. Но представления раннего средневековья уже не соответствовали времени. Все больший интерес вызывали новейшие достижения западноевропейской науки. Высокий уровень преподавания латинского языка в Киевском коллегиуме способствовал обширной переводческой деятельности киевских ученых, особенно широко развернувшейся со второй половины XVII в. Появляются переводы научных трактатов западноевропейских авторов, в частности, по астрономии, медицине и географии. Киевский ученый Епифаний Славинецкий наряду с анатомией Везалия перевел с латинского языка «Космографию» Иоганна Блеу, где излагалось учение Коперника.

Во второй половине XVI — первой половине XVII в. значительно расширяются географические знания. Этому способствовали поездки за границу для получения образования, путешествия, а также ознакомление с географической литературой. В конце XVI в. на Украине был осуществлен перевод 5-й книги «Хроники» М. Бельского — «Космографии», содержащей описание стран Азии, Европы, Африки и Америки, рассказ об открытии Америки Колумбом и экспедициях Америго Веспуччи. В 1670 г. был составлен русский список этого труда.

На Украине в XVII в. распространялась рукопись «Хождения Трифона Коробейникова в Царьград, Антиохию, Ерусалим, Египет» — описание путешествия, совершенного автором в 1583 г. по поручению Ивана IV. Наряду с описанием «святых мест», куда «к гробу господнему» устремлялись тысячи паломников со всех концов света, Трифон Коробейников пишет и о климате, достопримечательностях, хозяйственной жизни населения виденных им земель и городов. Очень интересно описание минерального источника в Закарпатье у реки Теребля.

Значительным вкладом в изучение географии Украины стал труд французского военного инженера Гийома Левассера де Боплана «Описание Украины». В 30—40-х годах XVII в., находясь на службе польского правительства, Боплан изучал природные условия Украины, строил здесь фортификационные сооружения. В его книге приведены также интересные сведения о быте и культуре украинского народа. Первое издание его труда увидело свет во Франции в 1650 г., второе — в 1660 г.

Эмпирическим путем шло накопление знаний в области механики, строительного дела, металлургии и др.

Многовековой опыт народных умельцев — строителей, ремесленников передавался из поколения в поколение и обобщался. Красотой архитектурных решений и прочностью отличались сооружения, возведенные руками народных мастеров. Они свидетельствуют о достаточно высоком уровне знаний их создателей в области геометрии и практической механики. Развитие многочисленных ремесел и промыслов, в частности изготовление селитры, выплавка железа и стекла, литейное дело, также требовали определенных познаний в области химии и физики.

Развитие медицины базировалось на многовековом опыте народных масс. При лечении заболеваний широко применялись лекарственные растения. Некоторые сведения по медицине можно было найти в популярном в то время сочинении «Тайная тайных» или «Аристотелевы врата», созданном в XIII в. на Востоке и переведенном в XV в. в Киеве. Распространялись также медицинские трактаты, среди которых особой известностью пользовались «Проблематы» и различные «Травники», содержавшие научные сведения о строении и физиологии человеческого организма.

Медицинскую помощь населению городов оказывали обычно цирюльники. Они умели лечить раны и переломы, вправлять кости при вывихах. Цирюльники объединялись в цехи, существовавшие почти во всех крупных городах. Медицинские кадры на уровне знаний своего времени в очень ограниченном количестве готовились в Краковском университете и Замостской академии. Среди студентов количество украинцев и белорусов было незначительным, поэтому дипломированные врачи на Украине встречались редко.

Таким образом, развитие экономики, обострение идеологической борьбы, усиление освободительного движения способствовали развитию просвещения и распространению научных знаний.

В организации школьного дела и постановке учебного процесса передовые деятели стремились совместить древнерусские культурно-просветительные традиции с позитивными достижениями западноевропейской школы и науки.

Развитие просвещения на Украине во второй половине XVI — первой половине XVII в. сыграло важную роль в подъеме самосознания украинского народа и его освободительной борьбы, укреплении культурных связей русского, украинского и белорусского народов.

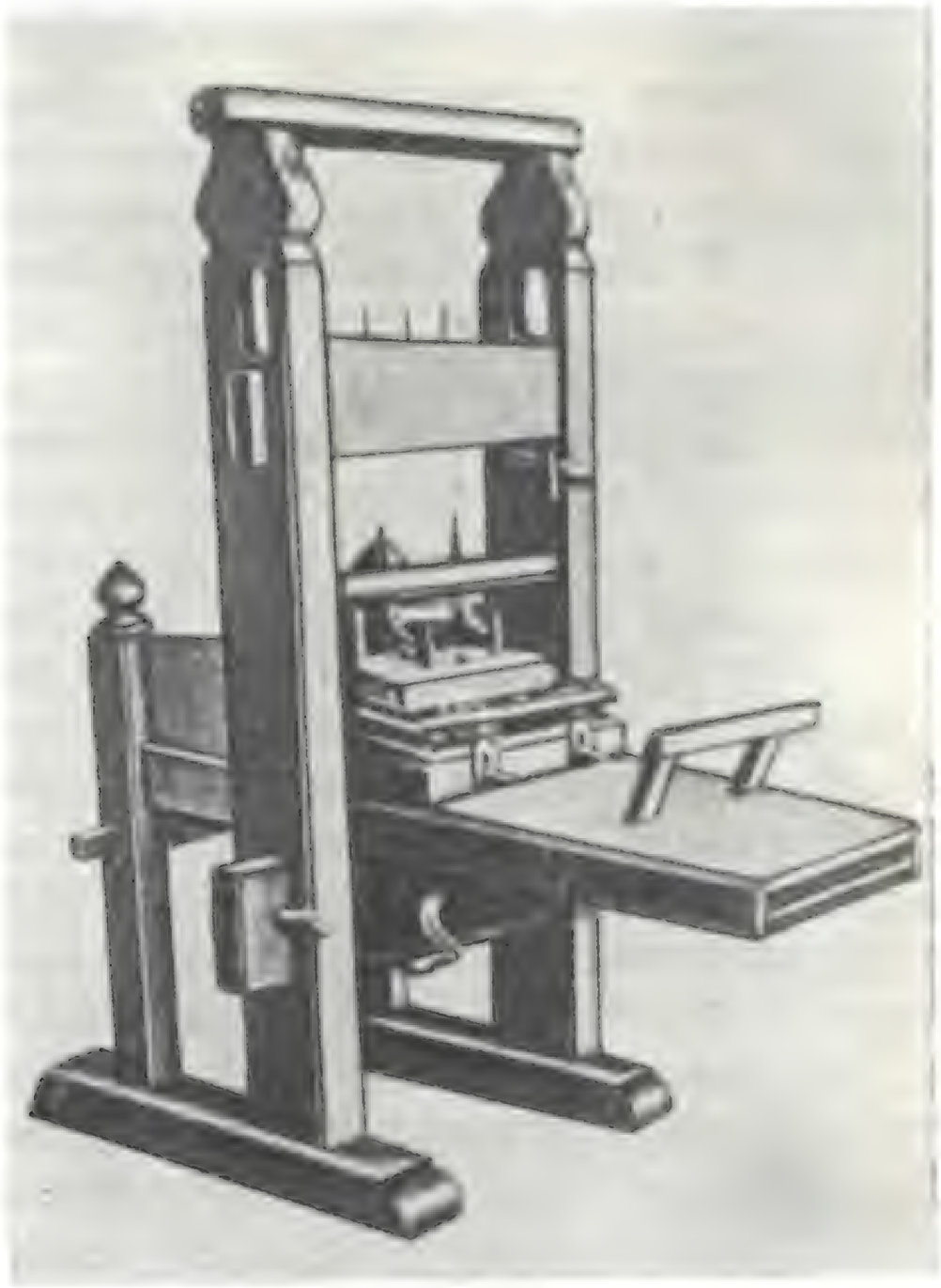
2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КНИГОПЕЧАТАНИЯ. ИВАН ФЕДОРОВ И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ НА УКРАИНЕ

Начало книгопечатания на Украине. Возникновение книгопечатания было связано с историческими условиями эпохи позднего средневековья. Рост производительных сил обусловил необходимость такого подъема науки и образования, который был невозможен при исключительно рукописном способе размножения книг. К тому же на Украине во второй половине XVI в. обострение борьбы против социального и национального угнетения поставило вопрос об использовании печатного слова как важного средства идеологического воздействия на массы.

В развитии раннего русского, украинского и белорусского книгопечатания ярко проявились тесные культурные связи между братскими восточнославянскими народами.

Важным событием для всех восточ-

ных славян было возникновение книгопечатания в Москве. В середине XVI в. (около 1553 г.) здесь была основана типография, которую исследователи назвали «анонимной»: ни в одном из нескольких ее изданий нет указания на место и время издания. На гораздо более высокий технический уровень подняла московское книгопечатание государственная типография, которой руководили мастера диакон церкви Николы Гостунского в московском Кремле Иван Федоров и его помощник, выходец из Белоруссии Петр Мстиславец. В 1564 г. они напечатали первую в России точно датированную книгу — «Апостол», в 1565 г.— два издания «Часовника». Книги «анонимной» типографии (особенно «среднешрифтное» «Евангелие») и московский первопечатный «Апостол» распространялись не только в России, но также в Белоруссии и на Украине.



Старинный печатный станок. Реконструкция

Именно для книгопечатания эпохи Ренессанса характерно совмещение в одном лице типографского мастера с издателем, редактором, а нередко и автором текста, художником. Во всех этих отраслях проявился самобытный талант Ивана Федорова, сумевшего сделать свой львовский «Апостол» подлинным образцом издательской культуры и типографского мастерства.

Кроме «Апостола» во Львове Иван Федоров издал учебник грамоты. Книга не имела ни титульного листа, ни упоминания об издателе, но в конце ее помещены в прямоугольных рамках герб Львова и знак Ивана Федорова, а ниже указано: «Выдруковано во Львовѣ року 1574». Книги такого содержания в конце XVI—XVII в. называли по-разному: азбуками, грамматиками («граматками»), букварями.

В конце 1576 или в начале 1577 г. Иван Федоров переехал в Острог, где организовал типографию. Кроме самого Ивана Федорова в ней работали его ученик и ближайший помощник Гринь Иванович, а также, вероятно, Василий Суражский и Анисим Михайлович Радишевский. Известно пять изданий Острожской типографии, вышедших во время работы в ней Ивана Федорова. По общему объему они значительно превышают все прежде изданные книги первопечатника.

Первое острожское издание — «Азбука» — датировано 18 июня 1578 г. На обороте титульного листа помещен герб К. Острожского, однако, в отличие от остальных острожских книг, нет упоминания об издании книги по распоряжению князя и на его средства. Это дает основание считать «Азбуку» изданием, осуществленным Иваном Федоровым по собственной инициативе и за его счет. Первая часть книги содержит греческий алфавит и в качестве текстов для чтения молитвы, набранные в два столбца: слева греческий текст, справа —

церковнославянский. Вторая часть почти дословно повторяет текст львовского «Букваря» 1574 г., третья — содержит произведение черноризца Храбра «Сказание, како состави святый Кирил Философ азбуку по языку словеньску и книги преведе от греческих на словенский язык». Сказание Храбра, как свидетельствует прановисание, напечатано по рукописи украинского происхождения. На Украине того времени это выдающееся произведение древней болгарской литературы звучало весьма актуально. Храбр гневно осуждал тех, кто отрицал право славян на развитие собственной письменности. В условиях второй половины XVI в. публикация такого произведения была направлена против тенденциозных аргументов Петра Скарги и других католических публицистов, отрицавших перспективность развития письменности у народов Украины и Белоруссии.

Следующим острожским изданием стала «Книга Нового завета» (1580), содержащая псалтырь и новозаветные тексты. Изданная малым форматом и напечатанная мелким полукурсивным шрифтом, книга предназначалась не для литургической службы в церкви, а для домашнего чтения. По замыслу издателей, она должна была стать подспорьем в устной и письменной полемике с католическими богословами. Это подтверждается тем, что к части экземпляров «Книги Нового завета» приложен составленный Тимофеем Михайловичем алфавитный предметный указатель. Таким образом «Книга Нового завета» — первое отечественное издание, сопровожденное научно-вспомогательной информацией.

Надгробная плита на могиле И. Федорова. 1583 г. Реконструкция

Среди изданий Ивана Федорова самым большим по объему и самым совершенным по уровню полиграфического исполнения стала Острожская библия, законченная в 1581 г. Подготовка текста к изданию потребовала большого кропотливого труда. Такую работу выполнил Иван Федоров вместе с Герасимом Смотрицким, Тимофеем Михайловичем, учеными-греками Дионисием Палеологом, Евстахием Нафанаилом из Кандии и др. В основу издания был положен полученный К. Острожским от царя Ивана IV из Москвы церковнославянский список в Геннадиевской редакции. Те книги, которые в Геннадиевской Библии были переведены не с греческого, а с латинского текста, острожские редакторы сверили с греческим текстом. При редактировании некоторых текстов использовалось чешское издание Библии. Перед началом основного текста помещено предисловие и вирши Г. Д. Смотрицкого. В последних открыто говорилось о тяжелом положении украинского и белорусского народов под гнетом Речи Посполитой, звучал призыв борьбы против духовного порабощения народа «хищными волками» — слугами господствовавшей в стране католической церкви.

Острожское издание, отредактированное на высоком научном уровне

острожскими филологами, стали считать образцовым не только на Украине, но и далеко за ее пределами. Через 82 года после выхода в свет Острожской библии она была перепечатана в Москве, ее неоднократно, лишь с незначительными изменениями, переиздавали и позже.

Еще до окончания работы над Библией, 5 мая 1581 г., в Остроге была напечатана «Хронология» — силлабические вирши белорусского поэта-кальвиниста Андрея Рымши. Таким образом, Иван Федоров впервые на Украине стал печатать не только прозаические, но и стихотворные произведения с указанием их авторов.

Вскоре после завершения «Библии» Иван Федоров вернулся во Львов, где 5 декабря 1583 г. умер в домике портного Антоха Абрагамовича, принимавшего впоследствии активное участие в общественно-политической деятельности украинских горожан. Похоронили Ивана Федорова в Онуфриевском монастыре. О понимании современниками значения деятельности первопечатника свидетельствует текст на надгробной плите: «Иван Федоров/ич друкар москвитин который своим тщанием друкование занедбалое обновил... Друкар книг пред тым невиданных...».

Вся издательская деятельность Ивана Федорова служила назревшим задачам культурной и общественно-политической жизни. Именно поэтому он смог внести столь значительный вклад в развитие украинской культуры, в укрепление русско-белорусско-украинских культурных связей.

Титульная страница львовского «Аделфотиса». 1591 г.

Дальнейшее развитие книгопечатания. Основную часть типографского оборудования, которое Иван Федоров в свое время отдал в залог ростовщикам, выкупили львовские горожане. Сбор средств для выкупа типографии проводился устроителями Успенского братства — ведущей общественно-политической организации украинских горожан во Львове. Уже в 1589 г. оборудование типографии Ивана Федорова поступило в братскую типографию, где доски с федоровскими гравюрами употреблялись вплоть до конца XVIII в.

Первое книжное издание Львовской братской типографии — греческо-церковнославянская грамматика «Аделфотис» — вышло в 1591 г. В первые десятилетия своей деятельности типография Львовского братства выпускала преимущественно книги светского содержания, в частности, сборники виршей «Просфонима» (1591), «Лямент на смерть Григория Желиборского» (1615), «Вирши» П. Берынды (1616), драматические произведения «Христос пасхон» А. Скульского (1630), «Размышление» И. Волковича (1631). В 1608 г. было напечата-

но воззвание — призыв бороться против национально-религиозного угнетения и поддерживать просветительную деятельность братства. В течение длительного времени Львовская братская типография служила подлинной школой мастерства для целой плеяды работников типографского дела. Уже в первых братских изданиях в заглавиях и в прописных буквах текста начали применять упрощенный по начертанию шрифт, ставший впоследствии одним из прототипов «гражданских» шрифтов начала XVIII в.

Во второй половине 80-х годов XVI в. деятельность Острожской типографии возобновилась. Кроме букварей она выпустила ряд публицистических произведений, направленных против насаждения католицизма и унии. Для успешного развертывания полемики против идеологической экспансии католицизма большое значение имела публикация произведений византийских авторов — Василия Великого «Книга о постничестве» (1594), Иоанна Златоуста «Маргарит» (1595, перепечатана в Москве в 1641 г.), императора псевдо-Василия «Тестамент сыну Льву» (в составе сборника «Лѣкарство на оспалый умысл чоловѣчій», напечатанного в 1607 г. с параллельными украинским и церковнославянским текстами). Всего в Остроге было издано 28 книг, из них половина на церковнославянском языке, игравшем роль «высокого стиля» литературного языка, 6 — на украинском литературном языке того времени, 4 — на церковнославянском языке с фрагментами на украинском — предисловиями, вступительными «виршами на герб» и т. п. В 1603—1605 гг. Острожская типография размещалась в Дерманском монастыре, где издательским делом руководил Демьян Наливайко.

В 1604—1606 гг. действовали типографии Гедеона и Федора Балабанов в Стрятине (близ Рогатина) и Крылосе (близ Галича). Крылосская типография, одним из руководителей которой был Вениамин, впервые в практике восточнославянского книгопечатания применила сюжетные иллюстрации, вмонтированные в текст книги (до того употреблялись только орнаментальные гравюры и целостраничные портреты).

Основателем книгопечатания в Киеве стал Елисей Плетенецкий — выходец из львовских мещан, бывший многие годы архимандритом Киево-Печерской лавры. Будучи высокообразованным человеком своего времени, он осознавал необходимость распространения книгопечатания не только для укрепления позиций православной церкви, но и для просвещения вообще. Он купил «присыпанное пылью» оборудование Стрятинской типографии, устроил для нужд типографии бумагоделательное предприятие в Радомышле. Первыми изданиями Киево-Печерской типографии стали «Часослов» для школьного обучения (1616), произведение Александра Митуры «Визерунок цнот» (1619) — панегирик в честь Е. Плетенецкого и, наконец, монументальный «Анфологион» (1619) — сборник текстов праздничных служб. Над переводом этих текстов с греческого языка трудились выдающиеся литературные деятели и филологи Иван (Иов) Борецкий, Захария Копыстенский и Памво Берында. Публикация этой роскошно оформленной книги, насыщенной сведениями о праздниках и традициях восточной церкви, имела вполне определенную антикатолическую направленность. Вскоре публикуются полемическая «Книга о вере» З. Копыстенского (включавшая украинский перевод двух «Слов на латинов» Максима Грека), монументальные «Беседы» Иоанна Златоуста о посланиях (1623) и деяниях (1624), «Толкования на Апокалипсис» (1625). Эти издания также имели целью дать достойный отпор писаниям сторонников католицизма. «Триодь постная»

План г. Киева. Из книги А. Кальнофойского «Тератургима». 1638 г.

Фрагмент письма Спиридона Соболя царю Михаилу Федоровичу

(1627) содержала кроме церковнославянского текста «синаксари» (повествовательные статьи) на украинском языке, переведенные Тарасием Земкой с греческого оригинала. Эта «Триодь», как и издания следующих лет («Триодь цветная», 1631 г., украинский перевод «Евангелия учительного», 1637 г.), украшена многочисленными иллюстрациями, часть которых отражает реальные подробности быта тех времен. К числу наиболее известных киевских изданий относятся знаменитый «Лексикон славенороссний и имен толкование» П. Берынды (1627), «Патерикон» Сильвестра Косова (1635), «Терапургима» Афанасия Кальнофойского (1638), иллюстрированная планами Киева. Издавались также школьные декламации учеников Киевского коллегиума. Типичный пример — книга И. Калимова «Sol post occasum oriens», изданная по случаю посещения П. Могилой класса риторики в коллегиуме. Несомненным достижением лаврской типографии было освоение техники глубокой печати (для печати гравюр на меди). Следует также отметить, что типография Киево-Печерской лавры оказала большую помощь в организации первой типографии в Молдавии, послав туда типографское оборудование и мастера Самуила Рогаля.

Лаврская типография не была единственной в Киеве. В 1625—1628 гг. здесь работала еще типография киевского горожанина и одновременно реестрового казака Тимофея Вербицкого, в 1628—1630 гг.— типография мастера из Белоруссии Спиридона Соболя.

Интересным явлением в культурной жизни Украины были странствующие типографии. Известный писатель Кирилл Транквиллион-Ставровецкий все три свои книги издал на собственные средства: в 1618 г. в Почаеве, в 1619 г. в городке Рохманове и последнюю в 1646 г. в Чернигове. В разных городах и селах печатал книги странствующий монах-книгопечатник Павел Домжив-Люткович Телица: в Угорцах близ Самбора (1618—1620), в Четвертне Луцкого повета (1625), далее в Луцке (1628) и в с. Черная на Волыни (1629). После смерти Телицы его помощник Сильвестр передал эту типографию Луцкому монастырю. В Кременце на Волыни в 1638 г. существовала типография, выпустившая, в частности, учебную славянскую грамматику.

Во Львове, кроме братской, в 1639—1667 гг. действовала типография Михаила Слезки — талантливого и разностороннего мастера. Он сам писал к книгам предисловия, содержащие многочисленные реминисценции из античной литературы, умел изготовлять шрифты и переплетать книги,

ездил торговать ими на ярмарки. Кроме произведений украинских писателей и литургических церковнославянских он печатал книги на латинском и польском языках (в числе их панегирик «Aurora» львовскому православному епископу Иеремии Тисаровскому, сожженный в 1639 г. по распоряжению католической консистории). Несмотря на то что М. Слезка имел конфликты с братчиками на почве конкуренции с братской типографией, он принимал участие в общественно-политической деятельности Львовского братства, а в отдельные годы работал и в типографии братства. В 1645—1648 гг. в типографии епископа Арсения Желиборского при львовской церкви Юра печатал книги А. Скольский. Он же в 1648 г. организовал типографию при монастыре в Уневе. Таким образом, характерной чертой издательского дела на Украине в первой половине XVII в. было наличие одновременно действующих типографий в различных частях страны. Соперничество издателей и книгопечатников между собой способствовало подъему издательского дела, создавало более благоприятные условия для литературной деятельности.

Книгопечатание латинским шрифтом на Украине начало развиваться несколько позже, чем кириллическое. В конце XVI — начале XVII в. во Львове сменили друг друга несколько польских типографий, но каждая из них существовала очень недолго. Около трех лет (1608—1611) в Паневцах на Подолии работала кальвинистская типография, успевшая выпустить фундаментальный антикатолический трактат И. Зигровиуса «Paroropmpe». На латинском и польском языках печатал книги также странствующий типограф И. Шелига: сначала в Добромиле, затем в Яворове, Львове, Ярославе и опять во Львове. Среди его изданий — календари, панегирики, тезисы философских диспутов, медицинский комментарий Э. Сикста к произведениям Сенеки. В напечатанное им трижды (1612, 1613, 1616) стихотворное произведение Я. Щ. Гербура «Gadka Hrycia z fortuną» входит и песня на украинском языке «Пастуше». Шелиге же принадлежит заслуга публикования первых интер-

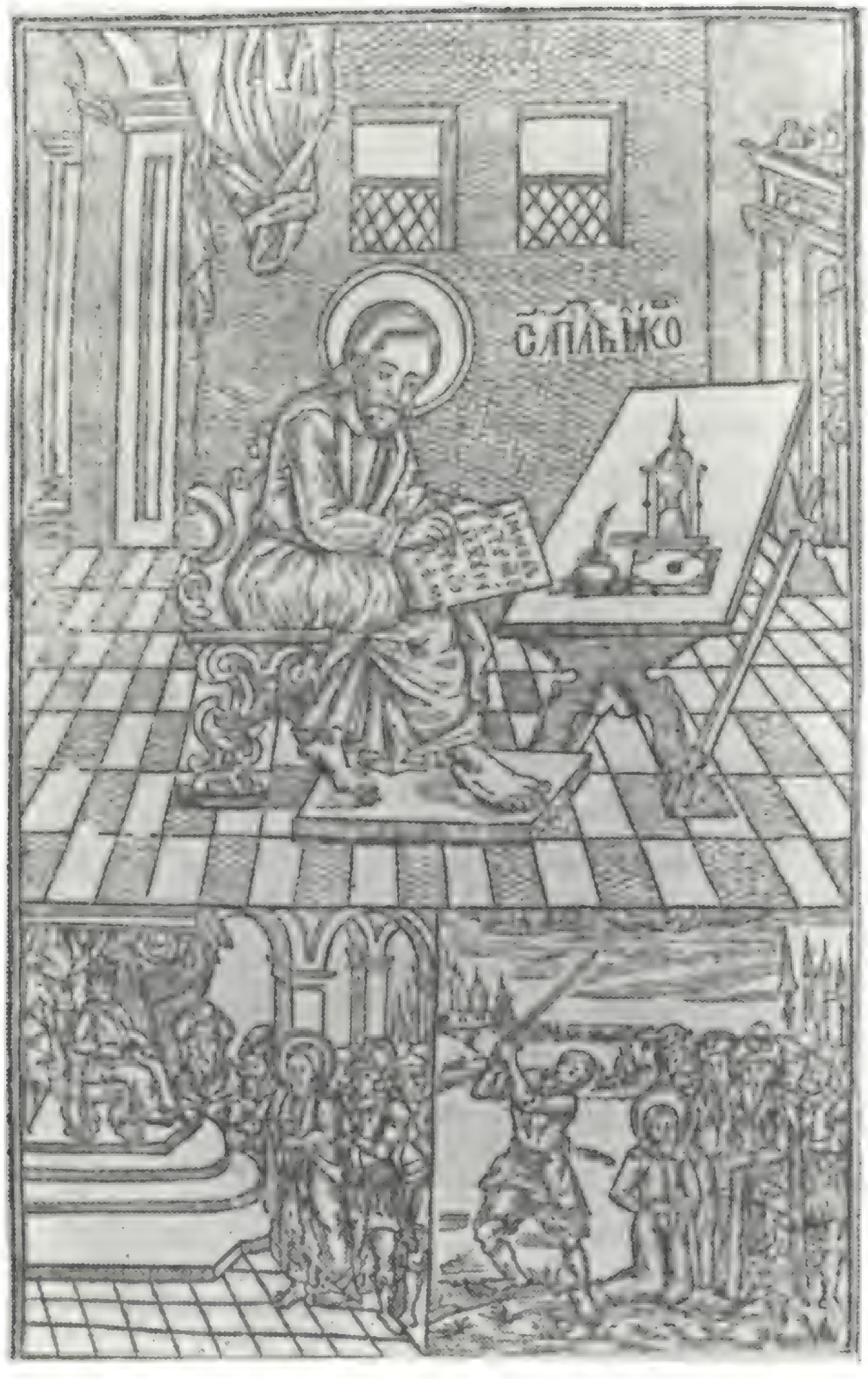
Заставка из «Минеи общей» Спиридона Соболя. Киев. 1628 г.

медий на украинском народно-разговорном языке (Яворов, 1619).

Во Львове в 1616—1618 гг. действовала и армянская типография — третья в мире и первая армянская типография на территории СССР.

Роль типографий в рассматриваемое время не сводилась к механическому воспроизведению печатной продукции. Для подготовки к печати текстов нужны были образованные люди — переводчики, составители, редакторы. Именно поэтому вокруг типографий объединялись кружки литераторов и ученых-филологов. При этом особенную активность проявляли представители демократического течения в культурно-просветительном движении, работавшие в Киеве, Львове, Остроге и других городах.

Всего до середины XVII в. на Украине в разное время действовало 25 типографий (в 17 местах). Из них 17 являлись собственностью украинцев, издававших книги преимущественно на церковнославянском и украинском языках, 6 типографиями владели поляки-католики, по одной принадлежало украинцам-протестантам и армянам. 69,9% типографской продукции было выпущено четырьмя крупнейшими типографиями — Киево-Печерской лавры (29,8%), Львовского братства (21,7 %), К. Острожского (12,1 %), М. Слезки (6,3%). Если за 1574—1605 гг., т. е. более чем за 30 лет, печатная продукция всех типографий Украины составила не более 460 бумажных листов, то в 1636—1640 гг. она, несмотря на значительное ужесточение цензурных условий, превысила 1927, а в 1641—1645 гг. составила 1890 бумажных листов. Еще более существенно то, что ведущая роль принадлежала типографиям, издававшим книги антикатолической направленности.



Гравюра на дереве к «Апостолу» М. Слезки. Львов. Гравер «В. Ф. З.». 1639 г.

На протяжении длительного времени после возникновения книгопечатания наряду с печатной книгой продолжала распространяться и рукописная. Это объясняется как ограниченностью тематики, так и незначительными тиражами книг. Рукописная книга предназначалась прежде всего для чтения. В рукописях распространялось большинство произведений полемической литературы, летописи, записи школьных лекционных курсов, ноты и др. Как и прежде, по заказу феодалов, шляхты, иногда мещан и казаков создавались и орнаментировались рукописные книги культового назначения. Зачастую переписывались изданные книги, преимущественно церковнослужебная и богословская литература. Многие книги переписывались в школах учителями и старшими учениками. Среди них — разнообразные сборники, включавшие литературные произведения, в частности полемические, проповеди и поучения, собрания пословиц, песен, виршей,

летописные и автобиографические заметки. Продолжалось распространение в старых списках и переписанных наново древнерусских и южнославянских памятников — летописей, житий, проповедей, философских трактатов. Во второй половине XVI в. усилился приток на Украину рукописной книги из России, в том числе произведений Максима Грека, Нила Сорского, хронографов. Переписывались в городах и распространялись также печатные издания московского Печатного двора, белорусских и южнославянских типографий, книги, изданные в Центральной и Западной Европе.

Развитие книгописания и книгопечатания привело к оживлению книжной торговли. Многие купцы, наряду с другими товарами, торговали книгами в своих лавках и на ярмарках. Как правило, специализировались на торговле книгами переплетчики, иногда издатели, братства. Оптовые книжные склады устраивались при типографиях. Распространенной формой книгообмена являлись дарение и одалживание — передача во временное пользование книг. Это имело место в особенности между украинскими и белорусскими братствами, монастырями. С одолженных книг снимались копии, после чего те возвращались, но иногда они оставались у новых владельцев.

Увеличиваются количественно и становятся все более разнообразными по содержанию книжные собрания епископских кафедр, ряда монастырей — Киево-Печерской лавры, Густынского, Троицко-Ильинского в Чернигове, Загоровского (Волынь), Грушевского (Закарпатье) и др., а также братств, коллегий. В монастырских библиотеках, где основную часть книжного собрания составляли литургические и богословские сочинения, возрастал удельный вес светских книг, среди них такие книги для чтения, как «Повесть о Иосафате и Варлааме», «Иудейская война», «Александрия» и др. Еще в большей мере это относится к частным книжным собраниям горожан, достигавшим иногда внушительных размеров. Так, львовский врач Эразм Сикст имел 750 книг, член братства Константин Мезапета — 136. В библиотеках образованных горожан ведущее место занимали произведения античных авторов (в первую очередь Цицерона, Аристотеля, Плутарха), писателей-гуманистов Эразма Роттердамского, Меланхтона, медицинские и юридические трактаты. В библиотеках имелись книги не только на церковнославянском, украинском книжном, но и греческом, латинском, польском языках. На латинском языке читались произведения Петрарки, Боккаччо, Кампанеллы, Ибн Сины и многих других авторов. Из произведений украинских, русских, польских, западноевропейских авторов состояли библиотеки Л. Зизания, М. Смотрицкого, П. Могилы и других деятелей украинской культуры.

Издательская марка Ив. Кунатовича из Львовского октоиха. 1639 г.

На формировании книжных собраний горожан сказалось обострение

ПРЕДМОВА.
ДО ЧИТЕЛНИКА ОУЦЫННОГО.

Многими Пророкы акъ Годно-
стами, Бгъ Всемогущій, станъ Сѡтворитскій,
оучиноваль и оуттиль Чителникъ Оувацѣнный:
Гды ѡными повѣрнат, Таємницами своими
Божскими шафовати, и дорады прекрасно-
ваѣ, якоу вѣрныхъ сынтелнат, ѡныхъ прибырат; по
Аплѣ Павлѣ: Што дал єст, ѡны усо Аплы, ѡные Пророкы,
ѡные Евангелистины, ѡные Пастыры и Вынтлы. Для того
Хрыстомъ Стый Оувацѣнникомъ, володномъ Церковнымъ
называнъ, якоторый акъ Бжій, якоу найпоштовнѣйшій
покарм, вкладано сывать; аны ныщіе тлоки, тымже покармо
поживанья: знамынитам зданье годность Сѡтворитскаль,
поневажъ ѡной жадный станъ на том свѣтѣ, поровнатся не
можетъ. Станъ Цесарскій и Кролевскій, єстъ дѡбрѣ повадный,
але нѣжного єстъ поважнѣйшій станъ Сѡтворитскій: со Це-
сарюмъ, Кролемъ, якымкаль Потентатомъ того свѣта. вла́дза
ѡ Бгѣ Всемогущого єстъ дана, на маєтности, грѡбтам
земскѣ, и на тѣлѣсномъ людскомъ: а Сѡтворитци, вла́дзетъ дѡ-
ховнои, розвязуючои ѡную, зъ грѣхѡвъ Бгъ прощаючъ, и зъвязуючои
вла́дзою, ѡ Хѣ Пана своего дано; же тежъ ѡ власти такового
Сѡтворитского, самъ Найсвятшій Бгъ Сотырель нашъ Іс Хс,
Апостолѡвъ до себе, яко до Бога Отца, и Дха Стого, несе-
тано, повѣдаючи: Поколенъ зъ вамы на земли, вѣдетъ
зъ вамы и я: я кто крывдъ розвязуючи на земли, вѣдетъ
розвязано и на небѣ: якъ тѣды душа, єстъ зъединона зъ
тѣломъ; такъ стану Сѡтворитскій на земскѣ годности, вѣдетъ стано
Потентатовъ того свѣта, прирывано: а духовно годность
Сѡтворитскаль, на Станахъ найзацнѣйшихъ того свѣта про-
нѣтъ: але тежъ, и ѡны мешканцовъ Небескихъ, вѣдетъ Анголскихъ

Первая страница «Евангелия учительного». Киев. 1637 г.

идеологической борьбы на Украине. Православная и католическая церковная верхушка стремилась не допустить распространения неапробированных духовной цензурой книг, особенно «еретических». Но все же такие книги находили своего читателя. Среди пяти книг, оставшихся после смерти львовского слуги Ивана Борика,— три протестантских. Известностью пользовались издания белорусского протестанта Симона Будного. В рукописях, несмотря на строгий запрет церкви, расходилось сочинение Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого «Зерцало богословия». Все более широкое распространение рукописной и печатной книги способствовало оживлению общественно-политической и культурной жизни, укреплению международных культурных связей.

Особенно важным достижением в области книжного дела рассматриваемого периода было упрочение русско-украинских связей. С 40-х годов XVII в. в Москве начали перепечатывать отдельные издания украинских типографий. Что же касается украинских издателей, то они постоянно пользовались рукописными и печатными текстами русского происхождения. Деятели украинского книгоиздания сознательно стремились к упрочению культурного единения с Россией, понимая, что оно служит сохранению украинской культуры в условиях наступления католической контрреформации. Большое значение имело также сотрудничество украинских и белорусских книгоиздателей. Существенной была роль книгопечатания и в культурных связях Украины с южными и западными славянами, со многими странами Западной Европы.

Активность на поприще книгопечатания деятелей прогрессивного направления содействовала тому, что в целом печатная книга сыграла важную роль в идеологической подготовке освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг., направленной против господства на его землях польских феодалов, за воссоединение Украины с Россией. Это вынуждены были признать даже угнетатели. Один из них писал в 1651 г., вскоре после Берестецкого сражения: «Такое большое восстание в государстве показало теперь, каковы результаты деятельности их типографий, сеющих часто и густо схизму».

История возникновения и развития книгопечатания на Украине — одна из ярких страниц истории культуры украинского народа, убедительное проявление плодотворности межславянских культурных связей.

3. ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА

Устное народное творчество. В XVI в. продолжался процесс формирования украинской народности, важными факторами которого являлись единый язык и общая для всех украинских земель народная художественная культура. Устная словесность, традиции и обычаи регламентировали жизнь трудового украинского населения, выражали его мировоззрение и этику. Воспитательное и морально-дидактическое воздействие обычаев и народнопоэтического творчества сыграло на этом этапе важную роль в сплочении украинских трудящихся масс в их борьбе против окатоличивания и насильственной ассимиляции (полонизации, мадьяризации), в становлении психического склада украинского народа. Героико-патриотические мотивы звучали в сказочно-богатырском эпосе, преимущественно в героико-фантастических сказках, легендах о подвигах богатырей, колядках, прославлявших воинскую отвагу в битвах с врагами, а особенно в думах, песнях и преданиях, возникавших по свежим следам мужественной борьбы народа против иноземных захватчиков, стремившихся огнем и мечом поработить украинский народ. Народнопоэтические произведения всех жанров воспевали трудолюбие, свободу, справедливость, честность, храбрость, любовь к родному краю, жизненный оптимизм; они осуждали нарушителей правовых, этических и других установившихся норм жизни и быта народных масс, выражали ненависть к угнетателям, клеймили предателей.

Письменных сведений о фольклорном процессе второй половины XVI—первой половины XVII в. сохранилось мало. Но и они дают основания говорить о богатом жанровом и те-

матическом репертуаре народнопоэтического творчества того времени, о важной духовной функции фольклора в жизни трудового народа и о влиянии его на художественную литературу.

Определенное представление о быте украинского народа, содержании устной песенности и о хореографии в XVI в. дает поэма С. Кленовича «Roxolania» («Русь»), написанная в 1584 г. на латинском языке. Это первое подробное этнографически-фольклорное описание жизни и народного творчества населения западноукраинского края. Для иллюстрации приведем картину досуга карпатских пастухов (в переводе на русский язык):

Есть из чего пастуху здесь флояру себе смастерить,
Чтобы сыграть он на ней простую мелодию мог.
Так развлекает пастух длинную скуку флоярой в лесу,
И он играет на ней разные песни свои.
И о давних боях он поет в них, и любовь воспевает,
Переплетает он грусть с радостью в простом ладу.
Видел я, как гайдуки танцевали свой танец прескорый,
Быстро в метелице той били ногами они.
Правой рукой держит он нож и в такт выбивает ногами,
И у танцоров в кругу ясно оружье блестит.

В тексте этого произведения вспоминается народная песня о пастухе, прилетающем на свидание к девушке-чародейке, приведены в нем и отдельные коломыйки.

О широком распространении украинской народной поэзии свидетельствует ее влияние на украинских и польских писателей того времени. Несмотря на суровые требования поэтики классицизма, фольклор просачивался в художественную литературу, которая и отразила его развитие. Так, в произведениях украинского писателя-полемиста конца XVI — начала XVII в. Ивана Вишенского находим ценные сведения о народных обрядах, драматических представлениях, обрядовой поэзии. Защитник православия от наступления унии и католицизма, борец за его «чистоту», он отрицательно относился и к обрядам, несущим в себе языческое начало, требовал от священников «Купала на Крестителя утопить и огненное скакание отсечь». В конце XVI в. в послании князю Острожскому он советовал: «Коляды з мест и сел учением выжените... Щедрый вечер из мест, из сел в болота зажените, нехай с дьяволом седит, а не с христиан ся ругает» [1].

В преследовании народных обрядов церковь поддерживало государство. В одном из указов царя от 1646 г., направленном против народных увеселений под Новый год с разыгрыванием представлений «Коза» и «Маланка», упоминается чучело кобылки: «Надевают на себя машкару и одежду скоморохов, и меж себе нарядивши, бесовскую кобылку водят» [2].

О свадебных обрядах рассказывается в книге Г.-Л. Боплана «Описание Украины», изданной в Руане в 1650 г. Описывая свадебные обычаи, Боплан отмечает популярность танцев молодежи под дуду. Приведенные и другие документальные данные дают основание судить о многообразии и распространенности народных обрядов, традиционно сопровождаемых богатой песенностью, уходящих своими корнями в далекое прошлое.

Польские рукописные и печатные сборники любовной лирики первой половины XVII в. изредка включают и отдельные народные украинские песни (например, песня «Чом, чом, чому босо ходиш» в издании 1615—1617 гг. «Pieśni, tańce a padwany», песня-баллада о казаке и девушке Кулине, которую он сманил с собой,— в отдельной брошюре 1625 г. «Pieśń kozaka Płachty» и др.). Польские

[1] Киевская старина, 1885, апрель, с. 657.

[2] Этнографическое обозрение. М., 1914, № 1/2, с. 70.

Пандекты Антиоха. Рукописная книга. 1307 г.

Каменец-Подольская крепость. Современный вид.

Хата из с. Самары Ратновского района Волынской области. XVI в.

писатели того времени включали отдельные украинские народные песни в оригинале в свои произведения, а также использовали их сюжеты, образы, ритмические схемы. Так, в комедии «Mięsopust albo tragiokomedia» (1622) встречаем ту же, очевидно, очень популярную в то время песню о казаке и Кулине «Ой, козаченьку», в произведении Яна Щенского Гербурта (1567—1616) «Herkules z Fortuną i Cnotą» — песню «Пастуше, пастуше» и т. д.

Под влиянием конкретных условий жизни народа — закрепощения крестьянства и обострения классовой борьбы во второй половине XVI в., а также нарастания освободительного движения и противодействия турецко-татарской агрессии, в которых очень важную роль играло казачество, массово пополняемое выходцами из крестьянства,— развивается песенность острого социального и патриотического звучания. Ведущими темами песен и дум являются беззаветная верность родине, решительная борьба против иноземных поработителей и классового гнета. Главным их героем выступает рядовой представитель казачества, смелый воин, жаждущий проявить себя в борьбе с врагами родины. Дума «Ивась Коновченко, Вдовиченко» всем своим содержанием призывала крестьян и городскую бедноту в казацкие ряды, к ратным подвигам в борьбе с захватчиками, что было настоятельным требованием данного исторического этапа жизни народа:

Ой на славній Україні кликне-покликне
Филоненко, корсунський полковник,
На долину Черкень гуляти,
Слави війську, рицарству достати:
«Которії козаки, то і мужики,
не хотять по ріллі спотикати,
За плугом спини ламати,
Жовтого саф'яна каляти,
Чорного едемана пилом набивати,—
Слави би війську, рицарства достали,
За віру християнськую одностайно
стали!»
То есаули у города ся засилали,
По вулицях побігали,
На винники, на лазники словами
промовляли:
«Ви, грубники, ви, лазники,
Ви, броварники, ви, винники!
Годі вам у винницях горілок курити,
По броварнях пив варити,
По лазнях лазень топити,
По грубах валятися,
Товстим видом мух годувати,
Сажі витирати,—
Ходіте за нами на долину Черкень
погуляти!»

Думы не только поднимали народные массы на решительную борьбу с врагами, но одновременно выполняли и морально-этическую, воспитательную функцию. Мотив соблюдения воинской дисциплины и следования советам старших является одним из магистральных в думе об Иване Коновченко. Дума об Алексее Поповиче отстаивает высокие принципы общественного поведения казака-воина. В ней словами главного героя, обращенными к казакам во время бури на Черном море, самокритично осуждаются несовместимые с принципами народной морали поступки:

Я собі найбільший всіх вас гріх маю:
Що я от отца свойого, от паніматки із
города Пирятина в охотноє войско
виїжджал,
Я с отцем і паніматкою прощенія не
принімал,
Я отца свойого і паніматку стременами
в груди от себя отпихал,
Старшого свойого брата зневажал,
Старшую свою сестру сильно
проклинал,
Що я, панове, сам не добре починал,
Что кров христіанскую безневинно
проливал,
По городу Пирятину поєзжал, діток
маленьких добрим конем розбивал...

Лейтмотивом думы о Самойле Кошке является идея сурового наказания за измену. Длительная героическая борьба украинского народа против внешних захватчиков требовала воспитания стойкости и дисциплины, и эту роль в значительной степени взяло на себя народное творчество.

Большое значение в отражении турецко-татарской агрессии имели боевые действия запорожских и донских казаков. Совместная борьба двух братских народов нашла яркое отражение в их народнопоэтическом творчестве. В частности, одна из русских народных песен рассказывает о подготовке донских, яицких и запорожских казаков к походу на турецкую крепость Азов и взятии ее в 1637 г.:

У нас было, братцы, на святой Руси,
На святой Руси, на Тихом Дону,
На Тихом Дону на Иваныче,
Сходился тут хорош-пригож казачий круг,
Донское казачье со Яицкими,
Гребенские с Запорожскими.

В украинском фольклоре это событие отразили песни, в которых излагается легенда, как чумаки под видом товара ввезли в город Азов воинов, чем способствовали взятию крепости («Як крикнув же наш пан отаман з-за зеленого гаю», «Ой що то за крячок над морем крякає»).

Казак-патриот и воин, защитник родной земли, бесстрашный в бою и перед лицом жестокой смерти, изображен в думах и песнях с эпическим размахом. Таким он выступает и в далеких морских и сухопутных походах, и в бою, и в турецкой неволе. Глубоким лиризмом насыщены те думы и песни данной тематики, где нарисованы картины прощания казака с родными и его смерть в безлюдной степи.

«Старейшие думы,— писал известный исследователь песенного фольклора Ф. М. Колесса,— изображают события и лица, постоянно повторявшиеся в течение XVI—XVII вв. как типичные явления. Эти думы нельзя втиснуть в более точную хронологическую схему... ни одну из этих дум нельзя связывать с каким-либо определенным событием или личностью, они же воспевают безымянных героев, вспоминая исторические имена совсем случайно». Это касается и знаменитой песни о казаке Байде—обобщенном образе народного героя. Главная ее черта — высокое патриотическое звучание, апофеоз мужества воина-героя, который и в плену под пытками отказывается служить врагу:

Цар турецький к ньому присилає,
Байду к собі підмовляє:
— Ой, ти, Байдо, та славнесенький,
Будь мені лицар та вірнесенький,
Візьми в мене царівночку,
Будеш паном на всю Вкраїночку!
— Твоя царю, віра проклятая,
Твоя царівночка поганая!

Даже повешенный турками ребром на крюк, пламенный патриот Байда находит способ отомстить своим врагам.

Мужество и героизм сынов Украины в борьбе против иноземных захватчиков воспеваются во многих песнях. До наших дней дошла песня о взятии Варны казаками в 1606 г., колядка о нападении шляхетских войск и униатов в 1632 г. на Софийский собор в Киеве. В художественно-обобщенной форме о казацком походе против турок и татар рассказывается в известной песне «Ой на горі да женці жнуть».

Уже в XVI в. народная поэзия фиксирует название «Украина» в его сложившемся этническом и территориальном значении, как это видим в цитированных выше строфах песни о Байде или в колядке о борьбе с турками, которая в этот старинный жанр вносила тему, подсказанную действительностью того времени:

Гречний молодче, Сергійку-хлопче!
Ти п'єш, гуляєш, гадки не маєш,
Що твою Вкраїну турки зайняли,
Турки зайняли, в полон забрали.
— Ой дайте мені коня косача,
Коня косача, гострого меча,
Гострого меча, пучечок свічечок,
То я тих турків конем дожену,
Мечем висічу, огнем випечу,
Свою Вкраїну назад заверну,
Назад заверну, краще обсажу.

Наступление польских магнатов и шляхты на Украину, резкое усиление феодально-крепостнического и национально-религиозного гнета вызвали решительное сопротивление народных масс; казацко-крестьянские восстания с конца XVI в. набирали все больший размах и силу, чему способствовал активный процесс оказачивания крестьян и мещан, стремившихся избежать тяжелой крепостной зависимости. Все это вызвало появление в народной песенности новых произведений антифеодальной направленности. В них отражена героическая борьба трудящихся против эксплуататоров. Экспансия польских феодалов на Украину, захват ими Киевщины, Волыни и Брацлавщины, усиление феодального гнета получили глубоко отрицательную оценку в творчестве украинского народа:

Ой од Вісли та до Києва
Пробитії шляхи.
Завладіли та несправедливо
Краєм нашим ляхи.

Песни, воспевавшие крестьянско-казацкие восстания, зафиксировали значительное количество конкретно-исторических реалий и имен, что усиливает их познавательное значение. Так, о восстании под руководством С. Наливайко в 90-х годах XVI в. сохранились народные песни «Ой у городі Могильові» и «Славна стала та Кравчина», а также легенды и предания.

Песни о крестьянско-казацких восстаниях против феодального гнета и иноземных поработителей, как правило, рисуют картины сражений, героическую борьбу масс и руководителей этой борьбы. Некоторые из этих народных произведений в поэтической форме рассказывают о стойкости народных героев под жесточайшими пытками, о мужественном поведении перед казнью, когда они призывают к отмщению шляхетским палачам. Так, в песне о восстании под руководством Сулимы содержится призыв отплатить шляхте за мученическую смерть Наливайко, который, по преданиям, был замурован в каменную стену, а потом сожжен в медном быке. Легенда о такой казни Наливайко, по мнению И. Франко, появилась в среде польской шляхты как способ посмертной мести одному из инициаторов освободительной борьбы украинского народа.

Массовые крестьянско-казацкие восстания 30-х годов XVI в. запечатлены народной памятью в ряде преданий и песен, донесших до потомков дух борьбы и имена героев-повстанцев. Упомянутая песня о Сулиме «Ой в городі Батурині дзвони задзвонили» выражает понимание исторического значения патриотического подвига борцов против шляхты:

Ой багацько та користі
Зведеться за нами,
Коли схочемо побиться
Бучно із ляхами,
Коли схочемо побитись
З вражими ляхами,
Що на нашій дідовщизні
Поганяють нами.

Песня «Про Сулиму, Павлюка ще й про Яцька Остряницю» дает поэтическое изложение конкретных событий классовой борьбы с момента разрушения восставшими крепости Кодак, построенной шляхетской Польшей в 1635 г. для того, чтобы преградить путь беглым крестьянам в Запорожскую Сечь и изолировать последнюю от остальной Украины, до ухода Степана Острянина (Остряницы) со своими казаками в русские земли на поселение. Знаменательно, что эта песня фиксирует классовое расслоение казачества, предательство старшинской верхушки («Силу ж панів перебила голота бурлацька, та не хотіла водно стати старшина козацька») и своеобразно выражает стремление народных масс к единению с русским народом.

Поэтическим отзвуком событий этого времени является и песня о казаке Чурае, соратнике Острянина. Рассказ о его казни в Варшаве завершается клятвой продолжить борьбу против угнетателей:

Орлику, сизий орлику, орлів-братів маєш,
І старії й молодії, сам їх добре знаєш.
І старії й молодії — всі в тебе вдалися,
Відомстити да за тебе усі поклялися.

Таким образом, историческая песенность, возникшая в условиях обострения классовой борьбы на Украине в конце XVI — первой половине XVII в., отразила настроение широких народных масс, их непримиримость к эксплуататорам и иноземному порабощению, возрастающее стремление украинского народа к единению с русским народом.

Поэтическое творчество народа этого периода отразило также многие социально-экономические изменения в обществе; в песнях, преданиях и отдельных сказках появились новые сюжеты и персонажи. Наряду с воинами-казаками в особом цикле песен выступают чумаки — торговцы солью и рыбой, появление которых связано с развитием товарно-денежных отношений. Рост ремесел и торговли в городах усилил сословно-профессиональную дифференциацию городского населения. Это, в частности, отразила известная юмористическая лирницкая песня о Куперьяне:

Зібралися ми та всі тутечки,
Не прості люди — все ремісничкі:
То писарі, то малярі,
То ковалі, то слюсарі,
То шевчики, то крамарі,
Виновари й пивовари,
Купер'ян-цехмейстер над соломою.
...Хто маючий, хто багатий,
Хто покірний, хто завзятий,
Хто вродливий, хто хороший,
Кому течуть з річок гроші,
А Купер'ян каже: «Я весь у злоті».

Активная общественная деятельность, решительная борьба против угнетателей способствовали обогащению социального опыта и расширению мировоззрения масс, что нашло свое преломление и в устном народном творчестве, особенно в пословицах и поговорках. Их активно использовали писатели-полемисты (Вишенский, Копыстенский и многие другие). Например, в «Апокрисисе» (Острог, 1597—1598 гг.) встречаются поговорки «Шило в міху не затаится», «Собака брешет, а вітер несет», «Не місце людей, а люди місце посвіщают»; в «Палинодии» З. Копыстенского (1621—1622) — «Мают и святії свої бородавки», «Не все то Перун, що в Риму гримить» и др.

Исключительную ценность для раскрытия пословичного творчества украинского народа XVI — первой половины XVII в. представляет сборник «Приповѣсти посполитые» Климентия Зиновиева, составленный в конце XVII — начале XVIII в. Вошедшие в него пословицы и поговорки в большинстве своем, несомненно, сложились значительно раньше времени их фиксации К. Зиновиевым (конец XVII — начало XVIII в.), стали уже традиционными. Они свидетельствуют о высоких моральных принципах трудящихся масс, об их гуманизме («Хоч хто мал, не топчи його в кал»), оптимизме («Козацькому роду нема переводу», «І перед нашими воротами сонце зійде»), отрицательном отношении к войнам («Дай, боже, воювати, да шабель не виймати»; «На войну йдучи по чужу голову і свою неси»), ненависти к угнетателям и прежде всего к польской шляхте («Ляхи нам не пани, а ми їм не хлопці»). В пословицах народная мудрость разоблачала панов и их прихвостней («З паном не братайся», «Не таков пан, як паненята»), обнажала лицемерие эксплуататоров («Обіцяв пан кожух, да слово його тепле», «Панська ласка до порога»,

«Панська ласка літо гріє, а на зиму кожух треба старатися», «Добра пані за рабами»).

Несмотря на то что в борьбе против шляхетско-католического наступления на украинские земли выдвигался лозунг «защиты православия», трудящимся зачастую был присущ религиозный индиферентизм, ироническое отношение к церкви и разоблачительно-пренебрежительное — к служителям культа. Эти черты народного мировоззрения афористически выражали многочисленные пословицы и поговорки («Бог високо, а пан далеко», «Богу молися і чорта не гніви», «Борода, як у Спаса, а зуби, як у собаки», «Вольно собаці і на бога брехати», «Взявся п'яний за тин, як за попа трясця», «У попа вовчі ноги, а ведмеже черево» и др.).

Усиление социальных мотивов в украинском фольклоре обусловило обогащение его юмористическими и сатирическими произведениями. Это были припевки к танцам «козачок», «голубец» (последнее название танца зафиксировано в сборнике Б. Зиморовича «Sielanki nowe ruskie», 1663 г.), веселые песни-шумки (этот термин зафиксирован в одном из документов 1611 г.), драматические представления-интермедии и пр. Интермедии, песня о Куперьяне, остроумные пословицы и поговорки свидетельствуют о том, что в украинском фольклоре XVI— первой половины XVII в. наряду с эпическим и лирическим отражением действительности значительное распространение получило и юмористическое восприятие жизненных явлений, свидетельствующее о критическом отношении к ним народных масс. Юмор своеобразно воплотил в себе оптимизм народа как одно из качеств его психического склада — тех качеств, которые помогали ему в жизни и борьбе.

Говоря в целом о фольклоре конца XVI— первой половины XVII в., следует особо отметить его исключительно важное познавательное значение. Фольклор донес до наших дней взгляды и настроения трудящихся масс — современников и главных участников событий того времени, народную оценку социально-исторической действительности, ценные сведения бытового характера.

Становление новой литературы. Изменения, происходившие в украинской литературе во второй половине XVI в., позволяют говорить о начале ее нового этапа, подготовленного всем ходом исторического развития, спецификой социально-экономической и политической жизни Украины. В подъеме духовной жизни украинского народа важную роль играли его многогранные связи с русским и белорусским народами, постоянное общение прогрессивных деятелей трех братских народов.

Одной из наиболее выразительных сторон украинского литературного процесса второй половины XVI— первой половины XVII в. является активная ориентация на поэтические традиции Киевской Руси. Творчески переосмысливая идеи, темы, мотивы, образы древнерусской литературы, украинские писатели подчеркивали общность происхождения трех восточнославянских народов и рассматривали Киевскую Русь как их общую прародину. Вместе с тем культура восточных славян, в том числе и украинская, имела многовековые разветвленные связи с европейской культурой в целом. Вполне закономерно, что сдвиги, переживаемые Европой в период Возрождения и Реформации, не могли не сказаться в той или иной степени на духовном развитии Украины. Достижения русской культуры, а также проникавшие с Запада идеи Возрождения и Реформации содействовали расширению и укреплению мировоззренческих позиций передовых украинских деятелей, выработке новой идейно-эстети-

ческой концепции видения и отражения мира. Именно эта новая, во многих своих элементах ренессансная концепция и определила дальнейшие пути развития украинской литературы.

Ф. Энгельс, раскрывая историческую сущность эпохи Возрождения, писал, что она представляет собой «величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством...» [1]. Марксистское положение о возникновении в эту грандиозную историческую эпоху новых литератур дает ключ к пониманию того сложного литературного процесса, который происходил на Украине во второй половине XVI—первой половине XVII в.

Новые гуманистические идеи влияли на подход к социально-политическим проблемам, активизировали общественную мысль. Писатели, все чаще освещая тяжелое положение угнетенных и остро клеймя угнетателей, стали связывать осуществление своих общественных и морально-этических идеалов с распространением образования.

Общественно-политические движения этого периода оказывали влияние на расширение тематики литературных произведений, приближали их к жизни, литература начала активно вторгаться в злободневные события.

Перемены в мировоззрении и эстетических вкусах писателей вызвали изменения в характере художественных средств. Хотя устоявшиеся литературные формулы, выработанные и усвоенные предшественниками на протяжении столетий, долго еще оставались в активе украинских писателей, как прозаиков, так и поэтов, однако они заметно видоизменялись, а временами приобретали новое содержание. Средневековая абстрактная, преимущественно религиозная, символико-аллегорическая поэтика все чаще уступала место тропам, возникающим под влиянием жизненных ассоциаций или заимствованным писателями из народной словесности. Опосредствованное изображение действительности, типичное для средневековой художественной системы, начало отступать перед конкретным ее описанием с учетом жизненно правдивых деталей, что свидетельствовало о нарастании реалистических тенденций.

В связи с развитием на Украине книгопечатания возникли специфические жанровые разновидности литературы — книжные посвящения, предисловия и послесловия (в том числе и стихотворные), представляющие собой своеобразные зачатки литературной критики. Произведения этого жанра — они появлялись как творческое продолжение прежде всего издательской манеры Франциска Скорины — содержат важную историческую информацию, а большинство их интересно еще и своей литературной формой.

Полемическая литература. С конца XVI в. на Украине бурно развивался такой вид литературы, как полемическая. Украинские полемисты, отстаивая «чистоту» православия как знамя консолидации всех восточнославянских народов, развернули идеологическую борьбу против католицизма («римлян»), а также против реформационных течений («лютеров», «кальвинов», «ариан»). Полемика с католической церковью достигла кульминации в период подготовки и осуществления церковной Брестской унии 1596 г., когда особенно усилилось наступление идеологов католицизма и унии на украинский народ, его культуру, язык, обычаи и веру. На протяжении последней четверти XVI— первой половины XVII в. было создано много литературных памятников острой антикатолической на-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 346.

правленности самых различных жанров: открытых писем, посланий, памфлетов, богословских трактатов, подборок документальных материалов.

Украинские полемисты обращались и к старому оружию — полемическим памятникам прошлых столетий, перерабатывая и дополняя их применительно к требованиям времени. Так возникла новая редакция (и под новым названием) одного из первых оригинальных произведений Киевской Руси — «Вопрошеніе князя Изяслава, сына Ярославля, внука Володимирова, игумена Печерскаго великого Феодосія о латинѣ». Переписывались и редактировались «Поученіе [от] седми сбор на латину» киевского митрополита Иоанна II (XI в.), «Посланіе от Никифора митрополита киевского к Ярославу князю Святополчичю» (XII в.).

Наряду с новыми редакциями полемических произведений прошлых веков появляются компиляции, авторы которых, используя имевшийся литературный материал, придавали ему злободневное звучание.

Один из наиболее известных писателей-полемистов последней четверти XVI в. Герасим Смотрицкий в 1587 г. издал в Остроге книжку, которая состоит из двух полемических статей: «Ключ царства небесного и нашее христианскоє духовноє власти нерешимый узел» и «Каленъдар римски новый» с предисловием «До народов русских» и посвящением.

«Ключ царства небесного» — ответ на брошюру иезуита Гербеста «Веры церкви римской выводы» (Краков, 1586, на польском языке). Смотрицкий выступает тут как пламенный патриот, блестящий публицист, писатель-сатирик. Он понимает общность интересов украинского, белорусского и русского народов, сознает опасность, которая угрожает им со стороны Ватикана, призывает соотечественников к борьбе против иноземных поработителей: «Повстанте, почуйтеся і поднесьте очи души ваших».

В статье «Каленъдар римски новый» Смотрицкий показывает, как католическое духовенство стремилось использовать даже календарную реформу, проведенную папой Григорием XIII в 1582 г., для того, чтобы ослабить и разорвать связи между украинским, русским и белорусским народами и тем самым подготовить почву для унии. Смотрицкий с сочувствием говорит о крестьянах: «Человѣк бѣдный, убогий, который от працы рук своих и в потѣ лица мусит ясти хлѣб и с тоеж працы и поту мусит досыть чинити и давати пану». Он мастерски раскрывает антипапскую тему, акцентируя в основном на социально-моральных аспектах. Его едкая сатира, воплощенная в остроумные афоризмы, часто рифмованные, бьет метко и язвительно, язык богат народными идиомами, пословицами и поговорками. Смотрицкий подчеркивает, что успех в борьбе против католицизма зависит и от активности полемического слова.

К концу XVI— началу XVII в. относится творчество ряда блестящих полемистов, в частности Василия Суражского (Острожского) — автора фундаментального богословского трактата «Книжицы о шести роздилах». Наиболее выдающийся из них Иван Вишенский, используя лучшее из созданного предшествующей восточнославянской полемической литературой, глубоко воспринимая публицистические произведения своих современников — украинских и русских писателей, выступает с острыми по своей социальной насыщенности «обличеніями», «извѣщеніями», «порадами», «писаніями», клеймит весь общественный строй Речи Посполитой. В настоящее время известно 16 произведений писателя, созданных за период 1588—1616 гг. Обнаруженный недавно автограф великого полемиста не исключает возможности выявления новых его произведений.

Значительное место в мировоззрении Вишенского занимала идея равенства людей перед богом. Для полемиста знатность происхождения, высокий сан, богатство — ничего не значащие категории. Только личные качества человека определяют его ценность, поэтому честный «кожем'яка» «лѣпший і цнотливѣший», чем «єпископы». Вишенский всех феодалов, польских и украинских, светских и духовного сословия, католического или православного вероисповедания, ставит на одну ступень — все они безжалостные угнетатели подданных им «убогих русинцев» (украинцев.— *Ред.)*. Он ненавидел эксплуататоров и предупреждал народ, что от них добра ждать нечего: «На панов же ваших руского роду, на сыны человѣческия, не надѣйтеся!».

Вишенский обрушил свой сатирический талант против римско-католической церкви и ее активнейшего в Речи Посполитой идеолога — «фарисея гордаго, возносливаго, хвалящагося и сам собою от всѣх лѣпших разумѣющася» — иезуита Петра Скарги.

Разоблачительное слово писателя — «публициста великого стиля», как пишет И. Франко, производило огромнейшее впечатление на его современников, в том числе и на «простых бескнижных слушателей», воспитывало чувство любви и уважения к трудовому человеку, ненависть к угнетателям, призывало к борьбе за социальную справедливость.

Большинство произведений Вишенского представляет собой послания и письма — жанры, получившие распространение еще в литературе Киевской Руси. У Вишенского они приобретают своеобразность благодаря большому публицистическому таланту, высокоэмоциональному художественно-образному мышлению и исключительно острому чувству слова. Характерной особенностью его стиля является сочетание «приземленных» тропов, найденных в реальной обыденности, с приподнятыми риторическими фигурами.

Вишенский с глубоким уважением относился к древнеславянскому (славянорусскому) языку, который был носителем культурно-религиозных традиций восточных славян, языком их единения. «Пойди, Скарго, в Великую Россию,— гневно бросает Вишенский своему постоянному оппоненту, который пренебрегал славянским языком,— и прочитай истории житий оных святых мужей... А навет, если не хочеш плодоносия спасительного языка словенскаго от великой России доведаватися, доступи в Киевѣ монастырь Печерский...». Защищая древнеславянский язык от постоянных нападок со стороны представителей католического лагеря, он писал: «Словенский язык пред богом честнѣйший ест и от еллинскаго и от латинскаго». В то же время Вишенский знал, что древнеславянский язык не всегда понятен народу, и поэтому советовал после богослужения разъяснять церковные книги простым народным языком: «По литургии ж для зрозуменя людского попросту толкуйте и выкладайте».

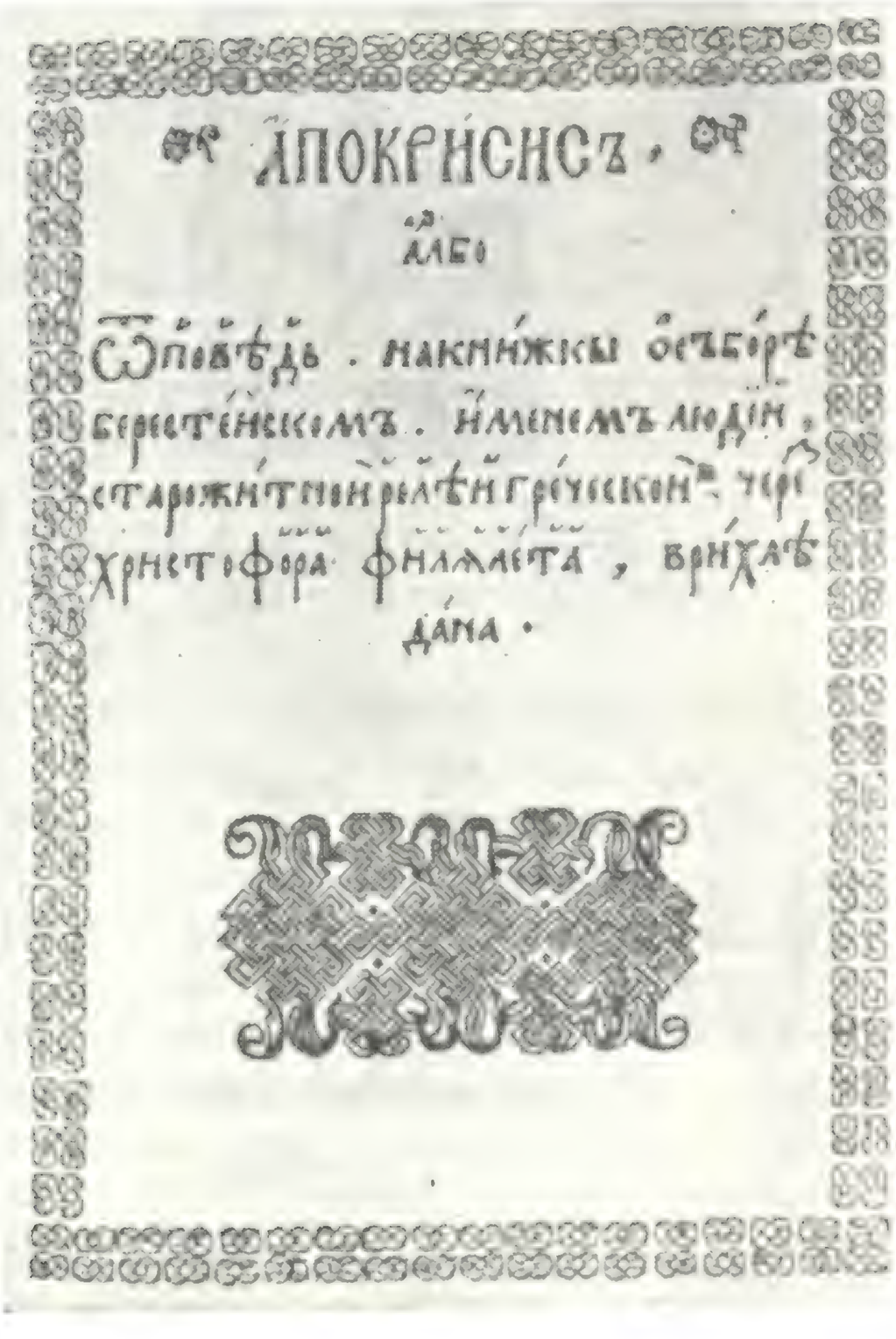
Такое четкое размежевание писателем назначения языков, функционировавших в те времена, нашло отражение и в его собственных произведениях. Обращаясь к теолого-догматическим темам, он писал «словенською мовою» «о латинской прелести», «о єретиках», «о позорище мысленном» и др. Когда же хотел, чтобы его понимали все, то переходил на «просту мову», употреблял разговорную, простонародную лексику. Этого принципа Вишенский придерживался и в пределах одного произведения.

Такая двуязычность была типичной не только для произведений, выходивших из-под пера Вишенского. Она долго оставалась ведущим принципом и для позднейших писателей— как украинских, так русских и бело-

русских, находила теоретическое обоснование в школьных пиитиках, риториках и, наконец, вылилась в учение Ломоносова о трех стилях, которое поставило на твердую почву языковое размежевание литературных стилей и жанров в русской письменности XVIII в.

Среди тех украинских полемистов, которые отличались религиозным и общественно-политическим радикализмом, выделяется фигура Стефана Зизания, учителя Львовской братской школы, а с 1593 г.— учителя и проповедника в Вильно, пламенного борца против унии. Написанный им «Катехізис» (1595) уничтожили иезуиты, и до нас он не дошел. В 1596 г. Зизаний издал в Вильно «Казанье святого Кирилла, патріаръхи іерусалимьского, о антіхристѣ и знакох его». В своей книге автор стремится доказать, что «папа єсть антихрист», связывая евангельские признаки прихода антихриста с произволом и преступлениями католической церкви в Речи Посполитой. Одновременно Зизаний, противопоставляя, подобно Вишенскому, «убогіх и от свѣта взгоршеных», «змордованых и обтяженных» «гордым, вывешеним, богатым», клеймит тех украинских православных духовных и светских феодалов, которые принимают унию, «кгвалтом всѣх за собою тягнучи, сами долегливостей не терплячи, всѣм бѣды задаючи...». «Казанье» Зизания было переведено в Росспи на церковнославянский язык и вошло в «Кириллову книгу» (Москва, 1644).

Выдающимся произведением полемической литературы был «Апокрисис албо Отповѣдь на книжкы о съборѣ берестейском именем людій старожитно греческои через Христофора Филялета врихлѣ дана» (вышел в Кракове в конце 1597 г. на польском, а в Остроге в 1598 г.— на украинском языке). Автор скрыл свое имя под псевдонимом Христофор Филалет.


АПОКРИСИСЪ, ОЧ
АЛБО
СЪПОВѢДЬ . НАКНИЖКЫ ОСЪБОРѢ
БЕРЕСТЕЙСКОМЪ . ИМЕНЕМЪ ЛЮДІЙ .
СТАРОЖИТНОЙ РЕЛѢИ ГРЕЧЕСКОЙ . ЧРЕ
ХРИСТОФОРА ФИЛАЛЕТА , ВРИХЛѢ
ДАНА .

Титульная страница «Апокрисиса» Христофора Филалета. 1598 г.

«Апокрисис» был направлен против новой книги Скарги «Собор Брестский» (1597). Но содержание его выходит за рамки историко-теологической полемики. Всесторонне критикуя унию, Филалет привлекает разнообразнейший литературно-повествовательный и фольклорный материал. Ирония, сарказм, едкое высмеивание противника — типичные приемы этой критики.

В начале XVII в. появился замечательный историко-полемический памфлет—«Пересторога». Анонимный автор ярко изображает преследования православного населения католическим и униатским духовенством. Основной способ борьбы против ополячивания и окатоличивания украинского народа он усматривал в распространении школьного образования, знаний, книгопечатания и с большим одобрением относился к куль-

ОМІЛІА
АЛБО
КАЗАНЬЕ
На Роковую Памать в Бозе Велебного
Архимандрита Печерского Кіевского
ЗАХАРІЮ КОПІСТЕНСКОГО
Монастыра Печерского Кіевского.
Написаное.
в Лаврѣ Печерской Кіевской.

Титульная страница книги «Оміліа албо казаньє...» З. Копыстенского

турно-просветительной деятельности братств.

На первую четверть XVII в. приходится расцвет творчества Мелетия Смотрицкого (сына Герасима Смотрицкого) —воспитанника Острожской школы, педагога, переводчика, автора прославленной славянской грамматики, писателя-публициста, церковно-политического деятеля. Среди его полемических произведений первое место занимает «Тренос» («Плач»), изданный в 1610 г. в Вильно под псевдонимом Теофил Ортолог. Это блестящее литературное произведение воссоздает реальную картину жизни порабощенных украинского и белорусского народов. В образе обиженной матери-вдовы показано тяжелое положение народа под двойным, феодальным и национальным, гнетом.

М. Смотрицкий показывает социально-политические связи католическо-униатского высшего духовенства с украинскими и польскими светскими феодалами, их враждебность простому люду. В то же время он выступает против антифеодального движения народных масс и в целях сдерживания его призывает панство к мило-

сердию, а простых людей — к покорности. Однако то лучшее, что создал М. Смотрицкий в первой четверти XVII в. как ученый и писатель, является ценным достоянием восточнославянских литератур.

Значительным произведением полемической литературы является «Палинодия, или Книга обороны...» Захарии Копыстенского, одного из активнейших деятелей киевского кружка ученых, а с 1624 г.— архимандрита Киево-Печерской лавры. «Палінодія» писалась в 1620—1622 гг., но напечатана не была, только отрывки ее публиковались в разных изданиях. Академический рассказ историка-богослова, который смотрит на события «из дали лет», время от времени прерывается исполненными иронии и сарказма критическими замечаниями в адрес сторонников католицизма. Автор понимает общность интересов русского, украинского и белорусского народов и проповедует дружбу между ними. Одновременно с гордостью патриота противопоставляет «латинникам» ученых-соотечественников и «учителей новых... в народѣ російськом». «В Россіи нашей дидаскалов много»,— заявляет он и выделяет среди них двух: русского писателя-публициста «преподобного Артемія» и украинского «мужа учоного велце» Стефана Зизания. Говоря о Москве, Копыстенский подчеркивает: там «суть люде мудріи и богослове православныи, язык греческій знаючіи...». Что касается прошлого, говорит писатель, то и в те времена никогда не прерывались многосторонние связи между народами-братьями. «Москва,— пишет полемист,— Росѣю нашою, на Москву пріѣзжаючею, як и послове московскіи, в Литвѣ и в Коронѣ бываючіи, сполечность церковную в собѣ мѣвали».

Становление полемико-публицистической прозы связано с периодом обострения социальных антагонизмов. Несмотря на идейно-художественную неоднородность, ей принадлежит выдающееся место в духовной жизни Украины второй половины XVI — начала XVII в., в пробуждении социального и национального самосознания народа. Полемическая проза, неся выразительные черты народности и проявляя все более усиливающиеся реалистические тенденции, сыграла исключительно важную роль в дальнейшем развитии украинской литературы.

Ораторская проза и паломническая литература. С конца XVI в. на Украине появляются новые формы ораторско-проповеднической прозы, хотя потребность в этой литературе продолжает частично удовлетворяться сборниками переводных и оригинальных поучений и «слов», заимствованных или созданных на Руси в XI—XV вв. («Златоструй», «Маргарит», «Златоуст», «Измарагд», «Торжественник» и др.). Поучения и «слова» византийских и древних южнославянских и восточнославянских ораторов распространялись как в рукописных сборниках, так и в отдельных списках, а позднее появляются и печатные сборники поучений «отцов церкви». В то же время было начато издание так называемых учительных евангелий, содержащих проповеди на воскресные и годичные праздники,— тип сборника поучений, который возник в Болгарии в IX в., но у восточных славян не получивших тогда широкого распространения. Составители этих сборников проповедей, где поясня лись соответствующие евангельские тексты и излагались морализаторские поучения, стремились к простоте и ясности изложения, писали понятным для широких масс языком и этим самым утверждали его как письменный литературный язык.

Самым выдающимся проповедником первой половины XVII в. был Кирилл Транквиллион-Ставровецкий — автор сборника поучений

«Евангелие учительное» (Рохманов, 1619), трактата «Зерцало богословія» (Почаев, 1618), а также сборника стихотворений и прозаических произведений «Перло многоцѣнноє» (Чернигов ,1646). Его проповеди содержат элементы социально-моральной критики общества: клеймят немилостивых скупцов, сребролюбцев, разбойников; разоблачают роскошную и разгульную жизнь панства; показывают приниженность и угнетенное положение простого люда; укоряют тех, кто чуждается своего народа, соблазняется «суетными именами» и ради титулов отрекается от отцовской веры; упрекают тех, кто подкупами добивается сана. Стиль проповедей Ставровецкого отличается образностью, картинностью описаний, обилием ярких эпитетов и метафор. Писатель прибегает к патетико-лирическим интонациям и достигает этим определенного драматизма. Материал для сравнений он заимствует как из литературы, так и из народного творчества. Выступая поборником образования, Ставровецкий призывает основывать школы, организовывать типографии, издавать книги.

Рассматривая паломническую литературу этого периода, нельзя обойти белорусско-украинскую «Книгу бесѣды о пути іерусалимском...» Даниила Корсунского, находившегося в Палестине между 1590 и 1594 гг. Это произведение в значительной мере основывается на старорусском «Хожденнии» Даниила Паломника (XII в.). Однако сведения своего предшественника Корсунский дополнил собственными наблюдениями, выписками из греческих апокрифов. «Книга бесѣды» написана древнеславянским (церковнославянским) языком, который позднее украинские переписчики (XVII в.) украинизировали. В первой половине XVII в. «Книга бесѣды» была переведена в России.

С 20-х годов XVII в. оживилась работа украинских книжников над таким видом церковно-исторической литературы, как жития «святых». Среди украинских агиографов выделяется Сильвестр Косов.

Летописание и мемуарная проза. На рубеже XVI—XVII вв. приобретает новые черты летописание, развивая дальше историческую мысль на Украине. Традиционные летописные рассказы вытесняются сжатыми погодными (по годам) записями, которые, как правило, охватывают современные автору события и выражают его отношение к ним.

Одним из интереснейших памятников исторической прозы является летопись, получившая название Густынской по месту создания в 1670 г. иеромонахом Густынского монастыря Михаилом Лосицким ее единственной сохранившейся копии. Как предполагают, летопись составлена около 1623—1627 гг. Захарией Копыстенским. Первая часть представляет собой сборник выписок из древнерусских летописей и польских хроник. Наряду с общеизвестными летописями (Киевской XII в., Галицко-Волынской XIII в.) автор использовал также произведения, не сохранившиеся до наших дней. В конце помещены три отдельных исторических рассказа: «Про початок козацтва», «Про запроваждення нового календаря», «Про унію, як вона почалася в Руській землі», которые по содержанию и эмоциональности стиля приближаются к полемической литературе.

В рукописный сборник летописных рассказов и заметок «Летописцы Волыни и Украины» входит Киевская летопись. В ее первой части помещены выписки из летописей и польских хроник о событиях истории Древней Руси. Собственные наблюдения летописца изложены в заключительной части, посвященной событиям 1608—1621 гг. в Киеве. В этот же сборник вллючен список Смоленской летописи (1162—1492),

что свидетельствует о росте интереса украинских читателей к памятникам русской историографии.

Острожская летопись, охватывающая 1500—1636 гг., составлена неизвестным автором в Остроге. В первой ее части (до 1597 г.) на оспове хроники Бельского кратко излагаются факты политической истории России, Украины, Польши. С 1598 г. в произведении встречается все больше эпизодов, описанных на основе личных наблюдений автора. Ярко, с публицистическим пафосом охарактеризована Острожская трагедия 1636 г., когда владелица половины города, ревностная католичка княжна Анна Алоиза Ходкевич «розмаітыми способами примушувала до унії». Острожская летопись сохранилась в составе сборника, в который входят также многочисленные материалы по истории России — «Из книги гранографа Великого Новагорода», «Ис книги летописца или кройника российского о зачале града Пскова» и др.

Народностью языка, образностью изложения отличается Львовская летопись (1490—1649), сохранившаяся в сборнике различных произведений и материалов, переписанных Михаилом Гунашевским, который, предположительно, и был ее автором (происходил из Восточной Подолии, начальное образование получил в Меджибоже, позднее жил в Ярославе и Львове, учился в Замостской академии). Гунашевского интересовали события не только местного, но и общеукраинского значения. Больше всего внимания уделено истории Украины с 1630 г., в частности рассказу о крестьянско-казацком восстании 1630 г. С негодованием пишет автор о бесчинствах шляхетских войск, которые «кривди незносніі чинили, людей без дання причины забываючи». Многие подробности о ходе восстания показывают, что автор основывался на свидетельствах очевидцев. Обобщенно-условное изложение у него все более вытесняется реалистическим описанием. Летописец-мемуарист умело пользуется художественно емкими деталями, чтобы достоверно воссоздать характер эпохи.

Небольшая летопись, созданная в Хмельнике на Подолии и охватывающая период 1636—1650 гг., свидетельствует о дальнейшем проникновении в летописание фольклорных образов и живого разговорного языка. О крестьянско-казацком восстании 1637 г. автор пишет: «И серпы и косы ковали на оружие, и не дармо земля траслася... На Вкраинѣ рѣки зафорбовалися о крывы людскои, повны были болота трусту ляцкого, а повны пали трупу козацкого по мѣстах».

В ряде монастырей — Густынском, Межигорском и др.— велись летописи, на страницы которых наряду с событиями монастырской нередко попадали сведения из общественно-политической жизни, о русско-украинских культурных связях и т. п.

Отражая характерную черту культуры Возрождения — усиленное внимание к личности, в украинскую литературу входит новый жанр — мемуарная проза. Интересным памятником этого жанра является «Тестамент» (завещание) 1577 г. брацлавского каштеляна Василия Загоровского своим сыновьям. В начале XVII в. написал свои воспоминания киевлянин Богдан Балыка «О Москвѣ и о Дмитрію, царику московском ложном».

Переводы светских повестей. Во второй половине XVI—первой половине XVII в. на восточнославянских землях возрастает интерес к переводной литературе — повестям, легендам, апологам, новеллам, фацециям (шуткам), попадавшим из Западной Европы через польское, чешское и немецкое посредничество.

В XVI в. в Белоруссии и на Украине становятся известными романы о Тристане и о Бове, а также «История

о Атыли, короли угорськом» — произведение примаса Венгрии Николая Олага. Сугубо светский характер этих авантюрных повестей, внимание к человеческим чувствам, интерес к бытовым деталям — все это признаки литературы нового типа, приметы нового литературного стиля.

В конце XVI в. появляется украинский перевод западной версии индийско-арабской повести о Калиле и Димне — произведения, в котором рассказы-притчи обучают людей, как надо жить и управлять государством.

В это же время распространяется украинская версия одного из вариантов русской повести о Мамаевом побоище, свидетельствующая о понимании населением Украины общего восточнославянского значения этой победы над татарами.

Поэзия. Наряду с публицистическо-полемической прозой в конце XVI—начале XVII в. в украинской литературе активно утверждается и полемическая поэзия. Примером ее может быть «Скарга нищих до бога» и стихотворения, входящие в Загоровский и Киево-Михайловский рукописные сборники, представляющие собой часть редакции не обнаруженного до сих пор огромного полемического комплекса из пяти тысяч стихотворных строк. Произведение вышло из-под пера неизвестного поэта-патриота и состояло из трех самостоятельных частей, органически связанных между собой общей идеей борьбы против окатоличивания и полонизации. Автор стихотворений выступает и против последователей радикальных реформационных течений, и против православной украинской и белорусской церковной верхушки, которая согласилась на унию.

С полемической литературой связан и «Лямент о пригоде нещасной... мещан острозких» (1636) — одно из ярчайших произведений украинской поэзии того времени. Его автор, скрывшийся под криптонимом «М. Н.», сумел показать, что народные выступления под религиозной оболочкой были формой острого социального протеста.

Книгопечатание содействовало распространению на украинских землях так называемой эпиграмматической поэзии, стихотворных геральдических эпиграмм (гербовых стихотворений), посвящений, предисловий, концовок.

Основателем этих жанров на Украине был Герасим Смотрицкий. Идеи патриотизма, гуманизма и общности восточных славян, которые нашли отражение в стихотворениях Смотрицкого, стали определяющими для всей украинской литературы конца XVI—первой половины XVII в. Его произведения имели большой резонанс во всей позднейшей восточнославянской поэзии. Их переписывали, им подражали, на них ориентировались.

Среди поэтов-эпиграммистов, кроме Смотрицкого, известны Андрей Римша, Демьян Наливайко, Памво и Стефан Берынды, Лаврентий Зизаний, Гавриил Дорофеевич, Тарасий Земка, Кирилл Транквиллион-Ставровецкий, Павел Домжив-Люткович, Сильвестр. Непосредственно причастные к издательскому делу (одновременно как писатели, редакторы, корректоры, типографы), они нередко «орнаментировали» стихотворениями свои же большие прозаические произведения. Эти стихотворения, отражая острую идеологическую борьбу в современном им обществе, пропагандировали патриотические идеи. Прославляя общественных деятелей, меценатов, поэты приписывали им те лучшие черты, которыми, по их мнению, должны были обладать государственные деятели, в частности, верность Родине, забота о просвещении.

С первых шагов становления книгопечатного дела на Украине начали появляться самостоятельные издания стихотворных произведений, прежде всего декламации, написанные специ-

ально для исполнения учениками во время торжественных событий или праздников (анонимная «Просфонима» (1591); «На рожество Христово вѣршѣ» Павмы Берынды (1616) и пр.). Среди них выделяются «Вѣршѣ на жалосный погреб... Петра Конашевича-Сагайдачного» Кассиана Саковича (1622). В четкой композиции произведения, совершенном владении техникой стихосложения проявился незаурядный поэтический талант автора. Любимый прием Саковича — введение «прикладов» (примеров), преимущественно из античной литературы, которыми он подкрепляет размышления о быстротечности земной жизни, равенстве всех перед смертью и необходимости ежечасно об этом помнить. Хотя это произведение написано в связи со смертью гетмана, дух его жизнеутверждающий: хвала воинам — защитникам отчизны и Петру Конашевичу-Сагайдачному, в идеализированном образе которого автор воплотил храбрость и мужество воинов в борьбе с врагами.

Отдельными изданиями появляются панегирики и лименты (плачи) без указания авторства—«Плач альбо Лямент по зестю з свѣта... Григория Желиборского» (1615), «Лямент по ...отцу Іоннѣ Василевичу» (1628) и т. п. Привлекает внимание панегирик в честь львовянина Григория Кирницкого, который, оставив домашний кров, «без сумту, без достатку» двинулся искать счастья в мире и получил в Падуе степень доктора философии (автор — Яков Седовский, земляк Кирницкого; напечатан в Венеции в 1641 г.).

Во многих произведениях выразительно прослеживаются черты нового, барочного стиля, который приобретает в то время господствующее положение в европейской культуре и занимает ведущие позиции в украинской литературе второй половины XVII в.

С развитием театрального искусства связано появление в начале XVII в. интермедий — комедийно-сатирических сцен, написанных народным языком.

Таким образом, последняя четверть XVI— первая половина XVII в. в украинском литературном процессе была начальным периодом становления литературы нового идейно-эстетического качества. В ней постепенно выдвигались общественно-политические, гуманистические проблемы, а система средневековых художественных средств постепенно вытеснялась ренессансно-барочной поэтикой, в которой определенную роль уже начали играть реалистические тенденции.

4. МУЗЫКА. ТЕАТР

Музыкальное искусство. Развитие украинского музыкального искусства тесно связано с общим процессом формирования украинской культуры и характеризуется во второй половине XVI в. постепенным становлением черт национального стиля. В то время закладывались основы музыкального образования и теоретической мысли на Украине, возникали многие формы, жанры и виды народного и профессионального творчества.

В области музыкального фольклора, претерпевая некоторые изменения, обусловленные новой эпохой и социально-экономическими отношениями, продолжали развиваться песенные и инструментальные жанры, бытовавшие в народе в предыдущем столетии (календарные, семейно-обрядовые, эпические, лирические, шуточные, танцевальные). В лирических песнях отразились тяжелая жизнь закрепощенного украинского народа, обострение социальных противоречий. Мелодии протяжных лирических пе-

сен напевны, характеризуются свободной метроритмикой, некоторой импровизационностью в развитии мотивных образований. Протяжные песни исполнялись преимущественно хором, хотя было распространено и сольное исполнение (особенно песен о тяжелой женской доле).

Происходит дальнейшая эволюция эпических жанров. Зародившиеся в глубокой древности плачи и причитания развивались и позднее. На Украине сложились циклы традиционных похоронных плачей лирико-драматического характера. В основе мелодии лежат короткие попевки, варьирующиеся в соответствии с содержанием и особенностями мелодико-ритмической структуры народного стиха. Возникает целый ряд глубоко драматических песен о татарских набегах («За річкою огні горять», «Ох у неділеньку рано-пораненьку» и др.). Среди особо популярных исторических песен о героях борьбы с татарской и турецкой агрессией в конце XVI—начале XVII в. необходимо отметить песню про Байду.

Центральное место в украинской музыкальной культуре того времени занимали исторические думы — самобытный эпический вокально-инструментальный жанр, в котором органически слились трагедийность с героическим пафосом и проникновенным лиризмом, глубина содержания с оригинальностью художественной формы, эпически повествовательный характер слова — с эмоциональностью музыкального выражения. Думам свойственно свободное построение поэтических и музыкальных фраз (основанных на произвольном количестве слогов), импровизационность речитативного изложения, развернутое инструментальное сопровождение. В думах заложены специфические черты народного музыкально-эпического творчества. Музыкально-образные особенности дум выражают стиль целой эпохи. Они влияли и на другие жанры фольклора и профессионального творчества не только на Украине, но и за ее пределами. С конца XVI в. слово «дума» часто встречается в произведениях польских авторов с характерными эпитетами «украинская», «запорожская», «подольская», «казацкая» и т. д. В 1597 г. появляется произведение польского поэта А. Чахровского под названием «Украинская дума», ставшее популярной песней.

Большую роль в процессе становления украинской музыки сыграло музыкальное образование, вначале распространявшееся среди городского населения через братства и братские школы, в которых ученики параллельно с общеобразовательными дисциплинами и церковным пением по нотам знакомились с элементами теории музыки, а иногда и композиции. Для этого использовались западноевропейские пособия (например, учебник И. Шпангенберга «Квестионес музика»), но главным пособием при обучении пению были рукописные ирмологионы, содержавшие песнопения православной церкви. Пению по нотам обучали опытные регенты хоров, музыканты. В рассматриваемый период формируется и развивается партесное пение (от латинского «partes»). Это многоголосное гармонического склада пение по партиям уже в конце XVI в. достигло значительного профессионального уровня. Например, в 1591 г. во Львове в честь приезда киевского митрополита ученики братской школы исполняли «тройной» хор, т. е. двенадцатиголосное сочинение. В реестрах нотных тетрадей Львовского и Луцкого братств, относящихся к первой половине XVII в., числится много партесных сочинений для разных составов голосов (от трех до восемнадцати).

Во второй половине XVI в. многоголосное пение по нотам без сопровождения достигло такого совершенства, что православная церковь решила использовать его в противовес католи-

Казак Мамай. Картина XVIII в.

Потир. Образец украинского ювелирного искусства первой половины XVII в.

Фелонь. Образец шитья. 1620 г.

ческой церковной службе, где пение сопровождалось игрой на органе. Высокий уровень хоровой профессиональной музыки способствовал развитию музыкально-теоретической и эстетической мысли. На Украине появились трактаты по музыкальной грамоте и основам композиции партесного многоголосия. Старейшим сохранившимся пособием является известная рукопись «Наука всея музыкѣ, аще хощеша, чоловѣче, розумѣти киѣвское знамя і пѣнѣє чинно сочиненное».

С введением многоголосного пения коренным образом изменилась запись церковных напевов. Вместо крюковой нотации применяется новая система — разновидность нотно-линейного письма, известного под названием «киевского знамени», которое давало возможность точнее записывать многоголосные музыкальные произведения. Нотные ирмологионы конца XVI в. показывают, что к тому времени новая нотация уже полностью сложилась, следовательно, родилась она значительно раньше. На ранних этапах формирования нового стиля (XVI — XVII вв.) возникли простые формы гармонического многоголосия (в большинстве случаев гармонико-полифонические формы виртуозно-концертного характера). Высокие художественно-эстетические качества партесной музыки способствовали быстрому ее распространению.

В XVI — первой половине XVII в. возникли такие жанры светской музыки, как бытовая песня для трехголосного ансамбля или хора (кант), сольная песня с сопровождением, а также цеховая инструментальная музыка.

Канты (светские и религиозные) слагались на основе стихотворной поэзии, написанной славянорусским либо книжным украинским языком. Существовали канты моралистически-поучительные, торжественно-поздравительные (величальные), антирелигиозные, шуточные, сатирические и т. п. Многим из них присуща тема социального неравенства и несправедливости.

Сольная песня с сопровождением как жанр светской музыки в сравнении с кантом более непосредственно и глубоко отображала внутренний мир человека, его личную жизнь, отношение к обществу.

Развитие инструментальной музыки привело к появлению в ряде городов музыкальных цехов по образцу ремесленных. В письменных источниках имеются сведения о существовании музыкальных цехов в Каменце-Подольском (1578), Львове (1580), в Степани на Волыни (1614), а несколько позднее и на Левобережье. Цеховые музыканты играли на свадьбах, крестинах, похоронах, во время народных гуляний. В их репертуаре были народные и распространенные в быту горожан и крестьян танцы, марши, инструментальные наигрыши.

Музыкальные цехи способствовали развитию народной профессиональной инструментальной музыки. Здесь зарождались характерные составы ансамблей украинских национальных инструментов, совершенствовалась игра на многих инструментах, создавались образцы инструментальной музыки.

Подобную прикладную функцию, хотя и несколько иную по содержанию, выполняли военные музыканты. Они играли во время походов и празднования побед или просто «музыкально оформляли» различные военные события (праздничные и обычные), исполняя марши, танцевальную музыку (гопак, казачок), лирико-эпические напевы. Использовались такие инструменты, как сурма, трубы, котлы, торбаны и т. д.

Основная тенденция в развитии светской музыки, музыкального искусства на Украине, как профессионального, так и народного, состояла в их творческом единении.

Театр. Во второй половине XVI — первой половине XVII в. на Украине продолжали широко бытовать народные игры со свойственными им театральными элементами. В последней четверти XVI в. вместе с появлением школ нового типа (Острожская, Львовская братская) возникает и школьный театр. Как и в гуманитарных школах Западной Европы, существовавших с XII в., где первоначально школьный театр имел лишь учебно-воспитательное назначение, а начиная с XVI в. стал использоваться в религиозно-политических целях, первые опыты украинского школьного театра, развивавшегося в конце XVI — первой трети XVII в. в виде простых форм — декламаций и диалогов, был вовлечен в идеологическую борьбу против католицизма. В Острожской и Львовской братской школах на уроках грамматики преподавались, хотя и в сжатом объеме, правила не только сочинения, но и чтения виршей, а на уроках риторики — правила сочинения и произнесения речей. Учителя писали вирши в виде декламаций — панегирики, лименты и др. на светские и духовные темы, а ученики исполняли их на церковных подворьях и в школах на рождественские, пасхальные и прочие праздники, во время торжественных встреч именитых лиц и в других подобных случаях. Ученики один за другим выходили перед зрителями и декламировали текст, объединенный общей темой. Позже стали сочиняться и исполняться произведения, выдержанные в сугубо диалогической форме.

Первым дошедшим до нас образцом украинской школьной декламации является анонимная «Просфонима» (1591) — стихотворное приветствие в адрес киевского митрополита Михаила Рогозы по случаю его приезда во Львов. На титульном листе «Просфонимы» обозначено, что первую часть гость «в церкви пред народом от дѣтѣй пріем», а вторую — когда «в школу любезно посѣщающе прійде». Один из восьми отроков (действующих лиц) обращался к митрополиту с просьбой разрешить бедным школьникам просить милостыню. Это свидетельствует о том, что традиция хождения школьников, а позже студентов Киевского коллегиума и академии, известных в XVII—XVIII вв. под названиями «мандрованных дьяков» и «пиворезов», по селам и городам за подаянием восходит к концу XVI в. Содержание всего произведения убеждает, что украинская школьная драматургия уже в самом начале развивалась в русле полемической литературы и выполняла важную идейную функцию в тогдашней политической борьбе украинского народа с католицизмом и униатством.

Декламацией с элементами диалога является «Лямент дому княжат Сстрозских...» Демьяна Наливайко (1603). Возможно, этот плач исполнялся учениками Острожской школы.

Бытование школьных представлений в Остроге и Львове в конце XVI — начале XVII в. подтверждают высказывания выдающегося писателя-полемиста Вишенского. В своем послании «Писание до всѣх обще Лядской земли живущих...», сочиненном еще до 1596 г. на Афоне, Вишенский обвинял православных священников в том, что они якобы занимаются святотатством: «...Машкарники и комедийники во дворах Христа бога владеют», а в послании «Благочестивому государю Василию княжати Острозскому и православным христианом Малое России, так духовным, як и свѣтским...», написанном в 1599—1600 гг., упрекал своих земляков в том, что они заболели «комедийским и машкарским набоженством». Побывав в 1604—1606 гг. во Львове и познакомившись со школьными декламациями и диалогами, Вишенский в послании к старице Домникии (1606) выражал сожаление, что новые учителя «труди-

тися в церкви не хочют, толко комедии строят и играют» [1].

В 1616 г. во Львове был издан сборник стихотворений Памвы Берынды, в котором помещены «На рожество Христово вѣршѣ», являющиеся обработкой материала традиционной рождественской мистерии. В посвящении львовскому епископу Иеремии Тисаровскому сказано, что эти стихи декламировали дети.

В первой трети XVII в. декламации имели место не только в Острожской и Львовской братской, но и других школах, прежде всего в Киевской и Луцкой. В 1622 г. на похоронах Сагайдачного двадцать «спудеев» Киевской братской школы декламировали «Вѣршѣ на жалосный погреб зацного рыцера Петра Конашевича-Сагайдачного...» Кассиана Саковича.

В 1630 г. в типографии Львовского братства были напечатаны «Вѣршѣ з трагодіи «Хрпстос пасхон» Григория Богослова». «Христос пасхон» — анонимная византийская мистерия XII—XIII вв., представляющая собой компиляцию отрывков из трагедий Эсхила, Еврипида и Ликофрона, текстов библии, евангелия, апокрифов и других античных произведений (длительное время приписывалась Григорию Назиянзину Богослову). Львовский печатпик Андрей Скульский сделал свободный перевод отдельных частей этой мистерии для декламации школьниками в Успенской церкви Львовского братства.

В 1631 г. проповедник упомянутой церкви и учитель Львовской братской школы Иоанникий Волкович издал «Розмышлянѣе о муцѣ Христа спасителя нашего, притым Веселая радость с триумфального его воскресенія», которое также построил на отдельных частях упомянутой византийской мистерии. На титульном листе издания указано, что эти вирши были «през отрочат отправованнии» (т. е. исполнены школьниками) в Успенской церкви. В отличие от произведения Скульского, являющегося типичной декламацией, произведение Волковича — диалог, который считается первым среди известных до сих пор опытом украинской пасхальной драмы.

Панегирик «Евхаристерион, албо Вдячность... Петру Могилѣ» (Киев, 1632) написан в форме декламации и был провозглашен двадцатью тремя студентами класса риторики Киевской лаврской школы (имена всех исполнителей названы в издании). Преподавателя класса риторики Софрония Почасского, подписавшего прозаическое посвящение, считают возможным автором всего произведения. В панегирике тема уважения к науке и искусству переплетается с темой любви к родине.

Репертуар школьных представлений этого периода могут характеризовать вирши в сборнике статей и стихотворений морально-поучительного характера Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого «Перло многоцѣнное» (Чернигов, 1646). В предисловии к книге автор пишет о назначении своих произведений: «Также в школах будучіи студенты могуть собѣ с тои книги святои выбирати вѣрши на свою потребу и творити с них орации размаитіи часу потребы свои, хоч и на комедиях духовных» [1]. Такими в сборнике являются диалоги «Похвала на преславный день рождества господа нашего Ісус Христа» и «Похвала на пресвѣтлій день воскресенія Христова».

Учебные программы классов поэтики и риторики Киевского коллегиума содействовали развитию школьного театра. К сожалению, образцы декламаций и диалогов, созданных здесь в 30—40-е годы XVII в., до нас не дошли, хотя в письмах и произве-

[1] *Вишенський Іван.* Твори. К., 1959, с. 52, 78, 190, 191.

[1] Українська поезія. Кінець XVI — початок XVII ст., с. 232.

дениях современников встречаются упоминания о школьных представлениях, исполнявшихся студентами в те годы. Так, в 1676 г. Лазарь Баранович в письме своему школьному товарищу Мелетию Дзику вспоминал: «Когда-то в трагедии мы вместе играли. Я — роль Иосифа, а в бозе почивший (Ф. Сафонович.— *Ред.)* — роль Вениамина». Речь шла о школьной драме «Действие на страсти Христовы списанное», представленной в конце 30-х — начале 40-х годов XVII в. учащимися Киевского коллегиума, когда там учились Баранович, Сафонович и Дзик. Таким образом, мы имеем прямое свидетельство, что уже тогда в Киевском коллегиуме представлялись настоящие многоактные школьные драмы.

Одновременно со школьным театром развивался народно-площадной театр, репертуар которого составляли мистерии и фарсы. До нас дошли образцы мистерий первой половины XVII в., в частности отрывки рождественской и пасхальной, сохранившиеся в рукописных сборниках более позднего времени, а также обнаруженное И. Франко «Слово о збуренню пекла», созданное где-то на Волыни или в Галичине в первой половине XVII в. Это произведение, написанное украинским народным языком,— один из наиболее ранних образцов старинной украинской драмы, на котором, по меткому выражению А. И. Белецкого, «нет налета школьной учености и который производит впечатление настоящего народного театра».

К первым десятилетиям XVII в. относится также начало украинской бытовой драмы. Недавно обнаружено уникальное издание стихотворного драматического произведения «Трагедия руска», напечатанное латинской транскрипцией без указания автора, места и времени выхода в свет. На основании анализа филиграней, состава бумаги и шрифта установлено, что пьеса издана между 1609 и 1619 г. арианской типографией в г. Ракове (ныне Келецкое воеводство в Польше). «Трагедия руска» состоит из пролога, трех действий, названных «кафизмами», и эпилога. Действующие лица разговаривают украинским народным языком. Содержание этой комедии роднит ее с многочисленными образцами украинского народнопоэтического творчества, в которых высмеивается похотливый поп и злая попадья. Барочный стиль пьесы «Трагедия руска» указывает на близость ее к народно-площадному театру Польши и других стран Западной Европы того времени.

К первой половине XVII в. восходят и другие образцы украинской бытовой драмы — интермедии. Это комедийные сценки, построенные главным образом на анекдотических сюжетах. Значительное место в них занимала импровизация, что давало исполнителям неограниченные возможности для проявления актерского мастерства. Интермедии возникли в западноевропейском средневековом театре и разыгрывались между действиями мистерии для развлечения зрителей, устававших от тяжеловесной религиозной драмы. Интенсивное развитие этот жанр получил в школьном театре, особенно в иезуитских коллегиумах, действовавших и на территории Украины. Позже, во второй половине XVII и первой половине XVIII в. интермедия получила широкое развитие в украинском и русском школьном театрах.

От первой половины XVII в. к нам дошли две украинские интермедии, связанные, однако, с польским народно-площадным, мистериальным театром: 29 августа 1619 г. на ярмарке в Каменке-Струмиловой обе интермедии исполнялись после второго и третьего актов польской пятиактной мистерии Якуба Гаватовича «Трагедия, или Образ смерти пресвятого Иоанна Крестителя, посланца божьего». В том

же году в г. Яворове эти интермедии были напечатаны латинской транскрипцией как приложение к упомянутой мистерии, благодаря чему они стали известны нам. Сюжет обеих интермедий основывается на материале украинского устно-поэтического творчества и быта: в первой использован мотив народной поговорки «купил кота в мешке», во второй — народный рассказ о наилучшем сне. Герои обеих интермедий — простые крестьяне, разговаривающие народным языком с элементами западноукраинских говоров. Высокий художественный уровень интермедий обеспечил им видное место среди лучших образцов этого жанра в старинном театре славянских народов и популярность, вышедшую за пределы славянских земель.

Таким образом, в конце XVI — первой половине XVII в. на Украине сложился школьный театр в виде декламаций и диалогов; к этому же периоду относится развитие украинского народно-площадного театра.

5. АРХИТЕКТУРА. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Градостроительство и архитектура. Как и вообще в культуре, новые явления в градостроительстве и архитектуре были обусловлены сдвигами, происходившими во всех сферах социально-экономической жизни, в частности, ростом значения городов как центров ремесла, торговли и культуры. С середины XVI в. в украинской архитектуре все более отчетливо проявлялись основные тенденции общеевропейского градостроительного и архитектурного процесса. На Украине получили распространение архитектурные приемы, характерные для эпохи Возрождения, примером чему может быть применение классических ордерных форм. В то же время градостроительство и архитектура второй половины XVI — первой половины XVII в. продолжали развиваться в тесных и плодотворных связях и взаимовлиянии с русским и белорусским зодчеством. Все более проявлявшиеся элементы стиля барокко, творчески соединяясь с традициями местного народного строительства и русской архитектуры, послужили основой для расцвета на Поднепровье своеобразного стиля, известного как украинское барокко.

Несмотря на неблагоприятные условия иноземного господства, рост феодального и национально-культурного гнета, города Украины продолжали развиваться. Это нашло свое выражение не только в росте старых и появлении новых городов, но и в изменении их облика: появились новые тенденции в планировке и архитектуре городов, строились более совершенные и мощные городские укрепления и замки. Так, в Киеве на Подоле сложился торгово-ремесленный центр с ратушей и комплексом сооружений Киевского братства. Основная застройка города, как и прежде, была преимущественно деревянной. После пожара 1527 г. в течение последующих десятилетий преобразился укрепленный центр Львова. Он был застроен каменными зданиями в ренессансном стиле, но сохранил свою прежнюю шахматную планировку. Регулярную планировку с прямоугольником площади рынка получил Каменец. Подобные изменения происходили и в других старинных городах.

В рассматриваемый период возникло немало новых городов, в частности на Слобожанщине, входившей в состав Русского государства. Здесь выросли Чугуев, Сумы, Лебедин и другие города, возводившиеся в краткие сроки и с самого начала получавшие более или менее четкую планировку. Они состояли обычно из крепости, посада и слобод. В крепости размеща-

Дом Артемихи на Подоле. Киев. XVII в.

лись административные здания, двор воеводы, казна, склады. В посаде и слободах жили ремесленники. Во второй половине XVI — первой половине XVII в. города строились еще по нормам древнерусского времени («Закон градский»). Делу регуляции строительства служили также два других законоположения — «Чин и воссле-дование основания града» и «Чин и благословение новосооруженного каменного или деревянного града», входивших в изданный Петром Могилой требник 1646 г. По-видимому, при закладке города строителями производилась по чертежу предварительная планировка на местности. Вместе с тем русские и украинские города на землях, входивших в состав России, имели свободную застройку, тонко учитывавшую особенности рельефа местности. На Правобережье строители новых городов стремились объединить шахматную сетку улиц, характерную для предыдущих этапов градостроительства, с рациональными в плане очертаниями стеновыми (Жолква, Тернополь) или бастионными (Броды, Станислав, Полонное) укреплениями. Кварталы в этих городах делились на равные по размерам участки, узкая сторона которых (9—12 м) выходила на площадь рынка или окружавшую ее сеть улиц. Благодаря индивидуальному характеру фасадов каждого из сооружений, обрazовывавших сплошной фронт застройки, зодчим удавалось избежать ее монотонности и однообразия. Панорама городов, их силуэт разнообразился высотными сооружениями — башнями ратуши, верхами культовых сооружений, башнями укреплений.

Каждый город имел укрепления, состоявшие обычно из земляных валов и деревянных стен, окруженных рвами. Вокруг городов все чаще возводились каменные стены. С конца XVI в. при строительстве укреплений стали применять бастионную систему. Укрепления создавались не только вокруг городов. Французский офицер Пьер Шевалье, написавший «Историю войны казаков против Польши», свидетельствует, что на Украине имелось немало местечек и даже сел, обнесенных стенами и рвами для защиты от нападений татар. Эти укрепления защищали население и от грабежей и разорения во время «наездов» феодалов.

В большинстве городов, как и в прежние времена, существовали замки — резиденции феодалов или представителей государственной власти. Характерной особенностью замков рассматриваемого периода было то, что они строились и перестраивались с учетом возросшей мощи артиллерии, а также возможных нападений на них восставших горожан и крестьян. Значительной перестройке подверг-

лись замки многих городов, в частности Каменца, Язловца и Львова, где замковые укрепления были дополнены высокими башнями, стены утолщены и надстроены. Усиление оборонительных сооружений позволяло лучше противостоять артиллерийскому обстрелу противника, появление выступающих за пределы стен башен позволяло вести прицельный артиллерийский и ружейный огонь по осаждающим вдоль стен укреплений. В конце XVI — первой половине XVII в. было построено множество новых замков, как деревянных, так и каменных, а также комбинированных. Конструкцию и архитектуру не сохранившихся комплексов величественных деревянных замков в Киеве, Владимире, Виннице и других городах можно представить по дошедшим до нас описаниям, а в некоторых случаях по планам и рисункам с натуры.

Новые каменные крепости часто имели регулярную планировку в виде квадратов (Жолква, Золотой Поток и др.), прямоугольников (Звягель, теперь Новоград-Волынский Житомирской области), треугольников (Токи, Зиньков, Олексинцы на Подолии). Все они представляли собой укрепления в виде стен с мощными башнями на углах. В первой половине XVII в. часто стали сооружать вместо стеновых замков бастионные с великолепными дворцами магнатов внутри. Замки, основу укреплений которых составляли бастионы, строились в форме квадратов (Подгорцы, Золочев на Львовщине, Чернелица на Подолии) или пятиугольника (Броды).

Следовательно, в создании городских и загородных ансамблей, к которым, кроме замков, можно отнести и укрепленные монастыри (Межирич, возле Острога, Почаев, Подкамень), постепенно утверждались регулярность планов, уравновешенность и симметрия объемов, т. е. черты, во многом характеризующие архитектуру времен Возрождения и раннего барокко. В то же время на Поднепровье и Левобережье продолжалось строительство укреплений на основе развития и совершенствования древнерусских приемов возведения деревянно-земляных укреплений.

Укрепление экономического положения городов и усиление их ремесленно-торговой верхушки повлияло на архитектуру жилища. И хотя в большинстве своем оно было еще деревянным, на Волыни, Подолии и в Галичине, особенно в крупных городах, начали строить жилые помещения из камня и кирпича. Во второй половине XVI в. городское жилище наряду с замками и культовыми сооружениями стало одним из ведущих объектов архитектурного творчества. Имущие горожане, светские и церковные магнаты, богатая шляхта становились заказчиками монументальных жилых сооружений, охотно пользуясь услугами иностранных мастеров, в частности итальянских, что способствовало проникновению на Украину ренессансных архитектурных форм.

В крупных городах на средневековой основе сложился новый тип жилого дома-каменицы, хорошо приспособленного также для нужд ремесла или торговли. В подвалах и на первом этаже таких зданий размещались склады, торговые и ремесленные помещения, конторы, второй, а впоследствии и третий этажи отводились под жилище. На первом этаже своды украшались резьбой на замковых камнях и консольных капителях, балочные перекрытия верхних этажей покрывались резьбой и росписями. Стены оббивались тканью или тисненой кожей, в светлицах — парадных компатах — простенки между окнами обрабатывались сложной ордерной композицией с орнаментальной резьбой.

Уличные фасады членились горизонтальными тягами, а завершал их аттик с фигурным гребнем, за которым пряталась кровля со скатом

внутрь двора. Ордерные порталы и обрамления окон, чтобы украсить несимметрично размещенные проемы, трактовались как самостоятельные композиции. Такие каменицы строились во многих городах, немало их сохранилось во Львове.

Стремясь увеличить размеры своих домов, наиболее богатые купцы сооружали их на двух-трех смежных участках с более сложной планировкой и обширным двором. Дворы украшали, как, например, в каменице купца Корнякта на площади Рынок во Львове (1580, архитектор П. Барбон), многоэтажными открытыми галереями с арками.

В первой половине XVII в. наблюдается стремление перейти от несимметричного решения, двучастного в плане, состоящего из большего и меньшего помещений, к симметричному, трехчастному решению передней части здания. Эта тенденция отразилась на характере перестройки старых каменицы во Львове, а также строительстве новых — в Жолкве. Таким образом, совершался переход от принципов построения наружной формы здания изнутри к принципу взаимосогласованного учета требований внутренней организации и симметрии главного фасада.

Значительные изменения произошли и в строительстве культовых сооружений. Их архитектура приобретала многие черты, свойственные светским постройкам. От того време-

Фасад дома Корнякта. Львов. 1580 г. *Архитектор Петр Барбон*

ни до нас дошло, кроме каменных, немало и деревянных сооружений, в архитектуре которых можно установить определенную типологическую и стилевую общность. Наибольшее распространение в первой половине XVII в. получил тип трехдельных церквей в их трехконховом варианте, когда кроме алтарной апсиды к центральной части примыкало с севера и юга еще по одной апсидеконхе. Находящийся с западной стороны притвор (бабинец) часто увенчивался башней-колокольей. В деревянных храмах создавались завершения, сужающиеся кверху путем чередования четвериков и срезанных пирамид. Этот прием, который, вероятно, сложился еще в предшествующее время при строительстве оборонных башен, открыл большие возможности для создания объемно-пространственных выразительных композиций и надолго стал непременным признаком украинских деревянных церквей. Трехглавые деревянные храмы повлияли на архитектуру каменных. В то же время членения каменных храмов, особенности их пространственной организации (например, трехконховых церквей) и отдельные детали находили отражение в деревянных постройках (Дрогобыч).

Эта трехдельность легла в основу композиции главного храма в ансамбле сооружений Львовского братства—Успенской церкви (1590—1631, архитекторы П. Римлянин, В. Капинос и А. Прихильный). В ансамбль входили также так называемая «вежа (башня) Корнякта» (архитектор П. Барбон) и часовня Трех Святителей (автор не известен). Ансамбль расположен в жилой застройке на Русской улице и отличается совершенством классических форм. В объемно-пространственной организации сооружений использованы местные традиции строительства церквей и колоколен, но трактуются они в ренессансных формах в соответствии со вкусами времени. Интерьеры церкви и часовни наполнены ровным светом и отличаются сдержанностью и благородством форм вполне светского характера. Архитектуре костелов того времени присущи традиционная организация их в виде трехнефных базилик, как бы облаченных в ордерные формы (например, костел бернардинов во Львове, 1600—1630, архитекторы П. Римлянин и А. Бемер).

Внутренний дворик дома Корнякта

В XVI — первой половине XVII в. в украинских городах строилось немало усыпальниц феодалов и богатых мещан. Большинство их трактовалось в виде кубов, перекрытых полусферическими куполами (Львов, Каменец). Обращает на себя внимание богатый скульптурный декор главного фасада и интерьера в часовне Боимов во Львове (1609—1615). Своеобразна архитектура церкви-усыпальницы в Низкеничах (1643—1653), в которой к центральной части с трех сторон

Пятницкая церковь. Львов XIV—XVII вв.

примыкают круглые в плане башни, а с четвертой — прямоугольная, перекрытые куполами. Интересно также архитектурное решение небольшой церкви-усыпальницы Богдана Хмельницкого в Субботове с ее барочным фронтоном.

В 30-х годах XVII в. в архитектуре каменных сооружений наряду с ренессансными появляются черты барокко. Барочное понимание пластики и силуэта в той или иной мере проникает также в архитектуру деревянных храмов. Срубы все чаще приобретали формы восьмериков. Стройнее становились их силуэты, шатровые верхи уступали место грушевидным. У Павла Алеппского есть описания пятиглавых церквей — Троицкого собора Густынского монастыря и церкви Успения в Переяславе. Они имели пять верхов и восьмигранные срубы. Их окружали открытые галереи.

Наряду с ренессансными барочные черты проявились и в облике восстановленных в 30-х годах XVII в. древнерусских храмов Киева и Чернигова, хотя в них, как и в деревянных храмах, сохраняется четкость структуры, ясность пространственной организации, равномерность в освещении внутреннего пространства, т. е. черты, свойственные скорее ренессансному подходу к решению основных формальных и идейно-образных задач архитектуры. Восстановленные древние сооружения Киева (Софийский и Михайловский соборы) имели характерные грушевидной формы купола или пятикупольную структуру (Успенская церковь на Подоле, церковь Спаса на Берестове). Здесь наряду с местными мастерами работали итальянцы Себастьян Брачи и Октавиан Манчини. Влияние барочной архитектуры храма Иль-Джезу в Риме, созданного Виньолой, сказалось на костеле иезуитов во Львове (1631). Во многих сооружениях Путивля, Новгорода-Северского, Чернигова, которые входили тогда в состав Русского государства, проявились стилистические черты русского зодчества.

Позднее, слившись с приемами народного деревянного зодчества, они стали основой для создания большого числа памятников украинского барокко Слобожанщины и Чернигово-Северщины. Таковы были, например, постройки Молченского монастыря и собора в Путивле, келий Спасо-Преображенского монастыря в Новгороде-Северском и многие другие сооружения, в строительстве которых принимали участие русские мастера.

Скульптура. В изобразительном искусстве также проявились гуманистические черты ренессанса. Хотя искусство еще не освободилось от догматичности и условности сложной религиозной символики, оно все чаще обращалось к окружающей реальной жизни, что наполняло его новым содержанием, конкретностью образов. Дальнейшее развитие получили различные виды скульптуры и декора-

тивного искусства, тесно связанные с архитектурой. Часто мастер-строитель владел и искусством резьбы по камню или дереву и сам создавал различные детали декора своих сооружений.

Свойственное искусству Возрождения стремление решать художественные задачи архитектуры в синтетическом единстве с другими видами монументального искусства—живописью и скульптурой — благоприятно сказалось на развитии последних. Резьба широко применялась в архитектурных деталях, украшавших здания снаружи и изнутри (порталы, обрамления окон, фризы), в иконостасах и алтарях, имевших ордерную основу, при отделке сводов и куполов, а также мебели и элементов убранства помещений. Особенно широко применялась резьба в архитектуре Львова. На фасадах, порталах, в интерьерах львовских жилых домов в стиле ренессанса появились скульптурные рельефы и пышные орнаменты, ими украшали также церкви, усыпальницы (Черный дом, дом Корнякта, Успенская церковь, часовни Трех Святителей, Боимов и Кампианов).

Со временем усложнялись композиции порталов, как арочных, так и прямоугольных, обычно имевших ордерную основу. Характерной особенностью львовской резьбы были орнаментальные украшения, часто сплошь покрывавшие поверхность колонн. Среди резных орнаментальных мотивов встречаются сложные переплетения листьев аканта, различных цветов, плодов, лозы и гроздьев винограда. Здесь можно увидеть также головки ангелов, различных птиц, львиные головы, дельфинов. Позже эти характерные для итальянского Возрождения мотивы сменяются мотивами так называемого оковочного орнамента, свойственными Северному Возрождению. Это было связано с творчеством мастеров из северных районов Польши и Германии.

Успенская церковь. Львов. 1590—1631 гг. Современный вид

Значительное развитие получил и скульптурный портрет, особенно в виде надгробия с характерным изображением умершего, возлежащим на ложе или саркофаге. На установленном в 1579 г. в Успенском соборе Киево-Печерской лавры надгробии на могиле князя К. И. Острожского он изображен в рыцарских доспехах как бы отдыхающим на ложе. Лицо князя имеет портретное сходство. Монумент опирается на три скульптурных изображения льва из светлого мрамора. Позже он получил пышное барочное обрамление. Подобным образом оформлены также надгробия Александра-Ванько́ Лагодовского (1573) в Уневе, Екатерины Рамултовой (1572) в Дрогобыче и др.

В начале XVII в. композиции надгробного скульптурного портрета усложнились и стали более разнообразными, усилилась психологическая ха-

рактеристика портретируемого. Таким является, например, надгробие с поколенным изображением воеводы Адама Киселя в церкви-усыпальнице в с. Низкеничи на Волыни.

Во второй половине XVI — начале XVII в. скульптурные изображения становятся более пластичными. В них уже присутствуют светские мотивы, наблюдаются реалистические формы, чувствуется стремление возвеличить образ изображаемого человека.

Живопись и графика. Вторая половина XVI — первая половина XVII в.— время глубоких творческих поисков в живописи, результатом которых явились важные изменения в ней, выразившиеся вначале в отходе от религиозной тематики и появлении сюжетов, взятых из реальной жизни. Более реалистичной стала и манера письма. В живописи возникли такие новые жанры, как батальный портрет и пейзаж. Наряду с искусством миниатюры утвердилось искусство гравюры и художественного оформления печатной книги. Однако основными видами живописи еще продолжали оставаться настенные росписи и иконопись, но и для них характерен постепенный отход от условностей, наполнение образов гуманистическим содержанием, стремление художника к более правдивой трактовке изображаемых событий, психологической характеристике их участников, более точной передаче деталей окружающей среды.

На развитие живописи активно влияла освободительная борьба народных масс, их эстетические представления и устремления. Это проявилось, в частности, в произведениях

Казацкая церковь. Переяславщина. XVII в.

Церковь св. Николая. Бучач Тернопольской области. 1609 г.

Церковь в с. Зализница Ровенской области. XVI в.

живописи, выполненных для сельских и местечковых церквей. Но с особой силой эти черты сказались в творчестве художников таких крупных художественных центров, как Львов, Дрогобыч и др. К сожалению, до нашего времени почти не сохранились памятники изобразительного искусства Среднего Поднепровья, хотя известно, что в Киеве в то время работало немало выдающихся живописцев. Так, известный путешественник Павел Алеппский писал о величественных иконостасах, виденных им в Киеве в Софийском и Успенском соборах. С особым восторгом он отзывался об иконостасе в Троицкой церкви Густынского монастыря (возле Прилук): «...до этого времени не видано ничего лучшего и более красивого, нежели его позолота и живопись» [1].

[1] Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 1897, вып. 2, с. 87.

Находясь в Киеве, тот же Павел Алеппский писал: «В этом городе среди казацких художников есть много умелых мастеров, владеющих большой изобретательностью в изображении людей такими, какими они есть» [1]. Речь, по-видимому, идет о портретной живописи, многие прекрасные образцы которой сохранились в Галичине и на Волыни.

Ярким, самобытным явлением в истории украинского искусства были настенные росписи интерьеров деревянных и каменных храмов. В них черты монументальной живописи Древней Руси, обогащенные в XIV—XV вв. проторенессансными веяниями, получили во многом новую трактовку и гуманистическую окраску. С большой силой в них раскрылся оригинальный художественный талант профессиональных и народных мастеров, своеобразный мир народной

[1] Путешествие.., с. 76.

Деревянная скульптура. Путивль Сумской области. XVII в.

Деревянная скульптура. Подгайцы Тернопольской области. XVII в.

фантазии. Настенные росписи сохранились преимущественно в деревянных храмах Галичины и Закарпатья. Целостным ансамблем, почти полностью сохранившимся до наших дней, является стенопись церкви Святого Духа в с. Потелич на Львовщине. В ней выражены идеи самопожертвования в борьбе с врагами. В ее росписях муки Христа вызывали определенные ассоциации со страданиями, которые испытывал украинский народ вследствие иноземного порабощения и феодального гнета. Этим и объясняется частое обращение художников к близкой и понятной народным массам теме «страстей». В небольшом притворе (бабинце) Потеличской церкви размещена наиболее выразительная сцена — «Оплакивание». Раскрываемая в ней вечная тема скорби матери по умершему сыну находила глубокий отклик у тех, кто оплакивал своих близких, погибших в борьбе против угнетателей.

Широтой замысла и мастерством исполнения выделяются росписи дрогобычских храмов — Воздвиженского и Юрьевского. Сложность многофигурных композиций, наблюдательность и точная характеристика образов, гармоничность колорита, разнообразие и богатство орнаментально-декоративных мотивов — все это создает целостные и чрезвычайно выразительные ансамбли. В последнее время в каменных постройках Киева, Львова и Каменца реставраторы обнаружили немало фрагментов настенных росписей XVI—XVII вв., но они или плохо сохранились, или еще полностью не расчищены.

В иконописи того времени, наряду с определенными условностями, свойственными каноническим требованиям, уже можно увидеть стремление

«Рождение солнца». Роспись в церкви Воздвижения в Дрогобыче. 1613 г.

Юрий Змееборец. Народная гравюра на дереве. Первая половина XVII в.

Портрет Варвары Лангиш. Масло. *Художник М. П. Петрахнович.* 1635 г.

Портрет неизвестной львовской мещанки. XVII в.

художников к более непосредственной передаче окружающего мира. Все чаще святые на иконах напоминают простых людей — крестьян, наделенных индивидуальными чертами, а не мучеников-аскетов.

В изображениях богоматери чувствуется свойственное той поре понимание женской красоты. Архитектурные элементы на иконах выступают в более реальной перспективе. В религиозных сюжетах воспроизводились сцены, взятые непосредственно из жизни, с тщательно выписанными бытовыми подробностями. Так, на иконах «Воскресение» из Равы-Русской, «Преображение» из Яблунева изображена природа с характерными чертами прикарпатского пейзажа — его горами и долинами, густыми лесами. В композициях «Троицы» столы уставлены типично местной посудой, украшены цветами, как это было принято в праздничные дни. Одежда, вышивка и другие детали, воспроизводимые на многих иконах, передают характерные черты народного быта.

В иконах на темы «Страшный суд» и «Страсти Христовы» отчетливо отразились морально-этические воззрения общества. Эти темы, открывшие перед художниками широкие возможности выразить свое отношение к реальной жизни, дать оценку текущим событиям, привлекали внимание народных художников. Обе названные темы становятся обязательным, широко распространенным сюжетом иконописи и настенных росписей. На Украине, особенно во второй половине XVI — первой половине XVII в., в период подъема классовой и освободительной борьбы картины «Страшного суда» и «Страстей Христовых» приобретали социальную антифеодальную направленность.

Взгляды, убеждения и чаяния народа, его моральные устои особенно выразительно раскрываются в картинах рая и ада. Мастера иконописи по-

мещали в рай простых людей, честных и трудолюбивых, добрых семьянинов и трезвенников. В аду они изображали грешников, испытывающих страшные муки за свои земные грехи. Здесь карали «немилостивых» панов, их экономов, жадных ростовщиков и корчмарей, обманывавших и обиравших народ. На муки в аду обрекались также разбойники, картежники, пьяницы, прелюбодеи, женщины легкого поведения. Во многих иконописных произведениях, в частности в больших иконах из с. Багноватое (Львовщина) и Каменки-Струмиловой, исчезает трагическая безысходность, свойственная более ранним иконам на эту тему. Сцены «Страшного суда» из канонического сюжета превращаются в поучительную жизненную иллюстрацию, где значительное место отведено земным делам, житейским проблемам.

Портрет игумена Красовского. Фреска Кирилловской церкви в Киеве. 1614 г.

В последней четверти XVI в. во Львове возникли цеховые организации художников и строителей. Деятельность цеха художников содействовала развитию светских жанров искусства, способствовала высокой профессиональной подготовке мастеров. В украинской живописи получает распространение портрет, появляется историческая и батальная картина, пейзаж. На первый план выдвигается портретная живопись. Именно в этом целиком светском жанре наиболее полно проявляются реалистические тенденции в развитии искусства, стремление к познанию внутреннего мира человека. В ранних портретах второй половины XVI — начала XVII в., в частности ученого Яна Гербурта, польского короля Стефана Батория кисти В. Стефановича, князя К. Острожского, львовского купца К. Корнякта, львовского старосты Мнишека, сказывалось некоторое влияние западноевропейского портрета с его композиционными особенностями, светотеневой объемной моделировкой. Вместе с тем для них характерна известная плоскостность изображения и декоративность.

Широкое распространение получил надгробный портрет, в котором художники стремились не только передать, но и опоэтизировать облик умершего. Именно к такому типу принадлежит портрет Варвары Лангиш — дочери львовского купца, приписываемый художнику Николаю Петрахновичу. Художник создал наиболее привлекательный женский образ в украинском искусстве того времени. Благородное спокойствие и внутренняя сосредоточенность придают лицу девушки одухотворенность. Мягкие нежные переходы тонов выразительно моделируют ее лицо. Сдержанный колорит подчеркивает траурный характер портрета.

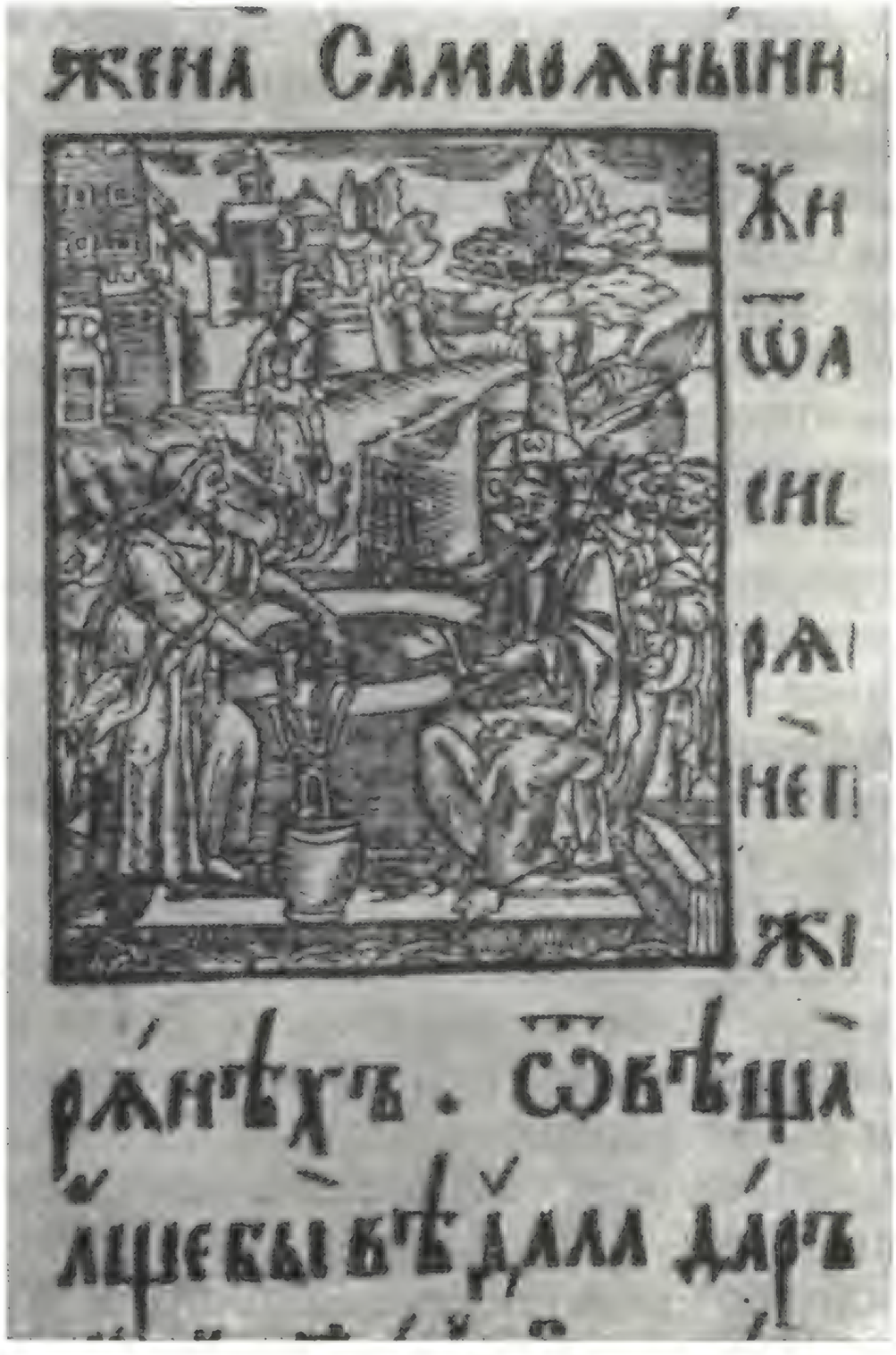
С деятельностью львовского цеха художников помимо Николая Петрахновича связаны многие лучшие мастера того времени — Федор Сенькович, Лавриш Пилипович, Себа-

стьян Корунка и др. Они исполняли заказы магнатов и других светских лиц, работали для братств, церквей. Величественные иконостасные ансамбли первой половины XVII в.— Пятницкий и так называемый Грибовичский (ранее находившийся в Успенской церкви во Львове, а сейчас в с. Грибовичи около Львова) и Рогатинский — приписывают кисти этих ведущих мастеров. Творчеству львовских художников свойственна высокая профессиональная культура, они были хорошо знакомы с достижениями западноевропейского искусства, умело сочетали некоторые его приемы с местными традиционными, благодаря чему их произведения имели свое творческое лицо.

Немало выдающихся произведений создали художники Киевщины, Черниговщины, Подолии и Волыни, о чем можно судить на основании отдельных сохранившихся образцов и многочисленных свидетельств современников.

Новые веяния в искусстве того времени нашли отражение в миниатюрах и рисунках, которыми украшались рукописные книги, продолжавшие играть важную роль в жизни общества до появления книгопечатания. Книжные миниатюры стали менее условны. В них, как и в других видах живописи, в значительной мере проявилось стремление к реалистической передаче образа человека, его быта, природы. Одним из первых выразителей новых веяний был мастер Андрейчина, иллюстрировавший многие рукописные книги, в частности «Служебник» и «Евангелие» (Новгородский историко-художественный музей), «Холмское Евангелие», «Еван-

Страница рукописной книги, переписанной в г. Стрые Василием Богоносиком. 1611 г.



Гравюра из «Евангелия». Львов. 1636 г.

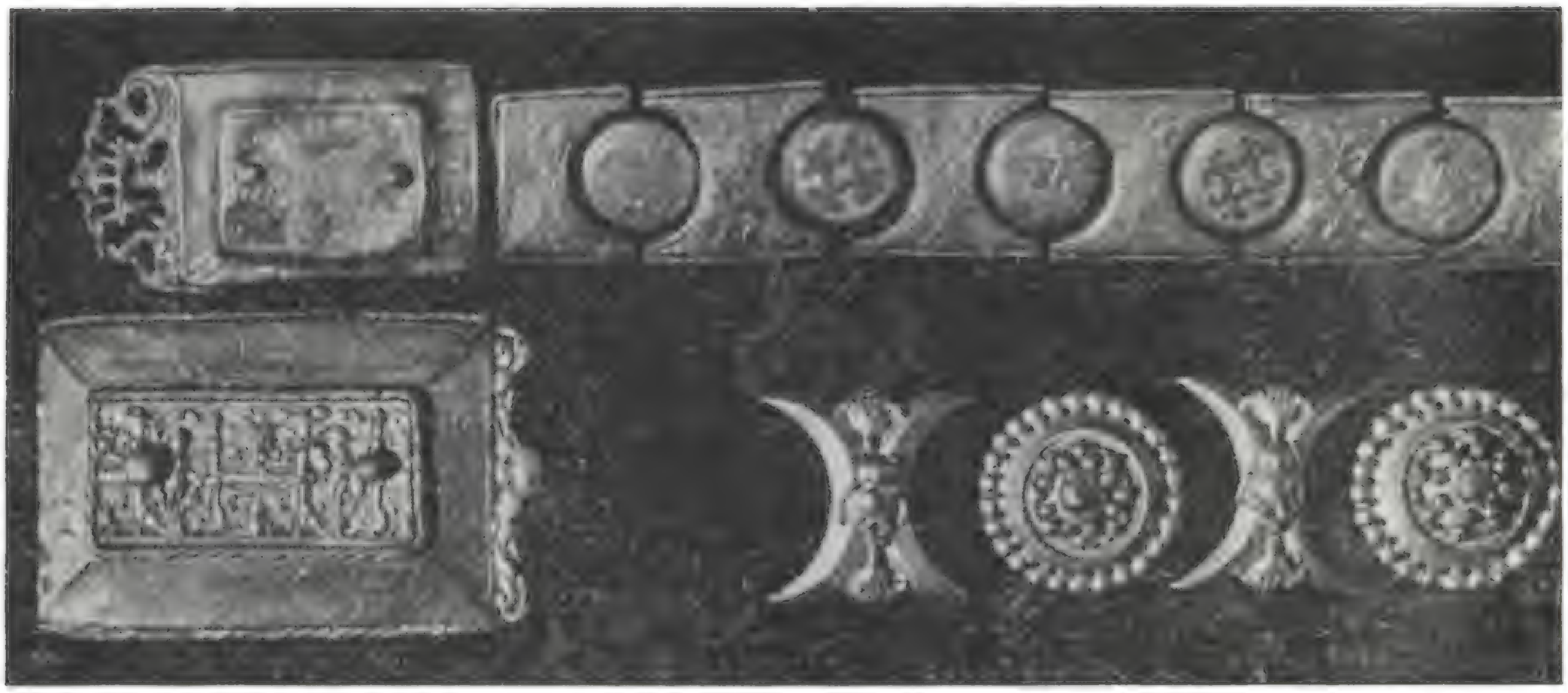
Напрестольный крест.
Мастер Касьянович.
1638 г.

гелие» (Львовский музей украинского искусства).

Великолепным образцом искусства книги того времени, наиболее полно отразившим новые художественные веяния, является «Пересопницкое Евангелие», написанное на Волыни. Книга, отличающаяся совершенством каллиграфического исполнения, украшена четырьмя орнаментальными композициями с миниатюрами, изображающими евангелистов, а также заставками, концовками, инициалами, богатым декоративным орнаментом. Художник смело вводил различные ренессансные мотивы и орнаментальные композиции, широко применявшиеся в архитектуре того времени. Эта книга, подобно многим другим, оформлена как единое художественное целое.

Новый этап в художественном оформлении книги открыли львовские и острожские издания Ивана Федорова. Этому способствовало многое: опыт предшествующих изданий в России и Белоруссии, прекрасное знание образцов западноевропейской гравюры, синтетический подход к трактовке всех компонентов книги, своеобразный графический стиль, используемый украинскими книгопечатниками на протяжении длительного времени. Художественный уровень первых украинских книг, как русских и белорусских, очень высок. Их отличает изыскапность, четкость и стилевая взаимоувязка всех компонентов: шрифтов, инициалов, заставок и концовок, а также сюжетных гравюр. Первые вполне светские гравюры появились в 1622 г. как иллюстрации к «Вѣршам па жалосный погреб зацного рыцера Петра Конашевича-Сагайдачного» Кассиана Саковича. Одна из них изображает гетмана на коне — пример раннего портрета в гравюре, другая — «Взятие Кафы» — представляет батальную сцену. Религиозные книги нередко украшались также гравюрами поучительного, морализирующего содержания. В «Евангелии учительном» (1637) помещена гравюра «Притча о богаче и смерти»: на подворье богача работают крестьяне — они веют рожь, ссыпают хлеб в закрома стоящего рядом напыщенного и надменного хозяина. А за спиной его изображена смерть с косой.

Подъем освободительного движения, увеличение количества школ при братствах, усиление борьбы против наступления католицизма и унии способствовали развитию печатного дела, книжной гравюры. Появляются десятки одаренных мастеров. Одним из наиболее выдающихся среди них был гравер Илия, работавший снача-



Пояса казацкой старшины. Работа украинских мастеров XVII в.

ла во Львове, а с 1636 г. в Киеве, где в это время широко развернула издательскую деятельность типография Киево-Печерской лавры. Лучшие гравюры Илии помещены в «Большом требнике» Петра Могилы и «Киево-Печерском патерике». К ним также принадлежат неизданные гравюры к «Библии». Работы мастера отличаются ясностью и оригинальностью художественного языка, умением тонко, а нередко и с юмором передать типаж, различные детали быта.

Общее направление развития искусства ярко проявилось и в произведениях декоративно-прикладного искусства, в их формах и художественном оформлении. Постепенно на смену древнерусским орнаментальным мотивам приходили сюжеты, сочетавшие давние традиции и элементы нового стиля и имевшие

Всадники. Рельефные изразцы. XVI в.

ярко выраженную местную, национальную окраску. Этому способствовало развитие цехового ремесла, труд многочисленных народных умельцев.

Важное значение приобрела художественная обработка металла. Посуда, оружие, предметы культа, ювелирные изделия многих центров ремесла были широко известны благодаря их высокому качеству и художественному совершенству. Возросло производство керамики, в частности посуды и особенно изразцов с растительным орнаментом, изображением воинов, зверей, птиц и т. п. Значительное распространение получила резьба по дереву и камню — ею снаружи и внутри украшались архитектурные сооружения. Развивалось и ковроделие. Подчеркнутой декоративностью форм, близких к монументальной живописи, отличались многочисленные изделия сюжетной вышивки, в частности плащаницы.

Прогресс экономики и культуры, углубление социальных контрастов и рост освободительного движения, укрепление культурных связей с Россией и Белоруссией, а также с западноевропейскими странами во второй половине XVI — первой половине XVII в. способствовали развитию градостроительства и архитектуры, всех видов изобразительного искусства. Украинское искусство выходит на путь реалистического отображения действительности, обогащается новыми средствами художественной выразительности.

Расписная тарелка из г. Переяслава. XVII в.

6. БЫТ И ОБЫЧАИ УКРАИНСКОГО НАРОДА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVII в.)

Жилища и хозяйственные строения. В сооружении жилищ и хозяйственных строений на Украине в конце XIII — первой половине XVII в. продолжали развиваться традиции, сложившиеся еще в период Киевской Руси. В зависимости от различных географических и социально-экономических условий жилища и хозяйственные строения возводились из различных материалов. В богатых лесом Полесье и Карпатах основным строительным материалом служило дерево. На Подолии и в Галичине при строительстве жилищ наряду с деревом широко использовался камень. Жилища, плетенные из хвороста и обмазанные глиной (мазанки), сооружались в степных районах Подолии, на юге Волыни и Киевщины. Использование разнообразных строительных материалов породило применение одновременно разных конструктивных приемов. Так, например, жилище могло быть рубленным, а сени и комора плетенными. Как строительный материал все шире использовались кирпич и камень, из которых строили, как правило, культовые, административные и фортификационные сооружения, а также дома богатых жителей, особенно в крупных городах.

В деревянном строительстве особенно ярко проявились традиционные народные архитектурные приемы и формы, выработанные на протяжении столетий.В строительстве деревянных жилищ на Украине использовались две конструкции: срубная и каркасная (фахверк), известные еще со времен Киевской Руси. На Волыни и в Галичине, в Закарпатье и на Буковине основой всех построек являлся четырехугольный сруб, состоявший из горизонтально положенных друг на друга деревянных колод или брусьев, связанных по углам врубками.

При каркасном строительстве, характерном для юго-западной Подолии и юга Волыни, между столбами, образующими собственно каркас, вертикально, в два ряда, набивали колья, с внутренней и внешней стороны заплетавшиеся прутьями. Пространство, образовавшееся между плетением, заполняли раствором глины в смеси с половой и рубленой соломой. Высыхавшие стены обмазывали глиной и белили.

Городское строительство унаследовало стиль и композиционные приемы народной архитектуры. Архитектура городского жилища вплоть до XVI в. и даже позже определялась тем, что оно строилось преимущественно из дерева. В основе архитектуры каменных построек также лежали традиции народного деревянного зодчества. Жилища, построенные в таком стиле в конце XVI в., сохранились во Львове, Каменце и некоторых других городах Украины. Из камня в городах сооружали также погреба-«льохи», «пивницы» и складские помещения.

Зажиточные горожане строили дома на подклетях (подрубах). «Подклет», нижний этаж дома, служил местом для хранения продуктов, фуража, имущества, там же содержался скот. Такой дом отапливался печью, стоявшей в одном из углов комнаты. В комнату вела наружная лестница. Сени пристраивались к дому во всю длину той стены, в которой находилась входная дверь. Они служили подсобным помещением, где хранилась домашняя утварь. Благодаря сеням холод снаружи не проникал непосредственно в жилище.

В степных районах Украины, главным образом на юге Киевщины, на Переяславщине и Подолии, широкое распространение получила конструкция стен из глины. Для их кладки использовались комки густо замешенной массы, состоявшей из глины и большого количества соломы. Снаружи у основания делали завалинку — «призьбу». На расстоянии 20—30 см от стены забивались колья, оплетенные прутьями, пространство между которыми закладывалось глиной. Завалинка предохраняла стены от сырости и одновременно предназначалась для утепления помещения.

Основным кровельным материалом служило дерево (дранки, тес, гонт), а также солома и камыш. На всей территории Украины крыши сельских жилищ делались четырехскатными, лишь в некоторых районах Полесья — двухскатными.

В XV — первой половине XVII в. совершенствовалась планировка жилищ. Сооружение многокамерных домов являлось привилегией зажиточных слоев населения. Такие постройки отличались большими размерами, благоустроенностью, богатством внутреннего убранства и внешнего оформления. Строительство жилищ для феодалов, особенно магнатов, связано главным образом с архитектурой замковых и дворцовых каменных сооружений. Как основной материал использовались кирпич и камень. С середины XIII в. строительный материал Древней Руси — плинфа — заменяется меньшим по размерам и более удобным для производства кирпичом. На Подолии и юге Волыни большей частью применялся песчаник, который сравнительно легко поддавался обработке. Строительство каменных

замков было распространено преимущественно на Правобережье Днепра, на Подолии и Волыни, в Галичине, на Буковине и в Закарпатье, где имелся необходимый строительный материал.

В украинском народном жилище практиковалась роспись стен и резьба по дереву на наличниках, кронштейнах, матицах. Образцы такой резьбы и росписи сохранились вплоть до наших дней на Подолии и в Галичине, в частности в жилищах гуцулов.

Хотя и существовали некоторые локальные отличия, внутренняя планировка жилища была принципиально однотипной для всей территории Украины. Возле входа располагалась печь, на противоположной стороне по диагонали — парадный угол («покутье»), вдоль стен, по фасадной стороне, стояли скамьи — «лавы». Между печью и торцовой стеной помещались пары — «пил», на которых спали. Печь представляла собой удлиненное сферическое глинобитное строение на деревянном каркасе, обмазанное глиной. С XVI в. печи в жилищах богатых феодалов и других зажиточных слоев населения обкладывались изразцами. Дым выводился через дымоход. В крестьянских хатах прорезались одно-два окна небольшого размера. В богатых домах и в общественных зданиях оконные проемы делались крупными, с рамами, в которые вставлялись стекла.

Хозяйственные постройки — сараи, хлевы, кошары — в зависимости от географических условий также возводились из различных материалов: в Полесье и Карпатах — бревенчатые, в других районах Украины, в частности на Подолии,— плетеные. Для хранения сена сооружали деревянные клуни и навесы, здесь же хранились и орудия труда. Для хранения зерна и других продуктов служили амбары. Если жилище не имело кладовой для хранения имущества, то ее ставили во дворе. Кладовые делались преимущественно срубные, однокамерные, с четырехскатной или двухскатной крышей, с потолком и полом. Они не имели окон, лишь почти под крышей располагалось небольшое вентиляционное отверстие. Подобные кладовые были составным элементом хозяйственных построек на подворьях феодалов и зажиточных мещан и крестьян.

Для хранения овощей, молочных и других продуктов во дворе выкапывали погреба — «льохи». Наиболее распространенным типом таких сооружений были ямы с плоской крышей на уровне земли в виде настила из топких стволов дерева, жердей, камыша или соломы, сверху присыпанных землей. В погреб спускались по лестнице через специальное отверстие.

К хозяйственным постройкам относятся также водяные и ветряные мельницы. Актовые источники уже в XIV в. упоминают их наряду с другими хозяйственными постройками в имениях феодалов. Ветряные мельницы — «ветряки» — прочно и надолго вошли в хозяйство и быт украинского народа, сохранив свое функциональное назначение вплоть до начала нашего века. Вместе с тем в крестьянском хозяйстве продолжали применять и ручные жернова.

Ветряки состояли из двух основных частей — неподвижного опорного основания и подвижной верхней части с крыльями, которая во время работы поворачивалась в наиболее выгодное положение по отношению к ветру. Основной частью механизма водяной мельницы служил горизонтальный вал, большая часть которого находилась внутри здания мельницы. На его выступающий наружу конец вертикально насаживалось большое колесо, приводимое во вращение падающей на его лопасти водой.

Во второй половине XIII — первой половине XVII в. в характере жилищ и хозяйственных строений, их размерах, благоустройстве, планировке

Сцены строительства и молотьбы на гравюре «Притча о богаче и смерти» из «Евангелия учительного». 1637 г.

все отчетливее отражалась углубившаяся социальная дифференциация населения Украины.

Народное архитектурное творчество оказало значительное воздействие на монументальную архитектуру, строительство замков, дворцов и храмов.

Земледельческие и ремесленные орудия труда. Ордынское нашествие нанесло огромный ущерб производительным силам края. Однако вскоре начался новый их подъем, обусловленный потребностями развития общества. Орудия производства совершенствовались, что благотворно сказывалось на земледелии и ремесле. Росла производительность труда, увеличивалось производство продукции.

Основной системой земледелия XIV — первой половины XVII в. в лесостепных и степных районах Украины было трехполье, а также перелог, известные еще со времен Киевской Руси. В Полесье бытовали подсечная и двухпольная системы.

Основными орудиями земледелия во второй половине XIII — первой половине XVII в. были известные еще в прежние времена рало, соха и плуг. С переходом от мотыжного земледелия к пашенному, началом освоения для хлебопашества южных степей, возникновением фольварочного хозяйства и расширением посевных площадей все большее распространение получал плуг, который был усовершенствован. С появлением в его конструкции чересла увеличилась производительность и качество вспашки земли. В рассматриваемый период плуг применялся на всей территории Украины за исключением Северного и Западного Полесья, где обработка земли производилась с помощью рала и сохи, конструкция которых осталась практически без изменений. Использовался плуг преимущественно в хозяйствах феодалов, так как был значительно дороже сохи, к тому же требовалось ставить в упряжке большее количество рабочего скота. Поэтому в крестьянских хозяй-

Пахота. Бытовые сцены. Гравюра из «Евангелия учительного». 1637 г.

ствах на большей части Украины по-прежнему применялась в основном соха, а в Полесье — рало.

При обработке земли плугом, особенно при вспашке целины и перелога, в качестве тягловой силы использовались волы, в соху и рало впрягали лошадь.

В подготовке земли к севу значительную роль играла борона-суковатка, применявшаяся для разрыхления грунта после вспашки. В бедняцких хозяйствах обходились простейшей бороной-волокушей, в феодальных имениях использовали более совершенную для того времени брусковую борону. Она делалась в виде рамы с бруском, в который забивались деревянные зубья.

К ручным орудиям относятся мотыги, сапы, заступы. Убирали урожай серпами и косами, несколько усовершенствованными по сравнению с предыдущим периодом: серпы становятся более крупными, косы — длиннее, приближаясь с XVI в. к современному типу.

Мотыгой взрыхляли землю при подсечной системе земледелия, поэтому она продолжала использоваться главным образом в северных лесных районах Украины. После обработки земли мотыгой для ее дальнейшей обработки применялись более легкие ручные орудия — сапы и деревянные лопаты, оббитые железом.

С середины XIV в., с оживлением ремесла происходило его совершенствование, дифференциация и более узкая специализация.

В области железоделательного производства на Украине применялись усовершенствованные сыродутные горны для выплавки железа из болотных руд. Домница, в которой выплавляли железо, представляла собой сложенную из камня и обмазанную глиной шахтообразную печь, круглую или овальную в плане. В передней стенке почти на уровне дна шахты находилось горновое отверстие, через которое зажигали загруженный в печь древесный уголь. Через это отверстие нагнетался воздух с помощью

воздуходувных мехов, отсюда также вынимали готовую крицу. Следующим этапом в железоделательном производстве являлась обработка железа в кузнице. Важнейшим оборудованием кузницы оставался традиционный кузнечный горн и воздуходувные меха. Орудиями труда кузнеца были наковальня, молот, молоток, клещи, зубила, напильники, тиски и др.

Углублялась специализация деревообрабатывающего ремесла. Уже в конце XIV в. документы называют отдельные профессии — бондарей, столяров, плотников, резчиков и др. Орудиями труда ремесленников, работавших по дереву, были топоры, пилы, долота, сверла, струги, резцы, разнообразные ножи.

Стеклоделательное производство, возрождение и широкое распространение которого приходится на начало XV в., характеризуется применением разнообразных орудий труда. Для изготовления стеклянных изделий применялись различные формы, стеклодувные трубки, щипцы, ножницы. Сырьем для производства стекла был песок, поташ, поваренная соль, известь.

Сельскохозяйственные орудия

Важной отраслью городского и сельского ремесленного производства оставалось гончарство. Большое количество различной по своему назначению посуды изготовлялось на ножном и ручном гончарном круге. Последний применялся преимущественно в сельской местности.

Развивалось также кожевенное ремесло. Углубление специализации, выделение более узких профессий — седельников, сумочников, шорников, скорняков, сапожников — позволило повысить производительность труда и качество изделий. Инструментарий, используемый кожевниками, состоял из набора разнообразных по форме и назначению ножей, кривых или прямых шильев, специальных игл, штампов.

Получило дальнейшее развитие косторезное ремесло. Из кости изготовляли различные бытовые предметы: гребни, пряслица, иглы, ручки ножей, ложки, пуговицы. При обработке кости использовались наборы различных ножей, пил, плоских и гравировальных резцов, сверл-дрелей, напильников.

Совершенствование земледельческих и ремесленных орудий труда служило подъему экономики в целом и каждой ее конкретной области в отдельности. Однако на развитии земледельческих и ремесленных орудий труда, так же, как и земледелия и ремесла, отрицательно сказывались дальнейшее усиление феодального гнета, обнищание широких масс крестьянства и горожан.

Транспорт и пути сообщения. По мере развития сельскохозяйственного и ремесленного производства, роста торговли увеличивалось значение транспорта. Наиболее распространен-

ным был гужевой транспорт. Основным средством гужевого транспорта был четырехколесный, разного назначения деревянный воз. В хозяйстве для доставки сена, соломы и другой поклажи часто применялись различные типы волокуш — скрепленные между собой длинные жерди, в которые впрягали лошадь. В Полесье и Закарпатье волокуши употребляли для транспортировки заготовленного леса. В качестве тягловой силы использовались волы и лошади, последние применялись также для верховой езды.

Для перевозок тяжестей на дальние расстояния, особенно в южных районах, широко использовались тяжелые возы — мажи, в которые впрягались волы. Мажа не имела ни одной металлической детали, даже вместо гвоздей употреблялись деревянные шпильки. Конструкция мажи, прочность всех ее частей позволяли перевозить на ней большие тяжести. Зимой для перевозки груза и передвижения применялись сани, в которые впрягали лошадей.

Средством передвижения и транспортировки груза по воде издавна служили комяги, байдаки, а также лодки-долбленки, сделанные из цельного дерева. Кроме того, использовались плоты и паромы. Их размеры зависели от назначения и от конкретного состояния самих водных путей.

При сохранении единых традиционно-народных форм средства передвижения представителей господствующего класса отличались качеством материала, из которого они изготовлялись, размерами, богатством художественного оформления.

В этот период продолжали существовать старые и возникали новые пути сообщения. Выбор их диктовался прежде всего природными условиями. Избирались пути, где были водопои и выпасы для скота и встречалось меньше всего водных препятствий, песчаных почв, болот и гор, трудно-

Орудия молотьбы и сельскохозяйственный инвентарь

преодолимых для тяжело груженных возов Традиционным, известным еще со времени Киевской Руси был тракт — «шлях» — в Центральную Европу. Он шел из Киева через Польшу, Моравию, Чехию и далее в Германию. Продолжал действовать и «соляной» тракт, связывавший Киев и Галич.

В рассматриваемый период возник Муравский тракт, шедший от Москвы по водоразделу Оки и Дона, далее между верховьями рек Молочные Воды и Конские Воды, затем через Перекоп в Крым. Ответвлениями Муравского пути были Изюмский и Кальмиусский. Первый из них отделялся от Муравского в верховьях рек Северского Донца и Оскола, проходил в верховьях рек Ворсклы и Псла, далее пролегал по Слобожанщине и в верховьях реки Орели опять соединялся с Муравским. Кальмиусский шлях отделялся от Муравского близ г. Ливны, шел далее на юг и в верховьях Молочных Вод снова сходился с Муравским.

С середины XV в., после падения Византии, в орбиту внешней торговли Украины непосредственно включают-

ся более отдаленные страны Востока — Сирия, Египет, Индия и др. Сохранялся традиционный путь на юг по Днепру, но значение его резко упало вследствие изменения направлений торговых связей, с одной стороны, и возросшей опасностью со стороны Крымского ханства и Турции — с другой. Взамен были проложены другие, менее опасные, пролегавшие по более заселенным землям Подолии и через Молдавию пути вдоль Днестра. Использовались и другие сухопутные и речные пути, соединявшие Галичину и Правобережную Украину с Крымом, в частности водный путь по Днестру.

Еще в конце XIII в. возник торговый путь, связывавший Львов с Крымом. Он шел из Львова через Подолию, на Каменец, и далее степями Северного Причерноморья в Крым, в генуэзскую колонию Кафу, которая вела обширную торговлю с Персией, Китаем, Индией.

С европейскими странами в этот период Львов связывали торговые пути, шедшие в двух основных направлениях: северо-западном на Торунь — торговую столицу крестоносцев и западном — на Краков и Познань.

Проторенные, хорошо известные и удобные тракты, шедшие из России и Польши на юг, обычно использовали крымские орды для вторжения в глубь украинских и русских земель. Для вторжения на Правобережную Украину татарские феодалы чаще всего использовали три основных тракта — Черный, Кучманский и Волошский. Черпый начинался в районе Львова, далее пролегал через центральные районы Подолии, между верховьями рек Роси, Тясмина, Ингула и Ингульца, затем шел причерноморскими степями к низовьям Днепра, пересекал его и через Перекоп вел в Крым. Вблизи Тернополя от Черного тракта отходил Кучманский, который шел па Бар, пересекал Подолию. На левом берегу Южного Буга он поворачивал на восток и сливался с Черным трактом.

Волошский шлях, также пролегавший недалеко от Львова, шел далее вблизи Снятина и Галича, затем в междуречье Днестра и Прута к устью Днестра, откуда вдоль побережья Черного моря поворачивал на восток, в Крым.

Существовало также много других важных и менее значительных путей, связывавших различные районы Украины и Украину с Россией. В документах часто упоминаются Бакаев шлях, шедший от Болохова через Рыльск и далее к Днепру. Заколонский — от нынешних Сум в направлении Путивля и Рыльска, Сагайдачный — от г. Суджи между реками Псломи и Ворсклой, Ромодановский — из Путивля в Гадяч. Известны также Обышковский, Шебалинский, Савинский, Бирюцкий, Кончаковский, Торский, Святогорский, Бахмутский, Боровой, Лозовый, Коламацкий, Орчицкий и другие тракты.

С развитием чумачества во второй половине XV — первой половине XVII в. на Украине возникают новые тракты, получившие названия чумацких. Одна группа чумацких трактов связывала центральные районы Украины с Крымом, вторая вела в Галичину, третья — на Дон. Некоторые из них частично совпадали с торговыми трактами, возникшими ранее.

Многочисленные реки Украины — Днепр, Днестр, Припять, Десна, притоки Западного Буга и др.— являлись естественными путями, связывавшими различные районы страны, расположенные в их бассейнах. Они использовались как для местных, так и для дальних перевозок. Для сплава судов с хлебом, поташем, лесом и другими экспортными товарами важную роль играл Западный Буг и его притоки.

Одежда и обувь. Украинский костюм развился из древнерусского, а специ-

фически-национальный его облик складывался начиная с XIV в. в процессе формирования украинской народности. При этом крестьянский костюм был наиболее характерным для украинского народа, поскольку крестьянство составляло основную массу населения.

Материалом для костюма служило в основном льняное или конопляное полотно и сукно, как правило, домашнего производства. Примерно с XVI в. стало увеличиваться количество производимой ремесленниками для реализации на рынке одежды и обуви, прежде всего более простых, а следовательно сравнительно дешевых изделий, рассчитанных на массового потребителя. Подобное происходило и с меховыми изделиями из овчины, волчьих, лисьих, заячьих и других относительно дешевых мехов, из которых шили шапки, тулупы, рукавицы.

Как и у всех восточных славян, неотъемлемой частью украинского мужского костюма XIV — первой половины XVII в. была рубаха. Рубаху в качестве нижней одежды носили люди, принадлежавшие к разным слоям общества, но из разного по качеству материала. Почти повсеместно в рубахах спереди делали низкий, иногда до пояса разрез — пазуху, который у ворота обычно стягивался с помощью шнура или тесьмы. На большей части территории Украины рубахи не имели воротников. Длина их была разной в зависимости от того, как их носили — навыпуск или заправляя в штаны. Рукав, как правило прямой, достигал запястья. Рубахи украшались вышивкой. Панские рубахи, изготовленные из тонкого полотна или кисеи, вышитые шелком, серебром или золотом, отличались от народных и разнообразием деталей, например формой ворота. Такая рубаха обычно заправлялась в штаны. На западноукраинских землях, а также в Полесье ее довольно часто носили напыуск, поверх штанов, как и во времена Древней Руси.

Во второй половине XIII—XV в. на украинских землях носили узкие полотняные или суконные украшенные вышивкой порты, не отличавшиеся от древнерусских. Позже на большей части территории Украины, исключая Полесье и Галичину, порты вытесняются шароварами. В XVI в. шаровары уже широко бытовали на Поднепровье и Подолии. Носили их все слои населения. Для повседневной носки шаровары шились из домотканого полотна или сукна, а для праздников, главным образом у зажиточных казаков и шляхты,— из шелка. Как правило, шаровары были очень широкими, особенно у запорожских казаков. Носили их, заправляя в обувь или навыпуск. На Запорожье шаровары снизу завязывали шнурками поверх сапог. В Закарпатье носили широкие прямые штаны — гачи. Присобранные у пояса, они походили на юбку. Иногда нижние края гач украшались бахромой.

Большое внимание в украинском народном костюме уделялось поясу, повязывавшемуся поверх штанов. Он представлял собой широкую (около 15 см) полосу полотняной ткани с довольно простым узором, украшенную на концах бахромой или кистями. С XVI в. среди казаков, а также имущих слоев населения распространился пояс восточного происхождения, так называемый турецкий. Вырезанный из легкой шерстяной или шелковой ткани длиной в несколько метров и шириной около полуметра, он складывался вдвое или вчетверо и несколько раз обматывался вокруг талии. Концы нарядных поясов, нередко обшитые золотыми или серебряными нитками либо плетеными шнурками, казаки выпускали сбоку, обычно слева, а крестьяне — с двух сторон. В цвете поясов преобладала красная гамма.

В Полесье носили известный еще с древнерусских времен узкий пояс. В районах развитого скотоводства был распространен широкий кожаный пояс — черес. К чересу крепились трубка, огниво, кошелек. Запорожские казаки часто использовали черес как патронташ и носили его в таком случае через плечо. Черес украшался тиснением и металлическими накладками, подобно черкесским поясам на Кавказе.

Главным предметом повседневной женской одежды на Украине, как на русских и белорусских землях, являлась сорочка. Помимо того, в украинском женском костюме широко применялась поясная одежда. Простейший ее вид — «обгортка» — прямоугольный кусок ткани, которым туго обертывали стан ниже пояса. «Обгортка» была распространена на юго-западных землях Украины. На центральных и восточных ее территориях в качестве поясной одежды женщины носили плахту, сшитую из двух кусков клетчатой шерстяной ткани. Дополнял женский костюм фартук. В виде фартука поверх плахты носили также запаску, украшенную горизонтальным узором. Две запаски — спереди и сзади — надевались непосредственно на сорочку. Сшитые юбки были редкостью в украинском народном костюме.

Женский костюм обильно украшался цветной вышивкой самых разнообразных сюжетов — от геометрических фигур до растений и животных, среди которых иностранный мемуарист середины XVII в. увидел даже обезьян. Обычным украшением украинских женщин были серьги, а некоторые из них, по свидетельству современников, носили в ушах колокольчики. На шею падевали бусы из камня, стекла, металла, кораллов, монет, бляшек, бисера.

Наиболее распространенной, универсальной верхней мужской одеждой была свита. От талии по бокам в свиту вставлялись два треугольных «уса», собиравшиеся складками. Обычно свита не имела воротника, рукав ее был несколько заужен книзу, застегивалась она на крючки. Подпоясывали свиту широким поясом. Крестьяне и казаки носили короткие свиты до колен, шляхта и горожане — преимущественно длинные, почти до пола. В холодное время года свиты подшивались мехом.

Разновидностью свиты, очевидно, являлся кабат — одежда с разрезами спереди или сзади, часто по всей длине. Кабат был обычной одеждой горожан Галичины, в частности ремесленников. На Волыни носили свиты-армяки. Одним из вариантов свиты был подобный русскому кафтан — основная одежда запорожских казаков. Он застегивался на густо посаженные пуговицы шнурковыми петлями, имел стоячий, шалевый или отложной воротник и два прорезных кармана. Зауженные книзу рукава кафтана часто разрезались и закатывались кверху, образуя обшлага — заковраши.

Как верхняя одежда в среде зажиточного мещанства, казацкой старшины, шляхты, богатого крестьянства использовался жупан. От свиты жупан отличался, главным образом, несколько иной конструкцией боковых вставок, «ряс», которые делались из прямоугольных клиньев и укладывались складками. Рукава у жупана были широкими. Кроме того, он кроился впритык, без захода и застегивался на многочисленные пуговицы.

Свиты, жупаны и кафтаны шились из разных тканей — от простого грубого сукна до шелка и парчи, в зависимости от социального положения и обеспеченности заказчиков. Источник, относящийся к 1643 г., называет, например, среди прочих товаров богатых купцов пурпурные кафтаны, подбитые собольим мехом. Крестьянские свиты шились из черного, серого, белого или коричневого сукна. На

свиты, кафтаны и жупаны, которые носили мещане и казаки, обычно шло сукно красного, малинового, голубого, синего и зеленого цветов. Воротники и обшлага изготовлялись из контрастно окрашенных тканей. Свиты, жупаны и кафтаны украшались вышивками и шнуровыми аппликациями вдоль швов.

Для основной массы крестьян и горожан свита служила единственной верхней одеждой. Представители более зажиточных слоев населения поверх свиты, жупана или кафтана в непогоду надевали дополнительную одежду. Распространенным ее видом была кирея (кобеняк, сиряк). Как свидетельствует Э. Ляссота (1594), кобеняки служили также обычной одеждой казаков. Кирея представляла собой длинную, почти до пят, свободную одежду без рукавов типа современного плаща с капюшоном, иногда настолько глубоким, что для глаз в нем прорезались специальные отверстия. Кирею застегивали на шее, иногда подпоясывали поясом. Изготовлялась она чаще всего из плотного сукна. Однако в шляхетской среде для пошива киреи использовались и дорогие ткани, например альтембас. На Запорожье киреи нередко изготовлялись из кожи.

Зимой носили также длинную, иногда до пят, суконную или овчинную просторную бурку с большим отложным воротником. Бурка застегивалась на шее. У запорожских казаков ее нередко шили из кожи, крашенной в серый или коричневый цвета, изредка — в белый.

Прямыми и длинными были также и кожухи — овчинные тулупы мехом внутрь с большими меховыми, чаще всего черными смушковыми, воротниками. Нарядные кожухи шились из белой овчины и украшались вышивками и шнуровым шитьем, а также аппликацией из цветной кожи. Иногда кожухи покрывались сверху сукном и назывались байбараками.

Зимняя одежда из овчины в XIV — первой половине XV в. была обычной даже для князей. Позже, особенно после Люблинской унии 1569 г., когда большая часть территории Украины попала под власть Польши, феодальная аристократия и даже рядовая шляхта, а также городская верхушка стала шить зимнюю одежду из дорогих лисьих, рысьих и даже собольих мехов, обычно мехом внутрь.

Знать, шляхта, городская верхушка и казацкая старшина поверх одежды типа свиты носила кунтуши и делии — одежду польского происхождения. Кунтуш отличался от жупана длинными широкими рукавами с продольными разрезами до локтя. В них продевались руки. Нижняя же часть рукава свободно ниспадала примерно до середины бедра. Часто кунтуш подшивали мехом. Делия в отличие от кунтуша была приталена, имела очень широкий отложной воротник, часто меховой, и откидные рукава, нередко фальшивые, в виде длинных полос. Как и кунтуши, делии шились из дорогих тканей.

Особое место в украинском костюме занимала короткая верхняя одежда, сформировавшаяся в Карпатах. К ней принадлежали, в частности, камизеля лемков и буковинская бунда — безрукавки, сшитые из целой овчины мехом внутрь, с разрезом и шнуровкой сбоку. Гуцульский кептарь, в отличие от камизели и бунды, имел разрез спереди. Безрукавки нарядно украшались шнуровым шитьем, аппликациями из кожи, металлическими бляшками. Поверх безрукавок часто надевался суконный сердак длиной до бедер. Короткие меховые безрукавки и куртки наподобие сердака носили иногда запорожские казаки и чумаки.

К плащеобразной одежде, надевавшейся внакидку, относились чуганя лемков и буковинская манта длиной до колен или чуть ниже, с воротником, прикрывавшим плечи. Шились

они из сукна. Короткие, до локтя, ложные рукава их имели вид своеобразных карманов. Украшалась такая одежда «свечками» — бахромой из толстых шнурков.

Зимней одеждой карпатским горцам служил короткий кожушок с рукавами из овчины мехом внутрь. Плащеобразная гуня, тоже имевшая рукава, надевалась внакидку. Шили ее из белой овчины с длинной шерстью, обращенной внутрь или наружу.

Женская верхняя одежда конструктивно почти не отличалась от мужской.

Универсальной обувью в украинском народном быту были подобные древнерусским постолы из свиной или телячьей кожи с несшитыми или сшитыми, иногда загнутыми кверху носками. Лишь в Полесье, как на русских и белорусских землях, носили лапти, плетенные из лыка,— лычаки. Постолы и лычаки надевали на босу ногу или на портянки — «онучи». Вместе с постолами «онучи» закрывали половину голени, с лычаками — всю голень до колена.

Распространенной обувью являлись также сапоги. Повседневно их носили в имущих слоях общества — зажиточные горожане и казаки. По праздникам сапоги надевали и крестьяне. Сапоги запорожских казаков имели несколько загнутые кверху — на восточный манер — носки, были невысокие и прикрывались напуском шаровар. Феодалам, богатым горожанам и казацкой старшине шили сапоги из мягкого цветного сафьяна, нередко «на высоких подковках».

Горожане носили также ботинки — «черевики». Этот вид обуви имел, как правило, удлиненные в соответствии с европейской модой носки. Обувь феодалов и городского патрициата отличалась еще более продолговатыми формами и изготовлялась из тонко выделанной кожи. Дамские туфли украшались жемчугом и драгоценными камнями.

Большая часть крестьян и городской бедноты летом обходилась вообще без обуви.

В исторических источниках часто встречаются упоминания о продаже на Украине ногавиц, привезенных из европейских стран. Уже в XIV в. они стали там обязательным элементом мужского костюма. Это были длинные, на всю ногу, суконные или замшевые шитые чулки. С XV в. ногавицы (порой разного цвета) стали сшивать вместе, и они образовывали штаны вроде современных колгот. Иногда ногавицы подбивались подошвой, заменявшей обувь. Ногавицы на Украине пользовались спросом у следовавших европейской моде шляхты и городского патрициата.

В Закарпатье бытовали шитые суконные чулки (преимущественно красного цвета), прикрывавшие икры.

Мужчины носили прически с длинными и коротко стриженными волосами. Популярной была стрижка расчесанных во все стороны от темени волос «под макитру». Казаки обычно брили голову, оставляя «чуб» или «оселедец». Последний часто представлял собой настолько длинную прядь волос, что ее не только закладывали за ухо, но и наматывали на него. Любопытно упоминание византийского историка Льва Диакона (X в.) о древнерусском князе Святославе Игоревиче, который «в знак благородства» носил длинные усы и на выбритой голове один клок волос. Естественно поэтому предположить древнерусское происхождение «оселедца», тем более, что у казаков его считали знаком казацкой доблести и, как все знаки воинских отличий, носили с левой стороны.

Исторические источники свидетельствуют о повсеместно существовавшем на Украине обычае отращивать усы, иногда такие длинные, что концы их, как и «оселедец», мужчины также закладывали за уши.

Пуговицы. XVI в.

Среди мужских шапок наиболее распространенными были высокие овчинные (смушковые). Нарядные казацкие шапки завершались шлыком — своеобразным коническим мешком из ткани, свисавшим на левую сторону. Казацкая старшина носила шапки из дорогого сукна, бархата, шелка или парчи, отороченные мехом, часто с разрезом впереди и украшенные перьями. Полковничьи шапки украшались золотыми пряжками — аграфами, а на гетманских, которые обычно шились с разрезной опушкой, к драгоценным аграфам прикреплялись страусовые перья.

Головным убором, характерным для польской и ополяченной украинской шляхты, была четырехугольная шапка. Жителей украинских земель, подвергавшихся особенно частым татарским нападениям, местные власти обязывали иметь в числе предметов военного снаряжения металлические каски. Такие каски во время боя надевали и казаки. В обычное же время они носили их сбоку, у сагайдака — колчана для стрел.

Повседневным летним головным убором крестьянским и городским девушкам служила полоска ткани или орнаментированная лента, повязывавшаяся вокруг головы. По праздникам девушки украшали головы венками из живых или искусственных цветов. Боплан писал, что девушки на Украине считали позором для себя покрывать голову. Замужние женщины повязывали голову белыми платками — «очипками» (головным убором вроде чепца, развившимся из древнерусского повойника). По праздникам голова покрывалась длинным куском белого полотна — «намиткой». Её завязывали сзади, оставляя длинные концы. Как и «очипок», «намитка» имела древнерусское происхождение. Зимой женщины носили теплые платки и меховые шапки.

Развитие костюма на Украине отражало углублявшуюся социальную дифференциацию общества. Для шитья костюма феодалы и прочие зажиточные слои населения использовали преимущественно импортные ткани. В шляхетской среде особой

популярностью пользовались тонкие западноевропейские полотна и сукна, восточные шелка. Одежда феодалов, даже летняя, украшалась собольим, горностаевым, рысьим и другими дорогими мехами. Нередко верхняя одежда, прежде всего зимняя, целиком шилась из дорогих мехов. Костюм феодальной знати украшался золотым и серебряным шитьем, многочисленными пуговицами и пряжками, изготовленными из золота и серебра и зачастую украшенными драгоценными камнями. Неизменно модными были богато вышитые золотом, серебром и жемчугом воротники. Дополняли такие костюмы различные ювелирные украшения — золотые кольца, перстни с драгоценными камнями и т. д.

С конца XV в. украинские феодалы стали все более ориентироваться на европейскую моду, в связи с чем импорт дорогостоящих тканей, роскошной одежды и драгоценностей быстро рос.

После Люблинской унии особенно сильно в костюме украинских феодалов начало сказываться польское влияние. Стремясь подчеркнуть свою классовую общность с польской шляхтой, украинская знать подражала ей в быту и в костюме. О вызывающей роскоши одежды феодалов свидетельствуют многие источники. Так, Боплан писал, что ему приходилось видеть у магнатов на Украине костюмы из собольего меха стоимостью более двух тысяч талеров, украшенные крупными пуговицами из золота, рубинов, изумрудов, алмазов и других драгоценных камней. Значительно скромнее одевались мелкопоместные шляхтичи, представители казацкой старшины и средних слоев городского населения.

Повседневная одежда трудящегося крестьянства, городских низов и массы казачества была простой и скромной, а у казацкой голытьбы и беднейшего крестьянства — зачастую нищенской. Французский мемуарист середины XVII в. Дельбурку вспоминает, что казаки, по-видимому беднейшие, выглядели как нищие, а оршанский староста Филон Кмита презрительно называл казаков оборванцами.

О социальной дифференциации в казацкой среде конца XVI в., отразившейся и в одежде, свидетельствует известный мемуарист Эрих Ляссота: рядовые казаки были одеты очень скромно, в то же время в среде казацкой старшины не были редкостью куньи шубы и шапки из меха черных лисиц. С горьким юмором «костюм» представителя казацкой голытьбы описывает украинская народная дума о казаке Голоте:

Правда, на казаке одежды дорогие —
Три семиряги лихие:
Одна нехорошая, другая негожая,
а третья и для хлева не подходящая...
Правда, на казаке шапка-бирка,
Сверху дырка, травою сшита, ветром подбита,
куда дует, туда и продувает,
Молодого казака прохлаждает.

Пища. Пища и питание украинского народа имели много общего с пищей и питанием русского и белорусского народов, связанных с украинским общностью происхождения. Прослеживаются, однако, и особенности, обусловленные естественно-географической средой, характером хозяйственной деятельности, своеобразием семейного быта, историческими традициями. Производство и потребление продуктов питания на украинских землях XIV — первой половины XVII в. изменялись медленно и в значительной степени сохраняли традиционный характер. При этом в условиях социального неравенства, углублявшегося с развитием феодализма, и иноземного господства хранителями традиций в этой сфере материальной культуры украинского народа выступали трудящиеся — крестьянство и рядовые горожане.

Основу национальной кухни украинского народа составляли блюда из зерновых растений. Наиболее распространенной в XIV— первой половине XVII в., как и раньше, была кашеобразная или более жидкая, в виде супов, вареная пища из зерна овса, ячменя, проса и других злаков, а также из крупы, в частности толченой, и муки. Из крупы варили, например, одно из наиболее распространенных блюд украинской кухни — кулеш, который готовили не только в домашних условиях, но и в поле и в дороге. Боплан отмечал, что на Днепре, ниже порогов, был расположен остров, который казаки называли Кашеварницей. Здесь они, благополучно пройдя пороги, устраивали привал и готовили еду.

Как пища, распространенная на Украине, в народных думах XVI—XVII вв. называется «житняя соломаха». Она представляла собой, по описанию Боплана, смешанное с пшеном тесто, сваренное в воде. Эта кисловатая на вкус еда служила одновременно и питьем. К мучным вареным блюдам украинской кухни рассматриваемого периода относятся также затирка, лапша, галушки, вареники и т. п.

Одним из древнейших блюд, известных на Украине и в XIV—XVII вв., являлся кисель. Готовился он из молодого заквашенного зерна. Ученые предполагают, что на славянских землях кисель предшествовал печеному хлебу, одному из основных продуктов питания. Видимо поэтому на Украине хлеб также имел кисловатый вкус. Наиболее распространенным был ржаной хлеб, выпекался и белый, но основная масса местного населения ела его обычно только по праздникам. В бедняцких хозяйствах хлеб пекли из ржаной муки с разнообразными примесями, чаще всего ячменной или овсяной мукой. В часто случавшиеся голодные годы хлеб выпекался из отрубей, мякины, лебеды. Хлеб служил главным продуктом питания казаков. Частью их походных продовольственных запасов были сухари, которые хранились в специальных бочках.

Важное место в украинской кухне занимали блюда из овощей, в частности борщ. Для его приготовления использовались разнообразнейшие овощные продукты, прежде всего широко употреблявшаяся в пище еще в древнерусский период капуста.

Непременным продуктом питания, особенно во время многочисленных постов, была рыба. Ее употребляли в пищу вареной, жареной, соленой и сушеной.

Реже, главным образом в среде имущих, в пищу употреблялось говяжье, свиное или баранье мясо. К столу, особенно на роскошных пиршествах во дворцах крупных феодалов, готовились блюда из мяса зверей и птиц. Обычными продуктами питания зажиточных слоев населения на Украине были куры и яйца. Из молочных продуктов употреблялись сыр, свежее или кислое коровье молоко.

Существенно дополняли обычный рацион питания садовые фрукты, лесные плоды, грибы и ягоды. В неурожайные годы в пищу бедняков шли также трава, коренья, древесная кора, мука из лебеды, жёлуди. Весной, которая была особенно тяжелой порой для бедняков, даже в относительно благополучные годы обычной их пищей становились лебеда, крапива и другая молодая зелень.

Из напитков наиболее распространенными в XIV— первой половине XVII в., как и в Древней Руси, были квас, приготовленный из фруктов, ягод, сока деревьев, и сычёный мед, сырье для которого давало бортничество и пчеловодство. Потреблялись также пиво, а с XVI в. и водка — «горилка». Изготовление и продажа этих напитков составляли важную статью доходов феодалов и городской верхушки. В среде имущих слоев насе-

ления потребляли значительное количество импортных вин — валашских, венгерских, греческих, рейнских.

Таким образом, пища трудящегося населения украинских земель в XIV— первой половине XVII в. имела много общенациональных черт, хотя и в это время и в дальнейшем отмечались некоторые локальные ее особенности, порождавшиеся своеобразием хозяйственного уклада населения отдельных районов Украины. Однако в питании трудящихся, с одной стороны, и имущих слоев населения — с другой, имели место качественные различия. С течением времени они становились все более глубокими.

Обряды, обычаи. Традиционная бытовая культура украинского народа складывалась в процессе формирования украинской народности, но корнями своими она уходит в далекие времена, когда в силу неразвитости общественных институтов обряды и обычаи регламентировали поведение человека в обществе. В обрядовой культуре украинского, как русского и белорусского народов, продолжали сохраняться древние обряды и обычаи, свойственные древнерусской народности. Отсюда — большое количество общих черт в свадебных, похоронных и других обрядах. Сложная система многочисленных обрядов, мало поддаваясь изменениям, поскольку именно для бытовой культуры характерна традиционность, преемственность, передавалась из поколения в поколение.

Различными обрядами, где одну из главных ролей играла бабка-«повитуха», сопровождалось рождение ребенка. С утверждением христианства главенствующее место занял церковный обряд крещения. До крещения ребенка прятали от людских глаз, опасаясь вселения в него злых духов. И только после этого обряда он как бы становился членом общества. В крестные родители приглашали близких родственников, которые не должны были отказываться от такой чести. Совершив церковный обряд крещения, родители созывали родственников и соседей на «крестины», угощали их. Застолье сопровождалось песнями, в сюжете которых сохранялись языческие мотивы, в частности фигурировал древнеславянский бог брака и семьи Ладо. Над новорожденным совершали и некоторые магические действия, которые, как принято было считать, обеспечивали ему здоровье, благополучие в жизни, богатство. Так, мальчика заворачивали в рубашку отца, девочку — в рубашку матери, клали на вывернутый тулуп и укладывали на «покуги» под образами — самом почетном месте в доме.

Наиболее красочным и значительным был свадебный обряд, который состоял из трех основных частей: сватанья, «заручин» — помолвки и свадьбы — «весилля». Самое раннее описание свадебного обряда украинского народа дано в книге Яна Лосицского, изданной в 1582 г. на латинском языке в Вильно. Первый Литовский статут (1529) установил минимальный возраст, позволяющий вступать в брак: для юношей — 18, для девушек — 15 лет. Третий Литовский статут (1588) определял совершеннолетие девушки по достижении ею 13 лет. Вступление в брак, как правило, совершалось по взаимному согласию между молодыми — женихом и невестой — и при наличии согласия родителей. В Первом Литовском статуте отмечено право свободного выбора девушками женихов: «кождой из них, за кого хотя, за того волно пойти» [1]. Это положение касалось женщин привилегированных сословий, но в последующих редакциях

[1] Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Минск, 1960, с. 59.

Статута оно распространялось и на женщин «всякого иного стану». Нередко девушек все же выдавали насильственно замуж, встречался также и так называемый сговор малолетних, когда родители договаривались женить своих детей по достижении ими совершеннолетия. Стороны не всегда сдерживали свое слово и расторгали договоренность, уплатив при этом потерпевшей стороне установленный штраф.

Юноша, избрав себе невесту и заручившись ее согласием, с разрешения родителей засылал к ней сватов — старост, которыми могли быть близкие родственники или уважаемые люди в селении. Старосты с хлебом приходили поздно вечером в дом невесты, где часто в аллегорической форме излагали цель своего прихода. Получив согласие родителей девушки и обменяв хлеб, старосты возвращались в дом жениха.

Г. Боплан упоминает о существовании и своеобразной формы сватовства, когда девушка сама приходила в дом родителей своего избранника и заявляла, что она хочет выйти замуж за их сына. Изгнать девушку из дома считалось большим грехом, поэтому обычно родители давали согласие на брак и уговаривали сына жениться на этой девушке. Очевидно, этот древний обычай, связанный с пережитками матриархата, носил частный характер. К нему прибегала оскорбленная в своих чувствах девушка, когда юноша нарушал данное слово и не хотел жениться на ней.

Через некоторое время после сватанья в доме невесты совершался обряд помолвки — «заручин». Он символизировал обоюдное согласие молодых и их родителей на брак. Здесь же договаривались о сроке свадьбы, приданом. Во время заручин в имущих кругах практиковалось юридическое оформление приданого невесты и «ви́на» — ответной платы жениха за приданое. В крестьянских семьях соблюдались смотрины — «оглядыны», ко́гда родители невесты приходили в дом к жениху с тем, чтобы ознакомиться с его имущественным положением.

Вступление в брак было радостным событием не только для молодых, но и для всего «рода» — родственников. Свадьба, как правило, начиналась в субботу. Невеста и жених вместе с «дружками» — подругами «молодой» и «боярами» — друзьями «молодого» — созывали всех родственников на свадьбу. Каждой «дружке» давали венок из цветов, который надевали на руку. Старший «боярин» держал в руках палку — знак своих полномочий.

В субботу невеста созывала своих подруг на «дивыч-вечер» — прощальный вечер в кругу своих незамужних ровесников. Они украшали цветами небольшое, преимущественно сосновое, дерево — «вильце», пели обрядовые песни. В домах жениха и невесты замужние женщины пекли каравай — свадебный ритуальный хлеб, который символизировал дар всего рода молодым. Хлеб в обрядах как украинского, так русского и белорусского народов занимал особое место. С ним связана вера в жизнь, благополучие, здоровье, счастье человека. Хлеб сопровождал его всю жизнь, он присутствовал как обязательный атрибут во всех обрядах. Почитание хлеба как святыни отразилось в многочисленных пословицах и поговорках: «Хлеб всему голова», «Все добре (хорошее) с хлебом». Зерном осыпали молодых, что символизировало пожелание счастья и достатка.

Главные события свадебного действия происходили в воскресенье. В доме молодой собирались ее подруги, родственники. Молодую торжественно одевали. Одежда невесты состояла из белой вышитой рубашки, яркой плахты, запаски, серого или белого суконного кафтана; голова украшалась венком из цветов. Как в наряде жениха и невесты, так и в ходе всего свадебного действия в различ-

ных районах Украины имелись свои отличительные черты. Г. Боплан, наблюдавший свадьбу, очевидно, в городе на Поднепровье, оставил интереснейшие описания свадебного наряда: невеста была одета в длинное платье из темного сукна, лицо и голова оставались открытыми, волосы распущены и украшены венком.

Во многих чертах свадебного обряда украинского, русского и белорусского народов сохранились отголоски древнейших форм брачного союза у славян. Так, автор «Повести временных лет», сообщая о «поганских обычаях» древних славян, писал, что у древлян умыкали (похищали) невест возле воды, у радимичей, вятичей, северян невест умыкали с их согласия. О полянах же сказано, что они в дом невесты посылают родственников, которые обо всем договариваются, а на следующий день привозят приданое. В источниках XVI—XVII вв. упоминается о существовании такого обычая, как умыкание невесты, но при наличии взаимной договоренности. В это время и умыкание, и выкуп приобрели уже чисто символическое значение. Приезд в дом невесты «молодого» с «боярами» представлялся как желание похитить певесту. Брат невесты требовал от жениха плату за невесту, за то, что ее кормили и поили в доме родителей. Жених давал ему несколько монет. На свадьбе в домах жениха и невесты всех гостей сажали за стол, накрытый вышитыми или тканными скатертями, угощали, делили свадебный каравай. Родственники жениха и невесты давали деньги, дарили что-либо из домашней утвари.

Свадьба сопровождалась песнями, танцами, музыкой. Обычно играли «троистые музыки» — скрипка, бубен и цимбалы.

В воскресенье невесту отвозили вместе с приданым — «посагом» — в дом жениха. В этот же день или в понедельник совершался обряд «покрывания головы», означавший переход невесты на положение замужней женщины. Покрывали голову платком или «намиткой», которая завязывалась особым образом. Существовал также обычай отрезания косы, что символизировало как достижение совершеннолетия, так и замужество. Позднее невесте отрезали только кончик косы. Свадьба, в зависимости от достатка, продолжалась несколько дней. Гости переходили из дома невесты в дом жениха, приходили к старшей дружке, где их угощали.

Свадьба в господствующих кругах отличалась от народной пышностью, большим количеством гостей, обильным застольем. Одному волынскому шляхтичу во второй половине XVI в. свадьба стоила сто коп грошей. В свадебном ритуале богачей отсутствовали многие элементы народной свадьбы, поскольку паны, перенимая обычаи польских магнатов и шляхты, с пренебрежением относились к народным традициям. Все же сам ритуал свадьбы был обязательным для всех слоев, так как только свадьба означала гражданское признание состоявшегося брака.

В свадебное действо, корни которого уходят в дохристианские времена, долгое время не мог вписаться церковный обряд венчания. Как в XI в. церковники жаловались, что простые люди не признают венчания, а берут себе жен с «плесканием, гудением, плясанием», так и в XVI в. духовенство отмечало, что многие люди на «Руси незаконно мешкають: жены поймучи не венчаются, в урядники за таковых стоять» [1]. Иногда венчались до свадьбы — в день сговора, иногда после свадьбы. Многие вовсе не венчались, считая, что, сыграв свадьбу, они таким образом сообщали общественности о своем вступлении в брак. Как правило, обвенчанные до свадьбы не могли жить вместе.

[1] АЮЗР, т. 2, с. 63.

На Подолии, например, о своем вступлении в брак необходимо было сообщить уряднику и уплатить «три гривны на замок». Подобным образом оформлялись и разводы, довольно частые в XVI— первой половине XVII в. как в среде украинской шляхты и магнатов, так и мещан. Церковь вела постоянную борьбу против не освященных ею браков и разводов. Церковники прибегали даже к такой крайней мере наказания, как отлучение от церкви.

Определенными обрядами, многие из которых ведут начало с древних языческих времен, сопровождались также похороны. Как правило, покойника везли на кладбище, независимо от времени года, на санях в воловьей упряжке. Этот обычай известен и во времена Древней Руси. Так, Владимир Мономах в своем «Поучении детям» писал, что создавал его уже «сидя на санях», т. е. в преклонном возрасте, перед смертью. По древним обычаям в гроб покойнику клали хлеб, ставили горшочек с кашей, бросали в могилу несколько монет. Оставляли для него также еду в доме. После захоронения там же на кладбище или дома поминали усопшего. Поминальный обряд сохранял некоторые черты древнерусских тризн — игрищ на могиле покойного. Церковь принуждала к выполнению церковного обряда, к соблюдению таких правил, как поминание на 9-й и 40-й день, в первую годовщину смерти.

Умершего оплакивали члены семьи, родственники. Похоронный обряд сопровождали причитания — «плачи-голосиння». В них говорилось о глубокой скорби, о тяжести утраты отца, матери, детей, восхвалялись их добрые сердца, трудолюбивые руки. На похоронах членов богатых магнатских родов или известных политических и церковных деятелей читались проповеди — «казанья», иногда в стихах. Некоторые из них представляют лучшие образцы ораторско-проповеднической литературы. Так, на похоронах гетмана П. Конашевича-Сагайдачного в 1622 г. ученики братской школы декламировали посвященные ему «вѣршѣ», написанные ректором школы Кассианом Саковичем. В них прославлялось мужество П. Сагайдачного и всего «рыцарства запорожского» в борьбе против турок и татар, беззаветное служение своему народу, отчизне («лепѣй ест стратити живот за отчизну, нѣжели неприятелю достат ся в корзину» [1]), восхвалялись его человеческие добродетели.

Погребальные обряды для юношей и девушек имели много общего со свадебными. Умерших одевали в свадебный наряд, девушки шли за гробом юноши с распущенными волосами, родители покойного одаривали молодежь платками или полотенцами. В народе сохранялось много суеверий, в которых прослеживается вера в могущество потусторонних сил. Считалось, что души покойных некоторое время витают в доме, поэтому живые стремились умилостивить их, строго придерживаясь всех обрядов.

Народный календарь. Народный календарь, бытовавший на украинских землях в XIV— первой половине XVII в., в основном сложился в период общеславянской этнической общности. Сформировался он в процессе трудовой деятельности человека, отражая наблюдения явлений природы, от которых во многом зависели результаты его труда. Земледельческое хозяйство, имевшее на украинских землях многовековые традиции, определило аграрно-производственное в своей основе содержание народного календаря. Оно отразилось прежде всего в старославянских по происхождению названиях месяцев, связанных с особенностями занятий

[1] Українська поезія. Кінець XVI — початок XVII ст., с. 325.

крестьянина в определенное время года. Название месяцев «сичень» и «березень» (в Древней Руси — «березол») связано, в частности, с вырубкой и сжиганием деревьев на месте будущего посева при подсечном земледелии. «Лютый» — месяц морозов и холодов. «Квитень» — время весеннего цветения фруктовых деревьев. В «травне» вырастала трава, что позволяло выпасать скот, и т. д.

Времена года в народном календаре, как правило, определялись последовательно сменяющимися циклами сельскохозяйственных работ: вспашкой под яровые, посевом, всходами, созреванием хлебов, уборочной страдой, вспашкой под озимые, севом, вспашкой на зябь. С сельскохозяйственными и другими производственными процессами, составлявшими вехи народного календаря, была связана и бытовавшая в украинском народе некалендарная датировка событий: «як орали» — апрель; «як вівці стригли» — июнь; «як полотна білили» — июль; «як буряки вибирали» — начало октября. Даже обычная во второй половине XIV— первой половине XVII в. датировка событий, основанная на многочисленных народных праздниках, как правило, также была связана с производственной деятельностью крестьян. Например, праздник покрова Богородицы 14 октября (по новому стилю) считался рубежом между осенью и зимой, когда все сельскохозяйственные работы в основном были закончены. Это отразилось в народных пословицах и поговорках: «Хто сіе на покрові, той не має що дати корові»; «Покрова покриває або листом або снігом». Часть религиозных праздников связывалась в народном календаре с весной. Приход ее отмечался, в частности, на пасху, праздновавшуюся в первое воскресенье после дня весеннего равноденствия.

О практическом, житейском назначении народного календаря свидетельствовала принятая в нем датировка событий по явлениям природы и стихийным бедствиям, по событиям общественно-политической и семейной жизни, по ярмаркам и т. п.

Народный календарь, бытовавший на украинских землях в период феодализма, в основном сложился еще в дохристианскую эпоху. Началом года на Руси, как и в Древнем Риме, считался март. Это было естественно связано с приходом весны и началом сельскохозяйственных работ. Поэтому, приняв вместе с христианством (988) летосчисление от так называемого сотворения мира, восточные славяне сохранили приуроченное к весне начало года.

С 1348 г. в восточно-христианском мире установилась другая дата начала нового года — 1 сентября. Но сентябрьский новый год на Украине утвердился лишь в церковном календаре — в светской жизни он не получил признания. На захваченных Польшей и Литвой украинских землях постепенно распространилось, прежде всего в деловодстве, летосчисление по юлианскому календарю, начинавшееся с января. Именно по этому стилю датирована, например, Львовская грамота 1368 г. В народном календаре, однако, еще некоторое время началом года считалась весна и счет времени велся «летами».

С принятием христианства церковь стала вводить праздники церковного календаря, приспосабливая их по времени и по содержанию к народным. Этим объясняется совпадение праздников церковного и народно-календарного, в том числе языческого, происхождения (например, рождество Иоанна Крестителя и Купала — 7 июля), а также наличие элементов, отражающих народные верования и представления, в ритуале церковных праздников. Религиозные праздники и имена святых связывались, как правило, с производственной, прежде всего сельскохозяйственной деятель-

ностью крестьян. Так они вошли и в народный календарь: «Хто не посіяв до Богослова (9 октября), той не варт доброго слова». Таким образом возникли своеобразные «бытовые святцы», которые хотя и имели с церковными общие даты и названия, но выполняли не религиозную, а производственно-бытовую функцию.

Процесс сближения народного и официального календаря был прерван в 1582 г. введением в качестве государственного григорианского календаря. «Ляхове отмінили календар»,— записано под этим годом в Львовской летописи.

Политика насильственного введения на украинских землях григорианского календаря, которую проводила католическая церковь, попрание норм традиционного народного календаря углубили противоречия между православными и католиками, между господствующими польско-шляхетскими слоями общества и украинским народом. Массы украинского народа восприняли календарную реформу как очередное ограничение их прав и свобод, связанное с насаждением католицизма: рождество, новый год и другие праздники с тех пор католики и православные отмечали в разное время, так как между григорианским и юлианским календарями имелось расхождение (для XVI в. 9 дней). Пренебрегая традициями украинского народа, феодалы-католики принуждали украинских крестьян работать в православные праздники и отмечать соответствующие католические. Ректор православной Острожской школы Г. Смотрицкий писал: «Не толко у дѣйствах законных церковных, але и во всѣх справах и поступках светских... великая... ненависть межи людми с того поправленя (изменения календаря.— *Ред.)* всчалася» [1].

[1] Архив ЮЗР, ч. 1, т. 7, с. 253.

Григорианский календарь не повлиял на бытовавший на украинских землях народный календарь. Недовольство введением григорианского календаря было на Украине так велико, что даже униаты не посмели выступить в его поддержку. По условиям Брестской унии 1596 г. они сохранили общий с православными календарь народных праздников.

Украинский народный календарь вобрал в себя стихийно-эмпирический производственный и житейский опыт многих поколений народа, а также содействовал формированию, сохранению и передаче этого опыта, выражавшегося в обычаях, обрядах, верованиях, поверьях, поскольку они были связаны с народными календарными представлениями.

Праздники, развлечения, верования. Праздники украинского народа находились в неразрывной взаимосвязи с его трудовой деятельностью, основными видами которой являлось земледелие и скотоводство. С древнейших времен сохранился цикл календарных обрядов, приуроченных к периодам зимнего и летнего солнцестояния. Многими празднествами отмечалось начало весны — они связаны с представлениями первобытных людей в том, что мир ежегодно рождается вновь и это рождение происходит весной. Как отмечалось, в Древней Руси начало весны считалось и началом нового года. Позднее начало нового года было приведено в соответствие с «византийским» летосчислением, по которому новый год начинался 1 сентября. На украинских и белорусских землях параллельно с византийским летосчислением «от сотворения мира» бытовало и принятое католической церковью летосчисление от «рождества Христова», по которому новый год начинался 1 января. В документах XIV в. упоминается о существовании на украинских

землях обычая, связанного с январским новым годом.

Ко времени зимнего солнцестояния был приурочен праздник древнеславянского бога «керечуна». Позднее христианская церковь приспособила этот языческий праздник, как и многие другие, к основным датам вымышленной биографии Христа. 25 декабря (по юлианскому календарю) отмечался праздник рождества Христова. В ночь перед рождеством готовили кутью — ритуальную еду, которая является древнейшей формой жертвенного хлеба, варили узвар из сушеных фруктов и все это ставили в сено на «покути». Вокруг праздничного стола собиралась вся семья. Кутью и другую еду относили ближайшим родственникам. Взрослые и дети на рождество ходили по улицам и под окнами домов «колядовали» — пели песни-колядки, содержание которых уже было приспособлено к новозаветным темам. Но и сам праздник, и колядки являлись отголосками древних языческих верований. Поэтому автор Густынской летописи с негодованием отмечал, что в колядках «еще о Рождестве Христовом поминают, но болiе коляду бѣса величают» [1]. Хозяева одаривали колядников деньгами, продуктами.

Под новый год также готовили кутью, которая называлась «щедрой» или «богатой». Молодежь и дети ходили «щедровать» — распевать песни-«щедривки», в которых желали хозяевам счастливого нового года, семейного благополучия, здоровья. В «щедривках» сохранилось много весенних мотивов, что свидетельствует о древней традиции весеннего начала нового года. Утром в первый день нового года издавна существовал обычай поздравлять друг друга. Взрослые и дети приходили в дом и «засевали» — посыпали зерном, желая при этом хозяевам благополучия, счастья, здоровья. Древнеславянский характер носил праздник, приуроченный к периоду весеннего солнцестояния, когда молодежь собиралась и распевала веснянки, гаивки.

Особенно красочным был праздник Купала, языческого бога, которому приносили символические жертвы перед началом жатвы (23 июня). Вечером, как писал автор Густынской летописи, собиралась «простая чадь обоего полу и сплетала себе венки из зельев, кореньев», затем разжигали костер, иногда ставили зеленую ветвь — «вильце» и, взявшись за руки, танцевали вокруг огня, пели песни. Потом «през оный огонь прескакують, оному бѣсу жертву себе приносяще»[1]. Во многих народных обрядах огонь являлся неотъемлемым атрибутом. Люди верили в его очистительную силу. На таких молодежных гуляньях юноши и девушки знакомились, договаривались о свадьбах. Летом молодежь собиралась на гулянье каждое воскресенье, как свидетельствует об этом Г. Боплан. Они устраивали танцы под «дуду». Зимой гулянье — «досвитки» или «вечорницы» — совмещали с работой. Собираясь в одном из домов, девушки пряли и пели песни, парни также были заняты делом. На праздник Андрея девушки гадали на своих суженых.

В верованиях украинского народа сохранилось много языческих представлений о могущественных силах природы. Верили в святость земли, воды, поклонялись им как древним божествам, приносили жертвы «кладезем», «озером», «рощениям». Стремясь задобрить силы природы, чтобы они доброжелательно относились к труженику и помогали ему, человек совершал ряд магических действий. К ним можно отнести и обычай «щедровать», «засевать», пахать плугом по снегу на новый год. Выполнение этих обрядов люди считали одним из

[1] ПСРЛ. Спб., 1843, т. 2, с. 257.

[1] ПСРЛ, т. 2, с. 257.

залогов хорошего урожая и благополучия семьи.

В сознании народа жила вера в сверхъестественные силы — чертей, злых духов, ведьм, русалок. Суеверия были следствием незнания, непонимания сущности многих явлений природы. Вместе с тем в процессе многовековой трудовой деятельности вырабатывались рационалистические воззрения на природу, отразившиеся в различных пословицах, поговорках, приметах. Они передавали из поколения в поколение опыт, духовное богатство народа.

Изучение быта и обычаев украинского народа, его общественной психологии, верований и т. п. до середины XVII в. встречает на своем пути значительные трудности из-за ограниченности сведений и зачастую возможно лишь в ретроспективном плане. Памятники материальной культуры тех отдаленных времен также почти не сохранились. Однако общие закономерности процесса формирования традиций быта и обычаев украинцев до середины XVII в. очевидны. Процесс этот происходил в рамках складывания украинской народности. Естественна поэтому живая связь ее быта и обычаев с бытом и обычаями древнерусской народности. Традиции материальной и духовной культуры Древней Руси составляли также основу формировавшихся быта и обычаев русского и белорусского народов. Поэтому, несмотря на специфику условий общественной жизни трех братских народов в XIV — первой половине XVII в., быту и обычаям русских, украинцев и белоруссов были свойственны многие общие черты, глубоко уходившие корнями в традиции материальной и духовной культуры Древней Руси.

На быте и обычаях трудящихся масс украинского народа сказался тяжелый социальный и национальный гнет рассматриваемого периода. Это, однако, не могло погасить в народе свойственного ему жизнелюбия, патриотизма, стремления к свободе, веры в будущее.

Таким образом, культура украинского народа во второй половине XVI — первой половине XVII в. достигла значительных успехов. Развитие ее находилось в непосредственной взаимосвязи с завершением процесса формирования украинской народности, ростом самосознания, усилением антифеодальной и освободительной борьбы против господства шляхетской Польши. Культура украинского народа, основываясь на древнерусских духовных традициях, общих для русского, украинского и белорусского народов, развивалась под влиянием гуманистических и реформационных идей, рождавшихся в самой народной среде. Значительные качественные изменения произошли в различных сферах культурной жизни общества. Распространялось просвещение, расширялось научное познание мира в связи с развитием производительных сил, углублением общественного разделения труда, а также благодаря творческому усвоению передовых достижений мировой науки того времени. Большую роль в развитии просвещения сыграл Киевский коллегиум — первое высшее учебное заведение на Украине. Со временем он стал одним из главных образовательных центров на восточнославянских землях.

Исключительно важное значение для развития культуры украинского народа имело книгопечатание, зачинателем которого стал русский книгопечатник Иван Федоров. Книги, напечатанные кириллицей, служили целям распространения просвещения, а также играли важную роль в идеологической борьбе против католицизма. Под непосредственным влиянием освободительной борьбы против польско-шляхетского господства и турецко-татарской агрессии развивались

новые жанры в фольклоре — думы, исторические песни. В литературе продолжали бытовать старые жанры, наполняясь в то же время новым содержанием. В частности, это относится к полемической литературе, ставшей важнейшим орудием идеологической борьбы против католицизма и униатства. Среди новых жанров, имевших светское направление, большого развития достигла так называемая «виршова» литература, в которой прославлялись лучшие человеческие качества — мужество и отвага, готовность послужить общенациональным интересам. На смену летописанию, продолжавшему бытовать на украинских землях, постепенно приходят первые исторические труды.

Новые явления становились все более характерными в развитии театра и музыки. Утверждалось многоголосное пение, происходил процесс становления профессионального музыкального творчества, в основе которого лежала народная музыка. Значительные сдвиги произошли в живописи и архитектуре, где все более заметно выступало народное начало. Влияние гуманистических идей наиболее четко проявилось в портретной живописи. В изображении конкретных людей мастера стремились передать их индивидуальные черты.

Культура украинского народа развивалась и крепла в благотворных взаимосвязях с культурами братских восточнославянских народов, в первую очередь русского. Культурный обмен между русскими и украинскими землями носил самые различные формы, его питали великие идеи славянского единства, стремление единокровных народов к воссоединению в общем государстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нашествие Батыя на Русь, сопровождавшееся истреблением населения и колоссальным разрушением производительных сил, завершилось установлением тяжкого иноземного ига. Оно нанесло громадный ущерб экономическому, политическому и культурному развитию древнерусских земель в последующие века. Но вторжение вражеских орд на Русь не смогло уничтожить материальную и духовную культуру древнерусского народа. В. И. Ленин отмечал: «...каковы бы ни были разрушения культуры — ее вычеркнуть из исторической жизни нельзя, ее будет трудно возобновить, но никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно»[1]. Это мудрое ленинское высказывание полностью подтверждается всем ходом исторического развития древнерусских земель после установления ордынского ига.

Народные массы Руси выстояли под ударами врага и развернули борьбу против владычества Золотой Орды, которое, по словам К. Маркса, не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой[2]. После вызванного Батыевым разорением полувекового застоя постепенно оживляются сельское хозяйство, ремесла и промыслы, восстанавливаются внутренние и внешние торговые связи, оживает культурная жизнь. К середине XIV в. южнорусские земли находились накануне нового экономического подъема, связанного с неуклонным развитием производительных сил. Однако новое иноземное вторжение, на этот раз литовских, польских и молдавских феодалов, в значительной степени нарушило и замедлило эти прогрессивные процессы.

Нашествие и господство иноземных правителей серьезно повлияло на политическое и этническое развитие населения древнерусских земель, в том числе южных, во второй половине XIII—XIV в. Золотоордынское иго воспрепятствовало консолидации древнерусских земель, искусственно законсервировало феодальную раздробленность. К. Маркс подчеркивал, что традиционная политика ордынцев на Руси сводилась к тому, чтобы укрощать одного князя с помощью другого, поддерживать их междоусобицы, приводить их силы в состояние равновесия и не позволять никому из них укрепиться [3]. Точно так же захват польскими, литовскими и молдавскими феодалами южнорусских земель затруднил формирование украинской народности, ее контакты со складывавшимися одновременно с ней русской и белорусской народностями. Это отрицательно сказалось на общем экономическом и культурном развитии Юго-Западной Руси, а затем Украины.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36,с. 46.
[2] См.: *Marx K.* Secret diplomatic history of the eighteenth century, p. 80.
[3] См.: Ibidem, p. 80.

Господство иноземных феодалов принесло украинскому народу усиление социального и культурно-национального угнетения. Вступив в классовый сговор с завоевателями, украинские магнаты и шляхта вместе с иноземными феодалами грабили и угнетали народные массы. Не выдержав тяжких притеснений, народные массы поднимались на борьбу. Недаром, указывал Ф. Энгельс, «революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье» [1]. Но антифеодальная и освободительная борьба украинского народа, как и других восточнославянских народов, в XIV—XV вв. носила локальный, ограниченный и стихийный характер. Народные выступления против угнетателей были разрозненными и не имели четкой социальной программы.

XIV—XV вв. были временем интенсивного формирования территории, языка и культуры украинской народности. Этот период отмечен значительными достижениями народных масс в развитии фольклора, летописания и искусства.

В последней четверти XV в. наступает новый период в эволюции зрелого этапа феодальной формации, начавшегося еще на рубеже XII и XIII вв. Развитие производительных сил, рост техники, продуктивности сельского хозяйства и ремесла привели к увеличению объема производства сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий. Значительное повышение урожайности зерновых благодаря повсеместному переходу на трехполье, введению более прогрессивных сельскохозяйственных орудий и применению удобрений создавало условия для увеличения производства хлеба, в том числе для продажи.

Все более углублявшееся отделение ремесла от сельского хозяйства рождало постоянный спрос на продукты питания в городах как внутри страны, так и за рубежом. Это вызвало к жизни фольварочную систему ведения сельского хозяйства, основанную на подневольном труде зависимых от феодала крестьян. Увеличивалась отработочная рента, началось широкое закрепощение крестьян.

Конец XVI — первая половина XVII в. на Украине отмечены нарастанием освободительного и антифеодального движения, в котором участвовали как уже закрепощенные, так и еще оставшиеся свободными крестьяне. Ф. Энгельс писал: «...в средние века борьба свободного крестьянства против все более и более опутывающего его феодального господства сливается с борьбой крепостных и зависимых крестьян за полное уничтожение феодального гнета» [2].

Одной из наиболее распространенных форм протеста против социального гнета было бегство от господских притеснений. Часть беглых крестьян уходила в города, где происходила концентрация наиболее непокорных элементов. В городах они находили союзников в лице городской бедноты, с которой совместно выступали против социального и национально-культурного угнетения.

Создание и дальнейшее укрепление Русского централизованного государства в конце XV — начале XVI в. стало мощным стимулом развития и расширения русско-украинских исторических связей. В братской России украинский народ справедливо видел защитника от иноземного гнета, воплощение извечной мечты восточных славян о едином государстве. Пример русского народа, сбросившего ордынское иго и сплотившегося в соб-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.*, Соч., т. 7, с. 361.
[2] Там же, с. 364.

ственном государстве, постоянно вдохновлял участников освободительной борьбы на Украине. Ужесточение феодальной эксплуатации, усилившееся закрепощение крестьянства, яростное наступление иноземных феодалов на язык и культуру украинского народа привели к тому, что антифеодальное движение на Украине все более сливалось с освободительным. В конце XVI в. в Поднепровье начались крупные крестьянско-казацкие восстания, с небольшими перерывами продолжавшиеся в 20—30-х годах XVII в.

Несмотря на многочисленность народных восстаний, они с чрезвычайной жестокостью подавлялись правительственными войсками и магнатско-шляхетскими отрядами. К. Маркс и Ф. Энгельс исчерпывающе объяснили причину неудач массовых выступлений феодального крестьянства: «Все крупные восстания средневековья исходили из деревни, но и они, из-за раздробленности и связанной с ней крайней отсталости крестьян, также оставались совершенно безрезультатными»[1].

Иноземное господство отрицательно сказывалось на развитии культуры украинского народа, однако XVI — первая половина XVII в. ознаменовались немалыми достижениями в этой области. На украинских землях началось книгопечатание, что значительно ускорило распространение научных знаний и способствовало делу просвещения народа. Украинский народ добился больших успехов в области литературы и искусства, строительства и архитектуры. Его культура формировалась в благотворных взаимосвязях с культурой единокровного русского народа.

К середине XVII в. развитие политических событий в Восточной и Центральной Европе открыло новые возможности для развертывания антифеодального и освободительного движения на остававшихся под иноземным гнетом украинских землях. Русское правительство все решительнее давало понять магнатам и шляхте Речи Посполитой, что оно не намерено мириться с притеснениями, чинимыми польскими феодалами украинскому народу. Эксплуатация народных масс местными и иноземными поработителями на Украине вызвала острый протест угнетенного крестьянства, городских низов, казацкой бедноты, а развитие экономики, хотя и тормозившееся неблагоприятными условиями иноземного господства, создало материальные возможности для подъема общенациональной освободительной борьбы (продовольствие, оружие, одежда, денежные средства). Украинский народ все более убеждался в том, что без поддержки великого русского брата ему не освободиться от унизительного господства феодалов и церкви Речи Посполитой и других стран. Закономерно, что нарастающее антифеодальное и национально-освободительное движение на Украине в середине XVII в. вылилось в грандиозную войну украинского народа против польско-шляхетского гнета, за воссоединение с Россией.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 52.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1201—1264	Годы жизни галицко-волынского князя Даниила Романовича
1203—1269	Годы жизни волынского князя Василько Романовича
1220—1263	Годы жизни Александра Ярославича Невского
1245, 17 августа	Разгром русскими войсками во главе с Даниилом Романовичем венгерских и польских захватчиков под Ярославом
1246	Подписание союзного договора между Даниилом Галицким и венгерским королем Белой IV
1250	Подписание союзного договора между Даниилом Галицким и владимиро-суздальским князем Андреем Ярославичем
1252—1254	Война Галицко-Волынского княжества с ордой Куремсы
1254	Присоединение Черной Руси к Галицко-Волынскому княжеству
1254—1255	Освобождение галицко-волынскими войсками от ордынцев земель по Южному Бугу, Случи и Тетереву
1258—1260	Походы орды Бурундая на Галицко-Волынские земли
1263--1264	Разгром войск литовских феодалов дружинами черниговского князя Романа Михайловича на Днепре
1264—1301	Княжение Льва Данииловича в Галицкой земле
1270—1288	Княжение Владимира Васильковича на Волыни
1290—1340	Сооружение замка в Кременце
1299	Разорение ордынцами Херсона, Судака и Кафы
1300	Перемещение общерусской митрополии из Киева во Владимир-на-Клязьме
1301—1308	Княжение Юрия Львовича в Галицко-Волынской земле
1308—1323	Княжение Андрея и Льва Юрьевичей в Галицко-Волынской земле
1316—1341	Княжение Гедимина в Великом княжестве Литовском
1321—1322	Захват литовскими феодалами Берестейской и Дорогичинской земель
1322, около	Крестьянское восстание в Закарпатье под руководством Петра Петровича (Петуни)
1325—1340	Княжение Юрия Болеслава II в Галицко-Волынской земле
1325—1340	Княжение Ивана Даниловича Калиты в Московском великом княжестве
1340, апрель	Нападение на Юго-Западную Русь войск польского короля Казимира III
1340	Начало раздела Галицко-Волынского княжества между польскими и литовскими феодалами
1340—1385	Княжение Любарта Гедиминовича на Волыни
1344—1345	Захват польскими феодалами Саноцкой земли
1345—1377	Княжение Ольгерда в Великом княжестве Литовском
1349	Захват Шипинской земли (Буковины) венгерскими феодалами
XIV в., 50—70-е годы	Строительство крепостей в Смотриче, Бакоте, Каменце
1356	Получение магдебургского права г. Львовом
1357—1433	Сооружение крепости в Чембало (Балаклаве)
1359	Присоединение Шипинской земли (Буковины) Молдавским княжеством
1359—1389	Княжение Дмитрия Ивановича Донского в Московском великом княжестве
1362	Победа войск Великого княжества Литовского над ордынцами в урочище Синяя Вода и вытеснение их с украинских земель
1362—1363	Присоединение Киевщины, Переяславщины и Подолии Великим княжеством Литовским

1363—1394	Княжение Владимира Ольгердовича в Киевской земле Чеканка в Киеве местной монеты — серебряного денария
1365	Овладение генуэзцами Судаком (Сурожем)
1370—1387	Господство венгерских феодалов в Галичине
1371—1414	Сооружение крепости в Судаке
1374	Получение магдебургского права Каменцем-Подольским
1377	Захват венгерскими феодалами части Западной Волыни (Холмской земли)
1377—1434	Правление Ягайла Ольгердовича — великого князя Литвы и польского короля (с 1386 г.)
1380, 8 сентября	Куликовская битва
1385, 14 августа	Кревская уния. Объединение Польского королевства и Великого княжества Литовского
1386	Первые известия о деятельности цехов в украинских городах
1387	Присоединение Галичины к Польскому королевству
1388	Захват Белзской земли польскими феодалами
1389—1425	Княжение великого князя московского Василия I Дмитриевича
XIV в., конец 80-х — 90-е годы	Ликвидация Киевского, Подольского, Новгород-Северского и волынских удельных княжеств
1392, 4 августа	Островское соглашение
1392—1430	Княжение Витовта в Великом княжестве Литовском
1393	Вооруженные выступления жителей Черкасс и Звенигородки против великокняжеской администрации
1395	Вторжение орд Тамерлана в Поднепровье
1397—1398	Походы войск Великого княжества Литовского во главе с князем Витовтом на ордынцев в Причерноморье
1399, 12 августа	Разгром ордынцами войск Великого княжества Литовского на Ворскле
1401, 18 января	Виленская уния Польши и Литвы
1401—1404	Народное восстание на Подолии против господства иноземных феодалов
1405	Восстание против власти Великого княжества Литовского на Северщине
1406	Арсеньевская редакция «Киево-Печерского патерика»
1408, июль	Переход князя Свидригайла Ольгердовича с группой украинских феодалов в подданство к русскому царю
1410, 15 июля	Разгром немецких рыцарей польско-литовскими войсками при участии русских и украинских полков под Грюнвальдом
1413, 2 октября	Городельская уния Литвы с Польшей
1416, июль	Набег орды Едигея на Киев и разорение города
1419	Строительство крепости Черный город в устье Днестра
1419—1437	Гуситские войны в Чехии и участие в них украинских повстанцев
1425—1462	Княжение Василия II Темного в Московском великом княжестве
1430—1432	Княжение Свидригайла Ольгердовича в Великом княжестве Литовском
1431	Вторжение войск польских феодалов на Волынь и Подолию. Захват Польшей Западной Подолии Крестьянское восстание против польских феодалов в Белзской и Холмской землях
1431—1434	Освободительное движение против польских феодалов на Волыни и Подолии
1432	Получение магдебургского права Луцком
1432, 1434	Издание польским королем и великим князем литовским привилеев, расширяющих права православных русских феодалов
1432—1440	Княжение Сигизмунда Кейстутовича в Великом княжестве Литовском
1433—1434	Образование Русского и Подольского воеводств
1434	Введение в Галичине и Западной Подолии польско-шляхетского административного и судебного устройства Разрушение порта-крепости Каламиты (Инкермана) генуэзцами
1435	Ограничение шляхтой Галичины права крестьянских переходов

1438	Получение магдебургского права г. Кременцом
1440	Восстановление Киевского и Волынского удельных княжеств
1440—1455	Княжение Олелька Владимировича в Киевской земле
1440—1492	Казимир IV Ягайлович — великий князь литовский и польский король (с 1447 г.)
1444	Постановление шляхетского сеймика Галичины о запрещении землевладельцам принимать беглых крестьян
	Получение магдебургского права Житомиром
	Битва под Варной между польско-литовскими и турецкими войсками
1446, 1454, 1463, 1471, 1472, 1475	Классовые выступления городской бедноты в Кафе
1447	Привилей великого князя литовского Казимира Ягайловича, ограничивающий переход крестьян и расширяющий права феодалов
1449	Образование Крымского ханства
XV в., середина	Ликвидация автономии Шипинской земли (Буковины) в составе Молдавского княжества
1450, около — 1494	Годы жизни украинского ученого-гуманиста Юрия Котермака (Юрия Дрогобыча)
1452	Ликвидация Волынского удельного княжества и превращение его в провинцию Великого княжества Литовского
1453	Взятие турками Константинополя. Падение Византийской империи
1455	Восстание городской бедноты в Монкастро (Белгороде-Днестровском). Изгнание из города генуэзской знати
1455—1470	Княжение в Киевской земле Семена Олельковича — последнего удельного киевского князя
1457	Крестьянское антифеодальное восстание на Буковине, возглавляемое Львом
	Издание великим князем литовским грамоты, обязывающей не принимать беглых крестьян в его владениях
1460	Акакиевская редакция «Киево-Печерского патерика»
1462	Касьяновские редакции «Киево-Печерского патерика»
	Создание Белзского воеводства
1462, 1469	Набеги ордынцев на Подолию и Волынь
1462—1505	Княжение московского великого князя Ивана III Васильевича
1468	Издание судебника польским королем Казимиром IV Ягайловичем
1469	Антифеодальные выступления крестьян в Галичине
1471	Ликвидация Киевского удельного княжества и превращение его в провинцию Великого княжества Литовского
1471	Древнейшая из сохранившихся люстраций (описаний) Киевской земли
1475	Вторжение турецких войск в Крым, захват ими Кафы и Судака. Переход Крымского ханства в вассальную зависимость от султанской Турции
1477	Ограничение шляхтой Холмщины крестьянских переходов и установление однодневной (в неделю) барщины
1480	«Стояние на Угре». Освобождение Северо-Восточной Руси от золотоордынского ига
1480—1481	Заговор князей Михаила Олельковича, Ивана Ольшанского и Федора Бельского с целью включения украинских и белорусских земель в состав Русского государства
1482, август	Разорение Киева ордой крымского хана Менгли-Гирея
1482	Издание в Риме трактата Юрия Котермака-Дрогобыча «Прогностическая оценка текущего 1481 года»
1489, 1494, 1499	Наиболее разорительные вторжения крымских орд в Подолию и Галичину
1490—1492	Антифеодальное восстание украинских и молдавских крестьян на Буковине и в Галичине под руководством Мухи
1490, около — 1540, около	Годы жизни белорусского первопечатника, общественного и культурного деятеля Франциска Скорины

1491	Издание в Кракове Швайпольтом Фиолем первых кирилличных книг на церковнославянском языке
1492	Наиболее раннее упоминание в источниках об украинских казаках
	Строительство крымскими ордынцами крепости Ислам-Кермен (Аслан-городок) в Тавани
1492—1506	Александр Казимирович — великий князь литовский и польский король (с 1501 г.)
1494—1497	Получение магдебургского права Киевом
1495	Сооружение замка в Клевани
1498	Опустошение турецко-крымскими войсками Подолии и Галичины
XV в., конец — XVI в., начало	Завершение процесса образования Русского централизованного государства
XVI в.	Начало массового заселения Слобожанщины выходцами из Правобережной и Левобережной Украины и Центральной России
XVI в., начало	Захват Молдавии и Буковины султанской Турцией
1500	Набег крымских орд на Киевскую, Волынскую, Холмскую и Белзскую земли
1502	Поход киевских казаков к Тягинскому перевозу на Днепре
1502, 1508, 1509	Опустошительные набеги крымской орды на Подолию, Галичину и Волынь
1503	Воссоединение Чернигово-Северской земли с Россией
1505—1533	Княжение Василия III Ивановича в Русском государстве
1506—1548	Правление Сигизмунда I — короля польского и великого князя литовского
1508	Выступление украинских и белорусских феодалов во главе с князем Михаилом Глинским против господства Великого княжества Литовского и переход М. Глинского в Россию
1512, 1517	Вторжения крымских феодалов на Волынь
1514	Крестьянская война в Венгрии под руководством Дожа с участием населения Закарпатья
1517—1519	Издание в Праге Франциском Скориной «Псалтыри» и «Библии руской»
1518	Запрещение правительством Польши подачи жалоб на феодалов крестьянами Галичины
1522	Издание Франциском Скориной в Вильнюсе малоформатной «Псалтыри», «Часослова», 17 акафистов, канонов и «Шестоднев-ца»
1524	Набег крымских орд на Подолию и Галичину
1525	Выход в свет в Вильнюсе «Апостола» Франциска Скорины
1525, около — 1583, 5 декабря	Годы жизни русского первопечатника Ивана Федорова
1526	Захват Закарпатья Трансильванией и Австрией
1528	«Попис земский» (перепись шляхты Великого княжества Литовского)
1529	Первый Литовский статут
	Первое упоминание об опришках
XVI в., начало 30-х годов	Возникновение Запорожской Сечи
1530—1572	Сигизмунд II Август — великий князь литовский и польский король (с 1548 г.)
1533—1584	Царствование Ивана IV Васильевича Грозного в Русском государстве
1536	Антифеодальное восстание городской бедноты в Черкассах и Каневе
1541	Восстание горожан, крестьян и казаков в Брацлаве и Виннице против польско-литовской администрации
1543	Издание польским королем и великим князем литовским закона, запрещающего крестьянам выкупаться на волю
1545—1550 (между) — 1620 (после)	Годы жизни выдающегося украинского писателя-полемиста Ивана Вишенского

1551	Первое известное антифеодальное выступление солекопов Закарпатья
1552	Осада Брацлавского замка турецко-крымским войском
1553, около	Возникновение книгопечатания в Москве. Основание здесь «анонимной» типографии
1554	Постановление Виленского сейма о запрещении принимать и укрывать беглых крестьян
1556	Антифеодальная борьба опришков под руководством Криштофа в Саноцкой земле и на Лемковщине
1557	«Устава на волоки»
1558	Участие украинских казаков в обороне Тулы от орды Махмет-Гирея
1558—1583	Ливонская война
1561	Распад Ливонского государства
1562, 1563	Антифеодальные восстания крестьян в Луцком и Кременецком поветах на Волыни
1564	Издание в Москве Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем «Апостола» — первой точно датированной книги в России
	Разгром русским войском при содействии украинских крестьян и горожан польско-литовской армии под Черниговом
1566	Второй Литовский статут
1567	Восстание крестьян против феодального и культурно-национального гнета на Волыни
1569	Люблинская уния, объединившая Польшу и Великое княжество Литовское в Речь Посполитую. Захват шляхетской Польшей Подляшья, Волыни, Брацлавщины и Киевщины
1570, около — 1621	Годы жизни украинского писателя-полемиста и педагога Стефана Зизания
1572	Создание казацкого реестрового войска
	Выступление горожан Ковеля против притеснений королевской администрации
1573	Основание Иваном Федоровым во Львове первой типографии на Украине
1574, 15 февраля	Издание Иваном Федоровым во Львове «Апостола» — первой печатной книги на Украине
1576—1586	Правление Стефана Батория — польского короля
1577	Переезд Ивана Федорова в Острог и организация там типографии
1578	Основание в Остроге школы
1578, 18 июня	Издание Иваном Федоровым «Азбуки» в Остроге
1578, около— 1633, 27 декабря	Годы жизни украинского ученого, писателя-полемиста, церковного и общественного деятеля Мелетия Герасимовича Смотрицкого
1579	Антифеодальные выступления крестьян на Подолии и Брацлавщине под руководством Качора, Краздва и Ракошика
1579—1580	Переселение большой группы выходцев с Правобережной и Левобережной Украины на Слобожанщину, в пределы Русского государства
1580	Издание в Остроге Иваном Федоровым «Книги Нового завета»
1581	Выпуск в Остроге Иваном Федоровым «Острожской библии»
1585	Принятие устава Львовским братством
1585—1586	Основание при Львовском братстве школы и типографии
1587—1632	Правление Сигизмунда III — короля Польши
1588	Третий Литовский статут, законодательно утвердивший крепостное право на украинских землях под властью феодалов Речи Посполитой
1589	Переселение 700 украинских казаков в пределы Русского государства
	Образование братств в Рогатине и Красноставе
1589—1591	Антифеодальное восстание в Белой Церкви
1590	Принятие сеймом Речи Посполитой постановления «Порядок в отношении казаков и Украины»
1591, декабрь	Начало крестьянско-казацкого восстания под руководством

	Криштофа Косинского. Захват восставшими Белой Церкви и Триполья
1591	Образование братств в Городке и Берестье
1593, 23—31 января	Поражение восстания Косинского от польско-шляхетских войск под Пяткой (Житомирщина)
1593	Выступление крестьян на Киевщине против ограничения землепользования
1594	Борьба казацкого войска во главе с Северином Наливайко против турецко-крымского вторжения в Подолию и Молдавию
1594, октябрь	Начало крестьянско-казацкого восстания под руководством Северина Наливайко против польско-шляхетского господства на Украине
1595—1596	Поход повстанческого войска во главе с Наливайко в Белоруссию
1596, 23—24 марта	Битва украинских повстанцев с польским карательным войском под Острым Камнем (близ Триполья на Киевщине)
1596, май	Поражение крестьянско-казацкого войска в битве с польско-шляхетской армией в урочище Солоница (на Лубенщине)
1596	Брестская церковная уния
	Издание Лаврентием Зизанием в Вильнюсе «Грамматіки словенской»
1596, около	Создание Иваном Вишенским послания «Писание до всѣх обще Лядской земли живущих...»
1598	Издание в Остроге полемического произведения Христофора Филалета «Апокрисис»
1598—1605	Царствование Бориса Годунова в Русском государстве
XVI в., конец	Действие в Прикарпатье, Венгрии и Словакии отряда опришков под руководством Марка Гатала
XVII в., начало	Создание анонимным автором историко-полемического памфлета «Пересторога»
1600, около— 18 октября 1683	Годы жизни украинского ученого, педагога, церковного и общественного деятеля Иннокентия Гизеля
1601—1603	Массовые крестьянские антифеодальные выступления на Черниговщине
1603	Восстание крестьян в России под руководством Хлопко
1603—1605	Деятельность бывшей Острожской типографии в Дерманском монастыре под руководством Демьяна Наливайко
1604—1605	Поход Лжедмитрия I на Москву
1604—1606	Деятельность типографий Гедеона и Федора Балабанов в Стрятине и Крылосе (Галичина)
1605	Восстание мещан Корсуня против притеснений местной и королевской администрации
1606	Взятие казацким войском турецкой крепости Варны
1606—1607	Участие украинского населения в крестьянской войне в России под руководством Ивана Болотникова
1608	Взятие запорожскими казаками Перекопа
	Издание Львовским братством призыва к борьбе против национально-религиозного угнетения
	Поход Лжедмитрия II на Москву
1609	Поход запорожских казаков на турецкие крепости Измаил, Килию и Белгород-Днестровский
	Антифеодальное выступление горожан в Любаре
	Принятие польским сеймом постановления, направленного против антифеодальных выступлений украинского казачества
1609—1612	Польско-литовская интервенция в Россию
1610	Издание в Вильнюсе полемического произведения М. Смотрицкого «Тренос»
1610—1612, 1629—1630	Борьба мещан Киева против притеснений униатского духовенства
1611	Антифеодальное выступление крестьян и гайдуков в Угочанском комитате (Закарпатье)
1613	Вооруженное выступление населения Коломыи против шляхты
	Принятие сеймом Речи Посполитой постановления о вооруженной борьбе с запорожским казачеством

1613—1614	Освободительный поход запорожских казаков на Брацлавщину
1613—1645	Царствование Михаила Федоровича в Русском государстве
1615	Основание Киевского братства и школы при нем
	Основание Елисеем Плетенецким типографии в Киево-Печерской лавре
1616	Взятие украинскими казаками турецкой крепости Кафы
	Издание в типографии Киево-Печерской лавры «Часослова» для школьного обучения
	Издание в типографии Львовского братства сборника «Вѣршѣй» Памвы Берынды
	Вторжение крымских орд в Подолию
1616—1618	Массовые крестьянско-казацкие выступления на Украине против польско-шляхетского гнета
1617	Карательные походы королевских войск на Поднепровье для подавления крестьянско-казацких выступлений
	Начало деятельности братства в Луцке
1617—1618	Поход войск Речи Посполитой во главе с королевичем Владиславом в Россию
1618, 1 декабря	Деулинское перемирие между Речью Посполитой и Русским государством. Отторжение Черниговo-Северщины от России
1618	Крестьянско-казацкое восстание под руководством Фастовца и Дубины в украинском Полесье
1618—1648	Тридцатилетняя война в Европе
1619, 29 августа	Первая известная постановка украинских интермедий в Каменке-Струмиловой
1619, 7 октября	Роставицкий договор между казацкой старшиной и польской шляхтой
1619—1620	Поход казаков во главе с П. Сагайдачным против Крымского ханства
1620, сентябрь	Разгром турецким войском польской армии в Молдавии на Цецорских полях
1620	Посольство от Запорожского реестрового войска и гетмана П. Сагайдачного в Москву с просьбой о принятии в подданство
XVII в., 20-е годы	Составление Густынской летописи
1620—1622	Создание Захарией Копыстенским антиуниатского произведения «Палинодия»
1621, 23—29 августа	Победа польских войск при участии украинских казаков над турецко-татарской армией под Хотином
1623—1628	Антифеодальные выступления крестьян и гайдуков на Буковине
1624	Обращение киевского митрополита Иова Борецкого к русскому правительству с просьбой о воссоединении Украины с Россией
1625, начало	Поездка в Москву посланца киевского митрополита Иова Борецкого — Исаакия Борисковича с просьбой о принятии Украины и запорожских казаков в подданство
1625	Крестьянско-казацкое восстание под руководством Марка Жмайло
1625, февраль	Поездка полковника Ивана Гири в Москву с посланием от украинских повстанцев
1625, 15 октября	Битва украинских повстанцев с польско-шляхетским войском под с. Таборище близ Крылова
1625, 27 октября	Куруковский договор между казацкой старшиной и польско-шляхетским правительством
1625—1628	Деятельность в Киеве типографии Тимофея Вербицкого
1626	Антифеодальные выступления мещан в Копычинцах и Шаргороде
1627	Издание в Киево-Печерской типографии произведения Памвы Берынды «Лексикон славенороссий и имен толкование»
1628	Издательская деятельность Павла Домжива-Лютковича Телицы в Луцке
1628—1630	Работа в Киеве типографии Спиридона Соболя
1630	Крестьянско-казацкое восстание под руководством Тараса Федоровича (Трясило)

1630, май	Разгром повстанцами польско-шляхетских войск под Переяславом
1630, 29 мая	Переяславский договор между казацкой старшиной и польско-шляхетским правительством
1630, 4 августа	Поездка в Москву Андрея Борецкого и Павла Князицкого — посланцев киевского митрополита Иова Борецкого — с просьбой принять в русское подданство восставших казаков
XVII в., 30-е годы	Массовые переселения украинских мещан и крестьян в пределы Русского государства
1631	Издание в Киево-Печерской типографии выдающегося памятника украинского книгопечатания «Триоди цветной»
1632	Антифеодальное восстание крестьян в Закарпатье
	Объединение Киевской братской и Лаврской школ и образование Киевского коллегиума — первого высшего учебного заведения на Украине
1632—1648	Правление Владислава IV — польского короля
1635	Выступление мещан в Ратно против социального и культурно-национального гнета
1635, август	Захват Кодацкой крепости запорожскими казаками во главе с Иваном Сулимой
1636	Выход в свет поэтического произведения «Лямент о пригоде нещасной... мещан острозких»
1637	Взятие Азова донскими и запорожскими казаками
1637, лето	Начало крестьянско-казацкого восстания под руководством Павлюка
1637, 6 декабря	Битва между повстанцами и польским карательным войском под Кумейками на Черкасчине
1637—1642	«Азовское сидение» запорожских и донских казаков
1638, март—апрель	Принятие польским сеймом «Ординации войска запорожского реестрового», ограничивающей его права
1638, март	Начало крестьянско-казацкого восстания под руководством Острянина, Гуни и Скидана
1638, 6 мая	Сражение между повстанческим отрядом Острянина и польско-шляхетским войском под Лубнами
1638, 31 мая	Битва повстанцев с польским карательным войском под Жовнином. Переселение части повстанцев во главе с Острянином на территорию Русского государства
1638, 29 июля	Капитуляция повстанческого лагеря на р. Старке
1639—1667	Деятельность во Львове типографии Михаила Слезки
1640	Антифеодальное восстание ремесленников и крестьян в Коростышеве (Киевское воеводство)
1643	Вооруженное антифеодальное выступление крестьян Закарпатья
	Выступления крестьян в Луцком повете на Волыни против феодального гнета
1643—1644	Борьба мещан Янова против притеснений королевской администрации
1645	Крестьянско-казацкое восстание на Переяславщине под руководством Адама Душинского против польско-шляхетского гнета
1645—1676	Царствование Алексея Михайловича в Русском государстве
1646	Выступление мещан и крестьян в Снятине против притеснений администрации
	Введение в Северной Буковине «Уложения В. Лупу» (официальное оформление крепостного права)
1648	Начало освободительной войны украинского народа против польско-шляхетского господства
	Издание в Москве «Грамматики» М. Смотрицкого
	Организация типографии в Уневе
1650	Издание во Франции труда Гийома Левассера де Боплана «Описание Украины»

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрагамович Антох 487
Авдий 201
Авендикович 315
Авиценна 480, 493
Адашев Данило 368
Александр 373
Александр, великий князь литовский 57, 93, 96, 112, 118, 125, 165, 166, 174
Александр Невский 17, 188
Александр IV 26
Алексей 76
Алексей, архитектор 99
Алексей Михайлович 321
Алеппский Павел 310, 335, 522, 525
Али-Реис 369
Альберт 25
Аль-Газали 192
Амадей В. 67
Амартол 201
Андреевич Савва 468
Андрей 110
Андрей, волынский князь 123, 130
Андрей, владимиро-суздальский князь 26
Андрей Мстиславич 19
Андрей Ольгердович 46, 151, 140
Андрей III (Андрош) 67
Андрей Юрьевич 32, 33, 187
Андрейко 207
Андрейчина 530
Апич Тимофей см. Михайлович Тимофей
Аристо Л. 208
Аристотель 466, 469, 473, 479, 480, 493
Артемий 507
Артемиха 518
Аслан 287
Ахмат 19, 142, 143

Бабич Хома 446
Бадовский Ян 247
Байда 498
Балабан Гедеон 280, 448, 453, 488
Балабан Федор 488
Балыка Богдан 509
Баранович Лазарь 516
Барановский 346
Барбон П. 520, 521
Барновский Мирон 419
Барович Лука 379
Бароний 482
Басманов И. Ф. 393, 397, 399
Баторий Стефан 236, 237, 248, 252, 255, 308, 371, 372, 396, 529
Батый 16—20, 22—24, 73, 83, 97, 98, 105, 116, 117, 124, 132, 135, 186, 197—200, 212, 225, 557
Баюс Василь 389
Беззубцов Юшко 402
Бейбарс 72
Бек-Пулад 77
Бела IV 18, 19, 22—25
Белецкий А. И. 516
Белозерский Н. 371
Белоцерковец Дацко 430
Бельский Богдан 391, 399
Бельский Иоахим 357, 363, 365, 366, 371, 372
Бельский Мартин 174. 181, 357, 370, 482, 483, 509
Бельский Семен 145
Бельский Федор 161
Бемер А. 521
Бернардо Л. 374
Берында Памво 466, 467, 469, 474, 478, 487, 488, 490, 510, 511, 515
Берында Стефан 510
Бибельский Ходко 111
Билява 207
Бирдибек 37, 77
Благослов Ян 198
Блеу Иоганн 483
Боброк-Волынский Дмитрий 138, 140, 190
Богдан 435
Богдан III 147
Богоносик Василий 530
Боим 308
Боим Павел 474
Боимы 521, 523
Боккаччо 493
Болеслав Стыдливый 22
Болотников Иван 13, 247, 344, 386. 401—403
Бона 65, 207, 307
Боплан Г. 175, 182, 250, 253, 326, 328, 417, 418, 472, 483, 496, 545—547, 549, 550, 554
Борецкий Андрей 442
Борецкий Иван (Иов) 244, 410, 411, 427, 442, 448, 453, 455, 457, 466, 468, 470, 471, 486
Борик Иван 494
Борискович Исаакий 410, 442, 454, 455
Бородавка Яцко 408, 411, 413
Боруля Андрей 168
Бочинницкий 370
Боярин Иван 439
Бравлин 71
Брачи Себастьян 522
Броневский Мартин 255, 261, 314
Брянко Михаил Андреевич 140
Бубновский Левко 435, 440
Будзына Семен 488
Будный Симон 195, 444, 494
Буонаккорси Ф. Каллимах 191
Бурундай 27
Бут Антон 429
Бут Павел (Павлюк) 431—434, 499
Бутович Т. 293
Бухарин И. 238
Бучацкий Теодор 159
Бучинские 400
Быховец Семен 432

Валерий Максим 466
Валле Петр делла 376
Валуа Генрих 236
Васечко 280
Василевич Иоанн 511
Василий 86
Василий, брянский князь 38
Василий Великий 488
Василий Вережский 93

Василий, император 475, 488
Василий I 136
Василий II Темный 136, 137, 160
Василий III 147
Василько Романович 22—25, 27—29, 87, 98
Васько Волынец 193
Вахромеев И. С. 241
Вацлав H. 29, 32
Везалий 473
Веллинг Готрад 331
Вельяминов Н. С. 394
Вербеци С. 171
Вербецкий Тимофей 490
Вергилий 466
Вердум 331, 335
Верещинский Юзеф 357
Веспуччи Америго 483
Вестерфельд А. 287
Виетор И. 193
Виньола 522
Витовт Кейстутович 37, 38, 41—47, 50—52, 60, 86, 88, 124, 152, 153, 155, 156, 202, 231
Витушинский Герасим 379
Вишенский Иван 331, 335, 449, 463, 496, 500, 503—505, 514, 515
Вишневецкие 177, 268, 269, 423
Вишневецкий Адам 395
Вишневецкий Александр 353—357, 403
Вишневецкий Дмитрий 183, 184, 263, 367—370
Вишневецкий Иеремия 277, 437, 438, 441
Вишневецкий Константин 232, 269, 395
Вишневецкий Михаил 182, 248, 360, 369, 381, 383, 405, 432
Влад II 125
Владимир Андреевич 140
Владимир Василькович 29—31, 91, 99, 108, 117, 187, 188, 201
Владимир Глебович 328
Владимир, киевский воевода 158
Владимир, киевский князь 41 ,161
Владимир Мономах 201, 551
Владимир Ольгердович 38, 43, 52, 89, 153
Владимир Святославич 71, 201, 325, 503
Владислав, венгерский король 169
Владислав III 52, 53, 63, 66
Владислав IV 380, 382, 388, 406, 407, 413, 441, 456
Владислав Локеток 32, 33
Владислав Опольский 60, 104, 110
Возняк М. 470
Войшелк 29
Волевич Иван 250
Волевич Тишко 249, 250
Волкович Иоанникий 466, 487, 515
Волович Евстафий 232
Воловичи 444
Воронец 112
Воротский Юрий 412
Вячеслав 108
Вячкович Илья 88

Гаватович Якуб 516
Гази-Гирей 255
Гайдер М. 287, 308
Габор Бетлен 409
Гобсбурги 69
Галил-паша 412
Гатала М. 348
Гаштовт Мартин 55, 161
Гваньини А. 482
Гедимин 18, 32, 33, 37, 91, 189, 202
Генрих 33
Георгий Амастридский 71
Гераклит 370, 480
Герасим 159
Герберштейн Сигизмунд 78, 262
Гербест Б. 503
Гербурт Ян 491, 497, 529
Геркман 401
Гермоген 401
Гертруда 25
Гизель Иннокентий 473, 480
Гильбер де Ланнуа 128
Гиппократ 473
Гиря Иван 425
Глеб Святославич 46
Гленский К. 389
Глинский Михаил 162, 164
Глубоцкий 254
Гогенбер Ф. 286
Гоголь Н. В. 185, 335, 373
Годунов Борис 241, 390, 391, 392, 394—400
Годунов Федор 399
Гойские 445
Голицыны 399
Голота 198, 546
Голуб Олифер 253, 425
Гольшанский Александр 154
Горецкий Л. 370
Грабинский 378
Грабовецкий В. В. 168
Грабянка Григорий 423
Граматин И. 442, 451
Грациани 409
Грек Максим 200, 493
Греков Б. Д. 85
Григорий 187
Григорий Богослов 515
Григорий Васильевич 22
Григорий из Санока 191
Григорий XIII 234, 503
Гриць 348
Громко 385
Грондский Самуил 174, 176
Гротковские 389
Губа Лука 446
Гудзий Н. К. 202
Гулевич Дмитрий 445
Гулевичевна Гальшка 447
Гуляницкий Я. 385
Гульский Станислав 353, 355
Гунашевский Михаил 509
Гуня Дмитрий 434, 436, 438, 439
Гус Ян 482
Гусейн 413

Даниил Александрович 135
Даниил Корсунский 508
Даниил Паломник 508
Даниил Романович (Галицкий) 16, 18—20, 22—29, 31, 33, 34, 87, 97, 98, 105, 115, 127, 188, 201, 215, 328
Даниил Якович 406, 425, 430
Данилович Я. 403
Дашкевич Евстафий 178, 181, 367
Девлет-Берди 77
Девлет-Гирей 183, 233, 368, 369
Декуринский 388
Делавер-паша 416
Дельбурку 546
Демко 448
Демосфен 462
Джанибек 77, 127
Джэбэ 72
Дзик Мелетий 516
Диоген 480
Диодор 482
Длугош Ян 47, 112, 154, 482
Дмир Кяхья 78
Дмитрий 17
Дмитрий Иванович 391, 397
Дмитрий Донской 39, 46, 77, 124, 135, 138—141
Дмитрий Ольгердович 46, 140
Дмитро Петрович 61
Доброслав 22
Добрынский 346
Довгаи 67
Довгерт 156
Дожа Дьердь 170, 172
Долгоруков Ю. 321
Должкевич М. 385

Домникия 514
Дорофеевич Гавриил 463, 466, 510
Дорошенко Михаил 425—427
Дортелли Э. 255
Древинский Лаврентий 454
Древицкий 385
Другеты 67, 69
Дубина 387
Душинский Адам 389
Дядька (Дедько) Дмитрий 34, 35, 187

Евриипид 515
Евфимия 32
Едигей 46
Ейкович Дмитрий 17
Елизавета 33
Ерлич 441
Ескович Михайло 367
Ефрем Сирин 187, 190

Желиборский Арсений 491
Желиборский Григорий 487, 511
Жилинский 388
Жмайло Марк 425, 426
Жолкевские 269, 430
Жолкевский Лука 433
Жолкевский Станислав 275, 359, 360, 362—365, 404—410

Загоровский В. 190, 509
Закревский 378
Замойские 269
Замойский Ян 269, 355—360, 362, 363, 395
Запольяи Янош 69
Заславские 268
Заславский Д. 412, 425
Збаражские 268
Збаражский Юрий 272, 406, 425
Збилитовский П. 174
Зборовский А. 403
Зебжидовский 360
Земка Тарас 448, 468, 469, 490, 510
Земковский 370
Зибенайхер М. 193
Зигровиус И. 491
Зизаний Лаврентий 447, 449, 466, 467, 477, 478, 493, 510
Зизаний Стефан 447, 449, 466—468, 505, 507, 510
Зильбер Эухариус 191
Зиморович Б. 501
Зиновиев Климентий 500
Зонар И. 482
Зосим 126

Ибн Абдез-Захира 72
Ибн аль-Асира 72
Ибн аль-Биби 72
Иван III
Иван, холмский епископ 201
Иван Борисович 46
Иван Дмитриевич 18
Иван Калита 135, 151, 189
Иван Матвеевич 451
Иван Ольгемутович 46
Иван III 76, 116, 118, 125, 143—145, 147, 148, 161, 308
Иван IV Грозный 227, 235—239, 241, 263, 308, 368, 369, 390—392, 483, 486
Иванкиев В. 442
Иванко 469
Иванович Гринь 485
Иванча 348
Игнатий 242, 444
Игнатий из Кицмани 192
Игорь 71
Идриси 71, 72
Изабелла 69
Изяслав Мстиславич 26
Иев 187
Иевлевич Фома 468
Иееремия Транос 449
Иероним 482
Илариан 201
Илия 531, 532
Индикоплов Козьма 483
Иннокентий IV 24, 25, 116
Иоаким IV Доу 449
Иов 391, 401
Иона 137
Ипполитович Паисия 454
Исаак 76
Исидор 137
Искандер-паша 409

Кадашевич Иван 321
Казимир III 33—36, 59, 60, 61, 106, 111
Казимир IV (Ягелончик) 52—54, 57, 90, 96, 97, 102, 118, 143, 144, 164, 168, 174
Казановский А. 425, 427, 441
Калика Василий 189
Калиновские 269, 423
Калиновский 378
Калиновский В. 405, 425
Калиновский Мартин 302
Калимон И. 490
Кальнофойский Афанасий 489, 490
Каменецкий Аванес 412, 413
Кампанелла 493
Кампианы 523
Кандыба 346
Кантемир-мурза 409
Капинос В. 521
Караимович Ильяш 432, 435, 437, 440
Каракаша-паша 415
Карл-Роберт 33, 67
Карамзин Н. М. 151
Кассиодор 482
Касьянович 531
Карпини Иоанн де Плано 16, 17, 24, 26, 28, 116, 117
Качор 349
Кейстут 36, 37, 43, 202
Кизима 433
Кий 480
Киприан 474
Кирдей Ванько 61
Кирдей (Кердеевич) Грицко 61, 154, 159
Кирилл, болгарский просветитель 477, 486
Кирилл, митрополит галицкий 24, 26
Кирилл, митрополит киевский 188, 189
Кирницкий Григорий 511
Кисель Адам 337, 383, 385, 389, 430—432, 434, 435, 524
Кисиль Евстафий 470
Китайчич Афанасий 451
Кишка Николай 232
Кленович С. 496
Клепатский П. Г. 118
Клешнин Андрей 402
Климентий VIII 358
Клирик Острожский 461, 463
Клиш 433
Клишевский А. 385
Кмит Филон 546
Клитич Криштоф 247
Княгиницкий Иов 463
Князницкий Павел 442
Колакович Станислав 321
Колесса М. Ф. 498
Колумб Х. 483
Колумна Гвидо де 203, 204
Комаровский П. 440
Копецпольские 269, 285, 423
Конецпольский А. 269, 378, 383
Конецпольский С. 357, 358, 425—429, 432, 435, 436, 440, 441
Коновченко Ивась 497
Копонович 432
Копонович-Горбацкий Иосиф 479
Конрад 22
Константин 372, 405
Констанция 24
Контарини 100, 126
Коншин Ждан 383
Коперник Николай 191, 470, 483
Копинский Исаия 191, 470, 483

Копыстенские 474
Копыстенский Захарпя 329, 448, 462, 468, 469, 480, 482, 500, 506—508
Копыстенский Михаил 453
Корецкий Б. 346, 360
Корецкий В. 232
Корецкий В. И. 402
Корецкий Н. 263
Корецкий Самуил 405
Корецкий Федор 268
Кориат 38
Кориатович Александр 38
Кориатович Дмитрий 190
Кориатович Константин 38
Кориатович Федор 38, 43, 68, 152, 153
Кориатович Юрий 38
Корибут Дмитрий 41, 43, 152. 153
Корнякт К. 520, 521, 523, 529
Коробейников Трифон 483
Коронка 321
Корунка Себастьян 530
Косинский Криштоф 240, 340, 353—359, 366, 396, 458
Косов Сильвестр 471, 472, 474, 490, 508
Косой Феодосий 242, 444
Костин Мирон 415
Котермак Юрий 191
Кохановский 402
Коцельский П. 287
Кошка Самуил 497
Кравец Л. 385
Красовский Василий 529
Красовский Дмитрий 446
Красовский Иван 321, 446, 466
Кремпский 365
Креслав 42
Крижанич Юрий 259
Криштоф 348
Кромер Мартин 168, 482
Ксенофонт 480. 482
Кулина 331, 496, 497
Кунцевич Иосафат 455
Курбский А. 346, 351
Куперьян 501, 502
Куремса 25—27
Курцевич Иезекииль 411, 448, 454
Курчевич Е. 280
Кутлубуг 77
Куш 435
Кушка Александр 387
Кэснер Э. 193

Лаврентий 187
Лагодовский Александр-Ванько 523
Лазаревич Стефан 68
Лангиш Варвара 528, 529
Лащ Самуил 428, 433, 434, 438, 440, 441
Лжедмитрий I 395—403, 509
Лжедмитрий II 403
Лев 167
Лев, император 475, 488
Лев X 169
Лев Даниилович 20, 22, 24, 27, 29—31, 187, 214
Лев Диакон 544
Лев Юрьевич 32, 33, 187
Лелевель И. 292
Ленин В. И. 134, 149, 163, 166, 172, 233, 234, 245, 271, 281, 300, 301, 329, 332, 334, 337, 347, 557
Лесик 389
Лешек Черный 29
Лещинский Р. 412
Либишовский 370
Ливий Тит 473
Ликофрон 515
Литвин Михалон 78, 114, 126, 175, 260, 320, 321
Лобода Григорий 360, 362—364
Лозицкий Я. 389
Лозка 387
Лом Алексей 419
Ломоносов М. В. 478, 505
Лонец 350
Лосицкий Михаил 508
Лосицкий Ян 548
Лугвен 41
Лукарис Кирилл 462
Лукиан 466
Лукьян 207
Лукьянов 421
Лупу Василий 284
Любарт Гедиминович 33, 37
Любомирский Станислав 415
Лютай Федор 435, 440
Лютый Ивоня (Иван) 370, 371, 373
Людовик Анжуйский 60
Людовик, венгерский король 33, 36, 37, 163
Ляссота Эрих 180, 358, 359, 543, 546
Лятос Ян 462

Маймонид Моисей 192
Макарий 193
Макарий, митрополит 525
Макарий, патриарх 335
Маковский Д. П. 396
Максим, митрополит 17, 151, 213
Максимилиан II 236
Максимович М. А. 427
Малала Иоанн 201. 204
Малецкий Лесько 446
Мелецкий 435, 436
Мамай 38, 77, 138—142, 151
Мамоничи 477
Манасий 204
Манчини Октавиан 522
Мануил 73
Маржерет 240
Мария 33
Маркс К. 16, 40, 74, 138, 143, 148, 169, 171, 227, 243, 295, 297, 341, 343, 557, 559
Мартин Король 191
Мартынович М. 386
Масса И. 401
Матяш Старый 199
Махмет-Гирей 240, 262
Машицкий И. 287
Машук 369
Мацейовский 395
Медынский Е. Н. 475, 476
Мезапета Константин 493
Меланхтон 493
Мелешко Иван 200
Мельштинский Спытко 43, 61, 154
Менгке 26
Менгли-Гирей 78, 79, 116, 143, 145, 198, 367
Мендовг 26—29
Менжик Ян 156
Меховский М. 227, 482
Микулин Григорий 394
Манин Козьма 404
Миргородский Миско 251
Митура А. 488
Митуса 205
Михаил Борисович 144
Михаил Васильевич 111
Михаил Всеволодович 16, 18, 19
Михаил Олелькович 161
Михаил Палеолог 73
Михаил Сигизмундович 52
Михаил Федорович 244, 422, 441, 490
Михайлович Максим 250
Михайлович Тимофей (Анич) 461, 486
Мишковский В. 382
Млынский 367
Мнишек 529
Мнишек Марина 395, 401
Мнишек Юрий 395, 396, 398
Мнишеки 65
Могила Иеремия 360, 362
Могила Петр 360, 457, 471, 472, 474, 480, 490, 493, 515, 518, 532
Могильницкий Иван 193
Моравский Марциуш 63
Моровский 389
Мотовило 445
Мстислав Даниилович 29, 31, 187
Мстислав Святославич Рыльский 19

Мстиславец Петр 485
Мстиславские 391
Мстиславский Ф. И. 398
Мурад III 358, 374
Мурад IV 421
Мурмани 79
Мустафа I 416
Муха 132, 168, 169, 185, 324
Мухаммед-Гирей 79

Нагая Мария 391
Наима 376
Наккер 168
Наливайко Демьян 461, 463, 475, 488, 510, 514
Наливайко Северин 240, 340, 352, 359—366, 375, 394, 396, 458, 461, 499
Нарбут Т. 202
Нафанаил Евстафий 486
Неланчук Данко 382
Немирич М. 293
Немиричи 445
Нестерович Родион 151
Никифор 462
Никифор, митрополит 503
Ногай 29—31, 72
Нос Александр 155, 158, 159

Обалковский Б. 303
Оборницкий 411
Овидий 466
Одинец Петр 408
Одровонж Анджей 65
Одровонж Петр 64
Огинские 444
Ожеховский Станислав 191
Окольский С. 432, 433—439
Олаг Николай 510
Олег, переяславский князь 18
Олег, рязанский князь 140, 142, 152
Олег Святославич 72
Олелько Владимирович 52, 54
Олехно 41
Ольбрахт Ян 67, 168, 174
Ольгерд 36—38, 48, 124, 136, 140, 202
Ольшанский Иван 161
Опушкевич 432
Опалинский 377
Ополинский К. 283
Опольский Владислав 87
Оря 201
Осман II 409, 411, 412, 414—416
Осовский Яков 254
Острожская Б. 346
Острожские 177, 268, 285, 307
Острожский Дашко 155
Острожский К. И. 57, 146, 523
Острожский К. 232, 254, 268, 276, 343, 351, 352—357, 359, 360, 362, 381, 396, 404, 461, 463, 464, 485, 486, 492, 496, 514, 529
Острожский Януш 353, 355, 396, 404—406
Острянин Яцко 433, 436—438, 499, 500
Отвановский Б. 385
Отрок 201
Офка 33
Охлоповский С. 380

Палеолог Дионисий 486
Палицын Аврамий 391
Палицын Петр 394
Палочи Матвей 68
Пальчевский К. 376
Памфил 196
Папроцкий Б. 180, 376
Пассаротти А. 286
Пастеляк Микола 388
Патоцкие 269
Патрикеевич Александр 154
Патруус И. 193
Пац Доминик 232
Пацневский Антоний 472
Пенько Ян 173, 178, 182
Перенъи 67
Перенъи Т. 171
Пересвет 140, 141
Петр 187
Петр из Любека 193
Петр, митрополит 186
Петр, молдавский господарь 153
Петр Ратенский 189
Петровай 67
Петрарка 463, 493
Петрахнович Н. П. 528, 529
Петров Михаил 420
Петуня П. 67, 167
Пешта Роман 439
Пилипович Лавриш 529
Пинтя Василий 389
Пиотровский Ян 372, 373
Пиотрковчик А. 193
Платон 480
Плетенецкий Елисей 446, 469, 488
Плиний Старший 473, 482
Плутарх 473, 493
Подвысоцкий 365
Подкова Иван 370—373
Подолян 207
Пожарский Дмитрий 404
Поло Федор 254
Полозович Сенько 112, 247
Полоцкий Симеон 331
Помпонио Лето 191
Понятовский Якуб 380
Попович Алексей 497
Порицкий 346
Поссевин А. 239
Потий Ипатий 463, 469
Потоцкие 360, 423
Потоцкий Николай 384, 425, 431—435, 437—440
Потоцкий Петр 389, 434
Потоцкий Станислав 436—438
Потоцкий Ян 389, 444
Почасский Софроний 473, 515
Пренжина М. 193
Преслужич Иван 157
Пресняков А. Е. 161
Претвич Яков 254, 353, 355, 360
Претовичи 177
Прихильный А. 521
Прокопий Кессарийский 70
Пронский Андрей 181, 444
Пронский Ф. 268
Процелер Павел 191
Прыс 280
Пузины 444
Путятич Д. 165
Пшемысл II 25
Пясецкий П. 370, 376, 412, 415, 426, 429, 430, 439

Радзивилл 54
Радзивилл Криштоф 232, 276, 361, 358, 362, 444
Радзивиллович Николай 96
Радишевский Анисим 485
Радул 409
Разгони 67
Ракошик 349
Рамултова Е. 523
Репнин 251
Репнины 391
Ржевский М. 263, 367, 368
Римлянин П. 521
Рогаль Самуил 490
Рогатинец Иван 446
Рогатинец Юрий 446, 466
Рогачевский Андрей 254
Рогоза Михаил 466, 514
Розван 362
Рой Т. 374, 418
Роман 196
Роман Даниилович 25, 26
Роман Михайлович 19, 20, 33
Роман Мстиславич 28, 33, 190
Романов Федор 391
Романовы 391
Ростислав Михайлович 18 19, 22—24, 28

Роттердамский Эразм 493
Рубрук 115, 117, 126
Рудзенский Я. 385
Руджиери 283
Рудольф II 358, 359
Ружинский К. 276, 277, 357, 363, 403
Рутский Иосиф 452
Ручка Ячко 387
Рыбаков Б. А. 190
Рылеев К. 336
Рымша Андрей 463, 487, 510

Сагайдачный Петр 244, 253, 375, 406—411, 413, 415, 416, 424, 425, 453, 463, 481, 511, 515, 531, 551
Сагиб-Гирей 179, 259, 366
Сакмовский Марк 419
Сакович Кассиан 248, 447 456, 463, 468, 474, 481, 511 515, 531, 551
Сакун Василий 439
Самовидец 253, 292, 440
Сангушко 346
Сантино Гарси де Парма 207
Сапега 122
Сапега А. 403
Сапега Лев 361, 390, 396, 412
Сапеги 444
Сарницкий С. 198
Сасько 363
Сатановский Арсений 331, 473, 478
Сафонович Феодосий 516
Сверчевский 370
Свидригайло 38, 50, 52, 54, 88, 111, 152, 154—160
Святослав Игоревич 71, 544
Себастиан из Фельштина 207
Седмирецкий Н. 287
Седовский Якоб 511
Семевич С. 287
Семен Иванович 92, 93, 145
Семиградский Николай 321
Сенека 491
Сенькович Федор 529
Сенюта М. 349
Сенютин А. 280
Сенюты 445
Сенявские 65
Серапион 202
Сибол 369
Сиверский С. 385
Сигизмунд, венгерский король 68
Сигизмунд I 50—52, 57, 65, 131, 158, 160, 163, 178, 247
Сигизмунд II Август 65, 182, 183, 198, 207, 227, 230, 231, 233, 236, 238, 239, 247, 272, 301, 342, 343, 345, 369
Сигизмунд III Ваза 254, 269, 303, 308, 312, 351—353, 355, 384, 395, 396, 400, 404, 407, 412, 456
Сигизмунд Кейстутович см. Сигизмунд I
Сигизмунд Люксембургский 153
Сидорович Федор 467
Сикст Э. 491, 493
Сильвестр 490, 510
Сирчан 201
Скарга Петр 234, 275, 470, 486, 504, 505
Скидан Карп 432, 433—437
Скиргайло 41, 43, 152, 153
Скорай Яков 106
Скорина Франциск 194, 195, 225, 502
Скульский А. 487, 491, 515
Славинецкий Епифаний 331, 473, 478, 483
Слезка Михаил 490—492
Слюсарский А. Г. 442
Смирнов В. Д. 261
Смирнов И. И. 402
Смирнов Н. 420—422
Смотрицкий Герасим 461, 463, 468, 475, 486, 503, 506, 510, 533
Смотрицкий Максим (Мелетий) 331, 337, 454—456, 463, 468, 474, 477, 478, 493, 506, 507
Собакин С. 321
Собеский Яков 248, 249, 413—415
Собицкий М. 385
Соболь Спиридон 490, 491
Сокирявый 438
Соколовский Я. 295
Солинка Степан 389
Солома 402
Солтан С. 287
Софокл 462
Соццинни Фауст 445
Спаненберг Иоанн 462
Спанокки Г. 268
Спиридоний 187
Срезневский И. 187
Старков 76
Старовольский Шимон 292, 293, 318, 440
Старосельский С. 275
Старушич Игнатий 337, 473
Степан 376
Стефан 36
Стефан III 67, 198
Стефан V 76, 77, 79, 128
Стефан Сурожский 71
Стефанович В. 529
Стечко 207
Струси 177, 198, 269
Струсь 269
Струсь Ю. 364
Струсь Яков 353
Стрыйковский М. 480, 482
Субедэй 72
Сукин Ф. 238
Сулима Иван 419, 430, 431, 499
Сума Ярош 387
Суражский Василий 461, 485, 503
Суходольский 276

Табакший 346
Тамерлан 45, 46
Тарашко 207
Тарло 360
Тарнавская Софья 268
Татев 397
Таш-Тимур 77
Тедальди А. 191
Телебуг 29
Телица Павел Домжив-Лютькович 490, 510
Теляшевский А. А. 402
Терлецкий Кирилл 386
Тимур 142
Тимур-Кутлук 46
Тимша (Томша) 370, 405, 413
Тисаровский Иеремия 453, 455, 491, 515
Токтогу 31
Томиленко 434
Тохтамыш 37, 45, 46, 142
Транквиллион-Ставровецкий Кирилл 456, 466, 467, 490, 494, 507, 508, 510, 515
Троекуров 442
Тройден 29, 33
Трофимович-Козловский Исаия 471, 472, 474
Трясило Тарас см. Федорович Тарас
Туренин В. 321
Туровский Кирилл 203
Тчинский Стефан 385
Тышкевич 425
Тышкевич Иван 445
Тышкевич С. 403
Тышкевич Фелициан 172, 173, 178
Тышкевич Я. 276
Тяпинский Василий 195

Угрюмов Василий 416
Ужевич Иван 474
Узбек 35
Уйгели 67
Улуг-Мухаммед 77

Фалес 480
Фастовец 387
Федор 90

Федор, черниговский боярин 51
Федор Данилович 41, 42
Федор Иванович 236, 241, 263, 356, 390, 391, 451
Федор, киевский князь 18, 37
Федор, монах 451
Федор Любартович 37, 42, 43, 60
Федор Патрикеевич 46
Федор, учитель 468
Федоров Иван 10, 242, 461, 464, 476—478, 484—487, 523, 531, 555
Федоров Матвей 240
Федорович Тарас (Трясило) 428—430, 442
Федько 158, 159
Феогност 189
Феодосий 50, 503
Феофан 410, 453, 454
Фердинанд III 390
Филалет Христофор (Броневский Мартин) 505
Филарет 391, 442, 451
Филипп 427
Филоненко 438, 439, 497
Фильний 23
Флавий Иосиф 201, 482
Флетчер 240
Фома 242
Фотий 50
Франко И. Я. 194, 198, 203, 347, 373, 449, 504, 516
Фредро 374
Фридрих II 25
Фукидид 473

Хаджи-Гирей 77—79
Харлезский А. 441
Харленский 276
Хлебовский Ян 380
Хлопко 392, 393, 397
Хмара Ф. 346
Хмелевский 382
Хмелецкий 427
Хмельницкий Богдан 251, 378, 390, 435, 440, 441, 443, 459, 522
Хмельницкий Михаил 251
Ходецкий Николай 168
Ходкевич Анна 382, 509
Ходкевич Карл 412—415
Ходкевич Ян 232, 254
Ходкевичи 444
Ходыка 455
Ходько 207
Хома 385
Хорьковский 351
Хоткевич Т. 268
Хотоцкий 382
Храбр 477, 486
Храбрый Михаил 359, 360
Хромой Петр 371—373

Цамблак Григорий 50, 203
Цаблак Киприан 203
Цезарь Юлий 405
Цельтис Конрад 191
Цицерон 466, 480, 493
Цишовский 370

Чапличи 445
Чарновский Т. 293
Чарторыйский А. 232
Чахровский А. 512
Челеби Эвлия 331, 335, 422
Челубей 141
Чепец Василь 389
Черкасские 391
Черкасский 442
Черкасский Миколай 236
Черкашенин Михаил 417
Чернинский Лукьян 254
Черный Григорий 426, 427
Чернышевский Н. Г. 417
Чеслер Ричард 227
Четвертинский Илья 337
Чингисхан 77
Чулков Д. 263
Чурай 500
Чурило 196
Чурыло, бандурист 207

Шаула Матвей 352, 362, 363, 365
Шафран А. 416
Шах 371, 372
Шаховский Г. П. 401, 402
Шашкевич Т. 352
Швайпольт Фиоль 194
Шварно Даниилович 29
Шевалье Пьер 518
Шевченко Т. Г. 373
Шедель Гартман 191
Шелига И. 491
Шемячич Василий Иванович 145
Шереметев В. И. 262
Шереметевы 391
Шерфенберг М. 193
Шестаков Васька 402
Шмидт М. 193
Шольц Вольф 288, 308
Шостак 365
Шпангенберг И. 512
Шуба Лукьян 96
Шуйские 391
Шуйский В. И. 398, 401—403
Щелканов А. Я. 451

Элласонский Арсений 466
Эмин-Гирей 80
Эмирович А. 287
Эмпидекл 480
Энгельс Ф. 45, 98, 101, 103, 133, 138, 149, 170, 171, 290, 295, 325, 327, 332, 333, 336, 343, 460, 502, 558
Эпикур 480
Эстергези 378
Эсхил 515

Юргинис Ю. М. 273
Юрий 154
Юрий, волынский князь 123
Юрий, пинский князь 54
Юрий-Болеслав II 33, 34
Юрий Владимирович 205
Юрий Лингвеневич 112
Юрий Львович 29, 30—32, 67, 189
Юрий Наримутович 60
Юрий Тройденович 187
Юрша 54, 157
Юрьев В. 238
Юрьев Дмитрий 320
Юрьев Иван 320
Юрьев Мануйло 320

Яблоновский А. 292
Ягайло 37, 41, 50, 52. 60, 63, 138, 140, 141, 151—153, 156, 231, 236
Ядвига 41, 42
Язловецкие 177
Язловецкий Николай 254, 353
Язловецкий Юрий 247
Ян 33
Ян, львовский архиепископ 65
Ян Гаштовт 54
Ян из Кротошина 321
Ян из Люблина 207
Ян из Торговиска 168
Яновский 379
Янчик 370
Ярослав 158
Ярослав Всеволодович 17, 19
Ярослав Мудрый 325, 503
Ярослав Святополчич 503
Ярослав Ярославич 17, 30
Ярославский Спытко 63
Ярославский Ян 63
Яцько 108

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Австрия 24, 25, 68, 117, 318, 373
Азербайджан 373
Азия 26, 73, 110, 127, 142, 320, 483
Азов 200, 243, 368, 369, 419—422, 498
Азовское море 419, 422
Аккра 117
Акмечеть 255
Алатырь 393
Албания 373
Александрия 74, 419
Альма, р. 256
Америка 483
Анатолия 418
Англия 73, 128, 147, 318, 423
Андресов 385
Антиохия 483
Аравия 127, 320
Аргачин 179
Армения 75, 210, 373
Астрахань 235, 341
Афон 514
Африка 483

Багдад 421, 422
Багноватое, с. 529
Базавлук, о. 179
Базалия, с. 292
Базель 193
Бакаев шлях 540
Бакота, с. 18, 19, 38, 99, 172
Бакотская обл. 167, 172
Балаклава (Чембало) 74—78
Балканский п-ов 125, 137, 320, 373
Балканы см. Балканский п-ов
Балтийское море 130, 131, 147, 226, 227, 237, 263
Балтийское побережье 131, 235, 395
Бар 263, 305, 312, 360, 425, 428, 429, 432, 437, 469, 540
Бардиев, с. 327
Басра 421
Батурин 499
Батятичи, с. 345
Бахмут 303
Бахмутка, р. 303
Бахмутский шлях 540
Бахчисарай 258, 260
Белавино, с. 100, 211
Белая Русь см. Белоруссия
Белая Церковь 254, 262, 263, 269, 285, 287, 289, 291, 296, 297, 308, 344, 351—353, 363, 406, 407, 411, 425, 432, 433, 454
Белгород 264, 320, 438
Белгород-Днестровский (Монкастро, Белгород) 74, 80, 99, 126—128, 211, 215, 370, 375, 412
Белгород (Белгородка) 99, 429
Белгородск, с. 381
Белз 35, 61, 386
Белзская земля 23, 36, 54, 60, 80, 157, 167
Белзский повет 264
Белзское воеводство 270, 278, 444
Белев 368
Белобережье, с. 381
Белобоки, с. 268
Белое море 148
Белое Поле, с. 346
Белоруссия (Белая Русь) 11, 13, 45, 91, 96, 133, 135—137, 142, 146, 151, 155, 158, 192—195, 203, 209, 228, 229, 236, 237, 240, 242, 268, 269, 275, 281, 298, 299, 303, 310, 319, 322, 329, 331, 336, 340, 360—363, 366, 425, 443, 444, 452, 455, 464, 467, 469, 470, 473, 477, 478, 480, 481, 483, 485, 486, 490, 495, 509, 531, 533
Белоцерковский полк 427
Бельск 187, 445, 467
Белый Берег, с. 268
Бендеры 370, 374
Беновка, с. 380
Бердичев 297
Берегово 69, 170, 378
Берегский комитат (Берегская жупа) 67, 68, 388
Березань 429
Березина, р. 161
Березовец, урочище 250
Бережаны 286, 293, 447
Берестейская земля, с. 32, 36
Берестечко (Берестье) 22, 35, 117, 123, 125, 159, 187, 306, 328, 385, 444, 447, 470
Берладская земля 66
Берчи, с. 305
Бескиды, горы 348
Бирлада 129
Бирюцкий шлях 540
Ближний Восток 8, 10, 73, 116, 127, 147, 320, 335
Близное, с. 385
Бобровица, с. 289
Бобруйск 360
Богдановщина, с. 343
Богуслав 289, 383
Болгария 71, 142, 507
Болохов 540
Болоховская земля 17, 19, 26, 27
Борзна 284
Борисовичи, с. 345
Борисполь 284, 429
Боришполь, урочище 365
Борки, с. 268, 346
Боровица, с. 269, 289, 434
Боровой шлях 540
Бортники, с. 268
Борщев, с. 305
Босфор 71, 418
Ботын, с. 346
Брагис, с. 412
Бранденбург 61
Брацлав 43, 126, 153, 156, 158, 173, 262, 263, 308, 373
Брацлавский повет 55
Брацлавское воеводство 58, 165, 233, 269, 271, 285, 301, 302, 341, 343, 344, 354, 355, 365, 379, 470
Брацлавщина 43, 51, 52, 55, 153, 154, 159, 226, 231, 233, 234, 262, 269, 271, 285, 289, 322, 342, 350, 358, 359, 360, 366, 404, 406, 415, 454, 458, 499
Брест 458, 469

Броды 287, 288, 294, 518, 519
Брусилов 387
Бруховичи, с. 268, 297
Брянск 20, 38, 48, 156, 320
Брянское княжество 20
Брянщина 134
Бубла, с. 305
Буг, р. 127, 317
Будзунов, с. 292
Бужин 436
Бузский повет 264
Букачевец 351
Буковина 6, 59, 65, 66—68, 165, 168, 271, 280, 317, 342, 348, 382, 388, 389, 415, 534, 535
Буржаны 429
Буск 61, 109, 157
Бухарест 359, 370
Бучач 214, 524
Буша 410
Быков 429
Быстрая Сосница, с. 264

Валахия 194, 284, 359, 371, 372, 384, 405, 416, 462, 478, 539
Валуйки, с. 240, 264
Вариводинцы, с. 349
Варна 53, 374, 375, 498
Варшава 364—366, 372, 405, 409, 411, 413, 415, 430, 431, 435, 454, 500
Васильков 285, 427
Ватикан 234, 265, 283, 395, 400, 469, 470, 503
Ведроши, с. 145
Великое княжество Литовское (Литовское княжество) 6—8, 13, 18, 20, 28, 29, 34, 37—39, 40—47, 50—59, 61, 62, 77, 81, 82, 88, 91, 102, 112, 116, 134—136, 145—148, 151, 153—156, 158, 159—162, 164, 165, 187, 193, 194, 197, 201, 202, 226—234, 238, 258, 263, 265, 281, 306, 308, 317, 329, 444, 464, 467, 469
Вейсинштейн (Пайду) 235
Великая Русь см. Россия
Великие Луки 236
Великие Стружи 389
Великопольша 60
Вена 412
Венгрия 6, 17—19, 22—24, 27, 30, 31, 35—38, 59, 60, 68, 147, 155, 167, 169, 170, 172, 185, 210, 264, 323, 337, 342, 347, 348, 355, 384, 388, 444, 510
Венгловка, с. 385
Венгерское королевство 68, 169—171, 280, 284, 327
Венден (Цесис) 235
Венеция 73, 117, 147, 193, 194, 260, 358, 402, 511
Вепрь, р. 327
Вербовцы, с. 315
Верещин 328
Видерна, с. 385
Византия 69, 71, 73, 74, 76, 127, 137, 142, 539
Вилькомир 160
Вильно (Вильнюс) 37, 47, 131, 165, 194, 228, 449, 464, 467, 469, 477, 478, 505, 506, 548
Винница 99, 129, 173, 262, 263, 285, 308, 360, 473, 519
Винницкий повет 55
Виноградово 69
Виноградский р-н 67
Висенки, с. 382
Висла, р. 22, 34, 80, 317, 499
Витебск 48, 152, 238, 455
Витушинцы, с. 379, 389
Вишня, с. 346
Вишня 389
Владимир 133, 227
Владимир (Владимир-Волынский) 22—24, 27, 29—31, 33—36, 38, 43, 48, 97, 98, 109, 116—118, 120, 123, 124, 126, 127, 129, 130, 156, 187, 188, 212, 271, 298, 306, 314, 332, 351, 469, 519
Владимир-на-Клязьме 155
Владимиро-Суздальская земля 6, 26
Владимирский повет 55, 88, 271, 275, 276, 278, 301, 344—346, 349, 386, 445
Владимирское княжество 188
Вожа, р. 137
Волга, р. 235, 393
Володарка 381
Волокаламск 155
Волошский тракт 540
Волынская земля 20, 26, 29, 32—34, 37, 91, 135, 165, 328, 508
Волынская обл. 218
Волынское воеводство 58, 231, 232, 268—271, 275, 276, 278, 284, 301, 343—346, 350, 354, 355, 365, 380, 381, 385, 453, 470
Волынское княжество 22, 43, 44, 52, 55, 97, 160, 326
Волынское Полесье 349
Волынь 20, 22—24, 26, 28, 29, 31—37, 43—46, 50—55, 65, 79—81, 84, 85, 87—89, 99, 100, 105, 106, 112, 113, 120, 123, 125, 128, 131, 138, 156, 158, 159, 160, 162—164, 174, 186, 187, 189, 190, 226, 229, 231—234, 238, 239, 249, 262—264, 268—272, 276, 301, 302, 305, 306, 311, 317, 318, 322, 338, 342, 343, 345, 346, 351, 359, 360, 366, 382, 385, 388, 415, 444, 445, 458, 470, 480, 490, 493, 499, 516, 519, 525, 530, 533—535, 542
Вольниче, с. 268
Вольск 292
Воля Березница, с. 381
Воля Тарновская, с. 379
Воронеж 264
Воронеж, р. 264
Воротков, с. 345
Ворскла, р. 38, 46, 47, 154, 326, 539, 540
Восток 9, 10, 73, 78, 108, 126, 127, 131, 319—321, 469, 540
Восточная Волынь 6, 29, 88, 156
Восточная Европа 6, 15, 72, 73, 79, 97, 115, 123, 127, 135, 143, 150, 160, 238, 243, 244, 301, 373, 559
Восточная Подолия 50, 53—55, 158, 160, 184, 242, 270, 509
Восточная Украина 164, 234, 353, 362, 363, 365, 403—406, 408, 410, 425, 430, 432, 435, 458
Восточный Крым 72, 73
Вроцлав 124, 129, 130, 318
Вчерайшее, с. 276, 277
Выгуричи, с. 301, 327
Вышгород 99, 396
Вышеград 33
Вязьма, р. 145

Гадяч 284
Гайворон 441
Гайсин 284
Галата 370
Галицкая земля см. Галичина
Галич 20, 22—24, 26, 29, 36, 60, 97, 98, 116, 117, 124, 126, 128, 168, 212, 217, 264, 286, 296, 303, 332, 348, 351, 389, 447, 480, 539, 540
Галичина (Галицкая земля) 6, 19, 20, 22—25, 28, 29, 31—37, 40, 48, 59, 60—65, 68, 79—81, 84, 87, 88, 92, 94, 96, 104—106, 110—113, 115, 116, 120, 123, 125, 128, 131, 135, 157, 163, 164, 167, 168, 174, 175, 189, 190, 213, 239, 264, 268, 270—272, 278,

280, 284, 291, 301, 311—314, 317, 318, 328, 338, 342, 343, 345, 351, 355, 359, 377—380, 382, 385, 389, 415, 444, 447, 516, 519. 525, 526, 533—535, 540—542
Галицкий повет 264
Галицко-Волынское княжество 23—26, 28, 29, 31, 33, 34, 61, 62, 65, 66, 97, 106, 160, 187, 213, 326—328
Галицко-Волынская Русь (Галицко-Волынская земля) 26, 27, 29—34, 36, 65, 98, 278, 301, 328
Галицкое княжество 326
Галицкое староство 276, 312
Ганза 124
Гвиздец 444
Гданьск 129—131, 193, 275, 276, 317
Гезлев см. Евпатория
Гелярово 377, 378
Генуя 73, 74, 117
Германия 121, 128, 130, 191, 192, 210, 318, 423, 474, 523, 539
Герцеговина 373
Глиняны 396
Глухов 18
Голландия 130, 318
Гологоры 315
Голтва, с. 269, 289, 437
Гомель 52
Горба, с. 389
Городецкий повет 264
Городло 48, 156
Городок 121, 293, 307, 447, 448, 467
Городокское староство 277, 382
Горожаны, с. 345, 378
Горохов, с. 346
Горошин, урочище 365
Горынь, р. 307
Горяны, с. 212
Гоща 445, 470, 473
Грабовецкий повет 264
Градижск 438
Греция 69, 208, 451
Грибовичи, с. 530
Грубешев 159
Грузия 373, 374, 420
Грушев, с. 389
Грюнвальд 48
Гублив, с. 268
Губливец, с. 268
Гуменное 388
Гумницы, с. 389

Далмация 373
Данилов 289
Дания 127, 147, 228, 263
Данков 393
Дашев 99
Девица, с. 429
Дедин 387
Дембино, с. 377, 378
Денисов, с. 385
Деражня, с. 381
Дермань, с. 216
Десна, р. 146, 263, 325, 540
Деулино 407
Дикое Поле 341, 363
Днепр, р. 18, 19, 24, 45, 73, 78, 80, 117, 120, 126, 146, 174, 178, 179, 181, 182, 247, 249, 252, 263, 312, 314, 320, 326, 345, 353, 356—358, 362, 363, 366—368, 371, 384, 396, 405, 407, 411, 417, 426, 428, 430, 433, 436—438, 540, 547
Днепровские пороги 12, 178—181, 184, 249, 251, 271, 367, 430
Днепропетровская обл. 216, 217, 219, 221—223
Днестр, р. 65, 66, 98, 99, 111, 126—128, 168, 174, 263, 264, 360, 362, 381, 406, 412, 413, 540
Добрин, с. 346
Добромиль 305, 491
Добруджа 374
Добрыничи 398
Докудово, с. 43, 152
Долина, с. 313, 351
Дон, р. 24, 45, 72, 140, 148, 165, 174, 184, 235, 243, 263, 321, 368, 369, 382, 396, 416, 417, 419—422, 436, 442, 498, 539, 540
Донец, р. 264, 356
Донские земли 321
Дорогичин 22, 25, 123, 131
Дорогичинская земля 23, 32
Дорогобуж 145, 268, 310
Дорогостав, с. 345
Древний Восток 482
Древний Рим 552
Древняя Русь 10, 11, 15, 105, 186, 188, 196, 224, 225, 482, 483, 508, 525, 534, 541, 547, 551—553, 555
Дрогобыч 191, 211, 293, 303, 304, 313, 331, 447, 521, 523, 525, 527
Дрогобычский повет 264
Дрогобычское староство 278
Дубецк 470
Дубечное, с. 301
Дубно 292, 306, 310
Дубровица, с. 306
Дунай, р. 24, 72, 199, 326, 331, 358, 412
Дунайская низменность 170
Дымер 428, 429

Евпатория (Гезлев, Козлов) 72, 241, 260, 374
Европа 24, 43, 73, 96, 98, 109, 127, 130, 131, 142, 145, 147, 148, 172, 227, 243, 258, 318, 319, 321, 322, 407, 443, 446, 474, 483, 501
Евье 477
Египет 69, 483, 540
Елец 264
Ельцовка, с. 385, 388
Ерусалим 483

Жванец 99
Животов 454
Жидачев 348
Жидачевский повет 264
Жидачевское староство 65
Жилицы, с. 268
Житомир 43, 90, 99, 101, 153, 263, 288, 291, 313, 350, 385, 405
Житомирская обл. 519
Житомирский повет 55, 270, 292, 345, 381, 385, 445
Житомирское староство 271, 291
Житомирщина 356, 379, 385, 387
Жовнин 438
Жолква 288, 518, 519, 520
Жолобов, с. 380
Журавницы, с. 191

Забужье 29
Завидов, с. 346
Загайцы, с. 381
Загутин, с. 389
Закавказье 142, 185, 272
Закарпатская обл. 212, 219, 220
Закарпатье 6, 29, 38, 43, 59, 67—69, 81, 135, 153, 163, 167, 169—172, 190, 192, 271, 272, 280, 284, 342, 346, 348, 378, 382, 386—390, 444, 483, 493, 526, 534, 535, 539, 541, 544
Заколонский шлях 540
Зализница, с. 525
Залужье, с. 389
Замок, с. 349
Замостье 327, 447
Запад 26, 116, 117, 127, 501
Западная Белоруссия 272
Западная Волынь 6, 40, 135, 157, 270
Западная Галичина 23, 29
Западная Европа 8, 9, 10, 73, 91, 108, 129—131, 137, 138, 142, 144, 193, 267, 303, 317, 320, 321, 329, 373,

402, 443, 473, 493, 495, 509, 514, 516
Западная Киевщина 345
Западная Подолия 43, 48, 52, 54, 61, 63, 65, 153, 154, 156—158, 160, 164, 174, 270, 278, 284, 342, 343, 351
Западная Русь 26, 134, 135, 323
Западная Украина 129
Западный Буг 48, 317, 540
Западный Крым 72
Запорожская Сечь (Сечь) 12, 173, 180—184, 199, 200, 222, 243, 324, 327, 356—360, 367, 376, 389, 417, 419, 430, 435, 436, 440, 499
Запорожье 173, 178—181, 183, 221, 241, 251, 304, 309, 339, 342, 353, 356—358, 360, 365, 366, 405, 407, 408, 416, 421, 423, 425—428, 432, 435, 436, 439, 541, 543
Зарудье, с. 381
Заслав 294, 381, 385
Защипов, с. 346
Збараж 156
Збручанское, с. 217
Звенигородка 153
Звягиль 268, 519
Звягильская обл. 270
Земплинский комитат 163, 387, 388
Зимно 216, 218
Зиньки 519
Золотая Орда 6, 18—20, 23, 25, 26, 29—31, 34, 38, 45, 46, 77, 132, 133, 135, 138, 142, 143, 188
Золотой Поток 519
Золочев 519
Зубря, с. 389

Иван-город 237, 390
Иваница, с. 349
Ивано-Франковская обл. 66, 217
Измаил 375, 412
Изюмский тракт 539
Изяслав 97, 503
Ингул, р. 540
Ингулец, р. 540
Индия 127, 147, 320, 540
Инкерман 76
Ирклеев 284, 289
Ислам-Кермен 179, 183
Испания 147, 358
Италия 69, 142, 191, 210, 423, 474
Иран 147, 373

Кавказ 135, 201, 235
Казак-город, с. 389
Казань 241
Казанское ханство 145, 368
Казимир 305
Калантаево, урочище 250
Калка, р. 272
Калуга 402
Калуш 291, 385, 389
Кальмиусский тракт 539
Калюс 381
Каменец (Каменец-Подольский) 38, 43, 50, 61, 64, 79, 99, 101, 102, 107, 109, 117—122, 127—129, 153, 154, 156, 159, 187, 210, 211, 215, 217, 224, 285, 294, 296, 298, 299, 310, 311, 316, 318, 319, 321, 332, 348, 382, 416, 469, 513, 517, 519, 521, 526, 534, 540
Каменец (возле Бреста) 216
Каменецкое староство 312
Каменка-Струмилова 292, 345, 516, 529
Кандия 486
Канев 17, 99, 120, 126, 172, 173, 177, 180—182, 243, 262, 263, 284, 289, 304, 308, 312, 344, 373, 406, 426—428
Каневский повет 55
Каневское староство 177, 178, 181, 251, 429, 440
Каравул 99
Карасу, р. 260
Карасу-базар 260, 272, 327
Карпаты 171, 342, 347, 348, 390, 533, 535, 543
Кафа см. Феодосия
Кача, с. 256
Кашинцы, с. 349
Кашира, с. 240, 368, 399
Каютин, р. 66
Квасилов 61
Квасово 269
Керченский п-ов 71, 73
Керченский пролив 71, 72
Керчь (Корчев) 71, 72, 419
Киев 10, 16—20, 27, 37, 38, 43, 45, 46, 48, 50, 52, 55, 79, 97, 100, 101, 106, 107, 109, 111, 112, 116—127, 130, 131, 151, 161, 173, 175, 178, 180, 181, 186, 187, 192, 198, 200, 208, 213, 216, 219, 233, 234, 238, 239, 241, 262, 263, 271, 284—287, 294, 296, 297—299, 304, 306, 308, 310—314, 319, 321, 328, 332, 357, 358, 362—365, 373, 396, 405, 410, 411, 427—429, 433, 439, 447, 448, 451, 454—456, 468, 469, 473, 478, 480, 484, 488, 489, 492, 498, 504, 508, 515, 517—519, 522, 525, 526, 532, 539
Киевская земля 16—18, 27, 50, 52, 55, 79, 89, 92, 111, 124, 135, 233, 303, 425
Киевская Русь 62, 65, 70, 103, 192, 197, 201, 203—205, 209, 323, 325, 446, 462, 534
Киевский повет 55
Киевский полк 427
Киевское воеводство 58, 165, 233, 270, 285, 301, 302, 341, 343—345, 354, 355, 365, 381, 384, 387, 388, 406, 423, 453
Киевское княжество 43, 44, 52, 54, 55, 151, 153, 160, 161, 326, 328
Киевщина 6, 16—18, 37, 38, 43, 45, 46, 51, 55, 79—81, 84, 87—90, 92, 99, 120, 122—124, 127, 152, 153, 160, 161, 174, 177, 179, 186, 198, 226, 229, 231, 233, 234, 249, 262, 268—272, 276, 279, 285, 322, 328, 342, 344, 366, 385, 445, 458, 499, 530, 533, 534
Килия 343, 375
Киндиное, с. 343
Кипр, с. 127
Киселин, с. 344, 445, 470
Китай 540
Кицмань 192
Клевань 214, 216, 310
Княжая Лука, с. 86
Княжнин, с. 382
Кобыжча, с. 389
Кобовля, с. 268
Ковель 109, 288, 306, 310, 351
Ковельское староство 269, 272, 273
Кодак 430, 431, 440, 499
Кодня, с. 254, 297, 387
Козиничи, с. 268
Козлов см. Евпатория
Коламацкий шлях 540
Колки, с. 268, 349
Колодное, с. 219, 310
Коломна 138, 139, 155, 240
Коломыйская волость 87
Коломыйский повет 264, 348
Коломыйское староство 312
Коломыя 87, 115, 128, 129, 286, 291, 296, 303, 305, 313, 385
Колочин, р. 66
Колпитов, с. 346
Колыча, с. 304
Комарницкая волость 398, 399
Комарно 447, 467
Комов 328
Конотоп 284
Конские Воды, р. 539
Константинов 355, 362

Константинополь (Царьград) 50, 71, 73, 74, 117, 125, 126, 128, 137, 197, 260, 310, 370, 372—374, 417—419, 483
Кончаковский шлях 540
Конюхи, с. 346
Копачев 424
Копорье 237, 390
Корела 237
Корец 306
Корецкая волость 280
Корнин 387
Королево (Ньялабп), с. 67
Корсунский полк 427
Корсунское староство 341, 440
Корсунь 289, 344, 383, 384, 387, 403, 428
Косенин, с. 343
Косов 313
Костевичи, с. 268
Котельня 285, 381, 385, 387, 388
Коцюбинцы 288
Краков 23, 41, 55, 106, 130, 152, 169, 193, 194, 207, 221, 362, 396, 432, 462, 503, 505, 540
Краковское воеводство 347
Крапивна, с. 269, 289
Красилов 268, 310
Краснополь 292
Красностав 109, 110, 305, 447
Красная Меча, р. 141
Красов, с. 222
Крево 41
Кременец 27, 101, 109, 119, 120, 156, 210, 211, 215, 269, 285, 299, 306, 310, 312, 314, 467, 490
Кременецкая волость 36
Кременецкая земля 160
Кременецкий повет 55, 268, 271, 272, 278, 301, 343, 349, 381
Кременецкое староство 312
Кременчуг 254, 284, 436
Кролевец 284
Кромы 264, 393, 398, 399
Кросно, с. 385
Крылов, с. 280, 289
Крылос, с. 488
Крюков 432
Крым, п-ов (Таврика) 8, 30, 69, 70—80, 99, 110, 115—117, 123, 126—128, 140, 142, 183, 210, 226, 243, 255, 258, 262, 264, 272, 310, 314, 367—369, 374, 417, 422, 427, 539, 540
Крымская орда 79, 80, 265, 415
Крымское побережье 77
Крымское ханство 7, 13, 77—80, 162, 238, 241, 243, 247, 255, 256, 258, 260—265, 366, 367, 376, 408, 416, 458, 540
Кубань, р. 79
Куликово поле 140—142
Кумейки 433, 434
Курск 264, 392, 398
Куруково, оз. 426
Кучманский тракт 540

Лавров, с. 217, 220
Латорица, р. 68
Лашки, с. 389
Лебедев 230
Лебедин 517
Лебус 61
Леванто 358
Левобережная Украина (Левобережье) 102, 148, 165, 179, 240, 269—272, 277, 279, 284, 298, 303—305, 317, 338, 339, 341, 342, 344, 351, 379, 380, 382—384, 386, 388, 428, 432, 433, 435, 436, 447, 458, 467, 513, 519
Лежайское староство 277, 377
Лейпциг 193
Лемковщина 348
Летичев 99, 167, 382
Лецин 387
Лещовцы, с. 279
Ливны 264, 539
Ливония 227, 228, 235, 237, 239, 368, 369
Литва 20, 27—33, 35, 36, 38—40, 46, 51—55, 57, 59, 79, 87, 88, 91, 95, 96, 100—104, 114, 117, 118, 121, 123, 124, 130, 131, 136, 141, 142, 144, 146, 147, 151, 153—155, 158, 160, 161, 177, 181, 197, 202, 227—229, 231, 233, 234, 236, 247, 263, 268, 272, 275, 281, 303, 319, 323, 337, 342, 369, 370, 384, 421, 452, 470, 481, 507, 552
Литовская земля 161
Литовское княжество см. Великое княжество Литовское
Лифляндия 340
Лихачевка, с. 268
Лоев 345
Лозовый шлях 540
Лондон 227
Лопушно 128, 129
Лохвица 277
Лубны 269, 277, 285, 364, 365, 437, 438
Лужаны 217
Луковая, с. 349
Лукомль 438
Луцк 18, 27, 29, 32, 33, 35, 42, 46, 48, 50, 55, 98, 100—102, 109, 112, 117—127, 129—131, 155, 157, 160, 195, 210, 211, 212, 214, 215, 285, 299, 306—308, 311, 314, 319, 332, 346, 350, 360, 379, 447, 467, 469, 490
Луцкая волость 36
Луцкая земля 37, 42, 51, 160, 310
Луцкий повет 55, 88, 111, 268, 276, 278, 280, 301, 345, 346, 349, 354, 380, 381, 385, 388, 490
Лысянка, с. 284, 428
Львов 27, 29, 35, 36, 61, 65, 98, 101, 103, 104, 106, 107, 109, 110, 112, 117—130, 191, 193, 211, 212, 217, 224, 264, 277, 285—291, 293—295, 297, 299, 310—312, 318, 319, 321, 332, 350, 372, 378, 380, 409, 412, 415, 446, 447, 449, 450, 466, 467, 469, 485, 487, 490—492, 509, 512—515, 517, 519—523, 525, 526, 529, 530, 532, 534, 540
Львовская земля 63, 88, 278, 302, 379, 519, 526, 529
Львовская обл. 213, 216, 217, 219, 221—223
Львовский повет 264, 345, 346
Львовское староство 65, 276
Любар 470
Любеч 146, 263, 345
Любеч (Черниговщина) 93, 378
Люблин 22, 33, 221, 226, 228, 230—232, 238, 305, 327, 380, 447
Люблинская земля 29, 32, 33, 36
Любовичи, с. 385, 388
Любомль 187
Ляховцы с. (Острожский повет) 445
Ляховцы, с. (Кременецкий повет) 349
Ляшковичи, с. 380

Магдебург 101
Мазовия 360, 361
Максимовка, с. 436
Малая Азия 71, 375
Малая Польша 60, 268
Малая Русь 134, 234, 329, 463, 481, 515
Малая Хортица, о. 183
Малые Стружи, с. 389

Мангуп 75
Мангупская провинция 77
Марганец 182
Мараморощина 68, 170, 346
Мараморошский комитат 67, 68, 388
Маслов Став, урочище 440
Мачва, с. 24
Мегрелия 369
Меджибож, с. 54, 100, 218, 509
Медобора, гора 348
Межирич, с. 216, 519
Межиров 291
Мерла, р. 251
Месопотамия 421
Мечь, р. 368
Миков, с. 389
Милятин, с. 385
Минск 361
Миргород 284, 299, 438
Миргородщина 303
Мирополь 388
Могилев (на Днепре) 360, 409, 499
Могилев (Подолия) 413
Могильница, с. 380
Могиляны, с. 382
Мозырь 263
Молдавия 6, 38, 61, 65—68, 78, 86, 121, 123, 125, 128, 129, 147, 155, 167—169, 187, 193, 272, 284, 310, 318, 319, 323, 324, 335, 337, 342, 347, 358—360, 362, 368—373, 381, 384, 409—411, 413, 416, 419, 449, 451, 462, 473, 478, 490, 540
Молдавская дорога 125, 128
Молдавское княжество 6, 38, 39, 168, 284
Молочные Воды, р. 539
Монастырский о. 368
Монголия 17, 117
Монгольская империя 77
Монкастро см. Белгород-Днестровский
Морава, р. 24
Моравия 17, 25, 539
Моравск 393, 397, 398
Моравско, с. 63
Морея 373
Москва 77, 125—127, 133, 135—138, 141, 142, 144—146, 148—151, 153—155, 161, 189, 190, 191, 213, 227, 235, 236, 240, 242, 258, 262, 320, 321, 324, 331, 335, 349, 364, 367, 368, 383, 390—393, 396, 398—400, 402—404, 406—408, 410, 411, 420—422, 425, 427, 428, 442, 451, 473, 478, 480, 485, 486, 488, 495, 505, 507, 539
Московская Русь (Московская земля) 182, 192
Московское государство см. Русское государство
Московское княжество 6, 31, 41, 45, 48, 124, 135, 136, 138, 142, 144, 145, 148, 151, 153, 158, 160, 161, 320, 328, 329
Мотронино, с. 249
Мохач 68
Мошны 433, 434
Мстиславль 146
Мукачево 29, 68, 69, 170, 215
Муравский тракт 126, 539
Мурафа, р. 158
Мценск 264

Надднестрянское взгорье 348
Нарва 228, 236
Нахичевань 373
Неаполь 147
Нева, р. 237
Невицкое 167, 170, 211, 214, 215
Негов, с. 389
Нежин 291, 429, 432, 435
Немиров 371, 372
Несвиж 195, 444
Нидерланды 147
Нижегородское княжество 136
Нижний Дон 148
Нижний Новгород 133, 227
Низкеничи, с. 521, 524
Николаев 292
Новгород 17, 125, 127, 133, 137, 144, 161, 189, 221, 227, 236, 237, 320, 395, 509
Новгород-Северский 18, 124, 146, 156, 216, 219, 297, 332, 393, 397, 398, 522
Новгород-Северский повет 55
Новгород-Северское княжество 20, 43, 146, 152
Новгородок-Литовский (Новогрудок) 50, 131, 152
Новгородская земля 137, 144, 145
Новоград-Волынский 519
Новосил 264
Новые Слободища, с. 345
Носовка, с. 389, 429
Норвегия 130, 148
Нюрнберг 193
Ньялаби см. Королево

Обща, с. 349
Обышевский шлях 540
Обь, р. 145
Овруч 43, 99, 153, 263, 292
Овручский повет 55
Овручское староство 317
Одесса 99, 314
Оздов, с. 345
Озиминская волость 278
Ока, р. 138, 139, 143—146, 241, 264, 539
Олексинца, с. 519
Олеск 61, 156—158, 211, 216, 293
Ольшанка, р. 433
Омельник, р. 436
Оржица, р. 441
Орел 264, 393, 402
Орель, р. 181, 539
Оскол 264, 539
Османская империя см. Турция
Осницкое, с. 382
Остер 263, 297, 350
Остерская земля 52
Остерский повет 55
Острово, с. 42
Острог 129, 210, 214, 216, 285, 292, 294, 299, 310, 315, 350, 351, 385, 404, 461—464, 469, 477, 485, 487, 488, 492, 500, 503, 509, 514, 519
Острожский повет 445
Остропль 363
Острыи, с. 346
Острый Камень, урочище 363
Орешек 390
Орчицкий шлях 540
Оттоманская Порта см. Турция
Очаков 263, 366—368
Ошмяна 159

Паволочь 387, 406
Падуя 474, 511
Палермо 418, 419
Палестина 508
Панивцы, с. 444, 470, 491
Париж 193, 227
Перебыковцы, с. 65
Перекоп 117, 126, 314, 368, 375, 593, 540
Перемышль 22, 23, 29, 60, 61, 110, 120, 207, 212, 286, 289, 290, 293, 296, 447, 467
Перемышльская волость 164
Перемышльская земля 22, 63, 64, 115, 278, 301, 302, 348, 380, 389, 444
Перемышльский повет 264
Перечин 388
Перечинское, с. 280
Переяславль, 18, 155, 289 304, 328, 353, 364, 389, 428, 429, 432, 438, 522, 531, 533

Переяславская земля см. Переяславщина
Переяславский полк 427
Переяславское княжество 326, 328
Переяславское староство 269
Переяславщина (Переяславская земля) 16, 18, 38, 52, 55, 80, 81, 84, 99, 165, 186, 328, 524, 534
Пермь 145
Персия 320
Печибоды, с. 343
Петрив, с. 385
Печихвосты, с. 380, 385
Печора, р. 145
Пиза 73, 117
Пиков 263
Пинский повет 381
Пирятин 277, 438, 497
Планерское 70
Плеснеск 62
Плоская, с. 346, 385
Побужье 27, 121
Поволжье 241, 258
Подгайцы 526
Подгородье 291
Подгорцы 519
Подгорье, с. 313
Поддубцы, с. 343
Подкамень 61, 519
Подляшье 229, 231—233, 447
Подляшское воеводство 231, 232, 444
Поднепровье 18, 37, 45, 46, 55, 123, 127, 131, 161, 162, 164, 172, 175, 219, 220, 241, 249, 267, 285, 289, 298, 304, 305, 311, 318, 320, 338, 341—344, 349, 351, 357, 358, 362, 368, 369, 379, 380, 382—384, 387, 388, 396, 406, 425—428, 432, 433, 458, 517, 519, 541, 550, 559
Подолия 6, 37, 38, 43, 53, 54, 68, 79—81, 84, 86, 87, 90, 93, 99, 100, 102, 112, 120, 123, 124, 126, 127, 129, 153—156, 158—160, 162—164, 167, 172, 174, 176, 177, 202, 229, 233, 234, 239, 262—264, 268, 271, 272, 276, 302, 305, 311, 312, 318, 320, 322, 338, 342, 343, 345, 348, 350, 359, 362, 366, 374, 381, 382, 390, 406, 409, 415, 425, 444, 470, 480, 491, 509, 519, 530, 533—535, 540, 541, 551
Подольское воеводство 64, 271, 278, 285, 341
Подунавье 135
Познань 130, 193, 540
Покутье 168, 264, 313, 348
Полесье 84, 90, 112, 115, 159, 270, 272, 280, 388, 533, 535—537, 539, 541, 542, 544
Полонное 310, 314, 388, 518
Полоцк 48, 160, 194, 228, 236, 238, 258, 469
Полтава 234
Полтавщина 279, 394
Польско-Литовское государство см. Речь Посполитая
Польское королевство 13, 60, 82, 102, 103, 147, 180, 193, 227—233, 280, 283, 308, 317, 328, 329
Польша 6, 8, 10, 18, 22, 25, 27, 29—38, 40—44, 46, 47, 50—55, 57—61, 63—66, 78, 87—89, 91, 94—96, 100—104, 114, 117, 118, 121, 123, 126, 128—130, 142, 147, 153—155, 157, 158, 160, 167, 168, 175, 193, 202, 210, 226—229, 231—234, 236, 247, 251, 252, 258, 259, 263, 264, 266, 268, 269, 273, 283, 285, 288, 290, 291, 294, 303, 310, 316, 318, 319, 323, 324, 327, 328, 330, 331, 337, 342, 347, 355, 356, 358, 359, 361, 363, 366, 369, 370, 372, 374, 376, 384, 390, 394, 396, 398—400, 403, 405, 409, 411, 412, 415, 416, 430, 442, 443, 445, 452, 454, 456, 458, 460, 473, 480, 481, 499, 509, 516, 518, 523, 539, 540, 543, 552, 555
Померания 25
Поморье 33
Понизье 17, 26
Потелич, с. 219, 300, 446
Почаев 310, 490, 508, 519
Правобережная Украина (Правобережье) 102, 240, 265, 269, 271, 272, 298, 326, 387, 388, 390, 429, 447, 518, 535, 540
Прага 194, 227
Приазовье 71, 72, 135
Прибалтика 235, 427
Приднепровье 121
Прикарпатье 115, 167, 172, 191, 270, 303, 347, 348, 389, 451
Прилуки 363, 525
Припять, р. 263, 312, 540
Приуралье 145
Причерноморье 127, 420
Прокопив, с. 385
Пропойск 362
Пруссия 117, 130
Прут, р. 165, 327, 409, 540
Пряшев 327
Псел, р. 174, 326, 367, 437, 539, 540
Псков 127, 133, 136, 147, 148, 189, 221, 227, 236, 297, 320, 395, 509
Путивль 126, 146, 240, 241, 297, 299, 393, 398, 399, 401, 402, 442, 451, 522, 526, 540
Путивльская земля 52
Путиловский уезд 393
Пчельна, р. 403
Пярнов (Пярно) 235
Пятка 356, 359

Рава-Русская, 528
Радомышль 387, 488
Раков 470, 516
Рата, р. 189
Ратненское староство 272
Ратное, с. 157
Рачин, с. 346
Ревель (Таллин) 235
Речь Посполитая (Польско-Литовское государство) 7, 13, 126, 233—240, 242—244, 248, 253, 263, 265—275, 279, 290, 292, 301, 303, 306, 307, 321, 322, 337, 342, 345, 348, 353, 357, 369, 371, 373, 374, 376, 379, 381, 384, 387, 389, 395, 396, 405—407, 409, 410, 412, 415, 425, 429, 432, 435, 436, 441, 443, 445, 446, 452—454, 456, 462, 469, 471, 481, 486, 503—505, 559
Ржищев 155, 304, 411, 427
Рига 228
Рижский залив 227
Рим 24—26, 36, 59, 137, 147, 227, 228, 412, 500, 522
Ричихов, с. 378
Ров, с. 99
Ровно 310
Ровенская область 214, 216, 525
Рогатин 168, 217, 285, 291, 296, 447, 467, 488
Рожанцы, с. 349
Рожач, р. 235
Рожища 351
Рокитовцы, с. 389
Ромадановский шлях 540
Романовка, с. 380
Ромны 432, 441
Росава, р. 431
Россия 5, 7, 10, 12, 59, 78, 86, 87, 91, 96, 113, 122, 124, 125—127, 132, 134, 135, 142, 143, 145—151, 153, 162, 174, 177, 178, 190, 192, 194, 209, 226—230, 234—247, 251, 259, 266, 283, 299, 310, 319—322, 329—331, 340,

349, 350, 356, 358, 364, 369, 372, 376, 377, 379, 382, 383, 385—387, 390, 392, 395, 396, 402—404, 406, 407, 409—411, 419, 422, 426, 427, 435, 441—443, 451, 455—459, 464, 473, 478, 483, 485, 493, 495, 505, 508, 509, 518, 525, 528, 531, 533, 540, 558, 559
Россоховатое, оз. 426
Роставица, р. 408
Ростово-Суздальская земля 327
Ростоцкое, с. 343
Рось, р. 174, 263, 325, 326, 407, 425, 540
Рохманов 490, 508
Руан 496
Рудки, с. 305
Рудники, с. 349
Русская земля 24, 28, 32, 59, 134, 135, 139, 141, 143, 148, 328, 329
Русское воеводство 63, 64, 167, 190, 191, 276—278, 301, 303, 305, 343, 345—349, 378, 389, 444, 470
Русское государство (Московское государство)—6, 13, 62, 125, 126, 132, 138, 141—150, 155, 161, 162, 164, 165, 190, 226—228, 230, 233, 235—239, 241, 244, 245, 258, 259, 262—266, 279, 283, 299, 303, 320—322, 390, 391, 393, 394, 397, 401, 404, 420, 422, 441, 458, 459. 517, 522, 558
Русь 5, 6, 11, 15—17, 19, 20, 24—26, 28, 105. 117, 124, 132, 134, 135, 138—143, 145, 148, 153, 186, 188, 196, 203. 208, 225, 249, 323, 328, 329, 480, 498, 507, 509, 552, 557
Рязанское княжество 138, 148
Рязань 133, 138, 148, 227, 240, 368, 399
Ряжск 393
Рыботицкой, посад 217
Рыльск 146, 240, 393, 398, 540

Сава, р. 24
Сарминский шлях 540
Сагайдачный шлях 540
Сажин, с. 377
Саксония 121, 319
Салгир, р. 256
Сальная, с. 346
Самара, р. 143, 264
Самбор 60, 104, 285, 286, 290, 293, 348, 396, 490
Самборская волость 61
Самборский повет 264
Самки, с. 268
Сан, р. 22,327
Сандомирщина 32
Санок 60, 101, 190, 313, 348
Саноцкая земля 35, 63, 64, 88, 92, 278, 301
Саноцкий повет 387
Сатапов 286
Сатмарский комитат 68
Свента, р. 160
Святогорский шлях 540
Северная Буковина 81, 135, 168, 284, 311
Северная Венгрия 69
Северная Германия 73
Северная Европа 10, 73, 123, 124, 129—131
Северная Киевщина 113, 302, 338, 387
Северная Молдавия 170, 171
Северная Русь 190
Северное Поморье 145
Северное Прикамье 145
Северное Причерноморье 30, 45, 69, 72, 74, 76—78, 115, 123, 127, 135, 137, 260, 540
Северный Кавказ 369
Северный Урал 148
Северо-Восточная Русь 26, 77, 116, 124, 126, 132—138, 149, 189, 200, 202, 323, 326, 328, 481
Северо-Западная Русь 188—190, 200
Северская земля см. Северская Украина
Северская Украина (Северская земля, Северщина) 50, 154, 349, 392—398, 401, 403
Северщина см. Северская Украина
Севлюш 67
Севск 320, 398
Сейм, р. 326
Секунь, с. 349
Семенов, с. 349
Сенява, с. 263
Сербия 25, 142, 204
Серпухов 391
Сибирь 241
Силезия 17, 33, 117, 121, 318, 319
Синоп 379
Синюха, р. 174
Синяя Вода, урочище 37, 38, 363
Сирет, р. 66, 128, 129, 165
Сирия 320, 540
Сицилия, о. 418, 419
Скала 43
Скандинавия 26
Скуринцы, с. 280
Славония 24
Славута 382
Слепород, р. 269, 365, 438
Слободище 292, 297
Слободская Украина (Слобожанщина) 146—149, 165, 240, 245, 251, 270, 271, 279, 283, 298, 299, 303—305, 327, 338, 339, 341, 342, 381, 383, 387, 442, 517, 582, 539
Слобожанщина см. Слободская Украина
Словакия 169—171, 342, 347, 348, 384
Слуцк 260
Случь, р. 43
Смоленск 20, 38, 48, 133, 136, 146—148, 154, 159, 406
Смоленское княжество 20, 124
Смоленщина 134, 145, 395, 407
Смотрич 38, 43, 61, 99, 100
Снятин 128, 129, 168, 264, 286, 288, 294, 311, 313, 319, 389, 540
Снятинское староство 277, 312
Собь, р. 174
Сож, р. 362
Сокальское староство 278
Солоница, урочище 364, 365
Солхат см. Старый Крым
Соль 313
Сороки 326, 371, 372, 413
Сосновка, с. 380
Сошники 359
Средиземное море 73, 358
Средиземноморье 9, 74
Среднее Водяное, с. 219
Среднее Поднепровье 11, 126, 153, 176, 328, 329, 240, 525
Средний Восток 147
Средний Днепр 184
Средний Урал 148
Средняя Азия 72, 235
Стайки, с. 427
Стамбул 368—370, 374, 409, 411, 416
Стапыля, с. 221
Старая Соль 293
Старец, р. 438, 439
Стародуб 38, 39, 48, 146, 403
Стародубский повет 55
Староконстантинов 284
Старосельцы, с. 388
Старые Слободища, с. 345
Старый Еськов 380
Старый Крым (Солхат) 70, 72, 260
Стеблев 289, 384
Степанская волость 381

Степань 292, 513
Стожеск, с. 27
Столпье 100, 211
Страсбург 193
Стрый 209, 530
Стрыйский повет 264
Стрятин 488
Стугна, р. 325
Стылое, с. 488
Суботов 251, 378
Судак (Сурож) 30, 70—72, 74, 75
Суджа, р. 540
Судьбище, с. 263
Сула, р. 174, 325, 364, 365, 438
Сумская обл. 526
Сумы 299, 517, 540
Сура, р. 393
Сурож см. Судак
Суск 117, 126, 346
Сутковцы, с. 218
Сухая Дубрава, урочище 411
Сухая Ольшанка, урочище 407
Сучава 124, 128, 129, 370
Сучавская волость 327

Таборище 426
Таванский перевоз 368
Тавань 179, 182
Таврика см. Крым
Тан 74
Тамань 71
Таматарха (Тмутаракань) 71
Татарская дорога 127, 128
Тарту (Юрьев) 228
Твердыня, с. 344
Тверское княжество 30, 31, 124, 144, 145
Тверь 133, 144, 151, 227
Тевтонский орден 33, 41, 48, 130, 168
Темешвар 170
Темников 393
Теребля, р. 483
Теребовля 60, 286, 288, 294, 296, 351, 360
Теребовлянский повет 264, 349
Терек, р. 147
Тернополь 292, 294, 295, 518, 540
Тернопольская обл. 214, 525, 526
Тетерев, р. 263
Тикич, р. 269
Тисменица 264
Тисса, р. 327
Тишеливец 382
Тлумач 264
Тмутараканское княжество 71, 72
Токай 388
Токи 519
Томаковка, о. 179, 182
Топорище, с. 293
Торговицы, с. 268
Торский шлях 540
Торунь 123, 130, 276, 540
Торчин 307, 310
Торчицы 381
Трансильвания 68, 69, 194, 328
Трапезунд 369, 375, 411, 418
Трахтемиров 249, 252, 408, 435, 439, 454
Трилесы 406
Триполье 353, 363, 427
Трубеж, р. 174, 325
Трубчевск 38, 39, 146, 156
Трушевичи, с. 223
Тула 240, 263, 368, 399
Туличев, с. 346
Турийск 30
Туринцы, с. 275
Турия, с. 268
Туров 52, 131, 268
Турово-Пинская земля 28
Турция (Османская империя, Оттоманская Порта) 7, 8, 13, 67, 77—79, 143, 147, 169, 184, 197, 198, 226, 235, 238, 243, 244, 247, 256, 257, 264, 272, 319, 328, 358, 360, 366—369, 369—376, 390, 402, 405, 408, 409, 416—420, 422, 423, 458, 540
Тягинский перевоз 80, 366
Тяпино, с. 195
Тясмин, р. 174, 181, 269, 326, 540

Углич 391
Угорцы, с. 490
Угочанский комитат (Угочанская жупа) 67, 387
Угра, р. 143
Угровеск 328
Угруск 211
Уездец, с. 382
Ужанский комитат (Ужанская жупа) 67, 68
Ужгород 67, 69, 170, 298, 469
Ужгородский комитат 388, 390
Узень, р. 407
Украина 5, 7—9, 11—13, 15, 37—40, 43—45, 48, 52, 54—59, 64, 69, 78—82, 85—90, 94, 96, 98, 100, 102, 103, 106—108, 110—116, 118, 119, 121—125, 129—132, 136, 137, 142, 145—148, 150, 151, 153, 155—162, 164, 165, 172, 173, 175, 177, 179, 184, 190—196, 198, 207, 209, 225, 226, 229, 230, 234, 236—248, 250, 253, 254, 262, 263, 265—272, 275, 277, 279—281, 283—285, 287, 289, 291—294, 298, 299, 301—308, 310—322, 324, 326—338, 340, 342—344, 349, 350, 355—360, 362, 364, 366, 371, 375—378, 381—386, 388—390, 393, 394, 396, 401—409, 411, 415, 419, 421, 424, 425, 427—430, 433, 436, 440, 442—446, 449, 451—453, 455, 458, 460, 461, 463, 464, 467, 468, 470—472, 474—478, 480, 482—487, 490—495, 497—502, 507—510, 512—514, 516—519, 527, 534—537, 539—548, 550, 552, 553, 555, 557—559
Умань 284, 285
Уманщина 302
Унев 216, 491, 523
Уральский хребет 145
Устилуг 317

Фастов 284, 353, 354, 387, 427
Феодоро 75—77
Феодосия (Кафа) 73—76, 78, 125—128, 191, 260, 262, 369, 375, 540
Финский залив 227, 228
Фландрия 73, 123, 128, 130
Флоренция 227
Фокшаны 370
Франкфурт 193
Франкония 194
Франция 73, 236, 423, 483

Хабор, с. 389
Хаджибей 99
Херсон 71, 72, 117
Хмелевка 380
Хмелов 67
Хмельник 54, 263, 292, 470, 509
Хмельницкая обл. 218
Ходорков 387
Холм 27, 28, 60, 98, 100, 105, 106, 187, 201, 212, 327, 447, 469
Холмская земля (Холмщина) 23, 36, 60, 63, 80, 92, 157, 159, 167, 278, 444
Холмщина см. Холмская земля
Хорлупа, с. 345
Хорол, р. 441
Хорол, с. 436

Хотин 100, 128, 168, 211, 214, 243, 311, 319, 412—416, 423, 425, 427
Хотинец, с. 389
Хотинская волость 67
Хуст 170

Царев-Борисов 240, 264
Царьград см. Константинополь
Центральная Европа 73, 91, 108, 123, 129—131, 321, 443, 493, 539, 599
Центральная Польша 410
Цецора, с. 409
Цецунь 67
Цминь, с. 381
Цыбульник, р. 250, 426

Чарторыйск 210, 216, 307
Черкасский повет 55
Черкасский полк 427
Черкасское староство 178, 181, 251, 269, 367, 429, 440
Черкассы 99, 120, 122, 126, 153, 172—174, 177, 178, 180—182, 184, 262, 263, 284, 289, 297, 299, 304, 312, 344, 356, 357, 368, 369, 373, 383, 384, 405, 406, 426, 428, 434
Черная, с. 490
Черная Русь 28, 29, 159
Чернеч-Городок, с. 268, 349
Чернеев 211
Чернелица 519
Черницкое, с. 280
Чернигов 18—20, 38, 93, 97, 107, 116, 124, 146, 156, 208, 216, 218, 239, 288, 291, 294, 297, 299, 304, 332, 393, 394, 397, 398, 490, 493, 508, 515, 522
Чернигово-Северское княжество 326, 328
Чернигово-Северщина 6, 43, 51, 52, 55, 59, 84, 113, 132, 135, 145, 146, 149, 160, 162, 164, 219, 220, 228, 244, 262, 271, 272, 279, 283, 284, 302, 328, 341, 344, 383, 387, 407, 522
Чернигово-Стародубское княжество 146
Черниговская земля (Черниговщина) 16, 18—20, 37—39, 81, 84, 88, 89, 112, 124, 186, 378, 394, 530
Черниговский повет 55
Черниговское княжество 20
Черниговщина см. Черниговская земля
Чернобыль 99, 307
Чернобыльский повет 55
Черновицкая обл. 66, 67, 217, 315
Чернов 43
Черногора 348
Черногория 194
Черновцы 67, 128, 319
Черное море 11, 69, 71—74, 78, 115, 116, 128, 256, 326, 367, 374—376, 412, 417, 410, 540
Черный город 99
Черный тракт 540
Черняхов 445
Четвертня, с. 307, 419
Чертков 297
Чесники, с. 217
Чехия 25, 30, 33, 128, 210, 318, 409, 482, 539
Чехословакия 388
Чигирин 179, 249, 252, 289, 344, 378, 432, 433
Чигирин-Дубрава 436
Чигиринское староство 251, 431
Чугуев 517
Чуднов 90, 96, 268, 292, 356
Чути, урочище 249

Шаравцев 360
Шаргород 284, 305, 469
Шаришский комитат 163
Шацк 393
Швеция 13, 127, 130, 134, 143, 147, 148, 228, 235, 237, 238, 263, 390, 430
Шебалинский шлях 540
Шелонь, р. 144
Шипинская земля 66, 67
Шипинцы, с. 66
Шумбар 381

Юг 73, 126, 127
Юго-Восточная Европа 69
Юго-Западная Русь 6, 15, 16, 18, 26, 27, 31, 34, 35, 50, 80, 83, 86, 91, 97, 105, 116, 117, 124, 126, 127, 132, 134, 135, 151, 186, 192, 200, 209, 323, 325, 327—330, 557
Юго-Западный Крым 75
Югорская земля 145
Южная Европа 123, 320, 321
Южная Киевщина 99, 339
Южная Подолия 18
Южная Польша 444
Южная Русь 16
Южная Украина 164
Южная Черногория 373
Южное Поднепровье 251, 362
Южный Буг 174, 263, 425, 540
Юрьев-Польский 155
Юрьевская обл. 227

Яблунев 291, 528
Яворов 296, 491, 492, 517
Яготин 269, 289
Язловец 294, 319, 348, 519
Яик, р. 174, 442
Ялтушков 99
Ям-Запольский 237, 390
Янов 350, 378, 380
Янушполь 165, 292
Японское море 77
Ярослав 23, 121, 129, 276, 286, 288, 293, 319, 321, 469, 491, 509
Яруга 406
Ясеничи, с. 304
Ясень, с. 379
Яссы 128, 129, 359, 362, 371—373, 409, 413, 473
Ятвяжская земля 28
Яцимир 348

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Печать галицко-волынского князя Юрия Львовича 32
Татары гонят пленных, захваченных в Юго-Западной Руси. Миниатюра из венгерской хроники. 1488 г. 35
Герб г. Львова XIV в. 36
Грюнвальдская битва. Гравюра из сочинения Яна Длугоша. XV в. 47
Олеский замок. Современный вид 62
Хотинский замок и посад. Вторая половина XIII — первая половина XIV в. Реконструкция Ю. Г. Логвина 66
Генуэзская крепость. Судак. Современный вид 70
Кафа. Гравюра XVII в. 75
Пастух. Миниатюра из Киевской псалтыри 1397 г. 84
Белгородская крепость в устье Днестра. Современный вид 98
Колокол работы мастера Якова Скоры. Львов 1341 г. 106
Печать кузнечного цеха г. Львова. 1425 г. 109
Грамота валашского воеводы и трансильванского господаря Влада II о предоставлении купцам русских, польских и волошских земель привилея на свободную торговлю в его землях. 1439 г. 125
Охранная грамота молдавского господаря и воеводы Стефана V купцам Львова на право свободного въезда и торговли в Молдавии. 1522 г. . 128
Куликовская битва 8 сентября 1380 г. Миниатюра из летописного лицевого свода. XVI в. 140
Государственная печать Ивана III 144
Русский доспех бахтерец. Середина XVI в. 152
Кольчуга, изготовленная на Украине. XV в. 157
Грамота о сборе податей в Перемышльской земле. Конец XIV в. 164
Замок в с. Невицком Закарпатской области. Современный вид 171
Чигирин. Рисунок XVII в. 179
Казацкая «чайка». Макет 182
Пушки с казацкой «чайки». XVI в. 183
Миниатюра из Киевской псалтыри. 1397 г. 188
Пергаментная грамота с печатями феодалов. Вторая половина XV в. . . . 189
Франциск Скорина. Гравюра из «Библии» Ф. Скорины 194
Скоморохи с медведем. Старинная гравюра 205
Русалии. Миниатюра из Радзивилловской летописи. XV в. 206
Церковь в с. Горяны Закарпатской области. XIII—XIV вв. 211
Васильевская церковь во Владимире-Волынском. Конец XIII—начало XIV в. 212
«Волынская богоматерь». Икона конца XIII — начала XV в. 214
Хотинский замок. Современный вид 215
Острожский замок. Современный вид 217
Замок в Меджибоже Хмельницкой области. Современный вид 218
Церковь-крепость в с. Сутковцы Хмельницкой области. 1476 г. 219
«Распятие». Деталь фрески в с. Горяны Закарпатской области 220
Фрагменты иконы из Воздвиженской церкви в Дрогобыче. XVI в. 221
Батальная сцена. Миниатюра из Киевской псалтыри. 1397 г. 222
Изразец из Киева. XV в. 223
Напрестольный крест. Деталь. Середина XVI в. 224
Св. Дмитрий. Каменная иконка. XIII—XIV вв. 225
Василий Великий. Золочевская фелонь. Конец XIII — начало XIV в. . . . 225
Герб запорожского реестрового войска. Гравюра из книги К. Саковича «Вѣршѣ на жалосный погреб...» 1622 г. 248
Печать на гетманском универсале 1595 г. Реконструкция 249

Казацкая старшина. Рисунок на полях карты Украины Г. Боплана, XVII в. 250
Казак и казачка. Рисунок на полях карты Украины Г. Боплана. XVII в. . 252
Третий Литовский статут. Титульная страница. 1588 г. 282
Львов. Гравюра Ф. Гогенберга по рисунку А. Пассаротти. 1618 г. 286
Замковая гора со стороны Подола (Киев). Фрагмент рисунка А. ван Вестерфельда. 1651 г. 287
Знаки львовских цехов. XVI — начало XVII в. 288
Колокол из г. Ровно. XVI в. 289
Печать с изображением купца. Стрый. XVII в. 290
Печать цеха купцов г. Львова. XVI в. 291
Ключи XIV—XVI вв. 296
Замок дверной с ключами. XVI в. 297
Изразец XVI в. 298
Стулья деревянные. XVI в. 299
Сосуд из с. Потелич Львовской области. XVII в. 300
Жбан из г. Львова. XVII в. 301
Сосуд из г. Переяслава. XVI в. 304
Деньги, находившиеся в обращении на Украине. XIII—XVII вв. 309
Клад серебряных монет, найденный у с. Вербовцы Заставновского района Черновицкой области. XVI—XVII вв. 315
Карта Украины Г. Боплана. XVII в. 326
Взятие Кафы запорожцами. Гравюра. 1622 г. 375
Портрет гетмана П. Конашевича-Сагайдачного. Гравюра. 1622 г. 406
Печать Коша Войска Запорожского. XVII в. 429
Печать Львовского братства с изображением колокольни Успенской церкви. XVII в. 447
Страница устава школы Львовского братства. 1586 г. 448
Текст речи представителей Львовского братства об ущемлении прав украинского населения г. Львова 450
М. Смотрицкий. Старинный рисунок 462
З. Копыстенский. Старинный рисунок 463
Герб Захарии Копыстенского из киевского издания «Триоди постной». 1627 г. 464
Титульная страница острожской «Библии», напечатанной И. Федоровым. 1581 г. 465
Титульная страница «Лексикона славенороссского» Памвы Берынды. 1627 г. 467
Здание типографии Киево-Печерской лавры. Гравюра. 1638 г. 468
Е. Плетенецкий. Старинный рисунок 471
«Великий требник» П. Могилы. 1648 г. 472
Последняя страница «Букваря», напечатанного И. Федоровым во Львове. 1574 г. 478
«Грамматіка словенска» Лаврентия Зизания. Львов. 1596 г. 479
Страница из антиуниатского сочинения «Пересторога». 1605—1606 гг. . . . 481
Старинный печатный станок. Реконструкция 485
Надгробная плита на могиле И. Федорова. 1583 г. Реконструкция 486
Титульная страница Львовского «Аделфотиса». 1591 г. 487
План г. Киева. Из книги А. Кальнофойского «Тератургима». 1638 г. 489
Фрагмент письма Спиридона Соболя царю Михаилу Федоровичу 490
Заставка из «Минеи общей» Спиридона Соболя. Киев. 1628 г. 491
Гравюра на дереве к «Апостолу» М. Слезки. Львов. Гравер «В.Ф.З.» 1639 г. 492
Издательская марка Ив. Кунатовича из Львовского октоиха. 1639 г. 493
Первая страница «Евангелия учительного». Киев. 1637 г. 494
Пандекты Антиоха. Рукописная книга. 1307 г. . . . . 496—497
Каменец-Подольская крепость. Современный вид . . . . . 496—497
Хата из с. Самары Ратновского района Волынской области. XVI в. . . . . 496—497
Титульная страница «Апокрисиса» Христофора Филалета. 1598 г. 505
Титульная страница из книги «Омілія албо казанье...» З. Копыстенского . . 506
Казак Мамай. Картина XVIII в. . . . . 512—513
Потир. Образец украинского ювелирного искусства первой половины XVII в. 512—513
Фелонь. Образец шитья. 1620 г. . . . . 512—513
Дом Артемихи на Подоле. Киев. XVII в. 518
Фасад дома Корнякта. Львов. 1580 г. Архитектор Петр Барбон 520
Внутренний дворик дома Корнякта 521
Пятницкая церковь. Львов. XIV—XVII вв. 522
Успенская церковь. Львов. 1590—1631 гг. Современный вид 523

Казацкая церковь. Переяславщина. XVII в. 524
Церковь св. Николая. Бучач Тернопольской области. 1609 г. 525
Церковь в с. Зализница Ровенской области. XVI в. 525
Деревянная скульптура. Путивль Сумской области. XVII в. 526
Деревянная скульптура. Подгайцы Тернопольской области. XVII в. . . . 526
«Рождение солнца». Роспись в церкви Воздвижения в Дрогобыче. 1613 г. . 527
Юрий Змееборец. Народная гравюра на дереве. Первая половина XVII в. . 527
Портрет Варвары Лангиш. Масло. Художник Н. П. Петрахнович. 1635 г. . 528
Портрет неизвестной львовской мещанки. XVII в. 528
Портрет игумена Красовского. Фреска Кирилловской церкви в Киеве. 1614 г. 529
Страница рукописной книги, переписанной в г. Стрые Василием Богоносиком 1611 г. 530
Гравюра из «Евангелия». Львов. 1636 г. 530
Напрестольный крест. Мастер Касьянович. 1638 г. 531
Пояса казацкой старшины. Работа украинских мастеров. XVII в. 532
Всадники. Рельефные изразцы. XVI в. 532
Расписная тарелка из г. Переяслава. XVII в. 533
Сцены строительства и молотьбы на гравюре «Притча о богаче и смерти» из «Евангелия учительного». 1637 г. 536
Пахота. Бытовые сцены. Гравюра из «Евангелия учительного». 1637 г. . . 537
Сельскохозяйственные орудия 538
Орудия молотьби и сельскохозяйственный инвентарь 539
Пуговицы. XVI в. 545

СПИСОК КАРТ И КАРТОСХЕМ

Украинские земли в конце XIV—XV в. . . . . 16—17
Украинские земли в XVI — первой половине XVII в. . . . . 16—17
Галицко-Волынское княжество в XIII в. 21
Битва при Грюнвальде 15.VII 1410 г. 49
Куликовская битва 8.IX 1380 г. 139
Крестьянско-казацкое восстание 1591—1593 гг. под руководством К. Косинского 354
Крестьянско-казацкое восстание 1594—1596 гг. под руководством С. Наливайко 361
Крестьянско-казацкие восстания 1625, 1630—1632 гг. 424
Крестьянско-казацкое восстание 1637—1638 гг. 431

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

ГЛАВА I. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЮЖНОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в. 15

1. Юго-Западная Русь во второй половине XIII — первой половине XIV в. . . . 15

Киевщина, Переяславщина и Черниговщина (16). Возвышение Галичины и Волыни (20). Галицкая и Волынская земли в последней трети XIII в. (29). Галицко-Волынское княжество в начале XIV в. (31). Присоединение Волыни к Великому княжеству Литовскому. Захват феодальной Польшей Галичины (34). Захват литовскими феодалами Киевщины, Черниговщины и Подолии (37).

2. Украинские земли под властью Великого княжества Литовского (вторая половина XIV — первая половина XVI в.) 39

Украинские земли в составе Великого княжества Литовского во второй половине XIV в. Кревская уния (39). Ликвидация удельных княжеств на украинских землях (42). Борьба народов Великого княжества Литовского против золотоордынских феодалов в конце XIV в. (45). Городельский привилей. Уравнение православных русских феодалов в правах с католиками (46). Восстановление украинских удельных княжеств и окончательная их ликвидация (51). Административное устройство. Изменения в структуре феодального общества (55).

3. Галичина, Буковина и Закарпатье под властью иноземных государств 59

Галичина (59). Буковина (65). Закарпатье (67).

4. Крым и Северное Причерноморье 69

Славяне в Крыму (69). Вторжение восточных завоевателей в Крым (72). Итальянские торговые фактории в Крыму (73). Княжество Феодоро (75). Образование Крымского ханства (77). Начало вторжений крымских феодалов в украинские земли (79).

ГЛАВА II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УКРАИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в. 82

1. Сельское хозяйство. Усиление феодальной эксплуатации крестьянства . . . 82

Развитие феодальных отношений (82). Земледельческая техника и сельскохозяйственные культуры. Животноводство (84). Положение крестьянской общины (85). Рост феодального землевладения (86). Феодальные повинности крестьян (88). Возникновение фольварочного хозяйства. Введение барщины (90). Формы феодальной зависимости крестьян (92). Иноземное проникновение на западноукраинские земли. Поселения на немецком и волошском праве (94). Закрепощение крестьянства (95).

2. Города. Социальный состав населения 97

Восстановление разрушенных «Батыевым погромом» городов. Возникновение новых городских центров (97). Магдебургское право (101). Социальные группы и национальный состав городского населения (103).

3. Ремесла и промыслы 105

Ремесла (105). Промыслы (111).

4. Внутренняя и внешняя торговля 116

Условия ведения торговли и ее организация (116). Внутренняя торговля (119). Развитие внешней торговли со второй половины XIV в. (123). Украинско-русская торговля (124). Торговля со странами Юга и Востока (126). Экономические связи Украины со странами Центральной, Северной и Западной Европы (129).

ГЛАВА III. АНТИФЕОДАЛЬНАЯ И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НА УКРАИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в. 132

1. Образование Русского централизованного государства и его историческое значение. Борьба с Золотой Ордой. Воссоединение Чернигово-Северской земли с Россией 132

Предпосылки образования Русского централизованного государства (132). Начало образования Русского централизованного государства (135). Куликовская битва и ее историческое значение (138). Окончательное освобождение Руси от золотоордынского ига (142). Завершение объединения русских земель в едином централизованном государстве (144). Воссоединение с Россией Чернигово-Северской земли (145). Рост международного авторитета России в первой четверти XVI в. (147). Историческое значение образования Русского централизованного государства (148).

2. Борьба украинского народа против господства литовских и польских феодалов 151

Освободительное движение на украинских землях в конце XIV в. (151). Восстания против власти литовских и польских феодалов в первой четверти XV в. (153). Освободительное движение в 30-е годы XV в. (156). «Заговор князей» 1480—1481 гг. (160).

3. Антифеодальные выступления народных масс 163

Жалобы крестьян и отказ от выполнения феодальных повинностей (163). Крестьянские побеги (164). Вооруженные выступления крестьян (166). Крестьянское восстание под руководством Мухи (168). Крестьянская война 1514 г. в Венгрии и участие в ней населения Закарпатья (169). Борьба городского населения (172).

4. Возникновение казачества. Образование Запорожской Сечи 173

Зарождение казачества (173). Казачество в Среднем Поднепровье (176). Казацкая колонизация Запорожья (178). Основание Запорожской Сечи (180).

ГЛАВА IV. КУЛЬТУРА НА УКРАИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в. 186

1. Просвещение. Распространение рукописной и печатной книги 186

Состояние просвещения во второй половине XIII—XIV в. Книгописание (186). Просвещение в XV — первой половине XVI в. (190). Распространение первых печатных книг (192).

2. Фольклор и литература 195

Народная словесность (195). Летописание (200). Церковно-литературные произведения (202).

3. Музыка. Театр 204

Музыка (204). Истоки театра (208).

4. Архитектура и живопись 209

Архитектура второй половины XIII — первой половины XIV в. (209). Изобразительное искусство (вторая половина XIII — первая половина XIV в.) (212). Архитектура конца XIV — первой половины XVI в. (214). Изобразительное искусство (конец XIV—первая половина XVI в.) (220).

ГЛАВА V. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ ПОД ВЛАСТЬЮ ИНОЗЕМНЫХ ЗАХВАТЧИКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в. 226

1. Усиление экспансии польских феодалов. Люблинская уния 1569 г. 226

Борьба России за выход к Балтийскому морю. Усиление экспансии польских феодалов на восточнославянские земли (226). Подготовка Люблинского сейма (229). Начало работы Люблинского польско-литовского сейма. Разногласия между литовскими и польскими феодалами (230). Захват польскими феодалами Волыни, Подляшья, Брацлавщины и Киевщины (231). Принятие Люблинской унии (233). Политические последствия Люблинской унии. Продолжение Ливонской войны (235).

2. Русско-украинские связи 237

Русско-украинские связи во второй половине XVI в. (237). Основные направления и тенденции русско-украинских связей в первой половине XVII в. (242).

3. Реестровое казацкое войско и его социальный состав 247

Учреждение реестра (247). Социальный состав реестра (249). Участие казачества в народных выступлениях (254).

4. Крымское ханство. Усиление агрессии турецко-татарских феодалов на восточнославянские земли 255

Развитие феодальных отношений в Крыму (255). Внешняя политика (257). Начало перехода к оседлости. Экономика (259). Положение трудящихся масс. Рабы (261). Усиление агрессии турецко-татарских феодалов на украинские и русские земли (262).

ГЛАВА VI. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УКРАИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в. 267

1. Сельское хозяйство. Усиление феодально-крепостнического гнета 267

Рост феодального землевладения (267). Сельское хозяйство (270). «Устава на волоки» 1557 г. (272). Фольварочное хозяйство (275). Рост малоземелья крестьян и усиление их эксплуатации (277). Усиление закрепощения крестьян (280).

2. Города. Положение городского населения 284
Рост городов (284). Категории городов. Юридики (285). Ремесло и торговля (285). Социальный и национальный состав городского населения (288). Усиление феодального гнета в городах (291). Национально-религиозное угнетение населения украинских городов (293).

3. Ремесло и промыслы 295
Городские ремесла и промыслы (295). Сельские ремесла и промыслы (300).

4. Внутренняя и внешняя торговля 305
Организация торговли (305). Внутренняя торговля (310). Внешняя торговля (316).

5. Формирование украинской народности 322
Этапы формирования украинской народности (322). Территория (325). Язык (329). Общность экономической жизни (332). Общность психического склада, культуры и быта (334).

ГЛАВА VII. УСИЛЕНИЕ АНТИФЕОДАЛЬНОЙ И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ НА УКРАИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в. 340

1. Обострение классовых противоречий. Антифеодальная борьба народных масс (вторая половина XVI в.) 341
Побеги и переселения крестьян. Усиление народной колонизации свободных земель (341). Отказ от выполнения феодальных повинностей. Выступления крестьян против феодалов (344). Борьба опришков (347). Крестьянские восстания (349). Классовая борьба в городах (350).

2. Крестьянско-казацкие восстания конца XVI в. 353
Восстание под предводительством Криштофа Косинского. Первый период (353). Битва под Пяткой. Второй период восстания (356). Положение на Украине накануне восстания 1594—1596 гг. (358). Восстание под руководством Северина Наливайко (360). Марш Наливайко из Белоруссии в Восточную Украину (362). Повстанческий лагерь на Солонице (364).

3. Борьба против агрессии Турции и Крымского ханства во второй половине XVI— начале XVII в. 366
Начало борьбы против агрессии (366). Походы 50—60-х годов. Дмитрий Вишневецкий (367). Походы казаков в Молдавию в 70-х годах. Иван Подкова (370). Борьба с турецко-татарской агрессией в конце XVI — начале XVII в. (373).

4. Локальные антифеодальные выступления народных масс в первой половине XVII в. 377
Подача жалоб (377). Отказ от выполнения феодальных повинностей. Захват земель и имущества магнатов и шляхты (379). Побеги (381). Локальные вооруженные выступления (384). Восстания (386).

5. Народное движение на Украине в годы первой крестьянской войны в России и польской интервенции 390
Начало крестьянской войны (390). Народное движение в начале польской интервенции (395). Участие населения Украины в восстании Болотникова (401). Народное движение на Украине (403).

6. Усиление борьбы против агрессии Турции и Крымского ханства в 20—40-е годы XVII в. Хотинская война 1621 г. 407
Выступление народных масс накануне Хотинской войны (407). Последствия поражения польского войска под Цецорой (409). Хотинская война (411). Борьба с экспансией Турции и Крымского ханства после Хотинской войны (416).

7. Крестьянско-казацкие восстания 20—30-х годов XVII в. 423
Восстание 1625 г. (423). Восстание 1630—1631 гг. (427). Начало восстания 1637—1638 гг. (430). Бой под Кумейками (434). Второй этап восстания (436). Героическая оборона повстанцев у Старца (438). Усиление польско-шляхетского гнета (439). Значение народных восстаний (441).

8. Общественно-политическое движение 443
Реформационные течения (443). Деятельность братств (446). Возобновление высшей православной иерархии (452). Общественно-политическое движение во второй четверти XVII в. (454).

ГЛАВА VIII. КУЛЬТУРА НА УКРАИНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в. 460

1. Просвещение. Распространение научных знаний 461
Новые явления в школьном образовании. Деятельность Острожской школы (461). Братские школы (464). Иезуитские школы (469). Протестантские школы (470). Образование и деятельность Киевского коллегиума (471). Педагогические взгляды (474). Школьные учебники и учебные пособия (476). Научные знания (479).

2. Возникновение книгопечатания. Иван Федоров и его последователи на Украине 484
Начало книгопечатания на Украине (484). Дальнейшее развитие книгопечатания (487).

3. Фольклор, литература 495
Устное народное творчество (495). Становление новой литературы (501). Полемическая литература (502). Ораторская проза и паломническая литература (507). Летописание и мемуарная проза (508). Переводы светских повестей (509). Поэзия (510).

4. Музыка. Театр 511
Музыкальное искусство (511). Театр (514).

5. Архитектура. Изобразительное искусство 517
Градостроительство и архитектура (517). Скульптура (522). Живопись и графика (524).

6. Быт и обычаи украинского народа (вторая половина XIII — первая половина XVII в.) 533
Жилища и хозяйственные строения (533). Земледельческие и ремесленные орудия труда (536). Транспорт и пути сообщения (538). Одежда и обувь (540). Пища (546). Обряды, обычаи (548). Народный календарь (551). Праздники, развлечения, верования (553).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 557

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ 560

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 568

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ 575

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ 585

СПИСОК КАРТ И КАРТОСХЕМ 587

ИСТОРИЯ УКРАИНСКОЙ ССР

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ

Развитие феодализма.
Нарастание антифеодальной
и освободительной борьбы
(Вторая половина XIII —
первая половина XVII в.)

Печатается по постановлению Президиума
Академии наук Украинской ССР

Редакторы Э. А. Лейбзон,
С. И. Атаманенко
Литературный редактор Л. В. Туник
Оформление художника В. М. Флакса
Художественный редактор С. П. Квитка
Технические редакторы М. А. Притыкина,
И. А. Ратнер
Корректоры О. Е. Исарова, Е. А. Михалец,
П. С. Бородянская, Л. А. Пекуровская

Информ. бланк № 4373

Сдано в набор 06.04.81
Подп. в печ. 02.07.82
БФ 00691. Формат 70×100/16. Бум. тип. № 1.
Обыкн.нов. гарн. Выс. печ.
Усл. печ. л. 48,59. Усл. кр.-отт. 65,0.
Уч.-изд. л. 48,2. Тираж 58 000 экз.
Заказ 1-119. Цена 3 руб. 50 коп.

Издательство «Наукова думка»,
252601 Киев, ГСП, Репина, 3.

Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,
310057 Харьков-57, Донец-Захаржевская, 6/8.

ИСТОРИЯ
УССР

2